
E 67/66
1869

СБОРНИКЪ

ДОКУМЕНТОВЪ и СТАТЕЙ

ПО ВОПРОСУ

ОБЪ ОБРАЗОВАНИИ ИНОРОДЦЕВЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»,
по Мойкѣ, у Круглаго рынка, д. № 5.

1869.

СБОРНИКЪ

ДОКУМЕНТОВЪ И СТАТЕЙ

ПО ВОПРОСУ

ОБЪ ОБРАЗОВАНІИ ИНОРОДЦЕВЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи Товарищества «Общественная Польза»,
по Мойкѣ, у Круглаго рынка, д. № 5.

1869.

Печатано по распоряженію Министерства Народнаго Просвѣщенія.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Протоколы училищныхъ совѣтовъ Казанскаго округа. — Училищные совѣты:

I.

Къ вопросу объ устройствѣ училищъ для инородческихъ дѣтей Казанскаго учебнаго округа *).

Въ одиннадцати губерніяхъ, входящихъ въ составъ Казанскаго учебнаго округа, около одной трети всего населенія приходится на долю инородцевъ финскаго и преимущественно татарскаго племени. Между этими инородцами преобладающимъ элементомъ, и по числу, и по значенію, является татарскій. Татаръ насчитывается здѣсь до 1.200,000 человѣкъ; къ нимъ болѣе или менѣе тянутъ и другіе инородцы; сами же они разрознены съ русскимъ народомъ своимъ языкомъ, своими нравами и обычаями, особенно своею религіей и даже политическими симпатіями.

Такъ, между прочимъ, въ послѣднюю Восточную войну, Татары, даже Казанской губерніи, выказывали много холодности къ дѣлу Россіи, и въ одномъ Мамадышскомъ уѣздѣ изъ числа взятыхъ тамъ рекрутъ бѣжало до 200 человѣкъ Татаръ, при помощи своихъ богатыхъ единоплеменниковъ. Вообще Татары говорили тогда, что сражаться противъ единовѣрныхъ Турокъ запрещаетъ имъ совѣсть; когда же былъ заключенъ миръ и когда Крымскіе Татары стали переселяться въ Турцію, то же желаніе выселиться изъ Россіи изъявили и нѣсколько семействъ Татаръ Казанскихъ. Г. Артемьевъ, составившій списокъ населенныхъ мѣстъ Казанской губерніи, говоритъ въ этомъ офиціальномъ изданіи даже объ увѣренности Казанскихъ Татаръ, что пора уже Казанскому царству возстановить свою самостоятельность **). Хотя бы дѣло и не зашло еще такъ далеко, во всякомъ случаѣ отчужденіе Татаръ отъ Россіи не подлежитъ никакому сомнѣнію и никоимъ образомъ не можетъ быть оставляемо безъ вниманія и безъ противодѣйствія.

---

*) Изъ *Журн. Мин. Народ. Просв. 1867 года, февраль.*

**) Списки населенныхъ мѣстъ Россійской Имперіи, составленные и издаваемые центральнымъ статистическимъ комитетомъ министерства внутреннихъ дѣлъ. XIV—Казанская губернія, стр. LXI.

Главная причина этого отчужденія Татаръ заключается, конечно, въ ихъ религіи, и въ этомъ отношеніи нельзя не сознаться съ прискорбіемъ, что до сихъ поръ христіанство имѣло чрезвычайно мало успѣха въ ихъ средѣ. Такъ, если мы возьмемъ отдѣльно одну Казанскую губернію, то увидимъ, что изъ 456,000 проживающихъ въ ней Татаръ, христіанъ насчитывается менѣе 40,000, то-есть менѣе 10%; но, къ сожалѣнію, прибавляетъ г. Артемьевъ, и изъ этихъ 40,000 Татаръ-христіанъ «одни только по наружности исполняютъ обряды православной вѣры, другіе явно и положительно отступили отъ христіанства, а есть не мало и такихъ, которые, оставаясь офиціально христіанами, наклонны тѣмъ не менѣе къ магометанству».

Магометанство же является здѣсь не столько въ качествѣ религіи терпимой, которой подобаетъ смиреніе, сколько въ качествѣ религіи воинствующей и постоянно стремящейся къ новымъ завоеваніямъ. Еще съ конца прошедшаго столѣтія, оно видимо оживилось и принялось дѣятельно водворять свою грамотность въ странѣ. Оно искало себѣ опоры въ просвѣщеніи и успѣло достигнуть въ этомъ отношеніи замѣчательныхъ результатовъ, до такой степени, что Татаринъ или Татарка, не умѣющіе читать или писать, составляютъ въ Казанской губерніи исключеніе изъ общаго правила, и алькоранъ, хотя и писанный по-арабски, сдѣлался самою читаемою книгой между всѣми Татарами. Эти успѣхи магометанскаго просвѣщенія, которымъ, къ сожалѣнію, нисколько не соотвѣтствовали и не противодѣйствовали успѣхи просвѣщенія христіанскаго, имѣли самыя печальныя послѣдствія: въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія цѣлыя селенія Татаръ-новокрещеновъ, то-есть крещеныхъ послѣ 1740 года, начали отпадать отъ православія, и такое отступничество охватило не только Казанскую губернію, но и сосѣднія съ нею Симбирскую, Самарскую, Уфимскую и Вятскую. Движеніе это продолжалось до самаго послѣдняго времени; оно поддерживалось соблазнительными толками о царскихъ указахъ, дозволяющихъ будто бы такое отступничество. Замѣчательно, что эти толки въ средѣ Татаръ возобновлялись съ каждымъ новымъ царствованіемъ, а именно: въ 1803, 1827, 1856 годахъ, и въ послѣдній разъ появились съ довольно значительною силой еще въ концѣ 1865 года.

Успѣхи магометанства въ восточныхъ предѣлахъ европейской Россіи не ограничиваются одними Татарами, но простираются и на инородцевъ финскаго племени. Замѣчательно, какъ вообще здѣсь сильно вліяніе Татаръ не только въ прежнюю, но и въ теперешнюю пору. Изъ теперешнихъ Татаръ весьма многіе, судя по физическому типу, суть потомки Чувашъ, Черемисъ и Вотяковъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ знатоковъ, самая близость въ настоящее время чувашскаго нарѣчія къ языку татарскому объясняется лишь огромнымъ наплывомъ въ это нарѣчіе, первоначально финское, татарскихъ элементовъ, хотя по мнѣнію

другихъ, какъ напримѣръ, академика Видемана, это нарѣчіе и первоначально принадлежало къ отрасли языковъ тюркскихъ. Какъ бы то ни было, но въ настоящее время всѣ вообще инородцы финскаго племени, живущіе въ сосѣдствѣ съ Татарами, и мужчины, и женщины, хорошо говорятъ по-татарски и болѣе или менѣе подпадаютъ вліянію магометанства. Такъ, даже и крещеные Чуваши отступаютъ отъ православія въ магометанство; многіе изъ Черемисъ, оставаясь въ своемъ грубомъ язычествѣ, нерѣдко называются магометанскими именами.

Ближе всѣхъ къ Татарамъ, по мѣсту жительства, по своему языку и по своей многочисленности, подходятъ Чуваши. Ихъ насчитывается болѣе 500,000 душъ—въ губерніяхъ Казанской, Симбирской, Саратовской, Самарской и Уфимской.

Наибольшее число ихъ, именно 334,000 человѣкъ, принадлежитъ губерніи Казанской, гдѣ они занимаютъ третье мѣсто послѣ Русскихъ и Татаръ и гдѣ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ они составляютъ большинство населенія. Таковы уѣзды Ядринскій (гдѣ Чуваши составляютъ почти 90% всего населенія), Цывильскій (78%), Чебоксарскій (70%) и, наконецъ, Козмодемьянскій (46%). Къ этимъ уѣздамъ, представляющимъ собою одно сплошное пространство, должно присоединить еще сосѣдніе уѣзды Симбирской губерніи—Буинскій и Курмышскій, изъ коихъ въ первомъ Чуваши, превосходя численностію каждый изъ другихъ элементовъ населенія, взятыхъ порознь, составляютъ въ общей массѣ 37%, а во второмъ—22%. Такимъ образомъ эти 6 уѣздовъ представляются главною, если такъ можно выразиться, территоріей чувашъ, которые, сверхъ того, встрѣчаются болѣе или менѣе значительными группами въ уѣздахъ: Тетюшскомъ (около 13% всего населенія) и Чистопольскомъ (14%) Казанской губерніи и, по сосѣдству съ ними, въ Бугурусланскомъ и Бугульминскомъ уѣздахъ Самарской губерніи, не говоря уже о другихъ губерніяхъ, гдѣ они живутъ болѣе разсѣянно.

Какъ эти инородцы, такъ равно и другіе въ этихъ восточныхъ предѣлахъ европейской Россіи подвергаются двумъ противоположнымъ вліяніямъ—русско-христіанскому и татарско-магометанскому. Огромное большинство Чувашъ, правда, давно уже приняли святое крещеніе, и язычниковъ между ними, по крайней мѣрѣ, въ Казанской губерніи, насчитывается не болѣе 3,000 человѣкъ, преимущественно въ Чистопольскомъ уѣздѣ; но, какъ уже сказано, нѣкоторая ихъ часть отступила въ магометанство и вообще всѣ они по языку и обычаямъ стоятъ ближе къ Татарамъ, чѣмъ къ Русскимъ. Тамъ, гдѣ они живутъ сплошною массой, они мало имѣютъ общаго съ русскимъ народомъ и почти нисколько не усвоили себѣ русско-христіанской цивилизаціи. Впрочемъ, и въ ихъ средѣ являлись ревнители русско-христіан-

скаго просвѣщенія, какимъ былъ, напримѣръ, умершій въ 1861 году, членъ-сотрудникъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и членъ-корреспондентъ Казанскаго статистическаго комитета, Спиридонъ Михайловичъ Михайловъ, съ большимъ усердіемъ занимавшійся историческими, этнографическими и статистическими изслѣдованіями въ западныхъ уѣздахъ Казанской губерніи. Нѣтъ сомнѣнія, что Чуваши, при благопріятныхъ условіяхъ, очень легко и охотно усвоили бы себѣ русско-христіанскую цивилизацію и промѣняли бы свой чрезвычайно скудный языкъ, не имѣющій никакой письменности, на языкъ русскій.

Объ этомъ какъ нельзя лучше свидѣтельствуетъ слѣдующая выписка изъ книги Сбоева: «Чуваши въ бытовомъ, историческомъ и религіозномъ отношеніи» (Москва, 1865). Авторъ, отличающійся совершеннымъ безпристрастіемъ и даже большимъ сочувствіемъ къ Чувашамъ, въ своихъ оживленныхъ разсказахъ, замѣчаетъ, между прочимъ, слѣдующее:

«Многіе Чуваши торгуютъ скупаемымъ у соплеменниковъ хлѣбомъ на довольно значительныя суммы.... Эти торговцы составляютъ цвѣтъ, высшую аристократію, сливки чувашскаго племени; они обыкновенно говорятъ не только съ Русскими, но и между собою не иначе какъ по-русски.. Послѣдній предѣлъ, къ которому стремится ихъ честолюбіе, составляетъ родственная связь съ Русскими: отдать дочь за Русскаго или женить сына на Русской,—это верхъ благополучія для Чувашенина-аристократа. Высшее, бонтонное чувашское общество, какъ и всякая аристократія въ мірѣ, находитъ себѣ подражателей въ низшихъ классахъ народа, который.... изъ подражанія своему первообразу и для бо́льшаго удобства въ частыхъ сношеніяхъ съ Русскими, старается изучить русскій языкъ. Дѣйствительно, теперь *весьма немногіе изъ Чувашъ вовсе не знаютъ нашего языка*; многіе изъясняются на немъ такъ свободно, что только привычное къ ихъ говору и разборчивое ухо можетъ признать въ нихъ Чувашъ. Даже *хиръ-арымъ*, женскій полъ, все еще чуждающійся Русскихъ и весьма мало имѣющій съ ними сношеній, не совсѣмъ чуждъ нѣкоторыхъ познаній въ нашемъ языкѣ» (стр. 7 и 8).

Далѣе авторъ разсказываетъ, что онъ разъ спросилъ по-чувашски одну бойкую, черноглазую Чувашенку, жену дряхлаго старика, сколько ей лѣтъ:

«Она видимо обидѣлась—продолжаетъ авторъ (стр. 9)—тѣмъ, что ее Русскій спрашиваетъ по-чувашски, и горделиво отвѣтила: «мнѣ полтина лѣтъ поспѣлъ», то-есть ей около 50-ти лѣтъ. Такъ точно говорили прежде и мужчины. Недостатокъ этотъ происходитъ, по моему мнѣнію, оттого, что они начинали учиться по-русски уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ. Можно и должно надѣяться, что молодое женское поколѣніе избавится отъ этого барбаризма, какъ теперь избавилось отъ него молодое поколѣніе мужское».

Итакъ, вотъ настоящее положеніе дѣлъ въ восточной окраинѣ европейской Россіи: съ одной стороны —Татары-магометане, вліятельные и по своей многочисленности, и по своей зажиточности и смышлености, опирающіеся на замѣчательные успѣхи, сдѣланные въ послѣднее время въ ихъ средѣ магометанскимъ просвѣщеніемъ, и готовые притягивать въ его сферу всѣхъ и каждаго изъ близкихъ къ нимъ инородцевъ, а съ другой стороны—русское христіанское просвѣщеніе, до сихъ поръ еще весьма мало и слабо дѣйствовавшее какъ на самихъ Татаръ, такъ и на другихъ инородцевъ, хотя послѣдніе отнюдь къ нему не враждебны и даже склонны къ полному его усвоенію. Очевидно, что нынѣ настала пора противопоставить татарско-магометанскому вліянію вліяніе христіанско-русскаго просвѣщенія и употребить энергическія усилія, чтобъ извлечь инородцевъ изъ того невѣжества, въ которомъ они коснѣютъ и вслѣдствіе котораго они могутъ становиться жертвами тѣхъ или другихъ пагубныхъ вліяній. Русско-христіанское просвѣщеніе должно быть прочно водворено на всемъ пространствѣ нашей восточной окраины. Въ этомъ отношеніи не можетъ быть ни малѣйшаго разногласія. Если и вообще государству, въ которомъ одинъ народъ своею численностью и своимъ историческимъ значеніемъ рѣшительно преобладаетъ надъ всѣми инородческими элементами, свойственно стремиться къ полному слiянію ихъ съ тѣмъ элементомъ, который составляетъ главнѣйшую его силу, то подобное стремленіе для Россіи въ отношеніи къ инородцамъ ея восточной окраины оказывается обязанностію вдвойнѣ священною: усвоивая этихъ инородцевъ своей первенствующей народности, Русское государство тѣмъ самымъ исполнило бы свое призваніе державы христіанской и европейски-образованной и оказало бы дѣйствительную услугу какъ христіанской церкви, такъ и дѣлу общей цивилизаціи.

Успѣшное выполненіе этой обязанности предполагаетъ дружныя и энергическія усилія со стороны церкви и школы, какъ главнѣйшихъ въ этомъ случаѣ дѣятелей, при содѣйствіи имъ, разумѣется, вообще всѣхъ правительственныхъ властей и самаго земства. Но, спрашивается, какъ должны быть устроены и ведены въ инородческихъ мѣстностяхъ начальныя училища, чтобъ инородческія дѣти и охотно вступали въ нихъ, и выходили изъ нихъ дѣйствительно просвѣщенными христіанами и настоящими Русскими по языку, по гражданскому чувству и по всему своему образованію? Христіанское просвѣщеніе и полное обрусеніе инородческихъ дѣтей должно быть цѣлью этихъ училищъ — въ этомъ всѣ согласны; но при какомъ именно устройствѣ училищъ указанная цѣль можетъ быть наилучше достигнута, на этотъ счетъ можетъ быть и дѣйствительно есть разногласіе, которое успѣло, хотя и въ самомъ скромномъ видѣ, заявить себя въ печати.

Лѣтъ 25 тому назадъ во многихъ селеніяхъ удѣльнаго вѣдомства, обита-

емыхъ Чувашами, были основаны училища съ цѣлью преимущественно религіозно-нравственнаго образованія этихъ инородцевъ. Нормальный курсъ этихъ училищъ былъ назначенъ четырехлѣтній; ученіе въ нихъ было признано въ нѣкоторой степени обязательнымъ, и теперь еще ежегодно производится наборъ въ нихъ учениковъ, чѣмъ не мало тяготятся инородцы, не почувствовавшіе еще влеченія къ ученію. Преподавателями въ этихъ училищахъ первоначально были одни лишь приходскіе священники, которые за эти труды получали по 80 р. въ годъ вознагражденія. Такъ какъ многія изъ этихъ училищъ были малоуспѣшны, то удѣльное начальство стало опредѣлять въ нихъ свѣтскихъ учителей, назначая имъ, какъ лицамъ, не имѣющимъ другихъ средствъ къ жизни, по 120 р. въ годъ жалованья, сверхъ квартиры, отопленія и освѣщенія, которыя они получаютъ отъ мѣстныхъ обществъ. Въ училищахъ, въ которыхъ были опредѣлены свѣтскіе учителя, за приходскими священниками оставлено только преподаваніе Закона Божія, съ вознагражденіемъ по 60 р. въ годъ, но при этомъ они имѣютъ только по три урока въ недѣлю, тогда какъ свѣтскіе учителя даютъ ихъ по 14. Такимъ образомъ священники-законоучители, по соразмѣрности трудовъ, получаютъ значительно большее жалованье и ни коимъ образомъ не могутъ жаловаться, чтобы въ этомъ отношеніи имъ не была оказана не только справедливость, но даже предпочтеніе. Неудовольствіе, которое, къ прискорбію, замѣчается въ ихъ средѣ и которое счелъ за должное заявить мѣстному земскому собранію предсѣдатель Буинскаго училищнаго совѣта, благочинный священникъ А. Баратынскій, скорѣе, какъ кажется, вызвано вообще привлеченіемъ свѣтскихъ учителей въ инородческія школы и особенно предоставленіемъ имъ болѣе обширнаго круга дѣятельности сравнительно съ приходскими священниками. Но и въ этомъ отношеніи слѣдуетъ замѣтить, что самъ священникъ Баратынскій признаетъ необходимость свѣтскихъ учителей въ этихъ школахъ, такъ какъ приходскіе священники слишкомъ часто отвлекаются отъ своихъ училищныхъ занятій другими обязанностями своего сана; но онъ желалъ бы, чтобъ эти свѣтскіе учителя были не болѣе какъ помощниками приходскихъ священниковъ. Это стремленіе къ первенству можетъ быть объяснено, съ одной стороны, сознаніемъ, что духовенство наиболѣе призвано содѣйствовать христіанскому просвѣщенію инородцевъ, и въ церкви, и въ школѣ, а съ другой—тѣмъ, что еще не такъ давно приходскіе священники одни были и учителями, и законоучителями въ инородческихъ училищахъ. Впрочемъ, нѣтъ сомнѣнія, что ни училищное начальство, ни училищные совѣты не замедлили бы признать первенство за духовными лицами, какъ только они на самомъ дѣлѣ обнаружили бы большее рвеніе къ образованію инородческихъ дѣтей въ духѣ православія и русской народности, основаніемъ ли для нихъ новыхъ школъ въ мѣстностяхъ, въ которыхъ онѣ еще не заведены, или же уси-

леніемъ своего труда и улучшеніемъ самихъ методъ преподаванія въ училищахъ уже учрежденныхъ. Во всякомъ случаѣ, отъ самого духовенства, отъ его усердія къ просвѣщенію инородцевъ, зависитъ сохранить или возвратить себѣ первенствующее значеніе въ этомъ дѣлѣ; но было бы въ высшей степени прискорбно, еслибъ этотъ второстепенный вопросъ отодвинулъ на задній планъ дѣло такой великой важности, какъ христіанское просвѣщеніе и обрусеніе инородцевъ нашей восточной окраины. Дѣло это не терпитъ никакого дальнѣйшаго отлагательства, и за совершеніе его слѣдуетъ приняться дружно, со всею энергіею, со всѣмъ воодушевленіемъ, какого требуютъ вообще миссіонерскіе подвиги, устраняя всякіе поводы ко взаимнымъ пререканіямъ и предавая забвенію всякаго рода личныя и сословныя стремленія. И свѣтскіе, и духовные дѣятели должны прежде всего имѣть въ виду, что они являются въ этомъ случаѣ вдвойнѣ и втройнѣ миссіонерами — миссіонерами христіанства, миссіонерами европейской цивилизаціи и миссіонерами русской народности, и что жатва велика, а дѣлателей весьма мало. Въ такомъ ли дѣлѣ заводить споры о первенствѣ, и не слѣдуетъ ли, въ каждомъ данномъ случаѣ, самимъ заинтересованнымъ лицамъ добровольно и охотно признавать первенство за тѣми, кто обнаруживаетъ наиболѣе усердія, умѣнія и способности къ просвѣщенію инородческихъ дѣтей въ духѣ православія и русской народности, къ какому бы сословію и званію эти дѣятели ни принадлежали?

До сихъ поръ, по признанію и духовныхъ, и свѣтскихъ дѣятелей, училища, устроенныя для инородческихъ дѣтей, шли большею частью весьма неудовлетворительно. Такъ, изъ проекта, внесеннаго въ земское собраніе Буинскаго уѣзда священникомъ Баратынскимъ, мы узнаемъ, напримѣръ, что преподаваніе Закона Божія въ нѣкоторыхъ инородческихъ училищахъ этого уѣзда ограничивается только заучиваніемъ наизусть повседневныхъ молитвъ, безъ объясненія даже словеснаго ихъ смысла, и безсознательными разказами о двунадесятыхъ праздникахъ, и что вообще оно ведется «голословно» — на русскомъ языкѣ, но не соединяясь съ дѣйствительнымъ изученіемъ инородческими мальчиками русскаго языка. Печальнѣе и вмѣстѣ несообразнѣе такого обученія инородческихъ дѣтей ничего нельзя себѣ представить. Засаживать инородческихъ дѣтей прямо, по поступленіи ихъ въ школу, за русскій букварь, когда они не знаютъ ни слова по-русски, и заставлять ихъ наизусть заучивать русскія молитвы, не поясняя даже значенія употребленныхъ въ нихъ словъ и не прибѣгая во всемъ преподаваніи къ помощи ихъ родныхъ нарѣчій,—это значитъ не сообразоваться не только съ какими-либо правилами педагогіи, но и вообще съ здравымъ человѣческимъ смысломъ. Какъ ни странно покажется, однакоже такого рода обученіе инородцевъ было, повидимому, въ большомъ ходу. Слѣдствія его были, разумѣется, самыя печальныя: даже тѣ изъ инородцевъ, которые наиболѣе

успѣвали при такой системѣ обученія, оказывались впослѣдствіи какими-то полуидіотами, такъ что еще недавно пришлось уволить изъ Вятской духовной семинаріи всѣхъ воспитанниковъ изъ Черемисъ, за совершенною ихъ неспособностью, бывшею слѣдствіемъ такого неразумнаго первоначальнаго ихъ обученія; вообще же инородцы должны были почувствовать сильнѣйшее отвращеніе къ такого рода школамъ, находя ученіе въ нихъ чрезмѣрно для себя труднымъ, и вслѣдствіе того русская грамотность и даже само христіанство весьма плохо къ нимъ прививались. Такъ, между прочимъ, въ Буинскомъ же уѣздѣ, Татары, учившіеся въ подобныхъ школахъ, какъ увѣряютъ, всѣ отступили въ магометанство.

Безъ сомнѣнія, не всѣ инородческія училища удѣльнаго вѣдомства были ведены такъ худо; но вообще мало удовлетворительные результаты ихъ дѣятельности должны были вызвать реакцію. Во главѣ этой реакціи стали дѣятели, которые съ воодушевленіемъ къ христіанскому просвѣщенію и обрусенію инородцевъ соединяютъ и знаніе дѣла, и умѣнье взяться за него, и близкое знакомство съ инородческими нарѣчіями. Эти во всякомъ случаѣ достойные сочувствія дѣятели—г. Ильминскій, профессоръ Казанскаго университета, съ его ближайшимъ сотрудникомъ, крестьяниномъ деревни Никифоровки, Мамадышскаго уѣзда, Казанской губерніи, старокрещеннымъ Татариномъ Василіемъ Тимооеевымъ, и г. Золотницкій, сынъ священника чувашскаго селенія, съ дѣтства говорившій по-чувашски, окончившій курсъ въ Казанской духовной академіи, а потомъ, въ 1851 году, въ Казанскомъ университетѣ, бывшій въ Вяткѣ редакторомъ *Губернскихъ Вѣдомостей* и мировымъ посредникомъ, завѣдывавшій тамъ воскресными школами и пристрастившійся къ дѣлу народнаго образованія, а нынѣ назначенный инспекторомъ чувашскихъ школъ, — эти дѣятели, къ которымъ слѣдуетъ присоединить еще г. Малова, профессора Казанской духовной академіи, положили въ основу задуманной и отчасти уже испытанной ими системы обученія инородческихъ дѣтей начала, почти совершенно противоположныя тѣмъ, которыя были въ ходу, какъ упомянуто выше, во многихъ изъ прежнихъ инородческихъ училищъ. Начала эти отчасти изложены въ брошюрѣ, которую г. Золотницкій издалъ въ свѣтъ 4-го декабря 1866 г., передъ открытіемъ годичныхъ засѣданій губернскихъ земскихъ собраній восточнаго края европейской Россіи, и въ которой они связаны съ нѣкоторыми общими основными воззрѣніями автора.

Вообще г. Золотницкій не придаетъ особенно важнаго значенія усвоенію инородцами господствующаго языка, хотя и признаетъ, что, въ силу государственнаго права этого языка, «требованіе удовлетворительнаго знанія русской грамоты въ здѣшней мѣстности (то-есть въ предѣлахъ Казанскаго учебнаго округа) можетъ быть распространено на инородцевъ и иновѣрцевъ, избираемыхъ

въ члены волостныхъ правленій, земскихъ управъ и другихъ учрежденій, на принимающихъ иновѣрческія духовныя должности и на учителей въ иновѣрческихъ школахъ». Вотъ дальнѣйшія соображенія его, заслуживающія особеннаго вниманія:

«Вообще—говоритъ г. Золотницкій—для прочнаго объединенія здѣшнихъ инородцевъ съ русскимъ народомъ, необходимо усвоеніе ими не столько русскаго языка, сколько—истинъ христіанской религіи.

«Второе послѣ религіи средство, способствующее обрусенію инородцевъ, состоитъ въ усвоеніи ими понятій о нравственномъ *превосходствѣ русской народности*.... Для наилучшаго же дѣйствія этого средства, кромѣ распространенія въ массѣ инородцевъ понятій о значеніи русской народности, въ особенности желательно повышеніе, посредствомъ правильнаго образованія, умственнаго и нравственнаго уровня близкихъ къ инородцамъ сословій русскаго народа.

«А такъ какъ основныя истины христіанской религіи и понятія о значеніи русской народности могутъ быть усвоиваемы инородцами, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, и безъ пособія русскаго языка, то очевидно, что оба вышепоказанныя средства, въ дѣлѣ объединенія инородцевъ съ русскимъ народомъ, имѣютъ *воспитательное* значеніе. Усвоеніе же *русскаго языка*, съ одной стороны представляя пособіе для дальнѣйшаго умственнаго и религіозно-нравственнаго развитія инородцевъ, а съ другой, заканчивая самое дѣло обрусенія ихъ, получаетъ въ этомъ дѣлѣ значеніе средства *образовательнаго*. Но приниматься за образованіе, не обращая вниманія на воспитаніе — дѣло (съ педагогической точки зрѣнія) самое нераціональное».

Исходя изъ этихъ главныхъ воззрѣній и прилагая ихъ къ своей спеціальности, къ вопросу объ образованіи чувашскихъ дѣтей, г. Золотницкій говоритъ, что дѣло религіозно-нравственнаго образованія инородческихъ дѣтей должно быть ведено непремѣнно на ихъ родномъ языкѣ. Вообще все обученіе ихъ онъ раздѣляетъ на два періода: въ первый они должны учиться и грамотѣ (чтенію, письму и счисленію), и Закону Божію (молитвамъ, катихизису, священной исторіи, объясненію праздниковъ), исключительно на своемъ родномъ нарѣчіи по книгамъ, особо для нихъ составленнымъ, но напечатаннымъ однакоже русскими буквами, а вмѣстѣ съ тѣмъ и русскому разговорному языку; во второй же періодъ должно начаться обученіе чтенію сперва русскихъ книгъ (гражданской печати), а потомъ и славянскихъ (церковной печати) «съ непремѣннымъ переводомъ читаннаго на чувашскій языкъ» (или, вообще, мѣстное инородческое нарѣчіе), объясненію литургіи, правиламъ русскаго правописанія и церковному пѣнію на славянскомъ и чувашскомъ (или вообще инородческомъ) языкахъ. Такимъ образомъ, по этой системѣ, инородческое нарѣчіе (и въ данномъ случаѣ

—чувашское) все время остается главнымъ и почти единственнымъ языкомъ преподаванія и возводится нѣкоторымъ образомъ на степень языка науки, языка школы и даже языка церкви. Въ пользу этой системы обученія инородцевъ г. Золотницкій приводитъ слѣдующіе доводы: 1) Было бы нечеловѣчно усаживать инородческаго ребенка за русскій букварь и заставлять его «долбить на чуждомъ ему языкѣ молитвы, катихизисъ, исторію и пр.»; 2) знаніе Закона Божія, какъ науки, недостаточно, а необходимо усвоеніе этого знанія душою; «подобное же усвоеніе возможно только при посредствѣ живаго языка, которымъ человѣкъ привыкъ говорить съ дѣтства»; 3) только при обученіи инородческихъ дѣтей на родномъ ихъ нарѣчіи, ихъ родители поймутъ и узнаютъ, чему и для чего ихъ учатъ, и будутъ охотно, а не по принужденію, посылать своихъ дѣтей въ училища, и, наконецъ, 4) научившись такимъ образомъ читать и понимать Евангеліе и священныя книги на своемъ родномъ нарѣчіи, питомцы училищъ будутъ въ состояніи впослѣдствіи дѣйствовать въ своей инородческой средѣ въ качествѣ исповѣдниковъ слова Божія» и прочимъ образомъ водворятъ христіанство въ своихъ семьяхъ.

Но откуда же возьмутся священныя христіанскія книги и необходимѣйшіе учебники на нарѣчіяхъ чувашскомъ, народномъ (а не книжномъ) татарскомъ и другихъ, когда эти нарѣчія не имѣютъ ни письменъ, ни какой-либо литературной обработки, необходимой для всякаго языка школы? Книги эти отчасти уже имѣются, и во всякомъ случаѣ дѣлу этому уже положено начало. Еще покойный императоръ Николай I имѣлъ мысль о православномъ богослуженіи на татарскомъ языкѣ, и уже давно были изданы переводы на него литургіи и часослова, а также переводы Евангелія на татарское, чувашское и черемиское нарѣчія; но гг. Ильминскій и Золотницкій признаютъ эти переводы на татарское и чувашское нарѣчія слишкомъ учеными или, лучше сказать, искусственными, отступающими отъ дѣйствительнаго говора этихъ инородцевъ, а потому и совершенно почти непонятными для нихъ. Для устраненія этого неудобства г. Ильминскій еще въ 1861 г. принялся за составленіе букваря и за переводъ книги Бытія, Премудрости сына Сирахова и другихъ священныхъ книгъ на народный татарскій языкъ, при чемъ, чтобъ удостовѣриться въ удобопонятности своихъ переводовъ, онъ прочитывалъ ихъ предварительно упомянутому выше Татарину Василію Тимоѳееву и переработывалъ ихъ на основаніи его указаній. Особенности народнаго татарскаго языка, то есть, безъ сомнѣнія, скудость его лингвистическаго и грамматическаго состава, не дозволяли ему сдѣлать переводъ буквально близкимъ къ подлиннику и, вѣроятно, должны были особенно затруднять его при дальнѣйшихъ его усиліяхъ перевести на это нарѣчіе православную литургію и православныя церковныя пѣснопѣнія. Но трудности не охладили его рвенія, и, такъ или иначе, дѣло это въ настоящее

время, по всей вѣроятности, уже сдѣлано. По отношенію къ чувашскому нарѣчію за ту же работу и тѣмъ же порядкомъ принялся г. Золотницкій, вознамѣрившійся составить и издать въ свѣтъ *Чуваш кнеге* (букварь съ правоученіями, главнѣйшими молитвами, символомъ вѣры, десятью заповѣдями, главнѣйшими заповѣдями Христовыми и т. д.), *Чувашла вослама шотлама да виренни* (ученіе чтенію и счисленію по чувашски), *Тора халыгын борныз* (исторія ветхаго завѣта), объясненіе обязанностей христіанина, литургіи и т. д., — все на чувашскомъ нарѣчіи, а также изложеніе основныхъ правилъ чувашскаго языка, какъ тюркскаго нарѣчія. До сихъ поръ имъ издана въ свѣтъ только *Сӧлдалык кнеге* — чувашскій календарь на 1867 г.: здѣсь, кромѣ святцевъ, содержатся «указаніе несовмѣстныхъ съ православіемъ обрядовъ и обычаевъ, указаніе на значеніе и важность несоблюдаемыхъ Чувашами христіанскихъ обрядовъ и таинствъ и ознакомленіе съ главнѣйшими событіями изъ русской исторіи по отношенію ихъ къ церковнымъ праздникамъ».

И г. Ильминскій, и г. Золотницкій пишутъ на татарскомъ или чувашскомъ нарѣчіяхъ не иначе какъ русскими буквами, допуская лишь немногія въ нихъ измѣненія и дополненія и приноравливаясь какъ можно ближе къ русскому правописанію, такъ что они въ своихъ татарскихъ и чувашскихъ изданіяхъ удержали буквы *и* и *і* и употребляютъ ихъ такъ же, какъ они употребляются въ русскомъ правописаніи. Такимъ образомъ переходъ для инородческихъ дѣтей отъ татарской или чувашской азбуки къ русской облегченъ ими сколько возможно.

Выше было сказано, что система обученія инородческихъ дѣтей, которой держатся гг. Ильминскій и Золотницкій, была уже отчасти испытана ими. Въ самомъ дѣлѣ, въ августѣ 1864 г., усиліями г. Ильминскаго, при содѣйствіи крестьянина Василія Тимоѳеева, было положено начало школѣ, устроенной въ Казани для дѣтей старокрещеныхъ Татаръ на основаніяхъ, которыя мы изложили выше. Первоначально школа эта развивалась очень медленно; въ 1865 г. число учениковъ не превышало еще 20, но къ 12-му января 1866 г. ихъ было уже 42, и успѣхъ школы между крещеными Татарами могъ уже почитаться вполнѣ упроченнымъ. Замѣчательные успѣхи учащихся въ этой школѣ и охота, съ какою они и поступали, и учились въ ней, должны были расположить въ ея пользу и духовное и свѣтское учебныя вѣдомства. Въ концѣ марта 1866 г., по предложенію синодальнаго оберъ-прокурора, графа Д. А. Толстаго, св. синодъ далъ 1,000 руб. въ пособіе этой школѣ изъ суммъ миссіонерства. Это было первое матеріальное пособіе, оказанное дѣлу г. Ильминскаго правительственною властью: ободренные этимъ, онъ и его сподвижники тотчасъ же возъимѣли мысль объ основаніи по тому же образцу школъ-отраслей въ различныхъ мѣстностяхъ Казанской губерніи, о размноженіи переводовъ на народный

татарскій языкъ и объ устройствѣ часовни на родинѣ Тимоѳеева, съ тѣмъ чтобы въ ней совершались на татарскомъ языкѣ всѣ богослужебныя дѣйствія, возможныя внѣ храма съ освященнымъ алтаремъ. Всѣ эти мысли были приведены въ исполненіе съ тою ревностью и съ тѣмъ благоразуміемъ, которыя возможны только при истинномъ воодушевленіи къ дѣлу. Въ свободное отъ ученія время, Василій Тимоѳеевъ, съ лучшими изъ своихъ учениковъ, отправляется обыкновенно въ селенія крещеныхъ Татаръ, и тамъ начинаетъ вербовать учениковъ для новой мѣстной школы. Имѣя живой примѣръ передъ глазами въ ученикахъ, сопровождающихъ достопочтеннаго Тимоѳеева, видя ихъ успѣхи въ чтеніи и въ толкованіи Св. писанія въ татарскомъ переводѣ, слыша ихъ стройное и согласное церковное пѣніе на татарскомъ языкѣ, видя привязанность ихъ къ кроткому наставнику, родители-Татары охотно отдаютъ послѣднему своихъ дѣтей въ ученіе. Начало обученію ихъ полагаетъ самъ Тимоѳеевъ, а затѣмъ уже, когда наступаетъ время возвратиться въ Казанскую школу, онъ оставляетъ вмѣсто себя одного изъ лучшихъ и старшихъ учениковъ, снабдивъ его надлежащею инструкціей и не прерывая дальнѣйшихъ письменныхъ сношеній съ этимъ ученикомъ-учителемъ. Такимъ порядкомъ въ іюлѣ 1866 г. была устроена школа въ деревнѣ Арпяшахъ (Мамадышскаго уѣзда), и въ декабрѣ того же года у 17-лѣтняго ученика-учителя Якова было уже 39 учениковъ. Въ то же время и тѣмъ же порядкомъ была заведена женская школа на родинѣ Тимоѳеева (въ дер. Никифоровкѣ, Мамадышскаго же уѣзда), гдѣ учительницей была поставлена 14-лѣтняя ученица Тимоѳеева, Ѳедóра; сначала ученицъ у ней было всего 12, а въ январѣ 1867 г. число ихъ возрасло уже до 30. Клѣть, поставленная на дворѣ ея отца, послужила временнымъ помѣщеніемъ для этой школы. Въ прошлогоднія святки эта школа привлекала къ себѣ множество татарскихъ крестьянъ и крестьянокъ, которые проводили въ ней цѣлые вечера, слушая со слезами на глазахъ стройное церковное пѣніе на татарскомъ нарѣчія, причемъ особенно сильное впечатлѣніе на нихъ производила молитва: *Чертогъ Твой вижду, Спасе мой!* Затѣмъ, 6-го января 1867 г., Василій Тимоѳеевъ успѣлъ открыть еще одну мужскую школу въ селѣ Апазовѣ, Казанскаго уѣзда, куда и сосѣдніе Вотяки, вообще хорошо знающіе татарскій языкъ, намѣревались отдавать своихъ дѣтей, точно также какъ въ числѣ учениковъ Казанской татарской школы появляются иногда дѣти Черемисъ и Чувашъ.

Еще прежде чѣмъ дѣятельность Казанской татарской школы такъ расширилась, Императорскій Казанскій университетъ счелъ за должное выразить ей полное свое сочувствіе, постановивъ, въ ознаменованіе достопамятнаго дня 4-го апрѣля 1866 года, собрать капиталъ, проценты съ котораго должны идти на поддержаніе этой школы, и уже 20-го мая собранная, вслѣдствіе того, сумма простиралась до 4,000 руб. Около того же времени Казанское городское об-

щество постановило пожертвовать въ пользу этой школы 700 саженъ земли, и какъ только земля была дѣйствительно отведена, купецъ Ареѳьевъ приступилъ, на собственный свой счетъ, къ постройкѣ для школы помѣстительнаго деревяннаго дома на каменномъ фундаментѣ.

Замѣчательные успѣхи учениковъ Казанской татарской школы, довѣріе и сочувствіе, которыя она успѣла внушить и самимъ Татарамъ, и правительству, и высшему учебному заведенію края, и мѣстному городскому обществу, равно и успѣшное распространеніе ея дѣятельности далеко за предѣлами Казани,— все это, казалось бы, должно было послужить къ окончательному рѣшенію вопроса объ устройствѣ инородческихъ училищъ въ пользу той системы, представителями которой явились гг. Ильминскій и Золотницкій, и особенно первый изъ нихъ, какъ дѣятель, который можетъ уже указать на плоды своихъ трудовъ. Но школа г. Ильминскаго не существуетъ еще и полныхъ трехъ лѣтъ; система, положенная ей въ основу, еще не выдержала полнаго искуса времени, и потому нельзя еще судить объ окончательныхъ результатахъ, какихъ она можетъ достигнуть, а между тѣмъ, представляя собою прямую противоположность той, нерѣдко безсмысленной системѣ, которой слѣдовали прежде инородческія училища нашего восточнаго края, она во многомъ существенно отступаетъ и отъ той общепринятой въ европейскомъ мірѣ учебной системы, которою различные инородцы съ дознаннымъ на опытѣ успѣхомъ воспитывались не только въ духѣ того или другаго христіанскаго вѣроисповѣданія, но и въ духѣ той или другой господствующей народности и доводились до совершеннаго почти слиянія съ нею. При такихъ условіяхъ становится весьма понятнымъ, что система г. Ильминскаго, несмотря на очевидный доселѣ успѣхъ ея, можетъ еще возбуждать многія сомнѣнія и опасенія и вызывать противъ себя различныя возраженія. Если *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* считаетъ своимъ долгомъ обстоятельно изложить всѣ эти сомнѣнія и возраженія, нисколько не ослабляя ихъ силы, и, можетъ-быть, даже преувеличивая ихъ значеніе, то это дѣлается отнюдь не въ видахъ ниспроверженія дѣла г. Ильминскаго или той системы, которой онъ держится, а лишь съ цѣлью содѣйствовать полнѣйшему разъясненію относящихся сюда вопросовъ, возможному улучшенію самой системы и устраненію тѣхъ препятствій, которыя могло бы встрѣтить дальнѣйшее примѣненіе ея въ различныхъ мѣстностяхъ края. Эти сомнѣнія и возраженія, можно быть увѣрену, не смутятъ г. Ильминскаго и достойныхъ его сподвижниковъ и нисколько не охладятъ ихъ ревности къ великому и святому дѣлу просвѣщенія мало-просвѣщенныхъ въ христіанствѣ инородцевъ. Какое дѣло не возбуждаетъ сомнѣній и опасеній, и не встрѣчаетъ съ разныхъ сторонъ и различнаго характера и свойства противниковъ? Если дѣло это основано на разумныхъ основаніяхъ, то оно несомнѣнно восторжествуетъ, можетъ-быть только

очистившись въ горнилѣ общественной критики отъ нѣкоторыхъ случайныхъ примѣсей и нѣкоторыхъ крайностей увлеченія. Самъ г. Ильминскій и его сподвижники должны желать всесторонняго и публичнаго обсужденія ихъ системы, потому что только такимъ путемъ она можетъ достигнуть и существенныхъ улучшеній, и прочнаго успѣха.

Въ чемъ же могутъ заключаться сомнѣнія и возраженія противъ системы г. Ильминскаго? Прежде всего они истекаютъ изъ самихъ свойствъ и особенностей тѣхъ мѣстныхъ инородческихъ нарѣчій, о которыхъ идетъ здѣсь рѣчь. Г. Ильминскій полагаетъ въ основу всего религіозно-нравственнаго и умственнаго образованія инородцевъ ихъ родныя нарѣчія; это — краеугольный камень всей его системы; онъ желаетъ водворить эти нарѣчія и въ школѣ, и въ самой церкви; но, спрашивается, пригодны ли эти нарѣчія для того высокаго служенія, къ которому они предназначаются, и могутъ ли на нихъ, безъ всякаго ущерба для содержанія, быть выражены и высокія истины христіанскаго вѣроученія, и сохранены всѣ особенности молитвъ и пѣснопѣній православной церкви? Татарскій народный языкъ, вслѣдствіе тѣснѣйшей связи своей съ книжнымъ татарскимъ языкомъ, который, въ свою очередь, при посредствѣ ислама, значительно обогатился многочисленными заимствованіями изъ языка арабскаго, безъ сомнѣнія, располагаетъ, сравнительно съ другими мѣстными нарѣчіями, еще бо́льшими къ тому способами; но и тутъ нѣкоторые знатоки дѣла выражаютъ опасеніе, что, для передачи христіанскаго вѣроученія и особенно пѣснопѣній православной церкви на татарскомъ нарѣчіи, неминуемо придется выражать христіанское содержаніе ихъ образами и оборотами, заимствованными изъ языка магометанскаго вѣроученія и магометанскихъ молитвъ. Впослѣдствіи, при дальнѣйшихъ успѣхахъ этой татарско-православной церкви въ средѣ Татаръ-магометанъ, этотъ предположительно внесенный въ нее первоначально магометанскій элементъ не получитъ ли дальнѣйшаго развитія и вмѣсто истиннаго православнаго христіанства, не явится ли нѣчто среднее между христіанствомъ и магометанствомъ? Очень можетъ быть, что подобныя опасенія окажутся неосновательнымъ преувеличеніемъ; но едва-ли и самъ г. Ильминскій станетъ отрицать, что буквально близкій переводъ на татарскій народный языкъ не только посланій Апостоловъ или церковныхъ пѣсень, но даже и книги Бытія и самаго Евангелія рѣшительно невозможенъ, а это въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ представлять большія неудобства. Да и настоитъ ли необходимость, — говорятъ далѣе, — дѣлать татарское нарѣчіе языкомъ православной церкви и православнаго богослуженія? Татары всѣ безъ исключенія понимаютъ и довольно бойко говорятъ по-русски; многимъ ли будетъ непонятнѣе для нихъ, чѣмъ для природныхъ Русскихъ, обычное богослуженіе русской церкви, особенно же божественная литургія, которая не столько словами,

сколько совершаемыми священнодѣйствіями, напоминаетъ всѣмъ православнымъ главнѣйшія событія изъ земной жизни Спасителя?

Что же касается до другихъ инородцевъ, то ихъ нарѣчія, по господствующему мнѣнію, еще менѣе татарскаго способны стать языкомъ школы и церкви. Такъ, напримѣръ, относительно чувашскаго нарѣчія говоритъ В. И. Лебедевъ *), что «это—одинъ изъ бѣднѣйшихъ языковъ въ мірѣ; въ немъ всего около по-«луторы тысячи словъ; онъ не имѣетъ выраженій для понятій отвлеченныхъ... «и съ величайшимъ трудомъ можно передавать на немъ понятія духовныя, а «многія и вовсе нельзя передать. Вотъ одно изъ величайшихъ затрудненій для «священниковъ селеній чувашскихъ, когда они стараются высказать Чувашамъ, «на ихъ родномъ языкѣ, истины религіи христіанской». Если дѣйствительно чувашское нарѣчіе до такой степени скудно, то какимъ образомъ можетъ оно стать языкомъ школы и церкви, и какимъ образомъ г. Золотницкій съумѣетъ не только перевести на него Евангеліе, которое, по необыкновенной простотѣ языка и содержанія, какъ бы создано для распространенія на всѣхъ языкахъ міра, но и изложить катихизисъ и перевести церковныя эктеніи, возгласы и пѣсни? При этомъ естественно рождается опасеніе, можетъ быть, и неосновательное, но все-таки требующее серіознаго вниманія: не будетъ ли г. Золотницкій вынужденъ, для того чтобы дать хоть какую-нибудь литературную обработку чувашскому нарѣчію, сблизить его сколь возможно съ болѣе развитымъ татарскимъ нарѣчіемъ, тѣмъ болѣе что оба нарѣчія и безъ того уже близко родственны между собою? Словомъ, для возведенія чувашскаго нарѣчія на степень языка школы и церкви, не придется ли почти совершенно отатарить его съ помощью многочисленныхъ заимствованій какъ изъ татарскаго, такъ и изъ другихъ, болѣе развитыхъ тюркскихъ нарѣчій, и, такъ сказать, создать новый языкъ для Чувашъ, не менѣе трудный и непонятный для нихъ и, во всякомъ случаѣ, въ тысячу разъ менѣе полезный чѣмъ языкъ русскій? Допустивъ справедливость этого предположенія, нельзя было бы не замѣтить, что подобное искусственное усиленіе татарскаго элемента на восточной окраинѣ Россіи и сліяніе *различныхъ* инородческихъ группъ въ *одну* инородческую массу, даже при серіозномъ христіанскомъ просвѣщеніи ея, никакимъ образомъ не могло бы быть желательно. Наши восточные инородцы до сихъ поръ довольно безразличны въ отношеніи къ языку: какъ можно видѣть изъ предъидущаго разказа о дѣятельности Казанской татарской школы, въ нее и въ ея отрасли охотно поступаютъ и Черемисы, и Вотяки, и Чуваши; но этимъ безразличіемъ ихъ отнюдь не слѣдуетъ пользоваться для окончательнаго ихъ отатаренія, а только для

*) См. *Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ*, ч. XL, 1852 г., кн. X, въ началѣ статьи «О чувашскомъ языкѣ».

полнѣйшаго ихъ обрусенія, и въ этомъ отношеніи, до окончательнаго рѣшенія вопроса о языкѣ преподаванія въ инородческихъ школахъ, было бы, *можетъ быть*, осторожнѣе не принимать въ ново-устроенныя татарскія школы другихъ инородцевъ, кромѣ самихъ Татаръ.

На дальнѣйшемъ планѣ является еще новое возраженіе. Положимъ,—говорятъ,—что всѣ предъидущія опасенія неосновательны; положимъ, что ни чистота православія, въ дальнѣйшемъ развитіи дѣла, не потерпитъ никакого ущерба, ни татарскій элементъ не будетъ искусственно усиленъ: но эти инородческія школы, устроенныя по системѣ г. Ильминскаго, будутъ ли въ состояніи содѣйствовать обрусенію инородцевъ, которымъ прежде всего обусловливаются и дальнѣйшіе успѣхи ихъ умственнаго образованія, и правильныя, нормальныя ихъ отношенія къ господствующей въ Россіи народности, или же, наоборотъ, не послужатъ ли онѣ къ сознательному развитію племенныхъ особенностей, могущему если не воспрепятствовать, то затруднить сліяніе инородцевъ съ русскимъ народомъ? Нѣтъ сомнѣнія, что гг. Ильминскій и Золотницкій имѣютъ въ виду обрусеніе инородцевъ; между прочимъ, это видно изъ того, что въ составленныхъ ими букваряхъ для Татаръ и Чувашъ, кромѣ нѣкоторыхъ пословицъ, умышленно исключены всѣ вообще народные тексты (народныя пѣсни, устные разказы и т. д.), съ тѣмъ чтобы не развивать въ инородцахъ никакихъ инстинктовъ, способныхъ отдалить ихъ отъ русскаго народа; но самыя попытки ихъ дать письменность и нѣкоторое литературное развитіе нарѣчіямъ, которымъ все это было до сихъ поръ чуждо, и возвести эти нарѣчія на степень языковъ школы и церкви—не будутъ ли имѣть непремѣннымъ своимъ послѣдствіемъ именно развитіе подобныхъ инстинктовъ? Г. Золотницкій, какъ мы видѣли, не придаетъ особенно важнаго значенія языку въ дѣлѣ обрусенія инородцевъ; но языкъ, это — народъ: утвердите языкъ письменностью, дайте ему нѣкоторую литературную обработку, изложите его грамматическія правила, введите его въ школу и въ церковь:—и вы тѣмъ самымъ утвердите и разовьете соотвѣтственную народность, и доселѣ безразличную въ отношеніи къ языку массу Чувашъ и друг., съ явнымъ даже влеченіемъ къ усвоенію русскаго языка, вы обратите въ племя, которое будетъ дорожить своими особенностями и будетъ сознательно настаивать на своемъ обособленіи. Впрочемъ, это не укрылось и отъ самого г. Золотницкаго, и онъ говоритъ, что «обученіе Чувашъ на ихъ родномъ языкѣ должно пробудить въ нихъ племенное самолюбіе и уваженіе къ собственному языку», но онъ полагаетъ почему-то, что пробужденіе этихъ чувствъ разрознитъ Чувашъ только съ Татарами, и какъ бы не сознаетъ, что оно столько же, если не болѣе, послужитъ и къ розни ихъ съ Русскими. Если досихъ поръ Чуваши, мало-мальски знающіе русскій языкъ, обижались, какъ разсказываетъ г. Сбоевъ (см. выше на стр. 4), когда Русскій заговаривалъ съ ними по-чувашски, и на

вопросъ, предложенный на ихъ родномъ нарѣчіи, предпочитали отвѣчать на ломанномъ русскомъ языкѣ, то не разовьетъ ли въ нихъ система гг. Ильминскаго и Золотницкаго противоположныхъ чувствъ и не вызоветъ ли она обратныхъ явленій? Если въ нашей восточной окраинѣ отыскиваются люди, которые осмѣливаются распускать слухи о царскихъ указахъ, дозволяющихъ будто бы отступничество къ магометанству, то не найдутся ли другіе люди, которые, указывая на новые порядки въ школахъ и въ православныхъ храмахъ, будутъ толковать, что инородцамъ и не дозволяется говорить иначе какъ на ихъ нарѣчіяхъ? Смотря на дѣло съ этой точки зрѣнія, безъ сомнѣнія, нельзя сочувствовать и мысли о многочисленныхъ переводахъ и изданіяхъ на инородческихъ нарѣчіяхъ, и возможно допустить исключеніе только для Евангелія и для поученій въ христіанствѣ, которыя обнимали бы главнѣйшія событія священной исторіи.

Наконецъ, указываютъ и на практическое неудобство, которое произошло бы отъ примѣненія системы гг. Ильминскаго и Золотницкаго ко всѣмъ инородческимъ училищамъ. Такъ какъ въ силу этой системы господствующимъ языкомъ преподаванія было бы одно изъ инородческихъ нарѣчій, то кругъ преподавателей ограничился бы только лицами, хорошо знающими эти нарѣчія, и во многихъ мѣстностяхъ пришлось бы устранить священниковъ даже отъ преподаванія Закона Божія.

Каковы бы ни были, однако же, возраженія, дѣло, начатое г. Ильминскимъ съ такимъ воодушевленіемъ къ христіанскому просвѣщенію инородцевъ и веденное имъ съ такимъ замѣчательнымъ успѣхомъ, должно неминуемо принести свои добрые плоды. Впрочемъ, и относительно самаго успѣха учениковъ Казанской татарской школы возникаетъ вопросъ: былъ ли онъ слѣдствіемъ системы, положенной въ ея основу, то-есть слѣдствіемъ обученія инородческихъ дѣтей *преимущественно или даже исключительно* на ихъ родномъ нарѣчіи, или же слѣдствіемъ того воодушевленія, о которомъ мы упомянули, и тѣхъ разумныхъ пріемовъ при обученіи, къ которымъ оно должно было повести? Многіе изъ образованнѣйшихъ европейскихъ народовъ, какъ въ самой Европѣ, такъ и въ другихъ частяхъ свѣта, неоднократно имѣли дѣло съ религіозно-нравственнымъ и умственнымъ образованіемъ подвластныхъ имъ инородцевъ, и никогда не возводили ихъ нарѣчій въ языкъ церкви или школы, особенно если эти нарѣчія не имѣли не только литературной обработки, но и вообще никакой письменности, и однако же они достигали самыхъ удовлетворительныхъ во всѣхъ отношеніяхъ результатовъ. На инородческія нарѣчія они смотрѣли и смотрятъ только какъ на такое вспомогательное орудіе для первоначальнаго преподаванія, которое чѣмъ скорѣе будетъ оставлено и замѣнено господствующимъ языкомъ, тѣмъ будетъ лучше, и до сихъ поръ они не имѣли причинъ при-

знать несостоятельность этой системы обученія инородцевъ. Да и у насъ не во всѣхъ же инородческихъ училищахъ заставляли заучивать наизусть русскія слова и фразы, безъ объясненія ихъ значенія и смысла: были училища, въ которыхъ о господствѣ инородческихъ нарѣчій, правда, не могло быть и рѣчи, но которыя, тѣмъ не менѣе, при разумныхъ пріемахъ преподаванія, приносили большую пользу и имѣли большой успѣхъ. Вотъ что говоритъ г. Сбоевъ [1]) вообще о пользѣ, принесенной чувашскими училищами удѣльнаго вѣдомства:

«Число грамотныхъ Чувашъ теперь уже довольно значительно; оно постоян-«но увеличивается выпускомъ изъ училищъ новыхъ грамотѣевъ. Главными учеб-«ными заведеніями, свѣтилами чувашскаго просвѣщенія въ Чебоксарскомъ уѣз-«дѣ, считаются Кошкинское и Аттиковское училища, въ которыхъ учащихся «бываетъ отъ 20 до 30-ти человѣкъ. Въ нихъ учатъ чтенію, письму, Закону «Божію, ариѳметикѣ. Но достопочтенный священникъ, завѣдывающій Кошкин-«скимъ училищемъ, П. В. Золотницкій, кромѣ этихъ предметовъ, въ свободные «часы преподаетъ желающимъ и болѣе другихъ смышленнымъ мальчикамъ «основныя начала русской грамматики и краткую географію, пріучая притомъ «своихъ учениковъ къ черченію картъ. Мнѣ показывали географическую карту, «начерченную однимъ Чувашленкомъ очень удовлетворительно. Чувашлята, какъ «и русскіе мальчики, принимаются за книгу неохотно, но за то чуть-ли не ско-«рѣе Русскихъ привыкаютъ къ ней. *Черезъ годъ они пріучаются бѣгло чи-«тать и свободно объясняться по-русски.*»

Послѣднія слова изъ этой выписки особенно замѣчательны: они показываютъ, что при хорошихъ пріемахъ преподаванія весьма скоро достигаются замѣчательные успѣхи въ русскомъ языкѣ, даже и въ томъ случаѣ, когда инородческихъ дѣтей засаживаютъ прямо за русскій букварь, на первомъ же году ихъ школьной жизни. Но въ прежнее время разумные пріемы при обученіи инородческихъ дѣтей были болѣе или менѣе счастливою случайностью и исключеніемъ изъ общаго правила; теперь же, чѣмъ болѣе сознается важность этого дѣла, тѣмъ болѣе желательно водвореніе во всѣхъ инородческихъ училищахъ вполнѣ соотвѣтствующаго цѣли учебнаго плана. Въ настоящее время, благодаря, между прочимъ, и опытамъ г. Ильминскаго, не должно быть и рѣчи о томъ, чтобы засаживать инородческихъ дѣтей прямо за русскій букварь или заставлять ихъ, какъ попугаевъ, со словъ учителей, заучивать на непонятномъ для нихъ языкѣ молитвы, безъ всякаго объясненія значенія употребленныхъ въ нихъ словъ и общаго ихъ смысла, и вопросъ можетъ идти только о томъ: не подлежитъ ли система г. Ильминскаго нѣкоторымъ видоизмѣненіямъ, для устраненія изъ нея тѣхъ неудобствъ, которыми она, по мнѣнію нѣкоторыхъ, стра-

---

[1]) См. его сочиненіе: «Чуваши въ бытовомъ, истор. и религ. отнош.» стр. 10.

даетъ? Совершенное исключеніе инородческихъ нарѣчій изъ инородческихъ училищъ было крайностью; предлагаемое возведеніе ихъ на степень господствующаго языка школы было бы, по приведеннымъ выше мнѣніямъ, противоположною крайностью; не былъ ли бы, поэтому, вѣрнѣйшимъ путемъ средній путь, на основаніи извѣстнаго стиха: *Medio tutissime ibis*,—тотъ путь, которымъ образованнѣйшіе Европейцы съ несомнѣннымъ успѣхомъ достигали не только религіозно-нравственнаго образованія подвластныхъ имъ инородцевъ, но и совершеннаго слiянія ихъ съ собою?

Этотъ путь могъ бы быть слѣдующій: 1) Нормальный курсъ училищъ для инородческихъ дѣтей, по трудности усвоенія ими русскаго языка, долженъ бы продолжаться 4 года, какъ и теперь въ чувашскихъ училищахъ удѣльнаго вѣдомства. 2) Все обученіе въ нихъ могло бы быть раздѣлено на два періода. Въ первый періодъ дѣти обучались бы, при помощи мѣстныхъ нарѣчій, русскому разговорному языку, знакомясь въ то же время сознательно съ окружающими ихъ предметами и явленіями и переходя въ строгой постепенности отъ ближайшаго и легчайшаго къ отдаленнѣйшему и труднѣйшему, и, наконецъ, къ отвлеченнымъ понятіямъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ просвѣщались бы и въ христіанствѣ посредствомъ краткихъ поученій на ихъ племенныхъ нарѣчіяхъ,—поученій, которыя обнимали бы лишь самыя поразительныя и величавыя части христіанскаго ученія и имѣли бы характеръ болѣе проповѣдей, долженствующихъ произвести живое впечатлѣніе на умъ и сердце дѣтей, чѣмъ обыкновенныхъ уроковъ, которые задаются и спрашиваются. Второй же періодъ, когда дѣти уже получатъ навыкъ въ употребленіи русскаго языка и когда они будутъ имѣть понятіе о христіанствѣ, былъ бы весь посвящена чтенію и письму, счисленію и 4-мъ дѣйствіямъ ариѳметики, а также изученію Закона Божія, но исключительно по-русски. Затѣмъ, передъ концомъ уже курса и лишь въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ массѣ инородцевъ совершенно чуждъ русскій языкъ, могло бы быть введено упражненіе въ чтеніи и объясненіи Евангелія, а также и книги, содержащей упомянутыя выше краткія поученія въ христіанствѣ, на мѣстномъ инородческомъ нарѣчіи, для того чтобы дѣти, возвращаясь въ свои семьи могли знакомить ихъ со словомъ Божіимъ и съ ученіемъ христіанскимъ на понятномъ имъ языкѣ. Этотъ учебный планъ, какъ кажется, соотвѣтствовалъ бы требованіямъ постепенности и послѣдовательности въ обученіи, а также и тѣмъ, которыя заявлены г. Золотницкимъ въ его брошюрѣ. Дѣло начиналось бы не съ образованія, а именно съ воспитанія: съ нагляднаго обученія, съ которымъ соединялось бы и обученіе русскому языку, какъ языку высшей цивилизаціи для нашихъ восточныхъ инородцевъ, и съ христіанскаго просвѣщенія инородческихъ дѣтей, которое замѣняло бы для нихъ то, чего имъ не могутъ дать ихъ мало-просвѣщенные въ христіанствѣ родители. Это просвѣщеніе въ

христіанствѣ должно бы быть ведено такъ, чтобы дѣти, согласно требованію г. Золотницкаго, могли усвоить себѣ знаніе Закона Божія душою, то-есть, между прочимъ, на ихъ родныхъ нарѣчіяхъ. Далѣе, дѣти не оставлялись бы въ школѣ безъ наставленій въ Законѣ Божіемъ до времени, когда они усвоили бы себѣ русскій языкъ, а эти наставленія встрѣчали бы ихъ тотчасъ же, какъ только они переступили бы за порогъ школы, и родители могли бы легко узнать и понять, чему и для чего учатъ ихъ дѣтей. Наконецъ, упражнявшись нѣкоторое время, передъ выходомъ изъ школы, въ чтеніи и объясненіи Евангелія на мѣстномъ инородческомъ нарѣчіи, питомцы училищъ могли бы дѣйствовать въ своей инородческой средѣ въ качествѣ исповѣдниковъ слова Божія. Но съ тѣмъ вмѣстѣ не были бы нарушены другія требованія и были бы уважены другія соображенія, заслуживающія самаго серіознаго вниманія: господствующимъ языкомъ школы былъ бы русскій языкъ, согласно съ ст. 4-й Высочайше утвержденнаго Положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ, а мѣстное инородческое нарѣчіе было бы употребляемо только какъ временное орудіе, лишь на первыхъ порахъ, или же для миссіонерскихъ цѣлей. Не было бы, вслѣдствіе того, нужды въ усиліяхъ для литературной обработки инородческихъ нарѣчій съ цѣлью излагать на нихъ учебные предметы, и единственными на нихъ книгами были бы Евангеліе и краткія поученія въ христіанствѣ. Такъ какъ ближайшею и главнѣйшею цѣлью школы было бы усвоеніе дѣтьми русскаго языка, какъ языка науки и православной церкви, а вмѣстѣ съ тѣмъ христіанское просвѣщеніе, то дѣти выходили бы изъ школы и добрыми христіанами, и добрыми русскими людьми.

Итакъ, вопросъ въ томъ, какая система должна быть предпочтена при устройствѣ инородческихъ училищъ: та ли, которая только что нами изложена, или та, которой держится г. Ильминскій и въ пользу которой такъ рѣшительно высказывается помѣщаемая вслѣдъ за симъ статья П. Д. Шестакова объ инородческихъ училищахъ Буинскаго уѣзда; или иначе, какая изъ нихъ лучше вѣрнѣе и безопаснѣе можетъ достигнуть великой цѣли истиннаго христіанскаго просвѣщенія нашихъ восточныхъ инородцевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ полнѣйшаго ихъ обрусенія? Возбуждая этотъ вопросъ, но не рѣшая его окончательно ни въ томъ, ни въ другомъ смыслѣ, министерство народнаго просвѣщенія предварительно желаетъ подвергнуть его всестороннему обсужденію нашей періодической печати, мѣстныхъ училищныхъ совѣтовъ и земскихъ собраній, и прежде всего такихъ знатоковъ дѣла и такихъ достойныхъ ревнителей просвѣщенія инородцевъ, какъ гг. Ильминскій и Золотницкій.

О школахъ Буинскаго уѣзда Симбирской губерніи *).

Передъ нами печатная, довольно объемистая книга (440 страницъ) журналовъ Буинскаго (Симбирской губерніи) уѣзднаго земскаго собранія, которую мы получили, благодаря обязательному вниманію бывшаго предсѣдателя буинской земской управы, А. Е. Головинскаго. Съ особеннымъ удовольствіемъ прочитали мы журналъ 22-го сентября, заключающій въ себѣ докладъ уѣздной земской управы буинскому земскому собранію о распространеніи грамотности въ уѣздѣ, отчетъ о состояніи училищъ Буинскаго уѣзда, осмотрѣнныхъ предсѣдателемъ уѣзднаго училищнаго совѣта, священникомъ Алексѣемъ Баратынскимъ, его проектъ объ улучшеніи начальныхъ народныхъ училищъ и записку о введеніи русскаго языка и русской грамотности въ татарскихъ училищахъ, отчетъ о состояніи училищъ и женскихъ школъ по нѣкоторымъ селеніямъ Буинскаго уѣзда, составленный членомъ уѣзднаго училищнаго совѣта, священникомъ Михаиломъ Лебедевымъ, отчетъ объ осмотрѣ приходскихъ мужскаго и женскаго училищъ города Буинска членомъ училищнаго совѣта, подполковникомъ Владиміромъ Винтеромъ, докладъ буинскому земскому собранію уѣзднаго училищнаго совѣта и постановленія собранія, на основаніи докладовъ, 22-го и 23-го сентября. Нельзя не отнестись съ искреннимъ уваженіемъ и глубокою благодарностію къ дѣятельности членовъ буинскаго училищнаго совѣта и къ ихъ заботливости объ улучшеніи школъ, причемъ въ основаніе кладется знакомство съ настоящимъ положеніемъ училищъ. А это настоящее положеніе, какъ показываютъ намъ отчеты членовъ училищнаго совѣта, далеко не утѣшительно.

Въ ученіи большею частью—мертвящій механизмъ; общее развитіе учениковъ слабое; ученики очень часто пропускаютъ уроки частію *по своеволію*, по словамъ членовъ училищнаго совѣта, частію съ согласія родителей, которые, «смутно сознавая пользу грамоты, самовольно распоряжаются учебнымъ временемъ дѣтей своихъ, часто отвлекая ихъ отъ занятій подъ самыми пустыми предлогами, такъ что, если сосчитать всѣ дни ученія, то окажется, что многія дѣти втеченіе года всего учатся мѣсяца два, много три»; нѣкоторыя школы числятся только на бумагѣ, потому что учащіеся не ходятъ въ нихъ болѣе года; нерѣдко учащіеся, просидѣвъ нѣсколько лѣтъ въ училищѣ, выходятъ оттуда по *урослости* (по лѣтамъ); въ учебныхъ пособіяхъ большой недостатокъ; помѣщеніе большею частію неудобное. Главную причину такого неудовлетворительнаго состоянія училищъ по учебной части члены училищнаго совѣта и управы ви-

*) Изъ Журнала Мин. Народ. Просвѣщенія, апрѣль 1867 года.

дятъ въ грубости и малоразвитости родителей, въ распущенности и своеволіи учениковъ, въ отвращеніи тѣхъ и другихъ отъ ученія, и, вслѣдствіе этого, надѣются пособить дѣлу введеніемъ обязательнаго обученія.

«По внимательномъ обсужденіи этого вопроса (какой способъ обученія должно принять для распространенія грамотности въ здѣшнемъ уѣздѣ), члены земскаго собранія пришли къ убѣжденію, что по условіямъ здѣшней мѣстности необходимо удержать пока характеръ принудительнаго обученія, такъ какъ населеніе здѣшняго уѣзда, по преимуществу инородческое, не сознало пользы образованія и доселѣ на дѣло обученія грамотности смотритъ, какъ на исполненіе какой-нибудь повинности, и даже готово откупаться отъ нея. Если дѣло обученія крестьянъ предоставить ихъ добровольному желанію, то въ школахъ не останется ни одного мальчика, ни одной дѣвочки» (*Журналъ уѣзднаго земскаго собранія 22-го сентября*). Не входя въ положеніе доводовъ за принудительное обученіе и противъ него и ограничиваясь выраженіемъ нашего мнѣнія о томъ, что образованіе дѣтей, какъ первѣйшая нравственная обязанность родителей, есть необходимая, самая естественная для нихъ повинность, отъ которой никто не имѣетъ права освобождать ихъ, то-есть, такая же нравственная повинность, какою является для пастырей церкви безвозмездное обученіе и просвѣщеніе ихъ прихожанъ, мы въ данномъ случаѣ не можемъ не задаться вопросомъ: отъ одной ли грубости и малоразвитости родителей происходитъ дѣйствительно выражающееся на дѣлѣ отвращеніе отъ школъ, или самая организація школъ, гдѣ учатся дѣти инородцевъ, тому причиною?

Для правильнаго разрѣшенія этого вопроса, вглядимся пристальнѣе въ положеніе училищъ Буинскаго уѣзда, какимъ представляется оно въ отчетахъ осматривавшихъ училища членовъ училищнаго совѣта.

Изъ самихъ статистическихъ свѣдѣній о числѣ учащихся мы видимъ, что училища эти большею частію состоятъ изъ дѣтей инородцевъ и преимущественно Чувашъ. Начальныхъ училищъ въ городѣ Буинскѣ и Буинскомъ уѣздѣ 43, и при нихъ 24 женскія школы. Учениковъ въ этихъ училищахъ 1,123, ученицъ—493. Изъ нихъ Чувашъ 708 мальчиковъ, 317 дѣвочекъ; Русскихъ 353 мальчика, 148 дѣвочекъ; Мордвы 56 мальчиковъ, 28 дѣвочекъ; крещеныхъ Татаръ 6.

Училища эти по составу учениковъ можно раздѣлить: 1) на чисто русскія, 2) чисто-чувашскія, 3) училища, въ которыхъ большинство Чувашъ съ незначительнымъ числомъ учениковъ не-Чувашъ, и 4) училища, въ которыхъ эта примѣсь значительна.

Училища чисто-русскія находятся въ Чилимской и Архангельской волостяхъ, гдѣ училищъ 19 и въ нихъ учащихся: 244 мальчика и 105 дѣвочекъ

всѣ Русскіе. Въ селѣ Кувaѣ, Паркинской волости, 1 училище съ 1 женскою школою; учащихся 30 мальчиковъ и 20 дѣвочекъ, всѣ Русскіе.

Училища, въ которыхъ учащіеся одни Чуваши:

1) Городищенское—40 мальчиковъ, 20 дѣвочекъ.

2) Ново-Ильмовое—25 мальчиковъ.

3) Пимурзинское—36 мальчиковъ.

4) Починко-Уразгильдинское — 40 мальчиковъ, 20 дѣвочекъ (въ школу не ходятъ).

5) Тойсинское—40 мальчиковъ (изъ которыхъ 20 постоянно не ходятъ), 20 дѣвочекъ (болѣе года въ школу не ходятъ).

6) Сугутская женская школа—18 дѣвочекъ.

7) Хомбусъ-Батыревская сельская школа—20 дѣвочекъ.

8) Шераутовская женская школа—20 дѣвочекъ.

9) Чурадчинская женская школа—20 дѣвочекъ.

10) Туруновская женская школа—20 дѣвочекъ (съ сентября по май въ школу не ходятъ).

11) Тархановская женская школа—19 дѣвочекъ.

12) Старо-Айбесинская женская школа—15 дѣвочекъ.

13) Ново-Айбесинское училище—30 мальчиковъ, 15 дѣвочекъ.

Училища, въ которыхъ примѣсь къ Чувашамъ незначительная:

1) Николаевское изъ 30 учащихся: 3 Русскихъ, 27 Чувашъ.

2) Трехболтаевское изъ 32 учащихся: 27 Чувашъ, 5 Мордвы. Дѣвочекъ 22; изъ нихъ Русскихъ 3, Чувашъ 16, Мордвы 2.

3) Шемшуринское изъ 40 учащихся мальчиковъ: Русскихъ 3, Мордвы 5, Чувашъ 32. Дѣвочекъ 19, изъ нихъ Русскихъ 2, Мордвы 1, Чувашъ 16.

4) Шамкинское изъ 40 учащихся мальчиковъ: Русскихъ 6, Мордвы 10, Чувашъ 24. Дѣвочекъ 20, изъ нихъ Русскихъ 4, Мордвы 5, Чувашъ 11.

5) Матаковское изъ 26 учащихся: Русскихъ 1, Мордвы 4, Чувашъ 21.

6) Убеевское изъ 40 учащихся: 2 Русскихъ, 38 Чувашъ.

7) Новоселковское изъ 20 учащихся: 7 Русскихъ, 13 Чувашъ.

8) Туруновское изъ 40 учащихся: 1 крещеный Татаринъ, 39 Чувашъ.

9) Чурадчинское изъ 41 учащагося: 3 Русскихъ, 1 крещеный Татаринъ, 37 Чувашъ.

10) Хомбусъ-Батыревское изъ 40 учащихся: 1 Русскій, 39 Чувашъ.

11) Шераутовское изъ 39 учащихся: 1 Русскій, 7 Мордвы, 31 Чувашъ.

12) Сугутское изъ 40 учащихся: 1 Русскій, 39 Чувашъ.

13) Тархановское изъ 40 учащихся: 1 Русскій, 1 Мордвы, 38 Чувашъ.

14) Старо-Айбесинское изъ 30 учащихся: 8 Русскихъ, 22 Чувашъ.

15) Пимурзинское изъ 41 учащихся: 3 крещеныхъ Татаръ, 38 Чувашъ.

16) Новоселковское изъ 22 учащихся: 7 Русскихъ, 15 Чувашъ.

Училища съ значительною примѣсью:

1) Енбулатовское изъ 40 учащихся: 25 Русскихъ, 15 Чувашъ.

2) Буинское сельское училище изъ 37 учащихся: 17 Русскихъ, 2 Мордвы. 1 Татаринъ крещеный и 17 Чувашъ.

3) Бурундукское изъ 42 учащихся: 17 Русскихъ, 2 Мордвы и 23 Чувашъ.

Кто же обучаетъ въ этихъ инородческихъ школахъ? Конечно, ожидается въ отвѣтъ,—люди, хорошо знающіе родной языкъ тѣхъ дѣтей, которыхъ они учатъ; ибо только начальнымъ обученіемъ на природномъ языкѣ можно пробудить мыслящія силы дѣтей, развить ихъ понятія, облегчить имъ сознательное пріобрѣтеніе познаній, дать имъ правильное умственное и религіозно-нравственное образованіе.—Къ сожалѣнію, мы не можемъ дать такого отвѣта, какой желателенъ. Обучаютъ въ училищахъ Буинскаго уѣзда 27 законоучителей и 45 учителей, изъ которыхъ многіе также священники. Изъ этого числа законоучителей и учителей только два священника, владѣя чувашскимъ языкомъ, объясняютъ дѣтямъ по-чувашски, да изъ учителей — одинъ изъ Чувашъ; всѣ же прочіе безъ разсужденій усаживаютъ чувашскихъ дѣтей за русскій букварь и заставляютъ ихъ учить на память на чуждомъ для нихъ языкѣ молитвы и начатки христіанскаго ученія (книга, которую и русскія-то дѣти учатъ большею частію наизусть); есть, къ сожалѣнію, въ числѣ учителей и *исключенные* изъ духовныхъ училищъ, какъ будто великое и святое дѣло образованія ума и сердца дѣтей можетъ быть исполняемо съ успѣхомъ такимъ человѣкомъ, который былъ признанъ негоднымъ въ своей школѣ, который и самъ-то не выказалъ любви къ наукѣ, да сверхъ того и сомнительнаго поведенія. Руководимые учителями, не знающими или не желающими знать роднаго языка своихъ учениковъ (мы не думаемъ, что можно быть духовнымъ пастыремъ безъ знанія языка своей паствы, и потому увѣрены, что бо́льшая часть священниковъ въ селеніяхъ, населенныхъ Чувашами, достаточно знаютъ чувашскій языкъ, чтобы понятно объясняться на немъ), чувашскія дѣти учатъ, чего не понимаютъ, превращаясь въ говорящія машины. Понятно, что у нихъ образуется отвращеніе къ грамотѣ, которое заставляетъ ихъ толпами бѣжать изъ училищъ. Оттого-то мы и находимъ въ отчетахъ ревизующихъ такія отмѣтки: 6 учениковъ не ходятъ по своеволію, 11—по своеволію, 9—постоянно въ отлучкѣ, 20 (изъ 40) по своеволію постоянно не ходятъ. Понятно, что и родители учениковъ, не видя успѣховъ дѣтей, совершенно равнодушно относятся къ училищу, и даже позволяютъ дѣтямъ своимъ не ходить въ него по цѣлымъ мѣсяцамъ. Въ отчетахъ по обозрѣнію буинскихъ училищъ мы встрѣчаемъ фактъ, что въ 3-хъ женскихъ школахъ, изъ которыхъ въ каждой числится по спискамъ 20 учениць, всѣ 20 учениць въ одной школѣ весьма давно не ходятъ, въ другой не ходятъ болѣе года,

въ третьей не ходятъ съ сентября по май (то-есть то же цѣлый учебный годъ). Цифра по своеволію *постоянно* не ходящихъ въ училище мальчиковъ и дѣвочекъ довольно значительная, именно—61 мальчикъ и 60 дѣвочекъ; если присоединить къ нимъ 65 учащихся, вышедшихъ, какъ видно по отчетамъ, по *«урослости»* (по лѣтамъ) и неуспѣшности,—то составится 205, то-есть $^1/_8$ часть всего числа учащихся, которую смѣло можно исключить изъ школьнаго списка.

Итакъ hinc illae lacrimae: небреженіе роднымъ языкомъ учениковъ — главная причина неудовлетворительнаго состоянія буинскихъ, а конечно и всѣхъ другихъ инородческихъ школъ. По нераціональному методу преподаванія, а главное потому, что въ этихъ школахъ совершенно игнорировался родной разговорный языкъ инородцевъ, выходившіе изъ этихъ школъ учащіеся имѣли неразвитую голову, свѣдѣнія смутныя, не могли ничего изъ пройденнаго разказать на своемъ языкѣ и скоро стушевывались между неграмотными и забывали то, чему учились въ школахъ. Слыша богослуженіе, проповѣдь и религіозное ученіе на чужомъ, мало-понятномъ для нихъ языкѣ, Чуваши-христіане по справедливости чувствуютъ себя, по ихъ словамъ, *обиженными вѣрой*: они не умѣютъ дать отчета объ исповѣдуемой ими вѣрѣ ни предъ Богомъ, ни предъ людьми; они не понимаютъ религіи, потому что религіозное знаніе усвоивается не однимъ умомъ, но и сердцемъ, а такое усвоеніе возможно только при посредствѣ роднаго языка, которымъ человѣкъ привыкъ говорить съ дѣтства. Въ такихъ инородческихъ мѣстностяхъ, каковъ Буинскій уѣздъ, открытыхъ отовсюду для магометанской пропаганды, ощутительно присутствіе разрушительныхъ силъ ислама; и Чуваши-христіане, подъ видимымъ вліяніемъ магометанства, легко усвоиваютъ татарскую народность, чему разительный примѣръ представляютъ почти совершенно отатарившіеся Чуваши Саратовской губерніи *), живущіе вмѣстѣ съ Татарами, послѣдователями ислама. Не могу не привести здѣсь совершенно справедливой характеристики настоящаго положенія живущихъ вмѣстѣ съ Татарами-магометанами Чувашъ-христіанъ, сдѣланной знатокомъ чувашскаго языка и быта, горячо преданнымъ дѣлу образованія Чувашъ, г. Золотницкимъ (нынѣ инспекторъ чувашскихъ школъ при управленіи Казанскаго учебнаго округа) въ небольшой брошюрѣ: «По вопросу о способахъ образованія Чу-

*) Столь же разрушительно вліяніе магометанства и на крещеныхъ Татаръ, что́ такъ тяжело выразилось въ отпаденіи ихъ, которое не осталось безъ вліянія и на школы. Въ Буинскомъ уѣздѣ, по показанію г. Малова («Статистическія свѣдѣнія о крещеныхъ Татарахъ Казанской и нѣкоторыхъ другихъ епархій въ Волжскомъ бассейнѣ»), крещеные Татары во всѣхъ приходахъ, исключая Трехболтаевскаго и Цимурзинскаго, живутъ по деревнямъ вмѣстѣ съ некрещеными Татарами и новокрещеными Чувашами. Въ Буинскомъ уѣздѣ крещеныхъ Татаръ 915 мужескаго и 569 женскаго пола, и знаменательно, что изъ такого числа во всѣхъ школахъ Буинскаго уѣзда учащихся крещеныхъ Татаръ всего 6 мальчиковъ и ни одной дѣвочки, а взято изъ школъ въ минувшемъ году 11 мальчиковъ и 8 дѣвочекъ. Грустный фактъ, показывающій силу вліянія ислама на крещеныхъ инородцевъ!

вашъ». «Сознаніе своей малоразвитости сравнительно съ сосѣдями, отсутствіе грамоты на своемъ языкѣ, непониманіе богослуженія и значенія обрядовъ той религіи, къ которой они причислены безсознательно, принудительная система обученія на чужомъ языкѣ при непригодномъ для жизни механизмѣ самаго обученія, близкое родство чувашскаго языка съ татарскимъ, общность многихъ житейскихъ обрядовъ, обученіе Татаръ на языкѣ близкомъ къ жизни и религіозно-нравственное руководство Татаръ ихъ духовенствомъ на народномъ языкѣ, всѣ эти въ совокупности взятыя обстоятельства, — говоритъ г. Золотницкій, — естественно, должны возбуждать въ Чувашахъ, живущихъ вмѣстѣ съ Татарами, сожалѣніе объ утратѣ своей грамоты, когда-то, по ихъ толкованію, «съѣденной коровою», пренебреженіе къ собственному безграмотному языку, равнодушіе къ православной церкви, отвращеніе отъ русской школы, расположенность ко всему татарскому и приверженность къ ихъ народнорелигіозному ученію, хотя бы даже и безъ особенно ревностной пропаганды со стороны магометанскаго духовенства».

Въ мѣстностяхъ, гдѣ Чуваши живутъ вмѣстѣ съ Татарами-магометанами, обученіе Чувашъ на народномъ ихъ языкѣ особенно важно: кромѣ уничтоженія предубѣжденій противъ грамотности, пробужденія охоты къ ученію и правильнаго развитія способностей Чувашъ, оно, по вѣрному замѣчанію г. Золотницкаго, «должно пробудить въ Чувашахъ племенное самолюбіе и уваженіе къ собственному языку, а усвоеніе христіанскихъ истинъ и возможность распространенія ихъ въ массѣ постановитъ наилучшій оплотъ противъ вліянія на нихъ магометанства». Путемъ роднаго языка Чуваши легче и основательнѣе усвоятъ себѣ и русскій языкъ, на которомъ они найдутъ книги по разнымъ отраслямъ вѣдѣнія, необходимыя для ихъ дальнѣйшаго образованія, будетъ ли оно совершаться въ русскихъ училищахъ или путемъ собственнаго домашняго чтенія.

Что обученіе на родномъ языкѣ дѣтей сопровождается успѣхомъ и привлекаетъ къ школѣ не только дѣтей, но и родителей,—фактическое доказательство этому представляетъ Убеевское сельское училище, въ которомъ законоучителемъ и учителемъ священникъ Симеонъ Фармаковскій. «По отчету священника Баратынскаго, ученики (въ школѣ 40 учениковъ: 2 Русскихъ, 38 Чувашъ) читаютъ и пишутъ вообще хорошо съ прописей и подъ диктовку, ариѳметику знаютъ въ практическомъ счисленіи съ употребленіемъ счетовъ. По Закону Божію разказываютъ съ толкомъ священную исторію ветхаго и новаго завѣта по-чувашски и русски (бывшіе во время экзамена Чуваши внимательно слушали ихъ разказы); ознакомлены также съ ученіемъ о богослуженіи, о праздникахъ и постахъ, знаютъ краткій катихизисъ съ должнымъ толкованіемъ. Религіозное развитіе инородческихъ мальчиковъ вполнѣ удовлетворительно. Педагогическіе

пріемы отца Фармаковскаго выражають достаточную самостоятельность и опытность. Выпущено изъ училища 8 мальчиковъ: 7 съ успѣхами и 1 по домашнимъ обстоятельствамъ. Въ женской школѣ обучается 20 дѣвочекъ; изъ нихъ выпущено съ успѣхами 4; успѣхи дѣвочекъ удовлетворительны».

Нельзя не замѣтить, что въ этой школѣ, благодаря педагогической опытности наставника, а главное тому, что онъ учитъ дѣтей разумно (по чувашски и русски), и дѣти учатся *охотно* (отсутствующихъ, а тѣмъ менѣе постоянно не ходящихъ нѣтъ) и *съ успѣхомъ*, и разказываютъ священную исторію съ толкомъ, и родители-Чуваши неравнодушны къ школѣ: они не только являются на экзаменъ, но и *внимательно слушаютъ.* Для нихъ утѣшеніе — слушать истины религіи на своемъ бѣдномъ, но родномъ, и потому дорогомъ языкѣ. Жаль только, что почтенный наставникъ не ввелъ въ своей школѣ пѣнія церковныхъ пѣснопѣній также на чувашскомъ и русскомъ языкѣ: это еще болѣе привлекло бы къ школѣ и дѣтей, и родителей, и служило бы радостію и утѣшеніемъ тѣмъ и другимъ, а вмѣстѣ и настраивало бы религіозно ихъ душу. Вообще церковнаго пѣнія нѣтъ во всѣхъ буинскихъ школахъ, какъ видно изъ отчстовъ; а между тѣмъ оно должно играть одну изъ важныхъ ролей въ дѣлѣ начальнаго воспитанія. Послушайте, съ какимъ одушевленіемъ и съ какимъ теплымъ религіознымъ чувствомъ поютъ церковныя пѣснопѣнія на татарскомъ языкѣ воспитанники школы для дѣтей крещеныхъ Татаръ, устроенной въ Казани г. Ильминскимъ.

Убеевская школа ясно доказываетъ намъ, что Чуваши могутъ сочувственно относиться къ школѣ, что и чувашскія дѣти могутъ не *своевольничать*, а учиться съ успѣхомъ, лишь бы руководитель школы велъ дѣло обученія разумно и не пренебрегалъ роднымъ языкомъ своихъ учениковъ.

Тойсинское сельское училище представляетъ также наглядный примѣръ важности обученія на народномъ языкѣ. Въ этомъ училищѣ, по Закону Божію, священной исторіи и по прочимъ предметамъ, преподаваемымъ законоучителемъ, успѣхи учениковъ неудовлетворительны. По предметамъ же, преподаваемымъ учителемъ, успѣхи достаточны; многіе читаютъ очень порядочно, пишутъ на бумагѣ, хотя и не всѣ хорошо, ариѳметическія выкладки съ употребленіемъ счетовъ дѣлаютъ исправно, по диктовкѣ пишутъ довольно правильно. И все потому, что учитель — изъ Чувашъ, крестьянинъ Андреяновъ. Правда, что мы не замѣчаемъ того порядка, той правильности въ занятіяхъ, какъ въ Убеевскомъ училищѣ: здѣсь 20 мальчиковъ по своеволію постоянно не ходятъ на уроки, о чемъ наставники неоднократно доводили до свѣдѣнія правленія. Мы убѣждены, что опытный педагогъ Убеевскаго училища, отецъ Фармаковскій, не доводитъ ничего подобнаго до *свѣдѣнія правленія,* а къ нему ходятъ не только ученики, но и родители. Вѣроятно, Тойсинскіе педагоги не обладаютъ еще достаточнымъ

педагогическимъ тактомъ, чтобы заинтересовать учениковъ ученіемъ: потому и приходится имъ *доводить до свѣдѣнія правленія*, а толку все мало. Не лучше ли въ самихъ себѣ поискать причины *своеволія* учениковъ?

Тархановское сельское училище, гдѣ законоучителемъ священникъ Соловьевъ, свободно объясняющійся на чувашскомъ языкѣ, приводитъ къ тому же убѣжденію, что начальное религіозное ученіе можетъ съ успѣхомъ идти и должно идти только на родномъ языкѣ дѣтей. «Священникъ, сказано въ отчетѣ по обозрѣнію училищъ, свободно объясняясь на чувашскомъ языкѣ, съ особеннымъ успѣхомъ передаетъ имъ знаніе о Законѣ Божіемъ и о прочихъ своихъ предметахъ, почему свѣдѣнія мальчиковъ *разумны* и *хорошо усвоенныя*. Въ этомъ училищѣ, несмотря на инородческій край, мальчики читаютъ внятно и съ пониманіемъ, пишутъ хорошо и счетъ знаютъ достаточно». Это выраженіе ревизовавшаго члена училищнаго совѣта, священника Лебедева, — *несмотря на инородческій край* — очень характеристично, особенно въ приложеніи къ училищу, въ которомъ главный дѣятель основательно знаетъ родной языкъ своихъ учениковъ; это выраженіе показываетъ, что члены буинскаго училищнаго совѣта, разъ задавшись мыслію о томъ, что грубость и неразвитость инородцевъ, своеволіе и распущенность дѣтей составляютъ причины отвращенія отъ училищъ и неудовлетворительнаго состоянія оныхъ, не могутъ усмотрѣть главной причины, то-есть пренебреженія роднымъ языкомъ учениковъ, которая очевидна, особенно въ тѣхъ училищахъ, гдѣ на этотъ языкъ обращено должное вниманіе.

Состояніе училищъ Буинскаго уѣзда приводитъ насъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1. Самая разнохарактерность школъ Буинскаго уѣзда отнюдь не допускаетъ однообразія въ ихъ внутреннемъ устройствѣ. а) Школы чисто-чувашскія требуютъ дѣятелей, основательно знакомыхъ съ языкомъ своихъ учениковъ, требуютъ обученія сначала на чувашскомъ языкѣ (для чего рекомендуемъ книги, издаваемыя г. Золотницкимъ на чувашскомъ языкѣ русскимъ алфавитомъ), потомъ постепеннаго перехода къ русскому. Цѣль чувашскихъ, какъ и всѣхъ школъ для крещеныхъ инородцевъ: 1) религіозно-нравственное образованіе, и 2) усвоеніе ими русскаго языка, и, вслѣдствіе того, обрусеніе, слитіе инородческой безурядной массы съ общимъ строемъ русской жизни. b) Въ школахъ смѣшанныхъ ни одинъ составъ учениковъ не долженъ быть оставленъ учителями безъ вниманія.

2. Въ курсѣ ученія необходимо ввести церковное пѣніе, а при обученіи ариѳметикѣ слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на умственное вычисленіе и выкладку на счетахъ.

3. Школы чувашскія и школы со смѣшаннымъ составомъ учащихся слѣ-

дуетъ подчинить въ педагогическомъ отношеніи вліянію инспектора чувашскихъ школъ, который обязанъ объѣзжать школы и знакомить преподавателей съ улучшенными и болѣе раціональными методами первоначальнаго обученія Чувашъ.

4. Необходимо составить руководство для инородческихъ учителей и подробную програму преподаванія.

5. Необходимо изданіе переводовъ Священнаго Писанія, краткаго объясненія литургіи и богослужебныхъ пѣснопѣній на чувашскій языкъ, но не такимъ книжнымъ, неудобопонятнымъ для Чувашъ языкомъ, какимъ отличаются прежніе переводы, а рѣчью народною и притомъ на столько народною, чтобы каждое ея слово взято было изъ жизни, и, такъ сказать, само дышало жизнію.

6. Желательно и совершенно необходимо единство въ дѣйствіяхъ членовъ училищнаго совѣта, осматривающихъ училища, и, напротивъ, совершенно нежелательно и вредно для дѣла, если одинъ членъ училищнаго совѣта будетъ требовать одного, другой другаго, одинъ будетъ хвалить то, что другой порицать. Поэтому не лучше ли членамъ-визитаторамъ не дѣлать на мѣстѣ личныхъ распоряженій по учебной части, а предоставлять то усмотрѣнію училищнаго совѣта, который, естественно, будетъ основываться на ихъ же докладѣ, на фактахъ ими же представляемыхъ?

7. Желательно, чтобы члены, осматривающіе инородческія училища, обращали вниманіе на число учащихся по народностямъ и на то, знаютъ ли учителя инородческіе языки.

Само собою разумѣется, что сказанное нами выше относится не къ однимъ буинскимъ училищамъ, но ко всѣмъ школамъ, гдѣ учатся дѣти крещеныхъ инородцевъ. Самое положеніе буинскихъ школъ можетъ служить примѣромъ того положенія, въ какомъ находятся всѣ инородческія училища въ Казанскомъ учебномъ округѣ, за исключеніемъ школы г. Ильминскаго, представляющей счастливое исключеніе и по-истинѣ могущей служить образцомъ для другихъ инородческихъ школъ.

Взаключеніе нельзя не пожелать отъ души, чтобы и прочіе училищные совѣты послѣдовали благому примѣру буинскаго совѣта въ разумной заботливости объ улучшеніи народныхъ школъ. Нѣкоторые, не совсѣмъ вѣрные взгляды, высказываемые членами буинскаго училищнаго совѣта, выкупаются громадною пользою, приносимою членами, притомъ же ошибки естественны въ каждомъ новомъ дѣлѣ (а раціональное образованіе инородцевъ — у насъ дѣло совершенно новое): не ошибается только тотъ, кто *ничего* не дѣлаетъ.

П. Шестаковъ.

Еще нѣсколько словъ объ образованіи инородцевъ *).

Audiatur et altera pars.

Вопросъ объ образованіи инородцевъ столь важенъ, что всякое заявленіе, касающееся этого вопроса, заслуживаетъ полнаго вниманія и обсужденія: пора уже положить конецъ тому порядку вещей, который впродолженіе нѣсколькихъ вѣковъ не привелъ положительно ни къ какимъ результатамъ и не подвинулъ ни на сколько дѣло христіанскаго просвѣщенія инородцевъ нашей восточной окраины. Если достойно полнаго вниманія всякое заявленіе по этому важному вопросу, то тѣмъ болѣе заслуживаютъ полнаго уваженія благородныя начинанія такихъ дѣятелей, какъ гг. Ильминскій и Золотницкій, начинанія, по своей разумности и практичности, обѣщающія и теперь уже отчасти приносящія (мы разумѣемъ дѣло г. Ильминскаго) благотворные результаты. Чѣмъ новѣе и труднѣе дѣло, тѣмъ естественнѣе нареканія; но тѣмъ больнѣе для дѣятелей, тѣмъ опаснѣе для успѣха самаго дѣла, если эти нареканія изъ частной сферы переходятъ въ офиціальную вліятельную сферу, могущую дать жизнь и смерть дѣлу. Мы не сомнѣваемся, что дѣло, коренящееся на разумныхъ основаніяхъ, несомнѣнно восторжествуетъ, и можетъ быть «очистится въ горнилѣ общественной критики отъ нѣкоторыхъ случайныхъ примѣсей и нѣкоторыхъ крайностей увлеченія», но мы увѣрены также, что едвали полезно для дѣла и для общественнаго мнѣнія о немъ прозрѣвать въ немъ то, чего въ дѣлѣ нѣтъ, и что́ и на мысль не входитъ дѣятелямъ; едвали полезно также преувеличивать опасности и видѣть какіе-то ужасающіе призраки тамъ, гдѣ ихъ видѣть не представляется никакого трезваго основанія. Особенно легко ошибиться, изрекая приговоры о дѣлѣ издалека. Если мы не довѣряемъ какимъ-либо дѣятелямъ, боимся вреда отъ ихъ ошибокъ и увлеченій, не лучше ли всмотрѣться на мѣстѣ въ ихъ дѣло и только тогда рѣшаться на приговоры. Такъ мы и сдѣлали относительно г. Ильминскаго и его школы: мы только тогда стали за нее и за его систему, когда близко ознакомились съ тою и съ другою. Тогда только мы почли себя въ правѣ сказать о ней безпристрастное слово. Но наше мнѣніе о дѣйствіяхъ и системѣ г. Ильминскаго, основанное на внимательномъ наблюденіи, признается слишкомъ рѣшительнымъ редакціею *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, никогда не видавшею школы г. Ильминскаго. Редакція почтеннаго офиціальнаго журнала посвятила вопросу объ образованіи инородцевъ цѣлую статью: «Къ вопросу объ инородческихъ училищахъ».

Основная мысль этой статьи можетъ быть выражена словами, употребленными редакціею *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*,—medio

*) Изъ Журн. Мин. Нар. Просв., сент. 1865 г.

tutissime ibis. Справедливо признавая несостоятельность прежней системы обученія инородческихъ дѣтей, по которой ихъ засаживали, прямо по поступленіи въ школу, за русскій букварь и заставляли заучивать русскія молитвы, когда они еще ни слова не знали по-русски, редакція *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* считаетъ своимъ долгомъ обстоятельно изложить всѣ сомнѣнія и возраженія противъ системы г. Ильминскаго, «полагающей въ основу *всего* (?) религіозно-нравственнаго и умственнаго образованія инородцевъ ихъ родныя нарѣчія; это (по словамъ редакціи) краеугольный камень его системы; онъ желаетъ водворить эти нарѣчія и въ школѣ и въ самой церкви... Эти сомнѣнія и возраженія заключаются въ слѣдующемъ:

1) Хотя татарскій народный языкъ располагаетъ, сравнительно съ другими мѣстными нарѣчіями, еще бо̀льшими способами для выраженія, безъ всякаго ущерба для содержанія, высокихъ истинъ христіанскаго вѣроученія и сохраненія всѣхъ особенностей молитвъ и пѣснопѣній православной церкви, «но и тутъ нѣкоторые знатоки дѣла выражаютъ опасеніе, что для передачи христіанскаго вѣроученія и особенно пѣснопѣній православной церкви на татарскомъ нарѣчіи неминуемо придется выражать христіанское содержаніе ихъ о̀бразами и оборотами, заимствованными изъ языка магометанскаго вѣроученія и магометанскихъ молитвъ. Впослѣдствіи, при дальнѣйшихъ успѣхахъ этой татарскоправославной церкви въ средѣ Татаръ-магометанъ, этотъ предположительно внесенный въ нее первоначально магометанскій элементъ не получитъ ли дальнѣйшаго развитія, и, вмѣсто истиннаго православнаго христіанства, не явится ли нѣчто среднее между христіанствомъ и магометанствомъ?»

2) «Да и настоитъ ли необходимость, сказано далѣе, дѣлать татарское нарѣчіе языкомъ православной церкви и православнаго богослуженія? Татары всѣ, безъ исключенія, понимаютъ и довольно бойко говорятъ по-русски; многимъ ли будетъ непонятнѣе для нихъ, чѣмъ для природныхъ Русскихъ, обычное богослуженіе русской церкви, особенно же божественная литургія, которая не столько словами, сколько совершаемыми священнодѣйствіями, напоминаетъ всѣмъ православнымъ главнѣйшія событія изъ земной жизни Спасителя?»

3) «Что же касается до другихъ инородцевъ, то ихъ нарѣчія, по господствующему мнѣнію, еще менѣе татарскаго способны стать языкомъ школы и церкви».

а) Чувашское нарѣчіе очень бѣдно. При этомъ естественно рождается опасеніе: «не будетъ ли г. Золотницкій (занимающійся изданіемъ учебныхъ пособій и переводовъ Священнаго Писанія на чувашскій языкъ) вынужденъ, для того чтобы дать хотя какую нибудь литературную обработку чувашскому нарѣчію, сблизить его, сколь возможно, съ болѣе развитымъ татарскимъ нарѣчіемъ», то есть, отатарить чувашское нарѣчіе; а такое искусственное усиленіе татарскаго

элемента на восточной окраинѣ Россіи и сліяніе *различныхъ* инородческихъ группъ въ *одну* инородческую массу, даже и при серіозномъ христіанскомъ просвѣщеніи ея, никоимъ образомъ не могло бы быть желательно». Руководясь этимъ опасеніемъ, редакція *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* выражаетъ мнѣніе, что осторожнѣе было бы не принимать въ новоустроенныя г. Ильминскимъ татарскія школы Черемисъ, Вотяковъ и Чувашъ (какъ будто этихъ инородцевъ будутъ учить по татарски и такимъ образомъ отатаривать!).

б) «Не послужатъ ли инородческія школы, устроенныя по системѣ г. Ильминскаго, къ сознательному развитію племенныхъ особенностей, могущему если не воспрепятствовать, то затруднить сліяніе инородцевъ съ русскимъ народомъ?» Редакція опасается, «что самыя попытки дать письменность и нѣкоторое литературное развитіе нарѣчіямъ, которымъ все это было до сихъ поръ чуждо, и возвести эти нарѣчія на степень языковъ школы и церкви не будутъ ли имѣть непремѣннымъ своимъ послѣдствіемъ именно развитіе инстинктовъ», способныхъ отдалить ихъ отъ Русскаго народа. «Смотря на дѣло съ этой точки зрѣнія, безъ сомнѣнія, нельзя сочувствовать и мысли о многочисленныхъ переводахъ и изданіяхъ на инородческихъ нарѣчіяхъ, и возможно допустить исключеніе только для Евангелія и для поученій въ христіанствѣ, которыя обнимали бы главнѣйшія событія священной исторіи».

в) «Наконецъ, указываютъ и на практическое неудобство, которое произошло бы отъ примѣненія системы гг. Ильминскаго и Золотницкаго ко всѣмъ инородческимъ училищамъ. Такъ какъ въ силу этой системы господствующимъ языкомъ преподаванія было бы одно изъ инородческихъ нарѣчій, то кругъ преподавателей ограничился бы только лицами, хорошо знающими эти нарѣчія, и во многихъ мѣстностяхъ пришлось бы устранить священниковъ даже отъ преподаванія Закона Божія». Взаключеніе дѣлается ссылка на примѣръ другихъ европейскихъ народовъ: «Многіе изъ образованнѣйшихъ европейскихъ народовъ, какъ въ самой Европѣ, такъ и въ другихъ частяхъ свѣта, неоднократно имѣли дѣло съ религіозно-нравственнымъ и умственнымъ образованіемъ подвластныхъ имъ инородцевъ, и никогда не возводили ихъ нарѣчій въ языкъ церкви или школы, особенно если эти нарѣчія не имѣли не только литературной обработки, но и вообще никакой письменности, и однакоже они достигали самыхъ удовлетворительныхъ во всѣхъ отношеніяхъ результатовъ». Приводимая затѣмъ выписка изъ сочиненія Сбоева: «Чуваши въ бытовомъ, историческомъ и религіозномъ отношеніи», которою редакція *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* надѣется показать, что при хорошихъ пріемахъ преподаванія весьма скоро достигаются замѣчательные успѣхи въ русскомъ языкѣ, даже и въ томъ случаѣ, когда инородческихъ дѣтей засаживаютъ прямо за русскій бу-

кварь, на первомъ же году ихъ школьной жизни, ровно ничего не доказываетъ, потому что представляетъ фактъ не въ надлежащемъ свѣтѣ.

«Число грамотныхъ Чувашъ, говоритъ Сбоевъ, уже довольно значительно». А спросите, какова грамотность, полученная ими, и вы получите въ отвѣтъ: «У «насъ грамотныхъ много, а ни одинъ не можетъ объяснить прочитаннаго по «книгѣ». Что же пользы отъ такой грамотности? Что пользы отъ обученія, образующаго людей, занимающихся процессомъ чтенія подобно Петрушкѣ Гоголя? «Я знаю — говоритъ жившій съ малолѣтства среди Чувашъ г. Золотницкій — «многихъ грамотѣевъ изъ Чувашъ, которые поступили въ училища и по желанію «отцовъ, и даже противъ ихъ воли сами уходили учиться (стало быть, по страсти «къ ученію); но, при обученіи по-русски, ни одинъ изъ нихъ не вынесъ оттуда «ничего, кромѣ способности механическаго чтенія и самыхъ туманныхъ познаній «въ Законѣ Божіемъ». Но, скажутъ намъ, по увѣренію Сбоева, въ Кошкинскомъ училищѣ, достопочтенный священникъ Н. В. Золотницкій преподаетъ желающимъ и болѣе смышленнымъ мальчикамъ основныя начала русской грамматики и краткую географію. *Черезъ годъ они* (Чувашлята) *пріучаются было читать и свободно объясняться по-русски.* Послѣднія слова подчеркнуты редакціей *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* какъ особенно замѣчательныя и показывающія, что и засаживаемыя прямо за русскій букварь инородческія дѣти достигаютъ замѣчательныхъ успѣховъ въ русскомъ языкѣ на первомъ же году своей школьной жизни. Редакція вовлечена въ ошибку литераторомъ, съ одной стороны сказавшимъ мало, съ другой слишкомъ много. Дѣло въ томъ, что: 1) достопочтенный священникъ Н. В. Золотницкій объяснялъ дѣтямъ въ Кошкинской школѣ по-чувашски, слѣдовательно держался той же системы, которой держится теперь сынъ его, Н. И. Золотницкій и Н. И. Ильминскій; 2) и при такомъ раціональномъ обученіи, по засвидѣтельствованію Н. И. Золотницкаго, знавшаго лучше Сбоева училище своего отца, священникъ Н. В. Золотницкій никогда не могъ достигнуть желанныхъ результатовъ въ годъ, но требовалось для этого гораздо больше времени.

Не излагая, какую среднюю самую безопасную дорогу выбрала редакція *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* для образованія инородческихъ дѣтей, мы считаемъ долгомъ остановиться на изложенныхъ выше возраженіяхъ и опасеніяхъ редакціи. 1) Первое возраженіе направлено противъ употребленія татарскаго языка, какъ языка церкви, противъ татарско-православной церкви, какъ выражается редакція *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, опасающаяся, что при этомъ выйдетъ что-либо среднее между христіанствомъ и магометанствомъ. Признаемся, мы не можемъ хорошо понять этого опасенія редакціи; не можемъ понять, какимъ образомъ вслѣдствіе употребленія татарскаго языка въ богослуженіи, вслѣдствіе изложенія христіанскихъ не-

тинъ татарскими образами и оборотами, выйдетъ какая-то особая татарско-православная церковь, что-то среднее между христіанствомъ и магометанствомъ. Нужно предположить слишкомъ много неопытности и положительнаго неумѣнья въ переводчикахъ, чтобы сказать, что они будутъ излагать христіанскія истины татарскими образами и оборотами, заимствованными изъ языка магометанскаго вѣроученія и магометанскихъ молитвъ. Кто же будетъ переводить такъ? Переводчикъ Священнаго Писанія обыкновенно передаетъ языкомъ, на который онъ переводитъ, то, что можно передать этимъ языкомъ, придерживаясь духа христіанской вѣры; тамъ же, гдѣ на языкѣ, на который переводитъ, нѣтъ подходящихъ словъ, онъ заимствуетъ ихъ изъ того языка, съ котораго переводитъ и который сдѣлался языкомъ церкви. Такъ дѣлали и славянскіе апостолы: они излагали на славянскомъ языкѣ, что могло быть изложено, а то, для чего не находилось терминовъ на славянскомъ языкѣ, выражали они языкомъ православной церкви, греческимъ, и эти слова, внесенныя въ наше Священное Писаніе и наши богослужебныя книги, получили въ нашемъ языкѣ право гражданства. Точно такъ же поступаютъ и переводчики Священнаго Писанія на инородческіе языки. Откуда же образуется при этомъ татарско-православная церковь, или что-то среднее между христіанствомъ и магометанствомъ? Вѣдь если судить такъ, какъ судитъ редакція *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, то придешь къ заключенію, что всѣ племенныя церкви одного исповѣданія составляютъ различныя церкви, потому что въ нихъ употребляется различный языкъ, различные образы и обороты; тогда придется, пожалуй, признать одинъ какой-либо языкъ господствующимъ и даже исключительнымъ языкомъ церкви христіанской. Но вспомнимъ, что въ христіанской церкви нѣтъ ни Еллина, ни Іудея, — всѣ народы могутъ на своихъ языкахъ прославлять Спасителя, пришедшаго спасти не однихъ погибшихъ чадъ дома Израилева, но всѣхъ людей безъ различія племенъ, нарѣчій и языковъ. Вспомнимъ, что вездѣ, у всѣхъ племенъ, и въ первые, и въ послѣдующіе вѣка, христіанство проповѣдывалось и церковная служба совершалась на ихъ родныхъ языкахъ. Вспомнимъ о сошествіи Святаго Духа на апостоловъ. Это событіе ясно показываетъ, что духовное просвѣщеніе должно идти и можетъ идти съ успѣхомъ только на языкѣ просвѣщаемыхъ; что посланцы Божіи, миссіонеры, проповѣдники слова Божія, должны знать языки тѣхъ племенъ, куда они несутъ евангельскую проповѣдь; что евангельское ученіе должно быть проповѣдуемо на родномъ языкѣ тѣхъ народовъ, къ которымъ приносится. Это подтверждается и исторіею обращенія нашихъ инородцевъ. Инородцамъ нравится, ихъ привлекаетъ христіанское богослуженіе, совершаемое на ихъ родномъ языкѣ. Преосвященный Гавріилъ, епископъ Имеретинскій, въ статьѣ своей «Православіе на Кавказѣ» (*Православное Обозрѣніе*, январь 1867 г., стр. 39) говоритъ: «За обѣднею, по прочтеніи Евангелія, о. Ѳеофанъ

«передалъ молящимся (Сванетамъ) кратко содержаніе Евангелія по-сванетски. «Кромѣ того я заставилъ его, какъ здѣсь, такъ и при другихъ служеніяхъ, переводить по-сванетски главнѣйшія изъ возношеній, напримѣръ: «*Призри съ небеси, Боже*», и «*Благодать Господа нашего Іисуса Христа*» и пр.; это, «казалось, очень нравилось предстоящимъ.» Въ самой статьѣ «Къ вопросу объ инородческихъ училищахъ» приводится также примѣръ благотворнаго и трогательнаго дѣйствія на народъ церковныхъ пѣснопѣній на родномъ языкѣ. «Въ «прошлогоднія святки эта школа (женская школа въ деревнѣ Никифоровкѣ, «Мамадышскаго уѣзда) привлекала къ себѣ множество татарскихъ крестьянъ и «крестьянокъ, которые проводили въ ней цѣлые вечера, слушая со слезами на «глазахъ стройное церковное пѣніе на татарскомъ нарѣчіи, при чемъ особенно «сильное впечатлѣніе на нихъ производила молитва: «*Чертогъ Твой вижду, Спасе мой.*» Что можетъ быть доказательнѣе этого факта въ пользу употребленія татарскаго языка въ церковномъ богослуженіи: эти слезы умиленія, это слушаніе по цѣлымъ вечерамъ божественныхъ пѣснопѣній краснорѣчивѣе всего говорятъ въ пользу того, что только путемъ богослуженія на родномъ языкѣ могутъ быть привлечены ко Христу сердца крещеныхъ, а за ними, при содѣйствіи всесильной благодати Божіей, и некрещеныхъ Татаръ.

Разумные и опытные миссіонеры постоянно идутъ этимъ вѣрнымъ, указаннымъ самимъ Спасителемъ, путемъ — проповѣдуютъ Евангеліе и поучаютъ народъ въ божественномъ ученіи на родномъ языкѣ. Въ февральской книжкѣ *Православнаго Обозрѣнія* текущаго года, на стр. 86-й, говорится слѣдующее объ Алтайскихъ миссіонерахъ: «Алтайскіе миссіонеры, исключая какія-«либо особенныя обстоятельства, вообще заботятся основательно приготовлять «язычниковъ къ принятію христіанской вѣры. Произнесеніе отреченія отъ языч-«ества и чтеніе символа вѣры *по-славянски* вовсе не считаютъ въ числѣ усло-«вій *основательнаго* приготовленія инородцевъ, большею частію не понимаю-«щихъ ни одного слова не только по-славянски, но и по-русски. Изучить высо-«кія истины христіанской вѣры на языкѣ совершенно непонятномъ было бы для «полудикаго инородца дѣломъ въ высшей степени мудренымъ: и если бы кто-«нибудь изъ нихъ нашелся обладающимъ такою рѣдкою памятью, что скоро за-«твердилъ бы слово въ слово отвѣты и символъ вѣры по-славянски, то такому «знанію радоваться не было бы особой разумной причины. Напротивъ, Алтайскіе «миссіонеры, послѣдуя слову апостольскому и примѣру первоначальника своего «о. а. Макарія, стараются, чтобы крещеные лучше пять словъ умомъ (то-есть «разумно) глаголали, нежели тьмы словесъ языкомъ (1 Кор. 14, 19): оттого и «отвѣты отреченія, и молитвы, и символъ вѣры обыкновенно преподаются ино-«родцамъ на ихъ родномъ языкѣ». Не можемъ не привести здѣсь свидѣтельства преосвященнаго Нила, архіепископа Ярославскаго, много и съ любовію подви-

завшагося на поприщѣ миссіонерства и теперь еще трудящагося надъ переводомъ богослужебныхъ книгъ на монгольскій языкъ. Преосвященный Нилъ душою преданъ миссіонерскому дѣлу и говоритъ о немъ съ увлеченіемъ. Всѣ досуги свои онъ посвящаетъ этому святому дѣлу—переводу на монгольскій языкъ книгъ Священнаго Писанія и богослужебныхъ. Переведенныя имъ священныя пѣснопѣнія уже положены на ноты. Отца Николая Нилова-Доржѣева, о которомъ будетъ сказано ниже, называетъ онъ своею правою рукою. Съ особеннымъ чувствомъ благодарности говорилъ намъ преосвященный Нилъ о содѣйствіи г. оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, графа Дмитрія Андреевича Толстаго. Жаль одного, что переводы преосвященнаго Нила выходятъ въ свѣтъ въ очень незначительномъ количествѣ экземпляровъ (300). Переводы эти первоначально печатались церковно-славянскимъ шрифтомъ, теперь же печатаются на одной сторонѣ церковно-славянскимъ, на другой—монгольскимъ шрифтомъ. Въ 17-мъ примѣчаніи къ сочиненію своему: «Буддизмъ, разсматриваемый въ отношеніи къ послѣдователямъ его, обитающимъ въ Сибири», преосвященный Нилъ говоритъ: «Въ недавніе годы (1840 — 53) Буряты Тункинскіе, Баргузинскіе и «Аларскіе обнаруживали замѣчательную наклонность къ принятію христіанства. «Мнѣ самому случалось крестить ихъ цѣлыми сотнями. Ангара и Иркутъ не разъ «представляли намъ утѣшительныя зрѣлища временъ св. Владиміра, совершавшія«ся на Днѣпрѣ и Почайнѣ. Благословенный ходъ дѣла зависѣлъ отъ многихъ «видимыхъ и невидимыхъ причинъ. Но осязательно споспѣшествовали тому: 1) «учрежденіе пустыни преподобнаго Нила на западной границѣ нашей съ китайскою «Монголіею, въ видахъ распространенія евангельской проповѣди среди языче«ствующихъ племенъ; 2) построеніе многихъ церквей и особенно въ средоточіи «населенія Тункинскихъ, Балаганскихъ и Аларскихъ Бурятъ; 3) усиленіе миссій «и правильнѣе обусловленная ихъ дѣятельность; 4) *переводъ богослужебныхъ «книгъ на монголо-бурятскій языкъ, и совершеніе на языкѣ семъ разныхъ «службъ и требъ. Звуки родного языка, слышимые въ храмѣ Божіемъ, нерѣд«ко производили на Бурятовъ чудесное дѣйствіе.* Такъ, Тункинскій тайша «Зангей Хамаковъ, имѣвъ случай слышать при архіерейскомъ священнодѣйствіи «въ Гужирской Николаевской церкви нѣкоторыя пѣснопѣнія на монгольскомъ «языкѣ, дотого возбужденъ былъ въ пользу христіанства, что немедленно объя«вилъ о желаніи своемъ принять св. крещеніе и создать церковь на томъ самомъ «мѣстѣ, гдѣ уже начато было созиданіе языческаго капища». Благодаря разумной миссіонерской дѣятельности, полагавшей въ основаніе проповѣдь и богослуженіе на родномъ языкѣ инородцевъ, цѣлыя семьи переходили въ христіанство; изъ буддиста и ламы вышелъ христіанинъ и священникъ, обратившій въ христіанство своего отца, 80-лѣтняго старца, съ 11-ю членами семейства, выстроившій церковь въ средѣ бурятскаго населенія. Мы говоримъ объ о. Николаѣ Ниловѣ-

Доржѣевѣ, миссіонерѣ и священникѣ, который родомъ Монголъ, и краткую біографію котораго излагаетъ преосвященный Нилъ на стр. 343—347 своей книги о Буддизмѣ.

Приведенныхъ фактовъ достаточно, думаемъ, для доказательства того, что татарскій языкъ можетъ и долженъ быть языкомъ православной церкви и православнаго богослуженія, если мы желаемъ, чтобы христіанская вѣра утвердилась между крещеными Татарами и мало по малу распространилась между Татарами-магометанами; что обязанность священника и миссіонера, дѣйствующаго среди инородцевъ, основательно знать языкъ того племени, гдѣ суждено ему дѣйствовать; и что, наконецъ, желательно имѣть священниковъ и миссіонеровъ подобныхъ о. Николаю Нилову-Доржѣеву, изъ самихъ инородцевъ, вполнѣ знакомыхъ съ жизнію и вѣрою своихъ соплеменниковъ, и потому съ наибольшею пользою могущихъ дѣйствовать въ дѣлѣ христіанской проповѣди между своими соплеменниками. Пусть священники изъ инородцевъ не будутъ учеными богословами и мыслителями; пусть обладаютъ они сердцемъ теплымъ, любящимъ Бога, вполнѣ преданнымъ христіанской религіи и стремящимся ко благу своихъ соплеменниковъ: — и они, люди простые, но пламенѣющіе огнемъ вѣры въ Бога и любви къ своимъ ближнимъ, принесутъ пользы болѣе многихъ изъ ученыхъ теологовъ, и, подобно апостоламъ, которые, до просвѣщенія ихъ божественнымъ свѣтомъ, были людьми простыми и невѣдущими, далеко разнесутъ евангельское ученіе по своему племени. Необходимость подготовленія священниковъ для инородцевъ изъ ихъ единоплеменниковъ сознавалась уже давно. Высочайшимъ повелѣніемъ, послѣдовавшимъ въ 15-й день іюня 1829 года, постановлено избирать для Вятской епархіи нѣсколько мальчиковъ изъ крестьянъ черемисскаго племени для обученія ихъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ съ тою цѣлію, чтобъ образовать изъ нихъ священнослужителей въ черемисскіе приходы, чтобъ они, какъ знакомые съ языкомъ и нравами народными, тѣмъ удобнѣе и успѣшнѣе могли дѣйствовать на своихъ единоплеменниковъ въ утвержденіи въ св. вѣрѣ уже обращенныхъ въ христіанство и въ приведеніи къ христіанской вѣрѣ остающихся еще въ язычествѣ. Опытъ показалъ, что бóльшая часть черемисскихъ мальчиковъ, поступившихъ въ духовныя училища, по слабости дарованія (мы прибавили бы и по незнанію русскаго языка) не могли оказывать достаточныхъ успѣховъ. Вслѣдствіе этого преосвященный Вятскій Аполлосъ находитъ полезнымъ и необходимымъ: 1) поручить священникамъ черемисскихъ приходовъ (такихъ приходовъ 57), чтобъ они озаботились въ подвѣдомыхъ имъ школахъ обучить грамотѣ, письму и церковнымъ молитвамъ тѣхъ черемисскихъ дѣтей, которыя окажутся способными къ продолженію дальнѣйшаго образованія и которыхъ родители согласны отдать въ духовное званіе; 2) при семинаріи Вятской открыть приготовительную школу, гдѣ наставникъ

черемисскаго языка и, подъ его руководствомъ, воспитанники семинаріи, ознакомленные съ педагогическими пріемами, будутъ заниматься объясненіемъ для Черемисянъ правилъ русскаго языка, ариѳметики, священной исторіи и катихизиса. Курсъ этого приготовительнаго класса полагается двухлѣтній. Если приготовленіе въ приходскихъ школахъ поведено будетъ священниками разумно, при помощи родного языка учениковъ, то послѣ двухъ-трехъ лѣтъ ученія въ приходской школѣ, да двухъ лѣтъ обученія въ приготовительномъ классѣ, тоже при помощи черемисскаго языка, есть основаніе надѣяться, что черемисскіе мальчики будутъ поступать въ семинарію съ достаточнымъ знаніемъ русскаго языка и на столько развитыми, чтобы съ успѣхомъ слушать семинарскіе уроки. Итакъ, вотъ еще фактъ сознанія необходимости: 1) имѣть священниковъ для инородцевъ изъ инородцевъ; 2) приготовлять ихъ къ прохожденію курса русскихъ учебныхъ заведеній путемъ особыхъ школъ, въ которыхъ прилагалось бы особенное вниманіе къ развитію ихъ; а для этого, конечно, необходимо, чтобъ ученіе было приспособляемо лично къ каждому изъ учащихся, и было производимо при помощи родного языка учениковъ. Не излишнимъ считаемъ замѣтить при этомъ, что для успѣшнаго приготовленія пригодныхъ священнослужителей изъ Черемисъ слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, значительно сократить для нихъ учебный курсъ. Мы опасаемся, чтобъ излишняя ученость не изсушила ихъ сердца и не отдалила ихъ духомъ отъ соплеменниковъ. Для духовнаго пастыря младенчествующихъ христіанъ не столько нужно систематическое богословское образованіе, сколько чистое, неиспорченное сердце — живое и теплое, полное вѣры въ Бога и беззавѣтно преданное дѣлу религіи; на призывъ такого сердца скорѣе, чѣмъ на богословскія доказательства, откликнется простое сердце полудикаго инородца. «И слово мое, и проповѣдь моя, говоритъ апостолъ Павелъ (первое посланіе къ Коринѳянамъ, гл. 2. 4), не въ убѣдительныхъ словахъ человѣческой мудрости, но въ явленіи духа и силы. Ибо я разсудилъ быть у васъ незнающимъ ничего, кромѣ Іисуса Христа, и притомъ распятаго» (гл. 2. 2).

2) Второе возраженіе редакціи *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* было бы совершенно справедливо, еслибъ основаніе этого возраженія было вѣрное. Если бы Татары, *всѣ безъ исключенія*, понимали и довольно бойко говорили по-русски, тогда, конечно, не было бы и надобности въ переводахъ Священнаго Писанія и богослужебныхъ книгъ на татарскій языкъ; но, къ сожалѣнію, Татары, за немногими исключеніями, очень плохо понимаютъ, а говорятъ по-русски лишь самыя обыденныя фразы; въ нѣкоторыхъ же мѣстностяхъ, сплошь населенныхъ Татарами, *всѣ безъ исключенія*, почти не понимаютъ и совсѣмъ не говорятъ по-русски. При такомъ знаніи Татарами русскаго языка настоитъ совершенная необходимость сдѣлать татарскій языкъ язы-

комъ церкви, если мы дѣйствительно желаемъ привлечь къ церкви младенчествующихъ членовъ православной церкви — крещеныхъ Татаръ, и расположить къ христіанству Татаръ-магометанъ. Что касается до того, будто немногимъ будетъ понятнѣе для Татаръ, чѣмъ для природныхъ Русскихъ, обычное богослуженіе русской церкви, особенно же божественная литургія, «которая не «столько словами, сколько совершаемыми священнодѣйствіями напоминаетъ «всѣмъ православнымъ главнѣйшія событія изъ земной жизни Спасителя», то мы не можемъ раздѣлять этого мнѣнія редакціи: если для простаго русскаго народа богослуженіе на церковно-славянскомъ языкѣ не вполнѣ понятно, то для Татаръ, почти не понимающихъ и русскаго языка, это богослуженіе будетъ уже совершенно непонятно: непонятна будетъ и литургія, хотя она дѣйствительно имѣетъ символическое и прообразовательное значеніе, какъ, впрочемъ, и все наше богослуженіе; но слова и дѣйствія взаимно пополняютъ и объясняютъ другъ друга. Чего православный не пойметъ въ дѣйствіи, то нѣсколько могутъ объяснить ему слова священнослужащихъ или пѣніе клира; что не вполнѣ понятно ему въ словахъ, то уясняется нѣсколько изъ самихъ дѣйствій, только тогда, впрочемъ, когда таинственный смыслъ этихъ священнодѣйствій ему извѣстенъ. Но едва ли можно сказать, что безъ знанія богослужебнаго языка все богослуженіе или хотя бы одна литургія достаточно уяснилась присутствующимъ въ храмѣ изъ однихъ совершаемыхъ священнодѣйствій. Давно ли на разъясненіе богослуженія обращено должное вниманіе даже въ нашихъ училищахъ: мы сами, при выходѣ изъ гимназіи, понятія не имѣли о богослуженіи, и священнодѣйствія для насъ, окончившихъ гимназическій курсъ, ничего не говорили. Неужели, вы думаете, они болѣе говорятъ простому народу, когда наши священники бо́льшею частію даже и не заботятся въ своихъ проповѣдяхъ объяснять смыслъ и значеніе богослуженія, вѣроятно, предполагая ихъ извѣстными всѣмъ и каждому? Кромѣ того, просительныя и благодарственныя молитвословія, которыя полны такого глубокаго смысла для вѣрующаго, рѣшительно непонятны для того, кто не знаетъ языка, на которомъ совершается богослуженіе: точно также непонятны чтенія и церковныя пѣснопѣнія, столь сильно дѣйствующія на сердце, когда они понимаются вѣрно.

3) По третьему возраженію, нарѣчія другихъ инородцевъ еще менѣе татарскаго способны стать языкомъ школы и церкви. Переходя къ этому возраженію, гдѣ уже встрѣчается выраженіе *языкъ школы*, мы почитаемъ долгомъ, для избѣжанія недоразумѣній и излишнихъ словопреній, разъ навсегда заявить, что редакціи *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* слѣдовало бы для точности, говоря о системѣ гг. Ильминскаго и Золотницкаго, въ это выраженіе вставлять слово *первоначальной*, то-есть, говорить языкъ первоначальной школы, языкъ первоначальнаго преподаванія; ибо, по системѣ гг. Ильмин-

скаго и Золотницкаго, родной языкъ инородцевъ, какъ необходимое орудіе сознательнаго обученія, играетъ главную роль лишь при первоначальномъ обученіи; на слѣдующихъ же ступеняхъ обученія первенствующее мѣсто отводится русскому языку, потому что одна изъ главныхъ цѣлей инородческихъ школъ, по мнѣнію этихъ почтенныхъ дѣятелей,—усвоеніе инородцами русскаго языка, какъ языка государственнаго, языка науки и православной церкви, и обрусеніе инородцевъ. Если бы редакція *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* подъ языкомъ школы разумѣла то же, что̀ разумѣемъ мы, то-есть, языкъ *первоначальнаго* преподаванія, тогда многія изъ ея возраженій оказались бы напрасными, и она увидѣла бы, что не въ крайности впадаемъ мы ради реакціи прежней системѣ образованія инородцевъ, которая, впрочемъ, и не заслуживаетъ названія системы, но идемъ разумнымъ путемъ, именно тѣмъ путемъ, по которому tutissime ibis, по которому инородческія дѣти, посредствомъ своего родного языка, обучаются русскому, на своемъ родномъ языкѣ слышатъ первыя молитвы и первыя религіозныя поученія, дѣлающіяся для нихъ вдвое дороже, какъ произносимыя на нарѣчіи, въ которое они вслушивались, питаясь материнскимъ молокомъ. О возведеніи инородческихъ языковъ въ развитый литературный языкъ, въ языкъ школы и науки, на которомъ шло бы *все* ученіе, никогда не было не только рѣчи, но и помысла, потому что такого рода мысли граничили бы съ абсурдомъ.

а) Бѣдность чувашскаго нарѣчія, на которую ссылается священникъ В. П. Лебедевъ и за нимъ редакція *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, не препятствуетъ, однако, основательно знающимъ этотъ языкъ переводить на него книги Священнаго Писанія и богослужебныя; но недостающія въ чувашскомъ нарѣчіи слова замѣщаютъ переводчики не татарскими, какъ предполагаетъ редакція, а русскими. Такимъ образомъ, на повѣрку выходитъ не отатариваніе чувашскаго нарѣчія, а обрусеніе его. Понятно, что этимъ совершенно уничтожается, ни на чемъ, впрочемъ, не основанное, опасеніе слiянія *разнородныхъ* инородческихъ группъ въ *одну* инородческую массу. Чувашское нарѣчіе, сказали мы, путемъ перевода на него Священнаго Писанія и богослужебныхъ книгъ, скорѣе обрусѣетъ, по стольку конечно, по скольку дѣйствительно чувашскій языкъ не въ силахъ выразить собственными словами и оборотами великихъ истинъ христіанскаго вѣроученія, христіанскихъ пѣснопѣній и молитвъ. Здѣсь намъ приходится напомнить о томъ, что̀ мы сказали выше по поводу употребленія татарскаго языка, какъ языка церкви. Слова нашего Священнаго Писанія и богослужебныхъ книгъ несомнѣнно войдутъ въ чувашскій языкъ, какъ скоро для ихъ выраженія недостанетъ словъ на этомъ языкѣ. Такъ поступали и иностранные, и наши переводчики Священнаго Писанія на инородческіе языки. Извѣстный Шмидтъ для понятій *крещеніе, пророчество*

и т. п. удерживалъ слова греческія, придавая имъ окончанія языка, на который онъ переводилъ. Такъ же дѣлаетъ и преосвященный Нилъ; слова: *троица, воскресеніе, ангелъ, пасха, муро, апостолъ, крестъ, псалтирь, богородица, діаконъ, евангеліе* и мн. др. (см. Послѣдованіе на преславный день воскресенія Господа нашего Іисуса Христа, на монгольскомъ языкѣ) оставлены и въ монгольскомъ переводѣ, имъ придается лишь, гдѣ нужно, монгольское окончаніе.

б) Нѣтъ также основанія опасаться, что инородческія школы, устроенныя по системѣ г. Ильминскаго, послужатъ къ сознательному развитію племенныхъ особенностей, и что переводы на инородческіе языки поведутъ къ развитію инстинктовъ, способныхъ отдалить инородцевъ отъ русскаго народа. Школа г. Ильминскаго представляетъ православную русскую семью, хотя она и состоитъ изъ Татарчатъ: въ ней воспитываются теплая вѣра въ Бога, сердечная любовь и преданность къ Государю и Россіи, какъ отечеству. Намъ передавали характеристичный разговоръ учениковъ этой школы: они спорили, какъ вы полагаете, о чемъ? О томъ, кто они: Русскіе или нѣтъ. И по ихъ убѣжденію оказалось, что они Русскіе, потому что живутъ въ Россіи, преданы своему Государю, говорятъ по-русски и исповѣдуютъ русскую вѣру. Благо было бы и для Россіи, и для крещеныхъ Татаръ, если бы наши русскіе простолюдины раздѣляли въ отношеніи къ крещенымъ инородцамъ взглядъ Татарчатъ, учениковъ школы г. Ильминскаго, если бы, по слову апостола, Русскіе говорили крещенымъ инородцамъ: «вы уже не чужіе и не пришельцы, но сограждане святымъ «и свои Богу» (Посл. ап. Павла къ Ефесеямъ, гл. 2. 19). Тогда бы скорѣе сблизились крещеные Татары съ Русскими, крѣпче соединились бы съ ними духовными узами. Къ сожалѣнію, нашъ простой народъ какъ-то недружелюбно посматриваетъ на крещеныхъ Татаръ, и, видя ихъ въ церкви, спрашиваетъ: зачѣмъ здѣсь эти нехристи? Такое пренебреженіе Русскихъ къ своимъ единовѣрцамъ изъ Татаръ унижаетъ крещеныхъ Татаръ и въ ихъ собственныхъ глазахъ, и въ глазахъ ихъ магометанскихъ соплеменниковъ, которые, пользуясь тѣмъ, что крещеныхъ Татаръ отталкиваютъ отъ себя Русскіе, легко привлекаютъ ихъ въ мечети, а дѣтей ихъ въ свои школы однимъ ласковымъ на родномъ языкѣ сказаннымъ словомъ. Какъ же тутъ удивляться силѣ мусульманской пропаганды, когда мы сами кругомъ виноваты: общественная среда крещеныхъ Татаръ презирала, въ школы ихъ не пускали, то есть, пускали, да учили на непонятномъ имъ русскомъ языкѣ, что̀ равносильно недопущенію въ школы; въ церковномъ богослуженіи татарскому языку не давали мѣста, Священнаго Писанія и богослужебныхъ книгъ на татарскомъ языкѣ не распространяли; а между тѣмъ, въ ущербъ христіанской религіи и ради пользы магометанской, даже вопреки постановленіямъ Корана, печатали Коранъ въ тысячахъ экземпляровъ и такимъ образомъ укрѣпляли въ магометанахъ знаніе магометанскаго

закона. Неужели и теперь, изъ-за неосновательнаго страха развитія племенныхъ особенностей, мы будемъ продолжать то же, то есть, учить крещеныхъ Татаръ по-русски тогда, когда они еще недостаточно понимаютъ русскій языкъ, чтобъ усвоивать излагаемое, не допускать переводовъ на инородческіе языки Священнаго Писанія и богослужебныхъ книгъ и затворять двери церкви для инородческихъ языковъ? Да останутся Татары и другіе инородцы и нѣмы, и глухи, и слѣпы, лишь бы не возникъ передъ нашими глазами грозный призракъ племенныхъ особенностей. Напрасныя опасенія! По нашему искреннему убѣжденію, инородческія школы, устроенныя по системѣ г. Ильминскаго (замѣтьте, *по системѣ*, а не точь въ точь какъ школа г. Ильминскаго, которая, хотя теперь по справедливости можетъ служить образцомъ инородческихъ школъ по своему духу, направленію и по пользѣ, ею приносимой, по все же,—что согласно и съ мнѣніемъ ея основателя,—есть не болѣе, какъ первый опытъ и, какъ всякое новое дѣло, можетъ подлежать въ подробностяхъ измѣненіямъ и улучшеніямъ), могутъ послужить лишь къ достиженію главной и важнѣйшей цѣли инородческихъ школъ—христіанскаго просвѣщенія инородцевъ и усвоенія ими русскаго языка, то есть, полнаго ихъ обрусенія. Въ такомъ духѣ ведется школа г. Ильминскаго, въ такомъ же духѣ желаемъ мы вести и другія инородческія школы. Въ этомъ смыслѣ школа г. Ильминскаго и можетъ служить образцомъ для другихъ инородческихъ школъ.

Взаключеніе отвѣта нашего на возраженіе редакціи *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, считаемъ нужнымъ прибавить, что дѣятели по образованію инородцевъ не имѣютъ и мысли о *многочисленныхъ* переводахъ и изданіяхъ на инородческихъ нарѣчіяхъ, а полагаютъ необходимыми переводы Священнаго Писанія и богослужебныхъ книгъ, безъ чего религіозное образованіе инородцевъ недостижимо, по крайней мѣрѣ до той поры, пока большая часть инородческихъ массъ не ознакомится хорошо съ русскимъ языкомъ; но это время, конечно, очень не близко, и тѣмъ дальше, чѣмъ меньшую роль предоставимъ мы инородческимъ языкамъ въ дѣлѣ первоначальнаго обученія, потому что и русскій языкъ будетъ усвоиваться инородцами несравненно труднѣе, когда инородческимъ языкамъ мы дадимъ въ первоначальной школѣ незавидное мѣсто: безъ орудія, требующагося для извѣстной работы, нельзя сдѣлать хорошо и самой работы, а родной языкъ есть необходимое орудіе для усвоенія познаній.

в) Практическаго неудобства, на которое, въ числѣ прочихъ возраженій, указываетъ редакція *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, по нашему мнѣнію, не существуетъ. Принятіе инородческаго нарѣчія языкомъ первоначальнаго преподаванія не только не устраняетъ священниковъ отъ преподаванія Закона Божія, но даже дѣлаетъ ихъ почти *исключительными* руко-

водителями школъ, такъ какъ иныхъ учителей, знающихъ инородческій языкъ, пайдти трудно; а священникъ, какъ духовный пастырь и проповѣдникъ слова Божія, долженъ знать и несомнѣнно знаетъ языкъ того племени, среди котораго онъ живетъ и дѣйствуетъ, которое онъ учитъ истинамъ евангельскимъ. Какъ же священнику не знать языка своей паствы? Если онъ не знаетъ языка, онъ не можетъ ни учить, ни проповѣдывать, ни исповѣдывать. Опытъ подтверждаетъ наши слова: большая часть людей, знающихъ инородческіе языки,—священнослужители или сыновья священнослужителей: и потому большая часть наставниковъ въ инородческихъ школахъ—изъ духовнаго званія.

Редакція *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* заключаетъ свои возраженія противъ системы г. Ильминскаго указаніемъ на примѣръ другихъ образованнѣйшихъ европейскихъ народовъ, которые, по словамъ редакціи, никогда не возводили нарѣчій подвластныхъ имъ инородцевъ въ языкъ церкви или школы. Позволимъ себѣ сдѣлать здѣсь предварительно одно замѣчаніе: не мѣшало бы редакціи обратить вниманіе на благотворные труды и нашихъ миссіонеровъ. Выше мы привели отзывы нашихъ миссіонеровъ, совершенно совпадающіе съ одобренною нами системою образованія. Посмотримъ, дѣйствительно ли въ инородческихъ школахъ образованнѣйшихъ европейскихъ народовъ не дано надлежащаго мѣста языку инородцевъ. По этому предмету ближе всего, думаемъ, обратиться къ Англичанамъ, которые пользуются заслуженною извѣстностію и по устройству своихъ школъ, и по успѣхамъ своей миссіонерской дѣятельности между подвластными имъ инородцами. Въ сочиненіи графа Біорнштіерны «*Британская имперія въ Индіи*», въ XVI главѣ, гдѣ трактуется о томъ, какое вліяніе производитъ англійское владычество на Индію, послѣ изображенія ужасной картины нищеты и разоренія, безначалія и междоусобной войны, чужеземнаго ига и ига внутренняго (таково было положеніе Индіи передъ появленіемъ тамъ Англичанъ), авторъ противопоставляетъ ей картину этой страны подъ управленіемъ Англичанъ-христіанъ, заимствованную изъ сочиненій Гебера (протестантскаго епископа въ Калькуттѣ). «Здѣсь, въ Калькуттѣ, есть сорокъ «три школы взаимнаго обученія, именно 20 для индусскихъ мальчиковъ и 23 «для дѣвочекъ: въ каждой школѣ отъ 60-ти до 120-ти учениковъ или ученицъ. «Дѣти учатся читать и писать *по-бенгальски* и по-англійски, ихъ учатъ хри-«стіанской нравственности, ариѳметикѣ, геометріи и исторіи. Это тѣмъ замѣча-«тельнѣе, что до сего времени бенгальскимъ женщинамъ не дозволялось учиться «читать и писать». Результаты ученія, какъ видно изъ словъ Гебера, утѣшительные: «Многіе свободно говорятъ по-англійски и свѣдущи въ литературѣ. Они «стараются посылать дѣтей своихъ въ наши школы для изученія англійскаго «языка». И у нашихъ Татаръ проявляется желаніе учить дѣтей своихъ русскому языку; объ этомъ есть у насъ заявленіе татарскаго муфтія Тевкелева и Ялтин-

скаго уѣзднаго собранія, гдѣ гласные отъ Татаръ объявили отъ имени всѣхъ татарскихъ обществъ, что они желаютъ, чтобы дѣти непремѣнно обучались въ школахъ русскому языку, и что они согласны на сборъ денегъ, для открытія этихъ школъ, съ однихъ Татаръ (газета *Москва*, № 80-й, 1867 года).

Болѣе общее обозрѣніе успѣховъ воспитанія въ Индіи находится въ сочиненіи Монгомери-Мартина; онъ полагаетъ въ одномъ Мадрасскомъ президентствѣ 12,498 школъ, въ которыхъ болѣе 200,000 дѣтей отъ 6-ти до 15-ти лѣтъ. Это приводитъ къ весьма замѣчательному выводу, состоящему въ томъ, что отношеніе умѣющихъ читать и писать къ неграмотнымъ въ Индіи больше чѣмъ въ Европѣ. По Монгомери-Мартину, эта пропорція будетъ слѣдующая:

Въ Индіи	1	на 5	жителей.
» Пруссіи	1	» 9	»
» Соединенныхъ Штатахъ	1	» 11	»
» Англіи и Австраліи	1	» 15	»
» Франціи.	1	» 17	»

Столь удивительные выводы получены въ Индіи менѣе чѣмъ въ 20 лѣтъ. Высшія коллегіи находятся нынѣ во всѣхъ большихъ городахъ Британской Индіи; въ нихъ принимаютъ воспитанниковъ отъ 15-ти до 20-ти лѣтъ. Молодой Индусъ обучается въ нихъ *собственной своей литературѣ* и англійской.

Въ майской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, въ статьѣ: «Изъ школьной и научной жизни за границей», мы находимъ интересную для нашего вопроса замѣтку о школѣ, учрежденной въ 1863 году въ Бомбеѣ для дочерей Индусовъ. Редакція *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* совершенно справедливо говоритъ: «Такъ-какъ нашему «отечеству предстоитъ обширная задача подобнаго же распространенія обще-«европейскаго образованія между многочисленными инородцами, входящими въ «составъ обширныхъ владѣній его, то, какъ мы полагаемъ, всякое указаніе чу-«жаго опыта на томъ же пути должно быть принимаемо нами къ свѣдѣнію». «Обучающіяся въ Александринской (школа основана въ честь принцессы Але-«ксандры Вельской) школѣ дѣвочки, числомъ 38, принадлежатъ частію къ Ин-«дусамъ, частію, къ Парсамъ. Возрастъ ихъ весьма различенъ: принимаются съ 5 «лѣтъ; учатъ Агличанки, *знакомыя съ мѣстнымъ языкомъ.* Преподаваніе «стремится къ усвоенію ученицами англійскаго языка, такъ какъ этотъ языкъ «долженъ служить основою для дальнѣйшаго образованія». Начальникъ заведенія, *не пренебрегая роднымъ языкомъ своихъ питомицъ*, въ началѣ уклонялся отъ систематическаго изученія онаго; но *въ послѣднее время стали обращать надлежащее вниманіе и на мѣстный языкъ, какъ представляющій самую вѣрную опору для изученія чужихъ языковъ, и его значительное изученіе — одно изъ вѣрнѣйшихъ средствъ для быстраго рас-*

пространенія общаго образованія. «Прошлогодній публичный экзаменъ об-«наружилъ уже весьма удовлетворительные успѣхи ученицъ. На всѣ предлагае-«мые вопросы онѣ отвѣчали такъ, что посѣтители могли убѣдиться въ дѣй-«ствительномъ знакомствѣ ихъ съ предметами обученія». Инаго результата, по нашему мнѣнію, и быть не могло, такъ, какъ обученіе въ этой школѣ идетъ раціональнымъ путемъ, то есть, обращается должное вниманіе на родной языкъ воспитанницъ. При такомъ правильномъ способѣ обученія, котораго и мы душевно желаемъ для нашихъ инородцевъ, англійскій языкъ несомнѣнно усвоится основательно ученицами Александринской школы, какъ усвоивается онъ учениками и другихъ англійскихъ инородческихъ школъ; въ этихъ школахъ «Шекс-«пиръ, также какъ въ древнемъ Альбіонѣ, любимый авторъ; драмы его разыгры-«ваются съ величайшимъ успѣхомъ молодыми Индусами» (см. соч. графа Біонштіерны—«Британская имперія въ Индіи»).

Итакъ мы видимъ, что и опытъ собственныхъ нашихъ миссіонеровъ, и опытъ Англичанъ указываетъ намъ, что родной языкъ инородцевъ долженъ занимать надлежащее мѣсто въ школахъ, для нихъ устроенныхъ. Что онъ долженъ быть языкомъ *первоначальнаго* преподаванія, какъ вѣрнѣйшая опора для изученія и усвоенія русскаго языка,—объ этомъ, послѣ всего сказаннаго, едва ли можно спорить. Что родной языкъ инородцевъ до того времени, пока инородцы не усвоятъ себѣ русскаго языка, долженъ быть и языкомъ церкви, это доказываютъ намъ и первые проповѣдники евангельскаго слова — апостолы и миссіонеры различныхъ народовъ. Останавливаться въ этомъ святомъ дѣлѣ Божіемъ передъ скудостью языка, яко бы не могущаго выразить отвлеченныхъ понятій, значитъ не признавать фактовъ историческихъ, всего, совершеннаго миссіонерами дикихъ племенъ. По нашему крайнему, на историческомъ опытѣ основанному убѣжденію, языки инородцевъ могутъ и должны быть,—до той отдаленной поры, пока инородцы не усвоятъ себѣ русскаго языка,—языкомъ *первоначальнаго* преподаванія и языкомъ церкви. Только путемъ разумнаго обученія, то есть, первоначальнаго преподаванія на родномъ языкѣ инородцевъ, мы можемъ и привлечь ихъ въ школы, для нихъ устроенныя, и довести ихъ до усвоенія русскаго языка, и привести ихъ въ лоно православной церкви, какъ истинныхъ чадъ Христовыхъ, не pro forma только, но духомъ и истиною служащихъ ему и сердцемъ преданныхъ святой вѣрѣ. Путь, предлагаемый для образованія инородцевъ редакціею *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія,* не заключаетъ въ себѣ ничего новаго: это не что иное, какъ нѣкоторое сокращеніе системы г. Ильминскаго, и то небольшое. И редакція, подобно г. Ильминскому, полагаетъ въ первый періодъ нормальнаго курса обучать инородческихъ дѣтей, *при помощи мѣстныхъ нарѣчій,* русскому разговорному языку и вмѣстѣ съ тѣмъ просвѣщать ихъ и въ христіанствѣ посредствомъ краткихъ поученій *на*

ихъ племенныхъ нарѣчіяхъ, поученій, которыя обнимали бы лишь самыя поразительныя и величавыя части христіанскаго ученія и имѣли бы характеръ болѣе проповѣдей, долженствующихъ произвести живое впечатлѣніе на умъ и сердце дѣтей, чѣмъ обыкновенныхъ уроковъ, которые задаются и спрашиваются. Хотя редакція и не называетъ здѣсь инородческаго языка прямо первенствующимъ, господствующимъ языкомъ первоначальнаго преподаванія, а выражается уклончивѣе: «*при помощи мѣстныхъ языковъ*», признавая инородческій языкъ *временнымъ* орудіемъ, какимъ впрочемъ признаетъ его и г. Ильминскій; но все же въ результатѣ выходитъ, что даже по плану редакціи *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, инородческое нарѣчіе является въ первый періодъ нормальнаго курса первенствующимъ, господствующимъ языкомъ первоначальной школы: на немъ производится, какъ и въ школѣ г. Ильминскаго, наглядное ознакомленіе дѣтей съ окружающими предметами и явленіями, переходя отъ ближайшаго и легчайшаго къ отдаленнѣйшему и труднѣйшему, и, наконецъ, къ отвлеченнымъ понятіямъ; на немъ совершаются религіозныя поученія, имѣющія характеръ болѣе проповѣдей, чѣмъ обыкновенныхъ уроковъ, *которые задаются и спрашиваются*. Итакъ, въ первомъ періодѣ нормальнаго курса, по плану редакціи, мы не видимъ ни малѣйшаго отличія отъ плана школы г. Ильминскаго, кромѣ того только, что религіозныя поученія сообщаются, по предположенію редакціи, въ видѣ проповѣдей, а не въ видѣ уроковъ, которые задаются и спрашиваются. Мы почитаемъ долгомъ замѣтить здѣсь, что, по характеру дѣтской природы, такія проповѣди едва ли оставятъ слѣдъ въ дѣтской душѣ, а что онѣ не удержатся въ памяти, этого легко можно ожидать. И потому, для пользы обучающихся дѣтей совершенно необходимо убѣждаться путемъ *спрашиванія*, на сколько они поняли и усвоили сообщенныя имъ въ видѣ проповѣди поученія. Пусть поученія не будутъ уроками, но необходимо же знать, на сколько они доступны и понятны дѣтямъ: если у наставника-законоучителя не будетъ съ дѣтьми *бесѣды* о предметѣ поученія, а будетъ лишь проповѣдь, то поученіе легко можетъ быть гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Истинный педагогическій методъ обученія не заключается ни въ голомъ спрашиваніи, ни въ голой передачѣ предмета, а состоитъ въ разумномъ соединеніи того и другаго. Во второй періодъ, по плану редакціи, дѣти обучаются исключительно на русскомъ языкѣ. Но изъ плана редакціи не видно, какъ великъ первый періодъ, будетъ ли онъ продолжаться годъ или два, или болѣе. Впрочемъ, редакція совершенно вѣрно не обозначила продолжительности перваго періода: продолжительность его и, стало-быть, продолжительность первенства инородческаго нарѣчія въ качествѣ языка первоначальнаго преподаванія зависитъ отъ степени воспріимчивости учениковъ и отъ успѣховъ, которые они сдѣлаютъ въ русскомъ языкѣ. Быть можетъ, опытъ покажетъ редакціи (непра-

вильно убѣжденной въ томъ, что *всѣ* Татары *безъ исключенія* понимаютъ и довольно бойко говорятъ по-русски и что Чувашлята *черезъ годъ* пріучаются бѣгло читать и свободно объясняться по-русски), что не только въ два, но и въ четыре года инородческія дѣти, особенно если имъ будутъ говорить болѣе проповѣди, чѣмъ бесѣдовать съ ними и учить ихъ, не на столько усвоятъ себѣ русскій языкъ, чтобъ они съ успѣхомъ могли перейдти во второй періодъ нормальнаго курса, то-есть, учиться исключительно по-русски. «Затѣмъ, говоритъ «редакція, передъ концомъ уже курса и лишь въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ массѣ «инородцевъ совершенно чуждъ русскій языкъ, могло бы быть введено упраж«неніе въ чтеніи и объясненіи Евангелія, а также и книги, содержащей упомя«нутыя выше поученія въ христіанствѣ, на мѣстномъ инородческомъ нарѣчіи, «для того, чтобы дѣти, возвращаясь въ свои семьи, могли знакомить ихъ съ «словомъ Божіимъ и съ ученіемъ христіанскимъ на понятномъ имъ языкѣ». Вотъ новая уступка редакціи въ пользу инородческихъ нарѣчій для тѣхъ мѣстностей, гдѣ массѣ инородцевъ совершенно чуждъ русскій языкъ; а такъ какъ въ восточной окраинѣ Россіи бо́льшая часть такихъ именно мѣстностей, то и выходитъ, даже по плану редакціи, что мѣстныя нарѣчія играютъ первенствующую роль въ первый періодъ обученія, который, какъ мы уже сказали, неизвѣстно сколько времени продолжается, и выступаетъ на сцену и во второмъ періодѣ передъ концомъ курса: такъ что, если первый періодъ продолжится долго, инородческія нарѣчія могутъ, и согласно плану редакціи, занимать важное мѣсто впродолженіе *всего* времени первоначальнаго обученія. Что же новаго въ планѣ редакціи противъ того, къ чему стремится и что дѣлаетъ г. Ильминскій въ своей школѣ? Правда, г. Ильминскій избѣгаетъ строгой регламентаціи для своей школы, справедливо опасаясь, что апріорные планы на дѣлѣ окажутся несостоятельными, и что въ новомъ дѣлѣ лучше руководиться вѣрной идеей, предоставивъ обозначеніе подробностей времени и опыту; редакція же *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* создала такой апріорный планъ, но на сколько онъ будетъ состоятеленъ, могутъ показать лишь время и опытъ. Впрочемъ, редакція въ концѣ своей статьи совершенно справедливо является безпристрастнымъ органомъ и говоритъ, что Министерство Народнаго Просвѣщенія только возбуждаетъ вопросъ, не рѣшая его ни въ томъ, ни въ другомъ смыслѣ; потому мы надѣемся, что и наша настоящая статья найдетъ себѣ мѣсто на страницахъ почтеннаго журнала: audiatur et altera pars.

Н. Шестаковъ.

Ярославль, 16-го іюля 1867 года.

Примѣчаніе къ предшествовавшей статьѣ отъ редакціи Журнала Минист. Народн. Просвѣщенія.

Помѣстивъ, съ полною признательностью къ достоуважаемому автору, статью «Еще нѣсколько словъ объ образованіи инородцевъ», редакція не можетъ оставить ее безъ нѣкоторыхъ оговорокъ и замѣчаній, имѣющихъ цѣлью прежде всего возстановить истинный смыслъ и значеніе той статьи, противъ которой направленъ отвѣтъ П. Д. Шестакова, и которая, казалось, не могла и не должна была подать поводъ къ какимъ-либо недоразумѣніямъ и особенно сѣтованіямъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ статьѣ этой была не разъ указана и цѣль, для которой она помѣщается въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, и выражено полное сочувствіе къ тѣмъ дѣятелямъ, которые съ замѣчательнымъ рвеніемъ взялись за дѣло просвѣщенія инородцевъ нашей восточной окрайны. Такъ, между прочимъ, на стр. 88 и 89-й (Совр. Лѣт., апрѣл. кн.) было сказано:

«Если *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* считаетъ своимъ долгомъ обстоятельно изложить всѣ эти сомнѣнія и возраженія (противъ системы г. Ильминскаго), нисколько не ослабляя ихъ силы, и можетъ-быть даже преувеличивая ихъ значеніе, то это дѣлается отнюдь не въ видахъ ниспроверженія дѣла г. Ильминскаго или той системы, которой онъ держится, а лишь съ цѣлью содѣйствовать полнѣйшему разъясненію относящихся сюда вопросовъ, возможному улучшенію самой системы и устраненію тѣхъ препятствій, которыя могло бы встрѣтить дальнѣйшее примѣненіе ея въ различныхъ мѣстностяхъ края. Эти сомнѣнія и возраженія, можно быть увѣрену, не смутятъ г. Ильминскаго и достойныхъ его сподвижниковъ и нисколько не охладятъ ихъ ревности къ великому и святому дѣлу просвѣщенія мало-просвѣщенныхъ въ христіанствѣ инородцевъ... Самъ г. Ильминскій и его сподвижники должны желать всесторонняго и публичнаго обсужденія ихъ системы, потому что только такимъ путемъ она можетъ достигнуть и существенныхъ улучшеній, и прочнаго успѣха.»

Въ этихъ словахъ, кажется, довольно ясно высказана и цѣль статьи, и положеніе, принятое въ этомъ вопросѣ самимъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія и его офиціальнымъ органомъ. То же самое и еще опредѣлительнѣе выражено въ концѣ статьи, не говоря уже о разсѣянныхъ повсюду заявленіяхъ сочувствія къ дѣятельности гг. Ильминскаго и Золотницкаго. На стр. 96-й мы именно читаемъ:

«Возбуждая этотъ вопросъ (о системѣ образованія инородцевъ), но не рѣшая его окончательно ни въ томъ, ни въ другомъ смыслѣ, Министерство Народнаго Просвѣщенія предварительно желаетъ подвергнуть его всестороннему обсужденію нашей періодической печати, мѣстныхъ училищныхъ совѣтовъ и земскихъ собраній, и прежде всего такихъ знатоковъ дѣла и такихъ достойныхъ ревнителей просвѣщенія инородцевъ, какъ гг. Ильминскій и Золотницкій.»

И несмотря на эти и подобныя имъ заявленія *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, въ статьѣ его, о которой идетъ рѣчь, были усмотрѣны и нареканія, которыя тѣмъ больнѣе для дѣятелей и тѣмъ опаснѣе для успѣха самаго дѣла, что эти нареканія изъ частной сферы переходятъ въ офиціальную, и приговоры о дѣлѣ, изрекаемые издалека. Въ виду такого, во всякомъ случаѣ прискорбнаго, недоразумѣнія не остается ничего болѣе, какъ еще разъ заявить, что Министерство отдаетъ полную справедливость дѣятельности упомянутыхъ выше лицъ и что статья *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* была написана исключительно для бо́льшаго разъясненія столь важнаго и не вполнѣ еще разработаннаго вопроса, какъ вопросъ о системѣ образованія инородцевъ. Источникъ недоразумѣнія, о существованіи котораго свидѣтельствуетъ и тонъ, и содержаніе статьи П. Д. Шестакова, заключается, какъ кажется, въ томъ, что вышеприведенныя и всѣ подобныя имъ заявленія не были достаточно приняты во вниманіе, и главное въ томъ, что всѣ возраженія и сомнѣнія относительно системы г. Ильминскаго были приписаны прямо самой редакціи журнала, хотя ни одно изъ нихъ не было выражено иначе какъ отъ третьяго лица, именно вводными словами *говорятъ, полагаютъ, опасаются* и т. д. Каковы бы ни были собственныя мнѣнія редакціи, она ничѣмъ не подала повода приписывать прямо ей тѣ возраженія, опасенія и сомнѣнія относительно системы г. Ильминскаго, которыя были ею только изложены съ тѣмъ же безпристрастіемъ, съ какимъ она изложила и всѣ факты, говорящіе прямо въ пользу этой системы.

За исключеніемъ указаннаго недоразумѣнія, статья П. Д. Шестакова заслуживаетъ тѣмъ бо́льшей признательности Министерства и тѣмъ бо́льшаго вниманія, что принадлежа перу лица, отъ котораго въ Казанскомъ учебномъ округѣ главнѣйшимъ образомъ зависитъ направленіе самаго дѣла, она содержитъ въ себѣ заявленія существенной важности, которыми устраняются многія изъ возраженій и сомнѣній, изложенныхъ въ апрѣльской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія.* Таково прежде всего заявленіе, что тамъ, гдѣ простонародное татарское, чувашское и всякое другое инородческое нарѣчіе окажется недостаточнымъ для перевода Св. Писанія и богослужебныхъ книгъ, тамъ заимствованія и дополненія будутъ дѣлаться не изъ литературнаго татарскаго языка, въ который, при посредствѣ ислама, проникло множество словъ и оборотовъ арабскихъ, а изъ языка русскаго;—далѣе, что Черемисы, Вотяки, Чуваши, принимаемые въ устроиваемыя вновь татарскія училища, не будутъ однако же обучаемы на татарскомъ языкѣ, а съ помощію своихъ собственныхъ нарѣчій, и, наконецъ, что и въ церкви, по мнѣнію г. Шестакова, инородческія нарѣчія должны быть употребляемы лишь до времени, пока инородцы не усвоятъ себѣ русскаго языка. Все это заявленія, которыя

существенно разъясняютъ дѣло и могутъ способствовать дальнѣйшимъ его успѣхамъ. Остаются однако же еще нѣкоторые пункты, которые требуютъ дальнѣйшаго разъясненія, и, исключительно въ видахъ подобнаго разъясненія, *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* считаетъ своимъ долгомъ указать на нихъ.

Дѣло идетъ, во-первыхъ, о языкѣ православной церкви для инородцевъ восточной окраины европейской Россіи, и, во-вторыхъ, о языкѣ первоначальной для нихъ школы. Первый изъ этихъ вопросовъ не подлежитъ вѣдѣнію Министерства Народнаго Просвѣщенія, и офиціальный его органъ долженъ уклониться отъ дальнѣйшаго его обсужденія.

Что же касается до вопроса о языкѣ начальныхъ инородческихъ училищъ, то въ предъидущей статьѣ замѣчается нѣкоторая неясность, устраненіе которой было бы весьма желательно. Достоуважаемый авторъ какъ будто бы не отдаетъ себѣ строгаго отчета, въ чемъ именно заключается существенное различіе между системою г. Ильминскаго, съ одной стороны, и съ другой—между способами преподаванія, которыхъ держался священникъ И. В. Золотницкій въ Кошкинской школѣ, а также учебнымъ планомъ, который не создала, какъ выражается г. Шестаковъ, а только изложила редакція *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*. Онъ говоритъ именно: «Дѣло въ томъ, что достопочтенный священникъ И. В. Золотницкій объяснялъ дѣтямъ въ Кошкинской школѣ по-чувашски, слѣдовательно, держался той же системы, которой держится теперь сынъ его, П. И. Золотницкій, и Н. И. Ильминскій».

И далѣе, къ концу статьи мы читаемъ:

«Путь, предлагаемый (?) для образованія инородцевъ редакціею *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, не заключаетъ въ себѣ ничего новаго: это нечто̀ иное, какъ нѣкоторое сокращеніе системы г. Ильминскаго, и то не большое... Что̀ же новаго въ планѣ редакціи противъ того, къ чему стремится и что̀ дѣлаетъ г. Ильминскій въ своей школѣ?» Замѣтимъ прежде всего, что редакція не выдавала учебнаго плана, изложеннаго ею, за нѣчто новое и усматривала въ немъ только нѣкоторое видоизмѣненіе системы г. Ильминскаго, какъ это видно, между прочимъ, изъ слѣдующихъ словъ:

«Въ настоящее время, благодаря, между прочимъ, и опытамъ г. Ильминскаго... вопросъ можетъ идти только о томъ, не подлежитъ ли его система нѣкоторымъ видоизмѣненіямъ для устраненія изъ нея тѣхъ неудобствъ, которыми она, по мнѣнію нѣкоторыхъ, страдаетъ».

Но какъ ни желательно скорѣйшее соглашеніе по этому важному предмету, нельзя скрывать отъ себя, что это видоизмѣненіе системы г. Ильминскаго, изложенное редакціей, имѣетъ весьма существенное значеніе. Сущность системы г. Ильминскаго, какъ она изложена, между прочимъ, и въ брошюрѣ г. Золотниц-

каго, заключается не въ употребленіи инородческихъ нарѣчій въ инородческихъ школахъ въ качествѣ вспомогательнаго орудія въ преподаваніи, къ которому обращался въ своей школѣ и священникъ Н. В. Золотницкій, а въ обученіи татарской, чувашской и всякой другой инородческой грамотѣ, если не преимущественно, то прежде обученія грамотѣ русской, и существенно новаго въ учебномъ планѣ, изложенномъ редакціей, только то, что инородческія дѣти должны обучаться только русской грамотѣ, которая можетъ открыть для нихъ цѣлый міръ,—міръ христіанскихъ воззрѣній и европейской цивилизаціи, — а не какой-либо инородческой грамотѣ, которой обучаться не для чего, потому что она не существуетъ, а должна быть только еще создана *ad hoc*, вмѣстѣ съ соотвѣтствующею литературой. Если достоуважаемый авторъ предъидущей статьи, вмѣстѣ съ гг. Ильминскимъ и Золотницкимъ, не считаетъ этого различія существеннымъ и не настаиваетъ на обученіи инородческихъ дѣтей вновь сочиняемой для ихъ нарѣчій грамотѣ, какъ особому, самостоятельному предмету, въ такомъ случаѣ весь споръ прекращается, и вопросъ можетъ быть сочтенъ окончательно порѣшеннымъ въ пользу учебнаго плана, изложеннаго редакціей *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*. Подобный исходъ дѣла былъ бы весьма желателенъ, и конецъ статьи Н. Д. Шестакова какъ бы указываетъ на возможность его. Въ самомъ дѣлѣ, грамотѣ учатся прежде всего для того, чтобы потомъ пользоваться писанными или напечатанными на ней произведеніями; но если на какомъ-либо нарѣчіи не существуетъ никакой письменности и не имѣется въ виду, по скудости ли нарѣчія, по малочисленности ли самаго племени, или по другимъ причинамъ, создать эту письменность, то зачѣмъ же создавать для него грамоту и дѣлать ее предметомъ особаго изученія въ школахъ? Не значило ли бы это даромъ отнимать время у прочихъ предметовъ преподаванія и придавать важное значеніе тому, что́ вовсе его не имѣетъ? Желательно ли, чтобы питомцы нашихъ инородческихъ училищъ принялись потомъ за литературную обработку своихъ нарѣчій и употребляли ихъ не только въ разговорѣ, но и въ перепискѣ между собою, или чтобъ они смотрѣли на свои нарѣчія какъ на нѣчто равное русскому языку? Но это были бы весьма печальные результаты, и, конечно, не для ихъ достиженія правительство обратило въ послѣднее время особенное вниманіе на образованіе подвластныхъ ему инородцевъ.

Было время, когда у насъ, именно въ Крыму, хлопотали столько же, если не болѣе, объ успѣшномъ преподаваніи тамошнимъ Татарамъ какъ русскаго, такъ и татарскаго языка, и даже прямо высказывали опасеніе, чтобы Татары какъ нибудь не забыли своего природнаго нарѣчія. Результаты дѣятельности, происходившей въ этомъ направленіи, оказались неутѣшительные: крымскіе Татары дѣйствительно не забыли своего природнаго нарѣчія, но за то русскій

языкъ остался имъ также чуждъ, какъ и во времена крымскихъ хановъ и верховнаго владычества Турціи. Въ настоящее время, можно надѣяться, подобныя ошибки уже не повторятся: не будемъ заботиться о развитіи татарской, чувашской и черемисской грамотности и о литературной обработкѣ этихъ нарѣчій, а позаботимся только о христіанскомъ ихъ просвѣщеніи, хотя бы то, на первыхъ порахъ, и съ помощью ихъ природныхъ нарѣчій, и о наученіи ихъ русскому языку и русской грамотѣ.

Еще одно лишь слово. Въ доказательство, будто бы и образованнѣйшіе европейскіе народы возводили нарѣчія подвластныхъ имъ инородцевъ въ языкъ школы, П. Д. Шестаковъ ссылается на примѣры Англичанъ въ Остъ-Индіи; но эти примѣры, изъ коихъ одинъ заимствованъ изъ *Журнала* же *Министерства Народнаго Просвѣщенія*, нейдутъ къ дѣлу: во-первыхъ, въ Британской Индіи не туземцы, коихъ до 140 милліоновъ, а Англичане и вообще Европейцы, коихъ не болѣе 100 тысячъ, могутъ быть почитаемы за инородцевъ, и можно лишь подивиться энергіи англійскаго характера и вѣрѣ Англичанъ въ силу высшей цивилизаціи въ виду попытокъ, предпринятыхъ этою горстью людей водворить англійскій языкъ въ средѣ столькихъ милліоновъ туземцевъ совершенно чуждаго происхожденія; а во-вторыхъ, если въ Британской Индіи, въ школахъ, заводимыхъ Англичанами, туземцы учатся читать и писать по-бенгальски, а въ высшихъ коллегіяхъ изучаютъ и свою собственную литературу, то въ томъ-то и дѣло, что это нарѣчіе есть отрасль языка санскритскаго, языка самостоятельной цивилизаціи, имѣющаго свою богатую и замѣчательную литературу, духовную и свѣтскую, языка, который и сами Европейцы считаютъ достойнымъ самаго внимательнаго изученія. Чтобъ опровергнуть сказанное въ этомъ отношеніи въ апрѣльской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, слѣдовало бы поискать другихъ примѣровъ, ближе подходящихъ къ вопросу о нашихъ инородцахъ восточной окрайны, и еслибъ они могли быть найдены, то редакція была бы весьма признательна за указаніе новыхъ, доселѣ ей неизвѣстныхъ фактовъ въ этомъ родѣ.

Школа для первоначальнаго обученія дѣтей крещеныхъ Татаръ, въ Казани *).

Зародышъ этой школы возникъ въ началѣ сентября 1863 года, когда Василій Тимоѳеевъ **) поступилъ практикантомъ татарскаго языка въ Казанскую духовную академію. Тогда одинъ старокрещеный Татаринъ изъ той же деревни Никифоровой, откуда родомъ Тимоѳеевъ, привезъ къ нему своего сына учиться. За этимъ мальчикомъ черезъ мѣсяцъ пріѣхалъ другой, а за нимъ третій, все изъ той же деревни. Они учились зиму $186^{3}/_{4}$ года, помѣщаясь, вмѣстѣ съ учителемъ и его семьею, въ наемной квартирѣ въ подвальной комнатѣ, за академіей. Нельзя не упомянуть при этомъ о студентѣ миссіонерскаго отдѣленія академіи, Н. С. Ястребовѣ. Этотъ энергическій и симпатичный молодой человѣкъ съ постоянною любовію и самою предупредительною заботливостью поддерживалъ какъ самого Тимоѳеева, только что изъ скромнаго быта деревенскаго перешедшаго въ академію, такъ и троихъ учениковъ его. Ястребовъ старался поставить Тимоѳеева въ лучшія отношенія къ студентамъ академіи, снабжалъ его возникающую школу бумагой, купилъ для Тимоѳеева на свои деньги географію Корнеля и первый заинтересовалъ его этой наукой. Вообще, въ ежедневныхъ разговорахъ своихъ съ Тимоѳеевымъ, онъ старался передавать ему различныя свѣдѣнія. Однажды, когда простосердечное религіозное чувство Тимоѳеева было случайно поражено услышанными имъ матеріалистическими идеями, которыя обращались въ то время и въ нашей мѣстности, Ястребовъ употребилъ всѣ усилія, чтобъ успокоить Тимоѳеева и изгладить тяжелое впечатлѣніе. Тимоѳеевъ съ благодарностью помнитъ любовь Ястребова, который теперь служитъ въ Турціи при русской миссіи.

Въ концѣ іюня 1864 года Тимоѳеевъ, вмѣстѣ съ своими учениками, отправился на родину. Ихъ чтеніе и пѣніе православныхъ молитвъ на родномъ языкѣ понравилось вообще крещенымъ Татарамъ, а примѣръ ихъ заохотилъ другихъ Никифоровскихъ мальчиковъ, которые тогда же стали учиться у Тимоѳеева. Кромѣ того, послѣдній, въ ту же вакацію, объѣхалъ нѣсколько деревень Мамадышскаго уѣзда, внушая крещенымъ Татарамъ мысль о необходимости образованія дѣтей. Его внушенія принимались многими съ довѣріемъ и сочувст-

---

*) Изъ Журн. Мин. Народ. Просв. іюнь 1867 г.

**) Василій Тимоѳеевъ, 31 года, по происхожденію старокрещеный Татаринъ, государственный крестьянинъ, Казанской губерніи, Мамадышскаго уѣзда, деревни Никифоровой; первоначально обучался въ приходскомъ училищѣ села Тавелей, съ сентября 1863 года состоитъ практикантомъ татарскаго языка при Казанской духовной академіи. Подробныя свѣдѣнія о немъ можно получить изъ его статьи подъ названіемъ «Мое воспитаніе» (*Прав. Обозр.* 1864, іюнь), и изъ двухъ его «Дневниковъ» (*Прав. Обозр.*, 1865, ноябрь и декабрь, и 1866, мартъ и апрѣль).

віемъ. Узнавши объ этомъ, возникающемъ среди крещеныхъ Татаръ, расположеніи къ обученію дѣтей и имѣя въ виду общую безграмотность крещеныхъ Татаръ и невѣдѣніе ими христіанства, я ходатайствовалъ, въ августѣ 1864 года, предъ начальствомъ Казанскаго учебнаго округа о дозволеніи мнѣ открыть частную школу для первоначальнаго обученія дѣтей крещеныхъ Татаръ, въ Казани, съ тѣмъ, чтобы въ ней учителемъ былъ Тимоѳеевъ. Разрѣшеніе начальства изложено въ отношеніи ко мнѣ г. директора училищъ Казанской губерніи, отъ 3-го сентября 1864 года, въ которомъ прописаны слѣдующія положенія о школѣ: «Мальчики должны жить на готовой квартирѣ, которая для нихъ будетъ нанята на частныя средства, но одежда и матеріалы для изготовленія пищи должны быть доставляемы родителями, по состоянію каждаго. Платы за ученіе не полагается. Мальчики должны обучаться русской грамотѣ. Главный предметъ обученія—Законъ Божій, молитвы, священная исторія и краткій катихизисъ, по книгамъ, напечатаннымъ на татарскомъ языкѣ, но русскими буквами. Затѣмъ, по мѣрѣ любознательности и успѣховъ учениковъ, должны имъ преподаваться первыя ариѳметическія дѣйствія, черченіе геометрическихъ фигуръ, основныя свѣдѣнія изъ географіи и тому подобныя элементарныя свѣдѣнія. Чтеніе и преподаваніе должно быть прежде на татарскомъ, а потомъ ученики постепенно должны упражняться въ русскомъ языкѣ. Учителемъ въ предполагаемой школѣ, по ходатайству основателей оной, допускается Тимоѳеевъ, потому что крещеные Татары, зная его лично, имѣютъ къ нему довѣріе и ему именно поручаютъ своихъ дѣтей. В. Тимоѳеевъ съ семействомъ долженъ жить на этой квартирѣ съ учениками, чтобы наблюдать постоянно за ихъ поведеніемъ». Главное наблюденіе надъ школою предоставлено мнѣ и баккалавру духовной академіи, г. Малову.

Такъ какъ крещеные Татары живутъ въ уѣздахъ, и на первый разъ охота къ обученію дѣтей возникла среди крещеныхъ Татаръ Мамадышскаго уѣзда, то для возможнаго облегченія ихъ необходимо было дать ихъ дѣтямъ даровое помѣщеніе со всею хозяйственною обстановкою, за исключеніемъ только одежды и пищи, которая, впрочемъ, требовалась въ видѣ сырыхъ припасовъ. Мы предоставили также родителямъ полную свободу привозить дѣтей въ школу и увозить изъ нея, когда имъ угодно и удобно. Вообще мы обходились, въ отношеніи поступленія учениковъ въ школу, безъ всякаго содѣйствія со стороны начальства, имѣя въ виду опытъ, что всякое, даже самое деликатное вмѣшательство властей, нерѣдко пробуждаетъ въ простолюдинахъ недоразумѣнія и опасенія.

Первый учебный годъ въ нашей школѣ продолжался съ начала сентября 1864 г. до конца мая 1865 года; больше этого времени отъ сельскихъ мальчиковъ нельзя и требовать. Многіе однакожь не могли пожертвовать ученію и этого времени.

Вотъ когда поступили и выбыли воспитанники. Прибыли: въ сентябрѣ 1864 г. 3 (два мальчика и одна дѣвочка), въ ноябрѣ 8, въ декабрѣ 2, въ январѣ 1865 г. 4, въ февралѣ 1, въ мартѣ 2, всего 20. Выбыли въ 1865 г.: въ январѣ 1 (выбылъ по обстоятельствамъ противъ своего желанія), въ мартѣ 1, въ маѣ 16, итого 20. Разновременный пріѣздъ и отъѣздъ учениковъ зависѣлъ главнымъ образомъ отъ домашнихъ и хозяйственныхъ обстоятельствъ родителей, а нѣкоторые слишкомъ поздно поступали въ школу потому, что раньше не знали о ея существованіи. Впрочемъ, одинъ мальчикъ, пріѣхавшій въ мартѣ и уѣхавшій съ отцомъ домой въ маѣ, выучился читать въ школѣ на столько, что и дома одинъ, безъ руководителя, продолжалъ чтеніе съ успѣхомъ. Осенью того же 1865 года съ нимъ пріѣхали въ школу два новыхъ ученика. Въ первый годъ существованія школы ученики были изъ восьми деревень Мамадышскаго уѣзда и изъ одной деревни Лаишевскаго уѣзда. Самое большое число учениковъ (11) было изъ деревни Никифоровой, откуда родомъ самъ Тимоѳеевъ. Слѣдовательно, поступленіе учениковъ въ школу зависѣло отъ личнаго знакомства съ учителемъ и довѣрія къ нему со стороны родителей. Только одинъ мальчикъ привлеченъ былъ въ школу ученикомъ, своимъ родственникомъ.

Средства на содержаніе школы въ первый годъ состояли изъ пожертвованій благотворительныхъ особъ деньгами, которыхъ пожертвовано 159 руб. 15 коп. Кромѣ того, дѣлаемы были пожертвованія съѣстными припасами, книгами и другими учебными пособіями, а также подарки ученикамъ. Пожертвованныя деньги расходовались на наемъ квартиры, отопленіе и освѣщеніе, посуду и разную домашнюю утварь, на школьную мебель, учебныя пособія и книги, частію на прислугу (приготовленіемъ пищи и стиркою бѣлья занималась большею частію жена учителя) и иногда, по праздникамъ, на покупку для учениковъ мяса и т. п. Всего издержано 140 рублей. Остальныя же деньги, по окончаніи учебнаго года, съ общаго согласія г. Малова и моего, какъ наблюдателей надъ школой, были отданы Тимоѳееву за его безмездное и ревностное обученіе, хотя надо по справедливости сказать, что такой малой суммой его труды далеко не вознаграждались. Потомъ покойный В. А. Половцевъ, въ знакъ особаго сочувствія къ учительской дѣятельности Тимоѳеева, прислалъ ему три рубля.

Квартира для школы нанималась въ академической слободкѣ, на Арскомъ полѣ, за шесть рублей въ мѣсяцъ. По цѣнѣ можно судить, что помѣщеніе было не обширное: класная комната, съ тремя маленькими при ней комнатками, и кухня. Особой спальни не было. Мальчики спали въ той же комнатѣ, гдѣ и учились, а иные въ кухнѣ. Они ложились на полу, подстилали войлокъ, а иные свои кафтанишки. Къ счастію еще, квартира была сухая и теплая. При тѣснотѣ и необыкновенной усидчивости за чтеніемъ и письмомъ мальчиковъ, была значительная духота. Только благодаря деревенскому простому воспитанію, они мог-

ли переносить такую незавидную обстановку. Среди зимы замѣчено было въ ученикахъ нѣкоторое утомленіе, поэтому пришлось заставлять ихъ, среди дня, проводить часа по два на дворѣ, на свѣжемъ воздухѣ. Впрочемъ, отъ болѣзни Богъ сохранилъ; одинъ только мальчикъ, начиная съ Пасхи, страдалъ довольно сильнымъ коклюшемъ. По неимѣнію особой комнаты для больныхъ, онъ былъ помѣщенъ въ квартирѣ г. Малова, гдѣ его лечилъ безмездно врачъ Б. А. Перлинъ.

Заканчивая лѣтопись перваго года школы, считаю долгомъ принести благодарность редакціи *Православнаго Обозрѣнія*, которая, благосклонно помѣщая въ своемъ изданіи мои корреспонденціи о школѣ и записки Тимоѳеева, содѣйствовала къ привлеченію сочувствія многихъ лицъ, что, въ началѣ особенно, было совершенно необходимо къ поддержанію и развитію этого учрежденія.

Возвратившись домой на лѣтнюю вакацію 1865 г., Тимоѳеевъ нашелъ, что нѣкоторые его ученики не мало сдѣлали для распространенія грамотности между своими единоплеменниками. Люди взрослые и особенно пожилые съ удовольствіемъ, а иногда съ умиленіемъ слушали толковое чтеніе дѣтьми правоучительныхъ и вѣроучительныхъ православныхъ книгъ, общедоступно изложенныхъ на ихъ родномъ языкѣ. Замѣчу при этомъ тотъ, опытомъ подтвержденный фактъ, что людямъ пожилымъ и престарѣлымъ всего болѣе нравится содержаніе правоучительное, какъ, напримѣръ, книга премудрости Іисуса сына Сирахова и еще болѣе Евангелія; молодые люди больше интересуются историческими свѣдѣніями. Женщины вообще оказываются гораздо болѣе расположенными къ религіи, нежели мужчины; онѣ съ необыкновеннымъ усердіемъ слушаютъ церковное пѣніе. Наши малолѣтніе грамотѣи нерѣдко были приглашаемы читать и пѣть на улицѣ и по домамъ. Ученикъ изъ деревни Владиміровой, по возвращеніи своемъ туда, училъ азбукѣ младшаго брата и еще одного родственника. Ученикъ Борисъ, изъ деревни Никифоровой, также обучалъ одного мальчика въ той же деревнѣ Владиміровой, котораго онъ заохотилъ къ грамотѣ, пріѣхавъ туда въ гости. Такимъ образомъ эти ученики успѣли уже въ нѣкоторой степени предрасположить въ пользу грамотности многихъ мальчиковъ въ деревнѣ Владиміровой. Наконецъ, самъ Тимоѳеевъ отправился въ эту деревню и съ 7-го по 11-е іюля обучалъ мальчиковъ грамотѣ. Прежде всего къ нему явились дѣти, которыя учились у его учениковъ. Къ нимъ постепенно присоединялись новые мальчики, такъ что число ихъ дошло, наконецъ, до двѣнадцати. Замѣчательно, что Тимоѳеевъ, не обращался предварительно къ родителямъ о дозволеніи обучать ихъ дѣтей, имѣя въ виду, что этимъ можно было бы возбудить сомнѣнія и недоразумѣнія относительно платы за ученье, цѣли и послѣдствій его; но эти простолюдины, смотря сначала какъ бы сквозь пальцы на ученье своихъ дѣтей, постепенно убѣждались какъ въ охотѣ ихъ къ ученью, такъ и въ пользѣ грамотности. Впослѣдствіи Тимоѳеевъ постоянно обращался

непосредственно къ самимъ дѣтямъ, и обученіе шло у него безпрепятственно. Этотъ фактъ указываетъ надежный путь къ водворенію грамотности по деревнямъ. Впрочемъ, обученіе въ деревнѣ Владиміровой было для Тимоѳеева какъ бы средствомъ для пріобрѣтенія учениковъ для Казанской школы, въ пользу которой не мало располагало мальчиковъ и то обстоятельство, единогласно заявляемое учениками, что въ ней нѣтъ сѣченья и побоевъ. Большую часть вакаціоннаго времени онъ употребилъ на разъѣзды по разнымъ деревнямъ: навѣстилъ всѣхъ своихъ учениковъ, освѣдомился, какъ они ведутъ себя, какъ дома продолжаютъ заниматься чтеніемъ; вездѣ слышалъ онъ благодарные отзывы со стороны родителей. Между тѣмъ онъ обращался съ бесѣдами и къ другимъ старокрещенымъ Татарамъ, чтобы внушить имъ расположеніе къ христіанскому образованію своихъ дѣтей. Здѣсь не у мѣста распространяться собственно о миссіонерскихъ его бесѣдахъ, тѣмъ болѣе, что онѣ довольно обстоятельно изложены въ двухъ его дневникахъ, напечатанныхъ въ *Православномъ Обозрѣніи.*

Еще въ февралѣ 1865 года доставилъ я бывшему тогда въ Казани чиновнику для особыхъ порученій при Министрѣ Государственныхъ Имуществъ, къ вѣдомству которыхъ принадлежали всѣ наши воспитанники, какъ государственные крестьяне, краткую, наскоро составленную записку о нашей школѣ, ея положеніи и нуждахъ. Записка моя передана была Г. Министру, который предложилъ Казанской палатѣ государственныхъ имуществъ представить ему соображенія о томъ, какого рода пособіе можетъ быть оказано нашей школѣ. Управляющій палатою, А. Е. Матюнинъ, самъ бывшій нѣкогда педагогомъ, съ полнымъ сочувствіемъ обратилъ вниманіе на наше скромное заведеніе, посѣтилъ его, осматривалъ помѣщеніе, вникалъ въ бытъ учениковъ, испытывалъ ихъ успѣхи. По его предложенію, я составилъ подробную записку о школѣ: о ея началѣ и основаніяхъ, на которыхъ она учреждена, о постепенномъ возрастаніи числа учениковъ, дающемъ поводъ ожидать дальнѣйшаго и значительнаго ея развитія, потомъ о ходѣ и направленіи обученія въ ней, о дѣятельности учителя, наконецъ, объ экономическомъ положеніи и нуждахъ школы. При чемъ я высказалъ желаніе, чтобы школа оставалась съ характеромъ частнаго учебнаго заведенія. Г. Матюнинъ представилъ мою записку въ министерство при отзывѣ отъ имени палаты, въ которомъ онъ высказалъ свое, основанное на опытѣ, убѣжденіе въ крайнемъ недостаткѣ христіанскаго образованія среди крещеныхъ Татаръ, и заключилъ ходатайствомъ о денежномъ пособіи школѣ, какъ учрежденію полезному при такомъ состояніи крещеныхъ Татаръ. Сверхъ того, онъ представилъ въ министерство оттискъ съ напечатанныхъ записокъ Тимоѳеева, для того чтобы министерство само могло судить о качествахъ и направленіи этого человѣка, которому, главнымъ образомъ, школа обязана своимъ успѣхомъ. Вслѣдствіе ходатайства г. Матюнина, Министерство Государственныхъ Имуществъ

отпустило на школу единовременно 200 рублей въ безотчетное распоряженіе Тимоѳеева и мое. Въ іюлѣ того же года г. Маловъ былъ въ Петербургѣ и представлялся г. Оберъ-Прокурору Св. Синода, который подробно расспрашивалъ о нашей школѣ и обѣщалъ ей свое покровительство.

Въ своихъ корреспонденціяхъ о школѣ я неоднократно заявлялъ, что залогъ и непремѣнное условіе дальнѣйшаго существованія школы заключаются въ участіи къ школѣ со стороны православнаго русскаго общества и въ довѣріи къ ней крещеныхъ Татаръ. То и другое къ началу втораго учебнаго года обозначилось положительнымъ образомъ. Ожидая прибытія большаго числа учениковъ и имѣя въ виду содѣйствіе школѣ отъ различныхъ членовъ русскаго общества, мы начали съ того, что наняли для нея болѣе помѣстительный домъ и сдѣлали въ немъ нѣкоторыя передѣлки.

Тимоѳеевъ возвратился въ Казань около 20-го августа съ двумя изъ своихъ первыхъ учениковъ. Въ сентябрѣ явилась первая партія учениковъ: 8 мальчиковъ изъ деревни Никифоровой, 1 изъ деревни Арияшъ, 6 изъ деревни Кулущей и 4 изъ Владиміровой. Въ числѣ кулущинскихъ мальчиковъ былъ одинъ русскій, хорошо владѣющій татарскимъ языкомъ; его приняли въ школу по ходатайству крещено-татарскихъ учениковъ въ тѣхъ видахъ, что онъ можетъ помогать имъ въ русскомъ языкѣ. За тѣмъ ученики прибывали въ теченіе остальныхъ трехъ мѣсяцевъ 1865 и въ январѣ 1866 года. Всѣхъ учениковъ собралось 43 человѣка. Прошлогодніе ученики явились въ школу всѣ до одного, слѣдовательно, новыхъ было 23 человѣка. Интересна школьная пропаганда самихъ мальчиковъ. Такъ, напримѣръ, Аланскій ученикъ Яковъ, который въ первомъ году учился не болѣе полутора мѣсяца, 18-го ноября привезъ съ собою новыхъ двоихъ мальчиковъ. Но одинъ изъ нихъ, 10-лѣтній ребенокъ, поучившись недѣли двѣ, соскучился по матери и возвратился домой. Другой же, весьма даровитый, ревностно принялся за грамоту и съ такимъ успѣхомъ, что уѣхавши домой къ Рождеству Христову, онъ могъ свободно и толково читать для старокрещеныхъ Татаръ изъ букваря правоученія и священную исторію. Въ 1866 году, послѣ Крещенія, онъ явился въ школу и привезъ съ собою новаго ученика, котораго самъ своимъ примѣромъ и вліяніемъ расположилъ къ грамотѣ.

Въ отношеніи деревень, изъ которыхъ поступали ученики, замѣтимъ, что, напримѣръ, изъ Владиміровой въ первомъ учебномъ году былъ 1 ученикъ, во второмъ — 4; изъ Кулущей — въ первомъ году 1, во второмъ — 6; изъ Саврушъ — въ первомъ году 1, во второмъ — 3. Кромѣ прошлогоднихъ 9 деревень, пріѣхали мальчики еще изъ 6-ти деревень: Арияшъ, Машлякъ, Шумуръ-башъ, Албаевой, Тамасова-Починка, Гаринской. Указанный фактъ возрастанія числа желающихъ учиться въ какой-нибудь деревнѣ, какъ скоро въ ней появится хоть одинъ ученикъ Тимоѳеева, объясняетъ, почему мнѣ представляется такъ важнымъ

подробное перечисленіе деревень: по моему мнѣнію, 20 учениковъ изъ 20-ти разныхъ мѣстностей были бы, для распространенія грамотности въ крещено-татарскомъ населеніи нашего края, несравненно полезнѣе, нежели сотня изъ одной деревни.

Изъ послѣдней въ числѣ поименованныхъ выше деревень былъ у насъ въ школѣ Ибрай Абдуловъ, некрещеный Черемисъ, мальчикъ лѣтъ 15-ти, который въ приходской школѣ ближняго села уже нѣсколько учился русской грамотѣ. Такъ какъ онъ свободно владѣлъ татарскимъ языкомъ, то и дали ему для чтенія православный букварь на народно-татарскомъ языкѣ. Онъ весьма ревностно принялся за его чтеніе. Я раза два дѣлалъ опытъ, заставляя его сопровождать чтеніе татарскихъ выраженій устнымъ подстрочнымъ переводомъ на его родной, черемисскій языкъ. Мнѣ хотѣлось, чтобы пріобрѣтаемыя имъ новыя понятія и свѣдѣнія онъ постоянно формулировалъ на родномъ языкѣ и тѣмъ лучше и глубже усвоивалъ бы ихъ себѣ. Къ сожалѣнію, онъ не долго былъ въ школѣ: поступивши 20-го января, онъ уѣхалъ 2-го февраля, по причинѣ болѣзни, о которой будетъ сказано ниже. Не безъ умысла назвалъ я его по имени и отчеству—Ибрай Абдуловъ: то и другое—имена магометанскія. Это можетъ служить намекомъ на тотъ положительный этнографическій фактъ, что финскіе инородцы Казанской губерніи, какъ скоро живутъ вблизи Татаръ, то по близкому сродству языковъ и по низшей, въ сравненіи съ Татарами, степени образованія, легко и скоро, и притомъ вполнѣ, усвоиваютъ сперва татарскій языкъ, потомъ принадлежности быта, наконецъ, принимая магометанскую вѣру, окончательно вливаются въ массу татарскаго племени, увеличивающуюся такимъ образомъ на счетъ другихъ инородцевъ. Это фактъ общій, довольно часто повторяющійся и имѣющій, въ извѣстномъ отношеніи, невыгоды, которыя могутъ быть устранены или предупреждены распространеніемъ грамотности среди различныхъ инородческихъ племенъ на ихъ собственныхъ родныхъ языкахъ, и притомъ въ духѣ и направленіи христіанско-русскихъ понятій.

Осенью 1865 года школа осчастливлена была архипастырскимъ вниманіемъ бывшаго архіепископа Казанскаго, Аѳанасія. 17-го октября, въ воскресенье, всѣ ученики вмѣстѣ съ учителемъ слушали въ каѳедральномъ соборѣ божественную литургію, по окончаніи которой они подошли къ преосвященному принять благословеніе. Онъ былъ изумленъ многолюдной толпой Татарчатъ, и освѣдомившись, что всѣ они обучаются въ школѣ, приказалъ имъ слѣдовать за собою въ архіерейскій домъ. Здѣсь, въ обширной залѣ, они пропѣли сначала «Царю Небесный» и «Богородице Дѣво, радуйся» по-татарски, и наконецъ, «Отче нашъ»—по-славянски. Преосвященный привѣтливо наградилъ ихъ, соотвѣтственно успѣхамъ каждаго, а для школы пожаловалъ учителю 30 рублей. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ подарилъ ученикамъ 25 экземпляровъ *Новаго Завѣта*

на русскомъ языкѣ, въ прочномъ и цѣнномъ переплетѣ. Такая истинно-отеческая привѣтливость преосвященнаго такъ поощрила нашихъ воспитанниковъ, что они весьма часто являлись къ архіерейской службѣ въ соборъ, принимали архипастырское благословеніе, и всякій разъ преосвященный приглашалъ ихъ въ свой домъ, заставлялъ ихъ пѣть и надѣлялъ деньгами. Да не упрекнуть нашихъ Татарчатъ въ корыстномъ чувствѣ: мнѣ кажется, что помимо серебряныхъ монетъ, хотя онѣ и не могли не имѣть привлекательности для дѣтей, дѣти искренно привязаны были къ привѣтливому архипастырю. Такъ, напримѣръ, на третій день Рождества Христова прямо отъ преосвященнаго нѣкоторые мальчики прибѣжали ко мнѣ и съ восторгомъ разсказывали слѣдующее: «Архіерей, когда мы начали славить и пѣли тропарь Рождеству, рукою показывалъ мѣру, а когда мы запѣли кондакъ, то онъ началъ крестить насъ обѣими руками». Для школы преосвященный Аѳанасій пожаловалъ въ разное время всего 135 рублей, кромѣ денегъ, розданныхъ мальчикамъ. Кстати упомянуть здѣсь, какъ онъ съ ними прощался въ декабрѣ истекшаго года, когда оставлялъ управленіе Казанскою епархіею. На этотъ разъ, за отсутствіемъ Тимоѳеева, я представлялъ ихъ преосвященному. Благословивъ ихъ всѣхъ, онъ смотрѣлъ на нихъ съ любовію и сказалъ: «Хорошія дѣти; какой у нихъ ясный и чистый взглядъ!» На нѣсколькихъ малолѣтнихъ мальчиковъ, у которыхъ не было еще крестовъ, онъ самъ надѣлъ кресты, всѣхъ двукратно надѣлилъ деньгами, подарилъ для школы много различныхъ географическихъ картъ и для раздачи мальчикамъ на память нѣсколько брошюръ.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1865 года доставлено изъ Москвы, чрезъ редакцію *Православнаго Обозрѣнія*, 100 рублей отъ Л. С. въ распоряженіе Василія Тимоѳеева, въ пользу школы. Пожертвовали въ то же время: С.-Петербургскій священникъ В. Я. М. 3 руб. (по рублю для школы, учителя и его жены за ея труды по школьному домоводству); іерей М. 45 коп.; профессоръ Астраханской семинаріи С. Л. Н. 1 руб. 20 коп.; проф. В. П. В. ежемѣсячно по 1 рублю, кромѣ того онъ же доставлялъ бумагу и другія письменныя принадлежности: о. Г. отъ неизвѣстнаго доставилъ 15 рублей. Изъ Петербурга прислали во вторую половину 1865 года: арх. В. по нѣскольку экземпляровъ хромолитографированныхъ на полотнѣ иконъ Распятія, Св. Николая и Св. Иннокентія Иркутскаго; о. М. и г. П. довольно много букварей и другихъ брошюръ, въ томъ числѣ извѣстныя изданія г. Невскаго, который и самъ прислалъ нѣсколько своихъ изданій. Начальники и наставники Казанской духовной академіи, начиная съ ноября, положили ежемѣсячно жертвовать изъ своего жалованья собственно на вознагражденіе В. Тимоѳеева за его труды по школѣ. Это продолжалось до февраля 1866 года, когда содержаніе Тимоѳеева было увеличено, какъ о томъ будетъ сказано ниже. Тимоѳеевъ получилъ этихъ сборныхъ денегъ всего 30

рублей. Это фактическое сочувствіе къ трудамъ учителя нашей школы тѣмъ болѣе заслуживаетъ признательности, что оно выразилось прежде увеличенія окладовъ наставниковъ академіи. Въ концѣ 1866 года поступили еще слѣдующія пожертвованія: отъ Н. Н. Б., при посѣщеніи имъ школы, 5 рублей; отъ А. П. М. 10 рублей; отъ казначея съ братіей Сызранскаго монастыря 22 рубля; отъ неизвѣстнаго 1 рубль.

Въ началѣ 1866 года школу посѣтило тяжелое испытаніе: свирѣпствовавшая въ Казани возвратная горячка закралась и въ наше заведеніе. Спачала, на Святки, слегли три мальчика; вскорѣ послѣ Крещенія слегъ самъ учитель, перемогавшійся нѣсколько дней. За нимъ заболѣла его жена и одинъ старокрещеный Татаринъ, помогавшій ей въ приготовленіи пищи, такъ что школа осталась безъ учителя, и даже на нѣкоторое время некому было работать на кухнѣ. Ученики, впрочемъ, продолжали свои учебныя занятія. Я ежедневно являлся къ нимъ, но долженъ откровенно сознаться, что не могъ замѣнить Тимоѳеева: одушевленіе учениковъ упадало замѣтно, вяло шли занятія; къ тому же почти каждый день заболѣвали по одному или по два мальчика. Такъ какъ тѣсное помѣщеніе въ школѣ воспитанниковъ способствовало развитію болѣзни, то мы наняли еще помѣщеніе въ другомъ домѣ, для разобщенія больныхъ отъ здоровыхъ. Несмотря на то, болѣзнь стала свирѣпствовать у насъ эпидемически. Самый сильный ея разгаръ былъ на сырной недѣлѣ, въ началѣ февраля, когда вдругъ лежало больныхъ до 30-ти человѣкъ, наполнявшихъ собою обѣ квартиры. Немногіе, остававшіеся здоровыми, воспитанники прислуживали и помогали больнымъ, ожидая и сами подобной участи. Въ это тяжелое для школы время, наибольшее участіе въ ней принялъ врачъ Б. А. Перлинъ. Самъ только что оправившись отъ той же болѣзни, онъ ежедневно посѣщалъ школу, приставилъ своего фельдшера, дѣлалъ подробныя указанія мальчикамъ, какъ давать больнымъ лѣкарства. Многія лѣкарства, матеріалы для которыхъ имѣлись у него, въ его походной аптекѣ, по должности окружнаго врача, составлялись имъ и фельдшеромъ безплатно во вниманіи къ тому, что мальчики были казенные крестьяне, и, слѣдовательно, по праву могли пользоваться лѣкарствами этой аптеки. Благодаря усиліямъ г. Перлина, несмотря на невыгодное въ гигіеническомъ отношеніи помѣщеніе школы, ни одинъ воспитанникъ не умеръ.

Къ счастію, денежныя средства школы, вслѣдствіе пособія отъ Министерства Государственныхъ Имуществъ и пожертвованій частныхъ благотворителей, давали намъ возможность дѣлать всѣ необходимые расходы. Кромѣ расширенія помѣщенія и покупки нѣкоторыхъ лѣкарствъ, всѣ воспитанники, впродолженіе цѣлаго мѣсяца, по совѣту врача, пользовались на счетъ школы мясною пищею, бѣлымъ хлѣбомъ, чаемъ и отчасти виномъ.

Съ самаго начала болѣзни, проѣзжіе Татары разнесли по деревнямъ, от-

куда были наши ученики, преувеличенное извѣстіе о смертности, распространившейся будто бы въ нашей школѣ. И вотъ понаѣхали отцы и матери, не надѣявшіеся уже застать дѣтей своихъ въ живыхъ. Они рады были, что дѣти ихъ, хотя и на одрѣ болѣзни, но еще живы; они видѣли посѣщеніе и внимательное попеченіе врача, стклянки съ лѣкарствами, заботливый уходъ за больными, который хотя по обстоятельствамъ и обстановкѣ школы не вполнѣ соотвѣтствовалъ больничному или клиническому положенію, но все-таки былъ лучше, нежели въ деревняхъ, — и съ успокоеннымъ сердцемъ возвращались домой, гдѣ многіе изъ нихъ подверглись той же болѣзни, которою они заразились въ школѣ.

Вслѣдствіе этой болѣзни многіе воспитанники, въ томъ числѣ Черемисъ Ибрай Абдуловъ, при первой представившейся возможности, уѣхали домой. Всего, такимъ образомъ, въ теченіи января, февраля и марта, уѣхало 32 воспитанника. Двое изъ уѣхавшихъ воспитанниковъ явились опять въ школу по миновании болѣзни. Независимо же отъ болѣзни, отправились домой въ маѣ 11 учениковъ. Такимъ образомъ болѣзнь значительно пріостановила обученіе въ нашей школѣ, и главное, воспрепятствовала дальнѣйшему увеличенію числа учениковъ. Прибытіе новыхъ мальчиковъ прекратилось 20-го января, тогда какъ въ прежнемъ учебномъ году оно продолжалось до 20-хъ чиселъ марта. Впрочемъ, преждевременный отъѣздъ учениковъ не былъ совершенно безполезенъ въ дѣлѣ народнаго образованія. Всѣ мальчики при отъѣздѣ изъ школы получили, по крайней мѣрѣ, по одному экземпляру печатныхъ народно-татарскихъ переводовъ: букваря, книги Бытія и Премудрости Іисуса сына Сирахова, и сверхъ того они взяли съ собою довольно много, въ собственноручныхъ спискахъ, не напечатанныхъ еще переводовъ молитвъ, священнопѣній и нѣкоторыхъ статей духовнаго содержанія. Всѣ они также имѣли на русскомъ языкѣ Новый Завѣтъ, который хотя немногіе могли понимать. Такимъ образомъ возвратившіеся домой ученики имѣли много средствъ и времени для распространенія пріобрѣтенныхъ ими въ школѣ православныхъ понятій въ кругу своихъ семействъ и родственниковъ.

Самъ Тимоѳеевъ уѣхалъ изъ Казани 29-го мая. Стоитъ упомянуть здѣсь о томъ, какъ въ 1866 году онъ отпускалъ своихъ учениковъ. Съ самаго начала этого года возникло въ Казанской губерніи отступническое движеніе между крещеными Татарами, которое, начавшись между новокрещеными Тетюшскаго уѣзда, постепенно развивалось и по другимъ уѣздамъ, наконецъ, проникло въ Лаишевскій и Мамадышскій уѣзды, въ селенія даже старокрещеныхъ Татаръ. Тимоѳеевъ принялъ съ своей стороны нравственныя мѣры, чтобы по возможности предохранить своихъ юныхъ питомцевъ отъ отступнической заразы. Вопервыхъ, онъ отправлялъ ихъ всегда съ людьми благонадежными, такъ что когда однажды явились къ нему за однимъ мальчикомъ, по порученію его

отца, двое крещеныхъ Татаръ, внушившихъ Тимоѳееву своими манерами и словами недовѣріе въ отношеніи вѣры, онъ не отпустилъ съ ними этого мальчика. Вовторыхъ, онъ отпускалъ учениковъ съ пѣніемъ православныхъ молитвъ и съ наставленіями, въ которыхъ внушалъ не отпадать отъ Христа Спасителя, и если паче чаянія, родственники будутъ препятствовать имъ дома молиться, то исполнять этотъ святой долгъ тайно. Вотъ какъ онъ самъ разсказываетъ проводы шестерыхъ изъ своихъ учениковъ: «24-го мая пріѣхали отецъ Япрея и отецъ Ѳедоры, на двухъ телѣгахъ. Они могли увезти только своихъ дѣтей съ моимъ семействомъ. Какъ же отправить остальныхъ учениковъ? думалъ я. Вдругъ пріѣзжаютъ, на двухъ тѣлегахъ, Татары-магометане изъ сосѣдней къ намъ деревни, съ письмомъ ко мнѣ. Я ихъ упросилъ, за плату, довезти до дому мальчиковъ. Когда все было приготовлено къ отъѣзду и лошади уже стояли у крыльца, мы съ учениками вошли въ школу и начали пѣть молитвы: *Трисвятое, Отче нашъ, Милосердія двери отверзи, Ангелу хранителю,* и прмосъ: *Свѣта подателю и вѣковъ творче, Господи;* пропѣвъ эти молитвы, я каждаго обнялъ и цѣловалъ. Ученики заплакали отъ полноты сердца; а одинъ изъ нихъ, по имени Николай, такъ расплакался, что не могъ уняться даже и тогда, когда вышелъ на дворъ, такъ что подводчики-магометане, увидѣвши это, спросили: а что развѣ домой ѣхать не хочется?«—Отсюда можно видѣть какою любовію со стороны учениковъ пользуются учитель и его школа.

Когда Тимоѳеевъ и съ нимъ шесть или семь учениковъ лежали тяжело больные, посѣтили школу проѣзжавшіе черезъ Казань начальникъ Алтайской миссіи архимандритъ Владиміръ съ братіей и попечитель миссіи А. Г. Малковъ. Они подробно осматривали школу, заставляли мальчиковъ читать и пѣть, больному учителю о. архимандритъ преподалъ благословеніе и сказалъ нѣсколько назидательныхъ и утѣшительныхъ словъ. Они пожертвовали на школу 8 рублей. Послѣ обозрѣнія школы, о. Владиміръ выразилъ мнѣ очень лестный отзывъ о достоинствахъ ея въ православно-образовательномъ отношеніи. За годъ до нихъ былъ въ нашей школѣ еще одинъ Алтайскій миссіонеръ, іеромонахъ Макарій, которому школа тоже понравилась; крещеные Татарчаты напомнили ему Алтайскихъ инородцевъ. Мнѣніе лицъ, которымъ такъ близко и извѣстно миссіонерское дѣло, было для насъ особенно поощрительно.

Послѣ посѣщенія о. Владиміра и Малкова, въ самый сильный разгаръ болѣзни, Богъ послалъ намъ новое утѣшеніе въ высокомъ и дѣятельномъ покровительствѣ г. оберъ-прокурора св. синода графа Д. А. Толстаго: въ академическое управленіе поступило предписаніе объ увеличеніи, изъ доходовъ семинарскаго дома, содержанія учителю Тимоѳееву на 280 рублей, такъ чтобъ онъ получалъ, съ прежнимъ, по должности практиканта окладомъ во 120 рублей, всего 400 рублей въ годъ. Это извѣстіе сообщено было Тимоѳееву послѣ совер-

шившагося перелома его болѣзни, и такая заботливость и участіе къ его дѣлу высшаго начальства значительно одушевили больнаго. За болѣзнію Тимоѳеева, я принялъ смѣлость выразить его признательныя чувства къ г. оберъ-прокурору въ письмѣ, въ которомъ я также изложилъ устройство и направленіе школы, руководимой Тимоѳеевымъ, посѣтившую школу болѣзнь и дѣятельное участіе г. Перлина. Графъ Д. А. Толстой удостоилъ меня отвѣтомъ, отъ 24-го февраля 1866 года. Онъ благодарилъ меня за доставленіе любопытныхъ свѣдѣній объ учрежденной мною школѣ. «Я надѣюсь, писалъ онъ, что при Божіей помощи и при ревностной заботливости учредителей, заведеніе это разовьется и положитъ начала прочному миссіонерству между татарскимъ народомъ. Съ своей стороны я готовъ содѣйствовать всѣмъ, что́ только отъ меня будетъ зависѣть, къ поддержанію школы и ея благоустройству». Затѣмъ онъ поручилъ мнѣ передать отъ него «душевную благодарность врачу Перлину за его сочувствіе къ школѣ и за выказанное имъ истинно-христіанское участіе въ положеніи заболѣвшихъ учениковъ». Наконецъ, въ письмѣ графа сказаны слѣдующія драгоцѣнныя слова: «Не могу не выразить моего искренняго удовольствія по случаю выздоровленія Тимоѳеева; увѣрьте его въ моемъ къ нему расположеніи и въ томъ, что полезные труды его всегда найдутъ во мнѣ усерднаго цѣнителя».

Это письмо составило для насъ истинный праздникъ. Вскорѣ за тѣмъ со стороны графа проявился и новый знакъ вниманія и памяти о школѣ: согласно обѣщанію содѣйствовать къ ея поддержанію, даровано было имъ изъ духовныхъ капиталовъ 1.000 рублей. Замѣчательно, что извѣстіе объ этомъ пожертвованіи совпало съ радостнымъ первымъ днемъ св. Пасхи.

Въ февралѣ мѣсяцѣ получены пожертвованія: отъ пр. А. Н. І. 3 р., отъ свящ. П. Д. М. 5 р. и 1 ф. чаю; въ апрѣлѣ — отъ бак. А. А. Н. 7 руб. Въ томъ же мѣсяцѣ изъ мѣстечка Смѣлы, Кіевской губ., отъ неизвѣстной особы получено 25 руб. Для насъ драгоцѣнно также пожертвованіе на школу 21 рубля изъ Омска, при письмѣ на имя Тимоѳеева, отъ извѣстнаго въ духовной литературѣ протоіерея А. Сулоцкаго, бывшаго профессора Тобольской семинаріи, а нынѣ законоучителя Сибирскаго корпуса. Позволяю себѣ выписать нѣкоторыя мѣста изъ этого письма. «Сочувствуя содержимой вами школѣ новокрещеныхъ Татаръ и желая содѣйствовать достиженію ея святой цѣли, я обращался къ нѣсколькимъ лицамъ о помощи вамъ, и слава Богу, на этотъ разъ обращался не напрасно: староста церкви кадетскаго корпуса, почетный гражданинъ В. П. К., пожертвовалъ на вашу школу 15 руб., учитель корпуса подполковникъ Е. Н. С. 3 руб., старшій лѣкарь И. Ѳ. З. 1 руб., да я прилагаю 2 рубля.... По моему мнѣнію, слѣдовало бы статьи г. Малова съ описаніемъ путешествій по татарскимъ селеніямъ и его состязаній съ Татарами и ваши первыя (о. протоіерей Сулоцкій, очевидно, разумѣетъ три статьи В. Тимоѳеева,

«напечатанныя въ *Прав. Обозрѣніи*) напечатать въ нѣсколькихъ тысячахъ «экземпляровъ и раздать ихъ сельскимъ и частію городскимъ священникамъ «всей Россіи и Сибири, какъ образцы того, какъ наша братія должна бы при«ступать къ обученію религіи и религіозной жизни народа и какъ должна бы «поступать при самомъ обученіи».

Всего, во второмъ учебномъ 1865 — 1866 году, пожертвовано въ школу деньгами 566 руб. 65 коп., кромѣ 1,000 руб., единовременно дарованныхъ изъ суммъ Св. Синода. Были пожертвованія также и вещами. Изъ комитета грамотности при Императорскомъ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ получено сто экземпляровъ русскихъ букварей, составленныхъ по новымъ методамъ, и другихъ полезныхъ для чтенія въ школѣ книгъ религіозно-нравственнаго, историческаго и географическаго содержанія, также алфавитныхъ таблицъ. Комитетъ выразилъ готовность и впредь высылать учебныя пособія, находящіяся въ его распоряженіи.

Мальчики содержались, попрежнему, на свои средства; только одинъ, изъ деревни Арнять, сынъ бѣдной вдовы, принятъ былъ вполнѣ на содержаніе школы. Во время же болѣзни всѣмъ мальчикамъ, какъ выше было сказано, сдѣлано было значительное пособіе изъ школьной суммы. Всего издержано на расходы по хозяйству и на учебныя пособія 366 руб. 65 коп.

Въ каникулы 1864 и 1865 годовъ Тимоѳеевъ ѣздилъ по разнымъ деревнямъ Мамадышскаго уѣзда, и кромѣ приглашенія крещеныхъ Татаръ къ обученію дѣтей въ школѣ, постоянно приводилось ему вести съ ними бесѣды христіанско-миссіонерскія, какъ это описано въ его дневникахъ, напечатанныхъ въ *Православномъ Обозрѣніи*. Само собою понятно, что такая его дѣятельность, вначалѣ необходимая какъ предварительная рекогносцировка, не была однако же вполнѣ успѣшна въ томъ отношеніи, что раздробляя и истощая его усилія на множество пунктовъ, изъ которыхъ онъ ни на одномъ долго не останавливался, не оставляла глубокаго, прочнаго слѣда ни въ одномъ изъ нихъ. Въ 1866 г., съ общаго нашего согласія, предположено было, чтобъ онъ въ каникулы этого года сосредоточилъ свое вниманіе на одномъ пунктѣ, именно въ Арняшахъ, и главнымъ образомъ старался бы устроить въ этомъ пунктѣ школу. По возвратившись въ свою Никифоровку, Тимоѳеевъ нашелъ уже, что единственная доселѣ ученица его, дѣвочка Ѳедора, еще съ осени 1865 года своимъ усерднымъ чтеніемъ и пѣніемъ собрала вокругъ себя нѣсколько дѣвочекъ той же деревни. Сначала эти дѣвицы пріучались пѣть православныя молитвы съ ея голоса, а потомъ стали заявлять желаніе учиться также грамотѣ. Тимоѳеевъ былъ приведенъ этимъ обстоятельствомъ къ мысли устроить для Ѳедоры особую маленькую школу для обученія дѣвицъ. И такъ какъ Ѳедора имѣетъ не

болѣе 15-ти лѣтъ отъ роду, то онъ, по своей практической смѣткѣ, устроилъ для нея келью на дворѣ ея отца и поставилъ, такимъ образомъ, это новое въ крещено-татарскомъ населеніи заведеніе подъ непосредственное покровительство и защиту родителей малолѣтней учительницы. Помѣщеніе этой школы заключается въ одной комнатѣ съ маленькою передней, отопляется одною небольшою голландскою печкой, освѣщено довольно большими окнами; въ немъ поставлено нѣсколько самодѣльныхъ классныхъ столовъ со скамьями. На устройство этой школы употреблено 34 руб. 57 коп.

Какъ только была поставлена эта хороминка, дѣвицы стали собираться въ ней, и она сдѣлалась для нихъ любимымъ пріютомъ во всякое время, свободное отъ домашнихъ и полевыхъ работъ. Женщинамъ особенно нравится пѣніе божественныхъ молитвъ и каноновъ; такимъ образомъ и Θедора съ своими подругами преимущественно занималась и занимается пѣніемъ, и все, что только было переведено нами по этой части на народный татарскій языкъ и что напечатано или существуетъ пока въ рукописяхъ, все это поютъ Никифоровскія дѣвицы наизусть. Поютъ онѣ обычными церковными напѣвами, не торопясь, раздѣльно, внятно и съ искреннимъ умиленіемъ. Въ лѣтнее время, въ вечернюю пору, когда населеніе деревни покапчивало свои работы, дѣвицы выходили на улицу и начинали свое пѣніе. Около нихъ собиралось множество мужчинъ и женщинъ и со вниманіемъ, особенно женщины, слушали пѣніе, которое продолжалось по нѣскольку часовъ. Начиная съ осени, въ праздничные и воскресные дни, дѣвицы почти по цѣлымъ днямъ проводятъ въ школѣ, которая на этотъ разъ превращается въ православный молитвенный домъ.

Тимоθеевъ въ началѣ декабря ѣздилъ осмотрѣть эту школу и нашелъ въ ней пѣніе вполнѣ удовлетворительнымъ, а грамотность хотя далеко не въ такой степени, какъ въ Казанской школѣ, однако довольно успѣшною; особенною даровитостью и рвеніемъ къ ученію поразила его 10-лѣтняя дѣвочка Татьяна изъ деревни Елышевой. Учительница отъ времени до времени присылаетъ къ Тимоθееву письма, отличающіяся обстоятельностью и послѣдовательностью изложенія, въ которыхъ она увѣдомляетъ то о числѣ и занятіяхъ ученицъ, то о какихъ-нибудь происшествіяхъ въ школѣ. По послѣднимъ отъ нея извѣстіямъ, въ школѣ учится 32 человѣка, въ томъ числѣ 16 малолѣтнихъ мальчиковъ, которые по какимъ-либо обстоятельствамъ не могли пріѣхать въ Казань, и 16 дѣвочекъ. Большинство дѣвицъ изъ той же деревни Никифоровой; изъ другихъ же деревень, кромѣ вышеупомянутой Татьяны, учится изъ деревни Арняшъ дѣвица лѣтъ 18-ти, отъ роду осужденная на сидячую и одинокую жизнь вслѣдствіе паралочнаго состоянія ногъ, но вообще здоровая и способная. По мнѣнію Тимоθеева, она впослѣдствіи можетъ съ пользою заниматься обученіемъ дѣтей, что доставитъ ей не только утѣшеніе, но, можетъ-быть, и обезпеченіе въ жизни.

Вліяніе Өедоры и ея учениць такъ сильно въ Никифоровкѣ, что, по удостовѣренію нѣкоторыхъ, пріѣзжавшихъ оттуда крещеныхъ Татаръ, въ прошлыя святки не было въ деревнѣ обычныхъ святочныхъ игръ и гаданій, извѣстныхъ подъ именемъ «пардугана»: вмѣсто игръ молодые люди собирались въ школу слушать церковное пѣніе. Для поощренія Өедоры платится ей изъ Казанской школы по 2 рубля въ мѣсяцъ, и, кромѣ того, дѣлались по временамъ небольшіе подарки. Расходъ на ея школу, кромѣ упомянутаго жалованья учительницѣ, состоялъ въ отопленіи, освѣщеніи и въ учебныхъ пособіяхъ.

Устроивши въ Никифоровкѣ дѣвичью школу, Тимоөеевъ отправился въ отстоящую оттуда въ 10-ти верстахъ деревню Арняши, Абдинскаго прихода. Этотъ пунктъ, еще предъ каникулами, указанъ былъ Тимоөеевымъ, потому что тамъ вмѣстѣ съ близкими деревнями имѣется крещено-татарскаго населенія около 2,000 душъ мужескаго пола. Тимоөеевъ пріѣхалъ въ Арняши какъ будто гость, имѣя при себѣ нѣсколько букварей. Съ помощію тамошняго сироты, обучавшагося въ Казанской школѣ, онъ тотчасъ же свелъ знакомство съ нѣкоторыми мальчиками и началъ по немногу учить ихъ грамотѣ. Между тѣмъ бесѣдовалъ онъ и съ домохозяевами о православной вѣрѣ, читалъ имъ нравоученія Іисуса сына Сирахова и нѣкоторыя главы изъ книги Бытія, разказывалъ жизнь Спасителя. Когда набралось мальчиковъ человѣкъ шесть, онъ выпросилъ у одного тамошняго крещенаго Татарина чистую избу для обученія дѣтей. Такимъ образомъ шло ученье впродолженіе недѣли, число мальчиковъ постепенно увеличивалось, родители исподоволь приглядывались къ ученію, замѣчали охоту къ нему въ своихъ дѣтяхъ, знакомились съ содержаніемъ тѣхъ книгъ, по которымъ должны были учиться мальчики, и убѣждались, что эти книги содержатъ все назидательные и полезные предметы, и незамѣтно водворялась въ нихъ мысль о пользѣ образованія дѣтей. Тогда уже Тимоөеевъ сталъ наводить ихъ на заявленіе о необходимости устроить въ ихъ деревнѣ школу и довелъ ихъ дотого, что они сами просили его помочь имъ въ этомъ и предложили ему выбрать въ деревнѣ любое мѣсто, какое только онъ найдетъ удобнымъ для постройки дома для школы. Онъ купилъ готовые срубы; перевезли же ихъ и помогали сложить безвозмездно сами жители, и что̀ замѣчательно, именно родители тѣхъ мальчиковъ, которые уже учились у него. Въ концѣ іюля я видѣлъ этотъ домъ уже вчернѣ готовымъ и въ немъ классные столы со скамьями и большую классную доску. Пока шла эта работа, Тимоөеевъ постоянно самъ наблюдалъ за нею, а для занятій съ мальчиками вызвалъ двоихъ учениковъ изъ Никифоровки. Тогда въ Арняшахъ обучалось 24 человѣка; больше этого числа не могло быть, потому что въ это время дѣти ходили въ лѣсъ драть лыки. Уже въ сентябрѣ мѣсяцѣ Тимоөеевъ нашелъ нужнымъ купить лѣсу и другіе срубы для расширенія этой школы и нанялъ рабочихъ. Теперь она въ

окончательно-отдѣланномъ видѣ представляетъ строеніе съ большими окнами въ шесть сажень длины, покрытое тесомъ и имѣющее три комнаты; въ задней комнатѣ устроена кухонная печь, для того чтобы мальчики изъ другихъ деревень, которые въ Арняшахъ не имѣютъ родственниковъ, могли въ школѣ же жить и готовить себѣ пищу. Все устройство обошлось въ 113 руб. 30 коп. Дрова для отопленія ея доставляютъ родители учениковъ, которые даютъ также хлѣбъ учителю.

Учителемъ въ Арняшскую школу поставленъ ученикъ Тимоѳеева, Яковъ Дмитріевъ, лѣтъ 18-ти. Онъ учился въ Казанской школѣ, способностей не особенно бойкихъ, но прилежный, отличающійся спокойнымъ характеромъ и хозяйственными наклонностями. Его назначили руководить школой за неимѣніемъ болѣе возрастныхъ и благонадежныхъ, по зрѣлости характера, учениковъ. Впрочемъ, Тимоѳевъ самъ, такъ-сказать, водворилъ его въ школу, познакомилъ съ будущими его учениками и ихъ родителями и впродолженіе недѣли руководилъ и наблюдалъ за его занятіями въ школѣ. Арняшская школа, какъ и Никифоровская, есть отрасль Казанской школы: порядки и пріемы въ той и другой копируются, по мѣрѣ возможности, съ Казанской школы Тимоѳеева, по той естественной причинѣ, что учителя въ этихъ школахъ никакихъ другихъ порядковъ и способовъ не знаютъ, кромѣ тѣхъ, которыми они были ведены сами. Послѣ 6-го декабря прошлаго года Тимоѳевъ ѣздилъ въ Арняши, чтобы лично видѣть состояніе школы; онъ нашелъ тамъ 45 учениковъ, большинство ихъ было изъ деревни Арняшъ, но есть и изъ другихъ сосѣдственныхъ деревень. Учитель, который при первоначальномъ завѣдываніи школою терялся и даже скучалъ, чувствуя положеніе свое какъ бы одинокимъ, къ пріѣзду Тимоѳеева успѣлъ уже, повидимому, освоиться съ дѣломъ и смотрѣлъ веселѣе, хотя просилъ себѣ помощника. Тимоѳеевъ подробно испытывалъ всѣхъ до одного учениковъ: въ механическомъ чтеніи и отчасти въ письмѣ сдѣланы были достаточные успѣхи, но ученики оказались мало развитыми въ пониманіи читаемаго, на чтó Тимоѳеевъ обратилъ вниманіе учителя, показавъ ему примѣръ толковаго обученія въ родѣ катихизаціи. Онъ также просилъ учителя заняться болѣе пѣніемъ, потому что ученики умѣли пѣть только нѣкоторыя молитвы. Тимоѳеевъ старался освѣдомиться и въ Арняшахъ, и въ другихъ сосѣдственныхъ деревняхъ, какъ смотрятъ на эту школу старокрещеные Татары и любятъ ли ее дѣти. О томъ и другомъ онъ слышалъ много весьма пріятныхъ и обнадеживающихъ отзывовъ и разказовъ; вообще родители довольны школой, а дѣти посѣщаютъ ее съ радостью. Все это ручается за дальнѣйшее упроченіе Арняшской школы, а также общее сочувствіе, привлеченное къ ней учителемъ Яковомъ Дмитріевымъ, вполнѣ выкупаетъ нѣкоторые недостатки по части преподаванія. Впрочемъ, при множествѣ учениковъ и при новости для него этого

дѣла, бóльшихъ успѣховъ и требовать отъ него было бы несправедливо; въ помощь ему посланъ изъ Казанской школы мальчикъ Илья, лѣтъ 14-ти. По послѣднимъ извѣстіямъ, теперь тамъ 49 учениковъ. Якову Дмитріеву дается отъ Казанской школы въ мѣсяцъ по 5-ти рублей жалованья, кромѣ того ему доставлены нѣкоторыя вещи въ видѣ подарка; Ильѣ назначено по 3 рубля въ мѣсяцъ.

Учебныя пособія въ ту и другую школу идутъ также изъ Казанской школы. Они состоятъ, главнымъ образомъ, изъ безвозмездно раздаваемыхъ ученикамъ, изданныхъ мною, книжекъ на народно-татарскомъ языкѣ, писчей бумаги, аспидныхъ досокъ и т. д. Для Арняшской школы куплены библейскія картины Шнорра, изданныя Генкелемъ, а для Никифоровской дѣвичьей школы — библейскія картины, продававшіяся въ Москвѣ обществомъ распространенія полезныхъ книгъ.

Когда Тимоѳеевъ хлопоталъ объ устройствѣ Арняшской школы, онъ поѣхалъ разъ за покупкой желѣзныхъ вещей на базаръ въ деревню Старую Икшурму. На базарѣ встрѣтилъ онъ нищаго, мальчика лѣтъ 10-ти. Узнавъ, что у него нѣтъ ни отца, ни матери и никакого попечителя, который бы содержалъ его, и замѣтивъ въ мальчикѣ, по его разговору и виду, добрыя качества, Тимоѳеевъ сказалъ ему: «Я тебя буду кормить, поить, одѣвать и учить, поѣдешь ли ты ко мнѣ?» Мальчикъ замялся. Между тѣмъ около нихъ собралось нѣсколько человѣкъ мѣстныхъ жителей, крещеныхъ Татаръ, которые говорили мальчику: «Поѣзжай». Онъ согласился. Тимоѳеевъ привезъ его въ Никифоровку и отдалъ своей женѣ. Мальчика не стѣсняли въ первое время никакими требованіями, чтобъ онъ не скучалъ въ чужомъ семействѣ. Онъ исподоволь сталъ учиться грамотѣ и теперь уже очень хорошо читаетъ и начинаетъ порядочно писать. Учится въ Казанской школѣ, а живетъ въ семействѣ Тимоѳеева.

Событіе 4-го апрѣля, которое по всей Россіи пробудило патріотическое чувство и вызвало много благотворительныхъ дѣлъ и пожертвованій, отразилось и на нашей школѣ. Профессоры и служащіе при Казанскомъ университетѣ, въ ознаменованіе благополучнаго спасенія жизни Государя Императора, предположили составить, впродолженіе четырехъ лѣтъ, посредствомъ нѣкотораго вычета изъ своего содержанія, капиталъ съ тѣмъ, чтобы проценты съ него употребляемы были на пользу православно-русскаго образованія простолюдиновъ, а въ засѣданіи совѣта университета, 22-го апрѣля, по предложенію г. ректора Е. Г. Осокина, было постановлено обратить этотъ капиталъ въ пользу учрежденной мною школы для дѣтей крещеныхъ Татаръ. Онъ будетъ простираться до 4,068 руб. 10 коп. Если принять въ соображеніе, что крещеные Татары прежде совершенно исчезали въ массѣ своего татарскаго племени по своей малочисленности (составляя въ Казанской губерніи не болѣе де-

сятой его части), бѣдности и отсутствію всякаго образованія, что научные и административные интересы сосредоточивались исключительно на магометанахъ, а крещеные Татары оставались постоянно какъ бы забытыми въ своихъ деревенскихъ захолустьяхъ, то пожертвованіе ученаго университетскаго сословія, и притомъ какъ выраженіе самыхъ священныхъ чувствъ, должно поистинѣ считаться весьма знаменательнымъ и великимъ благодѣяніемъ для крещеныхъ Татаръ, особенно въ нравственномъ отношеніи.

Движимый такимъ же патріотическимъ и вѣрноподданническимъ чувствомъ, одинъ Казанскій купецъ пожелалъ ознаменовать свое усердіе къ Монарху благотвореніемъ, которое онъ, по указанію и внушенію о. діакона М. Н. М., обратилъ на нашу школу: онъ рѣшился построить для помѣщенія школы, на собственный счетъ, домъ съ необходимѣйшими службами. Это намѣреніе онъ заявилъ намъ 17-го апрѣля, въ день рожденія Государя Императора, и просилъ только отвести ему мѣсто, на которомъ могъ бы быть построенъ домъ. За неимѣніемъ свободнаго мѣста въ городѣ, я избралъ его за городскою чертою и просилъ Казанскую градскую думу о пожертвованіи его для школы. Дѣло это устроилось при посредничествѣ бывшаго начальника Казанской губерніи М. К. Нарышкина.

Весь 1866 годъ, съ самаго начала, въ Казанской и Симбирской губерніяхъ ознаменовался почти повсемѣстнымъ и упорнымъ отпаденіемъ крещеныхъ Татаръ въ магометанство. Это грустное явленіе, кромѣ разныхъ другихъ, второстепенныхъ причинъ, зависѣло, главнымъ образомъ, отъ недостатка въ крещено-татарскомъ населеніи православно-русскаго образованія. И прежде, отъ времени до времени, возникали подобныя движенія Татаръ, которыя хотя и были по наружности прекращаемы, но только посредствомъ строгихъ административныхъ мѣръ. Нынѣ же невольно пришлось обратиться къ внимательному изученію внутреннихъ причинъ явленій отступничества и поискать къ устраненію его мѣръ кроткихъ, основанныхъ не на принужденіи, а на началахъ нравственныхъ, то-есть, на убѣжденіи и духовныхъ интересахъ. Естественно, что нельзя было не остановиться прежде всего на православно-русскомъ образованіи крещеныхъ Татаръ. Вслѣдствіе этого наша школа явилась въ сознаніи многихъ лицъ единственнымъ въ своемъ родѣ учрежденіемъ, которое, несмотря на недавнее свое существованіе и скромные свои размѣры, подало надежду на благотворныя послѣдствія.

Въ концѣ іюня прошлаго года я былъ прикомандированъ къ г. Казанскому вице-губернатору Е. А. Розову, которому поручено было заняться дѣломъ объ отступничествѣ крещеныхъ Татаръ. Когда г. Розовъ услышалъ отъ меня объ устройствѣ и направленіи Казанской школы и когда, при личныхъ сношеніяхъ съ отступниками, онъ увидѣлъ совершенное отсутствіе въ нихъ знанія христіан-

ской вѣры, онъ тогда же выразилъ желаніе всячески поддерживать нашу школу, именно какъ учрежденіе христіанско-образовательное. Это убѣжденіе свое онъ высказалъ и офиціально.

Считаю долгомъ заявить, что первая моя мысль объ учрежденіи школы для дѣтей крещеныхъ Татаръ была принята еще въ 1864 году съ полнымъ сочувствіемъ г. попечителемъ Казанскаго учебнаго округа П. Д. Шестаковымъ. Онъ смотрѣлъ на нее преимущественно съ своей народно-образовательной точки зрѣнія и видѣлъ въ ней начало русскаго образованія инородцевъ. Несмотря на ея недавнее существованіе, онъ упомянулъ о ней въ своемъ отчетѣ по управленію Казанскимъ учебнымъ округомъ за 1865 годъ, а мои посильныя заботы о школѣ оцѣнилъ такъ высоко, что когда я, въ числѣ профессоровъ университета, имѣлъ счастіе представляться Государю Наслѣднику, г. попечитель рекомендовалъ меня предъ Его Императорскимъ Высочествомъ съ этой именно стороны.

Въ началѣ сентября 1866 года Казань посѣтилъ Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія. Въ рѣчи своей, которую онъ говорилъ въ университетѣ 4-го сентября и которая въ свое время была напечатана въ газетахъ, графъ, перечисливъ инородческія племена, которыя онъ видѣлъ во время своего путешествія по Волгѣ, въ предыдущемъ августѣ, высказалъ, что была бы большая заслуга положить начало просвѣщенію этихъ восточныхъ племенъ, а съ ними и дальнѣйшаго Востока. «Пусть православная церковь, говорилъ графъ Д. А. «Толстой, проложитъ путь Евангеліемъ, а за нимъ послѣдуетъ наука съ своимъ «свѣтомъ. Это совокупное дѣйствіе вѣры и науки несомнѣнно разсѣетъ восточ«ную темь». Постановивъ такимъ образомъ задачу образованія въ юго-восточномъ краѣ Россіи, Г. Министръ благоволилъ вслѣдъ за тѣмъ упомянуть о нашей школѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Въ недавнемъ времени уже сдѣланъ «опытъ устройства татарской школы однимъ изъ вашихъ сослуживцевъ, въ са«мой Казани; я старался помочь ему, сколько могъ, по православному духов«ному вѣдомству. Вы также удѣлили ему часть вашихъ собственныхъ денеж«ныхъ средствъ. Школа пошла весьма удачно, и все предвѣщаетъ ей хорошую «будущность. Нужно надѣяться, что дѣло на этомъ не остановится, а современемъ возникнетъ много такихъ школъ, и тогда просвѣщеніе между восточными «племенами утвердится на прочныхъ основахъ».

Благоволительное вниманіе ко мнѣ и къ Тимоѳееву Г. Министра Народнаго Просвѣщенія и чрезвычайныя награды, которыя онъ намъ исходатайствовалъ, служатъ яснымъ доказательствомъ его энергическаго покровительства нашей школѣ. То же высокое покровительство къ школѣ выразилось и въ необыкновенно привѣтливомъ пріемѣ, котораго графъ удостоилъ нѣкоторыхъ ея воспитанниковъ и одного старокрещенаго Татарина, которые тогда были въ Казани.

Онъ подарилъ имъ денегъ и сказалъ, что самъ Государь знаетъ о школѣ, въ которой они учатся, и желаетъ, чтобы крещеные Татары отдавали своихъ дѣтей для обученія не къ мулламъ, а въ эту школу. Василію Тимоѳеву необходимо было отправиться въ Арняши, чтобы докончить тамъ устройство школы, а къ тому же, въ концѣ прошлаго лѣта, въ Казани опасались холерной эпидеміи, по этому, къ сожалѣнію, ученіе въ школѣ не могло быть начато во время пребыванія у насъ графа.

Тимоѳеевъ возвратился въ Казань и открылъ школу 22-го сентября. Вмѣстѣ съ нимъ пріѣхало 9 учениковъ. Затѣмъ поступило въ школу: въ сентябрѣ 13 человѣкъ, въ октябрѣ 12, въ ноябрѣ 13, въ декабрѣ 11, въ январѣ (1867 г.) 4, въ февралѣ 1, въ мартѣ 10, въ томъ числѣ 1, дѣвица, въ апрѣлѣ 1, а всего 65. Кромѣ того, въ половинѣ великаго поста пріѣхали изъ Никифоровской школы двѣ воспитанницы, которыя помѣщены въ квартирѣ Тимоѳеева.

Прибывшіе въ Казань мальчики были изъ слѣдующихъ деревень: изъ Никифоровой 10, Владиміровой 3, Сатлыганъ Ключа 1, Арняшъ 2, Кулущей 9, Албаевой 1, Урясъ-башъ 2, Шумуртъ-башъ 2, Ташліяръ 1, Трехъ Сосенъ 1, Саврушъ 2, села Абдей 1, Субашъ 1, Елышевой 5, Билятли-башъ 2, Асанъ Илги 2, Ковалей 5, Серды 3, Аланки 1, Тамасова Починка 1, Тукъ-Пулатъ (Иванаевой) 2, Альвединой 4, Старой Икшурмы 1, Казылей 1, пороховаго завода близь Казани 1, Вятской губерніи Елабужскаго уѣзда, деревни Яловой 1. Всего изъ 26 селеній. Противъ предыдущаго учебнаго года 11-ю деревнями больше. Отлучки и выбытіе учениковъ изъ Казанской школы были слѣдующія: кромѣ двоихъ учениковъ, сопровождавшихъ г. Малова въ его поѣздкахъ въ деревню Елышеву и село Апазово, нѣсколько мальчиковъ ѣздили въ свои деревни на масляницу или же на Св. Пасху. Выбыли же втеченіе учебнаго года: 2 въ учителя Апазовской школы — 2-го января; 1 въ учителя Арняшской школы — 10-го января; 1, по желанію отца, поступилъ 21-го апрѣля къ купцу въ Казани, въ мальчики, для пріученія къ торговлѣ; возвратились домой: 1) по домашнимъ обстоятельствамъ, въ мартѣ: 2-го — 1, 15-го — 3, 20-го — 2, 25-го — 1, 27-го — 2; въ апрѣлѣ: 13-го, 16-го и 30-го по одному, въ маѣ 2-го — 1; 2) двое уѣхали изъ школы, соскучившись по роднымъ. Въ январѣ состояло въ школѣ на лицо: 47 мальчиковъ и 2 дѣвочки.

Приведемъ нѣсколько случаевъ, характеризующихъ обстоятельства прибытія учениковъ изъ новыхъ деревень. Въ концѣ іюля прошлаго года, въ проѣздъ изъ своей деревни въ Казань, Тимоѳеевъ заѣзжалъ въ старокрещенскую деревню Ковали, Пановскаго прихода, Лаишевскаго уѣзда. Здѣсь онъ останавливался часа на три, познакомился съ нѣкоторыми стариками, разказывалъ имъ о своей Казанской школѣ и объ ученіи крещено-татарскихъ дѣтей. Потомъ, въ

началѣ декабря, когда ему нужно было осмотрѣть школы Никифоровскую и Арнятскую, онъ направился чрезъ тѣ же Ковали. Съ нимъ былъ одинъ ученикъ изъ Казанской школы. Въ Коваляхъ онъ оставилъ этого ученика, а самъ отправился дальше, въ Никифоровку, и черезъ четыре или пять дней пріѣхалъ обратно въ Ковали. Между тѣмъ ученика его приглашали во многіе дома читать православныя книги на народно-татарскомъ языкѣ, и онъ успѣлъ расположить нѣкоторыхъ мальчиковъ къ грамотности. Такимъ образомъ Тимоѳеевъ вывезъ съ собою въ Казанскую школу одного мальчика, за которымъ потомъ въ разное время пріѣхали другіе. Одинъ старокрещеный Татаринъ, изъ деревни Альвединой, на дорогѣ встрѣтился съ другимъ старокрещенымъ же Татариномъ, изъ деревни Шумуртъ-башъ, который, доставивши въ Казанскую школу своего сына, возвращался въ деревню. Они разговорились о Казанской школѣ. Вслѣдствіе этого разговора Альведискій Татаринъ, у котораго сынъ, лѣтъ 16-ти, съ нѣкоторыхъ поръ сталъ обучаться русской грамотѣ, но довольно безтолково, пріѣхалъ въ Казань нарочно для того, чтобы самому освѣдомиться лично о состояніи Казанской школы, а послѣ того чрезъ нѣсколько времени онъ привезъ сына. 8-го декабря явился въ школу некрещеный Татаринъ, лѣтъ 19-ти, изъ деревни Асанъ-Илги. Онъ учился магометанской грамотѣ, потомъ пожелалъ учиться по-русски. Знакомый ему старокрещеный Татаринъ расхвалилъ Казанскую школу, и онъ пришелъ въ Казань пѣшкомъ, верстъ за 150. Здѣсь онъ учился съ замѣчательнымъ прилежаніемъ и въ непродолжительное время прочиталъ на народномъ татарскомъ языкѣ букварь, Премудрость Іисуса сына Сирахова и книгу Бытія. Былъ очень ласковъ съ учениками и вообще кротокъ. Въ половинѣ февраля за нимъ пріѣхалъ отецъ, который увезъ его домой для работъ, но обѣщался, по миновании надобности, опять привезти сына въ школу. 15-го марта онъ опять пришелъ пѣшкомъ въ Казань и привелъ съ собой еще одного Татарина — магометанина изъ своей деревни. По его разказамъ, когда онъ явился изъ Казани въ свою деревню, его успѣхи подвергнуты были испытанію многихъ земляковъ: пять человѣкъ хотѣли идти съ нимъ въ Казань, для поступленія въ нашу школу, но онъ не рѣшился взять ихъ всѣхъ, не увѣренный, что они могутъ быть приняты. Это первый опытъ обученія въ нашей школѣ магометанъ, — опытъ, изъ котораго, впрочемъ, по краткости времени, нельзя вывести пока положительнаго заключенія. Мальчикъ изъ Елабужскаго уѣзда пріѣхалъ 9-го марта вмѣстѣ съ Ташліярскимъ мальчикомъ, который, слѣдовательно, привлекъ его въ школу.

22-го сентября 1866 года, по порученію Казанскаго епархіальнаго начальства, г. Маловъ отправился въ деревню Елышеву, Ачинскаго прихода, вслѣдствіе того, что жители этой деревни, старокрещеные Татары, возвратились въ магометанство почти всѣ, за исключеніемъ только двухъ - трехъ семействъ.

Г. Маловъ взялъ туда съ собою двоихъ учениковъ Казанской школы. Эти мальчики весьма усердно содѣйствовали ему: они читали въ разныхъ домахъ Евангеліе и другія изъ нашихъ изданій и особенно старались привлечь мальчиковъ къ ученію. Ихъ дѣйствія довольно подробно описаны ими самими въ дневникахъ. Результатомъ этой поѣздки было то, что г. Маловъ привезъ 5-го ноября изъ деревни Елышевой въ Казанскую школу 5 мальчиковъ. Сначала эти мальчики, привлеченные въ школу не совершенно свободно, чувствовали себя какъ бы стѣсненными, но потомъ постепенно свыклись съ своимъ новымъ положеніемъ; теперь они прилежно и съ успѣхомъ учатся.

Потомъ, также по распоряженію епархіальнаго начальства, г. Маловъ съ тѣми же двумя учениками отправился 30-го ноября въ село Апазово, Казанскаго уѣзда, гдѣ живутъ старокрещеные Татары. Послѣ двухнедѣльнаго знакомства съ Апазовскими жителями, оказалось возможнымъ открыть тамъ особую школу. Для исполненія этого предположенія, 2-го января 1867 года, Тимоѳеевъ поѣхалъ въ Апазово съ двумя учениками: братомъ своимъ —Игнатіемъ и Борисомъ Гавриловымъ. При этомъ обнаружились два замѣчательныхъ обстоятельства. Вопервыхъ, единоплеменность Тимоѳеева съ старокрещеными Татарами села Апазова скоро поставила его въ такое близкое къ нимъ отношеніе, что самые пожилые и почтенные старики содѣйствовали ему въ пріисканіи квартиры для школы, такъ что 5-го января онъ уже жилъ въ школьномъ помѣщеніи, на скорую руку снабженномъ классными столами. Вовторыхъ, однажды, когда онъ бесѣдовалъ въ одномъ семействѣ о пользѣ и необходимости образованія дѣтей, съ цѣлію расположить его въ пользу устроиваемой имъ школы, его спросили: въ какую же службу поступятъ они и куда будутъ отправлены по окончаніи ученія въ школѣ? Тимоѳеевъ сказалъ имъ, что они останутся при своихъ родителяхъ въ полномъ ихъ распоряженіи. На это ему возразили: «Да ты вѣдь устроиваешь школу на царскія (то-есть, казенныя) деньги, слѣдовательно, для нихъ должна быть обязательной царская служба». Тимоѳеевъ сказалъ на это, что онъ устроиваетъ школы для крещено-татарскихъ дѣтей не на казенныя деньги, а на частныя пожертвованія разныхъ благотворителей изъ Русскихъ. Это заявленіе видимо успокоило спрашивавшихъ. Отсюда можно вывести заключеніе, что крещеные Татары (а вѣроятно, и другіе инородцы, да и русскіе простолюдины) имѣютъ бо́льшее довѣріе къ школамъ частнымъ.

Въ день Богоявленія Господня въ Апазово собираются изъ окрестности крещеные Татары и Вотяки, которые всѣ въ совершенствѣ владѣютъ татарскимъ языкомъ. Во время литургіи въ этотъ день Апазовская церковь была наполнена народомъ. Тимоѳеевъ, съ благословенія мѣстнаго священника, читалъ Апостолъ сначала по-славянски, а потомъ на народно-татарскомъ языкѣ; точно также дважды онъ пропѣлъ, съ своими спутниками, символъ вѣры и мо-

литву Господню. Это видимо привлекло вниманіе къ Тимоѳееву всѣхъ присутствовавшихъ въ церкви, такъ что послѣ литургіи приходили къ нему въ школьную квартиру многіе крещеные Татары и Вотяки; мужчины желали слушать преимущественно чтеніе православныхъ книгъ на народно-татарскомъ языкѣ, а женщины—пѣніе молитвъ. Ученіе въ школѣ открыто было 7-го января. Почтенный священникъ Е. В. Пеньковскій, который вообще оказалъ вниманіе къ Тимоѳееву и его спутникамъ и сочувствіе къ учрежденію школы, отслужилъ въ ней молебенъ, въ присутствіи поступившихъ въ нее 12-ти мальчиковъ и нѣкоторыхъ родителей. Это было поутру; къ вечеру того же дня было уже 18 учениковъ. Тимоѳеевъ отправился обратно изъ Апазова въ Казань 8-го числа, оставивши тамъ для преподаванія Игнатія съ Борисомъ. По извѣстіямъ, полученнымъ въ послѣднее время отъ этихъ новыхъ учителей, теперь у нихъ 26 учениковъ, въ томъ числѣ три Вотяка.

Всѣ расходы по устройству Апазовской школы (35 руб. 27 коп.) и на содержаніе ея (квартира безъ отопленія по 2 руб. въ мѣсяцъ и жалованье учителямъ въ мѣсяцъ по 4 руб.) отнесены на средства Казанской школы, которая, такимъ образомъ, совершенно справедливо считаетъ устроенныя въ деревняхъ три школы своими отраслями. Мы имѣемъ въ виду, современемъ, открывать постепенно подобныя школы и въ другихъ мѣстахъ, потому что настоитъ крайняя необходимость распространить возможно шире, на сколько будутъ позволять средства Казанской школы, православное образованіе въ крещено-татарскомъ населеніи Казанскаго края.

Въ отношеніи къ этому дѣлу селенія крещеныхъ Татаръ можно раздѣлить на двѣ группы. Къ одной изъ нихъ мы относимъ большинство деревень, куда почти нисколько не проникло магометанское вліяніе. Такіе крещеные Татары, при свойственномъ вообще простолюдію религіозномъ чувствѣ и при самыхъ элементарныхъ и неясныхъ понятіяхъ о Богѣ и о вѣрѣ, обыкновенно съ полнымъ вниманіемъ и довѣріемъ слушаютъ православное ученіе: въ такихъ селеніяхъ полезно открывать особыя школы, и онѣ будутъ имѣть тамъ успѣхъ, потому что будутъ поддержаны сочувствіемъ мѣстныхъ жителей. Къ другой группѣ слѣдуетъ отнести нѣкоторыя старокрещенскія деревни, въ родѣ, напримѣръ, Елышевой и Киблякъ-Козей, и все населеніе новокрещеныхъ Татаръ, къ которымъ болѣе или менѣе сильно проникаетъ магометанское вліяніе и въ которыхъ замѣчается болѣе или менѣе рѣшительная наклонность къ магометанству: тамъ заводить школы, по крайней мѣрѣ теперь, неудобно, а нужно привлекать оттуда дѣтей въ Казанскую школу, потому что въ дѣтяхъ такихъ деревень начали уже слагаться магометанскія понятія и навыки, а одни религіозныя понятія могутъ уступать мѣсто другимъ только постепенно, при непрерывномъ и спокойномъ воздѣйствованіи на нихъ новыхъ понятій и новой среды. Таково

именно положеніе Казанской школы: въ ней большинство учениковъ имѣетъ чисто православное направленіе, которое, какъ это отчасти показалъ опытъ, только постепенно покоряетъ себѣ незначительное меньшинство учениковъ съ инымъ настроеніемъ и содѣйствуетъ успѣху православнаго образованія, которое должно состоять не въ воспріятіи только умомъ христіанскаго ученія, но и въ усвоеніи его вѣрующимъ и живымъ сердцемъ, такъ чтобъ оно составляло основаніе для мысли и жизни.

Что касается мальчиковъ, которые посылаются въ деревенскія татарскія школы, то мы не считаемъ ихъ окончательно выбывшими изъ Казанской школы. Они остаются съ нею въ неразрывной связи, и впослѣдствіи, когда школа получитъ высшія образовательныя средства, они могутъ снова учиться въ ней.

Въ истекающемъ учебномъ году въ Казанской школѣ находится 8 мальчиковъ на полномъ содержаніи школы: это суть или сироты, или дѣти родителей, которые не вполнѣ искренно сочувствуютъ православному образованію. Всѣхъ же дѣтей, учащихся въ Казанской и другихъ школахъ, учрежденныхъ подъ ея вліяніемъ и на ея средства, находится теперь болѣе 150.

Обратимся теперь къ объему и направленію обученія въ Казанской школѣ.

Прежде всего нужно объяснить, что вся постановка нашей школы носитъ характеръ семейный: учитель Тимоѳеевъ держитъ себя въ отношеніи къ ученикамъ, какъ старшій ихъ братъ, къ которому они относятся просто и откровенно, но вмѣстѣ съ тѣмъ уважительно. Въ школѣ нѣтъ никакихъ искусственныхъ формъ и формальной выправки, а также тѣлесныхъ и другихъ наказаній. Простота отношеній простирается и на родителей и даже на постороннихъ крещеныхъ Татаръ, которые могутъ прямо пріѣзжать въ школу и жить въ ней дня два или три. Эта доступность школы для крещеныхъ Татаръ даетъ имъ возможность знакомиться съ качествами и направленіемъ школы, слушать православно-назидательное чтеніе и пѣніе, видѣть въ ней простой порядокъ и поведеніе учениковъ. Это поддерживаетъ и распространяетъ доброе мнѣніе о школѣ, и такимъ образомъ дальнѣйшее существованіе ея упрочивается сочувствіемъ къ ней самихъ крещеныхъ Татаръ.

Первоначальными учебными книгами въ нашихъ школахъ служатъ изданныя мною на народно-татарскомъ языкѣ, русскими буквами, слѣдующія книжки: букварь, книга Бытія, Премудрость Іисуса сына Сирахова и Евангеліе отъ Матѳея.

Такъ какъ большинство учениковъ поступаетъ въ школу не зная даже азбуки, то съ самаго начала они обучаются по букварю грамотѣ, по выработанной самимъ Тимоѳеевымъ методѣ, въ родѣ фонетической; по этой методѣ весь алфавитъ изучается вдругъ, гласныя буквы произносятся чистымъ своимъ

звукомъ, а согласныя выговариваются такъ: *ыбъ*, *ыръ*, такъ что предшествующее бѣглое *ы* даетъ возможность рѣзко отличить собственное значеніе согласной буквы. При этомъ алфавитъ изучается въ различномъ, произвольномъ порядкѣ, такъ что ученикъ безошибочно долженъ указать букву, гдѣ бы она ни стояла. Потомъ ученики переходятъ къ складамъ съ примѣрами татарскихъ словъ; наконецъ, по порядку изучаютъ весь букварь. При этомъ, для того, чтобы ученики не заучивали наизусть читаемыхъ текстовъ, въ ущербъ ознакомленію съ искусствомъ чтенія, имъ не позволяется долго повторять однѣ и тѣ же строки, довольствуясь тѣмъ, чтобы мальчикъ правильно произносилъ одни за другими слова. Такимъ образомъ букварь прочитывается съ начала до конца два раза. За букваремъ слѣдуетъ чтеніе книгъ на народно-татарскомъ языкѣ въ показанномъ выше порядкѣ. Когда ученикъ прочитаетъ эти четыре книжки, напечатанныя, какъ уже сказано, русскими буквами, онъ въ такой степени усвоиваетъ русскую грамоту, что безъ затрудненія можетъ читать русскія книги, ошибаясь только въ удареніи русскихъ словъ и частію въ тѣхъ звукахъ, въ которыхъ расходятся между собою фонетики русская и татарская. Ученикъ съ посредственными способностями въ пять мѣсяцевъ прочитываетъ всѣ четыре книжки на народно-татарскомъ языкѣ.

Въ то же время ученики учатся писать, такъ что мѣсяца чрезъ два, или три по поступленіи въ школу, они въ состояніи уже написать по двумъ линейкамъ письмо къ родителямъ. Вотъ, напримѣръ, письмо, отправленное однимъ изъ Елышевскихъ мальчиковъ къ своему отцу; оно было написано по-татарски русскими буквами: «Батюшкѣ поклонъ, матушкѣ поклонъ (затѣмъ поклоны поименно всѣмъ роднымъ), живу я хорошо, одну книгу прошелъ; штаны нужно, писалъ я самъ Степанъ». Пишутъ сначала отдѣльныя буквы и потомъ фразы по прописи, потомъ списываютъ въ свои тетради ненапечатанные еще переводы; болѣе успѣвшіе мальчики пишутъ отъ себя какіе-нибудь разказы, письма къ домашнимъ и т. п. Въ то же время учатся они счисленію, на счетахъ, и изображенію цифръ, а также отчасти начальнымъ ариѳметическимъ дѣйствіямъ. Сверхъ того, начинающіе ученики пріучаются съ голоса пѣть по-татарски православныя молитвы, прислушиваясь къ пѣнію старшихъ учениковъ и участвуя въ немъ.

Было нѣсколько случаевъ, что въ Казанскую школу поступали молодые люди, уже окончившіе курсъ въ сельскихъ училищахъ, знающіе русскую грамоту и умѣющіе говорить по-русски; но постоянно обнаруживалось, что такіе ученики мало понимали въ русскихъ книгахъ и вообще не умѣли на своемъ языкѣ толково разказать ни одного, напримѣръ, событія изъ священной исторіи. Эти ученики въ Казанской школѣ прочитываютъ сперва наши книги на народно-татарскомъ языкѣ, чрезъ что они пріучаются понимать то, что̀ читаютъ. Когда

ченикъ выучитъ татарскія книжки, онъ приступаетъ къ изученію русскаго языка. Сначала онъ читаетъ легкіе разказы; въ нынѣшнемъ учебномъ году обыкновенно давалась сказка Пушкина *О рыбакѣ и рыбкѣ*, по причинѣ легкости ея языка и потому, что ея было нѣсколько экземпляровъ, такъ что вдругъ могли заниматься нѣсколько ровно идущихъ учениковъ. Чтеніе русскихъ книгъ всегда сопровождается устнымъ переводомъ на родной языкъ; при этомъ сначала вниманіе ученика занято изученіемъ отдѣльныхъ словъ, потомъ они понемногу знакомятся съ краткими выраженіями. Для нѣкотораго ознакомленія съ грамматическими формами русскаго языка служитъ затѣмъ самоучитель русской грамоты для Киргизовъ; послѣ этой книги читается священная исторія священника Н. А. Попова, которая удобна для нашихъ учениковъ потому, что изложена краткими предложеніями, хотя въ ней не мало трудныхъ книжныхъ словъ. Наконецъ, читаютъ Евангеліе на русскомъ языкѣ, и все это постоянно съ устнымъ переводомъ. По мѣрѣ усвоенія русскаго языка ученики переводятъ уже цѣлыя предложенія съ татарскою разстановкою словъ.

Такъ какъ въ школѣ теперь находятся воспитанники разныхъ, такъ-сказать, курсовъ, то они раздѣляются, естественно, на кружки, изъ которыхъ каждый занимается чтеніемъ. Азбучники распредѣляются бо́льшею частію по два, рѣдко по три мальчика, по возможности равныхъ способностей, и они прочитываютъ всѣ татарскія книжки; забавно видѣть, какъ одинъ изъ такихъ товарищей старается опередить, а другой — не отстать. Въ нынѣшнемъ году одинъ молодой человѣкъ, г. Крыловъ, даетъ въ школѣ ежедневные уроки, состоящіе въ разказахъ изъ русской исторіи и въ объяснительномъ чтеніи разныхъ русскихъ статеекъ. Его слушаютъ 10 человѣкъ, которые уже довольно знаютъ по-русски. Этотъ учитель заставляетъ учениковъ устно повторять свои разказы, потомъ они пишутъ ихъ на аспидныхъ доскахъ и, послѣ исправленія учителемъ съ надлежащими объясненіями, переписываютъ въ тетради. Такія упражненія довольно подвинули этихъ учениковъ въ знаніи русскаго языка.

Ученики занимаются также отчасти географіей, для которой имѣются въ школѣ карты, атласъ Симашко и маленькій глобусъ. Общій обзоръ земной поверхности производится въ видѣ путешествій по картѣ, по морямъ, важнѣйшимъ рѣкамъ, съ указаніемъ прилежащихъ мѣстностей и государствъ. Нѣкоторые ученики могутъ правильно и отчетливо указать на картѣ не только части свѣта и важнѣйшія моря, но и главныя рѣки и государства съ главными городами, особенно въ Европѣ.

Изъ ариѳметики преподаваніе ограничивается цѣлыми и именованными числами.

Главное вниманіе Тимоѳеева обращено на Законъ Божій и въ особенности на священную исторію, для нагляднаго объясненія которой онъ употребляетъ

библейскія картины Шнорра. Въ праздничные дни, предъ литургіей, объясняетъ онъ исторію праздника. Все это содѣйствуетъ насажденію въ воспитанникахъ понятій и чувствъ христіанскихъ. Къ той же цѣли ведетъ, и едва-ли не болѣе, пѣніе на народно-татарскомъ языкѣ церковныхъ молитвъ, ирмосовъ и т. п. Ученики могутъ пѣть нѣкоторыя молитвы и по-русски, но замѣтно, что на своемъ родномъ языкѣ они поютъ съ большимъ согласіемъ и одушевленіемъ, потому, безъ сомнѣнія, что при этомъ содержаніе церковныхъ молитвъ и пѣсней непосредственно доходитъ до ихъ мысли и сердца. Церковная служба, то-есть, всенощная и литургія, въ воскресные и праздничные дни посѣщаются воспитанниками Казанской школы неупустительно. Они ходятъ почти постоянно въ академическую церковь. Ежегодно говѣютъ въ великомъ посту, и, кромѣ ежедневнаго присутствованія въ церкви въ теченіе всей, назначенной для говѣнія недѣли, они дома поютъ по-татарски ирмосы великаго канона св. Андрея Критскаго и нѣкоторыя пѣснопѣнія изъ постной тріоди. Они поютъ также, въ надлежащее время, канонъ великой субботы: «Волною морскою» и весь пасхальный канонъ и проч. Церковному пѣнію обучаетъ ихъ съ голоса самъ Тимоѳеевъ, а нѣсколько методически училъ ихъ, въ прошломъ году, г. Витевскій, теперь же учитъ семинаристъ г. Поликарповъ.

Такимъ образомъ главное направленіе Казанской школы есть религіозное, православно-церковное, хотя воспитанники искренно интересуются и свѣтскими знаніями. Замѣчательно, что женщины, матери воспитанниковъ, исключительно желаютъ и ищутъ въ школьномъ образованіи своихъ дѣтей религіознаго, божественнаго, а отцы, кажется, въ видахъ утилитарныхъ, больше хлопочутъ о томъ, чтобы дѣти ихъ хорошенько узнали русскую грамоту и русскій языкъ. Наша школа, по мѣрѣ возможности, удовлетворяетъ тому и другому требованію, но преимущественно первому.

Воспитанники нашей школы, несмотря на то, что они изъ разныхъ деревень, живутъ между собою дружелюбно; даже ученики другихъ племенъ, какъ, напримѣръ, прошлогодній Черемисъ Ибрай, или Русскій Петръ, или маленькіе русскіе мальчики, школьные сосѣди, которые иногда частнымъ образомъ приходятъ учиться въ нашей школѣ, не встрѣчаютъ со стороны крещено-татарскаго большинства не только побоевъ, но и насмѣшекъ; жители Академической слободки, гдѣ помѣщается школа, а равно и хозяева квартиръ, ею занимаемыхъ, ни разу не предъявляли на нашихъ питомцевъ ни малѣйшей жалобы. Единодушіе учениковъ, по-истинѣ братское, особенно ясно обнаружилось во время упомянутой выше болѣзни: тѣ, которые были здоровы, безропотно служили больнымъ и исполняли другія обязанности (привозили воду, кололи дрова, топили печи),—что при малочисленности учениковъ, оставшихся здоровыми, не могло не быть для нихъ обременительнымъ.

Когда Казанское городское общество и дума составили приговоръ о пожертвованіи для школы мѣста, о которомъ я ходатайствовалъ, и когда послѣдняя сдѣлала объ этомъ представленіе въ губернское правленіе, тогда, по словесному дозволенію бывшаго губернатора, было приступлено къ постройкѣ дома. 11-го октября 1866 года были подняты св. иконы и хоругви изъ академической церкви, и профессоръ, іеромонахъ Григорій, духовникъ школы, вмѣстѣ съ діакономъ М. Н. Мизоновымъ, отслужили по случаю закладки дома молебенъ съ водоосвященіемъ. Читано было изъ X главы Евангелія отъ Луки, въ которомъ слова Спасителя: «Исповѣдаютися Отче, Господи небесе и земли, яко «утаилъ еси сія отъ премудрыхъ и разумныхъ, и открылъ еси та младенцемъ», какъ нельзя болѣе подходили къ ученикамъ, присутствовавшимъ при этомъ священнодѣйствіи. Въ числѣ ихъ были малолѣтніе, а впрочемъ и всѣ они не суть ли истые младенцы по искренности своего простаго сердца и по отсутствію образованія? Училищный домъ вчернѣ отстроенъ; окончательная же отдѣлка его и постройка необходимыхъ службъ будетъ произведена нынѣшнимъ лѣтомъ, такъ что въ слѣдующемъ учебномъ году наша школа будетъ помѣщаться въ собственномъ домѣ. Домъ этотъ деревянный, въ восемь саженъ длины и четыре ширины, съ антресольнымъ этажемъ; кухня и столовая будутъ помѣщены въ подвальномъ этажѣ. Въ задней части средняго этажа будетъ устроена классная комната въ пять сажень длины, которая будетъ нагрѣваться двумя круглыми печами. Передняя часть того же этажа будетъ разбита на нѣсколько комнатъ для квартиры учителя. Въ верхнемъ этажѣ, надъ классной комнатой, будетъ спальня учениковъ съ нарами, а надъ квартирой учителя—особое помѣщеніе, въ которомъ, по обстоятельствамъ, будутъ жить или ученицы, или помѣщаться больные и т. п.

Въ текущемъ учебномъ году школа осчастливлена была посѣщеніями: въ ноябрѣ 1866 года—г. Казанскаго вице-губернатора Е. А. Розова, управлявшаго въ то время губерніей; въ январѣ текущаго года—архіепископа Казанскаго, преосвященнаго Антонія, а въ февралѣ—г. попечителя Казанскаго учебнаго округа П. Д. Шестакова и преосвященнаго викарія Гурія.

По окончаніи минувшаго учебнаго года, пожертвовано школѣ 61 р. 65 коп. деньгами и, сверхъ того, сдѣлано не мало пожертвованій книгами и вещами.

Книги на народно-татарскомъ языкѣ, изданныя мною, раздаются безмездно ученикамъ по всѣмъ школамъ. Почти у каждаго изъ нихъ есть Новый Завѣтъ на русскомъ языкѣ, а у нѣкоторыхъ, сверхъ того, священная исторія Попова, купленная на ихъ собственныя деньги.

Всего, по окончаніи прошлаго учебнаго года, въ кассѣ школы со вновь поступившими деньгами было 1,261 руб. 65 коп. Изъ этой суммы, до окончанія

текущаго учебнаго года, должно быть израсходовано на Казанскую и другія три, сю учрежденныя школы, около 700 рублей.

Передъ свѣтлымъ праздникомъ Пасхи, и въ нынѣшнемъ году, наша школа была осчастливлена пособіемъ отъ Святѣйшаго Синода, въ тысячу рублей.

Изъ этого обзора трехлѣтняго существованія школы можно, кажется, вывесть заключеніе, что положеніе ея теперь уже довольно упрочено, съ одной стороны, покровительственнымъ вниманіемъ правительственныхъ лицъ и учрежденій и благотворительнымъ участіемъ частныхъ лицъ русскаго православнаго общества, а съ другой—довѣріемъ и сочувствіемъ къ ней, развивающимися постепенно въ средѣ крещеныхъ Татаръ, по мѣрѣ ихъ ознакомленія съ школою. Что же касается до учебной части, то она довольно установилась, хотя и желательны еще въ этомъ отношеніи улучшенія. Впрочемъ, успѣхи въ Законѣ Божіемъ весьма удовлетворительны.

Опытъ нашей школы, которая возникла вслѣдствіе частной дѣятельности Тимоѳеева и постепенно развиваетъ свое вліяніе въ кругу крещено-татарскаго населенія также посредствомъ частныхъ сношеній,—опытъ, слѣдовательно, не затемненный посторонними и искуственными вліяніями и поддержками, даетъ, мнѣ кажется, достаточное основаніе къ нѣкоторымъ выводамъ относительно дѣла христіанскаго просвѣщенія крещеныхъ инородцевъ.

1) Въ крещеныхъ Татарахъ и другихъ инородцахъ, какъ и вообще въ простолюдинахъ, конечно, существуетъ въ сильной степени религіозное чувство. Оставаясь не всегда удовлетвореннымъ со стороны дѣятелей православнаго просвѣщенія, оно нерѣдко ищетъ исхода въ другихъ религіяхъ. Православному ученію стóитъ только явиться крещенымъ инородцамъ въ удобопонятной формѣ: оно неотразимо, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ и постепенно, привлекаетъ къ себѣ ихъ искреннее сочувствіе. Поэтому образованіе крещеныхъ инородцевъ должно быть прежде всего православно-христіанское, религіозное и нравственное. Чѣмъ болѣе та или другая народная школа будетъ достигать этой цѣли, тѣмъ бóльшимъ она будетъ пользоваться довѣріемъ и расположеніемъ инородцевъ.

2) Спорный вопросъ — употреблять ли при преподаваніи въ народныхъ инородческихъ школахъ русскій или родной языкъ, опытомъ нашей школы положительно рѣшается въ пользу родного языка. Въ самомъ дѣлѣ, первое возбужденіе христіанскаго религіознаго чувства и мысли возможно только въ томъ случаѣ, когда ученики вполнѣ понимаютъ предлагаемые имъ уроки, а это возможно только на родномъ ихъ языкѣ, тѣмъ болѣе, что при первомъ поступленіи въ школу, русскій языкъ для бóльшей части ихъ совершенно незнакомъ. Одно механическое изученіе русской грамоты, когда ученикъ не понимаетъ, что

при этомъ онъ читаетъ, естественно должно утомлять вниманіе и охлаждать любознательность. Къ тому же должно еще замѣтить, что собственно религіозное движеніе сердца несравненно сильнѣе и глубже возбуждается, когда христіанскія истины слышатся инородцами на языкѣ родномъ, общедоступномъ, нежели на русскомъ, хотя бы послѣдній и былъ для нихъ знакомъ въ нѣкоторой степени. Это потому, что родной языкъ непосредственно говоритъ уму и сердцу. Какъ скоро въ инородцахъ утвердились, посредствомъ родного языка, христіанскія понятія и правила, въ нихъ пробуждается любовь къ русскому народу. Когда, также посредствомъ родного языка, достаточно уже пробуждена и воспитана въ нихъ любознательность вообще, тогда они охотно и съ успѣхомъ занимаются и русскимъ языкомъ и ищутъ русскаго образованія. Слѣдовательно, мысль нѣкоторыхъ педагоговъ—вкоренять съ самаго начала въ инородческихъ воспитанникахъ русскій языкъ, посредствомъ исключительнаго его употребленія въ школѣ, должна повести къ противоположному послѣдствію. Напротивъ, первоначальное образованіе инородцевъ на ихъ родномъ языкѣ есть самый надежный путь къ усвоенію ими и русскаго языка, и русскаго образованія.

3) Частныя школы имѣютъ больше успѣха въ народѣ, нежели казенныя. Послѣднія, между прочимъ, неудобны и въ томъ отношеніи, что ихъ опредѣленная уставомъ форма препятствуетъ постепенному и разнообразному приспособленію школы къ требованіямъ, привычкамъ, воззрѣніямъ и наклонностямъ простаго народа.

4) Для инородческихъ школъ лучшими учителями могутъ быть лица единоплеменныя ученикамъ. Вообще, первоначальное образованіе народа всего успѣшнѣе можетъ быть ведено учителями изъ среды самого же народа, потому что они, естественно, должны пользоваться довѣріемъ и сочувствіемъ сродственнаго имъ общества.

5) При новости у насъ народнаго образованія и при невыгодномъ мнѣніи объ единственныхъ, въ прежнее время, школахъ вѣдомства государственныхъ имуществъ, возбужденномъ въ народѣ частію ненадлежащимъ, въ педагогическомъ отношеніи, обученіемъ, частію же спеціальнымъ назначеніемъ ихъ учениковъ въ волостные и сельскіе писаря, — въ настоящее время нельзя ожидать, по крайней мѣрѣ въ нашей мѣстности, чтобы сами крестьяне, а тѣмъ болѣе инородцы, заводили у себя школы по собственному побужденію. Необходимо, напротивъ, чтобы люди, преданные дѣлу народнаго образованія и имѣющіе къ тому призваніе, явились среди народа и постепенно, безъ всякихъ офиціальныхъ формальностей, принимались прямо за обученіе дѣтей, подобно тому, какъ Тимоѳеевъ сдѣлалъ это въ Арняшахъ. Свойственная дѣтямъ любознательность привлечетъ несомнѣнно ихъ къ такому учителю, а родители, увидѣвъ на дѣлѣ

успѣшность ученія, назидательность и доброе направленіе уроковъ, сами будутъ оказывать сочувствіе и посильную поддержку устройству школы. Противоположный способъ дѣйствія можетъ, напротивъ, пробудить въ народѣ недовѣріе и отвращеніе къ школѣ.

6) Простолюдины вообще, а особенно инородцы, не довѣряютъ коллективнымъ учрежденіямъ; они смотрятъ на дѣйствительныя, предъ ихъ глазами совершающіяся явленія, и довѣряются только лицу, которое успѣло на дѣлѣ заявить предъ ними свое прямодушное расположеніе къ нимъ. Такими лицами, которыя успѣли привлечь къ себѣ довѣріе народа, и можетъ только быть ведено дѣло народнаго образованія. Въ случаѣ даже, если бы подобныя лица не имѣли основательныхъ познаній или педагогической опытности, нужно стараться только руководить ихъ, а не замѣнять скоро новыми людьми.

Обращаюсь опять къ Казанской школѣ съ ея отраслями. Все это учрежденіе, какъ было начато Тимоѳеевымъ, такъ и держится на его личности, представляя собою органическое развитіе цѣлой системы учебныхъ заведеній изъ одного корня. Школы-отрасли получаютъ, въ глазахъ крещеныхъ Татаръ данной мѣстности, значеніе и кредитъ именно по своему отношенію къ здѣшней школѣ Тимоѳеева; иначе, наши молодые учители сами собою не могли бы внушить никакого довѣрія. Основываясь на этомъ фактѣ, мы полагаемъ, что дальнѣйшее развитіе православнаго образованія среди крещеныхъ Татаръ должно и впредь идти тѣмъ же путемъ колонизаціи Казанской школы. Въ предѣлахъ Казанской губерніи на первый разъ можно указать, для заведенія школъ-отраслей, пунктовъ двадцать, преимущественно съ старокрещенскимъ населеніемъ. Такими пунктами могутъ, напримѣръ, быть: въ *Мамадышскомъ уѣздѣ* села — Юкачи, Чура, Берсутъ, Урясь-учи, деревня Елышева; въ *Лаишевскомъ уѣздѣ* села: Уреевы Челны, Карабаянъ, деревни: Казыли, Серда, Ташъ-Кирмень; въ *Чистопольскомъ уѣздѣ* приходы: Бѣлогорскій, Саврушскій, Шешминскій, Аксубаевскій и т. д. Если наша школа не имѣетъ еще столько учениковъ, достаточно подготовленныхъ, чтобы въ слѣдующемъ же году завести новыя школы вездѣ гдѣ нужно, то въ нѣсколькихъ мѣстахъ она можетъ учредить свои учебныя колоніи, благодаря щедрому пособію, дарованному и въ настоящемъ году для ея поддержанія.

По мѣрѣ умноженія этихъ школъ-отраслей, Казанская школа должна пріобрѣсти характеръ центральной и высшей школы, въ которую будутъ поступать бóльшею частію ученики, умѣющіе, по крайней мѣрѣ, читать и писать и изучившіе православныя книги на народно-татарскомъ языкѣ. Затѣмъ, при естественно развивающейся любознательности крещено-татарскихъ воспитанниковъ, оказывается надобность учредить при Казанской школѣ, въ тѣсной связи съ нею и въ томъ же православно-русскомъ направленіи и духѣ, особое училище —

для подробнѣйшаго ознакомленія учащихся съ христіанскимъ ученіемъ, для болѣе основательнаго изученія русскаго языка и пріобрѣтенія необходимыхъ свѣдѣній изъ мірской науки.

Николай Ильминскій.

Казань, 4-го мая 1867 года.

По вопросу о способахъ образованія Крымскихъ Татаръ *).

Какъ ни мало въ настоящее время число Татаръ въ Крыму **), вопросъ о способахъ распространенія между ними русскаго языка и русскаго просвѣщенія имѣетъ великую важность, какъ самъ по себѣ—по отношенію его къ пользамъ самихъ Татаръ, къ благосостоянію края и къ политическимъ интересамъ Россіи, такъ и потому, что удовлетворительное рѣшеніе этого вопроса въ Крыму подготовило бы таковое же и относительно многочисленнѣйшихъ магометанскихъ подданныхъ Россіи на восточныхъ окраинахъ ея, гдѣ уже въ прошломъ году былъ возбужденъ вопросъ подобнаго же рода, но гдѣ менѣе, чѣмъ въ Крыму, было сдѣлано опытовъ въ этомъ отношеніи. Для удовлетворительнаго разрѣшенія вопроса такой важности, прежде всего необходимо воспользоваться опытами прошедшаго (а въ нихъ, какъ увидимъ, не было недостатка въ Крыму), и изъ этихъ опытовъ извлечь наставленія для дальнѣйшей дѣятельности по этому предмету. Такимъ образомъ, предварительно слѣдуетъ изложить исторію этого вопроса въ Крыму за недавно прошедшее время ***).

Мысль о распространеніи русскаго языка между крымскими Татарами относится еще къ концу царствованія императора Александра I. Неизвѣстно по чьему внушенію, Татары, воспользовавшись путешествіемъ Его Величества по

---

*) Изъ *Журн. Мин. Народ. Просв. ноябрь 1867 года.*

**) По окладнымъ листамъ Таврической казенной палаты, въ Таврической губерніи, во вторую половину 1867 года, было 40.514 Татаръ мужескаго пола, а по свѣдѣніямъ магометанскаго духовнаго управленія за 1866 годъ—48,912 муж. и 46.373 женск. пола; всего же 95,285; по свѣдѣніямъ же статистическаго комитета (см. Памятную книжку Таврической губерніи на 1867 г., стр. 356) — 109,305 душъ обоего пола. Показанія магометанскаго духовенства, очевидно, ошибочны въ томъ отношеніи, что число лицъ женскаго пола оказывается меньшимъ, чѣмъ число мужчинъ, тогда какъ по общему статистическому закону, число женщинъ всегда и вездѣ превышаетъ число мужчинъ, а въ Крыму у Татаръ должно превышать его болѣе чѣмъ гдѣ-либо, такъ какъ у нихъ женщины нисколько не обременены работами и такъ какъ при недавнемъ переселеніи цѣлыхъ массъ Татаръ въ Турцію, безъ сомнѣнія, на мѣстѣ осталось болѣе женщинъ, чѣмъ мужчинъ. Но можно ли полагать, чтобы при этомъ было преувеличено число лицъ мужескаго пола, которое, вслѣдствіе обрѣзанія, можетъ быть въ точности извѣстно магометанскому духовенству, тогда какъ на число женщинъ оно можетъ обращать меньшее вниманіе?

***) Къ сожалѣнію, дѣла канцеляріи попечителя Одесскаго учебнаго округа и бывшаго Татарскаго училищнаго отдѣленія въ Симферополѣ оставляютъ много пробѣловъ въ этой исторіи.

Крыму, сами просили его о доставленіи имъ способовъ научиться русскому языку, дабы узнать русскіе законы. Какъ кажется, вслѣдствіе этой ихъ просьбы, въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ училищахъ, напримѣръ, въ Ѳеодосійскомъ, было введено преподаваніе татарскаго языка, какъ предмета обязательнаго равно для всѣхъ учениковъ. Разрѣшая эту мѣру, правительство, очевидно, руководилось желаніемъ содѣйствовать вообще сближенію между Русскими и Татарами, а также надѣялось этимъ способомъ привлечь татарскихъ дѣтей въ общія для всѣхъ училища, какъ это, между прочимъ, и высказалъ бывшій директоръ училищъ Таврической губерніи А. В. Самойловъ, въ запискѣ, составленной имъ въ 1843 году, по поводу назначенной попечителемъ Одесскаго учебнаго округа ревизіи училищъ для опредѣленія успѣшности преподаванія въ нихъ татарскаго языка.

Дальнѣйшею и болѣе энергическою мѣрой правительства было учрежденіе при Симферопольской гимназіи татарскаго училищнаго отдѣленія, послѣдовавшее на основаніи Высочайшаго повелѣнія отъ 14-го февраля 1827 года. Цѣль этого училищнаго отдѣленія, какъ можно заключить изъ текста Высочайшаго повелѣнія, состояла въ подготовленіи достойныхъ и способныхъ учителей для Татаръ, изъ ихъ же среды, не только по одному русскому языку, но и по другимъ предметамъ, и не только для городскихъ и сельскихъ школъ, которыя само правительство предполагало учредить для нихъ, но и для тѣхъ, которыя уже существовали и содержались на счетъ доходовъ съ вокуфовъ, то-есть, для магометанскихъ школъ высшаго разряда (медресе или согда) и низшаго (мектебе). Согласно съ этимъ назначеніемъ, татарскія дѣти, имѣвшія поступить въ отдѣленіе, должны были проходить,—разумѣется, на русскомъ языкѣ,—не только всѣ предметы уѣздныхъ училищъ и гимназій, кромѣ иностранныхъ языковъ и предметовъ, относящихся до религіи, но и предметы, преподаваемые въ медресе, для чего и былъ назначенъ особый татарскій учитель съ жалованьемъ въ 400 рублей. Казеннокоштныхъ учениковъ полагалось имѣть всего 20, и на содержаніе каждаго изъ нихъ назначалось по 300 руб., да на жалованье двумъ надзирателямъ при нихъ 600 р.; всего же на татарское училищное отдѣленіе первоначально исчислено было расхода до 8,500 рублей асс. въ годъ. Впослѣдствіи, Высочайше утвержденнымъ 3-го мая 1838 года положеніемъ Комитета министровъ, преподаваніе татарскихъ предметовъ въ отдѣленіи было поставлено въ нѣсколько лучшія условія, а именно: преподаваніе закона магометанской вѣры было предоставлено особому учителю — муллѣ (съ жалованьемъ въ 200 р.), который избирался Симферопольскимъ муфтіемъ, а жалованье татарскаго учителя было увеличено до 1,200 р., то-есть, сравнено съ тогдашнимъ жалованьемъ младшихъ учителей гимназіи, причемъ ему вмѣнено въ обязанность давать не менѣе 12 уроковъ въ недѣлю. Но усиливая

средства преподаванія татарскихъ предметовъ, правительство не теряло изъ вида главной своей цѣли — возможно лучшаго усвоенія русскаго языка будущими наставниками татарскаго юношества, и въ одновременно (3-го мая 1838 года) состоявшемся, съ утвержденія бывшаго министра С. С. Уварова, новомъ положеніи татарскаго училищнаго отдѣленія, прямо выставляло на видъ, что воспитанники отдѣленія обязаны изучать русскій языкъ преимущественно предъ всѣми прочими науками. Въ этомъ духѣ полнаго предпочтенія русскаго языка прочимъ предметамъ, и въ особенности татарскому языку, все дѣло было ведено, какъ въ татарскомъ училищномъ отдѣленіи, такъ и въ прочихъ училищахъ, болѣе или менѣе предназначавшихся для Татаръ. Объ этомъ прямо свидѣтельствуетъ упомянутая выше записка, составленная А. В. Самойловымъ. Онъ сознается, что мѣстное начальство, будучи озабочено успѣхами учениковъ въ русскомъ языкѣ, не вникало въ положеніе татарскаго языка въ училищахъ, и что его преподавали лица, въ немъ несвѣдущія; но, повидимому, такому пренебреженію къ татарскому языку въ училищахъ, предназначенныхъ для Татаръ, онъ не придавалъ никакого значенія.

Надобно правду сказать, что преподаваніе татарскаго языка представляло въ то время большія трудности и даже неудобства, на которыя сначала не было обращено надлежащаго вниманія. За исключеніемъ кое-какихъ ханскихъ ярлыковъ, сохранившихся отъ стараго времени, и изданныхъ и объясненныхъ лишь впослѣдствіи, — отчасти бывшимъ въ то время профессоромъ восточныхъ языковъ въ Ришельевскомъ лицеѣ, В. В. Григорьевымъ, — на крымскомъ татарскомъ языкѣ не было никакой письменности, и вся даже словесность, въ обширномъ смыслѣ этого слова, ограничивалась нѣсколькими пѣснями, да нѣкоторыми народными пословицами и поговорками; вообще же татарскій языкъ былъ только разговорнымъ языкомъ, и въ самихъ татарскихъ магометанскихъ школахъ и по сію пору (по крайней мѣрѣ, въ большей части ихъ) онъ не составляетъ предмета особаго изученія: никто не учится ни читать, ни писать на немъ, а всякій, въ случаѣ надобности, примѣняетъ къ нему, какъ умѣетъ, выученныя въ школѣ арабскія письмена. Такимъ образомъ, не было никакихъ учебныхъ пособій для преподаванія татарскаго языка: ни азбуки, ни грамматики, ни книги для чтенія. Единственная печатная книга на татарскомъ языкѣ было Евангеліе, изданное Русскимъ Библейскимъ Обществомъ, да и то на казанскомъ нарѣчіи, отъ котораго крымское нарѣчіе далеко отступаетъ, такъ что крымскіе и казанскіе Татары едва въ состояніи понимать другъ друга. Если дѣйствительно это Евангеліе, какъ можно заключить по одному выраженію покойнаго Самойлова, было въ употребленіи въ татарскихъ школахъ его дирекціи, въ качествѣ учебной книги татарскаго языка, то это одно обстоятельство могло уже отвратить татарскихъ магометанскихъ дѣтей отъ ихъ посѣщенія.

Какъ бы то ни было, но ревизія татарскихъ училищъ въ Крыму, произведенная въ 1843 году, дала совершенно новый оборотъ дѣлу, и въ послѣдовавшую за нею пору прежнее небреженіе татарскимъ языкомъ уступило мѣсто преувеличенной заботливости объ его преуспѣяніи въ училищахъ Таврической губерніи. Прежде всего была составлена г. Кузьминымъ, преемникомъ по каѳедрѣ В. В. Григорьева, перешедшаго въ другое вѣдомство, инструкція, въ видѣ подробной програмы, для преподаванія татарскаго языка какъ въ Симферопольскомъ училищномъ отдѣленіи, такъ и въ возникшихъ тогда волостныхъ татарскихъ школахъ вѣдомства государственныхъ имуществъ. Предметомъ изученія, согласно съ этою инструкціей, долженъ былъ стать языкъ образованнаго городскаго, а не степнаго общества, языкъ, переполненный заимствованіями изъ языковъ магометанской литературы—арабскаго и персидскаго, формы и синтаксисъ которыхъ и долженствовали быть объясняемы ученикамъ училищнаго отдѣленія, тогда какъ ученики волостныхъ школъ должны были изучить только 10 главныхъ формъ арабскаго языка. Ученикамъ училищнаго отдѣленія, сверхъ того, было предположено объяснять еще особенности джагатайскаго, казанскаго и оренбургскаго нарѣчій татарскаго языка, а равно уклоненія отъ нихъ степнаго крымскаго нарѣчія, и изученіе послѣдняго начинать съ чтенія пословицъ и народныхъ поговорокъ; впрочемъ, въ случаѣ преподаванія на русскомъ языкѣ, дозволялось прописывать татарскія слова не арабскими, а русскими буквами. Противъ приведенныхъ пунктовъ инструкціи г. Кузьмина, свѣдущіе учителя татарскаго языка, бывшіе питомцы училищнаго отдѣленія, гг. Газіевъ, Селимовъ и Боданинскій, на запросъ о ней попечителя Одесскаго учебнаго округа, совершенно основательно замѣтили, что преподавать должно степной языкъ, потому что изъ тогдашнихъ 140,000 Татаръ на немъ говорятъ по меньшей мѣрѣ 120 тысячъ, а показывать уклоненія этого языка отъ прочихъ нарѣчій почти неудобнымъ, потому что онъ весь есть уклоненіе.

Имѣя въ виду столь обширную програму преподаванія татарскаго языка, бывшій въ то время попечитель Одесскаго учебнаго округа, въ представленіи своемъ министру, выразилъ опасеніе, будто бы воспитанники училищнаго отдѣленія, занимаясь преимущественно русскимъ языкомъ, забываютъ свой природный, и для того, чтобъ усилить и расширить преподаваніе татарскаго языка, ходатайствовалъ: 1) объ ограниченіи курса ученія въ Симферопольскомъ училищномъ отдѣленіи первыми тремя классами гимназіи, съ присоединеніемъ дополнительнаго четвертаго года; 2) о назначеніи особаго инспектора при училищномъ отдѣленіи, который, сверхъ преподаванія въ немъ, согласно инструкціи г. Кузьмина, началъ арабскаго, персидскаго и турецкаго языковъ, имѣлъ бы надзоръ за преподаваніемъ татарскаго языка въ другихъ училищахъ Таврической губерніи, и 3) о скорѣйшемъ составленіи и изданіи въ свѣтъ учебныхъ

пособій, а именно: азбуки и грамматики татарскаго языка, татарской хрестоматіи съ татарско-русскимъ словаремъ, составленной изъ крымско-татарскихъ пѣсень, изъ ханскихъ ярлыковъ, изъ *турецкихъ* пословицъ, обращающихся въ Крыму, образцовъ разнаго рода писемъ и приличныхъ переводовъ съ русскаго, поручивъ переводъ учителямъ Газіеву, Селимову и Боданинскому, и, наконецъ, о составленіи и изданіи въ свѣтъ русской хрестоматіи съ русско-татарскимъ словаремъ, которая представляла бы собою нѣчто въ родѣ энциклопедіи основныхъ космографическихъ, географическихъ, физическихъ, этнографическихъ и историческихъ свѣдѣній, преимущественно же по исторіи Крыма, съ обзоромъ мѣръ правительства на пользу образованія Татаръ, важнѣйшихъ уголовныхъ и гражданскихъ законовъ и постановленій относительно сельскаго управленія и съ присоединеніемъ образцовъ дѣловыхъ бумагъ примѣнительно къ быту Татаръ. Замѣчательнѣе всего предположеніе—за неимѣніемъ ничего ни писаннаго, ни печатнаго на крымскомъ татарскомъ нарѣчіи, ввести въ употребленіе, до изданія упомянутыхъ пособій, турецкую книжку Сулейманъ Пашо и на турецкомъ же языкѣ сочиненіе Бельмета, изданное въ Парижѣ: «Les quarante vizirs», значительно сокративъ его, при чемъ принималась во вниманіе близость татарскаго крымскаго нарѣчія къ турецкому языку. Надзоръ и руководство всѣми этими работами предполагалось поручить В. В. Григорьеву, а за переходомъ его на службу въ другое вѣдомство они возложены были на г. Кузьмина.

Всѣ эти предположенія дѣйствительно были осуществлены или вполнѣ, или отчасти. На первомъ планѣ долгое время стояла забота о составленіи руководствъ къ изученію татарскаго языка. Наконецъ, въ апрѣлѣ 1848 года, были доставлены въ Одессу къ попечителю округа слѣдующія рукописи, просмотрѣнныя предварительно г. Кузьминымъ и исправленныя авторами по его указаніямъ: 1) Букварь крымско-татарскаго языка съ краткими объясненіями, — г. Газіева, учителя Сарабузскаго татарскаго училища; 2) Грамматика крымско-татарскаго языка, составленная учителемъ Симферопольской гимназіи г. Хорасановымъ; 3) «Другъ дѣтей», книга для чтенія, переведенная на татарскій языкъ воспитанниками училищнаго отдѣленія подъ руководствомъ Абдуррамана Челеби, бывшаго прежде преподавателемъ закона магометанской вѣры въ татарскомъ классѣ въ Бахчисараѣ, а впослѣдствіи помощникомъ инспектора Симферопольской гимназіи (по-татарскому училищному отдѣленію); къ этой книгѣ былъ присоединенъ Джеваприль-Исламъ (вѣроятно, въ татарскомъ же переводѣ), то-есть, краткое объясненіе обязанностей мусульманина, и, наконецъ, 4) переводъ «Сельскаго чтенія», изготовленный г. Газіевымъ.

Правильное преподаваніе закона магометанской вѣры также озабочивало училищное начальство, хотя и въ меньшей мѣрѣ, нежели преподаваніе татарскаго языка. Окончательно курсъ этого предмета опредѣлился слѣдующимъ об-

разомъ: I. Для Татарскаго училищнаго отдѣленія—въ 1-й годъ: чтеніе 1-й и 2-й частей Афтеикъ (10-й части Корана) съ выучиваніемъ наизусть нѣкоторыхъ краткихъ главъ ея; во 2-й годъ—3-я часть Афтеикъ и Джеваириль-Исламъ (краткое изложеніе обязанностей мусульманина); въ 3-й и 4-й годы—выучиваніе 10-й части Илмъ-Хала (о Богѣ и пророкахъ) и чтеніе Алькорана съ начала до 10-й части; въ 5-й годъ—Иствани (подробное изложеніе обязанностей мусульманина) и продолженіе Алькорана съ напѣвомъ, и Сейрунеби (біографія Магомета). II. Для уѣздныхъ училищъ полагалось то же самое, но сокращенно, а для сельскихъ, съ 4-лѣтнимъ курсомъ, то же, но безъ Сейрунеби. Такъ какъ перевода Корана на турецкій языкъ въ то время не было — подобный переводъ издается только теперь въ Константинополѣ и оттуда усиленно распространяется и въ Крыму между Татарами—и такъ какъ арабскій языкъ не былъ предметомъ преподаванія даже въ училищномъ отдѣленіи, да и обыкновенно сами учителя татарскіе не только не понимаютъ Корана, но едва-ли правильно умѣютъ читать его, то очевидно, что все это ученіе было чисто-механическое и безплодное.

Создать должность особаго инспектора татарскаго училищнаго отдѣленія, съ обязанностью наблюдать по всѣмъ училищамъ за преподаваніемъ татарскихъ предметовъ, неудалось за неимѣніемъ денежныхъ средствъ; но было учреждено званіе помощника инспектора Симферопольской гимназіи, на котораго было возложено ближайшее завѣдываніе училищнымъ отдѣленіемъ, и въ эту должность былъ назначенъ магометанинъ Абдурраманъ Челеби.

Наконецъ, курсъ татарскаго училищнаго отдѣленія былъ преобразованъ согласно съ вышеприведенными предположеніями, на основаніи проекта, составленнаго въ 1847 году бывшимъ тогда директоромъ Самойловымъ. Курсъ ученія остался 8-лѣтній; первые четыре года ученики получали приготовительное образованіе въ самомъ отдѣленіи, занимаясь, подъ наблюденіемъ помощника инспектора и подъ руководствомъ надзирателя и соучениковъ, уже посѣщавшихъ классы 4 года, чтеніемъ, письмомъ, выучиваніемъ словъ и фразъ на русскомъ языкѣ и 4-мя дѣйствіями ариѳметики; затѣмъ впродолженіе 3-хъ лѣтъ они посѣщали классы гимназіи, и 8-й годъ посвящали на изученіе исторіи и географіи въ гимназіи, и практически занимались съ младшими учениками отдѣленія. Какъ и прежде, отдѣленіе поручалось главному надзору Таврическаго губернатора: отъ него зависѣло опредѣленіе дѣтей Татаръ на казенное содержаніе, для чего директоръ гимназіи долженъ былъ немедленно сообщать ему о всякой вновь открывающейся вакансіи.

Въ такомъ видѣ татарское училищное отдѣленіе существовало до вторженія въ Крымъ непріятеля въ 1854 году, когда воспитанники были разосланы по домамъ своихъ родителей и родственниковъ, самое зданіе было занято подъ

военный госпиталь, а учебное заведеніе перестало существовать фактически. Оно не было возстановлено и по заключеніи мира: напротивъ, бывшій попечитель Одесскаго учебнаго округа П. Г. Демидовъ, 22-го мая 1856 года, ходатайствовалъ передъ министромъ объ окончательномъ его упраздненіи; ходатайство его было поддержано его преемникомъ, Н. И. Пироговымъ, и училищное отдѣленіе было въ 1859 г. окончательно закрыто, а часть средствъ его назначена на учрежденіе особаго отдѣленія при пансіонѣ Симферопольской гимназіи для дѣтей мурзъ. Въ относящемся сюда Высочайшемъ повелѣніи, отъ 9-го февраля 1859 года, принятъ во вниманіе недостатокъ учебнаго заведенія въ Крыму, въ которомъ мурзы могли бы воспитывать своихъ дѣтей въ правилахъ своей вѣры, а потому, сверхъ 5-ти казеннокоштныхъ воспитанниковъ (съ содержаніемъ въ 200 руб. въ годъ на каждаго и безъ всякой обязательной службы), предполагалось принимать столькихъ своекоштныхъ пансіонеровъ, сколько можно будетъ помѣстить въ этомъ особомъ отдѣленіи: они должны были изучать всѣ предметы гимназическаго курса наравнѣ съ другими, а сверхъ того мулла (съ жалованьемъ въ 57 руб. 15 коп.) долженъ былъ обучать ихъ закону ихъ вѣры, надзиратель и вмѣстѣ учитель татарскаго языка (съ жалованьемъ въ 343 руб. 10 коп.) преподавать этотъ языкъ, а репетиторъ (200 р.), изъ знающихъ руcскій и татарскій языки, упражнять ихъ въ русскомъ языкѣ.

Ходатайствуя объ упраздненіи татарскаго училищнаго отдѣленія, П. Г. Демидовъ ссылался главнѣйшимъ образомъ на доказанную опытомъ безполезность его, такъ какъ впродолженіе 28-лѣтняго существованія его (1827—1854 г.) въ немъ окончили курсъ всего 25 человѣкъ, и содержаніе ихъ, если раздѣлить только на нихъ всю израсходованную за это время сумму, обошлось каждаго въ 3,360 р. (вѣрнѣе сказать, нѣсколько менѣе чѣмъ въ 3,000 р. — 74,730:25, такъ какъ, очевидно, при разсчетѣ не было принято во вниманіе, что до 1838 года расходовалось на отдѣленіе не 3,000 въ годъ, а 2,430 р. сер.). Но на основаніи подобныхъ же соображеній, пришлось бы закрыть почти всѣ наши гимназіи. Въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ отдѣленіи при комплектѣ въ 20 человѣкъ и при восьмилѣтнемъ курсѣ, впродолженіе 28 лѣтъ окончили бы курсъ всего 70 человѣкъ, даже когда бы всѣ поступающіе оканчивали курсъ. Такимъ образомъ, 25 человѣкъ, окончившихъ курсъ въ отдѣленіи, составляютъ болѣе одной трети наибольшаго числа лицъ, которыя могли бы только окончить въ немъ курсъ, — пропорція, какой не представляетъ почти ни одна изъ нашихъ гимназій. Во всякомъ случаѣ, татарское училищное отдѣленіе доставляло большее число учителей, нежели какое требовалось: доказательствомъ служитъ разрѣшеніе, внесенное въ послѣдующіе уставы отдѣленія, принимать окончившихъ курсъ въ отдѣленіи не только въ учителя, но и въ переводчики и вообще на государственную службу. Когда палата государственныхъ иму-

ществъ начала учреждать волостныя училища для образованія писарей изъ Татаръ, то въ учителяхъ, знающихъ татарскій и русскій языки, недостатка не оказалось, и А. В. Самойловъ справедливо свидѣтельствовалъ (въ упомянутой выше запискѣ), что «училищное отдѣленіе оказало истинную услугу, снабдивъ «первоначально открытыя училища хорошими учителями». Что воспитанники отдѣленія, по крайней мѣрѣ вначалѣ, хорошо усвоивали себѣ русскій языкъ, видно уже изъ преувеличеннаго, безъ сомнѣнія, опасенія попечителя округа, какъ бы они совсѣмъ не забыли своего роднаго нарѣчія. Что впослѣдствіи, когда вниманіе было преимущественно обращено на татарскій языкъ, они успѣвали и въ татарской грамотѣ, видно изъ того, что питомецъ отдѣленія, Газіевъ, составилъ татарскій букварь съ грамматическими правилами и перевелъ на татарскій языкъ «Сельское чтеніе», и что сами ученики, подъ руководствомъ Абдуррамана Челеби, перевели книгу «Другъ дѣтей». Если же въ управленіи и въ самой организаціи татарскаго училищнаго отдѣленія могли быть существенные недостатки, то казалось бы, что необходимо было позаботиться только объ устраненіи этихъ недостатковъ, не уничтожая самого заведенія. Во всякомъ случаѣ, изъ всѣхъ учебныхъ заведеній для Татаръ, это отдѣленіе дѣйствовало съ наибольшимъ успѣхомъ и наибольшею пользою.

Польза его, а равно и самые успѣхи, были бы гораздо значительнѣе, если бы та цѣль, для которой оно было основано, преслѣдовалась съ большею энергіей; но, къ сожалѣнію, этого вовсе не было. Предполагалось, какъ мы видѣли, учредить для Татаръ училища по городамъ и селамъ, и снабдить собственныя ихъ школы хорошо подготовленными учителями; но что́ же было сдѣлано въ этомъ направленіи? *Прежде всего*, какъ уже было упомянуто, для привлеченія Татаръ въ общія училища, было введено преподаваніе татарскаго языка въ Ѳеодосійскомъ и Перекопскомъ, а впослѣдствіи (въ 1859 году) и въ Симферопольскомъ уѣздныхъ училищахъ. Благодаря этой мѣрѣ, многіе изъ Русскихъ научились по-татарски; но число Татаръ, поступавшихъ въ эти уѣздныя училища, было совершенно ничтожно, не смотря на то, что еще попечитель Княжевичъ обращался за содѣйствіемъ къ Симферопольскому муфтію, главѣ магометанскаго духовенства въ Крыму, и просилъ его, въ іюлѣ 1839 года, внушить Татарамъ, что собственная ихъ польза требуетъ отъ нихъ изученія русскаго языка и посѣщенія съ этою цѣлію общихъ училищъ. *Во-вторыхъ*, въ 1837 году были учреждены въ Бахчисараѣ и Карасубазарѣ татарскіе классы (съ двухлѣтнимъ, много трехлѣтнимъ курсомъ), отдѣльно отъ тамошнихъ приходскихъ училищъ, и въ этихъ классахъ преподавалась татарская и русская грамматика, а въ Бахчисарайскомъ классѣ и законъ магометанской вѣры собственно для увеличенія числа учениковъ изъ Татаръ; но отъ введенія этого послѣдняго предмета число учениковъ изъ Татаръ не только не увеличилось, а еще уменьшилось, вѣ-

роятно, вслѣдствіе недовѣрія родителей Татаръ къ преподаванію закона ихъ вѣры въ училищѣ, учрежденномъ не ихъ духовенствомъ, а христіанскимъ правительствомъ. Этотъ фактъ засвидѣтельствованъ въ 1838 г. штатнымъ смотрителемъ Симферопольскаго уѣзднаго училища, который въ то же время въ донесеніи директору не совсѣмъ одобрительно отозвался и о самомъ преподаваніи Абдурраманомъ Челеби закона магометанской вѣры. Въ 1839 г. князь М. С. Воронцовъ, въ видахъ лучшаго усвоенія татарскими дѣтьми русскаго языка, пожелалъ соединенія татарскихъ классовъ съ общими приходскими училищами, и оно дѣйствительно состоялось въ Бахчисараѣ, и притомъ такъ, что собственно приходское училище присоединилось къ татарскому классу, и ученики приходскаго училища ходили въ зданіе татарскаго класса для слушанія общихъ предметовъ, и удалялись въ прежнее свое помѣщеніе на уроки Закона Божія. Но ничто не помогало, и въ татарскихъ классахъ бо̀льшую часть учениковъ составляли не Татары, число коихъ въ пору полевыхъ работъ уменьшалось даже до 3-хъ, а мѣстные Греки и Армяне, которые здѣсь учились и по-русски, и по-татарски; — и эти классы, равно какъ и введеніе татарскаго языка въ уѣздныя училища, только содѣйствовали распространенію знанія татарскаго языка въ мѣстномъ населеніи не-татарскаго происхожденія, освобождая Татаръ отъ необходимости изученія русскаго языка; сами же Татары предпочитали попрежнему обучаться въ своихъ мектебе и медресе. Въ виду всѣхъ этихъ фактовъ, упомянутый выше смотритель пришелъ къ убѣжденію, заслуживающему серіознаго вниманія, именно, что безъ закрытія мектебе и медресе, учебныя заведенія, учреждаемыя правительствомъ для Татаръ, никогда не будутъ имѣть достаточнаго числа учениковъ.

Не рѣшаясь еще прибѣгнуть къ этой мѣрѣ, которая немного спустя была примѣнена къ еврейскимъ хедерамъ, гдѣ однако же и внѣшній порядокъ, и самое ученіе все-таки нѣсколько лучше, чѣмъ въ татарскихъ школахъ, правительство вознамѣрилось ввести преподаваніе русскаго языка въ медресе, не подвергая ихъ какимъ-либо другимъ кореннымъ преобразованіямъ. Попытка эта также не увѣнчалась успѣхомъ. «Надо было, такъ-сказать, ворваться въ нѣдра «медресе», пишетъ А. В. Самойловъ въ апрѣлѣ 1843 года; «правительство на-«значило туда учителей русскаго языка, и первоначально въ главные медресе въ «Бахчисараѣ и Карасубазарѣ, что̀ и исполнено; но какъ не было поставлено въ «непремѣнную обязанность всѣмъ посѣтителямъ медресе слушать курсъ русска-«го языка, то учители проповѣдывали въ пустынѣ». Результатомъ всѣхъ опытовъ было убѣжденіе этого директора, что вообще для образованія Татаръ въ русскомъ духѣ необходимо введеніе принудительной системы ученія.

Именно этой системы держалось Министерство Государственныхъ Имуществъ при учрежденіи своихъ волостныхъ училищъ для Татаръ, и, какъ кажется, не

безъ успѣха, при чемъ надобно однако имѣть въ виду, что оно заботилось только о подготовленіи писарей, а не собственно объ образованіи Татаръ. Кромѣ училища въ Ногайскѣ, которое шло съ наибольшимъ успѣхомъ, имъ были учреждены собственно въ Крыму слѣдующія училища: 1) училище въ Симферополѣ, при палатѣ государственныхъ имуществъ, впослѣдствіи переведенное въ Сарабузы, 2) въ Сакахъ, 3) въ Тараткашѣ и 4) позднѣе — въ Ушюнѣ. Каждая волость была обязана посылать въ одно изъ этихъ училищъ извѣстное число поселенскихъ мальчиковъ, которые и жили въ селеніяхъ, гдѣ помѣщались училища, въ тамошнихъ татарскихъ семьяхъ, а впослѣдствіи было рѣшено поручать содержаніе мальчиковъ самому учителю, собирая ихъ въ одномъ домѣ, для чего и было предписано строить особые дома. Курсъ въ этихъ училищахъ былъ 4-лѣтній. Преподавались: языки русскій и татарскій, законъ магометанской вѣры, ариѳметика, счетоводство и дѣлопроизводство волостныхъ и сельскихъ управленій. Нынѣ всѣ эти училища закрыты, какъ кажется, потому, что палата государственныхъ имуществъ убѣдилась, что вольнонаемные писаря, знающіе по-русски и по-татарски, обойдутся дешевле, нежели приготовленіе писарей изъ Татаръ въ особо-учрежденныхъ для нихъ училищахъ.

Таковы были попытки къ образованію Татаръ въ Крыму, начиная съ 1827 года. Были испробованы всевозможныя системы: пытались привлечь татарскихъ дѣтей въ общія училища введеніемъ въ нихъ преподаванія татарскаго языка; учреждали особые татарскіе классы отдѣльно и въ связи съ приходскими училищами (къ этимъ особымъ училищамъ для Татаръ должны быть отнесены и волостныя училища вѣдомства государственныхъ имуществъ и само татарское училищное отдѣленіе); наконецъ пробовали ввести преподаваніе русскаго языка въ медресе. Однакожь всѣ эти попытки остались безъ замѣтнаго результата для образованія массы Татаръ, и наибольшимъ еще успѣхомъ увѣнчались татарское училищное отдѣленіе и волостныя училища, по очевидно потому, что поступленіе въ нихъ зависѣло не отъ доброй воли татарскихъ родителей, а отъ назначенія татарскихъ дѣтей въ первое изъ нихъ Таврическимъ губернаторомъ, а въ послѣднія—палатою государственныхъ имуществъ и ея чиновниками. Такимъ образомъ, опыты прошедшаго, повидимому, говорятъ прежде всего въ пользу принудительной системы обученія Татаръ въ Крыму, какая впрочемъ установлена и вездѣ въ Россіи, гдѣ заведены училища для инородцевъ, и удержаніе которой на первыхъ порахъ, въ предѣлахъ Казанскаго учебнаго округа, считаетъ необходимымъ даже такой ревнитель добровольной системы ученія, какъ Н. И. Золотницкій, нынѣ инспекторъ чувашскихъ школъ въ упомянутомъ округѣ.

Но если для образованія крымскихъ Татаръ въ русскомъ духѣ, судя по опытамъ прошедшаго, прежде всего необходимо установленіе принудительной

системы ученія (которую не слѣдуетъ смѣшивать съ общимъ обязательствомъ посылать дѣтей въ школу), то при этомъ необходимо принять къ свѣдѣнію, что у Татаръ существуютъ свои духовныя магометанскія училища, посѣщеніе которыхъ считается у нихъ обязательнымъ въ возрастѣ отъ 6-ти до 15-ти лѣтъ, и гдѣ ученіе происходитъ ежедневно (кромѣ пятницы) впродолженіе 7-ми часовъ (по 4 часа до обѣда и по 3 послѣ обѣда). Впрочемъ, обязательность эта только нравственнаго свойства и въ настоящее время въ примѣненіи является ослабленною до значительной степени. Такъ, не считая Ѳеодосійскаго уѣзда, объ училищахъ коего не имѣется свѣдѣній въ магометанскомъ духовномъ правленіи, первоначальныхъ магометанскихъ училищъ — мектебе — считается въ Крыму 136 на 77,406 Татаръ обоего пола (1 училище на 570 человѣкъ), тогда какъ мечетей въ тѣхъ же уѣздахъ 648 (или 1 почти на 120 жит.). Отношеніе числа татарскихъ школъ къ числу Татаръ все-таки въ высшей степени благопріятно; но число учениковъ въ школахъ далеко не соотвѣтствуетъ тому, котораго можно было ожидать при всеобщей обязательности ученія въ возрастѣ отъ 6-ти до 15-ти лѣтъ. На этотъ возрастъ, на основаніи общихъ статистическихъ данныхъ, приходится отъ $^1/_5$ до $^1/_4$ всего населенія; принимая лишь $^1/_5$, мы получили бы слишкомъ 15,000 мальчиковъ и дѣвочекъ, обязанныхъ посѣщеніемъ школъ, а между тѣмъ дѣйствительно посѣщающихъ школы оказывается гораздо менѣе $^1/_3$ этого числа (именно 4,471); если взять отдѣльно мальчиковъ, то изъ общаго ихъ числа (8,000), посѣщающихъ школы, окажется немного менѣе $^1/_3$ (2,918), а изъ общаго числа дѣвочекъ (7,000) немного болѣе $^1/_5$ (1,553). Есть мѣстности, довольно населенныя Татарами, какъ, напримѣръ, Ѳеодосія, въ которыхъ нѣтъ вовсе общественныхъ школъ, а есть только частныя, существующія на добровольныя приношенія родителей. Какъ бы то ни было, отъ $^1/_4$ до $^1/_3$ всѣхъ татарскихъ дѣтей учится ежедневно, по 7 часовъ въ день, въ магометанскихъ школахъ, и родители ихъ вмѣняютъ себѣ въ религіозную обязанность таковое ихъ обученіе. Совмѣстное существованіе другихъ, исключительно-свѣтскихъ, школъ, съ обязательнымъ же ученіемъ, оказалось бы или невозможностью, или же явнымъ нарушеніемъ того, что почитается татарскими родителями за священную обязанность. Очевидно, необходимо совмѣщеніе въ однѣхъ и тѣхъ же школахъ свѣтскаго и духовнаго обученія. Въ этомъ смыслѣ высказывались частнымъ образомъ и сами Татары, между прочимъ, въ селеніи Отузахъ и въ Ѳеодосіи. Но въ какомъ видѣ можетъ быть допущено это совмѣщеніе? Должны ли быть закрыты медресе и мектебе тамъ, гдѣ были бы учреждены правительственныя училища для Татаръ, но подъ условіемъ, чтобы въ послѣднія было введено преподаваніе закона магометанской вѣры; или же преподаваніе свѣтскихъ предметовъ, и прежде всего русской грамоты, должно быть введено въ нынѣшнія магометанскія школы? По-

слѣднее было бы весьма желательно, но безъ радикальнаго преобразованія мектебе и медресе — это едва-ли возможно. Въ настоящемъ своемъ видѣ эти училища представляютъ собою не что иное, какъ народныя сходки, на которыхъ муллы читаютъ Коранъ, едва-ли правильно, и безъ всякихъ объясненій, за незнаніемъ арабскаго языка. Они посѣщаются людьми всѣхъ возрастовъ, когда и кому угодно, при чемъ дѣти учатся читать и писать по-арабски. Очевидно, что Министерство Народнаго Просвѣщенія не можетъ присоединить своихъ заведеній къ подобнымъ училищамъ, не преобразовавъ ихъ на европейскій ладъ, не ограничивъ числа часовъ, употребляемыхъ на господствующее тамъ безсмысленное ученіе, и даже не измѣнивъ педагогическаго характера послѣдняго. Слѣдовательно, такъ или иначе, но правительству пришлось бы принять на себя крайне непріятныя и по принципу несвойственныя ему заботы о правильномъ обученіи магометанскому закону, какъ оно приняло на себя подобныя заботы по отношенію къ еврейскому закону. Впрочемъ, могъ бы быть одинъ исходъ изъ этого положенія, а именно: можно было бы, опредѣливъ планъ свѣтскаго ученія татарскихъ дѣтей и предоставивъ духовное ихъ обученіе попрежнему мулламъ, принудить послѣднихъ сообразоваться въ ихъ учебномъ планѣ (то-есть, во времени и въ числѣ ежедневныхъ часовъ ученія) съ учебнымъ планомъ министерства. Во всякомъ случаѣ, этотъ вопросъ заслуживаетъ дальнѣйшаго обстоятельнаго обсужденія.

Учебный планъ предполагаемыхъ вновь татарскихъ училищъ могъ бы быть опредѣленъ слѣдующимъ образомъ. Чтобы не стѣснять излишне хотя и безплоднаго преподаванія въ нихъ магометанскихъ предметовъ, слѣдовало бы назначить курсъ 6-лѣтній. Въ первый періодъ дѣти учатся, въ связи съ наглядныхъ обученіемъ и при помощи татарскаго нарѣчія, русскому разговорному языку; а во второй періодъ, по достаточномъ усвоеніи русскаго языка, изучаютъ русскую грамоту (чтеніе и письмо) и первыя 4 дѣйствія ариѳметики надъ цѣлыми числами простыми и именованными, и выслушиваютъ курсъ русской исторіи, который долженъ имѣть для нихъ воспитательное значеніе и напечатлѣть въ ихъ умахъ понятіе о величіи и могуществѣ Русскаго народа и Русскаго государства. Преподаваніе закона магометанской вѣры оставляется на попеченіи магометанскаго духовенства, которое, какъ сказано, въ назначеніи числа и времени часовъ подчиняется общему учебному плану. Преподаваніе татарскаго языка и татарской грамоты вовсе не полагается по той простой причинѣ, что это языкъ только разговорный, а не грамотный, не письменный или литературный, и слѣдовательно, учиться ему не для чего и не по чему, и самыя правила его не могли твердо установиться. Въ этомъ отношеніи указанія прошедшаго не оставляютъ никакого сомнѣнія. Не мало было потрачено и силъ, и средствъ, и времени на то, чтобы сдѣлать татарскій языкъ предметомъ, способ-

нымъ къ правильному преподаванію, и все это съ цѣлью привлечь Татаръ въ школы; но всѣ усилія остались напрасны тѣмъ болѣе, что и въ своихъ собственныхъ школахъ Татары не изучаютъ своего языка и занимаются лишь грамотою арабской. Татарскій языкъ тѣмъ менѣе можетъ быть предметомъ преподаванія, что онъ не служитъ для Татаръ-магометанъ даже и языкомъ религіи, хотя повидимому, въ послѣднее время турецкое правительство и заботится о томъ, что бы придать ему этотъ характеръ, почему и содѣйствуетъ переводу Корана на татарскій языкъ. На время полевыхъ или садовыхъ работъ, — время, которое въ точности должно быть опредѣлено разъ навсегда мѣстными училищными совѣтами, — дѣти должны быть распускаемы по домамъ; въ пору же ученія должны жить при училищахъ, какъ было въ вѣдомствѣ государственныхъ имуществъ.

При изысканіи и назначеніи на предполагаемыя училища матеріальныхъ средствъ, слѣдовало бы, какъ кажется, держаться правила, чтобъ интересы магометанскаго духовенства по возможности не понесли при этомъ ущерба и чтобъ оно такимъ образомъ не было заранѣе возбуждено противъ образованія Татаръ.

Наконецъ, остается вопросъ объ учителяхъ. Само собою разумѣется, что учителя въ татарскихъ училищахъ должны быть въ нравственномъ и политическомъ отношеніи люди вполнѣ благонадежные, и, удовлетворяя прочимъ требованіямъ своего званія, должны владѣть татарскимъ языкомъ. Впослѣдствіи, при нѣсколькихъ начальныхъ татарскихъ училищахъ могли бы быть устроены педагогическіе курсы съ 2-хъ или съ 3-лѣтнимъ дополнительнымъ курсомъ, впродолженіе котораго кандидаты въ учителя изучали бы русскій языкъ грамматически, русскую исторію и географію съ большею противъ прежняго подробностью, проходили бы весь курсъ ариѳметики и краткое обозрѣніе всеобщей исторіи, и въ послѣдній годъ, подъ руководствомъ учителя, занимались бы учениками соотвѣтствующаго начальнаго татарскаго училища. Таковы могли бы быть, вкратцѣ и въ общихъ чертахъ, мѣры къ образованію крымскихъ Татаръ въ русскомъ духѣ. Обнародывая всѣ эти данныя и соображенія, Министерство Народнаго Просвѣщенія желало бы, чтобы предметъ такой важности подвергся всестороннему обсужденію въ нашей литературѣ со стороны людей свѣдущихъ. Вотъ вопросы, на которые при этомъ слѣдовало бы обратить особенное вниманіе и разъясненіемъ коихъ поручено заняться особой коммиссіи въ Симферополѣ:

1) Можетъ ли дѣло образованія Татаръ въ русскомъ духѣ быть предоставлено доброй ихъ волѣ, или же должно быть установлено въ этомъ случаѣ принудительное ученіе, тѣмъ болѣе, что трудно ожидать, чтобы нашлись люди въ ихъ собственной средѣ, которые силою убѣжденія успѣли бы восторжествовать надъ ихъ апатіей, а убѣжденія христіанскихъ дѣятелей едва-ли могутъ имѣть какой-либо успѣхъ въ татарско-магометанской средѣ?

2) Въ какія отношенія должны быть поставлены предполагаемыя школы къ существующимъ татарскимъ медрессе и мектебе? Должны ли эти школы быть и свѣтскими и духовными вмѣстѣ, замѣняя собою медрессе и мектебе, какъ это было отчасти съ Татарскимъ училищнымъ отдѣленіемъ и волостными татарскими училищами государственныхъ имуществъ? Должно ли преподаваніе свѣтскихъ предметовъ быть введено въ медрессе и мектебе и должно ли послѣднія подвергнуть коренному преобразованію; или же, учреждая свѣтскія школы и упраздняя медрессе и мектебе, въ то же время должно предоставить магометанскому духовенству установить въ этихъ новыхъ школахъ, или внѣ ихъ, преподаваніе закона магометанской вѣры, но не въ ущербъ свѣтскому ученію?

3) Какія мѣстности прежде всего могутъ быть избраны для учрежденія татарскихъ начальныхъ училищъ съ наибольшею надеждою на успѣхъ послѣднихъ?

4) Какія средства могутъ быть указаны на покрытіе издержекъ, какъ по первоначальному устройству татарскихъ училищъ, такъ и по дальнѣйшему ихъ содержанію?

5) Какія лица имѣются въ виду для замѣщенія въ татарскихъ начальныхъ училищахъ учительскихъ должностей, при чемъ надлежитъ имѣть въ виду, чтобъ они, удовлетворяя всѣмъ требованіямъ своего званія, обладали знаніемъ татарскаго языка и по нравственному характеру были бы способны стать миссіонерами европейской цивилизаціи и русскаго гражданскаго чувства въ средѣ Татаръ?

Совокупность свѣдѣній и мнѣній по всѣмъ этимъ вопросамъ послужила бы къ окончательному разъясненію дѣла и къ установленію его на прочныхъ основаніяхъ, столь необходимому для дальнѣйшаго его преуспѣянія.

По вопросу о мѣрахъ къ распространенію русскаго образованія между крымскими Татарами*).

Въ Современной Лѣтописи *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за ноябрь 1867 г. была напечатана записка, посвященная вопросу о способахъ образованія крымскихъ Татаръ. Въ ней вкратцѣ были изложены мѣры, которыя принимало русское правительство съ этою цѣлію съ 1824 по 1859 годъ; указаны нѣкоторыя причины ихъ безуспѣшности и затѣмъ сообщено, что, по предложенію г. Министра Народнаго Просвѣщенія, должна составиться въ Симферополѣ особая комиссія для изученія этого важнаго вопроса. Въ настоящее вре я эта комиссія, предсѣдательство въ которой соблаговолилъ при-

*) Изъ *Журн. Мин. Народ. Просв.*, мартъ 1868 г.

нять на себя начальникъ Таврической губерніи, генералъ-лейтенантъ Жуковскій, окончила свои занятія, и *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* поставленъ въ возможность обнародовать во всеобщее свѣдѣніе, какъ результаты, къ которымъ она пришла, такъ равно всѣ данныя и отдѣльныя мнѣнія по этому дѣлу, которыя она имѣла въ виду. Ниже помѣщаются: 1) матеріалы по вопросу объ образованіи крымскихъ Татаръ, извлеченные изъ дѣлъ Таврической дирекціи училищъ и другихъ мѣстныхъ источниковъ директоромъ училищъ Таврической губерніи, г. *Марковымъ*; 2) отчетъ о дѣйствіяхъ упомянутой коммиссіи, составленный, по порученію г. попечителя Одесскаго учебнаго округа, г. *Марковымъ* же,—отчетъ, изъ котораго видѣнъ весь ходъ этого дѣла въ настоящее время; 3) мнѣніе, представленное г. Таврическому губернатору мурзами: поручикомъ *Арсланъ-Беемъ-Ташчи-Оглу* и титулярнымъ совѣтникомъ *Абдувели-Мурзой Карашайскимъ*; 4) мнѣніе г. *Караулова*; 5) протоколы засѣданій упомянутой коммиссіи; 6) выработанный этою коммиссіей проектъ устройства образовательной части у крымскихъ Татаръ и 7) нѣкоторыя заключенія по этому проекту г. попечителя Одесскаго учебнаго округа. Всѣ эти матеріалы проливаютъ весьма яркій свѣтъ на вопросъ, который имѣетъ тѣмъ бо́льшую важность, что рѣшеніе его относительно крымскихъ Татаръ-магометанъ въ значительной степени можетъ оказать вліяніе и на мѣры правительства относительно образованія несравненно многочисленнѣйшихъ магометанскихъ подданныхъ Россіи на восточной ея окраинѣ.

I.

Матеріалы по вопросу объ образованіи крымскихъ Татаръ, извлеченные изъ дѣлъ Таврической дирекціи училищъ и другихъ мѣстныхъ источниковъ директоромъ Таврическихъ училищъ Марковымъ.

Крымскіе Татары, не смотря на свое мусульманство и свое азіатство, народъ далеко не дикій; они не побоятся сравненія съ нами, Русскими, въ дѣлѣ образованія. Напротивъ того, намъ самимъ можно поучиться кое-чему у Татаръ въ этомъ отношеніи. Татары считаютъ образованіе необходимымъ условіемъ жизни, обязанностію, почти религіозною. По шаріату ихъ, всѣ дѣти отъ 6 до 15 лѣтъ обязаны учиться. Это взглядъ, выработанный только недавно въ передовыхъ странахъ западной Европы. Конечно, обязательное ученіе у Татаръ введено съ религіозною цѣлію; но развѣ было бы дурно, если бы съ тою же самою цѣлію оно давно было бы введено у насъ? Отсталость Татаръ происходитъ не отъ отсутствія въ нихъ сознанія въ пользѣ образованія, а отъ ложнаго взгля-

да на сущность образованія. Это важный фактъ, способный оказать сильное вліяніе на просвѣщеніе Татаръ въ будущемъ. Ихъ нужно только вразумить насчетъ истиннаго содержанія образованія, а не убѣждать въ его пользѣ, что всегда труднѣе. Просвѣтителямъ Татаръ придется имѣть дѣло не съ дѣвственнымъ варварствомъ, а съ образованіемъ, укоренившимся издавна, распространеннымъ широко, но только крайне исключительнымъ и потому скуднымъ. Образованіе Татаръ, по общему характеру своему, весьма сродни образованію нашихъ раскольничьихъ сектъ и религіозныхъ общинъ другихъ религій; изученіе священныхъ книгъ составляетъ и цѣль, и матеріалъ обученія. Изучается языкъ какъ вещество священныхъ книгъ и какъ ключъ для входа въ нихъ, потомъ различные комментаріи на эти книги, долженствующіе облегчить пониманіе скрытой въ нихъ мудрости.

Не смотря на скудость свою, образованіе Татаръ внѣдряется въ нихъ крѣпче, чѣмъ можно предполагать: именно потому оно такъ крѣпко, что такъ скудно. Религіозный характеръ образованія, съуживая до-нельзя объемъ его, сообщаетъ ему необычайную крѣпость; знаніе, проникнутое фанатизмомъ, немногосложное, категорическое, западаетъ въ самую глубь натуры и дѣлается ея двигателемъ. Необходимо оцѣнить по достоинству эту органическую стойкость ничтожнаго, повидимому, образованія Татаръ тѣмъ, кто долженъ вести противъ него борьбу, а не складывать его легкомысленно со счетовъ. Люди, знающіе близко Татаръ, знающіе основательно ихъ языкъ, поражаются практическимъ знаніемъ принциповъ, выраженныхъ во множествѣ поговорокъ и афоризмовъ, составляющихъ почти единственную литературу этого народа. Тоже говорятъ и про Турокъ. Съ другой стороны, мы всѣ знаемъ, какъ глубоко проходитъ въ жизнь Татарина его религіозное ученіе. Значительное количество вакуфныхъ имуществъ у каждой бѣднѣйшей мечети, жертва десятины, строжайшее соблюденіе уразы и другихъ внѣшнихъ обрядовъ, служатъ нагляднымъ доказательствомъ уваженія Татаръ къ предписаніямъ религіи; общее же состояніе ихъ нравственности, рѣзко отдѣляющее ихъ отъ другихъ національностей Таврической губерніи, за исключеніемъ развѣ нѣмецкихъ колонистовъ, служитъ доказательствомъ внутренняго вліянія религіи на жизнь Татаръ.

Статистическія данныя убѣдительнѣе всего говорятъ въ пользу образовательныхъ стремленій Татаръ. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ нельзя вывести точную цифру татарскихъ училищъ въ Крыму. Такъ, напримѣръ, по вѣдомости, составленной Таврическимъ магометанскимъ духовнымъ правленіемъ въ 1865 году, изъ свѣдѣній, доставленныхъ въ правленіе уѣздными кадіями, оказывается, что число татарскихъ училищъ высшихъ и низшихъ, то-есть, медрессе и мектебовъ, въ 5-ти уѣздахъ Таврической губерніи равнялось 65, изъ нихъ 28 медрессе, 3 училища и 34 мектеба, именно:

	Медресе.	Училища.	Мектебы.
Въ г. Бахчисараѣ	3	—	15
» » Карасубазарѣ	2	—	3
» » Симферополѣ	1	—	—
» Симферопольскомъ уѣздѣ.	6	—	3
» г. Евпаторіи.	2	—	7
» Евпаторійскомъ уѣздѣ.	5	—	6
» Ѳеодосійскомъ уѣздѣ	6	—	—
» Ялтинскомъ уѣздѣ.	2	2	—
» Перекопскомъ уѣздѣ	1	1	—
Итого.	28	3	34
Всего.		65	

Въ этомъ спискѣ почему-то не упомянуты татарскія училища, состоящія въ гг. Перекопѣ и Ѳеодосіи, и вообще вся вѣдомость составлена весьма ошибочно. Такъ, напримѣръ, изъ дѣлъ Евпаторійской земской управы за 1867 г. видно, что въ г. Евпаторіи медресе не 2, а 3, мектебовъ не 7, а 5; въ Евпаторійскомъ же уѣздѣ всѣхъ татарскихъ училищъ не 11, а 76, изъ коихъ однихъ медресе 18, а не 5. Такимъ образомъ, магометанское правленіе въ одномъ Евпаторійскомъ уѣздѣ пропустило 65 училищъ. Съ другой стороны, Евпаторійскій мировой посредникъ донесъ губернатору, что осенью 1867 г. состояло татарскихъ училищъ во всемъ Евпаторійскомъ участкѣ, то-есть, въ городѣ и уѣздѣ, 63, изъ коихъ 8 медресе и 55 мектебовъ.

Точно также въ отчетѣ Перекопскаго училищнаго совѣта показано 5 татарскихъ училищъ въ Перекопскомъ уѣздѣ и, кромѣ того, 1 училище въ предмѣстьѣ г. Перекопа — Армянскомъ Базарѣ; всего 6 училищъ, а не 2.

Въ статьѣ, помѣщенной въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за ноябрь 1867 г., подъ заглавіемъ: «*По вопросу о способахъ образованія крымскихъ Татаръ*», число мектебовъ въ Таврической губерніи, за исключеніемъ Ѳеодосійскаго уѣзда, показано 136, и на основаніи этой цифры сдѣланы статистическіе выводы. Это свѣдѣніе, очевидно, заимствовано изъ вѣдомости о числѣ татарскихъ училищъ за 1866 годъ, составленной изъ дѣлъ магометанскаго духовнаго правленія Симферопольскимъ штатнымъ смотрителемъ, по порученію окружнаго инспектора Одесскаго округа. Но эта вѣдомость, также противорѣчащая вышеприведеннымъ цифрамъ въ цѣломъ и въ подробностяхъ, врядъ ли можетъ имѣть значеніе, такъ какъ, по требованію Таврическаго губернатора, уже послѣ составленія этой вѣдомости, магометанское духовное правленіе прислало упомянутую мною вѣдомость за

1865 годъ, отказываясь доставить болѣе новыя свѣдѣнія. Все это доказываетъ, какая путаница существуетъ въ дѣлахъ магометанскаго духовнаго правленія. Кадіи, повидимому, преимущественно заботятся объ исчисленіи училищъ, состоящихъ при мечетяхъ и получающихъ содержаніе изъ вакуфовъ, поэтому могутъ упустить изъ виду училища, содержимыя свободными учителями и учительницами на счетъ платы съ учащихся, безъ всякаго пособія отъ вакуфовъ.

При составленіи отчета по дирекціи училищъ за 1867 годъ, я старался возможно тщательнѣе вывести цифру татарскихъ училищъ въ губерніи по тѣмъ матеріаламъ, какіе можно было найдти въ магометанскомъ духовномъ правленіи и въ нѣкоторыхъ отчетахъ училищныхъ совѣтовъ. На основаніи этихъ данныхъ, число татарскихъ училищъ въ губерніи нужно положить 154, изъ нихъ 23 медрессе и 131 мектебъ, именно:

	Медрессе.	Мектебъ.
Въ Симферопольскомъ уѣздѣ съ городами	10	23
» Евпаторійскомъ уѣздѣ съ городомъ.	7	53
» Ялтинскомъ уѣздѣ.	2	47
» Перекопскомъ уѣздѣ съ городомъ	1	5
» Θеодосійскомъ уѣздѣ съ городомъ	3	3
	23	131

Эта цифра выражаетъ собою состояніе татарскаго образованія въ періодъ величайшаго упадка, такъ какъ послѣ выхода Татаръ многія училища были закрыты, другія же опустѣли наполовину. Хотя въ вѣдомости магометанскаго правленія, составленной въ октябрѣ 1865 г., число училищъ, упраздненныхъ за выходомъ Татаръ, показано только 11, именно: 5 медрессе и 6 мектебовъ, но цифры эти рѣшительно нужно считать ошибочными, ибо даже по офиціальнымъ даннымъ [1]) число Татаръ, выселившихся изъ Таврической губерніи въ 1860—63 годахъ, равнялось 192,360 душамъ обоего пола; дѣйствительная же цифра переселенцевъ была еще значительнѣе, какъ убѣждены многіе мѣстные жители. Точно также число деревень и ауловъ, изъ коихъ вышли Татары, равняется 784 (Памятн. Книжка, стр. 436), слѣдовательно, и училища должны были уменьшиться сколько-нибудь пропорціонально уменьшенію народонаселенія. Между тѣмъ въ Евпаторійскомъ уѣздѣ, въ которомъ опустѣло 196 деревень, показано закрытымъ 1 училище; въ Перекопскомъ, изъ 278 опустѣвшихъ ауловъ котораго ушло 43,514 душъ, показано закрытыми 2 училища, а въ Бердянскомъ уѣздѣ, откуда выселилось также до 40,000 Ногайцевъ,

[1]) См. Памятную книжку Таврической губерніи, изданную Таврическимъ статистическимъ комитетомъ на 1867 г.

въ Днѣпровскомъ, откуда ушло ихъ 12,357 душъ, и въ Мелитопольскомъ, въ которомъ опустѣло 9 ногайскихъ ауловъ, не показано ни одного закрытаго училища, какъ будто у цѣлаго ногайскаго племени не было ни одного мектеба при мечети. Мы можемъ принять въ соображеніе, что упадокъ матеріальнаго благосостоянія Татаръ и глубокое потрясеніе ихъ нравственной увѣренности, нанесенное выходомъ изъ родины $^2/_3$ населенія, не могло подѣйствовать благопріятно на стремленіе оставшихся Татаръ къ образованію; поэтому мы имѣемъ право считать, что настоящая цифра учащихся Татаръ представляетъ собою скорѣе менѣе, чѣмъ болѣе $^1/_3$ той цифры, которая была до времени выселенія. Настоящую цифру татарскихъ учениковъ и ученицъ найдти трудно уже потому, что посѣщеніе учениками училищъ, особенно медресе, дѣлается крайне безпорядочно, такъ что самъ учитель не всегда знаетъ число своихъ слушателей. Свѣдѣнія объ этомъ магометанскаго духовнаго правленія также произвольны, какъ и о числѣ школъ. По вѣдомости, составленной изъ дѣлъ этого правленія Симферопольскимъ штатнымъ смотрителемъ, число учениковъ обоего пола въ татарскихъ училищахъ 4-хъ уѣздовъ Таврической губерніи (за исключеніемъ Ѳеодосійскаго) показано въ 4,864, изъ нихъ 4,495 учащихся въ мектебахъ и 369—въ медресе. Почти эта же цифра, именно 4,471, принята авторомъ статьи *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* для посѣщающихъ мектебы. Евпаторійская земская управа считаетъ въ своемъ уѣздѣ учениковъ Татаръ обоего пола также, какъ духовное правленіе, именно 1,448, вмѣсто 1,471, а Евпаторійскій мировой посредникъ только 1,327. Перекопскій училищный совѣтъ считаетъ число учащихся изъ Татаръ въ уѣздѣ 193, вмѣсто 135.

По даннымъ, собраннымъ мною для отчета за 1867 годъ, можно положить число учащихся въ татарскихъ училищахъ 5,081, что приблизительно совпадаетъ съ предыдущими цифрами. Изъ нихъ женскаго пола 901, мужскаго 4,180. По уѣздамъ число это распредѣляется такъ:

Въ Симферопольскомъ уѣздѣ съ городами	963
» Евпаторійскомъ уѣздѣ съ городомъ	1,372
» Ялтинскомъ уѣздѣ	2,057
» Перекопскомъ уѣздѣ съ городами.	173
» Ѳеодосійскомъ уѣздѣ съ городами	516
Итого. . . .	5,081

Всѣхъ же учащихся магометанскаго исповѣданія въ училищахъ Таврической губерніи 5,091.

Вообще приходится 1 школа на 21,1 жителя магометанскаго исповѣданія и 1 учащійся на 279,3 жителей; это процентъ весьма высокій, такъ какъ въ

русскомъ населеніи губерніи 1 школа приходится на 2,747,7 жителей и 1 учащійся на 66,2 жителя. Числомъ школъ татарское населеніе превосходитъ даже нѣмецкое населеніе губерніи, въ которомъ приходится одна школа на 450,5 жителей; но это происходитъ не отъ чего другаго, какъ отъ малолюдности татарскихъ и многолюдности нѣмецкихъ школъ; учащихся же въ нѣмецкомъ населеніи приходится 1 на 6,6 жителей, то-есть, въ $3\frac{1}{2}$ раза больше, чѣмъ въ татарскомъ населеніи, и въ 10 разъ больше, чѣмъ въ русскомъ. Татарское племя составляетъ 17,85% всего населенія губерніи, учащіеся же изъ Татаръ составляютъ 23% всего учащагося юношества губерніи; русское племя, напротивъ того, составляя $68\frac{1}{2}$% всего населенія, доставляетъ только $28\frac{1}{2}$% учащагося юношества. Такой результатъ для татарскаго населенія не можетъ не считаться благопріятнымъ и долженъ бы былъ побудить насъ, Русскихъ, къ энергическимъ усиліямъ занять въ дѣлѣ мѣстнаго просвѣщенія то мѣсто, которое подобаетъ господствующей и притомъ христіанской націи.

Къ тому же мы не должны упускать изъ вида, что цифра учащихся русскаго населенія соотвѣтствуетъ періоду небывалаго еще пробужденія умственныхъ силъ народа, причиненнаго великими реформами нынѣшняго царствованія; цифра же учащихся магометанскаго исповѣданія, какъ уже было сказано, выражаетъ собою состояніе величайшаго упадка татарской національности въ Крыму.

Посмотримъ теперь, каково внутреннее состояніе татарскаго образованія въ Крыму. Оно находится почти исключительно въ рукахъ духовенства, поэтому вполнѣ выражаетъ собою внутреннее состояніе самого духовнаго сословія, страдаетъ его недостатками и подчиняется его цѣлямъ. Впрочемъ, есть школы, содержимыя простыми Татарами и даже Татарками; но онѣ не отличаются ничѣмъ отъ школъ духовенства. Многія изъ нихъ существуютъ безъ всякаго разрѣшенія и не заносятся ни въ какіе списки, тѣмъ менѣе подвергаются чьему либо контролю.

Татарское духовенство въ Крыму представляетъ собою сословіе весьма мало-образованное. Оно имѣетъ слѣдующія главныя іерархическія степени: *муфтій* (соотвѣтствующій православному архіерею), *кади-эскеръ* (какъ бы викарный, помощникъ архіерея), *уѣздный кади* (благочинный), *хатыпъ* (протоіерей), *имамъ, мулла* (священникъ), *мазинъ* (діаконъ). Духовное званіе у Татаръ наслѣдственно, и назначеніе лицъ на ту или другую должность не связано закономъ съ извѣстною степенью образованія. Даже муфтій, распорядитель всѣхъ духовныхъ и частію гражданскихъ интересовъ татарскаго общества, рѣшитель судебно-духовныхъ дѣлъ и теологическихъ вопросовъ, и тотъ можетъ быть полуграмотнымъ Татариномъ, какъ показываетъ примѣръ нынѣшняго муфтія. Обыкновенно въ эту должность избираютъ богатаго и вліятельнаго человѣка

изъ духовнаго или просто дворянскаго сословія, не разсуждая о его образованіи, такъ какъ для избирателей это неразрѣшимый вопросъ. Впрочемъ, по правиламъ религіи, муфтій долженъ быть непремѣнно мудерисомъ, то-есть, профессоромъ. *Мудерисъ*—это высшее ученое званіе у Татаръ. Чтобы получить его, нужно пройдти 7 курсовъ духовной магометанской академіи, или такъ-называемаго *медресе*. Этого достигаютъ немногіе; огромное же большинство духовенства, въ томъ числѣ и учители высшихъ школъ, ограничиваютъ свои познанія умѣніемъ читать по-арабски Алькоранъ, не понимая сами, что̀ читаютъ. Знатоки арабскаго языка, которые могли бы дѣйствительно читать, то-есть, понимать и толковать Алькоранъ, чрезвычайно рѣдки въ Крыму, даже въ числѣ мудерисовъ. Нынѣшній кади-эскеръ принадлежитъ къ такимъ исключеніямъ. Но онъ самъ признавался мнѣ, что ученики, прошедшіе 4 курса медресе, еще ничего не понимаютъ въ Алькоранѣ. Наслѣдственность духовныхъ привиллегій, переходящая часто въ прямую наслѣдственность должностей (примѣромъ служитъ нынѣшній Таврическій муфтій), уничтожаетъ въ средѣ духовенства всякое побужденіе къ улучшенію положенія училищъ своихъ, къ развитію образованія среди своего сословія. Невѣжественное общество, на счетъ слѣпоты котораго татарское духовенство пользуется правомъ почетнаго бездѣлія, разумѣется, не въ силахъ замѣтить безграмотность своихъ учителей и духовниковъ. А эти послѣдніе слишкомъ заинтересованы въ томъ, чтобъ эта выгодная слѣпота продолжалась возможно долѣе.

Въ настоящее время татарское духовное сословіе въ Крыму чрезвычайно многочисленно. Даже въ городахъ и деревняхъ проживаетъ множество неслужащаго духовенства, не несущаго никакихъ обязанностей, не отбывающаго, подобно прочему духовенству, никакихъ повинностей, а между тѣмъ имѣющаго весьма существенныя права. Такъ, напримѣръ, не только назначеніе въ приходскія духовныя должности, но и выборъ муфтія и кади-эскера зависитъ отъ духовенства. Духовенство вполнѣ распоряжается обрядомъ и догматами религіи, завѣдываетъ всѣми брачными дѣлами, между прочимъ разводами и дѣлами о супружеской невѣрности, судитъ дѣла о неповиновеніи родителямъ дѣтей, дѣла по завѣщанію и раздѣлу частныхъ имуществъ, наконецъ, завѣдываетъ всею учебною частью и имуществомъ мечетей. Такое привиллегированное положеніе духовенства, его многочисленность и зажиточность дѣлаютъ его господиномъ ума и совѣсти невѣжественнаго мусульманина, которому безсмысленныя познанія муллы въ дѣлахъ религіознаго обычая и догмата кажутся чуть не сверхъестественнымъ даромъ. Чѣмъ невѣжественнѣе служители религіи Магомета и чѣмъ фанатичнѣе мусульманская толпа, тѣмъ крѣпче укореняется въ ней религіозная исключительность во всѣхъ ея видахъ. Истый мусульманинъ отдаетъ десятую часть своего виноградчаго сбора, своего сѣна, приплода своихъ овецъ и верблюдицъ своей мечети и своему имаму.

Имамъ же совершаетъ при покупкѣ и продажѣ крѣпостные акты, такъ-называемые *сенетъ*, которые замѣняютъ Татарину купчія крѣпости на десятки тысячъ десятинъ земли и на десятки тысячъ рублей. Наконецъ, имамъ поминаетъ души усопшихъ, читая по нихъ Алькоранъ цѣлые годы, цѣлые десятки лѣтъ, и вотъ съ этою-то цѣлію каждый правовѣрный, умирая, считаетъ священнымъ долгомъ отказать въ пользу какой-нибудь мечети часть своего имущества, землю, деньги, кофейню, фруктовый садъ, съ тѣмъ, чтобы на вѣчныя времена имамъ, пользующійся доходомъ съ завѣщаннаго имущества, читалъ Алькоранъ во спасеніе души завѣщателя. Эти имущества называются вакуфами. Они составляютъ весьма существенный источникъ доходовъ для духовенства и должны быть употребляемы имъ на содержаніе себя, мечети и на дѣла благотворенія; поэтому-то и школы содержатся большею частію на счетъ вакуфовъ.

Вакуфы, по самому роду происхожденія своего, а еще болѣе по безалаберному веденію дѣлъ въ магометанскомъ духовномъ правленіи, представляютъ изумительную путаницу, весьма, впрочемъ, выгодную для мѣстнаго духовенства, безконтрольно пользующагося втихомолку этими вакуфами, которымъ никто не знаетъ ни цѣны, ни счета. На настоятельные офиціальные запросы магометанское духовное правленіе откровенно признается, что у него не только нѣтъ вакуфныхъ вѣдомостей за послѣдній годъ, но что и вѣдомость, составленная два года назадъ изъ свѣдѣній, собранныхъ уѣздными кадіями, не можетъ считаться вѣрною. Въ 1837 году составлены были, на основаніи Высочайше утвержденнаго 22-го марта 1829 года мнѣнія Государственнаго Совѣта, описи вакуфнымъ имѣніямъ въ Таврической губерніи, повѣренныя на мѣстѣ губернскимъ казенныхъ дѣлъ стряпчимъ; но эти описи въ настоящее время оказываются невѣрными, ибо многія вакуфныя земли были спорныя и отошли впослѣдствіи по судебнымъ приговорамъ къ другимъ владѣльцамъ; другія вакуфныя земли, при производившихся межеваніяхъ, измѣнили свои мѣстности, границы, количество и даже урочища; третьи были разновременно проданы разнымъ владѣльцамъ и т. п. Въ 1861 году магометанское духовное правленіе считало вакуфныхъ имуществъ: разнаго рода земель 92,543 десятины, капитала 31,693 руб. 80 коп. Земли приходилось на долю уѣздовъ: Перекопскаго 38,983 десятины, Евпаторійскаго 30,057 дес., Феодосійскаго 14,432 дес., Симферопольскаго 8,239 дес. и Ялтинскаго 832 дес.; капиталовъ—на долю Симферопольскаго 11,293 р. 66½ к., Ялтинскаго 19,110 руб. 16½ коп., Ѳеодосійскаго 1,289 руб. 97 коп. Это распредѣленіе вакуфныхъ имуществъ не лишено значенія. Оно наглядно указываетъ, что главное гнѣздо татарскаго элемента въ Крыму заключалось въ степныхъ уѣздахъ Перекопскомъ, Евпаторійскомъ и частію Ѳеодосійскомъ. Не имѣя денегъ, степные фанатики тысячами десятинъ отдаютъ мечетямъ свои земли на поминъ души.

Симферопольскій уѣздъ, въ которомъ сосредоточена промышленность края (въ Бахчисараѣ, Карасубазарѣ, Симферополѣ) и въ которомъ, кромѣ пастуховъ, есть еще купечество, распоряжается уже значительною суммою денегъ, сокращая количество земельныхъ пожертвованій. Наконецъ, въ Ялтинскомъ уѣздѣ, Татары котораго не чистые Татары, потомки не монгольскихъ кочевниковъ, а омусульманившихся Грековъ, уже совсѣмъ почти не жертвуютъ земли, а ограничиваются денежными вкладами. Сообразно съ этимъ распредѣленіемъ количества и характера вакуфовъ, распредѣляется по уѣздамъ и общая образованность татарской націи, ея бо̀льшая или меньшая степень подготовленности къ усвоенію европейской цивилизаціи. Такъ, напримѣръ, Татары Ялтинскаго уѣзда могутъ быть положительно признаны передовыми въ своемъ племени. Въ Ялтинской школѣ г-жи Римско-Корсаковой 4 татарскіе мальчика обучались въ 1867 году французскому языку съ особенною охотой, по желанію родныхъ; Алуштинскій волостной голова, простой Татаринъ, выписывалъ Француженку-гувернантку для своей дочери и, какъ говорятъ, для другихъ своихъ знакомыхъ. Голова одной волости (кажется, Богатырской) такъ ревностно сочувствовалъ распространенію русскаго образованія въ своей волости, что даже навлекъ на себя неудовольствіе другихъ Татаръ. Въ Ялтинскомъ уѣздѣ татарскія женщины ходятъ безъ чадры, показываются чужимъ мужчинамъ и даже позволяютъ рисовать съ себя портреты. Между тѣмъ, въ сосѣднемъ Симферопольскомъ, всѣ женщины, даже жены мурзъ, укутываются въ бѣлыя простыни. Но убѣдительнѣе всего отношеніе числа школъ къ числу мечетей. Хотя мы можемъ привести только цифры 1861 года, но для настоящаго вопроса это не составляетъ разницы. Въ то время какъ въ Ялтинскомъ уѣздѣ на 10,485 жителей мужескаго пола приходилось въ 1861 году только 96 мечетей, въ Перекопскомъ на 3,135 жителей приходилось ихъ 104, въ Евпаторійскомъ на 6,063 жителя 211, въ Симферопольскомъ на 9,514 жителей 237, и т. д. Училищъ же въ Ялтинскомъ уѣздѣ было 51 (изъ которыхъ 2 медресе) съ 2,193 учащихся и 50 учителями, а въ Перекопскомъ только 6 первоначальныхъ училищъ съ 254 учащимися и 6 учителями! Это обстоятельство полезно имѣть въ виду при устройствѣ образовательной части у крымскихъ Татаръ.

Вакуфныя земли, не смотря на свое почтенное количество, представляютъ далеко не обильный источникъ дохода въ пользу образованія. Причина заключается, вопервыхъ, въ разбросанности и раздробленности вакуфныхъ участковъ, крайне затрудняющихъ эксплуатацію ихъ. Крупнѣйшій участокъ равняется 4,536 десятинамъ; онъ приноситъ годоваго дохода 2,016 руб. съ копѣйками. Но такихъ почти нѣтъ. Обыкновенно участокъ не превосходитъ 100 десятинъ, а нѣкоторые даже не болѣе полудесятины. По самому способу пріобрѣтенія своего, вакуфные участки представляютъ такую черезполосицу, что иногда затруд-

нительно бываетъ отыскать ихъ. Вторая причина заключается въ крайне небрежномъ управленіи вакуфами, и, наконецъ, третья въ томъ, что изъ доходовъ вакуфовъ на дѣло образованія удѣляется самая ничтожная часть, именно только въ одномъ Симферопольскомъ уѣздѣ въ 1861 году удѣлялось на школы 2,930 р. 36 к., да въ Перекопскомъ 10 руб.; въ остальныхъ уѣздахъ—ни одной копѣйки.

Интересно представить, въ видѣ образца, нѣкоторыя подробности, извлеченныя изъ дѣлъ магометанскаго правленія за 1865 годъ, о средствахъ содержанія татарскихъ училищъ и о производительности вакуфныхъ имуществъ.

Въ Бахчисараѣ медресе *Зинджерли*, основанное Менгли-Гиреемъ, считается какъ бы главною татарскою академіей, разсадникомъ мудерисовъ, или профессоровъ. Оно владѣетъ именно тѣмъ крупнымъ участкомъ сѣнокосной и пахатной земли при д. Улу-колъ, о которомъ было сказано. Изъ получаемой имъ суммы 2,016 руб. 36 к., 362 руб. идетъ на починку зданія, а 1,654 р. съ копѣйками дѣлятся поровну между мудерисомъ и учениками, или *софтами*. Этотъ обычай содержать на счетъ вакуфовъ не только учителя, но и учениковъ, весьма распространенъ въ медресе, особенно старинныхъ. Но не всѣ медресе обставлены такъ хорошо, и не всѣ вакуфныя имѣнія даютъ такой доходъ. Медресе Орта, также въ Бахчисараѣ, съ кофейни и постоялаго двора получаетъ 25 р. въ годъ, а съ небольшаго фруктоваго сада ровно ничего. Одно Симферопольское медресе получаетъ съ дома 10 р. въ годъ. Одинъ мектебъ въ Бахчисараѣ съ трехъ лавокъ получаетъ 8 р. въ годъ, другой съ 5 лавокъ 40 р. 50 к., третій получаетъ въ годъ 22 р., имѣя 2 магазина съ 2 лавками возлѣ дворца и одну лавку у фонтана. Одно медресе въ Карасубазарѣ, владѣя 20 лавками, 2 магазинами и $1\frac{1}{2}$ десятины баштана, получаетъ за все 90 руб. въ годъ, а другое тамъ же 42 р. съ 3-хъ лавокъ и 60 десятинъ пахатной и сѣнокосной земли.

Бекъ-Заде-Ханымъ завѣщала мудерису Даирскаго медресе огороженный фруктовый садъ и 11 десятинъ земли. Кромѣ того, медресе принадлежитъ $\frac{1}{7}$ часть дохода съ 180 десятинъ земли, 6-и лавокъ въ Карасубазарѣ, 1-го магазина и 1-й пекарни. Медресе деревни Ефендикой завѣщана $\frac{1}{15}$ часть дохода съ 1,000 десятинъ земли и фруктоваго сада, отданныхъ мечети. Медресе деревни Сарабузъ, находящейся въ ближайшемъ разстояніи отъ Симферополя и притомъ на рѣкѣ Салгирѣ, получаетъ 35 р. въ годъ съ 365 десятинъ пахатной и сѣнокосной земли, слѣдовательно менѣе чѣмъ 10 к. съ десятины. У другихъ училищъ имущества также весьма разнообразнаго, почти всегда мелочнаго характера: деньги на процентахъ, векселя, предъявленные ко взысканію, садики, кофейни, постоялые дворы, домишки и т. п. Между прочимъ, многія училища, кажется, исключительно въ Бахчисараѣ, имѣютъ небольшіе капиталы, завѣщанные имъ

императрицею Екатериною II, въ слѣдующихъ, напримѣръ, размѣрахъ: 11 р. 28 к., 25 р., 34 р., 10 р., 10 р. 36 к.

Эти факты несомнѣнно указываютъ или на полное нерадѣніе распорядителей вакуфовъ, или на недобросовѣстность съ ихъ стороны. Замѣчательно, что медресе и мектебы сколько-нибудь обезпечены только въ главныхъ центрахъ Симферопольскаго уѣзда, особенно въ Бахчисараѣ и Карасубазарѣ, гдѣ еще находятся старинныя татарскія училища, помнящія хановъ. Въ Өеодосійскомъ уѣздѣ училища пользуются уже гораздо ничтожнѣйшими пожертвованіями; завѣщаютъ имъ исключительно помѣщенія, 10 комнатъ, 6, 4 и больше ничего. Въ Евпаторійскомъ точно также; вдобавокъ, помѣщенія — большею частью въ одну комнату. Наконецъ, въ Ялтинскомъ нѣтъ пожертвованій въ пользу школъ: всѣ онѣ содержатся на счетъ родителей. Замѣтно, что этотъ последній способъ новѣйшій, замѣняющій старинныя завѣщанія, и потому свойственъ горнымъ мѣстностямъ, не столь глубоко татарскимъ, какъ степь.

Школы, содержимыя на счетъ этихъ источниковъ, почти всѣ безъ исключенія представляютъ видъ, достойный жалости. Въ *мектебахъ*, или первоначальныхъ училищахъ, дѣти учатся обязательно отъ 6 до 15 лѣтъ, хотя, конечно, далеко не всѣ исполняютъ свою обязанность. Во многихъ мѣстахъ дѣвочки также посѣщаютъ мектебы, и въ этомъ обстоятельствѣ нельзя не видѣть нѣкоторой свободы татарскаго взгляда, ставшаго нарицательнымъ именемъ невѣжества. Что еще важнѣе и поучительнѣе для насъ, Татары, по крайней мѣрѣ на практикѣ, допускаютъ женщину въ учительницы народныхъ школъ, противъ чего у насъ еще теперь возстаютъ, какъ противъ вреднаго нововведенія. Въ мектебѣ дѣти учатся читать по-арабски Алькоранъ (татарскія письмена тѣ же, что арабскія). Читать — у нихъ значитъ учить законъ вѣры. Поэтому и учиться по-русски, въ глазахъ Татарина, значитъ учиться русской вѣрѣ. Въ этомъ главная причина недовѣрія Татаръ къ преподаванію русскаго языка. Самые просвѣщенные изъ нихъ и наименѣе фанатичные соглашаются помѣщать дѣтей въ русскія школы не иначе, какъ по окончаніи ими курса въ мектебе, то-есть, по усвоеніи главныхъ истинъ магометанской религіи. Поэтому ввести преподаваніе русскаго языка въ татарскихъ мектебахъ въ настоящее время вещь немыслимая. Они опустѣютъ совершенно. Необходимо ограничить свои попытки постепеннымъ введеніемъ русскаго языка въ медресе и назначать для поступленія въ гимназіи и другія русскія школы такой возрастъ, въ которомъ татарскій ребенокъ уже можетъ кончить курсъ мектеба; въ Симферопольскую гимназію дѣти татарскихъ мурзъ поступаютъ рѣдко и всегда поздно, не моложе 14, 15 лѣтъ и выше. Это совершенно задерживаетъ успѣшный ходъ ихъ ученія. Забитые нелѣпостями татарской педагогіи и упустивъ время для усвоенія русскаго языка, ученики изъ Татаръ чрезвычайно затрудняются продолжать курсъ уче-

нія наравнѣ съ прочими, хотя всѣхъ ихъ превосходятъ своимъ трудолюбіемъ. Только по мѣрѣ приготовленія въ медресе татарскихъ учителей, знакомыхъ съ русскимъ языкомъ, можно будетъ надѣяться на постоянное ослабленіе подозрительнаго взляда Татаръ на анти-религіозное значеніе русскаго языка въ ихъ образованіи.

Итакъ, въ мектебахъ дѣти, еще невполнѣ умѣющія говорить на родномъ языкѣ, учатся, однако, читать Алькоранъ на арабскомъ языкѣ. Они держатъ его передъ собою и складно выкрикиваютъ совершенно непонятный имъ священный текстъ, убѣжденные, что уже механическое произнесеніе святыхъ словъ имѣетъ спасительное значеніе. Учитель, обыкновенно мулла, отлично выучилъ декламацію Алькорана и бойко направляетъ учениковъ, хотя смыслъ декламируемаго для него одинаково недоступенъ. Въ мектебѣ очень рѣдко учатъ писать, почти никогда. Ученіе продолжается не менѣе двухъ, а большею частью три года. Способъ и предметъ обученія очень напоминаетъ нашихъ дьячковъ и другихъ деревенскихъ грамотѣевъ стараго времени, которые также давали дѣтямъ вытверживать и громко выкрикивать Часословъ или Псалтирь, въ которомъ они сами понимали не болѣе учениковъ.

Медресе устроены уже на высшую ногу. *Сохты*, собственно говоря, уже не ученики, а свободные слушатели въ родѣ студентовъ, или, еще ближе, въ родѣ учениковъ древне-греческихъ философовъ. Медресе посѣщаются даже 25 и 30-лѣтними мужчинами. Медресе — школы чисто-духовныя, соотвѣтствующія нашимъ духовнымъ академіямъ. Въ нихъ приготовляются къ духовному званію, или, что тоже, къ учебному. Сохта пользуется въ народѣ уваженіемъ, какъ лицо духовное. Татары считаютъ грѣхомъ сказать что-либо дурное о сохтѣ. Сохты живутъ всѣ вмѣстѣ, какъ бы въ пансіонѣ при медресе, подъ надзоромъ своего мудериса. Иногда какой-нибудь благодѣтельный завѣщатель обезпечиваетъ имъ ихъ общежитіе вакуфнымъ имуществомъ; по большею частью сохты дѣлаютъ складчину провизіей и разными предметами насущной необходимости, на счетъ которыхъ мудерисъ содержитъ и ихъ, и себя самого. Старшіе изъ сохтъ или уже окончившіе курсъ ученія играютъ роль своего рода туторовъ, то-есть, помогаютъ сохтамъ готовить уроки мудерису и вообще содѣйствуютъ мудерису въ управленіи медресе. Эти старшіе называются *біюкъ* (то-есть, большой); обыкновенно мудерисъ занимается своимъ урокомъ съ однимъ отдѣленіемъ, а остальныя отдѣленія, въ особыхъ комнатахъ, подготовляются съ помощью біюковъ. Біюкъ сидитъ на полу въ серединѣ, а передъ нимъ на войлокахъ лежатъ сохты и читаютъ. Біюкъ объясняетъ трудныя мѣста, исправляетъ ошибки. Потомъ, когда предыдущее отдѣленіе кончитъ у мудериса, идетъ къ нему новое. Обыкновенно, впрочемъ, только высшія отдѣленія занимаются съ мудерисомъ, съ низшими онъ не успѣваетъ заняться, и они ограничиваются подго-

товкою біюка. Экзаменовъ при этомъ способѣ ученія не бываетъ; учитель прямо знаетъ, кто можетъ, кто не можетъ идти дальше. Программа ученія въ медресе весьма высокая и не лишена строгой систематичности, не смотря на дикость дидактическихъ пріемовъ.

Всѣхъ курсовъ 7, но до конца доходятъ немногіе. Сначала изучается грамматика арабскаго языка. Пріемъ изученія оригинальный. Учатъ прежде всего одинъ глаголъ *«насара»* (помогъ), самый легчайшій, такъ какъ въ немъ встрѣчается одна и таже гласная буква, и коренная согласная не измѣняется въ флексіяхъ. Цѣлый курсъ ученія и цѣлая книга руководства называется поэтому *«Насара»*. Потомъ переходятъ къ труднѣйшему *«алима»* (зналъ), гдѣ уже двѣ разныхъ гласныхъ и т. д.; каждый глаголъ составляетъ отдѣльную книгу или главу *«Ильмъ-Ульсароръ»* (этимологія). Въ слѣдующемъ курсѣ начинается *«Ильмъ-ульнаху»* (синтаксисъ). Еще далѣе *«Ильмъ-ульмантыкъ»* (логика); потомъ три послѣдовательныхъ курса риторики, именно: *«Ильмъ-ульбеянъ»*, *«Ильмъ-ульбедьса»*, *«Ильмъ-ульмаанни»*. Наконецъ, наступаетъ чтеніе *Алькорана* безъ перевода, но съ подробными комментаріями, или съ *«тафсиромъ»*; рядомъ съ Алькораномъ идетъ изученіе духовнаго магометанскаго законодательства, которое, впрочемъ, вмѣстѣ и свѣтское, на сколько оно не противорѣчитъ общему русскому законодательству. Это такъ-называемое *«Ильмъ-ульфикхъ»*. Такимъ образомъ студентъ медресе къ изученію своей религіи и своего закона, — единственной цѣли магометанскаго просвѣщенія, — подготовляется весьма послѣдовательно и даже, повидимому, раціонально, начиная съ изученія вещества своихъ священныхъ книгъ, то-есть, съ грамматики арабскаго языка, и переходя постепенно къ изученію строенія рѣчи и различныхъ способовъ выраженія мысли на этомъ языкѣ. Но дѣло представится совершенно въ иномъ видѣ, если мы обратимъ вниманіе на дидактику татарскихъ медресе. Втеченіе 3-хъ — 4-хъ курсовъ сохта еще не понимаетъ по-арабски. Но между тѣмъ всѣ его руководства арабскія, и онъ учитъ ихъ на память съ перваго дня своего вступленія въ медресе. Правда, ему немного объясняютъ, толкуютъ, въ чемъ дѣло, если оно доступно самому мудерису, но все-таки онъ твердитъ на память фразы, ему совершенно непонятныя. Только съ теченіемъ времени, въ концѣ академическаго поприща, мракъ начинаетъ разсѣеваться, и несчастные мученики, дотерпѣвшіе до конца, начинаютъ разумѣть хотя самый грубый смыслъ познаній, пріобрѣтенныхъ ими втеченіе многихъ лѣтъ. Ученіе происходитъ въ катехизической формѣ. Учитель спрашиваетъ заранѣе опредѣленный вопросъ,—ученикъ отвѣчаетъ на него безсмысленно то, что̀ выучилъ. Хитро-сплетенныя объясненія риторики, грамматическія правила и примѣры,—все учится на зубокъ и отвѣчается слово въ слово.

Очевидно, что сама программа ученія въ медресе — программа народа вы-

сокопросвѣщеннаго, именно древнихъ Арабовъ; примѣненіе же этой программы къ дѣлу—вполнѣ татарское.

Неудивительно, если юношескіе впечатлительные годы, протекшіе въ забиваньи головы всѣмъ, что есть для нея неперевариммаго, кончаются совершеннымъ умственнымъ отупѣніемъ, несправедливо заставляющимъ многихъ отчаяваться въ способности татарской расы къ европейскому образованію.

Надо сказать правду, не всѣ Татары сочувствуютъ такому ходу дѣлъ въ татарскихъ училищахъ. Среди богатыхъ мурзаковъ есть нѣсколько лицъ, сознающихъ необходимость коренныхъ преобразованій въ умственной жизни крымскихъ Татаръ. Еще болѣе такихъ, которые недовольны исключительнымъ положеніемъ и бездѣятельностію магометанскаго духовенства, и которые желали бы ввести правильное управленіе вакуфными имуществами; Татаръ, сочувствующихъ распространенію среди своихъ единоплеменниковъ знанія русскаго языка, весьма достаточно. Особенно лица, ведущія торговыя и другія значительныя дѣла, ощущаютъ важное неудобство отъ незнанія національнаго языка. Но большинство изъ нихъ не можетъ освободиться отъ недовѣрія ко всѣмъ мѣрамъ правительства, направленнымъ къ ихъ обрусенію. Главныхъ опасеній у Татаръ два: вопервыхъ, они убѣждены, что посредствомъ русскаго ученія всѣхъ ихъ намѣрены обращать въ христіанство; вовторыхъ, они разсчитываютъ довольно основательно, что Татары, научась говорить и писать по-русски, уже не будутъ больше пользоваться теперешнею свободою отъ рекрутства. Учрежденіе въ 1861 году особой Таврической епархіи, или «пріѣздъ большаго попа», по словамъ Татаръ, было въ числѣ существенныхъ причинъ переселенія ихъ въ Турцію. Участіе православныхъ законоучителей во всѣхъ русскихъ школахъ составляетъ и теперь главнѣйшую причину отчужденія отъ нихъ Татаръ. Въ Ялтинскомъ уѣздѣ цѣлое татарское село откровенно высказало члену земства свое опасеніе, что русскому языку собираются учить ихъ дѣтей съ цѣлію забирать потомъ въ рекруты. «Теперь Царь скажетъ Татарину: иди служи, а Татаринъ не понимаетъ, Татарина не берутъ; а когда Татаринъ будетъ по-русски понимать, Царь велитъ взять его въ солдаты», говорилъ при этомъ одинъ изъ нихъ. Поэтому даже благомыслящіе изъ Татаръ совѣтуютъ поступать въ дѣлѣ обрусенія крайне осторожно. Спѣшить и ломать на проломъ въ этомъ дѣлѣ не приведетъ къ желанному результату. Поэтому невозможно задумывать ввести обязательное обученіе русскому языку сразу во всѣхъ татарскихъ школахъ. Несомнѣнно, что наиболѣе фанатическія и первобытныя сельбища Татаръ въ степныхъ уѣздахъ примутъ такое нововведеніе далеко не такъ, какъ оно встрѣтится полуцивилизованнымъ и промышленнымъ обитателемъ южнаго берега. Если же русское образованіе успѣетъ укорениться среди Татаръ одной мѣстности, то съ теченіемъ времени безъ труда разольется и по остальнымъ.

Авторъ записки, помѣщенной въ ноябрской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія,* склоняется въ пользу принудительной системы образованія Татаръ въ русскомъ духѣ, и подкрѣпляетъ свое мнѣніе, между прочимъ, отзывомъ бывшаго директора Таврическихъ училищъ, А. В. Самойлова, человѣка, имѣвшаго возможность близко и на практикѣ ознакомиться съ этимъ вопросомъ. Въ доказательство своего мнѣнія, авторъ записки указываетъ, между прочимъ, и на болѣе успѣшное существованіе такихъ училищъ, поступленіе въ которыя для Татаръ было принудительное, именно на татарское училищное отдѣленіе при Симферопольской гимназіи и волостныя училища Министерства Государственныхъ Имуществъ. Но существованіе этихъ училищъ, стоившее весьма значительныхъ средствъ, именно и указываетъ на полную безуспѣшность системы принудительнаго образованія. Воспитанники этихъ училищъ растеклись по населенію, не внеся въ него ни малѣйшаго движенія, не оказавъ на него тѣни вліянія. Для поступленія въ волостныя училища татарскія общества нанимали сиротъ и бѣдняковъ, оборвышей населенія, точно такъ, какъ въ Россіи нанимають охотниковъ въ рекруты. Такіе люди не могли имѣть впослѣдствіи никакого авторитета въ глазахъ своихъ собратьевъ.

О судьбахъ же училищнаго отдѣленія и его питомцевъ будетъ сейчасъ объяснено подробнѣе. Мнѣ приходилось много говорить объ этомъ вопросѣ какъ съ образованными Татарами, такъ и съ другими просвѣщенными лицами, близкими къ жизни Татаръ и интересующимися дѣломъ ихъ цивилизованія. Мнѣніе было почти всегда одно. Всѣ предостерегали отъ рѣзкихъ мѣръ, достигающихъ нѣкотораго наружнаго результата, но подкапывающихъ въ корнѣ будущность вопроса. Многіе изъ второстепенныхъ административныхъ органовъ края, правда, энергически проповѣдуютъ систему самого безцеремоннаго обрусенія Татаръ, ожидая отъ введенія русскаго языка даже прекращенія убійствъ и другихъ преступленій въ ихъ средѣ.

Таково, напримѣръ, мнѣніе одного мироваго посредника Ѳеодосійскаго уѣзда, который высказался такъ по вопросу объ учрежденіи русской школы въ с. Таракташахъ: «Раздѣляю вполнѣ мнѣніе, что въ горскихъ деревняхъ, «*при фанатизмѣ Татаръ,* возможно обученіе русской грамотѣ только обязательное, а ожидать открытія русскихъ училищъ по приговору и желанію общества было бы напрасно, потому и средства на содержаніе училища должны «быть сдѣланы обязательными». На постройку зданій для училища онъ совѣтуетъ употребить остатокъ мірскихъ суммъ; кромѣ того, совѣтуетъ обязать окружныя деревни: Капсихоръ, Кутлакъ, Ускутъ, Воронъ и другія содержать въ Таракташскомъ училищѣ обязательно дѣтей изъ своего общества, съ круговою платою за нихъ воспитаніе и числомъ хотя по 2 на 100 ревизскихъ душъ. «Съ «своей же стороны, говоритъ посредникъ, я найду возможность изъ волостей

«Арма-элинской и Сарайшинской *назначить, по приговору схода*, дѣтей на «счетъ мірскихъ же суммъ. Наконецъ, слѣдуетъ вспомнить, что крестьяне гор-«скихъ деревень богатѣйшіе изъ поселянъ уѣзда, и если бы пришлось обложить «для школы каждую ревизскую душу по 50 коп., то это нисколько бы не отя-«готило ихъ» (Изъ дѣла Ѳеодосійскаго мироваго съѣзда 1867 г., № 53).

Но истина требуетъ признать, что Татары, какъ *нація*, отличаются именно спокойствіемъ и честностію, что число преступленій и даже безпорядковъ среди Татаръ сравнительно не большое, а съ другой стороны, нельзя не вспомнить, что достойная сожалѣнія дѣятельность нѣкоторыхъ второстепенныхъ органовъ администраціи сама часто вызываетъ это покорное и тихое населеніе на поступки, нетерпимые въ гражданскомъ обществѣ. При этихъ обстоятельствахъ трудно ожидать, чтобъ одно изученіе русскаго языка могло загладить собою вредъ, наносимый живою дѣятельностью самихъ людей русскихъ. Мысль же, что фанатизмъ дѣлается тѣмъ упорнѣе, чѣмъ упорнѣе и открытѣе вражда противъ него, подтверждается исторіей и можетъ, кажется, считаться безусловно вѣрною.

Какъ на образецъ необдуманныхъ мѣръ, способныхъ принести несчастіе цѣлому краю и поселить безъ всякой пользы вражду между племенами, можно указать на мнѣніе бывшаго Симферопольскаго штатнаго смотрителя Демарато, который «пришелъ къ убѣжденію, что до закрытія мектебе и медресе, учебныя заведенія, учреждаемыя правительствомъ, никогда не будутъ имѣть достаточнаго числа учениковъ».

Историческій обзоръ мѣръ, которыя были предприняты съ цѣлію образованія крымскихъ Татаръ въ русскомъ духѣ, въ состояніи показать, что неуспѣхъ этихъ мѣръ въ значительной степени зависѣлъ отъ самаго характера мѣръ. Мы не можемъ сообщить никакихъ новыхъ подробностей о ходѣ русскаго образованія у крымскихъ Татаръ, кромѣ тѣхъ, которыхъ краткій очеркъ помѣщенъ въ упомянутой запискѣ *Журн. Мин. Народн. Просв.*, составленной по дѣламъ Таврической дирекціи. При императорѣ Александрѣ I-мъ, въ самомъ концѣ его царствованія, именно во время путешествія его по Тавридѣ, въ 1824 году, было въ первый разъ введено преподаваніе татарскаго языка въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ училищахъ, именно въ Ѳеодосійскомъ и Перекопскомъ, съ цѣлію привлечь въ русскія училища Татаръ, изъявившихъ желаніе учиться русскому языку и узнать русскіе законы. Это желаніе Татары выразили въ просьбѣ своей путешествовавшему императору. Долгое время спустя (въ 1859 году) татарскій языкъ былъ введенъ въ Симферопольское уѣздное училище. Въ 1837 году были учреждены въ Бахчисараѣ и Карасубазарѣ особые татарскіе классы, изъ которыхъ первый классъ 2 года былъ соединенъ съ русскимъ приходскимъ училищемъ. Въ 1843 году назначены были учителя русскаго языка

въ главные медресе Карасубазара и Бахчисарая. Основано было приходское училище въ Ногайскѣ, закрытое съ 1852 года, вслѣдствіе указа Таврическаго губернскаго правленія, отъ 8 декабря 1851 года, о прекращеніи отпуска суммы на содержаніе Ногайскаго училища съ 1-го января 1852 года, а Таврическая палата государственныхъ имуществъ открыла нѣсколько училищъ для образованія волостныхъ писарей, именно, въ Симферополѣ, переведенное потомъ въ Сарабузы, въ Сакахъ, въ Таракташѣ и Ушюнѣ.

Сакское училище основано въ 1841 году; курсъ имѣло, подобно другимъ волостнымъ училищамъ, 3-лѣтній; комплектъ учениковъ 20, программа преподаванія: ариѳметика до тройнаго правила, счетоводство на счетахъ, грамматика русская и *татарская* (?); также изучался *сборникъ постановленій для государственныхъ крестьянъ* и нѣсколько священныхъ магометанскихъ книгъ. Русскимъ учителемъ былъ Еврей Абрамъ Тихоновичъ, татарскимъ — Сеитъ Меметъ-Челеби. Закрыто въ военное время.

Содержаніе училищъ и поступленіе въ нихъ учениковъ сдѣлано было обязательнымъ для сельскихъ татарскихъ обществъ. А окончившіе курсъ должны были прослужить 10 лѣтъ волостными писарями по назначенію палаты, за очень скромное вознагражденіе. Но главнѣе всѣхъ этихъ мѣръ было учрежденіе Татарскаго училищнаго отдѣленія при Симферопольской гимназіи въ 1827 году. Исторія этого отдѣленія находится въ упомянутой мною запискѣ, напечатанной въ *Журналѣ Мин. Народн. Просв.*, и я не буду повторять ее.

Удались ли мѣры, предпринятыя правительствомъ съ цѣлію распространить среди крымскихъ Татаръ обще-русское образованіе? Нужно сказать прямо: совершенно не удались. Какія же были причины неудачи? Общія причины, разумѣется, заключаются въ трудности вліянія одного племени на другое, особенно если племена эти раздѣлены взаимною враждебностью своихъ религій и всей своей исторіи. Эта трудность дѣйствительно требуетъ для своего преодолѣнія долгаго періода времени и неослабныхъ систематическихъ усилій. Этого же не могло быть еще въ исторіи борьбы нашего образованія съ татарскимъ. Но кромѣ общихъ причинъ, нельзя не указать и на частныя, то есть, на ошибки въ теоретической и практической разработкѣ вопроса съ нашей стороны. Лучше всего ошибки эти могутъ быть видимы на исторіи учрежденія, игравшаго главную роль въ дѣлѣ образованія Татаръ, то-есть, на исторіи татарскаго училищнаго отдѣленія.

Важнымъ недостаткомъ этого заведенія была его крайняя неопредѣленность во всѣхъ отношеніяхъ. Заведеніе это состояло вмѣстѣ и въ вѣдомствѣ мѣстной администраціи, и въ вѣдомствѣ учебномъ. Его начальствомъ былъ и губернаторъ, и губернское правленіе, и директоръ Таврическихъ училищъ, и инспекторъ Симферопольской гимназіи, кромѣ непосредственно завѣдывавшихъ

имъ лицъ, то-есть, учителя и надзирателей. На дѣлѣ же изъ всѣхъ этихъ властей имѣли вліяніе на училище только надзиратели и учитель. Такая же неопредѣленность господствовала въ курсѣ ученія: ученики отдѣленія учились и въ приходскомъ училищѣ, и въ уѣздномъ, и въ гимназіи, въ то же время они должны были изучать не только законъ магометанской вѣры и татарскій языкъ, но впослѣдствіи даже разные восточные языки. Такая же неопредѣленность существовала въ образѣ жизни воспитанниковъ. Предписано было соблюдать въ отдѣленіи требованія магометанской религіи и обычаи Татаръ, а между тѣмъ воспитанники наряжены были въ гимназическіе мундиры и фуражки, и весь внутренній бытъ ихъ былъ устроенъ на обще-европейскій образецъ, совершенно такъ же, какъ въ другихъ русскихъ пансіонахъ и корпусахъ. Только чрезъ 12 лѣтъ по открытіи отдѣленія министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ ввести вмѣсто мундировъ черкески и весь вообще національный костюмъ. Надзирателями и учителями были и христіане (Мошкаловъ, Сончъ, Апостоловъ, Барнасузъ), и магометане (Боданинскій, Абдурраманъ Челеби, Крымъ-Хаваджа и др.).

Понятно, что подобная неопредѣленность въ устройствѣ заведенія должна была произвести, во-первыхъ, неуспѣшный ходъ дѣла въ самомъ заведеніи, во-вторыхъ, недовѣріе къ нему татарскаго населенія.

Каково было истинное положеніе дѣлъ въ училищномъ отдѣленіи, объ этомъ молва еще сохранилась до нашего времени.

Архивъ дирекціи, не смотря на обыкновенную скромность офиціальной переписки, даетъ нѣкоторую возможность повѣрить молвѣ. Приведемъ нѣкоторыя данныя. 3-го апрѣля 1839 года отобрана, чрезъ полицію, росписка отъ мурзы Ногаева, что «казеннаго воспитанника татарскаго училищнаго отдѣле-«нія Темиръ-Бея Б......а впредь *самоправно брать* не буду». 2-го марта ученикъ Б......ъ отлучился изъ заведенія, и, судя по бумагамъ, былъ разыскиваемъ еще 10-го апрѣля, то-есть, черезъ 5 недѣль. Въ спискѣ учениковъ татарскаго отдѣленія за 1838 годъ показано: «Темиръ-Бей Б......ъ 8 лѣтъ: его «надобно исключить, такъ какъ имѣющаго *слабость, могущую быть вред-«нымъ примѣромъ для другихъ*». Поведеніе его аттестовалось постоянно 0, а успѣхи 1. Между тѣмъ, не смотря на эту довольно очевидную аттестацію, ученикъ Б......ъ увольняется только въ 1840 году «за неуспѣшность». Въ томъ же спискѣ, писанномъ собственноручно исправлявшимъ должность инспектора Симферопольской гимназіи, Пв. Заставскимъ, интересна и другая аттестація: «Джелаледдинъ А....ъ, 21 года, имѣетъ способности и отчасти успѣваетъ, но «мало охоты къ ученію. *Его надобно сдѣлать гдѣ-нибудь учителемъ*» и также «*чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, ибо (?) онъ боленъ недугомъ, отъ родителей «вѣроятно полученнымъ*».

Въ другомъ дѣлѣ 1836 года надзиратель (онъ же экономъ) Мошкаловъ рапортуетъ директору, что дежурный ученикъ М......ъ, посланный имъ за булками, не хотѣлъ купить булокъ тамъ, гдѣ приказывалъ Мошкаловъ, а купилъ въ другомъ мѣстѣ, также и говядины, вмѣсто 4-хъ фунтовъ, принесъ 3; а чтобы скрыть свое плутовство, не далъ ее вѣшать и велѣлъ повару изрубить въ мелкіе кусочки; съ поваромъ этимъ сидѣлъ въ кухнѣ, тайно бесѣдуя, до 11-ти часовъ ночи, а потомъ жаловался директору, будто Мошкаловъ подговариваетъ его, М......а, не слушаться директора. Этотъ рапортъ былъ отвѣтомъ на строгій запросъ исправлявшаго должность директора, почему надзиратель Мошкаловъ позволяетъ себѣ ослушиваться директора; по полученіи объяснительнаго рапорта, ученикъ М......ъ резолюціей директора смѣненъ съ дежурства.

Ученіе шло также крайне неуспѣшно. Гимназія, которую должны были посѣщать воспитанники отдѣленія, находилась по прямому направленію въ 500 саженяхъ отъ отдѣленія, какъ доносилъ директоръ попечителю въ 1852 году; уѣздное училище — въ 225 саженяхъ. При отсутствіи въ городѣ мостовыхъ, при постоянныхъ дождяхъ и вѣтрахъ, господствующихъ въ Симферополѣ значительную часть года, ежедневное посѣщеніе классовъ за версту и полверсты не могло быть особенно удобно воспитанникамъ; особенно если принять въ соображеніе, что иногда воспитанники отдѣленія «сидѣли безъ сапогъ», какъ доносилъ 14-го мая 1838 года инспекторъ Заставскій директору. Нѣкоторые факты даютъ поводъ думать, что даже здоровье воспитанниковъ училищнаго отдѣленія страдало въ сильной степени, по крайней мѣрѣ въ первыя 11 лѣтъ существованія отдѣленія. Такъ, изъ 20 учениковъ, выбывшихъ изъ заведенія втеченіе этого времени, было 7 умершихъ. Это процентъ неслыханно-огромный, тѣмъ болѣе, что воспитанники отдѣленія большею частію были около 20-ти лѣтъ отъ роду и выше, то-есть, въ возрастѣ, не подверженномъ большой смертности. Можетъ быть, перемѣна свободной, физически-дѣятельной жизни на обстановку запертой и сидячей школьной жизни дѣйствовала губительно на молодыхъ горцевъ и степняковъ. Что они весьма тяготились своею новою жизнію и не сознавали пользы отъ своего ученія, на это есть множество доказательствъ.

Просьбы родителей объ увольненіи воспитанниковъ, по причинѣ неуспѣшности ихъ и зрѣлости возраста, наполняютъ дѣла дирекціи. Въ августѣ и сентябрѣ 1838 года пятеро просятъ увольненія, и имъ отказываютъ. Весною 1839 года опять отказъ на 4 новыя просьбы объ увольненіи; но въ 1840 году увольненіе это разрѣшается. Въ 40-мъ году, сверхъ того, еще 3 увольненія. Въ 1841 году двое опять просятся выйдти изъ заведенія и увольняются. Это взято только для примѣра; другіе годы представляютъ почти тоже, а между

тѣмъ весь комплектъ былъ въ 20 воспитанниковъ, и тотъ рѣдко бывалъ полонъ. Такъ, напримѣръ, въ 1838 году пять просьбъ было подано изъ числа 16 учениковъ, бывшихъ лѣтомъ. Въ то же время недовольство учениковъ заявляется и инымъ способомъ. Въ началѣ курса 1838 года идетъ переписка, чрезъ полицію, о своевольномъ невозвращеніи 2-хъ воспитанниковъ изъ отпуска домой на каникулы. О неоднократныхъ уходахъ Б......а изъ заведенія я уже говорилъ; воспитанникъ Мирза К......ъ два раза уходилъ самовольно изъ заведенія: въ 1-й разъ онъ былъ доставленъ отцомъ и наказанъ въ училищѣ, но во 2-й разъ «отецъ не могъ доставить его изъ родительскаго дома въ заведеніе», какъ увѣдомилъ онъ объ этомъ чрезъ своего брата.

Немудрено, что заведеніе было не по душѣ почти взрослымъ татарскимъ юношамъ, которые должны были посѣщать классы вмѣстѣ съ маленькими дѣтьми русскаго и другихъ племенъ, и притомъ еще не могли идти наравнѣ съ этими дѣтьми. По одному изъ списковъ учениковъ татарскаго отдѣленія оказывается, что нѣкоторые изъ нихъ были 24, 23, 22 и 21 года; одинъ двадцати-четырехлѣтній и одинъ двадцати-трехлѣтній сидѣли во 2-мъ классѣ гимназіи, другіе въ 3-мъ; въ 1-мъ классѣ уѣзднаго училища сидѣлъ 18-лѣтній, немного моложе въ приходскомъ классѣ. По другому списку видно, что изъ числа наличныхъ воспитанниковъ отдѣленія четверо находились въ немъ уже 9 лѣтъ, четверо 8 лѣтъ, трое 7 лѣтъ, четверо 6 лѣтъ и т. д. Столько лѣтъ они проводили въ отдѣленіи для того, чтобы подъ конецъ своего поприща уволиться по неуспѣшности или «по природной тупости» (донесеніе Крымъ-Хаваджи о двухъ братьяхъ мирзахъ Тобулевыхъ). Но между тѣмъ могли ли они слѣдить за ученіемъ вмѣстѣ съ русскими дѣтьми, если бы даже и хотѣли этого? Съ донесеніемъ Крымъ-Хаваджи о «природной тупости Миртазы и Мердимши Тобулевыхъ» можно сопоставить отзывы инспекторовъ, собственноручно аттестовавшихъ татарскихъ воспитанниковъ въ ежегодныхъ спискахъ. Въ спискѣ 1838 года, о которомъ я уже говорилъ, 11 учениковъ аттестованы *очень способными* и просто *способными*, два посредственными и два слабыми по способностямъ. Если ученики не успѣвали, то виною тому были не одни они, но въ значительной степени и само устройство учебной части отдѣленія. Въ отдѣленіи до 1847 года не было особаго приготовительнаго курса, вслѣдствіе чего всѣ труды учениковъ Татаръ, обремененныхъ съ перваго же года массою уроковъ на непонятномъ для нихъ языкѣ, должны были оставаться безплодными. Съ 1847 года первые четыре года посвящены были подготовительнымъ упражненіямъ въ русскомъ языкѣ; но эти упражненія отданы были въ руки надзирателю и не получили никакой систематичности и правильности; съ другой стороны, посѣщеніе гимназіи втеченіе слѣдующихъ 3-хъ лѣтъ не могло доставить имъ ничего, кромѣ отрывочныхъ свѣдѣній изъ предметовъ, преподавае-

мыхъ въ гимназіи втеченіе 7-ми лѣтъ. Посвященіе 8-го года на исключительное изученіе географіи и исторіи въ гимназіи врядъ ли могло имѣть серіозный результатъ и врядъ ли вызывалось какимъ-нибудь практическимъ соображеніемъ; да и какимъ образомъ воспитанники отдѣленія могли услѣдить за всѣми уроками этихъ предметовъ, которые легко могли происходить въ одинъ и тотъ же часъ? Нечего говорить, что, при обязанности посѣщать эти уроки, ихъ занятія съ приготовительнымъ курсомъ отдѣленія могли быть только случайны и крайне отрывочны. Курсъ татарскихъ медресе отличается своею трудностію и нелѣпостью пріемовъ, а между тѣмъ воспитанники отдѣленія обязаны были изучать его, сверхъ всѣхъ другихъ занятій своихъ, а съ 1838 года должны были, кромѣ арабскаго, изучать разные другіе восточные языки и нарѣчія. Кромѣ уроковъ магометанскаго закона, на одно изученіе восточныхъ языковъ назначено было не менѣе 12 уроковъ въ недѣлю.

Въ запискѣ, напечатанной въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за ноябрь 1867 г., обстоятельно указано на странную заботливость учебнаго вѣдомства объ изученіи Татарами татарскаго языка, для котораго не существовало литературы, и который не преподается до сего времени въ самихъ татарскихъ школахъ. Для изученія этого языка приходилось выписывать турецкія книги и даже рукописи изъ Константинополя; но и тамъ съ большимъ трудомъ находили требуемое. Такъ, въ 1837 году, дирекція выписываетъ, чрезъ Таврическаго губернатора, 7 книгъ изъ Константинополя. Изъ нихъ отыскиваются нашимъ посольствомъ только 2 книги (Исторія Наймы, въ двухъ томахъ, цѣна 500 піастровъ, и Лексиконъ Вакули, въ 2-хъ томахъ, 300 п.) и 2 рукописи (Исторія Александра Македонскаго, 1 т., цѣна 300 п., и Похожденія Насрединъ Хаджи, 1 томъ, 65 п.).

Какого же достоинства были эти турецкія книги? По порученію директора, татарскій учитель разсматриваетъ ихъ и находитъ одну изъ нихъ (Похожденія Хаджи) *соблазнительною*; директоръ рапортуетъ о книгѣ въ тѣхъ же выраженіяхъ попечителю округа, донося притомъ, что онъ продалъ ее за свою цѣну учителю татарскаго языка; но чрезъ нѣсколько дней является новый рапортъ, въ которомъ директоръ объясняетъ, что хотя онъ и донесъ, что книга о Хаджи учителемъ и муллою названа соблазнительною, «но такъ какъ впо-«слѣдствіи узналъ я, что *регистръ о всѣхъ сихъ безъ исключенія книгахъ «разсматриваемъ былъ начальствомъ, то и послѣдняя книга оставлена «вмѣстѣ съ прочими для воспитанниковъ»*, а учителю возвращены принятыя отъ него за книгу деньги.

Въ 1847 году, въ подробной инструкціи для изученія татарскаго языка въ Крыму, между прочимъ, для упражненія учащихся, «*по неимѣнію ничего, «ни писаннаго, ни печатаннаго на Крымскомъ нарѣчіи*», рекомендуется ту-

редкая книжка Сулейманъ Намо *не столько по внутреннему достоинству, какъ по дешевизнѣ. За лучшее же* признается выписать турецкое сочиненіе, изданное Бельметомъ, подъ заглавіемъ Contes turcs en langue turque, extraits du roman, intitulé: Les 40 vizirs (Paris 1842). «Книга сія впрочемъ *слишкомъ* «*дорога* и рѣдка; ее *можно перепечатать* у насъ, сократить въ объемѣ, и исключить *всѣ неприличныя статьи*, такъ чтобы изъ 260 стр. in 4° подлинника осталось не болѣе 120 in 8°».

На сколько полезенъ для воспитанниковъ 20-лѣтняго возраста турецкій романъ о приключеніяхъ 40 визирей, изъ котораго нужно выкинуть болѣе $^3/_4$ цѣлой книги *неприличныхъ статей*, можетъ судить всякій. Приведенные выше факты ясно говорятъ, на сколько руководствовались строгимъ педагогическимъ взглядомъ въ учебномъ дѣлѣ татарскаго отдѣленія, и какова бы должна быть «*восточная библіотека*», которую предполагалось открыть при отдѣленіи, по той же инструкціи.

Но и независимо отъ выбора пособій, преподаваніе было мало удовлетворительно не только въ отдѣленіи, но и въ самостоятельныхъ татарскихъ классахъ, напримѣръ, въ Бахчисараѣ, центрѣ магометанской образованности. 8-го февраля 1840 г. директоръ доноситъ попечителю, что вслѣдствіе *неодобрительности* занятій учителя магометанскаго закона АбдУррамана Челеби, «число учениковъ изъ Татаръ не только не увеличивается, но и опредѣленные уже весьма «рѣдко посѣщаютъ классъ, такъ что лѣтомъ посѣщаютъ не болѣе трехъ учениковъ, а *большую часть татарскаго класса составляютъ Греки и Армяне.* «Татары же преимущественно обучаются въ частныхъ школахъ»! Не могу сказать, тотъ ли же самый *Абдурраманъ Челеби* былъ впослѣдствіи учителемъ татарскаго языка въ отдѣленіи. Русскому языку татарскія дѣти обучались весьма оригинально, если судить по крайне скуднымъ даннымъ, оставшимся въ дѣлахъ дирекціи. Такъ, напримѣръ, въ вѣдомости о ходѣ ученія за мартъ 1843 годъ, всѣ 8 учениковъ Бахчисарайскаго училища (изъ которыхъ трое имѣли по 23 года, 2 по 22 и 1 — 21 годъ) имѣютъ по два балла изъ «*Словесности*». Тутъ же и объясненіе, въ чемъ состоитъ эта *словесность*: одинъ ученикъ *читаетъ изъ русскаго букваря повѣсть Умирающій Левъ*, другой изъ русскаго букваря: «*Одинъ Бѣдный Человѣкъ*» и т. д. Это способъ обученія русской грамотѣ временъ Ярослава I. Курсъ волостныхъ татарскихъ училищъ для писарей грѣшилъ тѣмъ же неисполнимымъ желаніемъ сразу сообщить невѣжественнымъ татарскимъ дѣтямъ всѣ познанія цивилизованнаго юношества, какимъ грѣшилъ и курсъ училищнаго отдѣленія, но еще съ меньшимъ правомъ. Вмѣсто 4-хъ правилъ ариѳметики изучается цѣлый курсъ ея до тройныхъ правилъ, изучается даже русская грамматика, которая по послѣднимъ программамъ нашихъ уѣздныхъ училищъ не проходилась систематически даже и въ нихъ, изучается сво-

его рода законовѣдѣніе, не считая уже обученія магометанскому закону, татарской грамматикѣ (?) и т. п.

Изъ всѣхъ этихъ замѣчаній вытекаетъ такое заключеніе: цѣль, имѣвшаяся въ виду при устройствѣ училищъ для Татаръ, не могла быть достигнута по непрактичности устройства этихъ училищъ; слѣдовательно, неуспѣхъ этихъ училищъ не долженъ лишать насъ надежды на удачный ходъ новыхъ учрежденій подобнаго рода, организованныхъ болѣе практично.

Татарское общество постоянно отдавало своихъ дѣтей въ училищное отдѣленіе: это фактъ знаменательный. Такія имена воспитанниковъ, какъ: сынъ мурзы Кипчакскаго, сынъ Анвази Бея Яшлавскаго, мурза Машурскій, племянникъ Крымтаева, сынъ мурзы Тайганскаго, Темиръ-Бей Бондриковъ, Уссинъ-Бей Ширванскій, Таифъ-Бей, Али-Мурза, Арсланъ-Бей-Качаларовъ, Кемалъ Элерскій, мурза Джаминскій, мурза Ширинскій, мурза Кантакузовъ, 2 брата мурзы Тобулевы, мурза Булгаковъ (сынъ Ялтинскаго уѣзднаго предводителя) и многія другія ясно свидѣтельствуютъ, что даже высшее дворянство татарское не чуждалось училищнаго отдѣленія; нѣкоторые изъ упомянутыхъ воспитанниковъ, напримѣръ, сыновья мурзы Кипчакскаго, Джаминскаго, Ширванскаго, Ассметова и друг., были помѣщены въ училище своекоштными за значительную для того времени плату по 300 руб. въ годъ. Другіе, хотя были и на казенномъ содержаніи, но, какъ видно изъ дѣлъ дирекціи, родные ихъ сами усиленно добивались опредѣленія своихъ дѣтей и родственниковъ въ училищное отдѣленіе, иногда получали отказъ за полнымъ комплектомъ воспитанниковъ и возобновляли свои ходатайства на слѣдующій годъ. Въ одномъ спискѣ учениковъ отдѣленія изъ 23-хъ воспитанниковъ — 3 своекоштныхъ, а дворяне почти всѣ; изъ нихъ 17 имѣютъ титулъ мурзы. Но всѣ эти мурзы также старательно спѣшатся потомъ выбраться изъ отдѣленія. Трудно думать, чтобы подобное явленіе имѣло мѣсто при успѣшномъ ходѣ дѣла въ училищномъ отдѣленіи.

Наконецъ, нельзя не обратить вниманія на весьма важный недостатокъ прежнихъ мѣръ къ образованію Татаръ. Мѣры эти были слишкомъ отрывочны, не исходили изъ одной общей системы. Записка въ ноябрской книжкѣ *Журн. Мин. Нар. Прос.* опровергаетъ мнѣніе попечителя Одесскаго учебнаго округа П. Г. Демидова о доказанной опытомъ безполезности татарскаго училищнаго отдѣленія, и указываетъ на тотъ фактъ, что отдѣленіе «доставляло большее «число учителей, нежели какое требовалось». Но въ этомъ-то отчасти и осужденіе училищному отдѣленію. Оно было учреждено внѣ всякой связи со школами, для которыхъ приготовляло учителей. Предложеніе учителей, дѣйствительно, превышало спросъ на нихъ; но въ томъ-то и дѣло, что училищное отдѣленіе должно было взять въ разсчетъ этотъ спросъ при самомъ основаніи своемъ. Необходимо было, тѣми или другими мѣрами, подѣйствовать на усиленіе спроса и привести

въ соотвѣтствіе съ нимъ предложеніе учителей отдѣленіемъ *). Не сдѣлано было ни одного серіознаго шага къ введенію русскаго языка въ татарскія училища, кромѣ назначенія учителей въ 2 медресе Карасубазара и Бахчисарая, уже 16 лѣтъ спустя по основаніи отдѣленія.

Школы волостныхъ писарей возникли въ другомъ вѣдомствѣ, съ особою цѣлію, и, слѣдовательно, не могутъ быть разсматриваемы какъ члены одной учебной системы съ училищнымъ отдѣленіемъ. Примѣръ Сакской школы доказываетъ, что школы эти не считали для себя обязательнымъ и даже, повидимому, полезнымъ приглашенія въ учителя воспитанниковъ татарскаго отдѣленія. Хотя до 1841 года (годъ основанія Сакской школы) отдѣленіе выпустило 9 человѣкъ, окончившихъ курсъ, не считая многихъ уволившихся, однако учителемъ русскаго языка принимается какой-то *Еврей* Тихоновичъ. Слѣдовательно, волостныя школы палаты государственныхъ имуществъ не находились въ связи съ татарскимъ училищнымъ отдѣленіемъ и не представляли обезпеченнаго поприща для его воспитанниковъ. Это обстоятельство не могло быть не замѣчено мѣстными жителями, отдававшими дѣтей своихъ на воспитаніе въ училищное отдѣленіе, и не могло не подѣйствовать вредно на стремленіе Татаръ получить воспитаніе въ этомъ отдѣленіи. Воспитаніе это не имѣло правильнаго исхода, не имѣло вѣрной цѣли, которая особенно необходима для привлеченія къ школѣ сочувствія непросвѣщеннаго общества. Замѣтимъ кстати, что и впослѣдствіи, когда дозволено было выпускать учениковъ отдѣленія въ переводчики присутственныхъ мѣстъ, эта мѣра осталась почти безъ приложенія. Такъ, напримѣръ, въ 1850 году директоръ хлопочетъ объ опредѣленіи переводчиками въ земскіе суды 4-хъ воспитанниковъ отдѣленія, окончившихъ курсъ, и въ отношеніи своемъ губернатору жалуется на то, что переводчиками въ суды назначаются необразованные Татары; но губернское правленіе отвѣчаетъ директору, что ни для одного изъ 4-хъ кандидатовъ не имѣется ни одной вакансіи переводчика. Такимъ образомъ, и этотъ новый исходъ для воспитанниковъ отдѣленія оказался также номинальнымъ. Немудрено послѣ этого, если «татарское училищ-«ное отдѣленіе доставляло большее число учителей, нежели какое требовалось».

Новыя мѣры, задумываемыя съ цѣлію распространить русское образованіе среди крымскихъ Татаръ, должны прежде всего опереться на этихъ 2-хъ пунктахъ, упущенныхъ прежними, то-есть, повести дѣло практично и въ системѣ, поучаясь ошибками прошлаго.

---

*) На это именно обстоятельство и было указано въ упомянутой запискѣ слѣдующими словами: «Польза его (училищнаго отдѣленія), а равно и самые успѣхи были бы гораздо значительнѣе, если бы та цѣль, для которой оно было основано, преслѣдовалась съ большею энергіей. Но, къ сожалѣнію, этого вовсе не было» (стр. 155 Совр. Лѣт. *Журн. Мин. Нар. Просв.* за ноябрь 1867 г.), но вина въ этомъ случаѣ падаетъ, очевидно, не на училищное отдѣленіе. *Ред*

II.

Отчетъ о дѣйствіяхъ особой коммиссіи, учрежденной для разсмотрѣнія и обсужденія вопроса объ устройствѣ образовательной части у крымскихъ Татаръ,—составленный, по порученію г. попечителя Одесскаго учебнаго округа, директоромъ училищъ Таврической губерніи Марковымъ.

Г. попечитель Одесскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ С. П. Голубцовъ, предложеніемъ отъ 29-го мая 1867 года за № 1,608, далъ знать директору Таврическихъ училищъ, что по поводу заявленія, въ отчетѣ о состояніи учебныхъ заведеній Одесскаго учебнаго округа за 1866 годъ, о настоятельной потребности для Таврической губерніи привлеченія въ русскія школы сей губерніи разнаго рода иновѣрцевъ, населяющихъ оную, преимущественно Татаръ, въ видахъ большаго сближенія ихъ съ русскимъ населеніемъ и вообще подчиненія высшей цивилизаціи; а также о необходимости, для достиженія сей цѣли, ввести обязательное изученіе русскаго языка во всѣ татарскія школы, учредивъ для этого особую школу, въ которой бы приготовлялись изъ Татаръ учителя русскаго языка, Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, обративъ особенное вниманіе на этотъ предметъ, какъ на дѣло государственной важности, въ предложеніи отъ 13-го мая прошлаго года, просилъ распоряженія г. попечителя Одесскаго учебнаго округа, для подробнаго и всесторонняго разсмотрѣнія и обсужденія этого важнаго дѣла, учредить особую коммиссію изъ опытныхъ въ этомъ дѣлѣ лицъ, съ привлеченіемъ къ участію въ этой коммиссіи такихъ дѣятелей, которые вполнѣ сочувствуютъ дѣлу, и затѣмъ, когда возбужденный вопросъ будетъ вполнѣ разработанъ, доставить Его Сіятельству подробныя о томъ свѣдѣнія. Предварительно учрежденія коммиссіи, его превосходительство, попечитель округа, предложилъ директору доставить ему имена тѣхъ изъ мѣстныхъ жителей, которые, по мнѣнію директора, съ пользою могли бы принять участіе въ предполагаемой коммиссіи, а также предложилъ и самому директору принять участіе въ трудахъ коммиссіи.

Вслѣдствіе этого были приглашены г. попечителемъ къ участію въ коммиссіи слѣдующія лица: Татарскіе мурзы Арсланъ Бей-Ташъ-Оглу, предводитель Евпаторійскаго дворянства, Абдувели-мурза Карашайскій, предводитель Перекопскаго дворянства, и ротмистръ Алибей Хункаловъ; члены учебнаго вѣдомства: окружный инспекторъ Пятинъ, Таврическій директоръ училищъ Марковъ, инспекторъ Симферопольской гимназіи Щерецкій, учитель той же гимназіи Казасъ и Симферопольскій штатный смотритель Кудрицкій; членъ Тав-

рическаго губернскаго училищнаго совѣта Бурачковъ, Симферопольскій градской голова Ивановъ, членъ Таврической губернской земской управы докторъ медицины Арендтъ, членъ Симферопольской управы Ржеплинскій, мировые посредники: Симферопольскій — Янушевскій и Ѳеодосійскій — Безкровный, докторъ Зеленкевичъ и г. Карауловъ. Предсѣдательство въ коммиссіи принялъ на себя, по просьбѣ г. попечителя округа, Таврическій губернаторъ, генералъ-лейтенантъ Жуковскій. Съ своей стороны, онъ пригласилъ къ участію въ коммиссіи еще слѣдующихъ лицъ: Таврическаго муфтія Сеитъ-Джелиля, Таврическаго кадіэскера, бывшаго Ялтинскаго предводителя дворянства Али-бея Булгакова, Таврическаго губернскаго предводителя дворянства Куликовскаго, управляющаго Таврическими государственными имуществами Шотта, мировыхъ посредниковъ: Евпаторійскаго — Августиновича, Ялтинскаго — Мазуревскаго, Перекопскаго — Краденова и Симферопольскаго — Браккера.

Г. предсѣдатель коммиссіи назначилъ первое засѣданіе коммиссіи на 2-е декабря 1867 года, такъ какъ къ этому числу должны были съѣхаться въ Симферополь члены Таврическаго земскаго собранія; но, въ ожиданіи общаго собранія коммиссіи, члены учебнаго вѣдомства, въ ней участвовавшіе, нашли нужнымъ въ частныхъ засѣданіяхъ своихъ выработать главныя основанія для предстоявшихъ обсужденій коммиссіи, такъ какъ при отсутствіи заранѣе подготовленнаго матеріала дѣло коммиссіи могло бы быть весьма затруднено. Въ частныхъ собраніяхъ, происходившихъ въ квартирѣ директора, принимали участіе окружный инспекторъ Пятинъ, директоръ Марковъ, инспекторъ гимназіи Щерецкій, учитель Казасъ, штатный смотритель Кудрицкій. Члены учебнаго вѣдомства при разработкѣ составленныхъ ими проектовъ отправлялись отъ слѣдующихъ главныхъ положеній: 1-е) Правительство должно имѣть въ виду исключительно образованіе Татаръ въ русскомъ духѣ, не принимая на себя заботъ о религіозномъ образованіи Татаръ и объ обученіи ихъ восточнымъ языкамъ. Это соотвѣтствуетъ и роли правительства, и требованію благоразумія, которое должно по возможности охранять мѣры правительства отъ подозрѣнія ихъ въ посягательствѣ на неприкосновенность иновѣрческихъ религій. 2-е) Чтобы возбудить въ татарскомъ населеніи возможно большее довѣріе и сочувствіе къ предполагаемымъ мѣрамъ, нужно удалить изъ проекта всякія насильственныя распоряженія со стороны правительственныхъ органовъ, а предоставить принудительную иниціативу доброму желанію самого татарскаго общества, представителей котораго слѣдуетъ расположить въ пользу предполагаемыхъ мѣръ, убѣдивъ въ необходимости ихъ для интереса самихъ Татаръ. 3-е) Слѣдуетъ ограничиться на первое время самыми скромными и практическими требованіями, такъ какъ первый шагъ долженъ рѣшить судьбу всего дѣла. Чѣмъ незамѣтнѣе привьется къ татарской жизни первый опытъ русскаго образованія,

тѣмъ прочнѣе и легче будетъ развитіе этого образованія въ будущемъ. Мѣстныя мѣры съ этой точки зрѣнія предпочтительнѣе общихъ. 4-е) Слѣдуетъ дать возможность представителямъ русской народности, не возбуждая недовѣрія Татаръ, знакомиться съ направленіемъ ихъ образованія, для обезпеченія края отъ анти-національныхъ стремленій. Въ этихъ именно видахъ предположена подвѣдомственность татарскихъ училищъ, наравнѣ съ прочими, мѣстнымъ училищнымъ совѣтамъ, служащимъ столько же органами правительства, сколько и мѣстнаго общества. 5-е) Слѣдуетъ остановиться прежде всего на такихъ мѣрахъ, которыя бы заключали въ себѣ крѣпкую основу для будущаго развитія дѣла, именно, на подготовленіи надежныхъ учителей русскаго языка для татарскихъ школъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ ожиданіи, пока принесетъ желаемые плоды эта органическая мѣра, требующая для своего осуществленія значительныхъ средствъ и времени, нужно приступить къ дѣлу немедленно, съ помощію наличныхъ средствъ. 6-е) Имѣть въ виду двѣ цѣли: образовать простой народъ и образовать высшее сословіе Татаръ, такъ какъ обѣ цѣли требуютъ совершенно различныхъ способовъ для своего осуществленія. 7-е) Приведеніе въ исполненіе мѣръ, необходимыхъ для достиженія предположенной цѣли, должно быть вполнѣ практично; практичность требуетъ съ одной стороны возможной умѣренности расходовъ на содержаніе училищъ и съ другой—цѣлесообразнаго устройства ихъ. Первое можетъ быть достигнуто совершенною простотою матеріальной обстановки училищъ и ограниченіемъ ихъ курса насущно необходимыми предметами; второе—тѣмъ же ограниченіемъ объема курса и обезпеченнымъ положеніемъ персонала училищъ, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніяхъ. Примѣры прошлаго убѣждаютъ, что стремленіе къ излишнему распространенію объема преподаванія безъ пользы надрывало силы учащихся и совершенно не соотвѣтствовало ихъ потребностямъ. 8-е) Исключительная важность вопроса заставляетъ принимать исключительныя мѣры для привлеченія въ предполагаемыя училища учениковъ, учащихъ и распорядителей, почему не слѣдуетъ затрудняться несоотвѣтствіемъ служебнаго положенія учащихъ и начальствующихъ и разныхъ льготъ для татарскихъ учениковъ, оканчивающихъ курсъ, съ подобными же положеніемъ и льготами въ существующихъ общихъ училищахъ Имперіи.

Къ этимъ убѣжденіямъ членовъ учебнаго вѣдомства привело практическое знакомство ихъ съ характеромъ и взглядами крымскихъ Татаръ, а также внимательное разсмотрѣніе судьбы тѣхъ мѣръ, которыя принимались правительствомъ въ прежнее время въ пользу образованія Татаръ. Съ судьбою этою члены учебнаго вѣдомства ознакомились изъ архивныхъ дѣлъ Таврической дирекціи и изъ весьма обстоятельной записки о способахъ образованія крымскихъ Татаръ, составленной членомъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Про-

свѣщенія Георгіевскимъ, на основаніи тѣхъ же дѣлъ. Сверхъ того, члены учебнаго вѣдомства основывали свои соображенія на нѣкоторыхъ данныхъ о современномъ состояніи образованія у крымскихъ Татаръ, извлеченныхъ г. окружнымъ инспекторомъ Пятинымъ и штатнымъ смотрителемъ Кудрицкимъ изъ дѣлъ Таврическаго магометанскаго духовнаго правленія и другихъ присутственныхъ мѣстъ. Записка г. Георгіевскаго помѣщена въ настоящее время въ № XI *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1867 годъ; она состоитъ изъ историческаго очерка мѣръ, предпринятыхъ въ разное время, съ цѣлію развитія образованія среди крымскихъ Татаръ, и изъ оцѣнки этихъ мѣръ авторомъ. Впрочемъ, послѣдняя сторона въ ней второстепенная, такъ какъ авторъ ввелъ ее только какъ матеріалъ для разсужденій предстоявшей коммиссіи. Изъ мнѣній г. Георгіевскаго члены коммиссіи отъ учебнаго вѣдомства не могли раздѣлить мнѣнія о пользѣ принудительнаго обученія Татаръ и о необходимости кореннаго преобразованія медрессе.

Въ подкрѣпленіе этихъ взглядовъ своихъ, г. Георгіевскій указалъ главнымъ образомъ, вопервыхъ, на мнѣніе бывшаго Таврическаго директора училищъ, А. В. Самойлова, выраженное имъ въ запискѣ 1843 года, составленной для профессора Григорьева, осматривавшаго татарскія училища въ Крыму; вовторыхъ, на мнѣніе бывшаго Симферопольскаго штатнаго смотрителя, Демарато; въ-третьихъ, на относительно успѣшный ходъ татарскаго училищнаго отдѣленія при Симферопольской гимназіи и волостныхъ школъ Таврической палаты государственныхъ имуществъ, которыя были основаны на системѣ принудительнаго обученія. Бѣглой запискѣ директора Самойлова, который высказалъ въ ней сужденія объ отношеніи Татаръ къ образованію, противорѣчащія общеизвѣстнымъ статистическимъ фактамъ, и совершенно невѣрно изобразилъ способы обученія въ татарскихъ медрессе, врядъ ли можно придавать особое значеніе. Въ волостныя училища, которыхъ преимущество выставляетъ записка, татарскія общества, какъ всѣмъ извѣстно, отдавали сиротъ, бѣдняковъ и вообще оборышей населенія, нанимая ихъ, какъ нанимаютъ крестьяне охотниковъ въ рекруты. При такихъ обстоятельствахъ, ученики, выходившіе изъ школъ, не могли имѣть никакого авторитета въ глазахъ татарскаго общества, и дѣйствительно, какъ показываетъ опытъ, они безслѣдно изчезли въ массѣ населенія, не внеся въ него никакого образовательнаго движенія. Въ училищное же отдѣленіе, во-первыхъ, ученики поступали безъ принужденія; дѣла Таврической дирекціи наполнены прошеніями бѣдныхъ мурзаковъ къ губернаторамъ объ опредѣленіи ихъ дѣтей и родственниковъ на казенное содержаніе; на нѣкоторыя изъ этихъ прошеній послѣдовали даже отказы. Сверхъ того, въ отдѣленіи постоянно были своекоштные воспитанники. Во-вторыхъ, училищное отдѣленіе ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить доводомъ въ пользу системы

принудительнаго обученія. Если бѣдные люди, соблазняемые казеннымъ содержаніемъ и открытою карьерою, отдавали своихъ дѣтей въ училищное отдѣленіе, то нельзя скрыть, что большинство ихъ осаждало потомъ начальство просьбами объ увольненіи этихъ дѣтей. Втеченіе 38 лѣтъ формальнаго существованія училищнаго отдѣленія (изъ нихъ только 28 лѣтъ дѣйствительнаго) кончило въ немъ курсъ всего 25 воспитанниковъ. Но и изъ нихъ большинство было выпущено только потому, что, по отзыву начальства, не оказывали способности къ ученію. Къ такимъ принадлежатъ почти всѣ, получившіе званіе переводчиковъ; ихъ было 12 изъ 25. Такъ, напримѣръ, переводчикъ при князѣ Воронцовѣ Абдураманчиковъ кончилъ курсъ только въ 1-мъ классѣ гимназіи. Поступившіе въ военную службу (1) и въ писцы (1) принадлежатъ къ этому же разряду. Собственно же въ учителя сельскихъ и другихъ училищъ выпущено 9, да 2 поступило въ институтъ восточныхъ языковъ. Первый выпускъ учениковъ былъ черезъ 8 лѣтъ по открытіи училища, то-есть, 1835 года, выпущены 2; въ 1836 году — 1, въ 1837 — 4, въ 1838 — 1, въ 1839 и 1840 ни одного, въ 1841 — 1, въ 1842 — ни одного, въ 1843 — 2, въ 1844 — 1, въ 1845, 1846, 1847 — ни одного, въ 1848 — 5, въ 1849 — 2, въ 1850 — 4, въ 1851 — 1. Такой результатъ нельзя назвать даже и относительно успѣшнымъ. Но дѣйствительно окончившихъ курсъ было еще наполовину меньше; можно безъ ошибки принять, что отдѣленіе приготовляло по одному ученику въ каждые 2 года. Ежегодно отпускалось на училище 3,000 рублей серебромъ, слѣдовательно, приготовленіе каждаго ученика обходилось около 6,000 рублей, или немного менѣе, если принять въ разсчетъ, что до 1838 года отпускалось не 3,000 р., а только 2,430 рублей въ годъ. 6,000 рублей составляетъ 5% съ 120,000 р., слѣдовательно не менѣе 100,000 р. нужно было затратить для образованія одного татарскаго школьнаго учителя, неспособнаго сравниться съ обыкновеннѣйшимъ изъ нашихъ приходскихъ учителей. Но и при этихъ условіяхъ невозможно равнять судьбу татарскаго училищнаго отдѣленія, существовавшаго на средства правительства 38 лѣтъ, имѣвшаго обширные размѣры и порученнаго ближайшему вѣдѣнію губернскаго учебнаго начальства, съ судьбою какихъ-нибудь татарскихъ приходскихъ классовъ въ Бахчисараѣ и въ Карасубазарѣ. Поэтому невозможно и опирать на этомъ сравненіи мнѣнія о преимуществѣ принудительной системы обученія предъ добровольною. Ревнители принудительнаго обученія доходили до того, что бывшій Симферопольскій штатный смотритель Демарато, въ донесеніи своемъ директору, высказалъ мысль о невозможности развитія правительственныхъ училищъ, *если не будутъ закрыты мектебы и медрессе.* Такія мѣры особенно заманчивы своею простотою и, пожалуй, нѣкоторымъ наружнымъ результатомъ; но нужно ли доказывать, что подобное насилованіе убѣжденій и

привычекъ цѣлаго племени поселяетъ въ немъ непримиримую ненависть къ непрошеннымъ цивилизаторамъ и въ корнѣ подкапываетъ даже отдаленную возможность слитія его съ ними въ одной духовной жизни? Ничто такъ не окрыляетъ фанатизма, какъ упорное открытое преслѣдованіе его. Съ другой стороны, крымскіе Татары въ послѣднее время проявляютъ очевидное стремленіе къ изученію русскаго языка и къ участію въ нѣкоторыхъ практическихъ сферахъ русской жизни. Вездѣ, гдѣ удается успокоить ихъ религіозную подозрительность, они дѣлаютъ шагъ впередъ къ сближенію съ Русскими. Въ Ногайскѣ, гдѣ они были убѣждены въ защитѣ всѣхъ своихъ интересовъ, татарскія дѣти безъ затрудненія посѣщали общее приходское училище вмѣстѣ съ дѣтьми другихъ націй. Въ частной школѣ г-жи Римско-Корсаковой, въ г. Ялтѣ, 4 татарскихъ мальчика стали учиться французскому языку и другимъ предметамъ, наравнѣ съ прочими учениками; въ Сарабузѣ мировому посреднику удалось уговорить Татаръ къ посѣщенію русскаго приходскаго училища, и теперь туда ходятъ 12 учениковъ Татаръ. Въ Симферопольской гимназіи въ прошломъ учебномъ году было 4 воспитанника изъ Татаръ; нѣкоторые богатые Татары стали отдавать своихъ дѣтей въ частные пансіоны къ учителямъ и другимъ лицамъ. Нужно сознаться, что неосторожное, а часто и недобросовѣстное обхожденіе съ Татарами многихъ представителей русской народности, въ значительной степени послужило къ укорененію въ нихъ недовѣрія къ образовательнымъ мѣрамъ нашего правительства. Съ другой стороны, это недовѣріе намѣренно питается происками магометанскаго духовенства и даже турецкими агентами, которые, пользуясь послабленіемъ нѣкоторыхъ второстепенныхъ органовъ мѣстной администраціи, не только безпрепятственно проживаютъ въ Крыму, по турецкимъ паспортамъ, но даже, какъ говорятъ, занимаютъ должности учителей во многихъ татарскихъ училищахъ. Бороться противъ такихъ вліяній необходимо такимъ же духовнымъ оружіемъ, если мы искренно хотимъ доставить Татарамъ благодѣяніе. Необходимо подрывать авторитетъ татарскихъ лжеучителей и лжедрузей фактическими доказательствами нашего благорасположенія къ нимъ и нашей благонамѣренности, осторожно подступать къ ихъ завѣтнымъ вѣрованіямъ и предразсудкамъ, и, главнѣе всего, какъ можно далѣе отстранять отъ нихъ любителей безцеремонныхъ мѣръ, разрубающихъ узлы большею частію для собственнаго удобства. Знаменательно заявленіе важнѣйшихъ представителей Татаръ, что они нисколько не устраняютъ своихъ училищъ отъ надзора учебнаго вѣдомства, но не желаютъ только вмѣшательства администраціи.

Всѣ эти соображенія легли въ основу проекта устройства образовательной части у крымскихъ Татаръ, выработаннаго членами учебнаго вѣдомства. Проектъ этотъ раздѣляется на два отдѣла: 1) мѣры къ образованію простаго народа и 2) мѣры къ образованію дѣтей высшаго сословія Татаръ. 1-й отдѣлъ

заключаетъ въ себѣ двѣ главныя мѣры: во-первыхъ, учрежденіе особой татарской учительской школы въ г. Симферополѣ, и, во-вторыхъ, введеніе русскаго преподаванія первоначально въ существующіе медресе. По этому проекту, учительская школа должна быть закрытымъ заведеніемъ, устроеннымъ приблизительно на 45 воспитанниковъ, съ упрощеннымъ курсомъ уѣздныхъ училищъ, съ 3-мя двухгодичными классами. Начальникомъ долженъ быть человѣкъ высшаго образованія, знакомый хорошо съ татарскимъ языкомъ. Учителей предположено 4, кромѣ муллы, и 2 воспитателя. Знаніе татарскаго языка, для всѣхъ желательное, для учителей приготовительнаго класса и русскаго языка признается обязательнымъ. На предметы религіозные отдѣлено 2 дня: пятница (праздникъ магометанъ) и воскресенье; на русскіе предметы остальные 4 дня по 5-и часовъ ежедневно. Содержаніе училища и способы избранія и помѣщенія воспитанниковъ предоставлены татарскому обществу, по проектированному бюджету. Собственно на содержаніе каждаго воспитанника назначено 100 рублей, не считая вознагражденія чиновниковъ и расходовъ на помѣщеніе и первоначальное обзаведеніе. Весь расходъ предположенъ въ 9,390 рублей въ годъ, 1,900 рублей единовременно на первоначальное обзаведеніе, и помѣщеніе въ натурѣ или наемная плата по 700 рублей въ годъ. За содержаніе своекоштнаго воспитанника назначено 150 р. въ годъ, за полупансіонера 50 р., вольноприходящимъ предоставляется посѣщать классы безплатно. Воспитанники общественные обязаны прослужить учителями въ татарскихъ училищахъ 6 лѣтъ. Остальныя подробности можно видѣть изъ проекта.

Вторая мѣра 1-го отдѣла проекта заключается въ немедленномъ введеніи преподаванія русскаго языка и начальной ариѳметики въ главнѣйшихъ татарскихъ медрессе. Учителями въ нихъ предположено допускать на первое время, по необходимости, даже лицъ, не имѣющихъ права на преподаваніе. Надзоръ за преподаваніемъ русскаго языка и ариѳметики въ татарскихъ школахъ предположено ввѣрить уѣзднымъ училищнымъ совѣтамъ, присоединивъ съ этою цѣлію къ ихъ составу членовъ отъ татарскаго общества и устранивъ участіе въ дѣлахъ татарскихъ училищъ членовъ отъ правительства. Начальнику татарской учительской школы вмѣнено въ обязанность осматривать татарскія народныя училища.

Отдѣлъ проекта, касающійся образованія дѣтей высшаго класса Татаръ, также содержитъ въ себѣ 2 главныя мѣры: во-первыхъ, устройство при Симферопольской гимназіи приготовительнаго класса для Татаръ, съ цѣлію облегчить имъ поступленіе въ гимназію; во-вторыхъ, для той же цѣли, устройство въ предполагаемомъ при Симферопольской гимназіи пансіонѣ особаго отдѣленія для Татаръ. Отдѣльный приготовительный классъ необходимъ потому, что по указаніямъ опыта, для татарскихъ дѣтей невозможно обученіе, совмѣстное

съ русскими дѣтьми. Причина этому какъ незнакомство Татаръ съ русскимъ языкомъ, составляющимъ для нихъ непреодолимое препятствіе въ каждомъ предметѣ преподаванія, такъ и непривычка татарскаго юношества къ умственнымъ работамъ. Ихъ первые шаги на пути просвѣщенія по необходимости должны быть значительно медленнѣе нашихъ. Предположеніе объ устройствѣ отдѣленія въ пансіонѣ вызвано двумя побужденіями: во-первыхъ, желаніемъ обезпечить татарскимъ дѣтямъ соблюденіе ихъ религіозныхъ и племенныхъ обычаевъ; во-вторыхъ, необходимостію упражнять ихъ въ разговорномъ русскомъ языкѣ.

По мѣрѣ обсужденія и окончательной выработки подробностей своего проекта, члены учебнаго вѣдомства постепенно знакомили съ своими работами г. предсѣдателя коммиссіи, съ цѣлію дать возможность другимъ членамъ коммиссіи основательно оцѣнить ошибки и достоинства проекта, прежде чѣмъ наступитъ время къ формальному разбору его въ составѣ цѣлой коммиссіи.

Сверхъ того, попечителю округа, какъ главному учредителю коммиссіи, постоянно доносилось о ходѣ работъ членовъ учебнаго вѣдомства, и его превосходительство направлялъ эти работы своими указаніями.

Къ первому засѣданію коммиссіи 2-го декабря, въ квартирѣ предсѣдателя, съѣхались всѣ приглашенные члены, за исключеніемъ 2-хъ. По заявленіи г-мъ предсѣдателемъ о цѣли собранія коммисіи и о важности предстоящаго ей труда для будущности края, была прочитана записка о мѣрахъ къ образованію Татаръ, составленная гг. мурзами Арсланъ-Беемъ и Карашайскимъ. Записка эта *) заключаетъ въ себѣ слѣдующее мнѣніе: Татары вполнѣ сознаютъ недостатокъ образованія въ средѣ своего племени и вредъ, отъ этого происходящій. Они сознаютъ необходимость введенія русскаго языка въ татарскія школы. Но, въ виду религіознаго предубѣжденія наименѣе образованной части татарскаго общества къ христіанскимъ школамъ, составители мнѣнія полагали бы полезнымъ на первое время ограничиться введеніемъ преподаванія русскаго языка въ размѣрѣ курса уѣздныхъ училищъ въ существующихъ уже медресе, посредствомъ учителей магометанской вѣры, оставивъ безъ измѣненія обученіе дѣтей въ мектебахъ, или первоначальныхъ татарскихъ школахъ. Чтобы поселить въ необразованныхъ людяхъ стремленіе къ образованію, полезно было бы дать нѣкоторыя преимущества ученикамъ, оканчивающимъ курсъ въ медресе, именно — дать имъ право занимать магометанскія духовныя должности, безъ различія происхожденія. Эта мѣра уничтожила бы наслѣдственность магометанскаго духовнаго званія, столь вредную въ настоящее время. Средства для введенія русскаго языка въ медресе составители мнѣнія находятъ въ тѣхъ вакуфныхъ имуществахъ, которыя въ разныя времена были пожертвованы мечетямъ, нынѣ покинутымъ, за

*) Она помѣщается далѣе подъ № III

выходомъ Татаръ. Эти вакуфы должны быть проданы, и доходъ съ вырученнаго капитала обращенъ на содержаніе медресе въ новомъ видѣ. При этомъ составители мнѣнія полагаютъ необходимымъ, устранивъ земство и администрацію отъ завѣдыванія какъ школами, такъ и капиталами ихъ, образовать съ этою цѣлію особые комитеты, въ которыхъ должны участвовать почетнѣйшіе Татары, по избранію, и нѣкоторыя изъ лицъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Инспекторомъ всѣхъ медресе губерніи долженъ быть кади-эскеръ, а высшій контроль за употребленіемъ доходовъ изъ капитала должно предоставить начальнику губерніи, губернскому предводителю дворянства, директору училищъ и муфтію.

Сверхъ того, мнѣніе указываетъ на необходимость облегченія дѣтямъ мурзъ доступа въ гимназію посредствомъ освобожденія ихъ отъ обязательнаго изученія иностранныхъ языковъ.

Затѣмъ прочитанъ былъ 1-й отдѣлъ вышеупомянутаго проекта членовъ учебнаго вѣдомства.

Изъ прочтенія этихъ двухъ мнѣній оказалось, что оба они сходятся какъ въ цѣли, такъ и въ основныхъ принципахъ, и только разнятся относительно нѣкоторыхъ средствъ исполненія. Члены учебнаго вѣдомства, убѣжденные, какъ и мурзы, въ необходимости устранить всякое недовѣріе Татаръ къ предполагаемымъ мѣрамъ, въ то же время не считали возможнымъ найдти для будущихъ татарскихъ школъ полезныхъ учителей и воспитателей одного только магометанскаго исповѣданія, и потому устранили изъ своего проекта вопросъ о вѣроисповѣданіи учителей.

Точно также члены учебнаго вѣдомства не предполагали со стороны Татаръ недовѣрія къ земству, и потому предположили въ проектѣ надзоръ училищныхъ совѣтовъ, въ которыхъ участвуютъ члены отъ земства и отъ Татаръ.

Вопросъ объ источникахъ содержанія татарскихъ училищъ не былъ совсѣмъ возбужденъ при составленіи проекта членами учебнаго вѣдомства, такъ какъ этотъ вопросъ надлежало разработать именно представителямъ Татаръ, знающимъ свои средства лучше другихъ членовъ коммиссіи. Точно также вопросъ о правѣ учениковъ, оканчивающихъ курсъ въ медресе съ знаніемъ русскаго языка, поступать въ духовное званіе могъ быть поднятъ только самими Татарами, такъ какъ онъ имѣетъ въ виду существенную реформу въ положеніи магометанскаго духовенства, а всѣ подобные вопросы члены учебнаго вѣдомства сочли болѣе благоразумнымъ оставить безъ разсмотрѣнія. Курсъ уѣздныхъ училищъ для медресе, вмѣсто курса первоначальной народной школы, въ проектъ мурзъ былъ включенъ вслѣдствіе неполнаго знакомства ихъ съ размѣрами курсовъ русскихъ училищъ; поэтому отмѣна этого пункта не встрѣтила препятствій. Въ сущности мурзы не соглашались съ проектомъ членовъ учебнаго вѣдомства только въ одномъ значительномъ пунктѣ: они не хотѣли учи-

тельской школы, вѣроятно, устрашенные высокою цифрой ея бюджета. Впрочемъ, вслѣдствіе затруднительности объясненій съ Татарами и неполнаго усвоенія ими содержанія прочитаннаго проекта, засѣданіе прошло въ весьма горячихъ спорахъ сторонниковъ двухъ мнѣній. По предложенію одного изъ членовъ, коммиссія, наконецъ, выбрала изъ своей среды нѣсколькихъ лицъ, принимавшихъ болѣе близкое участіе въ дѣлѣ, и поручила имъ въ частномъ собраніи согласиться въ главныхъ основаніяхъ проекта о мѣрахъ къ образованію Татаръ. Частное собраніе этихъ лицъ состоялось 4-го декабря въ квартирѣ директора Таврическихъ училищъ. Въ немъ приняли участіе: кади-эскеръ, мурзы Арсланъ-Бей и Карашайскій, всѣ члены учебнаго вѣдомства, мировые посредники Япушевскій, Августиновичъ и Краденовъ, городской голова Ивановъ, докторъ Зеленкевичъ и г. Безкровный. Представители Татаръ обнаружили уже на первомъ общемъ засѣданіи нежеланіе дѣлать уступки въ существеннѣйшихъ вопросахъ; они поставили неизбѣжнымъ условіемъ, чтобъ учителя и начальство школъ были мусульмане; на возраженія членовъ, что нельзя найдти столькихъ образованныхъ мусульманъ, знающихъ притомъ хорошо по-русски, мурзы обѣщали вызвать мусульманъ изъ Казани и Оренбурга, гдѣ образованіе развито больше въ татарскомъ населеніи. Кади-эскеръ привелъ весьма существенный доводъ, что по шаріяту доходъ съ вакуфовъ не можетъ поступать въ пользу иновѣрцевъ; слѣдовательно, при несоблюденіи вышеупомянутаго условія нельзя будетъ употребить въ пользу образованія указанный Татарами источникъ. Необходимо было уступить Татарамъ въ этомъ пунктѣ, такъ какъ отъ искренняго содѣйствія высшаго татарскаго духовенства и дворянства, а равно отъ обращенія на содержаніе училищъ вакуфныхъ имѣній, только и можно было ожидать успѣха предположеннымъ мѣрамъ, тѣмъ болѣе, что представители Татаръ стояли за вышеприведенное условіе въ видахъ успокоенія на первыхъ порахъ религіозной подозрительности ихъ соплеменниковъ, и подавали надежду, что впослѣдствіи, когда татарское населеніе привыкнетъ къ новымъ школамъ, будетъ возможно дѣлать исключенія изъ правила. Вообще они выражали мнѣніе, что вся будущность вопроса зависитъ отъ настоящаго шага; что онъ только одинъ представляетъ серіозное затрудненіе, и потому его не слѣдуетъ усложнять нескромными требованіями. Желаніе взять въ свои руки распоряженіе вакуфными имуществами и измѣнить невыгодное для народа положеніе магометанскаго духовенства замѣною наслѣдственности духовнаго званія пріобрѣтеніемъ этого званія по экзамену—составляло существенный мотивъ дѣятельности мурзъ, приглашенныхъ въ коммиссію. Вмѣстѣ съ тѣмъ они высказывали очевидное желаніе устранить отъ вмѣшательства въ свои дѣла представителей администраціи. Они обѣщали сдѣлать много, гораздо болѣе, по ихъ словамъ, чѣмъ проектировали члены учебнаго вѣдомства, если только ихъ не будутъ торопить и принуждать.

Съ этой точки зрѣнія они не соглашались на немедленное устройство учительской школы, а предлагали отложить это до времени, пока они успѣютъ ввести въ медрессе русское преподаваніе. Послѣ сильныхъ споровъ, они однако уступили въ этомъ важномъ вопросѣ, отсрочка котораго была бы немыслима по самому существу дѣла. Такъ какъ сами Татары изъявили желаніе подчинить учебную часть въ своихъ школахъ учебному вѣдомству, съ тѣмъ, чтобъ его члены между прочимъ, участвовали въ испытаніяхъ учениковъ и въ выдачѣ имъ аттестатовъ, и такъ какъ, съ другой стороны, они не находили рѣшительно никакой возможности подчинить свои медрессе, или духовныя академіи, вѣдѣнію училищныхъ совѣтовъ, въ которыхъ главнѣйшее участіе имѣетъ православное духовенство, то коммиссіи не было повода отказать представителямъ Татаръ въ этомъ желаніи ихъ.

Хотя проектъ членовъ учебнаго вѣдомства не требовалъ отъ Татаръ обязательнаго поступленія дѣтей въ учительскую школу, однако предполагалось, что вообще татарское общество должно обязаться помѣщать въ учительскую школу установленное число воспитанниковъ тѣми способами, какіе само найдетъ удобными, безъ всякаго вмѣшательства начальства въ это дѣло. Но послѣ заявленія мурзъ и большинства членовъ коммиссіи о томъ, что подобное обязательство только уничтожитъ въ Татарахъ довѣріе къ заведенію, и что, съ другой стороны, не можетъ быть сомнѣнія въ добровольномъ поступленіи въ эту школу нужнаго числа воспитанниковъ, рѣшено было исключить изъ проекта всякое условіе обязательности. Напротивъ того, мурзы нашли справедливымъ требовать, чтобы всѣ ученики медрессе, въ которомъ введено русское преподаваніе, были обязаны слушать его. Само же введеніе русскаго преподаванія въ то или другое медрессе, на счетъ вакуфовъ, слѣдуетъ предоставить доброй волѣ татарскаго общества. Съ этимъ условіемъ нужно было согласиться въ тѣхъ же видахъ возбужденія довѣрія Татаръ, о которыхъ уже была рѣчь. Не только мурзы, но и многіе крымскіе старожилы изъ Русскихъ, участвовавшіе въ коммиссіи, изъявляли увѣренность, что безъ принужденія дѣло пойдетъ успѣшнѣе.

Затѣмъ были сдѣланы нѣкоторыя поправки и добавленія, касающіяся распредѣленія времени, количества вознагражденія учителей, правъ оканчивающихъ курсъ по отношенію къ духовнымъ званіямъ, участія магометанскаго духовенства въ училищахъ и т. п. частностей, не измѣняющихъ сущности проекта.

Въ послѣднемъ общемъ засѣданіи коммиссіи, происходившемъ въ квартирѣ г. предсѣдателя 5-го декабря, была прочитана сначала записка члена г. Караулова, не участвовавшаго въ частномъ засѣданіи *). Г. Карауловъ, основательно знакомый съ бытомъ крымскихъ Татаръ и вообще восточныхъ народовъ,

*) Записка эта помѣщается ниже подъ № IV.

высказалъ въ своей запискѣ взгляды, чрезвычайно близко подходившіе къ тѣмъ, которые легли въ основу работъ частной коммиссіи. Г. Карауловъ ставилъ непремѣннымъ условіемъ нашихъ образовательныхъ мѣръ въ пользу татарскаго народа совершенное устраненіе системы принудительности. Онъ совѣтовалъ довѣряться собственному стремленію Татаръ къ усвоенію русскаго образованія, и приводилъ фактическія доказательства существованія этого стремленія. Онъ старался также убѣдить коммиссію примѣрами изъ исторіи и современной жизни, что магометанская вѣра не исключаетъ возможности даже высокой степени образованности. Немедленное устройство учительской школы для Татаръ и надзоръ учебнаго вѣдомства за преподаваніемъ г. Карауловъ почиталъ мѣрами первой необходимости. Въ то же время онъ находилъ справедливымъ иначе отнестись къ высшему сословію Татаръ, мурзамъ, именно—полагалъ, что знаніе русскаго языка для мурзъ слѣдовало бы поставить непремѣннымъ условіемъ пользованія дворянскими привиллегіями. Для привлеченія ихъ въ русскія гимназіи, г. Карауловъ, точно такъ же, какъ и сами мурзы, и члены учебнаго вѣдомства, полагалъ необходимымъ освободить ихъ отъ обязательнаго изученія древнихъ языковъ.

Затѣмъ былъ снова прочитанъ исправленный и дополненный въ частномъ засѣданіи проектъ членовъ учебнаго вѣдомства объ устройствѣ народнаго образованія крымскихъ Татаръ и былъ вполнѣ одобренъ коммисіей, за исключеніемъ нѣкоторыхъ маловажныхъ поправокъ.

2-й отдѣлъ проекта, о мѣрахъ къ образованію дѣтей мурзъ, былъ прочитанъ въ настоящемъ засѣданіи въ первый разъ, и почти не возбудилъ возраженій. Мысль проекта о необходимости облегчить Татарамъ воспитаніе въ русскихъ гимназіяхъ посредствомъ освобожденія ихъ отъ обязательнаго изученія иностранныхъ языковъ была встрѣчена коммиссіей съ особеннымъ одобреніемъ. Представители Татаръ утверждали, что если не удовлетворятъ этому желанію ихъ, они откажутся отъ всякаго содѣйствія съ своей стороны предполагаемымъ мѣрамъ. Члены коммиссіи находили, что какъ ни противорѣчитъ это обязательство истиннымъ требованіямъ педагогіи, все-таки слѣдуетъ сдѣлать временное исключеніе въ пользу Татаръ, такъ какъ ихъ образованіе въ русскомъ духѣ составляетъ въ настоящее время вопросъ еще не педагогическій, а политическій.

Постановлено: 1) утвердить проектъ распространенія образованія среди крымскихъ Татаръ, составленный членами учебнаго вѣдомства и исправленный согласно съ мнѣніемъ представителей Татаръ и другихъ членовъ коммиссіи. 2) Представить его, вмѣстѣ съ протоколами коммиссіи, мнѣніемъ гг. мурзъ и запискою г. Караулова, чрезъ г. попечителя Одесскаго учебнаго округа, на благоусмотрѣніе Г. Министра Народнаго Просвѣщенія. 3) Обратиться, чрезъ г. попечителя Одесскаго учебнаго округа, къ г. Министру Народнаго Просвѣщенія,

отъ имени коммисіи, съ ходатайствомъ о временномъ изъятіи учениковъ Татаръ отъ обязательнаго изученія иностранныхъ языковъ въ Симферопольской гимназіи. 4) Обратиться, отъ имени коммиссіи, къ почтеннѣйшимъ мурзамъ Таврической губерніи о составленіи приговора касательно содержанія на ихъ счетъ приготовительнаго класса и отдѣленія для дѣтей мурзъ въ пансіонѣ Симферопольской гимназіи.

Затѣмъ г. предсѣдатель просилъ директора училищъ принять на себя трудъ составленія протоколовъ засѣданій коммиссіи, и объявилъ ея засѣданія оконченными. По составленіи директоромъ этихъ протоколовъ и подписи ихъ членами коммиссіи, протоколы со всѣми изчисленными выше приложеніями были представлены г. предсѣдателемъ коммиссіи его превосходительству, г. попечителю Одесскаго учебнаго округа, для дальнѣйшаго движенія.

III.

Мнѣніе таврическихъ мурзъ Арсланъ-Бея-Таши-Оглу и Абдувели Мурзы Карашайскаго.

(Г. Таврическому губернатору.)

Мы получили приглашеніе вашего превосходительства участвовать въ коммиссіи по распространенію образованія между Татарами. Спѣшимъ исполнить этотъ призывъ и съ своей стороны сдѣлать все, что̀ можемъ для роднаго намъ народа.

Настоящій вѣкъ по-истинѣ вѣкъ прогресса: нѣтъ гражданина, который не чувствовалъ бы, что совершается преобразованіе; нѣтъ сословія, нѣтъ племени въ Россіи, которое не воспользовалось бы значительными милостями Царя. Образованіе стало доступно, а съ нимъ нравственное развитіе, государственная служба и почетъ. Послѣднимъ всѣ воспользовались: не говоря о Русскихъ, какъ о господствующей націи, Армяне, Караимы, Евреи имѣютъ въ своей средѣ людей съ высшимъ образованіемъ, отъ нихъ есть представители и въ государственной службѣ, и въ мірѣ ученомъ, наконецъ, у нихъ есть то, что̀ требуется гражданскимъ благоустройствомъ, у нихъ устроены школы, больницы и т. п. И среди всего этого движенія впередъ бо̀льшая часть нашихъ бѣдныхъ Татаръ, оставаясь въ первобытномъ мракѣ, не знаютъ, что̀ въ мірѣ свершается, и, не имѣя собственной воли, служатъ вѣчнымъ орудіемъ чужаго произвола. Не больно ли намъ, мурзамъ, смотрѣть на это и не поспѣшимъ ли мы сдѣлать все, что̀ зависитъ отъ насъ, для пользы нашей націи?

Въ настоящемъ подаваемомъ съ этою цѣлью заявленіи мы считаемъ необ-

ходимымъ указать: 1) на свойство Татаръ и причину ихъ неразвитости, и 2) на средства, которыя дали бы возможность уничтожить причину невѣжества и ввести образованіе.

1) Прежде всего мы считаемъ необходимымъ познакомить членовъ коммисіи съ тѣмъ, на сколько Татары будутъ сочувствовать введенію между ними образованія. Зная близко Татаръ, какъ единовѣрцы ихъ, мы можемъ сказать съ полною увѣренностью, что тѣ изъ нихъ, которые нѣсколько ознакомились съ удобствами благоустроенной жизни, то-есть, мурзы, духовенство и нѣкоторые зажиточные горожане, съ благодарностію примутъ всякую заботу о введеніи образованія и охотно воспользуются предоставляемыми имъ средствами. Они охотно отдадутъ дѣтей своихъ въ тѣ училища, гдѣ будетъ преподаваться русская грамота: примѣръ этому — бывшія училища палаты государственныхъ имуществъ. Не смотря на недостатки этихъ училищъ, — что̀ не въ упрекъ говорится прежнему управленію, — все-таки вышло много довольно грамотныхъ воспитанниковъ, изъ которыхъ нѣкоторые съ пользою служили и служатъ, хотя, къ сожалѣнію, въ низшихъ должностяхъ. Мы напомнили о недостаткахъ прежнихъ училищъ именно потому, что трудно достигнуть, чтобы народныя училища подъ управленіемъ администраціи, слишкомъ озабоченной разнообразіемъ обязанностей своихъ, шли въ томъ строѣ и съ тѣмъ наблюденіемъ, которое требуется въ училищахъ народа, не сроднившагося еще съ воспитаніемъ. Но легкость, или, такъ сказать, доступность къ воспріятію образованія не можетъ распространяться на все татарское населеніе Крымскаго полуострова. Есть, къ несчастію, Татары-поселяне, живущіе совершенно особняками, преданные предразсудкамъ и суевѣріямъ, которые, пожалуй, не вдругъ уразумѣютъ свою же пользу, и, пожалуй, не совсѣмъ охотно захотятъ воспользоваться случаемъ къ своему развитію.

Причину неразвитости указанной нами второй категоріи Татаръ мы никакъ не можемъ отнести къ неспособности ихъ или къ нежеланію стать на высшую ступень общественной жизни; но по совѣсти должны отчасти обвинить и себя, то-есть, мурзъ, которые, наслаждаясь благами, забыли о меньшей братіи своей. Школъ у насъ не было, а если и есть, то съ такимъ ограниченнымъ курсомъ, что не могли дать нужныхъ свѣдѣній для поселянина-Татарина; притомъ исключительное изученіе одного татарскаго языка, весьма бѣднаго литературой, еще болѣе стѣсняло развитіе.

Прошло болѣе 70-ти лѣтъ, какъ Крымъ подъ властію Россіи; втеченіе этого времени ничего общаго къ развитію Татаръ не принималось. Частныя лица не рѣшались и не имѣли основанія позаботиться объ этомъ, и теперь вдругъ пополнить этотъ пробѣлъ бездѣятельности, по нашему мнѣнію, не только трудно, но и невозможно. Только мѣрами постепенными и разумными можно

вознаградить потерянное время, и потому мы полагаемъ ввести между Татарами русскую грамотность слѣдующимъ образомъ:

2) Чтобы, такъ сказать, переходное состояніе воспитанія Татаръ не показалось для нихъ слишкомъ рѣзкимъ, слѣдуетъ исключительно обучать русской грамотѣ въ существующихъ теперь училищахъ, такимъ порядкомъ. Въ настоящее время татарскій мальчикъ сначала обучается въ приходскомъ училищѣ, называемомъ мектебъ, гдѣ, изучивъ первоначальныя правила нашей религіи, переходитъ за тѣмъ въ высшее училище, называемое медресе. Слѣдуя этому порядку, мы находимъ необходимымъ, чтобы обученіе въ мектебѣ оставалось безъ измѣненія, то-есть, чтобы въ немъ было исключительное изученіе нашихъ религіозныхъ правилъ; но при переходѣ мальчика въ медресе, здѣсь уже онъ обучался бы русской грамотѣ, въ такомъ курсѣ, какъ назначено въ уѣздныхъ училищахъ. Такимъ образомъ онъ получитъ необходимыя свѣдѣнія изъ своей религіи и нѣкоторыя свѣдѣнія о русской грамотности. Разумѣется, этимъ курсомъ не будутъ ограничиваться дѣти мурзъ, средства которыхъ представятъ имъ возможность быть въ гимназіяхъ и университетѣ, но съ тѣмъ, чтобы, во время ученія въ этихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ не было обязательнымъ изученіе иностранныхъ языковъ. При этомъ мы считаемъ необходимымъ сказать, что для успѣха образованія непремѣнно слѣдуетъ установить, чтобъ учащіеся имѣли надежду на поощреніе. Въ этихъ видахъ необходимо коснуться существующаго нынѣ порядка занятія духовныхъ должностей и самаго званія духовныхъ. Теперь званіе духовнаго наслѣдственное, самыя должности тоже какъ бы наслѣдственныя; но, привлекая народъ къ образованію, необходимо указать получаемыя отъ этого выгоды, поэтому было бы весьма полезно предоставить, чтобы каждый окончившій курсъ въ медресе, образованныхъ на предполагаемыхъ началахъ, имѣлъ право, по избранію, занять должность духовнаго, безъ различія происхожденія. Тогда у насъ всѣ имамы, хатипы и кадіи будутъ люди съ образованіемъ, которые и будутъ самыми надежными двигателями къ осуществленію того стремленія, о которомъ теперь мы заботимся. Званіе духовнаго, — не касаясь лицъ, пользующихся этимъ званіемъ въ настоящее время, — никакъ нельзя оставлять наслѣдственнымъ. Это порождаетъ только безполезныхъ людей, отягощающихъ общества и имѣющихъ одну только цѣль—пожить на его счетъ въ званіи духовнаго должностнаго лица, не отвѣчая своимъ образованіемъ требованіямъ общества. Также признаемъ крайне необходимымъ, чтобы на первыхъ порахъ учителя русскаго языка въ медресе были мусульмане; ихъ можно пріискать и въ Крыму, въ случаѣ же недостатка здѣсь пригласить изъ Казани или Оренбурга.

Передавъ, на сколько позволило намъ короткое время, наши мысли относительно порядка введенія русской грамотности между Татарами, мы перейдемъ

къ тѣмъ средствамъ, которыя предоставятъ возможность осуществить предположенія. Средства эти по преимуществу должны заключаться въ вакуфахъ, которыхъ весьма большое количество. Назначеніе вакуфовъ—пособіе духовенству и содержаніе училищъ. Но какъ при существующемъ теперь способѣ извлеченія доходовъ, вакуфы не приносятъ соотвѣтственной достоинству ихъ пользы, притомъ, за выходомъ многихъ Татаръ въ Турцію и упраздненіемъ чрезъ это большей части мечетей, вакуфы остались вдалекѣ отъ надзора духовныхъ лицъ, мы, полагая, что воля завѣщателя не нарушится, если продадутся тѣ изъ нихъ, которые остались при упраздненныхъ мечетяхъ, не касаясь тѣхъ, доходами которыхъ содержится духовенство, признаемъ полезнѣе вакуфы перваго разряда продать, и, извлекая доходъ изъ наличнаго капитала, обращать проценты на содержаніе медресе въ новомъ ихъ видѣ, но съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы завѣдываніе какъ капиталами, такъ управленіе самими медресе отнюдь не подчинялось мѣстной администраціи или земству, а для этого образовать особые комитеты, въ которыхъ должны участвовать почетнѣйшіе изъ Татаръ по избранію, а также нѣкоторыя изъ лицъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Обязанности инспектора всѣхъ медресе по губерніи возложить на кади-эскера, какъ на человѣка ученаго и всѣми уважаемаго; высшій же контроль за употребленіемъ доходовъ изъ капитала предоставить начальнику губерніи, губернскому предводителю дворянства, директору училищъ и муфтію.

IV.

Мнѣніе Караулова.

Проживъ нѣкоторое время въ Турціи и проживая довольно долго въ Крыму, я имѣлъ случай наблюдать жизнь, нравы и понятія Турокъ и Татаръ, и, по поводу возбужденнаго нынѣ правительствомъ нашимъ вопроса о распространеніи образованія среди Татаръ, въ видахъ большаго сближенія ихъ съ русскимъ населеніемъ, могу высказать нѣсколько соображеній, не лишнихъ, какъ мнѣ кажется, для дѣла, занимающаго коммиссію.

Нѣтъ сомнѣнія, что большее сближеніе Татаръ съ русскимъ населеніемъ весьма желательно и въ видахъ государственныхъ, и въ интересахъ самихъ Татаръ. Но если втеченіе болѣе 80 лѣтъ не было дѣлаемо ни съ той, ни съ другой стороны ни малѣйшихъ попытокъ къ этому сближенію; если рѣзкое разъединеніе — котораго нельзя отрицать — существуетъ еще и до сего дня между этими двумя населеніями: то здравая политика указываетъ, кажется, что въ принятіи мѣръ съ цѣлію этого желательнаго сближенія необходимо дѣйст-

вовать съ крайнею осмотрительностію. Причина разъединенія между Татарами и Русскими, равно какъ и самая разница въ степени ихъ умственнаго развитія, конечно, заключается, главнымъ образомъ, въ различіи ихъ языка и особенно — въ различіи ихъ религіозныхъ вѣрованій. Я не хочу, однако, этимъ сказать, чтобы религіозныя вѣрованія Татаръ дѣлали невозможнымъ распространеніе между ними образованности, или «подчиненіе ихъ высшей цивилизаціи», чего желаетъ правительство. Высшее умственное и научное развитіе Арабовъ въ Испаніи—въ такую историческую эпоху, когда всѣ остальные народы Европы находились въ состояніи, быть-можетъ, еще болѣе грубаго невѣжества, нежели нынѣшніе крымскіе Татары, доказываетъ яснѣе всего, что магометанство собственно не можетъ служить помѣхой къ распространенію въ извѣстномъ народѣ самаго широкаго образованія. Тоже доказываетъ и примѣръ нынѣшней Турціи и Египта: въ магометанскомъ населеніи этихъ странъ можно встрѣтить теперь, на всѣхъ жизненныхъ поприщахъ, множество людей съ совершенно европейскимъ образованіемъ и европейскимъ образомъ мыслей. Поэтому вѣрованія Корана не могутъ послужить препятствіемъ къ распространенію образованія и среди крымскихъ Татаръ. И потребность въ образованіи, хотя и слабо, но уже начинаетъ проявляться и у самихъ Татаръ. Но какъ народъ, пребывавшій вѣка цѣлые въ глубокомъ невѣжествѣ и притомъ руководимый столь же невѣжественнымъ, какъ и онъ самъ, и фанатическимъ духовенствомъ, онъ боится образованія, боится его тѣмъ болѣе, что оно предлагается ему не со стороны его единовѣрцевъ. Кто знаетъ здѣшнихъ Татаръ сколько нибудь близко, тотъ не станетъ отвергать, что они относятся съ большимъ недовѣріемъ и подозрительностію ко всему русскому. Мы не будемъ разбирать причины этого явленія; но въ существованіи его нельзя сомнѣваться, и вѣрно то, что Татаринъ въ каждой, повидимому, самой невинной мѣрѣ готовъ видѣть посягательство на его вѣру и народность. Тѣмъ болѣе онъ готовъ это видѣть въ мѣрѣ—обучать его русской грамотѣ и языку, особенно если эта мѣра будетъ принудительною. Объясняется это тѣмъ, что въ понятіяхъ Татарина обученіе чтенію равномѣрно обученію религіи, ибо извѣстно, что они учатся читать по Корану. Оттого многіе изъ Татаръ держатся того мнѣнія, что если заставятъ ихъ учиться читать по-русски, то потомъ заставятъ непремѣнно учиться и русскому Закону Божію. О нелѣпости подобнаго мнѣнія нечего и говорить; но оно между тѣмъ сильно распространено среди Татаръ, и тѣмъ сильнѣе, что они почти никогда не высказываютъ его въ кругу людей, не принадлежащихъ къ ихъ религіи; тѣмъ менѣе высказываются они въ этомъ отношеніи передъ чиновниками или лицами офиціальными. Слѣдующіе примѣры могутъ подтвердить сказанное.

Когда въ Ялтинскомъ земскомъ собраніи сдѣлано было предложеніе гласнымъ изъ Татаръ позаботиться о введеніи въ своихъ волостяхъ русской гра-

мотности, то многіе изъ нихъ изъявили готовность способствовать этому дѣлу. Когда же имъ объявили, что обученіе русскому чтенію и письму будетъ сдѣлано обязательнымъ для татарскихъ дѣтей, то всѣ они прямо и рѣзко отказались отъ своего прежняго заявленія; а одинъ изъ нихъ рѣшительно объявилъ, что онъ не допуститъ въ своей волости преподаванія русскаго языка. Замѣтимъ, что это происходило между Татарами южнаго берега, которые находятся въ болѣе частыхъ сношеніяхъ съ Русскими и гораздо болѣе развиты, во всѣхъ отношеніяхъ, нежели Татары степные.

Поэтому, если ввести, какъ предполагаютъ, во *всѣ* татарскія школы обязательное изученіе русскаго языка, то это не только не принесетъ пользы, но можетъ, напротивъ, принести положительный вредъ дѣлу образованія Татаръ. Такая принудительная мѣра на первыхъ же порахъ отвратитъ ихъ отъ русской грамотности. Въ школахъ, устроенныхъ съ этою цѣлію, они увидятъ не болѣе какъ полицейскую мѣру, не болѣе какъ заведенія, учреждаемыя съ совершенно иными цѣлями и намѣреніями. Они готовы заподозрить своихъ просвѣтителей въ дурныхъ и корыстныхъ намѣреніяхъ, а въ заведеніяхъ, устроенныхъ для ихъ образованія, готовы видѣть только такія заведенія, которыя учреждены лишь для личныхъ выгодъ правящихъ ими чиновниковъ.

Между тѣмъ введеніе русской грамотности у Татаръ весьма возможно, — именно въ настоящее время, при положительномъ заявленіи нѣкоторыми татарскими обществами желанія обучаться по-русски, — если только это обученіе будетъ предоставлено имъ совершенно на волю.

Имѣя въ виду все сказанное, мнѣ кажется, что на первое время необходимо воспользоваться проектомъ, представленнымъ въ прошлое засѣданіе коммисіи гг. Карашайскимъ и Арсланъ-Беемъ-Тащи-Оглу, — проектомъ, который если не показываетъ большаго знакомства съ нуждами и потребностями народнаго образованія вообще, то за то составленъ съ большимъ знаніемъ жизненныхъ взглядовъ, желаній и понятій о народномъ обученіи самихъ Татаръ. Кромѣ того, проектъ этотъ заключаетъ въ себѣ двѣ вещи крайней важности. Онъ, во-первыхъ, указываетъ на очень значительныя матеріальныя средства, которыя могутъ быть употреблены теперь же на дѣло распространенія образованія среди Татаръ. А во-вторыхъ, онъ привлекаетъ къ образованію татарское духовное сословіе, желаетъ устранить въ немъ наслѣдственность духовныхъ должностей и ставитъ образованіе необходимымъ условіемъ для поступленія въ духовное званіе и для полученія духовныхъ должностей. А татарское духовенство стоитъ, какъ извѣстно, на крайне низкой степени образованія; между тѣмъ нравственное вліяніе его на народныя массы неотразимо сильно и велико, и нельзя сказать, чтобы вліяніе это было благодѣтельно для народа по отношенію къ развитію въ немъ образованія. Потому-то вопросъ объ образованіи татарскаго ду-

ховенства тѣсно связанъ съ вопросомъ о распространенія образованія въ татарскомъ населенія Крыма вообще. Но, съ другой стороны, необходимо, чтобы господа составители проекта постарались понять, вопервыхъ, то, что правительство не можетъ оставить ихъ школъ безъ своего общаго надзора и контроля — не только со стороны духа и направленія преподаванія, но и со стороны познаній и способности къ преподаванію самихъ преподавателей и руководителей школъ. Во-вторыхъ, необходимо, чтобъ они прониклись той идеей, что дѣло народнаго образованія тогда только можетъ быть прочнымъ и обезпеченнымъ, когда будетъ существовать разсадникъ народныхъ учителей, хорошо подготовленныхъ для дѣла. А это прямо приводитъ насъ къ тому заключенію, что учрежденіе особой учительской школы изъ мѣстныхъ Татаръ представляется мѣрою совершенно необходимою и наиважнѣйшею. Пусть эта школа будетъ устроена и не на тѣхъ основаніяхъ, которыя изложены были въ прошлое засѣданіе коммиссіи г. директоромъ училищъ Таврической губерніи; пусть будутъ выработаны для этого другія начала, болѣе способныя внушить довѣріе Татарамъ и болѣе соотвѣтствующія ихъ настоящимъ понятіямъ и желаніямъ; но пусть она будетъ устроена; ибо только это одно можетъ служить ручательствомъ въ успѣхѣ и въ прочности дальнѣйшаго распространенія образованія среди Татаръ.

Школа эта, какъ намъ кажется, должна имѣть вполнѣ татарскій характеръ въ своемъ внѣшнемъ устройствѣ. Начальники и преподаватели школы должны быть непремѣнно образованные мусульмане. Высшее начальство надъ школой, равно какъ и наблюденіе за преподаваніемъ правилъ религіи, можетъ быть предоставлено одному изъ главныхъ духовныхъ лицъ Татаръ; но непосредственное управленіе школой, ея внутреннее устройство, программы обученія и проч., все это должно находиться въ рукахъ людей просвѣщенныхъ и вполнѣ компетентныхъ въ дѣлѣ народнаго образованія. Изъ школы не долженъ быть изгоняемъ татарскій языкъ, и поступленіе въ школу учащихся должно быть добровольное, а не обязательное.

Таковыми, въ общихъ чертахъ, представляются мнѣ мѣры по отношенію къ образованію собственно массы татарскаго населенія Крыма. Но другимъ способомъ, кажется мнѣ, слѣдуетъ дѣйствовать по отношенію къ образованію дѣтей мурзъ и дѣтей богатыхъ Татаръ: ихъ нужно стараться всѣми средствами привлечь въ гимназію, для чего доступъ въ гимназію для нихъ долженъ быть облегченъ, на сколько это возможно. Въ такомъ случаѣ гимназическое образованіе можно было бы сдѣлать даже обязательнымъ собственно для дѣтей мурзъ—не только для поступленія ихъ на государственную службу, но и для самого пользованія всѣми тѣми особенными правами и привиллегіями, которыя имъ предоставлены, потому что мурзы, будучи сравнены во всѣхъ правахъ своихъ съ высшимъ, то-есть, дворянскимъ сословіемъ русскимъ, стоятъ, между тѣмъ,

далеко ниже послѣдняго по степени своего образованія: дѣти нѣкоторыхъ мурзъ не только не обучаются читать и писать по-русски, но едва ли умѣютъ и говорить порядочно по-русски. Обязательное обученіе (русскому языку) по отношенію къ дѣтямъ мурзъ можно считать вполнѣ своевременнымъ и справедливымъ.

Для привлеченія въ гимназію дѣтей богатыхъ Татаръ, слѣдовало бы ввести для нихъ основательное преподаваніе въ гимназіи татарскаго языка и расширить преподаваніе языка французскаго, по методу совершенно практическому: у Татаръ южнаго берега Крыма появилась въ послѣднее время страсть къ изученію французскаго языка. Мы, Русскіе, припомнивъ наше недавнее прошедшее, а быть-можетъ, и настоящее, конечно, менѣе всего можемъ упрекнуть въ этомъ отношеніи Татаръ. Во всякомъ случаѣ изученіе какого бы то ни было изъ европейскихъ языковъ можетъ способствовать къ знакомству и съ европейскою образованностію. А познакомившись однажды съ очевидными выгодами и преимуществами истинной образованности, Татаринъ едва ли не предпочтетъ ихъ выгодамъ и преимуществамъ своей незавидной народности.

V.

Протоколы коммиссіи по вопросу о распространеніи образованія среди крымскихъ Татаръ.

Засѣданіе 2-го декабря 1867 года.

По приглашенію г. Таврическаго губернатора, его превосходительства Григорія Васильевича Жуковскаго, изъявившаго свое согласіе предсѣдательствовать въ коммиссіи, члены коммиссіи имѣли первое засѣданіе свое 2-го декабря 1867 года.

Въ это засѣданіе прибыли слѣдующія лица, приглашенныя частію г. попечителемъ округа, частію г. предсѣдателемъ коммисіи: Таврическій муфтій Сеитъ-Джелиль, Таврическій кади-эскеръ, господа мурзы: предводитель Евпаторійскаго уѣзда Арсланъ-Бей-Таши-Оглу, предводитель Перекопскаго уѣзда Абдувели-мурза-Карашайскій, Али-бей Булгаковъ, г. губернскій предводитель дворянства Николай Николаевичъ Куликовскій, г. управляющій Таврическими государственными имуществами Петръ Даниловичъ Шоттъ, г. инспекторъ Одесскаго учебнаго округа Михаилъ Титовичъ Пятинъ, г. директоръ Таврическихъ училищъ Евгеній Львовичъ Марковъ, г. инспекторъ Симферопольской гимназіи Василій Филипповичъ Щерецкій, г. учитель Симферопольской гимназіи Илья Ильичъ Казасъ, г. Симферопольскій штатный смотритель Кудрицкій, члены Таврическаго губернскаго училищнаго совѣта: Платонъ Осиповичъ Бурачковъ,

Симферопольскій городской голова Николай Ивановичъ Ивановъ, г. членъ Симферопольской земской управы Ржеплинскій, гг. мировые посредники: Казиміръ Осиповичъ Янушевскій, Петръ Лаврентьевичъ Августиновичъ, Григорій Максимовичъ Мазуревскій, Димитрій Лаврентьевичъ Краденовъ и Э. А. Браккеръ, Г. Э. Карауловъ, докторъ В. Ф. Зеленкевичъ, Илья Степановичъ Безкровный; итого, съ предсѣдателемъ, 24 человѣка.

1) Г. предсѣдатель заявилъ о цѣли собранія, изложенной въ письмахъ г. попечителя Одесскаго учебнаго округа, его превосходительства Сергѣя Платоновича Голубцова, какъ къ г. Таврическому губернатору, такъ и къ другимъ лицамъ мѣстнаго общества, къ содѣйствію которыхъ обратился г. попечитель. Цѣль эта заключается въ слѣдующемъ: По поводу заявленія въ отчетѣ за 1866 годъ о состояніи учебныхъ заведеній Одесскаго учебнаго округа о настоятельной потребности для Таврической губерніи привлеченія въ русскія школы сей губерніи разнаго рода иновѣрцевъ, населяющихъ оную, преимущественно Татаръ, въ видахъ бо̀льшаго сближенія ихъ съ русскимъ населеніемъ и вообще подчиненія высшей цивилизаціи, а также о необходимости, для достиженія сей цѣли, ввести обязательное изученіе русскаго языка во всѣ татарскія школы, учредивъ для того особую школу, въ которой бы приготовлялись изъ Татаръ учители русскаго языка,—Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, обративъ особенное вниманіе на этотъ предметъ, какъ на дѣло государственной важности, въ предложеніи отъ 13-го мая сего года, просилъ распоряженія г. попечителя Одесскаго учебнаго округа, для подробнаго и всесторонняго разсмотрѣнія и обсужденія этого важнаго дѣла, учредить особую коммиссію изъ опытныхъ въ этомъ дѣлѣ лицъ, съ привлеченіемъ къ участію въ этой коммиссіи такихъ дѣятелей, которые вполнѣ сочувствуютъ дѣлу, и затѣмъ, когда возбужденный вопросъ будетъ вполнѣ разработанъ, доставить Его Сіятельству подробныя о томъ свѣдѣнія.

2) Было прочитано составленное гг. мурзами Арсланъ-Беемъ-Тащи-Оглу и Абдувели-мурзою-Карашайскимъ мнѣніе о мѣрахъ къ распространенію образованія среди Татаръ *). Сущность этого мнѣнія заключается въ слѣдующемъ: Татары вполнѣ сознаютъ недостатокъ образованія въ средѣ своего племени и вредъ, отъ этого происходящій. Они сознаютъ необходимость введенія русскаго языка въ татарскія школы. Но, въ виду религіознаго предубѣжденія наименѣе образованной части татарскаго общества къ христіанскимъ школамъ, составители мнѣнія полагали бы полезнымъ, на первое время, ограничиться введеніемъ преподаванія русскаго языка, въ размѣрѣ курса уѣзднаго училища, въ существующихъ уже медресе, посредствомъ учителей магометанской религіи,

*) Мнѣніе это см. выше.

оставивъ безъ измѣненія обученіе дѣтей въ мектебахъ, или первоначальныхъ татарскихъ школахъ. Чтобы поселить въ необразованныхъ людяхъ стремленіе къ образованію, полезно бы было дать нѣкоторыя преимущества ученикамъ, окончившимъ курсъ медресе, именно—дать имъ право занимать магометанскія духовныя должности, безъ различія происхожденія. Эта мѣра уничтожила бы наслѣдственность магометанскаго духовнаго званія, столь вредную въ настоящее время. Средства для введенія русскаго языка въ медресе составители мнѣнія находятъ въ тѣхъ вакуфныхъ имуществахъ, которыя въ различное время были пожертвованы мечетямъ, нынѣ покинутымъ, за выходомъ Татаръ. Эти вакуфы должны быть проданы, и доходъ съ вырученнаго капитала обращенъ на содержаніе медресе въ новомъ видѣ.

При этомъ составители полагаютъ необходимымъ, устранивъ земство и администрацію отъ завѣдыванія какъ школами, такъ и капиталами ихъ, образовать съ этою цѣлію особые комитеты, въ которыхъ должны участвовать почетнѣйшіе Татары, по избранію, и нѣкоторыя изъ лицъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Инспекторомъ всѣхъ медресе губерніи долженъ быть кади-эскеръ, а высшій контроль за употребленіемъ доходовъ изъ капитала должно предоставить начальнику губерніи, губернскому предводителю дворянства, директору училищъ и муфтію. Сверхъ того, мнѣніе указываетъ на необходимость облегченія дѣтямъ мурзъ доступа въ гимназіи, посредствомъ освобожденія ихъ отъ обязательнаго изученія иностранныхъ языковъ.

3) Затѣмъ прочитанъ былъ подробный проектъ распространенія образованія среди крымскихъ Татаръ, составленный предварительными трудами членовъ учебнаго вѣдомства, приглашенныхъ къ участію въ коммиссіи, именно: г. окружнаго инспектора Пятина, директора училищъ Маркова, инспектора гимназіи Щерецкаго, учителя гимназіи Казаса и штатнаго смотрителя Кудрицкаго. Этотъ проектъ раздѣленъ на двѣ части: 1) мѣры къ образованію простаго народа, и 2) мѣры къ образованію дѣтей мурзъ и другихъ богатыхъ Татаръ. Въ настоящемъ засѣданіи разсматривалась только первая часть. Она заключаетъ въ себѣ двѣ главнѣйшія мѣры: во-первыхъ, устройство татарской учительской школы, во-вторыхъ, введеніе обученія русскому языку въ татарскія школы. Вслѣдствіе преній, возбужденныхъ чтеніемъ проекта, поручено было гг. членамъ учебнаго вѣдомства, кади-эскеру, гг. Арсланъ-Бею и Карашайскому, гг. Иванову, Янушевскому, Августиновичу, Краденову, Зеленкевичу и Безкровному, въ частномъ собраніи, согласиться между собой на счетъ главныхъ основаній распространенія образованія среди Татаръ, дабы въ слѣдующемъ засѣданіи коммиссіи окончательно рѣшить этотъ вопросъ.

Засѣданіе 5-го декабря.

Присутствовали предсѣдатель и всѣ члены, бывшіе въ первомъ засѣданіи, за исключеніемъ гг. Шотта, Бурачкова, Ржеплинскаго, Мазуревскаго, Булгакова и Браккера.

1) Г. Карауловъ прочелъ составленную имъ записку *), въ которой высказалъ взглядъ, что Татары въ настоящее время стремятся къ усвоенію русскаго образованія, на сколько оно не затрогиваетъ ихъ религіозныхъ вѣрованій; но что неосторожныя мѣры могутъ помѣшать этимъ добрымъ начинаніямъ. По мнѣнію г. Караулова, обученіе русскому языку не слѣдуетъ дѣлать обязательнымъ для простыхъ Татаръ, не слѣдуетъ допускать въ школы учителей не-магометанской религіи, но въ то же время необходимо устроить школу для приготовленія учителей изъ Татаръ и необходимо подчинить преподаваніе русскаго языка въ татарскихъ школахъ контролю учебнаго вѣдомства. Что же касается до образованія мурзъ, то обязательное обученіе ихъ русскому языку г. Карауловъ считаетъ необходимымъ условіемъ пользованія преимуществами дворянскаго званія; для привлеченія же ихъ въ русскія гимназіи, полагаетъ нужнымъ освободить ихъ отъ обязательнаго изученія древнихъ языковъ и ввести для нихъ правильное преподаваніе татарскаго языка.

Съ главнѣйшими мыслями г. Караулова коммиссія согласилась, тѣмъ болѣе, что онѣ уже легли въ основу занятій частной коммиссіи, избранной въ прошедшемъ засѣданіи.

2) Затѣмъ былъ прочитанъ проектъ членовъ учебнаго вѣдомства объ устройствѣ учительской школы и введеніи русскаго языка въ медресе, съ тѣми измѣненіями, какія были внесены въ него частною коммисіей, въ видахъ соглашенія его съ мнѣніемъ представителей Татаръ. Проектъ этотъ одобренъ вполнѣ общею коммиссіею и приложенъ къ сему протоколу **).

Проектъ коммиссіи и въ первоначальномъ своемъ видѣ не противорѣчилъ по цѣли мнѣнію Татаръ; только члены учебнаго вѣдомства, считая самою полезною и неизбѣжною мѣрою подготовленіе надежныхъ народныхъ учителей изъ Татаръ для татарскихъ школъ, мало надѣялись на возможность найдти въ руководители и учители училищной школы образованныхъ мусульманъ, вслѣдствіе чего не поставляли магометанской религіи непремѣннымъ условіемъ для всѣхъ учителей и начальниковъ школы.

Но объясненіе Татаръ, что вакуфы, по шаріяту и по волѣ завѣщателей, невозможно обращать на содержаніе иновѣрцевъ, а равно опасеніе возбудить не-

---

*) См. выше подъ № IV.

**) См. ниже подъ № VI, л. А и Б.

довѣріе простыхъ Татаръ участіемъ христіанъ въ ихъ образованіи, заставили коммиссію допустить сказанное условіе.

Точно также коммиссія сочла возможнымъ уступить желанію Татаръ въ вопросѣ объ учебномъ надзорѣ за татарскими школами, такъ какъ уѣздные училищные совѣты, въ которыхъ участвуетъ православное духовенство, могутъ возбуждать различныя опасенія въ мусульманскомъ населеніи; на участіе же дирекціи училищъ оно смотритъ, по заявленію гг. мурзъ, безъ предубѣжденія.

Члены учебнаго вѣдомства полагали еще нужнымъ, чтобы татарское общество обязалось снабжать учительскую школу опредѣленнымъ въ проектѣ комплектомъ учениковъ, изыскивая къ тому мѣры, какія найдетъ удобными. Но, по единогласному ручательству членовъ Татаръ и другихъ мѣстныхъ жителей въ томъ, что школа будетъ наполняться учениками безъ всякихъ принудительныхъ мѣръ, коммиссія не сочла нужнымъ настаивать на обязательности поступленія учениковъ въ школу.

По вопросу о религіозномъ образованіи Татаръ, члены учебнаго вѣдомства высказались въ самыхъ общихъ чертахъ, основываясь на убѣжденіи, что внутренній распорядокъ этого дѣла долженъ оставаться въ безконтрольномъ завѣдываніи магометанскаго духовенства.

Члены учебнаго вѣдомства не включили въ проектъ свой программы преподаванія татарскаго языка, основываясь на томъ, что языкъ этотъ не имѣетъ литературы, грамматически почти не обработанъ, и, наконецъ, усвоивается учениками еще въ мектебахъ, до поступленія ихъ въ медресе и учительскую школу.

3) Была прочитана вторая часть проекта членовъ учебнаго вѣдомства, касающаяся образованія мурзъ и приложенная къ протоколу *).

Эта часть проекта заключаетъ въ себѣ три главныя мѣры, имѣющія цѣлію облегчить вступленіе дѣтей мурзъ въ Симферопольскую гимназію: во-первыхъ, устройство при гимназіи спеціальнаго приготовительнаго класса для Татаръ; во-вторыхъ, уничтоженіе обязательнаго обученія иностраннымъ языкамъ учениковъ изъ Татаръ; въ-третьихъ, устройство отдѣленія для дѣтей мурзъ въ пансіонѣ Симферопольской гимназіи, еслибъ онъ учредился.

2-я изъ этихъ мѣръ не можетъ быть одобрена и допущена съ педагогической точки зрѣнія; но, по единодушному убѣжденію всѣхъ членовъ коммиссіи, политическое значеніе такой мѣры должно временно отодвинуть на задній планъ педагогическую сторону ея. Представители же Татаръ разсматриваютъ ее, какъ непремѣнное условіе искренняго содѣйствія съ ихъ стороны образовательнымъ стремленіямъ правительства.

---

*) См. ниже подъ № VI, л. В и Д.

Эта часть проекта была также вполнѣ одобрена коммиссіей.

Постановлено:

1) Утвердить проектъ распространенія образованія среди крымскихъ Татаръ, составленный членами учебнаго вѣдомства и исправленный согласно съ мнѣніемъ представителей Татаръ и другихъ членовъ коммиссіи.

2) Представить его, вмѣстѣ съ протоколами коммиссіи, мнѣніемъ гг. мурзъ и запискою г. Караулова, чрезъ г. попечителя Одесскаго учебнаго округа, на благоусмотрѣніе Г. Министра Народнаго Просвѣщенія.

3) Обратиться, чрезъ г. попечителя Одесскаго учебнаго округа, къ Г. Министру Народнаго Просвѣщенія, отъ имени коммисіи, съ ходатайствомъ о временномъ изъятіи учениковъ Татаръ отъ обязательнаго обученія иностраннымъ языкамъ въ Симферопольской гимназіи.

4) Обратиться, отъ имени коммиссіи, къ почетнѣйшимъ мурзамъ Таврической губерніи, о составленіи приговора касательно содержанія на ихъ счетъ приготовительнаго класса и отдѣленія для дѣтей мурзъ въ пансіонѣ Симферопольской гимназіи.

(Слѣдуютъ подписи предсѣдателя и членовъ.)

VI.

Проектъ устройства образовательной части у крымскихъ Татаръ, составленный членами учебнаго вѣдомства, приглашенными къ участію въ учрежденной на сей предметъ коммиссіи, и исправленный согласно съ мнѣніемъ гг. Татаръ и другихъ членовъ коммиссіи.

А. О Татарской учительской школѣ.

I. *Общее устройство.*

1) Необходимо открыть, на счетъ татарскихъ суммъ, указываемыхъ ниже представителями Татаръ, центральное училище въ г. Симферополѣ для образованія татарскихъ народныхъ учителей, подъ названіемъ Татарской учительской школы.

2) Курсъ этого училища долженъ равняться курсу обыкновенныхъ уѣздныхъ училищъ, но только съ большимъ концентрированіемъ предметовъ и болѣе національнымъ характеромъ.

3) Кромѣ приготовленія народныхъ учителей, училище это должно имѣть цѣлію сообщеніе Татарамъ общаго образованія.

4) Заведеніе должно быть закрытое, но ученіе въ немъ доступно и приходящимъ ученикамъ изъ Татаръ.

5) Возрастъ для поступленія пансіонеромъ въ центральное училище назначается отъ 12 — 15 лѣтъ включительно; возрастъ для приходящихъ не опредѣляется.

II. *Часть учебная.*

6) Курсъ ученія въ центральномъ училищѣ полагается 6-лѣтній, раздѣленный на 3 двухгодичные класса.

7) Въ училищѣ русскій языкъ проходится практически, на чтеніи и письменныхъ упражненіяхъ; при этомъ сообщаются всѣ необходимыя грамматическія свѣдѣнія и обращается особенное вниманіе на лексическую сторону языка.

Въ 3-мъ курсѣ учитель обязанъ познакомить учениковъ съ нѣкоторыми изъ доступныхъ имъ важнѣйшихъ произведеній русской литературы.

8) Курсъ ариѳметики ограничивается первою частію ариѳметики, простыми дробями, тройными правилами, простыми и сложными, по способу приведенія къ единицѣ, и важнѣйшими другими правилами, основанными на тройныхъ. Методъ преподаванія практическій.

Въ 3-мъ курсѣ учитель обязанъ ознакомить учениковъ, наглядно и практически, съ важнѣйшими геометрическими формами, ихъ свойствами и приложеніями.

9) Въ училищѣ съ 3-го класса преподается *русская исторія.* Для этого совершенно необходимъ *особый* учебникъ русской исторіи для Татаръ, въ которомъ должны быть соблюдены слѣдующія условія:

Въ началѣ курса долженъ быть помѣщенъ самый общій очеркъ всемірной исторіи, насколько это нужно для установленія связи между общею и русскою исторіей. Втеченіе всего курса, при удобныхъ случаяхъ, должны быть дѣлаемы необходимыя объясненія современныхъ событій общей исторіи. Нѣкоторыя лица и событія русской исторіи, напримѣръ, касающіяся церковной исторіи Россіи, должны быть выпущены изъ курса. Точно также должно составить особую книгу для русскаго чтенія, ни въ чемъ непротивную магометанской религіи.

10) Во 2-мъ классѣ полагается *общая географія*; въ 3-мъ классѣ русская, съ помощію черченія картъ. Изученіе физической географіи, въ началѣ общей, полезно производить въ примѣненіи къ Крымскому полуострову. *Общая географія* должна быть проходима вкратцѣ, въ объемѣ, напримѣръ, руководства *Корнеля.*

Русская географія должна быть проходима подробнѣе.

11) Черченіе и чистописаніе должно проходиться во всѣхъ классахъ училища.

12) Всѣ учителя должны быть магометанской вѣры, основательно знакомые съ преподаваемою наукой и свободно говорящіе по-русски.

13) Ученіе продолжается 6 дней въ недѣлю, за исключеніемъ пятницы. Ученія не бываетъ въ магометанскіе праздники и постъ Рамазанъ, и табельные дни, празднуемые въ честь Особъ Царской Фамиліи.

Вакаціи бываютъ въ обыкновенное время втеченіе 6 недѣль.

14) Во всѣхъ классахъ ученіе русскимъ предметамъ продолжается 4 часа въ день, не считая перемѣнъ.

15) Въ остальное время особый мудерисъ занимается преподаваніемъ магометанскаго закона вѣры.

16) Число уроковъ въ 1-мъ классѣ 24; число уроковъ во 2-мъ классѣ: русскаго языка 10, ариѳметики 5, географіи 3, черченія и чистописанія 6; итого 24.

17) Въ 3-мъ классѣ: русскаго языка 10, ариѳметики 4, исторіи 3, географіи 3, черченія и чистописанія 4; итого 24.

III. *Воспитанники училища.*

18) Татарское общество помѣщаетъ на свой счетъ опредѣленное число воспитанниковъ въ пансіонъ учительской школы.

19) Въ распредѣленіе кандидатовъ къ поступленію, по уѣздамъ и общинамъ, и въ самый выборъ ихъ никакое начальство не вмѣшивается.

20) Нормальное число пансіонеровъ учительской школы полагается 45 человѣкъ, если средства позволятъ.

21) Въ первый годъ требуется поступленіе не менѣе 20 воспитанниковъ. За тѣмъ втеченіе 2-хъ первыхъ лѣтъ должна постоянно поддерживаться эта цифра 20, то-есть, выбывающіе замѣняться новыми воспитанниками.

На третій годъ требуется поступленіе по крайней мѣрѣ еще 15 воспитанниковъ, и цифра 35 обязательно поддерживается втеченіе 3-го и 4-го года.

На 5 годъ требуется поступленіе по крайней мѣрѣ еще 10 воспитанниковъ, и цифра 45 обязательно поддерживается втеченіе всего остальнаго времени.

22) Кромѣ общественныхъ воспитанниковъ, допускаются въ пансіонъ и своекоштные, съ платою за полное содержаніе и ученіе по 150 руб. въ годъ. Число ихъ зависитъ отъ удобства помѣщенія.

23) Сверхъ того, классы училища могутъ быть посѣщаемы: 1) полупансіонерами, которые пользуются въ пансіонѣ обѣдомъ и полдникомъ, и правомъ заниматься въ пансіонѣ по вечерамъ; 2) приходящими учениками.

24) Полупансіонеры платятъ 50 руб. въ годъ; приходящіе ученики ничего не платятъ.

25) Пансіонеры сохраняютъ національную одежду, въ которую только вводится нѣкоторое однообразіе. Полупансіонеры и приходящіе остаются при своей одеждѣ.

26) Содержаніе пансіонерамъ дается самое простое, припоровленное къ татарскимъ народнымъ обычаямъ и вкусамъ.

27) Распредѣленіе времени въ пансіонѣ припоровляется къ религіознымъ обычаямъ Татаръ.

28) Принимаются въ учительскую школу, какъ въ пансіонъ, такъ и приходящими, ученики магометанской религіи всѣхъ сословій.

29) Начальство учительской школы обязано заблаговременно ходатайствовать о замѣнѣ новыми воспитанниками тѣхъ изъ учениковъ школы, которые оказываются положительно неспособными къ продолженію ученія и учительскому званію.

30) Общественные воспитанники пансіона при учительской школѣ, по окончаніи курса, обязаны прослужить 6-ть лѣтъ въ одномъ изъ татарскихъ училищъ Таврической губерніи, если служба эта потребуется отъ нихъ втеченіе перваго года по выпускѣ; по истеченіи же года, они освобождаются отъ всякаго обязательства, если не были въ это время опредѣлены учителями или не получали отъ общества содержанія.

IV. *Чиновники училища.*

31) Въ учительской школѣ полагается особый начальникъ изъ русскихъ подданныхъ магометанской религіи и хорошо знакомый съ русскимъ языкомъ, по возможности высшаго образованія, съ жалованьемъ въ тысячу двѣсти рублей въ годъ, квартирою при пансіонѣ, отопленіемъ и освѣщеніемъ, если онъ высшаго образованія. Онъ завѣдываетъ педагогическою, канцелярскою и хозяйственною частями.

32) Въ правахъ службы онъ сравнивается съ инспекторами прогимназій, то-есть, состоитъ въ VI классѣ и подвѣдомственъ непосредственно окружному начальству.

33) Въ училищѣ полагается 4 учителя и 1 мудеррисъ: [1 учитель 1-го класса (19 уроковъ), 1 учитель чистописанія и черченія (15 уроковъ), 1 учитель русскаго языка (20 уроковъ), 1 учитель ариѳметики, исторіи и географіи (18 уроковъ); итого 4 учителя (72 урока)].

34) Жалованье полагается слѣдующее: 300 руб. учителю чистописанія и черченія, и по 600 руб. тремъ другимъ и мудеррису; итого 2,700 руб.

35) Учитель чистописанія и черченія состоитъ въ XII классѣ, остальные учителя въ IX классѣ.

36) Всѣ учителя, по отношенію къ чинопроизводству и мундиру, пользуются правами учебной службы Министерства Народнаго Просвѣщенія.

37) Въ пансіонѣ обязанность воспитателей возлагается на 4-хъ учителей, которые дежурятъ поочередно и посуточно.

За этотъ трудъ имъ полагается вознагражденіе, если средства школы позволятъ.

38) Обязанности имама при школѣ возлагаются на мудериса.

39) Для письмоводства, веденія бухгалтерскихъ книгъ и непосредственнаго завѣдыванія хозяйствомъ учительской школы, назначается экономъ, съ жалованьемъ 120 руб. въ годъ и полнымъ содержаніемъ, по вольному найму.

40) Общество татарскихъ мурзъ имѣетъ право избрать изъ своей среды особаго *попечителя* надъ учительскою школою, съ правами почетнаго попечителя гимназіи и съ обязанностію вносить въ пользу училища опредѣленную сумму, не менѣе 300 руб. въ годъ.

41) Начальника выбираютъ попечитель школы, муфтій и кади-эскеръ; учителей—они же и начальникъ школы; и начальникъ, и учителя представляются, черезъ директора училищъ, на утвержденіе попечителю учебнаго округа. Мудериса избираетъ завѣдывающій учительскою школою, а утверждаетъ магометанское духовное правленіе. Эконома избираетъ начальникъ школы.

V. *Права окончившихъ курсъ училища.*

42) Ученики, окончившіе успѣшно курсъ учительской школы и получившіе въ томъ одобрительные аттестаты по экзамену, произведенному при участіи директора училищъ губерніи, муфтія и кади-эскера, пользуются всѣми правами учениковъ, окончившихъ курсъ прогимназіи.

43) Въ аттестаты долженъ включаться приговоръ экзаменной коммиссіи о томъ, какой духовной должности можетъ быть удостоенъ ученикъ; это должно зависѣть не только отъ знанія имъ предметовъ религіозныхъ, но точно также и отъ знанія имъ русскаго языка.

44) Если ученикъ окончилъ курсъ русскихъ предметовъ въ школѣ, но не окончилъ курса религіозныхъ предметовъ, то онъ не можетъ быть удостоенъ высшей духовной должности, то-есть, муфтія, кади-эскера и кадія.

45) Ученики, окончившіе курсъ съ отличными успѣхами, получаютъ золотыя и серебряныя медали для ношенія въ петлицѣ, безъ орденской ленты.

46) Во все время служенія своего учителями народныхъ училищъ, ученики школы освобождаются отъ всякихъ денежныхъ и натуральныхъ повинностей.

47) Прослужившіе безпорочно 12 лѣтъ сряду въ должности народнаго учителя пользуются правами личнаго почетнаго гражданства.

48) Ученики, получившіе при выходѣ изъ школы золотую или серебряную медаль, получаютъ права личнаго почетнаго гражданства, по выслугѣ 10-ти лѣтъ сряду въ учительскомъ званіи.

VI. *Расходы училища.*

49) Бюджетъ содержанія учительской школы слѣдующій: при полномъ составѣ училища (то-есть, при 45 воспитанникахъ) ежегодно по 8,500 рублей. На первоначальное обзаведеніе мебелью и другими вещами 2,000 руб. Сверхъ того, домъ въ натурѣ, или по 700 руб. въ годъ на наемъ его.

(При семъ прилагается подробная смѣта).

На два первые года (при 20-ти воспитанникахъ) требуется по 4,600 руб. въ годъ, 1,000 руб. на первоначальное обзаведеніе мебелью и другими вещами, и на наемъ дома 400 руб., если не будетъ квартиры въ натурѣ.

На 3-й и 4-й годъ (при 35-ти воспитанникахъ) требуются еще нѣкоторыя увеличенія, по разсчету.

Б. Начальныя татарскія училища.

I. *Устройство.*

50) Необходимо ввести въ медресе обязательное преподаваніе русскаго чтенія, письма и четырехъ дѣйствій ариѳметики.

51) Мудерису и учителю русскаго языка дается программа постояннаго распредѣленія часовъ преподаванія.

52) Мудерисъ долженъ исполнять обязанность имама, если при медресе нѣтъ особаго имама.

53) Коммисія считаетъ необходимымъ ввести, современемъ, преподаваніе русскаго языка во всѣхъ вообще татарскихъ медресе; но, убѣжденная въ недостаткѣ преподавателей, знающихъ русскій языкъ, она считаетъ достаточнымъ, на первое время, обязать введеніемъ преподаванія русскаго языка въ медресе только нѣкоторыя мѣстности, наиболѣе многолюдныя, напримѣръ: въ Симферопольскомъ уѣздѣ: *въ Бахчисараѣ* пригласить одного учителя русскаго языка (преподаетъ въ двухъ училищахъ), въ *Даирѣ* — 1-го учителя русскаго языка, въ *Сарабузѣ* — 1-го учителя, въ *Карасубазарѣ* — 1-го учителя: въ Евпаторійскомъ уѣздѣ: въ *Евпаторіи* — 1-го учителя русскаго языка, *Такылѣ* — 1-го; *Даулджарѣ* — 1-го; въ Ялтинскомъ уѣздѣ: въ *Узенбашѣ* — 1-го на два училища, въ *Алуштѣ* — 1-го; въ Ѳеодосійскомъ уѣздѣ: въ *Тарахташахъ* боль-

шомъ и маломъ — 1-го учителя, *Текіе*—1-го учителя; въ Перекопскомъ уѣздѣ: *Тубетъ-Адаргинъ*—1-го учителя.

54) Коммисія считаетъ нужнымъ ходатайствовать о допущеніи на первое время къ должностямъ учителей въ предполагаемыхъ училищахъ, какъ начальныхъ, такъ и въ учительской школѣ, лицъ, даже не имѣющихъ учительскихъ правъ, по одобренію педагогическаго совѣта гимназіи для учительской школы, и уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ—для медресе.

55) Учителя эти должны пользоваться служебными правами приходскихъ учителей.

II. *Завѣдываніе начальными училищами.*

56) Преподаваніе въ медресе русскихъ предметовъ подчиняется надзору мѣстной дирекціи училищъ.

57) Преподаваніе закона магометанской вѣры подчиняется надзору кади-эскера, на что отпускаются ему прогоны и суточныя изъ татарскихъ суммъ.

58) На содержаніе учительской школы и учителей русскаго языка въ медрессе назначаются вакуфныя имущества, принадлежащія мечетямъ, упраздненнымъ за выходомъ Татаръ.

59) Ученики, окончившіе въ медресе курсъ ученія съ отличнымъ успѣхомъ въ религіозныхъ предметахъ и русскихъ, получаютъ право занимать низшія духовныя должности, безъ исключенія изъ оклада.

60) Экзаменъ въ предметахъ магометанской религіи производится при участіи кади-эскера и кади уѣзднаго; экзаменъ въ предметахъ русскихъ производится при участіи штатнаго смотрителя или другаго лица, назначеннаго дирекціею, каждый разъ по донесенію учителя русскаго языка и мудериса объ оканчивающихъ курсъ.

61) Если учительская школа по какой либо причинѣ закроется, то средства, на которыя содержалась она, поступаютъ опять въ распоряженіе тѣхъ лицъ или учрежденій, которыя будутъ завѣдывать свободными вакуфными имуществами.

B. Приготовительный татарскій классъ при Симферопольской гимназіи.

62) Для Татаръ, желающихъ поступить въ гимназію, коммиссія полагаетъ необходимымъ учредить особый приготовительный классъ при Симферопольской гимназіи. Гимназія можетъ дать для этого класса безмездное помѣщеніе съ отопленіемъ и мебелью, если татарское общество назначитъ 600 руб. жалованья учителю приготовительнаго класса.

63) Приготовительный классъ можетъ быть безплатно посѣщаемъ какъ

приходящими учениками, такъ и воспитанниками пансіона магометанскаго исповѣданія при гимназіи; учебныя пособія въ классѣ не даются.

64) Приготовительный классъ назначается для подготовленія учениковъ къ пониманію уроковъ 1-го класса гимназіи на русскомъ языкѣ.

65) На каждыхъ 25 учениковъ полагается особый учитель.

66) Срокъ пребыванія учениковъ въ приготовительномъ классѣ не опредѣляется, но зависитъ отъ возраста и успѣха учениковъ.

67) Въ приготовительномъ классѣ особый мулла, по выбору татарскаго общества, преподаетъ законъ магометанской вѣры.

68) Коммиссія обязывается ходатайствовать передъ начальствомъ объ освобожденіи учениковъ Татаръ отъ слушанія въ гимназіи иностранныхъ и славянскаго языковъ и естественной исторіи, въ видахъ привлеченія Татаръ въ русскія школы.

Д. Татарское отдѣленіе при пансіонѣ Симферопольской гимназіи.

69) Необходимо при открытіи пансіона гимназіи учредить отдѣленіе для мурзъ и другихъ Татаръ, на счетъ татарскихъ суммъ, на нижеслѣдующихъ условіяхъ:

Отдѣленіе это можетъ быть слито съ пансіономъ, но магометанскимъ дѣтямъ должна въ немъ даваться пища, дозволенная Кораномъ, а также возможность исполнять обряды магометанской религіи и изучать свой законъ.

70) Если родители магометанскаго вѣроисповѣданія, опредѣляющіе дѣтей своихъ въ пансіонъ гимназіи, желаютъ обезпечить дѣтямъ своимъ соблюденіе національныхъ и религіозныхъ обычаевъ, то должны дать средства на постоянное содержаніе и первоначальное обзаведеніе, по крайней мѣрѣ, 10 татарскихъ воспитанниковъ при пансіонѣ, хотя бы такого числа воспитанниковъ и не оказалось вначалѣ.

71) Въ противномъ случаѣ дѣти Татаръ могутъ поступать въ пансіонъ на общемъ основаніи.

72) Татары могутъ быть принимаемы въ пансіонъ даже безъ всякихъ свѣдѣній, и тогда должны обучаться въ приготовительномъ классѣ, впредь до возможности выдержать экзаменъ на поступленіе въ 1-й изъ классовъ гимназіи.

Къ § 49.

Приложеніе.

Смѣта расходовъ на содержаніе татарской учительской школы.

А. *Ежегодные расходы.*

Начальнику заведенія	1,200	руб.
3-мъ учителямъ (они же и воспитатели) и мудерису (онъ же имамъ) по 600 рублей	2,400	»
1-му учителю чистописанія и рисованія. .	300	»
1-му эконому (онъ же и бухгалтеръ) . .	120	»
На содержаніе 45-ти воспитанниковъ по 100 рублей въ годъ	4,500	»
Итого .	8,520	руб.
На наемъ дома (если не будетъ въ натурѣ).	700	»
Всего .	9,220	руб.

Б. *Расходы на первоначальное обзаведеніе.*

45 кроватей по 2 руб.	90	руб.
45 матрацовъ по 3 руб.	135	»
45 подушекъ по 1 руб.	45	»
135 простынь (по 3 на человѣка) . . .	180	»
45 одѣялъ по 4 руб.	180	»
Бѣлье и салфетки	450	»
45 шинелей по 6 руб.	270	»
8 столовъ со скамьями для учениковъ . .	120	»
3 стола и 3 стула для преподавателей . .	20	»
3 классныхъ доски.		»
Столъ и скамейки для столовой	30	»
1 буфетъ и кухонный столъ	20	»
2 шкафа для платья и бѣлья.	30	»
Кухонная, столовая и хозяйственная посуда.	200	»
На остальную непредвидимую мебель . .	100	»
Итого .	1,900	руб.

VII.

Заключеніе г. попечителя Одесскаго учебнаго округа.

1) Разсматривая внимательно записку о мѣрахъ къ образованію Татаръ, составленную мурзами Арсланъ-Беемъ и Карашайскимъ, и проектъ распростра-

ненія образованія среди крымскихъ Татаръ, составленный членами коммиссіи отъ учебнаго вѣдомства и исправленный согласно съ мнѣніемъ мурзъ, можно легко замѣтить, что записка мурзъ сильно вліяла въ коммиссіи на составленіе исправленнаго проекта.

Правда, что проектъ членовъ коммиссіи отъ учебнаго вѣдомства, и до разсмотрѣнія его коммиссіей, сходившись съ запискою мурзъ и въ главной цѣли, и въ основныхъ принципахъ, разнился только въ средствахъ исполненія; правда и то, что доводы, выставленные Татарами и заставившіе членовъ коммиссіи во многомъ съ ними согласиться, имѣютъ свою долю значенія (такъ, напримѣръ, члены коммисіи должны были согласиться на допущеніе въ учительскую школу и въ медресе учителей исключительно мусульманъ, ибо, по шаріату и по волѣ завѣщателей, вакуфы невозможно обращать на содержаніе иновѣрцевъ): но я все-таки полагалъ бы, для пользы дѣла, обезпечить успѣхъ его особымъ надзоромъ, а не предоставлять обученіе русской грамотѣ въ медресе исключительному вліянію мурзъ и мусульманскаго духовенства, дабы предположеніе объ этомъ обученіи осуществилось и осуществлялось на дѣлѣ, а не оставалось однимъ предположеніемъ.

Кромѣ инспектора со стороны учебнаго вѣдомства, особо для этой цѣли назначеннаго, я полагалъ бы весьма полезнымъ для образованія Татаръ въ русскомъ духѣ привлечь гг. мировыхъ посредниковъ, въ качествѣ почетныхъ попечителей медресе.

2) Я полагалъ бы на первое время ограничиться самыми умѣренными и практическими требованіями; ибо первый шагъ долженъ рѣшить судьбу всего дѣла. Мнѣ кажется, что чѣмъ незамѣтнѣе привьется къ татарской жизни русское образованіе, тѣмъ прочнѣе и легче будетъ развитіе этого образованія въ будущемъ.

3) Прежде всего я полагалъ бы остановиться на такихъ мѣрахъ, которыя бы заключали крѣпкую основу для будущаго развитія дѣла, именно, на приготовленіи учителей русскаго языка для татарскихъ школъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ ожиданіи, пока принесетъ желанные плоды эта органическая мѣра, требующая для своего осуществленія значительныхъ средствъ и времени, нужно приступить къ дѣлу немедленно, съ помощію наличныхъ средствъ.

4) Такъ какъ настоящій вопросъ составляетъ исключительную важность, то я полагалъ бы возможнымъ принять и исключительныя мѣры для привлеченія въ татарскія школы учениковъ, учащихъ и распорядителей; поэтому не слѣдовало бы затрудняться несоотвѣтствіемъ служебнаго положенія учащихъ и начальствующихъ и разныхъ льготъ для татарскихъ учениковъ, оканчивающихъ курсъ, съ подобнымъ же положеніемъ и льготами въ существующихъ общихъ училищахъ Имперіи. Поэтому я полагалъ бы возможнымъ дать преиму-

щества служащимъ въ учительской школѣ гораздо выше тѣхъ преимуществъ, какія даны для служащихъ въ уѣздномъ училищѣ, съ цѣлію привлечь въ татарскую учительскую школу людей съ высшимъ образованіемъ. Ту же самую мѣру можно, кажется, приложить и къ почетному попечителю татарской учительской школы, сравнивъ его права съ правами, присвоенными сей должности въ гимназіяхъ, такъ какъ къ этой должности надо привлечь лицо изъ татарскихъ мурзъ, наиболѣе вліятельное. Такое лицо, принадлежа къ знатнѣйшимъ и богатѣйшимъ фамиліямъ въ Крыму, безъ сомнѣнія, не затруднится никакими пожертвованіями, имѣя права почетнаго попечителя гимназіи; но врядъ ли кто изъ такихъ лицъ захочетъ принять на себя эту должность, если она, по классу, будетъ ниже должности начальника школы.

5) Я не раздѣляю мнѣнія коммисеіи объ освобожденіи учениковъ Татаръ отъ обязательнаго изученія иностранныхъ языковъ въ Симферопольской гимназіи. По моему мнѣнію, они могутъ быть освобождены только отъ слушанія естественной исторіи, славяно-церковнаго языка и, по выбору, отъ одного изъ новѣйшихъ иностранныхъ языковъ. Латинскій же языкъ, какъ краеугольный камень гимназическаго ученія, и одинъ изъ новѣйшихъ иностранныхъ языковъ должны быть и для Татаръ обязательны. Впрочемъ, нельзя вполнѣ отрицать и доводовъ коммисеіи о необходимости облегчить Татарамъ воспитаніе въ русскихъ гимназіяхъ посредствомъ освобожденія ихъ отъ обязательнаго изученія иностранныхъ языковъ. Члены коммисіи находили, что какъ ни противорѣчитъ это условіе истиннымъ требованіямъ педагогіи, все-таки слѣдуетъ сдѣлать временное исключеніе въ пользу Татаръ, ибо ихъ образованіе въ русскомъ духѣ составляетъ въ настоящее время вопросъ еще не педагогическій, а политическій.

6) Образованіе Татаръ въ Крыму есть дѣло государственной важности. Чтобъ это государственное дѣло осуществилось въ возможной скорости, я полагалъ бы, что не слѣдовало бы ожидать изысканія мѣстныхъ денежныхъ средствъ на этотъ предметъ, то-есть, продажи вакуфовъ,—собираніе свѣдѣній объ нихъ и самая продажа потребуетъ много времени,—а надлежало бы, какъ только вопросъ объ образованіи Татаръ окончательно выработается, немедленно приступить къ отпуску изъ казны денегъ на устройство и содержаніе учительской школы для приготовленія татарскихъ учителей въ медресе, и прекратить отпускъ, какъ только вырученная отъ продажи вакуфовъ сумма дастъ возможность отнести на нее расходъ, производимый на татарское образованіе.

Офиціальные документы

по вопросу объ образованіи инородцевъ.

Вопросъ объ образованіи инородцевъ обратилъ на себя особенное вниманіе Г. Министра Народнаго Просвѣщенія при обозрѣніи имъ учебныхъ округовъ: Казанскаго — въ 1866, и Одесскаго — въ 1867 годахъ. Во всеподданнѣйшемъ своемъ отчетѣ Государю Императору (въ первомъ изъ упомянутыхъ годовъ) Графъ Д. А Толстой говорилъ слѣдующее объ инородцахъ нашихъ восточныхъ губерній:

«Доселѣ благами просвѣщенія пользуются въ Казанскомъ округѣ едва ли не исключительно дѣти изъ средняго и высшаго сословій; народъ, какъ Русскій, такъ и инородный, почти лишенъ его. Между тѣмъ, инородцы обитаютъ въ большомъ числѣ почти во всѣхъ губерніяхъ этого округа въ томъ же невѣжествѣ, въ которомъ находились нѣсколько столѣтій тому назадъ, и притомъ въ отчужденности отъ русскаго элемента.

«Просвѣщать постепенно инородцевъ, сближать ихъ съ русскимъ духомъ и съ Россіею составляетъ, по моему мнѣнію, задачу величайшей политической важности въ будущемъ; на этотъ путь слѣдуетъ направить какъ дѣятельность духовенства, такъ и заботы окружнаго начальства Министерства Народнаго Просвѣщенія. Съ сокрушеніемъ долженъ сознаться, что православное духовенство въ этомъ отношеніи бездѣйствуетъ: отступничество нѣсколькихъ тысячъ крещеныхъ Татаръ служитъ явнымъ тому доказательствомъ.

«Татары эти были христіанами только по имени, точно такъ же, какъ многіе Латыши въ Остзейскихъ губерніяхъ считались православными; какъ тамъ, духовенство ограничилось и здѣсь внесеніемъ ихъ въ метрическія книги и не позаботилось утвердить ихъ въ православномъ христіанствѣ. Къ счастію, въ прошломъ году два частныя лица, по убѣжденію и призванію, положили начало дѣйствительнаго и прочнаго миссіонерства: профессоръ Университета Ильминскій и профессоръ Духовной Академіи Маловъ учредили на собственныя, весьма ограниченныя, средства, школу для крещеныхъ Татаръ; школа эта заслужила

всеобщее сочувствіе, а теперь устраиваются уже съ тою же цѣлію двѣ небольшія татарскія школы въ уѣздахъ, гдѣ преподавателями будутъ молодые Татары, обучавшіеся въ Казанской школѣ. Оказавъ этой послѣдней школѣ все, зависящее отъ меня содѣйствіе, я предполагаю сдѣлать изъ нея современемъ центральное татарское училище, связывая съ нимъ всѣ татарскія школы, которыя удастся устроить какъ въ Казанской, такъ и въ смежныхъ съ нею губерніяхъ. Вообще же относительно просвѣщенія Татаръ, я имѣю слѣдующее намѣреніе: 1) Казанскую татарскую школу устроить окончательно и увеличить; городъ подарилъ ей уже мѣсто, а одинъ купецъ вызвался на свой счетъ возвести зданіе; 2) завести подобную же школу въ Симбирской губерніи, для чего я поручилъ профессору Ильминскому отправиться въ Симбирскъ для совѣщанія съ губернаторомъ, барономъ Веліо, весьма сочувствующимъ этому важному дѣлу; 3) въ Самарской губерніи, гдѣ до 180 т. магометанъ, устроить духовную миссію, которую обѣщаетъ принять въ особое свое попеченіе вновь назначенный въ Самару епископъ Герасимъ, бывшій викарій митрополита С.-Петербургскаго; 4) въ селенія крещеныхъ Татаръ назначать священниками по возможности Татаръ же, обучавшихся въ школахъ, облегчивъ имъ экзамены и не обязывая проходить чрезъ семинарію, о чемъ я предложу на обсужденіе Св. Синода; 5) перевести литургію на народное татарское нарѣчіе, такъ какъ существующій переводъ слишкомъ ученъ, наполненъ непонятными для татарскаго простонародья арабскими словами; за это дѣло взялся тотъ же профессоръ Ильминскій; 6) русскія сельскія народныя школы устроивать преимущественно въ мѣстностяхъ, въ которыхъ народонаселеніе смѣшанное, состоящее изъ Русскихъ и инородцевъ, для распространенія между сими послѣдними знанія русскаго языка. Осмѣливаюсь думать, что этими, далеко неполными распоряженіями, положится по крайней мѣрѣ начало просвѣщенія инородцевъ и столь необходимаго сближенія ихъ съ Россіею.

«Проникнутый убѣжденіемъ, что въ дѣлѣ такомъ трудномъ и долгомъ нельзя дѣйствовать одними чиновниками, а слѣдуетъ искать людей, сдѣлавшихъ изъ онаго свое призваніе, я старался, въ бытность мою въ Казани, найдти такого дѣятеля и для просвѣщенія Чувашей, и отыскалъ его въ лицѣ г. Золотницкаго, бывшаго вятскаго мироваго посредника, о которомъ имѣются самые лучшіе отзывы.»

Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ Г. Министра Народнаго Просвѣщенія за 1867 годъ, объ обозрѣніи имъ Одесскаго учебнаго округа, говорится слѣдующее:

«Во время пребыванія въ Ливадіи, Ваше Императорское Величество конечно изволили замѣтить, что крымскіе Татары не только плохо или даже вовсе не говорятъ по-русски, но иногда и не понимаютъ нашего языка. Это происходитъ оттого, что русскихъ школъ для Татаръ въ Крыму нѣтъ, а въ та-

тарскихъ школахъ по-русски не учатъ. Эти послѣднія школы суть въ сущности духовныя училища, состоящія въ завѣдываніи муллъ; онѣ посѣщаются людьми всѣхъ возрастовъ, при чемъ дѣти учатся читать и писать по-арабски; главный предметъ преподаванія—коранъ. Въ настоящее время такихъ школъ или медресъ считается въ Крыму 136 съ 4,471 учениковъ. Посѣщеніе этихъ школъ считается для магометанъ обязательнымъ въ возрастѣ отъ 6 до 15 лѣтъ, а ученіе происходитъ въ нихъ ежедневно (кромѣ пятницы) около семи часовъ (по 4 часа до обѣда и по 3 послѣ обѣда).

«Татаръ въ Крыму считается около ста тысячъ душъ обоего пола, и всѣ они, можно сказать, отчуждены отъ Россіи. Во всякой мѣстности такой фактъ былъ бы прискорбнымъ, а на окраинѣ государства онъ даже опасенъ, что̀ и доказано событіями послѣдней войны. Несправедливо было бы сказать, что въ прежнее время правительство не обращало вниманія на этотъ важный предметъ; напротивъ того, оно уже давно сознавало его значеніе, и, начиная съ 1827 года, испробованы были всевозможныя системы образованія крымскихъ Татаръ: пытались привлечь татарскихъ дѣтей въ общія училища введеніемъ въ нихъ преподаванія татарскаго языка; учреждали особые татарскіе классы отдѣльно и въ связи съ приходскими училищами; наконецъ, пробовали ввести преподаваніе русскаго языка въ медресе. Но всѣ эти попытки остались безъ замѣтнаго результата для образованія массы Татаръ, потому что не было приложено достаточной энергіи въ исполненіи, и правительство не остановилось твердо на одной, вполнѣ обдуманной системѣ, а перепробовало всевозможныя; какъ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, и здѣсь оказалось, что ничего не можетъ быть безцѣльнѣе какъ пробы; въ школу можно вводить только то, что̀ испытано и не подлежитъ сомнѣнію и колебаніямъ.

«Сознавая вполнѣ государственное значеніе образованія многочисленныхъ инородческихъ племенъ, обитающихъ въ Имперіи, я не могъ упустить изъ виду и вопроса объ образованіи крымскихъ Татаръ, и потому просилъ попечителя Одесскаго учебнаго округа заняться особо этимъ важнымъ дѣломъ, а между тѣмъ, для ближайшаго изученія вопроса и мѣстныхъ обстоятельствъ, командировалъ въ Крымъ редактора журнала Министерства, Георгіевскаго, которому близко извѣстны принимаемыя мною мѣры для образованія Казанскихъ Татаръ. Въ настоящее время учреждена особая коммисія въ Симферополѣ изъ мѣстныхъ жителей и чиновъ учебнаго вѣдомства, которой предложено начертать подробный планъ образованія Татаръ; а для облегченія ея трудовъ доставлены ей, собранныя г. Георгіевскимъ, историческія данныя и соображенія его по этому дѣлу*).

*) Результаты совѣщаній означенной коммиссіи изложены въ перепечатанной въ этомъ сборникѣ статьѣ *Журнала Минист. Народ. Просв.*, см. стр. 97.

«Не предрѣшая вопроса, но обсуждая его по имѣвшимся у меня въ рукахъ свѣдѣніямъ, я склоненъ думать, что наибольшаго успѣха обѣщаетъ обязательное введеніе преподаванія русскаго языка во всѣхъ медресахъ Крыма, нисколько не касаясь религіознаго въ нихъ ученія. Пусть Татары заводятъ гдѣ и сколько угодно медресовъ, читаютъ въ нихъ Коранъ, какъ признаютъ за лучшее, но будутъ обязаны содержать учителя русскаго языка при каждой медресѣ; другими словами: иначе не дозволять открытія медресе, какъ если они обяжутся учить въ ней русскому языку. Мнѣ кажется, что правительство имѣетъ полное право предъявить такое требованіе, потому что восточное происхожденіе и магометанская вѣра нисколько не изъемлютъ крымскихъ Татаръ изъ общаго государственнаго состава. Такимъ образомъ, русскій языкъ и составитъ ту незамѣтную, но дѣйствительную связь, которая постепенно будетъ тянуть Татаръ къ государственному центру—къ Россіи; система эта испытана уже надъ Евреями, какъ у насъ, такъ и заграницею, и оказалась вполнѣ достигающею цѣли: гдѣ есть связь слова и понятій, тамъ возникаетъ современемъ и связь мысли и убѣжденій, и ослабляется племенная отчужденность.

« На первое время большимъ препятствіемъ къ осуществленію этой системы послужитъ недостатокъ въ учителяхъ, такъ какъ они должны знать и русскій, и татарскій языки, чтобы быть понятными для дѣтей Татаръ; но препятствіе это не есть непреодолимое: стоитъ завести вначалѣ лишь нѣсколько школъ, для коихъ можно будетъ пріискать такихъ учителей, а впослѣдствіи сами эти школы въ состояніи будутъ доставлять учителей, если при нихъ устроить двухъ или трехлѣтніе педагогическіе курсы; тогда изъ самихъ Татаръ будутъ выходить учителя, знающіе русскій языкъ, чему и имѣются недавніе примѣры въ Казанскомъ учебномъ округѣ».

Въ декабрѣ 1866 года особый Комитетъ въ Казани, подъ предсѣдательствомъ попечителя Казанскаго учебнаго округа, разсматривалъ, по порученію Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, представленныя въ Министерство двѣ записки священника Баратынскаго: 1) *Объ устройствѣ сельскихъ училищъ Буинскаго уѣзда* и 2) *О введеніи русскаго языка и грамотности въ татарскихъ училищахъ*, при чемъ обращено было вниманіе на мнѣніе, выраженное объ упомянутыхъ запискахъ г. Золотницкимъ въ брошюрѣ его: «*По вопросу о способахъ образованія Чувашъ*».

Всѣ эти документы (они помѣщены ниже) препровождены были Г. Министромъ на обсужденіе Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Выписка изъ журнала ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія.

(27 февраля 1867 года).

I. Въ засѣданіи ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, 20 февраля, въ которое, по приказанію г. министра народнаго просвѣщенія, былъ приглашенъ ординарный профессоръ с.-петербургскаго университета Григорьевъ, *слушали:* нижеслѣдующую записку г. члена Георгіевскаго, по вопросу объ училищахъ для инородческихъ дѣтей въ Казанскомъ учебномъ округѣ.

«По приказанію его сіятельства, г. министра народнаго просвѣщенія, имѣю честь представить мнѣніе по вышеозначенному предмету, прилагая при семъ записки священника Баратынскаго: 1) объ устройствѣ сельскихъ училищъ Буинскаго уѣзда и 2) о введеніи русскаго языка и русской грамотности въ татарскихъ училищахъ; 3) брошюру г. Золотницкаго о способахъ образованія Чувашъ, служащую отвѣтомъ на первую изъ упомянутыхъ записокъ; 4) протоколъ комитета, который, подъ предсѣдательствомъ г. попечителя Казанскаго учебнаго округа и при участіи г. Золотницкаго, разсматривалъ упомянутыя записки, и 5) отзывъ симбирскаго губернатора на имя г. министра *).

Исчисленные здѣсь документы касаются двухъ вопросовъ: 1) о религіозно-нравственномъ образованіи инородцевъ вообще и обрусеніи Чувашъ въ особенности и 2) о мѣрахъ къ обрусенію Татаръ-магометанъ, и представляютъ два совершенно различные взгляда на эти предметы. Разногласіе это, особенно по вопросу о чувашскихъ школахъ, касается, главнѣйшимъ образомъ, слѣдующихъ пунктовъ: 1) Должно ли преподаваніе быть ведено, съ самаго начала, по-русски, какъ того желаетъ о. Баратынскій, или же языкомъ преподаванія должно быть первоначально инородческое нарѣчіе, какъ то отстаиваетъ г. Золотницкій и, согласный съ нимъ въ этомъ и въ другихъ отношеніяхъ, казанскій комитетъ? 2) Долженъ ли быть заранѣе установленъ порядокъ относительно времени ученія и распредѣленія его по классамъ (отецъ Баратынскій), или же это дѣло можетъ быть предоставлено усмотрѣнію училищныхъ совѣтовъ и мѣстныхъ педагоговъ (казанскій комитетъ), и, наконецъ, 3) Должны ли священнослужители, «извѣстные своею опытностью въ педагогическомъ дѣлѣ», быть распорядителями училища, а свѣтскіе учители только ихъ помощниками, или же распорядителями, учителями и даже законоучителями должны быть тѣ, которые имѣютъ болѣе

*) Означенные документы помѣщены ниже.

способовъ къ дѣйствію на инородческихъ дѣтей, независимо отъ ихъ званія? Разсмотримъ всѣ эти пункты по порядку.

1) Несомнѣнно, что преподаваніе можетъ быть ведено съ успѣхомъ лишь на томъ языкѣ, который дѣти въ состояніи понимать. Дѣйствительно ли дѣти Чувашъ совсѣмъ не знаютъ и не понимаютъ по-русски,—объ этомъ могутъ судить лишь мѣстные обыватели, мѣстное училищное начальство и училищные совѣты, а равно и знатоки этого инородческаго племени. Отецъ Баратынскій и г. Золотницкій всѣми своими разсужденіями подаютъ поводъ думать, что Чуваши дѣйствительно совсѣмъ не знаютъ по-русски. Если это такъ, то очевидно, что въ самомъ началѣ преподавать имъ, чтобы то ни было, возможно не иначе какъ съ помощью ихъ чувашскаго нарѣчія. Въ прежнее и даже въ настоящее время, къ сожалѣнію, это не всегда дѣлалось и дѣлается въ чувашскихъ училищахъ, и самъ отецъ Баратынскій свидѣтельствуетъ, что преподаваніе Закона Божія въ настоящее время «голословное», т. е. не соединенное съ пониманіемъ мальчиками того, что имъ преподается, и въ числѣ причинъ такой неудовлетворительности преподаванія косвенно намекаетъ на то, что оно ведется на русскомъ языкѣ, прежде чѣмъ этотъ языкъ станетъ доступнымъ для чувашскихъ дѣтей; а г. Золотницкій объясняетъ и малоуспѣшность преподаванія Закона Божія, и вообще неудовлетворительность результатовъ, достигнутыхъ чувашскими школами въ 25-лѣтній періодъ ихъ существованія, и отвращеніе этихъ инородцевъ къ грамотѣ и къ ученію, тѣмъ, что все преподаваніе отъ начала и до конца ведется на русскомъ языкѣ, который, повидимому, все время остается для учениковъ непонятнымъ или же весьма малопонятнымъ. Очевидно, что такой порядокъ вещей не можетъ быть долѣе терпимъ; но слѣдуетъ ли изъ этого, что онъ долженъ быть замѣненъ другою противоположною крайностію, къ которой, повидимому, склоняется г. Золотницкій и, согласный съ нимъ, Казанскій комитетъ? Въ самомъ дѣлѣ, по мнѣнію г. Золотницкаго, въ училищахъ, устраиваемыхъ русскимъ правительствомъ для Чувашъ,—между прочимъ, и въ видахъ ихъ обрусенія и, какъ выразился г. попечитель Казанскаго учебнаго округа, «для возможнаго слитія этой безурядной, стоящей особнякомъ, массы съ общимъ строемъ русской жизни»,—господствующимъ, главнѣйшимъ языкомъ преподаванія долженъ быть не русскій языкъ, а чувашское нарѣчіе. Такъ, «дѣло религіозно-нравственнаго образованія чувашскихъ дѣтей, говоритъ г. Золотницкій, должно быть ведено непремѣнно на народномъ языкѣ»; для нихъ должны быть составлены чувашскіе учебники и чувашскія книги для чтенія, и самъ г. Золотницкій принялся за это дѣло съ ревностью, дѣйствительно замѣчательною, но едва ли непреувеличенною, какъ видно изъ поименованія 12 сочиненій на чувашскомъ нарѣчіи, изготовляемыхъ имъ къ печати, изъ коихъ отпечатанъ пока одинъ лишь чувашскій календарь (въ числѣ этихъ учебныхъ сочиненій зна-

чится, между прочимъ, и изложеніе основныхъ правилъ чувашскаго языка, какъ тюркскаго нарѣчія, такъ какъ бы ученики должны были не только употреблять этотъ языкъ въ школѣ, но и изучать его грамматически); затѣмъ въ первый періодъ обученія по этимъ книгамъ, въ которыхъ, правда, дѣлается опытъ примѣненія русской азбуки къ звукамъ чувашскаго нарѣчія,—чувашскіе мальчики должны учиться и грамотѣ (чтенію, письму и счисленію) и Закону Божію (молитвамъ, катихизису, священной исторіи, объясненію праздниковъ), а вмѣстѣ съ тѣмъ и русскому разговорному языку, и потомъ уже, во второй періодъ, чтенію сперва русскихъ (гражданской печати), а потомъ славянскихъ (церковной печати) книгъ, «съ непремѣннымъ переводомъ читаннаго на чувашскій языкъ, объясненію литургіи, правиламъ русскаго правописанія и церковному пѣнію на славянскомъ и чувашскомъ языкахъ», такъ что чувашское нарѣчіе все время остается языкомъ преподаванія и, до нѣкоторой степени, возводится на степень языка литературнаго, научнаго и даже церковнаго. Предоставляя судить спеціалистамъ, на сколько русская азбука примѣнима къ чувашскимъ звукамъ и не придется ли г. Золотницкому, для передачи чувашскимъ дѣтямъ истинъ христіанской религіи и употребительныхъ у насъ молитвъ и церковныхъ пѣсней, создать изъ элементовъ чувашскаго нарѣчія и тюркскихъ нарѣчій новый языкъ, не болѣе понятный чувашскимъ дѣтямъ, чѣмъ языкъ русскій, я позволяю себѣ только спросить: слѣдуетъ ли русскому правительству заботиться о литературномъ развитіи нарѣчія, безъ сомнѣнія, столь же грубаго и скуднаго, какъ и сами Чуваши, и послужили ли бы эти заботы къ ихъ обрусенію, или же, напротивъ, къ ихъ сближенію съ Татарами, въ томъ весьма вѣроятномъ случаѣ, если бы для такого развитія чувашскаго нарѣчія пришлось заимствовать лексическіе и грамматическіе элементы изъ болѣе развитаго языка книжнаго татарскаго? X

Какіе же доводы приводитъ г. Золотницкій въ пользу первенствующаго положенія чувашскаго нарѣчія въ чувашскихъ школахъ? Г. Золотницкій говоритъ прежде всего во имя гуманности: «человѣчно ли поступимъ мы, усаживая чувашскаго ребенка за русскій букварь и заставляя его долбить на чуждомъ ему языкѣ молитвы, катихизисъ, исторію и пр.»? Конечно, нѣтъ; но почти столь же нечеловѣчно было бы засадить ребенка и за чувашскій букварь, какъ того непремѣнно желаетъ Казанскій комитетъ, и заставлять *долбить* по-чувашски то же, что теперь заставляютъ долбить по-русски. Дѣло въ этомъ случаѣ не въ языкѣ, а въ разумной послѣдовательности и въ хорошихъ пріемахъ преподаванія, а съ здравыми педагогическими требованіями едва ли возможно согласить мнѣніе Казанскаго комитета, что обученіе въ инородческихъ училищахъ должно начинаться съ букваря, на томъ основаніи, что въ нихъ «*по всей вѣроятности*, будутъ поступать дѣти уже довольно возрастныя, а

такъ какъ въ букварѣ, послѣ обученія чтенію, содержится религіозное ученіе, то и религіозное ученіе, между прочимъ, должно начаться съ самаго начала школы. На это слѣдуетъ замѣтить, что постепенность и послѣдовательность преподаванія опредѣляются, конечно, не возрастомъ, а степенью предварительныхъ познаній учениковъ, и не должны состоять въ зависимости отъ того или другаго порядка, принятаго въ томъ или другомъ букварѣ. Далѣе г. Золотницкій говоритъ, что знаніе Закона Божія, какъ науки, недостаточно, а необходимо усвоеніе этого знанія душою, «подобное же усвоеніе возможно только при посредствѣ живаго языка, которымъ человѣкъ привыкъ говорить съ дѣтства». Что справедливо въ этомъ замѣчаніи, то относится не столько къ учителямъ, сколько къ проповѣдникамъ, и, конечно, пока русскій языкъ не сталъ для взрослыхъ или невзрослыхъ Чувашъ своимъ языкомъ, священники или законоучители потратили бы даромъ все свое краснорѣчіе, если бы стали проповѣдывать имъ слово Божіе по-русски и вздумали бы своею русскою, т. е. непонятною или малопонятною, проповѣдью дѣйствовать на сердца своихъ слушателей. Пусть при самомъ вступленіи дѣтей въ школу и впродолженіе всего времени, пока они не усвоятъ себѣ русскаго языка, ихъ законоучители и учители проповѣдываютъ имъ слово Божіе по-чувашски, на сколько это возможно, и своею проповѣдью, обнимающею лишь самыя поразительныя и наиболѣе величавыя части христіанскаго ученія, производятъ возможно-сильнѣйшее впечатлѣніе на дѣтей; но къ правильному, настоящему изученію Закона Божія и священной исторіи пусть дѣти приступятъ въ то время, когда они овладѣютъ соотвѣтственнымъ этому дѣлу языкомъ, т. е. языкомъ русскимъ. Введеніемъ такого рода проповѣдей въ низшихъ классахъ чувашскихъ школъ (проповѣдей краткихъ, по два или по три раза въ недѣлю) будутъ достаточно, и даже лучше, чѣмъ правильнымъ преподаваніемъ Закона Божія съ самаго начала и по-чувашски, выполнены требованія, выставленныя въ протоколѣ Казанскаго комитета, то есть будетъ восполненъ недостатокъ религіознаго воспитанія въ инородческихъ семьяхъ, будетъ устранена необходимость откладывать религіозное образованіе дѣтей до времени достаточнаго усвоенія ими русскаго языка, и, наконецъ, будетъ положено прочное начало глубокой сердечной религіозности, на сколько къ ней способны Чуваши, и, что также весьма важно, не понадобится, какъ того желаетъ Казанскій комитетъ, употреблять на первый разъ на религіозное образованіе больше времени, нежели на обученіе русскому языку. Вмѣстѣ съ тѣмъ устранится и третье неудобство, которое г. Золотницкій выставляетъ противъ русскаго языка, а именно: родители поймутъ и узнаютъ отъ своихъ дѣтей, чему и для чего ихъ учатъ, или, лучше сказать, что и для чего имъ проповѣдываютъ ихъ законоучителя и учители въ школѣ. Наконецъ, требованіе постепенности въ обученіи нисколько не будетъ нарушено,

какъ того опасается г. Золотницкій, если, слушая по два или по три раза въ недѣлю краткія поученія изъ Закона Божія, дѣти въ то же время будутъ, при помощи чувашскаго нарѣчія и указаній на предметы, ихъ качества, дѣйствія или состоянія, учиться разговорному русскому языку, знакомясь въ то же время сознательно и съ окружающими ихъ предметами и явленіями и переходя въ строгой постепенности отъ ближайшаго и легчайшаго къ отдаленнѣйшему и труднѣйшему и, наконецъ, къ отвлеченнымъ понятіямъ, а затѣмъ, получивъ навыкъ въ употребленіи русскаго языка и пройдя этотъ, такъ сказать, курсъ нагляднаго обученія, приступятъ и къ изученію русской грамоты, не по чувашскимъ, а по русскимъ букварямъ и книгамъ, а также къ изученію Закона Божія на русскомъ языкѣ и къ чтенію Св. Писанія по-русски и по-церковно-славянски. Лишь къ самому концу всего начальнаго ученія чувашскихъ дѣтей можно было бы пріучать ихъ къ чтенію и пониманію Евангелія на чувашскомъ нарѣчіи,—но напечатаннаго русскими буквами, — для того, чтобъ они могли въ средѣ взрослыхъ Чувашъ, которымъ совершенно чуждъ русскій языкъ, дѣйствовать чтеніемъ и объясненіемъ Евангелія на чувашскомъ нарѣчіи въ качествѣ исповѣдниковъ слова Божія, какъ того желаетъ г. Золотницкій. Но и тутъ должно быть сдѣлано различіе, смотря по мѣстностямъ: гдѣ Чуваши вообще начали уже усвоивать себѣ и, по крайней мѣрѣ, понимать русскій языкъ, тамъ нѣтъ надобности, чтобы дѣти ихъ учились читать и понимать Евангеліе по-чувашски. Во всякомъ же случаѣ, Евангеліе на чувашскомъ нарѣчіи, по русскими буквами, съ поясненіемъ въ предисловіи особыхъ знаковъ, введенныхъ при этомъ по свойствамъ чувашскихъ звуковъ, вмѣстѣ съ сборникомъ вышеупомянутыхъ поученій, должны быть единственными книгами на этомъ нарѣчіи, появленіе и распространеніе которыхъ можетъ быть желательно для русскаго правительства, — не говоря о грамматикѣ чувашскаго нарѣчія, если она будетъ имѣть научное значеніе и назначеніе.

Такимъ образомъ, доводы г. Золотницкаго въ пользу преобладанія инородческихъ нарѣчій въ инородческихъ училищахъ оказываются несостоятельными и свидѣтельствуютъ лишь объ его увлеченіи, которое доводитъ до желанія «пробудить въ Чувашахъ племенное самолюбіе и уваженіе къ собственному языку», — увлеченіе, впрочемъ, понятное въ человѣкѣ, употребившемъ, безъ сомнѣнія, не мало времени на изученіе своей спеціальности, но такое, которому едва ли можетъ поддаться или сочувствовать русское правительство или русское общество.

Итакъ, по первому пункту мы приходимъ къ заключенію, что въ инородческихъ школахъ Казанскаго округа, учреждаемыхъ правительствомъ или его заботами, языкомъ обученія долженъ быть русскій языкъ, а мѣстныя нарѣчія могутъ служить лишь орудіемъ при первоначальномъ обученіи, и чѣмъ скорѣе будетъ

оставляемо это орудіе, тѣмъ будетъ лучше. Это относится вообще ко всѣмъ инородческимъ училищамъ, особенно же къ татарскимъ, такъ какъ, по признанію самого Казанскаго комитета, Татары вездѣ уже свыклись, болѣе или менѣе, съ русскою разговорною рѣчью, и, слѣдовательно, имѣютъ менѣе надобности, чѣмъ многіе изъ Чувашъ, въ толкованіяхъ на ихъ племенномъ нарѣчіи. Тѣмъ менѣе можетъ быть принято мнѣніе Казанскаго комитета о необходимости, будто бы, въ приготовительномъ классѣ предполагаемаго въ Казани татарскаго уѣзднаго училища начинать съ обученія татарскихъ мальчиковъ татарской грамотѣ по особо составленнымъ учебникамъ на народномъ татарскомъ языкѣ, но русскими буквами, а затѣмъ въ нормальныхъ классахъ уѣзднаго училища — «уяснить грамматическіе законы народнаго татарскаго языка». Правительство еще можетъ потерпѣть, чтобы тѣ или другіе изъ болѣе просвѣщенныхъ инородцевъ восточной окраины Россіи сами заботились о литературномъ и грамматическомъ развитіи ихъ нарѣчій и о введеніи ихъ въ употребленіе въ учреждаемыхъ ими частныхъ школахъ, но принимать на себя подобныя заботы или оказывать имъ какое бы то ни было содѣйствіе, казалось бы, оно отнюдь не призвано. Поэтому и желаніе Казанскаго комитета, чтобы къ ст. 4 Положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ было присоединено замѣчаніе, «что въ Казанскомъ учебномъ округѣ, въ начальныхъ народныхъ училищахъ для Татаръ, Чувашъ, Черемисъ и прочихъ инородцевъ, дозволяется первоначальное обученіе на ихъ собственныхъ народныхъ языкахъ», должно быть рѣшительно отклонено.

2) Вопреки мнѣнію отца Баратынскаго, который представилъ даже подробный учебный планъ, съ распредѣленіемъ предметовъ ученія по годамъ, четырехлѣтняго курса чувашскихъ школъ, Казанскій комитетъ отвергаетъ необходимость какой бы то ни было регламентаціи какъ относительно распредѣленія уроковъ, предметовъ и времени ученія, такъ и относительно выбора учебниковъ и пособій, предоставляя все это, какъ дѣло будто бы не такъ существенное, усмотрѣнію мѣстныхъ училищныхъ совѣтовъ или самихъ педагоговъ. Съ этимъ никакъ нельзя согласиться, хотя нельзя и одобрить учебнаго плана отца Баратынскаго. Прежде всего должно быть постановлено общимъ правиломъ, что на время полевыхъ работъ дѣти увольняются отъ ученія для того, чтобы не повторялись тѣ злоупотребленія, на которыя указываетъ отецъ Баратынскій, самое же время это, разумѣется, должно быть опредѣлено разъ навсегда мѣстными училищными совѣтами въ соотвѣтствіи съ мѣстными условіями. Далѣе; относительно выбора учебниковъ и пособій, пригодныхъ для инородческихъ начальныхъ училищъ Казанскаго учебнаго округа, сіи послѣднія должны быть подчинены тѣмъ же правиламъ, какъ и вообще всѣ начальныя училища. Что же касается до учебнаго плана, то онъ дѣйствительно долженъ быть опредѣленъ лишь въ общихъ чертахъ, безъ указанія, что должно быть сдѣлано въ тотъ или

въ другой годъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ многое зависитъ отъ степени, весьма различной въ разныхъ мѣстностяхъ, знакомства тѣхъ или другихъ инородцевъ съ русскимъ языкомъ. Планъ этотъ, соотвѣтствующій, по моему мнѣнію, тройкой цѣли — религіозно-нравственнаго образованія, умственнаго развитія и обрусенія инородцевъ,—въ сущности уже изложенъ мною выше; считаю не лишнимъ, однакоже, представить его здѣсь въ болѣе сжатомъ видѣ.

Учебный планъ для инородческихъ начальныхъ училищъ.

А. Курсъ этихъ училищъ, по трудности усвоенія инородческими дѣтьми русскаго языка, долженъ быть, по меньшей мѣрѣ, четырехлѣтній, какъ и теперь въ чувашскихъ училищахъ.

Б. Все обученіе въ нихъ раздѣляется на 2 періода, къ которымъ присоединяется еще 3-й, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ инородцамъ почти совершенно чуждъ русскій языкъ.

В. Въ первый періодъ дѣти обучаются, при помощи мѣстныхъ нарѣчій, русскому разговорному языку, посредствомъ нагляднаго обученія. Въ этотъ же періодъ они слушаютъ на своемъ племенномъ нарѣчіи, буде не въ состояніи хорошо понимать простую русскую рѣчь, по два или по три раза въ недѣлю, краткія поученія, которыя послѣдовательно должны обнимать важнѣйшія событія священной исторіи (сотвореніе міра, грѣхопаденіе, обѣтованіе Искупителя, Рождество Спасителя, основныя черты Его ученія, главнѣйшія изъ Его чудесъ, входъ въ Іерусалимъ, послѣднюю вечерю, страданія и смерть, воскресеніе и вознесеніе на небо, ученіе о безсмертіи души и жизни будущаго вѣка), а также и пояснить вкратцѣ литургію и нравственныя обязанности. Сверхъ того, дѣти могутъ быть наглядно ознакомлены съ принадлежностями православнаго храма. Упомянутыя поученія, для облегченія преподавателей, могутъ быть составлены и напечатаны на инородческихъ нарѣчіяхъ, но русскими буквами, попеченіемъ и съ благословенія Св. Синода. При этомъ дѣти не должны ничего выучивать наизусть и не должны даже быть спрашиваемы, такъ какъ упомянутыя поученія должны дѣйствовать преимущественно на ихъ воображеніе и сердце.

Г. Второй періодъ обученія посвящается весь чтенію, письму, счисленію и 4 дѣйствіямъ ариѳметики, а равно и настоящему изученію Закона Божія въ размѣрѣ, опредѣленномъ для начальныхъ училищъ, причемъ все ученіе производится на русскомъ языкѣ и по русскимъ учебнымъ книгамъ.

Д. Въ третій періодъ, кратчайшій, назначаемый для указанныхъ выше мѣстностей, передъ окончаніемъ курса, къ предметамъ ученія 2-го періода присоединяется упражненіе въ чтеніи и объясненіи Евангелія на мѣстномъ инородческомъ нарѣчіи.

3) Затѣмъ остается разсмотрѣть третій пунктъ, имѣющій большую практическую важность. Онъ касается взаимныхъ отношеній духовныхъ и свѣтскихъ дѣятелей по предмету образованія инородцевъ, а именно, чтобы законоучитель не только имѣлъ по одному уроку ежедневно, но и могъ мѣнять время своихъ уроковъ, сообразуясь съ другими своими обязанностями, а главное, чтобы распорядителями училищъ были опытнѣйшіе въ педагогическомъ дѣлѣ священники, а свѣтскіе учителя не болѣе какъ ихъ помощниками. Требованія эти хотя могутъ показаться нѣсколько преувеличенными, но при этомъ нельзя не принять во вниманіе: 1) что духовенство имѣетъ полное основаніе считать себя преимущественно призваннымъ къ завѣдыванію школами, которыя имѣютъ главнѣйшею цѣлію христіанское просвѣщеніе мало-просвѣщенныхъ христіанствомъ, хотя и крещеныхъ уже, инородцевъ; 2) что именно чувашскія училища, при самомъ ихъ учрежденіи, были поручены однимъ приходскимъ священникамъ, которые были бы въ нихъ и законоучителями и учителями, и 3) что со введеніемъ свѣтскихъ учителей въ нѣкоторыя изъ этихъ училищъ, рѣшительное во всѣхъ отношеніяхъ предпочтеніе было оказано и до сихъ поръ продолжаетъ оказываться свѣтскимъ учителямъ. Тамъ, гдѣ священники до сихъ поръ остались и законоучителями и учителями, они получаютъ всего содержанія 80 р., тогда какъ свѣтскіе учителя получаютъ 120 р. жалованья и еще квартиру, отопленіе и освѣщеніе отъ обществъ; тамъ же, гдѣ введены и свѣтскіе учителя, правда, законоучители, по соразмѣрности трудовъ, получаютъ большее жалованье (именно 60 р. за 3 урока въ недѣлю, тогда какъ учитель 120 р. за 14 уроковъ), но за то кругъ ихъ дѣятельности и вліянія слишкомъ ограничены. При большемъ воодушевленіи къ самому дѣлу, духовенство, конечно, не утратило бы ревнія и энергіи къ просвѣщенію инородцевъ, но, тѣмъ не менѣе, положеніе, въ которое оно было поставлено, давало ему нѣкоторое основаніе считать себя обиженнымъ и какъ бы устраненнымъ. Какъ бы то ни было, желательно болѣе равномѣрное распредѣленіе между свѣтскими и духовными дѣятелями, и круга ихъ дѣятельности, и вліянія по отношенію къ инородческимъ школамъ, и вознагражденія ихъ за труды. Заключеніе Казанскаго комитета близко подходитъ, въ этомъ случаѣ, къ требованіямъ благоразумія и справедливости, такъ какъ принимаетъ во вниманіе не званіе, а способность къ дѣлу, и не преграждаетъ пути ни мірянамъ, ни духовнымъ лицамъ. Если священникъ знаетъ достаточно инородческое нарѣчіе, то ему и должно предоставить завѣдываніе инородческою школой, а равно и право поучать дѣтей въ христіанствѣ первоначально на инородческомъ нарѣчіи; но если онъ не знаетъ достаточно инородческаго нарѣчія, то обѣ эти обязанности должны быть возлагаемы, по возможности и съ соблюденіемъ всѣхъ приличій, предпочтительно на свѣтскаго учителя, знающаго инородческое нарѣчіе, причемъ священникъ бу-

детъ лишь законоучителемъ во второмъ главнѣйшемъ періодѣ образованія инородческихъ дѣтей. Подобное рѣшеніе вопроса было бы, кажется, удовлетворительно для обѣихъ сторонъ.

Остается еще сказать нѣсколько словъ *о мѣрахъ къ обрусенію Татаръ-магометанъ.*

По общему мнѣнію, нѣтъ надобности учреждать особыя школы для инородцевъ-язычниковъ, такъ какъ они, не отличаясь никакою религіозною исключительностью, могутъ быть легко привлекаемы и въ христіанскія инородческія училища; но относительно инородцевъ-магометанъ, и именно Татаръ, по мнѣнію отца Баратынскаго, требуется особенная осторожность, чтобъ не подать имъ повода къ жалобамъ на усилія правительства къ обращенію ихъ въ христіанство. Это мнѣніе, повидимому, раздѣляетъ и Казанскій комитетъ, такъ какъ онъ высказывается въ пользу учрежденія особыхъ школъ для Татаръ-магометанъ, хотя, какъ будетъ сказано ниже, въ его мнѣніяхъ и заключается въ этомъ отношеніи непослѣдовательность. И по вопросу о мѣрахъ къ обрусенію Татаръ-магометанъ оказывается разногласіе между отцомъ Баратынскимъ и Казанскимъ комитетомъ. Первый предлагаетъ слѣдующія мѣры: 1) ввести русскій языкъ, какъ языкъ преподаванія (не есть ли это описка, и не желалъ ли авторъ сказать: какъ языкъ для *изученія?*) въ центральныхъ высшихъ медресахъ, изъ коихъ выходятъ муллы, и одновременно съ этимъ требовать, чтобъ указные муллы предпочтительно опредѣлялись изъ лицъ, знающихъ русскій языкъ, и чтобы мало по малу всѣ духовныя мусульманскія должности были занимаемы знающими русскую грамоту и русскій языкъ; 2) ввести русскій языкъ и въ низшихъ магометанско-татарскихъ училищахъ, и 3) дозволить переводъ Корана, мусульманскихъ молитвенниковъ и религіозныхъ учебниковъ на русскій языкъ. Такимъ образомъ, отецъ Баратынскій надѣется достигнуть обрусенія Татаръ-магометанъ съ помощью духовныхъ лицъ этого исповѣданія, и замѣчаетъ, что затѣмъ правительство должно устраниться отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла татарскихъ училищъ, предоставивъ училищнымъ совѣтамъ наблюдать лишь за преподаваніемъ въ нихъ русскаго языка. Мнѣніе это, какъ видно изъ отношенія симбирскаго губернатора къ г. Министру, вполнѣ одобрено и симбирскимъ губернскимъ училищнымъ совѣтомъ. Напротивъ, Казанскій комитетъ находитъ, что дѣло обрусенія Татаръ не можетъ быть вѣрено ненадежному мусульманскому духовенству и что съ этою цѣлью должны быть учреждены особыя уѣздныя училища съ приготовительными при нихъ классами, причемъ на первый разъ предполагается открыть, въ видѣ опыта, одно такое училище въ Казани, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ г. попечителя округа. Въ основу учебнаго плана этихъ заведеній положена та же мысль, которую высказываетъ г. Золотницкій въ своей брошюрѣ, то есть, что обрусеніе инородцевъ и

въ данномъ случаѣ Татаръ должно быть достигаемо съ помощью не русской грамоты и языка, а грамоты и языка инородческихъ, въ данномъ случаѣ татарскихъ, но съ примѣненіемъ къ звукамъ инородческихъ нарѣчій русской азбуки. Съ этимъ, какъ показано выше, никакъ нельзя согласиться, точно такъ же, какъ и съ тѣмъ, что въ этихъ училищахъ необходимо, будто бы, объяснять дѣтямъ грамматическіе законы народнаго татарскаго языка. Но мало того: можно усомниться, нужны ли и вообще эти особыя татарскія уѣздныя училища? Къ сомнѣнію этому подаютъ поводъ собственныя соображенія Казанскаго комитета: онъ желаетъ, чтобы въ эти училища, устроенныя для Татаръ-магометанъ, было допущено неограниченное число христіанскихъ мальчиковъ, которые слушали бы тѣ же предметы въ училищѣ (неужели же и татарскую грамматику?) и представляли бы собою средство для упражненія татарскихъ мальчиковъ въ русскомъ языкѣ. Странная была бы роль этихъ русскихъ дѣтей-христіанъ, завлеченныхъ въ спеціальное татарское училище для пользы татарскаго мусульманскаго юношества! Впрочемъ, этимъ мальчикамъ священникъ преподавалъ бы православный Законъ Божій въ то же самое время, какъ мулла объяснялъ бы Татарамъ законъ ихъ вѣры. Если, такимъ образомъ, Казанскій комитетъ не опасается никакихъ толковъ и подозрѣній со стороны мусульманскаго населенія по поводу сопоставленія христіанскихъ мальчиковъ съ магометанскими и православнаго Закона Божія съ преподаваніемъ закона мусульманской вѣры, то не лучше ли, не дешевле ли и, наконецъ, не благовиднѣе ли было бы привлекать дѣтей Татаръ-мусульманъ въ существующія нынѣ общія христіанскія училища, освобождая ихъ, конечно, отъ изученія православнаго Закона Божія, нежели устроивать особыя татарскія училища и въ нихъ привлекать русскихъ христіанскихъ дѣтей? Отвѣтъ на этотъ вопросъ, кажется, не можетъ подлежать сомнѣнію. Одно изъ двухъ: или особыя училища, но предназначенныя исключительно для Татаръ, если того требуетъ религіозная исключительность и нетерпимость мусульманскаго населенія; или же общія христіанскія училища, въ которыя должны быть привлекаемы и Татары-мусульмане и въ которыхъ для нихъ, собственно для упражненія ихъ въ русскомъ языкѣ, могъ бы быть учрежденъ особый приготовительный классъ; но особыхъ татарскихъ школъ, въ которыхъ для пользы татарскаго юношества были бы и русскія дѣти, быть не должно. Взаключеніе не лишне будетъ замѣтить, что, во всякомъ случаѣ, русское правительство можетъ снять съ себя заботу о преподаваніи иновѣрцамъ закона ихъ вѣры и предоставить эту заботу исключительно родителямъ и духовнымъ руководителямъ иновѣрцевъ. Въ этомъ отношеніи, опытъ былъ уже сдѣланъ на еврейскихъ казенныхъ училищахъ, и ничто не повредило имъ такъ въ глазахъ евреевъ, ничто не возбудило противъ правительства такихъ неудо-

вольствій и нареканій какъ введеніе въ нихъ преподаванія закона еврейской вѣры по извѣстной опредѣленной мѣркѣ или программѣ.»

По выслушаніи вышепрописанной записки г. Георгіевскаго, подвергнуты были подробному обсужденію всѣ заключающіяся въ ней данныя и соображенія по вопросу объ устройствѣ начальныхъ училищъ для инородческихъ дѣтей Казанскаго учебнаго округа, и затѣмъ поручено было г. Георгіевскому заготовить къ слѣдующему засѣданію сводъ мнѣній, высказанныхъ Ученымъ Комитетомъ по означенному вопросу; а г. профессоръ Григорьевъ, высказавшій свои соображенія по предмету устройства уѣздныхъ училищъ для Татаръ-магометанъ съ цѣлію обрусенія ихъ, вызвался изложить сіи соображенія въ особой запискѣ и представить ее въ Ученый Комитетъ.

По выслушаніи, въ засѣданіи 27 февраля, упомянутыхъ выше свода мнѣній членовъ ученаго комитета и особой записки г. профессора Григорьева *), Ученый Комитетъ полагалъ:

1) Что не настоитъ никакой надобности ходатайствовать о дополненіи ст. 4 Положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ примѣчаніемъ о томъ, что «въ начальныхъ народныхъ училищахъ для Татаръ, Чувашъ, Черемисъ и прочихъ инородцевъ Казанскаго учебнаго округа дозволяется первоначальное обученіе на ихъ собственныхъ народныхъ языкахъ», но что употребленіе этихъ языковъ можетъ быть и безъ того допущено, въ педагогическихъ видахъ, въ училищахъ для инородцевъ, въ размѣрѣ, указанномъ ниже въ пунктахъ.

Въ этомъ случаѣ Комитетъ руководствовался, кромѣ доводовъ, высказанныхъ въ запискѣ г. Георгіевскаго, еще и тѣмъ соображеніемъ, что дополненіе, которое предполагаетъ Казанскій комитетъ, могло бы ободрить и другихъ инородцевъ (западной окраины) къ подобнымъ же домогательствамъ и, въ случаѣ ихъ неудовлетворенія, возбудило бы въ нихъ напрасно неудовольствіе, а также и тѣмъ, что инородческія нарѣчія, не имѣющія никакой литературы, могутъ, на первыхъ порахъ, служить пособіемъ для преподавателей, но никоимъ образомъ не могутъ стать языкомъ науки или школы. Во всякомъ случаѣ, начало постановленное статьею 4 Положенія, должно быть оставлено во всей своей силѣ.

2) Что нормальный курсъ училищъ для инородческихъ дѣтей, по трудности усвоенія ими русскаго языка, долженъ быть опредѣленъ въ 4 года.

3) Что все обученіе въ нихъ должно быть раздѣлено на два періода. Въ первый періодъ дѣти обучаются, при помощи мѣстныхъ нарѣчій, русскому разговорному языку посредствомъ нагляднаго обученія и просвѣщаются въ христіанствѣ посредствомъ краткихъ поученій, на ихъ племенныхъ нарѣчіяхъ,—

*) См. ниже.

поученій, которыя обнимали бы важнѣйшія событія священной исторіи (сотвореніе міра, грѣхопаденіе, обѣтованіе Искупителя, земную жизнь и ученіе Спасителя міра, ученіе о безсмертіи души и жизни будущаго вѣка), а также изъясняли бы литургію и нравственныя обязанности примѣнительно къ быту и положенію инородцевъ, причемъ имѣлось бы въ виду не точное знаніе, а живое впечатлѣніе на умъ и сердце инородческихъ дѣтей, почему и слѣдовало бы не обращать этихъ поученій въ обыкновенные уроки, которые задаются и спрашиваются.

Комитетъ находилъ при этомъ, что было бы полезно обратиться къ гг. Золотницкому (по отношенію къ Чувашамъ) и Ильминскому (по отношенію къ Татарамъ) съ предложеніемъ составить подобныя поученія на инородческихъ нарѣчіяхъ въ облегченіе преподавателей, обративъ ихъ вниманіе, между прочимъ, на «Руководство сельскимъ пастырямъ», составленное священникомъ Соколовымъ, а также предложить имъ составить руководство для нагляднаго обученія (а вмѣстѣ и упражненія дѣтей въ русскомъ языкѣ), примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ природы и быта и съ поясненіемъ малоизвѣстныхъ русскихъ словъ инородческими словами; при этомъ они могли бы воспользоваться изданными въ русскомъ переводѣ: «Первоначальнымъ обученіемъ Дистервега», и «Начальнымъ обученіемъ по методѣ Вурста».

Въ доказательство, что этимъ путемъ инородческія дѣти легко усвоиваютъ себѣ русскій языкъ, было указано на примѣръ приходскаго училища въ Олонцѣ, гдѣ корельскія дѣти, подъ руководствомъ отца Ильи, въ короткое время свыкались съ русскою рѣчью, какъ это оказалось въ 1860 г., во время посѣщенія этого училища бывшимъ попечителемъ с.-петербургскаго учебнаго округа, И. Д. Деляновымъ, и откуда они въ большомъ числѣ поступали въ уѣздное училище.

4) Второй періодъ обученія инородческихъ дѣтей весь посвящается чтенію и письму, счисленію и четыремъ дѣйствіямъ ариѳметики, а также изученію Закона Божія, исключительно по-русски. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ мало инородцевъ и совсѣмъ непонятенъ русскій языкъ, къ этому, передъ концомъ курса, присоединяется упражненіе въ чтеніи и объясненіи Евангелія, а также и упомянутыхъ выше поученій на мѣстномъ инородческомъ нарѣчіи, для того, чтобы дѣти, возвращаясь въ свои семьи, могли знакомить ихъ членовъ съ словомъ Божіимъ на понятномъ имъ языкѣ. По мнѣнію Комитета, правительству нѣтъ надобности заботиться объ изданіи какихъ либо другихъ книгъ на инородческихъ нарѣчіяхъ, кромѣ Евангелія и поученій въ христіанствѣ, такъ какъ очевидно, что главною цѣлью его должно быть—слить во едино этихъ инородцевъ восточной окраины со всѣмъ русскимъ народомъ.

5) Для сельскихъ инородческихъ школъ должно быть постановлено об-

щимъ правиломъ, что ученики увольняются отъ ученія на все время полевыхъ работъ, время же это должно быть опредѣлено разъ навсегда мѣстными училищными совѣтами.

6) Учебныя книги и пособія для инородческихъ школъ должны быть одобряемы къ употребленію Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія и духовнымъ вѣдомствомъ, по принадлежности.

7) Отвергая принудительный наборъ учениковъ въ инородческія училища, Комитетъ полагаетъ, что мѣстнымъ земскимъ и мировымъ властямъ могло бы быть предложено освобождать родителей отъ обязанностей содержать ихъ дѣтей на свой счетъ при училищахъ, разложивъ издержки по этому предмету на прочія семейства, не посылающія своихъ дѣтей въ училища; что же касается до мѣръ, изложенныхъ г. Золотницкимъ въ его брошюрѣ, то комитетъ считаетъ ихъ неудобоисполнимыми. Упомянутыя мѣры г. Золотницкаго заключаются въ слѣдующемъ: «установить, чтобы окончившіе курсъ ученія инородцы и инородки въ слѣдующіе два-три года являлись въ училище на годичные экзамены для *предъявленія усовершенствованія* въ русскомъ языкѣ, въ чтеніи русскихъ книгъ и въ веденіи записокъ (дневниковъ) о своихъ занятіяхъ, съ сужденіемъ объ обычаяхъ, о жизненныхъ явленіяхъ своей среды и о прочитанныхъ книгахъ. Для поощренія такихъ занятій, должны быть установлены денежныя или другія награды».

8) Комитетъ полагаетъ, что кругъ дѣятельности и вліянія, а равно и вознагражденіе за труды должны быть, по возможности, равномѣрнѣе распредѣлены между духовными и свѣтскими дѣятелями въ инородческихъ школахъ, но что, при незнаніи законоучителемъ мѣстнаго инородческаго нарѣчія, завѣдываніе школою и чтеніе поученій въ христіанствѣ, а равно и упражненіе въ чтеніи и объясненіи Евангелія на мѣстномъ нарѣчіи, должны быть возлагаемы на свѣтскаго учителя, знающаго инородческое нарѣчіе, по рѣшенію мѣстнаго училищнаго начальства и училищнаго совѣта.

9) Что же касается до уѣздныхъ училищъ для Татаръ-магометанъ, то, на основаніи соображеній, высказанныхъ въ прилагаемой при семъ особой запискѣ г. профессора Григорьева, Ученый Комитетъ полагалъ, что мѣра эта едва ли можетъ имѣть послѣдствіемъ обрусеніе Татаръ и что къ этой цѣли, чрезъ ослабленіе духа фанатизма въ Татарахъ, хотя медленно и въ отдаленной будущности, но за то вѣрнѣе, можетъ привести мѣра, предлагаемая г. Григорьевымъ, именно — распоряженіе, чтобы высшія званія въ магометанской духовной іерархіи давались лишь мулламъ, которые будутъ знать хорошо по-русски.

10) Взаключеніе же Комитетъ полагалъ, что было бы полезно всѣ затронутые здѣсь вопросы предложить на обсужденіе земскихъ собраній тѣхъ губерній, гдѣ проживаютъ инородцы.

Опредѣлено: Вышеизложенныя соображенія представить на благоусмотрѣніе г. министра народнаго просвѣщенія.

На вышеприведенномъ журналѣ Ученаго Комитета (отъ 27 февраля 1867 года), г. Министръ народнаго просвѣщенія постановилъ слѣдующую резолюцію:

«Согласенъ, но съ тѣмъ, чтобы возбужденные здѣсь вопросы предложены были на обсужденіе не земскихъ собраній, а училищныхъ совѣтовъ тѣхъ мѣстностей, въ коихъ обитаютъ инородцы, прося означенные совѣты составить подробные протоколы своимъ соображеніямъ. 4 марта 1867 года».

Документы, которые были подвергнуты обсужденію въ засѣданіи ученаго комитета

27 февраля 1867 г.

Помѣщенные ниже документы препровождены были г. Министру народнаго просвѣщенія при слѣдующемъ представленіи г. попечителя казанскаго округа:

«На предложеніе вашего сіятельства, отъ 5 ноября 1866 г. за № 8.757, имѣю честь представить при семъ протоколъ особаго комитета, бывшаго подъ моимъ предсѣдательствомъ, и записку г. Золотницкаго «по вопросу о способахъ образованія Чувашъ».

«Я, съ своей стороны, раздѣляя изложенное въ протоколѣ комитета, полагаю, что для обрусенія инородцевъ, для возможнаго слитія этой безурядной, стоящей особнякомъ массы съ общимъ строемъ русской жизни, настоятельно необходимо, съ одной стороны, относительно крещеныхъ инородцевъ приведеніе въ исполненіе тѣхъ мѣръ, которыя предположены коммисіею, бывшею въ Казани подъ личнымъ предсѣдательствомъ вашего сіятельства, съ другой—относительно инородцевъ-магометанъ учрежденіе школъ, которыя способствовали бы по возможности основательному усвоенію ими русскаго языка и распространенію между ними русскаго образованія.»

I.

Записка о введеніи русскаго языка и русской грамотности въ татарскихъ училищахъ.

Вездѣ заботы правительства клонятся къ тому, чтобы распространять на всѣхъ одинъ языкъ, опредѣляющій національность цѣлаго государства. Въ этомъ смыслѣ вопросъ о русскомъ языкѣ, въ отношеніи къ русскимъ инородцамъ и иновѣрцамъ, имѣетъ не маловажное государственное значеніе и долженъ, по многимъ причинамъ, составлять въ настоящую минуту предметъ особенныхъ заботъ училищныхъ совѣтовъ, состоящихъ изъ членовъ отъ правительства и

общества,—разумѣется въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ преобладаетъ инородческій элементъ, какъ напр., въ нашемъ Буинскомъ уѣздѣ. Извѣстно, что населеніе нашего уѣзда состоитъ преимущественно изъ инородцевъ и иновѣрцевъ —Чувашъ и Татаръ. Для обученія первыхъ основаны еще въ сороковыхъ годахъ настоящаго столѣтія сельскія училища, въ которыхъ на первомъ планѣ должно было стоять религіозно-нравственное образованіе инородческихъ дѣтей, —чего нельзя достигнуть безъ усвоенія ими, вмѣстѣ съ русскою грамотою, и русскаго языка. На сколько инородческія училища наши впродолженіе слишкомъ двадцатипятилѣтняго существованія своего достигали цѣли своего назначенія, этотъ вопросъ въ настоящее время не входитъ въ наше разсмотрѣніе. Для гражданскаго обрусенія Татаръ правительство до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ въ нашей мѣстности, не принимало никакихъ мѣръ,—вѣроятно потому, что татарскія училища (мядрясы) сами по себѣ существуютъ при каждой мечети, и Татары, большею частію, умѣютъ говорить по-русски. Правда, всѣ Татары, за исключеніемъ немногихъ, больше или меньше учатся, но все ихъ ученье отъ начала до конца имѣетъ религіозный характеръ и религіозное содержаніе. Ихъ доморощенные учители (хальфы) съ утра до вечера заставляютъ дѣтей смотрѣть въ развернутыя предъ ними книги и выучивать наизусть непонятныя и рѣдко объясняемыя имъ древне-арабскія слова. Справедливо и то, что большая часть Татаръ, ради житейскихъ нуждъ, по необходимости, усвоиваютъ себѣ русскій языкъ на столько, чтобъ имѣть возможность, при случаѣ, объясниться по-русски. Но тѣмъ не менѣе, русскій языкъ есть для нихъ языкъ чужой, и Татары составляютъ у насъ, въ этомъ отношеніи, свой особый міръ, почти непроницаемый для русскаго образованія и естественно примыкающій своими симпатіями къ Турціи, даже—къ Хивѣ и Бухаріи, съ которыми роднитъ ихъ и племенное родство, и языкъ, и религія. Такой порядокъ вещей нельзя назвать нормальнымъ тѣмъ болѣе, что Татары—народъ, большею частію, смышленый, торговый и предпріимчивый; а эти качества, составляющія ихъ природный характеръ, даютъ имъ видимый перевѣсъ даже надъ русскимъ крестьянствомъ, не говоря объ инородцахъ, и, при дурномъ направленіи, могутъ быть положительно вредны для государства. Стало быть, въ интересахъ государства и русской народности, полезно было бы измѣнить этотъ порядокъ вещей.

Извѣстно, что «усвоеніе языка усвояетъ и народность». Съ этой точки зрѣнія единственное средство къ полному гражданскому усвоенію нашей странѣ татарскихъ племенъ заключается въ томъ, чтобы «ввести русскую грамоту и вообще русскій языкъ въ ихъ мядрясахъ» (училищахъ). Дѣло это не потребовало бы, повидимому, никакихъ особенныхъ усилій, или пожертвованій, такъ какъ «мядрясы» существуютъ при каждой мечети, наполнены учениками, и болѣе разумные изъ Татаръ желаютъ сами, чтобы дѣти ихъ усвоили себѣ, вмѣстѣ съ

русскою грамотою, и русскій языкъ, столь необходимый въ общежитіи, не отдають же ихъ въ русскія училища единственно потому, что питають къ нимъ недовѣріе, какъ къ училищамъ, имѣющимъ христіанскій характеръ. При всемъ томъ дѣло это представляетъ нѣкоторыя затрудненія, какъ дѣло новое, въ которомъ многое должно быть создано вновь и введено законодательнымъ порядкомъ. Поэтому приступать къ нему нужно съ благоразумной осторожностію и постепенностію. Именно:

Обученіе русскому языку и русской грамотѣ, на первый разъ, всего успѣшнѣе было бы исполнено муллами и ихъ хальфами, знающими русскій языкъ: въ такомъ случаѣ у противниковъ русскаго образованія, въ средѣ татарскихъ обществъ, были бы отняты справедливые и несправедливые поводы ко всякаго рода подозрѣніямъ и нареканіямъ противъ вмѣшательства христіанскаго правительства въ такое дѣло, въ которомъ оно легко можетъ оскорбить религіозное чувство своихъ иновѣрныхъ подданныхъ. Принимая это въ соображеніе, сначала слѣдовало бы ввести русскій языкъ, какъ языкъ преподаванія, въ центральныхъ высшихъ мядрясахъ, изъ которыхъ выходятъ муллы, чтобы не имѣть недостатка на первый разъ въ дѣятеляхъ изъ ихъ же среды. Одновременно съ этимъ слѣдуетъ постановить, чтобы при поставленіи указныхъ муллъ, дѣлалось предпочтеніе знающимъ русскій языкъ съ тѣмъ, чтобы они уже обязательно вводили его въ сельскія мядрясы, какъ языкъ преподаванія. Далѣе, съ теченіемъ времени, слѣдуя строгой постепенности, всѣ мусульманскія духовныя должности соединять съ обязательнымъ знаніемъ русскаго языка и грамоты, въ той мысли, чтобы впослѣдствіи всѣ духовныя лица мусульманскаго исповѣданія, отъ муфтія до пятивременнаго муллы, непремѣнно знали русскій языкъ и русскую грамоту. Параллельно съ этимъ должны слѣдовать постановленія объ обязательномъ введеніи русскаго языка, какъ языка преподаванія, во всѣхъ высшихъ и низшихъ татарскихъ училищахъ. При такой постепенности «мядрясы» не только не потеряли бы отъ введенія русскаго языка, но еще могли бы внушать большее къ себѣ довѣріе; во всякомъ случаѣ были бы отняты всякіе поводы къ подозрѣніямъ, которыя, очевидно, могли бы лишить ихъ значительнѣйшей доли полезнаго вліянія на Татаръ вообще. Но отнять всѣ поводы къ такимъ нареканіямъ нельзя иначе, какъ подъ условіемъ, чтобы правительство устранилось, по возможности, отъ всякаго вмѣшательства въ устройство и содержаніе татарскихъ училищъ, предоставивъ только училищнымъ совѣтамъ наблюденіе за преподаваніемъ въ нихъ русскаго языка и поощреніе лучшихъ преподавателей посредствомъ правительственныхъ пособій и наградъ.

Водвореніемъ русской грамотности въ татарскихъ училищахъ было бы несомнѣнно подвинуто впередъ дѣло гражданскаго обрусенія Татаръ. Только при этомъ условіи можетъ идти рѣчь и о другихъ вспомогательныхъ способахъ

къ полному гражданскому ихъ усвоенію Землѣ Русской и къ распространенію въ татарской средѣ знанія русскаго языка вообще. Однимъ изъ такихъ способовъ было бы изданіе *Корана* на татарскомъ языкѣ съ постраничнымъ русскимъ переводомъ и переводъ татарскихъ молитвенниковъ и религіозныхъ учебниковъ на русскій языкъ.

Предсѣдатель Буинскаго училищнаго совѣта, благочинный священникъ

А. Баратынскій.

II.

Проектъ объ устройствѣ сельскихъ училищъ Буинскаго уѣзда.

Обозрѣвъ бо́льшую половину организованныхъ удѣломъ сельскихъ училищъ Буинскаго уѣзда, изъ коихъ нѣкоторыя мнѣ были больше или меньше извѣстны и въ прежнее время, я не могъ не замѣтить, въ учебномъ отношеніи, многихъ, довольно крупныхъ, недостатковъ, которые, по извѣстнымъ обстоятельствамъ, вкрались въ нихъ въ послѣдніе три-четыре года; но важнѣе всѣхъ этихъ недостатковъ, недостатокъ внутренняго религіозно-нравственнаго значенія училищъ, на который, прежде всего, желаю обратить вниманіе почтенныхъ членовъ собранія. Извѣстно, что, при устройствѣ здѣшнихъ инородческихъ училищъ, правительство имѣло въ виду, главнымъ образомъ, религіозно-нравственныя потребности мѣстнаго инородческаго населенія; съ этою цѣлію училища и поручены были однимъ приходскимъ священникамъ, которые были въ нихъ законоучителями и учителями. Впослѣдствіи, подъ предлогомъ введенія въ первоначальное обученіе методы Золотова, удѣльное начальство стало помѣщать въ училища, сначала менѣе успѣшныя, особыхъ учителей, распредѣливъ между священниками-законоучителями и свѣтскими учителями учебную дѣятельность и жалованье такимъ образомъ: законоучителямъ положено, по росписаніямъ, по три класса въ недѣлю и жалованья по 60 руб. въ годъ, а учителямъ—по 14 классовъ въ недѣлю и жалованья по 120 руб. въ годъ, кромѣ квартиры, отопленія и освѣщенія отъ обществъ; священникъ же, исправляющій должность законоучителя и учителя, получалъ только двѣ трети учительскаго жалованья и притомъ не получалъ ни квартиры, ни отопленія, ни освѣщенія. При такомъ ненормальномъ распредѣленіи учебной дѣятельности и соединенныхъ съ нею привиллегій, видимо опущено было изъ виду нравственно-религіозное направленіе училищъ, которое такъ необходимо въ нашей мѣстности, и законоучители, силою обстоятельствъ, были отодвинуты отъ учебнаго дѣла и

отъ всякаго вмѣшательства въ инспекцію училищъ такъ, что самое посѣщеніе учениками церкви стало зависѣть отъ произвола учителей. Вслѣдствіе сего способные, лучшіе священники потеряли энергію и предпочитали, по необходимости, отстраняться отъ дѣла, которому служили съ пользою цѣлые десятки лѣтъ. Въ учители поступали, большею частію, люди неопытные, даже нерѣдко сомнительнаго поведенія. Училища ухудшались во всѣхъ отношеніяхъ; но всего болѣе терпѣло преподаваніе Закона Божія, и въ нѣкоторыхъ училищахъ, какъ показала нынѣшняя инспекція, дошло дотого, что ограничивается только повседневными молитвами, безъ всякаго объясненія, и безсознательными разсказами двунадесятыхъ праздниковъ. Оставить преподаваніе Закона Божія въ такомъ видѣ, значитъ идти противъ I ст. Высоч. утв. Полож. о нач. уч., и значитъ—пожертвовать вліяніемъ на религіозно-нравственное образованіе крещеныхъ Чувашъ, которые во многихъ мѣстахъ здѣшняго уѣзда живутъ вмѣстѣ съ Татарами и, по малоразвитости своей, какъ извѣстно, подвержены ихъ религіозному вліянію. Поднять преподаваніе Закона Божія, при настоящей постановкѣ его, въ здѣшнихъ инородческихъ училищахъ нѣтъ возможности, какъ я убѣдился собственнымъ опытомъ и свидѣтельствуюсь опытами другихъ законоучителей, потому что вмѣстѣ съ преподаваніемъ Закона Божія здѣсь должно быть соединено изученіе инородческими мальчиками русскаго языка. Всего этого нельзя достигнуть однимъ лицомъ, совмѣщающимъ въ себѣ должность законоучителя и учителя, потому что священникъ часто отвлекается отъ училища требоисправленіемъ по приходу, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ приходъ состоитъ изъ нѣсколькихъ деревень. Стало быть, нужно измѣнить самое распредѣленіе учебной дѣятельности между законоучителемъ и учителемъ въ нашихъ училищахъ, чтобы они въ нашей инородческой мѣстности, открытой со всѣхъ сторонъ для магометанской пропаганды, служили дѣйствительнымъ способомъ къ религіозно-нравственному образованію инородцевъ и были въ буквальномъ смыслѣ «преддверіемъ къ церкви». На этомъ основаніи, кромѣ «наблюденія за религіозно-нравственнымъ направленіемъ во всѣхъ училищахъ», возлагаемаго ст. 17. Полож. о нач. учил. на мѣстныхъ приходскихъ священниковъ, я предлагаю: 1) всѣхъ священниковъ-законоучителей здѣшнихъ училищъ, по преподаванію Закона Божія, поставить самостоятельнѣе, чѣмъ они поставлены теперь, т. е., они должны имѣть каждый день по классу и брать тѣ часы для преподаванія Закона Божія, которые имъ удобны; въ случаѣ же необходимыхъ отлучекъ по приходу, они должны имѣть право мѣнять эти часы на другіе, въ которые будутъ не заняты требоисправленіемъ; 2) законоучителей, извѣстныхъ педагогическою опытностію, сдѣлать распорядителями сельскихъ училищъ, съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы училища, находящіяся подъ ихъ непосредственнымъ надзоромъ, велись въ учебныхъ отношеніяхъ вообще хорошо;

какъ законоучители, они, для распредѣленія часовъ занятія, должны соображаться съ росписаніемъ, составленнымъ сообразно съ програмой, но, въ случаѣ надобности, могутъ и должны сообщать свои замѣчанія учителю и, какъ ближайшіе наблюдатели за ходомъ ученія вообще, доносить о всякомъ обстоятельствѣ, замедляющемъ успѣхи, своевременно уѣздному училищному совѣту; учители при нихъ должны имѣть званіе ихъ помощниковъ и быть, въ учебномъ отношеніи, въ полной зависимости отъ законоучителей, какъ распорядителей училищъ. Мѣра эта положитъ конецъ пререканіямъ между законоучителями и учителями, неизбѣжнымъ при настоящихъ порядкахъ, побудитъ ихъ совокупными силами стремиться къ одной цѣли и можетъ самымъ дѣйствительнымъ образомъ способствовать къ образованію дѣльныхъ практическихъ учителей изъ среды самихъ инородцевъ. Тогда отъ законоучителей можно будетъ требовать, чтобы преподаваніе Закона Божія было не голословное, какъ теперь, а соединялось съ дѣйствительнымъ изученіемъ инородческими мальчиками русскаго языка, съ нагляднымъ знакомствомъ съ церковію, съ толковымъ чтеніемъ Евангелія и другихъ книгъ религіознаго содержанія. Тогда въ своихъ отношеніяхъ къ церкви инородческія училища будутъ тѣмъ же, чѣмъ были когда-то *огласительныя* училища, и замѣнятъ ихъ своимъ значеніемъ. Только такого рода религіозно-нравственное образованіе, положенное въ основаніе начинающаго развитія инородцевъ, можетъ сообщить всему дѣлу инородческихъ училищъ нравственно-религіозный характеръ и сдѣлаетъ ихъ дѣйствительнымъ «преддверіемъ къ церкви». Предлагаю эту мѣру, какъ необходимую по существу дѣла въ виду мѣстныхъ условій и обстоятельствъ, говорящихъ о существованіи разрушительныхъ силъ «ислама» въ темной средѣ нашихъ крещеныхъ инородцевъ.

На второмъ планѣ стоятъ вопросы: *чему учить и какъ учить*? Дѣйствительно, при обозрѣніи училищъ, почти во всѣхъ изъ нихъ замѣченъ мною безпорядокъ въ учебныхъ занятіяхъ, происходящій, главнымъ образомъ, отъ различнаго взгляда наставниковъ на програму ученія вообще и на порядокъ, въ какомъ надлежитъ вести, съ наибольшей пользой для учащихся, учебныя занятія впродолженіе четырехъ-лѣтняго курса. Усмотрѣть недостатокъ существующихъ порядковъ и методъ, конечно, гораздо легче, чѣмъ установить новый порядокъ, болѣе соотвѣтствующій потребностямъ жизни. Сознавая всю трудность этого, столь важнаго и высоко-обязательнаго, для училищнаго совѣта, дѣла, въ видахъ устраненія неурядицы въ преподаваніи, предлагаю составленную мною, въ видѣ опыта, опредѣленную *програму*, въ которой я имѣлъ въ виду, чтобы порядокъ преподаванія предметовъ, указанныхъ въ Высочайше утвержденномъ Положеніи о начал. учил., имѣлъ характеръ строгой постепенности, т. е., соотвѣтствовалъ постепенному развитію умственныхъ способностей дѣтей и постепенно развивалъ въ нихъ истинно-христіанское религіозное чувство. Этимъ

самымъ устранится произволъ, какъ въ дѣйствіяхъ преподавателей, которые будутъ располагать свои занятія соотвѣтственно съ требованіями програмы, такъ и въ образѣ дѣйствій экзаменаторовъ, которые лишены будутъ возможности требовать отъ наставниковъ чего-либо сверхъ правилъ.

Программа.

Первый годъ. 1) По Закону Божію: повседневныя молитвы съ голоса, Символъ вѣры и 10 заповѣдей — по книгѣ и наизусть. 2) Первоначальное обученіе чтенію начинать съ гражданской печати по таблицамъ Ланкастера или Золотова; далѣе чтеніе производить по краткой священной исторіи въ букварѣ сунодальномъ, или по начаткамъ христіанскаго ученія, чтобы ученики имѣли возможность, вмѣстѣ съ механизмомъ чтенія, пріучаться къ посильному разумѣнію прочитаннаго, — для этой цѣли инородческимъ мальчикамъ объяснять непонятныя имъ слова и фразы. 3) Письмо начинать одновременно съ чтеніемъ, чтобы ученики, впродолженіе года, выучились писать по графамъ на грифельной доскѣ и выписали на бумагѣ буквы и цифры. 4) Счетъ и произношеніе чиселъ.

Второй годъ. 1) По Закону Божію: пріучать дѣтей къ чтенію славянской печати по Евангелію на славяно-русскомъ языкѣ съ тѣмъ, чтобы прочитанное по-славянски они имѣли возможность прочитать по-русски и, при помощи законоучителя, понимать главнѣйшія событія жизни Іисуса Христа. Свѣдѣнія о двунадесятыхъ праздникахъ и о церковныхъ постахъ. Пониманіе по-русски молитвъ, Символа вѣры и 10 заповѣдей—съ краткимъ объясненіемъ. 2) Чтеніе Часослова, чтеніе изъ Евангелистовъ, Христоматіи для народнаго чтенія и пр., по методѣ взаимнаго обученія. 3) Письмо съ прописи и подъ диктовку. 4) Разныя умственныя упражненія въ счетѣ; знакомство съ употребительными въ общежитіи мѣрою и вѣсомъ; также первыя дѣйствія счетоводства — сложеніе и вычитаніе на доскѣ и по счетамъ.

Третій годъ. 1) По Закону Божію: чтеніе священной исторіи ветхаго завѣта и краткій разсказъ о главнѣйшихъ событіяхъ ея, именно: о сотвореніи міра, о прародителяхъ, о потопѣ, о столпотвореніи, о Авраамѣ, Исаакѣ, Іаковѣ и Іосифѣ, о Моисеѣ, Іисусѣ Навинѣ, Самсонѣ, Иліи, Самуилѣ, Саулѣ, Давидѣ, Соломонѣ и о пророкахъ—Иліѣ и Даніилѣ съ помощію эстамповъ, изображающихъ эти лица и событія. Чтеніе Евангелія съ требованіемъ разсказа жизни Іисуса Христа. Повтореніе объясненія Символа вѣры и заповѣдей въ болѣе сознательномъ видѣ. Наглядное знакомство съ принадлежностями православнаго храма и богослуженія. 2) Усовершенствованіе въ чтеніи книгъ: чтеніе Псалтири, Христоматіи Ушинскаго, Книги для чтенія Паульсона, Басней Крылова и пр. 3)

Письмо преимущественно подъ диктовку. 4) Четыре правила ариѳметики въ практическихъ задачахъ съ употребленіемъ счетовъ.

Четвертый годъ. 1) По Закону Божію: повтореніе пройденнаго. Краткое объясненіе богослужебныхъ обрядовъ, таинствъ и преимущественно божественной литургіи нагляднымъ образомъ; такъ какъ въ Евангеліи и богослуженіи сосредоточены всѣ средства для нагляднаго обученія религіи, надобно стремиться, чтобы ученики, по возможности, понимали то и другое. 2) Чтеніе свободное и правильное, соединенное съ посильнымъ пониманіемъ прочитаннаго. 3) Письмо свободное и, по возможности, правильное — по одной графѣ и безъ графы. 4) Практическія задачи съ употребленіемъ именованныхъ чиселъ и умственнаго счисленія.

Примѣчанія къ программѣ. 1) Преподаваніе по всѣмъ предметамъ должно быть устное, и ученики ничего не обязываются учить наизусть, кромѣ молитвъ, нѣкоторыхъ церковныхъ пѣсней, 10 заповѣдей и таблицы умноженія. 2) Росписаніе часовъ занятія по классамъ должно быть составлено законоучителями, по взаимному соглашенію и удобству. 3) Четырехлѣтній учебный курсъ можетъ быть сокращенъ и удлиненъ годомъ. 4) За обученіе дѣвочекъ грамотѣ и молитвамъ нужно положить по 1 руб. 50 коп. сереб. въ годъ за каждую обучающуюся дѣвочку. 5) За обученіе церковному пѣнію на клиросѣ тамъ, гдѣ есть знающій учитель пѣнія, нужно положить, изъ остаточныхъ отъ сборовъ суммъ, особо по 2 руб. въ мѣсяцъ. 6) Употребленіе счетовъ начинать съ перваго года.

Въ поясненіе составленной мною программы могу сказать, что въ основаніи ея дидактическаго значенія лежитъ *наглядность* и *возбужденіе самодѣятельности въ учащихся.* Качества эти, примѣнительно къ преподаванію Закона Божія, состоятъ въ чтеніи евангельскихъ событій, въ слушаніи библейскихъ разсказовъ, возбуждающихъ любопытство дѣтей и пробуждающихъ ихъ душу, ихъ энергію. Въ пособіе для нагляднаго преподаванія Закона Божія считаю нужнымъ выписать библейскія картины, изданныя Генкелемъ. Вообще умственное развитіе инородческихъ дѣтей слѣдуетъ начинать нагляднымъ знакомствомъ съ церковью и богослуженіемъ: наши храмы, наше богослуженіе—самое лучшее, всегдашнее училище для дѣтей, какъ и для взрослыхъ; въ нихъ самыя глубокія истины облечены въ живописные и простые образы; въ нихъ каждый педагогъ долженъ учиться наглядности, которою и объясняются здѣсь самые высокіе предметы вѣры.

Что касается до методы первоначальнаго обученія, то понятіе о ней у нашихъ преподавателей совершенно не опредѣлилось. Спросите ихъ объ употребляемой ими методѣ первоначальнаго обученія, и убѣдитесь, что каждый изъ нихъ понимаетъ ее по своему и слѣдуетъ въ практикѣ своей собственной. Понятно

гдѣ кроется источникъ этого разногласія—въ недостаткѣ педагогическаго образованія. Я не сторонникъ ни Ланкастерской, ни Золотовской методы и далекъ отъ того, чтобы приписывать успѣхъ обученія однимъ улучшеннымъ способамъ. При самыхъ лучшихъ изъ нихъ успѣхи могутъ быть дурны и наоборотъ. Есть нѣчто, имѣющее въ этомъ дѣлѣ болѣе значенія, чѣмъ всѣ рекомендуемыя методы. Это *нѣчто* есть внутренняя сила училища, которая состоитъ въ искреннемъ усердіи наставника къ своему дѣлу, незамѣнимомъ никакою методой и въ особенномъ педагогическомъ искусствѣ его, неуловимомъ для сторонняго глаза. Первое всѣмъ извѣстно, а второе требуетъ разъясненія. Педагогія вообще, по моему убѣжденію, гораздо болѣе *искусство*, чѣмъ наука; доказательствомъ этому служитъ уже крайняя неразвитость педагогіи, особенно дидактики, какъ науки. Но искусство тоже изучается, развивается, какъ извѣстно. О чрезвычайной важности этого, практически развиваемаго, искусства и говорить не для чего. Были случаи на моихъ глазахъ, что ученики Золотова, вооруженные хвалеными дидактическими пріемами своего учителя, оставались съ своими пріемами позади тѣхъ, которые начинали учить по простому буквосочетательному способу. Въ видахъ практическаго развитія дидактическаго искусства, я вообще возлагаю ближайшія надежды на опытныхъ законоучителей, которые, будучи поставлены во главѣ училищъ, имѣютъ быть отвѣтственными наблюдателями за преподаваніемъ другихъ предметовъ, и, такимъ образомъ, руководя преподаваніемъ, могутъ образовать изъ своихъ помощниковъ хорошихъ учителей. Съ тою же цѣлію указалъ бы я *на учительскіе съѣзды*, которые могутъ быть въ нашей мѣстности по одному разу въ годъ и составлять общій педагогическій совѣтъ подъ руководствомъ членовъ уѣзднаго училищнаго совѣта; но дѣло это для прочной постановки своей, какъ дѣло новое, требуетъ большой обдуманности и времени. Со введеніемъ, съ нынѣшняго года, педагогики въ программу семинарскаго курса возвысится степень педагогическаго образованія нашего священства; отъ этой мѣры ожидается немалая польза для народнаго образованія,—такъ какъ практическимъ умѣньемъ вести педагогическое дѣло въ сельскихъ училищахъ опредѣляется задача, направленіе и объемъ преподаванія педагогики въ семинаріяхъ.

Послѣ вопросовъ —*чему учить и какъ учить*,—есть еще обстоятельство, весьма много замедляющее правильный ходъ учебнаго дѣла. Разумѣю неопредѣленное положеніе здѣшнихъ сельскихъ училищъ: не то они для крестьянъ обязательны, не то необязательны. При такой неопредѣленности родители, равнодушные къ грамотѣ, свободно располагая временемъ дѣтей своихъ, пускаютъ ихъ въ училище рѣдко, а волостныя власти плохо побуждаютъ ихъ; такимъ образомъ въ нѣкоторыхъ училищахъ безпорядокъ, въ этомъ отношеніи, дошелъ дотого, что ученики наполовину опускаютъ классы. Объ устраненіи этой не-

опредѣленности пользуюсь случаемъ предложить уѣздному земскому собранію, которое можетъ назначить опредѣленное количество учениковъ, соразмѣрно съ числомъ душъ извѣстной мѣстности, — съ тѣмъ, чтобы избранные мальчики и оказавшіе способность къ ученію оставались въ училищахъ до полнаго обученія.

Какой системѣ отдать преимущество—обязательной или необязательной? Правильное рѣшеніе этого вопроса въ нашей мѣстности зависитъ отъ разрѣшенія другаго вопроса: что нужнѣе для населенія нашего уѣзда въ настоящую минуту,—чтобы крайнее меньшинство его могло достигать вполнѣ свободнаго образованія, или чтобы большинство молодаго инородческаго населенія могло ознакомиться съ грамотой и религіей? Если первое, то надобно отдать преимущество необязательной системѣ; а если второе,—то обязательной. Отвѣтъ очевиденъ. Могутъ сказать, что «обязательныя училища, существующія «здѣсь болѣе 25 лѣтъ, не пользуются довѣріемъ здѣшняго населенія и не раз«вили въ немъ стремленія къ грамотѣ». Такъ. Но недовѣріе здѣшняго, по преимуществу инородческаго, населенія къ училищамъ произошло не оттого, что училища были обязательны для него, а отъ слишкомъ низкой степени умственнаго развитія инородцевъ —Чувашъ, и отъ искусственнаго устройства самыхъ училищъ, а еще болѣе отъ разныхъ злоупотребленій, вкравшихся въ училищную администрацію и неуловимыхъ для посторонняго глаза. Другихъ возраженій не предвижу. Прибавлю только, что въ сужденіяхъ о выгодахъ и невыгодахъ обязательнаго ученія нужно имѣть въ виду непремѣнно мѣстныя условія края: *«въ нашей инородческой мѣстности могутъ существовать только обязательныя училища».*

Далѣе, кто не согласится, что вопросъ о *размѣрахъ* учебнаго времени принадлежитъ къ самымъ существеннымъ въ устройствѣ школы? На этомъ основаніи обращаю на него вниманіе членовъ собранія.

Время сбора учениковъ, по окончаніи рабочаго времени и роспуска ихъ на лѣто, въ бывшихъ удѣльныхъ училищахъ не было опредѣлено съ точностью. Обыкновенно ученіе начиналось отъ 1 — 20 сентября, а иногда и съ 1-го октября; а роспускъ учениковъ на лѣто зависѣлъ отъ личнаго распоряженія гг. управляющихъ удѣльными конторами; обыкновенно распускались ученики отъ половины мая до половины іюля и даже позже; стало быть, время яровой пашни мальчики постоянно проводили въ училищѣ. Послѣднее обстоятельство не могло не возбуждать ропота крестьянъ и было едва ли не главною причиною, почему они до сихъ поръ смотрятъ на ученье въ училищахъ, какъ на тяжелую повинность, и даже откупаются отъ ученья. Въ видахъ устраненія всякихъ поводовъ, поселяющихъ въ крестьянахъ равнодушіе къ ученью и училищамъ, полагаю на будущее время распускать учениковъ на время яровой пашни 17 апрѣля, а 15 мая опять собирать въ училища на мѣсяцъ. Съ 15 іюня должны начинаться

экзамены и отпуски на лѣто, по окончаніи котораго собирать учениковъ и начинать ученье 1-го октября. Къ этому же времени, посредствомъ сельскихъ сходовъ, слѣдуетъ дѣлать выборы новыхъ мальчиковъ въ училища, чтобы и вновь избранные съ 1-го октября начинали ученье вмѣстѣ съ прочими. *Замѣчу кстати:* выборы должны производиться какъ можно правильнѣе, безъ всякихъ злоупотребленій, для чего должны присутствовать при нихъ волостные старшины и законоучители.

По обычаю здѣшнихъ училищъ ученье въ нихъ продолжается 6 часовъ въ день: два класса, по два часа каждый (отъ 8 — 12 час.) до обѣда и одинъ классъ два часа (2—4 час.) послѣ обѣда. При такомъ распредѣленіи времени ученики слишкомъ обременены занятіями, продолжающимися сряду четыре часа до обѣда. Въ видахъ облегченія ихъ, предлагаю сократить учебное время часомъ въ день, т. е., два класса до обѣда должны быть по $1^1/_2$ часа и между ними полчаса отдыха; послѣ обѣда классъ въ два часа, предполагая занятія болѣе легкія, напр. письмо, счеты. Я вообще противъ неразумной ревности обременять учащихся чрезмѣрными занятіями и далеко не согласенъ съ тѣми, которые думаютъ, что въ дѣлѣ ученья чѣмъ больше, тѣмъ лучше.

Рука объ руку съ устройствомъ сельскихъ училищъ должна идти забота объ учебникахъ, книгахъ для чтенія и объ училищныхъ библіотекахъ вообще. «Снабженіе училищъ учебными пособіями» составляетъ одну изъ главныхъ обязанностей училищныхъ совѣтовъ. Въ этомъ отношеніи бывшія удѣльныя училища были обстановлены такъ хорошо, что лучшаго желать нельзя; въ нихъ выписывались не только журналы и книжки для дѣтскаго чтенія, но и педагогическіе журналы для учителей. Жаль, что въ нѣкоторыхъ училищахъ лучшія книги растеряны выбывшими изъ нихъ учителями. Изъ описей училищныхъ библіотекъ видно, что во всѣхъ училищахъ недостаетъ книгъ гражданской печати собственно для чтенія по методѣ взаимнаго обученія. Предлагаю выписать для восполненія этого недостатка по 20 экз. Евангелій на славяно-русскомъ нарѣчіи въ тѣ училища, въ которыхъ ихъ нѣтъ; по 20 экз. Христоматій для народнаго чтенія (изд. общ. расп. пол. книгъ) и по 5 экз. катихизическихъ бесѣдъ свящ. Соколова о вѣрѣ и нравственности христіанской, замѣчательныхъ по генетическому методу изложенія. Считаю также нужнымъ пріобрѣсть въ тѣ училища, въ которыхъ учатся дѣти крещенныхъ Татаръ, по 1 экз. Корана въ русскомъ переводѣ, по 10-ти экз. азбучекъ съ краткимъ катихизисомъ и по 1 экз. книги Премудрости Сираха, переведенныхъ на народный татарскій языкъ г. Ильминскимъ. Что касается до педагогическихъ журналовъ для преподавателей и до снабженія нѣкоторыхъ училищныхъ библіотекъ, рѣзко скудныхъ книгами, то для этого сдѣлано предварительное распоряженіе —

истребовать изъ волостныхъ правленій въ училищный совѣтъ свѣдѣнія о суммахъ денегъ, ассигнуемыхъ на покупку книгъ въ сельскія училища.

Я указалъ, милостивые государи, на недостатки и на учебныя нужды здѣшнихъ училищъ, болѣе крупныя, которыя мечутся въ глаза съ перваго раза, и на средства къ устраненію ихъ. Дальнѣйшихъ указаній будемъ ждать частію отъ опыта и отъ примѣненія высказанныхъ мною началъ къ практикѣ учебнаго дѣла, а еще болѣе — отъ совокупныхъ усилій людей, заинтересованныхъ народнымъ образованіемъ вообще и духовнымъ образованіемъ инородцевъ въ частности. Глубоко сочувствуя тому и другому, позволяю себѣ высказать, что, 1-е, разумное обученіе Закону Божію въ здѣшнихъ инородческихъ училищахъ соединено съ особенными трудностями, требуетъ большаго искусства отъ преподавателей и, въ виду современныхъ обстоятельствъ, заслуживаетъ поощренія со стороны земства; 2-е церковно-приходскія училища и женскія школы грамотности, какъ не обезпеченныя никакимъ содержаніемъ, не могутъ быть подвинуты однимъ улучшеніемъ учебной части—безъ матеріальной помощи земства, берущаго на себя, между прочимъ, заботы о народномъ образованіи.

Предсѣдатель Буинскаго уѣзднаго училищнаго совѣта, благочинный

священникъ *А. Баратынскій.*

III.

Журналъ засѣданія особаго Комитета въ Казани.

1866 года, декабря 19 дня, вслѣдствіе предписанія Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, отъ 5 ноября за № 8,757, Комитетъ, подъ предсѣдательствомъ г. попечителя Казанскаго учебнаго округа, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Шестакова, изъ преподавателей: Духовной Академіи—Малова, Казанскаго университета—Ильминскаго и коллежскаго ассесора Золотницкаго, обсуживалъ записки священника Баратынскаго: 1) Объ устройствѣ сельскихъ училищъ Буинскаго уѣзда и 2) о введеніи русскаго языка и грамотности въ татарскихъ училищахъ, и, принявши во вниманіе представленную г. Золотницкимъ, какъ выраженіе его мнѣнія по этимъ запискамъ, брошюру: «По вопросу о способахъ образованія Чувашъ»*) пришелъ къ слѣдующимъ соображеніямъ: прежде всего вниманіе Комитета обращено было на главные пункты записки о. Баратынскаго объ устройствѣ сельскихъ училищъ.

1) Мысль о. Баратынскаго о необходимости религіозно-нравственнаго направленія училищъ совершенно справедлива. Она составляетъ основный пунктъ Высочайше утвержденнаго Положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ. Но

*) Означенная брошюра помѣщается вслѣдъ за симъ подъ № 4.

придуманныя имъ къ тому средства или условія: а) чтобы всѣхъ священниковъ-законоучителей, по преподаванію Закона Божія, поставить самостоятельнѣе и б) законоучителей, извѣстныхъ своею опытностію, сдѣлать распорядителями сельскихъ училищъ, такъ что учители (міряне) при нихъ должны быть помощниками и быть въ полной зависимости отъ нихъ, — не могутъ быть признаны, по нынѣшнему состоянію сельскихъ приходовъ и училищъ, практически основательными и исполнимыми, и притомъ они опровергаются слѣдующимъ заявленіемъ самого о. Баратынскаго: «поднять преподаваніе Закона Божія, при на-«стоящей постановкѣ его, въ здѣшнихъ инородческихъ училищахъ нѣтъ возмож-«ности, какъ я убѣдился собственнымъ опытомъ и свидѣтельствуюсь опытами «другихъ законоучителей; потому что вмѣстѣ съ преподаваніемъ Закона Божія «здѣсь должно быть соединено изученіе инородческими мальчиками русскаго «языка».— Причина этой невозможности состоитъ не столько въ томъ, какъ полагаетъ о. Баратынскій, что священники часто отвлекаются отъ училищъ требоисправленіемъ по приходу, сколько въ незнаніи священниками инородческихъ языковъ, или въ недостаточномъ вниманіи къ нимъ, и изъ его же записки видно желаніе, чтобы образовались дѣльные практическіе учители изъ среды самихъ инородцевъ. Въ семьяхъ православно-русскихъ религіозно-нравственное воспитаніе начинается въ самомъ нѣжномъ возрастѣ. Если инородческая семья не представляетъ къ тому благопріятныхъ условій, по невѣжеству родителей и вообще по ихъ нехристіанскому складу понятій, то школа должна съ самаго поступленія въ нее инородческаго дитяти начать дѣло религіозно-нравственнаго образованія его. Подчинять таковое образованіе инородческихъ дѣтей непремѣнному условію предварительнаго изученія ими русскаго языка, разумѣется въ такой степени, чтобъ они въ состояніи были понимать вѣроучительные тексты, значило бы терять по крайней мѣрѣ 2 — 3 года времени. Притомъ это несообразно съ естественнымъ ходомъ развитія человѣка: изученіе чужаго языка есть дѣло чисто разсудочное и, такъ сказать, схоластическое; изученіе же религіи, не богословское, а такое, какое свойственно дѣтскому возрасту — есть дѣйствіе всей совокупности духовныхъ силъ, цѣльной природы человѣческой; а потому религіозно-нравственное образованіе инородческихъ дѣтей должно даже предшествовать изученію ими русскаго языка, или, по крайней мѣрѣ, идти съ нимъ современно и занять времени на первый разъ больше, нежели сіе послѣднее. Наконецъ, такъ какъ въ эти инородческія училища, по всей вѣроятности, будутъ поступать дѣти уже довольно возрастныя, то обученіе ихъ въ школахъ, очевидно, должно начаться не устнымъ собесѣдованіемъ съ ними наставниковъ, а прямо съ букваря. А въ букварѣ, послѣ обученія чтенію, по какой бы то ни было методѣ, содержится именно религіозное ученіе: молитвы, священная исторія и основныя катехизическія понятія. Такимъ образомъ и съ

этой стороны открывается неизбѣжность изученія религіи съ самаго начала школы. Отсюда слѣдуетъ необходимость въ инородческихъ школахъ вести первоначальное обученіе непремѣнно на родномъ языкѣ учениковъ, польза котораго, какъ необходимаго орудія и вообще для первоначальнаго возбужденія и развитія мысли и религіозно-нравственнаго чувства въ дитяти, признается педагогіею, коль скоро она внушаетъ даже къ единоплеменнымъ молодымъ воспитанникамъ приспособляться въ выраженіи и постановкѣ понятій. Отсюда вытекаетъ практическое заключеніе: поручить первоначальное религіозно-нравственное образованіе въ школѣ инородческихъ дѣтей, вмѣстѣ съ обученіемъ грамотѣ на ихъ родномъ языкѣ, такому лицу, которое владѣетъ этимъ инородческимъ языкомъ и знакомо съ бытомъ, понятіями и даже съ умственнымъ и нравственнымъ складомъ инородческихъ учениковъ. Этимъ необходимымъ условіемъ опредѣляется—быть ли учителемъ въ данномъ училищѣ священнику или міряниny. Если священникъ, при образованіи и нравственныхъ качествахъ, свойственныхъ этому сану, хорошо знакомъ съ языкомъ и бытомъ инородцевъ и имѣетъ притомъ призваніе и желаніе заниматься обученіемъ въ школѣ, то лучше этого и желать нечего. Но если бóльшая часть священниковъ, какъ извѣстно, не знаютъ инородческаго языка и быта въ удовлетворительной степени, то, по необходимости, приходится предоставить весьма важное значеніе въ дѣлѣ первоначальнаго религіозно-нравственнаго образованія міряниny и, еще лучше, единоплеменному съ воспитанниками инородцу, конечно, съ основательнымъ православнымъ настроеніемъ и понятіями. Въ такомъ случаѣ отношеніе священниковъ къ инородческимъ школамъ ограничится наблюденіемъ, по точному смыслу ст. 17 Положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ.

2) О. Баратынскій склоняется къ введенію обязательнаго обученія инородческихъ дѣтей, приписывая замѣченное несочувствіе инородцевъ къ училищамъ низкой степени умственнаго развитія ихъ. Въ этомъ отношеніи Комитетъ раздѣляетъ мнѣніе г. Золотницкаго, выраженное на стр. 8 его брошюры: «Введе-«ніе въ училища чувашскихъ дѣтей первоначальнаго и, разумѣется, разумнаго «обученія на ихъ природномъ языкѣ дастъ, прежде всего, возможность родите-«лямъ понять цѣль грамоты и, такъ сказать, осязательно почувствовать пользу «ея, а учащимся, облегчая сознательное пріобрѣтеніе познаній, дастъ возмож-«ность въ своей средѣ словомъ и дѣломъ доказать превосходство сообщаемаго «грамотою умственнаго развитія. Это — по моему твердому убѣжденію — един-«ственное средство къ искорененію естественнаго предубѣжденія инородцевъ про-«тивъ грамоты, къ возбужденію запроса на нее и къ разрѣшенію вопроса о спо-«собахъ пріисканія учащихся».—Опытъ школы для крещеныхъ татарскихъ дѣтей вполнѣ подтверждаетъ это предположеніе. Въ строгомъ смыслѣ обязательное ученіе дѣтей требуетъ обученія всѣхъ дѣтей безъ исключенія; между тѣмъ

въ инородческомъ и вообще крестьянскомъ населеніи иногда ребенокъ необходимо долженъ оставаться дома, какъ единственный работникъ въ семействѣ. О. Баратынскій предлагаетъ «назначить опредѣленное количество учениковъ со-«размѣрно съ числомъ душъ извѣстной мѣстности». По слухамъ извѣстно, что въ одномъ уѣздѣ Казанской губерніи, населенномъ Чувашами, назначено обязательно представлять въ училище одного мальчика со ста душъ. При толковомъ обученіи на народномъ языкѣ больше этого числа будетъ добровольныхъ учениковъ. А потому такое принудительное и вмѣстѣ процентное число воспитанниковъ, какое предлагаетъ о. Баратынскій, представляется ненужнымъ, а между тѣмъ оно своею идеею обязательности способно поселить нерасположеніе къ школѣ въ инородческомъ населеніи.

3) Распредѣленіе уроковъ, предметовъ и времени ученія, а равно выборъ учебниковъ и пособій не такъ существенны, и Комитетъ, хотя во многихъ изъ этихъ пунктовъ не сочувствуетъ автору записки, положилъ предоставить это дѣло усмотрѣнію мѣстныхъ училищныхъ совѣтовъ или самихъ педагоговъ, въ томъ убѣжденіи, что регламентированное однообразіе можетъ скорѣе стѣснять, нежели упрочить и развить народное образованіе столь различныхъ другъ отъ друга племенъ и мѣстностей.

Вторая записка о. Баратынскаго о введеніи русскаго языка и русской грамотности въ татарскихъ училищахъ, при всей справедливости и важности представленной цѣли, единогласно признана несостоятельною, какъ передающая дѣло обрусенія Татаръ въ ненадежныя руки муллъ и хальфовъ. Но она дала поводъ къ разсужденію о введеніи русскаго образованія и языка въ среду инородцевъ-нехристіанъ. Эти инородцы раздѣляются на два класса: 1) Чуваши, Черемисы и т. п. шаманствующіе, некнижные, нецивилизованные и простодушные инородцы; 2) Татары, большинство которыхъ магометане, имѣющіе религіозный кодексъ, довольно значительную письменность, свою науку и образованіе. Первой категоріи инородцы, составляя меньшинство противу своихъ крещеныхъ единоплеменниковъ и не имѣя, по существу своихъ неразвитыхъ и своеобразныхъ религіозныхъ понятій, враждебной исключительности въ отношеніи къ христіанству, безъ всякаго неудобства могутъ поступать въ общія инородческія училища того же племени. Такимъ образомъ, особыя мѣры должны ограничиться только Татарами. Татары опять подраздѣляются на крещеныхъ и магометанъ. Для крещеныхъ Татаръ существующая въ Казани, съ 1864 года, частная школа ведетъ дѣло христіанскаго образованія въ духѣ вышеизложенныхъ соображеній, первоначально на народномъ татарскомъ языкѣ. Она представляетъ еще опытъ, но замѣтный успѣхъ образованія учениковъ и прогрессивное возрастаніе числа ихъ положительно ручается за раціональность и практичность ея способовъ и пріемовъ. А потому должно ей предоставить свободу, безъ всякой регламентаціи,

продолжать и развивать дѣло христіанскаго образованія крещеныхъ Татаръ. Для Татаръ же магометанъ, оставивъ неприкосновенными ихъ медресы, имѣющія характеръ спеціально духовныхъ заведеній для приготовленія въ муллы, нужно учредить особыя училища въ размѣрахъ уѣздныхъ училищъ съ присовокупленіемъ приготовительнаго класса. Но такъ какъ, по новости этого дѣла, при отсутствіи предшествовавшихъ опытовъ и образцовъ и при могущемъ возникнуть недовѣріи къ нимъ со стороны магометанскаго населенія, невозможно заранѣе во всѣхъ подробностяхъ опредѣлить ни постановки этихъ училищъ, ни самыхъ способовъ и распредѣленія преподаванія: то необходимо, на первый разъ, открыть одно такое училище въ Казани, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ г. попечителя Казанскаго учебнаго округа. Это училище будетъ, такъ сказать, экспериментальное, а потому ему слѣдуетъ предоставить возможно больший просторъ и свободу въ устройствѣ и веденіи этого дѣла. Съ самаго начала долженъ быть открытъ, очевидно, классъ приготовительный, для пріема въ который, чтобы имѣть большую вѣроятность на увеличеніе числа учениковъ, ненужно опредѣлять ни возраста, ни сословія, ни степени собственно татарскаго ихъ образованія. Въ этомъ приготовительномъ классѣ, въ неопредѣленные сроки и безъ общихъ однообразныхъ курсовъ и пріемовъ, будутъ обучаться: а) татарской грамотѣ по особо составленнымъ учебникамъ на народномъ татарскомъ языкѣ, русскими буквами, свѣтскаго содержанія; б) русскому письму; в) первоначальнымъ пріемамъ счисленія и г) русскому языку. Изученіе русскаго языка должно состоять въ заучиваніи отдѣльныхъ русскихъ словъ по методѣ нагляднаго обученія и по переводу съ татарскаго, и въ переложеніи съ татарскаго на русскій легкихъ, относительно русскаго языка, отдѣльныхъ выраженій и цѣльныхъ разсказовъ. Въ томъ и другомъ случаѣ, для усвоенія орѳографіи и надлежащаго произношенія, слова и переводы будутъ писаться учениками подъ диктовку и на память. Въ нормальныхъ классахъ училища, которые будутъ открываться также постепенно, будутъ преподаваться: русскій языкъ практически чрезъ чтеніе русскихъ книгъ легкаго анекдотическаго, сказочнаго и историческаго содержанія, съ устнымъ подстрочнымъ переводомъ; чрезъ изученіе построенія простаго предложенія сравнительно съ татарскимъ синтаксисомъ, затѣмъ главнѣйшихъ этимологическихъ формъ, падежей въ связи съ предлогами и спряженій, и, послѣ достаточнаго упражненія въ чтеніи, съ устнымъ переводомъ русскихъ книгъ, въ этимологическихъ формахъ, и по пріобрѣтеніи навыка въ русскомъ изложеніи не періодическою рѣчью, а краткими предложеніями, перейдутъ къ предложенію сложному, опять сравнительно съ татарскимъ синтаксисомъ, и къ подробностямъ русской этимологіи. Въ этомъ второмъ періодѣ ознакомятся, чрезъ толковое чтеніе, съ нѣкоторыми изъ произведеній русской литературы. Кромѣ русскаго языка и словесности должно преподавать: ариѳметику, геоме-

трію, элементарную алгебру и коммерческое счетоводство, географію всеобщую и подробную русскую, исторію гражданскую всеобщую и русскую. Для того, чтобы доставить татарскимъ воспитанникамъ большее удобство практически усовершенствоваться въ русскомъ языкѣ, допустить неограниченное число русскихъ мальчиковъ быть ихъ товарищами и слушать тѣ же предметы въ училищѣ. Какъ для русскихъ мальчиковъ православный Законъ Божій будетъ преподавать священникъ, такъ для Татаръ мулла будетъ преподавать законъ магометанскій по опредѣленной программѣ, вмѣщающей въ себѣ все необходимо-нужное для свѣтскаго магометанина. Что касается до мусульманскихъ языковъ, то уясненіе грамматическихъ законовъ народнаго татарскаго языка необходимо, а книжный татарскій можетъ преподаваться муллой-законоучителемъ; арабскаго же, персидскаго и турецкаго языковъ преподавать вовсе нѣтъ надобности, потому что они не имѣютъ никакого значенія образовательнаго въ смыслѣ русско-европейскомъ.

Распредѣленіе всѣхъ вышеозначенныхъ предметовъ по классамъ предоставить г. попечителю и времени. Самая важная роль въ этомъ училищѣ должна принадлежать учителю русскаго языка, который, при основательномъ образованіи, долженъ хорошо знать татарскій языкъ и быть Татаръ. На это мѣсто долженъ быть со всею внимательностію избранъ русскій человѣкъ. Вообще же учители этого училища должны быть щедро обезпечены. Подробной регламентаціи училищу сдѣлать нельзя, развѣ послѣ долгаго времени, когда опытъ выяснитъ и опредѣлитъ устройство его. Тогда только по его образцу можно заводить подобныя училища и въ другихъ мѣстахъ.

Впрочемъ, некрещенымъ Татарамъ не слѣдуетъ воспрещать учиться въ школахъ крещеныхъ татарскихъ дѣтей, если только это не будетъ нарушать обоюдную пользу.

Если вышеизложенныя соображенія относительно инородческихъ языковъ въ дѣлѣ первоначальнаго образованія инородцевъ Господиномъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія будутъ признаны уважительными, то просить Его Сіятельство исходатайствовать, чтобы въ Высочайше утвержденномъ Положеніи о начальныхъ народныхъ училищахъ, къ ст. 4 было присовокуплено слѣдующее примѣчаніе: «Въ Казанскомъ учебномъ округѣ, во вниманіе къ особымъ обстоя-«тельствамъ, въ начальныхъ народныхъ училищахъ для Татаръ, Чувашъ, Чере-«мисъ и прочихъ инородцевъ, дозволяется первоначальное обученіе на ихъ соб-«ственныхъ народныхъ языкахъ».

При этомъ представить Г. Министру Народнаго Просвѣщенія упомянутую брошюру г. Золотницкаго, въ которой подробно излагаются мысли, принятыя въ настоящемъ засѣданіи Комитета, объяснивъ, впрочемъ, что такъ какъ эта брошюра, написанная по прочтеніи записокъ о. Баратынскаго, издана авторомъ по случаю губернскаго земскаго собранія, для распространенія здравыхъ поня-

тій объ инородческомъ образованіи въ земствѣ, которое можетъ и желаетъ содѣйствовать народному образованію, то въ брошюрѣ излагаются нѣкоторыя другія мысли, строго не относящіяся къ настоящему дѣлу, и расположеніе мыслей получило нѣсколько особую постановку.

IV.

По вопросу о способахъ образованія Чувашъ.

Въ виду того, что обращеніе въ христіанство Чувашъ и другихъ подобныхъ имъ инородцевъ, по способу исполненія этого дѣла, не принесло желаемыхъ плодовъ, и послѣ того какъ 25-тилѣтнее существованіе заведенныхъ между инородцами училищъ не повысило до желаемой степени умственнаго и нравственнаго ихъ уровня и не оказало достаточнаго успѣха въ дѣлѣ національнаго объединенія этихъ пріемныхъ дѣтей съ русскимъ народомъ, правительство и общество пришли къ убѣжденію о необходимости принять болѣе дѣйствительныя мѣры для *обрусенія* и *религіозно-нравственнаго образованія* инородцевъ.

Все, касающееся дѣла народнаго образованія вообще, а инородцевъ въ особенности, имѣетъ для меня особенный интересъ, такъ какъ, имѣвъ случай, пять лѣтъ тому назадъ, высказать взглядъ мой на способъ образованія инородцевъ *) и, затѣмъ, провѣривъ мои воззрѣнія на потребности народнаго образованія, какъ посредствомъ обмѣна мыслей въ званіи редактора губернскихъ вѣдомостей, такъ особенно при непосредственныхъ сношеніяхъ съ народомъ въ бытность распорядителемъ воскресной школы и мировымъ посредникомъ, я приступилъ, наконецъ, къ осуществленію моихъ убѣжденій посредствомъ составленія и изданія учебниковъ для первоначальнаго обученія чувашскихъ дѣтей. А потому искреннее сочувствіе къ заботамъ правительства и общества объ образованіи инородцевъ побуждаетъ меня изложить здѣсь нѣсколько мыслей по этому предмету.

Обрусеніе инородцевъ и просвѣщеніе ихъ, представляющіяся съ перваго взгляда какъ двѣ независимыя одна отъ другой цѣли, въ понятіи объ упроченіи общаго блага государственной семьи сливаются въ одну задачу. Ближайшіе къ народу исполнители этой задачи—училищные совѣты, земскія и мировыя учрежденія—считаютъ, какъ кажется, вопросъ о способѣ *обруссенія* инородцевъ положительно разрѣшаемымъ посредствомъ примѣненія къ дѣлу извѣстнаго мнѣнія, что «усвоеніе языка усвояетъ и народность», а потому въ настоящее время они особенно озабочены разрѣшеніемъ вопросовъ, касающихся собственно *образованія*:—объ открытіи училищъ, о пріисканіи въ нихъ учениковъ и наставниковъ, объ устройствѣ учебной части и о способахъ обученія.

---

*) № 47 Вят. губ. вѣдом. за 1861 г. «По поводу открытія частныхъ школъ въ Вятской губ.»

Имѣя въ виду высказаться по тѣмъ же самымъ вопросамъ, я считаю нужнымъ сказать предварительно нѣсколько словъ о значеніи *русскаго языка* въ дѣлѣ обрусенія и просвѣщенія инородцевъ.

Государственное *право господствующаго языка*, какъ рѣшеніе, вошедшее въ законную силу, не можетъ возбуждать никакихъ вопросовъ, а требуетъ только исполненія. На основаніи этого права, инородцы и иновѣрцы, безусловно принятые въ семью русскаго народа, обязаны употреблять господствующій языкъ во всѣхъ отношеніяхъ къ государственной власти и при исполненіи обязанностей государственной и общественной дѣятельности. А на этомъ основаніи, требованіе удовлетворительнаго знанія русской грамоты въ здѣшней мѣстности можетъ быть распространено на инородцевъ и иновѣрцевъ, избираемыхъ въ члены волостныхъ правленій, земскихъ управъ и другихъ учрежденій, на принимающихъ иновѣрческія духовныя должности и на учителей въ иновѣрческихъ школахъ.

Но значеніе господствующаго языка въ дѣлѣ объединенія государственной семьи составляетъ вопросъ еще нерѣшеный, такъ какъ вышеупомянутое мнѣніе, что «усвоеніе языка усвояетъ и народность», можетъ быть признано безспорнымъ только при условіи благопріятности всѣхъ другихъ обстоятельствъ для усвоенія народности.

Очевидно, что сближеніе и затѣмъ объединеніе національностей, помимо политическихъ обстоятельствъ, совершается главнымъ образомъ подобно сближенію отдѣльныхъ личностей,— именно подъ условіемъ *единства убѣжденій*. Минувшія и современныя отношенія разныхъ національностей доказываютъ, что единство убѣжденій религіозныхъ, какъ самыхъ прочныхъ изъ всѣхъ убѣжденій,[1] по свойству ихъ задушевности, служитъ наилучшимъ средствомъ не только къ объединенію подданныхъ одного государства, но и къ поддержанію постоянной симпатіи между отдаленными другъ отъ друга народами и въ обоихъ случаяхъ — независимо отъ условій единства или сродства языка, и наоборотъ разность религіозныхъ убѣжденій, при единоплеменности, сродствѣ и даже единствѣ языка возбуждаетъ и поддерживаетъ въ природныхъ подданныхъ государства взаимную антипатію, а въ соединенныхъ по обстоятельствамъ—стремленіе къ политической независимости. Если изъ числа поволжскихъ инородцевъ Татары «примыкаютъ — какъ говорятъ — своими симпатіями къ Турціи, даже къ Хивѣ и Бухаріи, то главнымъ источникомъ такой симпатіи можно признать только единство религіи, а не сродство по языку и по происхожденію — сродство очень далекое. Между тѣмъ, племя по языку самое близкое къ Татарамъ — Чуваши въ отношеніи къ татарской народности представляютъ такое явленіе: тѣ изъ нихъ, которые живутъ вдали отъ Татаръ и которыхъ, по ихъ религіознымъ убѣжденіямъ, можно

назвать крещеными полуязычниками, тѣ не имѣютъ никакого расположенія къ татарской народности; а живущіе вмѣстѣ съ Татарами крещеные Чуваши, подъ очевиднымъ вліяніемъ исламизма, легко усвоиваютъ татарскую народность; Чуваши же язычники, тоже живущіе среди Татаръ, упорнѣе прочихъ своихъ единоплеменниковъ отстаиваютъ свою племенную народность. Вообще, для прочнаго объединенія здѣшнихъ инородцевъ съ русскимъ народомъ, необходимо усвоеніе ими не столько русскаго языка, сколько—истинъ христіанской религіи.

Второе послѣ религіи средство, способствующее къ обрусенію инородцевъ, состоитъ въ усвоеніи ими понятій о нравственномъ *превосходствѣ русской народности*. Многочисленные примѣры перехода инородческихъ семействъ въ русскія селенія и города, женитьбы инородцевъ на Русскихъ и проявляющееся въ нихъ желаніе жить по русскимъ обычаямъ убѣждаютъ, что эти явленія происходятъ не вслѣдствіе усвоенія ими русскаго языка, но подъ вліяніемъ сознательнаго уваженія ихъ къ русской народности, къ которой, безъ такого уваженія, остаются вполнѣ равнодушными весьма многіе инородцы, ознакомившіеся съ русскимъ языкомъ по торговымъ и инымъ сношеніямъ и даже по русской школѣ. Для наилучшаго же дѣйствія этого средства, кромѣ распространенія въ массѣ инородцевъ понятій о значеніи русской народности, въ особенности желательно повышеніе, посредствомъ правильнаго образованія, умственнаго и нравственнаго уровня близкихъ къ инородцамъ сословій русскаго народа.

А такъ какъ основныя истины христіанской религіи, и понятія о значеніи русской народности могутъ быть усвоиваемы инородцами, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, и безъ пособія русскаго языка, то очевидно, что оба вышепоказанныя средства, въ дѣлѣ объединенія инородцевъ съ русскимъ народомъ, имѣютъ *воспитательное* значеніе. Усвоеніе же *русскаго языка*, съ одной стороны, представляя пособіе для дальнѣйшаго умственнаго и религіозно-нравственнаго развитія инородцевъ, а съ другой, заканчивая самое дѣло обрусенія ихъ, получаетъ въ этомъ дѣлѣ значеніе средства *образовательнаго*. Но приниматься за образованіе, не обращая вниманія на воспитаніе—дѣло (съ педагогической точки зрѣнія) самое нераціональное. Однако же именно такъ поступали доселѣ въ дѣлѣ обрусенія и просвѣщенія инородцевъ. Принявшись за это дѣло, дѣятели пренебрегли извѣстнымъ правиломъ, что образованіе должно восполнять недостатки воспитанія, и прямо начали съ обученія инородцевъ русской грамотѣ, а потому, естественно, трудились безплодно. Въ настоящее время другіе дѣятели съ большимъ еще усердіемъ стремятся повторить капитальную ошибку прежнихъ дѣятелей, и, можно заранѣе сказать, будутъ трудиться тоже понапрасну, если не введутъ въ дѣло образованія инородцевъ пріемовъ, восполняющихъ недостатки ихъ воспитанія. Объ этихъ пріемахъ рѣчь впереди.

Вмѣсто желаемаго *открытія* новыхъ *училищъ* въ нѣкоторыхъ инородческихъ мѣстностяхъ приходится *закрывать* и нынѣшнія за недостаткомъ средствъ на содержаніе ихъ и, главнымъ образомъ, разумѣется, на жалованье наставникамъ. Такъ, въ одной мѣстности изъ бывшихъ доселѣ, на 50 т. душъ муж. пола, пяти училищъ остается только одно. Подобное сокращеніе числа училищъ съ одной стороны даетъ возможность устроить остающіяся изъ нихъ въ наилучшемъ видѣ, и съ другой — представляетъ очевидное неудобство, отдаляя учащихся отъ ихъ семействъ. Неудобство это немаловажно во многихъ отношеніяхъ, а особенно потому, что даетъ родителямъ, и безъ того нерасположеннымъ къ обученію дѣтей, новый поводъ къ ропоту.

Къ такому грустному явленію, какъ закрытіе училищъ, не могутъ оставаться совершенно равнодушными тѣ, на комъ лежитъ главная забота о просвѣщеніи инородцевъ — ихъ духовные пастыри. Настоящій случай даетъ имъ возможность показать свое сочувствіе къ дѣлу народнаго образованія и сознаніе пастырскаго своего долга: они могутъ протестовать противъ закрытія училищъ предложеніемъ безвозмезднаго преподаванія. Здѣсь, кстати, я выскажу, можетъ быть, непрактичное, но твердое убѣжденіе въ томъ, что пастыри церкви *обязаны быть безвозмездными учителями*, потому что главнѣйшую обязанность священника составляютъ: просвѣщеніе прихожанъ съ самаго ихъ дѣтства евангельскимъ ученіемъ, постоянное во всю жизнь руководство ихъ въ духѣ этого ученія и напутствованіе въ вѣчную жизнь: исправленіе же требъ есть уже вторая обязанность, вытекающая изъ добросовѣстнаго исполненія первой, такъ какъ треба, составляющая теперь непонятный для инородца обрядъ, только тогда сдѣлается настоящею требой, потребой, когда будетъ требоваться прихожаниномъ вполнѣ сознательно, а не изъ какого-нибудь опасенія. Равнодушіе приходскихъ священниковъ къ дѣлу образованія было бы тѣмъ болѣе невыгодно для нихъ, что, довѣряя сочувствію ихъ къ этому дѣлу и сознанію долга, правительство утвердило за ними исключительное право обученія Закону Божію и возложило на нихъ наблюденіе за религіозно-нравственнымъ направленіемъ въ училищахъ и школахъ вообще.

За вопросомъ о наставникахъ слѣдуетъ вопросъ о *пріисканіи учащихся*. Самое существованіе этого вопроса и сужденія о преимуществахъ обязательной или добровольной системъ, доказываютъ, что со стороны самихъ инородцевъ нѣтъ соразмѣрнаго съ предложеніемъ запроса на грамоту. Отсутствіе же запроса объясняется отвращеніемъ инородцевъ отъ грамоты. А это отвращеніе порождено самою грамотою. Во всякомъ дѣлѣ, чтобы стоило заниматься имъ или жертвовать для него чѣмъ нибудь, надобно видѣть пользу или удовольствіе. А грамота, какъ она предлагалась и предлагается инородцамъ, не можетъ доставить имъ ни той, ни другаго. Родители не понимаютъ, чему и для чего учатся

ихъ дѣти: — *языкъ школы* единственное препятствіе къ уразумѣнію этого; а дѣти, уже и выучившись, не въ состояніи доказать, что они учились не напрасно: *языкъ школы* обращаетъ ученье ихъ въ механическую работу, не позволяетъ имъ усвоить науки душою и лишаетъ возможности внести ее въ семью, въ среду, въ жизнь. Чѣмъ же другимъ, если не близостью школьнаго языка къ жизни, объясняется сравнительно большой запросъ на грамоту со стороны Татаръ? Введеніе въ училища чувашскихъ дѣтей первоначальнаго, и, разумѣется разумнаго, *обученія на ихъ природномъ языкѣ* дастъ, прежде всего, возможность родителямъ понять цѣль грамоты и, такъ сказать, осязательно почувствовать пользу ея, а учащимся, облегчая сознательное пріобрѣтеніе познаній, дастъ возможность въ своей средѣ словомъ и дѣломъ доказать превосходство сообщаемаго грамотою умственнаго развитія. Это — по моему твердому убѣжденію — единственное средство къ искорененію естественнаго предубѣжденія инородцевъ противъ грамоты, къ возбужденію запроса на нее и къ разрѣшенію вопроса о способахъ пріисканія учащихся.

Если бы, однакоже, обученіе на народномъ языкѣ предлагалось только для привлеченія учащихся, то это предложеніе не стоило бы особеннаго вниманія, тѣмъ болѣе, во-1-хъ, что отдачу дѣтей въ училище, по мнѣнію иныхъ, можно сдѣлать и обязательною: во 2-хъ, что обученіе на народномъ языкѣ, повидимому, устраняетъ возможность обрусенія инородцевъ, и, въ 3-хъ, что введеніе такого обученія, какъ и всякое нововведеніе, можетъ быть сопряжено съ разными затрудненіями. Поэтому мы обратимъ вниманіе сперва на достоинство принудительной системы набора учениковъ, потомъ на значеніе народнаго языка въ дѣлѣ умственнаго развитія, религіозно-нравственнаго образованія и обрусенія учащихся, а затѣмъ подумаемъ и о способахъ къ устраненію затрудненій при обученіи на народномъ языкѣ.

Въ защиту *обязательнаго и добровольнаго обученія* есть много весьма убѣдительныхъ доводовъ. Но здѣсь я упомяну только о неоспоримомъ законѣ человѣческой природы, который заставляетъ человѣка ненавидѣть принужденіе даже въ томъ, чего бы самъ онъ по доброй волѣ искренно желалъ. Дѣйствіе этого закона тѣмъ сильнѣе, чѣмъ грубѣе натура, чѣмъ невѣжественнѣе среда. Принужденіе, какъ извѣстно, вездѣ и во всемъ портитъ дѣло, къ которому принуждаютъ. Вотъ, напр., что говоритъ о плодахъ принудительнаго обученія въ Германіи, глубоко изучившій дѣло народной педагогіи графъ Л. Н. Толстой: «Въ Германіи $^{9}/_{10}$ школьнаго населенія выноситъ изъ школы механическое «умѣнье читать и писать и столь сильное отвращеніе къ испытаннымъ имъ пу-«тямъ науки, что оно впослѣдствіи уже не беретъ книги въ руки... Десятое «поколѣніе нужно посылать въ школу также насильно, какъ и первое». Само правительство наше не рѣшилось ввести систему обязательнаго ученья, вѣроятно,

видя въ ней много стѣснительнаго для народа, и не включило въ Положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ ни одной изъ тѣхъ принудительныхъ мѣръ, которыя были предположены въ проектѣ 1862 года. Ко всему этому припомнимъ незабвенныя слова манифеста: «Да развивается повсюду, и съ новою си-«лою, стремленіе къ просвѣщенію и всякой полезной дѣятельности». А помня эти слова, всякій, кто почувствуетъ въ себѣ пробужденіе дѣятельности по народному образованію, долженъ обратить свою дѣятельность не на принужденіе, но на развитіе въ народѣ стремленія къ образованію.

Между тѣмъ, въ одномъ проектѣ предлагается уѣздному земскому собранію «назначить опредѣленное количество учениковъ соразмѣрно съ числомъ душъ «извѣстной мѣстности — съ тѣмъ, чтобы избранные мальчики и оказавшіе спо-«собность къ ученію оставались въ училищахъ до полнаго обученія». Не значитъ ли это, говоря другими словами, обратить дѣло религіозно-нравственнаго образованія въ натуральную повинность, во всемъ подобную рекрутскому набору? Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Чуваши, по убѣжденію начальства, уже согласились на исполненіе такой повинности. А въ циркулярѣ одного изъ мировыхъ посредниковъ указывается на обязательную отдачу дѣтей въ училище, какъ на «сред-«ство для устраненія невѣжества Чувашъ въ образованіи, и предписывается во-«лостнымъ правленіямъ составить списки дѣтей съ 8 лѣтъ и обязательно отправ-«лять этихъ дѣтей въ училище». Здѣсь дѣло образованія обращается уже въ поголовную повинность новаго поколѣнія. Но такъ какъ при установленіи повинностей важное значеніе имѣетъ отношеніе къ народу установляющей *власти*, то позволю себѣ думать, что мировые посредники, обязанные всегда и во всемъ дѣйствовать только посредствомъ убѣжденія и разъясненія закона, подобными принудительными распоряженіями одновременно вредятъ и правильному устройству народнаго образованія, и введенію въ дѣйствіе Высочайше дарованнаго крестьянамъ самоуправленія. И нѣтъ ничего удивительнаго, если инородцы, еще не усвоившіе себѣ понятія о призваніи мироваго посредника, смотря на него какъ на чиновника и считая его распоряженія за произволъ власти, отвѣчаютъ на нихъ противодѣйствіемъ. Вслѣдствіе упомянутаго циркуляра, напримѣръ, «производится обязательная высылка чувашскихъ дѣтей въ училища, но число «учениковъ не увеличивается: привезетъ старшина или засѣдатель мальчика въ «училище безъ согласія отца, кончаются учебные часы — и ученикъ уходитъ до-«мой по той простой причинѣ, что у него нѣтъ ни хлѣба, ни квартиры». Между тѣмъ содѣйствіе мировыхъ посредниковъ при введеніи и упроченіи добровольной системы обученія могло бы быть благотворнымъ въ высшей степени и избавило бы ихъ отъ необходимости «предупреждать членовъ волостныхъ правле-«ній, что нерадивые изъ нихъ по устройству училищъ будутъ подвергаемы *взы-«сканіямъ*, а усердные представляемы къ *наградамъ*, и просить священниковъ.

«чтобы они бесѣдовали съ прихожанами о необходимости въ настоящее время «(sic) образованія крестьянъ и тѣмъ старались *пріохотить* ихъ *безъ угрозъ и «силы* посылать дѣтей въ училище, не исключая и дѣвочекъ». — Постановленія земскихъ собраній, разумѣется, должны быть болѣе обязательными для крестьянъ, такъ какъ въ этихъ постановленіяхъ участвуютъ голоса представителей крестьянства; но, не упуская изъ вида, что крестьяне, въ особенности инородцы, не успѣли еще усвоить почти никакого понятія о представительствѣ, можно предполагать, что и постановленія земскихъ собраній, по предмету обязательнаго обученія, будутъ приводимы въ исполненіе также насильственно. — Впрочемъ, ни мировымъ, ни земскимъ учрежденіямъ существующими узаконеніями не дано права принимать на себя рѣшеніе вопроса объ обязательномъ или добровольномъ обученіи: на мировыхъ посредниковъ возложенъ временно высшій надзоръ за состояніемъ училищъ, а на земство — попеченіе по хозяйственной части училищъ, съ правами установлять повинности на устройство этой части и наблюдать за состояніемъ училищъ, въ содержаніи которыхъ земство участвуетъ. Рѣшеніе же вопроса объ обязательности ученья принадлежитъ по праву только самимъ крестьянамъ, которые и могутъ постановить на сходахъ мірскіе приговоры по этому предмету. А какъ извѣстно, что рѣшенія сходовъ исполняются крестьянами гораздо безпрекословнѣе, чѣмъ предписанія начальства, то съ одной стороны, было бы хорошо, если бы мірскія общества опредѣлили порядокъ назначенія дѣтей въ училище, а съ другой — такъ какъ и въ мірскихъ приговорахъ должно выражаться все-таки принужденіе членовъ общества къ обученію дѣтей, то, въ виду необходимости *переходнаго времени* для упроченія добровольной системы, остается пожелать только того, чтобы на первыхъ порахъ подлежащія власти оставили въ своей силѣ прежній, уже привычный для крестьянъ, порядокъ выбора учащихся. Затѣмъ, принимая во вниманіе, что и прежній порядокъ все-таки составляетъ повинность, а при исполненіи повинностей важное значеніе имѣетъ *уравнительность* распредѣленія, слѣдуетъ еще пожелать, чтобы земскія собранія: а) освободили на извѣстное время семейства учащихся отъ какихъ нибудь денежныхъ повинностей (на устройство училищной части и т. п.) и б) установили сборъ на содержаніе учащихся при училищахъ, отнеся тѣ и другіе расходы на счетъ прочихъ семействъ.

Обращаюсь снова къ *языку школы*. Если существующій способъ обученія инородцевъ возбуждаетъ въ нихъ отвращеніе отъ грамоты, то не менѣе прискорбное чувство онъ долженъ возбуждать во всякомъ, кто признаетъ въ инородцѣ человѣка. Къ безчеловѣчію нельзя питать благожелательнаго чувства. А человѣчно ли поступаемъ мы, усаживая чувашскаго ребенка за русскій букварь и заставляя его долбить на чуждомъ ему языкѣ молитвы, катихизисъ, исторію и пр.? Вѣдь задача первоначальнаго обученія — пробудить и потомъ

направить, какъ слѣдуетъ, *мыслящія силы* дѣтей — ихъ смыслъ, соображеніе, разсчетъ. Вѣроятно, всякій согласится, что исполненіе этой задачи возможно при обученіи ребенка только на томъ самомъ языкѣ, который служилъ ему для пріобрѣтенія первыхъ понятій объ окружающемъ его мірѣ, на которомъ онъ уже привыкъ мыслить и выражать свои мысли и въ которомъ для него ясно и понятно каждое слово. Лица, заботящіяся о наилучшемъ устройствѣ учебной части въ инородческихъ училищахъ, совершенно справедливо требуютъ, «чтобы «порядокъ преподаванія предметовъ имѣлъ характеръ строгой постепенности, «т. е. соотвѣтствовалъ постепенному развитію умственныхъ способностей дѣтей». А такъ какъ чувашскія дѣти поступаютъ въ училище уже съ извѣстной степенью развитія мышленія и прочихъ умственныхъ способностей: то, имѣя въ виду обученіе ихъ по-русски, для соблюденія строгой постепенности въ развитіи способностей, первымъ актомъ ученія надобно было бы постановить требованіе, чтобы чувашское дитя внезапно забыло свой языкъ и всѣмъ существомъ своего развитія превратилось въ русское дитя и затѣмъ уже принималось за русскую грамоту. Если же такое сверхъестественное превращеніе невозможно, то, значитъ, уча грамотѣ чувашскаго ребенка по-русски, мы не развиваемъ, а безчеловѣчно насилуемъ умственныя способности его и, убивая самодѣятельность мысли, превращаемъ его въ машину. Явленіе, замѣченное графомъ Л. Н. Толстымъ въ Германіи — пріобрѣтеніе въ школахъ только механическаго умѣнья читать и отвращеніе отъ книги по выходѣ изъ школы—повсемѣстно видимое въ грамотѣяхъ изъ Чувашъ и другихъ инородцевъ, здѣсь справедливѣе приписать не столько дѣйствію принудительнаго ученія, сколько обученію инородцевъ по-русски. Я знаю многихъ грамотѣевъ изъ Чувашъ, которые поступили въ училища и по желанію отцовъ, и даже противъ ихъ воли сами уходили учиться, но, при обученіи по-русски, ни одинъ изъ нихъ не вынесъ оттуда ничего, кромѣ способности механическаго чтенія и самыхъ туманныхъ познаній въ Законѣ Божіемъ. Съ мѣсяцъ тому назадъ, священникъ, около 15 лѣтъ занимающійся обученіемъ чувашскихъ дѣтей, говорилъ мнѣ: «Въ моемъ приходѣ грамотныхъ «много, а ни одинъ не можетъ объяснить прочитаннаго по книгѣ; мы (наставники) давно бы стали учить по-чувашски, но тогда экзаменаторы, по незнанію «языка, не могли бы повѣрять успѣхи учениковъ...» Грамотные Чуваши и сами сознаютъ и трудность, и безполезность обученія по-русски. Недавно, нанимая въ услуженіе молодого Чувашенина, я склонялъ его учиться грамотѣ; онъ пожелалъ сперва посовѣтоваться объ этомъ съ своимъ землякомъ — водовозомъ, который самъ учился грамотѣ (разумѣется — по-русски) и принесъ мнѣ вотъ какой отвѣтъ: «Дядя Ефимъ сказалъ, что Чувашенинъ не можетъ выучиться «какъ Русскій: его и учить больно тяжело, и учиться ему — бѣда какъ трудно». Безъ сомнѣнія, всякій, знакомый съ дѣломъ обученія чувашскихъ дѣтей, искренно

согласится съ мнѣніемъ дяди Ефима и, вѣроятно, всякій, искренно заботящійся о правильномъ развитіи умственныхъ ихъ способностей, душевно пожелаетъ, чтобы первоначальное обученіе инородцевъ происходило на ихъ природномъ языкѣ.

Но если бы иныя соображенія представляли крайнюю необходимость вести дѣло первоначальнаго обученія инородцевъ на русскомъ языкѣ, въ явный ущербъ умственному ихъ развитію, то дѣло *религіозно-нравственнаго* образованія ихъ должно быть ведено непремѣнно *на народномъ языкѣ.* Къ такому заключенію приводятъ: во 1-хъ, повсемѣстная ничтожность успѣха въ обученіи инородческихъ дѣтей Закону Божію по-русски, и 2-хъ, то обстоятельство, что въ училищахъ, гдѣ учатся дѣти инородцевъ, обученіе Закону Божію должно имѣть двоякую цѣль: *воспитательную* — положить прочное основаніе религіозно-нравственному развитію учащихся, и *миссіонерскую* — распространять посредствомъ воспитанниковъ училищъ христіанское просвѣщеніе въ темной массѣ «крещенныхъ, но не просвѣщенныхъ» инородцевъ. Для прочности религіозно-нравственнаго воспитанія недостаточно одного только *знанія* Закона Божія, какъ науки: — здѣсь необходимо *усвоеніе знанія душою,* а такое усвоеніе только и возможно при посредствѣ живаго языка, которымъ человѣкъ привыкъ говорить съ дѣтства. А для распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ массѣ народа и нѣтъ другаго, болѣе вѣрнаго, средства, какъ живая народная рѣчь и притомъ на столько народная, чтобы каждое ея слово было взято изъ жизни и, такъ сказать, само дышало жизнію. Въ этомъ дѣлѣ неумѣстенъ не только совершенно чужой, но и собственный книжный языкъ народа. Спаситель, въ своихъ бесѣдахъ съ народомъ, не употреблялъ книжнаго (еврейскаго) языка, а говорилъ народнымъ (сирійско-халдейскимъ) нарѣчіемъ. Подъ именемъ миссіонерской цѣли при обученіи инородцевъ Закону Божію, я разумѣю приготовленіе изъ нихъ не проповѣдниковъ, а *исповѣдниковъ* слова Божія въ своей средѣ. И теперь есть нѣкоторые Чуваши, душою усвоившіе истины христіанскаго вѣроученія, помимо школьнаго образованія, которые, въ качествѣ исповѣдниковъ своихъ религіозно-нравственныхъ убѣжденій, могли бы быть въ высшей степени полезны для своей среды; но частію одностороннее направленіе этихъ убѣжденій, частію сознаніе въ себѣ, по ограниченному образованію, недостатка силы для борьбы съ окружающимъ и противоборствующимъ невѣжествомъ массы, а всего болѣе одиночность положенія въ этой массѣ, заставляютъ ихъ покидать свою среду. Встрѣчаются, напр., въ Цивильскѣ на ярмаркѣ, два такіе Чувашенина, живущіе одинъ отъ другаго на разстояніи сотни верстъ, и, разговорившись случайно, проводятъ цѣлый день въ дружеской религіозно-нравственной бесѣдѣ. Спустя полгода, одинъ изъ нихъ пишетъ другому (по-чувашски), приглашая въ Казань для дѣла «хорошаго для обоихъ и

«полезнаго людямъ». Въ отвѣтномъ письмѣ тотъ, между прочимъ, сообщаетъ (по-чувашски же), что ему поговорить не съ кѣмъ, что онъ не находитъ кому бы повѣрить свои душевныя обстоятельства, что у него силы не стало жить въ деревнѣ и потому онъ ушелъ въ городъ. «Ну, Василій, я тебя больно полюбилъ «и письму твоему больно обрадовался» и пр. Если же теперь, при вышеупомянутыхъ условіяхъ, религіозно-нравственное настроеніе заставляетъ инородцевъ уходить въ среду русскаго населенія почти всегда съ явнымъ разстройствомъ домашняго матеріальнаго быта и часто въ неподозрѣваемый ущербъ благодатнаго настроенія души отъ вліянія новой среды, —то можно ожидать. что при усвоеніи инородцами въ училищахъ, посредствомъ роднаго языка, такого настроенія вмѣстѣ съ достаточнымъ образованіемъ и при увеличеніи въ обществѣ разумно-воспитанныхъ членовъ, для нихъ уничтожится необходимость покидать свою среду и представится полная возможность оставаться въ ней полезными дѣятелями.

Необходимость религіозно-нравственнаго просвѣщенія инородцевъ на ихъ природныхъ языкахъ сознана уже давно, но лишь примѣняема была къ дѣлу совершенно иначе. Сознаніе это выражалось *переводами* на инородческіе языки Евангелія, Начатковъ христіанскаго ученія, Псалтири, Дня святой жизни и другихъ книгъ. Всѣ эти изданія были и остаются недоступными для инородцевъ, какъ по способу ихъ изложенія —вслѣдствіе подстрочнаго перевода, безъ вниманія къ духу и внутреннему механизму языка, такъ еще болѣе по непривычкѣ инородцевъ, обученныхъ грамотѣ по-русски, къ толковому чтенію книгъ на родномъ языкѣ. Тогда какъ при обученіи на народномъ языкѣ подобныя изданія могутъ не только безпрепятственно достигать своего назначенія, но и пріобрѣсти особенную популярность у инородцевъ. Кстати замѣчу, что даже сами сторонники обученія инородцевъ по-русски невольно высказываются въ пользу обученія на народномъ языкѣ: — то соглашаясь съ мнѣніемъ о необходимости объяснять по-чувашски изучаемое по русской книгѣ; то требуя въ училища, гдѣ учатся инородческія дѣти, высылки, въ видѣ пособія, переведенныхъ на народные языки книгъ; то свидѣтельствуя, что «поднять упадокъ преподаванія Закона Божія въ инородческихъ училищахъ «нѣтъ возможности» и подтверждая это тѣмъ, что «здѣсь съ преподаваніемъ Закона Божія должно быть соединено изученіе инородческими мальчиками *рус-«скаго* языка». Послѣдняя фраза —очевидная натяжка, потому что съ преподаваніемъ на томъ или другомъ языкѣ естественнѣе соединяется необходимость знанія самимъ учителемъ языка *народнаго*.

Еще болѣе важное значеніе, въ религіозно-нравственномъ образованіи, имѣетъ обученіе на народномъ языкѣ чувашскихъ дѣтей *въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ Чуваши живутъ вмѣстѣ съ Татарами*-магометанами.

Сознаніе своей малоразвитости сравнительно съ сосѣдями, отсутствіе грамоты на своемъ языкѣ, непониманіе богослуженія и значенія обрядовъ той религіи, къ которой они причислены безсознательно, принудительная система обученія на чужомъ языкѣ при непригодномъ для жизни механизмѣ самаго ученія, близкое родство чувашскаго языка съ татарскимъ, общность многихъ житейскихъ обрядовъ, обученіе Татаръ на языкѣ близкомъ къ жизни и религіозно-нравственное руководство Татаръ ихъ духовенствомъ на народномъ языкѣ:—всѣ эти, въ совокупности взятыя, обстоятельства естественно должны возбуждать въ Чувашахъ, живущихъ вмѣстѣ съ Татарами, сожалѣніе объ утратѣ своей грамоты, когда-то, по ихъ толкованію, «съѣденной коровою», пренебреженіе къ собственному безграмотному языку, равнодушіе къ православной церкви, отвращеніе отъ русской школы, расположенность ко всему татарскому и приверженность къ ихъ народно-религіозному ученію, хотя бы даже и безъ особенно ревностной пропаганды со стороны магометанскаго духовенства.—Здѣсь обученіе Чувашъ на народномъ языкѣ, представляя общія выгоды для уничтоженія предубѣжденій противъ грамотности и для правильнаго развитія умственныхъ способностей, въ то же время должно пробудить въ Чувашахъ племенное самолюбіе и уваженіе къ собственному языку, а усвоеніе христіанскихъ истинъ и возможность распространенія ихъ въ массѣ поставовитъ наилучшій оплотъ противъ вліянія на нихъ магометанства. А какъ извѣстно, что во многихъ мѣстностяхъ Чуваши, живущіе вмѣстѣ съ Татарами, свободно владѣютъ и татарскимъ языкомъ, то, въ видахъ противодѣйствія пропагандѣ исламизма, было бы особенно полезно, чтобы болѣе даровитые изъ чувашскихъ дѣтей тѣхъ мѣстностей, по окончаніи курса въ училищѣ, были посылаемы, на счетъ какихъ бы ни было суммъ, въ Казанскую школу для крещеныхъ Татаръ, на предметъ пріобрѣтенія опытности въ опроверженіи магометанскаго вѣроученія.

Первоначальное обученіе на народномъ языкѣ не только не устраняетъ возможности *обрусенія* инородцевъ, а еще, напротивъ того, представляетъ самое дѣйствительное средство къ возможно-скорѣйшему обрусенію ихъ. Успѣхъ въ исполненіи этой задачи вполнѣ зависитъ отъ способа обученія. Чувашскіе учебники и книги для чтенія должны быть написаны не иначе какъ *русскими гражданскими буквами* съ необходимыми для чувашскихъ звуковъ знаками, по возможности подходящими къ русскимъ буквамъ. Опредѣленный *курсъ обученія* чувашскихъ дѣтей долженъ быть раздѣленъ на *два періода* такъ, чтобы дѣти учились: въ *первый періодъ*—Закону Божію (молитвамъ, катихизису, священной исторіи, объясненію праздниковъ), чтенію, письму и счисленію—*по-чувашски* и *русскому разговорному* языку, а во *второй періодъ*—чтенію сперва русскихъ (гражданской печати), а потомъ славянскихъ (церковной печати) книгъ съ непремѣннымъ переводомъ читаемаго на чувашскій языкъ, объясненію ли-

тургіи, правиламъ русскаго правописанія и церковному пѣнію на славянскомъ и чувашскомъ языкахъ. Такой способъ, удовлетворяя требованію постепенности въ развитіи способностей, почти незамѣтно пріучитъ инородца къ русскому языку и русской грамотѣ, а навыкъ въ толковомъ чтеніи книгъ съ пріобрѣтеніемъ возможности объяснять содержаніе прочитаннаго, возбудитъ въ нихъ любознательность и охоту къ чтенію книгъ преимущественно русскихъ, какъ болѣе завлекающихъ разнообразнымъ содержаніемъ. При всемъ этомъ въ инородцѣ естественно должна развиться особенная страсть говорить по-русски при всякомъ удобномъ случаѣ. Въ пособіе къ этому полезно: а) учредить при училищахъ *библіотеки* для безплатнаго пользованія книгами для чтенія, а также *продажу* общеполезныхъ *книгъ* и *письменныхъ принадлежностей*, и б) установить, чтобы окончившіе курсъ ученія инородцы и инородки въ слѣдующіе два-три года являлись въ училище на годичные экзамены для *предъявленія усовершенствованія* въ русскомъ языкѣ, въ чтеніи русскихъ книгъ и въ веденіи записокъ (дневниковъ) о своихъ занятіяхъ, съ сужденіемъ объ обычаяхъ и жизненныхъ явленіяхъ своей среды и о прочитанныхъ книгахъ. Для поощренія такихъ занятій должны быть установлены денежныя или другія награды.—Все это въ совокупности будетъ имѣть благотворное вліяніе на распространеніе въ народѣ толковой русской грамотности, и представляетъ самый вѣрный и единственный путь къ возможно-скорѣйшему обрусенію Чувашъ.

Для обученія инородцевъ на народномъ языкѣ по предлагаемому способу требуются: 1) отъ самого наставника—отчетливое знаніе народнаго языка и умѣніе свободно владѣть имъ; 2) достаточное знакомство наставника съ методами народнаго обученія, и 3) учебники на народномъ языкѣ инородцевъ.

Для удовлетворенія первой потребности нѣтъ, повидимому, никакого затрудненія, потому что «Положеніемъ о начальныхъ народныхъ училищахъ» преподаваніе Закона Божія предоставляется исключительно приходскому священнику, а приходскій священникъ обязанъ знать въ совершенствѣ языкъ своихъ прихожанъ, такъ какъ безъ того онъ не только не можетъ быть просвѣтителемъ и руководителемъ своей паствы, но даже не будетъ въ состояніи исповѣдать прихожанина. По отчетамъ, всѣ священники въ чувашскихъ селахъ «знаютъ» мѣстный языкъ, но въ дѣйствительности это далеко не такъ: немало священниковъ, которые вовсе не знаютъ чувашскаго языка; другіе, хорошо владѣя разговорнымъ языкомъ, не имѣютъ понятія о законахъ его; третьи не могутъ свободно объясняться на этомъ языкѣ, а знаютъ лишь извѣстныя «Правила» его которыя, однакоже, не даютъ никакого понятія о законахъ чувашскаго языка, какъ тюркскаго нарѣчія. Но все-таки и при этомъ многіе священники могутъ приняться за обученіе чувашскихъ дѣтей въ училищахъ на народномъ языкѣ. Въ совершенствѣ же могутъ исполнять эту задачу *наставники изъ среды самихъ*

инородцевъ. Необходимость приготовленія такихъ наставниковъ оффиціально заявляется со стороны самихъ священниковъ, и мнѣ остается только сказать, что я совершенно раздѣляю это мнѣніе.

Само правительство, признавая, что главная обязанность приходскихъ священниковъ должна состоять въ просвѣщеніи паствы и что, поэтому, знаніе способовъ обученія составляетъ для нихъ предметъ необходимости, распорядилось ввести въ семинарскій курсъ преподаваніе педагогики. Желательно только, чтобы при этомъ преподаваніи болѣе всего было обращено вниманія на методы начальнаго *народнаго* обученія. Объ этихъ методахъ, какъ предметѣ особенной важности, я имѣю въ виду поговорить подробно въ другомъ мѣстѣ, а здѣсь упомяну только, что обученіе инородцевъ Закону Божію должно быть изустное, а не по книгамъ, преподаваніе священной исторіи — разсказъ по картинамъ, изображающимъ событія, обученіе чтенію — по звуковой методѣ, счисленіе и разрѣшеніе задачъ — преимущественно умственное.

Твердое убѣжденіе въ необходимости первоначальнаго обученія иновѣрцевъ на ихъ природныхъ языкахъ побудило меня приняться за составленіе и изданіе слѣдующихъ книгъ для обученія чувашскихъ дѣтей на ихъ родномъ языкѣ:

а) «*Чуваш кнеге*»; въ ней содержится: пріученіе къ чтенію по звуковой методѣ, нравоученія, главнѣйшія молитвы, Символъ вѣры, десять заповѣдей, главнѣйшія заповѣди Христовы, разсказъ объ Іосифѣ, изображеніе цифръ и таблица умноженія. (Эта книга въ цензурѣ.) Къ ней въ пособіе:

б) «*Чувашла волама шотлама да виренни*» (ученіе чтенію и исчисленію по-чувашски): въ ней изложены по-чувашски (въ пособіе наставнику) объясненія звуковой методы обученія чтенію, статьи руководствующія къ правильному чтенію и правописанію, элементарныя понятія о счисленіи устномъ, на счетахъ и письменномъ, и о главныхъ способахъ счисленія. (Эта книга вышла изъ цензуры.) Къ ней приложено:

в) «*Руководство*» для обученія по упомянутымъ двумъ книгамъ (вышло изъ цензуры).

г) «*Сӑлдалык кнеге*» — чувашскій календарь на 1867 годъ, для обученія объясненію праздниковъ и для пріученія Чувашъ къ благовременности христіанской жизни. Здѣсь, кромѣ краткихъ святцевъ, находятся: указаніе несовмѣстныхъ съ исповѣданіемъ православной вѣры обрядовъ и обычаевъ, указаніе на значеніе и важность несоблюдаемыхъ Чувашами христіанскихъ обрядовъ и таинствъ, и ознакомленіе съ главнѣйшими событіями изъ русской исторіи по отношенію ихъ къ церковнымъ праздникамъ. (Отпечатанъ.)

д) «*Тора халыхын борнызъ*» — св. исторія ветхаго завѣта (приготовляется въ цензуру). Составляются:

е) Изложеніе *катихизиса* и *обязанностей христіанскихъ* въ видѣ удоб-

наго для разсказа толкованія молитвы Господней, символа вѣры, заповѣдей и пр.

ж) Переводъ *Евангелія* пересматривается.

з) Краткое *объясненіе литургіи* на чувашскомъ языкѣ съ переводомъ эктеній, пѣсней, возгласовъ и пр., при славянскомъ текстѣ.

и) Изложеніе *основныхъ правилъ чувашскаго языка* какъ тюркскаго нарѣчія.

і) Для обученія по звуковой методѣ изданы: *Подвижная азбука* для нарѣзки буквъ на карточки.

к) *«Упрощенный способъ обученія чтенію»*. Учебникъ этотъ можетъ быть пособіемъ для ознакомленія съ обученіемъ по звуковой методѣ. Онъ состоитъ изъ двухъ брошюръ: *«Руководства»* и

л) *Книжки для упражненій въ чтеніи.*

Золотницкій.

4 декабря 1866 года.

V.

Записка ординарнаго профессора С.-Петербургскаго Университета В. В. Григорьева.

Мѣры, принимаемыя по Министерству Просвѣщенія для обрусенія инородцевъ вообще, не могутъ быть прилагаемы къ инородческому населенію магометанскаго исповѣданія. Потому это, во-первыхъ, что инородцы-магометане находятся, сравнительно съ другими инородцами, на высшей степени развитія, давно уже имѣютъ собственныя, независимыя отъ правительства школы, распространившія грамотность между ними болѣе, чѣмъ распространена она во многихъ образованныхъ христіанскихъ государствахъ Запада: имѣютъ свои письмена; имѣютъ, хотя и небогатую по содержанію, но значительную по числу произведеній литературу. Потому это, во-вторыхъ, что школы ихъ и вообще образованность тѣсно связаны у нихъ съ религіею, вслѣдствіе чего всякая педагогическая реформа въ отношеніи къ нимъ принимаетъ въ глазахъ ихъ видъ посягательства на религію, ими исповѣдываемую, чего, при фанатическомъ всюду настроеніи магометанскаго населенія, должно избѣгать подъ опасеніемъ возбудить въ немъ неудовольствіе и волненія. Можно истребить магометанъ или изгнать ихъ изъ Имперіи, если бы это было признано нужнымъ, но передѣлать ихъ радикально нельзя. А за то, что̀ невозможно, не слѣдуетъ и браться. Правительство не все то̀ можетъ, чего бы хотѣло или могло хотѣть.

Сдѣлать обязательнымъ обученіе русскому языку въ мектебахъ (приходскихъ школахъ) и медресе (семинаріяхъ), чрезъ посредство муллъ, въ нихъ преподающихъ, нельзя потому, что муллы не знаютъ русскаго языка. Чтобы

они могли учить другихъ русскому языку, надо, чтобы предварительно выучились они ему сами. Опредѣлить для этого въ мектебы и медресе учителей изъ Русскихъ? Но, не говоря уже о неприличіи для христіанъ преподавать въ магометанскихъ училищахъ, откуда взять учителей русскаго языка, которые бы могли преподавать его Татарамъ по-татарски?

Для приготовленія учителей русскаго языка изъ самихъ Татаръ-мусульманъ, можно было бы, конечно, завести особыя школы какъ въ Казани, такъ и въ Симферополѣ; но тутъ представляются двѣ трудности: одна — откуда набрать учениковъ въ такія школы: родители-мусульмане едва ли станутъ отдавать въ нихъ охотно дѣтей своихъ; другая — какъ сдѣлать, чтобы у преподавателей русскаго языка, такимъ образомъ приготовленныхъ, стали обучаться этому языку воспитанники мектебовъ и медресе, если, подъ вліяніемъ муллъ и родителей, не захотятъ они этого? Можно думать даже, что такіе учителя подвергнутся отъ фанатическихъ единовѣрцевъ своихъ преслѣдованіямъ всякаго рода, которыя сдѣлаютъ имъ жизнь невыносимою и заставятъ ихъ искать средствъ къ существованію скорѣе въ поденной работѣ, чѣмъ на томъ поприщѣ, къ какому ихъ приготовляли.

Средства руссить Татаръ-магометанъ и ослаблять въ нихъ постепенно духъ фанатизма, рождаемый исламомъ, найдутся конечно, если поискать ихъ; но средства эти не во власти Министерства Народнаго Просвѣщенія. Однимъ изъ такихъ средствъ было бы распоряженіе, что высшія званія въ магометанской духовной іерархіи могутъ быть даваемы лишь тѣмъ изъ муллъ, которые будутъ знать хорошо по-русски. Это не стѣсненіе; не хочешь учиться по-русски—и не учись: никто не неволитъ; но въ такомъ случаѣ оставь уже замыслы честолюбія. Такою мѣрою можно было бы распространить знаніе русскаго языка и русской грамоты, сначала между наиболѣе искательными и способными въ составѣ магометанскаго духовенства, а тамъ и въ цѣлой его массѣ; а это знаніе не осталось бы безъ вліянія и на внѣдреніе въ эту массу русскихъ и вообще европейскихъ идей. И нѣтъ надобности заботиться о томъ, какъ научатся русскому языку и русской грамотѣ тѣ изъ муллъ, которые бы пожелали пріобрѣсти требуемыя свѣдѣнія. Найдутъ средства научиться, было бы только желаніе. Я знаю нѣсколькихъ изъ нашихъ Татаръ-мусульманъ, которые отлично говорятъ по-русски и читаютъ русскія книги, не учившись этому ни въ какомъ, ни правительственномъ, ни частномъ русскомъ учебномъ заведеніи.

Мнѣнія училищныхъ совѣтовъ Казанскаго учебнаго округа.

Нижегородская губернія.

Протоколъ Васильскаго уѣзднаго училищнаго совѣта. 1868 года марта 27 дня, вслѣдствіе предложенія нижегородскаго губернскаго училищнаго совѣта, отъ 31-го января за № 26, Васильскій уѣздный училищный совѣтъ обсуждалъ вопросъ объ устройствѣ училищъ для инородческихъ дѣтей Казанскаго учебнаго округа. Со всѣми данными и соображеніями по вышеозначенному вопросу каждый изъ членовъ ознакомился предварительно по полученнымъ изъ губернскаго совѣта брошюрамъ. По открытіи засѣданія, г. предсѣдатель совѣта предложилъ обсудить вопросъ сообразно тому порядку, въ какомъ разсматривается онъ въ «Выпискѣ изъ журнала Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія».

1) *Должно ли преподаваніе быть ведено въ инородческихъ школахъ съ самаго начала по-русски, или языкомъ преподаванія должно быть первоначально инородческое нарѣчіе, или, наконецъ, мѣстное нарѣчіе должно служить лишь орудіемъ при первоначальномъ обученіи, языкомъ же обученія долженъ быть русскій языкъ?*

При обсужденіи этого пункта, мнѣнія членовъ совѣта раздѣлились. Такъ наприм., г. членъ отъ уѣзднаго земскаго собранія, Демидовъ, заявилъ, соображаясь съ тѣмъ, что ему извѣстно по сему предмету, какъ лицу, проживающему въ сосѣдствѣ съ инородческими племенами: Черемисами, Чувашами и Татарами, что обученіе должно идти непремѣнно на русскомъ языкѣ. Г. членъ отъ духовнаго вѣдомства, священникъ Пальмовъ, полагалъ, что мѣстное нарѣчіе должно служить орудіемъ при первоначальномъ обученіи, языкомъ же обученія долженъ быть русскій языкъ.

Гг. предсѣдатель совѣта, штатный смотритель Селитровскій, и членъ отъ Министерства Госуд. Имущ., Филипповъ, полагали слѣдующее:

Относительно того, что преподаваніе съ самаго начала не должно быть ведено исключительно по-русски, безъ пособія инородческаго нарѣчія, едва ли можно сомнѣваться. Само собой разумѣется, что преподаваніе, веденное съ начала до конца на русскомъ языкѣ, или совсѣмъ непонятномъ для инородческихъ дѣтей, или очень малопонятномъ, безъ пособія роднаго языка, не можетъ повести къ инымъ результатамъ, кромѣ тѣхъ, на которые указывается въ существующихъ въ настоящее время чувашскихъ школахъ г-мъ Золотницкимъ. Слѣдовательно, вопросъ въ томъ: должно ли быть языкомъ преподаванія первоначально инородческое нарѣчіе, или только орудіемъ при первоначальномъ об-

ученіи, пока учащіеся не усвоятъ русскаго языка, который долженъ быть языкомъ обученія?

Надо полагать, во-первыхъ, что едва ли есть необходимость въ этомъ случаѣ относиться безразлично ко всѣмъ инородческимъ школамъ. Тамъ, гдѣ инородцы настолько уже знакомы съ русскимъ языкомъ, что окончательное усвоеніе его дѣтьми потребуетъ очень мало времени, пусть языкомъ и первоначальнаго обученія будетъ русскій, съ пособіемъ инородческаго. Между такими инородческими школами и коренными русскими не слишкомъ большая разница.

Относительно же школъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ инородческія дѣти или совсѣмъ незнакомы съ русскимъ языкомъ, или очень мало, нельзя не задаться вопросомъ: какая должна быть ближайшая и главнѣйшая цѣль школы? Болѣе основательное религіозно-нравственное образованіе инородческихъ дѣтей или усвоеніе ими русскаго языка, какъ языка науки, какъ средства къ дальнѣйшему умственному и религіозно-нравственному развитію и, вслѣдствіе того, окончательному обрусенію? Преслѣдованіе того и другаго въ одинаковой степени должно послужить въ ущербъ и тому, и другому. Не говоря уже о томъ, что болѣе основательное религіозно-нравственное образованіе есть первѣйшая и самая существенная потребность для человѣка, слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что оно есть важнѣйшее средство, какъ къ отпору постороннихъ антихристіанскихъ вліяній на инородцевъ, такъ и къ обрусенію ихъ. Слѣдовательно, преимущественное преслѣдованіе школою религіозной цѣли само собой уже поведетъ къ достиженію цѣли политической—обрусенія.

Гг. предсѣдатель совѣта и членъ отъ Министерства Госуд. Имущ. полагаютъ, что трудно не согласиться въ этомъ случаѣ со взглядомъ г. Золотницкаго, выраженнымъ имъ въ брошюрѣ «По вопросу о способахъ образованія Чувашъ» (стр. 3): «единство убѣжденій религіозныхъ, говоритъ онъ, какъ самыхъ прочныхъ изъ всѣхъ убѣжденій по свойству ихъ задушевности, служитъ наилучшимъ средствомъ не только къ объединенію подданныхъ одного государства, но и къ поддержанію постоянной симпатіи между отдаленными другъ отъ друга народами и въ обоихъ случаяхъ—независимо отъ условій единства или сродства языка, и наоборотъ, разность религіозныхъ убѣжденій, при единоплеменности, сродствѣ и даже единствѣ языка, возбуждаетъ и поддерживаетъ въ природныхъ подданныхъ государства взаимную антипатію, а въ соединенныхъ по обстоятельствамъ стремленіе къ политической независимости». Въ подтвержденіе вѣрности этого взгляда искать примѣровъ далеко не надо и кромѣ указанныхъ г. Золотницкимъ.

Вообще предполагается, что курсъ инородческихъ начальныхъ училищъ, по трудности усвоенія инородческими дѣтьми русскаго языка, долженъ быть четырехлѣтній и все обученіе въ этихъ школахъ раздѣляется на два 2-лѣтніе періода.

Казанскій комитетъ признаетъ, что «школа должна съ самаго поступленія «въ нее инородческаго дитяти начать дѣло религіозно-нравственнаго образо- «ванія его». Г. членъ Ученаго Комитета Мин. Нар. Пр., Георгіевскій, а затѣмъ и Ученый Комитетъ не отрицаютъ, что религіозное образованіе должно начинаться съ самаго вступленія дѣтей въ школу. Разница въ томъ, что Казанскій комитетъ желаетъ вести правильное, настоящее преподаваніе Закона Божія, съ самаго начала поступленія дѣтей въ школу, на родномъ языкѣ инородцевъ, на томъ основаніи, конечно, что «здѣсь необходимо *усвоеніе знанія душою,* «а такое усвоеніе только и возможно при посредствѣ живаго языка, которымъ «человѣкъ привыкъ говорить съ дѣтства» (брош. г. Зол., стр. 16): а г. членъ Ученаго Комитета М. Н. Пр., Георгіевскій, и Ученый Комитетъ, въ тѣхъ видахъ, что языкомъ преподаванія долженъ быть непремѣнно языкъ русскій, а родной языкъ инородцевъ — лишь орудіемъ при первоначальномъ обученіи, предлагаютъ другой способъ первоначальнаго религіознаго образованія дѣтей, пока они не усвоятъ русскаго языка, а именно: «пусть ихъ (дѣтей) законоучители и учители про- «повѣдываютъ имъ слово Божіе по чувашски», т. е. пусть говорятъ по-чу- «вашски, по два или по три раза въ недѣлю краткія поученія, которыя послѣ- «довательно должны обнимать важнѣйшія событія священной исторіи, а также «и пояснять вкратцѣ литургію и нравственныя обязанности» и проч. При этомъ дѣти «не должны даже быть спрашиваемы (о томъ что слушали), такъ какъ упомя- «нутыя поученія должны дѣйствовать преимущественно на ихъ воображеніе и серд- «це» (стр. 10); т. е., законоучитель и учитель не должны даже удостовѣриться, дѣйствительно ли натура чувашскихъ дѣтей на столько воспріимчива, что все слышанное ими изъ Закона Божія впродолженіе перваго періода обученія дѣйствительно запечатлѣлось въ ихъ сердцѣ: все это въ тѣхъ видахъ, чтобы чувашскій языкъ не сдѣлать языкомъ первоначальнаго преподаванія. Затѣмъ уже, когда дѣти усвоятъ русскій языкъ, со втораго періода, начать правильное, настоящее преподаваніе Закона Божія.

Гг. председатель совѣта и членъ отъ Мин. Гос. Имущ. полагали, что здѣсь можно сомнѣваться въ томъ, что многія изъ дѣтей, безъ спрашиванія, изъ читаемыхъ имъ въ первый періодъ поученій что нибудь для себя вынесутъ. Примѣненіе такой мѣры къ дѣлу едва ли принесетъ ту пользу, которая отъ нея ожидается. Слѣдовательно, первый періодъ обученія, можно предполагать, будетъ почти потерянъ для религіозно-нравственнаго образованія большинства дѣтей. По опредѣленію Ученаго Комитета, дѣти, кромѣ означенныхъ поученій, впродолженіе перваго періода обучаются только «русскому разговорному языку, посредствомъ нагляднаго обученія» — и болѣе ничему, въ тѣхъ видахъ, чтобы избѣжать первоначальнаго обученія на инородческомъ языкѣ; затѣмъ во второй періодъ должны пройдти весь курсъ, положенный вообще для начальныхъ народ-

ныхъ училищъ, т. е., обучаться чтенію, письму, счисленію, 4-мъ дѣйствіямъ ариѳметики и настоящему изученію Закона Божія, а сверхъ того въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ инородцамъ совсѣмъ непонятенъ русскій языкъ, «передъ концомъ курса, присоединяется упражненіе въ чтеніи и объясненіи Евангелія на мѣстномъ инородческомъ нарѣчіи». Если принять во вниманіе, что 2-лѣтній періодъ, за исключеніемъ изъ него времени для полевыхъ работъ и годичныхъ праздниковъ, будетъ состоять едва ли не изъ 14-ти мѣсяцевъ, то подлежитъ сомнѣнію, что большинство дѣтей оставитъ школы, по окончаніи курса, съ достаточнымъ познаніемъ во всемъ томъ, чему они учились. Итакъ, можно полагать, что было бы полезнѣе для дѣла, не теряя, въ ущербъ религіозно-нравственному образованію дѣтей, слишкомъ много времени на предварительное усвоеніе ими русскаго языка, вести первоначальное обученіе на инородческомъ языкѣ, тѣмъ болѣе, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ инородцамъ совсѣмъ неизвѣстенъ русскій языкъ и гдѣ слѣдовательно дѣтямъ придется слышать звуки русской рѣчи только въ стѣнахъ школы, на вполнѣ достаточное усвоеніе его потребуется, можетъ быть, времени болѣе того, какое опредѣлено для этого Ученымъ Комитетомъ. Предполагая, что первоначальное обученіе полезнѣе вести на инородческомъ языкѣ, гг. предсѣдатель совѣта и членъ отъ Мин. Гос. Им. совсѣмъ не имѣютъ въ виду необходимости въ составленіи большаго числа инородческихъ учебныхъ сочиненій. Для изученія главнѣйшихъ молитвъ, Символа вѣры и заповѣдей достаточно инородческаго букваря, напечатаннаго русскими гражданскими буквами; при наглядномъ преподаваніи, посредствомъ раскрашенныхъ библейскихъ картинъ главныхъ событій священной исторіи, не будетъ пока, впродолженіе перваго періода, настоятельной надобности въ учебникѣ; Евангеліе на инородческомъ языкѣ допускаетъ и Ученый Комитетъ; стало быть отчего не ввести въ первомъ же періодѣ и чтенія различныхъ мѣстъ изъ Евангелія, съ разсказомъ потомъ учащимися прочитаннаго? Слѣдовательно, свѣдѣнія о земной жизни и ученіи Спасителя учащіеся будутъ почерпать и изъ Евангелія; для объясненія праздниковъ нѣтъ надобности въ учебникѣ; при обученіи счисленію тоже можно обойдтись безъ учебника. А между тѣмъ одновременно со всѣмъ этимъ пусть дѣти обучаются разговорному русскому языку. Надо полагать, что въ такомъ случаѣ впродолженіе перваго періода обученія не было бы потеряно много времени напрасно. Затѣмъ все остальное, предполагаемое по курсу инородческихъ училищъ, съ повтореніемъ въ большей подробности пройденнаго въ первый періодъ, пусть проходится во второй періодъ по-русски, въ случаѣ необходимости съ пособіемъ инородческаго языка.

Во всякомъ случаѣ, — пойдетъ ли первоначальное обученіе на инородческомъ языкѣ, или на русскомъ, не легко найдти для инородческихъ школъ пре-

подавателей, потому что преподаватели безъ знанія инородческаго языка въ такихъ школахъ почти безполезны.

Вслѣдствіе всего выраженнаго выше гг. предсѣдателемъ и членомъ отъ Мин. Гос. Им., совѣтъ большинствомъ голосовъ пришелъ къ тому заключенію, что не слѣдуетъ относиться безразлично ко всѣмъ инородческимъ школамъ: тамъ, гдѣ инородцы на столько уже знакомы съ русскимъ языкомъ, что на окончательное усвоеніе его потребуется очень мало времени, пусть языкомъ и первоначальнаго обученія будетъ русскій, съ пособіемъ инородческаго; въ инородческихъ же школахъ тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ инородцамъ совсѣмъ неизвѣстенъ русскій языкъ или очень мало, полезнѣе вести первоначальное обученіе на инородческомъ языкѣ.

2) Долженъ ли быть заранѣе установленъ порядокъ относительно времени ученія и распредѣленія его по классамъ, или же это дѣло можетъ быть предоставлено усмотрѣнію училищныхъ совѣтовъ и мѣстныхъ педагоговъ?

Относительно этого пункта совѣтъ полагалъ, что время полевыхъ работъ, на которое слѣдуетъ увольнять учащихся, должно быть заранѣе опредѣлено училищными совѣтами, сообразно съ мѣстными условіями. Подробное распредѣленіе предметовъ ученія по годамъ предоставить также на усмотрѣніе совѣтовъ. Что же касается до предлагаемаго Ученымъ Комитетомъ общаго учебнаго плана, который долженъ быть опредѣленъ заранѣе, то совѣтомъ выражено уже было выше сомнѣніе относительно удовлетворительныхъ результатовъ при примѣненіи предлагаемаго плана къ дѣлу.

3) Должны ли священнослужители, извѣстные своею опытностію въ педагогическомъ дѣлѣ, быть распорядителями училища, а свѣтскіе учители—только ихъ помощниками; или же распорядителями, учителями и даже законоучителями должны быть тѣ, которые имѣютъ болѣе способовъ къ дѣйствію на инородческихъ дѣтей, независимо отъ ихъ званія?

При обсужденіи этого пункта, г. членъ отъ уѣзднаго земскаго собранія заявилъ, что обученіе слѣдуетъ поручить преимущественно мѣстнымъ священникамъ; свѣтскимъ же лицамъ—только въ случаѣ неудобства или невозможности найдти первыхъ.

Прочіе члены и предсѣдатель, признавая, что мѣстные священники должны бы преимущественно быть учителями въ инородческихъ школахъ, полагали, однако, что неудобства къ исполненію этого встрѣтятся нерѣдко, и что такъ какъ одно изъ главныхъ условій быть полезнымъ преподавателемъ въ такихъ школахъ есть достаточное знакомство съ инородческимъ языкомъ, а можно предполагать, что не каждый изъ священниковъ владѣетъ имъ насколько нуж-

но, то хотя поэтому только не каждый можетъ быть и вполнѣ полезнымъ учителемъ.

Вообще совѣтъ по этому вопросу пришелъ къ тому заключенію, что право быть распорядителемъ, учителемъ и законоучителемъ слѣдуетъ предоставить тому, кто окажется болѣе способнымъ къ дѣлу, —будетъ ли то духовное или свѣтское лицо; въ послѣднемъ случаѣ мѣстнымъ священникамъ остается возможность быть законоучителями во второмъ періодѣ обученія, когда дѣти ознакомятся уже съ русскимъ языкомъ. При этомъ совѣтъ полагаетъ, что, въ случаѣ возможности, полезнѣе не совмѣщать въ одномъ духовномъ лицѣ должности и учителя, и законоучителя, потому что различныя требоисправленія весьма часто отвлекаютъ духовныхъ лицъ отъ занятій по школѣ, и дѣти въ такомъ случаѣ или остаются праздными въ школѣ, или распускаются по домамъ. Между преподавателями духовнымъ и свѣтскимъ трудъ и вознагражденіе за него, насколько возможно, распредѣлить равномѣрно.

4) О мѣрахъ къ обрусенію Татаръ-магометанъ.

При обсужденіи мѣръ къ обрусенію Татаръ-магометанъ, г. членъ отъ уѣзднаго земскаго собранія полагалъ сдѣлать обязательнымъ въ татарскихъ школахъ только обученіе русской грамотѣ, поручивъ преподаваніе оной или мулламъ, или частнымъ лицамъ.

Гг. прочіе члены совѣта и предсѣдатель, принимая во вниманіе доводы, выраженные г. профессоромъ С.-Петербургскаго Университета, Григорьевымъ, близко знакомымъ съ бытомъ Татаръ, выразили сомнѣніе относительно удобства привести въ исполненіе эту мѣру. Въ числѣ мѣръ, предлагаемыхъ къ обрусенію Татаръ-магометанъ, предполагается также устройство для нихъ съ этою цѣлію уѣздныхъ училищъ. Казанскій Комитетъ предлагаетъ, чтобы въ такія училища было допущено неограниченное число русскихъ мальчиковъ съ цѣлію доставить болѣе удобства къ усовершенствованію татарскихъ мальчиковъ въ русскомъ языкѣ. Христіанскія дѣти, обучающіяся въ этихъ училищахъ, слушали бы отъ священника православный Законъ Божій. Г. членъ Ученаго Комитета, Георгіевскій, отрицая эту мѣру, полагаетъ, что удобнѣе было бы привлекать дѣтей Татаръ-магометанъ въ христіанскія училища, освобождая ихъ, конечно, отъ изученія православнаго Закона Божія.—Какими же средствами могутъ быть привлечены въ христіанскія училища дѣти Татаръ-магометанъ? Подлежитъ сомнѣнію, чтобы какъ первая, такъ и послѣдняя мѣра могли принести пользу, потому именно, что предполагаемыя смѣшанныя училища непремѣнно, вслѣдствіе религіозной нетерпимости Татаръ-магометанъ, породятъ въ нихъ недовѣріе къ училищамъ, и они не будутъ пускать въ такія училища дѣтей; привлекать же татарскихъ мальчиковъ въ христіанскія училища нѣтъ средствъ, вслѣдствіе того же недовѣрія магометанъ къ христіанскимъ школамъ.

Итакъ совѣтъ, по обсужденіи этого вопроса, имѣя въ виду соображенія, высказанныя г. профессоромъ Григорьевымъ въ его запискѣ, полагалъ, что единственное пока средство, обѣщающее впослѣдствіи принести пользу въ дѣлѣ обрусенія Татаръ-магометанъ—распоряженіе правительства, чтобы высшія духовныя должности давались только тѣмъ мулламъ изъ среды магометанскаго духовенства, которые будутъ знать хорошо русскій языкъ.

Пензинская губернія.

I. *Пензинскій* уѣздный училищный совѣтъ въ донесеніи своемъ, отъ 13 февраля сего года за № 2, объяснилъ, что «въ Пензинскомъ уѣздѣ инородцевъ нѣтъ, а потому и народныхъ училищъ инородческихъ или даже только смѣшанныхъ съ инородцами не имѣется. Это отсутствіе инородческаго элемента въ населеніи уѣзда лишаетъ возможности дать подробное мнѣніе, которое было бы основано на данныхъ опыта, о тѣхъ вопросахъ, которые обсуждаются Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Имѣя въ виду соображенія Комитета по сказанному предмету, Пензинскій уѣздный училищный совѣтъ вполнѣ раздѣляетъ мнѣніе его, изложенное въ заключительныхъ пунктахъ журнала 27 февраля 1867 года».

II. *Нижнеломовскій* уѣздный училищный совѣтъ въ протоколѣ своемъ, 23 февраля 1868 года, объяснилъ слѣдующее: «По прочтеніи статей: 1-й къ вопросу объ устройствѣ училищъ для инородческихъ дѣтей Казанскаго учебнаго округа, и 2-й о школахъ Буинскаго уѣзда, Симбирской губерніи, училищный совѣтъ вполнѣ раздѣляетъ мнѣніе автора первой статьи, такъ положительно и ясно обработавшаго и постановившаго вопросъ объ образованіи инородцевъ, что лучшаго, до времени, и желать нечего. Своихъ же взглядовъ, которые могли бы еще болѣе развить и уяснить этотъ вопросъ, училищный совѣтъ дать не можетъ, потому что ни одинъ изъ его членовъ не знакомъ какъ съ бытомъ и характеромъ инородцевъ, такъ и съ методомъ обученія въ ихъ школахъ».

III. *Саранскій* уѣздный училищный совѣтъ въ протоколѣ своемъ объяснилъ слѣдующее: «Въ Саранскомъ уѣздѣ нѣтъ другихъ инородцевъ, кромѣ Мордвы и Татаръ. Мордва дотого хорошо понимаютъ разговорный русскій языкъ, что въ существующихъ нынѣ училищахъ въ мордовскихъ селеніяхъ преподаваніе на русскомъ языкѣ ни сколько не кажется для нихъ непонятнымъ. Нѣкоторые изъ наставниковъ, прожившихъ нѣсколько лѣтъ въ мордов-

скомъ селеніи и усвоившихъ мордовскій языкъ, дѣлали опытъ преподавать дѣтямъ Мордвы Законъ Божій на ихъ родномъ языкѣ, но результатъ такого преподаванія былъ менѣе выгоденъ для наставниковъ, чѣмъ преподаваніе на русскомъ языкѣ. Изъ этого ясно, что преподаваніе на русскомъ языкѣ въ тѣхъ училищахъ, гдѣ обучаются дѣти Мордвы, полезнѣе для учащихся и легче для обучающихъ.

«Немалое пространство Саранскаго уѣзда заселено Татарами. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ есть училища частныя, въ которыхъ обучаетъ мулла; но сколько извѣстно училищному совѣту, такое обученіе дѣтей Татаръ не удовлетворяетъ желаніямъ родителей, чему примѣромъ служитъ слѣдующій фактъ: въ февралѣ мѣсяцѣ 1867 года, одинъ изъ муллъ (который отъ старости не занимается обученіемъ дѣтей) привелъ въ Саранское уѣздное училище своего сына, уже довольно взрослаго, лѣтъ 16 или 17, съ просьбою принять сына въ училище, хотя въ приходское, объяснивъ при этомъ, что ему желательно, чтобы сынъ его могъ обучиться правильно читать и писать по-русски. Вслѣдъ за этимъ явились совершенно изъ другаго селенія двое молодыхъ Татаръ, изъ которыхъ одинъ уже женатый, съ тою же просьбою. Слѣдовательно, проявляется ужь желаніе и у Татаръ освоиться съ русскимъ языкомъ. Нужно только дать имъ самыя близкія и вѣрныя средства къ тому, то есть, избавить ихъ отъ лишнихъ расходовъ на содержаніе ихъ дѣтей въ городѣ, для чего нужно завести училища, конечно по желанію обществъ, въ татарскихъ селеніяхъ, поручивъ на первый разъ преподаваніе русскаго языка непремѣнно русскому учителю, завѣдываніе же училищемъ—возложить на мѣстнаго муллу, а членамъ училищнаго совѣта вмѣнить въ обязанность обращать вниманіе на успѣхи въ тѣхъ училищахъ по русскому языку».

IV. *Краснослободскій* уѣздный училищный совѣтъ въ протоколѣ своемъ объяснилъ, что «въ Краснослободскомъ уѣздѣ Мордвы числится 13,057 душъ, Татаръ—5,462. Мордва исповѣдуютъ христіанскую вѣру, болѣе или менѣе чисто говорятъ по-русски, исключая нѣкоторыхъ селъ и деревень, гдѣ женщины и дѣти русскій языкъ знаютъ плохо. Религіозныя убѣжденія ихъ не страдаютъ ни отъ какого посторонняго вліянія магометанъ или язычества. Къ тѣснѣйшему соединенію ихъ съ Русскими также нѣтъ постороннихъ препятствій, и бо́льшая часть изъ нихъ сами желаютъ обрусѣть. При всемъ томъ училищъ въ ихъ селахъ почти нѣтъ и рѣдкіе изъ нихъ учатъ дѣтей своихъ грамотѣ частно. Это зависитъ, во-первыхъ, оттого, что они, какъ народъ не торговый, преимущественно занимающійся однимъ хлѣбопашествомъ, мало сознаютъ нужды въ грамотѣ, какъ и Русскіе, находящіеся въ подобномъ состояніи; во-вторыхъ оттого, что боятся расходовъ на заведеніе училищъ.

«Татары, какъ и вездѣ, по преимуществу народъ торговый. Они охотно

сближаются по своимъ дѣламъ съ Русскими, большею частію знаютъ русскій языкъ, но ревниво берегутъ свою вѣру, такъ что въ Краснослободскомъ уѣздѣ нѣтъ ни одного крещенаго Татарина. Поэтому на убѣжденія членовъ совѣта завести въ большихъ татарскихъ селахъ русскія училища или, по крайней мѣрѣ, въ ихъ татарскія школы при мечетяхъ допустить русскаго учителя, Татары вездѣ отвѣчали рѣшительнымъ отказомъ. Въ основаніе этого приводили то, что кто хочетъ знать русскую грамоту, тотъ можетъ отдавать дѣтей своихъ въ русскія училища.

«Вслѣдствіе вышеизложеннаго, Краснослободскій совѣтъ полагаетъ просить земство дать средства къ заведенію училищъ въ мордовскихъ селахъ и назначать въ эти училища учителей изъ Русскихъ, знающихъ мордовскій языкъ, чтобы, въ случаѣ незнанія дѣтьми русскаго языка, учитель могъ объяснять имъ значеніе слова на ихъ родномъ языкѣ. Относительно же Татаръ Краснослободскій совѣтъ не высказалъ своего мнѣнія.»

V. *Чембарскій* уѣздный училищный совѣтъ, въ засѣданіи 4 сентября 1867 года, по обсужденіи вопроса объ училищахъ для дѣтей Мордвы и Татаръ-магометанъ, такъ какъ изъ инородцевъ только они обитаютъ въ Чембарскомъ уѣздѣ, пришелъ къ слѣдующимъ соображеніямъ:

1. Мордва въ Чембарскомъ уѣздѣ — всѣ православные. Числомъ ихъ 4,004 души. Мордовскія селенія сгруппированы болѣе въ одной мѣстности и не въ дальнемъ одно отъ другаго разстояніи. По образу жизни, Мордва мало отличаются отъ Русскихъ, но въ религіозно-нравственномъ отношеніи стоятъ гораздо ниже ихъ. Грамотность прививается къ нимъ трудно: они неохотно посылаютъ своихъ дѣтей въ училища, хотя и гордятся дѣтьми грамотными. Поэтому не мѣшало бы пріохотить ихъ къ ученію какими нибудь особыми льготами. Что же касается до обрусенія ихъ, то въ этомъ отношеніи не представляется никакой необходимости заводить для нихъ училища на какихъ либо особыхъ основаніяхъ. Мордва вообще не чуждаются русскихъ и не заботятся о сохраненіи своей народности, о которой и сами они не слишкомъ лестнаго мнѣнія. Слово «*Мордвичъ*» даже между ними часто употребляется какъ синонимъ непонятливости и безтолковости. Годъ отъ году Мордва русѣютъ все болѣе: они охотно вступаютъ въ браки съ Русскими; мужчины всѣ вообще довольно хорошо говорятъ по-русски, даже 8 и 7-лѣтніе мальчики легко понимаютъ русскую рѣчь. Женщины тоже, хотя и не всѣ, довольно свободно объясняются по-русски; въ нѣкоторыхъ деревняхъ онѣ даже перемѣнили свой народный костюмъ на русскій. Вообще можно сказать, что Мордва сами стараются слиться съ Русскими въ одну семью. Одно, по мнѣнію уѣзднаго училищнаго совѣта, было бы важнымъ пособіемъ для болѣе успѣш-

наго хода образованія Мордвы: это опредѣленіе въ наставники мордовскихъ училищъ людей, знающихъ мордовскій языкъ.

2. Татары Чембарскаго уѣзда всѣ безъ исключенія магометане и живутъ въ шести деревняхъ, расположенныхъ одна отъ другой въ самомъ близкомъ разстояніи и составляющихъ одну особую волость. Числомъ ихъ 4,026 душъ. Они живутъ своею особою жизнью, рѣзко отличаясь отъ Русскихъ и религіею, и языкомъ, и семейнымъ бытомъ, и одеждою, и даже пищею. Строго воспитываемые въ духѣ своей религіи, они чуждаются всѣхъ другихъ племенъ и въ особенности Русскихъ, и ревниво охраняютъ свою народность, не допуская въ нее ничего посторонняго, чуждаго ихъ религіи; они вообще народъ смышленный, живой и дѣятельный. Татарскія училища существуютъ при каждой мечети; грамотѣ учатся Татары охотно, и грамотность между ними распространена гораздо болѣе, чѣмъ между русскими крестьянами; но это не даетъ имъ перевѣса въ умственномъ образованіи надъ послѣдними, такъ какъ, по духу своей религіи, воспрещающей мусульманину знать болѣе того, что заповѣдано въ Коранѣ, они не изучаютъ и не читаютъ ничего, кромѣ книгъ, проникнутыхъ фанатизмомъ ислама. Да и о самой религіи своей, по незнанію арабскаго языка, они имѣютъ очень неполныя, отрывочныя понятія.

Татары Чембарскаго уѣзда хотя и живутъ сплошною массою, но, окруженные со всѣхъ сторонъ русскимъ населеніемъ и занимаясь, кромѣ земледѣлія, извозомъ и торговлею, особенно продажею красной рыбы, привозимой ими съ Урала и Волги и развозимой по Пензинской и сосѣднимъ губерніямъ, они, по необходимости, выучиваются русской разговорной рѣчи, и многіе изъ нихъ желаютъ и даже заявляютъ о своемъ желаніи, чтобы въ ихъ училищахъ преподавалась русская грамота, необходимая имъ для торговыхъ сдѣлокъ. Между ними, хотя какъ рѣдкое исключеніе, есть даже и такіе, которые обучались въ уѣздномъ училищѣ. При такомъ положеніи дѣла, училищный совѣтъ считаетъ возможнымъ ввести въ татарскія училища своего уѣзда преподаваніе русскаго языка. Только въ этомъ случаѣ нужна особенная осторожность, чтобы не возбудить въ Татарахъ подозрѣнія относительно обращенія ихъ въ христіанство, и прежде всего обученіе русскому языку не должно дѣлать обязательнымъ для всѣхъ, обучающихся въ татарскихъ школахъ. Для преподаванія же русскаго языка всего лучше найдти, по возможности, знающихъ русскую грамоту между самими Татарами, или, по крайней мѣрѣ, такихъ Русскихъ, которые бы хорошо были знакомы съ ихъ языкомъ, религіею и обычаями. Но чтобы не возбудить въ Татарахъ и малѣйшаго подозрѣнія въ посягательствѣ на ихъ религію, училищное начальство не должно вмѣшиваться въ дѣла татарскихъ училищъ; оно можетъ наблюдать только за преподаваніемъ въ нихъ русскаго языка. По введеніи русскаго языка въ татарскія училища не трудно будетъ осуществить и мѣру къ

обрусѣнію Татаръ, предлагаемую г. профессоромъ Григорьевымъ, именно — распоряженіе, чтобы высшія званія въ магометанской духовной іерархіи давались лишь тѣмъ лицамъ, которыя будутъ знать хорошо по-русски. Кромѣ русскаго языка, на первый разъ безопасно можно ввести въ татарскія училища преподаваніе первой части ариѳметики съ употребленіемъ счетовъ и краткіе разсказы изъ русской географіи. Введеніе же какихъ либо другихъ предметовъ ученія, по исключительному, основанному на религіи, взгляду Татаръ на все, а тѣмъ болѣе заведеніе для нихъ, по мнѣнію Казанскаго Комитета, особыхъ училищъ по особенному плану, вслѣдствіе ихъ религіозной нетерпимости, едва ли можетъ имѣть успѣхъ: подобныя попытки, какъ справедливо замѣчаетъ г. профессоръ Григорьевъ, будутъ имѣть въ глазахъ Татаръ видъ посягательства на ихъ религію, и заставятъ ихъ еще болѣе замкнуться въ себѣ. Что же касается до завлеченія Татаръ къ изученію русскаго языка, по мнѣнію отца Баратынскаго, переводомъ на него священныхъ книгъ ислама, такъ какъ для основательнаго знанія своего вѣроисповѣданія Татары должны обращаться къ болѣе трудному и едва доступному для немногихъ арабскому языку, то эта мѣра, по мнѣнію совѣта, вовсе не обѣщаетъ хорошихъ послѣдствій. Это значило бы дать магометанамъ средство прочнѣе укорениться на почвѣ ихъ фанатической религіи. И теперь, плохо знакомые съ своею религіею, Татары съ большимъ пренебреженіемъ смотрятъ на Русскихъ; но ознакомившись съ нею короче по русскимъ переводамъ, они еще болѣе проникнутся религіозной нетерпимостью и еще далѣе отодвинутся отъ Русскихъ въ своей религіозно-нравственной жизни. Правда, Татары, чтобы лучше ознакомиться съ своею религіею, будутъ охотнѣе учиться русскому языку, когда на него будутъ переведены ихъ священныя книги; но дѣло обрусѣнія ихъ должно состоять не въ обученіи ихъ только русскому языку, а по возможности въ сліяніи ихъ съ Русскими въ одну семью.

VI. *Наровчатскій* уѣздный училищный совѣтъ въ протоколѣ своемъ изложилъ слѣдующія соображенія:

«Употребленіе инородческихъ языковъ для первоначальнаго обученія должно быть допущено въ педагогическихъ видахъ только при самомъ поступленіи инородческихъ дѣтей въ училища и не болѣе 3-хъ мѣсяцевъ, а затѣмъ въ слѣдующіе мѣсяцы перваго же года обученіе слѣдуетъ вести на русскомъ языкѣ. На второй годъ, при самомъ началѣ ученія, можно нѣкоторое время заняться съ учениками повтореніемъ усвоеннаго ими прежде знанія русскаго языка. Допущеніе же въ продолженіе двухъ лѣтъ мѣстныхъ нарѣчій, училищный совѣтъ считаетъ излишнимъ на томъ основаніи, что опытный и усердный къ дѣлу преподаватель, знакомый съ мѣстнымъ инородческимъ нарѣчіемъ, легко можетъ выучить съ дѣтьми ежедневно 5 или 6 словъ, а при знаніи 300 или 400 словъ

въ переводѣ на русскій языкъ легко уже будетъ послѣдующее усвоеніе русской грамоты. Уважительными причинами къ тому училищный совѣтъ считаетъ: а) хотя немалая часть инородцевъ живетъ въ глуши, вдали отъ Русскихъ, но все же они и ихъ семейства имѣютъ сообщенія съ Русскими, имѣютъ дѣла въ волостяхъ: слѣдовательно что нибудь да знаютъ и понимаютъ по-русски; б) при обозрѣніи училищъ въ селеніяхъ, гдѣ живутъ Мордва, училищнымъ совѣтомъ усмотрѣно, что не только мальчики, но и дѣвочки довольно легко выучиваются читать и писать по-русски и въ особенности знанію молитвъ и священной исторіи. Составленіе немногихъ поученій, указанныхъ Ученымъ Комитетомъ, на инородческихъ нарѣчіяхъ съ подстрочнымъ русскимъ переводомъ, по мнѣнію совѣта, весьма желательно, какъ облегченіе преподавателей, такъ и потому, что такія книги могли бы заинтересовать не только дѣтей, но и ихъ родителей. Затѣмъ изданіе другихъ какихъ либо книгъ на инородческихъ нарѣчіяхъ, кромѣ Евангелія и сказанныхъ поученій, по мнѣнію совѣта, не представляется необходимымъ, потому что главною и конечною цѣлію должно быть обрусѣніе инородцевъ, а не распространеніе между ними грамотности на ихъ нарѣчіяхъ посредствомъ печатанія книгъ на ихъ языкахъ. Относительно мнѣнія Ученаго Комитета, что учебный курсъ для инородческихъ дѣтей, по трудности усвоенія ими русскаго языка, долженъ быть четырехгодичный и что учебныя книги и пособія для инородческихъ школъ должны быть одобряемы къ употребленію Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія и Духовнымъ вѣдомствомъ, по принадлежности, Наровчатскій училищный совѣтъ совершенно согласенъ съ этимъ, а равно и съ тѣмъ, что для сельскихъ инородческихъ школъ должно быть общимъ правиломъ, что ученики увольняются отъ ученія на все время полевыхъ работъ, причемъ совѣтъ полагаетъ назначить время увольненія отъ занятій съ 1 мая по 1 сентября или съ начала сѣнокоса—съ 29 іюня по 1 сентября, по желанію родителей.

«Касательно принудительнаго набора учениковъ въ инородческія училища, уѣздный совѣтъ полагаетъ, что такъ какъ принужденіе не дало удовлетворительныхъ результатовъ, то не должно быть и допускаемо, за исключеніемъ перваго времени по открытіи училищъ, въ которое желательно бы, чтобы родители побуждали дѣтей своихъ ходить въ школы, особенно у которыхъ многолюдныя семейства и, слѣдовательно, дѣти, безъ ущерба въ хозяйствѣ, могутъ посѣщать школы, и дабы пріохотить къ школѣ, на первое время слѣдуетъ принимать учениковъ во всякое время года.

«Съ мнѣніемъ Ученаго Комитета, что кругъ дѣятельности и вліянія, а равно и вознагражденіе за труды должны быть, по возможности, равномѣрнѣе распредѣлены между духовными и свѣтскими дѣятелями, но что при незнаніи законоучителемъ мѣстнаго инородческаго нарѣчія, завѣдываніе школою и чтеніе поученій въ христіанствѣ, а равно и упражненіе въ чтеніи и объясненіи Еванге-

лія на мѣстномъ нарѣчіи, должны быть возлагаемы на свѣтскаго учителя, знающаго инородческое нарѣчіе, уѣздный училищный совѣтъ согласенъ, но полагаетъ, что для болѣе успѣшнаго веденія проповѣди Христовой было бы полезно въ мѣстности инородческія или смѣшанныя посылать священниковъ, знающихъ мѣстное нарѣчіе, и имъ предоставлять преподаваніе Закона Божія, потому что у двухъ преподавателей въ училищѣ успѣхи будутъ гораздо лучше. Что же касается до того, кому быть учителями въ инородческихъ школахъ и вообще въ начальныхъ училищахъ, то Наровчатскій совѣтъ не признаетъ въ этомъ первенства ни за духовенствомъ, ни за свѣтскими учителями, и раздѣляетъ мнѣніе, что дѣло это не терпитъ никакого дальнѣйшаго отлагательства и за совершеніе его слѣдуетъ приняться дружно, устраняя всякіе поводы ко взаимному пререканію и предавая забвенію всякаго рода личныя и сословныя стремленія; слѣдовательно, предпочтеніе, оказываемое свѣтскимъ учителямъ, должно уничтожиться тамъ, гдѣ священники развитіемъ и усовершенствованіемъ своей школы достигнутъ желаемыхъ правительствомъ результатовъ. Въ этомъ случаѣ на священникахъ, какъ законоучителяхъ, пусть лежитъ старшинство и отвѣтственность за порядокъ и малоуспѣшность. Предпочтеніе свѣтскимъ учителямъ явилось отчасти по винѣ самого духовенства, отчасти отъ небреженія надзоромъ и содѣйствіемъ со стороны ближайшаго начальства крестьянъ, такъ какъ съ учрежденіемъ Министерства Государственныхъ Имуществъ въ училищахъ казенныхъ крестьянъ обученіе исключительно предоставлено было духовенству и лицамъ духовнаго званія, но только очень немногія училища принесли надлежащую пользу.

«Что же касается до уѣздныхъ училищъ для Татаръ-магометанъ, то Наровчатскій уѣздный училищный совѣтъ вполнѣ раздѣляетъ мнѣніе г. профессора Григорьева, «чтобы высшія званія въ магометанской духовной іерархіи давались лишь мулламъ, которые будутъ знать хорошо по-русски», и вмѣстѣ съ этимъ полагаетъ, что обученіе и обрусѣніе Татаръ должно окончательно производиться на русскомъ языкѣ, русскими учителями, не имѣющими духовнаго сана и, по мнѣнію уѣзднаго совѣта, училища эти должны пойдти хорошо, по сочувствію Татаръ къ грамотности. Уѣздный совѣтъ основываетъ свое мнѣніе на томъ, что трое изъ членовъ совѣта жили въ мѣстности, гдѣ не мало Татаръ, и видѣли, что Татары знакомы съ русскою рѣчью и не прочь отъ обученія дѣтей своихъ по-русски, и что у одного изъ членовъ совѣта, именно у члена отъ духовенства, обучалось въ сельскомъ училищѣ 5 мальчиковъ-Татаръ, привезенныхъ изъ ближнихъ селъ, и мальчики эти, не знавшіе при поступленіи въ училище русскаго языка, окончили ученіе весьма успѣшно: выучились бѣгло и съ понятіемъ читать и чисто писать по-русски, такъ что трое изъ нихъ прямо изъ училища поступили въ сельскіе писаря.»

VII. *Городищскій* уѣздный училищный совѣтъ, по обсужденіи вопроса объ образованіи инородцевъ, объяснилъ въ протоколѣ слѣдующее: изъ 113,186 душъ жителей уѣзда считается 32,830 Мордвы и 1,703 души Татаръ. Въ мордовскихъ селеніяхъ 15 училищъ, у Татаръ двѣ школы при мечетяхъ.

Мордва, лѣтъ около 100 принявшіе православіе, до сего времени еще не забыли своихъ языческихъ преданій, несмотря на то, что нѣкоторые изъ нихъ, поселенные на большомъ трактѣ или близь торговыхъ селъ, почти обрусѣли такъ, что разговаривая съ природнымъ Мордвиномъ нужно быть хорошо знакомымъ съ этимъ племенемъ, чтобы узнать въ немъ его расу. Жители же селъ и деревень, удаленныхъ отъ этихъ пунктовъ, остаются доселѣ, кажется, въ томъ же состояніи, въ какомъ впервые застали ихъ просвѣтители религіи: ихъ религіозныя понятія такъ смутны, такъ сбивчивы, что они смотрятъ на религію какъ на собраніе извѣстныхъ обрядовъ, исполненіе которыхъ на нихъ возлагаетъ законъ. Священники наши, не знакомые съ природнымъ языкомъ паствы, не могли и не могутъ сообщить своимъ прихожанамъ истины святой религіи, а многіе изъ Мордвы живутъ и умираютъ, положительно незнакомые съ русскимъ языкомъ. Послѣ этого религія и не могла представиться уму Мордвы иначе, какъ только обрядовою своей стороной. Полезно было бы имѣть на мордовскомъ языкѣ Евангеліе, повседневныя молитвы, объясненіе литургіи и церковныхъ постовъ. Евангеліе хотя и есть въ переводѣ на мордовскій языкъ—нарѣчія *эрзя*, но они его положительно не понимаютъ. Всѣ книги должны быть съ подстрочнымъ русскимъ переводомъ и переведены простымъ русскимъ языкомъ.

«Обученіе дѣтей въ мордовскихъ школахъ должно начинаться изученіемъ не вполнѣ чуждаго уже имъ русскаго языка, и въ этомъ случаѣ совѣтъ полагаетъ, что дѣтей инородцевъ въ школѣ, съ самаго начала ихъ поступленія, учителю нужно ознакомливать съ названіями по-русски предметовъ, ихъ окружающихъ и часто встрѣчающихся, называя предметы и на языкѣ инородцевъ, и объясняя на природномъ ихъ нарѣчіи употребленіе предметовъ. Потомъ постепенно пріучать ихъ къ русскому разговору въ школѣ обязательно, а потому учителю необходимо знать покрайней мѣрѣ разговорный языкъ инородцевъ. Втеченіе времени, замѣтивъ въ дѣтяхъ хотя малое пониманіе русскаго нарѣчія, учителю можно приступить къ преподаванію русскаго букваря и молитвъ церковныхъ, съ краткимъ объясненіемъ ихъ на нарѣчіи инородцевъ, и, по мѣрѣ усвоенія русскаго языка, должно быть начато уже преподаваніе Закона Божія Чтобы подготовить дѣятелей, способныхъ къ выполненію этой цѣли, училищный совѣтъ ходатайствовалъ о назначеніи стипендій для образованія дѣтей Мордвовъ, съ тѣмъ, чтобы они, по окончаніи педагогическихъ курсовъ, могли поступить на должности учителей въ мордовскія училища. На это послѣдовало, въ 1867 г., разрѣшеніе начальства Казанскаго учебнаго округа, одобренное г. Министромъ

Народнаго Просвѣщенія, и въ настоящее время въ Городищскомъ уѣздномъ училищѣ имѣются два стипендіата изъ дѣтей Мордвовъ. Но какъ стипендіи для нихъ назначены при Саратовскомъ уѣздномъ училищѣ, куда они поступятъ лишь по окончаніи курса въ Городищскомъ уѣздномъ училищѣ и въ настоящее время для ихъ содержанія никакихъ источниковъ не имѣется, то нельзя положительно сказать, найдетъ ли Городищскій училищный совѣтъ средства довести этихъ кандидатовъ до окончанія курса въ мѣстномъ уѣздномъ училищѣ.

Говоря о Мордвахъ Городищскаго уѣзда, нѣтъ рѣчи объ обрусѣніи ихъ: стѣсненные со всѣхъ сторонъ русскимъ населеніемъ, соединившіе свои интересы съ послѣднимъ, невѣроятно, чтобы они не поддались вліянію большинства, не имѣя никакого противодѣйствія. Они живутъ совсѣмъ при другихъ условіяхъ, чѣмъ Чуваши въ Казанской и Симбирской губерніяхъ, гдѣ магометанство съ своимъ фанатизмомъ является сильнымъ противодѣйствіемъ православію и обрусѣнію. Жители нѣкоторыхъ изъ мордовскихъ селъ Городищскаго уѣзда до того обрусѣли, что забыли почти свой языкъ и національный костюмъ. Такъ, напримѣръ, въ жителяхъ села Сыресьева никакъ нельзя узнать природныхъ Мордвовъ: они ходятъ въ русскомъ платьѣ, говорятъ на русскомъ языкѣ. Но это счастливое исключеніе; вообще же процессъ обрусѣнія Мордвовъ совершается слишкомъ медленно при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Задачею училищнаго совѣта, земскихъ и мировыхъ учрежденій должно быть ускореніе обрусѣнія Мордвовъ: чѣмъ они скорѣе сольются въ одну общую, нераздѣльную русскую семью, тѣмъ лучше. Нельзя не согласиться съ истиной, хотя отчасти и условной: «усвоеніе языка—усвояетъ и народность». При условіяхъ быта Мордвовъ Городищскаго уѣзда усвоеніе ими русскаго языка есть одна изъ главныхъ задачъ, съ разрѣшеніемъ которой вопросъ о сліяніи Мордвы съ Русскими разрѣшится самъ собою. Другое дѣло—Татары.

Въ Городищскомъ уѣздѣ два татарскихъ села: татарскій Сыромясъ и Усть-Инза, отстоящія одно отъ другаго на 70—80 верстъ. Каждое изъ этихъ селъ окружено Русскими и Мордвами-христіанами: но не смотря на свое изолированное положеніе, Татары остаются Татарами; сліяніе ихъ съ Русскими, по-крайней мѣрѣ при настоящихъ условіяхъ нашей русской жизни, невозможно. У нихъ есть Коранъ, не говоря уже о литературѣ; у нихъ есть мулла, пропитанный фанатизмомъ; да самое обученіе такъ тѣсно связано съ религіею, что всякое нововведеніе, всякая реформа онаго для каждаго изъ нихъ покажется посягательствомъ на ихъ религіозное вѣрованіе. Въ декабрѣ 1866 года уѣздный училищный совѣтъ, для обученія русскому языку выслалъ въ татарскія школы книги и учебныя пособія. Мулла села Сыромяса возвратилъ все обратно, говоря между прочимъ: «мы учимъ дѣтей по-магометански, а по-русски дѣтей нашихъ учить мудрено». Настаивать въ данномъ случаѣ было бы не только без-

полезно, но и вредно; ввести обязательное ученіе—того хуже: это породитъ волненіе и еще отдалитъ отъ цѣли обрусѣнія ихъ. Нельзя не согласиться съ словами г. профессора Григорьева: «можно истребить магометанъ или изгнать ихъ «изъ Имперіи, если бы это признано было нужнымъ, но передѣлать ихъ радикально нельзя». Русскій языкъ долженъ быть введенъ въ татарскія школы, но не путемъ принудительнымъ, и потому, въ этомъ случаѣ, училищный совѣтъ соглашается съ мнѣніемъ г. профессора Григорьева, что преподаваніе русскаго языка должно быть поручено мулламъ, для которыхъ знаніе русскаго языка сдѣлать обязательнымъ.

Что касается до учебнаго времени въ народныхъ школахъ вообще, уѣздный совѣтъ полагаетъ сдѣлать обязательнымъ, чтобы ученіе вездѣ начиналось одновременно, именно—съ 1 сентября и продолжалось до половины іюня, освобождая учениковъ на время яровой пашни. Распредѣленіе учебныхъ предметовъ и классаго занятія должно быть отдано на волю мѣстныхъ учителей, а училищный совѣтъ долженъ только наблюдать за правильностію этого распредѣленія.

Относительно опредѣленія учителей, Городищскій совѣтъ, за неимѣніемъ по близости спеціальнаго заведенія для приготовленія учителей, нашелъ полезнымъ, чтобы желающіе поступить на должность народныхъ учителей, нѣкоторое время занимались въ городскомъ приходскомъ училищѣ, подъ руководствомъ штатнаго смотрителя училищъ, чтобы ознакомиться съ методами и способами преподаванія, и затѣмъ, предоставляя согласно 17 ст. Положенія о народныхъ училищахъ главное наблюденіе за училищами священникамъ, полагаетъ, что преподаватели предметовъ, свѣтскіе учители должны быть не помощниками священниковъ-законоучителей, а личностями самостоятельными; но чтобы привлечь учителей въ народныя училища и возбудить болѣе усердія къ дѣятельности, по мнѣнію училищнаго совѣта, не мѣшало бы предоставить учителямъ какія либо права. Если въ инородческія школы будутъ назначаемы люди, не подготовленные къ дѣлу и не преданные ему душой, то долго еще ждать просвѣщенія инородцевъ и слиянія ихъ въ одну нераздѣльную русскую семью. Люди же, затратившіе всю свою юность на подготовленіе себя и отдавшіе всю молодость, всѣ свои свѣжія силы служенію святому дѣлу — образованію полуязычниковъ-инородцевъ, заслуживаютъ чего нибудь больше, чѣмъ то скудное жалованье, которое ожидаетъ ихъ на службѣ, и въ будущемъ безпомощная старость.

VIII. *Инсарскій* уѣздный училищный совѣтъ, въ донесеніи отъ 5 ноября 1867 года, объяснилъ, что въ Инсарскомъ уѣздѣ изъ инородцевъ проживаютъ Мордва и Татары. Первые очень охотно стремятся къ грамотности и изученію русскаго языка, что свидѣтельствуется школами въ мордовскихъ селахъ Пишлѣ и Ада-

шевѣ, а вторые, напротивъ, отклоняются отъ того и, какъ замѣтно потому, что преимущественно въ русскихъ школахъ обучаютъ дѣтей священники, что не соотвѣтствуетъ религіознымъ убѣжденіямъ Татаръ. Почему совѣтъ, въ видахъ распространенія грамотности въ средѣ Татаръ, призналъ необходимымъ просить мировыхъ посредниковъ оказать содѣйствіе къ открытію училищъ въ татарскихъ селеніяхъ Пелзяткѣ и Латышевкѣ, и назначить туда наставниковъ изъ свѣтскаго званія.

IX. *Керенскій* уѣздный училищный совѣтъ, отъ 7 ноября 1867 года, объяснилъ такое мнѣніе, что преподаваніе въ инородческихъ училищахъ христіанскаго исповѣданія должно дѣлиться на два отдѣла: первоначальное (подготовительное) должно заключаться болѣе въ изустномъ преподаваніи правилъ нравственности и развитіи мыслительной способности и сердца, — для чего необходима изустная рѣчь на природномъ нарѣчіи и обученіе наглядное по картинамъ и изображеніямъ, объясняя текстъ ихъ на природномъ нарѣчіи. Когда усвоится понятіе о Верховномъ Существѣ и необходимости молитвы къ Нему, то перевести на природное нарѣчіе необходимѣйшія молитвы и Новый Завѣтъ. Въ этомъ же періодѣ необходимо изучать русскій разговорный языкъ въ видѣ изустныхъ упражненій, такъ что ко второму періоду можно начать прямо съ русской грамоты, какъ въ обыкновенныхъ русскихъ школахъ, такъ что разница въ инородческихъ школахъ отъ русскихъ должна произойдти только въ продолжительности самого курса преподаванія.

Что же касается до соединеннаго обученія иновѣрцевъ въ русскихъ школахъ, то въ этомъ не видится препятствій, потому что главное вліяніе преподавателя и духъ школы будетъ христіанскій. Обученіе же Русскихъ въ иновѣрческихъ училищахъ, долженствующихъ, по необходимости, имѣть духъ школы не христіанскій, училищный совѣтъ признаетъ неудобнымъ, потому что ребенокъ подобенъ молодому растенію, на которомъ отражается вліяніе окружающей его атмосферы. Такъ точно и мальчикъ-христіанинъ можетъ невольно вкоренить въ себѣ правила и идеи, которыя будутъ несогласны съ христіанскою религіею, тѣмъ болѣе, что всякому извѣстно, что отрѣшиться отъ понятій, усвоенныхъ въ дѣтствѣ, бываетъ весьма трудно и людямъ, которые получаютъ высшее образованіе; для крестьянина же, ограничивающагося одною грамотностію, измѣнить свои дѣтскія убѣжденія будетъ даже невозможно.—На это можетъ послѣдовать возраженіе, что многія мѣстности имѣютъ села, населенныя смѣшаннымъ населеніемъ православныхъ и иновѣрцевъ, и первые нисколько не теряютъ чрезъ это? Для обыденной жизни это можетъ не вредить; но когда мальчикъ начнетъ ежедневно проводить въ обществѣ своихъ ровесниковъ-иновѣрцевъ, которые, по природѣ, смышленнѣе и быстрѣе его, то онъ невольно будетъ подражать имъ, и идея мести: «око за око, и зубъ за зубъ» не будетъ совмѣ-

щаться въ его юной головѣ съ идеею: «если братъ твой ударитъ тебя въ правую щеку, то подставь ему и лѣвую».

Симбирская Губернія.

Губернскій училищный совѣтъ. Мнѣніе его выражено въ слѣдующемъ отношеніи г. гражданскаго губернатора на имя г. попечителя Казанскаго округа: «1) По соображеніи вопросовъ, возбужденныхъ относительно образованія инородцевъ въ присланной вашимъ превосходительствомъ брошюрѣ, Симбирскій губернскій училищный совѣтъ находитъ, что для обрусѣнія инородцевъ необходимо распространеніе въ нихъ знанія русскаго языка. Поэтому въ инородческихъ *школахъ долженъ быть употребляемъ языкъ русскій.* Но такъ какъ успѣхъ образованія условливается пониманіемъ воспитанника объясняемыхъ истинъ, то употребленіе племеннаго языка *первоначально въ школахъ неизбѣжно,* и потому учители необходимо должны быть знакомы съ языкомъ воспитанниковъ, для объясненія съ ними, пока они не усвоятъ языка русскаго. 2) По вопросамъ, изложеннымъ во 2, 3, 4, 5 и 6 пунктахъ заключенія Ученаго Комитета, о продолжительности курса обученія, о программѣ въ оба періода обученія, о времени свободномъ отъ учебныхъ занятій, училищный совѣтъ вполнѣ раздѣляетъ мнѣніе Ученаго Комитета. 3) Признавая принципъ добровольнаго образованія вообще, совѣтъ, однако, не можетъ не обратить вниманія на то, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Симбирской губерніи, въ Чувашахъ, непонимающихъ пользы образованія, необходимо самому правительству завести школы въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ оныхъ нѣтъ, и допустить побудительный способъ для набора учениковъ. 4) Обязанность обучать инородческихъ дѣтей, въ первый періодъ ученія въ школѣ, можетъ быть возложена и на свѣтскаго учителя, подъ особымъ наблюденіемъ мѣстнаго приходскаго священника; а во второй періодъ ученія, въ который преподаваніе должно совершаться исключительно по-русски, нѣтъ необходимости отступать отъ 15 и 16 статей Положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ. 5) Относительно мѣръ къ обрусѣнію Татаръ училищный совѣтъ раздѣляетъ мнѣніе Ученаго Комитета.

«Увѣдомляя объ этомъ, вслѣдствіе отношеній отъ 10-го іюня и 3-го августа 1867 г. за №№ 1,965 и 2,642, имѣю честь препроводить при семъ къ вашему превосходительству доставленныя уѣздными училищными совѣтами, Симбирскимъ, Сенгилеевскимъ, Корсунскимъ, Ардатовскимъ, Курмышскимъ и Буинскимъ, мнѣнія относительно образованія инородцевъ, и присовокупить, что Сызранскимъ уѣзднымъ училищнымъ совѣтомъ, не смотря на неоднократныя ему напоминанія, мнѣніе по этому предмету еще недоставлено, Алатырскимъ же училищнымъ совѣтомъ недоставлено мнѣнія потому, что въ Алатырскомъ уѣздѣ инородцевъ нѣтъ.»

Губернаторъ *Гр. Орловъ-Давыдовъ.*

Сенгилеевскій уѣздный училищный совѣтъ. «Вслѣдствіе отношенія Сенгилеевскаго уѣзднаго училищнаго совѣта отъ 31-го минувшаго августа за № 313, честь имѣю оному совѣту сообщить, что система, которой держатся гг. Ильминскій и Золотницкій касательно обученія инородческихъ дѣтей и устройства ихъ училищъ и которую г. Шестаковъ рѣшительно въ своей статьѣ настаиваетъ ввести во всѣ инородческія школы, дѣйствительно, по моему мнѣнію, хороша, но на практикѣ она по здѣшнимъ инородческимъ училищамъ встрѣтитъ неудобство въ томъ, что такъ какъ по этой системѣ требуется, чтобы члены совѣта, осматривающіе инородческія училища, обращали вниманіе на число учащихся по народностямъ и на то, знаютъ ли учители инородческіе языки, а таковыхъ учителей, знающихъ хорошо, или, по крайней мѣрѣ, посредственно, едва ли найдется по здѣшней мѣстности, то тогда придется устранить всѣхъ тѣхъ преподавателей, да и самихъ членовъ совѣта, кои не могутъ владѣть инородческими языками. При семъ честь имѣю еще присовокупить и то мнѣніе, что по здѣшней мѣстности инородцы, живя между Русскими, и отъ частаго съ ними сношенія и разговора по-русски, такъ усвоили русскій языкъ, что не находятъ затрудненія въ словахъ при разговорѣ съ Русскими, а особенно Мордва; ихъ дѣти садятся за училищную скамейку и русскій букварь, какъ и русскія дѣти, а не такъ, какъ ихъ представляютъ въ брошюрѣ г. Шестакова (на 20 стр.), въ родѣ попугаевъ». Подписалъ членъ совѣта, священникъ Василій Зимнинскій.

Корсунскій уѣздный училищный совѣтъ. «По выслушаніи выписки изъ журнала Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія 27-го февраля 1867 г. (№ 153), сообщенной въ училищный совѣтъ отъ начальника Симбирской губерніи, при отношеніи 1-го іюня 1867 г. за № 1,758 — на заключеніе училищнаго совѣта, — совѣтъ выразилъ постановленіемъ, что вполнѣ раздѣляетъ мнѣніе Ученаго Комитета, изложенное въ означенной выпискѣ, съ присовокупленіемъ: 1) что нѣтъ никакой надобности русскому правительству принимать на себя заботу объ образованіи письменнаго языка для Чувашъ, Мордвовъ и другихъ инородцевъ; 2) такъ какъ инородцы сіи по большей части православнаго вѣроисповѣданія, то было бы и ненужнымъ самое Евангеліе, при неразвитости инородческихъ нарѣчій, переводить на сіи нарѣчія; этимъ положено было бы только начало образованія особой отъ русской письменности, и служило бы препятствіемъ къ слiянію инородцевъ съ господствующею въ Имперіи русскою народностію; — между тѣмъ какъ въ настоящее время повсюду видно между инородцами стремленіе къ перенятію русскихъ обычаевъ и распространенію между ними русскаго языка разговорнаго; 3) для того, чтобы инородческія нарѣчія (разговорное, а не письменное) могли быть съ пользою употреблены въ училищахъ въ педагогическихъ видахъ, то

слѣдовало бы сдѣлать для всѣхъ священниковъ, въ селахъ инородческаго и татарскаго населенія, обязательнымъ знать надлежащимъ образомъ инородческія той мѣстности нарѣчія, равно чтобъ и муллы владѣли всѣ хорошо языкомъ и письмомъ русскимъ, и 4) постановленіе сіе сообщить г-ну начальнику Симбирской губерніи.

Ардатовскій уѣздный училищный совѣтъ. 1867 года октября 22 дня, Ардатовскій уѣздный училищный совѣтъ, обсуживая вопросъ: какая система должна быть предпочтена въ образованіи дѣтей инородцевъ, — новокрещеныхъ Татаръ, Чувашъ и Черемисъ, то есть: должно ли въ иновѣрческихъ школахъ преподаваніе быть ведено съ самаго начала по-русски, или языкомъ преподаванія, на первыхъ порахъ, должно быть инородческое нарѣчіе, постановилъ: такъ какъ въ вѣдѣніи Ардатовскаго училищнаго совѣта не имѣется школъ, въ коихъ обучались бы дѣти новокрещеныхъ Татаръ, Чувашъ и Черемисъ, и нѣтъ во всемъ Ардатовскомъ уѣздѣ такихъ селеній, то посему Ардатовскій училищный совѣтъ, при отсутствіи опытовъ и образцовъ, и совершенно не зная быта новокрещеныхъ Татаръ, Чувашъ и Черемисъ, не можетъ представить никакихъ практическихъ доказательствъ въ разрѣшеніе означеннаго вопроса, собственно отъ себя; а по выслушаніи выписки изъ журнала Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія и записокъ гг. Ильминскаго, Золотницкаго и профессора Григорьева, Ардатовскій училищный совѣтъ, убѣждаясь разумными доводами ихъ, основанными на опытѣ и примѣрахъ, соглашается вполнѣ и во всемъ съ мнѣніемъ ихъ,—т. е., что дѣло истинно-христіанскаго просвѣщенія и религіозно-нравственнаго образованія инородческихъ дѣтей, съ самаго начала, должно быть ведено непремѣнно на ихъ родномъ нарѣчіи, пока дѣти чрезъ общеніе науки не свыкнутся съ русскою рѣчью и русскій языкъ не сдѣлается для нихъ языкомъ понятнымъ, подобно тому, какъ проповѣдуется первоначально Евангеліе всѣмъ языкамъ вообще на ихъ родныхъ нарѣчіяхъ. Система эта въ особенности необходима и даже неизбѣжна въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ инородцы говорятъ однимъ только своимъ языкомъ, и гдѣ дѣти ихъ совершенно не понимаютъ русскаго языка и не знаютъ другаго, кромѣ роднаго своего. «Научившись такимъ образомъ первона-«чально читать и понимать Евангеліе и священныя книги, инородческія дѣти «дѣйствительно, какъ говоритъ въ своей запискѣ г. Золотницкій, будутъ въ «состояніи впослѣдствіи дѣйствовать въ своей инородческой средѣ, въ качествѣ «исповѣдниковъ слова Божія, и прочнымъ образомъ водворять христіанство въ «своихъ семьяхъ».

Предсѣдатель совѣта *Чарыковъ.*

Курмышскій училищный совѣтъ. Въ засѣданіи означеннаго совѣта 29-го іюля 1867 года слушали: 1) отношеніе г. Симбирскаго губернатора отъ 1-го іюля 1867 года за № 1,760, на имя г. предсѣдателя совѣта, коимъ увѣдомляя, что въ концѣ прошедшаго года составленъ былъ въ Казани особый Комитетъ по предмету образованія инородцевъ, населяющихъ нѣкоторые уѣзды губерній, принадлежащихъ къ Казанскому учебному округу; что заключенія этого Комитета разсмотрѣны были, по порученію Господина Министра Народнаго Просвѣщенія, въ состоящемъ при Министерствѣ Ученомъ Комитетѣ, при участіи профессора С.-Петербургскаго университета Григорьева, и что нынѣ Г-нъ Министръ предписываетъ сдѣлать распоряженіе о предложеніи возбужденныхъ по этому дѣлу вопросовъ на обсужденіе училищныхъ совѣтовъ тѣхъ мѣстностей, въ коихъ обитаютъ инородцы, съ тѣмъ, чтобы означенные совѣты составили подробные протоколы своимъ соображеніямъ, проситъ г. предсѣдателя подробно изложенное мнѣніе Курмышскаго училищнаго совѣта по дѣлу образованія инородцевъ доставить въ губернскій училищный совѣтъ.

2) Содержащуюся въ присланной при этомъ отношеніи печатной брошюрѣ «Выписку изъ журнала Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, 27-го февраля 1867 года».

Совѣтъ, по надлежащемъ разсмотрѣніи мнѣній священника Баратынскаго, Казанскаго Комитета, профессора Григорьева и Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, о мѣрахъ къ образованію инородцевъ, а равно относящихся къ этому дѣлу обстоятельствъ, изложенныхъ въ статьяхъ апрѣльской книжки Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за текущій годъ: «Къ вопросу объ инородческихъ училищахъ» и «О школахъ Буинскаго уѣзда Симбирской губерніи», полагаетъ, съ своей стороны, что изъ двухъ предлагаемыхъ системъ обученія инородцевъ слѣдуетъ отдать предпочтеніе системѣ Ученаго Комитета Министерства.

Въ этомъ заключеніи совѣтъ руководствуется слѣдующими соображеніями:

Въ виду сближенія инородцевъ съ Русскими, къ которому естественно должно стремиться русское правительство, мѣстныя ихъ нарѣчія, и особенно нарѣчія грубыя, не имѣющія никакой письменности, не могутъ быть возводимы на степень языка школы. Языкомъ обученія долженъ быть языкъ русскій, а мѣстныя нарѣчія могутъ служить только пособіемъ при начальномъ обученіи и чѣмъ скорѣе можно будетъ оставлять это пособіе, тѣмъ лучше. Поэтому желаніе Казанскаго Комитета о дополненіи ст. 4 Положенія о нач. народ. учил. должно быть рѣшительно отклонено.

Недостатокъ религіознаго воспитанія въ семьяхъ инородцевъ заслужи-

ваетъ особеннаго вниманія. Но такой недостатокъ съ дѣйствительнымъ успѣхомъ можетъ быть восполненъ введеніемъ въ низшихъ классахъ школъ для инородцевъ проповѣданія слова Божія, на ихъ мѣстныхъ нарѣчіяхъ, въ видѣ краткихъ поученій, причемъ дѣти ничего не должны учить наизусть и не должны быть даже спрашиваемы.

Требованія постепенности въ обученіи не будутъ нарушены, если дѣти, слушая по два или по три раза въ недѣлю христіанскія поученія, будутъ въ то же время учиться, при помощи мѣстныхъ нарѣчій, русскому разговорному языку и русской грамотѣ.

Правильное преподаваніе Закона Божія должно происходить на русскомъ языкѣ, и къ такому изученію священной исторіи и катихизиса дѣти должны приступать въ то время, когда получатъ навыкъ въ употребленіи русскаго языка.

Особыхъ татарскихъ школъ, въ которыхъ для пользы татарскаго юношества были бы русскія дѣти, быть не должно. И лучше, и дешевле, и благовиднѣе привлекать дѣтей мусульманъ въ общія христіанскія училища, освобождая ихъ, конечно, отъ изученія православнаго Закона Божія, нежели устраивать татарскія школы и въ эти школы привлекать русскихъ христіанскихъ дѣтей. Во всякомъ случаѣ, русское правительство можетъ снять съ себя заботу о преподаваніи Татарамъ закона ихъ вѣры.

Затѣмъ, раздѣляя вообще мнѣніе Ученаго Комитета о курсѣ училищъ для инородцевъ, совѣтъ, однакоже, находитъ, что посредствомъ одного нагляднаго обученія весьма будетъ трудно научить дѣтей употребленію русскаго разговорнаго языка, тѣмъ болѣе, что во время полевыхъ работъ учебныя занятія ихъ должны прекращаться и самостоятельныя упражненія въ языкѣ внѣ школы будутъ для нихъ невозможны. Поэтому необходимо, чтобы въ первый періодъ ученія въ школѣ дѣти учились русскому языку не только посредствомъ нагляднаго обученія, которое можетъ быть полезно само по себѣ для умственнаго ихъ развитія, но также заучивая на память русскія слова и упражняясь въ переводѣ легкихъ реченій съ мѣстнаго нарѣчія на русскій языкъ и наоборотъ, и въ то же время обучаясь русской грамотѣ, сколько необходимо, чтобы овладѣть механизмомъ чтенія: азбукѣ, складамъ и чтенію.

Наконецъ, совѣтъ полагаетъ, что духовенство имѣетъ несомнѣнное основаніе считать себя преимущественно призваннымъ къ завѣдыванію школами, которыхъ главная цѣль — христіанское просвѣщеніе мало-просвѣщенныхъ христіанствомъ, хотя уже и крещеныхъ, инородцевъ, и что обязанность поучать дѣтей въ христіанствѣ, на собственномъ ихъ нарѣчіи, въ первый періодъ ученія въ школѣ, можетъ быть возлагаема на свѣтскаго учителя не иначе, какъ подъ особымъ наблюденіемъ мѣстнаго приходскаго священника, въ качествѣ отвѣт-

ственнаго распорядителя школы. Для такихъ свѣтскихъ проповѣдниковъ особенно желательно составленіе поученій попеченіемъ и съ благословенія Святѣйшаго Синода. Желательно также, чтобы въ селенія инородцевъ назначаемы были въ приходскіе священники лица, *знакомыя съ ихъ нарѣчіемъ*, дабы устранилась необходимость поручать свѣтскимъ лицамъ поученіе дѣтей въ христіанствѣ.

Постановили: Изъявить согласіе съ заключеніемъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія о мѣрахъ къ образованію инородцевъ, принятымъ въ засѣданіи 27-го февраля 1867 года, съ тѣми дополненіями, какія изъяснены выше, относительно способа обученія русскому языку, правъ духовенства на завѣдываніе по преимуществу школами для инородцевъ, составленія и изданія на инородческихъ нарѣчіяхъ поученій по благословенію Св. Синода, и относительно особыхъ татарскихъ училищъ, въ которыя Казанскій Комитетъ, для пользы Татаръ, предполагаетъ привлекать русскихъ дѣтей. Вмѣстѣ съ тѣмъ объяснить: 1) Что предложеніе, сдѣланное Ученымъ Комитетомъ, взамѣнъ принудительнаго набора учениковъ въ школы, есть, по существу, также мѣра принудительная; а мѣстныя земскія и мировыя власти не имѣютъ права освобождать родителей, посылающихъ своихъ дѣтей въ школы, отъ обязанности содержать ихъ тамъ на свой счетъ и издержки по сему предмету разлагать на прочія семейства, не посылающія дѣтей въ школы. 2) Что отдавая предпочтеніе системѣ устройства училищъ для инородцевъ, принятой Ученымъ Комитетомъ Министерства, училищный совѣтъ, однакоже, полагаетъ, что одна правильная организація учебнаго плана этихъ училищъ еще не обезпечиваетъ ихъ успѣха и что, съ другой стороны, столько же важно имѣть способныхъ исполнителей этого плана. Въ этомъ отношеніи, по мнѣнію совѣта, необходимо имѣть въ виду, что средства существующихъ сельскихъ училищъ весьма скудны, и что вообще матеріальныя средства для народнаго образованія еще на долгое время будутъ очень ограничены: ибо ни государство, ни земство, ни сами общества не могутъ дать на то значительныхъ суммъ; почему было бы весьма желательно образованіе народныхъ учителей изъ среды самихъ крестьянъ, дабы люди, посвящающіе себя этому званію, оставаясь въ той же средѣ, изъ которой вышли, могли довольствоваться скромнымъ содержаніемъ, какое можетъ быть опредѣлено для этой должности по средствамъ училищъ. Приготовленіе такихъ учителей могло бы быть производимо при уѣздныхъ училищахъ. Для побужденія же крестьянъ поступать въ званіе учителей, необходимы особыя законодательныя мѣры. Дѣйствительною мѣрою для этой цѣли могло бы быть освобожденіе отъ рекрутской повинности за время прохожденія учительской должности.

Предсѣдатель *М. Ляпуновъ.*

Буинскій училищный совѣтъ. 1867 года августа 19-го дня, вслѣдствіе предписанія Симбирскаго губернатора отъ 1-го іюня за № 1,757, Буинскій училищный совѣтъ обсуживалъ возникшіе въ послѣднее время вопросы и мнѣнія объ устройствѣ инородческихъ училищъ и, имѣя въ виду всѣ обстоятельства этого дѣла, изложенныя въ печатной брошюрѣ, изданной Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, пришелъ къ слѣдующимъ соображеніямъ, которыя касаются двухъ вопросовъ: 1) религіозно-нравственнаго образованія и обрусѣнія Чувашъ и 2) способовъ обрусѣнія Татаръ-магометанъ.

1) *О религіозно-нравственномъ образованіи и обрусѣніи Чувашъ.*

Мысль председателя училищнаго совѣта, священника Баратынскаго, усилить религіозно-нравственное образованіе въ здѣшнихъ инородческихъ училищахъ и положить разумное преподаваніе Закона Божія въ основаніе начинающагося развитія инородцевъ, чтобы такимъ образомъ инородческія училища, подобно древнимъ «огласительнымъ» училищамъ, сдѣлались дѣйствительнымъ преддверіемъ къ церкви, вполнѣ раздѣляется совѣтомъ. Для достиженія этой цѣли, о. Баратынскій, обозрѣвши въ прошедшемъ году организованныя удѣломъ мѣстныя сельскія училища, предложилъ слѣдующія мѣры: 1) всѣхъ священниковъ-законоучителей, по преподаванію Закона Божія, поставить самостоятельнѣе; 2) нѣкоторыхъ законоучителей, извѣстныхъ училищному совѣту педагогическою опытностью, сдѣлать распорядителями сельскихъ училищъ, съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы училища, находящіяся подъ ихъ непосредственнымъ надзоромъ, велись во всѣхъ отношеніяхъ хорошо. Мѣры эти предложены о. Баратынскимъ именно по тому побужденію, что удѣльное начальство въ послѣднее время ненормально распредѣлило учебную дѣятельность между свѣтскими учителями и законоучителями, оставивши послѣднимъ на преподаваніе Закона Божія только по три класса въ недѣлю, тогда какъ съ разумнымъ преподаваніемъ Закона Божія должно быть соединено изученіе инородческими мальчиками русскаго языка; вслѣдствіе чего законоучители естественно были отодвинуты отъ учебнаго дѣла и отъ всякаго вмѣшательства въ инспекцію училищъ; болѣе опытные изъ нихъ теряли энергію и по необходимости предпочитали отстраняться отъ дѣла, которому служили съ пользою цѣлые десятки лѣтъ; менѣе же опытные, не имѣя возможности въ три класса въ недѣлю соединить преподаваніе Закона Божія съ дѣйствительнымъ изученіемъ

инородческими мальчиками русскаго языка, ограничивались голословнымъ преподаванiемъ на русскомъ языкѣ, прежде чѣмъ этотъ языкъ будетъ усвоенъ чувашскими дѣтьми. Въ виду этихъ мѣстныхъ обстоятельствъ, мѣры, предлагаемыя о. Баратынскимъ, были приняты мѣстнымъ училищнымъ совѣтомъ и представлены на разсмотрѣнiе Симбирскаго губернскаго училищнаго совѣта.

Казанскiй особый Комитетъ, состоящiй подъ предсѣдательствомъ г. попечителя Казанскаго учебнаго округа, изъ преподавателей Казанскаго университета г. Ильминскаго, духовной академiи — г. Малова и коллежскаго ассессора г. Золотницкаго, разсматривая записки о. Баратынскаго, не призналъ мѣры, предлагаемыя имъ къ усиленiю преподаванiя Закона Божiя, практически основательными и исполнимыми, такъ какъ причина настоящаго упадка преподаванiя Закона Божiя въ инородческихъ училищахъ, по мнѣнiю Комитета, состоитъ не столько въ неблагопрiятныхъ условiяхъ, въ которыхъ поставлено здѣсь преподаванiе Закона Божiя, «сколько въ незнанiи священниками инородческихъ языковъ, или въ недостаточномъ вниманiи къ нимъ». Такое заключенiе не вполнѣ справедливо въ отношенiи ко многимъ здѣшнимъ священникамъ, которые знаютъ чувашское нарѣчiе настолько, чтобы пользоваться имъ, какъ орудiемъ къ уясненiю инородческимъ дѣтямъ истинъ религiи, и однакоже не могутъ поднять преподаванiя Закона Божiя при настоящей постановкѣ его въ здѣшнихъ училищахъ. На основанiи этого заключенiя, Комитетъ выводитъ «необходимость въ инородческихъ училищахъ вести первоначальное обученiе «непремѣнно на инородческомъ языкѣ учениковъ». Мысль эта выяснена во всей подробности г. Золотницкимъ въ особой брошюрѣ: «По вопросу о способахъ образованiя Чувашъ». Задавшись ею, Комитетъ находитъ неудобнымъ «подчинять образованiе инородческихъ дѣтей въ отношенiи къ христiанству непре«мѣнному условiю изученiя ими русскаго языка, потому что изученiе чужаго «языка есть дѣло чисто разсудочное и, такъ сказать, схоластическое; изученiе «же религiи есть дѣйствiе всей совокупности духовныхъ силъ, цѣлой природы «человѣческой, а потому, по мнѣнiю Комитета, религiозно-нравственное образо«ванiе инородческихъ дѣтей должно даже предшествовать изученiю ими русска«го языка». На основанiи этой теорiи, г. Георгiевскiй — въ своей запискѣ и Ученый Комитетъ при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенiя — въ своемъ журналѣ раздѣляютъ все обученiе въ инородческихъ училищахъ на *два* перiода, изъ коихъ въ первомъ инородческiя дѣти просвѣщаются въ христiанствѣ посредствомъ краткихъ поученiй на ихъ племенныхъ нарѣчiяхъ, поученiй, которыя обнимали бы важнѣйшiя событiя св. исторiи, а также изъясняли бы литургiю, имѣя въ виду не точное знанiе, а живое впечатлѣнiе на умъ и сердце инородческихъ дѣтей; при этомъ дѣти ничего не выучиваютъ наизусть и не должны даже быть спрашиваемы, такъ какъ упомянутыя поученiя должны дѣйствовать

преимущественно на ихъ воображеніе и сердце. По теоріи это такъ. Но кому не извѣстно, что теплота сердечныхъ чувствованій и убѣжденій всегда стоитъ въ тѣсной связи съ дѣятельностью ума? Въ данномъ случаѣ, т. е., въ отношеніи къ инородческимъ дѣтямъ, скорѣе дѣятельность ума должна возбуждать усыпленное ихъ чувство, чѣмъ наоборотъ, потому что чувашскія дѣти, 8—10 лѣтъ, поступающія въ училище, обыкновенно такъ мало понятливы, что никакія поученія на ихъ нарѣчіи не въ состояніи положить въ нихъ начало «глубокой «сердечной религіозности». Здѣсь религіозную истину надобно сначала, при помощи чувашскаго языка, натолковать и, такъ сказать, надолбить уму: полученное имъ представленіе можетъ дѣйствовать и на сердце. Необходимость толкованія и наученія устраняетъ всякой другой разсчетъ, тѣмъ болѣе, что чувство, не огражденное яснымъ и твердымъ представленіемъ ума, есть дорогая влага, для которой нѣтъ сосуда; она легко поэтому можетъ испариться, если бы и возможно было посредствомъ живой проповѣди подѣйствовать на чувство девятилѣтняго чувашскаго мальчика. Прочное начало глубокой сердечной религіозности есть великое дѣло въ жизни вообще: оно есть не только оружіе и оплотъ противъ разрушительныхъ силъ «ислама», противъ нечестія и беззаконія, но и *сила*, побѣждающая міръ. Поэтому законоучитель во всякомъ учебномъ заведеніи долженъ стараться вкоренить въ дѣтяхъ это начало и произвести въ нихъ глубокое внутреннее убѣжденіе въ истинахъ христіанства, чего нельзя достигнуть посредствомъ однихъ сухихъ логическихъ опредѣленій и положеній. Все это справедливо: но при всемъ томъ въ здѣшнихъ чувашскихъ училищахъ никакія поученія на народномъ чувашскомъ нарѣчіи не могутъ произвести яснаго впечатлѣнія на умъ и сердце чувашскихъ дѣтей, потому что всякое поученіе имѣетъ характеръ болѣе или менѣе отвлеченный, и потому естественно не можетъ быть понято ничего незнающими и непривыкшими къ вниманію чувашскими дѣтьми, безъ обстоятельнаго разъясненія имъ основныхъ истинъ христіанства въ видѣ вопросовъ и отвѣтовъ. Чтеніе того, чего дѣти по крайней малоразвитости своихъ понятій понять не могутъ, естественно скорѣе наведетъ на нихъ скуку, чѣмъ подѣйствуетъ на ихъ чувство. Извѣстно, какъ мало впечатлѣнія и на взрослыхъ Чувашъ производятъ проповѣди, изложенныя на ихъ нарѣчіи: а на дѣтей онѣ положительно не могутъ имѣть никакого вліянія. Гораздо удобнѣе религіозно-нравственное образованіе чувашскихъ дѣтей соединять съ изученіемъ ими русскаго языка при помощи чувашскаго нарѣчія, начиная его нагляднымъ знакомствомъ съ принадлежностями христіанскаго храма, въ который дѣти должны ходить по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ; здѣсь слѣдуетъ учить ихъ прежде всего складывать крестъ, знаменоваться имъ съ поклонами, указывать на распятіе Господа нашего Іисуса Христа, съ разъясненіемъ на чувашскомъ нарѣчіи значенія креста и пр.; потомъ, путемъ нагляд-

наго изученія религіозныхъ истинъ, оживляя его примѣрами изъ слова Божія и житій святыхъ, доходить до молитвъ и заповѣдей, съ объясненіемъ ихъ при помощи тоже чувашскаго нарѣчія. Все это, и особенно примѣръ молящихся въ церкви, гораздо сильнѣе можетъ подѣйствовать на воображеніе малоразвитыхъ чувашскихъ дѣтей, чѣмъ какія бы то ни были поученія. Такъ всегда начиналось первоначальное преподаваніе Закона Божія въ лучшихъ здѣшнихъ инородческихъ училищахъ, и приносило плоды добрые. Изученіе русскаго языка шло вмѣстѣ съ преподаваніемъ Закона Божія, и русскій языкъ при помощи чувашскаго нарѣчія усвоивался учениками въ годъ, много — въ два. Упадокъ же преподаванія Закона Божія произошелъ въ послѣднее время не столько отъ незнанія священниками чувашскаго нарѣчія и не отъ недостаточнаго вниманія къ нему, сколько оттого, что кругъ дѣятельности и вліянія между духовными и свѣтскими дѣятелями распредѣленъ былъ неравномѣрно; вслѣдствіе чего законоучители принуждены были вести дѣло религіознаго образованія инородческихъ дѣтей кое-какъ, не имѣя времени на обстоятельное преподаваніе Закона Божія. Изъ всѣхъ этихъ соображеній не видно достаточныхъ причинъ признавать несостоятельность той системы, которой слѣдовали до сихъ поръ здѣшнія лучшія инородческія училища, и вести первоначальное обученіе на чувашскомъ нарѣчіи, пользу котораго, какъ необходимаго орудія для первоначальнаго разъясненія основныхъ истинъ христіанства и возбужденія религіознаго чувства, здѣшніе законоучители всегда признавали и признаютъ.

Обращаясь къ основной мысли гг. членовъ Казанскаго Комитета, что инородческія нарѣчія, въ видахъ обрусѣнія инородцевъ, должны быть господствующимъ языкомъ школы и даже церкви, нельзя не замѣтить, что школы, устроенныя по этой системѣ, не только не могутъ содѣйствовать обрусѣнію инородцевъ, а еще будутъ развивать въ нихъ племенныя особенности и отдалять ихъ отъ русскаго народа. Извѣстно, что сколько нибудь просвѣщенные Чуваши стараются отставать отъ своего нарѣчія, скуднаго и грубаго, мѣняя его на усвоенный ими богатый русскій языкъ: для чего же русскому правительству заботиться о развитіи и обработкѣ чувашскаго нарѣчія, и обученіемъ на немъ чувашскихъ дѣтей пробуждать въ Чувашахъ какую-то любовь къ своему нарѣчію? Самыя попытки дать письменность и нѣкоторое литературное развитіе чувашскому нарѣчію и возвести его на степень языка церкви и школы напоминаютъ оттѣнки польской идеи. Два года назадъ тому, одинъ Полякъ, на берегу Волги встрѣтившись случайно съ здѣшнимъ грамотнымъ и развитымъ Чувашениномъ, убѣждалъ его дорожить своею національностію, своими племенными особенностями, и, для сохраненія ихъ, предлагалъ свои услуги — составить чувашскую азбуку и письменность; но Чувашенинъ отвернулся съ презрѣніемъ отъ такого просвѣтителя. Съ этой точки зрѣнія нельзя вполнѣ сочувствовать

составленію и изданію г. Золотницкимъ книгъ для обученія чувашскихъ дѣтей на ихъ нарѣчіи, каковы: «Изложеніе основныхъ правилъ чувашскаго языка, какъ тюркскаго нарѣчія», «Чувашъ кнеге», «Чувашла волама тотлама да вирении» и пр. Въ 48 № Симб. губ. вѣдомостей объ изданной имъ «Сӧлдалык кнеге» напечатано, что въ ней «встрѣчаются обороты, вовсе не «свойственные чувашскому языку; въ иныхъ случаяхъ г. авторъ не находитъ «даже словъ для выраженія нѣкоторыхъ понятій и не знаетъ названія нѣкоторыхъ предметовъ, оттого въ «Сӧлдалык кнеге» встрѣчаются мѣста, вовсе «непонятныя Чувашенину; въ другихъ мѣстахъ чрезъ это извращается смыслъ «разсказа». Послѣ такой рецензіи (если она хоть сколько нибудь справедлива), написанной честнымъ Чувашениномъ, преданнымъ дѣлу образованія своихъ единоплеменниковъ, позволительно сомнѣваться, насколько правильны будутъ приготовляемыя г. Золотницкимъ къ изданію «Объясненіе литургіи, Изложеніе катихизиса, Тора халыгынъ борпызъ» и под. Имѣя поводъ не вполнѣ довѣрять этимъ переводамъ въ отношеніи къ чистотѣ православнаго ученія, полезно было бы, съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода, допустить ихъ къ употребленію въ инородческихъ чувашскихъ училищахъ, но не иначе, какъ въ постраничномъ русско-чувашскомъ переводѣ, какъ обыкновенно издается славяно-русское Евангеліе. Слѣдуя далѣе за мыслями г. Золотницкаго, затруднительно понять, какимъ образомъ пробужденіе племеннаго самолюбія въ Чувашахъ разрознитъ ихъ съ Татарами: не послужитъ ли, напротивъ, пробужденіе это скорѣе къ большей ихъ розни съ Русскими, чѣмъ съ Татарами, съ которыми такъ соединяетъ ихъ сходство языка и празднованіе пятницы? Вообще нельзя не опасаться, чтобы г. Золотницкій своею ревностію по составленію и изданію 12 сочиненій на чувашскомъ нарѣчіи, приготовляемыхъ имъ къ печати безъ постраничнаго перевода на русскій языкъ, не сдѣлалъ въ нѣкоторомъ отношеніи для Чувашъ того же, что сдѣлало нѣкогда русское правительство для Татаръ, убѣдивши ихъ употреблять печатный Коранъ, — тогда какъ употребленіе печатнаго Корана у Татаръ почиталось великимъ грѣхомъ, а теперь, по изчисленію академика Дорна, втеченіе 7 лѣтъ разошлось здѣсь до 82,300 экземп. Корана и до 165,000 экз. извлеченій изъ Корана. И у Чувашъ, при обученіи на ихъ языкѣ, книги на ихъ нарѣчіи могутъ пріобрѣсти нѣкоторую популярность въ ущербъ русской народности, а этимъ легко могутъ воспользоваться злонамѣренные люди, пробуждая въ Чувашахъ такія чувства, которыя сами собою не могли бы придти имъ и въ голову.

Далѣе Казанскій Комитетъ, полагая инородческія нарѣчія въ основу религіознаго образованія инородцевъ, приходитъ къ заключенію «поручить первоначальное религіозно-нравственное образованіе инородческихъ дѣтей такому «лицу, которое владѣетъ инородческимъ языкомъ и знакомо съ бытомъ и поня-

«тіями и даже съ умственнымъ и нравственнымъ складомъ инородческихъ уче-«никовъ, будетъ ли лицо это священникъ, или мірянинъ. Но если бо̀льшая часть «священниковъ, какъ извѣстно, не знаютъ инородческаго языка и быта въ удо-«влетворительной степени, то приходится предоставить весьма важное значеніе «въ дѣлѣ первоначальнаго религіозно-нравственнаго образованія мірянину и еще «лучше единоплеменному съ воспитанниками инородцу». Это заключеніе, по мнѣнію г. Георгіевскаго, близко подходитъ къ требованіямъ благоразумія и справедливости, такъ какъ принимаетъ во вниманіе не званіе, а способность къ дѣлу. Если священникъ не знаетъ достаточно инородческаго нарѣчія, то какъ завѣдываніе инородческой школой, такъ и право поучать дѣтей въ христіанствѣ должны быть возлагаемы предпочтительно на свѣтскаго учителя, знающаго инородческое нарѣчіе. То же самое допускаетъ и Ученый Комитетъ при М. Н. П. Какъ будто однимъ знаніемъ учителемъ инородческаго нарѣчія обусловливается и успѣхъ мальчиковъ по всѣмъ предметамъ, и порядокъ, и все въ школѣ! Подобное рѣшеніе этого вопроса отстраняетъ почти всѣхъ священниковъ Буинскаго уѣзда отъ начальнаго религіозно-нравственнаго образованія чувашскихъ дѣтей, такъ какъ извѣстно, что нѣкоторые изъ нихъ хотя и владѣютъ разговорнымъ чувашскимъ нарѣчіемъ, но ни одинъ не знаетъ законовъ чувашскаго языка, какъ тюркскаго нарѣчія; стало быть, имъ придется изучать еще научно чувашское нарѣчіе, если они захотятъ оставить за собой должности законоучителей въ чувашскихъ училищахъ; другіе и вовсе мало знакомы съ чувашскимъ нарѣчіемъ. Между тѣмъ опытъ показываетъ, что для разумнаго обученія Закону Божію въ чувашскихъ училищахъ нужно не столько знаніе чувашскаго нарѣчія, хотя и оно нужно, сколько вообще педагогическій тактъ и умѣніе высказать инородческимъ мальчикамъ тѣ стороны религіозной истины, которыя болѣе осязательно приложимы къ жизни. Поэтому законоучитель, мало знающій чувашское нарѣчіе, но обладающій этими качествами, можетъ выучить Закону Божію по методѣ взаимнаго обученія, посредствомъ одного чувашскаго мальчика, знающаго русскій языкъ, гораздо скорѣе, чѣмъ выучилъ бы тому неприготовленный надлежащимъ образомъ къ преподаванію Закона Божія и малоразвитый Чувашенинъ, каковы здѣшніе учители изъ Чувашъ. Не бѣда еще, если эти непризванные учители ничего не сдѣлаютъ въ пользу религіознаго образованія чувашскихъ дѣтей: бѣда тогда, если они, заправляя религіознымъ образованіемъ инородческихъ дѣтей, совратятъ ихъ, и съ ними, пожалуй, и отцовъ ихъ, съ истиннаго пути на путь ложный, какъ это и случилось прошлой зимою въ деревнѣ Корговкѣ, Помаевскаго прихода, гдѣ учитель изъ Чувашъ, нанятый крестьянами, совратилъ въ расколъ многихъ въ деревнѣ. Самая мысль о правѣ религіознаго учительства, дарован-

номъ мірянамъ, какъ разъ подходитъ подъ воззрѣніе раскольниковъ и не замедлитъ принести свои плоды.

Подробный учебный планъ съ распредѣленіемъ предметовъ и времени ученія составленъ о. Баратынскимъ приспособительно къ бывшимъ удѣльнымъ училищамъ Буинскаго уѣзда, такъ какъ, при обозрѣніи ихъ въ прошедшемъ году, замѣченъ крайній безпорядокъ въ учебныхъ занятіяхъ, происходящій главнымъ образомъ отъ различнаго взгляда наставниковъ на ученіе вообще и на порядокъ, въ какомъ надлежитъ вести учебныя занятія впродолженіе четырехълѣтняго курса. Въ видахъ устраненія этой неурядицы въ преподаваніи и составлена опредѣленная программа, которую училищный совѣтъ, по разсмотрѣніи, разослалъ по училищамъ Буинскаго уѣзда.

Казанскій особый Комитетъ утверждаетъ, что здѣсь «регламентированное «однообразіе можетъ скорѣе стѣснять, нежели упрочить и развить народное «образованіе столь различныхъ другъ отъ друга племенъ и мѣстностей». А г. Георгіевскій допускаетъ въ своей запискѣ учебный планъ только въ общихъ чертахъ, безъ указанія, что̀ должно быть сдѣлано въ тотъ или другой годъ, и раздѣляетъ все обученіе, какъ сказано выше, на два періода. Мысль г. Георгіевскаго, что учебный планъ для инородческихъ училищъ долженъ быть составленъ только въ общихъ чертахъ, вполнѣ справедлива; но это будетъ планъ общій для всѣхъ инородческихъ училищъ, въ которыхъ многое можетъ зависѣть отъ степени знакомства тѣхъ и другихъ инородцевъ съ русскимъ языкомъ. Учебный же планъ съ распредѣленіемъ предметовъ и времени ученія, составленный о. Баратынскимъ, приспособленъ къ бывшимъ удѣльнымъ училищамъ Буинскаго уѣзда, и никакъ не можетъ относиться ко всѣмъ инородческимъ училищамъ; написанъ онъ съ цѣлію усилить преподаваніе Закона Божія въ мѣстныхъ инородческихъ училищахъ въ видѣ опыта, который въ нынѣшнюю же инспекцію показалъ, что планъ этотъ въ нѣкоторыхъ русско-чувашскихъ училищахъ удобоисполнимъ, а въ чисто-чувашскихъ училищахъ можетъ быть исполнимъ только при помощи русскихъ книгъ съ постраничнымъ чувашскимъ переводомъ. Въ этихъ училищахъ слѣдуетъ допустить раздѣленіе всего обученія на два періода; но обученіе чтенію и молитвамъ должно начинаться во всѣхъ безъ исключенія училищахъ, русскихъ и чувашскихъ, съ самаго поступленія учениковъ въ училища, равно письмо и счисленіе. Для скорѣйшаго обученія чувашскихъ дѣтей русскому языку нужно бы составить особое руководство на русскомъ языкѣ, съ поясненіемъ малоизвѣстныхъ русскихъ словъ чувашскими словами. Во всякомъ случаѣ, начало, поставленное статьею 4 Положенія, должно быть оставлено во всей своей силѣ. Слѣдуетъ также допустить въ чувашскихъ училищахъ къ употребленію при первоначальномъ обученіи, вмѣсто поученій на чувашскомъ нарѣчіи, Евангеліе, свящ. исторію и молитвы на русскомъ языкѣ

съ постраничнымъ чувашскимъ переводомъ, который долженъ быть разсмотрѣнъ и одобренъ Святѣйшимъ Синодомъ. Тогда инородческіе ученики съ самаго начала чтенія имѣли бы возможность, при помощи объясненій учителя, понимать о чемъ читаютъ, и это посильное пониманіе не могло бы не заинтересовать ихъ и ихъ семейныхъ. Но чтеніе и объясненіе Евангелія и другихъ книгъ религіознаго содержанія съ постраничнымъ переводомъ на чувашское нарѣчіе слѣдуетъ поручить только священникамъ, хотя бы нѣкоторые изъ нихъ и не совсѣмъ достаточно знали чувашское нарѣчіе; съ помощію такихъ книгъ они могутъ скоро усовершенствоваться въ знаніи его настолько, чтобы умѣть разъяснить непонимаемое въ книгѣ мальчиками. Въ женскихъ инородческихъ школахъ употребленіе книгъ съ постраничнымъ чувашскимъ переводомъ еще болѣе нужно, такъ какъ чувашскій женскій полъ въ большинствѣ своемъ почти что совсѣмъ не знаетъ русскаго языка. Училищнымъ совѣтамъ, на основаніи общаго учебнаго плана для всѣхъ инородческихъ училищъ, слѣдуетъ предоставить право составлять и разсылать по мѣстнымъ училищамъ, сообразно съ мѣстными условіями ихъ, подробныя программы съ указаніемъ, что должно быть сдѣлано въ тотъ или другой годъ и съ распредѣленіемъ самыхъ классовъ для наставниковъ: иначе училищнымъ совѣтамъ невозможно было бы слѣдить за правильнымъ ходомъ и успѣхами ученія вообще.

Далѣе слѣдуетъ сказать объ обязательномъ обученіи. Казанскій Комитетъ раздѣляетъ мнѣніе г. Золотницкаго, что «введеніе въ чувашскія училища «обученія на ихъ природномъ языкѣ дастъ возможность родителямъ понять «цѣль грамоты и почувствовать пользу ея.» А это, по твердому убѣжденію г. Золотницкаго, «*единственное* средство къ покоренію естественнаго предубѣжде«нія инородцевъ противъ грамоты, къ возбужденію запроса на нее». Стало быть, Казанскій Комитетъ противъ обязательнаго обученія: со введеніемъ въ чувашскихъ училищахъ обученія на ихъ природномъ языкѣ онъ надѣется, что число чувашскихъ учениковъ будетъ гораздо болѣе, чѣмъ сколько собирается ихъ въ настоящее время посредствомъ обязательнаго обученія, которое «самою «идеею обязательности поселяетъ въ инородческомъ населеніи нерасположеніе «къ школѣ». Предположеніе, что введеніе въ чувашскія школы чувашскаго нарѣчія и положитъ прочное начало религіозному развитію учащихся, и распространитъ христіанское просвѣщеніе въ темной массѣ Чувашъ, и обруситъ ихъ, и, наконецъ, наполнитъ училища добровольными учениками, не можетъ быть признано вполнѣ справедливымъ. Опытъ Казанской школы для крещеныхъ татарскихъ дѣтей невполнѣ подтверждаетъ это предположеніе: что можно сдѣлать въ оранжереѣ, того далеко нельзя сдѣлать въ полѣ. Почему же русскій языкъ въ русскихъ училищахъ, какъ извѣстно, не имѣетъ такой чудесной силы, какая приписывается Комитетомъ однимъ инородческимъ нарѣчіямъ? Изъ отче-

та о. Баратынскаго, который осмотрѣлъ нынѣшнимъ лѣтомъ всѣ мѣстныя церковно-приходскія училища и деревенскія школы, и вездѣ бесѣдовалъ съ вышедшими изъ крѣпостной зависимости крестьянами о пользахъ ученія, между прочимъ, видно, что большинство русскихъ крестьянъ до сихъ поръ смутно понимаютъ значеніе школы; болѣе умные крестьяне, конечно, понимаютъ пользу ученія, но обыкновенно говорятъ: «мы сами видимъ, что ученіе вездѣ нужно: «и различить по святцамъ праздникъ, почитать Четьи-Минеи, написать и прочитать письмо; а если ученіе такъ нужно, то начальство само велитъ намъ «учить дѣтей». Въ послѣднихъ словахъ видно твердое убѣжденіе народа въ томъ что все, дѣйствительно нужное, предписывается ему начальствомъ. Поэтому нельзя надѣяться, чтобы и русскія сельскія общества сдѣлали приговоры объ обязательности ученія, не говоря о чувашскихъ, которыя навѣрно поспѣшатъ закрыть существующія у нихъ училища, если отдать ихъ на волю чувашскихъ обществъ. Введеніе чувашскаго языка въ ихъ школы тутъ ничего не поможетъ. Съ этой точки зрѣнія вопросъ объ обязательности ученія не слѣдовало бы отдавать на произволъ крестьянъ или сельскихъ обществъ (какъ того желаетъ г. Золотницкій), изъ коихъ одни могутъ ввести обязательное обученіе, другіе рѣшатся закрыть и организованныя удѣломъ училища, такъ какъ училища эти требуютъ отъ нихъ денежныхъ расходовъ и содержанія. По той же причинѣ вопросъ объ обязательности ученія едва ли правительство захочетъ отдать на произволъ земскихъ собраній, изъ коихъ одно, напр. Буинское, разрѣшило его положительно, а рядомъ, Симбирское — отрицательно. Такое различное рѣшеніе не можетъ не послужить поводомъ къ ропоту и неудовольствію населеній. И потому вопросъ объ обязательности ученія можетъ быть разрѣшенъ только общею для всего государства законодательною мѣрой. «Принужденіе, «какъ извѣстно, пишетъ г. Золотницкій, вездѣ и во всемъ портитъ дѣло, къ ко«торому принуждаютъ». Здѣсь фальшивая гуманность къ идеѣ едва ли не исключаетъ истинную гуманность къ Чувашамъ, за которыхъ повидимому ратуетъ г. Золотницкій. Удѣльное начальство правильно понимало пользы крестьянъ, и потому установило въ подвѣдомыхъ ему городскихъ и сельскихъ обществахъ особый сборъ на содержаніе училищъ и принудительный наборъ учениковъ, число которыхъ до сихъ поръ въ здѣшнихъ, бывшихъ удѣльныхъ, училищахъ опредѣляется извѣстнымъ комплектомъ. А такъ какъ, по 14 ст. Положенія 26-го іюня 1863 года, учебная и медицинская часть бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ сохраняются въ прежнемъ порядкѣ, то есть основаніе утверждать, что начало обязательнаго содержанія здѣшнихъ инородческихъ школъ и посѣщенія ихъ дѣтьми сохранено нашимъ законодательствомъ во всей силѣ и имѣетъ за себя правительственную санкцію. Стало быть, о необязательномъ

обученіи въ здѣшнихъ инородческихъ училищахъ въ настоящее время не можетъ быть и рѣчи.

2) *О мѣрахъ къ обрусѣнію Татаръ-магометанъ.*

Записка «О введеніи русскаго языка и русской грамотности въ татарскихъ училищахъ» Казанскимъ Комитетомъ единогласно признана несостоятельною, какъ передающая дѣло обрусѣнія Татаръ въ ненадежныя руки муллъ и хальфовъ. Разсматрйвавшій ее, профессоръ Григорьевъ также говоритъ, что сдѣлать обязательнымъ обученіе русскому языку въ мектебахъ и медресахъ, чрезъ посредство муллъ, въ нихъ преподающихъ, нельзя потому, что муллы не знаютъ русскаго языка. Ту и другую мысль предсѣдатель училищнаго совѣта, священникъ А. Баратынскій, имѣлъ въ виду при составленіи означенной записки. Всякая педагогическая реформа въ отношеніи къ Татарамъ можетъ принять въ глазахъ ихъ видъ посягательства на религію, ими исповѣдываемую, поэтому обученіе русскому языку и русской грамотѣ на первый разъ при фанатическомъ настроеніи магометанскаго населенія можетъ быть исполнено только ихъ муллами и хальфами: въ такомъ случаѣ у противниковъ русскаго образованія въ средѣ Татаръ были бы отняты справедливые и несправедливые поводы ко всякаго рода подозрѣніямъ и нареканіямъ противъ вмѣшательства христіанскаго правительства въ такое дѣло, въ которомъ оно легко можетъ оскорбить религіозное чувство своихъ иновѣрныхъ подданныхъ. Принимая въ соображеніе эти мысли, высказанныя въ запискѣ о. Баратынскаго, члены училищнаго совѣта имѣли случай удостовѣриться на опытѣ, что многіе Татары сами желаютъ учиться русской грамотѣ, которая имъ нужна въ сношеніяхъ съ Русскими, и желаютъ обучать ей дѣтей своихъ; посылать же ихъ въ христіанскія инородческія училища они опасаются христіанскаго вліянія, полагая, не безъ основанія, что какъ ихъ школы, такъ и христіанскія инородческія училища тѣсно связаны съ религіею. Имѣя въ виду воспользоваться этимъ желаніемъ многихъ Татаръ учиться русской грамотѣ, о. Баратынскій полагаетъ всего вѣрнѣе достигнуть обрусѣнія ихъ посредствомъ муллъ, обязавши ихъ ввести русскій языкъ какъ языкъ изученія, въ ихъ мектебахъ и медресахъ; но такъ какъ въ настоящее время муллы не знаютъ русскаго языка, то онъ предлагаетъ приступить къ этому дѣлу съ благоразумной осторожностью и постепенностью, именно: ввести русскій языкъ, какъ языкъ обученія, сначала въ центральныхъ высшихъ медресахъ, изъ которыхъ выходятъ муллы, чтобъ не имѣть недостатка на первый разъ въ дѣятеляхъ изъ ихъ же среды; потомъ постановить, чтобы при поставленіи указныхъ муллъ дѣлалось предпочтеніе знающимъ русскій языкъ; далѣе по времени, слѣдуя строгой постепенности, всѣ мусульманскія должности духовныя соединять съ обязательнымъ знаніемъ русскаго языка и русской гра-

моты, въ той мысли, чтобы впослѣдствіи всѣ духовныя лица мусульманскаго исповѣданія, отъ муфтія до пятивременнаго муллы, непремѣнно знали русскій языкъ и русскую грамоту. Параллельно съ этимъ должны слѣдовать постановленія объ обязательномъ введеніи русскаго языка, какъ языка изученія, во всѣхъ высшихъ и низшихъ татарскихъ училищахъ. При такой постепенности, изученіе русскаго языка, отданное въ руки муллъ, не могло бы возбуждать никакого подозрѣнія, и мектебы не лишились бы поэтому довѣрія. Въ то же самое время правительство, отстраняясь по возможности отъ всякаго вмѣшательства въ устройство и содержаніе татарскихъ училищъ, имѣло бы чрезъ свѣтскихъ членовъ училищныхъ совѣтовъ наблюденія за преподаваніемъ въ нихъ русскаго языка, поощряя лучшихъ преподавателей его наградами.

Конечно, этимъ путемъ не скоро можно дойдти до гражданскаго обрусѣнія Татаръ, но зато было бы положено мирное начало къ ихъ обрусѣнію, и введеніе его не потребовало бы, повидимому, никакихъ особенныхъ усилій или пожертвованій—ни со стороны правительства, ни со стороны земства.

Всякія другія мѣры къ обрусѣнію Татаръ-магометанъ были бы непрактичны: или онѣ возбудятъ неудовольствія и волненія въ магометанскомъ населеніи, и въ такомъ случаѣ учителя русскаго языка (Русскіе ли то будутъ, или Татары) подвергнутся всякаго рода преслѣдованіямъ фанатиковъ-магометанъ, которые не станутъ отдавать къ нимъ дѣтей своихъ; или мѣры эти просто-напросто, подъ предлогомъ обрусѣнія Татаръ посредствомъ татарскаго же языка, въ практикѣ будутъ искуственно усиливать татарскій элементъ, даже питать ихъ симпатіи къ Турціи и только затруднять сліяніе ихъ съ русскимъ народомъ. Такого рода мѣры предлагаетъ Казанскій Комитетъ проектируемымъ имъ учрежденіемъ особыхъ татарскихъ училищъ.

Предсѣдатель Буинскаго училищнаго совѣта, священникъ Баратынскій. Членъ совѣта А. Винтеръ. Членъ совѣта В. Елисеевъ. Членъ совѣта Сергѣй Харитоновъ. Членъ совѣта Степанъ Ивановъ.

Къ вышеизложеннымъ мнѣніямъ училищныхъ совѣтовъ Симбирской губерніи присоединяются еще мнѣнія слѣдующихъ лицъ:

Мироваго посредника 1-го участка Симбирскаго уѣзда. Съ полною охотою исполняя приглашеніе ваше, милостивый государь, я прочелъ съ возможнымъ вниманіемъ присланную вами брошюру, и постараюсь высказать мои соображенія по затронутому ею вопросу; причемъ считаю необходимымъ предупредить, что говорю какъ распорядительное лицо, а не какъ педагогъ; такъ какъ послѣдняго дѣла, къ сожалѣнію, я не знаю, а потому и въ пренія по педагогической части вопроса и выводимымъ заключеніямъ входить не буду.

Признавая доводы, изложенные въ брошюрѣ, весьма основательными относительно Татаръ, считаю нужнымъ дополнить, что, по моему мнѣнію, всѣ усилія ввести къ нимъ русскую грамотность, а тѣмъ болѣе ученіе о православіи, равно обрусѣніе, останутся тщетными, пока къ Татарамъ не примѣнятся слѣдующія мѣры, принимая во вниманіе ихъ приверженность къ мулламъ и магометанскимъ обычаямъ и, то обстоятельство, что именно муллы запрещаютъ Татарамъ учиться русскому языку и грамотѣ, поставляя это въ грѣхъ и неприличіе магометанину:

1-е. Поставить обязательнымъ введеніе знанія русскаго языка инородцами, какъ *царскаго*, то-есть, правительственнаго и долженствующаго посему быть господствующимъ, и для того—заведеніе школъ.

2-е. Чрезъ три года отъ сего постановленія, мулла не иначе утвердится въ семъ званіи какъ по удовлетворительномъ его испытаніи въ знаніи русской грамоты, первыхъ правилъ ариѳметики по-русски; однимъ словомъ, курса первоначальныхъ народныхъ училищъ, за исключеніемъ Закона Божія, замѣненнаго легчайшимъ знаніемъ своего магометанскаго.

3-е. Чрезъ шесть лѣтъ утвержденіе муллы должно быть уже при знаніи гимназическаго курса и педагогики.

4-е. Училищные совѣты должны получить право, именемъ правительства, требовать отъ каждаго муллы непосредственнаго содѣйствія по занятіямъ и преподаванію въ училищахъ по русскимъ книгамъ, одобреннымъ совѣтомъ; и затѣмъ съ муллами, не исполнившими требованій сихъ, поступать какъ съ противодѣйствующими видамъ правительства лицами.

5-е. Изыскать способъ привлеченія муллъ къ близкому сообществу съ краснорѣчивѣйшими православными богословами, гдѣ ласковыми преніями ихъ собьютъ съ магометанскаго толку и преподадутъ свѣтлыя понятія нашей вѣры.

6-е. Такъ какъ Татары весьма охотно служатъ въ общественныхъ должностяхъ и даже платятъ за избраніе ихъ (до 70 руб. сереб., конечно, неуслѣдимо), то чрезъ шесть лѣтъ отъ постановленія объ обязанности знанія русскаго языка, неиначе допускать ихъ къ занятію должностей волостнаго старшины, или судьи, или сельскаго старосты, какъ по удовлетворительномъ испытаніи самого избраннаго или его сына въ знаніи русскаго чтенія, письма и счета.

Увеличеніе грамотности и образованности въ татарскихъ обществахъ, въ самыхъ вліятельныхъ слояхъ его, дастъ вѣроятно благое содѣйствіе дальнѣйшимъ стремленіямъ училищныхъ совѣтовъ.

7-е. Сверхъ того, такъ какъ употребленіе конины есть большое благо для рабочаго народа, давая ему дешевое и здоровое мясо, то, для желающихъ потреблять оную съ переходомъ въ православіе, оную разрѣшить положительно,

какъ незапрещенную, сколько мнѣ извѣстно, христіанскимъ закономъ, а только еврейскимъ.

8-е. Въ селеніяхъ инородческихъ училища заводить сперва для взрослыхъ молодыхъ людей, въ коихъ будетъ болѣе и охоты учиться и смыслу, опредѣливъ процентное количество обязательно имѣющихъ обучаться.—Программу же чтеній по-русски сдѣлать самую дѣльную и занимательную для крестьянина, то-есть, по предметамъ: земледѣльческимъ, скотоводственнымъ, положеніе о крестьянахъ и вообще правила ихъ быта; потомъ нравственно-забавныя повѣсти и разказы, и затѣмъ уже, какъ высшее занятіе, религіозныя чтенія, молитва и церковное пѣніе непремѣнно, какъ возможное приложеніе къ дѣлу науки о божественныхъ предметахъ; вообще, я полагаю полезнымъ воспользоваться свойствомъ всѣхъ крестьянъ: требовать практичности и пользы отъ всякаго знанія. Крестьянинъ сейчасъ спроситъ: «къ чему это?» а Чувашенинъ прибавитъ еще: «какой доходъ или польза будетъ?»—и чѣмъ ближе и осязательнѣе оные будутъ указаны, тѣмъ охотнѣе примется совѣтъ къ исполненію. Скажу, что въ этомъ отношеніи Татары и Чуваши много удободвижимѣе Русскихъ.

9-е. Есть еще обстоятельство, мѣшающее распространенію русской грамотности и православной вѣры у инородцевъ: дорого стоитъ быть православнымъ и никакихъ отъ того матеріальныхъ земныхъ выгодъ нѣтъ. Хорошо бы было устранить это препятствіе чрезъ переводъ священниковъ на штатное содержаніе, уничтоженіе затѣмъ требныхъ ихъ поборовъ, и удешевить постройки церквей съ увеличеніемъ числа ихъ, для избѣжанія отдаленности ихъ отъ прихожанъ.

10-е. Для надежнаго привитія къ народному быту грамотности, полагаю полезнѣйшею и самою коренною мѣрою преимущественно заведеніе женскихъ училищъ, такъ какъ грамотная мать почти всегда обучитъ своихъ дѣтей и сохранитъ грамотность дома; а грамотный отецъ рѣдко, да и самолюбіе заставитъ жениховъ не отставать отъ невѣстъ.

Такъ какъ учительницъ легче добыть съ надлежащими качествами, нежели учителей, а дѣвушка въ крестьянскомъ семействѣ не такъ дорога по работѣ своей, какъ молодой парень, и не такъ шаловлива какъ мальчикъ, то первоначальною мѣрою введенія грамотности я и полагаю вѣрнѣе всего эту послѣднюю; а въ будущемъ предвидится (во вниманіе къ семейному могуществу женщины—съ одной стороны, и къ нынѣшнему угнетенному состоянію магометанскихъ женъ, недопускаемыхъ въ мечеть, и при многоженствѣ, съ другой), что женскій полъ склонитъ мужской и переведетъ его съ темнаго пути магометова ученія на свѣтлый путь православія, въ видахъ собственной пользы, и чрезъ то дѣло обрусѣнія вѣрнѣе и раціональнѣе подвинется.

Высказывая эти мои соображенія, чувствую, что немного вышелъ изъ рамокъ

постановленнаго вопроса: но дѣло просвѣщенія инородческихъ дѣтей такъ связано съ административными, вѣроисповѣдными и другими вопросами, что, затрогивая одинъ изъ нихъ, поневолѣ касаешься и всѣхъ остальныхъ.

Взаключеніе скажу, что пора бы установить различіе народовъ на разряды, съ отличіемъ въ нѣкоторыхъ правахъ и преимуществахъ для вызова желанія и стремленія поступать изъ 3-го и 2-го разрядовъ въ 1-й, то-есть, Русскій коренной, какъ самый почетный и любезный Государю и отечеству, который донынѣ былъ только самый обременительный.—Вотъ какъ бы я полагалъ установить разряды:

I. Русскія общества, непремѣнно православныя,—состоящія изъ исконп Русскихъ и добровольно поступившихъ въ таковые изъ инородцевъ по ихъ просьбамъ о томъ и согласіи на то кого слѣдуетъ.

II. Новорусскія, переходное время на поступленіе изъ 3-го въ 1-й разрядъ не менѣе 15-ти лѣтъ или болѣе, имѣющія меньше правъ противу первыхъ.

III. Подвластные Россіи народы-инородцы; имъ самые ограниченные права, меньшее довѣріе къ свидѣтельству лица и строжайшій надзоръ отъ правительства, въ видѣ сельскихъ писарей и сотскихъ по выбору и опредѣленію отъ правительства на счетъ сельскаго общества.

Тогда бы дѣйствительно можно ожидать, что именованіе Русскихъ будетъ горячо желаемо здѣшними инородцами, будетъ славно и почетно; тогда какъ теперь упорное сохраненіе своихъ народныхъ прозвищъ, обычаевъ и вѣры доказываетъ едва ли, не пренебреженіе инородцевъ къ господствующему русскому народу.

Планъ курса, предлагаемаго Ученымъ Комитетомъ, по моему мнѣнію, обѣщаетъ болѣе успѣха, нежели всякій другой, но, опять скажу, примѣненный не къ мальчикамъ и черезъ лицъ одноплеменныхъ по возможности съ обучаемыми, при вызовѣ общей необходимости и выгоды учиться по-русски.

Мировой посредникъ *Князь Ухтомскій.*

Кузоватовской волости старшины Тимоѳеева. Насколько свѣдущи въ русскомъ языкѣ инородцы, проживающіе въ Буинскомъ уѣздѣ нашей Симбирской губерніи и губерніи Казанской, о которыхъ разсуждается въ прочитанной мною книжкѣ,—мнѣ неизвѣстно, а потому и мнѣнія относительно ихъ обученія грамотѣ: на ихъ ли природномъ нарѣчіи или на русскомъ—изложить не могу. Что же касается до здѣшнихъ инородцевъ — Мордвы, то они, имѣя проживаніе въ центрѣ русскаго населенія, всѣ вообще въ разговорномъ русскомъ нарѣчіи болѣе или менѣе свѣдущи, хотя нѣкоторые изъ нихъ, особенно женщины и дѣти, выражаются неправильно на-ономъ. Отсюда вывожу слѣдующее за-

ключеніе: дѣтей нашихъ инородцевъ-Мордвовъ обучать грамотѣ нужно на русскомъ нарѣчіи; правда, что дѣти мордовскія при первоначальномъ обученіи грамотѣ затрудняются, не понимая нѣкоторыхъ словъ, которыя прежде не касались ихъ уха, но потомъ мало по малу, при изъясненіи имъ таковыя непонятныя слова на мордовскомъ нарѣчіи, какъ я обыкновенно всегда дѣлаю, привыкаютъ къ понятію русскаго языка и впослѣдствіи, читая книги на русскомъ и славянскомъ нарѣчіи, понимаютъ сполна прочитанное. Нужно обучать здѣшнихъ мордовскихъ дѣтей на русскомъ нарѣчіи еще и потому, что мордовскій языкъ грубъ и бѣденъ; что никакъ нельзя выразить высокихъ истинъ христіанской религіи на мордовскомъ нарѣчіи, даже нѣтъ въ немъ названій нѣкоторымъ и обыкновеннымъ вещамъ, какъ-то: ведрамъ, книгѣ и проч., а называются эти предметы прямо по-русски; стало быть высокія истины Слова Божія тѣмъ болѣе наономъ невыразимы. Притомъ здѣшніе инородцы русскій языкъ даже предпочитаютъ мордовскому; это доказывается тѣмъ, что многіе изъ нихъ между собою разговариваютъ на русскомъ языкѣ или при разговорѣ часто смѣшиваютъ мордовскій языкъ съ русскимъ, выражая иные предметы на мордовскомъ, а иные тутъ же на русскомъ языкѣ. Въ с. Кузоватовѣ, гдѣ моя родина, по случаю съ давняго времени существованія училища, многіе обучены грамотѣ и довольно свыклись съ церковнымъ или славянскимъ нарѣчіемъ, потому что въ праздничные дни берутъ изъ школы псалтыри и даже изъ церкви житія Святыхъ и проч. Конечно, хорошо бы для здѣшняго народа имѣть на мордовскомъ нарѣчіи общеупотребительныя молитвы, значеніе которыхъ по этому способу удобнѣе бы было распространить въ здѣшнемъ народѣ по всѣмъ поламъ и возрастамъ. Поэтому лучше всего инородцевъ здѣшнихъ, Мордвовъ, обучать грамотѣ на русскомъ и славянскомъ языкахъ, мордовскій же языкъ употреблять для уясненія непонятныхъ для дѣтей предметовъ при первоначальномъ ихъ изученіи. Стало быть мордовскій языкъ здѣсь нуженъ преподавателю, какъ орудіе или пособіе къ скорѣйшему изученію съ понятіемъ русскаго языка.

Кузоватовской волости старшина Тимоѳеевъ.

Съ настоящимъ мнѣніемъ совершенно я согласенъ, которое въ подлинникѣ имѣю честь препроводить къ господину предсѣдателю Сенгилеевскаго уѣзднаго училищнаго совѣта.

Подписалъ: Мировой Посредникъ *Андреевъ*.

Саратовская губернія.

Кузнецкій училищный совѣтъ. Изъ инородцевъ въ Кузнецкомъ уѣздѣ живутъ Мордва, Чуваши и Татары. Первые всѣхъ ближе стоятъ къ Русскимъ. Хотя мордовскія женщины еще сохраняютъ старинный костюмъ и стараются

говорить роднымъ языкомъ, но у мужчинъ русскій языкъ становится главнымъ, а костюмъ дѣдовскій брошенъ уже давно.

Всѣхъ больше обрусѣло колѣно Ерзовъ. Окруженные почти со всѣхъ сторонъ русскими селеніями, отрѣзанные ими отъ другихъ мордовскихъ селеній, Ерзы волею-неволею чаще всего приходятъ въ соприкосновеніе съ Русскими и отъ насъ перенимаютъ нравы и обычаи, которые затѣмъ пытаются вносить въ свои семьи. Можно смѣло сказать, что если бы переработка обычаевъ зависѣла исключительно отъ мужчинъ, Ерзовъ теперь уже нельзя было-бы отличать отъ Русскихъ. Но такъ какъ женщины менѣе участвуютъ въ сношеніяхъ съ Русскими, а потому менѣе склонны къ заимствованіямъ, то и на семьяхъ Ерзовъ сохраняется еще мордовскій отпечатокъ. Навѣрное однако отпечатокъ этотъ уцѣлѣетъ не надолго. У Ерзовъ нѣтъ больше даже маленькихъ дѣтей, которыя не понимали бы нашего языка, а взрослые мужчины такъ хорошо говорятъ на немъ, что по говору не отличишь ихъ отъ коренныхъ Русскихъ; мало того, они даже любятъ говорить по-русски, между собой тоже исключительно говорятъ только на нашемъ языкѣ, и со смѣхомъ разказываютъ, какъ бабы упрекаютъ ихъ за то, что они русскій знаютъ лучше роднаго мордовскаго. При такихъ условіяхъ усилившіеся въ послѣднее время супружескіе союзы Ерзовъ съ Русскими, вводящіе въ мордовскія семьи и женщинъ, и мужчинъ изъ Русскихъ, быстро покончатъ съ особенностями этого колѣна.

Другое колѣно Мокша; Мокшане обрусѣли меньше; стремленіе казаться Русскими вполнѣ существуетъ и у этого колѣна, и оно бросило мордовскій костюмъ, и оно дорожитъ русскимъ языкомъ, но все же Мокшанина сразу узнаешь. Быть можетъ, обрусѣніе ихъ задерживается оттого, что скученные исключительно въ Ю. З. углу уѣзда, они поневолѣ приходятъ чаще всего въ соприкосновеніе съ своимъ же братомъ Мордвиномъ; но супружескіе союзы, а съ ними неизбѣжные сватья и кумовья, вѣроятно и Мокшанъ скоро приблизятъ къ Русскимъ.

Еще меньше обрусѣли Чуваши; но и про нихъ нельзя сказать, чтобы они дорожили своею народностію, чтобъ не хотѣли казаться Русскими. Только женщины упорно отстаиваютъ свои особенности и почти не знаютъ по-русски, мужчины же и одѣваются, и говорятъ по-русски всѣ безъ исключенія. Напрасно тоже считаютъ ихъ наклонными къ магометанству: люди, переходящіе въ расколъ, едва ли способны сдѣлаться послѣдователями пророка. Дѣйствительно, есть въ Кузнецкомъ уѣздѣ чувашское селеніе, заподозрѣнное въ склонности къ Татарамъ: про него недавно еще носились слухи, что оно перешло въ магометанство и собирается поголовно отправиться въ Турцію. Насколько было основательнаго въ этихъ слухахъ — сказать не умѣемъ, но деревня эта и до сихъ поръ стоитъ на мѣстѣ. А вовсе неудивительно, что живя рядомъ съ Татарами, зная

хорошо ихъ языкъ, Сосновскіе Чуваши чаще получаютъ религіозныя и нравственныя наставленія отъ муллъ, чѣмъ отъ своего священника изъ за 7-ми верстъ, а потому очень можетъ быть, что они поддались въ извѣстной степени магометанству. Но во всякомъ случаѣ, Сосновка представляетъ исключеніе изъ общаго правила: она самое нерусское изъ всѣхъ чувашскихъ селеній.

При такомъ стремленіи Мордвы и Чувашей къ обрусѣнію, понятное дѣло, можно обучать ихъ грамотѣ исключительно по-русски. Начать ихъ учить сперва на родномъ языкѣ —значило бы насиловать ихъ, и училища для нихъ, проектируемыя Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, навѣрное можно сказать, сдѣлаются въ восточной Россіи разсадникомъ того же зла, съ которымъ, вотъ уже 40 лѣтъ почти, не могутъ справиться въ западной. Впрочемъ и сами Мордва и Чуваши разрѣшили уже вопросъ о томъ, какія училища имъ нужны: когда, по прекращеніи пособія изъ общественнаго сбора, во многихъ русскихъ селеніяхъ крестьяне закрыли училища, заведенныя у нихъ Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ, Мордва и Чуваши сохранили эти русскія училища, удержавши и прежнихъ учителей, и, въ случаѣ оставленія ими своихъ должностей, замѣняли ихъ Русскими же, незнающими ни одного инородческаго слова. Повторяемъ снова: дѣло обрусѣнія Мордвы и Чувашей стоитъ на хорошей дорогѣ, и оно быстро пойдетъ впередъ, безъ всякихъ помочей, не нужно только ставить препонъ ему въ родѣ, напр., перенесенія церкви изъ Сосновки за 7 верстъ. Въ Сосновкѣ же и церковь, и священникъ хорошій весьма нужны, чтобы противоборствовать мулламъ.

Третье инородческое племя въ Кузнецкомъ уѣздѣ—Татары представляютъ совершенную противоположность Мордвѣ и Чувашамъ, крѣпко отстаивая свою народность, крещеные и некрещеные. Мы думаемъ даже, что Канадейскіе Татары совершенно напрасно называются крещеными, едва ли даже они не исполняютъ обряда обрѣзанія. Вѣра дѣйствительно лежитъ широкой пропастью между ними и Русскими, но есть и другая пропасть —отечество: ихъ отечество Турція, ихъ государь —султанъ. Этому есть много доказательствъ.

Хотя взрослые Татары всѣ болѣе или менѣе усвоиваютъ русскій языкъ, все-таки ихъ сближеніе съ Русскими никогда нейдетъ дальше необходимыхъ дѣловыхъ сношеній. Фанатизмъ и корыстныя цѣли муллъ всѣми силами и средствами поддерживаютъ эту рознь, и нельзя было бы предвидѣть конца ей, если бы въ послѣднее время и муллы не начали дѣлаться такими же падкими къ водкѣ и прочимъ житейскимъ соблазнамъ, какъ и другіе смертные. Можно надѣяться, что это ослабитъ ихъ вліяніе на свою паству, и тогда дѣло обрусѣнія Татаръ пойдетъ впередъ. До тѣхъ же поръ никакія школы не помогутъ. При мечетяхъ школы уже есть: если Министерство Народнаго Просвѣщенія заведетъ въ татарскихъ селеніяхъ русскія школы, муллы не велятъ туда пускать дѣтей

какъ уже доказали школы палаты Государственныхъ Имуществъ; заведетъ оно школы полутатарскія по своему проекту: Татары, самое большее, станутъ посѣщать татарскіе классы, а въ русскіе и не заглянутъ. Такимъ образомъ русскія деньги пойдутъ на усиленіе розни.

Если можно принудить муллъ учить Татарчатъ по-русски, это было бы единственнымъ возможнымъ шагомъ къ скорѣйшему достиженію предположенной Министерствомъ цѣли.

Мы кончили отвѣтъ на предложенный Министерствомъ вопросъ, но не можемъ удержаться, чтобы не высказать слѣдующее: если Министерство Народнаго Просвѣщенія желаетъ завести инородческія школы (отъ которыхъ, по нашему мнѣнію, кромѣ вреда, ожидать ничего нельзя), стало быть у него есть деньги на это, — такъ не лучше ли употребить эти деньги на заведеніе хорошихъ школъ въ русскихъ селеніяхъ?

Поднимите русскаго крестьянина въ его собственныхъ глазахъ и въ глазахъ другихъ сословій; дайте ему сознаніе, что господинъ Русской Земли онъ, а не Татаринъ (хотя тотъ и владѣетъ лучшею землею, платитъ меньше податей, хоть тому, если онъ мало-мальски почище одѣтъ, и говорятъ всѣ «вы»): повѣрьте, тогда и Татары захотятъ сдѣлаться Русскими, никакіе муллы съ ахунами этому непомѣшаютъ.

Съ этимъ взглядомъ не согласился членъ отъ духовнаго вѣдомства *Дьяконовъ*, представившій особое мнѣніе слѣдующаго содержанія:

Для достиженія цѣли для образованія Татаръ, при соображеніи мѣстныхъ обстоятельствъ по сему предмету, признаю исключительно полезнымъ распространеніе русской грамотности между Татаръ. Татары не только не чуждаются, но и любятъ таковую. Это видно изъ того, что въ одномъ Кузнецкомъ уѣздѣ находится 17 татарскихъ училищъ, гдѣ обучаются дѣти грамотѣ въ предѣлахъ своего вѣроисповѣданія въ количествѣ 920 мальчиковъ. Учительскія должности въ училищахъ занимаютъ мѣстные муллы, которые не только мало знакомы съ русскимъ языкомъ, но и совсѣмъ грамоты русской не знаютъ; почему Татары, сознавая пользу русской грамотности, вынуждены бываютъ нерѣдко допускать для того въ свои школы русскихъ учителей, которымъ татарскій языкъ неизвѣстенъ, на что мы имѣемъ много въ виду примѣровъ. Но и эта мѣра, при самыхъ усиленныхъ трудахъ со стороны русскихъ учителей, не оправдываетъ вполнѣ заботливости Татаръ къ обученію дѣтей ихъ русской грамотѣ. Дѣти, которымъ совершенно русскій языкъ незнакомъ, затрудняются на каждомъ шагу пониманіемъ русскаго слова, переданнаго имъ учителемъ, неимѣющимъ возможности уяснить имъ таковаго на родномъ ихъ языкѣ, отчего ученіе становится тягостнымъ: дѣти теряютъ къ нему охоту и оставляютъ свои занятія. Изъ всего этого само по себѣ и открывается вѣрный способъ къ образованію Татаръ,

состоящій въ томъ, чтобы знаніе русскаго языка и грамотности, равно и обученіе тому дѣтей въ татарскихъ школахъ было для муллъ обязательно и помощниками къ мулламъ въ училища должны быть опредѣляемы только воспитанники семинаріи, и притомъ испытанной нравственности, преданные своему дѣлу. Тогда заботливость Татаръ по обученію ихъ дѣтей русской грамотѣ оправдается и двери къ просвѣщенію Татаръ будутъ открыты. Чтожъ относится до Чувашъ, то этотъ народъ по своей природѣ простъ и держится обычаевъ своихъ предковъ, самъ же по себѣ одинъ, безъ сношенія съ людьми образованными, доселѣ дикъ и невѣжественъ. При введеніи въ среду этого народа грамотности необходимо предварительно ознакомить его съ пользою грамотности въ отношеніи къ его жизни. Онъ склоненъ на все полезное, потому что считаетъ себя предъ всѣми народами униженнымъ и забытымъ. Татарскія училища, равно съ прочими, должны состоять подъ наблюденіемъ участковаго члена мѣстнаго училищнаго совѣта. Съ мнѣніемъ Дьяконова согласился и членъ отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія *Иванисовъ*.

Губернскій саратовскій училищный совѣтъ вполнѣ присоединился, съ своей стороны, къ мнѣнію Кузнецкаго училищнаго совѣта, находя его основательнымъ, какъ высказанное людьми, близко знающими дѣло.

Самарская губернія.

Губернскій училищный совѣтъ. Въ засѣданіи означеннаго совѣта, 19-го октября 1867 года, *слушали:* Предложеніе г. управляющаго округомъ помощника попечителя, отъ 10-го іюня 1867 года за № 1,966, въ которомъ изложено: «Въ концѣ прошлаго года былъ составленъ, подъ предсѣдательствомъ г. попечителя Казанскаго учебнаго округа, особый Комитетъ по предмету образованія инородцевъ, населяющихъ нѣкоторые уѣзды губерній, принадлежащихъ къ Казанскому учебному округу. Изложенныя въ засѣданіяхъ этого Комитета заключенія были представлены, 24-го декабря 1866 года за № 458, на благоусмотрѣніе Господина Министра Народнаго Просвѣщенія, сообщившаго нынѣ предписаніемъ, отъ 1-го апрѣля за № 2,458, что онъ передавалъ эти заключенія вмѣстѣ съ полученною отъ господина попечителя запискою г. Золотницкаго «О способахъ образованія Чувашей» на разсмотрѣніе состоящаго при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія Ученаго Комитета, для всесторонняго обсужденія этого важнаго вопроса, при участіи профессора С.-Петербургскаго университета Григорьева, какъ спеціалиста, близко знакомаго съ бытомъ инородцевъ. Въ настоящее время, разсмотрѣвъ всѣ обстоятельства этого дѣла

и сообразивъ мнѣнія, высказанныя по этому предмету, Его Сіятельство пришелъ къ убѣжденію въ необходимости и пользѣ поручить дѣло это окончательному соображенію училищныхъ совѣтовъ тѣхъ мѣстностей, въ коихъ обитаютъ инородцы. Въ сихъ видахъ, препровождая къ г. попечителю двѣсти семьдесятъ пять экземпляровъ печатной брошюры, въ которой изложены всѣ обстоятельства упомянутаго дѣла, Господинъ Министръ Народнаго Просвѣщенія предписываетъ сдѣлать распоряженіе о предложеніи возбужденныхъ по этому дѣлу вопросовъ на обсужденіе училищныхъ совѣтовъ тѣхъ мѣстностей, въ коихъ обитаютъ инородцы, съ тѣмъ, чтобы означенные совѣты составили подробные протоколы своимъ соображеніямъ, и протоколы эти, по разсмотрѣніи ихъ въ попечительскомъ совѣтѣ, въ который необходимо будетъ пригласить и гг. Золотницкаго и Ильминскаго, были представлены Его Сіятельству съ мнѣніемъ попечительскаго совѣта и заключеніемъ г. попечителя. Во исполненіе предложенія Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, имѣю честь покорнѣйше просить Самарскій губернскій училищный совѣтъ поручить уѣзднымъ училищнымъ совѣтамъ, въ вѣдѣніи которыхъ находятся или могутъ находиться инородческія школы, обсужденіе вопросовъ, возбужденныхъ по дѣлу образованія инородцевъ, и въ подробности изложенныя мнѣнія ихъ представить, чрезъ губернскій училищный совѣтъ, г. попечителю Казанскаго учебнаго округа. Препровождая при семъ 25 экземпляровъ означенной въ предписаніи Г. Министра печатной брошюры для передачи членамъ уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ, я считаю необходимымъ присовокупить, что, для всесторонняго разсмотрѣнія вопросовъ объ инородческихъ школахъ, гг. членамъ уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ весьма полезно бы было познакомиться съ подходящими къ этому дѣлу двумя статьями въ апрѣльской книжкѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за текущій годъ. Требующіеся для этого экземпляры упомянутаго журнала могутъ быть доставлены штатными смотрителями уѣздныхъ училищъ, и 2) дополнительное предложеніе отъ него же, отъ 3-го августа 1867 года за № 2,643, въ которомъ высказано: «Для той же самой цѣли, для которой была препровождена при отношеніи моемъ отъ 10-го іюня сего года за № 1,966, въ Самарскій «губернскій училищный совѣтъ брошюра, составленная по возбужденному вопросу «О способахъ образованія Чувашей», имѣю честь препроводить при семъ «двадцать же пять экземпляровъ высланной г. попечителю Казанскаго учебнаго «округа Департаментомъ Народнаго Просвѣщенія, при отношеніи отъ 23-го «іюня сего года за № 3,839, брошюры «По вопросу объ устройствѣ инородческихъ училищъ въ Казанскомъ учебномъ округѣ», покорнѣйше прося Самарскій губернскій училищный совѣтъ объ увѣдомленіи о результатахъ обсужденія всѣхъ обстоятельствъ по предмету образованія инородцевъ». По прочтеніи предложеній г. управляющаго Казанскимъ учебнымъ округомъ, помощника по-

печителя, дѣлопроизводителемъ, директоромъ Кудряшевымъ, заявлено было, что, вслѣдствіе предложеній г. управляющаго Казанскимъ учебнымъ округомъ, Самарскій губернскій училищный совѣтъ разослалъ вышеозначенныя брошюры 20-го іюля и 11-го августа 1867 года уѣзднымъ училищнымъ совѣтамъ съ предложеніемъ обсудить изложенный въ означенныхъ брошюрахъ вопросъ. Вслѣдствіе чего въ настоящее время получены слѣдующія донесенія отъ уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ:

1) Отъ *Николаевскаго* уѣзднаго училищнаго совѣта, при отношеніи отъ 28-го августа 1867 года за № 66. Въ протоколѣ Николаевскаго уѣзднаго училищнаго совѣта, отъ 15-го августа 1867 года за № 4, высказано: 1) «Такъ «какъ въ Николаевскомъ уѣздѣ нѣтъ ни Чувашъ, ни Черемисъ, ни другихъ «подобныхъ имъ народностей, то поэтому и возбужденные объ нихъ вопросы «оставить безъ разсмотрѣнія; и 2) что же касается Татаръ, которые прожива- «ютъ въ г. Николаевскѣ, и Башкиръ, населяющихъ восточную окрайну уѣзда «(обѣ эти народности исповѣдуютъ магометанскую вѣру), то объ нихъ собрать «всѣ нужныя свѣдѣнія и имѣть сужденіе въ слѣдующемъ засѣданіи, долженству- «ющемъ быть 25-го августа сего 1867 года, тогда и составить протоколъ, како- «вой и представить въ Самарскій губернскій училищный совѣтъ. Въ засѣданіи «же 25-го августа текущаго года состоялось слѣдующее постановленіе: «По со- «браннымъ свѣдѣніямъ г. штатнымъ смотрителемъ Соболевымъ и благочиннымъ «священникомъ Розаліевымъ оказалось, что: 1) инородцы (магометане) состо- «ятъ изъ Татаръ, жителей г. Николаевска, до 500 душъ мужскаго пола, и «Башкиръ, расположенныхъ аулами, числомъ до 10, по рѣкамъ: Чалыклѣ, Ка- «меннику и др.; 2) Татары, какъ проживающіе въ средѣ Русскихъ, а потому и «имѣющіе съ ними очень частыя сношенія, не только сами, но и ихъ дѣти, хотя «и плохо, умѣютъ объясняться на русскомъ языкѣ, и 3) какъ дознано отъ нѣ- «которыхъ, болѣе разумныхъ и болѣе развитыхъ Татаръ, они непрочь обучать «своихъ дѣтей чтенію, письму и счету по-русски, такъ какъ видятъ въ этомъ «прямую, существенную пользу для себя, а равно, въ будущности, и для своихъ «дѣтей. По разсмотрѣніи всего вышеизложеннаго, гг. члены Николаевскаго «уѣзднаго училищнаго совѣта, относительно введенія между Николаевскими «Татарами русскаго языка и грамотности, пришли къ слѣдующему заключенію: «а) Такъ какъ Татары, какъ выше сказано, умѣютъ уже говорить по-русски «и имѣютъ желаніе обучать своихъ дѣтей русской грамотности, то введеніе «чтенія, письма и счета по-русски въ ихъ школахъ при мечетяхъ, какъ кажет- «ся, было бы не лишне и своевременно. б) Обязанность преподаванія русской «грамоты возложить на мѣстныхъ муллъ; но какъ существующіе, по плохому «знанію русскаго языка, не годны, то было бы хорошо, впредь до того времени, «когда будутъ знающіе муллы, должности преподавателя предоставлять хоро-

«шо знающимъ русскій языкъ и другимъ лицамъ изъ ихъ же народности «(здѣсь разумѣются воспитанники Казанской школы). в) Положить жалованье «наставнику въ такомъ размѣрѣ, чтобы оно было не менѣе того, чѣмъ получа-«етъ учитель мѣстнаго приходскаго училища, изъ суммъ, которыя бы собира-«лись съ мѣстнаго татарскаго общества. г) Школы эти, наравнѣ со всѣми «другими, подчинить мѣстному училищному совѣту, такъ какъ онъ, чрезъ свой «надзоръ, а равно и чрезъ поощренія, можетъ болѣе развить охоту къ заня-«тіямъ у наставника, а слѣдовательно и улучшить самое дѣло, и д) Все сказан-«ное о Татарахъ можетъ быть примѣнимо и къ Башкирамъ, но только съ тою «разницею, что введеніе русской грамоты въ ихъ средѣ будетъ много труднѣе, «такъ какъ Башкиры, живущіе болѣе особнякомъ, а потому и имѣющіе «мало сношеній съ Русскими, мало представляются обрусѣлыми: они, а равно «ихъ дѣти, совершенно почти не понимаютъ русскаго языка, да и муллы ихъ «много невѣжественнѣе татарскихъ. Взаключеніе члены Николаевскаго уѣзд-«наго училищнаго совѣта не лишнимъ считаютъ присовокупить, что они сочув-«ствуютъ высказанному мнѣнію священникомъ Баратынскимъ о введеніи рус-«скаго языка и грамоты въ татарскихъ училищахъ, которое имъ представлено «слѣдующимъ образомъ: «обученіе русскому языку и грамотѣ всего успѣшнѣе «было бы исполнено муллами и ихъ хальфами, знающими хорошо русскій языкъ, «а потому, до введенія русскаго языка и грамотности въ училищахъ, предва-«рительно слѣдуетъ позаботиться о введеніи его, т. е. русскаго языка, въ «центральныхъ высшихъ медресахъ, изъ которыхъ выходятъ муллы и кото-«рымъ при ихъ поступленіи на должности вмѣнять въ непремѣнную обязан-«ность, чтобы они, въ своихъ школахъ, при преподаваніи магометанскаго за-«кона, заурядъ обучали бы дѣтей русскому языку и грамотѣ». Въ самомъ дѣ-«лѣ, что можетъ быть лучше развитаго муллы наставника? Если онъ развитъ «разумно, то, естественно, онъ не остановится на одномъ Алькоранѣ, а вздума-«етъ, хотя и вопреки запрещенію его, то есть Алькорана-то, заглянуть и въ на-«ши христіанскія книги, а можетъ быть познакомиться и съ литературою. Что «же можетъ онъ вынести изъ всего этого, т. е., изъ чтенія подобныхъ книгъ? «А можетъ извлечь то, что фанатизмъ его къ распространенію источныхъ уче-«ній ослабится, и слѣдовательно, какъ представитель магометанизма, онъ съ «меньшею силою будетъ защищать его, а по возможности будетъ заботиться о «проповѣдываніи, а слѣдовательно и о введеніи всего того, что болѣе разумно, «чѣмъ, конечно, хотя и нескоро, и подготовитъ путь къ сплоченію Татаръ и «Башкиръ съ русскою народностію во всѣхъ отношеніяхъ».

2) Постановленіе *Ставропольскаго* уѣзднаго училищнаго совѣта, состояв-шееся 1 сентября сего года, приложенное при отношеніи отъ 9 сентября 1867 года за № 11. Въ постановленіи Ставропольскаго уѣзднаго училищнаго совѣта

изложено: «Разсмотрѣвъ печатную брошюру, въ которой изложены всѣ обстоя-«тельства этого дѣла, и сообразивъ мнѣнія, высказанныя въ ней по этому пред-«мету, Ставропольскій уѣздный училищный совѣтъ, припоровливаясь къ настоя-«щему характеру инородческихъ школъ Ставропольскаго уѣзда, пришелъ къ «тому, что доводы и мнѣнія объ этомъ предметѣ, высказанные Ученымъ Комите-«томъ Министерства Народнаго Просвѣщенія (27 февраля 1867 года № 153), «вполнѣ согласны съ его убѣжденіями. А именно, разсматривая вопросы: 1) о «религіозно-нравственномъ образованіи инородцевъ вообще и обрусѣніи Чувашъ «въ особенности, и 2) о мѣрахъ къ обрусѣнію Татаръ-магометанъ, совѣтъ при-«шелъ къ тому же заключенію, къ какому и Ученый Комитетъ, что въ инород-«ческихъ школахъ вообще языкомъ преподаванія долженъ быть русскій языкъ, «а мѣстныя нарѣчія могутъ служить лишь орудіемъ при первоначальномъ об-«ученіи. Завѣдываніе же инородческою школой предоставить тому, кто болѣе «имѣетъ способности къ педагогическому дѣлу. Что же касается до мѣръ къ «обрусѣнію Татаръ-магометанъ, то совѣтъ согласенъ вполнѣ съ мѣрою, предла-«гаемою г. профессоромъ Григорьевымъ,— именно: распоряженіе, чтобы высшія «званія въ магометанской духовной іерархіи давались лишь мулламъ, которые «будутъ знать хорошо по-русски, что уже, какъ заявилъ о томъ одинъ изъ чле-«новъ Ставропольскаго училищнаго совѣта, отъ Министерства Внутреннихъ «Дѣлъ, Яблоновскій, вводится въ Самарской губерніи по распоряженію Самар-«скаго губернскаго правленія».

3) Отношеніе предсѣдателя *Бузулукскаго* уѣзднаго училищнаго совѣта штат-наго смотрителя Иванова, отъ 18 сентября 1867 года за № 70, въ которомъ изложено слѣдующее: «Имѣю честь сообщить результаты обсужденія вопросовъ, «возбужденныхъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, по дѣлу образованія «инородцевъ въ районѣ Казанскаго учебнаго округа, обсужденія, состоявшагося «въ Бузулукскомъ училищномъ совѣтѣ, вслѣдствіе предложенія губернскаго со-«вѣта, отъ 20 іюля за № 33. Общія положенія Ученаго Комитета, относительно «мѣропріятій къ образованію инородцевъ, какъ цѣлесообразныя, Бузулукскимъ «училищнымъ совѣтомъ раздѣляются вполнѣ. По отношенію же къ образованію «чувашскаго населенія Бузулукскаго уѣзда въ частности, училищный совѣтъ, «принимая въ соображеніе немногочисленность этого населенія, разселенность его «между Русскими, достаточное пониманіе имъ русскаго языка, умѣніе его объ-«ясняться кое-какъ по-русски и, наконецъ, принадлежность его къ православ-«ной церкви, находитъ, что въ устройствѣ школъ, на основаніи положеній Уче-«наго Комитета, нѣтъ крайней необходимости, а за лучшее признаетъ принять «мѣры къ привлеченію чувашскихъ дѣтей въ школы уже существующія и въ осо-«бенности въ церковно-приходскія. Такъ какъ дѣло заохотить учиться Чуваш-«скихъ дѣтей находится въ рукахъ мѣстныхъ священниковъ, какъ наставниковъ

«въ означенныхъ школахъ, то лучшею мѣрою къ тому, по мнѣнію совѣта, было бы «расположить сихъ послѣднихъ къ этому труду назначеніемъ имъ за обученіе «чувашскихъ дѣтей вознагражденія въ размѣрѣ отъ 1 до 3 рублей за каждаго «учащагося, смотря по степени успѣшности. Вознагражденіе это могло бы быть «отнесено на счетъ суммы, ежегодно ассигнуемой правительствомъ въ пособіе «школамъ, или на счетъ пособія отъ земства. Совѣтъ, впрочемъ, считаетъ не «безполезнымъ устроить въ мѣстности съ значительно-преобладающимъ чуваш«скимъ населеніемъ училище, на основаніяхъ, предлагаемыхъ Ученымъ Коми«тетомъ; но осуществленіе этого предпріятія находитъ себѣ пока необходимое «препятствіе въ пріисканіи наставника, знакомаго съ чувашскимъ нарѣчіемъ,— «даже ни одинъ священникъ чувашскихъ приходовъ не владѣетъ имъ».

4) Копія съ протокола *Бугульминскаго* уѣзднаго училищнаго совѣта, отъ 25-го сентября 1867 года, представленная при отношеніи отъ 27-го сентября 1867 года за № 52. Изъ означенной копіи съ протокола видно, что члены Бугульминскаго уѣзднаго училищнаго совѣта выразили единогласно слѣдующія мнѣнія по возбужденнымъ вопросамъ: а) «Инородческій языкъ для дѣтей кре«щеныхъ инородцевъ долженъ служить только пособіемъ для учителя, какъ «средство легче уяснить малоразвитымъ еще дѣтямъ религію и тѣ первона«чальныя понятія, которыя желалъ бы сообщить ему учитель; но для достаточ«но уже привыкнувшихъ къ школѣ и развившихся учениковъ русскій языкъ «надлежитъ дѣлать преимущественнымъ. Совѣтъ противъ того, чтобы инородче«скій языкъ сдѣлать языкомъ школы и жизни.

б) «Для татарскихъ (магометанскихъ) школъ также необходимо совмѣстное «изученіе и татарской и русской грамоты, такъ какъ для жителей мѣстно«сти, гдѣ находится школа, было бы обиднымъ пренебреженіе въ ней роднаго «языка и грамоты. Бывшая Карабашевская школа въ Бугульминскомъ уѣздѣ «пала оттого, что тамъ преподавалась русская грамота, а татарская грамота, «по неумѣнію учителя, шла очень плохо. Послѣ этого совѣтомъ тотчасъ же «возбужденъ вопросъ: откуда же взять сколько нибудь способныхъ учителей, «которые бы знали грамоты и языкъ русскій и татарскій и, такимъ образомъ, «служили бы лучшимъ привлеченіемъ магометанъ въ школы, гдѣ преподается «ихъ грамота и законъ, а съ другой стороны и орудіями къ большему раз«витію русской рѣчи въ магометанской массѣ?

в) «Для чисто-магометанскихъ школъ учителя могутъ приготовляться или «въ особо устроенныхъ татарскихъ уѣздныхъ училищахъ, гдѣ будетъ идти пре«подаваніе на татарскомъ (напримѣръ Коранъ) и на русскомъ языкѣ (прочіе «предметы). Допущеніе русскихъ мальчиковъ въ подобныя училища совѣтъ счи«таетъ неумѣстнымъ; наоборотъ же, въ существующія русскія уѣздныя училища «могутъ приниматься татарскія дѣти, для большаго пріученія къ русскому язы-

«ку и болѣе сильнаго сближенія съ Русскими. Примѣры такого допущенія мы «видимъ въ Мензелинскѣ и Бугульмѣ, гдѣ въ уѣздныхъ училищахъ учатся «Башкиры, но, къ сожалѣнію, большинство ихъ не знаетъ родной грамоты. Чтобы приготовить этихъ мальчиковъ къ учительскому званію въ татарскія школы, нужно только содержать при училищахъ или грамотнаго Татарина или «муллу, который бы раза два или три въ недѣлю и въ русскіе праздничные дни «занимался съ ними по-татарски. Владѣя довольно хорошо русскою рѣчью и «грамотою и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отлично говоря по-татарски, эти мальчики легко «изучатъ татарскую грамоту, какъ свою родную, и письменно, и впослѣдствіи «могутъ быть полезными какъ учители татарскихъ и башкирскихъ школъ, особенно при знаніи русскаго и роднаго языковъ. г) Совѣтъ предполагаетъ, что «исключительное преподаваніе на русскомъ языкѣ, дѣйствительно по необходимости, пріучитъ инородческихъ дѣтей къ послѣднему; но пользы быть не можетъ уже потому, что многаго изъ объясняемаго инородецъ не пойметъ. Ученики изъ Башкиръ при Бугульминскомъ уѣздномъ училищѣ, владѣя очень «сносно русскимъ языкомъ, часто прибѣгаютъ, у себя дома, по предметамъ уроковъ, къ своему языку, особенно ученики 1-го класса. д) Относительно учебныхъ пособій, набора учениковъ въ школы и содержанія въ нихъ дѣтей, училищный совѣтъ вполнѣ раздѣляетъ мнѣніе Ученаго Комитета (27-го февраля «1867 года). е) Относительно мѣръ, которыя можетъ принять Бугульминскій «училищный совѣтъ, члены его выразили слѣдующее: Большинство инородцевъ «Бугульминскаго уѣзда состоитъ изъ Татаръ, Башкиръ и Мордвы (бо̀льшая «часть крещеные). Поэтому совѣтъ постановилъ просить Бугульминскую земскую управу, которой ближе извѣстенъ бытъ разныхъ мѣстностей уѣзда, указать на болѣе благопріятныя для учрежденія училищъ мѣстности и своимъ «вліяніемъ убѣдить жителей къ открытію школъ, на первый разъ, хотя въ двухъ «селахъ: въ одномъ татарскомъ и въ другомъ мордовскомъ. Учителями для татарскихъ школъ могутъ съ успѣхомъ служить ученики Бугульминскаго уѣзднаго училища изъ Башкиръ, а для мордовскихъ — священники, которымъ извѣстенъ языкъ прихожанъ. Успѣшный ходъ этихъ школъ можетъ послужить «поводомъ къ учрежденію ихъ въ другихъ инородческихъ мѣстностяхъ».

5) Копія съ журнала *Новоузенскаго* уѣзднаго училищнаго совѣта, отъ 15 сентября 1867 года за № 11, присланная при отношеніи отъ 10 октября сего года за № 393. Изъ означенной копіи съ журнала видно, что Новоузенскій уѣздный училищный совѣтъ мнѣніемъ своимъ положилъ: «Новоузенскій уѣздъ населяютъ Русскіе, колонисты-Нѣмцы, римско-католики и лютеране, Татары-«магометане, Мордва и Киргизы; Башкиръ, Тептярей и Чувашъ въ уѣздѣ вовсе «нѣтъ. За 1866 годъ, какъ видно изъ *Самарскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей* 1867 года №№ 6 и 9, числилось Русскихъ, со включеніемъ раскольни-

«ковъ-молоканъ (мужскаго 1,767, женскаго 1,914, обоего 3,681 душъ) и так-«же Мордвовъ, коихъ можно считать уже обрусѣвшими, мужскаго 59,994, жен-«скаго 61,930, а обоего пола 121,924 души; Нѣмцевъ-католиковъ: мужскаго «12,107, женскаго 11,684 души; Нѣмцевъ-лютеранъ: мужскаго 27,930, жен-«скаго 27,971 душъ, а всего Нѣмцевъ мужскаго и женскаго пола 78,692 души. «Татаръ-магометанъ: мужскаго 3,218, женскаго 3,375, обоего 6,593 души. Изъ «этихъ цифръ видно, что въ Новоузенскомъ уѣздѣ самую бо̀льшую численность «составляютъ Русскіе, а самую меньшую Татары-магометане, которые всѣ жи-«вутъ отдѣльными отъ Русскихъ селеніями, и самая малая часть коихъ живетъ «среди Русскихъ. Татарскихъ деревень въ уѣздѣ пять, именно: Алтата, въ 12 «верстахъ отъ села Дергачей; Сафаровка, Пенделка тожъ, въ 25 верстахъ «отъ Алтаты, въ степи; Верхасовка, Красненькая тожъ, въ 6 верстахъ отъ «Сафаровки; Осиповъ Гай, въ 6 верстахъ отъ села Новорѣпнаго, и Лепашин-«ка, въ верстахъ 25 отъ Дьяконовки. До 1866 г., при перечисленіи нѣ-«которыхъ изъ нихъ въ г. Новоузенскъ въ купечество, состояло въ городѣ 10 «дворовъ некрещеныхъ Татаръ, и въ нихъ 59 мужскаго и 65 женскаго пола «душъ; но съ нынѣшняго 1867 года насчитывается ихъ въ городѣ только 6 «дворовъ, и въ нихъ 17 душъ мужскаго и 20 душъ женскаго; въ приходской «города Новоузенска деревнѣ Лохмашкиной считается Татаръ-мѣщанъ 3 двора, «и въ нихъ мужскаго 11, женскаго 10 душъ, а всего въ городѣ и въ деревнѣ «Лохмашкиной некрещеныхъ Татаръ-мѣщанъ: 9 дворовъ, и въ нихъ 58 душъ «обоего пола. Въ означенныхъ деревняхъ татарскихъ имѣются свои школы, «подъ наблюденіемъ и управленіемъ главнаго ихъ ахуна, проживающаго въ де-«ревнѣ Пенделкѣ, человѣка очень вліятельнаго и со властію, простирающеюся «даже и на общественный быть Татаръ. Насколько здѣшніе Татары еще не-«приступны къ русской грамотности, можно вывести изъ слѣдующаго случая.

«Въ недавнее время, какъ передавалъ Дергачевскаго волостнаго правленія «писарь Курбашовъ, вздумали прислать чрезъ волостное правленіе изъ какого-то «книжнаго склада русскихъ букварей и прописей, для раздачи ихъ по татар-«скимъ школамъ, рублей на 40; Татары не приняли и тотчасъ возвратили всю «посылку въ волостное правленіе, отзываясь, что законъ ихъ не дозволяетъ имъ «этого. По этому можно судить, что заводить русскія школы въ ихъ деревняхъ, «по крайней мѣрѣ на первый разъ, весьма трудно, а можно сказать еще и «преждевременно. Соображаясь съ таковыми мѣстными обстоятельствами, уѣзд-«ный совѣтъ полагалъ бы: а) Чтобъ сколько нибудь на первый разъ располо-«жить Татаръ-магометанъ къ обученію дѣтей ихъ русской грамотѣ, нужно «исподволь стараться привлекать дѣтей татарскихъ въ общія христіанскія учи-«лища, и на первый разъ только въ училища, состоящія въ уѣздномъ городѣ, «гдѣ можно бы открыть для сего и особый приготовительный классъ, съ рус-

«скимъ учителемъ, на содержаніи изъ общественныхъ сборовъ. Около дѣтей «русскихъ и татарскія невольно привыкали бы къ русскимъ обычаямъ и язы-«ку, а современемъ и къ самому христіанству. А между тѣмъ б) съ помощію «мировыхъ посредниковъ и волостныхъ правленій, стараться расположить Та-«таръ, чтобы при каждой мусульманской школѣ непремѣнно былъ классъ для «обученія руской грамотѣ, при русскомъ непремѣнно учителѣ, нарочно для «того избираемомъ, который и долженъ состоять подъ наблюденіемъ училищ-«наго совѣта. Сей послѣдній чрезъ это могъ бы имѣть благовидный доступъ «къ общенію съ самими Татарами, а чрезъ доброе и умное общеніе и къ неза-«мѣтному распространенію понятій о христіанствѣ».

По обсужденіи заявленнаго въ протоколахъ уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ Самарской губерніи, а также и мнѣній, изложенныхъ какъ въ брошюрахъ, присланныхъ въ губернскій училищный совѣтъ начальствомъ Казанскаго учебнаго округа, такъ и въ выпискѣ изъ журнала Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія отъ 27-го февраля 1867 года, члены *Самарскаго губернскаго училищнаго совѣта* и приглашенныя въ засѣданіе лица пришли къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Въ школахъ мѣстностей, населенныхъ Мордвою, все обученіе должно быть на русскомъ языкѣ, такъ какъ мордовское племя совершенно почти уже усвоило себѣ языкъ русскій.

2) Въ селеніяхъ Чувашъ и крещеныхъ Татаръ, гдѣ русскій языкъ уже усвояется, обученіе должно быть на русскомъ языкѣ.

3) Въ селеніяхъ чувашскихъ и крещеныхъ Татаръ, гдѣ рускій языкъ еще не распространился, первоначальное обученіе должно быть изустное на племенномъ языкѣ, причемъ учителя должны преимущественно заботиться о томъ, чтобы дѣти усвоили себѣ разговорный русскій языкъ; затѣмъ, по достиженіи этой цѣли, перейдти уже къ обученію дѣтей русской грамотѣ, причемъ все непонятное дѣтямъ должно быть объясняемо на родномъ ихъ языкѣ; при этомъ не полагать срока обученію изустному, ибо успѣхъ усвоенія дѣтьми русскаго разговорнаго языка зависитъ отъ умѣнія учителя вести взятое на себя дѣло.

4) Признавая, что переведенныя съ рускаго языка на языкъ инородцевъ учебныя пособія могутъ приносить большую пользу, какъ руководство для учителей, совѣтъ не считаетъ нужнымъ особенно заботиться о распространеніи между инородцами этихъ переводовъ, дабы не сдѣлать языкъ инородцевъ языкомъ книжнымъ и не воспрепятствовать тѣмъ какъ усвоенію инородцами языка русскаго, такъ и тѣснѣйшему сближенію ихъ съ господствующимъ населеніемъ Имперіи.

5) Для успѣшнаго распространенія русской грамотности между Татарами-

магометанами, губернскій училищный совѣтъ признаетъ необходимымъ, чтобы лица, желающія быть муллами, не только умѣли говорить, но и читать и писать по-русски; на такихъ муллъ преимущественно и возложить обязанность распространенія русскаго языка и грамотности между Татарами-магометанами. Причемъ однимъ изъ приглашенныхъ къ засѣданію совѣта лицъ заявлено было о томъ, что законно было бы отъ Татаръ-магометанъ требовать, чтобы во всѣхъ актахъ, гдѣ нужна подпись Татарина, таковая подпись грамотнаго Татарина была дѣлаема на русскомъ языкѣ. Съ этимъ мнѣніемъ согласились всѣ присутствовавшія въ засѣданіи лица.

6) Распространеніе русской грамотности между инородцами можетъ идти успѣшно только тогда, когда эта обязанность возложена будетъ на людей вполнѣ къ тому приготовленныхъ; въ настоящее же время въ школахъ, которыя находятся въ инородческихъ селеніяхъ, немного такихъ учителей, которые съ успѣхомъ могли бы вести свое дѣло; главная же причина неуспѣха заключается въ томъ, что учителя незнакомы съ языкомъ того населенія, въ кругу котораго сосредоточивается вся ихъ дѣятельность. Поэтому приготовленіе нужныхъ для дѣла учителей составляетъ въ Самарскомъ краѣ насущную потребность. Чтобы удовлетворить этой потребности, губернскій училищный совѣтъ считаетъ необходимымъ учрежденіе въ Самарѣ *учительской школы* которая состояла бы подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ преосвященнаго Герасима, епископа Самарскаго и Ставропольскаго, для чего и нужно изыскать достаточныя средства. Взаключеніе засѣданія, присутствовавшій въ немъ, по приглашенію губернскаго училищнаго совѣта, членъ губернскаго статистическаго комитета, управляющій удѣльною конторою, Петръ Александровичъ Рихтеръ, предложилъ отъ себя доставить губернскому училищному совѣту подробныя статистическія свѣдѣнія объ инородцахъ Самарскаго края. Лица, присутствовавшія въ засѣданіи, съ глубокою благодарностію приняли предложеніе г. Рихтера, и положили въ слѣдующемъ засѣданіи, по предъявленіи г. Рихтеромъ статистическихъ свѣдѣній объ инородцахъ Самарскаго края, закончить обсужденіе вопроса объ училищахъ для инородческихъ дѣтей въ Казанскомъ учебномъ округѣ.»

Членъ и дѣлопроизводитель Самарскаго губернскаго училищнаго совѣта, директоръ училищъ *Н. Кудряшевъ.*

Вятская губернія.

Сарапульскій училищный совѣтъ. 1868 года мая 10 дня, вслѣдствіе предписанія губернскаго училищнаго совѣта, основаннаго на распоряженіи Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, Сарапульскій уѣздный училищный совѣтъ, состоящій изъ предсѣдателя, надворнаго совѣтника А. П. Попова, и членовъ: уѣзднаго судьи О. А. Радзиֵшевскаго, протоіерея П. П. Анисимова, штатнаго смотрителя училищъ В. Д. Курбатова и купца А. А. Старкова, — слушалъ: 1) выписку изъ журнала Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія отъ 27-го февраля 1867 года за № 153-мъ; 2) записку священника Баратынскаго «О введеніи русскаго языка въ татарскія училища»; 3) его же «Проектъ объ устройствѣ сельскихъ училищъ Буинскаго уѣзда»; 4) журналъ засѣданія особаго въ Казани Комитета «по образованію инородцевъ» и, наконецъ, 5) записку г. Золотницкаго «По вопросу о способахъ къ образованію Чувашъ».

Такъ какъ во всѣхъ этихъ постановленіяхъ и запискахъ возбуждены главнымъ образомъ слѣдующіе вопросы: 1) на какомъ языкѣ должно быть ведено преподаваніе въ инородческихъ школахъ — на русскомъ или на инородческомъ нарѣчіи; 2) какой долженъ быть порядокъ ученія, какъ во времени, такъ и въ распредѣленіи предметовъ по классамъ, и 3) кто долженъ быть распорядителемъ школою — священникъ или свѣтское лицо? — совѣтъ, по обсужденіи всѣхъ этихъ пунктовъ, пришелъ къ слѣдующему заключенію:

1) На какомъ языкѣ должно быть обученіе въ инородческихъ школахъ? Конечно, на томъ, какой понимаютъ дѣти, потому что если бы, напр., въ нашу любую русскую школу ввести китайскій языкъ съ учителемъ Китайцемъ, ни одного слова незнающимъ по-русски, то всякій можетъ вообразить себѣ, насколько такая школа можетъ быть успѣшна. Подобное обученіе, какъ вѣрно выразился г. Золотницкій въ своей запискѣ, «безчеловѣчно насилуетъ умственныя способности ребенка, убивая самодѣятельность мысли и превращая въ машину». Итакъ совѣтъ вполнѣ согласенъ съ мнѣніемъ г. Золотницкаго, что неуспѣшность инородческихъ школъ, равнодушіе, даже отвращеніе дѣтей отъ грамоты происходятъ именно отъ той, очень простой и естественной причины, что дѣти не знаютъ русскаго языка, не понимаютъ о чемъ говорятъ имъ и чему учатъ. Однакожъ вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтъ не раздѣляетъ вполнѣ и взглядъ г. Золотницкаго въ томъ, что, въ видахъ успѣшности школъ инородческихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ обрусѣнія, — ввести главнымъ языкомъ въ школу инородческій языкъ, который бы былъ все время языкомъ преподаванія и даже до нѣкоторой степени возвести его на степень языка литературнаго.

Въ Сарапульскомъ уѣздѣ три рода инородцевъ: Татары, Вотяки и частію Черемисы. Татарскій языкъ, конечно, имѣетъ свою грамматику, есть уже языкъ развитый; но для вотякскаго и черемисскаго, языковъ чрезвычайно бѣдныхъ, едва ли возможно какое либо образованіе, едва ли можно ввести ихъ въ грамматическую форму, и все это дѣлать для того только, чтобы пробудить въ этой, какъ мѣтко выразился г. попечитель Казанскаго учебнаго округа, безурядной массѣ самолюбіе и уваженіе къ ихъ языку. Напротивъ, было бы, кажется, вѣрнѣе и проще достичь предположенной цѣли слитія этихъ племенъ съ русскою жизнію, обрусѣнія ихъ, — избравъ средину между двумя противоположными крайностями во взглядахъ на методъ обученія. Этотъ взглядъ, съ которымъ училищный совѣтъ вполнѣ согласенъ, хорошо выраженъ членомъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, г. Георгіевскимъ, въ своей запискѣ, а именно, въ видахъ обученія всѣхъ вообще инородцевъ языкомъ всѣхъ нашихъ инородческихъ школъ долженъ быть языкъ русскій, а инородческій долженъ быть только орудіемъ при обученіи, языкомъ объяснительнымъ. Изъ этого, конечно, слѣдуетъ, что учитель непремѣнно долженъ знать языкъ того племени, дѣтей котораго онъ учитъ. При помощи инородческаго языка преподаватель долженъ учить практически русскому разговорному языку чрезъ ознакомленіе дѣтей съ окружающими ихъ предметами и явленіями; такимъ образомъ, этимъ нагляднымъ путемъ пріучать, знакомить инородческихъ дѣтей съ русскимъ языкомъ и грамматикой. Въ видахъ же религіозно-нравственнаго воспитанія инородческихъ дѣтей, конечно кромѣ Татаръ, вести бесѣды на ихъ языкѣ изъ замѣчательныхъ событій Ветхаго и Новаго Завѣта, и изученіе съ сознательнымъ объясненіемъ молитвъ и заповѣдей. Такимъ образомъ, изучая въ одно и то же время русскій языкъ и грамоту, и изучая притомъ разумно, съ сознаніемъ, — инородцы съ большимъ довѣріемъ будутъ обращаться къ школамъ, что, кажется, скорѣе послужитъ и къ ихъ обрусѣнію; усвоеніе же христіанскихъ истинъ посредствомъ ихъ языка и сознательно — само собою можетъ служить и вѣрнымъ противодѣйствіемъ пропагандѣ исламизма.

2) Что же касается методы преподаванія и программы, то совѣтъ училищный и здѣсь находитъ вѣрнымъ взглядъ г. Георгіевскаго, выраженный въ его запискѣ. Съ своей стороны, совѣтъ полагаетъ нужнымъ прибавить къ его программѣ: предметные уроки по Песталоцци, что вводится совѣтомъ во всѣ училища уѣзда, въ видахъ осмысленнаго ознакомленія со всѣмъ окружающимъ, посредствомъ живыхъ бесѣдъ учителя съ учениками. Кромѣ того, во всѣхъ школахъ больше бы дать мѣста умственнымъ вычисленіямъ по методѣ Груббе, выкладкамъ на счетахъ, письму подъ диктовку и, наконецъ, оканчивающихъ курсъ знакомить съ законами и учрежденіями, относящимися въ особенности къ крестьянскому быту, — что все тоже вводится въ школы Сарапульскаго уѣзда.

3) Кто долженъ быть распорядителемъ школъ: духовныя или свѣтскія лица? Хотя совѣтъ и вполнѣ сознаетъ, что священникъ, какъ пастырь въ своемъ приходѣ, долженъ бы быть пастыремъ и распорядителемъ по училищу, но справедливость требуетъ сказать, что по отзывамъ многихъ, касающимся не одной здѣшней губерніи, большая часть училищъ, бывшихъ въ вѣдѣніи Государственныхъ Имуществъ, гдѣ распорядителями и наставниками школъ были священники, шли по успѣшности, относительно, хуже удѣльныхъ училищъ, гдѣ священники были только законоучителями. Причина этому вѣроятно заключалась въ трудахъ священниковъ по исполненію ихъ прямой обязанности, почему и занимались они, по необходимости, въ школѣ урывками; кромѣ того, кажется, большинствомъ священниковъ не усвоенъ и мало знакомъ языкъ прихожанъ въ селахъ инородческихъ, — что тоже имѣетъ большое вліяніе на неуспѣхъ школъ. Итакъ все это невольно ведетъ къ тому заключенію, что главная дѣятельность по школѣ, пожалуй даже и завѣдываніе ею, должны лежать на свѣтскомъ учителѣ, хорошо знающемъ мѣстное нарѣчіе.

Учебныя книги и пособія для всѣхъ вообще сельскихъ училищъ, конечно, должны быть высылаемы совѣтомъ и управами—всѣ тѣ, какія одобрены Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія и Духовнымъ вѣдомствомъ.

Что касается времени отлучки всѣхъ вообще крестьянскихъ дѣтей на вакацію, то, имѣя въ виду необходимость большинства крестьянъ въ помощи своихъ дѣтей при сельскихъ работахъ, совѣтъ полагаетъ отпускать съ 23-го апрѣля по 10 мая — на время посѣва; съ этого времени опять собирать дѣтей для ученія и экзаменовъ до 15 іюня, а тамъ уже отпускать на всѣ слѣдующія работы до 15 сентября. Затѣмъ совѣтъ находитъ полезнымъ обязать родителей посылать дѣтей своихъ втеченіе круглаго года въ церковь, и чтобы послѣ обѣдни законоучители, или мѣстные священники, въ училищѣ или гдѣ сочтутъ удобнымъ, занимались бы съ дѣтьми, хотя часа съ полтора, чтеніемъ и объясненіемъ Евангелія, праздниковъ, постовъ и проч. Но воскресныя занятія имѣли бы, въ особенности, большое значеніе во время страдной поры, потому что они, въ этотъ большой пробѣлъ между занятіями, освѣжали бы въ памяти учениковъ тѣ знанія, какія они пріобрѣли въ учебное время.

Наконецъ, по вопросу — обязательный или необязательный способъ обученія принять въ инородческихъ училищахъ? —совѣтъ болѣе склоняется въ пользу необязательнаго. Если обученіе въ школахъ идетъ нормальнымъ путемъ, если учитель занимается своимъ дѣломъ усердно и съ любовію, то родители сочувственно поймутъ и оцѣнятъ пользу ученія и будутъ отдавать дѣтей безъ принужденія. За все это говорятъ факты: когда въ бывшихъ деревенскихъ школахъ Сарапульскаго уѣзда были учителями малограмотные крестьяне, то понѣскольку только учениковъ держалось по школамъ и то съ самымъ неаку-

*

ратнымъ посѣщеніемъ классовъ; но когда совѣтомъ были вызваны всѣ эти учителя на экзаменъ, а затѣмъ малограмотные замѣнены болѣе достойными учителями, то теперь эти сельскія училища и школы, замѣтно, болѣе стали пріобрѣтать довѣріе со стороны родителей, судя какъ по самому количеству учениковъ, такъ и по акуратному посѣщенію дѣтьми школъ. На подлинномъ написано: Предсѣдательствующій членъ, надворный совѣтникъ А. Поповъ; членъ отъ земства, надворный совѣтникъ О. Радзишевскій; членъ отъ города купецъ Старковъ. «Подъ симъ журналомъ подписываюсь съ таковымъ мнѣніемъ «по 3-му пункту, въ коемъ сказано: «главная дѣятельность по школѣ, пожалуй, «даже завѣдываніе ею, должны лежать на свѣтскомъ учителѣ, хорошо знающемъ «мѣстное нарѣчіе».—Въ настоящее время еще мало обрѣтается хорошо образо-«ванныхъ учителей въ сельскихъ школахъ изъ свѣтскихъ людей, но опредѣля-«ются на сіи должности большею частію неокончившіе курсъ полнаго ученія «въ семинаріяхъ, или въ гимназіяхъ: потому поручать такимъ лицамъ главную «дѣятельность по школамъ, или даже завѣдываніе оными, небезопасно ни въ «нравственномъ, ни въ научномъ отношеніяхъ. Нужно желать, чтобы мѣстные «сельскіе священники, въ видахъ лучшаго образованія своихъ приходовъ, имѣ-«ли бдительное наблюденіе какъ за школами, такъ и за новыми свѣтскими «учителями, аттестація которыхъ мало извѣстна, или не опредѣлилась еще со-«вершенно». Членъ училищнаго совѣта, протоіерей Павелъ Анисимовъ; членъ и дѣлопроизводитель совѣта, штатный смотритель училищъ В. Курбатовъ.

Мнѣніе предсѣдателя Вятскаго уѣзднаго училищнаго совѣта протоіерея Фармаковскаго. Прежде подробнаго изложенія своихъ мыслей, мы считаемъ нужнымъ объясниться, что въ настоящей статьѣ мы занимаемся собственно только одною, но, конечно, существенною и главною частью — именно разрѣшеніемъ вопроса: какъ учить русскому языку и православной вѣрѣ Вотяковъ, Черемисъ и Татаръ, составляющихъ главную массу инородцевъ Вятской губерніи? Какъ устроить школы этихъ инородцевъ въ хозяйственномъ и матеріальномъ отношеніи? — Этотъ вопросъ не представляетъ, по нашему мнѣнію, особенныхъ затрудненій въ Вятской губерніи, и, во всякомъ случаѣ, составляетъ предметъ заботы и разсужденій для мѣстныхъ земскихъ учрежденій, которыя не обременятся сдѣлать всевозможное для матеріальнаго устройства своихъ училищъ, особенно если эти училища будутъ оправдывать ихъ ожиданія и соотвѣтствовать ихъ желаніямъ и видамъ. Другое дѣло — учебное устройство инородческихъ школъ, система обученія, которой надобно держаться учителямъ въ школахъ сего рода. Эта сторона вопроса стоитъ особеннаго вниманія и она-то собственно и возбуждаетъ споры, недоумѣнія и опасенія.

Какъ же должны быть устроены и ведены въ инородческихъ мѣстностяхъ

начальныя училища, чтобы инородческія дѣти и охотно вступали въ нихъ, и выходили изъ нихъ дѣйствительно просвѣщенными христіанами и настоящими Русскими по языку, по гражданскому чувству и по всему своему образованію? Такъ формулированъ вопросъ объ инородческихъ школахъ въ брошюрѣ, разосланной въ прошедшемъ году по учебнымъ заведеніямъ Казанскаго учебнаго округа г. попечителемъ онаго.

Никто, конечно, не станетъ спорить, что школы, которыя будутъ давать инородцамъ полезныя и необходимыя для нихъ знанія, будутъ вести къ этимъ знаніямъ путемъ разумнымъ, вѣрнымъ и легкимъ, — которыя, пробуждая смыслъ и любознательность въ инородческихъ дѣтяхъ, сообщатъ имъ нѣкоторую увѣренность въ себѣ и въ своемъ человѣческомъ достоинствѣ и нѣкоторую внѣшнюю политуру; такія школы всегда будутъ имѣть и привлекать къ себѣ учениковъ. Полезному и необходимому люди всегда будутъ учиться, и рады учиться.

Многіе изъ нынѣшнихъ учителей, придерживающіеся однихъ и тѣхъ же пріемовъ, какъ при обученіи русскихъ, такъ и инородческихъ дѣтей, усаживая Вотяковъ и другихъ инородцевъ, не знающихъ русскаго языка, за русскіе азы и заставляя долбить безъ сознанія и понятія молитвы, увѣрены, разумѣется, что дѣлаютъ дѣло и полезное и необходимое для инородцевъ: къ несчастію, ученики и ихъ родители не раздѣляютъ и никакъ не могутъ раздѣлять такой увѣренности своихъ педагоговъ, потому что механическое умѣніе разбирать и читать слова русской или славянской книги, не соединяющееся съ умѣніемъ пользоваться содержаніемъ книги, механическое затверживаніе молитвъ, не сопровождаемое пониманіемъ и отличающееся всякаго рода искаженіемъ этихъ молитвъ какъ при прочтеніи ихъ наизусть, такъ и при писаніи ихъ на бумагѣ, въ глазахъ инородца, какъ и всякаго благоразумнаго человѣка, не можетъ казаться пріобрѣтеніемъ, заслуживающимъ тѣхъ жертвъ, которыми оно наживается, и никому не представляется ни нужнымъ, ни полезнымъ.

Чтобы школа была привлекательною для инородцевъ, необходимо устроить въ ней обученіе инородческихъ дѣтей на иныхъ началахъ, чѣмъ какимъ доселѣ слѣдовали; дѣло образованія инородцевъ мы полагали бы вести на слѣдующихъ правилахъ:

1) Надобно прежде всего отказаться отъ старой системы обученія инородцевъ русской грамотѣ и правиламъ вѣры по русскимъ или славянскимъ букварямъ. Многолѣтній опытъ безуспѣшности и безплодности инородческихъ школъ доказалъ вполнѣ всю несостоятельность прежней системы обученія инородцевъ. Школы эти не только не выпускали и не выпускаютъ инородцевъ *просвѣщенными христіанами*, или *настоящими Русскими людьми* по языку и проч., но обыкновенно выпускаютъ ихъ съ такими скудными понятіями о

православной вѣрѣ и столько малознающими русскій языкъ и русскую грамоту, что приливъ такихъ грамотѣевъ и знатоковъ вѣры доселѣ не произвелъ замѣтной перемѣны въ развитіи и образованіи инородческихъ населеній. Чѣмъ они были прежде, тѣмъ же остаются донынѣ, и если подверглись какимъ-либо въ означенномъ отношеніи перемѣнамъ, то школамъ принадлежитъ въ этихъ перемѣнахъ самая малая доля участія.

2) Отказавшись отъ употребляемыхъ обыкновенно въ нынѣшнихъ школахъ пріемовъ обученія инородцевъ грамотѣ посредствомъ изученія русскаго алфавита, складовъ и упражненія въ разбираніи и затверживаніи разобранныхъ статей для чтенія, надлежитъ обучать незнающихъ русскаго языка дѣтей инородческихъ русской грамотѣ на родномъ ихъ языкѣ, непремѣнно по звуковой методѣ, какъ легчайшей по свидѣтельству несомнѣннаго опыта, и объяснять алфавитъ русскій, сложеніе буквъ знакомыми инородцамъ словами ихъ языка, указывая по удобству соотвѣтствующія этимъ словамъ и слова русскаго языка. Такой пріемъ дастъ инородцу легко принять объясненія своего учителя о звукахъ языка и изображеніи ихъ, понять изъ примѣровъ словъ, ему знакомыхъ, цѣль, для которой ему объясняется разнообразное сочетаніе буквъ въ словахъ, и пользу, которую ему можетъ принести такое упражненіе, и отнюдь не чувствовать себя машиной, обреченной выдѣлывать штуки неизвѣстнаго свойства и содержанія, по приказу учителя. Для первоначальнаго упражненія въ чтеніи надобно давать книги, напечатанныя на языкѣ инородцевъ. Поэтому необходимо инородческія школы снабдить существующими на ихъ языкахъ изданіями. Если эти изданія во многихъ отношеніяхъ и неудовлетворительны, то все-таки учителю и ученикамъ его они во всякомъ случаѣ будутъ полезны, хотя бы, напр., для упражненія въ разумномъ чтеніи; не все же въ этихъ изданіяхъ негодно и непонятно, можно найдти и понятное, что можно заставить выучить наизусть и по-русски. Когда ученикъ будетъ въ состояніи разбирать и читать русскую книгу, его можно будетъ упражнять чтеніемъ самыхъ краткихъ, простыхъ и удобоизъяснимыхъ статей изъ «Роднаго слова», разумѣется, съ переводомъ, объясненіями на языкъ инородца, съ заучиваніемъ краткихъ сентенцій и статей русскихъ и съ примѣненіемъ русскаго языка, въ нихъ заключающагося, къ какому нибудь разговору или разсказу, по выбору и указанію учителя. Въ той мѣрѣ, какъ ученикъ будетъ усвоять русскую рѣчь, все больше и больше слѣдуетъ употреблять съ нимъ русскій языкъ, прибѣгая къ инородческому тамъ, гдѣ безъ него обойдтись нельзя. Впрочемъ, подробное изложеніе методы обученія инородцевъ грамотѣ мы не считаемъ своей задачей, и если вошли въ вышеизложенныя подробности, то съ единственною цѣлію — объяснить въ общихъ чертахъ тѣ пріемы и правила, которыми, по нашему мнѣнію, долж-

но руководствоваться учителямъ инородческихъ школъ при обученіи русской грамотѣ.

3) Первоначальное обученіе инородцевъ, незнающихъ русскаго языка, православной вѣрѣ должно происходить тоже на родномъ ихъ языкѣ. Это легчайшее, разумнѣйшее средство освѣтить ихъ сознаніе христіанскою истиною, средство, указываемое намъ священно-историческимъ опытомъ. Первые проповѣдники Евангелія, св. Апостолы, получившіе чудесный даръ языковъ свыше для проповѣди слова Божія, — всѣмъ Еллинамъ и варварамъ преподавали Евангеліе на ихъ родномъ и понятномъ языкѣ. Съ тѣхъ поръ донынѣ никто изъ истинныхъ миссіонеровъ и проповѣдниковъ Евангелія никогда не уклонялся отъ ихъ примѣра и пути. Такимъ же образомъ должно учить вѣрѣ и нашихъ инородцевъ, т. е. первоначально на родномъ ихъ языкѣ, и только по мѣрѣ ознакомленія съ русскимъ языкомъ, заставлять выучивать ихъ статьи изъ Евангелія, молитвы, заповѣди и Символъ вѣры на русскомъ языкѣ или на славянскомъ. Учителямъ нашимъ должно знать и сознать ту неоспоримую истину, что обученный вѣрѣ инородецъ на его родномъ языкѣ и, слѣдовательно, съ сознаніемъ усвоившій ученіе вѣры, обращаясь въ среду, изъ которой случай и начальство извлекли его на краткое время въ школу, всегда будетъ помнить ученіе и заповѣди Христовы, хотя бы впослѣдствіи и забылъ русскій языкъ. Это особенно относится къ инородческимъ женщинамъ, которымъ, по выходѣ изъ школы, часто приводится и очень мало слышать и употреблять русскій языкъ, и постепенно забыть его. И потому ничего неблагоразумнѣе не сдѣлалъ бы учитель инородческой школы, какъ если бы онъ отнесся съ небреженіемъ къ требованію обучать инородцевъ вѣрѣ на ихъ родномъ языкѣ. Истины, которыя будутъ сообщены инородцамъ на ихъ родномъ языкѣ, никогда не забудутся. И это должно считать первымъ и несомнѣннымъ залогомъ прогресса и образованія инородцевъ.

При обученіи инородцевъ Закону Божію, мы желали бы держаться слѣдующей программы: а) надобно обучать ихъ сначала молитвамъ простѣйшимъ, нетребующимъ тонкихъ догматическихъ объясненій, и, оставляя до времени, напримѣръ, молитву *Царю небесный, утѣшителю, Душе*, какъ трудную для дѣтскаго разумѣнія, начинать изученіе молитвъ молитвою Господнею: *Отче нашъ, Иже еси.* Не смотря на всю многомысленность и глубину свою, молитва эта доступна понятію дѣтскому и удобоизъяснима. Дальше можно заставить выучить молитву мытаря: *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному!* Изъ молитвъ утреннихъ — 4 св. Макарія: *Господи, иже многою Твоею благостію далъ еси мнѣ, рабу твоему... Спаси Господи люди Твоя и благослови достояніе Твое.* Предъ началомъ всякаго дѣла довольно знать инородцу сначала молитву: *Господи благослови*; предъ ученіемъ молитву:

Премудрости Наставниче; послѣ ученія: *Благодаримъ Тебе, Создателю*; предъ вкушеніемъ пищи: *Отче нашъ*; послѣ вкушенія: *Благодаримъ Тя, Христе Боже нашъ*. Изъ молитвъ на сонъ грядущимъ: *Помилуй насъ, Господи, помилуй насъ. Господи помилуй насъ.... Милосердія двери отверзи намъ....* и 3-ю молитву: *Господи Боже нашъ, еже согрѣшихъ во дни семъ словомъ, дѣломъ.... Въ руцѣ Твои, Господи Іисусе Христе, Боже мой, предаю духъ мой: Ты же мя благослови.* Изученіе молитвъ къ Пресвятой Дѣвѣ Маріи и Святымъ Божіимъ мы отлагаемъ до болѣе зрѣлаго развитія религіознаго сознанія инородца, до ознакомленія его съ исторіей евангельской: иначе въ понятіи Вотяка, Черемисина и др. молитвы эти, преждевременно выученныя, могутъ быть отнесены къ личностямъ ихъ многобожной вѣры.

Само собою разумѣется, что, по нуждѣ и по усмотрѣнію учителя, кругъ молитвъ, нами указанныхъ, можетъ быть ограниченъ и много сокращенъ.

б) Вторымъ главнымъ предметомъ первоначальнаго обученія инородцевъ должны быть—10 заповѣдей. Строгія и краткія повелѣнія и запрещенія десятословія можно оживить въ сознаніи инородца притчами и изреченіями Христовыми; должно научить, напр., какъ сокращаетъ Господь Іисусъ Христосъ все десятословіе, и ко второй части его можно присовокупить изреченія Господа изъ нагорной проповѣди, напр.: *вся, елика аще хощете, да творятъ вамъ человѣцы, тако и вы творите имъ* (Матѳ. VII, 12). *Любите враги ваша, добро творите ненавидящимъ васъ* (Матѳ. V, 44 — 48) и т. п. Такія и подобныя изреченія возвышаютъ и освящаютъ душу, и никогда не забываются.

в) Засимъ, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ ознакомить инородца съ важнѣйшими событіями Библейской исторіи; дать непремѣнно понятіе о сотвореніи міра и человѣка, о паденіи человѣка и первоначальномъ обѣтованіи Божіемъ падшимъ прародителямъ, о потопѣ, Авраамѣ, Моисеѣ и его законодательствѣ, и, если окажется удобнымъ, о нѣкоторыхъ пророчествахъ, относящихся къ Іисусу Христу, напр. о Его рождествѣ отъ Дѣвы, о мѣстѣ рожденія, о чудесахъ, страданіи, смерти и воскресеніи. Затѣмъ прочитать важнѣйшія части исторіи Іисуса Христа по Евангелію. Здѣсь надобно дать понятіе о чудесахъ, ученіи, притчахъ, страданіи, смерти, воскресеніи, вознесеніи Христовомъ и ниспосланіи Духа Святаго на Апостоловъ. Въ заключеніе всего преподать Символъ вѣры.

Само собою разумѣется, что обученіе Закону Божію можетъ и должно идти совмѣстно съ обученіемъ грамотѣ, письму и русскому языку.

Плодомъ такого обученія инородцевъ вѣрѣ (на ихъ языкѣ) будетъ непремѣнно уваженіе ихъ къ русской вѣрѣ, къ св. церкви, къ ея уставамъ и учреж-

деніямъ. Да, все то, что уважаетъ церковь, предъ чѣмъ она преклоняется, все это будетъ досточтимо и достопоклаияемо и для инородца. Вотъ гдѣ начало обрусѣнія.—Можетъ быть инородецъ при этомъ и очень нетвердымъ знатокомъ русскаго языка, но онъ будетъ Русскимъ по своимъ мыслямъ, чувствамъ, по своей духовной настроенности. Чтобы въ четыре года пребыванія своего въ школѣ инородецъ сдѣлался настоящимъ Русскимъ по языку, это требованіе неисполнимо, или исполнилось бы только тогда, когда бы инородецъ до поступленія своего въ школу умѣлъ уже говорить по-русски; или когда вмѣсто 4 годовъ учили бы его въ школѣ 8 лѣтъ. Но объ увеличеніи числа годовъ для школьнаго образованія инородцевъ и думать невозможно, — а съ кое-какимъ знаніемъ русскаго языка поступаютъ въ школу только самые немногіе.

4) Въ видахъ возвышенія инородческихъ школъ и по успѣхамъ, и для того, чтобы предлагаемая нами система обученія могла быть осуществлена, мы полагаемъ принять за правило: не терпѣть въ инородческихъ школахъ учителей, неразумѣющихъ языка своихъ учениковъ и не владѣющихъ имъ. Такого рода учители не имѣютъ разумнаго средства дѣйствовать на разумныя существа, и скорѣе будутъ вредны, чѣмъ полезны инородческимъ школамъ.

5) Руководствъ, соотвѣтствующихъ въ достаточной мѣрѣ вышеозначенному плану обученія инородцевъ, нѣтъ. Такъ; но они могутъ быть составлены впродолженіе недолгаго времени общими усиліями инородческихъ учителей и священниковъ приходовъ новокрещенскихъ. Слѣдуетъ только немедленно дать программу для такого труда и вызвать знающихъ инородческіе языки на исполненіе оной. Въ людяхъ, готовыхъ на это дѣло, недостатка не будетъ. Между тѣмъ надлежитъ немедленно снабдить школы уже существующими руководствами и пособіями,—разумѣемъ труды по этой части гг. Ильминскаго—для старокрещенскихъ Татаръ, Золотницкаго—для Чувашъ, Кедрова—для Черемисъ и священника Блинова—для Вотяковъ, а также снабдить и всѣми книгами прежде изданными для сихъ инородцевъ. Нужда въ такихъ распоряженіяхъ настоитъ крайняя. Пишущій эти строки въ текущемъ году обозрѣлъ нѣсколько вотякскихъ школъ, по порученію губернскаго училищнаго совѣта, и нашелъ ихъ, за самыми немногими исключеніями, въ крайне неудовлетворительномъ состояніи, о чемъ уже и донесъ губернскому училищному совѣту,—нашелъ ихъ почти въ такомъ же положеніи, въ какомъ представляются чувашскія школы, по отчету г. инспектора чувашскихъ школъ Казанской и Симбирской губерній за 1867 годъ.

6) Надлежитъ преподавать въ инородческихъ школахъ пѣніе церковныхъ пѣсней и молитвъ, какъ одинъ изъ главныхъ предметовъ для инородцевъ. Пѣніе принадлежитъ къ самымъ пріятнымъ для нихъ упражненіямъ школьнымъ и къ сильнымъ пособіямъ при изученіи церковныхъ молитвъ. Одна

изъ школъ, Глазовскаго уѣзда, именно Зуринская, осмотрѣнная пишущимъ эти строки въ текущемъ году, достаточно оправдываетъ сейчасъ сдѣланное замѣчаніе. Въ присутствіи его (обозрѣвавшаго эту школу) мальчики, преимущественно же дѣвицы этой школы, пропѣли въ Зуринской церкви всю обѣдню и вечерню въ праздникъ Пятидесятницы, подъ руководствомъ и при участіи Зуринскаго причта. Выслушавши эту обѣдню, обозрѣвавшій школу долженъ былъ сказать себѣ, что Зуринскіе воспитанники и воспитанницы знаютъ много церковныхъ пѣсней, и умѣютъ ихъ пропѣть, но, къ несчастію, они ихъ крайне мало понимаютъ, не умѣя, напр., перевести на вотскій языкъ даже «Господи помилуй», и назидаясь и питая свое религіозное чувство, очевидно, одними мотивами духовной музыки. Здѣсь кстати замѣтить, что церковное пѣніе столько же, если не болѣе, привлекательно и для русскихъ людей, для крестьянъ русскихъ. Доказательствомъ сего можетъ служить Рождественскій приходъ, Нолинскаго уѣзда. Священникъ Димитрій Бердниковъ съ рѣдкимъ успѣхомъ воспользовался пѣніемъ, какъ средствомъ обучить молитвамъ и привлечь прихожанъ своихъ къ церкви. При богослуженіи въ церкви села Рождественскаго поютъ и мужчины, и женщины, и дѣти, и взрослые. Въ приходѣ сего села не рѣдкость услышать церковное пѣніе даже во время полевыхъ работъ, во время уборки сѣна и хлѣба. Здѣсь пѣніе, начавшись въ школѣ, перешло уже въ жилища поселянъ, въ ихъ привычку и жизнь.

7) Въ частности, въ школахъ женскихъ совершенно необходимо учить женскимъ рукодѣліямъ. Простой народъ понимаетъ нужду образованія женщины пока только съ этой стороны. Вслѣдствіе сего, только тѣ женскія школы и имѣютъ много учениць, гдѣ обучаютъ дѣвицъ рукодѣльямъ. Пишущему эту статью священникъ Вятскаго уѣзда, села Бахты, о. Н. Блиновъ, разсказывалъ, что всѣ убѣжденія о. Н. Блинова прихожанамъ своимъ относительно того, чтобы они отдавали дѣвицъ-дочерей своихъ въ школу, оставались безплодными дотолѣ, пока онъ не напалъ на мысль о рукодѣльныхъ занятіяхъ въ школѣ, и не сталъ внушать, что крестьянскія дѣвушки будутъ обучаемы въ школѣ и рукодѣльямъ. Это увѣреніе многимъ понравилось, и вслѣдствіе сего явилась у о. Ник. Блинова въ домѣ частная женская школа, въ которой супруга его дѣйствительно обучаетъ дѣвушекъ рукодѣльямъ, и, пользуясь этимъ случаемъ, подъ руководствомъ и при помощи о. Николая, обучаетъ чтенію, письму, молитвамъ, ариѳметикѣ и счетамъ. Доколѣ о. Николай не напалъ на эту мысль, ему постоянно приводилось слышать отъ крестьянъ возраженія въ родѣ слѣдующихъ: «На что дѣвкамъ нашимъ грамота? Вѣдь не писарями же имъ быть»!

Таковы правила, на которыхъ, по нашему мнѣнію, должно утверждаться обученіе инородцевъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ.

Теперь коснемся тѣхъ опасеній, которыя въ нѣкоторыхъ случаяхъ возбуж-

даетъ вышеизложенная система обученія инородцевъ. Говорятъ, что обученіемъ Закону Божію на языкѣ инородцевъ, изданіемъ на ихъ языкѣ книгъ можно сохранить, утвердить и развить такія народности, которыя должны исчезнуть и которыя сами собою исчезаютъ и постепенно угасаютъ по историческому ходу вещей, и во всякомъ случаѣ вышеозначенною системою обученія можно затруднить и отдалить сліяніе сихъ народностей съ русской, а можетъ быть возбудить и воспитать въ инородцахъ даже сепаратистическія тенденціи.

При разсмотрѣніи и оцѣнкѣ этихъ опасеній мы считаемъ нужнымъ отдѣлить народности финскія — Черемисъ, Вотяковъ, Чувашъ и проч., отъ народности татарской.

Въ отношеніи къ Вотякамъ, Черемисамъ, Чувашамъ и имъ подобнымъ инородцамъ, вышеизложенныя опасенія намъ кажутся вовсе не имѣющими практическаго основанія. Отъ дѣльнаго, основательнаго ознакомленія инородцевъ съ ученіемъ православной церкви, съ содержаніемъ Евангелія, мы ожидаемъ противоположнаго, т. е. ожидаемъ сближенія и постепеннаго сліянія ихъ съ русскою народностью. Представимъ себѣ, что въ нынѣ существующихъ школахъ оканчиваетъ курсъ 10, 20 или 30 Вотяковъ, Черемисъ и подобныхъ имъ, если не дѣйствительно просвѣщенными христіанами, то по крайней мѣрѣ съ чувствомъ религіознымъ, оживленнымъ и просвѣтленнымъ, съ потребностью и жаждою полезныхъ знаній, какъ въ религіи, такъ и въ другихъ предметахъ человѣческаго вѣдѣнія и дѣятельности. Куда, спрашивается, обратятся они за дальнѣйшимъ удовлетвореніемъ своего религіознаго чувства и своей любознательности?... При отсутствіи всякой письменности, разумѣется, къ русскимъ людямъ и къ православной церкви, къ библіотекамъ школъ и церкви, къ людямъ, которые въ глазахъ ихъ обладаютъ сокровищами вѣры и знанія, и, такимъ образомъ, все больше и больше будутъ сближаться съ русскими людьми и плотнѣе примыкать къ русскому народу. Отъ ознакомленія инородцевъ съ ученіемъ вѣры православной на ихъ родномъ языкѣ — мы опасаемся не поддержанія или развитія ихъ національностей, а боимся, чтобы нѣкоторые законоучители, въ ревности своей объ устроеніи жизни инородцевъ по образу жизни Русскихъ, не преувеличивали значенія обряда въ сознаніи инородца, а старались бы сколько возможно лучше и основательнѣе познакомить учениковъ своихъ съ ученіемъ Господа нашего Іисуса Христа и Его св. Апостоловъ — въ поразительнѣйшихъ частяхъ онаго и прямо изъ источниковъ сего ученія. Неблагоразуміе въ веденіи этого дѣла можетъ открыть и въ новопросвѣщаемое стадо Христово входъ тяжкимъ волкамъ — расколоучителямъ. Есть уже слухи и теперь о покушеніяхъ ихъ на пропаганду своихъ заблужденій въ средѣ инородцевъ, наиболѣе сблизившихся съ православною церковью..... А быть раскольникомъ не безвыгодно и для христіанъ-инородцевъ.

Народности, о которыхъ мы говоримъ, могли бы упрочиться и, можетъ быть, пріобрѣсть самостоятельность въ томъ одномъ случаѣ, когда бы и для ихъ религіознаго образованія сдѣлано было столько же и тоже, сколько и что̀ сдѣлано, напр., для Славянъ св. Кирилломъ и Меѳодіемъ и ихъ непосредственными преемниками въ дѣлѣ евангельской проповѣди: если бы, т. е., и для нихъ постепенно переведена была Библія, богослужебныя книги, литература св. отцовъ и учителей церкви. Но о такомъ подвигѣ въ пользу Черемисъ, Вотяковъ и подобныхъ имъ инородцевъ никто не думаетъ; ревнители ихъ просвѣщенія хотятъ только познакомить ихъ, на ихъ языкѣ, съ общимъ содержаніемъ Библіи посредствомъ краткой священной исторіи и краткаго катихизиса, посредствомъ перевода Евангелія, или нѣкоторыхъ важнѣйшихъ и доступнѣйшихъ инородцамъ частей Библіи. А если не будетъ сдѣлано и не предполагается сдѣлать для Вотяковъ, Черемисъ, Чувашъ и проч. того же, что̀ сдѣлано св. Кирилломъ и Меѳодіемъ для Славянъ, то и опасаться сохраненія и развитія означенныхъ народностей нѣтъ основанія. Между тѣмъ, основательное, сознательное ознакомленіе инородцевъ съ христіанскою православною вѣрою на ихъ языкахъ разъ навсегда оградитъ ихъ отъ вліянія мусульманъ, отъ совращеній въ мусульманство, уничтожитъ ихъ тяготѣніе къ Татарамъ (ибо, узнавъ христіанство, безъ сомнѣнія, не захотятъ они быть мусульманами) и обратитъ всѣ ихъ симпатіи къ православной церкви и къ единовѣрному имъ русскому народу. Продолжать же дѣло образованія Черемисъ, Вотяковъ и проч. на прежнихъ основаніяхъ, оставить училища ихъ въ положеніи страшилищъ и мѣстъ пытки для бѣдныхъ инородческихъ дѣтей,—значило бы осудить инородцевъ еще на долговременное невѣжество въ вѣрѣ, и тѣхъ изъ нихъ, которые живутъ въ сосѣдствѣ съ мусульманами, предать на жертву исламу, о чемъ безъ болѣзни сердечной и подумать нельзя.

Но опыты переводовъ нынѣшнихъ друзей инородцевъ могутъ возбудить,—можетъ быть, скажутъ намъ нѣкоторые, —желаніе въ самихъ инородцахъ продолжать эти переводы, или даже приняться за самостоятельные литературные труды въ пользу своихъ соплеменниковъ. Но если бы и нашлись между инородцами такіе продолжатели трудовъ г. Золотницкаго и прочихъ, то первый же опытъ доказалъ бы имъ, что они дѣлаютъ дѣло безполезное; что бѣдныя, малочисленныя и оскудѣвающія племена ихъ сородичей не въ состояніи ни поддерживать ихъ предпріятія, ни вознаграждать ихъ за труды — просто-на-просто по своей бѣдности.

Кромѣ того, продолжать труды г. Золотницкаго, или предпринять какіе-либо самостоятельные литературные опыты для поддержанія и развитія какой-либо изъ народностей, о которыхъ мы говоримъ, могутъ безспорно только личности даровитыя и высокообразованныя. Но если инородческая школа можетъ

встрѣтиться съ лицами даровитыми и изъ инородцевъ, то уже никакъ не можетъ она дать настолько образованныхъ людей, чтобы они были въ состояніи переводить Библію, или даже управится съ менѣе важнымъ и труднымъ произведеніемъ какого-нибудь русскаго таланта. Такія личности выходятъ не изъ первоначальныхъ школъ, и не въ нихъ образуются.

Такимъ образомъ, отъ вышеизложенной системы обученія Вотяковъ, Черемисъ и под. имъ инородцевъ мы ожидаемъ сохраненія ихъ для православной церкви, сближенія и постояннаго сліянія ихъ съ русскимъ народомъ, и отнюдь не опасаемся нѣсколькими руководствами по предмету вѣроученія, написанными для нихъ на ихъ языкѣ, пробудить въ нихъ стремленіе къ самостоятельному развитію своихъ народностей: для этого нѣтъ у нихъ ни матеріальныхъ, ни духовныхъ средствъ.

Иное дѣло — Татары. У нихъ есть народныя письмена и своя народная литература. Повидимому, ничего нѣтъ мудренаго, что, научившись христіанству изъ книжекъ г. Ильминскаго, написанныхъ простонароднымъ татарскимъ языкомъ и напечатанныхъ русскими буквами, захотятъ они и сами писать книги и передать истины вѣры и благочестія своимъ соплеменникамъ съ помощью своего роднаго алфавита. Но худо ли было бы, если бы они захотѣли и сдѣлали это?... Намъ кажется, что единственное, самое могущественное средство поколебать исламизмъ, внести сомнѣніе въ нѣдра его — это распространеніе между мусульманами важнѣйшихъ частей священнаго писанія на простонародномъ татарскомъ языкѣ, и изданіе книгъ, написанныхъ съ цѣлію показать превосходство христіанства предъ магометанствомъ и обличить всю ложь и вредъ исламизма. Подобная пропаганда идей христіанскихъ, при всеобщей грамотности у Татаръ обоего пола, обѣщаетъ самые богатые плоды въ будущемъ для христіанской церкви. На мусульманскихъ женщинъ, бѣгающихъ общества мужчинъ и особенно русскихъ, кромѣ книги, написанной на понятномъ имъ языкѣ, нѣтъ положительно у христіанскихъ проповѣдниковъ средствъ дѣйствовать и имѣть какое-нибудь вліяніе. Да и мужчины могутъ съ терпѣніемъ выслушать горькія истины на счетъ исламизма только отъ такого спокойнаго учителя и собесѣдника, какъ книга. Мы увѣрены, что въ этомъ съ нами согласятся всѣ, сколько нибудь знающіе бытъ и фанатизмъ нашихъ Татаръ. Поэтому, сколько, съ одной стороны, желательно, чтобы дѣти старокрещенцевъ, подобно прочимъ инородцамъ-христіанамъ, обучались православной вѣрѣ на понятномъ имъ родномъ языкѣ, и съ сознаніемъ и разумно воспринимали ученіе Евангелія, столько, съ другой стороны, желательно, чтобы побольше явилось книгъ на общенародномъ татарскомъ языкѣ, книгъ, представляющихъ христіанство во всемъ блескѣ его божественнаго достоинства и со всею силою обличающихъ суевѣріе

магометанства. Такого рода книги несомнѣнно охладятъ симпатіи Татаръ къ Магомету, Меккѣ, Турціи.

Къ несчастію, или какъ можетъ казаться другимъ — къ счастію, вышеозначенныя изданія могутъ быть исполнены только трудами и силами русскихъ ученыхъ, а отнюдь не средствами и силами самихъ крещеныхъ Татаръ. Послѣдніе незначительны по численности своей, разбросаны по разнымъ губерніямъ Россіи и обладаютъ, сравнительно съ прочими инородцами, еще меньшими средствами матеріальными и умственными для литературныхъ предпріятій и для самостоятельнаго развитія своей народности въ духѣ христіанскомъ. Вотъ, если бы всѣ 1.200.000 татарскаго населенія, живущихъ въ разныхъ губерніяхъ Казанскаго учебнаго округа, были христіанами хоть такими, какъ Вотяки и Черемисы, — появленіе и распространеніе книгъ на ихъ простонародномъ языкѣ могли бы положить начало татарско-православной литературѣ. Современемъ образованные Татары могли бы вспомнить и про свои древности, исторію, поэзію, словесность и, можетъ быть, захотѣли бы разработывать науки, искусства на своемъ національномъ языкѣ; стали бы дорожить особенностями своей народности и заботиться о сохраненіи и развитіи ихъ. Но такъ какъ этого нѣтъ, то и опасаться возникновенія татарско-православной литературы между какими нибудь 60 или 70 тысячами православныхъ Татаръ — опасаться совершенно излишне.

Впрочемъ, намъ кажется вообще, что въ отношеніи къ обрусѣнію слишкомъ много даютъ значенія распространенію между инородцами знанія русскаго языка и употребленію его въ школѣ и церкви. Знаніе русскаго языка, само по себѣ, никого не дѣлаетъ Русскимъ. Можно знать русскій языкъ въ совершенствѣ, и не только не быть Русскимъ, но быть врагомъ Россіи и русской народности. Можно знать наилучшимъ образомъ языкъ вотскій и черемисскій (какъ нѣкоторые священники Вятской епархіи и знаютъ), и отнюдь не быть Вотякомъ или Черемисиномъ. — Нельзя жаловаться, кажется, и на то, что языкъ русскій, или славянскій мало употребляется нынѣ въ школѣ и въ церкви у инородцевъ. Въ большинствѣ нынѣшнихъ инородческихъ школъ и въ храмахъ, устроенныхъ среди инородческихъ населеній, и при совершеніи у инородцевъ духовныхъ требъ, употреблялся и употребляется не какой-нибудь инородческій языкъ, а обыкновенно русскій или славянскій. Только этотъ путь къ обрусѣнію не привелъ ли многихъ инородцевъ, даже изъ обучавшихся въ школѣ, вмѣсто русскаго храма, прямо въ мечеть и къ Татарамъ? Стало быть употребленіе русскаго языка, или славянскаго, какое нынѣ существуетъ и поддерживается въ школѣ и церкви, не только малоплодно, но и сопровождается иногда плодами самыми невождѣленными: слѣдовательно настаивать, чтобы существующій порядокъ въ воздѣйствіи на инородцевъ продолжался, значитъ — слиш-

комъ неудовлетворительно дѣйствовать въ пользу обрусѣнія инородцевъ. Кто научилъ инородца хорошо говорить по-русски, тотъ въ дѣйствительности еще не обрусилъ его и не связалъ его съ русскимъ народомъ, а далъ ему только возможность къ этому соединенію; тотъ же, кто научилъ инородца православной вѣрѣ, хотя бы только на его языкѣ, тотъ въ извѣстномъ отношеніи уже соединилъ его съ русскимъ народомъ самымъ благонадежнымъ союзомъ — союзомъ вѣры, который, при возможности и удобствѣ, заставитъ инородца учиться и выучиться и русскому языку.

Для оцѣнки значенія, какое можетъ имѣть русскій языкъ въ обрусѣніи инородцевъ, не мѣшаетъ припомнить судьбу латинскаго языка на Западѣ. Было время, когда языкъ этотъ былъ у европейцевъ языкомъ школы, церкви, литературы, дипломатіи и великихъ публичныхъ актовъ. Что же, сдѣлался ли онъ чьимъ либо языкомъ на Западѣ?.... Но лучшей, болѣе благопріятной судьбы едва ли можетъ ожидать себѣ и языкъ русскій среди татарскаго племени. Сильныя числомъ и духомъ племена, особенно обладающія притомъ нѣкоторою образованностію, не легко забываютъ свой языкъ, если только забываютъ. Вліяніе чуждыхъ языковъ на языки такихъ племенъ можетъ быть очень велико: можетъ измѣнить ихъ грамматическія формы и ихъ лексическій составъ; но обыкновенно перемѣны эти совершаются въ духѣ измѣняемаго языка оригинально, и можно сказать, органически.

Такимъ образомъ, имѣя въ виду обрусѣніе татарскаго племени, слѣдуетъ подумать о другихъ, болѣе дѣйствительныхъ средствахъ къ тому, чѣмъ одинъ языкъ русскій.

Вятскій губернскій училищный совѣтъ. 1868 года сентября 12 дня, въ собраніи Вятскаго губернскаго училищнаго совѣта, слушали: предложеніе г. попечителя Казанскаго учебнаго округа отъ 27 минувшаго августа сего года, коимъ проситъ училищный совѣтъ озаботиться скорѣйшимъ доставленіемъ протокола по вопросу о способахъ къ образованію инородцевъ.

По справкѣ оказалось, что постановленіемъ губернскаго училищнаго совѣта, состоявшимся 6 марта сего года, предложено было уѣзднымъ училищнымъ совѣтамъ доставить въ губернскій свои мнѣнія по вопросу о способахъ образованія инородцевъ, но до сей поры изъ 11 уѣздныхъ совѣтовъ, подвѣдомыхъ Вятскому губернскому, доставили таковыя мнѣнія только пять, именно: Уржумскій, Нолинскій, Котельническій, Сарапульскій и Вятскій; изъ нихъ Уржумскій и Нолинскій заявили, что они въ мнѣніи о способахъ къ образованію инородцевъ совершенно согласны съ мнѣніемъ г. попечителя округа; Котельническій сообщилъ, что въ его уѣздѣ инородцевъ (именно Черемисъ) не болѣе 400 душъ, и всѣ они знакомы съ русскимъ языкомъ и православною вѣрой въ такой же

степени, какъ и Русскіе, потому и не требуется для образованія ихъ прибѣгать къ особымъ способамъ и пріемамъ; наконецъ, Сарапульскій и Вятскій представили болѣе подробныя мнѣнія по означенному вопросу. Постановлено: протоколъ Сарапульскаго училищнаго совѣта и записку председателя Вятскаго уѣзднаго и члена губернскаго училищнаго совѣта протоіерея Фармаковскаго представить г. попечителю округа въ точныхъ копіяхъ, съ таковымъ присовокупленіемъ, что губернскій училищный совѣтъ въ вопросахъ о способахъ къ образованію инородцевъ соглашается съ мнѣніями, выраженными въ запискѣ о. протоіерея Фармаковскаго.

Мнѣніе преосвященнаго Аполлоса, епископа Вятскаго. Для прочнаго водворенія русско-христіанскаго просвѣщенія между инородцами нашей восточной окраины необходимы дружныя усилія церкви и школы, при содѣйствіи имъ всѣхъ правительственныхъ властей и самого земства, какъ справедливо сказано въ запискѣ, составленной по поводу этого вопроса при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія. Къ этому считаю не излишнимъ присовокупить, что вѣрное достиженіе означенной цѣли требуетъ живаго содѣйствія и всего русскаго православнаго общества.

Образованіе инородцевъ въ духѣ православной вѣры и русской народности, по моему убѣжденію, всего скорѣе могло бы быть достигнуто усиліями служителей церкви, а не однимъ увеличеніемъ или преобразованіемъ школъ: если вообще между русскимъ простонародьемъ число учащихся въ школахъ относится къ массѣ населенія какъ 1 къ 300 или 400, то у инородцевъ это отношеніе еще невыгоднѣе; что будутъ значить успѣхи самой лучшей школы противъ такой массы, если эта масса останется безъ должнаго понятія о христіанской вѣрѣ и жизни и о своихъ обязанностяхъ? Просвѣщеніе ея свѣтомъ Евангелія всего ближе служителямъ церкви.

Если доселѣ дѣло просвѣщенія инородцевъ чрезъ служителей церкви православной не сопровождалось ожидаемымъ успѣхомъ, то дружными усиліями надо уничтожить причины неблагоуспѣшнаго дѣйствія со стороны духовенства на просвѣщеніе инородцевъ. Причины эти заключаются главнымъ образомъ въ особомъ матеріальномъ и нравственномъ положеніи нашихъ причтовъ въ большей части инородческихъ приходовъ. Большая часть членовъ нашихъ церковныхъ причтовъ являются исполнителями службъ и требъ церковныхъ, а не въ надлежащей мѣрѣ учителями народа: между тѣмъ всѣ они съ своими семействами питались и питаются отъ приношеній своихъ прихожанъ. Это пропитаніе бываетъ въ большей части случаевъ дотого скудно и сопряжено съ такими безпокойствами, что способнѣйшіе изъ окончившихъ курсъ семинаріи неохотно идутъ даже на мѣста священниковъ въ инородческіе приходы: вакансіи же

діаконовъ и причетниковъ приходится замѣщать людьми, по большей части малоспособными къ разумному учительству. Между тѣмъ настоитъ нужда въ приходы, состоящіе изъ инородцевъ, опредѣлять на всѣ степени церковнослужительскія людей не только достойныхъ по жизни, но и способныхъ къ учительству, и кромѣ того надлежало бы дать имъ такія средства къ содержанію, при которыхъ они не только не находились бы вынужденными выпрашивать отъ своихъ прихожанъ себѣ хлѣбъ насущный или изъ за него отвлекаться отъ своихъ прямыхъ обязанностей, но и имѣли бы возможность сами въ нѣкоторой мѣрѣ помогать бѣднымъ и неимущимъ. Тогда бѣдные инородцы не имѣли бы повода считать служителей церкви своими нахлѣбниками, своею тягостію, и не уклонялись бы въ иновѣріе и суевѣріе.

Благолѣпное устройство храмовъ въ инородческихъ приходахъ, особенно же благолѣпное совершеніе божественныхъ службъ, стройное пѣніе, ясное и внятное чтеніе должны составлять предметъ важнѣйшаго попеченія служителей церкви у инородцевъ: богослуженіе православной церкви, если оно совершается стройно и благоговѣйно, можетъ навѣрное производить несравненно болѣе глубокое впечатлѣніе на простыя сердца, чѣмъ религіозные обряды язычества и магометанства. Между тѣмъ, бѣдность храмовъ и ихъ принадлежностей, нестройность пѣнія и невнятность чтенія охлаждаютъ ревность даже въ иныхъ Русскихъ къ православнымъ храмамъ. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ инородцы не понимаютъ русскаго языка (а такіе инородцы едва ли есть между числящимися православными прихожанами), само собою разумѣется, желательно и даже необходимо видѣть священнослужителей, знающихъ языкъ своихъ прихожанъ, которымъ они и должны пользоваться при всякомъ необходимомъ случаѣ для наставленія своихъ пасомыхъ въ истинахъ вѣры, въ разъясненіи значенія и смысла богослуженія и обрядовъ православной церкви.

Вообще, чтобы образованіе и просвѣщеніе инородцевъ внутреннихъ частей государства было успѣшно, надо бы поставить ихъ церковные православные причты въ такое же положеніе, въ какомъ находятся миссіонеры, дѣйствующіе въ самыхъ отдаленныхъ, глухихъ мѣстахъ государства.

Члены церковныхъ причтовъ, осмотрительно избираемые, достойно поощряемые, обезпеченные въ своихъ насущныхъ потребностяхъ, не стѣсняемые въ своей дѣятельности разнообразными, часто несогласными требованіями и предписаніями властей разныхъ вѣдомствъ, могли бы быть главными и самыми лучшими учителями инородцевъ не только въ церкви, но и въ школахъ. Какъ должно совершаться преподаваніе въ этихъ школахъ, какимъ методамъ и пріемамъ должны слѣдовать преподаватели, обязательно или необязательно въ нихъ должно быть ученіе, сколько времени должно продолжаться оно,—по моему мнѣнію нѣтъ возможности рѣшить все это общими правилами и предписаніями, да и не было

бы въ этомъ нужды при ревностныхъ просвѣщенныхъ и опытныхъ пастыряхъ. Двѣ мысли позволю только высказать себѣ въ этомъ отношеніи: во-1-хъ, если не наставленіе только въ христіанской вѣрѣ, но и обрусѣніе инородцевъ, полное слитіе ихъ съ массой русскаго народа должно составлять предметъ заботливости церкви и правительства, то не вижу необходимости выдумывать особенныя азбуки для инородцевъ, стараться переводить на ихъ крайне скудныя, безписьменныя нарѣчія книги Священнаго Писанія и богослуженіе православной церкви. Въ школѣ, какъ и въ жизни, можно и должно, въ случаѣ нужды, пользоваться инородческими нарѣчіями, какъ первымъ пособіемъ какъ первою ступенью для объясненія и толкованія истинъ вѣры и различныхъ полезныхъ знаній; но главною цѣлью должно быть усвоеніе инородцами русскаго языка въ такой степени, чтобы онъ мало по малу сдѣлался у нихъ не языкомъ только грамотности, а языкомъ жизни, языкомъ природнымъ: тогда только инородцы перестанутъ быть инородцами, какъ почти перестали быть ими Мещеряки, Мордва, многіе Черемисы и Вотяки. Въ противномъ случаѣ усилія развить, при помощи школы и церкви, инородческія нарѣчія поведутъ только къ большей и сильнѣйшей раздѣльности инородцевъ съ господствующею народностію. Въ мнѣніи о. протоіерея Фармаковскаго, принятомъ губернскимъ училищнымъ совѣтомъ, представленный примѣръ проповѣди апостольской на разныхъ языкахъ не имѣетъ прямаго отношенія къ дѣлу, о которомъ идетъ рѣчь. Апостолы изъ Іудеи вовсе не имѣли въ виду слитія народностей съ іудействомъ, какъ наша задача обрусить инородцевъ.

Во-2-хъ, одна изъ главнѣйшихъ причинъ, если не самая главная, печальнаго положенія начальныхъ нашихъ школъ не только инородческихъ, а даже и русскихъ, по моему убѣжденію, заключается въ томъ, что въ школахъ этихъ обучаютъ дѣтей только грамотѣ, а не воспитываютъ ихъ, между тѣмъ какъ дѣло должно бы быть совершенно наоборотъ: главная забота и работа учителей начальныхъ сельскихъ школъ должна состоять въ томъ, чтобы воспитать въ дѣтяхъ чувства благоговѣнія и любви къ Богу, уваженія и любви къ ближнимъ, сообщить имъ понятія о своихъ обязанностяхъ, о важнѣйшихъ явленіяхъ природы, ихъ окружающей, искоренять ходячія суевѣрія и дурные обычаи и проч. У насъ же все почти время убивается на грамоту сухую, безжизненную и часто непримѣнимую къ быту и житейскимъ обстоятельствамъ большинства нашего простонародья. Оттого-то народъ, и особенно инородцы, такъ неохотно посѣщаютъ школы: оттого-то большинство даже окончившихъ курсъ въ начальныхъ училищахъ забываютъ потомъ совершенно грамоту. Грамота есть великое орудіе образованія, но не единственное; грамота нынѣмъ дѣтямъ дается очень нелегко, особенно дѣтямъ изъ простаго народа. Потому я полагаю, въ начальныхъ школахъ ученіе посредствомъ живаго слова должно занимать несравненно болѣе мѣста, нежели какъ это дѣлалось доселѣ. Ребенокъ, въ которомъ возбуждена

любознательность посредствомъ живой бесѣды, легче и охотнѣе сядетъ потомъ и за грамоту. Теперь же нерѣдко бываетъ, что иной тяжелый къ грамотѣ мальчикъ годъ цѣлый посѣщаетъ училище и все не можетъ одолѣть первыхъ механическихъ и утомительныхъ трудностей грамоты; это отбиваетъ у него охоту къ дальнѣйшему ученію; онъ оставляетъ училище такимъ же невѣждой, какимъ и вошелъ въ него. Если же бы принято было на каждомъ урокѣ сообщать чрезъ живое слово истины вѣры, изрѣченія мудрости, полезные опыты, благіе совѣты, то и самый тупой и лѣнивый ученикъ каждый день выносилъ бы изъ школы что-нибудь доброе. Къ живому наставленію словомъ непремѣнно нужно во всѣхъ училищахъ присоединить обученіе церковному пѣнію, которое можетъ благотворно дѣйствовать на образованіе добрыхъ религіозныхъ чувствъ. Кромѣ того, въ женскихъ училищахъ занятіе рукодѣліемъ, въ мужскихъ простыми ремеслами также много бы могло способствовать къ примиренію простаго народа съ школами: простой народъ ясно понимаетъ только очевидную, осязательную пользу.

Такъ какъ въ настоящее время немного найдется между учителями начальныхъ училищъ такихъ, которые въ каждый урокъ умѣли бы благоразумно, не отвлекаясь отъ прямаго дѣла, сообщать своимъ ученикамъ что-либо особенно занимательное и душеполезное, то признаю весьма нужнымъ составленіе такой книги, которая могла бы служить энциклопедіей необходимыхъ для народа наставленій и знаній; изъ такой книги учителя могли бы черпать матеріалы для своихъ бесѣдъ съ учениками.

Аполлосъ, епископъ Вятскій и Слободскій.

Казанская губернія.

Казанскій уѣздный училищный совѣтъ. 1868 года мая 19 дня, въ засѣданіи Казанскаго уѣзднаго училищнаго совѣта, вслѣдствіе предложенія Казанскаго губернскаго училищнаго совѣта, отъ 7 сентября 1867 года за № 197, при которомъ присланы въ совѣтъ брошюры: *«Выписка изъ журнала Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія»* 27 февраля 1867 г., и *«Къ вопросу объ устройствѣ училищъ для инородческихъ дѣтей Казанскаго учебнаго округа»*, былъ обсуждаемъ вопросъ объ устройствѣ инородческихъ училищъ.

Выслушано было мнѣніе по этому вопросу председателя совѣта, священника М. Зефирова, которое состоитъ въ нижеслѣдующемъ:

Главный вопросъ, предложенный Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія на обсужденіе училищныхъ совѣтовъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ есть инородцы,

состоитъ въ слѣдующемъ: «Какъ должны быть устроены и ведены инородческія начальныя училища, чтобы инородческія дѣти и охотно вступали въ нихъ, и выходили изъ нихъ просвѣщенными въ духѣ православія христіанами, и настоящими Русскими по языку, по гражданскому чувству и по всему своему образованію?» Вопросъ этотъ былъ вызванъ, съ одной стороны, дознаннымъ на опытѣ жалкимъ религіозно-нравственнымъ состояніемъ крещеныхъ инородцевъ здѣшняго края, ихъ отчужденностію по жизни, правамъ и всему своему быту отъ русскаго народа, безуспѣшностію мѣръ, какія доселѣ принимались къ христіанскому просвѣщенію и обрусѣнію инородцевъ, а съ другой стороны — недовѣріемъ, сомнѣніемъ и возраженіями противъ учебной системы гг. Ильминскаго и Золотницкаго и основанной на началахъ этой системы Казанской школы для обученія дѣтей крещеныхъ Татаръ, которая представляетъ воочію самое счастливое рѣшеніе указаннаго вопроса. Зрѣлаго обсужденія возникшихъ вопросовъ и недоразумѣній по образованію инородцевъ учебное начальство вправѣ ожидать особенно отъ нашего совѣта, такъ какъ мы живемъ въ центрѣ инородческаго края, и намъ должны быть болѣе извѣстны какъ бытъ и нужды инородцевъ, такъ и школа г. Ильминскаго съ ея отраслями. Желая, по возможности, содѣйствовать рѣшенію возникшихъ сомнѣній и недоумѣній по поводу новой учебной системы, имѣю честь предложить вниманію совѣта нѣсколько соображеній, основанныхъ преимущественно на личномъ наблюденіи, на живомъ свидѣтельствѣ опыта, на отзывахъ компетентныхъ судей и на историческихъ данныхъ.

Учебная система гг. Ильминскаго и Золотницкаго, къ которой они, что весьма замѣчательно, пришли совершенно независимо другъ отъ друга, состоитъ, какъ извѣстно, въ слѣдующемъ. И первоначальное обученіе инородческихъ дѣтей грамотѣ, и дальнѣйшее преподаваніе имъ учебныхъ предметовъ ведется по преимуществу на ихъ родномъ языкѣ. Поэтому какъ букварь, такъ и прочія учебныя книги изложены на ихъ родныхъ нарѣчіяхъ, но русскимъ гражданскимъ шрифтомъ, съ необходимымъ приспособленіемъ русскаго алфавита къ звукамъ ихъ роднаго языка. Методъ обученія употребляется звуковой. Совмѣстно съ обученіемъ грамотѣ идетъ обученіе письму. Одновременно съ обученіемъ грамотѣ инородческія дѣти упражняются въ русскомъ разговорномъ языкѣ, котораго они, при поступленіи въ школу, обыкновенно не знаютъ. Руской языкъ составляетъ одинъ изъ учебныхъ предметовъ. Благодаря введенію русскаго алфавита, переходъ къ русской грамотѣ самый легкій и естественный. Прошедши свой букварь, инородческія дѣти безъ затрудненія разбираютъ какую угодно русскую книгу, ошибаясь только на первыхъ порахъ въ удареніяхъ. При большемъ ознакомленіи съ русскимъ языкомъ, они свободно читаютъ руския и славянскія книги доступнаго имъ содержанія: при этомъ

принято за правило — сопровождать руссκій текстъ переводомъ на свой родной языкъ. Это необыкновенно способствуетъ какъ сознательному усвоенію читаемаго, такъ и усовершенствованію въ русскомъ языкѣ, потому что чужой языкъ мы иначе можемъ усвоить, какъ при посредствѣ своего.

Главная особенность и вмѣстѣ достоинство новой учебной системы заключается въ томъ, что инородческія дѣти учатся по книгамъ, переведеннымъ на ихъ *родной* языкъ, тотъ самый, къ которому они привыкли съ дѣтства, которымъ говорятъ они сами и ихъ соплеменники. Переводы священныхъ и богослужебныхъ книгъ на языки татарскій, чувашскій и черемисскій были и прежде, но такъ какъ послѣдніе (черемисскіе и чувашскіе) сдѣланы были на основаніи грамматикъ этихъ языковъ, составленныхъ по образцу русской, и потому какъ въ грамматическомъ распорядкѣ словъ, такъ и по логическому теченію мыслей слишкомъ удалялись отъ живаго разговорнаго языка, татарскіе же переводы были переполнены арабскими словами: то всѣ они были малопонятны инородцамъ. Убѣдившись въ безполезности такихъ переводовъ, гг. Ильминскій и Золотницкій признали необходимымъ переводить учительныя книги на чистый разговорный языкъ инородцевъ, и чтобы переводъ былъ какъ можно ближе къ живой народной рѣчи, они предварительно провѣряютъ его чрезъ чтеніе инородцамъ, и только убѣдившись въ его правильности и совершенной удобопонятности издаютъ. Такимъ образомъ у нихъ книги излагаются на живомъ разговорномъ языкѣ не только въ отдѣльныхъ словахъ и грамматическомъ словосочиненіи и расположеніи, но и въ логической постановкѣ мыслей, по возможности приспособленной къ простонародному складу рѣчи. Такой переводъ становится яснымъ и удобопонятнымъ для малаго и стараго.

Итакъ орудіемъ школьнаго образованія инородческихъ дѣтей, по системѣ гг. Ильминскаго и Золотницкаго, служитъ ихъ родной языкъ. Это, дѣйствительно, красугольный камень ихъ системы, какъ выражается редакція *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*. Но она несправедливо видитъ въ этомъ недостатокъ; напротивъ, это великое достоинство новой системы. Съ педагогической точки зрѣнія противъ этой системы возражать нельзя. Никто не станетъ спорить, что чѣмъ болѣе извѣстная система заохочиваетъ дѣтей къ ученію и способствуетъ живому и сознательному усвоенію предметовъ ученія, тѣмъ она совершеннѣе. Поэтому главныя усилія педагогіи въ настоящее время направлены къ тому, чтобы облегчить и упростить для дѣтей ученіе, приблизить учебные предметы къ ихъ понятіямъ, изложить ихъ, по возможности, на языкѣ понятномъ для дѣтей. Учебная система гг. Ильминскаго и Золотницкаго, поставляющая орудіемъ образованія инородческихъ дѣтей ихъ родной языкъ въ его живой, народной формѣ, какъ нельзя болѣе удовлетворяетъ этимъ условіямъ. Какъ естественна и раціональна эта система обученія,

видно изъ того, что, по свидѣтельству г. мироваго посредника Козмодемьянскаго уѣзда, Пл. Алекс. Износкова, Черемисы той мѣстности, еще гораздо раньше появленія этой системы, сами собою, совершенно независимо, употребляли тотъ самый способъ обученія, какой въ послѣднее время предложили гг. Ильминскій и Золотницкій, именно—первоначальное обученіе грамотѣ и Закону Божію на народномъ языкѣ, одновременное обученіе русскому языку и дальнѣйшее обученіе по русскимъ и славянскимъ книгамъ съ переводомъ читаннаго на черемисскій языкъ; что такимъ способомъ, безъ школъ, при одиночномъ обученіи, обучено грамотѣ нѣсколько тысячь человѣкъ, причемъ главными дѣятелями были замѣчательныя личности изъ Черемисъ: Михаилъ Герасимовъ и Иванъ Захаровъ; что въ настоящее время Черемисы, совершенно равнодушные къ школамъ, устроеннымъ по старой системѣ, желаютъ завести у себя училище, въ которомъ бы дѣти ихъ учились такъ, какъ училъ Михаилъ Герасимовъ, т. е., сначала по-черемисски, а потомъ по-русски (См. *Справочн. Лист.* г. Казани 1867 г. № 124).

Итакъ, къ чему гг. Ильминскій и Золотницкій, совершенно независимо другъ отъ друга, пришли путемъ долгихъ соображеній, къ тому самому Черемисы приведены были непосредственнымъ чутьемъ. Совпаденіе замѣчательное: оно неоспоримо доказываетъ практичность и раціональность новой системы. Вотъ еще одинъ изъ многихъ фактовъ, говорящихъ въ пользу раціональности этой системы. Священникъ Козьмодемьянскаго уѣзда М. Рождественскій, не имѣя въ своей школѣ помощника, предложилъ, въ видѣ пробы, двумъ старшимъ ученикамъ изъ Черемисъ вести съ младшими бесѣды изъ Ветхаго Завѣта на родномъ нарѣчіи,—и оказалось, по его словамъ, что родное къ родному скорѣе прививается и съ удовольствіемъ усвояется, такъ что о. Рождественскій послѣ сего поставилъ себѣ за правило каждый классъ употреблять старшихъ мальчиковъ изъ Черемисъ въ качествѣ своихъ сотрудниковъ, и, наконецъ, вполнѣ убѣдился, что наставники до сихъ поръ (избѣгая роднаго языка) насиловали, такъ-сказать, способности черемисскихъ учениковъ, отчего и дѣло принималось ужасно туго; теперь же, надѣется онъ, оно пойдетъ какъ нельзя лучше (*Справочн. Лист.* г. Казани 1867 г. № 116). Нельзя не привести здѣсь еще отзыва о новой системѣ обученія природнаго Чувашенина, крестьянина села Ильмоваго Куста, Буинскаго уѣзда, Степана Иванова. Въ письмѣ къ Н. П. Золотницкому, воздавая ему искреннюю благодарность за брошюру «По вопросу о способахъ образованія Чувашъ» и за «Сӧлдалыкъ кнеге», онъ увѣряетъ, что передавалъ мысль г. Золотницкаго (о способахъ образованія Чувашъ) многимъ изъ своихъ товарищей и прочитывалъ Сӧлдалыкъ кнеге нѣкоторымъ неграмотнымъ Чувашамъ, и отъ каждаго получалъ лестные отзывы, что каждый находитъ мысль г. Золотницкаго совершенно правильною и же-

лаетъ скорѣйшаго осуществленія ея. «Я, съ своей стороны, пишетъ Степанъ «Ивановъ, имѣя пламенное желаніе помочь дѣлу народнаго воспитанія и образованія въ религіозномъ духѣ, могу сказать, по долгу совѣсти, по долгу службы «въ званіи члена земской управы и члена училищнаго совѣта, только одно, что «при обученіи грамотѣ чувашскихъ дѣтей на природномъ ихъ языкѣ, нѣтъ сомнѣнія, суевѣріе, легкомысліе и нѣкоторые обычаи, отъ коихъ часто пахнетъ «временами языческими, изчезнутъ, какъ дымъ предъ лицомъ Бога. Теперь же «этотъ добрый народъ, въ простотѣ своихъ чувствъ, вѣруетъ и поклоняется «истинно-невѣдомому Богу. Первое заключеніе я дѣлаю потому, что мальчикъ, «обучающійся грамотѣ на природномъ языкѣ, крѣпко можетъ усвоить какъ «свящ. исторію Ветхаго и Новаго Завѣта, такъ и заповѣди; и отецъ его, слушая читаемое на природномъ языкѣ, будетъ понимать, и это уже будетъ служить достаточнымъ обезпеченіемъ къ тому, что ученики будутъ заняты и у «себя въ домѣ, при досугѣ, чтеніемъ, такъ какъ сами отцы будутъ ихъ заставлять читать. Въ настоящее же время нѣтъ желанія у Чувашъ слушать читаемое ихъ дѣтьми потому, что слабо знакомы съ русскимъ языкомъ, а иные вовсе не знаютъ этого языка, отчего чтеніе книгъ ни сколько не интересуетъ «ихъ. По этой же самой причинѣ Чуваши и желаютъ только, чтобъ дѣти ихъ «умѣли писать, а все остальное, какъ не интересующее ихъ вслѣдствіе непониманія русскаго языка, находятъ почти лишнимъ» (*Справ. Лист.* г. Казани 1867 г. № 116). Въ *Современномъ Листкѣ* (№ 97—1867 г.) это заявленіе Степана Иванова признано не болѣе какъ комплиментомъ г. Золотницкому. По этому поводу Степанъ Ивановъ въ № 16 неофиціальной части *Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостей* за 1868 г., протестуя противъ такого лжетолкованія, говоритъ, что въ такомъ серьезномъ дѣлѣ, какъ дѣло образованія инородцевъ въ религіозномъ духѣ, онъ не думалъ и не имѣлъ надобности высказывать ни одного слова въ видѣ комплимента г. Золотницкому, а выразилъ только свое твердое убѣжденіе въ пользѣ обученія инородцевъ грамотѣ на природномъ ихъ языкѣ. Въ разъясненіе и подтвержденіе своего убѣжденія онъ замѣчаетъ, что въ настоящее время часть Чувашъ готовы отставать отъ своихъ прежнихъ суевѣрныхъ обычаевъ, и что только за отсутствіемъ въ средѣ ихъ лицъ, которыя бы могли на родномъ языкѣ внушать имъ истины христіанской религіи, поддерживается старый порядокъ жизни; что этотъ порядокъ можно поколебать и искоренить не иначе, какъ если ученики нынѣшнихъ школъ усвоятъ истины вѣры и правила жизни въ такой степени, что, не забывая ихъ и по выходѣ, будутъ имѣть и охоту, и способность проводить ихъ въ жизнь народа; а такого рода усвоеніе религіи можетъ быть только тогда, когда они будутъ читать свящ. исторію и Евангеліе на живомъ природномъ ихъ языкѣ. Далѣе, указавъ на всеподданнѣйшій отчетъ Г. Оберъ-Прокурора Св. Синода за

1866 годъ, въ которомъ между прочимъ сказано, что для православно-просвѣтительныхъ цѣлей церкви весьма важнымъ пособіемъ служили переводы церковно-богослужебныхъ книгъ на латышскій и финскій языки, Степанъ Ивановъ заключаетъ, что и переводы нужныхъ книгъ на чувашскій языкъ принесутъ также несомнѣнную пользу, и обученіе при помощи ихъ пойдетъ несравненно успѣшнѣе, чѣмъ при изученіи и чтеніи книгъ на русскомъ языкѣ. Наконецъ, указавъ на тѣ мѣста изъ рѣчи г. Погодина, произнесенной въ Московскомъ губернскомъ земскомъ собраніи (Бирж. Вѣд. за январь 1868 г. № 17) гдѣ онъ заявляетъ, что почти все, читаемое въ церквахъ, пропадаетъ даромъ' не только для простолюдиновъ, но и образованныхъ, по неудобопонятности церковно-славянскаго языка, и потому считаетъ необходимымъ объяснить и перевести на русскій языкъ всѣ составныя части богослуженія, Степанъ Ивановъ продолжаетъ: «сравнивая настоящее заявленіе г. Погодина съ возраже-«ніями, сдѣланными разными лицами противъ системы г. Золотницкаго и въ осо-«бенности противъ переведенныхъ имъ книгъ на чувашскій языкъ, мнѣ кажется «смѣшно и въ высшей степени грѣшно отвергать необходимость ученія грамотѣ «инородцевъ на природномъ ихъ языкѣ.... Отвергать пользу такого обученія, «когда высшими образованными людьми признается необходимымъ перевести «древнія книги на родной русскій языкъ для общепонятности, — совершенно «несогласно съ закономъ справедливости. Это одно и тоже, что оставить ино-«родцевъ — не знаю изъ-за какой выгоды — попрежнему еще лѣтъ на сто, и, «быть можетъ, болѣе, въ язычествѣ, не давая имъ, вопреки совѣсти, средствъ «къ глубокому понятію о томъ, что идолопоклонство есть предъ Всевышнимъ «Богомъ тяжкій грѣхъ. Здѣсь нельзя не пожалѣть до крайности о томъ, — го-«воритъ онъ въ заключеніе, — что пламенное стремленіе и полная готов-«ность г. Золотницкаго внести посильныя улучшенія въ жизнь инородцевъ «встрѣтили отъ многихъ укоризненное сопротивленіе». Приведенный отзывъ имѣетъ всю силу авторитета по отношенію къ разсматриваемому вопросу, потому что авторъ его, природный Чувашенинъ, хорошо знаетъ нужды своихъ соплеменниковъ и одушевленъ самымъ пламеннымъ желаніемъ подвинуть впередъ дѣло образованія ихъ, какъ это видно изъ его «Записки о причинахъ равнодушія крестьянъ Буинскаго уѣзда къ дѣлу грамотности и о способахъ къ устраненію тѣхъ причинъ», напечат. въ 125, 126 и 127 №№ *Справ. Листка* г. Казани за 1867 г. Самъ онъ обязанъ настоящимъ своимъ развитіемъ и общественнымъ положеніемъ, значительнымъ для крестьянина, не школѣ, въ которой пробылъ только около полугода и которая научила его только азбукѣ, а упорному труду самообразованія, что стоило ему, по его словамъ, большихъ усилій. О школьномъ образованіи по прежней системѣ онъ даетъ, въ означенной запискѣ отзывъ самый печальный. Не смотря на то, что въ 200 селеніяхъ быв-

шихъ удѣльныхъ крестьянъ Буинскаго уѣзда школы существуютъ съ 1840 года, и въ каждой обучается до 40 мальчиковъ втеченіе 3 — 4 лѣтъ, въ настоящее время, по его словамъ, съ трудомъ можно найдти въ какомъ угодно селеніи отъ 1 до 3 крестьянъ, могущихъ читать и подписать свое имя, прочіе же все перезабыли, хотя учились достаточное время. Такой застой грамотности происходитъ, по словамъ Степана Иванова, оттого, что ученики, по выходѣ изъ школы, должны бы заниматься въ свободное время, между прочихъ дѣлъ по хозяйству, чтеніемъ книгъ, но у нихъ нѣтъ не только такихъ книгъ, которыя, по своей полезности или занимательности, располагали бы невольнымъ образомъ дѣтей къ чтенію, а самихъ отцовъ къ слушанію, но и никакихъ. Покуда мальчикъ учится въ школѣ, говоритъ онъ далѣе, каждый изъ должностныхъ лицъ, а наипаче учитель, старается о томъ, чтобы выучить грамотѣ; но какъ только вышелъ ученикъ изъ школы, такъ никому до него будто и дѣла нѣтъ.—Послѣ этого легко понять, почему Степанъ Ивановъ съ такимъ увлеченіемъ отзывается о новой учебной системѣ для инородческихъ дѣтей и возлагаетъ на нее большія надежды.

Надежды, возлагаемыя на новую учебную систему, вполнѣ основательны, потому что ихъ достаточно оправдалъ уже опытъ, — этотъ наилучшій судья и цѣнитель всякой учебной системы. Въ школы, основанныя по системѣ гг. Ильминскаго и Золотницкаго, — видимъ мы на опытѣ, — инородческія дѣти не только поступаютъ охотно и выходятъ изъ нихъ добрыми христіанами и настоящими Русскими по гражданскому чувству и настроенію, съ достаточнымъ усвоеніемъ русскаго языка, но, сверхъ того, становятся дѣятельными проводниками русско-христіанскаго просвѣщенія въ массу своего племени. Я буду говорить здѣсь преимущественно о школѣ Ник. Ив. Ильминскаго, лично мнѣ извѣстной, и ея отрасляхъ, ссылаясь на факты: нѣтъ ничего убѣдительнѣе факта. Если бы въ свое время обратили должное вниманіе на дневники Василія Тимоѳеева, помѣщенные въ *Правосл. Обозрѣніи*, и такъ изобилующіе непререкаемыми фактами въ пользу школьнаго обученія по новой системѣ, то никому и въ голову не пришло бы писать возраженія на эту систему: противъ очевидности идти нельзя.

Школу Ник. Ив. Ильминскаго я знаю съ самаго ея рожденія. Теперь она выдержала уже 4-лѣтній искусъ, и о ней можно произнесть рѣшительное сужденіе. Школа идетъ превосходно. Если бы на Руси побольше существовало подобныхъ школъ,—дѣло народнаго образованія быстро подвинулось бы впередъ. Мальчики и дѣвочки вступаютъ въ нее съ величайшею охотою; отцы и матери питаютъ къ ней довѣріе неограниченное. Пока не было школъ-отраслей, которыхъ теперь 12 въ 4-хъ уѣздахъ, въ Казанскую школу привозили дѣтей за сто и болѣе верстъ. Въ прошлую зиму учащихся въ ней было болѣе 80 человѣкъ,

такъ что училищный домъ оказался тѣснымъ, и признано необходимымъ выстроить новый флигель; во всѣхъ же татарскихъ школахъ, устроенныхъ по образцу Казанской, учащихся болѣе 400 человѣкъ. Отовсюду слышится благодарность учредителямъ и руководителямъ школы. И, правду сказать, есть за что. Тогда какъ въ другихъ школахъ дѣти учатся болѣе или менѣе нехотя, рады поскорѣе отдѣлаться отъ книжки, заучиваютъ кое-какъ на память, здѣсь ученіе идетъ бодро, непринужденно, толково. Въ полтора и 2 мѣсяца, а иногда раньше, дѣти выучиваются читать и писать и бываютъ въ состояніи написать толковое письмо къ родителямъ. Эти письма, писанныя обыкновенно полууврешковыми буквами и наполненныя поклонами съ извѣщеніемъ, что въ школахъ жить хорошо, производятъ въ деревняхъ настоящую суматоху: ихъ собираются читать чуть не всѣ обыватели деревни. Легкость, быстрота и толковитость обученія особенно изумляютъ и располагаютъ Татаръ отдавать дѣтей въ школу. «Какъ это Кузьма въ два мѣсяца читать и писать выучился»? — спрашиваютъ они съ удивленіемъ.—«Это очень скоро, говорилъ отецъ одного мальчика, «что Яковъ мой въ мѣсяцъ съ небольшимъ сталъ читать безъ помощи учителя. «Въ прошлыхъ годахъ учились мальчики въ нашей деревнѣ (Саврушн) въ училищѣ, такъ они три года учились, и ничего не знаютъ». Особенно нравится крещенымъ Татарамъ обученіе на родномъ языкѣ. «Вотъ эти мальчики, говорятъ «они, указывая на учениковъ Казанской школы, съ перваго же начала понима-«маютъ, что читаютъ; а другіе, проучившись три года, и то не умѣютъ передать «намъ ничего. Это прекрасно вздумали, эдакое ученіе особенно хорошо».—«Это «весьма хорошо сдѣлали, что перевели на татарскій языкъ: что читаешь, все понимаешь хорошо. Эй, Василій, спасибо тебѣ», сказалъ Василью Тимоѳееву одинъ старикъ.—«За что»?—«А вотъ за что: я думалъ прежде, стóитъ ли везти «мальчика въ Казань. Съ этою мыслью я позвалъ къ себѣ Антона, заставилъ «его читать. Что же оказалось? Онъ читаетъ очень хорошо, и такъ недолго «учился. Будь увѣренъ, если Богъ велитъ, и я одного внучка своего отвезу въ «Казань. Я и другихъ мальчиковъ видѣлъ учившихся у тебя; они исправляются». Въ другой деревнѣ приходитъ къ Василію Тимоѳееву сѣдой 98-лѣтній старецъ и говоритъ: «Ай, добрый человѣкъ, спасибо тебѣ». —«За что же, дѣдушка, я тебя «въ первый разъ вижу». — «А вотъ за что: ты Петра выучилъ хорошо. Я уже «98-й годъ живу, никогда не встрѣчалъ человѣка читающаго слова Божіи на «нашемъ языкѣ, какъ онъ. Онъ такъ ясно читаетъ, что всѣ слушающіе его по-«нимаютъ. Къ нему и шадчинскіе Татары ходятъ слушать. Я бывалъ раза два «въ мечети во время гоита (праздникъ магометанскій послѣ рамазана) и тамъ «мулла такъ ясно не читаетъ, какъ онъ». Благодаря таковому ученію на своемъ родномъ языкѣ, воспитанники школы Ник. Ив. Ильминскаго пріобрѣтаютъ любовь къ ученію, занимаются и не въ учебное время дня, читаютъ, поютъ или

слушают разсказы изъ священной исторіи почтеннаго своего наставника; — даже дома, во время каникулъ, не прекращаютъ своихъ занятій. «Лишь только «пріѣхалъ онъ изъ школы, разсказывала одна старушка про своего внука, тот-«часъ разложилъ свои книги на столѣ и началъ читать, а сестра его начала «читать свою татарскую книжку абтіякъ, а мы слушаемъ того и другую:—вы-ходитъ, что у Василія каждое слово понятно, а у сестры его ни одного слова «не поймешь». Потомъ, разсказавъ, какъ его испытывалъ священникъ и похва-лилъ, что онъ въ такое короткое время много успѣлъ, бабушка присовокупила: «теперь нашъ Василій о татарской грамотѣ и слышать не хочетъ, а только свое «читаетъ.» Та же охота къ ученію и въ черемисскихъ школахъ. Николай Ивано-вичъ Золотницкій при обозрѣніи этихъ школъ спросилъ учителя о причинѣ пребыванія 5 мальчиковъ въ его школѣ въ неучебное время. Учитель объяснилъ, что нѣкоторые ученики, заохотившись грамотою, отлучаются только для обѣда домой;—«поѣдятъ, и опять сюда бѣгутъ, сидятъ со мною и по вечерамъ, и даже «здѣсь ночуютъ: читаемъ, поемъ, говоримъ: вотъ Ларіона такъ и не выгонишь «отсюда». Сами занимаясь ученіемъ во время каникулъ, воспитанники школы Ник. Ив. Ильминскаго и другихъ дѣтей заохочиваютъ къ ученью, даже нерѣдко начинаютъ учить ихъ. Въ первые годы школа набиралась преимущественно та-кимъ путемъ: лишь появится Василій Тимофеевъ въ деревняхъ, гдѣ есть его уче-ники, со всѣхъ сторонъ къ нему бѣжатъ мальчики: «дядя Василій, возьми и насъ «учиться». Въ одной деревнѣ прибѣжалъ къ нему мальчикъ часовъ въ 6 утра. «За чѣмъ ты»? — «Учиться».—«Теперь еще рано, приходи часовъ въ 8».—Онъ ушелъ. Но вскорѣ тотъ же мальчикъ прибѣжалъ съ отцомъ. Отецъ говоритъ: «ты, Василій, что не пустилъ моего сына? Онъ просто замучилъ меня, плачетъ «и тащитъ меня сюда. Батюшка, говоритъ, поведи меня къ учителю».

Благодаря легкому и толковому обученію на родномъ языкѣ, школа пріобрѣла въ скоромъ времени такую репутацію, что въ нее стали поступать даже учившіеся въ другихъ училищахъ. Между крещеными Татарами существуетъ сильное стремленіе къ образованію. Окруженные со всѣхъ сторонъ магометан-скими селеніями, въ которыхъ почти вездѣ при мечетяхъ есть и школы, они отдавали дѣтей въ эти школы; за Волгой и Камой, гдѣ христіанство между крещеными Татарами особенно слабо, такой порядокъ вещей продолжается до-селѣ. Кромѣ того, есть частныя школы по деревнямъ, гдѣ обученіемъ дѣтей магометанской грамотѣ занимаются женщины—отступницы отъ православія: такова Биксутана въ деревнѣ *Три Сосны.* Бывали примѣры, что деревенскіе мальчики изъ семействъ крещеныхъ Татаръ отдаваемы были для обученія въ казанскіе медресы, гдѣ обученіемъ дѣтей занимаются шакирды. Въ приходскія сельскія и городскія наши училища дѣти попадали гораздо рѣже. Лишь только разнеслась молва о Казанской школѣ Ник. Иван. Ильминскаго, въ нее стали

являться мальчики, а иногда 17-лѣтніе юноши, учившіеся въ сказанныхъ школахъ: скучное и медленное ученіе шакирдовъ и учительницъ, въ родѣ Биксутаны, которые заботились объ одномъ, чтобы дѣти твердо и правильно читали на-распѣвъ, и не обращали нисколько вниманія на то, понимаютъ ли они читаемое,—опостылѣло дѣтямъ; наши приходскія школы, гдѣ дѣти выучивались не болѣе какъ механическому чтенію, также неудовлетворяли ни дѣтей, ни ихъ родителей: послѣдніе, сравнивая своихъ дѣтей съ воспитанниками Казанской школы Ник. Иван., невольно отдавали ей предпочтеніе. Школа эта явилась какъ нельзя болѣе кстати: она удовлетворяетъ распространенному между крещеными Татарами стремленію къ образованію и составляетъ благонадежный оплотъ противъ мусульманской пропаганды. Недаромъ она въ 4 года такъ широко раскинула свои вѣтви. Притягательная сила ея простирается и на другихъ инородцевъ: Вотяки и Чуваши, усвоившіе себѣ языкъ татарскій, охотно отдаютъ дѣтей своихъ въ школы, устроенныя по образцу Казанской: въ Ишальнинской школѣ (Чистопольскаго уѣзда) обучаются даже 8 человѣкъ *некрещеныхъ* Чувашъ.

Нисколько неудивительны, впрочемъ, и эта широкая распространенность школы, и это громадное сочувствіе, пріобрѣтенное ею въ немногіе годы. Казанская школа съ ея отраслями не образуетъ только, но воспитываетъ въ русско-христіанскомъ духѣ. Любо смотрѣть на эти осмысленныя, степенныя лица учащихся; одурѣлыхъ, забитыхъ личностей, столь нерѣдкихъ въ другихъ школахъ, вслѣдствіе преобладающаго механизма въ обученіи, здѣсь не встрѣтите. Читаютъ толково, съ яснымъ пониманіемъ читаемаго, и потому всегда могутъ пересказать прочитанное; отвѣчаютъ не спѣшно, вдумчиво, какъ бы процѣживая всякое слово, и потому разумно. Болѣе всего бросается въ глаза искреннее, религіозно-нравственное направленіе дѣтей. Истины вѣры они не на память изучаютъ, а воспринимаютъ всею душою, живутъ ими, что видимо отражается и на ихъ внѣшнемъ поведеніи. Шалости, столь обычныя въ другихъ школахъ, въ школѣ г. Ильминскаго неизвѣстны: нѣтъ ни ссоръ, ни обмановъ и плутней, ни насмѣшекъ: дѣти живутъ какъ братья, отличаются степенностью и сдержанностью.

Самымъ могучимъ средствомъ къ утвержденію и поддержанію религіозной настроенности въ дѣтяхъ служитъ пѣніе церковныхъ пѣсней, введенное въ Казанской школѣ и ея отрасляхъ, равно какъ во всѣхъ черемисскихъ и чувашскихъ школахъ, устроенныхъ по новой системѣ. Для этого многія церковныя пѣсни, молитвы, ирмосы и нѣкоторые каноны цѣликомъ переведены на инородческіе языки. Дѣти поютъ церковныя пѣсни и на славянскомъ языкѣ (въ прошлую зиму воспитанники школы Ник. Иванов. Ильминскаго по праздникамъ и воскреснымъ днямъ пѣли всю службу въ ближайшей къ школѣ кладбищенской

церкви; посѣтители оставались довольны ихъ пѣніемъ); но замѣтно, что на своемъ родномъ нарѣчіи они поютъ съ большимъ одушевленіемъ; сила роднаго языка сказывается и здѣсь. Пѣнію посвящаются преимущественно длинные осенніе и зимніе вечера. Составляя любимое занятіе для дѣтей, пѣніе, съ его разнообразными напѣвами церковными, то важно-торжественными, то грустно-умилительными, видимо утверждаетъ и углубляетъ истины вѣры въ ихъ сознаніи, восполняетъ то, чего не досказываетъ и не въ состояніи выразить никакое слово, благодатно настроиваетъ душу и даетъ просторъ и свободный исходъ дѣтскому религіозному чувству. Чудно видѣть этихъ дѣтей, собранныхъ изъ разныхъ захолустій, полунищенски одѣтыхъ, — въ дырявыхъ кафтанахъ, въ безобразныхъ лаптишкахъ, — когда они воспѣваютъ на своихъ нарѣчіяхъ *величія Божія*. Невольно думается: не будь благодѣтельной школы, они коснѣли бы въ жалкомъ невѣжествѣ и всю жизнь провели бы безсмысленно, подобно десяткамъ предшедствовавшихъ поколѣній; а теперь въ нихъ прочно положены начатки высшей жизни, свойственной разумному созданію Божію. Не будь школы, они въ своихъ захолустьяхъ почитали бы прадѣдовскихъ кереметей, теперь же они съ одушевленіемъ поютъ: «*Свѣта подателю и вѣковъ Творче, Господи, во свѣтѣ твоихъ повелѣній настави насъ: развѣ бо Тебе иного Бога не знаемъ*»; или: «*Просвѣщеніе во тьмѣ лежащихъ, спасеніе отчаянныхъ, Христе Спасе мой, къ Тебѣ утреннюю, Царю мира, просвѣти мя сіяніемъ Твоимъ: иного бо развѣ Тебе Бога не знаю*». Въ устахъ инородческихъ дѣтей эти и подобныя имъ церковныя пѣсни получаютъ особенный смыслъ. Зная исключительность ихъ положенія и религіозное невѣжество племени, къ которому они принадлежатъ, нельзя безъ особеннаго впечатлѣнія слушать, когда они поютъ: «Ходатай Богу и человѣкомъ былъ еси Христе Боже: Тобою бо, Владыко, къ свѣтоначальнику Отцу Твоему *отъ нощи невѣдѣнія приведеніе* имамы»,—или особенно этотъ ирмосъ: «Безначальна Родителя Сынъ, Богъ и Господь, воплощся отъ Дѣвы намъ явися, *омраченная просвѣтити, собрати расточенная;* тѣмъ всепѣтую Богородицу величаемъ». Дѣйствительно, *нощь невѣдѣнія* проходитъ, *омраченные просвѣщаются*, спавшіе долгимъ сномъ пробуждаются. Школы инородческія служатъ маленькими центрами свѣта,—и недалеко то время, когда людіе, сѣдящіи во тьмѣ и сѣни смертнѣй, увидятъ свѣтъ велій.

Уже теперь школа оказываетъ благотворное вліяніе на темную массу заброшенныхъ племенъ. Мальчики и учатся, и учатъ старшихъ. Когда они пріѣзжаютъ домой, ихъ чтеніе и пѣніе собираются слушать толпы крещеныхъ Татаръ. При этомъ чтеніи они высказываютъ и живой интересъ къ предметамъ вѣры и церкви, и радость о переводѣ священно-церковныхъ книгъ на ихъ родной языкъ, и горькое сожалѣніе о своемъ невѣжествѣ, особенно сравнительно съ Татарами-магометанами, у которыхъ и книгъ много, и великій болѣе ихъ

менѣе знаетъ свою вѣру. Одна старушка, наслушавшись чтенія своего внука, говорила: «Вотъ мы все говорили: Татары да Татары (т. е. думали, что въ «ихъ-то книгахъ только и есть хорошія правоученія), а вотъ у насъ и въ русскихъ книгахъ прекрасныя наставленія. Когда мы услышали чтеніе Бориса, «заплакали совсѣмъ. Вотъ насъ больно обольщаютъ Татарки; онѣ говорятъ: «если вы будете произносить: ля иляга илляла Мухамметъ расуляллa, то прежде «насъ въ рай попадете. Иной разъ на эти слова и совратишься. Нѣтъ вотъ у «насъ твердости, а если бы были у насъ книги, мы крѣпко стояли бы, ужъ ни«кого бы не послушали». Когда Василій Тимоѳеевъ былъ въ деревнѣ Ташліяръ и зашелъ къ ученику своему Петру, мать его благодарила за ученіе сына: «Мы, «говоритъ, очень довольны тобою; Петръ нашъ скоро понялъ грамоту; онъ дома «по праздникамъ постоянно читаетъ, и къ намъ приходитъ слушать почти вся «деревня» (состоитъ изъ 15-ти дворовъ). Вотъ разказъ одного воспитанника школы Ник. Ив. Ильминскаго (теперь этотъ мальчикъ завѣдываетъ уже школою) о своемъ пребываніи въ гостяхъ у дяди въ 1865 году: «Дядя мой ска«залъ мнѣ: Яковъ, почитай-ка, а мы послушаемъ. Я взялъ букварь и читалъ из«реченія изъ Священнаго Писанія и заповѣди съ объясненіемъ: всѣ семейные «слушали со вниманіемъ. Вовремя чтенія говорили: что это такое значитъ? Мы «прежде никогда не слыхали чтенія на своемъ языкѣ, а теперь слышимъ: вотъ «какія хорошія наставленія заключаются въ Писаніи. По окончаніи чтенія я «вышелъ на улицу играть. Среди дня идемъ мы съ Андреемъ по улицѣ, а по «правую сторону стоитъ много народа, гости и тутошніе, крещеные и магоме«тане. Изъ крещеныхъ одинъ сказалъ: Яковъ, поди сюда, почитай здѣсь кни«гу, многіе желаютъ слушать, я говорилъ имъ о тебѣ. Я сталъ читать изъ бук«варя о заповѣдяхъ. Когда я прочиталъ вторую заповѣдь, магометане говорили: «вотъ тутъ сказано: не покланяйся идоламъ, а вы доскамъ кланяетесь. Я ска«залъ: нѣтъ, вы погодите и слушайте, что̀ дальше будетъ. Прочитавши о почи«таніи иконъ, я и самъ объяснялъ сколько могъ. Наконецъ, я сказалъ: вотъ тутъ «досокъ много, мы ни одной изъ нихъ не кланяемся; мы чтимъ не доски, а изо«браженія святыхъ угодниковъ, которыя на доскахъ написаны, но угодниковъ «за Бога не признаемъ. Послѣ этого я спросилъ магометанъ, что̀ значитъ: Алла «Акбяръ? Они не могли растолковать, и ушли. Крещеные послѣ смѣялись надъ «ними: вотъ, говорятъ, своихъ молитвъ не понимаютъ. Тутъ подошелъ Борисъ (другой воспитанникъ, въ настоящее время тоже наставникъ отдѣльной школы) «и читалъ; слушающіе разговаривали: вотъ пріятно слушать, когда понимаешь «читаемое, и на сердцѣ весело; а въ церкви стоишь пенькомъ, ничего не понима«ешь, стоишь и только дремлешь. Иногда придешь въ церковь, поставишь гро«шевую свѣчку — и назадъ. А если бы на своемъ языкѣ читали, не думали бы вы«ходить изъ церкви. Спасибо, что перевели эту книгу». Изъ этого разказа вид-

но, что воспитанники школы Ник. Ив. Ильминскаго не только благотворно дѣйствуютъ на своихъ соплеменниковъ-крещеныхъ, но способны дать отпоръ магометанамъ, у которыхъ почти всѣ возраженія противъ христіанства состоятъ въ томъ, что мы доскамъ кланяемся, да мухъ гоняемъ, когда осѣняемъ себя крестнымъ знаменіемъ. На улицахъ старокрещенскихъ деревень происходятъ нерѣдко сцены, гораздо знаменательнѣе описанной, — сцены истинно поразительныя. Съ книгою въ рукахъ сидитъ на бревнѣ Василій Тимоѳеевъ, или какой нибудь изъ его учениковъ. Старые и малые, парни и дѣвушки окружаютъ ихъ густою толпою, хороводы останавливаются, пѣсни умолкаютъ. Воцаряется мертвая тишина. Раздается чтеніе или устный разсказъ. Плотно стѣснившись, съ напряженнымъ вниманіемъ, боясь проронить одно слово, слушаютъ крещеные на своемъ родномъ языкѣ слово Божіе, слушаютъ со слезами на глазахъ, съ замираніемъ сердца. Женщины нейдутъ домой, хотя ихъ тащатъ малыя дѣти. Чтеніе и разсказъ продолжаются иногда часа два и три. По окончаніи чтенія раздаются голоса: «ахъ, какъ хорошо слушать на своемъ языкѣ; «вотъ въ церкви мы ничего не понимаемъ. Ай, спасибо, что написали по нашему». Другіе говорятъ: «непремѣнно надо отдать дѣтей въ школу». Послѣ чтенія нравоученій слышатся голоса: «ай, ай, вотъ какъ! Вотъ что мы должны исполнять. «О, сколько мы невѣжды! Ни утромъ, ни вечеромъ, ни днемъ не молимся; подумаешь, на кого мы похожи,—живемъ, какъ скотина». Разказъ о великихъ событіяхъ священной исторіи обыкновенно сопровождается возгласами: «ай, ай, смотри-ка какія дѣла Божіи! эй Алла!» Выслушавъ поученіе о таинствахъ, крещеные говорятъ: «смотри-ка, вотъ для чего мы крестимся, исповѣдуемся, причащаемся, «благодать получаемъ, грѣхи наши прощаются и т. п. Эхъ, ничего-то мы не знаемъ «и живемъ какъ овцы. Если бы мы слышали эдакъ слово Божіе на своемъ языкѣ съ молодыхъ лѣтъ, все-таки получше бы знали свою вѣру, а теперь ничего «не знаемъ, что такое вѣра. Посмотри у Татаръ, дѣти съ семи лѣтъ начинаютъ «ходить къ муллѣ учиться, и хоть не всѣ выучиваются, но все-таки знаютъ молитвы и свою вѣру, и намъ могутъ пересказать. А мы сами-то ничего не знаемъ «и другимъ пересказать не можемъ. Вотъ теперь намъ хорошо слушать на своемъ языкѣ. Ай спасибо, что написано по нашему». Другіе говорятъ: «что же намъ «дѣлать, когда насъ не учатъ? Какъ же мы будемъ знать вѣру? Вотъ эти мальчики (воспитанники школы Ник. Ив. Ильминскаго) будутъ знать, и другіе «чрезъ нихъ узнаютъ, потому что они читаютъ и говорятъ на своемъ родномъ «языкѣ. Эдакое ученіе особенно хорошо». —Многіе изъ крещеныхъ Татаръ, вслѣдствіе насмѣшекъ своихъ соплеменниковъ-магометанъ, соблазнялись иконопочитаніемъ. Послѣ разъясненія смысла иконопочитанія, они сознаютъ свою ошибку: «ахъ, мы невѣжды, —говорятъ они, нѣтъ, безчестить иконы не слѣдуетъ. «Спасибо, братъ, тебѣ, теперь я понялъ въ чемъ дѣло. Отъ сердца буду почи-

«тать образа святыхъ». — Чаще всего, послѣ чтенія и разказовъ слышится со стороны крещеныхъ Татаръ горькое сознаніе въ своемъ невѣжествѣ и жалобы на безпомощность своего положенія среди соблазновъ магометанства. «Ахъ, го- «ворятъ они съ грустью, ничего мы не знаемъ своей вѣры; поди, вонъ, Татары «какъ знаютъ, даже мальчики ихъ, а у насъ, крещеныхъ, и старики даже не зна- «ютъ ничего. Да и какъ же мы будемъ знать? Кто насъ учитъ? Отъ кого мы «слышимъ? Мальчики наши иногда и учатся русской грамотѣ, но не умѣютъ «передавать на татарскомъ языкѣ. Вонъ теперь Антонъ (ученикъ Казанской «школы) читаетъ книги на своемъ языкѣ, — любо слушать. Немного пожилъ въ «Казани, а читаетъ очень удовлетворительно. Если бы учились всѣ мальчики «такъ же, тогда бы и мы знали и слышали отъ нихъ что-нибудь о своей вѣрѣ. А «то родишься, живешь, состарѣешься, ни отъ кого ничего не услышишь; насъ же «ругаютъ. Совсѣмъ не то у Татаръ. Поневолѣ теперь нѣкоторые изъ насъ уже «стали жить по-татарски: вотъ нынче многіе изъ молодежи, я вижу, руки поды- «маютъ и лицо гладятъ (магометане когда войдутъ въ избу къ кому, читаютъ тайно молитву, держатъ предъ глазами обѣ руки сложенными ладонями вверхъ, и по окончаніи молитвы руками какъ бы отираютъ лицо), — «почему? Они хо- «дятъ въ общество Татаръ и, стыда ради, дѣлаютъ такъ. Ахъ, мы сами не мо- «жемъ держать своей вѣры. Станешь мало-мало порядочнѣе жить, приходятъ «Татары и стыдятъ: совсѣмъ, говорятъ, ты зачернился. — Что правда, то правда, «ввернулъ тутъ другой крещенинъ. Вотъ сегодня пришли ко мнѣ Татары, люди «богатые, я сталъ имъ собирать на столъ, а самъ я былъ подпоясанъ, и крестъ «на мнѣ. Боясь, чтобы не сказали, что я очень почернѣлъ, я взялъ крестъ, да «насилу и поворотилъ. Знаю самъ, что согрѣшилъ, но и предъ ними-то стыд- «но, они часто говорятъ намъ: зачѣмъ носишь это?» — Послѣднія слова ярко обрисовываютъ жалкое положеніе крещеныхъ Татаръ среди магометанъ. Отъ Татаръ они отстали, къ Русскимъ не пристали. Магометане называютъ ихъ кяфирами, Русскіе по невѣжеству зачастую обзываютъ собаками наравнѣ съ магометанами. «Куда мы ни придемъ, вездѣ надъ нами крещеными смѣются», жалуются они. Положеніе нравственно-тяжелое и невыносимое. Школа и книги на живомъ татарскомъ нарѣчіи начали мало-по-малу уничтожать это неесте- ственное положеніе. Радостно встрепенулись крещеные Татары, услышавъ впер- вые на своемъ родномъ языкѣ содержаніе своей вѣры, обрядамъ которой они до сихъ поръ слѣдовали безсознательно, съ тупою покорностью, а иные нехотя, принужденно. Теперь они убѣждаются, что русская вѣра не есть погибель, какъ имъ толкуютъ постоянно муллы; что въ ней есть прекрасныя наставленія; что обряды и таинства имѣютъ глубокій смыслъ. Интересъ религіозный между ними возбужденъ; они желаютъ опознать себя, утвердиться въ началахъ своей вѣры. «Какъ это муллы хулятъ нашу русскую вѣру, и говорятъ, что наша вѣ-

«ра погибель?»—спрашивали они назадъ тому три года Василія Тимооеева. Отвѣтъ былъ такой: «если бы они знали нашу вѣру, не стали бы хулить, потому «что въ ней нѣтъ ничего достойнаго хулы. Они не знаютъ нашей вѣры, книгъ «нашихъ не читаютъ. Они хулятъ нашу вѣру, чтобы васъ привлечь къ себѣ, что-«бы какъ-нибудь обмануть васъ, или лишній разъ у васъ поѣсть, у нихъ такъ «и въ Коранѣ написано: кяфировъ обманывай и грабь. Я знаю и ту и другую «вѣру, читаю и Евангеліе, и Коранъ, и говорю вамъ, что истинная вѣра русская. «Въ татарской книгѣ отъ начала до конца написано, какъ съ бабами водиться, «а въ нашей книгѣ о великихъ дѣлахъ Божіихъ и чудесахъ». И затѣмъ много говорилъ имъ о православной вѣрѣ и магометанской. Слушатели, наконецъ, стали говорить другъ другу: «вотъ, братцы, его словамъ нужно вѣрить, потому что «онъ обѣ вѣры знаетъ», и благодарили учителя. Выходя изъ школы, они звали его къ себѣ, говоря: «вечеркомъ заходи и къ намъ съ своими книгами». Въ настоящее время, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ есть воспитанники школы Ник. Ив. Ильминскаго и гдѣ распространены книги его перевода, крещеные Татары уже не стоятъ на распутіи между христіанствомъ и магометанствомъ, съ тяжелымъ недоумѣніемъ, куда преклонить свою голову, а рѣшительно тянутъ къ Русскимъ. Грамотные между ними въ высшей степени интересуются книгами перевода г. Ильминскаго, берутъ ихъ другъ у друга и читаютъ. Василій Тимооеевъ встрѣтилъ въ одномъ селѣ солдата, находящагося въ безсрочномъ отпуску. Онъ между прочимъ сказалъ ему: «ну, братъ, спасибо тебѣ, что «ты принесъ и въ нашъ край эти книги. Я бралъ ихъ почитать у Трофима; ай, «хорошо читать на своемъ языкѣ; на русскомъ — не такъ». Но особенно привлекаетъ крещеныхъ Татаръ пѣніе церковныхъ пѣсней на родномъ языкѣ. Глубоко вѣрно слово поэта «есть сила благодатная въ созвучьи словъ живыхъ». Эта сила, воодушевляя пѣвцовъ, возвышаетъ и умиляетъ сердца слушателей. Въ печати уже заявлено, какъ племянница Василія Тимооеева Өеодора пѣніемъ заохотила къ ученію крестьянскихъ дѣвушекъ своей деревни; какъ вслѣдствіе сего основалась школа въ деревнѣ Никифоровкѣ; какъ эта школа уничтожила деревенскія вечерники и собирала въ осенніе и зимніе вечера молодыхъ и старыхъ для пѣнія и слушанія церковныхъ пѣсней; какъ даже во время полевыхъ работъ, среди отдыха, дѣвушки и женщины оглашаютъ воздухъ пѣніемъ церковныхъ пѣсней. Въ прошлую зиму, одна молодая женщина, только что вышедшая замужъ, оставила мужа, семью, и съ своею падчерицею пришла въ Казань учиться чтенію и пѣнію, наслушавшись прежде онаго въ деревняхъ, и оставалась здѣсь нѣсколько мѣсяцевъ. Слушая пѣніе на своемъ языкѣ, крещеные Татары не могутъ удерживать своего восторга: «какъ хорошо слушать «пѣніе на своемъ языкѣ, все понимаешь, и на сердцѣ весело. А вотъ въ церкви «стоишь часа два, и ни слова не поймешь, и выходишь безъ всякаго чувства.

«О, если бы вся церковная служба была переведена на крещонскій языкъ! тогда «бы мы ходили въ церковь съ величайшею радостію». Въ Пасху нынѣшняго года, въ нѣкоторыхъ селахъ, гдѣ есть школы-отпрыски, воспитанники этихъ школъ пѣли въ церкви пасхальный канонъ на своемъ языкѣ, и сопровождали причтъ по крещенскимъ деревнямъ, замѣняя причетниковъ въ пѣніи канона. Впечатлѣніе было самое сильное и благотворное. Священникъ села Карабаянъ пишетъ (*Извѣстія по Казанской епархіи* 1868 г., № 17), что «многіе изъ «стариковъ плакали при слушаніи сего канона, пѣтаго ихъ внуками. Самый ходъ «на Пасху со св. иконами въ крещенскихъ деревняхъ выходилъ изъ ряду прежнихъ годовъ въ тѣхъ же деревняхъ. Старые и малые, женщины и дѣвицы, всѣ «большою толпою ходили за св. иконами; избы такъ туго набивались народомъ, «что нельзя было руки просунуть, народъ толпился у дверей, въ сѣняхъ, на дворѣ и улицѣ. Крещонскія дѣвицы, при появленіи св. иконъ въ ихъ домѣ, уже «не скрывались за занавѣсками, печами, и не разбѣгались, какъ это было прежде, но, нарядившись во весь свой праздничный уборъ, являлись предъ нами, «преклоняли главу подъ Евангеліе, читанное мною на ихъ родномъ языкѣ, прикладывались къ св. иконамъ наподобіе Русскихъ, даже въ крещонскихъ деревняхъ было больше народа при хожденіи въ св. Пасху, нежели въ русскихъ». Въ одной деревнѣ этого прихода, по просьбѣ тамошнихъ крещонъ, отслужена была пасхальная всенощная подъ открытымъ небомъ, на дворѣ, такъ какъ никакая изба не могла вмѣстить желавшихъ слушать пѣніе на своемъ родномъ языкѣ. Изъ деревни Верхней Серды, Лаишевскаго уѣзда, двое воспитанниковъ Казанской школы, занимающіеся тамъ обученіемъ дѣтей, сообщаютъ между прочимъ руководителямъ Казанской школы, называя ихъ «добрыми отцами своими», что нынѣ на Пасху они съ молодыми однодеревенцами, своими учениками, сами принесли иконы изъ села, тогда какъ прежде носили ихъ Русскіе; потомъ сопровождали эти иконы по всѣмъ домамъ и вездѣ пѣли по-татарски; что пѣніе пасхальныхъ ирмосовъ очень понравилось крещенымъ Татарамъ, которые посему неотступно ходили за иконами, съ удовольствіемъ слушая пѣніе; что такому усердію крещеныхъ Татаръ удивлялись причетники, помня ихъ прежнее равнодушіе, на что крещеные имъ отвѣчали: «прежде мы ничего не понимали, а теперь мало-мало въ ухо входитъ». «Когда обошли всю деревню съ «иконами, присовокупляютъ мальчики-наставники, множество народа собралось «провожать иконы. Въ это время мы принесли иконы къ своей школѣ, и тутъ «пропѣли всѣ ирмосы. Наконецъ, когда мы проводили въ село иконы, старики «намъ сказали «спасибо», и велѣли написать вамъ отъ всѣхъ ихъ большой поклонъ». Изъ села Чуры, Мамадышскаго уѣзда, священникъ Кремковъ также сообщаетъ, что ученики тамошней школы, подъ руководствомъ своего наставника, воспитанника Казанской школы, на утрени въ Свѣтлое Воскресеніе, пѣли «Христосъ

воскресе» и ирмосы пасхальные попеременно и по-русски, и по татарски; что крещеным Татарам это очень было пріятно, какъ потому, что они видѣли дѣтей своихъ отчетливо и стройно поющихъ, такъ и потому, что для нихъ самихъ сдѣлались хотя нѣсколько понятнѣе самыя мысли ирмосовъ, тогда какъ прежде они слышали пѣніе ихъ, нисколько не понимая словъ и мыслей. Еще болѣе, по его словамъ, было радости, когда мальчики пошли съ нимъ съ иконами по селу и по деревнямъ; нѣкоторые изъ мужчинъ и женщинъ, слушая пѣніе ихъ на своемъ языкѣ, обливались слезами. На вопросъ: что̀ они плачутъ? былъ такой отвѣтъ: «какъ же не заплачешь, когда такъ хорошо поютъ и такъ понятно намъ». Когда священникъ одному изъ растроганныхъ этимъ пѣніемъ домохозяевъ предложилъ дать пѣвшимъ мальчикамъ вмѣсто яйца нѣсколько копѣекъ, то онъ, не переставая плакать, сказалъ: «нимало не жалѣю сей милости, а еще, за неимѣніемъ у меня сына, отдамъ имъ дочь свою для обученія». Взаключеніе о. Кремковъ замѣчаетъ, что при мальчикахъ самое хожденіе съ иконами было тихо, кротко, и во всякомъ случаѣ болѣе чинно, нежели при причтѣ, не всегда исправномъ (*Современ. Извѣстія* 1868 г. № 121). Тоже самое дѣйствіе производитъ пѣніе молитвъ на родномъ языкѣ на Черемисъ и Чувашъ. Приведу одинъ случай весьма замѣчательный. Одинъ 70-лѣтній старикъ Чувашенинъ, служившій нѣкогда приказнымъ головою, узнавъ, что пріѣзжіе въ его деревню, учитель одной чувашской школы и его помощникъ, поютъ молитвы на чувашскомъ языкѣ, пригласилъ ихъ къ себѣ для пѣнія. Когда они начали пѣть по-чувашски, старикъ сталъ на колѣни предъ образомъ и началъ молиться со слезами; долго они пѣли, а старикъ все молился и плакалъ. По окончаніи пѣнія онъ всталъ, поклонился учителю и его помощнику, и сказалъ: «вѣкъ я изжилъ, умирать собираюсь, а только еще теперь помолился Богу «отъ всей души, спасибо вамъ, спасибо»;—потомъ онъ сходилъ въ чуланъ, принесъ полтинникъ и просилъ принять на память о немъ; когда тѣ отговаривались, онъ сказалъ: «духовнымъ я даю, что̀ положено, а это вы возьмите отъ большой любви моей». Итакъ школа, устроенная по новой учебной системѣ, не только образуетъ и воспитываетъ инородческихъ дѣтей въ русско-христіанскомъ направленіи, но чрезъ нихъ и чрезъ книги, изложенныя на живомъ инородческомъ языкѣ, благотворно дѣйствуетъ на массу инородческихъ племенъ. Доселѣ они были христіанами только по имени и къ нимъ вполнѣ можно было приложить то, что̀ сказалъ Господь о Самарянахъ: «вы кланяетесь, Его же не- «вѣсте». Теперь же, слушая чтеніе и пѣніе своихъ дѣтей на родномъ языкѣ, а также сами читая, кто имѣетъ возможность, книги религіознаго содержанія, они сознательно усвояютъ себѣ содержаніе русской вѣры, радостно убѣждаются, что это не погибельная вѣра, какъ обзываютъ ее муллы, дѣлаются недоступными вліянію послѣднихъ и почитаютъ тяготѣть къ русской церкви и

русскому народу: расточенные собираются въ ограду церкви. Надобно желать размноженія школъ, усиленія и распространенія переводовъ. Крайне нелѣпо опасаться какого-то племеннаго обособленія инородцевъ вслѣдствіе распространенія между ними христіанскаго просвѣщенія посредствомъ ихъ роднаго языка: православіе имѣетъ свойство объединять, а не обособлять и разрознивать. Я лично знаю почти всѣхъ лучшихъ воспитанниковъ школы Ник. Ив. Ильминскаго, которые теперь завѣдываютъ школами-отраслями, и желалъ бы отъ всей души, чтобы воспитанники нашихъ русскихъ школъ были на нихъ похожи и по христіанскому просвѣщенію, и по гражданскому чувству. Русскимъ людямъ, дорожащимъ успѣхами христіанства и успѣхами русскаго просвѣщенія не сѣтовать слѣдуетъ на гг. Ильминскаго и Золотницкаго за переводы священно-церковныхъ книгъ на живые инородческіе языки, а радоваться и подражать имъ. Въ виду громадной массы магометанскихъ книгъ, издаваемыхъ ежегодно въ Казани (см. *Правос. Обоз.* 1866 г., Замѣтки, стр. 78., статью Ник. Ив. Ильминскаго о количествѣ печатаемыхъ въ Казани магометанскихъ книгъ), -нечего задумываться надъ распространеніемъ христіанскихъ книгъ на татарскомъ и другихъ инородческихъ нарѣчіяхъ. Книгамъ должно противопоставлять книги; противъ грамотности слѣдуетъ дѣйствовать грамотностью. Татары-магометане хвалятся предъ крещеными и соблазняютъ ихъ, между прочимъ, тѣмъ, что у нихъ, магометанъ, книгъ много, а у Русскихъ, какъ только выучатъ букварь, и учиться больше нечему, и книгъ болѣе нѣтъ. Въ этихъ словахъ горькая правда. Книгъ, понятныхъ для простаго народа, у насъ почти нѣтъ. Въ послѣднее время явилось, правда, множество брошюръ и книгъ, даже журналовъ для чтенія простаго народа, но, за немногими исключеніями, всю эту quasi народную литературу можно бы предать всесожженію безъ малѣйшаго ущерба для народнаго просвѣщенія. Подлаживаться подъ простонародный говоръ, не значитъ еще говорить языкомъ простаго народа, языкъ все-таки выходитъ искусственный. До сихъ поръ у насъ умѣютъ говорить языкомъ простаго народа только раскольники; поэтому они не перестаютъ втягивать въ свою удушливую атмосферу православное простолюдье, которое, по безграмотности, по недостатку хорошихъ школъ и за неимѣніемъ удобопонятныхъ книгъ, обыкновенно держится православія безсознательно, въ силу одного обычая, и потому не въ силахъ противостоять антиправославному вліянію. Непремѣнно нужно озаботиться изданіемъ книгъ религіознаго содержанія на живомъ простонародномъ русскомъ языкѣ: только въ этомъ случаѣ и школы наши примутся, и возвысится уровень религіозно-нравственнаго развитія народа. За это ручается необычайный успѣхъ инородческихъ школъ, въ основу которыхъ положенъ живой народный языкъ. Благодаря этому орудію образованія, на нашихъ глазахъ совершается нравственный подъемъ заброшенныхъ инородческихъ племенъ: люди,

сидящіе во тьмѣ, начинают видѣть свѣтъ велій. Можно быть увѣреннымъ, что чрезъ 10 — 15 лѣтъ *процвѣтетъ*, говоря словами церковной пѣсни, *яко кринъ пустыня языческая* въ нашемъ краю, *неплодящая церковь.* Если не будутъ мѣшать настоящимъ школамъ, вся масса крещеныхъ инородцевъ, безъ всякаго сомнѣнія, скоро и умственно и нравственно поднимется. Опасность при этомъ предстоитъ одна, не та, что они обособятся, замкнутся въ племенной исключительности, — это пустыя опасенія, созданныя страхомъ, про который справедливо говорятъ, что у него глаза велики,—а то, что наше простонародье останется далеко позади ихъ, если не измѣнится status quo, если параллельно инородческимъ школамъ не явятся русскія по образу и подобію ихъ, если не будутъ издаваться книги на живомъ простонародномъ языкѣ, если не явятся изъ среды простаго народа люди, подобные Василію Тимоѳееву, и если не найдутся такіе ревнители народнаго образованія, которые бы, подобно гг. Ильминскому и Золотницкому, поставили это для себя задачею жизни. Если бы у насъ доселѣ были по селамъ сносныя народныя школы и удобопонятныя для народа книги духовно-нравственнаго содержанія, то инородцы, окруженные со всѣхъ сторонъ русскимъ народомъ, давно бы обрусѣли и въ церковномъ и гражданскомъ смыслѣ, и не поддавались бы вліянію магометанства. Въ настоящее время наоборотъ; Русскіе поддаются вліянію инородческаго суевѣрія. Вотъ примѣръ: Василій Тимоѳеевъ пріѣхалъ въ одну деревню, которая населена наполовину Русскими и наполовину крещеными Татарами. Въ это время тамъ совершали жертвоприношеніе о хлѣбородіи. Онъ спросилъ одного крещенина: «какъ это «вы вздумали жертву приносить въ русской деревнѣ?» Тотъ отвѣчалъ: «чего! Рус-«скіе сами заставляютъ насъ дѣлать это. Вотъ уже по два года не родился на «этихъ поляхъ хлѣбъ; Русскіе и говорятъ: хоть вы, крещоны, совершите свое «моленье. Богъ не за то ли не даетъ намъ хлѣба; ужъ мы очень давно не прино-«шивали эту жертву, — лѣтъ 20 будетъ, коль не слишкомъ. А къ тому жъ на «томъ мѣстѣ были нынче видѣнья. Итакъ, старики вздумали совершить жер-«твоприношеніе. Русскіе согласны съ нами; одинъ Русскій весной еще обѣ-«щалъ свою трехгодовалую телку отдать на жертву».

Не мѣшать, а всячески содѣйствовать надобно усиленію и размноженію школъ по системѣ гг. Ильминскаго и Золотницкаго, равно и распространенію священно-церковныхъ книгъ на живыхъ инородческихъ нарѣчіяхъ, потому что школы эти не просто учебныя заведенія для образованія юношества, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и главнымъ образомъ, миссіонерскія учрежденія, которыя должны приготовлять апологетовъ христіанства и борцовъ противъ преобладающаго въ нашемъ краю магометанства. Доселѣ крещено-татарскія школы существуютъ только въ старокрещенскихъ татарскихъ селеніяхъ и дѣйствуютъ, какъ мы видѣли, въ высшей степени благотворно; отъ нихъ, можно смѣло надѣяться, ни

одинъ старокрещеный Татаринъ не будетъ совращенъ въ магометанство. Но сверхъ старокрещеныхъ Татаръ и другихъ инородцевъ, какъ въ нашей, такъ и въ сосѣднихъ губерніяхъ, есть многое множество новокрещеныхъ инородцевъ, т. е., крещеныхъ послѣ учрежденія конторы новокрещенскихъ дѣлъ (около 1735 года), которая въ дѣлѣ обращенія инородцевъ дѣйствовала быстро и энергически; втеченіе двухъ годовъ (1741 и 1742) крещено ею инородцевъ 17,362, какъ видно изъ донесенія Св. Синоду предсѣдателя конторы Димитрія Сѣченова; въ 1747 г. всѣхъ крещеныхъ инородцевъ въ Казанской епархіи (имѣвшей тогда гораздо обширнѣйшіе географическіе размѣры) было уже болѣе ста тысячъ, какъ видно изъ именнаго указа императрицы Елисаветы Петровны о льготахъ новокрещенымъ, вышедшаго въ семъ году, тогда какъ въ 30-хъ годахъ XVIII столѣтія ихъ считалось не болѣе 15 тысячъ. Но, къ сожалѣнію, обширности внѣшняго распространенія христіанства не соотвѣтствовала степень внутренняго усвоенія онаго новокрещеными. Крестились при Сѣченовѣ цѣлыми деревнями; но дѣйствовалъ болѣе страхъ русской администраціи, денежныя вознагражденія и льготы, чѣмъ самая проповѣдь. Самыми дѣйствительными мѣрами для обращенія служили освобожденіе крестившихся отъ власти мурзъ, зачетъ службы съ оцѣнкою по 5 руб. въ годъ въ уплату долга тѣмъ изъ нихъ, которые жили по заемнымъ крѣпостямъ у заимодавцевъ, свобода отъ податей и единовременная денежная награда. Изъ-за послѣдней многіе инородцы крестились по нѣскольку разъ. Много дѣйствовалъ также и дополнительный указъ о производствѣ ревизіи, изданный въ 1748 году, по которому велѣно было освободить крестившихся инородцевъ отъ приписки къ адмиралтейству, которой подвергались остальные. Въ самомъ указѣ императрицы Елисаветы Петровны, 1747 г., сказано, что иновѣрцы принимали въ это время крещеніе, *льстясь на едину точію денежную себѣ дачу*. Историкъ XVIII вѣка, князь Щербатовъ, пишетъ, что «россійскій духовный чинъ, отступая отъ пра«вилъ первенствующей церкви, не бралъ труда ихъ (инородцевъ) сперва из«учить и уже знающихъ ихъ языкъ къ нимъ проповѣдниковъ посылать, но токмо «такъ, какъ въ баню, такъ и ко крещенію водили». Преосв. Амвросій, архіепископъ Казанскій, управлявшій Казанскою паствою въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка, въ донесеніи Св. Синоду, между прочимъ, говоритъ, что инородцы «при«ведены къ вѣрѣ св. крещеніемъ безъ предварительнаго имъ истолкованія дог«матовъ оныя». Эти-то инородцы, извѣстные подъ именемъ новокрещеныхъ, съ самаго начала нынѣшняго столѣтія постоянно отпадали отъ христіанства. Возникло громадное дѣло объ отпаденіи крещеныхъ Татаръ, которое втеченіе полустолѣтія мучило и не перестаетъ мучить церковную и гражданскую администрацію. Пора положить конецъ этому дѣлу. Нужно озаботиться дѣйствительнымъ обращеніемъ и просвѣщеніемъ этихъ такъ называемыхъ новокрещенъ,

которые только числятся христіанами, но внутренно преданы магометанству. Пора, наконецъ, начать серьезную борьбу съ самимъ магометанствомъ, которое, не смотря на триста лѣтъ господствующаго въ здѣшнемъ краю христіанства, продолжаетъ дѣлать завоеванія. Для этого нужны дѣятели. Гдѣ ихъ взять? Однихъ священниковъ, если бы они достаточно подготовлены были къ этой борьбѣ, чего доселѣ не было, недостаточно. Имъ нужны бодрые и свѣжіе пособники, глубоко проникнутые истиною христіанства, притомъ единоплеменные съ Татарами и другими инородцами, по себѣ понимающіе мѣру и образъ ихъ воззрѣній, способные привлечь ихъ довѣріе и сочувствіе и передать имъ на ихъ языкѣ содержаніе христіанства, о которомъ они имѣютъ дикія понятія, смѣшивая его съ идолопоклонствомъ. Такихъ пособниковъ сельскимъ пастырямъ могутъ дать только школы, устроенныя по системѣ гг. Ильминскаго и Золотницкаго. Уже въ настоящее время воспитанники этихъ школъ служатъ лучшими споспѣшниками священниковъ. Можно смѣло надѣяться, что противъ нихъ не устоитъ не только суевѣріе Чувашъ и Черемисъ, но и магометанство съ его безжизненнымъ деизмомъ и внѣшнимъ формализмомъ. Нужно только ясно и вразумительно раскрыть богатое содержаніе христіанства, затрогивающее глубочайшіе интересы человѣческой природы, уяснить символы и обряды церкви, особенно соблазняющіе магометанъ, чтобы заинтересовать и привлечь всякую душу, способную чувствовать. Воспитанники школы Ник. Ив. Ильминскаго уже начали эту борьбу. Выше я привелъ разсказъ о томъ, какъ одинъ мальчикъ побѣдоносно отразилъ возраженіе магометанъ на счетъ поклоненія иконамъ. Вотъ еще примѣръ. Одна магометанка, по имени Гюлій, пришедши въ домъ родителей одного изъ учениковъ Казанской школы, сказала ему: «Яковъ, «почитай-ко мнѣ свою книгу. Когда я, говоритъ мальчикъ, прочиталъ вторую «заповѣдь: не поклоняйся идоламъ, Гюлій сказала: вотъ видишь ли, не велѣно «кланяться идоламъ, а вы кланяетесь или почитаете доски или дерево вмѣсто «Бога.—Нѣтъ, ты погоди, отвѣтилъ я: а вотъ слушай, что будетъ дальше. Когда «я прочиталъ о почитаніи иконъ, она сказала: а, вотъ какъ! Если такъ, то «вреда нѣтъ въ почитаніи иконъ». А что магометане способны заинтересоваться христіанствомъ, несмотря на свою видимую нетерпимость и исключительность, это доказываетъ слѣдующій, весьма замѣчательный случай. Къ Василію Тимоѳеву пришла однажды въ деревнѣ магометанка Гюльмагида и сказала: «ну-ка, Василій, давай читать, есть ли у тебя новенькія татарскія книги?» Онъ далъ ей Евангеліе отъ Іоанна; она, читая, многаго не понимала, онъ объяснялъ. Гюльмагида только удивлялась, но не возражала, что это-де невозможно, или неправда, — она читала какъ бы съ увлеченіемъ. «Послѣ долгаго разсужденія, «разсказываетъ Василій Тимоѳеевъ, я открылъ еще Евангеліе, попалась 9-я глава «отъ Іоанна о слѣпорожденномъ. Гюльмагида стала читать съ большимъ наге-

«ресомъ, и такъ прочитала всю главу. Но 31 ст. поразила ее. Прочитавъ слова: «мы знаемъ, что грѣшниковъ Богъ не послушаетъ, но кто чтитъ Бога и творитъ «волю Его, того послушаетъ; отъ вѣка не слыхано, чтобы кто отверзъ очи «слѣпорожденному,—она сказала: это правда; если бы онъ былъ грѣшный чело- «вѣкъ, то какъ бы могъ отверзть очи слѣпорожденному? Такое чудо сдѣлаетъ «только одинъ Богъ. Еще поразили ее слова 35 ст.: ты вѣруешь ли въ Сына «Божія, и 38 — вѣрую, Господи, и поклонился Ему. Здѣсь она долго думала «что-то... Наконецъ сказала: ахъ, времени нѣтъ и свободы нѣтъ мнѣ, а то я вдо- «воль бы почитала вашу книгу! Эта женщина, прибавляетъ Василій Тимоѳеевъ, «осталась очень расположенною ко мнѣ и просила придти къ ней съ книгами».— Вообще магометане потому лишь враждебно настроены противъ христіанства, что вовсе его не знаютъ, они просто считаютъ насъ доскопоклонниками. Побольше школъ крещено-татарскихъ, и побольше переводовъ Н. И. Ильминскаго,—и это предубѣжденіе само собою изчезнетъ. Книги г. Ильминскаго могутъ отчасти замѣнять миссіонеровъ, и совершенно необходимы для всякаго противумусульманскаго дѣятеля; поэтому желательно усиленіе его переводовъ и возможно-широкое распространеніе ихъ. Безумно было бы сокращать или воспрещать эти переводы, когда Татарамъ-магометанамъ дозволено безпрепятственное изданіе и распространеніе своихъ книгъ, и они ежегодно въ одной Казани издаютъ ихъ громадное количество, и соблазняютъ, и отвращаютъ ими отъ церкви крещеныхъ своихъ соплеменниковъ. Мерещится въ будущемъ какая-то сепарація, и противъ нея ратуютъ, точно сражаясь съ мельницами, подобно Донъ-Кихоту, а существующую уже на дѣлѣ сепарацію думаютъ уничтожить полумѣрами, какъ будто не надоѣло еще возиться съ повторяющимся то и дѣло отпаденіемъ отъ церкви инородцевъ. Этимъ отпаденіямъ могутъ положить конецъ *только* школы, устроенныя по идеѣ гг. Ильминскаго и Золотницкаго, и переводы ихъ. Нужно прежде всего мыслить и чувствовать по-русски и по-христіански, чтобы слиться воедино съ русскимъ народомъ, а не говорить только. На одномъ внѣшнемъ знаніи русскаго языка далеко не уѣдешь. Объ этомъ, впрочемъ, рѣчь впереди.

Сущность всего сказаннаго доселѣ можно изложить въ слѣдующихъ положеніяхъ: 1-е. Учебная система гг. Ильминскаго и Золотницкаго вполнѣ раціональна и практична. 2-е. Школы, устроенныя по этой системѣ, принялись и идутъ весьма успѣшно: а) какъ отцы отдаютъ въ эти школы дѣтей съ величайшею охотою и довѣріемъ, такъ и дѣти стремятся въ нихъ съ неудержимымъ рвеніемъ; б) ученіе идетъ быстро, легко и въ высшей степени толково; в) оно не только образуетъ, но нравственно воспитываетъ; г) объединяетъ съ Русскими и въ церковномъ, и гражданскомъ смыслѣ; д) пѣніе церковныхъ пѣсней оказываетъ могущественное религіозно-нравственное вліяніе. 3-е. Вслѣдствіе такого

успѣха крещено-татарская школа привлекаетъ крещенскихъ дѣтей изъ магометанскихъ частныхъ и общественныхъ училищъ, составляя имъ важный противовѣсъ, привлекаетъ даже *некрещеныхъ* инородческихъ дѣтей. 4-е. Воспитанники школъ и книги на родномъ языкѣ благотворно дѣйствуютъ на старокрещеныхъ инородцевъ, знакомя ихъ *впервые* съ ученіемъ церкви, возбуждаютъ уваженіе къ *русской вѣрѣ*, предохраняютъ отъ совращеній въ магометанство, привлекаютъ къ церкви, причемъ сильнѣйшимъ орудіемъ оказывается пѣніе церковныхъ пѣсней на родномъ языкѣ. 5-е. Необходимо усиленіе и размноженіе школъ и распространеніе переводовъ какъ для упроченія этого вліянія и противодѣйствія магометанской пропагандѣ, которая ведется и устно и особенно посредствомъ книгъ, издаваемыхъ въ громадномъ количествѣ, такъ и въ видахъ обращенія такъ называемыхъ новокрещеныхъ, которые числятся только христіанами, и, наконецъ, для прямой борьбы съ магометанствомъ, которую начать пора и вести можно успѣшно. Школы — лучшая подготовка для этой борьбы. Наконецъ, 6-е, по образу и подобію инородческихъ школъ съ учителями изъ самихъ крестьянъ и съ книгами на простонародномъ русскомъ языкѣ, должны быть устроены въ здѣшнемъ краю по селамъ русскія школы, чтобы русскій простой народъ не отсталъ въ образованіи отъ инородцевъ.

Перехожу къ возраженіямъ, заявленнымъ противъ учебной системы гг. Ильминскаго и Золотницкаго. Первое возраженіе касается переводовъ на инородческіе языки священныхъ и богослужебныхъ книгъ. Гг. Ильминскому и Золотницкому указывается, какъ на особенно-важный недостатокъ ихъ учебной системы, на то, что они хотятъ возвести инородческій языкъ не только на степень языка науки, языка школы, но даже *языка церкви* (вып. стр. 4. Къ вопросу... стр. 10), хотятъ водворить инородческія нарѣчія и въ школѣ, и *въ самой церкви* (Къ вопросу и пр., стр. 15). По мнѣнію Ученаго Комитета, правительству нѣтъ надобности заботиться объ изданіи какихъ либо другихъ книгъ на инородческихъ нарѣчіяхъ, кромѣ Евангелія и (проектируемыхъ имъ) краткихъ поученій въ христіанствѣ (выпис., стр. 17), чѣмъ Ученый Комитетъ, очевидно, осуждаетъ и прежде сдѣланные переводы богослужебныхъ и учительныхъ книгъ на инородческія нарѣчія. Здѣсь выступаетъ, такимъ образомъ, на сцену давнишній, рѣшенный уже практикою вселенской церкви вопросъ о томъ, нужно или нѣтъ переводить священныя и богослужебныя книги на языки новообращаемыхъ въ христіанство народовъ и племенъ, — вопросъ, на который данъ уже полновѣсный отвѣтъ г. попечителемъ Казанскаго учебнаго округа, П. Д. Шестаковымъ, въ сентябрской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за прошлый годъ. Въ подтвержденіе и дополненіе сказаннаго здѣсь можно привести еще слѣдующее:

Уже въ самый день сошествія Св. Духа, который должно считать днемъ

рожденія церкви, явственно обнаружилось какъ то, что христіанство есть религія универсальная, назначенная для всѣхъ народовъ и для всѣхъ странъ міра, такъ и то, что и заповѣдь евангельская и богослуженіе христіанское должны совершаться на всѣхъ языкахъ міра. Первымъ дѣйствіемъ Св. Духа было то, что Апостолы и бывшіе съ ними вѣрующіе всѣ начали *глаголати величія Божія* на всѣхъ языкахъ тогдашняго міра, такъ что Іудеи и прозелиты, собравшіеся ко дню Пятидесятницы въ Іерусалимъ изъ всѣхъ странъ міра, *отъ всего языки иже подъ небесемъ*, услышавъ каждый собственное нарѣчіе, въ которомъ родился, изумлялись и недоумѣвали. *Что убо хощетъ сіе быти?* — спрашивали они. Что это въ самомъ дѣлѣ значитъ, что Апостолы предъ лицомъ представителей тогдашняго человѣчества заговорили на всѣхъ языкахъ тогдашняго міра? Фактъ необычайной важности. Новорожденная церковь въ лицѣ своихъ представителей молится и славословитъ *величія Божія* на всѣхъ языкахъ міра; первымъ актомъ ея духовной жизни, первымъ, такъ сказать, вздохомъ служитъ молитва и славословіе Богу на всѣхъ языкахъ. Недостаточно сказать въ объясненіе сего, что Апостолы получили сверхъестественное знаніе неизвѣстныхъ имъ языковъ для удобнѣйшаго распространенія проповѣди между всѣми племенами и народами. Исторія не представляетъ намъ случаевъ такой проповѣди, хотя они, безъ сомнѣнія, были. Но если ограничиться однимъ этимъ объясненіемъ, нельзя понять, какой смыслъ имѣло сверхъестественное употребленіе чужеземныхъ языковъ во время богослужебныхъ собраній коринѳской общины, гдѣ никто не понималъ говорящихъ иными языками, и собраніе состояло изъ однихъ вѣрующихъ,—какой смыслъ имѣло оно также въ домѣ Корнелія. «Языки, говоритъ блаж. Августинъ, которыми говорили исполненные Св. Духа, *предозначили церковь, «имѣвшую говорить языками всѣхъ народовъ»* (Serm. 5 in diem Pentec.) Вотъ настоящее объясненіе. Глоссолалія была фактическимъ пророчествомъ; она самымъ дѣломъ говорила то, что Апостолъ выразилъ на словахъ, именно, что *всяко колѣно поклонится и всякъ языкъ — πᾶσα γλῶσσα исповѣстъ, яко Господь есть Іисусъ Христосъ въ славу Бога Отца* (Филип. 2, 14). Церковь въ самомъ началѣ своемъ уже предощущала будущее свое развитіе и широкое распространеніе по лицу всей земли. Это служило для нея ободреніемъ и утѣшеніемъ, было непреложнымъ ручательствомъ, что она не будетъ поглощена окружавшимъ ее отовсюду зловѣріемъ и нечестіемъ; что изъ горчичнаго сѣмени выростетъ могущественное, широковѣтвистое дерево. — Итакъ на всѣхъ языкахъ міра должна возвѣщаться слава Божія о Христѣ Іисусѣ. Православная церковь всегда твердо держалась этого начала, и въ древнія времена, и нынѣ. Объединяя разные народы и племена единствомъ религіознаго сознанія, она при этомъ дозволяла и дозволяетъ имъ имѣть священныя книги и совер-

шать богослуженіе на ихъ языкахъ. Такъ въ древнее время каждый христіанскій народъ читалъ Свящ. Писаніе и слышалъ богослуженіе на своемъ родномъ языкѣ: Греки—на греческомъ, Италійцы—на латинскомъ, Сиріяне—на сирскомъ, Копты—на коптскомъ, Армяне—на армянскомъ, Готы—на готскомъ. Извѣстно какъ св. Іоаннъ Златоустъ заботился о христіанскомъ просвѣщеніи Готовъ посредствомъ ихъ роднаго языка. Только римская церковь въ средніе вѣка установила для всѣхъ народовъ единство языка богослужебнаго латинскаго, и не дозволяла даже на живые народные языки переводить священныя книги. Но это было уже уклоненіе отъ духа и правилъ вселенской церкви. Единство богослужебнаго языка какъ нельзя лучше выражало ту идею внѣшняго объединенія церкви — строжайшей церковной централизаціи, къ осуществленію которой такъ стремилась всегда римско-католическая церковь. У церкви, принявшей характеръ внѣшняго земнаго государства, какъ латинская церковь среднихъ вѣковъ, естественно, долженъ былъ явиться, какъ офиціальный, языкъ, на которомъ одномъ только позволялось читать Библію и совершать богослуженіе. Съ другой стороны исключительное употребленіе въ церкви одного, и притомъ непонятнаго, языка, много помогало римско-католической іерархіи держать народъ въ крайнемъ невѣжествѣ религіозномъ, что не противорѣчило видамъ западнаго духовенства и самому римско-католическому понятію о мірянахъ, составляющихъ въ церкви не болѣе какъ безсознательную массу, опредѣляемую къ движенію мыслію и волею іерархіи. Не такъ должно быть по идеѣ вселенской церкви, и не такъ было въ восточной церкви: она заботилась не о внѣшнемъ однообразіи, а о внутреннемъ единствѣ племенъ и народовъ, о сознательномъ усвоеніи ими христіанства. Въ лаврѣ преп. Саввы освященнаго, въ Палестинѣ, въ четырехъ церквахъ одного и того же монастыря совершалось богослуженіе на четырехъ языкахъ, потому что братія, живущіе въ лаврѣ, принадлежали къ четыремъ племенамъ. Вотъ здѣсь, въ обществѣ людей, не только имѣющихъ одни и тѣ же вѣрованія, но и живущихъ по одному и тому же монастырскому уставу, хотя и удерживающихъ черты и права своихъ національностей, гораздо лучше выражается идея единой по духу вселенской церкви, при разнообразіи народностей, входящихъ въ составъ ея, чѣмъ въ латинской церкви, обнимающей собою едва не половину христіанскаго міра, цѣлые десятки племенъ и народовъ, и требующей непремѣнно, чтобъ у всѣхъ Библія читалась и богослуженіе совершалось на одномъ и томъ же мертвомъ, непонятномъ языкѣ. Въ первомъ случаѣ христіанская церковь является намъ силою, развивающею и возвышающею національныя свойства племенъ и народовъ богатымъ содержаніемъ новыхъ высокихъ идей и святыхъ чувствъ, вносимыхъ въ жизнь народа чрезъ его языкъ; во второмъ случаѣ—церковь по-истинѣ является силою подавляющею для живыхъ силъ народа, обрекаемаго ею на

безсознательность и механическое безучастіе въ высшихъ интересахъ его вѣры. Что выиграла римская церковь чрезъ установленіе однообразнаго священнаго и богослужебнаго языка во всѣхъ странахъ? Идеѣ внѣшняго единства и темнымъ разсчетамъ своей іерархіи она пожертвовала разумѣніемъ христіанской истины и внутреннею привязанностью къ себѣ членовъ своихъ. Между западно-христіанскими народами всегда находили большое сочувствіе и успѣхъ тѣ пропагандисты еретическихъ идей, которые обращались къ народу съ проповѣдью, Священнымъ Писаніемъ и молитвенниками на народномъ языкѣ; таковы каоары, вальденсы и въ позднѣйшее время разныя протестантскія секты. У насъ магометане имѣли успѣхъ между крещеными инородцами по той же причинѣ: крещены не имѣли доселѣ удобопонятнаго перевода свящ. книгъ, богослуженіе совершалось для нихъ на языкѣ славянскомъ, котораго многіе и Русскіе-то мало понимаютъ. И еще хотятъ продолжить и упрочить такой порядокъ вещей! Нечего сказать, муллы и вообще магометане большое спасибо скажутъ Ученому Комитету.

Признавая, что богослуженіе тогда только сохраняетъ свое настоящее значеніе, когда совершается на языкѣ, понимаемомъ молящимися; когда совершеніе онаго пробуждаетъ въ душѣ предстоящихъ соотвѣтственныя намѣренію церкви мысли, чувства и расположенія, и бываетъ живымъ выраженіемъ ихъ, греческая церковь дозволяла не только переводы Библіи, но и богослужебныхъ книгъ на языки новопросвѣщаемыхъ народовъ. Св. Кириллъ и Меѳодій, при распространеніи христіанской вѣры между Славянами, немедленно перевели не только Свящ. Писаніе, но и богослужебныя книги на славянскій языкъ, хотя представители латинской церкви уже и въ то время старались всячески препятствовать этому, и утверждали, что Библія и церковное богослуженіе могутъ существовать только на трехъ языкахъ, на которыхъ Пилатъ сдѣлалъ надпись на крестѣ Христовомъ:—на еврейскомъ, греческомъ и римскомъ. И въ нашей русской церкви для племенъ инородческихъ, священныя и богослужебныя книги переводились на ихъ родные, хотя и мало обработанные и недостаточно способные для передачи высшихъ христіанскихъ понятій, языки: на зырянскій, монголо-бурятскій, калмыцкій, чувашскій, черемисскій, татарскій и др. Доселѣ никому еще не приходило въ голову видѣть тутъ опасность для единства церкви и государства. Во 2-й половинѣ XIV в. св. Стефанъ, изучивъ языкъ Зырянъ, изобрѣлъ алфавитъ для этого необразованнаго и бѣднаго языка, и перевелъ на этотъ языкъ съ славянскаго самонужнѣйшія богослужебныя книги; при р. Вымѣ построилъ храмъ Благовѣщенія и въ немъ отправлялъ богослуженіе на языкѣ зырянскомъ; при другихъ храмахъ завелъ училища для обученія зырянскихъ дѣтей новоизобрѣтенной грамотѣ по переведеннымъ богослужебнымъ книгамъ, для образованія изъ нихъ священниковъ и причетниковъ. Въ то вре-

мя, по свидѣтельству Епифанія: «нѣціи скудни суще умомъ, рѣша: почто ли «сотворени суть книги пермския, или что ради составлена бысть азбука пермския «грамоты? И прежде бо сего издавна въ Перми не было грамоты, пошлина сущи «такова, неимущимъ имъ издавна у себе грамоты, и тако изжившимъ имъ «вѣкъ свой безъ нея; нынѣ же въ скончаніи лѣтъ, въ послѣдняя дни на исходъ «числа седмыя тысячи, паче же мала ради времени, точію за 120 лѣтъ до скончанія вѣку, грамота замышляти! Аще ли и се требѣ есть, достояше паче русския, готова сущи, грамота, юже предати имъ и научити я; суть бо писмена «книжная, иже издавна по пошлинѣ имуще языци у себѣ, якоже се Жидовски, «Еллински, Римски» (Пам. ст. рус. литер. вып. 4., стр. 151—152). Не смотря однакожь на эти возраженія современныхъ книжниковъ, грамота пермская оказалась не излишнею. Она сослужила добрую службу: при посредствѣ ея Пермяки усвоены русской церкви и русскому народу. За литературную обработку своего языка Зыряне не взялись, а усвоили себѣ русскій языкъ, такъ что зырянскій остался нынѣ кое-гдѣ въ захолустьяхъ. Племеннаго обособленія также не послѣдовало, хотя, во время изобрѣтенія грамоты и просвѣщенія христіанствомъ, они враждебно были расположены къ Москвѣ. Послѣ св. Стефана всѣ, кто ни посвящалъ себя дѣлу обращенія инородцевъ, считали нужнымъ переводить на ихъ языки священныя и богослужебныя книги. Въ первой половинѣ XVI в. Ѳеодоритъ, инокъ Соловецкій, ознакомившись съ языкомъ Лопарей, крестилъ многихъ изъ нихъ, училъ ихъ грамотѣ и перевелъ на ихъ нарѣчіе нѣкоторыя молитвы, чтобы научить ихъ молиться съ чувствомъ и сознаніемъ. Около того же времени трудился надъ просвѣщеніемъ печенгскихъ Лопарей св. Трифонъ, память о которомъ доселѣ благоговѣйно чтится Лопарями. При Петрѣ Великомъ и его преемникахъ и гражданскимъ правительствомъ признана была нужда въ переводѣ священныхъ и богослужебныхъ книгъ на инородческіе языки (см. П. С. З. Т. VII №№ 4492, 4683. Т. X. №№ 7228, 7335. Т. XI. № 8394. Т. XIX. №№ 13556, 13592). Съ начала нынѣшняго столѣтія неизмѣннымъ правиломъ миссій стало—дѣлать такіе переводы для обращаемыхъ племенъ. Между Осетинами и Удами, хотя со времени императрицы Елисаветы дѣйствовала особая коммиссія для обращенія ихъ въ христіанство, и новокрещеные получили образованіе въ Моздокѣ для священнослуженія, но до начала нынѣшняго столѣтія важнымъ препятствіемъ къ распространенію Евангелія служило то, что на осетинскомъ нарѣчіи не было никакихъ книгъ, не было даже азбуки. Проповѣдниковъ и обращаемыхъ раздѣляло взаимное незнаніе языковъ. По убѣжденію экзарха Грузіи Ѳеофилакта, одинъ осетинскій дворянинъ составилъ букварь, перевелъ на осетинское нарѣчіе молитвенникъ, литургію, требникъ, катихизисъ и, наконецъ, Евангеліе, которое напечатано въ количествѣ 2,000 экзем. Послѣ 1816 г., попече-

ніемъ Россійскаго Библейскаго общества, сдѣланы переводы священныхъ книгъ на сибирскія нарѣчія и распространены по Тобольской и Иркутской епархіямъ. Всѣ нынѣ дѣйствующія миссіи не только книги переводятъ, но вводятъ мало-по-малу и богослуженіе на инородческихъ языкахъ, которое особенно нравится новообращеннымъ. Когда, назадъ тому лѣтъ девять, Якуты въ первый разъ услышали въ церкви богослуженіе на своемъ родномъ языкѣ, они пришли въ такое умиленіе и восторгъ, что просили своего знаменитаго архипастыря установить въ тотъ день праздникъ для всегдашняго ежегоднаго воспоминанія объ этомъ событіи. Для самыхъ мелкихъ, незначительныхъ племенъ, обитающихъ въ предѣлахъ Россіи, дѣлаемы были переводы. Въ концѣ 1824 года снаряжена была миссія (которая дѣйствовала до 1830 года) для обращенія Мезенскихъ Самоѣдовъ. Начальникъ миссіи, Сійскій архимандритъ Веніаминъ, въ 5 лѣтъ дѣятельности изучилъ всѣ подробности ихъ быта, перевелъ на самоѣдскій языкъ Новый Завѣтъ, составилъ грамматику самоѣдскаго языка, словарь, перевелъ катихизисъ, разныя молитвы и правила.

Когда такимъ образомъ русская церковь для всѣхъ, обитающихъ въ предѣлахъ русскихъ владѣній, инородческихъ племенъ, съ материнскою заботливостію предлагаетъ священныя, учительныя и богослужебныя книги на ихъ родныхъ нарѣчіяхъ, позволяя даже совершать на нихъ богослуженіе: странно было бы лишать этого благодѣянія инородцевъ здѣшняго края, Чувашъ, Черемисъ и Татаръ, какъ того хочетъ Ученый Комитетъ. По крайней мѣрѣ *съ церковной точки зрѣнія* это была бы вопіющая несообразность и ни чѣмъ незаслуженная несправедливость. Для инородцевъ здѣшняго края особенно нужны переводы христіанскихъ книгъ и богослуженіе на родномъ языкѣ, чтобы утвердить ихъ въ христіанствѣ, къ которому они въ былое время обращались только наружно, и потому постоянно отпадаютъ, въ чемъ и винить ихъ собственно нельзя. Если утверждены будутъ въ христіанствѣ крещеные инородцы, тогда, при пособіи ихъ, нетрудно будетъ обратить громадную массу некрещеныхъ ихъ соплеменниковъ, которые, благодаря только нашей инерціи и неумѣнію взяться за дѣло, доселѣ коснѣютъ въ заблужденіи. До послѣдняго времени никто, впрочемъ, не находилъ излишними и опасными переводы священно-церковныхъ книгъ на инородческія нарѣчія здѣшняго края. Всѣ, кто смотрѣлъ на дѣло прямо, безъ задней мысли, сознавали въ этомъ неотложную нужду. Еще въ прошломъ столѣтіи князь Щербатовъ такъ разсуждалъ о поверхностномъ и одностороннемъ принятіи христіанства казанскими иновѣрцами: «и быть иначе не могло, «ибо духовный россійскій чинъ, отступая отъ правилъ первенствующей церкви, «не бралъ труда ихъ сперва изучить, и уже знающихъ ихъ языки къ нимъ про«повѣдниковъ посылать; но токмо такъ, какъ въ баню, такъ и ко крещенію во«дили, и давъ имъ крестъ, который они, по грубости своей, нѣкіимъ талисма-

«немъ почитаютъ, образъ, который они чтятъ за идола, и запретя имъ ѣсть мясо «по постамъ, чего они не исполняютъ, а духовный чинъ и благочинные изъ онаго «берутъ съ нихъ за сіе взятки. Впрочемъ, не приняли труда ни Священное Писаніе на ихъ языкъ перевести, ни священниковъ оному изучить, чтобъ его имъ «толковать (Соч. Щербатова «О статистикѣ въ отношеніи къ Россіи», см. «Отеч. Запис.» 1858 г. № 5). Въ концѣ XVIII в. преосвящ. Амвросій, архіепископъ Казанскій, доносилъ Св. Синоду: «обращая по долгу своего служенія вниманіе на «епархію, мнѣ ввѣренную, нахожу, что живущія въ оной непросвѣщенныя племена «Чувашъ и Черемисъ не имѣютъ не только недостаточнаго, но и малаго понятія «объ истинахъ вѣры, къ которой приведены они св. крещеніемъ безъ предварительнаго истолкованія имъ догматовъ оныя. Причина такого невѣжества ихъ «въ истинахъ Евангелія происходитъ оттого, что они не только славянскаго, «но и россійскаго, особливо книжнаго, языка большею частію не понимаютъ, а «паче полъ женскій, а потому не разумѣютъ и самаго богослуженія, къ которому «и собираются болѣе по принужденію, нежели изъ внутренняго убѣжденія. Сему «неоспоримымъ доказательствомъ служитъ переведенная на черемисскій языкъ «священникомъ Андреемъ Альбинскимъ литургія, Свят. Правит. Синоду мною «представленная. Ибо, когда, по распоряженію моему, въ нѣкоторыхъ селахъ она «была прочитываема Черемисамъ, то они съ удивленіемъ признавались, что они «только въ сіе время понимаютъ силу и содержаніе оной, а прежде сего думали, «что ихъ принуждаютъ въ церковь ходить только для того, чтобъ молиться за «Русскихъ, теперь же видятъ, что въ церкви молятся за весь міръ и за нихъ «самихъ. Это собственныя слова Черемисъ, коимъ прочитываема была литур-«гія.» Онъ же писалъ: «соображая невѣжество племенъ сихъ, незнаніе богослу-«жебнаго Россійскія церкви языка, а иногда незнаніе ихъ языка священника-«ми, въ кои опредѣляются по недостатку знающихъ тѣ языки и не знающіе «оныхъ, не полагаю я, чтобы когда-либо просвѣтились они свѣтомъ вѣры, если «не будутъ переложены на ихъ нарѣчіе по крайней мѣрѣ нѣкоторыя богослу-«жебныя книги. Ибо хотя для пользы ихъ и переведенъ уже на языки чуваш-«скій и черемисскій весь Новый Завѣтъ нѣкоторыми изъ священнослужителей «Казанской епархіи, подъ непосредственнымъ смотрѣніемъ и наставленіемъ мо-«имъ, но и отъ сей спасительной мѣры не могу я ожидать вѣрныхъ плодовъ, еже-«ли предварительно не уразумѣютъ они самого богослуженія, цѣли и существа «обрядовъ его, слыша величія Божія на ихъ природномъ языкѣ. Почему, убѣж-«даясь примѣромъ св. Стефана, просвѣтителя Перми, который началъ благо-«вѣствованіе Христово странѣ той переложеніемъ книгъ какъ Свящ. Писанія, «такъ равно и богослужебныхъ, дабы на природномъ языкѣ совершать молитво-«словіе и богослуженіе предъ народомъ, невѣдавшимъ таинъ откровенія, нахожу «нужнымъ: 1) перевести на чувашскій и черемисскій языки на первый разъ по

«крайней мѣрѣ нѣкоторыя самонужнѣйшія молитвословія и совершать оныя по «церквамъ чувашскимъ и черемисскимъ; 2) учредить при Казанскомъ и Чебок«сарскомъ училищахъ классы чувашскаго и черемисскаго языковъ для обученія «священнослужительскихъ дѣтей онымъ, по примѣру того, какъ существовало «обученіе симъ языкамъ до 1797 г. въ новокрещенскихъ казанскихъ школахъ, «а потомъ изучившихся тѣмъ языкамъ преимущественно опредѣлять въ села «чувашскія и черемисскія, дабы они могли на природныхъ языкахъ объяснять «племенамъ чувашскимъ и черемисскимъ ученіе вѣры и прочитывать переведен«ныя на тѣ языки книги, а также совершать богослуженіе на оныхъ, когда пре«ложено оно будетъ и напечатано». Въ этомъ представленіи преосвящ. Амвросія весьма вѣрно изображено состояніе и нужды крещеныхъ инородцевъ; но такъ какъ мѣры, предложенныя имъ къ удовлетворенію этихъ нуждъ, не были приведены въ исполненіе, переводы же священныхъ книгъ, сдѣланные при немъ, были недостаточно вразумительны, да и читать ихъ инородцы, при всеобщей безграмотности, не могли сами, то въ 1827 и слѣд. годахъ въ громадныхъ размѣрахъ обнаружилось между крещеными инородцами движеніе назадъ, къ старой вѣрѣ; на Высочайшее имя подано было 14 прошеній объ оставленіи въ магометанствѣ. Отступничество, принимавшее грозный видъ и охватившее губерніи Симбирскую, нынѣшнюю Самарскую, Уфимскую и Вятскую, остановлено было мѣрами чисто административными. Между тѣмъ слѣдствіемъ раскрыто, что въ крещеныхъ инородцахъ не было и слѣда христіанства. Нужно было подумать о средствахъ къ утвержденію ихъ въ христіанствѣ. И вотъ Св. Синодъ, въ указѣ отъ 11-го апрѣля 1830 года, на основаніи донесенія и представленія преосвящ. Филарета, архіепископа Казанскаго, утвердилъ слѣдующія правила: 1) къ новокрещенскимъ церквамъ избирать съ особеннымъ вниманіемъ и опредѣлять священниковъ ученыхъ, знающихъ языкъ мѣстныхъ жителей, дабы, находясь съ ними въ безпрерывныхъ сношеніяхъ, наставляли ихъ и утверждали постоянно въ христіанской вѣрѣ, какъ ученіемъ, такъ и примѣромъ, приспособляясь къ ихъ понятіямъ; 2) для наставленія новокрещеныхъ въ догматахъ вѣры и правилахъ христіанской жизни, поручить перевести на языки татарскій, чувашскій, черемисскій и вотскій, изданный отъ Св. Синода, въ 1827 году, краткій катихизисъ подъ названіемъ: «Начатки христіанскаго ученія», съ присовокупленіемъ въ началѣ онаго азбуки сихъ языковъ, и, по напечатаніи потребнаго числа экземпляровъ, разослать по всѣмъ новокрещенскимъ церквамъ; 3) священникамъ поставить въ непремѣнную обязанность, чтобы они, какъ въ церквахъ, въ воскресные и праздничные дни, при собраніи прихожанъ, читали имъ по частямъ катихизисъ, такъ и въ домахъ ихъ, при исправленіи требъ и при всякомъ удобномъ случаѣ, смотря по удобности, присовокупляли къ чтенію приличное изъясненіе и наставленіе; 4) по назначенію приходскихъ священни-

ковъ, способнымъ діаконамъ и причетникамъ также прочитывать катихизисъ въ домахъ прихожанъ; ибо, по обширности приходовъ, одному священнику затруднительно сіе исполнить; 6) дѣтей, которыхъ родители изъявятъ желаніе на обученіе, какъ священникамъ, такъ и діаконамъ и причетникамъ учить грамотѣ по азбукѣ и катихизису на ихъ языкѣ безмездно. 7) Доколѣ число желающихъ обучаться дѣтей невелико, можно обучать ихъ въ домахъ; а когда откроется довольное число дѣтей, желающихъ обучаться грамотѣ, тогда убѣждать прихожанъ, чтобы они выстроили при церквахъ училища, въ которыхъ священно-церковно-служителямъ обучать ихъ также безмездно. 9) Въ воскресные и праздничные дни, во всѣхъ новокрещенскихъ церквахъ, при совершеніи литургіи и прочихъ молитвословій, читать Апостолъ, Евангеліе, Символъ вѣры и молитву Господню на ихъ языкѣ, для чего отпустить ихъ безмездно изъ книгохранилищъ, поступившихъ отъ Библейскаго общества, такое количество, какое потребовано будетъ епархіальнымъ начальствомъ.

Это распоряженіе высшей церковно-правительственной власти весьма замѣчательно. Во 1-хъ, здѣсь уже не частными лицами, а самимъ правительствующимъ соборомъ русской церкви торжественно признана благопотребность и необходимость какъ переводовъ на инородческіе языки здѣшняго края вѣроучительныхъ книгъ, такъ и совершенія богослуженія, по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ частей онаго, на родномъ языкѣ инородцевъ. Во 2-хъ, это — первое распоряженіе со стороны духовной власти, которымъ школы назначаются не для приготовленія священнослужителей и миссіонеровъ, каковы были новокрещенскія школы XVIII вѣка, но для обученія и просвѣщенія инородцевъ вообще, и притомъ на родномъ ихъ языкѣ. Къ сожалѣнію, это распоряженіе осталось почти только на бумагѣ. Переводы книгъ, правда, явились, да и прежде они были, но по своей нелепости и темнотѣ они мало пригодны были для просвѣщенія инородцевъ и утвержденія ихъ въ христіанствѣ. Чувашскіе и черемисскіе переводы чужды были правильности и народности языка, такъ какъ составлены были по правиламъ русской грамматики. Татарскіе переводы г. Казембека переполнены арабскими словами; въ переведенныхъ имъ книгахъ Новаго Завѣта, особенно же литургіи, часословѣ и катихизисѣ, такъ много арабскихъ и другихъ, чуждыхъ крещенымъ инородцамъ, словъ, что онѣ рѣшительно для нихъ непонятны; ихъ могутъ понимать только ученые муллы, которые, конечно, никогда не станутъ читать ихъ. Притомъ, если бы эти переводы и лучше были составлены, крещеные инородцы не могли читать ихъ: не было школъ, и потому народъ былъ почти сплошь безграмотный. Поэтому весьма разумно, въ приведенномъ указѣ Св. Синода, наряду съ узаконеніемъ относительно переводовъ, поставлено предписаніе объ обученіи инородческихъ дѣтей грамотѣ на ихъ родномъ языкѣ и заведеніи для сего при новокрещенскихъ церквахъ школъ. Къ

сожалѣнію, распоряженіе сіе осталось мертвою буквой. Причины сего прискорбнаго явленія не излишне здѣсь выяснить.

Причины сіи заключались въ странныхъ, въ высшей степени неестественныхъ отношеніяхъ между причтомъ и прихожанами въ новокрещенскихъ приходахъ. Выше было сказано, что во время существованія новокрещенской конторы инородцы принимали христіанство изъ за внѣшнихъ выгодъ. Правительство предлагало разнаго рода льготы и единовременное денежное вознагражденіе, «дабы тѣмъ — какъ повторялось то и дѣло въ указахъ, — придать къ воспріятію греческаго закона лучшую охоту». Охота, дѣйствительно, во многихъ проявилась, но не до «греческаго закона», о которомъ инородцамъ не сообщалось должнаго понятія, а до льготъ и денегъ *). Обращаемые такимъ способомъ, естественно, не были расположены ни строить церквей, ни приглашать къ себѣ и содержать на свой счетъ причтъ: они искали въ новой вѣрѣ только облегченія и улучшенія своего внѣшняго состоянія. Правительство само строило церкви, на каждые 250 дворовъ по одной; само снабжало ихъ всѣми необходимыми принадлежностями; само опредѣляло къ нимъ причтъ, назначивъ ему на первыхъ порахъ содержаніе изъ казны и вмѣнивъ священникамъ въ обязанность «обучать новокрещеныхъ Закону Божію, а дѣтей ихъ — грамотѣ и всячески стараться вводить между ними христіанскіе обычаи». Такъ возникли новокрещенскіе приходы, — не по волѣ и мысли народа, а чисто по распоряженію правительства. Прихожанъ нужно было гонять въ церковь по наряду... Императрица Екатерина II, указомъ отъ 6-го апрѣля 1764 года, закрыла контору новокрещенскихъ дѣлъ, оставивъ духовенство въ новокрещенскихъ приходахъ на содержаніи прихожанъ, какъ въ русскихъ селеніяхъ. Но здѣсь прихожане не тяготились удѣлять отъ своего имѣнія въ пользу причта: они сами строили

---

*) Чтобы показать всю странность тогдашнего миссіонерства, представляемъ выписку изъ донесенія конторы Св. Синоду. Отъ 12-го ноября 1743 года контора доносила между прочимъ: «Протопопу Георгію Давыдову, бывшему въ 1741 г. для призыванія и увѣщанія невѣрныхъ въ «вѣру Христову въ Царевококшайскомъ уѣздѣ послѣдовало, когда онъ былъ тамо, многое число «св. крещеніемъ просвѣтилъ уже, и въ награжденіе имъ надлежащей дачи денегъ недостало, то «тѣ новокрещеные, собравшись многолюдствомъ, пришли къ нему, протопопу, въ избу, обнесли «соломою и хотѣли сжечь его *съ командою*: также и къ бывшему въ Вятской провинціи по«мощнику іеромонаху Веніамину Григоровичу, новокрещеные къ его квартирѣ съ дубьемъ мно«голюдственно жъ пришедъ, и со всякимъ крикомъ и невѣжествомъ хотѣли его за то, что у его «въ дачу же имъ денежной явилось казны недостаточно жъ, взявъ бить на смерть, что и учи«нили бъ, если бы конвойными солдаты и служители не были воспрепятствованы. Еще жъ въ 1743 г. «въ октябрѣ мѣсяцѣ на вышеупомянутаго жъ протопопа Давыдова въ Цивильскомъ уѣздѣ въ де«ревнѣ Кошкахъ отъ новокрещеныхъ Чувашъ въ многолюдственномъ же собраніи съ рогатками, «съ дубьемъ, цѣпами, ночною порою учинили разбойническое нападеніе, при коемъ его, прото«попа, и цѣпами били и грабили, и ежелибъ онъ въ той деревнѣ жительствующими и добросо«вѣстными новокрещеными же изъ рукъ не былъ вырученъ, то бъ его и конвойныхъ съ нимъ «всеконечно побили бъ до смерти».

церковь, сами избирали и приглашали священника; приходская церковь была общею святынею прихода, жертва въ пользу причта—добровольною данью признательности. Не то было въ новокрещенскихъ приходахъ, которые были созданы искусственно. Приходская церковь съ ея причтомъ и безъ того чужда была инородческому населенію, какъ учрежденіе правительственное, возникшее не вслѣдствіе сознанной самимъ народомъ нужды, а навязанное ему отвнѣ, а тутъ нужно было еще содержать причтъ. Плата въ пользу причта казалась податью, налогомъ. Собирать ее часто можно было лишь при содѣйствіи полиціи. Безъ помощи полиціи не обходилось и въ другихъ случаяхъ. Настанетъ постъ,—полиція сгоняетъ новокрещеныхъ въ церковь; не креститъ инородецъ ребенка или похоронитъ покойника по своему обряду,—опять полиція, и т. д. Начались дѣла объ отступленіи, о кощунствѣ, о поруганіи святыни. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ духовенство обращалось къ полиціи, и вслѣдствіе того содѣлалось пугаломъ, страшилищемъ народа. «Увидить во снѣ исправника или попа—быть «бѣдѣ, говорятъ Черемисы, — непремѣнно надо принести въ жертву Кереметп «корову или лошадь». «Не плачь, — попу отдамъ», — стращали дѣтей. Таковы были отношенія между пастырями и пасомыми въ новокрещенскихъ приходахъ. Отношенія эти не измѣнились и послѣ 30-го года, когда въ Казанской епархіи учреждена была *миссія*. Слѣдствіемъ, произведеннымъ по случаю подачи въ 1827 году 14-ти прошеній на Высочайшее имя, между прочимъ, раскрыто, что причиною отпаденій, кромѣ незнанія христіанской вѣры, были непомѣрныя требованія священниковъ за требоисполненіе (указъ Св. Синода отъ 28-го февраля 1828 года). Поэтому въ обязанность миссіонерамъ поставлено вникать въ поведеніе священниковъ, наблюдать за отношеніемъ ихъ къ новокрещенымъ, замѣчать ихъ способность и ревность къ наставленію прихожанъ въ христіанской вѣрѣ. Стали ѣздить миссіонеры по епархіи, писать ежегодные отчеты, но положеніе дѣлъ не улучшалось. Сами, лично, миссіонеры не могли имѣть вліянія на просвѣщеніе инородцевъ, потому что большею частію незнакомы были съ бытомъ, вѣрованіями и обычаями, даже съ языкомъ инородцевъ, притомъ останавливались въ селахъ на короткое время, въ которое, даже при умѣньи взяться за дѣло и при искреннемъ желаніи добра, ничего нельзя было сдѣлать прочнаго. Правда, отпаденіе было остановлено; свыше 2,000 просителей, какъ заявлено офиціально (указъ Св. Синода къ преосв. Филарету отъ 22-го іюня 1834 г.), возвращено въ нѣдра церкви, но не вслѣдствіе внутренняго убѣжденія, какъ доказала исторія послѣдующихъ отпаденій, продолжавшихся до послѣдняго времени, а болѣе по вліянію полицейской власти, безъ содѣйствія которой не обходились и миссіонеры-протоіереи и приходскіе священники. На улучшеніе отношеній между причтомъ и прихожанами въ новокрещенскихъ приходахъ миссіонеры также не имѣли никакого вліянія. Голодный, не обезпечен-

ный въ матеріальномъ отношеніи, причтъ попрежнему былъ требователенъ; инородцы, вообще бѣдные, попрежнему непросвѣщенные въ христіанствѣ, тяготились поборами и вымогательствомъ, готовы были жаловаться миссіонерамъ, но страхъ земской полиціи, съ которою сочло нужнымъ поладить духовенство, заграждалъ уста. Къ пріѣзду миссіонеровъ церкви полны, народъ молится усердно... Миссіонеръ доноситъ, и священникъ удостоивается награды за полезное и усердное прохожденіе своей должности. Подобныя обстоятельства еще болѣе отталкивали инородцевъ отъ церкви. При такихъ отношеніяхъ между новокрещеными инородцами и духовенствомъ, которыя, очевидно, нисколько не соотвѣтствовали идеѣ православнаго прихода, въ которомъ должны господствовать взаимное довѣріе и благорасположеніе, а не затаенная вражда, естественно, не могли осуществиться чаянія высшей церковной власти, что инородцы будутъ отдавать своихъ дѣтей на обученіе священникамъ и станутъ строить школы при церквахъ. Къ сожалѣнію, и въ духовенствѣ не нашлось настолько умѣнія взяться за дѣло, столько любви и самоотверженія, чтобы расположить къ себѣ новокрещеныхъ инородцевъ и взяться за религіозно-нравственное образованіе ихъ, чѣмъ оно скорѣе всего могло бы обезпечить и свое матеріальное состояніе. Пріятное исключеніе составляютъ въ этомъ отношеніи священники Козмодемьянскаго уѣзда, среди горной Черемисы, какъ прежде бывшіе—Альбинскій, Урусовъ, Кроковскій, такъ и остающіеся доселѣ—Рождественскій, Нечаевъ, Троицкій, Леоновъ и др. Эти достойные пастыри посѣяли добрыя сѣмена въ своихъ пасомыхъ и подготовили то религіозное движеніе, которое совершается на нашихъ глазахъ. Черемисы обращены въ христіанство еще при Елисаветѣ Петровнѣ, во время существованія новокрещенской конторы, но, какъ и всѣ наши инородцы, они только наружно приняли христіанство, оставаясь въ глубинѣ души язычниками. Только въ недавніе годы въ средѣ ихъ возникло русско-христіанское движеніе, пустившее глубокіе корни и обѣщающее самые богатые плоды. Иниціатива этого движенія принадлежитъ тамошнимъ пастырямъ, но, что весьма замѣчательно, въ продолженіи своемъ оно имѣетъ во главѣ не духовенство, а народныхъ грамотниковъ-учителей. Русскій священникъ, какъ бы онъ ни хорошо зналъ языкъ и народность своей паствы, не можетъ войдти въ такое близкое соприкосновеніе съ народною массой, какъ люди, вышедшіе изъ среды самой этой массы; онъ не всегда можетъ выдержать опасную конкуренцію съ народными дѣятелями, отстаивающими старыя начала жизни: имъ могутъ противодѣйствовать съ полнымъ успѣхомъ народные же дѣятели, глубоко проникнутые духомъ христіанства. Осязательныя доказательства этому представляетъ статья П. В. Знаменскаго: *Религіозное состояніе Черемисъ Козмодемьянскаго края* (Прав. Обозр. Т. 21. Замѣтки стр. 61 и 149), живо изображающая борьбу христіанскихъ началъ жизни, усвоенныхъ

молодымъ поколѣніемъ Черемисъ, съ отживающимъ язычествомъ, котораго держится старое поколѣніе. Но, за исключеніемъ этого отраднаго явленія, театромъ котораго служилъ и доселѣ служитъ небольшой уголокъ нашего края, въ прочихъ мѣстностяхъ оно, всюду, и послѣ 1830-го года, продолжался до послѣдняго времени прежній порядокъ: крещеный народъ коснѣлъ въ самомъ жалкомъ религіозномъ невѣжествѣ; отношенія между духовенствомъ и новокрещеными инородцами были болѣе полицейскія, чѣмъ пастырскія; отпаденія продолжались непрерывно, хотя не всегда заявляемы были офиціально. Е. А. Маловъ имѣлъ терпѣніе прослѣдить религіозное состояніе крещеныхъ Татаръ за послѣднія 30 лѣтъ, по дѣламъ Казанской духовной консисторіи (*Прав. Обозр.* 1865 г. №№ 8, 10 и 12). Картина вышла самая печальная. Отпадшіе заявляли: иные, что ихъ, послѣ крещенія, никто ничему христіанскому не училъ и потому они нисколько не понимаютъ русской вѣры и ея обрядовъ; а иные, что они даже и крещены не были; что священники, узнавъ о новорожденныхъ, пріѣзжаютъ только взять деньги, и безъ всякаго требоисправленія отправляются домой, сказавъ, что они нарекутъ уже имена. Изъ всѣхъ же вообще показаній такъ называемыхъ отпадшихъ явствуетъ, что ихъ собственно и отпадшими называть нельзя, потому что они всегда въ душѣ были магометанами и никогда христіанами. Поэтому и увѣщанія имъ не могли не остаться вполнѣ безуспѣшными, если бы даже увѣщанія эти велись съ знаніемъ дѣла, съ искреннимъ желаніемъ обратить на путь истины заблуждающихся, а не для формы только, лишь бы отписаться отъ докучливыхъ требованій начальства, какъ было на самомъ дѣлѣ. Увѣщанія, дѣлаемыя въ присутствіи консисторіи, въ волостныхъ правленіяхъ, въ земскихъ судахъ, въ присутствіи разныхъ депутатовъ, при содѣйствіи земской полиціи, чиновники которой нерѣдко и сами являлись увѣщателями. употребляя иногда противъ упорныхъ розги, не могли имѣть успѣха уже по самой обстановкѣ своей. «Пусть начальство переселяетъ насъ на другія «мѣста: солнце вездѣ одинаково. Если даже будутъ рубить намъ головы, не от«ступимъ отъ магометанства», — говорили увѣщеваемые. «Все равно стѣнѣ бу«детъ говорить, то и мнѣ», сказалъ одинъ увѣщеваемый, ударивъ кулакомъ объ стѣну, «и слушать не хочу. Не знаемъ мы христіанской вѣры». Послѣ сего ничего не оставалось болѣе, какъ прибѣгнуть къ разнымъ исправительнымъ мѣрамъ. Самыхъ упорныхъ ссылали въ Сибирь, другихъ въ отдаленные монастыри для увѣщаній, чаще же всего переселяли отпадшихъ Татаръ и Чувашъ посемейно въ старорусскія селенія; муллъ и другихъ магометанскихъ духовныхъ лицъ обязывали подписками не совращать крещеныхъ и учреждали строгій полицейскій надзоръ за ихъ поведеніемъ; дѣтей у отпадшихъ насильно отбирали и крестили, при содѣйствіи полиціи, которой предписано было также разводить обвѣнчанныхъ по магометанскому обряду, и которая иногда покойникамъ не да-

вала покоя. Все это лишь раздражало отпадшихъ, разстроивало ихъ экономическое состояніе и страшно деморализировало, нисколько не внушая уваженія къ христіанству. Между тѣмъ магометанство болѣе и болѣе укоренялось между ними и чрезъ житейскія сношенія, и чрезъ книги, ежегодно издаваемыя въ огромномъ количествѣ, и чрезъ школы магометанскія, куда новокрещеные отдавали своихъ дѣтей. Офиціальное отпаденіе въ концѣ 1865 и въ 1866 году, охватившее почти всѣ мѣстности, населенныя новокрещеными, было естественнымъ результатомъ всего этого. Замѣчательно при семъ то, что старокрещеные Татары, т. е., обращенные до 1735 года, или до учрежденія новокрещенской конторы, не принимали участія въ этомъ отпаденіи, да и въ прежнее время они не отпадали, по крайней мѣрѣ, массами. Фактъ этотъ объясняется не тѣмъ, что они по давности времени забыли старую вѣру и сознательно усвоили христіанство, а тѣмъ, что первобытныя (до-магометанскія) шаманскія вѣрованія, которыхъ они доселѣ держатся, какъ-то уживаются въ нихъ съ христіанствомъ. Они покорно исполняютъ всѣ внѣшнія христіанскія обязанности, точь въ точь какъ отбываютъ какую повинность, но по понятіямъ, нравамъ и обычаямъ остаются доселѣ шаманствующими. Въ послѣднее время замѣчается наплывъ и къ нимъ магометанскихъ идей, и потому настоитъ крайняя нужда ускорить христіанскимъ просвѣщеніемъ ихъ, что и поставила себѣ задачею на первыхъ порахъ школа Ник. Ив. Ильминскаго. Обратить инородца изъ магометанства уже несравненно труднѣе, чѣмъ шаманствующаго. Инородческія дѣти обучались доселѣ нерѣдко въ приходскихъ сельскихъ училищахъ, заведенныхъ частію палатою государственныхъ имуществъ съ спеціальною цѣлію приготовлять волостныхъ и сельскихъ писарей, частію начальствомъ удѣльнаго вѣдомства съ болѣе широкою цѣлію — христіанскаго просвѣщенія и обрусѣнія инородцевъ. Но тѣ и другія школы явили на опытѣ самые печальные результаты по отношенію къ инородцамъ, вслѣдствіе неправильнаго веденія дѣла. Такъ какъ языкомъ преподаванія былъ признанъ исключительно языкъ русскій, вовсе или почти незнакомый инородческимъ дѣтямъ, то обученіе шло крайне туго и медленно, было настоящимъ мученіемъ, дѣти чувствовали непреодолимое отвращеніе къ русской грамотѣ, вмѣсто развитія тупѣли, и выносили изъ школы только механическое умѣніе читать, да безсмысленно затверженныя на память молитвы. Нѣкоторые выходили хорошими писаками, — на каллиграфію обращено было особенное вниманіе въ училищахъ казенныхъ крестьянъ, — поступали въ волостные писаря, и на этомъ поприщѣ превзошли даже Русскихъ своихъ товарищей дерзостію, заносчивымъ неуваженіемъ къ старшимъ, пьянствомъ, взяточничествомъ. Вслѣдствіе сего родители неохотно отдавали дѣтей въ школу, откупались отъ нея, кто только могъ. Вмѣсто христіанскаго просвѣщенія школа производила какое-то одуряющее дѣйствіе; воспитанники ея не могли пере-

дать на своемъ языкѣ самыхъ простыхъ разсказовъ изъ священной исторіи, и не въ состояніи были отразить самыхъ пустыхъ возраженій Татаръ-магометанъ. Въ послѣдніе годы они вмѣстѣ съ безграмотными отпадали въ магометанство. Русскій языкъ хотя усвоивался достаточно, но это не сродняло воспитанниковъ съ русскимъ народомъ; внутренними своими симпатіями они тянули къ Татарамъ-магометанамъ. Какъ на счастливое исключеніе, можемъ указать на Василія Тимоѳеева, настоящаго учителя Казанской школы, который первоначальное образованіе получилъ въ приходскомъ училищѣ села Тавеней; но онъ, впрочемъ, не школѣ обязанъ своимъ развитіемъ и настоящимъ значеніемъ, а раннему знакомству съ Ник. Иван. Ильминскимъ, который на своихъ плечахъ вынесъ его изъ мертвящей среды, привлекъ его къ себѣ безграничною добротою своего сердца и симпатичностью души, образовалъ и поставилъ на подобающее мѣсто. Нельзя, кажется, не видѣть, что школа Ник. Ив. Ильминскаго, съ ея новою учебною системою, съ инородцемъ-учителемъ во главѣ, явилась какъ нельзя болѣе кстати: эта школа единственная почти надежда православія въ нашемъ краю и задатокъ будущихъ его успѣховъ. Весьма благовременно также открылось въ Казани, въ 1867 году, 4-го октября, православное во имя святителя Гурія братство, которое, какъ и слѣдовало ожидать, первою своею задачею поставило утвержденіе въ вѣрѣ православной крещеныхъ инородцевъ воспитаніе дѣтей ихъ въ духѣ православія чрезъ заведеніе инородческихъ школъ и распространеніе книгъ на ихъ народныхъ языкахъ, и которое тотчасъ же приняло школу Ник. Ив. Ильминскаго съ ея отраслями подъ свою охрану и покровительство. Нельзя не порадоваться отъ души, что совѣту братства св. Гурія, указомъ Св. Синода, отъ 9-го апрѣля 1868 г. послѣдовавшимъ на имя архипастыря Казанскаго, высокопреосвященнаго Антонія, даровано, съ Высочайшаго соизволенія, право издавать, подъ собственною цензурою, для утвержденія инородцевъ въ православной вѣрѣ и удобнѣйшаго распространенія между ними образованія, на мѣстныхъ инородческихъ нарѣчіяхъ, православно-вѣроучительныя и религіозно-нравственныя книги, подобно тому, какъ таковое же право предоставлено обществу возстановленія православія на Кавказѣ. Руководительными началами при семъ изданіи поставлены тѣ же правила, какихъ и доселѣ держались въ своихъ переводахъ Н. И. Ильминскій и Н. И. Золотницкій, именно: чтобы переводъ а) имѣлъ согласіе съ православнымъ ученіемъ и возможную близость къ смыслу и тексту переводнаго подлинника; б) общедоступность, т. е., правильность и народность языка, и в) изложеніе перевода такое, чтобы оно возбуждало въ инородцахъ представленія и чувства благоговѣйныя и назидательныя. Для исполненія двухъ послѣднихъ условій переводъ долженъ быть повѣряемъ чрезъ чтеніе предъ самими инородцами, какъ и дѣлали доселѣ гг. Ильминскій и Золотницкій. Указъ этотъ окончательно

рѣшаетъ вопросъ о переводѣ священныхъ, учительныхъ и богослужебныхъ книгъ на инородческія нарѣчія.

Послѣ этого почти нѣтъ нужды отвѣчать на слѣдующіе запросы и опасенія, заявленныя редакціею *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*: «пригодны ли эти нарѣчія для того высокаго служенія, къ которому они предназначаются, и могутъ ли на нихъ, безъ всякаго ущерба для содержанія, быть выражены и высокія истины христіанскаго вѣроученія, и сохранены всѣ особенности молитвъ и пѣснопѣній православной церкви? Татарскій народный языкъ, вслѣдствіе тѣснѣйшей связи своей съ книжнымъ татарскимъ языкомъ, который, въ свою очередь, при посредствѣ ислама, значительно обогатился многочисленными заимствованіями изъ языка арабскаго, безъ сомнѣнія, располагаетъ, сравнительно съ другими мѣстными нарѣчіями, еще бо̀льшими къ тому способами; но и тутъ нѣкоторые знатоки дѣла выражаютъ опасеніе, что для передачи христіанскаго вѣроученія и особенно пѣснопѣній православной церкви на татарскомъ нарѣчіи, неминуемо придется выражать христіанское содержаніе ихъ образами и оборотами, заимствованными изъ языка магометанскаго вѣроученія и магометанскихъ молитвъ. Впослѣдствіи, при дальнѣйшихъ успѣхахъ этой татарско-православной церкви въ средѣ Татаръ-магометанъ, этотъ предположительно внесенный въ нее первоначально магометанскій элементъ не получитъ ли дальнѣйшаго развитія, и, вмѣсто истиннаго православнаго христіанства, не явится ли нѣчто среднее между христіанствомъ и магометанствомъ? Очень можетъ быть, что подобныя опасенія окажутся неосновательнымъ преувеличеніемъ; но едва ли и самъ г. Ильминскій станетъ отрицать, что буквально-близкій переводъ на татарскій народный языкъ не только посланій Апостоловъ или церковныхъ пѣсень, но даже и книги Бытія и самаго Евангелія рѣшительно невозможенъ, а это въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ представлять большія неудобства». — Высказанныя опасенія, дѣйствительно, оказались неосновательнымъ преувеличеніемъ. «Знатоки дѣла», повидимому, не знаютъ ни г. Ильминскаго, ни его переводовъ. Вмѣсто того, чтобы голословно возражать, лучше бы взять эти переводы г. Ильминскаго, да указать: вотъ это-де образы и обороты, заимствованные изъ языка магометанскаго вѣроученія и магометанскихъ молитвъ. Переводы г. Ильминскаго тѣмъ и отличаются отъ переводовъ г. Казембека, что въ послѣднихъ множество словъ и оборотовъ арабскихъ, а въ первыхъ чистый народный татарскій языкъ; въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ для выраженія христіанскихъ понятій въ этомъ языкѣ недостаетъ точныхъ словъ, оставлены русскія слова. Вотъ что Н. И. Ильминскій, назадъ тому еще 10 лѣтъ, въ 1858 году, писалъ вмѣстѣ съ профессоромъ Саблуковымъ въ офиціальномъ докладѣ: «основательнѣйшій и мирный способъ утвердить истин-«ную вѣру въ крещено-татарскомъ народѣ есть воспитаніе, въ лѣта первой мо-

«лодости, въ правилахъ и понятіяхъ этой религіи. Въ училищахъ должно «впродолженіе 3-хъ и 4-хъ лѣтъ преподавать, кромѣ русской грамотности и чи-«стописанія, православный катихизисъ и священную исторію, чтеніе изъ книгъ «Ветхаго и Новаго Завѣта, Евангеліе и Псалтирь, текстъ съ краткими объяс-«неніями главнѣйшихъ богослуженій, ежедневныя молитвы. Но чтобы изучаемыя «истины непосредственно принимались умомъ и усвоялись сердцемъ, должно «вмѣстѣ съ русскимъ урокомъ (въ то время г. Ильминскій на первомъ пла-нѣ ставилъ русскій текстъ учебной книги, а татарскій переводъ думалъ употреблять въ видѣ пособія; впослѣдствіи опытъ и размышленіе показали ошибочность такого порядка обученія) прочитывать тѣ же самыя статьи въ та-«тарскомъ переводѣ, который необходимо сдѣлать на всѣ упомянутыя и другія «полезныя христіанскія книги. Чтобы этотъ переводъ дѣйствительно служилъ «къ христіанскому просвѣщенію Татаръ, для сего должно сдѣлать его на язы-«кѣ, совершенно понятномъ для нихъ, т. е. разговорномъ, потому что книжнаго «языка они не имѣютъ, и прежде изданія испытать его чрезъ чтеніе крещенымъ «Татарамъ разныхъ мѣстъ. Въ этотъ переводъ должно принять нѣкоторыя, «безъ сомнѣнія, весьма немногія, выработанныя самими крещеными Татарами и «у нихъ употребляемыя христіанско-татарскія выраженія, если они сколько ни-«будь приближаются къ христіанскому ученію. *Въ случаѣ недостатка, въ «разговорномъ языкѣ крещеныхъ Татаръ, словъ для выраженія христіан-«скихъ понятій, лучше поставить русскія слова, нежели употреблять «арабскія, всегда болѣе или менѣе проникнутыя магометанскими идея-«ми.* Собственныя имена непремѣнно должно писать по русскому произношенію... «Чтобы совершенно прервать связь между крещеными Татарами и магометан-«ствомъ, самый алфавитъ въ означенномъ переводѣ должно употреблять русскій «съ примѣненіемъ къ татарскимъ звукамъ» (см. *Прав. Обозр.* 1865 г., т. 18, стр. 136 и д.). Н. И. Золотницкому напрасно также приписываютъ намѣ-реніе дать чувашскому нарѣчію литературную обработку и сблизить его съ та-тарскимъ или другимъ нарѣчіемъ: онъ въ своихъ переводахъ не допускаетъ ни малѣйшаго отступленія отъ живой народной чувашской рѣчи, не дозволяетъ себѣ составлять ни одного слова или оборота, не существующихъ въ живомъ народномъ нарѣчіи; оттого переводъ его прозрачно-ясенъ для всякаго Чува-шенина. Скудость чувашскаго языка заставляетъ его прибѣгать нерѣдко, осо-бенно при выраженіи отвлеченныхъ понятій, къ перифразу, но этого нельзя считать недостаткомъ: смыслъ и духъ подлинника передаются вѣрно. Сближает-ся же въ его переводахъ чувашское нарѣчіе только съ русскимъ и церковнымъ языкомъ; онъ употребляетъ слова: законъ, святой, праздникъ и другія, вошед-шія въ общее употребленіе у Чувашъ, также: архіерей, Евангеліе и т. п.

Не считаю нужнымъ останавливаться, какъ на совершенно неоснователь-

номъ, на томъ возраженіи, яко бы Татары, *всѣ безъ исключенія*, понимаютъ и довольно бойко говорятъ по-русски, и потому нѣтъ надобности переводить для нихъ обычное богослуженіе русской церкви, которое они могутъ понимать почти какъ Русскіе. Весьма странно, что въ Петербургѣ нашлись такіе люди которые сказали редакціи *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* такую небылицу.

Стоятъ вниманія и тщательнаго обсужденія тѣ возраженія противъ учебной системы гг. Ильминскаго и Золотницкаго и ихъ переводовъ, которыя основываются на своеобразномъ понятіи о языкѣ, о значеніи его въ дѣлѣ обученія и образованія и объ отношеніи его къ народности. Выписываю съ буквальною точностію всѣ относящіяся сюда возраженія:

«Ближайшею и главнѣйшею цѣлію школы (инородческой) должно быть «*усвоеніе дѣтьми русскаго языка*, какъ языка науки и православной церкви, и вмѣстѣ съ тѣмъ христіанское просвѣщеніе; въ такомъ случаѣ дѣти выходили бы изъ школы и добрыми христіанами, и добрыми *русскими* людьми», говоритъ одна изъ поименованныхъ выше брошюръ (Къ вопр. объ устр. нар. школъ). Поэтому «инородческія нарѣчія могутъ на первыхъ порахъ служить «пособіемъ для преподавателей, но никоимъ образомъ не могутъ быть языкомъ «науки или школы», говоритъ Ученый Комитетъ (Вып. изъ Жур. 27 февр. 1867 г.). «Господствующимъ языкомъ школы,—говорится далѣе, — долженъ быть языкъ «русскій, согласно 4 ст. Высочайше утвержденнаго Положенія о начальныхъ «народныхъ училищахъ, а мѣстное инородческое нарѣчіе должно быть употребляемо только, какъ временное орудіе, лишь на первыхъ порахъ, или же для «миссіонерскихъ цѣлей, и чѣмъ скорѣе будетъ оставляемо это орудіе, тѣмъ «лучше» (Къ вопр. объ устр. и Вып. изъ Журн.). По мнѣнію Ученаго Комитета, правительству нѣтъ надобности заботиться объ изданіи на инородческихъ нарѣчіяхъ какихъ либо другихъ книгъ, кромѣ Евангелія и поученій въ христіанствѣ, такъ какъ очевидно, что главною цѣлію его должно быть сліяніе воедино этихъ инородцевъ восточной окраины со всѣмъ русскимъ народомъ.... Но «инородческія школы, устроенныя по системѣ г. Ильминскаго, будутъ ли «въ состояніи содѣйствовать обрусѣнію инородцевъ, которымъ прежде всего обусловливаются и дальнѣйшіе успѣхи ихъ умственнаго образованія, и правильныя, нормальныя ихъ отношенія къ господствующей въ Россіи народности, — «не послужатъ ли онѣ, наоборотъ, къ сознательному развитію племенныхъ особенностей, могущему если не воспрепятствовать, то затруднить сліяніе инородцевъ съ русскимъ народомъ... Г. Золотницкій не придаетъ особенно важнаго «значенія языку въ дѣлѣ обрусѣнія инородцевъ; но языкъ — это народъ: утвердите языкъ письменностью, дайте ему нѣкоторую литературную обработку, изложите его грамматическія правила, введите его въ школу и въ церковь, и вы

«тѣмъ самымъ утвердите соотвѣтственную народность; и доселѣ безразличную «въ отношеніи къ языку массу инородцевъ, съ явнымъ даже влеченіемъ къ усвоенію русскаго языка, вы обратите въ племя, которое будетъ дорожить своими особенностями, и будетъ настаивать на своемъ обособленіи» (Къ вопр. объ устр. нар. шк.). «По словамъ самого г. Золотницкаго, обученіе Чувашъ на ихъ «родномъ языкѣ должно пробудить въ нихъ племенное самолюбіе и уваженіе къ «собственному языку (которымъ они теперь не дорожатъ, употребляя зачастую «языкъ русскій); но онъ полагаетъ почему-то, что пробужденіе этихъ чувствъ «разрознитъ Чувашъ только съ Татарами, и какъ бы не сознаетъ, что оно столько же, если не болѣе, послужитъ и *къ розни ихъ съ Русскими*.... Наконецъ, система гг. Ильминскаго и Золотницкаго, по которой они полагаютъ въ «основу всего религіозно-нравственнаго и умственнаго образованія инородцевъ «ихъ родныя нарѣчія, желая водворить ихъ и въ школѣ, и въ самой церкви,— «система эта во многомъ существенно отступаетъ отъ той общепринятой «въ европейскомъ мірѣ учебной системы, которою различные инородцы съ дознаннымъ на опытѣ успѣхомъ воспитывались не только въ духѣ того или «другаго христіанскаго вѣроисповѣданія, но и въ духѣ той или другой господствующей народности до совершеннаго почти слiянія съ нею.... Образованные европейскіе народы, какъ въ самой Европѣ, такъ и въ другихъ частяхъ «свѣта неоднократно имѣли дѣло съ религіозно-нравственнымъ и умственнымъ «образованіемъ подвластныхъ имъ инородцевъ, и никогда не возводили ихъ нарѣчіе въ языкъ церкви или школы, особенно, если эти нарѣчія не имѣли не «только литературной обработки, но и вообще никакой письменности, и однакожъ они достигали самыхъ удовлетворительныхъ во всѣхъ отношеніяхъ результатовъ. На инородческія нарѣчія они смотрѣли и смотрятъ, какъ на такое «вспомогательное орудіе для преподаванія, которое чѣмъ скорѣе будетъ оставлено и замѣнено господствующимъ языкомъ, тѣмъ лучше».....

Главная мысль, лежащая въ основѣ всѣхъ этихъ возраженій, есть слѣдующая: языкъ—это народъ: въ немъ вся народность. Слѣдовательно усвоеніе того или другаго языка равнозначительно усвоенію той или другой народности. Стало быть, усвоеніе инородческими дѣтьми русскаго языка непремѣнно eo ipso есть усвоеніе ими русской народности, всецѣлое сліяніе съ нею, а обученіе ихъ на ихъ родныхъ нарѣчіяхъ есть отчужденіе отъ русской народности, закрѣпленіе въ ихъ племенной исключительности, во всякомъ случаѣ препона къ скорѣйшему ихъ сліянію съ русскою народностію. А потому гг. Ильминскій и Золотницкій затѣваютъ дѣло опасное, во всякомъ случаѣ рискованное, настаивая на обученіи и обучая уже Татарчатъ и Чувашлятъ на ихъ родномъ языкѣ, и распространяя на ихъ языкѣ книги. Если дать имъ волю, они, пожалуй, создадутъ на восточной нашей окраинѣ такое же положеніе вещей, какое уже

есть на западной окраинѣ нашей. Система ихъ тѣмъ болѣе возбуждаетъ опасеній, что образованные европейскіе народы (предъ которыми, подразумѣвается, мы не должны смѣть своего сужденія имѣть) не такъ поступали съ подвластными имъ инородцами. Вотъ сущность вопроса, какъ я его понимаю.

Спрашивается теперь: справедливо ли говорятъ, что языкъ — это народъ, т. е. въ языкѣ вся народность? Факты говорятъ противное. У Сѣвероамериканцевъ нѣтъ своего народнаго языка; никто однакожь не сочтетъ ихъ Англичанами въ другой части свѣта; они—народъ своеобразный, богато надѣленный духовными силами. Евреи не имѣютъ своего народнаго языка: они говорятъ на всѣхъ языкахъ міра: кому однакожь неизвѣстно, что Евреи составляютъ одну изъ самыхъ крѣпкихъ народностей? Вся народность ихъ въ религіи. Изъ этихъ примѣровъ видно, что языкъ можетъ иногда находиться въ совершенно безразличномъ отношеніи къ народности, не имѣть съ нею никакой внутренней связи. Народность составляютъ духовныя начала, которыми живетъ народъ, извѣстный строй понятій, сложившихся исторически, преданія, созданныя исторіею, симпатіи, ею воспитанныя, нравы, обычаи и т. п. Эти элементы народности могутъ существовать при употребленіи одного языка, точно такъ же, какъ при употребленіи другаго, могутъ выражаться на русскомъ языкѣ точно такъ же, какъ на татарскомъ и т. д. Языкъ здѣсь принимаетъ чисто служебное значеніе, обращается во внѣшнее орудіе мысли. Многіе изъ корифеевъ послѣдняго польскаго мятежа превосходно знали русскій языкъ, воспитывались въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, были знакомы и съ нашею литературой, состояли постоянно подъ вліяніемъ русской администраціи и русскихъ законовъ, но это не помѣшало ни Огрызкамъ, ни Сѣраковскимъ, ни тысячѣ подобныхъ имъ лицъ заявить себя отъявленными врагами русской народности. Съ другой стороны, многіе изъ героевъ двѣнадцатаго года совсѣмъ не знали своего языка, постоянно употребляя языкъ французскій, но доказали опытомъ и своею кровію, что они были Русскими въ душѣ. Какъ на совершенную противоположность имъ, можно указать на множество такихъ людей въ нашемъ, такъ называемомъ, образованномъ обществѣ, которые знаютъ и употребляютъ одинъ только русскій языкъ, въ которыхъ, однакожь, днемъ съ огнемъ не отыщешь ничего русскаго, народнаго, которые на все русское смотрятъ съ презрѣніемъ, которыхъ симпатіи внѣ Россіи. Разгадка этого страннаго явленія въ томъ, что они проникнуты идеями антирусскими, которыхъ усерднымъ проводникомъ служила сама наша литература со времени Петра. Перейдемъ къ Татарамъ. Въ Казани, слышно и въ Оренбургѣ, есть немного Татаръ, прекрасно говорящихъ по-русски, читающихъ русскіе газеты и журналы, которыхъ вы никакъ не отличите отъ Русскихъ, какъ только по костюму, но это не мѣшаетъ имъ и мыслить и жить по-татарски, и поддерживать всѣми силами магометанство. Въ одномъ изъ уѣздовъ Казанской губерніи есть крещеный Та-

таринъ, получившій образованіе въ приходскомъ и уѣздномъ училищѣ, который отлично говоритъ по-русски, читаетъ русскія изданія, и свѣтскія и духовныя, служитъ членомъ земской уѣздной управы: несмотря на то, симпатіи его на сторонѣ Татаръ-мусульманъ; положительно извѣстно, что въ 1866 году онъ давалъ хитрые и коварные совѣты отпадающимъ магометанамъ. *Виленскій Вѣстникъ,* приводя вѣдомость о числѣ Татаръ, жившихъ въ 1797 г. въ литовскихъ губерніяхъ, говоритъ, что Рѣчь Посполитая, формируя изъ Татаръ конные полки, причисляла къ шляхетству отличившихся изъ нихъ на службѣ республикѣ. Малочисленность Татаръ, коронная служба и предоставленное имъ помѣщичье право способствовали быстрому ополяченію Татаръ, но замѣчательно то, что, ополячившись, т. е., принявъ польскій языкъ, они все-таки остались магометанами. (А въ этомъ вся *суть* дѣла.) Въ позднѣйшее время, въ эпоху искусственнаго и очень искуснаго распространенія колонизаціи, Татары литовскіе ополячились настолько, что даже утратили свой племенной типъ. «Теперь, продолжаетъ таже газета, «они всѣ стали говорить по-русски, и даже, какъ слышно, въ мечети объясненія Корана дѣлаются на русскомъ языкѣ, такъ какъ «арабскаго мѣстные Татары не знаютъ» (*Рус. Инвалидъ* 1867 г. № 308). Религія, значитъ, осталась прежняя, несмотря на усвоеніе русскаго языка, а безъ православія обрусѣніе немыслимо.

Какой выводъ отсюда? Тотъ, во-первыхъ, что распространеніе русскаго языка нельзя считать средствомъ, вполнѣ достаточнымъ къ тому, чтобы духовно преобразить все, что есть намъ чуждаго и враждебнаго на восточной ли окраинѣ Россіи, или на западной, и чтобы сплотить съ нами инородныя племена въ одно, не только политическое, но и духовное цѣлое: одинъ языкъ не обладаетъ перерождающею силою. А во-вторыхъ тотъ, что гг. Ильминскій и Золотницкій несравненно глубже, чѣмъ ихъ возражатели, прозрѣваютъ въ существо дѣла, когда, имѣя въ виду ту же цѣль—обрусѣніе инородческихъ дѣтей, направляютъ съ самаго начала не на русскій языкъ, а на усвоеніе дѣтьми духовныхъ элементовъ русской народности, и прежде всего православія, какъ основной стихіи нашей народности, и, чтобы это усвоеніе было какъ можно глубже и сознательнѣе, ведутъ дѣло обученія дѣтей на ихъ родныхъ нарѣчіяхъ, нисколько не устраняя при этомъ русскаго языка, а исподволь пріучая къ нему дѣтей втеченіе всего учебнаго курса, и когда чрезъ своихъ воспитанниковъ и чрезъ переводы книгъ на народныя нарѣчія проводятъ русско-христіанскія идеи въ массу инородческихъ племенъ. Ясно, что метода ихъ самая здравая и естественная; они начинаютъ съ корня, а не съ верхушекъ, начинаютъ русить инородцевъ извнутри, а не извнѣ; метода же ихъ оппонентовъ отчасти напоминаетъ одного чиновника земской полиціи въ здѣшней губерніи, который, ревнуя объ обрусѣніи Татаръ, говорилъ: «вся бѣда въ томъ, что эти мерзавцы

«употребляютъ доселѣ котлы, а не горшки русскіе, имѣютъ у себя въ домахъ «нары вмѣсто русскихъ лавокъ, носятъ тюбетейки, брѣютъ головы, ходятъ не-«опоясанные и пр. и пр. Позвольте мнѣ, ваше превосходительство, распорядить-«ся: у меня они живо *обрусѣютъ*.» Что, еслибы этому чудаку въ самомъ дѣлѣ дана была власть распорядиться? Раздраженіе, а можетъ быть и прямое возстаніе были бы непремѣннымъ послѣдствіемъ его усердія. Подобное можетъ случиться, если мы вдругъ примемся за изгнаніе инородческихъ парѣчій, и будемъ съ самаго начала круто напирать на усвоеніе русскаго языка. Поэтому, ближайшею и главнѣйшею цѣлію инородческой школы ошибочно ставить усвоеніе русскаго языка, какъ ставитъ одна изъ поименованныхъ выше брошюръ: отъ одного усвоенія русскаго языка нельзя ожидать, что дѣти будутъ выходить изъ нея добрыми русскими людьми, какъ надѣется та же брошюра. Не въ языкѣ дѣло, по крайней мѣрѣ, не въ немъ одномъ: вся *суть* дѣла въ вѣрованіяхъ, понятіяхъ, преданіяхъ, которыми живетъ народъ, и которыя находятъ свое выраженіе отчасти въ языкѣ. Слѣдовательно, нужно прежде всего ратовать противъ этихъ вѣрованій и преданій, нужно первѣе и паче всего стараться о томъ, чтобы *внутренно обрусить* инородцевъ и въ церковномъ и гражданскомъ смыслѣ, то-есть, научить ихъ *мыслить и чувствовать* по христіански и по-русски. А для сего вѣрнѣйшій и надежнѣйшій путь — школьное обученіе на родныхъ парѣчіяхъ и изданіе русско-христіанскихъ книгъ на живомъ разговорномъ языкѣ инородцевъ. Такъ и поступаютъ гг. Ильминскій и Золотницкій.

Да не покажется кому логическою несообразностію, contradictio in adjecto, это положеніе, что *обрусить* инородцевъ (разумѣемъ обрусѣніе прочное, а не внѣшнее уподобленіе только) можно неиначе, какъ только при посредствѣ *ихъ роднаго языка*. Это не парадоксъ, это отнынѣ педагогическая аксіома, неопровержимо доказанная опытомъ, благодаря школѣ Н. И. Ильминскаго, аксіома, которую не можетъ ниспровергнуть «общепринятая въ европейскомъ мірѣ учебная система» противоположнаго свойства съ ея якобы «дознаннымъ на опытѣ успѣхомъ.» Никто не станетъ спорить, что обрусѣніе прежде всего и паче всего должно состоять въ усвоеніи инородцами русско-христіанскихъ понятій. Кто усвоялъ себѣ эти понятія, тотъ уже внутренно обрусѣлъ, хотя бы выражалъ ихъ на своемъ языкѣ, и тотъ еще вполнѣ чуждъ православному русскому народу, кто хотя говоритъ по-русски, но мыслитъ и чувствуетъ по-татарски, по-чувашски и т. д. Но усвоить себѣ русско-христіанскія понятія прочно, живо и сознательно инородецъ можетъ неиначе, какъ при посредствѣ своего роднаго языка; только родной языкъ служитъ проводникомъ идей въ самую глубь сознанія. Сколько ни учите вы въ школѣ инородца русскому языку, какіе продолжительные курсы ни назначайте для него, всегда русскій языкъ останется для него *чѣмъ-то внѣшнимъ*: вы можете его научить говорить по-

русскія, по *мыслить* онъ все-таки будетъ на своемъ родномъ языкѣ. Русскіе слова и обороты во всей полнотѣ и широтѣ ихъ значенія онъ не будетъ понимать дотолѣ, пока совсѣмъ не забудетъ своего языка, пока русскій языкъ не сдѣлается для него роднымъ, а это рѣшительно невозможно въ краткій періодъ школьнаго обученія. А потому идеи, понятія, представленія, сообщаемыя инородческому мальчику на русскомъ языкѣ, всегда будутъ подернуты для него какимъ-то туманомъ, не будутъ имѣть той опредѣленности, живости и прозрачной ясности, какъ если бы они сообщались ему на его родномъ языкѣ, никогда не проникнутъ въ самую глубь души, а будутъ лежать на поверхности ея, и могутъ быть вполнѣ усвоены, обратиться, такъ сказать, въ плоть и кровь его духовнаго организма лишь тогда, когда онъ внутренно переведетъ ихъ на свой родной языкъ, разжуетъ и переваритъ ихъ, такъ сказать, посредствомъ этого внутренняго процесса; въ этомъ только случаѣ они будутъ для него и ясны, и опредѣленны, и глубоко залягутъ въ душѣ. Но сдѣлать этотъ внутренній переводъ не легко, не для всякаго по силамъ, а для дѣтей и подавно, особенно, если свой языкъ бѣденъ, а чужой богатъ, и если слишкомъ велика разность между обоими языками, какова дѣйствительно и есть между нашимъ языкомъ и инородческими языками здѣшней мѣстности. Вотъ почему мальчики-инородцы и даже не мальчики, обучавшіеся въ приходскихъ и уѣздныхъ училищахъ, свободно говорящіе по-русски и читающіе всякую русскую книгу, являясь въ школу Н. И. Ильминскаго, не могли пересказать на своемъ родномъ языкѣ самаго простаго евангельскаго разсказа. Вотъ почему также упомянутый выше крещеный Татаринъ, получившій образованіе въ приходскомъ и уѣздномъ училищѣ, членъ уѣздной земской управы, свободно говорящій по-русски и читающій русскія газеты, и свѣтскія и духовныя, все-таки не сдѣлался *добрымъ русскимъ* человѣкомъ и добрымъ христіаниномъ, а питаетъ тайныя симпатіи къ магометанству. Секретъ въ томъ, что русско-христіанскія понятія не проникли, чрезъ посредство его роднаго языка, въ его душу; онъ читаетъ по-русски, но развѣ сотую долю понимаетъ надлежащимъ образомъ, впечатлѣніе выноситъ смутное, неопредѣленное, ничто не западаетъ глубоко въ душу. Нельзя поэтому считать обрусѣлымъ того, кто говоритъ и читаетъ по-русски: это фальшь, своего рода оптическій обманъ. О нѣкоторыхъ инородческихъ племенахъ, особенно о племени черемисскомъ, составилось у насъ понятіе, что это племя самое тупое, бездарное, на томъ основаніи, что сколько ни воспитывалось черемисскихъ дѣтей и въ свѣтскихъ и духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ, ни одного не вышло путнаго; всѣ выходили изъ школы какіе-то одурѣлые. Но при прежней системѣ обученія, которую хотятъ продолжить и на будущее время, по-неволѣ одурѣешь. На самомъ же дѣлѣ Черемисы, по крайней мѣрѣ горные, одно изъ самыхъ талантливыхъ и энергичныхъ племенъ нашего края, какъ это доказы-

вается, между прочимъ, настоящимъ религіознымъ движеніемъ ихъ, которое выдвинуло нѣсколько замѣчательнѣйшихъ личностей; я имѣлъ удовольствіе лично видѣть и слышать нѣкоторыхъ изъ нихъ. Не одни инородцы тупѣли и гибли умственно и нравственно отъ прежней нераціональной учебной системы: сколько русскихъ людей сгубила школа съ ея учебниками, написанными книжнымъ, искусственнымъ языкомъ, съ ея педагогами, не умѣвшими или не хотѣвшими переводить темный языкъ учебниковъ на языкъ образуемыхъ дѣтей! Если изъ духовной школы выходили порядочные люди, хотя все-таки не безъ нравственнаго увѣчья, болѣе или менѣе замѣтнаго, то они выходили такими не благодаря школѣ, а вопреки ей; натура какъ-то не поддавалась мертвящему вліянію школы, въ которой все какъ бы нарочно направлено было къ тому, чтобы притупить способности и отбить всякую охоту къ ученію. И это относится не къ тому только времени, когда въ семинаріяхъ господствовалъ *латинскій* языкъ, какъ языкъ преподаванія для *русскаго* юношества, но и къ ихъ позднѣйшему періоду, какъ это извѣстно намъ отчасти по личному опыту; и доселѣ еще, и въ свѣтскихъ и духовныхъ школахъ низшаго разряда, учебники мало приспособлены къ пониманію дѣтей. Недавно одна дѣвочка подходитъ къ отцу, и спрашиваетъ его: «что это, папаша, здѣсь сказано вотъ непонятно: св. Стефанъ *сдѣлался жертвою ненависти* Іудеевъ?» Фраза, дѣйствительно, искуственная и вовсе непонятная дѣтямъ. — «Какъ это, мамаша, вотъ тутъ написано: *огнь пожралъ* ихъ», спрашивала другая дѣвочка, очевидно, затруднявшаяся понять, какъ это огонь не имѣетъ ни зубовъ, ни пасти звѣриной, а пожираетъ людей.— «Да это просто значитъ, что они сгорѣли».—«Такъ я такъ и скажу учителю, что «они сгорѣли», сказала успокоенная дѣвочка. Подобныхъ примѣровъ не оберешься. Какъ съ дѣтьми надобно говорить въ школѣ по дѣтски, съ крестьяниномъ по крестьянски, такъ точно съ инородцами по инородчески, въ томъ и другомъ и третьемъ случаѣ переводить понятія на ихъ языкъ. Возставать противъ преподаванія на инородческихъ языкахъ инородческимъ дѣтямъ и противъ переводовъ книгъ на сіи языки все тоже, что возставать противъ толковаго, разумнаго обученія.

Напрасно посему Ученый Комитетъ господствующимъ языкомъ въ инородческихъ школахъ признаетъ языкъ русскій, низводя инородческія нарѣчія на степень вспомогательнаго только орудія при преподаваніи. Съ педагогической точки зрѣнія, равно какъ съ точки зрѣнія государственной, въ видахъ обрусѣнія инородцевъ, первенствующее значеніе, безспорно, должно принадлежать инородческимъ нарѣчіямъ, если только желательно, чтобы инородческія школы имѣли серьезное просвѣтительное значеніе. Неосновательно думать, что обученіе на родномъ языкѣ инородческихъ дѣтей будетъ мѣшать ихъ обрусѣнію. Внутреннее обрусѣніе неизбѣжно поведетъ и ко внѣшнему, для коего оно кла-

детъ прочный фундаментъ. Языкъ, нравы, обычаи и прочія стихіи народности дороги теперь инородцамъ, какъ внѣшній отпечатокъ, какъ воплощеніе ихъ вѣрованій и убѣжденій; но какъ скоро послѣднія рухнутъ, какъ скоро послѣдуетъ объединеніе съ русскимъ народомъ въ вѣрованіяхъ и убѣжденіяхъ, то не будетъ болѣе преграды и ко внѣшнему объединенію въ языкѣ и во всемъ прочемъ: для всѣхъ внѣшнихъ проявленій ихъ народности отнятъ будетъ raison d'être. Это неизбѣжно должно случиться само собою, если бы даже объ этомъ вовсе не заботились. Но въ учебной системѣ гг. Ильминскаго и Золотницкаго русскій языкъ не забытъ, изученію его дано важное мѣсто, и, надобно сказать при этой системѣ онъ лучше, прочнѣе усвояется инородческими дѣтьми, чѣмъ при всякой другой. Принятое здѣсь правило: сопровождать чтеніе инородческаго текста переводомъ на русскій языкъ и наоборотъ, необыкновенно способствуетъ глубокому, сознательному усвоенію русскаго языка; чрезъ сравненіе съ своимъ лучше уясняются особенности русскаго языка и прочнѣе утверждаются въ сознаніи. Наблюденіе надъ воспитанниками школы Н. И. Ильминскаго показываетъ, что въ разговорѣ ихъ гораздо меньше татаризмовъ, чѣмъ у выучившихся говорить по наслышкѣ, и что мальчики-наставники съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе совершенствуются въ знаніи русскаго языка. Не стоило бы, конечно, большаго труда совсѣмъ обрусить мальчиковъ въ школѣ, т. е., довести ихъ дотого, чтобы они совсѣмъ забыли свой языкъ. Но для этого нужно бы совсѣмъ оторвать ихъ отъ родной семьи и своего племени, а это, во 1-хъ, не обошлось бы безъ ущерба для ихъ нравственнаго характера, а во 2-хъ крайне замедлило бы христіанское просвѣщеніе и обрусѣніе края. Обрусить такъ инородцевъ, выхватывая изъ нихъ единицы, значитъ тоже, что исчерпать море горстью. Воспитанники инородческихъ школъ, устроенныхъ по новой системѣ, тѣмъ особенно дороги, что они служатъ наилучшими проводниками русско-христіанскихъ идей въ массу своего племени и уже начинаютъ давать отпоръ преобладающему въ краю магометанству. Съ этой точки зрѣнія быстрое обрусѣніе ихъ не можетъ быть желательно. Какъ проникли бы иначе русско-христіанскія понятія въ женскую половину инородческихъ племенъ? Обыкновенно женщины въ захолустьяхъ ни слова не знаютъ по-русски, и, постоянно вращаясь въ кругу магометанъ, заражаются идеями магометанскими. Теперь же, благодаря воспитанникамъ новыхъ школъ и переводамъ книгъ на инородческія нарѣчія, и въ женщинахъ замѣчается необычайное рвеніе къ христіанскому ученію и богослуженію.

Напрасно также Ученый Комитетъ думаетъ ограничить переводы на инородческіе языки однимъ Евангеліемъ и проектируемыми имъ поученіями въ христіанствѣ. Мы видѣли, что съ точки зрѣнія православной русской церкви это было бы величайшею несправедливостью по отношенію къ здѣшнимъ ино-

родцамъ. Когда принято за правило всѣмъ инородцамъ, обитающимъ въ предѣлахъ Россіи, давать христіанскія книги на ихъ родныхъ нарѣчіяхъ, странно было бы дѣлать исключеніе относительно здѣшнихъ инородцевъ: не пасынки они какіе русской державы и русской церкви! Но и съ точки зрѣнія государственной, имѣя въ виду обрусѣніе ихъ и сліяніе съ русскимъ народомъ, нельзя не желать, чтобы переводовъ было больше и они были разнообразнѣе, не выходя впрочемъ изъ предѣловъ христіанскаго ученія и богослуженія. Запретъ свой относительно переводовъ Ученый Комитетъ мотивируетъ тѣмъ, что главною цѣлію правительства должно быть сліяніе во-едино инородцевъ съ русскимъ народомъ. Но именно этому-то сліянію и послужитъ препоною ограниченіе переводовъ. Какъ проникнутъ въ массу инородцевъ русско-христіанскія понятія, если не чрезъ переводы? Какую лучшую преграду поставить распространенію между крещеными инородцами магометанскихъ книгъ, какъ не изданіе русско-христіанскихъ книгъ въ возможно-большемъ количествѣ? Какъ иначе разрушить предубѣжденіе крещеныхъ инородцевъ и самихъ магометанъ, что только въ магометанскихъ книгахъ и находятся хорошія правила и наставленія? Какимъ образомъ дать солидное и полное христіанское образованіе воспитанникамъ школъ, назначаемымъ въ учители и руководители другихъ, какъ не чрезъ книги разнообразнаго христіанскаго содержанія на ихъ языкѣ? Въ приходахъ чисто инородческихъ и богослуженіе необходимо совершать на инородческомъ языкѣ. Для утвержденія инородцевъ въ христіанствѣ недостаточно, чтобы они только читали или слышали на своемъ языкѣ христіанскія книги. Для большаго углубленія въ ихъ сердцѣ истинъ вѣры, на помощь языку, который не всегда можетъ выразить глубокія тайны христіанства, долженъ придти богослужебный обрядъ, который говоритъ глазу, и церковное пѣніе, которое говоритъ слуху. Впечатлѣніе будетъ полнѣе и глубже. Нельзя надѣяться, какъ, повидимому, питаютъ такую надежду обѣ поименованныя выше брошюры, что для христіанскаго просвѣщенія темной массы инородцевъ достаточно личной просвѣтительной дѣятельности воспитанниковъ школъ. Безъ книгъ мальчики не много могутъ сдѣлать; для нихъ нужна книга, на которую бы они могли опираться, какъ на авторитетъ. Если бы мальчикъ отъ себя только говорилъ, его словамъ могли бы еще не придавать особенной важности; но когда въ рукахъ у него *божественная* книга, его слова имѣютъ большой вѣсъ. Учитъ не онъ, 14-ти или 15-лѣтній мальчикъ, гораздо старшихъ себя возрастомъ, а *божественная* книга, которая у него въ рукахъ; этимъ уничтожается ненормальность его положенія учительскаго въ отношеніи къ старшимъ возрастомъ. Книга притомъ будетъ гарантировать отъ возможныхъ погрѣшностей въ толкованіи христіанскаго ученія, и сама-по-себѣ для грамотныхъ будетъ учительницею.

Опасеніе, отъ переводовъ христіанскихъ книгъ на инородческіе языки и

отъ школьнаго обученія дѣтей на ихъ языкахъ, розни, обособленія и, по меньшей мѣрѣ, затрудненія въ дѣлѣ обрусѣнія инородцевъ и слиянія ихъ со всею массою русскаго народа, — опасеніе это было бы основательно тогда, когда гг. Ильминскій и Золотницкій принялись бы за объясненіе и изложеніе на нарѣчіяхъ инородцевъ ихъ вѣрованій, преданій, легендъ, пѣсень и всего того, что питаетъ и поддерживаетъ ихъ племенные инстинкты; въ этомъ случаѣ ихъ систему дѣйствительно слѣдовало бы подвергнуть остракизму: но какой смыслъ имѣетъ это опасеніе, когда они намѣренно избѣгаютъ всего этого, когда усиленно стараются утвердить въ обучающихся, а чрезъ нихъ и во всей массѣ инородцевъ, русско-христіанскія понятія, охристіанизировать, и, такъ сказать, обрусить самыя инородческія нарѣчія, ввести въ нихъ русско-христіанское міросозерцаніе, слѣдовательно стремятся не къ иному чему, какъ именно къ обрусѣнію, понимая обрусѣніе гораздо глубже и шире, чѣмъ ихъ оппоненты, не считая достаточнымъ въ дѣлѣ обрусѣнія одного внѣшняго уподобленія инородцевъ Русскимъ, а чрезъ внутреннее обрусѣніе пролагая вѣрный и надежный путь ко внѣшнему? Разность языка, остающаяся пока между нами и инородцами, не можетъ мѣшать доброму согласію, когда внутренняя отчужденность со дня на день изчезаетъ. Что опаснаго въ томъ, когда Татаринъ, произнося: «Алла,» соединяетъ съ этимъ словомъ идею христіанскаго Бога, и какая была бы польза отъ того, когда бы Черемисинъ, говоря: «Богъ», сталъ представлять своего Юму? Странно предполагать, что инородцы, не обособлявшіеся отъ насъ политически (о такомъ, конечно, обособленіи идетъ рѣчь, а не о бытовомъ, которое существовало искони, и только теперь начинаетъ прекращаться), когда были внутренно разъединены съ нами, будутъ настаивать на своемъ обособленіи, лишь только объединятся съ нами внутренно, когда будутъ связаны съ нами самымъ крѣпкимъ союзомъ — союзомъ вѣры. Христіанство, которое мы вводимъ въ среду ихъ, едва ли оттолкнетъ ихъ отъ насъ. Христіанство, дѣйствительно, вноситъ мечъ и раздѣленіе въ племена и народы, даже въ семейства, возставляетъ дѣтей на отцовъ и отцовъ на дѣтей, но когда? Когда одни пріемлютъ христіанскія начала вѣры и жизни, а другіе отвергаютъ; пріемлющихъ какъ между собою, такъ и съ тѣми, отъ кого пріемлютъ, оно соединяетъ въ одну тѣсносплоченную общину, отрываетъ отъ всего, что прежде было дорого, заставляетъ разрывать самыя крѣпкія узы семейныя, племенныя, и единитъ братски съ чужими и единоплеменными, но единовѣрными. Для доказательства сего нѣтъ нужды прибѣгать къ исторіи, которая могла бы представить безчисленное множество самыхъ убѣдительныхъ примѣровъ, стоитъ указать только на факты, совершающіеся у насъ предъ глазами. Воспитанники Казанской и другихъ инородческихъ школъ не только сыновне расположены «къ своимъ добрымъ отцамъ», руководителямъ школы въ Казани, но и братски расположены ко всѣмъ вооб-

ще Русскимъ, не обижаются даже когда простой русскій народъ, по невѣжеству, честитъ ихъ «собачатами». Наставники новыхъ школъ изъ Татаръ, Чувашъ и Черемисъ, которыхъ нерѣдко можно видѣть въ Казани, не смотря на свою разноплеменность, встрѣчаются между собою какъ родные братья, и смотрятъ на насъ, Русскихъ, какъ на своихъ. Я уже упоминалъ выше о сильномъ религіозномъ движеніи, которое происходитъ въ настоящее время между Черемисами Козмодемьянскаго края. Профессоръ здѣшней Академіи П. В. Знаменскій лично наблюдалъ это движеніе. Что же онъ тамъ видѣлъ? Онъ вынесъ впечатлѣніе и убѣжденіе, что возродившееся тамъ христіанство быстро ведетъ край къ совершенному обрусѣнію; что обращенные Черемисы потеряли національныя симпатіи, и Русскихъ во всемъ предпочитаютъ своимъ. Масса обращенныхъ Черемисъ плотно группируется около своихъ народныхъ учителей и представителей мѣстнаго образованія, проникнута однимъ духомъ и живо заинтересована дѣлами вѣры. Она рѣзко отличается отъ окружающей ее толпы полуязычниковъ, и, составляя крѣпко сплоченное общество, ведетъ неутомимую борьбу съ язычествующими соплеменниками. Религіозность проникаетъ всю жизнь новыхъ христіанъ; на улицахъ дѣти поютъ церковныя пѣсни. Всѣ православные живутъ, совершенно отстранившись отъ всего *мірскаго*, какъ они выражаются, то есть языческо-черемисскаго, относятся съ отвращеніемъ къ нравамъ и обычаямъ своихъ соплеменниковъ, во всемъ отдаютъ предпочтеніе Русскимъ. Нечистая жизнь приверженцевъ черемисской старины представляется имъ содомскою и возбуждаетъ омерзеніе. Люди, стоящіе во главѣ движенія, признаются, что имъ тошно жить среди земляковъ, хотѣлось бы совсѣмъ бросить родину, гдѣ на каждомъ шагу встрѣчаешь отвратительныя проявленія язычества. Разладъ проникъ въ семейную жизнь. Младшіе члены семьи обыкновенно преданы христіанству, старшіе держатся старины. Старики запрещаютъ молодежи учиться Закону Божію, ходить въ церковь, прячутъ по праздникамъ одежду у дѣтей; послѣднія тихонько убѣгаютъ въ церковь, въ чемъ ни попало; иногда совсѣмъ убѣгаютъ отъ родителей, или же чахнутъ и умираютъ отъ деспотизма ихъ, не поступаясь своими религіозными убѣжденіями.—Я недавно видѣлъ одного изъ вождей этого религіознаго движенія у себя въ домѣ, Ивана Захарова: это умный, энергическій, любознательный человѣкъ, одѣтъ полумонахомъ, совсѣмъ почти обрусѣлый. Въ бесѣдѣ съ нимъ дикою показалась мнѣ мысль о сепараціи инородцевъ, усвоившихъ христіанство. Нѣтъ, и минуты сомнѣваться нельзя, что *русская вѣра*, какъ называютъ инородцы христіанство, обруситъ ихъ и объединитъ съ русскимъ народомъ.

Опасаются, что инородческія школы, устроенныя по системѣ гг. Ильминскаго и Золотницкаго, и ихъ переводы послужатъ къ сознательному развитію племенныхъ особенностей, которое можетъ если не воспрепятствовать, то за-

трудпить сліяніе инородцевъ съ русскимъ народомъ. Мы видѣли, что эти школы и переводы нисколько не способствуютъ развитію племенныхъ инстинктовъ, способныхъ отдалить инородцевъ отъ русскаго народа, напротивъ, содѣйствуютъ сближенію и уже сближаютъ ихъ съ русскимъ народомъ. Что касается до особенностей умственныхъ и нравственныхъ, присущихъ каждому племени, то развитію ихъ, дѣйствительно, можетъ способствовать учебная система гг. Ильминскаго и Золотницкаго. Но этому нужно радоваться только; опасности тутъ никакой не предстоитъ. Пусть подъ животворнымъ воздѣйствіемъ христіанскихъ идей воспрянутъ инородческія племена изъ безсмысленнаго полуживотнаго состоянія, пусть дремлющія въ нихъ духовныя силы явятся на свѣтъ Божій, опознаютъ себя и примутъ то или другое направленіе, выразятся въ такой или другой своеобразной формѣ. Тѣмъ лучше. Сливаясь въ этомъ пробужденномъ состояніи съ русскимъ народомъ, они обогатятъ русскую народность не только количественно, но и качественно, расширятъ горизонтъ русскаго міросозерцанія, внесутъ новые элементы въ жизнь русскаго народа. Исторіею замѣчено, что чѣмъ разнообразнѣе элементы, изъ которыхъ слагается та или другая народность, тѣмъ они богаче, глубже и многостороннѣе. Русская народность еще не сформировалась окончательно; ей предстоитъ еще ассимилировать, растворить, такъ сказать, въ себѣ самыя разнообразныя племена, обитающія на широкомъ раздольѣ русской державы. Желательно, чтобы каждое племя не какъ мертвый ингредіентъ, входило въ организмъ русской народности, а вносило въ него съ собою новыя стихіи жизни, чтобы не матеріально только, но и морально усиливало русскій колоссъ. Въ такомъ только случаѣ выраженіе: *широкая русская натура* потеряетъ нынѣшнее свое пошлое значеніе. Съ этой точки зрѣнія нечего опасаться раскрытія племенныхъ особенностей, умственныхъ и нравственныхъ, а слѣдуетъ намѣренно вызывать ихъ къ жизни, вводя въ инородческія племена чрезъ ихъ родныя нарѣчія христіанство, которое, какъ животворный лучъ солнца, пробуждаетъ дремлющія духовныя силы племенъ и народовъ, и даетъ просторъ ихъ развитію согласно особенностямъ племеннаго типа. Черемисы недавно только сознательно ознакомились съ христіанствомъ, но оно уже приняло у нихъ своеобразное направленіе, — строго-моральное, даже-аскетическое съ оттѣнкомъ мистицизма. Изъ массы племени выдвинулось нѣсколько личностей, высоко замѣчательныхъ и оригинальныхъ, которыя — не подѣйствуй на нихъ глубоко христіанство, — навѣрное безслѣдно совершили бы свой земной путь, а теперь они энергически, со всѣмъ жаромъ неофитовъ, проводятъ нравственныя христіанскія начала въ жизнь своего племени. Своеобразность христіанскаго направленія Черемисъ обнаружилась и въ томъ, что они оттолкнули отъ себя раскольниковъ съ ихъ мертвящею обрядностію, которые пытались-было ввести между ними свою пропаганду. Нужно вызывать къ жизни

такого рода племенныя особенности, а не подавлять ихъ. Учебная система гг. Ильминскаго и Золотницкаго, поставившая орудіемъ образованія родной языкъ инородцевъ, поднимаетъ со дна души дремлющія духовныя силы ихъ и даетъ просторъ ихъ развитію, тогда какъ принудительное введеніе въ школы русскаго языка, какъ орудія преподаванія, несомнѣнно притупляетъ способности и подавляетъ нравственныя силы. Не много было бы проку, если бы такія отупѣлыя и нравственно забитыя племена и усвоены были русской народности.

Опасаются, что письменность, впервые вводимая у инородцевъ, обработка ихъ нарѣчій, созданіе особой литературы поведетъ ихъ къ обособленію; что изъ среды ихъ могутъ явиться лица, которыя примутся за литературную обработку своего языка, и, пожалуй, станутъ смотрѣть на свои нарѣчія, какъ на нѣчто равное русскому языку; опасаются, однимъ словомъ, что переводныя книги могутъ быть вредны не по содержанію, а по языку, на которомъ онѣ написаны. По-истинѣ, у страха глаза велики. Что было и есть въ Австріи, тоже, думаютъ, можетъ случиться и у насъ. Но здѣсь забываютъ одно, весьма важное обстоятельство, именно, что особая письменность и литературная обработка языка можетъ повести и ведетъ къ умственному, а иногда и политическому отдѣленію отъ господствующей народности только племена, которыя жили уже историческою жизнію, и притомъ сознали свою отдѣльность, кромѣ языка, и по другимъ стихіямъ народности. Но для племенъ первобытныхъ, каковы Чуваши и Черемисы, которымъ господствующій русскій народъ даетъ всѣ стихіи просвѣщенія безъ изъятія, возвышеніе ихъ роднаго языка къ принятію просвѣщенныхъ понятій есть только дверь къ окончательному ихъ объединенію съ русскимъ народомъ; оно только ускоритъ сліяніе ихъ и съ русскимъ народомъ, и съ русскимъ языкомъ. Объ обособленіи этихъ племенъ, относительно малочисленныхъ, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ русскимъ народомъ и Татарами, и о развитіи у нихъ литературы здѣсь, на мѣстѣ, при небольшомъ даже знакомствѣ съ ихъ бытомъ, смѣшно и говорить. Судьбу ихъ можно предсказать заранѣе: они или обрусѣютъ и сольются съ русскимъ народомъ, если не будутъ мѣшать устройству между ними школъ по новой учебной системѣ, или въ скоромъ времени поглощены будутъ магометанствомъ, откуда уже извлечь ихъ будетъ стоить немалыхъ трудовъ. Что касается до Татаръ, то изъ нихъ магометане имѣютъ уже письменность и богатую литературу; у крещеныхъ Татаръ нѣтъ своей письменности, но ее необходимо создать, чтобы противодѣйствовать мусульманской пропагандѣ, которая ведется преимущественно посредствомъ книгъ, издаваемыхъ ежегодно въ громадномъ количествѣ и расходящихся и между крещеными Татарами, особенно такъ называемыми новокрещеными. Настоитъ крайняя нужда съ одной стороны утвердить крещеныхъ Татаръ въ христіанствѣ, чего безъ переводныхъ книгъ сдѣлать нельзя, съ дру-

гой стороны—приготовить борцевъ противъ преобладающаго въ нашемъ краю исламизма изъ среды самыхъ Татаръ. Намъ не увернуться отъ борьбы съ магометанствомъ въ близкомъ будущемъ, особенно когда мы все болѣе и болѣе подвигаемся на Востокъ и покоряемъ области и страны съ магометанскимъ населеніемъ. Очевидно, на долю Россіи выпадаетъ жребій ниспровергнуть ученіе лжепророка и охристіанизировать магометанскій Востокъ. При такомъ положеніи дѣлъ, даже желательно, чтобы крещеные Татары, глубоко усвоивъ христіанство, принялись писать на своемъ языкѣ. При живомъ усвоеніи христіанства, писанія ихъ, естественно, не могутъ быть враждебны русской народности, и будутъ скорѣе всего направлены противъ магометанства. Но это едва ли когда сбудется, по крайней мѣрѣ скоро быть не можетъ. Призракъ инородческой литературы съ писателями во главѣ, отстаивающими права своихъ народностей и настаивающими на обособленіи, и происходящій отсюда сепаратизмъ, просто, созданъ воображеніемъ, померещился потому, что здѣшнихъ бѣдныхъ инородцевъ приравняли къ Остзейскимъ баронамъ, Полякамъ, Чехамъ австрійскимъ. Живя здѣсь, въ центрѣ инородческой мѣстности, смѣемъ увѣрить пугливыхъ оберегателей государственной цѣлости Россіи, что это величины несоразмѣримыя, что тутъ дистанція огромнаго размѣра. Если ужь отдѣляться крещенымъ инородцамъ отъ государственнаго единства Россіи, такъ всего лучше бы имъ отдѣлиться въ истекшіе годы настоящаго столѣтія, когда ихъ за то, что они, никогда не бывъ христіанами, отпадали отъ христіанства, переселяли съ мѣста на мѣсто, что̀ равнялось почти разоренію, таскали по разнымъ присутственнымъ мѣстамъ, отрывая отъ семьи и хозяйства, насильно отнимали у нихъ дѣтей для крещенія, и когда вообще административные порядки были иные, чѣмъ нынѣ. Нѣтъ, время для сепараціи инородцевъ уже прошло, наступило время тѣснѣйшаго ихъ сближенія съ русскимъ народомъ. Въ районѣ дѣйствія инородческихъ школъ, устроенныхъ по новой системѣ, т. е., между старокрещеными Татарами, отнынѣ отпаденіе уже немыслимо. Если и между новокрещеными Татарами удастся завесть подобныя школы и распространить переводы, если и они утвердятся въ христіанствѣ, что̀ почти равносильно будетъ обрусѣнію ихъ: тогда не только сами крещеные Татары не подумаютъ отдѣляться, настаивать на своемъ обособленіи, но будутъ способствовать къ религіозному объединенію съ Русскими и своихъ магометанствующихъ соплеменниковъ. Отпоръ магометанству будетъ готовъ; на всѣхъ пунктахъ нашего края закипитъ борьба съ нимъ. На чьей сторонѣ останется побѣда, сомнѣваться нельзя. Магометанство держится здѣсь и даже дѣлаетъ завоеванія между прочимъ потому, что «правовѣрные» не имѣютъ надлежащаго понятія о христіанствѣ, простодушно считая насъ идолопоклонниками, въ чемъ до послѣдняго времени убѣждены были и крещеные Татары. Разсѣять это нелѣпое

предубѣжденіе, кромѣ школъ, поможетъ новосозидающаяся татарская переводная литература. Приведенный выше примѣръ магометанки Гюльшагиды, которая при чтеніи 9-й главы Евангелія отъ Іоанна пришла въ глубокое раздумье, показываетъ, что книги Н. И. Ильминскаго могутъ оказать добрую услугу въ дѣлѣ миссіи противумусульманской. Въ магометанствѣ нѣтъ ничего, глубоко задѣвающаго душу: христіанство полно фактовъ поражающихъ, глубоко и неотразимо дѣйствующихъ на душу. Поэтому не только желательно, но и неотложно необходимо усиленіе татарскихъ переводовъ христіанскихъ книгъ, они помогутъ одолѣть магометанство. Г. профессоръ Григорьевъ подалъ мысль, и Ученый Комитетъ ее принялъ, что для обрусѣнія Татаръ-магометанъ необходимо сдѣлать обязательнымъ знаніе русскаго языка для всѣхъ духовныхъ лицъ магометанской іерархіи. Болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы эта мѣра повела къ чему нибудь; бо́льшая часть муллъ, по крайней мѣрѣ въ здѣшней губерніи, и теперь знаютъ русскій языкъ, однакожъ не русѣютъ. По нашему убѣжденію, если даже всѣхъ Татаръ-магометанъ поголовно обязать учиться русскому языку, все-таки не обрусишь ихъ даже черезъ тысячу лѣтъ. Нужно прежде всего поколебать ихъ религіозныя убѣжденія, а это невозможно, если не будутъ дѣйствовать на нихъ утвержденные въ христіанствѣ ихъ соплеменники, и если сами они не будутъ имѣть возможности ознакомиться съ идеями христіанства на своемъ родномъ языкѣ. Тогда только положено будетъ начало ихъ обрусѣнію. Школа г. Ильминскаго съ его переводами и здѣсь окажетъ наилучшія услуги. Другихъ средствъ пока нѣтъ.

Отъ крещеныхъ Татаръ и нехристей перехожу къ образованнымъ Европейцамъ. Что́ намъ дѣлать съ ихъ учебною системою, которая идетъ въ разрѣзъ съ системою нашихъ славныхъ ревнителей просвѣщенія инородцевъ? А пусть ихъ идутъ своею дорогою, а мы пойдемъ своей. Пора намъ жить своимъ умомъ. Европейцы намъ не указъ. Что̀ Русскому здорово, то нѣмцу смерть. Мы видѣли, что новоявившаяся русская учебная система основана на твердыхъ началахъ психологическихъ и педагогическихъ, и ведетъ къ самымъ счастливымъ результатамъ, по крайней мѣрѣ я до мозговъ костей убѣжденъ въ ея непреложной истинѣ и плодотворности, хотя, быть можетъ, недостаточно съумѣлъ выразить это. Весьма замѣчательно, что нѣкоторые и изъ Европейцевъ, именно Англичане, болѣе другихъ одаренные практическимъ тактомъ, своротили на нашу новооткрытую учебную дорогу, конечно, независимо отъ насъ. Г. попечителемъ Казанскаго учебнаго округа, Петромъ Дмитріевичемъ Шестаковымъ, который первый сказалъ мощное слово въ защиту недружелюбно встрѣченной системы Н. И. Ильминскаго, въ сентябрской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1867 г., указано было на тотъ фактъ, что въ школахъ, основанныхъ Англичанами въ Индіи для образованія туземцевъ, точь

въ точь принята та же система обученія, какъ и для нашихъ инородцевъ. Силу этого факта думали ослабить тѣмъ, что Англичане-де пришельцы, а не туземцы въ Индіи, какъ будто забывъ, что споръ идетъ о языкѣ *господствующей* и подчиненной народности, и что мы въ здѣшнемъ краю тоже пришельцы, а не туземцы. Такимъ образомъ одинъ изъ европейскихъ образованныхъ народовъ, и притомъ умнѣйшій, оказывается на нашей сторонѣ, если ужь нельзя намъ обойдтись безъ авторитета, и «общепринятая» въ европейскомъ мірѣ учебная система оказывается необщепринятою. — Неудивительно, впрочемъ, что западные Европейцы расходятся съ нами въ системѣ обученія инородцевъ. Коренная разность лежитъ въ основѣ ихъ и нашей исторіи, которая заявляетъ себя и здѣсь. Существенная принадлежность русскаго народа та, что онъ не гнететъ и не унижаетъ племена, которыя судьба Промысла подвела подъ его руку, онъ равняетъ ихъ съ собою, иногда даже даетъ имъ преимущество въ ущербъ себѣ. Мы народъ по преимуществу служащій, а не преобладающій. Въ этомъ сказывается добродушная славянская натура наша. У западныхъ Европейцевъ, напротивъ, всѣ понятія и вся жизнь сложились подъ вліяніемъ ревнивой зависти и происходящаго отсюда антагонизма. Отъ соприкосновенія съ ними инородческія племена или гибнутъ, вымираютъ поголовно, или ведутъ съ ними неустанную борьбу до истощенія. Не то у насъ. Русская народность имѣетъ свойство ассимилировать себѣ инородческія племена, растворяя ихъ, такъ сказать, въ себѣ. На памяти исторіи мѣстность, занимаемая нынѣ губерніями Московской, Владимірской, Ярославской, Костромской, густо заселена была финскимъ племенемъ. Гдѣ теперь эти Финны? Они не истреблены, не оттѣснены въ другое мѣсто, они слились съ русскимъ народомъ, и вотъ выработался великорусскій типъ, представителемъ котораго справедливо считаютъ жителей означенныхъ губерній. Подобная ассимиляція племенъ мирно, незамѣтно совершается доселѣ на разныхъ мѣстностяхъ нашего отечества. Не слѣдуетъ мѣшать ей принудительнымъ введеніемъ въ школы русскаго языка. Предоставимъ инородческимъ нарѣчіямъ умереть естественною смертію. Если мы доселѣ въ обученіи инородцевъ губили ихъ, заставляя учиться по-русски, то это дѣлалось не вслѣдствіе принципа, ясно сознаннаго и твердо поставленнаго, какъ у западныхъ Европейцевъ, а или по невѣдѣнію, грѣхъ котораго прощается, или изъ обычнаго намъ подражанія Европейцамъ, что уже менѣе заслуживаетъ прощенія, особенно въ нынѣшнее время. Извѣстно, что Пруссаки, германизируя Кашубовъ, Мазуровъ и другія мелкія группы польской народности, употребляли въ школахъ тѣлесныя наказанія для дѣтей, говорившихъ между собою по-польски, записывали на позорной доскѣ имена провинившихся такимъ образомъ, надѣвали женскіе колпаки на мальчиковъ, съ цѣлію пристыдить ихъ за употребленіе языка, которымъ говорили матери и сестры ихъ (*Рус. Вѣст.* 1865 г. № 1. *По-*

ляки въ Пруссіи, Н. А. Попова). Подражать ли намъ имъ? Избави Богъ. Обойдемся и безъ этого варварства, и, смѣло можно надѣяться, достигнемъ результатовъ, гораздо болѣе удовлетворительныхъ, чѣмъ какіе стяжали образованные Европейцы, которые принуждены постоянно носить камень за пазухой противъ домашнихъ враговъ. Тычутъ намъ въ глаза, что Европейцы съ своею учебною системою всегда «достигали самыхъ удовлетворительныхъ во всѣхъ отношеніяхъ результатовъ.» Не много ли сказано? Чего ни дѣлала Австрія, чтобы задушить славянскія народности? А что проку? Никакими внѣшними мѣрами нельзя ни задушить, ни переродить никакой народности. Народность есть явленіе духовное, и потому покоряется вполнѣ только духовному воздѣйствію. Это духовное воздѣйствіе по отношенію къ нашимъ инородцамъ должно быть какъ со стороны школы, не съ русскимъ, а инородческимъ языкомъ во главѣ, такъ и со стороны русскаго народа, окружающаго инородцевъ. Къ сожалѣнію, религіозное и всяческое невѣжество нашего простаго народа не можетъ привлекать инородцевъ. Поэтому крайне необходимъ въ здѣшнемъ краю духовный подъемъ простаго русскаго люда: необходимо, параллельно инородческимъ школамъ, по образцу ихъ, завести по селамъ и деревнямъ русскія школы.

Недовольные учебной системой гг. Ильминскаго и Золотницкаго, Ученый Комитетъ и редакція *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, взамѣнъ ея, предложили свой учебный планъ для инородческихъ школъ, составленный на европейскій маперъ. Послѣ всего, сказаннаго выше, не настоитъ нужды долго останавливаться на этомъ планѣ. Прежде всего нельзя не замѣтить, что въ педагогическомъ отношеніи онъ, съ позволенія сказать, очень слабъ. — Чтó мы дѣлаемъ въ нашихъ русскихъ школахъ, когда хотимъ быть понятными для дѣтей, утвердить въ ихъ сознаніи извѣстный строй понятій, уяснить для нихъ ту или другую истину? Мы переводимъ, такъ сказать, извѣстныя научныя понятія на дѣтскій языкъ, отвлеченныя понятія разлагаемъ на конкретныя представленія, общія истины индивидуализируемъ, примѣрами, сравненіями, образами стараемся наглядно представить, приблизить къ дѣтскому пониманію, или, чтó тоже, къ ихъ языку ту или другую истину, однимъ словомъ дѣлаемъ своего рода переводъ съ одного языка на другой. Тоже должно быть и въ инородческихъ школахъ, и такъ какъ здѣсь дѣти не знаютъ инаго языка, кромѣ своего, то, естественно, преподаваніе должно идти на этомъ языкѣ. Это такъ естественно, что и Ученый Комитетъ, и редакція *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, какъ они ни нерасположены къ инородческимъ нарѣчіямъ, даютъ однакожъ имъ мѣсто въ школѣ. Но только на первыхъ порахъ, прибавляютъ они, пока инородческія дѣти не усвоятъ русскаго языка. Въ 1-й періодъ обученія, по ихъ плану (курсъ предполагается 4-лѣтній) дѣти обучаются, при помощи мѣстныхъ нарѣчій, русскому разговор-

ному языку, и просвѣщаются въ христіанствѣ посредствомъ краткихъ поученій на ихъ племенныхъ нарѣчіяхъ. Второй періодъ обученія весь посвящается чтенію и письму, счисленію и 4-мъ дѣйствіямъ ариѳметики, а также изученію Закона Божія, *исключительно по-русски.* Только предъ концомъ курса, присоединяется упражненіе въ чтеніи и объясненіи Евангелія на мѣстномъ инородческомъ нарѣчіи, дабы дѣти, возвращаясь въ свою семью, могли знакомить ихъ членовъ со словомъ Божіимъ на понятномъ имъ языкѣ.—Повидимому хорошо, а на самомъ дѣлѣ никуда не годится. Такой планъ могъ быть выдуманъ только въ кабинетѣ. Вдали отъ инородческой школы все представляется легко и удобоисполнимо—и обучить инородческихъ дѣтей въ какіе нибудь два года, или и того менѣе русскому языку въ такомъ совершенствѣ, чтобы они могли въ остальные два года слушать преподаваніе всѣхъ учебныхъ предметовъ по-русски, и настолько просвѣтить ихъ въ христіанствѣ, чтобы они, по выходѣ изъ школы, явились просвѣтителями своихъ семействъ, своего рода миссіонерами. Спрашивается: можетъ ли 8-лѣтній инородческій ребенокъ въ два года, напримѣръ, выучиться русскому языку такъ, чтобы потомъ могъ живо и сознательно усвоить себѣ преподаваемые на этомъ языкѣ учебные предметы? Кто понимаетъ сколько нибудь этимологическую и синтаксическую разность русскаго языка отъ всѣхъ языковъ тюркскихъ и происходящую отсюда трудность усвоенія инородцами русскаго языка, и приметъ при этомъ во вниманіе, что инородческія дѣти, поступающія обыкновенно въ школу настоящими дикарями, бо́льшую часть школьнаго періода будутъ находиться внѣ школы, и слѣдовательно будутъ говорить и слышать говоръ на своихъ нарѣчіяхъ,—тотъ согласится, что о надлежащемъ усвоеніи ими русскаго языка не можетъ быть и рѣчи. А безъ такого усвоенія, естественно, не можетъ идти успѣшно и преподаваніе. Если бы они и хорошо усвоили себѣ русскій языкъ, внутренній процессъ усвоенія слышимыхъ ими на этомъ языкѣ истинъ мы должны представлять себѣ неиначе, какъ при посредствѣ все-таки роднаго ихъ языка, который для нихъ ближе, неотдѣлимъ отъ ихъ сознанія: ребенокъ внутренно долженъ переводить слышимые уроки съ русскаго на свой родной языкъ; работа, во-первыхъ, не по силамъ дѣтскимъ, и, во-вторыхъ, тутъ нѣтъ гарантіи противъ ложнаго пониманія, или искаженія. Что же будетъ, если ребенокъ и русскій-то языкъ знаетъ недостаточно? А это неизбѣжно въ большинствѣ случаевъ, если не всегда. Тутъ уже рѣшительно неизбѣжны неясность и сбивчивость представленій, недоразумѣніе, превратное пониманіе и совершенное непониманіе. Такимъ путемъ tutissime ibis къ отупѣнію и нравственному искалѣченію дѣтей. О просвѣтительной дѣятельности такихъ одурѣлыхъ личностей среди своихъ семействъ и своего племени не можетъ быть и рѣчи. Воспитанники школы Н. И. Ильминскаго тотчасъ по выходѣ изъ школы благотворно дѣйствуютъ на своихъ

соплеменниковъ, а нѣкоторые прямо назначаются на учительскія мѣста потому, что они, благодаря преподаванію на родномъ ихъ языкѣ, выносятъ изъ школы опредѣленно-ясныя и животворныя познанія въ Законѣ Божіемъ; наставленія и правила христіанскія, чрезъ родной языкъ, проходятъ прямо въ глубь ихъ души, становясь движущимъ началомъ всей ихъ дѣятельности; тутъ школа даетъ не только знаніе, но и нравственный закалъ. Притомъ и они дѣйствуютъ преимущественно посредствомъ книгъ, ихъ неразлучныхъ спутниковъ и собесѣдниковъ: безъ книгъ они не могли бы принести и сотой доли той пользы, какую теперь приносятъ. Между тѣмъ новосозданный въ Петербургѣ учебный планъ, не просвѣщая, а омрачая воспитанниковъ школы, не даетъ имъ и достаточно книгъ на ихъ родномъ языкѣ: кромѣ Евангелія и проектируемыхъ поученій въ христіанствѣ, Ученый Комитетъ не дозволяетъ издавать на инородческихъ нарѣчіяхъ ничего. Непрактичнѣе и вреднѣе сего трудно и представить что нибудь. Планъ этотъ можетъ служить поучительнымъ образчикомъ того, въ какія ошибки могутъ впадать люди безспорно умные и благонамѣренные, когда берутся судить о жизненныхъ вопросахъ издали, a priori, и къ какимъ пагубнымъ послѣдствіямъ могли бы повести административныя соображенія чисто-кабинетной работы, если бы ихъ прямо предписывали къ исполненію. Благо еще, что Министерство Народнаго Просвѣщенія не рѣшилось ввести выработанный въ его средѣ планъ обученія инородцевъ, а отдало его на обсужденіе мѣстъ и лицъ, ближе знакомыхъ съ дѣломъ.

При несостоятельности педагогической, сказанный учебный планъ представляетъ непобѣдимыя затрудненія въ отношеніи пріисканія годныхъ наставниковъ. Чтобы учить дѣтей согласно сему плану, необходимы наставники весьма образованные и въ совершенствѣ знающіе инородческія нарѣчія. Ни за какія деньги нельзя отыскать въ большомъ количествѣ людей, которые бы совмѣщали эти качества. Не то при учебной системѣ гг. Золотницкаго и Ильминскаго. Здѣсь даже посредственный мальчикъ можетъ завѣдывать школою, потому что здѣсь учитъ болѣе книга, чѣмъ учитель. Наконецъ, школы, если бы онѣ основаны были по предлагаемому учебному плану, остались бы навѣрное пустыми. Чтобы расположить инородцевъ отдавать дѣтей въ школу, нужно имъ на первыхъ же порахъ осязательно доказать пользу отъ школы. Школа Ник. Ив. Ильминскаго удовлетворяетъ этому условію. Здѣсь чрезъ два, а иногда и менѣе мѣсяца какой нибудь Япрей (Ефремъ) или Пабалъ (Павелъ) способенъ уже нацарапать письмо къ роднымъ, которое не только несказанно радуетъ родителей, но обыкновенно ставитъ на ноги всю деревню, конца нѣтъ удивленіямъ, что Япрей чрезъ два мѣсяца уже пишетъ, да еще складно; по пріѣздѣ домой, мальчуганъ, котораго чуть видно отъ полу, начинаетъ читать божественную книгу, въ которой такія хорошія наставленія. Родители внѣ себя отъ ра-

дости; иногда собирается слушать чтеца цѣлая деревня. Это очень важное обстоятельство совсѣмъ опущено изъ виду въ новомъ учебномъ планѣ, по которому около двухъ лѣтъ посвящается исключительно разговорному русскому языку и устному поученію въ христіанствѣ. Инородцы сочтутъ это пустою тратою времени, и ихъ ничѣмъ не заставишь отдавать дѣтей въ подобную школу. Нужно бы было прибѣгнуть къ принудительному набору дѣтей, подобно какъ въ прежнія казенныя сельскія училища.

Разсмотрѣніе возраженій, направленныхъ противъ учебной системы гг. Ильминскаго и Золотницкаго, приводитъ насъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) Переводъ на инородческіе языки здѣшняго края христіанскихъ книгъ — священныхъ, богослужебныхъ, вѣроучительныхъ и нравоучительныхъ, будучи законнымъ по основаніямъ догматическимъ, каноническимъ и историческимъ, совершенно необходимъ для огражденія инородцевъ отъ вліянія магометанства, въ которое они постоянно отпадаютъ вслѣдствіе совершеннаго незнакомства съ христіанствомъ, не смотря на давнее крещеніе, вслѣдствіе отсутствія между ними школъ и слабаго вліянія на нихъ духовенства. 2) Переводъ сей, не имѣя препятствій со стороны свойствъ инородческихъ нарѣчій, можетъ быть сдѣланъ безъ всякаго ущерба для чистоты православія. 3) Такъ какъ народность не въ одномъ языкѣ и усвоеніе русскаго языка не есть еще обрусѣніе, то обученіе инородческихъ дѣтей на родномъ языкѣ и переводы русско-христіанскихъ книгъ на инородческія нарѣчія не только не препятствуютъ обрусѣнію инородцевъ въ церковномъ и гражданскомъ смыслѣ, но ведутъ къ нему вѣрнѣе и надежнѣе, чѣмъ распространеніе между ними русской грамотности и русскаго языка, вытѣсняя языческія и магометанскія понятія и замѣняя ихъ русско-христіанскими. Поэтому 4) опасенія сепараціи рѣшительно не имѣютъ основанія, напротивъ: вполнѣ основательна надежда, что инородцы въ скоромъ времени сольются съ русскою народностію и обогатятъ ее не только количественно, но и качественно. 5) Планъ, предложенный редакціей *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* непрактиченъ, представляетъ много неудобствъ и затрудненій въ отношеніи къ дѣтямъ обучающимся, наставникамъ и ихъ родителямъ.

Что касается до распредѣленія учебнаго времени въ инородческихъ школахъ, то постановлять относительно сего опредѣленныя правила я находилъ бы излишнимъ и неудобнымъ: если гдѣ можетъ быть вредна регламентація, то здѣсь. Пусть привозятъ и приводятъ дѣтей въ школу, когда найдутъ удобнымъ; пусть и берутъ ихъ изъ школы въ учебное время, если то окажется нужнымъ по какимъ либо обстоятельствамъ. Распредѣленіе учебныхъ предметовъ по днямъ и часамъ предоставить благоусмотрѣнію ближайшихъ руководителей школъ. Непосредственное завѣдываніе школами, подъ наблюденіемъ г. попечи-

теля Казанскаго учебнаго округа, слѣдуетъ поручить:—татарскими Ник. Ив. Ильминскому, чувашскими и черемисскими П. И. Золотницкому.

По выслушаніи сего мнѣнія о. Зефирова и обсужденіи онаго по частямъ, члены совѣта вполнѣ согласились съ нимъ. Членъ отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія Н. Д. Носовъ заявилъ, что онъ тѣмъ охотнѣе соглашается со всѣмъ высказаннымъ председателемъ относительно школы Н. И. Ильминскаго, что самъ неоднократно встрѣчался съ его воспитанниками, и вынесъ самыя отрадныя впечатлѣнія изъ бесѣды съ ними. Членъ отъ городскаго общества Казани, П. Т. Жуковскій заявилъ, что, раздѣляя мнѣніе г. председателя относительно инородческихъ училищъ, онъ желалъ бы и находилъ неотложно необходимымъ, чтобы приняты были мѣры къ поднятію уровня народнаго образованія въ нашемъ русскомъ простонародьѣ, коснѣющемъ въ невѣжествѣ.

Царевококшайскій уѣздный училищный совѣтъ. На основаніи предписанія Казанскаго губернскаго училищнаго совѣта, отъ 7 прошлаго сентября за № 200, Царевококшайскій училищный совѣтъ имѣлъ обсужденіе относительно обученія инородцевъ русскому языку, и разсмотрѣлъ для того слѣдующіе вопросы: 1) Должно ли преподаваніе быть ведено, съ самаго начала, по-русски, или же языкомъ преподаванія должно быть первоначально инородческое парѣчіе? 2) Долженъ ли быть заранѣе установленъ порядокъ относительно времени ученія и распредѣленія его по классамъ, или же можетъ быть это предоставлено усмотрѣнію училищныхъ совѣтовъ и мѣстныхъ педагоговъ? 3) Должны ли священно-служители, извѣстные своею опытностію въ педагогическомъ дѣлѣ, быть распорядителями училищъ, а свѣтскіе учителя только ихъ помощниками, или же распорядителями, учителями и даже законоучителями должны быть тѣ, которые имѣютъ болѣе способовъ къ дѣйствію на инородческихъ дѣтей, независимо отъ ихъ званія?

Для разъясненія перваго вопроса, совѣтъ нашелъ необходимымъ высказаться о состояніи инородцевъ, населяющихъ Царевококшайскій уѣздъ, объ училищахъ, существовавшихъ до настоящаго времени для ихъ образованія, о наставникахъ и способахъ обученія.

Царевококшайскій уѣздъ населяютъ, кромѣ Русскихъ, Черемисы и Татары. Черемисы по духу своему смотрятъ чисто Русскими и къ тому же, будучи почти всѣ православной вѣры, безъ затрудненія могутъ обрусѣть совершенно, если принять мѣры къ образованію ихъ въ религіозно-нравственномъ направленіи и обучить русскому языку. По свѣдѣніямъ, собраннымъ членами совѣта, оказалось, что хотя Черемисы, живущіе по окрайнѣ, и говорятъ по-русски, но только взрослые, дѣти же, особенно малолѣтнія—8 и 9 лѣтъ, не всѣ объясня-

ются по-русски; а въ срединѣ уѣзда бо́льшая часть даже и взрослыхъ такъ дурно говорятъ по-русски, что едва умѣютъ выразить самыя необходимыя обыденныя фразы, а изъ дѣтей, не говоря уже о женскомъ полѣ, весьма не большая часть знаютъ русскій языкъ. Нѣкоторые священники, знакомые съ черемисскимъ языкомъ и занимая должности учителей, утверждаютъ, что весьма полезно бы издать буквари на черемисскомъ языкѣ, чтобы первоначально только выучить дѣтей чтенію, пока не усвоили они разговорной русской рѣчи. Эти наставники положительно утверждаютъ, какъ трудно учить Черемисъ прямо по русской азбукѣ, когда они не понимаютъ въ ней ни одного слова, отчего большая часть дѣтей выходятъ изъ училища безъ всякаго знанія и скоро забываютъ грамоту. Для этого, священникъ села Михайловскаго, И. М. Рождественскій, находясь прежде въ селѣ Цыбикнурѣ (черемисскомъ приходѣ), сталъ было составлять черемисскій букварь и хотѣлъ ходатайствовать о дозволеніи издать его, чтобы вначалѣ скорѣе научить дѣтей чтенію и пріохотить ихъ къ грамотѣ, когда они будутъ понимать что́ читаютъ, чтобы процессъ чтенія русскихъ книгъ нѣсколько облегчить для нихъ первоначально. До открытія училищнаго совѣта въ уѣздѣ существовало шесть приходскихъ училищъ для Черемисъ, но обученіе въ нихъ, большею частію, не приносило пользы отъ устарѣлыхъ пріемовъ, и все занятіе наставниковъ состояло единственно въ обученіи чтенію и письму; на религіозно-нравственное же воспитаніе и на развитіе умственныхъ способностей не обращалось никакого вниманія, и самая грамотность шла такъ слабо, что рѣдкій Черемисъ выходилъ изъ училища, умѣя читать русскую книгу, и то безъ всякаго пониманія; въ другихъ же училищахъ и тому не научали. Все это происходило оттого, что бо́льшая часть учителей не знали черемисскаго языка, не умѣли взяться за дѣло обученія, положительно не знакомы были съ педагогикой, не обращали вниманія на разговорную рѣчь, не сознавали пользы отъ развитія у дѣтей воображенія и совершенно оставляли религіозно-нравственное воспитаніе. Къ этому необходимо присоединить неаккуратное посѣщеніе учителями классовъ, вслѣдствіе чего и учащіеся привыкали манкировать уроками, отчего безуспѣшность еще болѣе развивалась. Начиная занятіе, учитель обыкновенно съ перваго же дня сажалъ дѣтей за букварь твердить азбуку цѣлый день, никогда ни объ чемъ не говорилъ съ дѣтьми, можетъ быть отъ непониманія другъ друга, такъ какъ нѣкоторые учители присылались изъ духовныхъ училищъ, совершенно незнакомые съ инородческими языками. Чрезъ такое занятіе ученіе для дѣтей обращалось въ истинное мученіе, и Черемисы чрезъ нѣсколько недѣль или дней навсегда оставляли училища. Если бывали примѣры въ нѣкоторыхъ школахъ, напр. Нурминской, Цыбикнурской или Сотнурской, гдѣ учители объяснялись съ Черемисятами на родномъ языкѣ, то тамъ обученіе шло много лучше и около этихъ

училищъ, по деревнямъ, можно найдти грамотныхъ Черемисъ, понимающихъ русскія книги, а нѣкоторые изъ нихъ сдѣлались уже чисто Русскими. У этихъ наставниковъ природный языкъ употреблялся только объяснительно. Не будучи приготовлены къ обязанности педагога, не имѣя никакихъ педагогическихъ руководствъ, учители не заботились и не знали средствъ къ улучшенію пріемовъ преподаванія, а вели свое дѣло такъ, какъ и ихъ самихъ учили. Учебныхъ пособій вовсе не было, а всякій ученикъ учился по своей книгѣ, какую покупалъ на базарѣ. При такихъ недостаткахъ и не имѣя прямыхъ руководителей, учители не могли образовать не только Черемисъ, но и Русскихъ: русскія дѣти также ничему не выучивались. Необходимо здѣсь также замѣтить, что черемисское племя довольно тупо, отчего трудъ учить Черемисятъ, не знающихъ русскаго языка, прямо по русскимъ книгамъ, дѣлается еще тяжелѣе. Обученіе инородцевъ, особенно христіанъ, первоначально по азбукамъ на ихъ языкѣ, не послужитъ во вредъ обрусѣнію ихъ, ибо вѣрнѣйшимъ руководителемъ къ объединенію ихъ съ русской націей будетъ служить православная вѣра, догматы которой инородцы, конечно, поймутъ лучше на своемъ языкѣ, нежели на русскомъ. Слѣдовательно, православная вѣра и будетъ служить средствомъ къ соединенію народностей; если же предположить противное, т. е., что введеніе инородческихъ азбукъ и переводовъ Св. Писанія послужатъ во вредъ обрусѣнію, то, слѣдовательно, должно предположить, что и православная вѣра не можетъ объединять народности, что̀ противорѣчитъ Евангелію. Распространеніе же между инородцами книгъ для чтенія на ихъ языкахъ, полагаемъ, не можетъ быть полезно, такъ какъ необходимо заботиться, чтобы они читали русскія книги, а не на родномъ языкѣ, что̀ можетъ даже послужить къ оставленію русской грамотности. Только одна русская литература и можетъ и должна развивать понятія инородцевъ, обогощать ихъ знанія и окончательно соединить съ русскою націею. Всѣ православные Черемисы, понимающіе хорошо только русскій разговорный языкъ, уже смотрятъ обрусѣлыми; но когда получатъ образованіе по русскимъ книгамъ, то, безъ всякаго сомнѣнія, обрусѣніе ихъ будетъ самое полное. Но чтобы этого достигнуть, нужно первоначальные пріемы преподаванія упростить и учить инородческихъ дѣтей такъ, какъ указываетъ педагогическая польза: здѣсь черемисскія азбуки, съ подстрочнымъ переводомъ, послужатъ лучшимъ руководствомъ къ развитію инородческихъ дѣтей, пока они не ознакомились съ русскимъ языкомъ. И хотя бы весьма было желательно, чтобы инородцы обучались прямо по русскимъ книгамъ, но лица, спеціально знакомыя съ этимъ дѣломъ, положительно утверждаютъ, что трудъ учить Черемисъ по русскимъ азбукамъ бываетъ иногда почти непобѣдимъ и требуетъ продолжительнаго и усидчиваго занятія, а при томъ Черемисы не понимаютъ, что̀ выучиваютъ, и объясненное скоро забываютъ. Къ тому же въ на-

стоящее время нѣтъ учителей, спеціально приготовленныхъ къ своей обязанности и понимающихъ черемисскій языкъ, чтобы объясняться съ учащимися, пока послѣдніе не усвоили себѣ русской разговорной рѣчи. Отъ этого и развитіе Черемисъ въ училищахъ весьма слабое, отъ этого происходитъ и самое несочувствіе ихъ къ грамотности. Крестьяне, по предложенію мировыхъ посредниковъ, на сходкахъ постановляютъ содержать училища и на нѣкоторыя даютъ хорошее содержаніе, до 250 р. въ годъ, но дѣтей въ ученіе не отдаютъ. Конечно, здѣсь старая привычка, и безъ понужденій учиться не станутъ; но ученіе понятное для дѣтей только одно и можетъ привлечь какъ Русскихъ, такъ и инородцевъ.

Всѣ сельскія училища Царевококшайскаго уѣзда имѣютъ смѣшанное число учащихся, изъ Русскихъ и Черемисъ, и нѣтъ ни одного училища въ уѣздѣ гдѣ бы оно ни было открыто, въ которое бы не поступали русскія дѣти. Поэтому, чтобы ввести инородческую грамоту при первоначальномъ обученіи должно будетъ устроить въ Царевококшайскомъ уѣздѣ особыя училища для черемисскихъ дѣтей, совершенно не понимающихъ русскаго языка, и въ которыя принимать русскихъ дѣтей будетъ невозможно, такъ какъ они вообще всѣ не понимаютъ черемисскаго языка. Въ уѣздѣ 8-мь волостей, съ черемисскимъ населеніемъ, въ которыхъ возможно ввести первоначальное обученіе на родномъ ихъ языкѣ, но куда необходимо прежде приготовить учителей, знающихъ достаточно черемисскій языкъ. Возложить же обязанность преподавателей на мѣстныхъ священниковъ нельзя, потому что ихъ приходы простираются иногда верстъ на 20 и болѣе, почему они обязаны бываютъ отлучаться отъ церкви нерѣдко на нѣсколько дней, слѣдовательно священники никакъ не могутъ быть постоянными руководителями въ обученіи дѣтей грамотѣ: это есть прямая обязанность свѣтскихъ лицъ. Въ учительскія должности можно приготовить грамотныхъ крестьянъ изъ Черемисъ или Русскихъ, — все равно. Для этого возможно изъ сельскихъ народныхъ училищъ выбирать способныхъ мальчиковъ, помѣщать ихъ въ здѣшнее уѣздное училище и, по окончаніи курса, посылать въ Казань, подъ руководство спеціалистовъ, для окончательнаго приготовленія себя къ учительской обязанности въ инородческія школы. Но полагаемъ, что лучше всего для этого брать способныхъ мальчиковъ изъ той мѣстности, гдѣ они будутъ и учителями, только бы способны были къ преподаванію. Такіе наставники, приготовленные спеціально къ своей обязанности, должны уже заниматься самостоятельно, безъ всякой зависимости отъ священниковъ, въ особенности если послѣдніе незнакомы съ педагогикой и обременены службой по своему приходу. Обязанность священниковъ относится болѣе къ религіозно-нравственному воспитанію прихожанъ. Во всякомъ случаѣ, свѣтское и духовное лица, оба вмѣстѣ, достигнутъ лучшаго результата въ образованіи народа, и-о

жели одно духовное лицо. И вообще, чтобы пробудить въ крестьянахъ довѣріе къ училищамъ, нужно именно приготовить хорошихъ учителей, а безъ того не стоитъ и открывать училища и напрасно отягощать крестьянъ сборами, особенно въ настоящее время, когда содержаніе школъ зависитъ отъ воли сельскихъ обществъ, а между тѣмъ школы не пользуются у инородцевъ довѣріемъ и сочувствіемъ отъ безполезнаго рутиннаго преподаванія и, можетъ быть, отъ непомѣрнаго труда при обученіи инородцевъ прямо по русскимъ книгамъ, когда они не понимаютъ въ нихъ ни одного слова.

Введеніе азбукъ на черемисскомъ языкѣ и изданіе св. исторіи и Евангелія для руководства учителямъ, чтобы они правильно передавали библейскіе и евангельскіе факты, весьма необходимо. Это привлечетъ Черемисъ въ училища и они правильно поймутъ Св. Писаніе, что̀, конечно, будетъ имѣть сильное вліяніе на нравственность инородцевъ и скоро привлечетъ иновѣрцевъ къ принятію христіанства. Объясненіе же литургіи и принадлежностей храма, которое будутъ входить уже въ послѣдній курсъ ученія, когда учащіеся довольно ознакомятся съ русскимъ языкомъ, едва ли будетъ необходимо въ переводѣ на черемисскій языкъ. И вообще, чѣмъ менѣе будетъ переведено изданій на инородческій языкъ для Царевококшайскаго уѣзда, тѣмъ, кажется, болѣе любознательность заставитъ Черемисъ скорѣе изучить языкъ русскій; въ противномъ же случаѣ многіе изъ нихъ, пожалуй, будутъ довольствоваться книгами на родномъ языкѣ, какъ, напр., русскіе крестьяне довольствуются иногда самыми пустѣйшими сказочками, перечитывая одно и тоже безконечное число разъ и всегда съ одинакимъ вниманіемъ. Родной языкъ, конечно, болѣе привлечетъ Черемисъ въ училища, нежели языкъ русскій, который дѣти инородцевъ большею частію не понимаютъ, особенно языкъ книжный, не говоря уже о славянскомъ; а это увеличеніе учащихся также въ настоящее время составляетъ важную потребность, потому что Черемисъ въ училищахъ обучается чрезмѣрно мало. Педагогика требуетъ, чтобы Законъ Божій преподавался въ параллель съ грамотностью, т. е., изучающимъ буквы надобно объяснять молитвы и что нибудь разсказывать изъ священ. исторіи; но для этого должна же быть переведена книга, какъ пособіе, на черемисскій языкъ, потому что когда священникъ не можетъ обойдтись безъ пособія въ преподаваніи въ русскихъ училищахъ, то какъ же онъ можетъ обойдтись безъ руководства въ преподаваніи Закона Божія въ инородческихъ школахъ: онъ можетъ объяснить молитвы и передать библейскіе факты неправильно. Но, впрочемъ, кажется, будетъ достаточно ввести въ Царевококшайскомъ уѣздѣ въ инородческія училища книги три, какъ руководства: подробную азбуку, съ молитвами и легкими статьями, понятными для дѣтей, св. исторію и Евангеліе, чего весьма будетъ довольно на два или на три года, пока дѣти не свыклись съ русскимъ языкомъ. Далѣе же

все ученіе должно идти *единственно по-русски*, употребляя природный языкъ только объяснительно, и св. исторію повторять уже по русскимъ учебникамъ, чтобы дѣти инородцевъ свыклись лучше съ русскими книгами, оставляя понемногу свою родную грамоту. А для того, чтобы они не забывали русскій языкъ впродолженіе жизни, священники могутъ поучать бывшихъ своихъ учениковъ въ церкви, по праздникамъ, по-русски, объясняя и выспрашивая прихожанъ, не только дѣтей, но и взрослыхъ, о догматахъ православной вѣры. Такого рода религіозныя бесѣды, конечно, будутъ привлекать прихожанъ-инородцевъ въ церковь, связывая ихъ религіею и языкомъ съ русскою націею.

Что касается до времени занятія, то въ нашемъ уѣздномъ училищномъ совѣтѣ объ этомъ было обсуждаемо 6-го прошлаго мая. Всѣ члены высказались, что болѣе трехъ лѣтъ дѣти учиться не будутъ. И дѣйствительно, примѣра не было, чтобы крестьяне учились болѣе этого времени, но весьма многіе учатся только года полтора, два. Но это потому, что сельское сословіе не видитъ пользы въ грамотѣ отъ безтолковаго ученія; по улучшеніи же учебной части, можно надѣяться, что будутъ учиться болѣе. А потому въ совѣтѣ было постановлено: учиться 3 года, въ году учебныхъ мѣсяцевъ — 9, исключая май, іюль и августъ; лѣтомъ заниматься съ 8 до 2-хъ, а зимой съ 9 до 2-хъ часовъ, съ необходимыми роздыхами; каждодневно должно быть чтеніе не менѣе двухъ часовъ, ариѳметика и письмо по часу, а Законъ Божій три урока въ недѣлю по $1^1/_2$ часа каждый урокъ.

Трудно опредѣлить, что̀ въ годъ можно пройдти съ дѣтьми разныхъ націй въ особенности такихъ полудикихъ, какъ Черемисы. Напримѣръ, Татары, умный народъ, выучатся скоро, Чуваши проучатся дольше, а Черемисы отстанутъ отъ всѣхъ, потому что, кто только знаетъ послѣднихъ, всѣ говорятъ, что это самый тупой и апатичный народъ. А потому полагаемъ, что распредѣленіе ученія по классамъ должно предоставить уѣзднымъ училищнымъ совѣтамъ и мѣстнымъ педагогамъ, которые изъ практики уже могутъ составить распредѣленіе предметовъ по классамъ, потому что успѣхи зависятъ отъ умственной способности націи. Время же ученія должно быть распредѣлено разъ навсегда, какъ это и было въ здѣшнемъ собраніи училищнаго совѣта 6-го мая, для того, чтобы крестьяне знали когда начнется время ученія и когда кончится, и чрезъ это можетъ даже прекратиться упущеніе классовъ, которое въ настоящее время весьма значительно. Росписанія учебныхъ предметовъ по часамъ должны быть непремѣнно составлены въ училищномъ совѣтѣ и, за подписью предсѣдателя, выставлены въ классахъ. Это необходимо потому, что нѣкоторые наставники иногда по небрежности своей не занимаются всѣми предметами каждодневно. Напр., иногда ариѳметика забывается на цѣлую недѣлю и болѣе, что̀ достовѣрно извѣстно, а Законъ Божій и вовсе не проходится.

*

Что же касается до обученія Татаръ, то полагаемъ, что устроить у нихъ училища съ русскимъ языкомъ не представится затрудненій, потому что между Татарами здѣшняго уѣзда встрѣчаются нерѣдко умѣющіе читать и писать по-русски. Эти грамотные Татары и могутъ служить посредниками при устройствѣ училищъ. Но едва ли они согласятся допускать въ школы русскихъ дѣтей, особенно сначала, ибо отъ подозрительности своей они будутъ видѣть здѣсь посягательство на свою вѣру. Развѣ современемъ, когда они освоятся съ училищами и убѣдятся, что ихъ вѣра не трогается, можно будетъ уговорить ихъ принимать въ школы и Русскихъ. Наши русскіе крестьяне, также, какъ замѣтно, не согласятся пускать своихъ дѣтей учиться вмѣстѣ съ Татарами, какъ по самолюбію, такъ и изъ опасенія относительно чистоты православной вѣры и изъ боязни, чтобы дѣти ихъ не услыхали нескромныхъ отзывовъ о вѣрѣ, которою Русскіе дорожатъ болѣе всего на свѣтѣ, и всякое неосторожное слово о православной религіи можетъ поселить вражду между племенами. Къ тому же русскія дѣти вовсе не знаютъ татарскаго языка и потому они напрасно будутъ тратить время въ классѣ, когда учитель будетъ объяснять что либо въ классѣ по-татарски, между тѣмъ какъ многіе Татары Царевококшайскаго уѣзда хорошо говорятъ по-русски. А потому полагаемъ, что вначалѣ, пока училища не укрѣпились у Татаръ, лучше повременить приглашеніемъ въ нихъ русскихъ дѣтей, и дать Татарамъ возможность освоиться съ мыслью обученія дѣтей ихъ русской грамотѣ.

Постановили: 1) Для обученія инородцевъ, не понимающихъ русскаго языка, необходимо издать азбуку съ упражненіями для первоначальнаго чтенія, такъ какъ обученіе инородцевъ прямо по русскимъ книгамъ составляетъ трудъ весьма тяжелый и для нашихъ неопытныхъ учителей по-истинѣ непобѣдимый; но когда пріучатся дѣти понимать русскій языкъ, обучать ихъ уже по русскимъ книгамъ; здѣсь говорится только исключительно о Черемисахъ Царевококшайскаго уѣзда; переводъ Евангелія и св. исторіи необходимъ на инородческомъ языкѣ; для обученія черемисскихъ дѣтей на родномъ ихъ языкѣ, необходимо устроить особыя училища, такъ какъ русскія дѣти положительно нигдѣ не понимаютъ по-черемисски, слѣдовательно присутствіе ихъ въ классѣ, гдѣ обученіе и объясненіе будетъ для нихъ непонятное, только убьетъ у нихъ время, а ничему не научитъ, равно отниметъ много времени и у черемисскихъ дѣтей, когда учитель будетъ толковать русскимъ дѣтямъ по-русски, на непонятномъ языкѣ для Черемисъ; обученіе Татаръ-магометанъ русской грамотѣ, полагаемъ, не встрѣтитъ препятствій, но пріемъ въ татарскія училища русскихъ дѣтей встрѣтитъ препятствіе со стороны обѣихъ націй, и потому, полагаемъ, эту послѣднюю мѣру отдалить на нѣкоторое время. 2) Порядокъ относительно времени ученія, распредѣленіе его по классамъ и часамъ долженъ быть предоставленъ

мѣстному училищному совѣту, который, вмѣстѣ съ наставниками, долженъ распредѣлить то и другое, согласно умственному развитію націи. 3) Распорядителями училищъ должны быть тѣ лица, которыя окажутъ болѣе сочувствія къ пользѣ общества при обученіи дѣтей грамотѣ, все равно свѣтскія то лица или духовныя, и 4) записавъ это въ протоколъ, копію съ него представить въ Казанскій губернскій училищный совѣтъ.

Подлинный подписали: Предсѣдатель совѣта уѣздный исправникъ *Успенскій*, и члены: протоіерей *А. Спасскій*, *Горецкій*, *Поповъ*, *Соколовъ* и *Силиверстовъ*.

Чистопольскій училищный совѣтъ. Въ засѣданіи означеннаго совѣта, 21-го марта, слушали предложеніе Казанскаго губернскаго училищнаго совѣта, отъ 29-го февраля за № 41, о доставленіи протокола по обсужденіи вопроса объ образованіи инородцевъ. Членомъ совѣта, штатнымъ смотрителемъ Александровымъ, по этому вопросу прочитано мнѣніе слѣдующаго содержанія: —«При начальномъ обученіи въ инородческихъ школахъ, преподаваніе Закона Божія и другихъ предметовъ несомнѣнно можетъ быть ведено съ успѣхомъ лишь на томъ языкѣ, который дѣти въ состояніи понимать, хотя бы нѣкоторые изъ учащихся и понимали нѣсколько по-русски (чтó можетъ случиться очень рѣдко), и тогда обученіе на родномъ языкѣ должно сопровождаться большимъ успѣхомъ, привлекая къ школѣ не только дѣтей, но и самихъ родителей, чтó подтверждаетъ Ишалькинская инородческая школа, Чистопольскаго уѣзда, въ которую изъ дальнихъ мѣстъ родители привозятъ своихъ дѣтей, остаются даже слушать обученіе, и дѣти ихъ учатся съ особенною охотою и успѣхомъ. Первые уроки: обученіе чтенію и письму, заучиваніе молитвъ, знакомство учащихся съ главными и самыми поразительными частями христіанскаго ученія и главнѣйшими событіями изъ священной исторіи, должны быть переданы на родномъ ихъ языкѣ, при чемъ законоучитель и учитель должны обращать особенное вниманіе на совершенное пониманіе учащихся. Одновременно съ этимъ преподаваніемъ, съ помощію роднаго языка и указанія на предметы, ихъ качества, дѣйствія и состоянія, должно идти изученіе русскаго разговорнаго языка, чрезъ знакомство на немъ учащихся сознательно съ окружающими ихъ предметами. Такимъ образомъ, когда дѣти получатъ навыкъ въ употребленіи русскаго языка, тогда приступить къ изученію его по правиламъ, а потомъ уже начать ученіе Закона Божія, чтеніе священныхъ книгъ на русскомъ и церковно-славянскомъ нарѣчіи.

«Завѣдываніе инородческими школами, какъ имѣющее главною цѣлію христіанское просвѣщеніе крещенныхъ, но совершенно не просвѣщенныхъ инородцевъ, — должно быть поручено мѣстнымъ священникамъ, которые и были бы

въ нихъ преподавателями Закона Божія, знали достаточно инородческій языкъ и были способны съ успѣхомъ вести преподаваніе; въ противномъ же случаѣ преподаваніе Закона Божія можетъ быть возложено и на учителя, къ какому бы онъ состоянію и званію ни принадлежалъ, лишь бы зналъ хорошо инородческій языкъ и былъ извѣстенъ своею педагогическою опытностію.

«Возложить преподаваніе всѣхъ предметовъ обученія на одного священника ни въ какомъ случаѣ невозможно, если онъ не будетъ имѣть хорошаго помощника, который, въ случаѣ отсутствія священника, могъ бы его замѣнить, потому что священникъ часто отвлекается по обязанности своего сана, слѣдовательно учебныя занятія должны раздѣляться между законоучителемъ и учителемъ. Чтожъ касается до опредѣленія обученія инородческихъ дѣтей, обязательнаго или необязательнаго, можно сказать положительно, что добровольное обученіе если вначалѣ и будетъ малочисленно, должно скоро увеличиться, когда родители увидятъ пользу ученія и сами учащіеся будутъ заинтересованы. Достиженіе добровольнаго обученія можетъ быть только при большомъ воодушевленіи преподавателей и способности ихъ взяться за дѣло (на что должно обратить особое вниманіе), а также если ученики не будутъ задерживаться на время полевыхъ работъ, полагая увольнять ихъ съ 1-го мая по 1-е сентября. Относительно же учебнаго плана, должно руководствоваться учебнымъ планомъ для инородческихъ училищъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія». Постановили: мнѣніе члена совѣта г. Александрова принять, и копію съ протокола препроводить въ губернскій училищный совѣтъ.

Ядринскій училищный совѣтъ. 1) По внимательномъ выслушаніи доставленныхъ въ означенный совѣтъ документовъ, члены онаго, на сколько могли ознакомиться съ бытомъ и положеніемъ училищъ Ядринскаго уѣзда, въ которыхъ обучаются почти только дѣти одннхъ Чувашъ, прежде всего обратили вниманіе на вопросъ: какимъ способомъ удобнѣе вести преподаваніе въ чувашскихъ школахъ? По обсужденіи такого вопроса, пришли къ убѣжденію, что при первоначальномъ поступленіи дѣтей-Чувашлятъ въ школу весьма полезно вести преподаваніе съ помощію чувашскаго языка, и что при такомъ способѣ обученія дѣти скорѣе бы могли достигнуть цѣли обрусѣнія, если только можно имѣть учителей или наставниковъ, которые могли бы объясняться съ ними на мѣстномъ ихъ нарѣчіи свободно, т. е., по-чувашски и по-русски; но, къ сожалѣнію, едва ли этотъ способъ удобенъ, ибо трудно найти лицъ, которыя бы могли такъ дѣйствовать въ своихъ школахъ. Обозрѣвая училища, члены совѣта встрѣтили по всему Ядринскому уѣзду только двоихъ наставниковъ, которые въ состояніи отчетливо вышеупомянутымъ способомъ

обучать дѣтей-Чувашлятъ, а прочіе наставники, за незнаніемъ чувашскаго языка, ведутъ свое преподаваніе на русскомъ. Нельзя не сознаться, что этотъ способъ менѣе удобенъ, но, однакожъ, и не безполезенъ. Такіе наставники для пониманія себя привлекаютъ въ школы русскихъ мальчиковъ, которые по какому нибудь случаю уже ознакомлены съ чувашскимъ языкомъ, и чрезъ нихъ-то по времени доводятъ Чувашлятъ до пониманія русскаго разговора, и при такой обстановкѣ они дѣлаютъ свое преподаваніе тоже удобопонятнымъ и полезнымъ. Слѣдовательно опытъ убѣждаетъ насъ, что преподаваніе можно вести въ чувашскихъ нашихъ школахъ и тѣмъ и другимъ способомъ: все будетъ полезно и все хорошо, но неотрадно слышать, если при системѣ произвольнаго обученія некого будетъ въ чувашскихъ школахъ учить!

2) Какимъ способомъ можно привлекать учащихся въ училища, т. е. произвольнымъ или понудительнымъ образомъ? Члены совѣта въ разрѣшеніи сего вопроса пришли къ убѣжденію, что хотя понудительный способъ обученія признается вообще ненужнымъ, но въ Ядринскомъ уѣздѣ пока необходимо оставить этотъ способъ, такъ какъ населеніе этого уѣзда, инородческое чувашское, не сознало еще пользы въ образованіи своихъ дѣтей. Если это дѣло предоставить на произволъ самимъ отцамъ-Чувашамъ, то въ училищахъ, пожалуй въ ближайшемъ году, не останется ни одного мальчика, ни одной дѣвочки, и, слѣдовательно, въ Ядринскомъ уѣздѣ эти училища и школы, по неназначенію средствъ на содержаніе и неимѣнію въ нихъ учащихся, должны будутъ по необходимости закрыться. Обрусѣніе ихъ, желаемое правительствомъ, должно остаться далеко назади, и такое явленіе для ревнителей о просвѣщеніи Чувашъ будетъ весьма неотрадно. Для устраненія этого явленія, совѣтъ лучшимъ полагаетъ: 1) внушить священникамъ всѣхъ церквей, въ особенности наставникамъ, Ядринскаго уѣзда, которые бы, подобно члену совѣта протоіерею Николаеву, поученіями своими въ церквахъ раскрывали заблаговременно своимъ прихожанамъ пользу образованія дѣтей, о способѣ, какъ открывать училища и какъ поддерживать ихъ средствами, каждый примѣняясь къ своей мѣстности; 2) просить содѣйствія гг. мировыхъ посредниковъ, чтобы они на волостныхъ сходахъ внушали крестьянамъ о необходимости и пользѣ образованія дѣтей ихъ, а если будетъ предстоять возможность, то склоняли бы самихъ крестьянъ къ добровольному составленію приговоровъ объ оказаніи тѣмъ родителямъ, которые наиболѣе будутъ ревновать къ обученію своихъ дѣтей, нѣкоторыхъ льготъ мірскихъ повинностей, или другаго рода поощреній.

3) Какой долженъ быть учебный планъ для чувашскихъ училищъ? Члены совѣта по обсужденіи пришли къ убѣжденію, что чтеніе и письмо, счисленіе и четыре дѣйствія ариѳметики съ яснѣйшимъ и вразумительнѣйшимъ преподаваніемъ, а также начальное изученіе Закона Божія, съ точнымъ объ-

ясненіемъ учащимся на родномъ ихъ языкѣ, всего лучше разовьютъ понятія дѣтей и научатъ ихъ русской рѣчи; допускается и живой, но самый краткій и простой разсказъ изъ событій земной жизни Спасителя, но никакъ не поученіе. Хотя и написаны они будутъ спеціалистами, но все не природными Чувашами, знающими отчетливо и русскій языкъ, просто обрусѣвшими, а это-то и самое главное. Ибо подраздѣленіе чувашскихъ нарѣчій не только по уѣздамъ, но и въ одномъ округѣ, въ сосѣдствѣ съ другими на разстояніи какихъ нибудь 20-ти верстъ, весьма разнобразно. Конечно, составитель таковыхъ поученій не виноватъ, но для дѣтей-то будутъ они безполезны. Пусть лучше благоразумный наставникъ, вникнувъ въ пониманіе своихъ воспитанниковъ, располагаетъ преподаваніемъ, какъ найдетъ болѣе удобнымъ, лишь бы цѣль на первыхъ порахъ хотя и не совсѣмъ вполнѣ, но была достигнута. Что же касается до обращенія къ г. Золотницкому съ просьбою о составленіи поученій на природномъ чувашскомъ нарѣчіи въ облегченіе преподавателямъ, то это не составитъ ли для г. Золотницкаго тяжелый и усидчивый трудъ? А лучше совѣтъ полагаетъ раздѣлить этотъ трудъ равномѣрно между всѣми священниками, имѣющими прямую обязанность взяться и исполнить это дѣло. Одни пусть составятъ краткія и самыя простыя поученія на русскомъ языкѣ въ родѣ повѣствовательномъ, сдѣлавъ нравственное и поучительное примѣненіе къ разсказанному событію. Послѣ повѣрки и одобренія, другіе и самые знающіе пусть изложатъ эти поученія на чувашскомъ языкѣ приспособительно къ тѣмъ нарѣчіямъ, гдѣ какія существуютъ. Когда этотъ трудъ оконченъ будетъ, тогда уже просить г. Золотницкаго, вмѣстѣ съ этими священниками, перелагавшими поученія на чувашскій языкъ, просмотрѣть оныя. И когда они будутъ для всѣхъ ясны и вразумительны, тогда, напечатавъ ихъ, раздать наставникамъ для непремѣннаго руководства въ училищахъ при преподаваніи во 2-й періодъ Закона Божія.

4) Въ какое время и надолго ли увольнять чувашскихъ дѣтей отъ ученія? Члены совѣта, обсудивъ этотъ вопросъ, нашли, что увольнять учащихся домой необходимо на время полевыхъ работъ, а именно: кромѣ общепринятаго свободнаго отъ ученія времени, должно отпускать учениковъ на время посѣва яровыхъ хлѣбовъ — съ 20-го апрѣля по 15-е мая. Собравъ къ этому числу учениковъ, продолжать ученіе до 8-го іюля, и съ сего числа прекратить оное до 1-го октября.

5) Какъ продолжителенъ долженъ быть курсъ ученія? Члены совѣта, по тщательномъ разсужденіи, нашли, что курсъ преподаванія непремѣнно долженъ продолжаться 5-ть лѣтъ, и, во 1-хъ, потому, что, за исключеніемъ праздниковъ и дней каникулярныхъ, остается только полгода на занятія, а во 2-хъ, потому,

что, при занятіи полевыми работами, вовсе уже не занимаются въ домахъ чтеніемъ и письмомъ, и при началѣ надо имъ вспоминать почти все снова.

6) Кто долженъ завѣдывать школою? Члены совѣта, имѣя разсужденіе объ этомъ, положили: такъ какъ знаніе одного чувашскаго языка безъ довольно основательнаго знанія другихъ предметовъ не даетъ еще права на завѣдываніе школою, то распорядителемъ оной можетъ быть и священникъ, и свѣтскій учитель, по усмотрѣнію училищнаго совѣта.

7) Поелику 11 ст. Положенія о начальныхъ училищахъ размѣръ содержанія установляется сельскими обществами, а сами Чуваши, не любя просвѣщенія, и училищъ въ настоящее время у себя заводить не желаютъ, то члены совѣта полагаютъ назначеніе размѣра содержанія предоставить уѣзднымъ земскимъ собраніямъ.

8) Въ видахъ облегченія преподаванія наставникамъ, совѣтъ пришелъ къ убѣжденію: обученіе пѣнію въ училищахъ поручить діаконамъ безмездно, потому что они къ этому способны, да и совершенно свободны, а между тѣмъ содержаніе получаютъ немногимъ меньше священника.

Мнѣніе члена Ядринскаго училищнаго совѣта, священника Ходяшева. Прочитавъ двѣ брошюры, присланныя изъ Казанскаго губернскаго училищнаго совѣта, отъ 3-го сентября сего 1867 года за № 209, объ устройствѣ училищъ для инородческихъ дѣтей Казанскаго учебнаго округа, долгомъ считаю изложить кратко по этому предмету хотя скудное, но правдивое мое слово.

1) Обученіе дѣтей Чувашъ должно начинать съ русской азбуки по улучшенной методѣ преподаванія, нимало не прерывая оной до совершеннаго изученія чтенію по гражданской печати, а лишь только разнообразя это занятіе письмомъ, первоначально на классной и грифельной доскахъ — буквъ и цифръ, а потомъ на бумагѣ—прописей. Когда дѣти въ состояніи уже будутъ довольно правильно читать, тогда должно перейдти къ изученію молитвъ на русскомъ же языкѣ; конечно и читаемое ими, и молитвы непремѣнно должны быть объясняемы и подробно растолковываемы на ихъ родномъ языкѣ. У меня село русское: потому и въ училищѣ обучались дѣти крестьянъ и Русскихъ и Чувашъ,—затѣмъ, говорю, обучались, что на 1868 годъ Ядринская уѣздная земская управа не ассигновала суммы на школы и училища Ядринскаго уѣзда; при вышеизложенномъ способѣ преподаванія, чувашскіе мальчики и молитвы, и начатки христіанскаго ученія объясняли первоначально смѣшанно, и по чувашски, и по русски, какъ имъ приводилось удобнѣе; да и для русскихъ мальчиковъ самыя простыя слова не должно оставлять безъ объясненія: эти дѣти тоже нисколько не развиты.

2) Если всѣ нормальный курсъ училищъ опредѣляютъ въ 4 года, то

этого времени, при тщательномъ преподаваніи, можетъ быть, для нѣкоторыхъ способныхъ учениковъ будетъ достаточно; но желательно, чтобъ еще прибавленъ былъ одинъ годъ, и, во 1-хъ, потому, что ученіе продолжается только семь мѣсяцевъ въ году; а во 2-хъ и потому, что дѣти, по недальнему разстоянію отъ училища деревень ихъ, постоянно каждую недѣлю посѣщаютъ свои домы, и являются въ училище: нѣкоторыя въ среду, иныя во вторникъ, но ни одинъ въ понедѣльникъ;—и тутъ уже опущенъ цѣлый мѣсяцъ; значитъ, остается только полгода на занятіе; да нужно принять въ разсчетъ, что дѣти въ рабочее время не знаютъ даже, гдѣ лежатъ ихъ книжки, и при началѣ ученія надо вспоминать имъ все снова, то и выйдетъ, что и при самомъ тщательномъ занятіи наставника дѣти оставятъ училище съ самыми, какъ выражено въ брошюрѣ, туманными обо всемъ понятіями; да хорошо еще, если они не забудутъ читать и писать: вѣдь въ деревнѣ нѣтъ ни одной книжки, а маленькая и очень дешевая библіотека была бы рѣдкостью. Развиваются и выходятъ дѣловыми лишь тѣ ученики, кои остаются на службѣ при волостныхъ правленіяхъ, становыхъ приставахъ, слѣдователяхъ и т. д.; но не эта цѣль настоящаго ученія; да, кажется, и надолго еще продлится такой порядокъ; осмѣлюсь сказать: дѣйствительно надолго такъ будетъ, если не будетъ обязательнаго ученія, но объ этомъ ниже.

3) Чтеніе и письмо, счисленіе и четыре дѣйствія ариѳметики съ яснѣйшимъ и вразумительнѣйшимъ преподаваніемъ, а также начальное изученіе Закона Божія, съ точнымъ объясненіемъ учащимся, какъ я сказалъ, на родномъ ихъ языкѣ, всего лучше, какъ мнѣ кажется, разовьютъ понятія дѣтей и научатъ ихъ русской рѣчи; пожалуй — слегка и живой, но самый краткій и простой разсказъ изъ событій земной жизни Спасителя, и о чудныхъ водительствахъ промысла въ судьбахъ народа еврейскаго, и въ частности — отдѣльныхъ личностей, но никакъ не поученія, хотя и написаны они будутъ спеціалистами, но все не природными образованными Чувашами, знающими отчетливо русскій языкъ, просто обрусѣвшими, да и нарѣчіе по мѣстности, а это-то и самое главное. Третьяго дня приходитъ ко мнѣ молодой крестьянинъ изъ Чувашъ, мой ученикъ и прихожанинъ, и проситъ дать ему святцы. «Александръ, возьми селдалыкъ книге».—«У меня есть, но я не читаю, потому что трудно понять: это «не наше нарѣчіе, а Цивильское или Чебоксарское,—я желалъ бы имѣть лучше «русскій календарь».—«Вотъ Кіевскій на настоящій годъ; не хочешь ли выпишу для тебя и на слѣдующій, всего 15 коп.»—«Очень буду радъ».—Подраздѣленій чувашскихъ нарѣчій много, не только поуѣздно, но и въ одномъ округѣ, въ сосѣдствѣ съ другимъ, на разстояніи 20 верстъ, много есть отмѣны. Конечно, составитель таковыхъ поученій не виноватъ, но для дѣтей-то будутъ они безполезны. — Русскіе крестьяне въ селѣ Чурашевѣ болѣе развиты, нежели за

Сурой и по Ветлугѣ, но когда они въ Ядринѣ строили домъ у лекаря, то одинъ изъ нихъ спрашивалъ меня: «Отчего это, когда хозяинъ съ чиновниками около «насъ на постройкѣ разговариваютъ, мы слышимъ, что слова русскія, но ничего «не понимаемъ»? Еще: нынѣ сельскіе священники пріобрѣтаютъ и для себя, и для церквей духовные журналы; въ нихъ помѣщаются самыя простыя поученія для народа, особливо въ руководствѣ для сельскихъ пастырей; не смотря на ихъ простоту и вразумительность, они или сокращаются, или приноровляются къ пониманію слушателей, такъ что уже проще и выразить не можно; но сказавши поученіе, послѣ Литургіи, отъ болѣе развитыхъ требуешь отчета, не можетъ ничего объяснить: «понялъ, говоритъ, кое-что», и этимъ остаешься доволенъ. Какъ быть: училищъ прежде не было; а теперь вся жизнь взрослаго крестьянина поглощена чернымъ, часто, какъ въ нынѣшній 1867 годъ, неблагодарнымъ трудомъ. Тутъ ужъ просвѣщеніе отодвигается на дальній планъ.— И можно ли послѣ этого предлагать чувашскимъ дѣтямъ поученія въ первый періодъ: да онъ въ первый годъ будетъ только скучать, да порываться домой. Это не духовныхъ и чиновниковъ дѣти, болѣе развитыя, для которыхъ образованіе есть первѣйшая и необходимѣйшая обязанность. Впрочемъ, взрослые хотя и мало, но все-таки что нибудь усвоиваютъ, только разсказать не могутъ; а мальчики, повторяю, въ первый періодъ, совершенно ничего не поймутъ; не 15 же лѣтъ явятся они въ училище.—На третій годъ толковалъ я св. исторію русскимъ мальчикамъ; нѣсколько разъ объяснишь имъ событіе самымъ простымъ разговорнымъ языкомъ: ничего не могутъ разсказать; «понимаемъ, гово- «рятъ, но сказать не можемъ». Едва-едва, послѣ долгихъ 3-хъ мѣсячныхъ усилій, могъ добиться я отъ нихъ какого нибудь толку. А сколько надобно употребить времени и труда, чтобъ переданное принесло плоды, да и передавать надо ужъ только тогда, когда мальчикъ не будетъ дичиться училища!—Пусть лучше благоразумный наставникъ, вникнувъ въ пониманіе своихъ воспитанниковъ, располагаетъ преподаваніемъ, какъ найдетъ болѣе удобнымъ, лишь бы цѣль, на первыхъ порахъ хотя и не совсѣмъ вполнѣ, но была достигнута.

4) Что же касается до обращенія къ г. Золотницкому о составленіи поученій на чувашскомъ нарѣчіи, — правильнѣе на чувашскихъ нарѣчіяхъ, — въ облегченіе преподавателямъ, то это не составитъ ли для г. Золотницкаго тяжелый и усидчивый трудъ, и достанетъ ли у него времени на столь довольно немалое занятіе для тѣхъ лицъ, кои сами имѣютъ прямую обязанность взяться и исполнить это дѣло, — разумѣю священниковъ? Какъ же это сдѣлать? Позволю себѣ нѣкоторое отступленіе. Правда всего дороже. Чтобы получить пользу, надо имѣть вѣрное понятіе о дѣлѣ. Въ чувашскихъ селахъ всѣ священники знаютъ по-чувашски; но какъ?—это другой вопросъ. Одни плохо объясняются, какъ замѣчаютъ Чуваши: «ты говоришь по-чувашски русскій манеръ»; другіе и

хорошо говорятъ, но или вовсе не могутъ, или удобопонятно не могутъ передавать истины религіи, не замѣчая даже сами своего недостатка; третьи, наконецъ, и хорошо говорятъ, и хорошо пишутъ, ибо, независимо отъ занятій, они и родились въ чувашскихъ селахъ, что много значитъ. Однажды священникъ Громовъ преподалъ въ церкви села Шумшевашъ чувашское поученіе; по окончаніи онаго, всѣ слушатели, въ знакъ благодарности, поклонились ему въ землю. Взрослые ясно и хорошо написанное понимаютъ, хотя и не могутъ объяснить. Другой примѣръ: одного священника засталъ я перелагающимъ поученія протоіерея Путятина на чувашскій языкъ; священникъ говорилъ: «я очень способенъ въ короткое время сдѣлать многое по этому предмету.» — Передъ новымъ годомъ увидалъ я его переводъ у ценсора. «Каковы поученія»? — Никуда не годятся. Лучше не принимался бы, нельзя никакъ и исправить, вовсе непонятны». — Невѣрно и непонятно, по отзывамъ знатоковъ, переведены и день святой жизни, и Евангеліе.

Какимъ же образомъ составить поученія, чтобъ они: а) служили пособіемъ преподавателямъ; b) чтобъ изъ нихъ многое, сообразно пониманію, удовлетворяло любознательности мало-мальски развитыхъ дѣтей, и с) чтобъ эти же самыя поученія произносились съ каѳедры съ пользою для слушателей? Мнѣ кажется, можно достигнуть этого, раздѣливъ трудъ равномѣрно между всѣми священниками. Одни пусть составятъ краткія и самыя простыя поученія на русскомъ языкѣ въ родѣ повѣствовательномъ, сдѣлавъ нравственное и поучительное примѣненіе къ разсказанному событію. Послѣ повѣрки и одобренія, другіе, и самые знающіе, а не путятинскіе перелагатели, пусть изложатъ эти поученія на чувашскомъ языкѣ, по тѣмъ нарѣчіямъ, гдѣ какія существуютъ. Оо. благочиннымъ лица эти извѣстны. Когда этотъ трудъ будетъ оконченъ, просить г. Золотницкаго, вмѣстѣ съ этими же священниками, перелагавшими поученія на чувашскій языкъ, пересмотрѣть ихъ, пригласивъ къ прослушанію оныхъ и обрусѣвшихъ Чувашъ, или въ Казани, или, при посредствѣ тѣхъ же священниковъ, на мѣстѣ ихъ жительства, или близь онаго. И когда эти поученія, по составу своему, будутъ для всѣхъ ясны и вразумительны, тогда, напечатавъ ихъ, раздать священникамъ для непремѣннаго руководства въ училищахъ и неопустительнаго сказыванія въ церквахъ на пользу прихожанъ. — А какъ это есть общеполезное дѣло, если окончательное процензорованіе должно быть въ Казани, или г. Золотницкому заблагоразсудится избрать пунктомъ пребыванія который либо изъ уѣздовъ, то прочіе священники перелагавшимъ поученія на чувашскій языкъ должны доставить матеріальное пособіе на путевыя издержки и на содержаніе на мѣстѣ.

5) Чтобы не возбудить ропота въ родителяхъ учениковъ и не допустить даже и малѣйшей остановки въ домашнихъ занятіяхъ, необходимо на время

полевыхъ работъ увольнять учащихся домы; а именно: кромѣ общепринятаго свободнаго отъ ученія времени, должно по Ядринскому уѣзду отпускать учениковъ на время посѣва яровыхъ хлѣбовъ—съ 20-го апрѣля по 15-е мая; собравъ въ сіе число учениковъ, продолжить ученіе до 8-го іюля; а съ сего числа прекратить оное до 1-го октября.

6) Желательно, чтобъ между учебными книгами и пособіями въ большомъ количествѣ высылались маленькія книжки на русскомъ языкѣ нравственнаго содержанія: онѣ продаются по 1 коп. за экземпляръ; дѣти охотно ихъ раскупаютъ и завлекаются чтеніемъ; равно нужны и краткіе молитвенники.

7) Седьмой пунктъ служитъ камнемъ преткновенія при образованіи крестьянскихъ дѣтей. Мнѣніе Ученаго Комитета очень хорошо, но оно никогда не будетъ исполнено.—Во 2-мъ пунктѣ сказалъ я, что по своему желанію учатся только тѣ дѣти, коихъ родители, или они сами желаютъ поступить на службу,—это меньшинство: они могутъ учиться и въ народныхъ училищахъ по городамъ; но цѣль правительства есть религіозно-нравственное образованіе крестьянъ; обязывать дѣтей учиться не нужно тамъ, гдѣ родители сознаютъ пользу ученія, напр., въ Маріинскомъ посадѣ 100 учениковъ, обучающихся совершенно по своему желанію; но въ Ядринскомъ уѣздѣ необходимо обязательное ученіе. Было ли оно когда нибудь здѣсь? На бумагѣ никогда, но на дѣлѣ, при окружныхъ начальникахъ Ивановскомъ и Трояновскомъ, всегда, особенно при послѣднемъ.—Это велось такъ: по выборѣ учениковъ, самъ окружный начальникъ, собравъ народъ по волостнымъ правленіямъ, убѣждалъ назначенныхъ дѣтей отдать учиться, и если послѣдуетъ ослушаніе, строго обѣщался взыскивать; потомъ ученики немедленно, при посредствѣ правленій, являлись въ училище и продолжали ученіе неопустительно; а наставники должны были усердно заниматься своимъ дѣломъ, и въ случаѣ опущенія классовъ учениками должны были относиться къ нему, а не въ правленія; оставившіе ученіе немедленно опять являлись. Конечно, при выборѣ учениковъ, всѣ домашнія и семейныя обстоятельства принимались въ уваженіе.—Въ Шуматовское училище поступилъ новый наставникъ мѣстный священникъ; г. Трояновскій просилъ его заняться своимъ дѣломъ подобросовѣстнѣе; по обозрѣніи имъ училищъ, успѣхи шуматовскихъ учениковъ сравнительно были самые лучшіе; такъ было во все продолженіе службы Трояновскаго. Теперь наставникъ тотъ же, но ученики его.... вмѣсто 35, или 30, священникъ занимается въ одномъ углу училища съ двоими мальчиками, а въ другомъ—его дочь учитъ одну дѣвочку. По всему видно, что родители обратили вниманіе на успѣхи своихъ дѣтей! И какъ этотъ народъ скоро пойметъ пользу просвѣщенія, когда заблужденія, суевѣріе, просто-грубое невѣжество, впродолженіе столѣтій приросли къ нему и образовали на немъ окаменѣлую кору, сбить которую нуженъ тяжелый мо-

лотъ, а не чуть-чуть мерцающій огонекъ просвѣщенія! Не стало Трояновскаго — этого молота, — и училища въ Ядринскомъ уѣздѣ пали. Впрочемъ, онъ такъ умѣлъ вести дѣло, что никто не считалъ его мѣры стѣснительными: ибо всякое малѣйшее распоряженіе начальства народъ привыкъ исполнять по наряду.

Г. Золотницкій пишетъ, что если допустить обязательное ученіе, то надо учить всѣхъ; ни мало, а лучше, въ бытность у насъ, совѣтовалъ онъ употребить прежній вышеозначенный способъ, и гг. посредниковъ просилъ содѣйствовать этому. Посредникъ Яльцовъ проситъ училищный совѣтъ указать ему статью, въ которой значилось бы, что ученіе должно быть обязательное; другой говоритъ, что негдѣ взять ему учениковъ, когда Чуваши не желаютъ учить своихъ дѣтей; а третьяго не слушаются: въ моей приходской деревнѣ десятникъ объявилъ мнѣ, что ему приказано выслать учениковъ въ училище, но послѣ 5-кратнаго понужденія никого не представилъ. Впрочемъ, въ случаѣ успѣха этой мѣры, посылка учениковъ въ училище не будетъ ли тоже наборъ принудительный, не поясненный нигдѣ въ документахъ? Мѣра эта будетъ и не будетъ дѣйствительна, смотря по характеру и пріемамъ лицъ, желающихъ дать и не дать ей движеніе.

.А заставить Чувашъ отдавать своихъ дѣтей для образованія въ училище нисколько не будетъ для нихъ стѣснительно, лишь бы тѣ, отъ коихъ зависѣть будетъ понужденіе, имѣли прямое къ тому указаніе и считали оное непремѣнною для себя обязанностію.

Изъ всего моего прихода избрано мною 40 мальчиковъ, родителей очень достаточныхъ, имѣющихъ, кромѣ назначенныхъ, по 2 и по 3 сына; значитъ, дома, не включая полевыя работы, можно обойдтись и безъ нихъ; квартира для нихъ въ селѣ Чурашевѣ по 20 коп. въ мѣсяцъ, за 7 мѣсяцевъ 1 р. 40 к.; содержаніе, по недальнему разстоянію деревень отъ церкви (2, 3 и 5 вер.), доставляютъ имъ сами родители; при постоянномъ посѣщеніи села и церкви посылаютъ оное съ другими, часто и со мной. Обязать должно этихъ дѣтей непремѣнно учиться; а къ окончанію учебнаго курса подростутъ и другіе; при такой мѣрѣ только образованіе мало по малу просвѣтитъ эту темную среду; а родителей ихъ поощрить увольненіемъ: а) отъ мірскихъ должностей, какъ-то: отмѣнивъ для нихъ выборъ въ десятскіе, вахтера при магазинахъ, пожарные старосты, полѣсовщики, сборщики податей, сотники при становыхъ приставахъ и слѣдователяхъ (преимущественно въ сотники); б) отъ мірскихъ нарядовъ, какъ-то: отъ починки дорогъ, околицъ и мостовъ, отъ поставки вѣхъ, и в) отъ подводной частной повинности въ деревняхъ, а не на станціяхъ; эта мѣра принесетъ желаемую пользу, и другіе не будутъ сѣтовать на это, ибо на 1,000 душъ дать помянутую льготу родителямъ 40 мальчиковъ будетъ нисколько не замѣтно, а имъ лично послужитъ большимъ облегченіемъ.

Обо всемъ этомъ училищный совѣтъ сообщалъ въ Ядринскую уѣздную земскую управу, но она отложила пока принять какія либо мѣры относительно образованія крестьянъ; а дабы не быть холодно - безучастною къ этому дѣлу, положила: по числу волостей въ уѣздѣ содержать 17 мальчиковъ, выдавая имъ по 1 р. 50 к. въ мѣсяцъ впродолженіе года и по 20 руб. за каждаго мальчика какому бы то ни было наставнику, если только ученики чрезъ годъ въ состояніи будутъ читать и писать, и сколько нибудь понимать прочитанное.—Практично ли это? А на другой годъ, не усовершенствовавшись еще въ чтеніи, ученикъ долженъ идти домой и забыть чуть-чуть пріобрѣтенное; не будетъ ли это тоже, что рѣшето водою наполнять?

Есть, впрочемъ, одно средство избѣжать обязательнаго ученія: это — по всѣмъ деревнямъ въ мѣстѣ жительства учениковъ завести училища. Но гдѣ же наготовиться помѣщеній, учебныхъ пособій, жалованья наставникамъ, да и самихъ наставниковъ?

8) Завѣдывать школою можетъ и священникъ, и свѣтскій учитель: тутъ дѣло будетъ говорить само за себя; но лучше предоставить это назначеніе училищному совѣту. Надобно ожидать впослѣдствіи хорошихъ учителей; но настоящіе далеко не удовлетворяютъ своему назначенію. Учитель знаетъ отлично чувашскій языкъ; внятно истолковываетъ св. исторію и катихизисъ; но что истолковываетъ? Катихизиса пространнаго онъ не изучалъ, хотя ему и преподавали, исторіи не знаетъ, Алкорана хотя не читалъ, но допускаетъ фатализмъ, принимая основаніемъ пословицу: «такъ на роду написано», — и прочія нелѣпости; объ ариѳметикѣ и поминать нечего, а счисленіе на счетахъ кажется ему недосягаемою премудростію. Это фактъ. И неужели сдѣлать его распорядителемъ училища только за знаніе чувашскаго языка?!

9) 11 ст. Положенія объ училищахъ размѣръ содержанія установляется тѣми вѣдомствами, городскими и сельскими обществами, на счетъ которыхъ они учреждены; но что касается до сельскихъ обществъ, то лучше бы размѣръ этотъ назначать уѣзднымъ земскимъ собраніямъ: ибо собранія, имѣя болѣе данныхъ о положеніи и нуждахъ училищъ, содержаніе на оныя опредѣлятъ необходимо достаточное, не допуская излишествъ; а сами Чуваши, за немногими исключеніями, не любя просвѣщенія, и училищъ въ настоящее время у себя заводить не желаютъ; не ясно ли, что имъ нужна еще опека?

10) Діаконовъ, какъ совершенно свободныхъ, обязать къ преподаванію нотнаго пѣнія въ училищахъ безмездно: ибо они въ одноштатныхъ селахъ получаютъ одною только частью меньше священника, а въ двухштатныхъ почти равную часть со священникомъ. Преподавать же нотное пѣніе они очень способны.

Мнѣніе Ядринскаго протоіерея о. Николаева. Вмѣнено въ обязанность намъ обсудить два главные вопроса: во-первыхъ, о томъ, какъ начально обучать крещеныхъ инородцевъ грамотѣ? и, во-вторыхъ, какъ поставить ихъ на одну ногу съ Русскими? Я, съ своей стороны, по первому вопросу имѣю честь предложить на общее разсмотрѣніе слѣдующее мнѣніе: 1) чтобы образовать дѣтей инородческихъ христіански, для этого нужно первѣе всего озаботиться открыть при всѣхъ инородческихъ церквахъ школы. Когда я завѣдывалъ одиннадцатью чувашскихъ приходовъ церквами, тогда вездѣ мною заведены были школы, и поступившіе на мѣсто окружныхъ начальниковъ чиновники, обязанные наблюдать за волостными правленіями, внушали Чувашамъ, что обученіе дѣтей ихъ не есть дѣло обязательное, а произвольное; и Чуваши, какъ народъ, считающій себя всегда быть Чувашами безвыходными, съ радостію побрали дѣтей своихъ изъ школъ по домамъ, и съ тѣхъ поръ доселѣ остаются непреклонными къ отдачѣ ихъ въ обученіе. Чтобы возобновить школы сіи, нужно попросить новыхъ завѣдывателей Чувашами, т. е. управу и мировыхъ посредниковъ, чтобы они, обще съ приходскими священниками, снова урезонили Чувашъ признать обученіе дѣломъ необходимымъ, и притомъ дѣломъ такимъ, котораго желаетъ самъ Императоръ. Для лучшаго успѣха въ этомъ дѣлѣ, управа и мировые посредники пусть придумали бы, съ своей стороны, и льготы тѣмъ родителямъ, которые не воспротивятся отдавать дѣтей своихъ въ обученіе; а священники, съ своей стороны, изъявили бы имъ льготы же. На поощреніе инородцевъ къ отдачѣ дѣтей въ обученіе указываетъ самъ 7-й пунктъ выписки изъ журнала Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, отъ 27-го февраля сего года. Въ добавокъ къ успѣху въ дѣлѣ семъ предлагаю я препроводить въ губернскій училищный совѣтъ и мои два о пользѣ грамотности поученія: не признаетъ ли ихъ совѣтъ оный потребными къ руководству сельскимъ священникамъ, дабы они, приспособительно къ своимъ прихожанамъ, переложивъ ихъ на разговорный языкъ, читали ихъ въ церквахъ, а съ чиновниками управскими и мировыми посредниками прочитали бы ихъ и въ деревняхъ. При открытіи школъ имѣли бы всѣ они въ виду дѣвочекъ инородческихъ, и преимущественно ихъ: ибо къ религіозному направленію Чувашъ женскій полъ очень имъ полезенъ. Живучи начально въ чувашскомъ приходѣ священникомъ, я самъ ощутилъ эту потребность. Бывало, станешь убѣждать мужчинъ жить по одной лишь христіанской вѣрѣ, то они подаются на это дѣло, но какъ только посовѣтуются съ женщинами, то и явится препятствіе.

Когдажъ Богъ поможетъ чиновникамъ и священникамъ снова открыть школы, то, по моему мнѣнію:

2) Непремѣнно надобно начинать учить инородческихъ дѣтей съ помощію ихъ языка, который наставники обязательно должны знать и сами. Одно рус-

ское обученіе для инородческихъ дѣтей будетъ *гласомъ вопіющаго въ пустынѣ* (Мат. III. 3). Самъ апостолъ Павелъ говоритъ: *«если вы произносите «неразумительныя слова, то какъ слушающіе узнаютъ, что̀ вы имъ го- «ворите? Вы будете говорить на вѣтеръ»* (1. Кор. XIV. 9). Сами же Чувашлята, уча только русское, будутъ не лучше, какъ *мѣдь звучащая, или кимвалъ звѣнящій* (1 Кор. XIII. 1). Потребность инородческаго языка въ школахъ я дознлъ опытомъ. Вотъ примѣръ: Чуваши, оставленные себѣ самимъ, не произносятъ вѣрно буквъ: Ф и Ѳ. Напримѣръ, Филиппъ они произносятъ: Хвилиппъ; Ѳедоръ произносятъ: Хведоръ. И вотъ въ одномъ училищѣ засталъ я священника, обучавшаго Чувашлятъ выговаривать буквы по старинному методу: азъ, буки, вѣди, глаголь и т. д. При мнѣ тогда одинъ Чувашленокъ долго затруднялся произносить букву: фертъ, все говорилъ: хвертъ. Сидѣвшій тогда подлѣ него другой Чувашленокъ вдругъ говоритъ ему по-чувашски: *«экый ухмахъ! а̀зы̀ тодд̀ постярзѐ кал̀д»* т. е. Экій дуракъ! а ты, собравши губы, скажи,—и Чувашленокъ, сдѣлавши такъ, произнесъ эту букву. Не вразуми же его никто по-чувашски какъ надобно произносить букву сію, то онъ и произносилъ бы ее все хвертъ, да хвертъ.

Еще примѣръ: заставилъ я разъ одного Чувашленка проговорить мнѣ 2-ю заповѣдь десятословія; онъ прочиталъ ее мнѣ по-русски. Потомъ я спросилъ его, а что значатъ тутъ слова: кумиръ, елика, горѣ, долу? На это мнѣ онъ ничего не отвѣчалъ. Я перевелъ ему эту заповѣдь на его языкъ, а онъ по-чувашски сказалъ мнѣ на это: *«ха̀лы чохла̀дыть инде она̀,»* т. е., теперь я понимаю это. Въ другое время я опять просилъ его же проговорить мнѣ эту же заповѣдь, и онъ опять проговорилъ мнѣ ее; опять же спросилъ я его и о значеніи вышесказанныхъ словъ, тогда онъ объяснилъ мнѣ ихъ хорошехонько и по-русски. Такъ-то въ помощь необходимъ языкъ инородческій при первоначальномъ обученіи!

Въ придачу къ инородческому языку хорошо бы сдѣлать, по моему мнѣнію, вотъ что̀ еще:

а) Русскій букварь съ картинками замѣнить для Чувашлятъ другимъ новымъ букваремъ, въ коемъ картинки, называясь по-чувашски съ извѣстной буквы, имѣли бы и фигуру-то буквенную, напримѣръ: при буквѣ А начертать чувашскій овинъ: ⋒, а онъ и называется по-чувашски *а̀вынъ;* при буквѣ I начертать веретено, а оно и называется *игѐ;* при буквѣ О начертать кольцо, а оно и называется *ѐнга;* при буквѣ П начертать ворота, т. е., два столба съ перекладиною, а они называются *пакд̀;* при буквѣ С начертать серпъ, а онъ называется *сіорл̀д;* при буквѣ Т начертать тяпку, а она и называется *тяпка̀;* при буквѣ Х начертать разогнутыя ножницы, а онѣ называются *ха̀чи.* Подобно сему пріискать и для другихъ буквъ схожія съ ними фигуры

и названія; если же не можно, то, по крайней мѣрѣ, назывались бы фигуры съ извѣстной буквы и были бы Чувашлятамъ эти фигуры извѣстны, напримѣръ: при буквѣ: В начертать бѣлку, — по-чувашски *вакша;* при буквѣ К — кошку — *кожджъ*; при буквѣ Л — бабочку — *лйбе*; при буквѣ М — зайца — *молгачъ;* при буквѣ Н — жука — *нўру;* при буквѣ Р — рака — *ракъ;* при буквѣ Ч — церковь — *черыгў;* при буквѣ: Ш — мышь — *шижй.*

При гласныхъ буквахъ: при И начертать корову; она по-чувашски *инé;* при У — коня — *ўтъ;* при Э — человѣка — *Эдéмъ;* при Ю — шалашъ — *Юклй.*

Всѣ эти изображенія и ихъ названія чувашскія какъ разъ напоминали бы Чувашлятамъ названіе буквъ и вели бы къ памятованію ихъ.

Буквы: Е, Ы, Ѣ, Я, Б, Г, Д, Ж, З, Ф, Ц, Щ, Ѳ надобно уже объяснять по-чувашски, ибо къ инымъ и фигуръ нельзя прибрать; а иныхъ буквъ или рѣдко, или вовсе не слышно въ чувашскомъ разговорѣ, напримѣръ: вмѣсто В они почти всегда употребляютъ П; вмѣсто Г — латинское Д; вмѣсто Д употребляютъ Т; вмѣсто Ж — Ш; вмѣсто З — С; а Ф, Ц, Щ, Ѳ даже вовсе не слышны въ ихъ разговорѣ, они вмѣсто Ф и Ѳ употребляютъ ХВ, говорятъ: Хвилиппъ, вмѣсто Филиппъ, Хведоръ вмѣсто Ѳедоръ.

b) Для заучиванія св. исторіи считаю нужнымъ выписать 240 картинъ профессора Ю. Шнорра, или Золотова, или исторію со 107 картинками, или 104 главы св. исторіи;

c) Для заученія Сvмвола вѣры выписать этотъ Сvмволъ въ картинѣ же;

d) Для молитвы Господней выписать картину же;

e) Для десятословія выписать картину же пророка Моисея съ его похожденіемъ.

f) Для объясненія богослуженія выписать бы Новую Скрижаль съ картинками.

Всѣ онѣ были бы для нихъ тѣ же книги, только написанныя, вмѣсто буквъ, лицами и вещами. Къ этимъ предметамъ въ добавокъ считаю нужнымъ препроводить при этомъ въ губернскій училищный совѣтъ и мои замѣчанія при преподаваніи св. исторіи и катихизиса. Тоже все это было бы объясняемо на чувашскомъ языкѣ.

3) Необходимо учить Чувашлятъ и пѣнію. Въ школѣ молитвы предъ классами и послѣ нихъ пѣли бы они; пѣли бы и въ церкви; пѣть простую обѣдню всякій духовный можетъ обучить ихъ; это также есть уже на опытѣ. Хорошо пріучать ихъ и читать въ церкви, напримѣръ, за обѣднею такъ называемые: *изобразительны, блаженны* и псаломъ: *благословлю Господа на всякое время,* въ концѣ ея. Все это будетъ интересовать и ихъ родителей.

4) Чтобы дѣти приносили своею грамотностію пользу и въ средѣ до-

машнихъ своихъ, нужно прежнее Евангеліе на чувашскомъ языкѣ исправить и напечатать снова, ибо прежнее Евангеліе переведено плохо. Тамъ и чувашизма не соблюдено, и даже слова нѣкоторыя употреблены вовсе не къ дѣлу; такъ, напримѣръ: въ словахъ о священникѣ Захаріи: и *смутился Захарія, увидѣвъ Ангела* (Лук. 1, 12) слово *смутился* переведено: *тюленче;* это слово значитъ: дивиться чему нибудь въ быту обыкновенномъ; значитъ еще: видѣть что-нибудь во снѣ, откуда и слово тюлюкъ: сонная греза, мечта.

Наконецъ, 5) какъ сдѣлать, чтобы Чувашлята обрусѣли въ школахъ? Обрусить Чувашлятъ надобно обязать наставниковъ. Доселѣ на это дѣло наставники не обращали вниманія; а теперь вмѣнить имъ это въ обязанность. При попеченіи объ этомъ дѣлѣ Чувашлята въ четырехлѣтній курсъ очень обрусѣютъ. И безъ этого попеченія Чувашлята, учившіеся въ школахъ, показали уже опытъ на себѣ: ибо нынѣ изъ нихъ есть уже много служакъ такихъ, которыхъ трудно отличить отъ Русскихъ и по разговору и по оборотливости. Они и одѣваются уже по-русски, и женятся на Русскихъ. Къ этому еще и то замѣчу, что и необучавшіеся еще Чуваши въ разговорѣ между собою уже много русскихъ словъ употребляютъ и даже кичатся этимъ искусствомъ. Говорятъ же такимъ образомъ Чуваши только при церквахъ и при городахъ живущіе; а отдаленные отъ этихъ мѣстъ Чуваши не говорятъ еще такъ. Это мое замѣчаніе ведетъ меня къ тому, чтобы въ школы инородческія непремѣнно стараться помѣщать по нѣскольку мальчиковъ и дѣвочекъ изъ Русскихъ, въ видѣ старшихъ, и симъ послѣднимъ вмѣнить въ обязанность дружиться съ Чувашлятами, а Чувашлятъ обязать говорить съ ними по-русски. Замѣчательное въ Чувашахъ стремленіе употреблять русскія слова, уповательно, дастъ и Чувашлятамъ возможность русѣть съ охотою при ихъ обращеніи съ дѣтьми русскими.

Свіяжскій училищный совѣтъ, постановленіемъ 14-го ноября 1867 г. состоявшимся, опредѣлилъ: Изъ статистическихъ свѣдѣній видно, что въ Свіяжскомъ уѣздѣ инородцевъ, въ особенности магометанскаго происхожденія, изъ коихъ значительная часть, а именно до 4,000 принявшихъ св. крещеніе, числится обоего пола до 10,000. Но такъ какъ въ инородческихъ селеніяхъ уѣзда въ настоящее время не существуетъ ни одной школы, то училищный совѣтъ, не имѣя возможности повѣрить на практикѣ, сколько соотвѣтствуютъ успѣху обученія и цѣлямъ правительства методы, рекомендуемые, съ одной стороны, гг. Ильминскимъ и Золотницкимъ, а съ другой—священникомъ Баратынскимъ, не можетъ представить въ настоящее время никакихъ фактическихъ данныхъ въ пользу или противъ программъ сказанныхъ педагоговъ. Впрочемъ, принимая въ основаніе, что главною цѣлію ученія въ инородческихъ школахъ должно быть обрусѣніе и христіанское просвѣщеніе инородцевъ, совѣтъ, съ своей стороны,

отдаетъ все преимущество по сему предмету мнѣнію Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, состоявшемуся 27-го февраля 1867 года (№ 153), находя предлагаемый онымъ Комитетомъ планъ преподаванія въ инородческихъ школахъ вполнѣ цѣлесообразнымъ обрусѣнію и христіанскому просвѣщенію инородцевъ. Причемъ, съ своей стороны, совѣтъ имѣетъ честь заявить, что весьма бы было полезно ввести въ кругъ преподаванія въ инородческихъ школахъ церковное пѣніе, потому что стройное, мелодическое пѣніе священныхъ пѣсней глубоко укореняетъ въ душахъ простолюдиновъ религіозныя вѣрованія и дѣйствуетъ благодѣтельно на ихъ нравы.

Цивильскій училищный совѣтъ выразилъ слѣдующее мнѣніе: Цѣль обученія инородцевъ есть религіозно-нравственное образованіе и обрусѣніе ихъ; поэтому самымъ лучшимъ методомъ въ обученіи ихъ долженъ быть признанъ тотъ, который легче и вѣрнѣе ведетъ къ этой цѣли. Исходя изъ этого положенія, совѣтъ думаетъ, что методъ г. Золотницкаго значительно облегчитъ обученіе Чувашъ грамотности чрезъ введеніе обученія на родномъ имъ языкѣ, и возвыситъ религіозно-нравственное образованіе чрезъ введеніе въ обученіе переведенныхъ на чувашскій языкъ молитвъ, катихизиса и священной исторіи. Но нельзя не сказать объ этомъ методѣ того, что въономъ обрусѣніе Чувашъ совсѣмъ опущено изъ виду; между тѣмъ, сами родители требуютъ, чтобъ ихъ дѣти главнѣйшимъ образомъ выучивались въ училищахъ русскому языку, такъ какъ всѣ письменныя сношенія Чувашъ съ другими происходятъ на русскомъ языкѣ. Нельзя не сказать и того, что, для религіозно-нравственнаго образованія Чувашъ, необходимо также знаніе русскаго языка, такъ какъ и богослуженіе и другія полезныя въ этомъ отношеніи книги находятся на русскомъ языкѣ, чувашской же литературы, достаточной для религіозно-нравственнаго образованія Чувашъ, г. Золотницкому не создать, да и сами Чуваши въ ней нужды не сознаютъ. Конечно, въ пользу метода г. Золотницкаго скажутъ, что мальчикъ, выучившійся по его методу читать чувашскія книги, можетъ легко читать и русскія, такъ какъ буквы для чувашской азбуки приняты имъ русскія; но, во 1-хъ, въ его чувашскую азбуку принято нѣсколько буквъ, не находящихся въ русской азбукѣ, наприм. Ў Ŏ; съ другой стороны выключена буква Ъ; слѣдовательно не совсѣмъ же легко выучившійся по его методѣ будетъ читать русскія книги; а во 2-хъ, чтобъ понимать русскія книги, снова нужно будетъ Чувашенину потратить очень много труда и времени: къ чему же послѣ сего отвергать русскій языкъ при самомъ обученіи чувашскихъ дѣтей въ школахъ? Методы гг. Баратынскаго и Георгіевскаго имѣютъ въ виду, при обученіи инородческихъ дѣтей, непремѣнно обрусѣніе ихъ, и съ этой цѣлью назначаютъ для нихъ особый четвертый годъ пребыванія въ школѣ, и разнятся

только въ томъ, что о. Баратынскій обученіе русскому языку вводитъ въ общую постоянную програму обученія другимъ предметамъ, а г. Георгіевскій опредѣляетъ единственно для русскаго языка первый годъ пребыванія въ школѣ. Цивильскій уѣздный училищный совѣтъ считаетъ невозможнымъ опредѣлять число лѣтъ для пребыванія мальчиковъ въ школѣ, такъ какъ обученіе мальчиковъ въ подвѣдомыхъ совѣту училищахъ добровольное, а не обязательное; посему если бы кто захотѣлъ учиться въ училищѣ 10 лѣтъ вмѣсто 3-хъ, училищный совѣтъ не воспрещаетъ, и еслибъ кто захотѣлъ учиться только одинъ годъ, — совѣтъ на большее время также не задерживаетъ. Конечно, если бы введено было обязательное обученіе чувашскихъ дѣтей, тогда лучше всего бы принять 4-лѣтній курсъ обученія ихъ, но до сего времени объ этомъ и разсуждать невозможно. Относительно опредѣленія одного года на обученіе только русскому языку, училищный совѣтъ считаетъ эту мѣру неприложимою къ дѣлу, такъ какъ для успѣха ея нужно имѣть особаго наставника собственно только для учениковъ перваго года, между тѣмъ какъ каждый наставникъ обязанъ дѣлить свое время на учениковъ и 1, и 2, и 3, и 4 годовъ, а посему очень естественно, что и родители и ученики будутъ считать первый годъ проводимымъ въ бездѣльѣ.—Относительно же того, какимъ образомъ ввести обученіе русскому языку въ общую програму обученія чувашскихъ дѣтей, Цивильскій уѣздный училищный совѣтъ полагаетъ: 1) для первоначальнаго обученія ввести въ руководство для чувашскихъ училищъ упрощенный способъ, принятый г. Золотницкимъ въ «*Чуваш кнеге*», съ тою только разницею, чтобъ въ азбуку введена была буква Ъ и исключены были изъ оной Ӳ и Ӧ.—2) Какъ скоро ученики выучатся произносить чувашскія слова, принятыя г. Золотницкимъ для обученія азбукѣ, тотчасъ же приступить къ чтенію молитвъ, и при этомъ нужно, чтобъ эти молитвы были напечатаны на обоихъ языкахъ, и чувашскомъ, и русскомъ, и ученики знали бы оныя и на-русскомъ и чувашскомъ языкахъ. 3) Дальнѣйшее преподаваніе должно производиться на-русскомъ языкѣ съ тѣмъ, чтобъ ученики могли разсказывать преподанное и на-чувашскомъ, а въ пособіе имъ для сего долженъ имѣться при каждомъ училищѣ чувашско-русскій словарь, и, само собою разумѣется, что и самъ наставникъ долженъ хорошо объясняться на-чувашскомъ языкѣ и преподавать нужное на обоихъ языкахъ.

Тетюшскій училищный совѣтъ. Принимая во вниманіе, что главная задача разумной школы есть правильное развитіе умственныхъ и душевныхъ свойствъ человѣческой природы, достиженіе этой цѣли важно во всякой школѣ, но едва ли оно имѣетъ гдѣ либо такую огромную важность, какъ въ нашихъ инородческихъ училищахъ,—училищахъ, основанныхъ въ средѣ такого груба-

го, по своимъ умственнымъ понятіямъ и нравственному развитію, народа какъ Чуваши. Всѣмъ извѣстенъ скудный матеріальный бытъ ихъ и еще болѣе скудное религіозное и умственное развитіе. Извѣстно, что почти всѣ Чуваши христіане, но, къ сожалѣнію, христіане номинальные; всѣ они исправляютъ по наружности христіанскія требы, но не по убѣжденію въ ихъ святости и необходимости для человѣка, а во избѣжаніе такъ называемой «сухой бѣды»,—бѣды, которая можетъ свести у него со двора послѣднюю лошадь; свои же искреннія религіозныя потребности они и до сихъ поръ исполняютъ въ какихъ-то заповѣдныхъ рощахъ, или у дубовъ, принося жертву невѣдомому ими самими Кереметі.

Въ видахъ просвѣщенія и обрусѣнія Чувашъ, Министерство Государственныхъ Имуществъ, почти 30 лѣтъ тому назадъ, основало между ними школы съ цѣлію обученія ихъ русской грамотѣ, языку и православной вѣрѣ, но въ 30 лѣтъ школы эти, какъ видно, весьма мало выполнили свое назначеніе, и Чуваши до сего времени въ своей замкнутой средѣ остались почти вполнѣ инородцами-язычниками, не зная ни русской грамоты, ни христіанской религіи. Между причинами, почему эти школы не достигли предназначенной имъ цѣли, конечно, важное мѣсто занимаетъ то, что обученіе въ нихъ производилось вовсе не раціонально и на языкѣ почти для нихъ непонятномъ. Чувашскаго мальчика, вовсе незнакомаго съ русскою рѣчью, обучали русской грамотѣ, и онъ, по заведенному для русскихъ дѣтей порядку, проходилъ всю азбучную мудрость т. е., буквы, потомъ склады и, наконецъ, что называется, чтеніе по верхамъ; все это нерѣдко продолжалось болѣе 2-хъ лѣтъ; въ это время мальчикъ немного осваивался съ русской разговорной рѣчью, но не на столько однакожъ, чтобы умѣнье читать по-русски могло служить для него средствомъ дальнѣйшаго развитія; далѣе его продолжали обучать также: заставляли учить наизусть молитвы и священную исторію на языкѣ для него мало понятномъ и въ выраженіяхъ совершенно недоступныхъ, и ребенокъ все это училъ безъ малѣйшаго сознанія, страшно коверкая слова и мысли молитвъ и событій священной исторіи. Разумѣется, такой ходъ обученія не давалъ мальчику ни малѣйшаго развитія и весьма мало знакомилъ его съ русскимъ языкомъ, и при этомъ обученіи дѣти впечатлительныя, съ развитымъ воображеніемъ и нервной организаціей, разумѣется, оказывались вовсе неспособными и или сами уходили изъ школы, не вынося изъ нея ничего, или ихъ высылали за тупоуміе и непонятливость; натуры же болѣе грубыя и тупыя въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ, но одаренныя механической памятью, просидѣвши нѣсколько лѣтъ въ школѣ, выходя изъ нея, нерѣдко пріобрѣтали высоко-почетное званіе — волостнаго писаря, и, подъ вліяніемъ дальнѣйшаго юридическаго развитія своей жизни, являлись впослѣдствіи офиціальными мѣстными чувашскими чиновниками со

всѣми достоинствами и недостатками своего званія тогдашняго времени, но насколько они были развиты нравственно, какъ христіане, и умственно, какъ люди, и какъ благотворно было вліяніе ихъ грамотности въ средѣ своихъ единоплеменниковъ, нѣсколько характеризуетъ разказъ г. Сбоева (относящійся къ 50-мъ годамъ), о томъ, какъ жена одного сельскаго священника, на базарѣ въ селѣ Ядринскаго уѣзда, торговала у Чувашенина рыбу, и, находя спрошенную имъ цѣну весьма высокою, сказала: «Бога ты не боишся, чувашская лопатка, что такъ дорого просишь». — «Эхъ, мачка, отвѣчалъ Чувашенинъ, что̀ Бога бояться—Богъ не писарь».

Болѣе благотворныхъ результатовъ такой способъ обученія не можетъ принести и въ наше время; въ этомъ члены училищнаго совѣта вполнѣ могли убѣдиться при посѣщеніи Тайбинскаго училища нашего уѣзда, гдѣ учитель болѣе другихъ способный и болѣе другихъ преданный своему дѣлу; онъ кладетъ много заботъ и стараній на своихъ учениковъ, но, не зная чувашскаго языка, сравнительно мало приноситъ пользы ученикамъ. Ученики его училища, Чуваши, читаютъ и пишутъ по-русски, и во время посѣщенія членами этого училища разсказывали изъ священной исторіи и читали молитвы, но въ ихъ отвѣтахъ видна была полная безжизненность, механичность и отсутствіе всякаго пониманія; но какъ измѣнились выраженія лицъ этихъ дѣтей, когда имъ дали въ руки чувашскій букварь г. Золотницкаго, напечатанный русскими буквами, и когда они прочли въ немъ по-чувашски тѣ же молитвы и заповѣди, которыя они говорили за нѣсколько минутъ такъ безтолково и апатично по-русски: въ ихъ глазахъ видна была мысль, видно было, что читаемое ими вполнѣ для нихъ понятно и ихъ интересуетъ, а старики Чуваши, которые были въ то время въ школѣ и стояли до того безучастными, флегматическими зрителями разговоровъ съ ихъ дѣтьми, услышавъ чтеніе молитвъ и заповѣдей на своемъ языкѣ, начали выражать свое одобреніе и похвалу этой книжкѣ, говоря, что ума въ ней больно много. Каждому мальчику было подарено по такому букварю, и если бы этого не было сдѣлано, то у дѣтей и ихъ родителей замѣтно было желаніе просить, по словамъ членовъ училищнаго совѣта, дать имъ этихъ книжекъ. Этотъ фактъ, по мнѣнію училищнаго совѣта, совершенно доказываетъ несправедливость теоріи г. Георгіевскаго, что было бы нечеловѣчно засадить чувашскаго ребенка за чувашскій букварь и заставлять его долбить по-чувашски тоже, что теперь заставляютъ долбить по-русски, и потому училищный совѣтъ полагаетъ, что если желаютъ обученіемъ Чувашъ достигнуть ихъ религіознаго и умственнаго развитія, то для этого необходимо употреблять ихъ природный языкъ, который при этомъ не можетъ дойдти до степени языка литературнаго, какъ того боится г. Георгіевскій. Что же касается мысли обрусѣнія Чувашъ, для чего будто бы совершенно необходимо знаніе ими русскаго

языка, то нельзя не согласиться съ мнѣніемъ г. Золотницкаго, что сближеніе и объединеніе національностей совершается подъ условіемъ единства убѣжденій, и что единство религіозныхъ убѣжденій служитъ самымъ лучшимъ средствомъ къ объединенію національностей, а потому училищный совѣтъ, ставя на первую степень необходимости разумное религіозно-нравственное просвѣщеніе Чувашъ, не можетъ не пожелать употребленія въ ихъ школахъ природнаго языка.

Все изложенное выше относительно просвѣщенія и обученія Чувашъ не можетъ быть, по мнѣнію училищнаго совѣта, примѣнено къ другимъ инородцамъ нашей мѣстности—Татарамъ. Бытовыя условія Татаръ нѣсколько отличны отъ быта Чувашъ: всѣ Татары—народъ болѣе или менѣе промышленный и торговый, и потому хорошо понимающій русскую разговорную рѣчь, и всѣ они почти знаютъ свою татарскую грамоту, и, зная твердо свою фанатическую религію, при помощи грамотности не только держатъ ее твердо, но даже успѣваютъ привлекать къ ней малопросвѣщенныхъ и малоразвитыхъ Чувашъ. Что же касается до изученія Татарами русской грамоты, которая современемъ могла бы служить сильнымъ орудіемъ ихъ просвѣщенія и обрусѣнія, то, по своимъ торговымъ и промышленнымъ занятіямъ, они сами въ ней нуждаются и какъ совѣту извѣстно изъ частныхъ разговоровъ со многими Татарами, они охотно бы посылали своихъ дѣтей въ русскія училища, если бы имъ не мѣшало въ этомъ дѣлѣ фанатическое вліяніе ихъ муллъ.

Для введенія между Татарами русской грамоты, училищный совѣтъ полагаетъ, что мнѣніе отца Баратынскаго въ настоящее время болѣе удобоисполнимо, чѣмъ другія средства, а именно: въ каждой деревнѣ при татарской мечети непремѣнно существуетъ начальное татарское училище, гдѣ учитель всегда бываетъ мулла, то было бы весьма желательно, чтобы во всѣхъ этихъ училищахъ обязательно преподавалась русская грамота и русскій языкъ, и чтобы по этому предмету школы были подчинены контролю училищныхъ совѣтовъ. Въ настоящее время приведеніе въ исполненіе этой мысли можетъ быть не вполнѣ возможно, такъ какъ многіе муллы сами не знаютъ не только русской грамоты, но даже нерѣдко не понимаютъ и русской разговорной рѣчи, но современемъ это неудобство могло бы устраниться, если бы, по мысли г. профессора С.-Петербургскаго университета Григорьева, правительство сдѣлало распоряженіе, что званія татарскихъ муллъ будутъ даваемы только тѣмъ лицамъ, которыя, сверхъ своихъ познаній въ ихъ религіи, будутъ имѣть удовлетворительное знаніе въ русскомъ языкѣ и русской грамотѣ. Правда, что такіе учителя, по своему фанатическому настроенію, не могли бы быть слишкомъ надежными въ дѣлѣ просвѣщенія и обрусѣнія Татаръ, но въ этомъ случаѣ усиленный контроль училищныхъ совѣтовъ долженъ бы былъ сдѣлать свое дѣло.

Что касается устройства начальныхъ училищъ, то въ этомъ училищный совѣтъ не можетъ согласиться съ мнѣніемъ отца Баратынскаго. По мнѣнію училищнаго совѣта, для того, чтобы училища шли систематично и правильно, необходимо, чтобы въ каждомъ изъ нихъ былъ отдѣльный учитель, а священникъ былъ бы законоучителемъ и, кромѣ того, согласно 17 ст. Положенія, наблюдателемъ за религіозно-нравственнымъ направленіемъ училища. При этихъ условіяхъ священникъ можетъ, если захочетъ, быть совершенно самостоятельнымъ въ училищѣ и, сверхъ того, онъ можетъ вліять даже и на самый ходъ обученія и на учителя, если будетъ опытнѣе и искуснѣе его въ педагогическомъ отношеніи, и училищный совѣтъ не видитъ причины, почему учители при священникахъ должны носить званіе ихъ помощниковъ; эта мѣра скорѣе можетъ повести къ пререканіямъ между ними, а пререканій-то хочетъ избѣжать отецъ Баратынскій.

Далѣе отецъ Баратынскій говоритъ, что только при условіи полной зависимости учителя отъ священника можно будетъ требовать, чтобы преподаваніе Закона Божія было неголословное, какъ теперь, а соединялось съ нагляднымъ знакомствомъ съ церковью, съ толковымъ чтеніемъ Евангелія и другихъ книгъ религіознаго содержанія. Почему же всего этого можно будетъ требовать тогда, а не теперь? На преподаваніе Закона Божія священникомъ учитель не можетъ имѣть никакого вліянія, и это прямая обязанность приходскаго священника; во всѣхъ сельскихъ училищахъ было всегда всецѣло предоставлено ему, слѣдовательно отъ него вполнѣ зависѣло вести его такъ, или иначе, хорошо, или дурно. Разумѣется, если бы случилось въ инородческомъ селеніи быть священнику, не знающему мѣстнаго языка, а учитель зналъ бы его, то тогда, конечно, и преподаваніе Закона Божія пришлось бы поручить ему; но подобные случаи, вѣроятно, будутъ очень рѣдки, а можетъ быть современемъ и вовсе не будутъ встрѣчаться.

Козмодемьянскій училищный совѣтъ. 1) Изъ $32\frac{1}{2}$ тысячъ душъ мужескаго населенія Козмодемьянскаго уѣзда, около тысячи душъ Русскихъ, остальные затѣмъ всѣ Черемисы и Чуваши. Изъ Черемисъ самая меньшая часть, населяющая окрестности города Козмодемьянска, а изъ Чувашъ еще менѣе значительная часть, проживающая вблизи города Чебоксаръ, и немногіе изъ тѣхъ и другихъ, живущіе въ селахъ, а также и въ мѣстностяхъ около волостныхъ правленій, объясняются и понимаютъ отчасти по-русски, и то исключительно почти мужчины. Что касается до прочей массы инородцевъ, особенно женщинъ и дѣтей, то совершенно точно можно сказать, что они не имѣютъ никакого понятія о русскомъ языкѣ. 2) Случается нерѣдко, что дѣти русскія, въ возрастѣ отъ 8-ми до 9-ти лѣтъ, поступаютъ въ городскія училища съ такимъ ограничен-

нымъ развитіемъ, что съ немалымъ трудомъ приводится ознакомлять ихъ съ собственными ихъ и родительскими именами: тебя зовутъ не Ваня, а Иванъ; твой отецъ Григорій, а не тятенька! При первоначальномъ же объясненіи самыхъ краткихъ молитвъ, напримѣръ, *Святый Боже*, или *Богородице*, встрѣчается часто надобность повторять каждыя два слова отдѣльно отъ 5 до 10-ти разъ, чтобы передать всю молитву дѣтской памяти. А потому дѣтямъ Чувашъ и Черемисъ, еще менѣе развитымъ въ домашнемъ быту, никакъ не могутъ быть доступны, при началѣ ученія, краткія поученія изъ св. исторіи, разсказываемыя хотя и на ихъ племенныхъ нарѣчіяхъ. Неоспоримо, что удобопонятное изустное преподаваніе во всякомъ случаѣ достигаетъ успѣшныхъ результатовъ; но дѣти, только что поступившія въ училище, не привыкли еще слушать и воспринимать неразвитымъ своимъ умомъ какія либо цѣльныя мысли. Слѣдовательно нужно выждать, пока они разовьются сами между собою, при дѣятельномъ, конечно, участіи преподавателя. Обязанность послѣдняго пробуждать мыслительныя способности дѣтей самыми обыкновенными первоначальными упражненіями въ разговорахъ на ихъ природномъ языкѣ и чрезъ это подготовлять ихъ къ слушанію и усвоенію разказовъ наставника. Для перваго же начала въ учебныхъ занятіяхъ едва ли можно отвергнуть необходимость обученія букварю, составленному на ихъ родномъ языкѣ, особенно по упрощенному способу чтенія г. Золотницкаго, приспособленному также къ развитію дѣтскихъ понятій. Изучая чувашскій или черемисскій букварь, напечатанный русскими буквами, дѣти быстрѣе приспособляются къ произнесенію знакомыхъ, родныхъ имъ словъ; а научившись мало-мальски читать, они усвоиваютъ изъ того же букваря русскія молитвы, десять заповѣдей и нѣкоторыя краткія св. исторіи, переведенныя на ихъ родной языкъ только для легчайшаго пониманія ими, безъ всякаго измѣненія русскаго смысла. Затѣмъ переходятъ они къ чтенію русскаго Евангелія, переведеннаго на ихъ племенное нарѣчіе, къ слушанію изустныхъ разказовъ изъ св. исторіи, на ихъ же языкѣ, и между прочимъ могутъ упражняться въ изчисленіи по-своему и въ письмѣ съ прописей. 3) При всемъ этомъ вмѣнить въ непремѣнную обязанность учителямъ училищъ и школъ, чтобы съ первоначальнымъ обученіемъ инородческихъ дѣтей грамотѣ рука объ руку шло постепенное и неупустительное упражненіе ихъ въ объясненіи по-русски, начиная съ названій окружающихъ и внѣшнихъ предметовъ, до подготовки ихъ втеченіе двухъ лѣтъ къ совершенному пониманію и свободному объясненію по-русски; однимъ словомъ, чтобы чрезъ два года дѣти могли продолжать ученіе на русскомъ языкѣ и по русскимъ книгамъ. Переходъ къ чтенію русскихъ книгъ отъ чувашскихъ или черемисскихъ, напечатанныхъ русскими буквами, для дѣтей не будетъ затруднителенъ, тѣмъ болѣе когда они ознакомятся уже съ русскимъ языкомъ. 4) При такихъ существенно полезныхъ для инородческихъ

дѣтей учебныхъ занятіяхъ, небезполезно въ свободное время, для разнообразія, пріучать пѣть сперва на ихъ языкѣ, а потомъ по-русски обыкновенныя молитвы, что приспособляетъ дѣтей къ правильному выговору русскихъ словъ и къ изученію на память молитвъ. А для упражненія въ послѣднемъ занятіи и съ тѣмъ вмѣстѣ для сближенія инородцевъ съ дѣтства съ церковью, непремѣнное условіе—обязать дѣтей въ праздничные дни посѣщать церковь, и въ поощреніе успѣшнымъ, при первой возможности, становить ихъ на клиросъ, для пѣнія знакомыхъ молитвъ и, по мѣрѣ возможности, для чтенія по книгѣ положенныхъ по уставу при церковномъ богослуженіи молитвъ. 5) Всѣ поименованныя учебныя занятія съ дѣтьми, необходимыя, какъ видно, сами-по-себѣ, будутъ явнымъ убѣжденіемъ для родителей, что дѣти ихъ не теряютъ времени въ училищахъ, а пріобрѣтаютъ полезныя для жизни знанія. Если же допустить, чтобы въ сельскихъ училищахъ первый періодъ временно, т. е. два года, исключительно посвященъ былъ на обученіе дѣтей русскому разговорному языку, а надлежащее обученіе начиналось бы со 2-го періода, то настоящее нерасположеніе большой части инородцевъ мѣстнаго уѣзда къ обученію дѣтей грамотѣ превратится окончательно въ убѣжденіе о напрасной тратѣ времени дѣтьми ихъ въ училищахъ. Каждый изъ инородцевъ неопровержимо можетъ сказать, что сынъ его выучится по-русски и дома, насколько ему нужно; а ему нужно, что бы онъ въ училищѣ научился грамотѣ, т. е., читать, писать и считать. Да и сами дѣти, разстающіяся съ страшною неохотою съ родителями, при отдачѣ ихъ въ училище, не будучи заинтересованы самодѣятельнымъ занятіемъ, утомятся ожиданіемъ настоящаго ученія, и бо́льшая часть, если не всѣ, оставятъ преждевременно училища, безъ всякаго прекословія родителей, не ощущающихъ никакой пользы отъ ученія. 6) Изданіе книгъ на чувашскомъ и черемисскомъ языкахъ необходимаго содержанія для первоначальнаго обученія и религіозно-нравственнаго образованія инородческихъ дѣтей, способствуя легчайшему для нихъ уразумѣнію преподаваемыхъ предметовъ и впечатлительному восприятію умомъ и сердцемъ истинъ православнаго вѣроученія, не только не отстранитъ инородцевъ отъ обрусѣнія, но разовьетъ въ нихъ правильныя вѣрованія, предохранитъ съ дѣтства отъ оставшихся еще отъ язычества многихъ суевѣрныхъ предразсудковъ и вѣрованій, и вмѣстѣ съ тѣмъ пробудитъ въ нихъ любознательный интересъ къ чтенію книгъ. А какъ книги на инородческихъ языкахъ недостаточны по ихъ содержанію, то само собою ощутится необходимость въ изученіи русскаго языка, чтобы почерпать болѣе подробныя свѣденія изъ русскихъ книгъ. Притомъ естественно, что ученикъ, возвратившійся въ свободное отъ ученія время въ домъ родителей, на вопросъ ихъ: чему ты учишься? можетъ прочесть что нибудь по букварю, или изъ св. исторіи, или изъ Евангелія на своемъ природномъ языкѣ. Родители, сочувствуя научнымъ успѣ-

хамъ сына и услыхавъ притомъ на родномъ своемъ нарѣчіи толковое чтеніе, безъ сомнѣнія увлекутся къ слушанію; имъ могутъ послѣдовать родственники, а за ними и сосѣди. Такимъ образомъ, въ деревняхъ, въ свободное отъ занятій время, могутъ собираться кружки около грамотныхъ дѣтей, и не въ замысловатыхъ бесѣдахъ дѣтей со взрослыми популярно уясненныя истины Священнаго Писанія могутъ западать свободно въ сердца слабо-просвѣщенныхъ инородцевъ, а притомъ очевидные успѣхи чужихъ дѣтей въ грамотности могутъ непринужденно расположить и другихъ семьяниновъ къ обученію собственныхъ своихъ дѣтей. Первое изданіе на чувашскомъ языкѣ г. Золотницкаго, «Сӧлдалык-кнеге», замѣчательно заинтересовало юныхъ и взрослыхъ Чувашъ-грамотѣевъ мѣстнаго уѣзда. Появленіе же въ училищахъ чувашскаго букваря, того же автора, популярнымъ изложеніемъ и живою народною рѣчью, привело въ неописанный восторгъ учениковъ-Чувашъ, и педагогическіе успѣхи, по заявленію наставниковъ, быстро улучшились. Вслѣдствіе сего, бывшій наставникъ Чермышевскаго сельскаго черемисскаго училища (Козмодемьянскаго уѣзда) г. Кедровъ не замедлилъ составить по той же методѣ букварь черемисскій, напечатанный и изданный нынѣ иждивеніемъ Казанскаго братства святителя Гурія, а нѣкоторые сельскіе учители, священники, въ томъ числѣ членъ мѣстнаго училищнаго совѣта, Малосундырскій священникъ, о. Рождественскій, предприняли дѣятельный трудъ въ переводѣ молитвъ на черемисскій языкъ. 7) Взаключеніе, къ надлежащему лучшему успѣху образованія инородцевъ, всѣмъ составомъ училищнаго совѣта выражено единодушное желаніе, чтобы предполагаемый порядокъ обученія въ черемисскихъ и чувашскихъ школахъ, по свѣтлой мысли г. Золотницкаго, былъ всецѣло принятъ въ руководство для помянутыхъ учебныхъ заведеній, и чтобы энергическая воспріимчивость по трудамъ составленія чувашско-черемисскихъ учебниковъ и книгъ не угасла въ почтенныхъ ревнителяхъ о благѣ образованія инородцевъ.

Мнѣніе предсѣдателя Мамадышскаго училищнаго совѣта, протоіерея Остроумова. Ученые и ревностные дѣятели образованія инородцевъ, гг. Ильминскій и Золотницкій, провѣрили опытомъ способъ религіозно-нравственнаго ученія инородцевъ на ихъ природномъ нарѣчіи, открывши инородческія училища и лично занимаясь въ нихъ съ инородческими дѣтьми. Посвятивъ всю свою дѣятельность этой задачѣ, они пришли къ неизбѣжному убѣжденію, что инородческихъ дѣтей въ школахъ правильно и съ успѣхомъ не иначе можно учить, какъ на ихъ родныхъ языкахъ. Казанская инородческая школа, основанная г. Ильминскимъ, ведетъ первоначальное ученіе инородческихъ дѣтей на ихъ родномъ языкѣ и уже дала добрые плоды ученія. Упомянутая школа принесла видимую пользу тѣмъ, что изъ нея нѣкоторые мальчи-

ки переселены на родную почву, въ ихъ семейства и общества, и въ темную эту среду внесли свѣтъ христіанскаго ученія. Второю заслугою Казанской инородческой школы можно признать то, что она своею просвѣтительною дѣятельностію пробудила во многихъ крещеныхъ Татарахъ сознаніе о необходимости христіанскаго ученія и привлекла къ себѣ ихъ дѣтей, поступающихъ въ нее добровольно и по желанію самихъ отцовъ. Все это доказываетъ, что Казанская инородческая школа поставлена въ правильныя отношенія къ инородцамъ; что она сообразуется съ ихъ духовными и нравственными нуждами, и для образованія ихъ употребляетъ естественныя и законныя средства. Если же назначеніе всякой школы въ томъ состоитъ, чтобы привлечь въ нее дѣтей, заохотить ихъ къ ученію и передать имъ оное правильно и успѣшно, то нѣтъ никакой причины изгонять изъ Казанской и всякой другой инородческой школы племенное нарѣчіе учащихся дѣтей, испытанное и признанное вѣрнымъ образовательнымъ средствомъ. Въ журналѣ засѣданія особаго Комитета, въ Казани, справедливо изображено, что «есть необходимость въ инородческихъ школахъ «вести первоначальное обученіе непремѣнно на родномъ языкѣ учениковъ, поль«за котораго, какъ орудія для первоначальнаго возбужденія и развитія мысли «и религіозно-нравственнаго чувства въ дѣтяхъ, признается педагогіей».

Другой ревностный подвижникъ образованія инородцевъ, посвятившій много времени и трудовъ на первоначальное обученіе грамотѣ чувашскихъ дѣтей, необходимымъ призналъ употреблять для этого ихъ родной языкъ. Въ своей брошюрѣ онъ отстаиваетъ такой способъ обученія инородческихъ дѣтей тѣмъ, что сближеніе и затѣмъ объединеніе національностей, помимо политическихъ обстоятельствъ, совершается главнымъ образомъ подобно сближенію отдѣльныхъ личностей, а именно: подъ условіемъ единства убѣжденій, и что единство религіозныхъ убѣжденій, какъ самыхъ прочныхъ изъ всѣхъ убѣжденій по свойству ихъ задушевности, служитъ наилучшимъ средствомъ не только къ объединенію подданныхъ одного государства, но и къ поддержанію постоянной симпатіи между отдаленными другъ отъ друга народами, и въ обоихъ случаяхъ независимо отъ условія единства и родства языка. Всѣ же религіозныя убѣжденія складываются и упрочиваются въ человѣкѣ посредствомъ религіознаго ученія, преподаннаго правильно и принятаго сознательно. Если человѣкъ учится, то онъ долженъ учиться сознательно, принять изучаемое сердцемъ, усвоить душою, а все это возможно при посредствѣ живаго языка, которымъ привыкъ человѣкъ говорить съ дѣтства; а для распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ массѣ народа, нѣтъ другаго столь вѣрнаго средства, какъ живая народная рѣчь, и притомъ столь народная, чтобы каждое ея слово было взято изъ жизни и, такъ сказать, само дышало жизнію.

Способъ введенія гг. Ильминскимъ и Золотницкимъ для первоначальнаго

обученія инородческихъ дѣтей грамотѣ на ихъ родномъ языкѣ совершенно законный и взятъ изъ примѣровъ самого Спасителя, Его апостоловъ и учителей церкви. Спаситель преподавалъ свое божественное ученіе на языкѣ мѣстномъ, разговорномъ, на какомъ говорилъ слушающій Его народъ.

Духъ Святый сошелъ на апостоловъ въ раздѣленныхъ языкахъ, такъ что всѣ народы, которыхъ они учили, слышали ихъ говорящихъ о величіи Божіемъ на языкѣ каждаго народа, но не претворилъ и не слилъ Мидянъ и прочихъ народовъ въ одинъ еврейскій языкъ. Русь православная приняла отъ Грековъ вѣру Христову и свою письменность, но не языкъ. Этотъ законъ, какимъ совершилось просвѣщеніе всего рода человѣческаго и цѣлаго народа, долженъ быть общимъ закономъ для образованія и просвѣщенія извѣстнаго племени народа. Поэтому племенное нарѣчіе инородцевъ, при первоначальномъ ученіи ихъ въ школѣ, должно быть языкомъ школы. И если досточтимо ученіе христіанское, то не менѣе того и самое слово, которымъ человѣкъ принимаетъ и усвоиваетъ это ученіе и которымъ выражаетъ свои задушевныя мысли и сердечныя чувствованія, будетъ ли то слово русское, татарское, чувашское или другое, достойно всякаго уваженія. Мы желаемъ привлечь инородческаго ребенка въ училище. Будемъ же снисходительны къ нему и, съ своей стороны, сдѣлаемъ ему законную уступку; усаживая за книгу инородческаго ребенка, оставимъ ему для ученія его родной языкъ, который, какъ нравственная сила и духовное орудіе, сблизитъ и примиритъ его съ родною книгою и облегчитъ самый трудъ ученія. Въ противномъ случаѣ, всегда трудное для дѣтей ученіе еще болѣе затруднитъ дѣтей инородческихъ, когда вмѣстѣ съ ученіемъ станутъ припуждать ихъ учиться по-русски, и, естественнымъ образомъ, запугаетъ ихъ и оттолкнетъ отъ книги.

Христіанское ученіе, сродное духовной природѣ дѣтей, никогда и никакъ не можетъ само собою запугать и оттолкнуть ихъ отъ себя. Если же опытъ доказываетъ противное, то причиною этому не ученіе, а что нибудь другое. Образъ жизни простаго народа, его физическія занятія, грубыя привычки, а особенно необразованность, идущія въ совершенный разладъ съ тихою, усидчивою жизнію училища, всецѣло рождаются и отражаются въ его дѣтяхъ. Всякое крестьянское дитя, поступая въ училище, входитъ въ новый, невѣдомый ему міръ, беретъ книгу — вещь для него новую и мудреную; самое же ученіе требуетъ сдержанности и сосредоточенности внутреннихъ силъ, — такой дѣятельности, къ какой оно еще не было приготовлено. А инородческій ребенокъ что̀ долженъ испытать и вынести, поступая въ училище, гдѣ встрѣчаетъ все ему чужое, и русскую книгу, и русскую рѣчь, и русскаго учителя? Какъ же сблизить и примирить особенно инородческаго ребенка съ русскимъ училищемъ и ученіемъ? И здѣсь надобно сдѣлать снисхожденіе и уступку инородческому ребенку,

его нѣжной и дикой природѣ, его вольной свободѣ, къ которой пріучили его семья и общество. Поступающій въ училище инородческій мальчикъ пусть останется тутъ, какъ онъ есть и какимъ онъ бываетъ дома: въ той же одеждѣ, съ тою же рѣчью, даже со всѣми грубыми пріемами. И въ самой неволѣ ученія онъ почувствуетъ себя легко и свободно, сохранитъ всю живость и воспріимчивость, нравственно настроится и укрѣпится такъ, что безъ робости примется за книгу и охотно станетъ учиться. И вообще всѣми зависящими отъ насъ мѣрами мы должны привлечь особенно инородческихъ дѣтей въ училище, усадить за книгу, расположить къ ученію, и притомъ самое ученіе передать имъ такъ, чтобы оно принято было сердцемъ, усвоено душою и, какъ говорится, обратилось въ плоть и кровь. Христіанское ученіе, всегда живое и дѣйственное, принятое инородческими дѣтьми сознательно, въ свое время воздѣйствуетъ въ нихъ плодотворно, сдѣлаетъ ихъ умными и добрыми, способными на всякое разумное и хорошее дѣло. Опыты прошедшихъ вѣковъ свидѣтельствуютъ, что ученіе христіанское доказало и утвердило свою силу и свою господственную власть надъ человѣкомъ, и нѣтъ сомнѣнія, что и дѣти инородческія, просвѣщенныя свѣтомъ христіанскаго ученія, впослѣдствіи стряхнутъ съ себя все не-христіанское, отбросятъ всѣ пагубныя заблужденія и сдѣлаются истинными христіанами, живыми членами церкви Христовой, и крѣпко примкнутъ къ семьѣ русскаго православнаго народа.

Итакъ, по моему крайнему убѣжденію, необходимо нужно: 1) въ инородческихъ школахъ, при первоначальномъ ученіи инородческихъ дѣтей, ввести ихъ родной языкъ, и для этого 2) открывать смѣшанныя училища для инородцевъ и русскихъ мальчиковъ: дѣти, при своей задушевной откровенности, скоро сблизятся и будутъ лучшими наставниками другъ другу въ разговорной рѣчи; 3) опредѣлять наставниковъ въ инородческія училища православныхъ, знающихъ и русскій языкъ и языкъ своихъ учениковъ, и притомъ отличающихся знаніемъ своего дѣла и особенно благонравіемъ. Такіе наставники будутъ для инородческихъ дѣтей, при изученіи и употребленіи ими русской рѣчи, живою и понятною книгою.

Относительно же введенія русскаго образованія и языка въ среду магометанъ и язычниковъ, мѣры, указанныя особымъ Комитетомъ въ Казани, нельзя не признать правильными. Особенно надобно привлекать дѣтей магометанъ и язычниковъ въ русскія училища, гдѣ они легко и скоро научатся разговорному русскому языку, и на самое христіанское ученіе, которое должно преподаваться въ присутствіи ихъ, будутъ смотрѣть примирительнѣе, и неминуемо убѣдятся въ непогрѣшимости его, а также примкнутъ къ русской народности, тѣсно связанной съ христіанствомъ.

Мнѣніе члена Мамадышскаго училищнаго совѣта Нехотяева. Вопросъ, предложенный на обсужденіе уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ, касается двухъ главныхъ предметовъ: обученія религіи и русскому языку и обученія одному русскому языку. Въ первомъ случаѣ вопросъ этотъ относится исключительно до инородцевъ-христіанъ, во второмъ—онъ можетъ быть примѣнимъ ко всѣмъ инородцамъ, входящимъ въ составъ Русской Имперіи. Очень естественно, что двумъ предметамъ единовременно учить нельзя: или сначала слѣдуетъ изучить языкъ, а потомъ уже Законъ Божій; или, чтобъ дѣти не оставались безъ знакомства съ религіей, учить ихъ на ихъ родномъ, уже знакомомъ имъ языкѣ, который будетъ для нихъ вѣрнѣйшимъ проводникомъ сообщаемыхъ имъ истинъ.—Въ этомъ святомъ дѣлѣ положительный успѣхъ зависитъ отъ силы убѣжденія, дара слова наставляющаго и духовнаго настроенія, или воспріимчивости слушающаго. Религія не обусловливается ничѣмъ, кромѣ глубокой искренней вѣры и теплаго сердечнаго принятія ея истинъ. Вслѣдствіе этого, раскрывая исторію церкви, мы встрѣчаемъ на ея страницахъ сподвижниковъ вѣры, которые, при отсутствіи книжнаго ученія, руководимые наставленіями и святостію жизни другихъ, запечатлѣли жизнь свою глубочайшею преданностію и любовью къ Богу.

На этомъ основаніи, сообразно мнѣнію Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, полагаю вести дѣло религіознаго воспитанія, для инородческихъ училищъ Мамадышскаго уѣзда, посредствомъ краткихъ поученій, на племенномъ нарѣчіи инородцевъ, поученій, которыя обнимали бы собой всѣ важнѣйшіе предметы, входящіе въ составъ понятій о христіанской религіи, присовокупляя къ этому и чтеніе Евангелія на томъ же языкѣ. Подобныя поученія, согласно мнѣнію того же Комитета, не должны обращаться въ обыкновенные уроки, но при этомъ, по моему мнѣнію, нисколько бы не мѣшало время отъ времени провѣрять и удостовѣряться, какъ они усвоиваются и воспринимаются слушателями.

Для слушанія означенныхъ поученій въ среду дѣтей могутъ, по желанію, допускаться и взрослые, съ тѣмъ, чтобы, наравнѣ съ первыми, поучались религіознымъ христіанскимъ истинамъ, которыя для большинства изъ нихъ, не смотря на ихъ православное исповѣданіе, такъ далеки и такъ еще темны.

Эти живыя бесѣды, веденныя языкомъ разговорнымъ, съ знаніемъ дѣла, подкрѣпляемыя пламеннымъ сочувствіемъ къ своему призванію и примѣромъ безукоризненной нравственности, всего легче достигнутъ тѣхъ удовлетворительныхъ результатовъ, которые имѣются въ виду при инйціативѣ нравственно-религіознаго воспитанія. Изложенный пріемъ религіозныхъ бесѣдъ я допускаю до времени усвоенія дѣтьми русскаго языка и грамотности, по знакомствѣ съ

которыми, сообразно программѣ для сельскихъ училищъ, можетъ пополниться положенное знаніе Закона Божія.

Наставникомъ въ религіи, какъ лицо спеціально знающее все, къ ней относящееся, и, по своимъ отношеніямъ, имѣющее болѣе вліянія на своихъ прихожанъ, долженъ быть священникъ, владѣющій вполнѣ языкомъ тѣхъ инородцевъ, которые составляютъ его приходъ. Въ случаѣ же его отсутствія, или болѣзни, замѣняетъ его помощникъ, или особый учитель русскаго языка, который тѣмъ не менѣе долженъ имѣть знакомство, или знаніе инородческаго языка. При этомъ послѣднемъ условіи, школа г. Ильминскаго, заведенная въ Казани, въ которой преподается русскій языкъ, и, вѣроятно, педагогическіе пріемы, вполнѣ можетъ принести огромную пользу, послуживъ разсадникомъ учителей, или помощниковъ для инородческихъ сельскихъ училищъ. По моему мнѣнію, не мѣшало бы, чтобы въ нее поступали дѣти не только старокрещеныхъ Татаръ, но и другихъ племенъ, составляющихъ совокупность инородческаго населенія. При отсутствіи знакомства учителя съ племеннымъ языкомъ, обученіе русскому встрѣтитъ величайшее затрудненіе, а безъ знанія педагогическихъ пріемовъ, какъ уже доказалъ опытъ, дѣло окончательно впередъ не подвинется. Итакъ, положивъ въ основу преподаванія религіи живую, устную рѣчь, я перехожу къ другому вопросу: къ обрусѣнію инородцевъ, или обученію ихъ русскому языку.

Вопросъ этотъ касается до всѣхъ инородцевъ, какъ христіанъ, такъ и не христіанъ, и распадается на двѣ части: обученіе языку разговорному и письменному. Съ первымъ инородцы могли познакомиться изъ практики, изъ сношеній своихъ съ Русскими, а послѣдній исключительно остается достояніемъ школы. Бываютъ случаи, что русская грамотность пріобрѣтается и помимо школы; но эти исключенія въ массѣ инородцевъ составляютъ рѣдкость. Самый разговорный языкъ, достигаемый практическимъ путемъ сообщенія съ Русскими, доступенъ не для всѣхъ инородцевъ и не въ одинаковой степени. Такъ въ Мамадышскомъ уѣздѣ знаніе разговорнаго русскаго языка преимущественно можно встрѣтить въ средѣ Татаръ-магометанъ, занимающихся торговлей и, вслѣдствіе этого, бывающихъ на ярмаркахъ Нижегородской, Мензелинской и другихъ. За ними, въ ихъ же средѣ, въ меньшей степени знакомствомъ съ русскимъ языкомъ владѣютъ живущіе въ деревняхъ, чрезъ которыя идутъ дороги въ Казань и другіе города. На этихъ пунктахъ Русскіе, проѣзжающіе съ какой либо кладью, останавливаются для кормленія лошадей, тутъ же и сами Татары нанимаются съ своими лошадьми подъ извозъ. Достаточное знаніе русскаго языка также отчасти можно встрѣтить между старокрещеными; затѣмъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя удалены отъ трактовъ, знаніе русскаго языка совершенно слабѣетъ и доходитъ дотого, что въ нѣкоторыхъ деревняхъ

очень немногие могутъ сколько нибудь говорить по-русски. Вообще классъ инородцевъ, занимающійся преимущественно земледѣліемъ, или владѣетъ русскимъ языкомъ чрезвычайно плохо, или, въ большинствѣ, окончательно его не знаетъ. Что-жь касается до женскаго пола и дѣтей, какъ Татаръ-магометанъ, такъ и другихъ инородцевъ, населяющихъ Мамадышскій уѣздъ, то можно сказать положительно, что знаніе между ними русскаго языка составляетъ чрезвычайно рѣдкое явленіе. Вслѣдствіе этого инородческому училищу въ Мамадышскомъ уѣздѣ предстоитъ обязанность учить дѣтей, вмѣстѣ съ чтеніемъ и письмомъ, и языку разговорному.

Насколько важно и необходимо знаніе русскаго языка для инородцевъ, какъ языка господствующаго въ государствѣ, считаю говорить излишнимъ; достаточно сказать только то, что объединеніе и полное обрусѣніе инородцевъ никакъ немыслимо безъ усвоенія ими русскаго языка, и что языкъ этотъ, какъ языкъ націи образованной, имѣющій богатый матеріалъ по всѣмъ отраслямъ человѣческихъ знаній и могущій въ будущемъ послужить средствомъ для дальнѣйшаго развитія духовной стороны инородцевъ, въ настоящее время долженъ служить имъ первой ступенью къ русской цивилизаціи. Несправедливо было бы, давъ имъ нѣкоторыя понятія о религіи (говоря о христіанахъ) на ихъ родномъ, бѣднѣйшемъ языкѣ, не дать имъ средствъ къ болѣе обширному и всестороннему развитію, и лишить ихъ общечеловѣческаго достоянія— интересовъ науки.

Трудность усвоенія разговорнаго русскаго языка даже людьми образованныхъ націй, со стороны инородцевъ, населяющихъ Мамадышскій уѣздъ, требуетъ сосредоточеннаго и полнаго вниманія въ школѣ. Удовлетворительное изученіе русскаго языка не можетъ быть ограничено короткимъ временемъ. Если принять курсъ инородческихъ училищъ въ 4 года, что́ уже въ глазахъ родителей, нуждающихся въ своихъ дѣтяхъ, какъ ближайшихъ помощникахъ ихъ домашнихъ занятій, покажется очень долгимъ, то и этого мало, а между тѣмъ исключивъ изъ этого мѣсяцы, посвящаемые полевымъ работамъ, съ мая по октябрь, курсъ будетъ имѣть только 2 года и 4 мѣсяца, за исключеніемъ же воскресныхъ и праздничныхъ дней и того менѣе.

Въ такое короткое время, принявъ инціативу обученія инородцевъ на ихъ родномъ языкѣ, трудно ожидать успѣховъ въ изученіи русскаго языка, а вѣрнѣе можно предположить, что онъ останется на заднемъ планѣ. Къ тому же я вовсе не нахожу никакого препятствія начинать ученіе прямо съ русскаго языка, тѣмъ болѣе, что видѣлъ дѣтей инородцевъ, бойкихъ, понятливыхъ мальчиковъ, съ охотой принимающихся за русскій букварь. Если же первоначальный процессъ ученія чтенію для дѣтей не легокъ, въ особенности при неумѣньѣ педагога взяться за это дѣло, то это будетъ одинаково для всѣхъ

языковъ. Сверхъ того, впродолженіе моей службы въ Мамадышѣ, посѣщая сельскія инородческія училища, состоявшія въ вѣдомствѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ, я нерѣдко находилъ, что обучающіяся въ нихъ дѣти знакомились съ чтеніемъ и письмомъ безъ особеннаго затрудненія. Постоянная же несостоятельность ихъ выказывалась въ знаніи русскаго языка и его пониманіи, а вслѣдствіе этого, какъ и въ таковыхъ же училищахъ Буинскаго уѣзда, механическое, господствовало ни къ чему не ведущее, заучиваніе молитвъ и начатковъ христіанскаго ученія. Знакомство съ русскимъ языкомъ дѣтей требовало отъ наставника особеннаго труда и вмѣстѣ не менѣе раціональной педагогической подготовки, а между тѣмъ, не говоря о неприсущности послѣдняго, наставники, исключительно почти священники, нерѣдко отвлекаемые требами своихъ приходовъ, не могли всецѣло посвятить себя на служеніе школѣ и достигнуть въ ней тѣхъ удовлетворительныхъ результатовъ, достиженіе которыхъ для другаго свободнаго дѣятеля, не связаннаго посторонними обязанностями, было бы и доступнѣе и легче. Къ этой невыдержкѣ со стороны наставниковъ, необходимо принять еще въ соображеніе чрезвычайную апатичность къ училищамъ со стороны родителей, большинство которыхъ вовсе не проникнуто пользой ученія; каждый старается только о томъ, что нельзя ли сына его освободить отъ школы, и, въ большинствѣ случаевъ, не только дѣти инородцевъ, но и Русскихъ являются въ школу по требованію волостныхъ правленій. Отсюда истекаетъ чрезвычайное упущеніе классовъ, отсюда же истекаетъ и то, что многія дѣти числятся лишь по списку, а въ школу окончательно не ходятъ. Въ подтвержденіе этого факта я могъ бы приложить при этомъ, для очевидности, вѣдомость о четырехъ инородческихъ училищахъ съ цифрой учащихся за послѣднія 10 лѣтъ. Вотъ тѣ основныя причины, которыя тормозятъ наши сельскія не только инородческія, но и русскія школы. Съ устраненіемъ ихъ, дѣло обученія пошло бы иначе, и наша русская *народная рѣчь* давно бы овладѣла языкомъ инородца! Будемъ надѣяться, что наши уѣздные училищные совѣты своими заботами проложатъ новый, болѣе раціональный путь сельскимъ школамъ и дадутъ имъ способы искупить тѣ недостатки, которыми они страдаютъ въ настоящее время. Итакъ, вслѣдствіе всего изложеннаго, я нахожу необходимымъ и нисколько не затруднительнымъ, согласно мнѣнію Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, съ перваго же періода, сообразно предлагаемому имъ способу, ввести въ инородческихъ училищахъ обученіе русскому языку, употребляя при этомъ мѣстное инородческое нарѣчіе, какъ средство для достиженія въ немъ успѣховъ.

Что-жъ касается до обученія русскому языку Татаръ-магометанъ, то я полагаю:

1. Допустить желающихъ изъ нихъ учиться по-русски въ инородческія

школы, гдѣ они, при посредствѣ инородческаго языка, наравнѣ съ другими дѣтьми, могутъ усвоивать и русскій языкъ, освободя ихъ, конечно, отъ слушанія христіанскаго закона.

2. Испросить согласія Казанскаго татарскаго общества, какъ главнаго представителя этого элемента, населяющаго Казанскую губернію и могущаго служить для другихъ ихъ единовѣрцевъ примѣромъ, на открытіе въ г. Казани, предполагаемаго господиномъ попечителемъ Казанскаго Учебнаго Округа, магометанскаго училища съ русскимъ языкомъ, въ видахъ административныхъ и комерческихъ сношеній, предоставя въ немъ право обученія магометанской религіи одному изъ муллъ.

3. При возможности открытія означеннаго училища, оканчивающимъ курсъ съ успѣхомъ испросить у правительства какія либо привиллегіи, или льготы, и изъ числа ихъ назначать учителями русскаго языка въ сельскія магометанскія училища, могущія открываться въ болѣе значительныхъ пунктахъ.

4. Подобнымъ учителямъ назначать содержаніе сообразно находимымъ успѣхамъ по русскому языку въ школахъ, имѣющихъ по означенному предмету находиться въ завѣдываніи русской инспекціи и, взаключеніе,

5. Сообразно мнѣнію г. профессора С.-Петербургскаго университета Григорьева, считаю вѣрнымъ рекомендуемое имъ средство для проведенія знанія русскаго языка въ магометанскую духовную іерархію.

Отзывъ преосвященнаго Антонія, архіепископа Казанскаго и Свіяжскаго. Преосвященный сообщилъ, что онъ видѣлъ: 1) Казанскую школу для дѣтей крещеныхъ Татаръ; 2) при обозрѣніи имъ Казанской епархіи, двѣ школы, устроенныя по образцу Казанской, и 3) одну школу чувашскую и восемь черемисскихъ, устроенныя по системѣ г. Золотницкаго, т. е., съ первоначальнымъ обученіемъ на родномъ языкѣ, и вездѣ находилъ усердіе воспитанниковъ къ ученію, сознательное чтеніе, одушевленное пѣніе православныхъ молитвъ не только на родныхъ нарѣчіяхъ, но и на церковно-славянскомъ языкѣ, любовь къ православной вѣрѣ и духовнымъ ея представителямъ.

Казанскій губернскій училищный совѣтъ, обсудивъ факты и доводы, заключающіеся въ протоколахъ уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ, опираясь на отзывъ преосвященнѣйшаго архіепископа Антонія и имѣя, наконецъ, въ виду какъ религіозное состояніе инородцевъ, такъ и успѣхъ заведенныхъ для ихъ образованія школъ по системѣ, приписываемой гг. Ильминскому и Золотницкому, пришелъ къ слѣдующему заключенію: главная цѣль народныхъ училищъ, указанная въ Высочайше утвержденномъ Положеніи о нихъ, есть религіозно-нравственное образованіе народа. Въ отношеніи инородцевъ Казанскаго края, по

особымъ извѣстнымъ его обстоятельствамъ, эта цѣль получаетъ особенно важное значеніе и къ ней нужно первѣе и преимущественнѣе стремиться, нежели къ обрусѣнію, хотя въ то же время имѣется въ виду и послѣднее, потому что за утвержденіемъ инородцевъ въ православной вѣрѣ, чрезъ религіозное единомысліе ихъ съ русскимъ народомъ, необходимо послѣдуетъ усвоеніе ими русскаго языка и русской народности, а напротивъ, усвоеніе русскаго языка нельзя сказать, чтобы непремѣнно вело къ христіанской вѣрѣ и даже къ нравственному и прочному сродненію съ русскимъ народомъ. Въ виду магометанскаго вліянія на крещеныхъ Татаръ и даже на другихъ инородцевъ, нужно употребить такіе образовательные пріемы и способы, которые бы скорѣе и шире распространили христіанское образованіе и сознательную любовь къ христіанству въ массѣ инородческаго населенія, а для сего нужно, чтобы эти способы привлекали большее число учащихся, удобнѣе и скорѣе усвоивали имъ христіанскія понятія и чрезъ учащихся вводили бы эти понятія въ среду инородцевъ. Обсудивши съ этой точки зрѣнія положенія объ инородческомъ образованіи, изображенныя въ журналѣ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія отъ 27 февраля 1867 года, Казанскій губернскій училищный совѣтъ полагаетъ: 1) родные языки инородческихъ воспитанниковъ поставить въ основное орудіе образованія нетолько въ видѣ устнаго объясненія уроковъ, какъ предполагаетъ Ученый Комитетъ, но и въ видѣ учебныхъ руководствъ. 2) Нравственное превосходство и сила христіанскаго ученія, раскрытая для инородцевъ въ изложеніи на ихъ родномъ языкѣ, повлечетъ инородцевъ къ школамъ, въ которыхъ будетъ сообщаться ученикамъ религіозное ученіе и направленіе. Поэтому отвергается принудительный наборъ въ инородческія училища (какъ полагаетъ и Ученый Комитетъ); но въ распредѣленіи учебнаго времени нельзя не примѣниться нетолько къ общимъ полевымъ работамъ (пун. 5 журнала Ученаго Комитета), но даже не снизойдти къ домашнимъ обстоятельствамъ того или другаго инородческаго семейства. А потому, пока стремленіе къ христіанскому образованію не достигнетъ нормальной степени въ инородческой массѣ, не должно стѣснять инородцевъ ни опредѣленнымъ срокомъ поступленія въ школу и отлучекъ изъ нея, ни непремѣннымъ, формально-постановленнымъ многолѣтнимъ курсомъ ученія въ школѣ. Чѣмъ опредѣлительнѣе будутъ постановлены нормальные сроки, тѣмъ меньшее число учащихся будетъ въ состояніи подчиниться этимъ срокамъ. Пусть инородцы на первый разъ учатся въ школахъ, кто сколько и когда можетъ. 3) Учебный планъ, предначертанный Ученымъ Комитетомъ въ пунктахъ 3 и 4, неудобенъ, особенно первый, приготовительный періодъ: а) для успѣшнаго выполненія его совѣтъ не имѣетъ въ виду достаточнаго числа учителей: русскіе педагоги не знаютъ по-инородчески въ такой мѣрѣ, чтобы въ свободной и увлекательной рѣчи пред-

лагать инородческимъ дѣтямъ христіанское ученіе, даже чтобы удовлетворительно вести умное наглядное обученіе русскому языку; инородцы же не имѣютъ для сего достаточнаго образованія. б) Устныя поученія неспособны будутъ прочно укоренить въ сердцѣ и ясно отразить въ мысляхъ инородческихъ дѣтей христіанское ученіе, для нихъ вообще чуждое и неизвѣстное. Для прочнаго укорененія въ умѣ и сердцѣ новыхъ понятій, необходимо продолжительное и повторительное воздѣйствіе этихъ понятій. Въ Казанской, напр., школѣ для дѣтей крещенныхъ Татаръ христіанскія понятія опредѣлительно формулированы въ переводныхъ книгахъ и такимъ образомъ чтеніе этихъ книгъ содѣйствуетъ памятованію и устныхъ наставленій, которыя укореняются въ сердцѣ дѣтей чрезъ пѣніе христіанскихъ молитвъ и церковныхъ пѣсней на татарскомъ языкѣ. в) Устное только и очень продолжительное обученіе русскому языку, безъ обученія въ то же время чтенію и письму, утомитъ учениковъ, а ихъ родителямъ покажется пустою тратою времени, потому что вообще простолюдины могутъ судить объ успѣхахъ ученія по нагляднымъ и осязательнымъ фактамъ, къ числу которыхъ они не съумѣютъ отнести умственнаго развитія. г) Трудно предположить, чтобы даже въ двухгодичный срокъ инородческія дѣти достаточно обучились русскому языку. Чужому языку скорѣе можно выучиться тогда, когда учащійся постоянно находится въ кругу людей, говорящихъ этимъ языкомъ, т. е., когда онъ постоянно только его слышитъ и на немъ старается объясняться. Но ученики въ инородческихъ школахъ естественно будутъ чаще говорить между собою посвоему, посвящая русскому языку только учебные часы. д) По плану Ученаго Комитета инородческій ученикъ тогда только можетъ передавать своимъ единоплеменникамъ христіанскія понятія, когда уже съ успѣхомъ окончитъ 4-годичный курсъ. Раньше этого времени онъ нисколько къ этой передачѣ не способенъ. Теперь же ученики, напр. Казанской школы, лишь только выучатся порядочно читать и пѣть,—могутъ предлагать своимъ единоплеменникамъ христіанское чтеніе и пѣніе. Притомъ опытъ показалъ, что инородцы, учившіеся прямо по-русски, не умѣютъ ничего передавать на своемъ родномъ языкѣ толково. е) По тому же плану Ученаго Комитета, если воспитанникъ, по какимъ либо обстоятельствамъ, выйдетъ изъ школы раньше 4-хъ лѣтъ, чрезъ годъ, напр., или два года, то все ученіе его пропадетъ безслѣдно, ему придется въ средѣ инородческой окончательно забыть русскій языкъ и христіанскія впечатлѣнія, полученныя въ школѣ, но не укоренившіяся въ немъ. Книги на родномъ языкѣ, напротивъ, будутъ постоянно напоминать ученіе, если учащійся умѣетъ читать. ж) Инородческія дѣвицы рѣшительно не могутъ учиться въ томъ порядкѣ, какъ Ученый Комитетъ полагаетъ, да имъ, въ настоящее время, нестолько нуженъ русскій языкъ, сколько христіанское образованіе. 4) Такъ какъ главное орудіе ко внесенію въ ино-

родческую среду христіанско-русскаго образованія составляютъ книги на родныхъ языкахъ, то чѣмъ больше будетъ издано такихъ книгъ, тѣмъ сильнѣе подвинутъ онѣ христіанское просвѣщеніе массы инородческаго населенія. Это можно сказать въ отношеніи преимущественно Татаръ. Нельзя не привести при этомъ того практическаго замѣчанія, что магометане все нравоучительное и божественное обыкновенно полагаютъ только въ своихъ книгахъ, вовсе не подозрѣвая въ русскихъ книгахъ религіознаго содержанія; когда они слышатъ Русскаго, ведущаго назидательную бесѣду, то приписываютъ это знакомству съ магометанскими книгами; поэтому весьма полезно такому предубѣжденію противопоставить книги, именно переложенныя съ русскаго языка. 5) Такъ какъ Высочайше утвержденнымъ въ 18 день марта сего года опредѣленіемъ Святѣйшаго Сунода предоставлено совѣту Казанскаго братства св. Гурія право издавать на мѣстныхъ инородческихъ нарѣчіяхъ, подъ собственною цензурою, православно-вѣроучительныя и религіозно-нравственныя книги, а съ другой стороны, распоряженіемъ Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, на губернскіе училищные совѣты возложена обязанность разсматривать и право допускать къ употребленію въ начальныхъ училищахъ учебныя книги и руководства, не бывшія въ разсмотрѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія, или православно-духовнаго вѣдомства, то нѣтъ необходимости обременять упомянутыя высшія начальства особымъ разсмотрѣніемъ изданій на инородческихъ нарѣчіяхъ. 6) Ближайшее и постоянное наблюденіе за инородческими школами возложить на мѣстныхъ священниковъ, но, для общаго направленія инородческихъ чувашско-черемисскихъ школъ и для вполнѣ цѣлесообразной ихъ постановки, нужно предоставить опредѣленныя полномочія инспектору чувашскихъ школъ, а въ отношеніи къ крещено-татарскимъ школамъ—Казанской центральной крещено-татарской школѣ. Учителями же должны быть преимущественно инородцы, отличающіеся твердымъ религіозно-нравственнымъ направленіемъ, такъ какъ единоплеменные учители всего удобнѣе могутъ привлечь къ себѣ и къ своей школѣ довѣріе и сочувствіе инородцевъ. 7) По тому, опытомъ дознанному, закону, что чѣмъ болѣе обрусѣетъ инородческій воспитанникъ, тѣмъ онъ дальше расходится съ своимъ племенемъ и тѣмъ менѣе, слѣдовательно, способенъ бываетъ дѣйствовать на массу своего племени, совѣтъ не полагаетъ въ началѣ особенно желательнымъ совершенное и по языку обрусѣніе воспитанниковъ инородческихъ школъ, имѣя въ виду не сліяніе съ Русскими отдѣльныхъ личностей, а постепенное сближеніе съ русскимъ народомъ цѣлой массы инородческихъ племенъ. Поэтому-то и необходимо какъ можно скорѣе и шире ввести въ сію массу христіанско-русскія понятія посредствомъ родныхъ языковъ. 8) Полагая на первомъ планѣ заботу о христіанскомъ образованіи крещеныхъ инородцевъ, Казанскій губернскій училищный совѣтъ не видитъ безотложной надобности

въ особыхъ заведеніяхъ для русскаго образованія магометанскихъ дѣтей, полагая, что они могутъ обучаться въ русскихъ училищахъ, для привлеченія въ которыя имъ можно бы даже предоставить нѣкоторыя льготы по отношенію къ предметамъ ученія и т. п.

Выписка изъ журнала Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, 5 февраля 1868 года (№ 192).

Въ засѣданіи Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, 5-го февраля 1868 года, *слушали* (ст. II): а) представленіе г. попечителя Казанскаго учебнаго округа, отъ 14-го октября 1867 г. за № 348, по вопросу о *мѣрахъ для обученія дѣтей изъ Черемисъ русскому языку съ цѣлію поставить ихъ въ возможность проходить съ надлежащимъ успѣхомъ курсъ ученія въ православныхъ семинаріяхъ*, и б) записку г. члена Ученаго Комитета *Георгіевскаго*, заключающую въ себѣ, во-первыхъ, изложеніе сущности мнѣній особой коммиссіи, которая была составлена въ Казани для разсмотрѣнія и разрѣшенія помянутаго вопроса, и, во-вторыхъ, замѣчанія на предложенныя коммиссіею мѣры. Ученый Комитетъ согласился со всѣми замѣчаніями г. Георгіевскаго, за исключеніемъ лишь той части записки его, гдѣ говорится вообще относительно постановки русскаго языка и инородческихъ нарѣчій въ инородческихъ школахъ. «Ученый Комитетъ, сказано въ запискѣ, полагалъ, «что инородческими нарѣчіями слѣдуетъ пользоваться только какъ *вспомога-«тельнымъ орудіемъ*, а учить слѣдуетъ: русскому языку,—который и долженъ «стать при первой возможности языкомъ учебнымъ, — и русской грамотѣ, какъ «единственно пригодной для всѣхъ возможныхъ цѣлей, а въ Казани господ-«ствуетъ мнѣніе, что надобно учить грамотѣ, нарочно для этого созданной, — «чувашской, черемисской и т. д., и возвести эти нарѣчія на степень не вспомо-«гательнаго только орудія, а главныхъ учебныхъ языковъ въ инородческихъ «школахъ. Мнѣніе Комитета имѣетъ за себя законъ о языкѣ начальныхъ народ-«ныхъ училищъ и, сверхъ того, вполнѣ удавшіеся опыты въ этомъ дѣлѣ просвѣ-«щеннѣйшихъ народовъ Европы; но, съ другой стороны, мнѣніе почтенныхъ «дѣятелей Казанскаго округа заслуживаетъ уваженія въ томъ отношеніи, что «усердіе ихъ къ дѣлу не подлежитъ сомнѣнію и что имъ предстоитъ осущест-

«вленіе тѣхъ или другихъ предположеній. Единственное, согласное съ пользою «дѣла, рѣшеніе этого вопроса, какъ кажется, могло бы состоять въ томъ, что-«бы Министерство, не измѣняя нисколько закона, предоставило окружному Ка-«занскому начальству возможность произвести, подъ собственною его отвѣтствен-«ностью, предполагаемые имъ опыты въ дѣлѣ образованія инородцевъ, — но въ «предѣлахъ, въ которыхъ П. Д. Шестаковъ, повидимому, готовъ былъ дер-«жаться прежде, и не упуская изъ вида опредѣленій Ученаго Комитета. Про-«изводство новыхъ педагогическихъ опытовъ на казенный счетъ, безъ сомнѣнія, «представляетъ большія неудобства; но такъ какъ дѣло образованія инородцевъ «у насъ еще новое и не испытанное, то затрата нѣкоторой денежной суммы на «производство въ немъ опытовъ можетъ быть не безъ пользы допущена. Для «общихъ же мѣръ и узаконеній по указанному спорному вопросу наступитъ «время лишь тогда, когда означенные опыты дадутъ тѣ или другіе результаты». Ученый Комитетъ позволяетъ себѣ выразить сомнѣніе въ успѣшности результатовъ подобныхъ опытовъ если не въ дѣлѣ образованія инородцевъ вообще, то въ дѣлѣ обрусѣнія ихъ; что же касается разрѣшенія категорически поставленнаго Министерствомъ вопроса — «о мѣрахъ для обученія дѣтей изъ Черемисъ русскому языку, съ цѣлію поставить ихъ въ возможность проходить съ «надлежащимъ успѣхомъ курсъ ученія въ православныхъ семинаріяхъ», то, по мнѣнію Ученаго Комитета, къ практическому рѣшенію этого вопроса положительно нельзя будетъ придти путемъ опытовъ, допускаемыхъ г. Георгіевскимъ, согласно съ предположеніемъ Казанской коммиссіи.

Опредѣлено: Заключеніе Ученаго Комитета представить на благоусмотрѣніе Г. Министра Народнаго Просвѣщенія.

Представленіе Г. Министру Народнаго Просвѣщенія г. попечителя Казанскаго учебнаго округа (отъ 13 октября 1867 г. за № 348).

Вслѣдствіе предложенія Вашего Сіятельства, отъ 24-го іюня 1867 года за № 4,835, «для подробнаго и всесторонняго разсмотрѣнія и обсужденія вопроса «о мѣрахъ *для обученія дѣтей изъ Черемисъ русскому языку* съ цѣлію по-«ставить ихъ въ возможность проходить съ надлежащимъ успѣхомъ курсъ уче-«нія въ *православныхъ семинаріяхъ*, дабы чрезъ то они могли вполнѣ при-«готовиться для вступленія въ духовное званіе», составлена была подъ моимъ предсѣдательствомъ особая коммиссія изъ профессора университета г. Ильминскаго, баккалавра Казанской духовной академіи г. Малова, инспектора чувашскихъ школъ г. Золотницкаго; членами въ эту коммиссію я пригласилъ основа-

тельно знающихъ черемисскій языкъ и хорошо знакомыхъ съ бытомъ Черемисъ: священника Казанской губерніи Козьмодемьянскаго уѣзда, села Малаго Сундыря, Михаила Рождественскаго, который родился среди черемисскаго населенія и много лѣтъ священствуетъ въ черемисскомъ приходѣ, и профессора черемисскаго языка Вятской семинаріи г. Филимонова, который, кромѣ знанія черемисскаго языка и быта, былъ особенно полезенъ коммиссіи тѣмъ, что могъ сообщить самыя вѣрныя свѣдѣнія о ходѣ образованія черемисскихъ мальчиковъ въ Вятской семинаріи. Благодаря обязательности преосвященныхъ: Казанскаго — архіепископа Антонія, и Вятскаго — епископа Аполлоса, священникъ Рождественскій и профессоръ Вятской семинаріи Филимоновъ были командированы въ Казань для участія въ коммиссіи.

Представляя при семъ на благоусмотрѣніе Вашего Сіятельства результатъ общихъ трудовъ, протоколъ коммиссіи, изъ котораго Вы изволите усмотрѣть, что коммиссія, по основательномъ обсужденіи предложеннаго ей важнаго вопроса, пришла къ тому заключенію, что *приготовленіе черемисскихъ* дѣтей къ духовному званію въ семинаріяхъ не можетъ принести желанныхъ результатовъ; что въ отношеніи какъ къ Черемисамъ, такъ и къ другимъ инородцамъ желательно принять одну опредѣленную и выясненную въ протоколѣ систему образованія путемъ *особыхъ школъ*, для нихъ приноровленныхъ, и что на Черемисъ, также какъ и на другихъ инородцевъ, полезно распространить указъ Св. Синода, въ которомъ изложено, чего должно требовать отъ инородцевъ для удостоенія ихъ священническаго сана, почитаю долгомъ присовокупить, что я вполнѣ раздѣляю мнѣніе коммиссіи и, въ виду неотложной необходимости припятія раціональныхъ мѣръ для духовнаго просвѣщенія и обрусѣнія Черемисъ, полагаю возможнымъ расходъ на вознагражденіе лицъ, которыя примутъ на себя обязанность обучать черемисскихъ дѣтей въ школахъ, для нихъ устроенныхъ, отнести на счетъ 3,000 руб., назначенныхъ, по § 10-му ст. 2. смѣты на 1867 годъ, въ распоряженіе управленія Казанскаго учебнаго округа, на приготовленіе учителей для народныхъ училищъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы дана была возможность окончить курсъ въ Казанскихъ педагогическихъ курсахъ тѣмъ стипендіатамъ, которые въ настоящее время готовятся въ нихъ въ учителя начальныхъ школъ.

При этомъ почитаю долгомъ представить благосклонному вниманію Вашего Сіятельства нѣкоторыя личныя мои соображенія по черемисскому вопросу.

Вникая въ бытъ Черемисъ, нельзя не замѣтить, что въ массѣ ихъ еще сильны языческія преданія и суевѣрія, еще сильнымъ пользуются вліяніемъ карты (жрецы), которые, ради собственныхъ выгодъ, конечно, противодѣйствуютъ утвержденію и распространенію христіанской вѣры между своими соплеменниками. По убѣжденію язычествующихъ Черемисъ, «вѣры всѣ угодны Богу,

«а потому перемѣна вѣры есть преступленіе, которое не останется безъ наказа-нія»; «дѣды и отцы ихъ съ клятвою завѣщали соблюдать всѣ обряды и почи-«тать боговъ, иначе Черемисы должны погибнуть». Понятно отсюда изреченіе Черемисъ: «нашу вѣру кончать, насъ кончать», т. е., съ перемѣною вѣры погибнетъ наше племя. Это убѣжденіе держится, къ сожалѣнію, и въ крещеныхъ Черемисахъ, и они, наружно исполняя христіанскіе обряды, не прочь отъ языческихъ жертвоприношеній Юмѣ (благому существу) и Кереметя (злому существу). Въ описаніи быта Черемисъ Вятской губерніи встрѣчается неутѣшительная картина ихъ христіанскаго настроенія: «многіе изъ крещеныхъ Черемисъ «не знаютъ ни одной молитвы, нѣкоторые не умѣютъ даже хорошо перекреститься. Рѣдкій имѣетъ на себѣ крестъ, постовъ не соблюдаютъ, на исповѣдь хо-«дятъ года черезъ два и болѣе, и то по принужденію мѣстнаго начальства». Грустные примѣры сохраненія языческихъ обрядовъ между крещеными Черемисами нерѣдки и въ Казанской губерніи; но здѣсь утѣшительнымъ явленіемъ представляется замѣтное духовное движеніе Черемисъ: въ средѣ ихъ являются люди, душевно-преданные христіанской религіи и оказывающіе благотворное вліяніе на своихъ соплеменниковъ. На этихъ-то людей слѣдуетъ обратить особенное вниманіе; изъ нихъ могутъ образоваться хорошіе учители-миссіонеры. Образованіе Черемисъ и Черемисокъ путемъ раціонально устроенныхъ школъ есть самый вѣрный и надежный путь для ихъ развитія, для искорененія въ нихъ языческихъ убѣжденій, для ихъ духовнаго просвѣщенія въ духѣ православной вѣры и для ихъ обрусѣнія. Вмѣстѣ со школами должна идти, по моему мнѣнію, понятная народу, сердечная проповѣдь слова Божія на черемисскомъ языкѣ въ церквахъ и смягченіе еще мало-расположенныхъ къ христіанской религіи сердецъ Черемисъ церковными пѣснопѣніями на черемисскомъ языкѣ. Пѣніе на ихъ родномъ языкѣ въ церкви привлечетъ ихъ въ храмы Божіи, растворитъ ихъ сердца къ воспріятію божественныхъ истинъ религіи, провозвѣщаемыхъ имъ съ церковной каѳедры тоже на ихъ родномъ языкѣ; а первоначальное образованіе дѣтей на черемисскомъ языкѣ на глазахъ родителей будетъ способствовать къ уничтоженію предубѣжденія противъ русской школы, а это послужитъ значительнымъ шагомъ впередъ къ ихъ образованію и обрусѣнію. Послѣднему много будетъ способствовать неимѣніе у Черемисъ азбуки, а слѣдовательно и письменности, и вытекающая отсюда необходимость употребленія *русской азбуки*, для передачи на письмѣ черемисскихъ звуковъ. Препятствующей обрусѣнію *татарской пропаганды* у Черемисъ опасаться нечего, потому что въ нихъ замѣтны ненависть и презрѣніе къ Татарамъ, порожденныя долговременнымъ надъ ними тяжкимъ татарскимъ игомъ.

До того времени, пока образуются *священники изъ Черемисъ*, слѣдуетъ обратить вниманіе на приготовленіе *священнослужителей въ черемисскіе*

приходы изъ Русскихъ, особенно священническихъ, діаконскихъ и причетническихъ сыновей, которые, подобно о. Рождественскому, съ колыбели жили среди Черемисъ и потому ознакомились и съ ихъ языкомъ, и съ ихъ бытомъ. При приготовленіи такихъ лицъ въ православныхъ семинаріяхъ, необходимо обратить особенное вниманіе на основательное изложеніе и опроверженіе *черемисскихъ религіозныхъ заблужденій, суевѣрій, обрядовъ* и пр. Полезно было бы, мнѣ кажется, назначить премію составителю подобнаго руководства для священниковъ черемисскихъ приходовъ: лицъ духовныхъ, обреченныхъ дѣйствовать въ средѣ, пропитанной до мозга костей язычествомъ, необходимо выпускать изъ семинаріи во всеоружіи противъ языческой религіи, съ которою они должны бороться. Полезно было бы также изыскать средства для удержанія въ бѣдныхъ черемисскихъ приходахъ достойныхъ и надлежащимъ образомъ подготовленныхъ русскихъ священниковъ; можно бы назначить имъ *лично*, по представленіямъ епархіальныхъ архіереевъ, извѣстное жалованье въ добавокъ къ получаемымъ имъ доходамъ, и часть этого жалованья обращать въ прибавку къ положенной вообще священникамъ пенсіи. Этимъ, мнѣ кажется, предотвратились бы частые переходы священниковъ изъ менѣе доходнаго *черемисскаго* прихода въ болѣе доходный *русскій*.

Протоколъ особой Казанской Коммиссіи.

Коммиссія, составленная въ исполненіе предписанія Его Сіятельства Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, отъ 24 іюня 1867 г. (№ 4,835), подъ предсѣдательствомъ попечителя Казанскаго учебнаго округа, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Шестакова, изъ священника Козмодемьянскаго уѣзда, села Малаго Сундыря, Михаила Рождественскаго, профессора Вятской духовной семинаріи Александра Филимонова, профессора Императорскаго Казанскаго университета Николая Ильминскаго, баккалавра Казанской духовной академіи Малова и инспектора чувашскихъ школъ Николая Золотницкаго, въ засѣданіяхъ своихъ, въ октябрѣ мѣсяцѣ 1867 года, обсуждала вопросъ о мѣрахъ *для обученія дѣтей изъ Черемисъ русскому языку*, съ цѣлію поставить ихъ въ возможность проходить съ надлежащимъ успѣхомъ курсъ ученія въ православныхъ семинаріяхъ, дабы чрезъ то они могли вполнѣ приготовиться для вступленія *въ духовное званіе*.

Для правильнаго рѣшенія предложеннаго вопроса, коммиссія признала не-

обходимымъ внимательно и исторически прослѣдить способъ приготовленія къ духовному званію черемисскихъ мальчиковъ въ *Вятской* семинаріи и причины неуспѣшности принятыхъ для того мѣръ.

Въ 1829 году іюля 15 послѣдовало Высочайшее повелѣніе о приготовленіи въ вятскихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ *черемисскихъ дѣтей къ поступленію въ священнослужители въ черемисскіе приходы.* Эта правительственная мѣра вызвана была, безъ сомнѣнія, тѣмъ убѣжденіемъ, что священники изъ природныхъ Черемисъ, съ одной стороны, естественно, могли пользоваться большимъ довѣріемъ у своихъ единоплеменниковъ, а съ другой стороны, зная языкъ, бытъ и складъ понятій своихъ прихожанъ, могли вполнѣ понятнымъ и убѣдительнымъ образомъ предлагать ученіе православной вѣры и искоренять языческія суевѣрія. Вслѣдствіе таковаго Высочайшаго повелѣнія, бывшая коммиссія духовныхъ училищъ начертала особыя правила для образованія въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ Черемисъ, съ указаніемъ числа ихъ, содержанія, способа воспитанія и обученія. Самое же избраніе черемисскихъ дѣтей производилось гражданскимъ начальствомъ при депутатѣ съ духовной стороны. Мальчики выбирались изъ семействъ черемисскихъ крещеныхъ и некрещеныхъ. При Вятскомъ духовномъ училищѣ, въ которомъ собственно начиналось ихъ воспитаніе и обученіе, открыта была *приготовительная школа,* въ которую они могли поступать въ опредѣленное время и въ опредѣленномъ малолѣтнемъ возрастѣ. Въ этой школѣ съ самаго начала былъ ихъ воспитателемъ и учителемъ священникъ Емельяновъ, какъ единственный способный къ тому человѣкъ, который, состоя на діаконской вакансіи при Вятскомъ Спасскомъ соборѣ, могъ исключительно заниматься этою обязанностью. Онъ обучалъ ихъ русскому разговорному языку, Символу Вѣры, молитвамъ, и некрещеныхъ подготовлялъ къ таинству крещенія. (Это было въ первыхъ 30-хъ годахъ.) Помѣщеніемъ для школы служила одна просторная комната въ зданіяхъ духовнаго училища, гдѣ они жили и учились; но нерѣдко наиболѣе дикія черемисскія дѣти помѣщались въ семьѣ причетника Юмина, по происхожденію едва ли не Черемисина, который исправлялъ должность уставщика при училищной церкви и жилъ при училищѣ. Въ школѣ былъ еще особый старшій изъ благонадежныхъ учениковъ высшаго отдѣленія училища. Священникъ Емельяновъ былъ всегда ласковъ съ Черемисами, къ мѣрамъ строгимъ и къ наказаніямъ почти не прибѣгалъ, а причетникъ Юминъ, по своему чистосердечному характеру, замѣнялъ, по разказамъ очевидцевъ, для черемисскихъ дѣтей и мать, и отца. Когда оканчивалось приготовленіе въ школѣ и Черемисы поступали въ первый классъ училища, они уже числились наравнѣ съ дѣтьми духовныхъ дѣйствительными воспитанниками училища, снисходительно (однакожъ по испытанію) переводились въ слѣдующіе классы. Съ перваго класса они жи-

ли уже вмѣстѣ съ русскими казеннокоштными воспитанниками въ нумерахъ. Обученіе и воспитаніе для нихъ было нѣсколько иное, чѣмъ для русскихъ воспитанниковъ. Къ Черемисамъ были всѣ снисходительны, въ то время, какъ за малоуспѣшность, великовозрастіе, нескромныя шалости, за куреніе табаку, даже за дерзкія дѣтскія рѣчи исключали изъ училища *русскихъ* воспитанниковъ, съ свидѣтельствомъ о худомъ ихъ поведеніи, не взирая на самое малолѣтство бурсаковъ-сиротъ и безпомощность, въ какой оставались они по исключеніи. Каждому порознь черемисскому воспитаннику оказывалось большее передъ русскими бурсаками вниманіе и въ томъ, что не только одни сюртуки, которые получали и русскіе бурсаки, но (чего по скудости средствъ нельзя было назначать для всѣхъ казеннокоштныхъ), и бѣлье, платки, галстухи, фуражки, а въ зиму байковые азямы выдавались Черемисамъ исправно; на нихъ ассигновалась особая сумма. Черемисскіе воспитанники были приняты въ домахъ крестныхъ своихъ отцовъ и матерей, въ домахъ учителей духовныхъ училищъ и у духовныхъ лицъ вообще. Послѣ изъ училища поступали въ Вятскую семинарію, въ которой они иногда размѣщались по нумерамъ среди русскихъ учениковъ, а иногда помѣщались всѣ вмѣстѣ особо отъ Русскихъ, подъ надзоромъ особаго старшаго; такимъ образомъ мѣстное семинарское начальство при размѣщеніи черемисскихъ мальчиковъ руководилось то необходимостью особаго, отличнаго отъ русскаго веденія ихъ, то желаніемъ, путемъ сожительства съ русскими воспитанниками, скорѣе обрусить Черемисъ. Успѣхи ихъ въ предметахъ какъ семинарскаго курса, такъ и училищнаго, всегда были скудны. Въ семинаріи при нихъ былъ лекторъ-репетиторъ, всегда изъ лучшихъ учениковъ высшаго отдѣленія. Въ лекторы старались назначать по возможности способныхъ и благонадежныхъ людей. При выборѣ лектора иногда спрашивали Черемисъ, кого они сами желали бы имѣть своимъ руководителемъ. Лекторъ нѣкоторое время получалъ и жалованье, 50 руб. ассиг. Онъ долженъ былъ объяснять и сокращать имъ уроки, указывалъ на отношеніе между разными предметами образованія, готовилъ ихъ къ слушанію предстоящихъ лекцій, по временамъ важнѣйшіе уроки изъ богословскихъ наукъ переводилъ на черемисскій языкъ. А впослѣдствіи (съ 1848 г.) ихъ оставили безъ лектора, подчинивъ во всемъ тому порядку, какой существуетъ и для русскихъ воспитанниковъ семинаріи. Въ то же время духовно-учебное правленіе, чрезъ правленіе семинаріи, предписывало всѣмъ наставникамъ преподавать черемисскимъ ученикамъ просто и примѣнительно къ ихъ понятіямъ. Постепенно освобождали ихъ отъ обученія нѣкоторымъ предметамъ: сперва нѣмецкому и французскому языкамъ и математикѣ, а потомъ латинскому и греческому языкамъ. Изъ этого краткаго историческаго обзора видно, что на черемисскихъ мальчиковъ и обращалось должное особое вниманіе, и дѣлались имъ большія снисхожденія.

Но, несмотря на различныя примѣнительныя къ нимъ мѣры и на разныя льготы, успѣхи ихъ, какъ въ училищѣ, такъ и въ семинаріи, были вообще скудны и они переводились изъ класса въ классъ только по снисхожденію къ ихъ *инородческой неразвитости*, но и при этомъ нѣкоторыхъ принуждены были возвращать, какъ окончательно неспособныхъ, въ первобытное состояніе. Всего учившихся въ семинаріи Черемисъ съ 1829 года перебывало до 40 человѣкъ; изъ нихъ окончили курсъ до 20, а священническаго сана удостоены только пять; другіе же опредѣлены въ діаконы и причетники. Впрочемъ, изъ поступившихъ во священники ни объ одномъ неизвѣстно, чтобы онъ имѣлъ особое вліяніе на Черемисъ и содѣйствовалъ достиженію цѣлей, бывшихъ въ виду правительства.

Причину такой малоуспѣшности нельзя полагать исключительно въ дурномъ выборѣ мальчиковъ, якобы больныхъ и недаровитыхъ (хотя нельзя отрицать фактовъ неправильности выбора), и еще менѣе въ природной тупости Черемисъ; но главнымъ образомъ въ томъ, что, во-первыхъ, дѣтей въ очень раннемъ возрастѣ круто отрывали отъ родной семьи и увозили въ чисто русскій городъ, отдаленный отъ ихъ родины на 200—450 верстъ, такъ что инымъ не предстояло даже надежды впродолженіе многихъ лѣтъ видѣться съ родными и единоплеменниками, и ставили ихъ въ совершенно чуждую среду русскую; а во-вторыхъ, изъ патріархальнаго инородческаго быта становили ихъ въ школьное и искусственное положеніе. Отъ этого у нихъ должны были проявляться, во-первыхъ, грустное и апатичное расположеніе, которое съ годами переходило въ отчаяніе и ожесточенное упорство, во-вторыхъ, нелюдимость и необщительность, въ-третьихъ, неохота къ учебнымъ занятіямъ.

Къ причинамъ, приведеннымъ нами, слѣдуетъ присоединить и тѣ, которыя указаны правленіемъ Вятской семинаріи, а именно: «обучившись грамотѣ, «ученики черемисскаго племени еще не могутъ достаточно усвоять общихъ уро«ковъ; они нуждаются въ ученіи частномъ, лично къ каждому изъ нихъ при«способленномъ, что невозможно сдѣлать въ училищѣ при множествѣ учени«ковъ; оставаясь безъ особеннаго руководства, ученики черемисскаго племени, «естественно, не находятъ никакого интереса въ непонятномъ для нихъ ученіи, «и, нимало не развиваясь, болѣе и болѣе тупѣютъ. Хотя эти воспитанники и «уволены отъ изученія недоступныхъ для нихъ латинскаго и греческаго языковъ, «но въ часы, положенные для изученія сихъ предметовъ, они обязаны большею, «частію находиться здѣсь же между своими товарищами, иногда же посылаются «по распоряженію начальства, на другіе предметы, что представляетъ не мало «затрудненій безъ всякой пользы». Изъ всего этого очевидно, что семинарскій курсъ былъ не по силамъ Черемисамъ; и дѣйствительно, по совершенной разности въ законахъ устройства черемисскаго языка сравнительно съ русскимъ

и своеобразіи инородческаго представленія, мышленія и міросозерцанія, черемисскимъ дѣтямъ было весьма трудно и даже, можно сказать, невозможно воспринимать русскія понятія, а тѣмъ болѣе научные предметы. Всѣмъ этимъ обусловливалась такъ называемая природная *тупость* черемисскихъ дѣтей. Эта предполагаемая тупость, приписываемая не только Черемисамъ, но и другимъ инородцамъ—чистое предубѣжденіе и несправедливое нареканіе на инородцевъ. Что между Черемисами находятся личности энергическія, даровитыя, способныя къ горячему усердію къ православной вѣрѣ,—это доказываетъ примѣръ Козмодемьянскихъ Черемисъ, которые почти самоучкой обучились русской церковной грамотѣ и въ своихъ мѣстностяхъ сильно стараются привлечь своихъ одножителей въ храмы Божіи, уничтожить языческіе обряды, пьянство, вразумляютъ ихъ въ истинахъ и правилахъ православной вѣры, и притомъ съ такимъ успѣхомъ, что ихъ вліянію видимо подчиняются суевѣрные блюстители языческой старины. Что касается до извѣстной болѣзни, то она распространена между Черемисами только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, въ другихъ же мѣстностяхъ, какъ напр. въ Козмодемьянскомъ, Чебоксарскомъ, Елабужскомъ и частію въ Уржумскомъ уѣздахъ, Черемисы отличаются здоровымъ и крѣпкимъ сложеніемъ. Болѣзнь въ другихъ мѣстностяхъ, зависящая отъ ихъ нечистоплотности, невоздержности, поддерживается вліяніемъ лѣсной и болотистой почвы. Христіанство, кромѣ духовнаго просвѣщенія, можетъ быть благодѣтельно для нихъ въ семейномъ, общественномъ и гигіеническомъ отношеніи. Итакъ прежнія мѣры оказались безуспѣшными и привели къ признанію неотложной необходимости иныхъ мѣръ.

Мѣры къ христіанскому просвѣщенію Черемисъ необходимо, во-1-хъ, принять не для однихъ Черемисъ Вятской губерніи, но для всего черемисскаго племени. Почти непрерывно тянущееся населеніе Черемисъ находится въ прилежащей къ Казанской губерніи части Васильсурскаго уѣзда Нижегородской губерніи, въ Казанской губерніи въ уѣздахъ: Козмодемьянскомъ, Чебоксарскомъ, Царевококшайскомъ; отсюда переходитъ въ Вятскую губернію, въ уѣзды Яранскій, частію въ Котельническій, Уржумскій и Малмыжскій: все это можно назвать одною группою по сплошному населенію, хотя въ языкѣ есть нѣкоторыя грамматическія и лексическія разности, не препятствующія однакоже взаимному пониманію. Другая группа Черемисъ расположена по обоимъ берегамъ Камы. На правомъ берегу въ Вятской губерніи, по направленію отъ Елабуги къ Сарапулу, живутъ Тептери-Черемисы, почти всѣ язычники. На лѣвомъ берегу Камы, въ Уфимской и частію въ Пермской губерніяхъ, Черемисы разсѣяны небольшими группами между русскимъ и татарскимъ населеніемъ; они, по всей вѣроятности, также относятся къ Тептерямъ, напр., Черемисы деревни Мушуги и сосѣдніе съ ними въ восточной части Мензелинскаго уѣзда —язычн-

ники, обезображенные различными болѣзнями. Во-2-хъ, нужно установить общія мѣры, которыми бы упрочивалось христіанское просвѣщеніе во всей массѣ черемисскаго населенія и въ числѣ которыхъ приготовленіе священниковъ изъ Черемисъ можетъ составлять только частность. Такъ какъ христіанское просвѣщеніе, по своей противоположности цѣлому черемисскому міросозерцанію, требуетъ полнаго отложенія сего послѣдняго, а такое полное перерожденіе всей системы понятій можетъ съ удобствомъ и успѣхомъ совершиться только въ молодости, то самою лучшею мѣрою къ христіанскому просвѣщенію черемисскаго племени, а вмѣстѣ и къ его обрусѣнію, должны быть *правильно устроенныя школы.* Какъ показалъ опытъ Казанской школы для дѣтей крещеныхъ Татаръ, христіанское просвѣщеніе способно интересовать не только обучающихся дѣтей, но и родителей ихъ, подъ тѣмъ только непремѣннымъ условіемъ, чтобы оно совершалось *на ихъ родномъ языкѣ.* Тоже самое должно, безъ сомнѣнія, повториться и по отношенію къ Черемисамъ, если въ ихъ школахъ христіанская вѣра будетъ преподаваться на языкѣ черемисскомъ — чисто-народномъ. Опытъ такого образованія Черемисъ былъ сдѣланъ въ Малосундырскомъ училищѣ, Козмодемьянскаго уѣзда, гдѣ занятія учениковъ пошли успѣшнѣе и охотнѣе съ тѣхъ поръ, когда началось объясненіе на черемисскомъ языкѣ священной исторіи и другихъ предметовъ. Предлагаемая такимъ образомъ Черемисамъ въ удобопонятной формѣ роднаго слова христіанская вѣра несомнѣнно привлечетъ ихъ вниманіе и сочувствіе; только для этого нужно, чтобы школы находились *среди самаго черемисскаго населенія*, дабы дѣти не отрывались отъ своей семьи и среды, не отвлекались отъ домашнихъ работъ и дабы родители наглядно убѣждались въ пользѣ и благотворности христіанскаго просвѣщенія дѣтей, и отъ нихъ мало-по-малу воспринимали христіанскія понятія.

Элементарныя училища должны быть въ послѣдствіи времени устроены повсюду, гдѣ только живутъ Черемисы; но на первый разъ ихъ можно открыть въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ окажутся нѣкоторые Черемисы грамотные, усердные къ православію, искренно вѣрующіе христіане и усердные къ распространенію православной вѣры, такъ что, дабы сдѣлать такихъ лицъ руководителями школъ, приведется только, быть можетъ, впродолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ приспособить ихъ къ обученію дѣтей. Таковъ, напримѣръ, въ деревнѣ Ильнетъ, недалеко отъ Елабуги, Черемисинъ Титъ Игнатьевъ, который на мѣстѣ выучился русской грамотѣ, хорошо умѣетъ писать, владѣетъ русскимъ языкомъ, перевелъ всѣ четыре Евангелія на народный черемисскій языкъ и заботится объ обращеніи въ христіанство язычествующихъ Черемисъ *). Таковъ же Че-

---

*) Такъ какъ мѣсто его жительства отстоитъ отъ г. Вятки болѣе 400 вер., а отъ Казани около 200 вер., и притомъ въ Казани уже есть нѣкоторые опыты образованія инородцевъ, чего нѣтъ въ Вяткѣ, то его для приспособленія къ дѣлу обученія полезно было бы пригласить въ Казань.

ремисъ Гавріилъ Яковлевъ, Козмодемьянскаго уѣзда, Казанской губерніи, который исполненъ религіознаго чувства и ревностнаго желанія просвѣщать своихъ соплеменниковъ. Можно полагать, что въ Вятской губерніи найдется и въ другихъ мѣстностяхъ нѣсколько человѣкъ, болѣе или менѣе способныхъ къ тому же дѣлу. Впрочемъ, не стѣсняясь административнымъ раздѣленіемъ губерній, можно было бы, напримѣръ, изъ Козмодемьянскаго уѣзда грамотныхъ и благонадежныхъ Черемисъ посылать для устройства школъ въ ближайшіе уѣзды Вятской губерніи—Яранскій и Уржумскій.

Для упроченія элементарнаго обученія въ черемисскихъ школахъ необходимы первоначальные учебники на *народномъ* черемисскомъ языкѣ. Въ настоящее время уже составленъ и печатается *Упрощенный способъ обученія чтенію черемисскихъ дѣтей горнаго населенія*, заключающій въ себѣ пріученіе къ чтенію по звуковой методѣ, христіанскія правоученія, разказъ изъ священной исторіи объ Іосифѣ, счетъ и таблицу умноженія. Этотъ учебникъ можетъ быть переложенъ и на другія подрѣчія черемисскаго языка для удобнѣйшаго употребленія въ разныхъ мѣстностяхъ. На народномъ горномъ черемисскомъ нарѣчіи также составлены необходимыя молитвы, Символъ вѣры и заповѣди. Первое учебное руководство, по предложенію г. Золотницкаго, издается на средства Казанскаго братства св. Гурія. Предстоитъ составить священную исторію, катихизисъ и другія школьныя руководства. Считаемъ нужнымъ при этомъ замѣтить, что прежніе переводы Евангелія и другихъ христіанскихъ книгъ, по совершенно русскому построенію періодовъ, непонятны для Черемисъ, а потому Евангеліе нужно перевести вновь съ непремѣннымъ условіемъ живой народной рѣчи. Кромѣ обученія на народномъ черемисскомъ языкѣ, въ элементарныхъ школахъ нужно практически пріучать мальчиковъ и къ русскому языку, посредствомъ нагляднаго обученія и посредствомъ чтенія русскихъ книгъ съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы ученикъ переводилъ читаемый текстъ, предложеніе за предложеніемъ, на черемисскій языкъ (первая ступень), или разсказывалъ своими словами по-черемисски прочитанное имъ по-русски (вторая ступень), и, наконецъ, посредствомъ упражненій въ устномъ и письменномъ изложеніи на русскомъ языкѣ (третья ступень) легкихъ разсказовъ изъ священной исторіи и т. п. Итакъ, черемисскія дѣти въ этихъ элементарныхъ школахъ узнаютъ священную исторію и главнѣйшіе догматы и правила христіанской вѣры, а пѣніе на ихъ языкѣ, по обыкновеннымъ церковнымъ напѣвомъ, православныхъ молитвъ и другихъ церковныхъ пѣснопѣній поселитъ въ сердцахъ Черемисъ христіанское одушевленіе въ направленіи христіанско-церковномъ: Черемисы Козмодемьянскаго уѣзда особенно любятъ церковное пѣніе. И можно положительно надѣяться, что такого рода первоначальное образованіе, при общедоступности его по языку и изложенію, въ непродолжительное время широ-

ко разольется въ черемисскомъ населеніи и даже можетъ привиться къ некрещенымъ Черемисамъ, дѣти которыхъ, если пожелаютъ, могутъ поступать въ тѣ же элементарныя черемисскія школы и учиться грамотѣ по тѣмъ же православнымъ книгамъ, такъ какъ шаманствующая религія Черемисъ, не закрѣпленная никакимъ религіознымъ кодексомъ и не развившаяся въ подробное ученіе, а съ другой стороны не отрицающая божественности другихъ религій, — не имѣетъ ничего прямо враждебнаго противъ христіанства. Можно даже надѣяться, что при такомъ образованіи пробудится расположеніе и стремленіе къ нему и въ черемисскихъ дѣвицахъ. Православное образованіе инородческихъ дѣвицъ въ особенности желательно потому, что языческая старина и отчужденіе отъ русскаго быта въ черемисскихъ семьяхъ главнымъ образомъ поддерживаются женщинами. Мужчина, посредствомъ торговыхъ и другихъ сношеній съ Русскими и нерѣдкихъ поѣздокъ въ русскія селенія, хотя наглядно, можетъ набираться русскихъ привычекъ и терять чисто-черемисскій духъ; но женщина, безвыходно оставаясь дома и постоянно въ черемисской средѣ, хранитъ неизмѣнными народный черемисскій духъ и шаманскія религіозныя воззрѣнія. Слѣдовательно, образованіе путемъ школы для черемисскихъ женщинъ есть единственный способъ къ сознательному усвоенію ими православной вѣры и лучшій залогъ прочнаго водворенія христіанства въ черемисскихъ семьяхъ. Для христіанскаго образованія женщинъ народный языкъ представляется необходимымъ и даже исключительнымъ орудіемъ. Христіанское образованіе черемисскихъ дѣвицъ необходимо еще въ частности и для того, чтобы онѣ были супругами христіански образованныхъ Черемисъ-мужчинъ, потому что были примѣры, что русскія дѣвицы, вышедшія за мужъ даже за окончившихъ курсъ въ семинаріи Черемисъ, не могли побѣдить въ себѣ племеннаго пренебреженія къ своимъ мужьямъ-Черемисамъ и съ неудовольствіемъ смотрѣли на сближеніе ихъ съ черемисскими прихожанами; а жена-Черемиска съ первобытнымъ черемисскимъ складомъ понятій и бытовыми привычками не можетъ сочувствовать своему мужу въ самыхъ дорогихъ его духовныхъ стремленіяхъ.

Послѣ того какъ число грамотныхъ Черемисъ увеличится, даровитѣйшіе и болѣе любознательные изъ нихъ, естественно, будутъ стремиться къ дальнѣйшему образованію. Но этого образованія они не могутъ искать въ семинаріяхъ. Хотя въ элементарныхъ школахъ черемисскіе мальчики получатъ твердое убѣжденіе въ христіанствѣ и достаточныя свѣдѣнія въ православной вѣрѣ и практически узнаютъ въ большей или меньшей степени русскій языкъ, но они не способны будутъ съ успѣхомъ обучаться въ семинаріи, если только имъ въ ней придется учиться наравнѣ съ русскими воспитанниками, а особый курсъ преподавать имъ въ семинаріи было бы неудобно. Если даже освободить ихъ (какъ это дѣлалось въ Вятской семинаріи) отъ изученія иностранныхъ язы-

ковъ и нѣкоторыхъ другихъ предметовъ общаго образованія, то все-таки способъ и направленіе преподаванія въ семинаріи другихъ для нихъ обязательныхъ предметовъ будутъ для нихъ затруднительны: потому что въ семинаріи всѣ вообще предметы такъ сопоставлены между собою, что одинъ предметъ помогаетъ другому или развитіемъ силъ мышленія, или доставленіемъ фактовъ и матеріаловъ, которые нужно знать, чтобы ясно понимать положенія другой науки. Вообще въ семинаріи образованіе имѣетъ характеръ научный. Такимъ образомъ и тѣ предметы, которые будутъ признаны для Черемисъ необходимыми и обязательными, при отсутствіи другихъ, педагогически съ ними связанныхъ, будутъ отрывочны и неясны. А потому представляется необходимымъ учредить особое *центральное училище*, гдѣ бы обученіе черемисскихъ дѣтей въ своемъ родѣ представляло нѣчто цѣлое, популярно излагаемое и нарочито приспособленное къ инородцамъ.

Вотъ въ краткихъ чертахъ *программа* преподаванія въ этомъ училищѣ:

I. Законъ Божій: a) Изученіе *священной исторіи* (съ непремѣннымъ и внимательнымъ прочтеніемъ учениками, при объясненіяхъ учителя, мѣстъ Св. Писанія, излагающихъ священныя событія) и *церковной исторіи* первыхъ вѣковъ въ главнѣйшихъ событіяхъ и лицахъ. b) Ученіе православное догматическое и нравственное, изложенное подробно, но не въ строго научной системѣ, а въ видѣ общедоступныхъ бесѣдъ и сопровождаемое чтеніемъ учительныхъ книгъ Священнаго Писанія и преимущественно Евангелія. c) Практическое изученіе священнодѣйствій и обрядовъ церковныхъ. d) Церковное пѣніе.

II. Русскій языкъ: a) Устройство простаго предложенія сравнительно съ черемисскимъ. Главнѣйшія формы этимологіи. Упражненія въ изложеніи на русскомъ языкѣ въ формѣ простыхъ и краткихъ предложеній. Построеніе сложнаго предложенія сравнительно съ способами подчиненія предложеній въ языкѣ черемисскомъ. Постепенное упражненіе въ изложеніи періодическомъ. b) Постоянное чтеніе русскихъ книгъ, такихъ, изъ которыхъ можно получить полезныя свѣдѣнія, т. е., послѣ Библіи въ русскомъ переводѣ, книгъ вѣроучительныхъ, историческихъ, географическихъ и т. п.

III. Математика: Ариѳметика, 1 и 2 часть.

IV. Очеркъ географіи всеобщей и подробнѣе русская.

V. Исторія русская гражданская въ связи съ церковной. Изъ всеобщей исторіи — древняя, преимущественно о тѣхъ народахъ и событіяхъ, которые имѣютъ отношеніе къ священной исторіи.

Всѣ эти предметы можно распредѣлить *на четыре года*. Впрочемъ, это училище должно имѣть характеръ не формально-учебнаго заведенія, гдѣ преподаваніе распредѣлено въ рѣзко очерченныхъ клѣткахъ по времени и объему

уроковъ, а болѣе характеръ индивидуальнаго воспитанія, въ которомъ бы на первомъ планѣ былъ ходъ развитія каждаго ученика въ особенности. Въ какой это сложится порядокъ (а порядокъ есть тоже необходимое условіе успѣха), это долженъ показать опытъ.

Учителей должно быть не менье четырехъ, подготовленныхъ къ этому дѣлу лицъ, такъ чтобы они могли сообщить основательныя знанія инородческимъ воспитанникамъ. Содержаніе и служебныя преимущества учителей желательны тѣ же, какія по новому уставу назначены для *наставниковъ духовныхъ семинарій.*

Соотвѣтственно вышеизложенному индивидуальному характеру своего устройства, училище должно быть по возможности изъято отъ канцелярской переписки и формальной отчетности. А потому оно не должно быть подчинено никакимъ офиціальнымъ учрежденіямъ, а должно состоять подъ архипастырскимъ попеченіемъ мѣстнаго архіерея.

Если мысль о *центральномъ училищѣ* удостоится одобренія, то подробный проектъ училища будетъ представленъ особо.

Это училище должно быть помѣщено въ губернскомъ городѣ, потому что тутъ только можно имѣть всѣ образовательные способы и больше условій къ основательному усвоенію русскаго языка и русскихъ общежительныхъ и гражданскихъ понятій. Такъ какъ большинство Черемисъ населяютъ Казанскую и Вятскую губерніи, то училище можетъ находиться либо въ Вяткѣ, либо въ Казани. Но принимая въ соображеніе, что вообще Казань болѣе центральный пунктъ для черемисскаго населенія, нежели Вятка, а главное, что въ Казани, повидимому, инородческій вопросъ болѣе уясненъ и больше людей и учрежденій заинтересовано этимъ вопросомъ, коммиссіи представляется *Казань* предпочтительнѣе Вятки и другихъ губернскихъ городовъ. Къ этому нужно присовокупить еще, что Казань, и для поклоненія чтимыхъ Черемисами христіанскихъ святынь, и по дѣламъ торговымъ, постоянно посѣщается многими Черемисами. Слѣдовательно и центральное училище не будетъ окончательно изолировано отъ черемисскаго племени: молва объ немъ будетъ такимъ образомъ распространяться въ мѣстности черемисскія. Между тѣмъ въ Вятку Черемисы почти никогда не являются.

Образованіе Черемисъ въ элементарныхъ школахъ и центральномъ училищѣ среднимъ числомъ должно оканчиваться въ 20-тилѣтнемъ возрастѣ. И элементарныя школы и центральное училище — заведенія общеобразовательныя и не имѣютъ цѣлію воспитывать собственно для духовнаго званія, хотя вообще воспитаніе въ нихъ должно вестись въ духѣ православной церкви и съ цѣлію утвержденія въ православной вѣрѣ. Для учениковъ наиболѣе успѣвшихъ, отличающихся сколько даровитостью, познаніями, столько же православнымъ рели-

гіозно-правственнымъ направленіемъ, степеннымъ поведеніемъ, педагогическими способностями и усердіемъ къ распространенію между соплеменниками образованія и православной вѣры—прямой путь въ учителя элементарныхъ черемисскихъ школъ. Оставаясь учителями до 30-тилѣтняго возраста, они могутъ постепенно совершенствоваться умственно и нравственно, могутъ занимать мѣста причетниковъ и діаконовъ въ черемисскихъ приходахъ, что дастъ имъ поводъ и возможность практически ознакомиться съ церковнымъ уставомъ. Религіозно-нравственное учительство въ неизмѣнно-православномъ направленіи есть одна изъ обязанностей священника, и оно-то, безъ сомнѣнія, было въ виду духовнаго начальства при его вышеупомянутомъ распоряженіи о приготовленіи черемисскихъ дѣтей къ духовному званію. Дѣйствительно, многолѣтняя учительская дѣятельность въ черемисскихъ школахъ, при вышеуказанномъ направленіи, есть такой искусъ, который долженъ положительно доказать учительственныя и нравственно-религіозныя качества извѣстнаго лица, такъ что ему остается сподобиться благодати священника, чтобы быть полезнымъ священникомъ въ черемисскомъ приходѣ. Указъ Св. Правительствующаго Сvнода къ Высокопреосвященному Антонію, архіепископу Казанскому, отъ 19-го іюля сего года (№ 3,963), поручаетъ Его Высокопреосвященству и преосвященнымъ нѣкоторыхъ другихъ епархій назначать въ священнослужители въ приходы, гдѣ находится значительная часть Татаръ крещеныхъ, изъ ихъ единоплеменниковъ, получившихъ образованіе въ школахъ, для нихъ учрежденныхъ, и при каноническихъ условіяхъ, которыя изчислены въ этомъ указѣ и которыя доступны и для Черемисъ, обучавшихся въ вышеизложенномъ порядкѣ и направленіи. Таковое разрѣшеніе Св. Правительствующаго Сvнода могло бы быть распространено и на другихъ инородцевъ и въ томъ числѣ на Черемисъ. Въ такомъ случаѣ къ нимъ слѣдовало бы примѣнить слѣдующія слова: «желающіе принять священно-служительскій санъ инородцы не должны быть обязываемы къ прохожденію семинарскаго «курса, но лучшіе и способнѣйшіе изъ нихъ могутъ, по ихъ желанію, быть до«пускаемы къ слушанію собственно богословскихъ наукъ въ сихъ заведеніяхъ».

Элементарныя черемисскія школы, по Высочайше утвержденному Положенію о начальныхъ народныхъ училищахъ, должны подлежать наблюденію мѣстныхъ священниковъ; сверхъ того, чтобы придать единство направленія всѣмъ черемисскимъ школамъ, необходимо, по мнѣнію коммиссіи, поручить надзоръ и объединеніе направленія этихъ школъ одному лицу, имѣющему надлежащее къ этому приготовленіе, знающему основательно черемисскій языкъ и могущему какъ контролировать училища и направлять учителей, такъ и повѣрять и оцѣнивать издаваемые на черемисскомъ языкѣ переводы Священнаго Писанія и богослужебныхъ книгъ.

Взаключеніе коммиссія находитъ нужнымъ присовокупить, что подобное

устройство школъ, въ видахъ развитія общаго христіанскаго просвѣщенія между инородцами и въ видахъ приготовленія изъ ихъ среды священнослужителей, желательно бы распространить и на племена *Вотяковъ, Чувашъ и другихъ инородцевъ*.

Записка г. члена Ученаго Комитета

Георгіевскаго.

Сущность мнѣній коммиссіи, составленной въ Казани, въ октябрѣ 1867 г., по вопросу «*о мѣрахъ для обученія дѣтей изъ Черемисъ русскому языку съ цѣлію поставить ихъ въ возможность проходить съ надлежащимъ успѣхомъ курсъ ученія въ православныхъ семинаріяхъ*», и предсѣдательствовавшаго въ этой коммиссіи г. попечителя Казанскаго учебнаго округа заключается въ слѣдующемъ:

1) Вопросъ о приготовленіи священниковъ изъ Черемисъ есть частный вопросъ, правильное разрѣшеніе котораго возможно лишь въ связи съ общимъ вопросомъ о христіанскомъ просвѣщеніи всей массы черемисскаго племени какъ Вятской и Казанской, такъ и Уфимской и Пермской губерній.

2) Съ этою цѣлію христіанскаго просвѣщенія Черемисъ, *должны быть устроены для нихъ особыя элементарныя училища, на первый разъ въ тѣхъ мѣстностяхъ*, гдѣ окажутся грамотные, преданные православію и усердные къ просвѣщенію своихъ соплеменниковъ Черемисы (каковы Титъ Игнатьевъ, въ дер. Ильнеть, близь Елабуги, переведшій всѣ четыре Евангелія на народный черемисскій языкъ, и Гавріилъ Яковлевъ, въ Козмодемьянскомъ уѣздѣ, Казанской губерніи). Они могли бы быть, впродолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, приспособлены въ Казани къ обученію дѣтей.

3) Вознагражденіе лицъ, которыя примутъ на себя обученіе черемисскихъ дѣтей въ особо устроенныхъ для нихъ школахъ, *можно было бы отнести на счетъ 3,000 р., назначенныхъ, по § 10 ст. 2 смѣты на 1867 г.*, въ распоряженіе управленія Казанскаго учебнаго округа на приготовленіе учителей для народныхъ училищъ, съ предоставленіемъ однакоже нынѣшнимъ стипендіатамъ окончить курсъ въ казанскихъ педагогическихъ курсахъ.

4) Въ означенныхъ элементарныхъ училищахъ, согласно вообще съ предположеніями г. попечителя Казанскаго учебнаго округа и гг. Ильминскаго и Золотницкаго, *не только первоначальное обученіе дѣтей должно быть ведено на черемисскомъ нарѣчіи, или, правильнѣе, съ помощью его,* но дѣти должны первоначально обучаться и черемисской грамотѣ, или, вѣрнѣе, русской азбукѣ, примѣненной къ звукамъ и словамъ *различныхъ* черемисскихъ нарѣчій,

и эти нарѣчія, *повидимому*, должны быть возведены на степень главнаго (а въ предполагаемыхъ школахъ для черемисскихъ дѣвочекъ—*и единственнаго*) *учебнаго языка*. Съ этою цѣлію, по предложенію г. Золотницкаго, уже приступлено къ печатанію, на средства братства св. Гурія, «Упрощеннаго способа обученія чтенію черемисскихъ дѣтей», заключающаго въ себѣ христіанскія нравоученія, разсказъ объ Іосифѣ, счетъ и таблицу умноженія, и предполагается составить на черемисскомъ нарѣчіи священную исторію, катихизисъ и другія школьныя руководства. Въ школахъ для мальчиковъ русскій языкъ будетъ предметомъ практическаго изученія, но «для христіанскаго образованія женщинъ народный языкъ представляется необходимымъ и даже *исключительнымъ* орудіемъ», изъ чего можно заключить, что дѣвочекъ не предполагается даже и обучать русскому языку.

5) Послѣ того какъ число грамотныхъ Черемисъ увеличится, необходимо для желающихъ продолжать ученіе, *учредить особое центральное училище въ Казани, съ 4-лѣтнимъ курсомъ, при 4-хъ учителяхъ, съ содержаніемъ и служебными преимуществами наставниковъ семинарій* (по новому уставу). Здѣсь преподавались бы: 1) Законъ Божій (священная и церковная исторія, ученіе догматическое и нравственное въ видѣ общедоступныхъ бесѣдъ, сопровождаемое чтеніемъ учительныхъ книгъ Св. Писанія и особенно Евангелія, практическое изученіе священнодѣйствій и обрядовъ церковныхъ и церковное пѣніе); 2) практическая грамматика русскаго языка сравнительно съ особенностями черемисскаго нарѣчія и соотвѣтствующія практическія упражненія; 3) 1-я и 2-я части ариѳметики; 4) географія, въ особенности же русская; 5) русская исторія въ связи съ церковною, изъ всеобщей же—древняя, преимущественно о тѣхъ народахъ и событіяхъ, которые имѣютъ отношеніе къ священной исторіи. На какомъ языкѣ будетъ происходить преподаваніе всѣхъ этихъ предметовъ, не опредѣлено; точно также коммиссія считаетъ излишнимъ точное распредѣленіе преподаванія по годичнымъ курсамъ и вообще по времени (?), и *желаетъ, чтобы центральное черемисское училище*, «не подчиняясь никакимъ офиціальнымъ учрежденіямъ, состояло подъ архипастырскимъ попеченіемъ мѣстнаго архіерея»,—то и другое ради сохраненія за нимъ «характера индивидуальнаго воспитанія, въ которомъ бы на первомъ планѣ былъ ходъ развитія каждаго ученика въ особенности».

6) Элементарныя черемисскія школы должны подлежать наблюденію мѣстныхъ священниковъ; для объединенія же направленія ихъ надзоръ за ними долженъ быть порученъ одному лицу, знающему основательно черемисскій языкъ и способному повѣрять и оцѣнивать издаваемые на немъ переводы Священнаго Писанія и богослужебныхъ книгъ.

7) Образованіе Черемисъ въ элементарныхъ школахъ и въ центральномъ

училищѣ *должно оканчиваться приблизительно къ 20-лѣтнему возрасту*, а затѣмъ подготовленныя такимъ образомъ лица могли бы быть опредѣляемы учителями въ элементарныя училища для черемисскихъ дѣтей, лѣтъ на 10, послѣ чего лучшіе изъ нихъ могли бы быть опредѣляемы въ священники, съ предоставленіемъ желающимъ изъ нихъ прослушать курсъ богословскихъ наукъ въ семинаріяхъ; до того же времени, по мнѣнію г. попечителя, слѣдовало бы обратить вниманіе на приготовленіе для черемисскихъ приходовъ священнослужителей изъ Русскихъ, особенно изъ родившихся въ нихъ священно-и церковнослужительскихъ дѣтей, съ тѣмъ, чтобы предъ окончаніемъ ими курса въ духовныхъ семинаріяхъ, имъ были основательно изложены способы опроверженія черемисскихъ языческихъ заблужденій, суевѣрій, обрядовъ и пр., для чего было бы полезно назначить премію составителю подобнаго руководства. Для удержанія же достойныхъ священниковъ въ бѣдныхъ черемисскихъ приходахъ было бы необходимо назначать имъ *лично*, по представленіямъ архіереевъ, извѣстное жалованье, съ обращеніемъ части его въ прибавку къ положенной вообще священникамъ пенсіи.

8) Наконецъ, въ видахъ христіанскаго просвѣщенія инородцевъ и приготовленія изъ ихъ среды священнослужителей, всѣ вышеизложенныя мѣры коммиссія находитъ *желательнымъ распространить и на племена Вотяковъ, Чувашъ и другихъ инородцевъ*.

Въ предыдущемъ изложены *два* различные способа приготовленія священнослужителей для Черемисъ, а равно и для другихъ инородцевъ: *первый*—изъ мѣстныхъ русскихъ уроженцевъ, знакомыхъ съ языкомъ и бытомъ инородцевъ и получившихъ достаточное общее и спеціальное богословское образованіе въ духовныхъ семинаріяхъ; *второй* же—изъ инородцевъ, прошедшихъ курсъ предполагаемыхъ элементарныхъ и центральныхъ училищъ (по одному на каждое инородческое племя) и выдержавшихъ довольно продолжительный, 10-лѣтній искусъ учительства. Какъ ни важенъ этотъ искусъ и въ умственномъ, и въ нравственномъ отношеніяхъ, онъ, очевидно, однакоже не восполнитъ существеннаго недостатка правильнаго и полнаго систематическаго общаго и богословскаго образованія, такъ что если бы предстоялъ выборъ, то, кажется, нельзя было бы *не отдать предпочтенія священнослужителямъ изъ Русскихъ, знакомыхъ вмѣстѣ съ тѣмъ* съ языкомъ и съ бытомъ инородцевъ, предъ священнослужителями изъ инородцевъ, съ предположеннымъ выше крайне скуднымъ общимъ и таковымъ же богословскимъ образованіемъ. Но почему бы инородцы, съ успѣхомъ окончившіе курсъ въ центральномъ училищѣ, не могли быть опредѣляемы на 6 лѣтъ въ семинаріи, и не было ли бы это обученіе въ семинаріи цѣлесообразнѣе 10-лѣтняго учительства?

Но, во всякомъ случаѣ, основательное знаніе русскаго языка должно быть

непремѣннымъ условіемъ при опредѣленіи каждаго инородца въ священнослужители, такъ какъ это единственное орудіе для дальнѣйшаго, столь необходимаго, богословскаго образованія инородческихъ священнослужителей и такъ какъ это языкъ государственной и церковной администраціи. А между тѣмъ мѣсто, отводимое коммиссіей русскому языку въ элементарныхъ, а пожалуй и въ центральныхъ училищахъ, нисколько не ручается за такое основательное знаніе русскаго языка будущими начальными учителями и священнослужителями изъ инородцевъ. Правда, предполагается весьма продолжительное обученіе ихъ *(отъ 10 до 12 лѣтъ)*; но объ учебномъ языкѣ центральныхъ училищъ ничего не сказано; учебнымъ языкомъ элементарныхъ мужскихъ школъ предполагается сдѣлать, если не исключительно, то преимущественно, какое-либо изъ инородческихъ нарѣчій, а въ женскихъ элементарныхъ школахъ, повидимому, и вовсе не предполагается даже обучать русскому языку. (Этотъ вопросъ, а равно и вопросъ объ учебномъ языкѣ центральныхъ училищъ, должны быть предварительно разъяснены, такъ какъ мнѣнія коммиссіи по этимъ предметамъ неясны.) Противъ предполагаемаго исключенія русскаго языка даже изъ предметовъ обученія въ инородческихъ женскихъ школахъ (если только это предположеніе дѣйствительно существуетъ), а равно и противъ допущенія въ центральныхъ инородческихъ училищахъ какого-либо другаго *учебнаго* языка, кромѣ русскаго, нельзя было бы не возражать самымъ рѣшительнымъ образомъ. Вопросъ о полномъ и практическомъ усвоеніи учениками какого-либо языка рѣшается не числомъ уроковъ по этому именно языку, а тѣмъ, на какомъ языкѣ они вообще учатся: а потому если бы въ центральныхъ училищахъ были допущены инородческія нарѣчія въ качествѣ языка учебнаго, то можно было бы смѣло сказать, что будущіе учителя и священнослужители изъ инородцевъ далеко не вполнѣ владѣли бы русскимъ языкомъ и, слѣдовательно, не были бы пригодны ни для того, ни для другаго званія. Впрочемъ, и самое число уроковъ, какъ въ элементарныхъ, такъ и въ центральномъ училищѣ, по-русскому языку оставлено коммиссіей безъ опредѣленія; но въ элементарныхъ училищахъ, по крайней мѣрѣ, указанъ результатъ, который долженъ быть достигнутъ: это нѣкоторый навыкъ въ ученомъ и письменномъ изложеніи легкихъ разсказовъ изъ священной исторіи, что́ уже достаточно для изученія всѣхъ предметовъ центральнаго училища исключительно на русскомъ языкѣ; но въ центральномъ училищѣ результатъ по русскому языку и вовсе не обозначенъ, а курсъ этого предмета черезчуръ элементаренъ. Такъ, требуется знаніе только главнѣйшихъ формъ этимологіи; ученики, отъ которыхъ еще въ элементарныхъ школахъ требовалась устная и даже письменная передача легкихъ разсказовъ изъ священной исторіи, въ центральномъ училищѣ упражняются сначала только въ изложеніи на русскомъ языкѣ, въ формѣ простыхъ и краткихъ предложеній. Казалось бы,

что курсъ русскаго языка въ центральныхъ инородческихъ училищахъ долженъ быть расширенъ, и что результатомъ 10—12-лѣтняго обученія этому важнѣйшему послѣ Закона Божія предмету должно быть умѣніе свободно говорить и писать по-русски и вмѣстѣ съ тѣмъ знать языкъ грамматически, въ той мѣрѣ, въ какой это требуется отъ учениковъ, окончившихъ курсъ въ уѣздныхъ училищахъ.

Что же касается до предполагаемаго исключенія русскаго языка изъ женскихъ инородческихъ школъ, то, очевидно, обрусѣніе инородцевъ мало подвинется впередъ, если оно нисколько не коснется женскаго пола, и наши школы, создавъ инородческую грамоту и инородческую письменность, которыя только и будутъ доступны инородцамъ, окажутъ содѣйствіе лишь увѣковѣченію инородческихъ нарѣчій на нашей почвѣ.

Вообще относительно постановки русскаго языка и инородческихъ нарѣчій въ инородческихъ школахъ, какъ извѣстно, между Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и почтенными дѣятелями Казанскаго учебнаго округа существуетъ разногласіе, до сихъ поръ еще не устраненное. Ученый Комитетъ полагалъ, что инородческими нарѣчіями слѣдуетъ пользоваться только какъ вспомогательнымъ орудіемъ, а учить слѣдуетъ русскому языку,— который и долженъ стать при первой возможности языкомъ учебнымъ,—и русской грамотѣ, какъ единственно пригодной для всѣхъ возможныхъ цѣлей, а въ Казани господствуетъ мнѣніе, что надобно учить грамотѣ, нарочно для этого созданной,—чувашской, черемисской и т. д., и возвести эти нарѣчія на степень не вспомогательнаго только орудія, а главныхъ учебныхъ языковъ въ инородческихъ школахъ. Мнѣніе Комитета имѣетъ за себя законъ о языкѣ начальныхъ народныхъ училищъ и, сверхъ того, вполнѣ удавшіеся педагогическіе опыты въ этомъ дѣлѣ просвѣщеннѣйшихъ народовъ Европы; но, съ другой стороны, мнѣніе почтенныхъ дѣятелей Казанскаго округа заслуживаетъ уваженія въ томъ отношеніи, что усердіе ихъ къ дѣлу не подлежитъ сомнѣнію и что имъ предстоитъ *осуществленіе* тѣхъ или другихъ предположеній. *Единственное*, согласное съ пользою дѣла, *рѣшеніе* этого вопроса, какъ кажется, могло бы состоять въ томъ, чтобы Министерство, не измѣняя нисколько закона, предоставило окружному Казанскому начальству возможность произвести, подъ собственною его *отвѣтственностью*, предполагаемые имъ опыты въ дѣлѣ образованія инородцевъ, но въ предѣлахъ, въ которыхъ П. Д. Шестаковъ, повидимому, готовъ былъ держаться прежде, и не упуская изъ вида опредѣленій Ученаго Комитета. Производство новыхъ педагогическихъ опытовъ на казенный счетъ, безъ сомнѣнія, представляетъ большія неудобства; но такъ какъ дѣло образованія инородцевъ у насъ еще новое и неиспытанное, то затрата нѣкоторой денежной суммы на производство въ немъ опытовъ можетъ быть не безъ пользы до-

пущена. Для общихъ же мѣръ и узаконеній по указанному здѣсь спорному вопросу наступитъ время лишь тогда, когда означенные опыты дадутъ тѣ или другіе результаты.

Министерство Народнаго Просвѣщенія, очевидно, не можетъ узаконивать мѣру, несогласную съ Высочайше утвержденнымъ узаконеніемъ относительно учебнаго языка начальныхъ школъ, и не имѣетъ достаточныхъ данныхъ, чтобы ходатайствовать объ отмѣнѣ этого узаконенія въ отношеніи инородческихъ училищъ Казанскаго округа. Вмѣстѣ съ тѣмъ *Министерству едва ли будетъ возможно согласиться на учрежденіе такого центральнаго училища для инородцевъ*, въ основу котораго не былъ бы положенъ опредѣленный учебный планъ, съ обозначеніемъ общаго для всѣхъ учениковъ времени ученія по различнымъ предметамъ, а съ удержаніемъ характера какого-то индивидуальнаго воспитанія, въ которомъ бы на первомъ планѣ былъ ходъ развитія каждаго ученика въ особенности. Первое условіе существованія каждой публичной школы есть строго опредѣленный порядокъ, не исключающій, впрочемъ, возможности дѣйствовать примѣнительно къ индивидуальнымъ особенностямъ каждаго ученика, какъ въ нравственномъ, такъ и въ умственномъ отношеніи. Почему Казанская коммиссія не желаетъ установленія такого общаго порядка для центральныхъ инородческихъ училищъ, а равно и подчиненія ихъ «какимъ-либо офиціальнымъ учрежденіямъ», это рѣшительно непонятно. Впрочемъ, коммиссія, въ случаѣ одобренія мысли о центральномъ черемисскомъ училищѣ, предполагаетъ особо представить подробный проектъ его, въ которомъ, безъ сомнѣнія, будутъ разъяснены всѣ недоразумѣнія.

Наконецъ, что касается до особыхъ инспекторовъ черемисскихъ и другихъ школъ, то не повлекло ли бы установленіе этихъ новыхъ должностей значительныхъ издержекъ, и нельзя ли было бы, во избѣжаніе какихъ-либо нареканій, ограничиться однимъ инспекторомъ инородческихъ училищъ вообще?

Выписка изъ журнала Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія 9 сентября 1868 года.

Въ засѣданіи Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, 9 сентября 1868 года, слушали нижеслѣдующій докладъ г. члена *Георгіевскаго о пяти брошюрахъ, касающихся вопроса объ образованіи инородцевъ* Казанскаго учебнаго округа:

«Г. попечитель Казанскаго учебнаго округа препроводилъ къ Г. Министру Народнаго Просвѣщенія пять брошюръ, изъ коихъ 3 («По инородческому дѣ-

лу», «Упрощенный способъ обученія чтенію черемисскихъ дѣтей горнаго населенія», ст. г. Золотницкаго, и напечатанная имъ же, съ собственнымъ предисловіемъ, «Записка о причинахъ равнодушія крестьянъ Буинскаго уѣзда къ дѣлу грамотности и о способахъ къ устраненію тѣхъ причинъ», бывшаго крестьянина, родомъ Чувашина, Степана Иванова) были помѣщены первоначально въ *Справочномъ Листкѣ города Казани*, а изъ остальныхъ двухъ одна — «Рѣчь г. попечителя Казанскаго учебнаго округа П. Д. Шестакова при открытіи братства святителя Гурія», другая же — «Краткій черемисскій букварь», изданный упомянутымъ братствомъ, и, составленный г. Н. Кедровымъ, подъ заглавіемъ: «Упрощенный способъ обученія чтенію черемисскихъ дѣтей горнаго населенія».

«Упомянутая записка Степана Иванова имѣетъ болѣе общее содержаніе, касаясь вообще причинъ равнодушія крестьянъ (преимущественно Буинскаго уѣзда Симбирской губерніи) къ дѣлу грамотности; прочія же 4 брошюры болѣе или менѣе прямо относятся къ вопросу о способахъ образованія нашихъ восточныхъ инородцевъ, и, за исключеніемъ рѣчи г. попечителя и черемисскаго букваря, имѣютъ, болѣе или менѣе, полемическій характеръ относительно опредѣленій Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія и особенно статьи по этому предмету, помѣщенной въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за апрѣль 1867 г.

«Г. Степанъ Ивановъ прежде всего указываетъ на совершенно ничтожную пользу, принесенную сельскими школами въ селеніяхъ бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ Буинскаго уѣзда, существовавшими въ числѣ около 20 съ 1840 г., стоившими за все это время крестьянамъ до 187,000 руб. и обучавшими ежегодно около 40 мальчиковъ каждая, между тѣмъ какъ теперь «съ трудомъ «можно найдти въ какой угодно деревнѣ отъ 1 до 3 только крестьянъ, могу-«щихъ читать и подписать свое имя». Причины такой безуспѣшности этихъ школъ, подлежащія непремѣнному устраненію, заключались въ томъ:

«1. Что до 1867 года ученіе въ нихъ продолжалось съ 1-го сентября до 1-го іюля, вслѣдствіе чего мальчики отвлекались отъ полевыхъ работъ, къ коимъ имъ необходимо привыкать съ дѣтства, а отцы ихъ, неся потерю въ хозяйствѣ, чувствовали отвращеніе къ школамъ и откупали ихъ по возможности отъ ученія. Впрочемъ, теперь уже вводится въ дѣйствіе, въ видѣ опыта, распредѣленіе учебнаго времени, предложенное предсѣдателемъ Буинскаго училищнаго совѣта священникомъ Баратынскимъ (съ 1-го октября по 17-е апрѣля и съ 15 мая по 15 іюня).

«2. Степанъ Ивановъ совершенно справедливо указываетъ на то обстоятельство, что дѣти, по выходѣ изъ школы не упражняясь нисколько ни въ чтеніи, ни въ письмѣ, большею частью потомъ совершенно забываютъ грамоту, и,

вслѣдствіе того, между крестьянами только укореняется убѣжденіе въ безполезности школъ. Лѣтъ 16 тому назадъ удѣльное вѣдомство уже обратило свое вниманіе на это и строго слѣдило за тѣмъ, чтобы выпущенные изъ училищъ мальчики продолжали посѣщать училище для повторенія пройденнаго ежемѣсячно по два раза по воскреснымъ днямъ; но это предписаніе соблюдалось не долго, какъ потому, что однодневное упражненіе чрезъ каждыя двѣ недѣли въ чтеніи и въ письмѣ было почти безполезно, такъ и потому, что оно было слишкомъ обременительно для крестьянъ, живущихъ въ 5 и даже въ 10 верстахъ отъ училища. Авторъ предлагаетъ:

«а) снабжать каждаго мальчика, оканчивающаго курсъ ученія, Евангеліемъ малаго формата (7 коп.), перочиннымъ ножикомъ (17 коп.), чернильницей (3 коп.), счетами ($4^1/_2$), прописью (6 к.), каковые предметы—на $37^1/_2$ коп. на каждаго—могутъ быть закупаемы въ массѣ училищными совѣтами, и ежемѣсячно тетрадями въ 24 страницы и чернилами, которыя должны быть раздаваемы волостными правленіями, при чемъ годовой расходъ на 10 мальчиковъ будетъ простираться до 1 р. 95 к. на бумагу (по 1 р. 30 к. стопа) и до 1 р. на чернила,—а всего съ предъидущими расходами потребуется до 6 р. 70 к. на каждое училище, расходующее ежегодно до 300 р. и выпускающее за окончаніемъ курса до 10 мальчиковъ.

«б) Затѣмъ каждое общество, по мірскому приговору, должно было бы отвести свѣтлую, сухую и теплую въ зимнее время избу, въ которую выпущенные мальчики обязаны были бы сходиться по крайней мѣрѣ по разу въ недѣлю, чтобы заниматься тамъ съ утра до обѣда письмомъ, а послѣ обѣда до 4-хъ часовъ чтеніемъ, подъ надзоромъ избраннаго для того мѣстнымъ священникомъ грамотнаго крестьянина, который за то освобождался бы отъ натуральныхъ повинностей. Законоучитель долженъ также посѣщать этихъ мальчиковъ и бесѣдовать съ ними о вѣрѣ и благочестіи. Избы эти слѣдовало бы снабдить книгами, которыя были бы занимательны для дѣтей и полезны для взрослыхъ. Эти избы могли бы обратиться въ школы грамотности, въ которыхъ и неучившіеся еще пріучались бы понемногу къ чтенію и письму. Въ 17 селеніяхъ 2-го мироваго участка Буинскаго уѣзда «подобныя симъ школамъ» заведены мировымъ посредникомъ В. И. Винтеромъ: «учителя нанимаются въ сіи школы «по добровольному соглашенію»; «дѣти же учатся большею частію въ крестьянскихъ избахъ, нанимаемыхъ или отводимыхъ натурою самими обществами». Цѣня какъ нельзя болѣе нравственно-религіозное просвѣщеніе крестьянъ, почтенный авторъ вмѣстѣ съ тѣмъ настаиваетъ особенно на пріученіи дѣтей къ письму и къ чтенію рукописнаго, такъ какъ въ этомъ преимущественно усматриваютъ крестьяне практическую пользу отъ ученія. Всѣ эти соображенія автора заслуживали бы, кажется, одобренія со стороны Ученаго Комитета, а равно и

поддержки относительно дѣйствительнаго ихъ примѣненія къ дѣлу со стороны мѣстнаго училищнаго совѣта.

«Но далѣе г. Степанъ Ивановъ, какъ кажется, требуетъ невозможнаго, а именно: 3) чтобы сельскія школы непосредственно содѣйствовали развитію мѣстныхъ промысловъ, и въ Буинскомъ уѣздѣ именно развитію хлѣбопашества. «Въ нашихъ школахъ нужны такіе учители, которые занимались бы сами хлѣ-«бопашествомъ, или по крайней мѣрѣ имѣли бы о немъ основательныя понятія». Предполагаются при этомъ учителями крестьяне, окончившіе курсъ въ уѣздномъ училищѣ: при одномъ училищѣ такому учителю были бы отведены, на счетъ суммы, собираемой на учебную часть, 6 десятинъ земли для образцоваго хозяйства, а при другомъ—6 же десятинъ для производства опытовъ какъ по удобренію почвы, такъ и по разведенію на ней разныхъ сортовъ хлѣба. При этихъ 2-хъ училищахъ въ уѣздѣ бывали бы раза по два съѣзды изъ «развитыхъ людей», въ томъ числѣ и бывшихъ учениковъ сельскихъ школъ, для обсужденія предметовъ, входящихъ въ кругъ занятій по хлѣбопашеству. Члены этихъ обществъ составляли бы общество «распространенія между крестьянами полезныхъ знаній и улучшеній по хлѣбопашеству». «Для бесѣды съ бывшими «учениками сельскихъ школъ о правилахъ вѣры и благочестія, на эти съѣзды «приглашался бы одинъ изъ священниковъ, по усмотрѣнію общества и съ со-«гласія благочиннаго».

«По отношенію собственно къ инородцамъ, Степанъ Ивановъ говоритъ только, что, «происходя самъ изъ ихъ среды, онъ совершенно раздѣляетъ мнѣ-«ніе тѣхъ, кои признаютъ преподаваніе имъ грамоты на природномъ языкѣ.... «Но, принимая во вниманіе неимѣніе въ настоящее время приготовленныхъ къ «тому учителей, достаточно было бы ввести на первый разъ въ нынѣшнія шко-«лы букварь, Евангеліе, св. исторію и катихизисъ, переведенные на русскій и «чувашскій языки, подобно тому, какъ составлено Евангеліе на славяно-рус-«скомъ языкѣ, но съ тѣмъ, чтобы чтеніе по этимъ книгамъ происходило по тому «и другому языкамъ въ равной степени удовлетворительно». Предположеніе это уже довольно близко подходитъ къ опредѣленіямъ Ученаго Комитета, который также находилъ необходимымъ изданіе Евангелія и священной исторіи на инородческихъ нарѣчіяхъ.

«Да и всѣ остальныя брошюры, не смотря на свой полемическій характеръ, несомнѣнно подвигаютъ дѣло впередъ на пути соглашенія съ опредѣленіями Ученаго Комитета и съ воззрѣніями, высказанными въ апрѣльской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* на 1867 г. Такъ, по вопросу, не подлежащему, впрочемъ, обсужденію Министерства, о богослужебномъ языкѣ инородцевъ, въ брошюрѣ: «По инородческому вопросу» (стр. 18 и 19) сказано: «Золотницкій допускаетъ необходимость отправленія только частнаго

«богослуженія на чувашскомъ нарѣчіи, исправленіе требъ и служеніе молебновъ; «общественное же богослуженіе въ чувашскихъ приходахъ, по его мнѣнію, «должно быть совершаемо не иначе какъ на славянскомъ языкѣ, во избѣжаніе «разъединенія Чувашъ съ русскимъ народомъ по языку богослуженія». Г. Золотницкій «признаетъ необходимымъ только *объясненіе* церковнаго богослуженія «на чувашскомъ нарѣчіи съ переводомъ эктеній, возгласовъ и пѣсней при славянскомъ текстѣ». Такого рода требованіе не можетъ не быть признано вполнѣ разумнымъ и основательнымъ. Сущность системы обученія инородцевъ, которой держатся почтенные Казанскіе дѣятели, такъ объясняется въ той же брошюрѣ (стр. 6): «первоначальное обученіе инородческихъ дѣтей грамотѣ и «Закону Божію на ихъ родномъ языкѣ (по книгамъ, писаннымъ русскими «гражданскими буквами), *одновременное обученіе ихъ русскому разговорно*«*му языку* и затѣмъ дальнѣйшее обученіе по русскимъ и славянскимъ книгамъ «съ непремѣннымъ переводомъ читаннаго на мѣстный инородческій языкъ». Здѣсь почти уже устранено различіе между опредѣленіями по этому предмету Ученаго Комитета и Казанскаго учебнаго округа. Разногласіе остается лишь въ томъ пунктѣ, что, по мнѣнію Ученаго Комитета, нѣтъ надобности учить русской азбукѣ примѣнительно къ инородческимъ нарѣчіямъ, а достаточно было бы довольствоваться словесными объясненіями на инородческихъ нарѣчіяхъ предметовъ, преподаваемыхъ по-русски, и нѣтъ надобности вообще въ учебникахъ на инородческихъ нарѣчіяхъ. Но доводы, приводимые г. Золотницкимъ въ пользу изданія «*на первыхъ порахъ первоначальныхъ учебниковъ на* «*инородческихъ нарѣчіяхъ*», кажутся мнѣ достаточно убѣдительными. Онъ говоритъ въ брошюрѣ: «Объ упрощенномъ способѣ», и проч. (стр. 9): «и мы были «бы очень рады, еслибы были учители, знающіе, напримѣръ, чувашское нарѣчіе «на столько, чтобы все читаемое ученикамъ по русской книгѣ, все слышимое «ими на славянскомъ языкѣ въ церкви, могли имъ объяснять на народномъ чувашскомъ нарѣчіи; но въ томъ то и бѣда, что такихъ учителей мы не знаемъ». Авторъ приводитъ далѣе факты, что сами обрусѣвшіе уже Чуваши въ состояніи понять только сущность прочитаннаго ими по-русски; священники же, почитаемые за знатоковъ чувашскаго нарѣчія, въ своихъ объясненіяхъ по-чувашски, нерѣдко дѣлаютъ страшные промахи, совершенно искажающіе смыслъ христіанскаго вѣроученія (стр. 10 и слѣд.). Такимъ образомъ, изданіе на первыхъ порахъ первоначальныхъ учебниковъ на инородческихъ нарѣчіяхъ, «необходимо «для наставниковъ ради правильнаго объясненія, а для учащихся ради пра«вильнаго и яснаго пониманія изучаемаго христіанскаго вѣроученія и нрав«ственныхъ правилъ». Далѣе (стр. 21 и слѣд.) г. Золотницкій указываетъ на крайнюю трудность первоначальнаго обученія инородцевъ, именно Чувашъ, прямо русской грамотѣ, потому что въ чувашскомъ нарѣчіи: 1) вовсе нѣтъ зву-

ковъ *ф*, *ц* и *щ*, и 2) мягкими: *б*, *д*, *з*, *ж*, *г*, они не могутъ ни начать, ни кончить ни одного слова, а замѣняютъ ихъ жесткими, жесткихъ же: *п*, *т*, *с*, *ш*, *к*, *х*, не могутъ употребить въ срединѣ между гласными. При такихъ условіяхъ, которыхъ Ученый Комитетъ, разумѣется, не могъ имѣть въ виду, очевидно, что изученіе русской азбуки сначала въ примѣненіи къ инородческимъ нарѣчіямъ послужитъ весьма важнымъ облегченіемъ при изученіи настоящей русской грамоты и правильнаго произношенія русскихъ словъ.

«Принимая во вниманіе всѣ эти данныя, а равно и необходимость скорѣйшаго соглашенія по этому важному предмету, Ученый Комитетъ могъ бы, кажется, остановиться на слѣдующихъ опредѣленіяхъ:

«1) На первыхъ порахъ, въ пособіе учителямъ и ученикамъ, допускается изданіе на инородческихъ нарѣчіяхъ не только Евангелія и священной исторіи, но и первоначальныхъ (самыхъ элементарныхъ) учебниковъ (за исключеніемъ, конечно, катихизиса, изученіе коего относится къ высшему, окончательному курсу), но съ присоединеніемъ къ нимъ и русскаго текста, съ тѣмъ чтобы чтеніе по этимъ книгамъ, какъ выразился г. Степанъ Ивановъ, «происходило «по тому и другому языкамъ въ равной степени удовлетворительно» и чтобы съ самаго начала употребленіе инородческихъ нарѣчій въ качествѣ учебнаго языка имѣло характеръ временный и служило лишь переходомъ къ преподаванію всѣхъ предметовъ по-русски; и

«2) Курсъ ученія въ инородческихъ училищахъ раздѣляется на предварительный и окончательный. Въ предварительномъ курсѣ учатся грамотѣ преимущественно въ примѣненіи къ инородческому нарѣчію, но переходя мало-помалу къ русскому чтенію и письму и безпрерывно упражняясь въ русскомъ разговорномъ языкѣ. Хотя преподаваніе Закона Божія должно быть ведено въ эту пору предпочтительно на родномъ нарѣчіи инородцевъ, но такъ, чтобы научившіеся русскому чтенію прочитывали соотвѣтствующіе разсказы и по-русски и пріучались мало-по-малу передавать ихъ на русскомъ языкѣ. Въ окончательномъ же курсѣ все преподаваніе ведется по-русски, и инородческія нарѣчія употребляются лишь изрѣдка, въ качествѣ пособія при русскомъ преподаваніи, для перевода учениками и учителями соотвѣтствующихъ русскихъ выраженій.

Разсматривая съ этой точки зрѣнія изданный братствомъ св. Гурія черемисскій букварь И. Кедрова, нельзя не пожалѣть, что содержащіяся въ немъ черемисскія фразы, нравственныя изреченія и разсказъ объ Іосифѣ не переведены тутъ же и на русскій языкъ. Правда, это нѣсколько увеличило бы цѣну книжки, но зато она могла бы служить и для изученія русскаго чтенія и облегчила бы употребленіе ея въ школѣ учителями, мало знающими черемисское горное нарѣчіе. Указанный здѣсь недостатокъ можетъ быть исправленъ или при второмъ изданіи, когда оба текста могли бы быть напечатаны en regard, или же и

теперь изданіемъ букваря, гдѣ черемисскія фразы, изреченія и разсказъ объ Іосифѣ были бы переданы только по-русски».

Ученый Комитетъ, по тщательномъ обсужденіи доклада г. Георгіевскаго, полагалъ: 1) предположенія, заключающіяся въ брошюрѣ г. Степана Иванова, подъ заглавіемъ: «Записка о причинахъ равнодушія крестьянъ Буинскаго уѣз»да къ дѣлу грамотности и о способахъ къ уменьшенію тѣхъ причинъ», признать заслуживающими одобренія и поддержки со стороны мѣстнаго училищнаго начальства, съ цѣлію дѣйствительнаго примѣненія предлагаемыхъ г. Ивановымъ мѣръ для того, чтобы дѣти, по выходѣ изъ школы, не забывали грамоту. Мѣры эти изложены въ докладѣ г. Георгіевскаго въ пунктѣ 2-мъ, подъ лит. а и б. 2) Что же касается изложенныхъ затѣмъ въ пунктѣ 3-мъ предположеній г. Иванова относительно содѣйствія сельской школы развитію мѣстнымъ промысламъ, то таковыя предположенія признать въ данное время неосуществимыми, и 3) согласиться съ предложенными г. Георгіевскимъ въ концѣ доклада его двумя заключеніями относительно способа и порядка обученія инородцевъ грамотѣ, а также и съ замѣчаніемъ его о черемисскомъ букварѣ Кедрова.

Опредѣлено: Заключеніе Ученаго Комитета представить на благоусмотрѣніе Г. Управляющаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія.

По инородческому дѣлу.

(*Изъ 124 № Справочнаго Листка г. Казани.*)

Въ 66 № «*Современнаго Листка*», издаваемаго г. Поповицкимъ, напечатаны предположенія «объ улучшеніи начальныхъ инородческихъ училищъ Буинскаго уѣзда», составленныя предсѣдателемъ Буинскаго уѣзднаго училищнаго совѣта священникомъ А. И. Баратынскимъ. Редакція Листка предпослала этимъ предположеніямъ передовую статью, содержаніе которой составляютъ: нѣкоторыя свѣдѣнія, заимствованныя изъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, объ отношеніи къ христіанству инородцевъ, живущихъ въ Казанскомъ учебномъ округѣ, изъ статьи о. Баратынскаго — о ненормальномъ распредѣленіи, въ инородческихъ училищахъ Буинскаго уѣзда, учебной дѣятельности и жалованья между свѣтскими учителями и священниками-законоучителями, и собственныя соображенія редакціи относительно заподозрѣнія статьею *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* о. Баратынскаго въ желаніи для духовенства первенства въ инородческихъ училищахъ и относительно разницы по-

ложенія Казанской крещено-татарской школы г. Ильминскаго и Буинскихъ инородческихъ училищъ. Заканчивается же эта статья слѣдующими строками: «*Вообще* мы совершенно не раздѣляемъ воззрѣній г. Золотницкаго, не вполнѣ «вѣримъ даже и тому, чтобы онъ, вращаясь въ разныхъ сферахъ жизни, зналъ «настолько чувашское нарѣчіе и бытъ, чтобы могъ *сочинить* чувашскій языкъ «и съумѣлъ правильно перевести на него церковное богослуженіе, тогда какъ «нарѣчіе это, по отзывамъ знатоковъ, не имѣетъ и выраженій для понятій от- «влеченныхъ. И для чего предполагается вся эта работа? Развѣ только для того, «чтобы доказать, что г. Золотницкій постигъ чувашское нарѣчіе въ совершен- «ствѣ; другихъ пользъ отъ этой работы мы не ожидаемъ».

Такъ какъ ни въ предположеніяхъ о. Баратынскаго, ни въ передовой статьѣ Листка до этого *вообще* ни слова не говорится ни о Золотницкомъ, ни о его воззрѣніяхъ, ни о бѣдности чувашскаго нарѣчія, ни о переводахъ на него церковнаго богослуженія, то неожиданное явленіе этого *вообще* въ заключеніи статьи съ перваго взгляда представляетъ дѣло въ такомъ видѣ, какъ будто плачевное положеніе Буинскихъ инородческихъ училищъ зависитъ именно отъ воззрѣній Золотницкаго, отъ бѣдности чувашскаго нарѣчія и отъ предпринимаемыхъ переводовъ. Однакоже высказываемыя за этимъ *вообще* соображенія обнаруживаютъ въ авторѣ передовой статьи одно лишь желаніе сказать что-нибудь не въ пользу той системы обученія инородческихъ дѣтей, которую отстаиваетъ Золотницкій.

Недавно возбужденный вопросъ объ образованіи инородцевъ восточной окраины европейской Россіи, переданный нынѣ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія на обсужденіе періодической печати и училищныхъ совѣтовъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ обитаютъ инородцы, имѣетъ особенный интересъ здѣсь — въ Казани, съ открытіемъ (4 сего октября) православнаго, во имя святителя Гурія, братства, поставившаго первою своею задачею «содѣйствіе утвержденію въ вѣрѣ православной крещеныхъ иновѣрцевъ, воспитаніе дѣтей ихъ въ духѣ православія чрезъ заведеніе *инородческихъ школъ* и распространеніе *книгъ на ихъ родныхъ языкахъ*», и съ образованіемъ совѣта братства, въ числѣ членовъ котораго выбраны собраніемъ братства именно тѣ дѣятели, которые стали во главѣ реакціи противъ прежней системы образованія инородцевъ (Ильминскій, Маловъ и Золотницкій) и нѣкоторыя лица, извѣстныя своимъ сочувствіемъ новой системѣ. Поэтому, перенося изъ «Современнаго Листка» на страницы «Справочнаго Листка г. Казани» строки, касающіяся инородческаго дѣла, мы пользуемся случаемъ для разъясненія нѣкоторыхъ недоразумѣній относительно новой системы образованія инородцевъ, — недоразумѣній, смущающихъ, какъ извѣстно, многихъ русскихъ людей не только отдаленныхъ отъ почвы зарожденія и укорененія этой системы, но даже и самыхъ близкихъ къ ней.

Сущность новой системы, какъ извѣстно, слѣдующая: «первоначальное обученіе инородческихъ дѣтей грамотѣ и Закону Божію на ихъ народномъ языкѣ (по книгамъ, писаннымъ русскими гражданскими буквами), одновременное обученіе ихъ русскому разговорному языку и затѣмъ дальнѣйшее обученіе по русскимъ и славянскимъ книгамъ съ непремѣннымъ переводомъ читаннаго на мѣстный инородческій языкъ». Эту сущность системы Золотницкій высказалъ (въ *Вятскихъ Губ. Вѣд.*) еще въ 1861 году съ полной увѣренностію въ правильности ея; успѣхи учениковъ Казанской крещено-татарской школы (въ основу которой г. Ильминскимъ, совершенно независимо отъ заявленія Золотницкимъ своей мысли, положена такая же система), обратили постоянную увѣренность Золотницкаго въ твердое убѣжденіе, которое трудно поколебать въ немъ какими бы то ни было недовѣріями и заподозрѣніями. Еще труднѣе смутить его какими-нибудь теоретическими соображеніями редакцій политическихъ, общественныхъ и литературныхъ газетъ, потому что единственными судьями и цѣнителями своей системы онъ признаетъ только спеціалистовъ въ дѣлѣ обученія и просвѣщенія инородцевъ и — болѣе всего — самихъ инородцевъ; а тѣ и другіе сочувствуютъ предлагаемой имъ системѣ и вполнѣ раздѣляютъ его воззрѣнія.

Здѣсь кстати скажемъ, что, по мысли Золотницкаго, священникомъ вятской епархіи Н. Блиновымъ, въ 1863 году, составлена (а нынѣ отпечатана и принята въ Вятскомъ краю въ руководство) *на вотяцкомъ нарѣчіи* азбука для вотяцкихъ дѣтей—Лыдзонъ (читальникъ); по возбужденному Золотницкимъ, при посѣщеніи имъ, въ февралѣ сего года, Козмодемьянскаго уѣзда, вопросу объ образованіи инородцевъ, наставникомъ Чермышевскаго приходскаго училища И. Кедровымъ, по системѣ Золотницкаго, составленъ (а теперь печатается на счетъ суммъ братства святителя Гурія) «Упрощенный способъ обученія чтенію черемисскихъ дѣтей горнаго населенія» *на горно-черемисскомъ* нарѣчіи; священникомъ того же уѣзда М. Рождественскимъ, по предложенію Золотницкаго, переведены (и мѣстнымъ уѣзднымъ училищнымъ совѣтомъ представлены въ губернскій совѣтъ) молитвы на томъ же нарѣчіи; священники Чебоксарскаго уѣзда В. Васильевъ, А. Дашковъ и П. Земляницкій оказали свое содѣйствіе Золотницкому переводомъ *на чувашское нарѣчіе* «Первоначальныхъ уроковъ русскаго языка для Чувашъ» (переводы эти ими уже доставлены ему). — Приведемъ также здѣсь слова священника-наставника М. Рождественскаго, изъ офиціальнаго отношенія его къ мировому посреднику г. Износкову, отъ 8 мая сего года за № 12, писаннаго по поводу предложенныхъ Золотницкимъ методъ обученія инородцевъ: «Помощника, опредѣленнаго начальством и получающаго за труды свои жалованье, я не имѣю. Но по моему пред«ложенію вызвались на дняхъ на это дѣло два старшихъ мальчика въ моемъ

«училищѣ изъ черемисскихъ дѣтей—Ѳеодоръ Семеновъ и Алексѣй Степановъ, «которые, въ видѣ испытанія, сдѣлали съ младшими мальчиками двѣ пробныхъ лекціи изъ Ветхаго Завѣта на народномъ черемисскомъ языкѣ, и оказа«лось, что родное къ родному скорѣе прививается и съ удовольствіемъ усвояет«ся. И теперь я за правило себѣ поставилъ, въ каждый классъ заставлять «означенныхъ помощниковъ вести съ младшими мальчиками подобнаго рода бе«сѣды изъ св. исторіи на ихъ родномъ нарѣчіи». — Вотъ еще отрывокъ изъ письма того же наставника къ Золотницкому отъ 21 іюля сего года: «Кромѣ «молитвъ я намѣренъ еще переводить исторію Ветхаго и Новаго Завѣта. Те«перь я самъ этимъ дѣломъ увлекся и хочу потрудиться сколько силъ и ума «хватитъ. Именно, правда ваша, Николай Ивановичъ, что до сихъ поръ настав«ники насиловали, такъ сказать, способности черемисскихъ учениковъ, отъ чего «и дѣло принималось ужасно туго, а теперь, надѣюсь, оно пойдетъ какъ нельзя «лучше».—Наконецъ, приводимъ цѣликомъ письмо къ Золотницкому природнаго «Чувашина — крестьянина Буинскаго уѣзда Степана Иванова, отъ 11 іюля: «Милостивый государь, Николай Ивановичъ. Я съ особеннымъ удовольствіемъ «читалъ оставленную вами у меня брошюру: «По вопросу о способахъ образова«нія Чувашъ», а также «Сӧлдалык-кнеге» и поспѣшаю принести вамъ выраже«ніе искренней моей благодарности. Я передавалъ вашу мысль многимъ изъ «своихъ товарищей и прочитывалъ «Сӧлдалык-кнеге» нѣкоторымъ неграмотнымъ «Чувашамъ, и отъ каждаго получалъ лестные о нихъ отзывы. Каждый находитъ «вашу мысль совершенно правильною и желаетъ скорѣйшаго осуществленія. Я, «съ своей стороны, имѣя пламенное желаніе помочь дѣлу народнаго воспитанія «и образованія въ религіозномъ духѣ, могу сказать, по долгу совѣсти, по долгу «службы въ званіи члена земской управы и члена училищнаго совѣта, только «одно, что при обученіи грамотѣ чувашскихъ дѣтей на природномъ ихъ языкѣ,— «нѣтъ сомнѣнія, суевѣріе, легкомысліе и нѣкоторые обычаи, отъ коихъ чисто «пахнетъ временами языческими, изчезнутъ какъ дымъ предъ лицомъ Бога. Теперь же, этотъ добрый народъ, въ простотѣ своихъ чувствъ, вѣруетъ и покланяется истинно невѣдомому Богу. Первое заключеніе я дѣлаю потому, что «мальчикъ, обучающійся грамотѣ на природномъ языкѣ, крѣпко можетъ усвоить «какъ св. исторію Ветхаго и Новаго Завѣта, такъ и заповѣди; а отецъ его, «слушая читаемое на природномъ языкѣ, будетъ стараться понимать, а это уже «будетъ служить достаточнымъ обезпеченіемъ къ тому, что ученики будутъ за«няты и у себя въ домѣ, при досугѣ, чтеніемъ, такъ какъ сами отцы будутъ «заставлять ихъ къ тому. Въ настоящее же время нѣтъ желанія у Чувашъ слу«шать читаемое дѣтьми ихъ потому, что слабо знакомы съ русскимъ языкомъ, «а иные вовсе не знаютъ этого языка, отчего чтеніе книгъ нисколько не инте«ресуетъ ихъ. По этой же самой причинѣ Чуваши и желаютъ только, чтобы

«дѣти ихъ умѣли писать, а все остальное, какъ не интересующее ихъ вслѣдствіе «непониманія русскаго языка, или печатнаго слова, находятъ почти лишнимъ. «Все это какъ нельзя болѣе справедливо, въ чемъ вы и сами убѣждены, но дѣ«ло въ томъ, что въ числѣ настоящихъ учителей едва ли будетъ много такихъ, «кои могли бы стремиться съ полною готовностію къ осуществленію вашей дра«гоцѣнной мысли и принести на дѣлѣ ожидаемую пользу. Поэтому мнѣ кажет«ся, что на первое время необходимо будетъ ограничиться только заботою о «приготовленіи такихъ учителей, кои могли бы принести пользу, а до приготов«ленія раздать въ нынѣшнія школы Евангеліе, св. исторію и катихизисъ, пере«веденные съ русскаго на чувашскій языкъ, такъ чтобы на одной половинѣ «страницы было написано по-русски, а на другой по-чувашски. Въ заключеніе долгомъ считаю присоединить, что въ «Сӧлдалык-кнеге» помѣщены нѣкоторыя слова на татарскомъ и вирьяльскомъ нарѣчіи. Напримѣръ по-татарски «ураза», «сагат», по-вирьяльски «пеликъ», «кыжальни — кон»; поэтому полезно было бы «сдѣлать о причинѣ допущенія этихъ словъ разъясненіе, или по крайней мѣрѣ «указать бы, что слово «ураза» — татарское; слово «пелик» называется «селек»; «кромѣ этого, есть неправильно выраженныя слова, но однакожъ немного, а «именно: въ статьѣ «Норус-оих», въ первой строкѣ, написано «талык», а слѣдова«ло бы, по здѣшнему нарѣчію, «тавлык»; въ статьѣ «Пожа-оих» на 11 строкѣ вмѣсто «тюгсэ» слѣдовало бы «тюрдсэ» *). О другихъ сообщу послѣ, такъ какъ, «быть можетъ, эти ошибки послѣдовали отъ описки, а теперь позвольте на«дѣяться, что вы, по великодушію своему, не обвините меня за сообщеніе озна«ченныхъ свѣдѣній. Съ чувствомъ глубочайшаго уваженія» и пр. **).

Страннымъ кажется выраженіе автора передовой статьи «*Современнаго Листка*»: «мы совершенно не раздѣляемъ воззрѣній г. Золотницкаго», тогда какъ сущность его воззрѣній, какъ сказано выше, составляетъ первоначальное обученіе инородцевъ на ихъ народномъ языкѣ, а между тѣмъ самъ авторъ предоставляетъ инородческому языку не послѣднее значеніе въ дѣлѣ обученія инородцевъ, говоря, что о. Баратынскій, «видя неопытность и, можетъ быть, неспо-

*) *Пелик*—опечатка вмѣсто «силик»; *Кыжальни-кон* (крѣпко морозный день)—мѣстное названіе праздника Богоявленія, приведено въ календарѣ для указанія невѣдѣнія Чувашъ, равно какъ и названіе Благовѣщенія—«сӧна прахны кон» (день бросанія саней); вмѣсто общеупотребительнаго у Чувашъ *ураза* (говѣнье) въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ говорятъ «гибе» (сухое); въ чисто-чувашскомъ нарѣчіи есть два глагола: *тюгэс* (толкать) и *тюрдэс* (ткать), въ буинско-тетюшскомъ нодрѣчіи послѣдній употребляется безразлично въ томъ и другомъ значеніи; вмѣсто общеупотребительнаго *сагат* (часъ въ мѣстностяхъ близкихъ къ Татарамъ выговаривается «сэгэт»; *талык* (сутки) въ буинско-тетюшскомъ нодрѣчіи выговаривается «гавлык»; — татарское «тяулик», а въ чисто чувашскомъ нарѣчіи *в*,—тат. *у*,—исчезаетъ въ предшествующемъ гласномъ звукѣ.

**) Въ Справочномъ же Листкѣ напечатана замѣчательная по многихъ отношеніяхъ записка того же Степана Иванова «О причинахъ равнодушія крестьянъ Буинскаго уѣзда къ дѣлу грамотности и о способахъ къ устраненію этихъ причинъ». См. ниже.

«собность большей части ихъ (особыхъ учителей), *какъ не знающихъ инородче-* «*скихъ языковъ*, желалъ бы, чтобы эти особые учители были помощниками при- «ходскихъ священниковъ въ тѣхъ училищахъ, въ которыхъ законоучители из- «вѣстны педагогическою опытностію» и—слѣдовательно—*знаніемъ инородче- скихъ языковъ.* Впрочемъ, это выраженіе и не заслуживаетъ особеннаго вни- манія, такъ какъ и самъ о. Баратынскій даетъ, какъ извѣстно, значеніе чуваш- скому нарѣчію, находя нужнымъ, при обозрѣніи училищъ, повѣрять познанія чувашскихъ дѣтей посредствомъ объясненій на ихъ нарѣчіи: инородческія учи- лища онъ объѣзжаетъ вмѣстѣ съ вышеупомянутымъ Чувашиномъ Степаномъ Ивановымъ, и послѣ того, какъ Буинскій училищный совѣтъ призналъ нуж- нымъ выписать для училищъ отъ Золотницкаго по 200 экземпляровъ издавае- мыхъ имъ чувашскихъ учебниковъ.

Что касается до недовѣрія къ достаточному усвоенію Золотницкимъ чуваш- скаго нарѣчія и до предположенія о постиженіи имъ этого нарѣчія въ совер- шенствѣ, то, за отзывомъ природныхъ Чувашъ о его книгѣ и за противорѣчі- емъ автора самому себѣ, не представляется надобности говорить объ этомъ.

Заподозрѣніе Золотницкаго въ стремленіи «*сочинить* чувашскій языкъ» почер- пнуто изъ статьи *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* (апрѣль 1867 г.), гдѣ, между прочимъ, говорится: «не будетъ ли г. Золотницкій вынуж- «денъ, для того чтобы дать хоть какую-нибудь литературную обработку чу- «вашскому нарѣчію, сблизить его сколь возможно съ болѣе развитымъ татар- «скимъ нарѣчіемъ, тѣмъ болѣе, что оба нарѣчія и безъ того уже близко род- «ственны между собою? Словомъ, для возведенія чувашскаго нарѣчія на сте- «пень языка школы и церкви не придется ли почти совершенно отатарить его «съ помощью многочисленныхъ заимствованій какъ изъ татарскаго, такъ изъ «другихъ болѣе развитыхъ тюркскихъ нарѣчій и, такъ-сказать, создать новый «языкъ для Чувашъ, не менѣе трудный и непонятный для нихъ и во всякомъ «случаѣ въ тысячу разъ менѣе полезный, чѣмъ языкъ русскій?» Не распростра- няясь въ подробностяхъ, скажемъ только, что всѣ подобныя опасенія совер- шенно напрасны: Золотницкому никогда не приходило на мысль давать чуваш- скому нарѣчію *литературную обработку* и сближать его съ татарскимъ или другимъ нарѣчіемъ; напротивъ, онъ въ своихъ переводахъ не допускаетъ ни малѣйшаго отступленія отъ *живой народной чувашской рѣчи*, не дозволяетъ себѣ составить ни одного новаго слова, формы слова или оборота, не суще- ствующихъ въ настоящемъ живомъ народномъ нарѣчіи: отъ того-то изложеніе его и становится яснымъ и понятнымъ для стараго и малаго Чувашина; правда, что скудость лингвистическаго состава чувашскаго нарѣчія не дозволяетъ дѣ- лать переводъ всегда буквально близкимъ къ подлиннику, и нерѣдко, осо- бенно при выраженіи отвлеченныхъ понятій, заставляетъ прибѣгать къ *пери-*

фразу, зато при этомъ самая главная забота состоитъ въ сохраненіи не буквы, но смысла и духа выраженія: такъ, напр., заглавіе книги «Священная исторія Ветхаго Завѣта» переводится: «Старая жизнь Божьяго народа» и это заглавіе, можно съ увѣренностію сказать, для Чувашина гораздо понятнѣе, чѣмъ русское заглавіе для русскаго селянина, для котораго изъ 4-хъ русскихъ словъ нѣтъ ни одного вполнѣ понятнаго. Что касается до *сближенія* чувашскаго нарѣчія съ какимъ либо другимъ, то оно, въ переводахъ Золотницкаго, сближается только во-первыхъ *съ русскимъ:* онъ, не стѣсняясь, употребляетъ «законъ», «святой», «праздникъ» и другія русскія слова, вошедшія въ общее употребленіе у Чувашъ, и во-вторыхъ—*съ церковнымъ*: «ангелъ», «архіерей», «Евангеліе», «монастырь» и другія греческія слова, усвоенныя русскимъ народомъ, идутъ у него взамѣнъ дозволенныхъ въ прежнихъ переводахъ чувашскихъ «Пюлюхси» (помощникъ Божій), «Мун-хорадум» (главный черноризецъ) и проч.

Говорятъ еще, что будто переводы Золотницкаго не могутъ быть понятны всѣмъ Чувашамъ оттого, что народная рѣчь Чувашъ не вездѣ одинакова—есть разница и въ словахъ и въ формахъ. Правда, что тетюшскій или буинскій Чувашинъ говоритъ: «сэгэт» вм. сагат, «рэхмэт» вм. рахмат, «тюс»—терпи (тат. тюз) вм. чит, «юлгав» - лѣнивый (тат. ялкау) вм. кагал, «кашкыр»—волкъ (тат. качкыр) вм. токмак, «кажик»—ложка (тат. кашиг) вм. сибала, «куймак»—блинъ (тат. кыймак) вм. йигерчь; правда, что ядринскій и козмодемьянскій Чувашинъ говоритъ на петербургскій манеръ: «кайза»—ушедши вм. кайре—ушолъ. Но дѣло въ томъ, что тѣ и другіе понимаютъ чебоксарскаго Чувашина также хорошо, какъ Казанецъ понимаетъ Вятчанина, когда послѣдній говоритъ: рынокъ вм. базаръ, огородъ вм. карда, раньше вм. прежде, не видѣлъ вм. не видалъ. Поэтому Золотницкій и не находитъ нужнымъ употреблять въ своихъ переводахъ неправильныя мѣстныя формы или *отатаривать* чувашское нарѣчіе, замѣняя извѣстныя чисто чувашскія слова хотя и употребительными у иныхъ Чувашъ, но прямо татарскими словами.

Наконецъ, что касается до «*перевода* на чувашское нарѣчіе церковнаго богослуженія», то Золотницкій допускаетъ необходимость отправленія только частнаго богослуженія на чувашскомъ нарѣчіи—исправленіе требъ и служеніе молебновъ, общественное же богослуженіе въ чувашскихъ приходахъ, по его мнѣнію, должно быть совершаемо не иначе какъ *на славянскомъ языкѣ*, во избѣжаніе разъединенія Чувашъ съ русскимъ народомъ по языку богослуженія; Золотницкій признаетъ необходимымъ только *объясненіе* церковнаго богослуженія на чувашскомъ нарѣчіи съ переводомъ эктеній, возгласовъ и пѣсней при славянскомъ текстѣ,—объясненіе, необходимое для усвоенія инородцами смысла богослуженія и для ознакомленія ихъ съ языкомъ церкви.

Въ заключеніе позволяемъ себѣ высказать, что новая система образованія

и обрусѣнія инородцевъ возбуждаетъ разныя сомнѣнія и опасенія въ тѣхъ, кто не давая себѣ труда изучить этотъ предметъ спеціально, судитъ о немъ по одной теоріи вѣроятностей, что эта система подвергается нареканію въ особенности отъ тѣхъ, кто, по введеніи ея въ дѣйствіе, опасается, по незнанію мѣстнаго инородческаго языка, потерять свое вліяніе на ходъ народнаго образованія, т. е. лица, имѣющія обязанность ревизовать успѣхи учащихся, и наставники, не подготовившіе себя къ первоначальному обученію инородцевъ на ихъ народномъ языкѣ.

По поводу статьи: «По инородческому дѣлу».

(Справочный Листокъ № 116.)

Вполнѣ раздѣляя взглядъ на обученіе инородцевъ, высказанный авторомъ приведенной выше статьи, мы находимъ нелишнимъ привести, какъ бы въ дополненіе къ этой статьѣ, еще нѣкоторыя обстоятельства, подтверждающія справедливость ея взгляда и говорящія въ пользу новой системы обученія.

Извѣстно, что въ послѣдніе годы, почти одновременно съ явно-обнаружившимся отпаденімъ крещеныхъ Татаръ въ магометанство, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, заселенныхъ Черемисами и Чувашами, обнаружилось движеніе въ пользу православія. Движеніе это, выразившееся въ ходатайствѣ о постройкѣ новыхъ церквей и монастыря, встрѣтило на первыхъ же порахъ сопротивленіе даже со стороны такихъ лицъ, отъ которыхъ всего скорѣе можно было бы ожидать содѣйствія ему.... Если обратить вниманіе на географическое положеніе тѣхъ мѣстностей, гдѣ первоначально обнаружилось это религіозное движеніе, то мы замѣтимъ, что онѣ составляютъ окраины черемисскихъ и чувашскихъ населеній. Пайгусовскій, Еласовскій и Владимірскій приходы, гдѣ появились первые двигатели черемисскаго дѣла, смежны съ русскими приходами; а вновь открывшійся приходъ Малокаракчинскій (заселенный Чувашами) прилегаетъ къ тѣмъ селеніямъ Черемисъ, въ которыхъ религіозное движеніе сдѣлалось уже довольно замѣтнымъ. Въ тѣхъ же самыхъ приходахъ грамотность между Черемисами и Чувашами развита болѣе чѣмъ въ другихъ (по крайней мѣрѣ въ Козмодемьянскомъ уѣздѣ), и замѣчательно, что развитію этой грамотности способствовали не школы, въ которыхъ почти до настоящаго времени преподаваніе шло по старой системѣ, а одиночное обученіе такими лицами, какъ, напр., Михаилъ Герасимовъ, Иванъ Захаровъ и пр. *). Въ д. Цыгановой (родина Ге-

*) О дѣятельности этихъ руководителей Черемисъ см. *Православное обозрѣніе* за октябрь и декабрь 1866 г.

расимова) есть нѣсколько семей, члены которыхъ отъ мала до велика, другъ отъ друга выучились грамотѣ. Спрашивается, какъ же учили ихъ? Съ полною увѣренностію отвѣчаемъ на это, что *«первоначальное обученіе* ихъ *грамотѣ и Закону Божію* происходило *на народномъ языкѣ*, причемъ шло *одновременное обученіе ихъ русскому языку* и затѣмъ *дальнѣйшее обученіе по русскимъ и славянскимъ книгамъ, съ переводомъ читаннаго на черемисскій языкъ»*. Недоставало только инородческихъ книгъ, писанныхъ русскими гражданскими буквами; но для учителей инородцевъ, занимающихся одиночнымъ обученіемъ, въ книгахъ этихъ не ощущалось такой необходимой потребности, какъ для школъ, и потому-то такое обученіе шло далеко успѣшнѣе школьнаго... При монастырѣ, устройство котораго разрѣшено Черемисамъ, но на постройку котораго, къ сожалѣнію, не имѣется въ настоящее время никакихъ средствъ *), Черемисы желаютъ устроить училище. Спросите ихъ, къ чему имъ это училище, когда уже въ открытыхъ училищахъ мальчиковъ бываетъ очень немного и когда этихъ мальчиковъ берутъ въ училища почти насильно? На это они вамъ скажутъ, что мы бы хотѣли въ нашемъ училищѣ учить своихъ дѣтей такъ, какъ училъ ихъ Михаилъ Герасимовъ, который, по словамъ Ивана Захарова, выучилъ до 4,000 человѣкъ; мы бы хотѣли, чтобы дѣти наши, пробывъ въ училищѣ года три или четыре, не забывали грамоту, чтобы они учились сначала по-черемисски, а потомъ по-русски. Мысль устроить при монастырѣ училище возникла въ средѣ Черемисъ далеко раньше того времени, когда было задумано писать черемисскіе учебники русскими гражданскими буквами; слѣдовательно сами Черемисы, независимо, пришли къ тому убѣжденію, что для успѣшнаго обученія необходимо учить не такъ, какъ до сего времени учили въ школахъ... Въ послѣднее время наставникамъ очень часто приходится убѣждать Черемисъ, чтобы они отдавали дѣтей своихъ въ школы, и часто приходится подмѣчать равнодушіе къ этимъ школамъ и выслушивать недовольство настоящимъ обученіемъ ихъ дѣтей **). Такимъ образомъ между школами и одиночнымъ обученіемъ видѣнъ разладъ, который можетъ ослабнуть единственно только при введеніи во всѣхъ школахъ новой системы обученія. Система эта, способствуя сближенію инородцевъ съ Русскими, будетъ регулировать ходъ какъ школьнаго, такъ и одиночнаго обученія. При введеніи этой системы каждому изъ настав-

---

*) На постройку монастыря въ 1862 г. Черемисы изъявили пожертвовать 6,274 руб 90 коп.; но съ того времени воды утекло много. Заключеніе Михаила Герасимова и полное равнодушіе къ ихъ дѣлу охладило многихъ изъ нихъ.

**) Обученіе по новой системѣ началось недавно, и то не во всѣхъ школахъ. Какъ исключеніе мы можемъ указать на школы: въ с. Маломъ Сундырѣ, с. Еласахъ и с. Пайгусовѣ; но и къ этимъ, исключая развѣ только первой, Черемисы не совсѣмъ еще привыкли.—У Чувашъ лучшая школа въ с. Ильинская пустынь, въ нее привозятъ дѣтей съ разныхъ сторонъ; но мѣстные мальчики вовсе не учатся въ ней.

никовъ вполнѣ будетъ яснымъ тотъ путь, по которому должно идти обученіе инородцевъ, путь, по которому давно уже слѣдовали въ достиженіи сближенія инородцевъ съ Русскими главные представители изъ народа.

Разборъ упрощеннаго способа обученія чтенію черемисскихъ дѣтей горнаго населенія, сост. И. Кедровымъ.

(Изъ 135 и 136 №№ *Справочнаго Листка.*)

Въ Казани появилась брошюра г. Кедрова въ 17 страницъ in 16-о (собственно текста). Не смотря на незначительность объема и крайнюю спеціальность брошюры, мы признаемъ ее заслуживающею того, чтобы познакомить съ нею какъ братчиковъ и сестеръ братства св. Гурія, такъ и вообще тѣхъ, кто интересуется дѣломъ первоначальнаго обученія инородцевъ. Кромѣ того, появленіе ея дастъ намъ новый случай высказать еще нѣсколько словъ по инородческому вопросу, переданному на обсужденіе періодической печати и училищныхъ совѣтовъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ обитаютъ инородцы.

Учебникъ г. Кедрова — *первое* изданіе братства св. Гурія. Совѣтъ братства, въ первомъ засѣданіи, 11-го октября, опредѣлилъ издать этотъ учебникъ на средства братства, а по отпечатаніи его, въ числѣ 1,200 экземпляровъ (изданіе обошлось въ 16 р. 81 к.), совѣтъ, въ третьемъ засѣданіи, 10-го ноября, распорядился одну половину отослать къ братчику, мировому посреднику Л. А. Износкову, участокъ котораго состоитъ почти весь изъ горныхъ Черемисъ, для безвозмездной раздачи учащимся въ училищахъ и школахъ черемисскимъ дѣтямъ, а другіе 600 экземпляровъ выдать составителю Кедрову. А Казанскій губернскій училищный совѣтъ, въ засѣданіи 3-го ноября, опредѣлилъ: допустить означенный учебникъ къ употребленію въ начальныхъ училищахъ тѣхъ мѣстностей, которыя населены горными Черемисами. Изданіе этого учебника принято совѣтомъ на счетъ суммъ братства не потому собственно, что составитель его — бѣдный сельскій приходскій учитель, но по ясному сознанію той пользы, какую эта брошюра можетъ принести дѣлу распространенія между Черемисами грамотности, а чрезъ нее и утвержденію ихъ въ православной вѣрѣ.

Учебникъ Кедрова написанъ *русскими гражданскими буквами* и изложенъ на *народномъ* горно-черемисскомъ нарѣчіи. Онъ заключаетъ въ себѣ: пріученіе къ чтенію по *звуковому* упрощенному способу, нравоученія, разсказъ изъ священной исторіи объ Іосифѣ, начертаніе цифръ и таблицу умноженія. Такимъ образомъ по методѣ и отчасти по составу онъ походитъ на «*Чуваш-*

кнеге»—учебникъ для чувашскихъ дѣтей, вышедшій въ Казани въ минувшемъ лѣтѣ, кромѣ того, что въ послѣднемъ заключаются еще: молитва Господня съ объясненіемъ, краткія повседневныя молитвы, Символъ вѣры, десятословіе и главнѣйшія заповѣди Христовы. А такъ какъ о «Чуваш-кнеге» доселѣ не говорилось еще ни слова, хотя первое изданіе ея (3,000 экземпляровъ) почти уже разошлось: то, по сходству этого чувашскаго учебника съ черемисскимъ, мы кстати будемъ говорить, гдѣ придется, объ обоихъ вмѣстѣ.

Вопросъ о значеніи *народнаго* языка въ дѣлѣ религіознаго просвѣщенія, первоначальнаго обученія и обрусѣнія инородцевъ достаточно разъясненъ: въ брошюрѣ «По вопросу о способахъ образованія Чувашъ» (*Каз. Губ. Вѣд.* 50 № 1866), въ статьяхъ *Справочнаго Листка г. Казани*: «По инородческому дѣлу» (№ 116), «По поводу статьи: По инородческому дѣлу» (№ 124), въ «Запискѣ о причинахъ равнодушія крестьянъ Буинскаго уѣзда къ дѣлу грамотности» (№ 127), въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1867 г.: «Казанская школа для дѣтей крещеныхъ Татаръ» (іюнь), «О школахъ Буинскаго уѣзда Симбирской губерніи» (апрѣль), «Еще нѣсколько словъ объ образованіи инородцевъ» (сентябрь) и въ «Рѣчи П. Д. Шестакова, произнесенной при открытіи братства св. Гурія» (*Спр. Л.* № 114). Послѣднія двѣ статьи особенно замѣчательны по обилію фактовъ, относящихся къ религіозному просвѣщенію инородцевъ посредствомъ народнаго языка, — фактовъ изъ первыхъ и послѣдующихъ вѣковъ христіанства, изъ подвиговъ святителя Варсонофія и изъ дѣятельности недавнихъ и современныхъ миссіонеровъ. По отношенію же къ горно-черемисскому учебнику Кедрова интересна третья изъ вышепомянутыхъ статей (№ 124), свидѣтельствующая о значеніи народнаго языка въ дѣлѣ распространенія грамотности и христіанства въ средѣ тѣхъ самыхъ Черемисъ, для дѣтей которыхъ составленъ учебникъ. — Обращая вниманіе читателей на поименованныя статьи, нельзя умолчать объ одномъ немаловажномъ, по нашему мнѣнію, фактѣ. Редакція *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* (сентябрь 1867) объявила, что «вопросъ о языкѣ православной церкви для инородцевъ восточной окраины европейской Россіи не подлежитъ вѣдѣнію Министерства Народнаго Просвѣщенія, и офиціальный его органъ долженъ уклониться отъ дальнѣйшаго его обсужденія». Но такъ какъ тотъ же самый органъ возбудилъ этотъ вопросъ при самомъ предоставленіи инородческаго дѣла на обсужденіе печати и училищныхъ совѣтовъ, съ представленіемъ разныхъ опасеній (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, апрѣль 1867); то, намъ кажется, что оговорка редакціи теперь уже не въ состояніи устранить постояннаго столкновенія этого вопроса съ вопросомъ объ училищахъ, тѣмъ болѣе, что разъединить ихъ невозможно безъ явнаго вреда и для инородческихъ училищъ, и для религіознаго просвѣщенія инородцевъ.

Понятно, что Чуваши очень рады появленію первоначальныхъ учебниковъ на ихъ народномъ нарѣчіи, явно видя въ нихъ облегченіе для своихъ дѣтей въ усвоеніи *русской* грамоты и находя въ нихъ понятное объясненіе *русской* вѣры и ея обрядовъ: нѣтъ ничего удивительнаго, что къ мировому посреднику, прочитавшему на сходѣ нѣсколько мѣстъ изъ «Чуваш-кнеге» и объявившему, что книжка эта стоитъ 3 к., протягиваются за нею десятки рукъ безграмотныхъ и боящихся грамоты Чувашъ. Учебникъ Кедрова, нѣтъ сомнѣнія, будетъ принятъ Черемисами не менѣе, если еще не болѣе, радушно. Это я заключаю потому, что бывшіе при повѣркѣ этого учебника Черемисы, на мое предложеніе пріѣхать въ Казань на мой счетъ и быть въ ней во время печатанія книжки, единогласно отозвались, что они готовы на это во всякое, даже въ рабочее, время и на собственный счетъ: «это, вѣдь, дѣло святое и для нашихъ Черемисъ «самое нужное, прибавили они: молитвы бы еще да Законъ Божій больно «нужно». (Молитвы на черемисскомъ языкѣ, вслѣдъ за учебникомъ Кедрова, представлены уже троими священниками Козмодемьянскаго уѣзда — Рождественскимъ, Ястребовымъ и Александровымъ.)

Молва о народныхъ черемисскихъ учебникахъ предупредила выходъ «Упрощеннаго способа»: въ томъ же засѣданіи совѣта братства, 10-го ноября, — когда дѣлалось распоряженіе о разсылкѣ учебника Кедрова, выслушано было письмо священника села Владимірскаго К. И. Нечаева къ одному изъ братчиковъ, которымъ онъ заявляетъ, что въ его приходѣ трое грамотныхъ «очень «способныхъ и надежныхъ» *Черемисъ*, вызвались открыть частныя школы въ деревняхъ и быть въ нихъ учителями. «Какъ бы желалось — пишетъ о. Нечаевъ — «открыть эти частныя школы! Что касается до меня, я буду двукратно «въ недѣлю посѣщать каждую школу, учить молитвамъ и объяснять ихъ, толко«вать священную исторію и во всемъ помогать учителю». Совѣтъ братства св. Гурія, безъ сомнѣнія, постарается по возможности поддержать эти школы; на первый разъ онъ поручилъ братчику Л. А. Износкову расходовать на нихъ деньги, поступающія по выданной ему сборной книжкѣ.

Вопросъ о томъ, что̀ такое *народное нарѣчіе*, кажется, тоже достаточно разъясненъ въ статьѣ «По инородческому дѣлу» (Спр. Л. № 116). Тамъ сказано, что это ничто другое, какъ *живая народная рѣчь*. Между тѣмъ намъ приводилось слышать, что, издавая первоначальные учебники на инородческихъ нарѣчіяхъ, мы создаемъ новые языки и хотимъ учить этимъ языкамъ инородцевъ. Даже, не смотря на разъясненіе П. Д. Шестакова (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, сентябрь), что языкъ учебниковъ—то самое «нарѣчіе, въ которое инородцы вслушивались, питаясь материнскимъ молокомъ» (стр. 265), редакція Журнала остается въ убѣжденіи, что мы «вновь сочиняемъ для инородческихъ дѣтей грамоту» (стр. 277). Извѣстно, что *русскія*

сельскія приходскія училища, не смотря на то, что ученье въ нихъ производится на *русскомъ* языкѣ, не находили, да и теперь почти не находятъ сочувствія къ себѣ въ *русскихъ* крестьянахъ: главная причина этого заключается въ неимѣніи для этихъ училищъ первоначальныхъ учебниковъ на *народномъ* нарѣчіи. Въ виду этого издаются книги для первоначальнаго обученія крестьянскихъ дѣтей на языкѣ *народномъ*, то есть ближе подходящемъ къ живой народной крестьянской рѣчи. Здѣсь правда беретъ свое: русскій вполнѣ обработанный литературный языкъ, ради успѣховъ просвѣщенія, нисходитъ до простонародной рѣчи; а между тѣмъ составляющихъ на народныхъ нарѣчіяхъ чувашскіе и черемисскіе первоначальные учебники подозрѣваютъ въ стремленіи дать этимъ нарѣчіямъ литературную обработку! «Позаботимся только—говоритъ редакція *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*,—о христіанском ихъ (инородцевъ) просвѣщеніи, хотя бы то, на первыхъ порахъ, и съ по-«мощью ихъ природныхъ нарѣчій, и о наученіи ихъ русскому языку и русской «грамотѣ» (Сент. стр. 278). Объ этомъ-то самомъ мы и заботимся, только ни насъ не понимаютъ, ни мы не можемъ вполнѣ понять совѣтующихъ намъ. Что̀ такое, напримѣръ, значитъ: «хотя бы то и съ помощью природныхъ нарѣчій»? Не разумѣетъ ли редакція подъ этимъ, что первоначальныхъ чувашскихъ и иныхъ учебниковъ не надо, а достаточно только *словесныхъ объясненій* на народномъ нарѣчіи? Если такъ, то мы отвѣтимъ, что и мы были бы очень рады, если бы были учители, знающіе, напримѣръ, чувашское нарѣчіе настолько, чтобы все читаемое учениками по русской книгѣ, все слышимое ими на славянскомъ языкѣ въ церкви, могли объяснять имъ на народномъ чувашскомъ нарѣчіи; но въ томъ-то и бѣда, что такихъ учителей мы еще не знаемъ. Если намъ укажутъ на ученыхъ Чувашъ, то я разскажу вотъ что̀: возвратясь домой, я засталъ Чувашина, окончившаго курсъ въ уѣздномъ училищѣ, долго служившаго писаремъ и достаточно обрусѣвшаго; въ ожиданіи меня онъ читалъ священную исторію Рудакова. Я попросилъ его разсказать мнѣ читанное по-чувашски и получилъ такой отвѣтъ: «въ этой книгѣ очень многое для меня — темна вода; «это языкъ образованнаго общества; я могу сказать вамъ только сущность про-«читаннаго, а въ подробностяхъ попрошу вашихъ объясненій». Если же намъ укажутъ на священниковъ, *знающихъ* чувашскій языкъ, то я засвидѣтельствую, что изъ нихъ знатоками чувашскаго языка считаются тѣ, которые знаютъ чувашскую грамматику, сочиненную по образцу русской, а такое знаніе и ведетъ къ тому, что Чуваши не понимаютъ ни поученій, говоримыхъ знатоками по-чувашски, ни чувашскихъ переводовъ, сдѣланныхъ ими. Въ одномъ изъ буинскихъ училищъ, мальчикъ изъ Чувашъ, на вопросъ о лицахъ Пресвятыя Троицы, бойко отвѣтилъ: «Богъ Отецъ, Богъ Сынъ, Богъ Духъ Святой», но затруднился сказать это же по-чувашски; тогда законоучитель, считающійся въ чи-

слѣ первыхъ знатоковъ чувашскаго языка, перевелъ ученику: «Тора Аште, Тора Ывыл, Тора Сывлыш», ученикъ же повторилъ за нимъ такъ: «Тор' Ашть, Тор'Ывыл, Тора Сывлишь»; законоучитель сказалъ: такъ. Но переводъ законоучителя значитъ: «Богъ—это его Отецъ, Богъ—это Сынъ, Богъ — это Духъ», а повтореніе ученика, съ приставкою едва замѣтныхъ притяжательныхъ суффиксовъ, значитъ: «Божій Отецъ. Божій Сынъ, Божій Духъ»: слѣдовательно законоучитель, не зная законовъ народной рѣчи, исказилъ догматъ, а ученикъ, не понимая догмата, изложилъ его по-шамански, и законоучитель съ нимъ согласился; тогда какъ правильнымъ народнымъ нарѣчіемъ слѣдовало сказать: «Атти-Тора, Ывыл-Тора, Сывлыш-Тора». Въ другомъ училищѣ ученики, по приказанію наставника, давно извѣстнаго знаніемъ чувашскаго языка, пропѣли молитву Господню сперва по-славянски, а потомъ по-чувашски, начавъ такъ: «Адій пирин, пюльтьсам-синьчэ порнагап! Санын ячe сарлдыр». Здѣсь противъ грамматики нѣтъ ошибокъ, но отъ разстановки словъ противъ закона народной рѣчи и отъ невѣрнаго употребленія суффикса, пропѣтое значитъ: «Отецъ, на нашихъ небесахъ живущій! У Тебя его имя да прославится». Подобныхъ примѣровъ я могу указать тысячу изъ всѣхъ прежнихъ чувашскихъ переводовъ.— Отсюда становится ясною необходимость «на первыхъ порахъ» изданія первоначальныхъ учебниковъ на народныхъ инородческихъ нарѣчіяхъ, — необходимость для наставниковъ ради правильнаго объясненія, а для учащихся ради правильнаго и яснаго пониманія изучаемаго христіанскаго вѣроученія и нравственныхъ правилъ.—Въ духовныхъ семинаріяхъ здѣшняго края воспитанники обучаются чувашскому и черемисскому языкамъ, изучая грамматики, собственно отучающія отъ народнаго нарѣчія, и упражняясь въ чтеніи прежнихъ переводовъ Евангелія и другихъ книгъ, составленныхъ на искусственныхъ нарѣчіяхъ. Для пользы дѣла мы посовѣтовали бы семинарскому начальству замѣнить эти учебники и книги чтеніемъ и разборомъ *народныхъ* «Чуваш-кнеге» и черемисскаго учебника Кедрова.

Кстати сказать, что почти всѣ, обсуждающіе инородческое дѣло, страшно смущены объявленіемъ, что я составляю «Изложеніе основныхъ правилъ чувашскаго языка — какъ тюркскаго нарѣчія». Смущеніе это происходитъ отъ мысли, что, во-первыхъ, по этой книгѣ чувашскія дѣти станутъ изучать свой языкъ, и что, во-вторыхъ, самимъ наставникамъ, *знающимъ* чувашскій языкъ, придется переучиваться какому-то *тюркскому* нарѣчію. Здѣсь все недоразумѣніе состоитъ, во-1-хъ, въ упущеніи изъ вида, что за составленіе этой книги я взялся вслѣдствіе своего заявленія о необходимости для наставника чувашскихъ дѣтей знать ихъ *народное* нарѣчіе и что, слѣдовательно, она предназначается для наставниковъ, а не для Чувашъ, которыхъ было бы смѣшно учить ихъ же народному языку, какъ смѣшно было бы учить русскаго человѣка русскому раз-

говорному языку; а во-2-хъ недоразумѣніе происходитъ отъ названія чувашскаго нарѣчія *тюркскимъ*, тогда какъ этимъ словомъ я хотѣлъ выразить разницу законовъ *народнаго* чувашскаго нарѣчія отъ того, которое составлено по законамъ русской грамматики.

Въ заключеніе рѣчи о народныхъ нарѣчіяхъ, считаю нужнымъ объясниться еще по одному недоразумѣнію. Редакція *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* (апрѣль 1867), имѣя въ виду измѣненіе предлагаемой системы первоначальнаго обученія Чувашъ, привела выписки изъ сочиненія Сбоева «Чуваши въ бытовомъ, историческомъ и религіозномъ отношеніи» (стр. 7, 8, 9 и 10), во свидѣтельство значительнаго уже обрусѣнія Чувашъ и замѣчательныхъ успѣховъ, достигаемыхъ дѣтьми ихъ въ русскомъ языкѣ на первомъ же году ихъ школьной жизни. Въ этихъ выпискахъ свидѣтелями противъ меня, невѣдомо для редакціи, поставлены: покойный Сбоевъ — мой профессоръ по университету, родственникъ по матери и, по его словамъ, «товарищъ путешествія по Чувашландіи» (стр. 148), —моя родина, тѣ Чуваши, среди которыхъ я проводилъ свои ученическія и студентческія каникулы, тѣ ученики Кошкинскаго училища, съ которыми мнѣ доводилось заниматься и наконецъ покойный отецъ мой, священникъ Ив. Вас. Золотницкій. Первое письмо Сбоева о Чувашахъ, изъ котораго приведены выписки, написано имъ въ іюнѣ 1848 г., въ с. Кошкахъ, въ домѣ моего отца, гдѣ онъ провелъ около мѣсяца, а прочія — писаны въ Казани. При всемъ уваженіи къ памяти Сбоева, во имя правды, считаю долгомъ высказать, что это первое письмо переполнено преувеличеніями относительно обрусѣнія Чувашъ, и что отецъ мой, которому авторъ при мнѣ прочитывалъ это письмо, во многомъ съ нимъ не соглашался и тутъ же просилъ его исключить похвалы въ отношеніи успѣховъ учениковъ Кошкинскаго училища, прямо говоря, что это — неправда. Не мало смущало отца это письмо, когда оно въ такомъ видѣ явилось въ печати.... И теперь, чрезъ 20 лѣтъ, Чуваши далеко не таковы, какими они представлены въ томъ письмѣ. «Многіе Чуваши объясняются на русскомъ языкѣ такъ свободно, что только привычное къ ихъ говору и разборчивое ухо можетъ признать въ нихъ Чувашъ», — выписала редакція съ 8 страницы книги Сбоева, но не выписала съ 10 стр., что «Чувашинъ никогда не пріучится совершенно чисто и правильно произносить наши «слова». Вполнѣ справедливыми можно назвать въ этомъ письмѣ, тоже пропущенныя редакціею, слова Сбоева (8 стр.), относящіяся, впрочемъ, въ дѣйствительности не къ Чувашкамъ только, но къ большинству Чувашъ, говорящихъ по-русски: «*Справедливость требуетъ однакожe* замѣтить, что Чувашки «только затверживаютъ русскія слова, но соединяютъ ихъ по своему, потому «что наше словосочиненіе имъ вовсе не дается. Оттого понимать ихъ иногда «бываетъ очень трудно». Кошкинское училище, въ свое время, дѣйствительно

считалось лучшимъ въ уѣздѣ, особенно по развитію учениковъ; краткую географію объяснялъ я нѣкоторымъ мальчикамъ, а болѣе Сергѣю и Егору, остававшимся у отца на вакатное время *); упоминаемая Сбоевымъ, и доселѣ хранящаяся у меня, географическая карта (маршрутъ отъ станціи Ямбулатовой до станціи Аккозиной) сдѣлана не Чувашленкомъ, а бывшимъ ученикомъ изъ Черемисъ Никитою Ласточкинымъ, когда онъ уже служилъ въ чертежной палаты Государственныхъ Имуществъ, и прислана имъ въ подарокъ моему отцу. Преувеличивъ успѣхи учениковъ въ изученіи ими русскаго языка, Сбоевъ, къ сожалѣнію, вовсе не обратилъ вниманія на причину, отъ которой зависѣло достаточное развитіе учениковъ Кошкинскаго училища. Отецъ мой, уроженецъ русскаго села Курмышскаго уѣзда, послѣ восьмилѣтняго изученія чувашскаго народнаго нарѣчія «въ теченіи 3 мѣсяцевъ обратилъ 1,009 душъ своихъ прихожанъ-Чувашъ отъ языческихъ заблужденій къ христіанской религіи», за что высокопреосвященный Филаретъ благословилъ ему «носить набедренникъ при священнослуженіи» (указъ каз. конс. 9 апрѣля 1831 г. № 2,714). Поэтому, понимая значеніе народнаго языка, онъ во время наставничества, не смотря на запрещенія штатныхъ смотрителей и окружныхъ начальниковъ, ревизовавшихъ училище,—послѣ того какъ мальчики, года въ два, при помощи старшихъ учениковъ, усвоивали механизмъ чтенія по обыкновенному букварю, — заставлялъ ихъ читать *чувашское* Евангеліе, *чувашскій* катихизисъ, *чувашскую* священную исторію, хотя и плохо переведенные (изд. 1821 и 1832 г.), объясняя или переводя прочитанное по-русски, а нѣкоторымъ «болѣе смышленымъ» давалъ читать и *чувашскую* грамматику (изд. 1836 г.), для сравнительнаго ознакомленія съ русскимъ языкомъ, и только этимъ, въ остальные полтора или два года курса, добивался того, что отвѣты старшихъ учениковъ — отвѣты, конечно, по-русски — были достаточно сознательные, а не безсмысленно задолбленные; а ревизоры, оставаясь довольны успѣхами учениковъ, постоянно ему говорили, «только, пожалуйста, батюшка, ни слова съ ними по-чувашски».—Такой образъ дѣйствій въ отношеніи къ училищному начальству, ради снисхожденія къ Чувашлятамъ, въ глазахъ иныхъ, можетъ быть, и непохваленъ, но отецъ очевидную пользу своихъ прихожанъ считалъ дороже похвалъ себѣ, и кошкинскіе Чуваши понимали это: недавно одинъ изъ нихъ, чрез 14 лѣтъ по кончинѣ отца, сказалъ мнѣ: «сан азю вильзэнь дэ вильмэнь, кирик-хели-да она азнатнир» (твой отецъ и по смерти не умеръ, мы завсегда его вспоминаемъ).

*) Первый былъ моимъ постояннымъ спутникомъ по лѣсамъ и на уженьѣ рыбы и разсказывалъ мнѣ чувашскія сказки, а второй училъ меня пѣть чувашскія пѣсни, сборникъ которыхъ, въ числѣ 25, мною составленный, съ моимъ переводомъ, я подарилъ Сбоеву; 8 изъ нихъ онъ напечаталъ въ своей книгѣ (стр. 149 — 162); а другой экземпляръ этого сборника, по просьбѣ профессора Фатера, я доставилъ ему съ латинскимъ переводомъ и комментаріями; онъ увезъ его въ Германію.

Мы сказали, что учебникъ Кедрова написанъ *русскими гражданскими буквами,* какъ и чувашскіе «Сӧлдалык-кнеге» (календарь съ объясненіемъ праздниковъ) и «Чуваш-кнеге». Татарскіе учебники г. Ильминскаго пишутся тоже русскими гражданскими буквами, не смотря на то, что у Татаръ есть свой алфавитъ. Это первый шагъ къ русской грамотѣ: Черемисинъ или Чувашинъ, начиная съ первой согласной читать свои слова: «Юма, им, ус, сій», можетъ уже не учась особо русской грамотѣ, читать и русскія слова: яма, имъ, усъ, сей. Св. Кириллъ, не имѣвшій въ виду политическаго объединенія Славянъ съ Греками, для перевода книгъ составилъ славянскую азбуку, а св. Стефанъ, имѣя въ виду одно только религіозное просвѣщеніе Пермяковъ и Зырянъ, «изобрѣлъ бук-«вы дотолѣ незнаемыя, для полнаго выраженія звуковъ языка дикаго; буквы «сіи заимствовалъ изъ алфавита славянскаго, примѣняясь отчасти и къ тѣмъ не-«многимъ знакамъ, которыми Зыряне замѣняли у себя недостатокъ письменъ» (*Житія святыхъ росс. церкви*, апрѣль, стр. 103). Стараніе правильно выражать звуки заставляетъ нашихъ ученыхъ, при печатаньи инородческихъ текстовъ русскими буквами, вставлять иногда нѣмецкія буквы, а иногда изобрѣтать особые знаки. Но мы, имѣя въ виду обрусѣніе инородцевъ, ради облегченія для нихъ перехода къ чтенію русской книги, приноравливаемся какъ можно ближе къ русскому правописанію, прибавляя только для изображенія черемисскихъ звуковъ: ӧ (франц. eu) и ӱ (фр. u), а въ чувашскихъ учебникахъ еще: г̈ (лат. h).

Обученіе чтенію по *упрощеннымъ звуковымъ методамъ,* о введеніи которыхъ въ школы такъ много заботятся здѣшнія и земство и епархіальное начальство, имѣетъ особенно важное значеніе въ дѣлѣ первоначальнаго обученія инородцевъ. Какія затрудненія вообще представляетъ, на первыхъ порахъ, усвоеніе звуковъ чуждаго языка—это каждый испыталъ или можетъ испытать самъ на себѣ. Безъ сомнѣнія, въ виду подобныхъ затрудненій, великіе народные учители, каковы св. Кириллъ и Стефанъ пермскій поставлены были въ необходимость составлять приноровленныя къ звукамъ славянскаго и пермяцкаго языковъ буквы, замѣняя и самыя названія греческихъ буквъ *алфа, вита* народными *азъ, буки* или *а-бур.* *).—Обученіе инородческихъ дѣтей грамотѣ по русской азбукѣ составляетъ невообразимую для насъ муку. Одно лицо, всячески отговаривавшееся завести школу, сказало мнѣ наконецъ: «Да вы развѣ не «знаете, что этихъ каналій-Чувашлятъ *рѣшительно невозможно* учить гра-«мотѣ? Ему толкуешь *буки,* а онъ, бестія, хоть убей его, твердитъ *пуги,* ему—«*глаголь,* а онъ—*хлаголь,* ему—*добро,* а онъ—*топро*.... плюнешь да и бро-

*) «Онъ же (Стефанъ) сътвори имъ (пермякамъ) грамоту, нову азъбуку пермскую съложивъ, «съчини.... числомъ четыре межю десятьма (24) словъ; ова убо слова по чину греческихъ пись-«менъ, ова же по рѣчи пермскаго языка.... се имяна словомъ азбуки пермския: абуръ, гаи, дои, «сжои, джои, зата, зита, икоке, алемено, пено, вонѣй, реи, сии, таи, цю, черы, шуян, сюю». Памятн. стар. рус. литер. вып. 4, стр. 151, 152.

«сишь». Я больше чѣмъ наполовину согласенъ съ этимъ отзывомъ. Въ чувашскомъ народномъ нарѣчіи: 1) вовсе нѣтъ звуковъ *ф*, *ц*, *щ*; 2) изъ согласныхъ половина звуковъ парные, замѣняющіе по надобности другъ друга: мягкимъ *б*, *д*, *з*, *ж*, *г*, *і* соотвѣтствуютъ жесткіе *п*, *т*, *с*, *ш*, *к*, *х*; мягкіе употребляются только въ срединѣ между гласными, а жесткіе въ началѣ и въ концѣ слова и слога; отъ этого а) мягкими нельзя ни начать, ни кончить ни одного слова; «Богъ, «далъ, бей, дубъ, зубъ, жилъ, годъ, гость, гора» — Чувашинъ по природѣ своего нарѣчія *долженъ* выговорить: «Похъ, талъ, пей, тупъ, супъ, шилъ, котъ, «кость, кора»; б) жесткихъ же нельзя употребить между гласными; «липа, уха, «каша, соха, лукавый», должно выговорить: «либа, уга, кажа, сога, лугавый»; если же необходимо удержать жесткій звукъ между гласными, то его нужно удвоить, потому что одинъ онъ тотчасъ превратится въ мягкій: «аппа, атти, виссе, ушша, «икке, поххи», иначе выйдетъ: аба, ади, визе, ужа, иге, поги; точно также Чувашинъ долженъ удвоить и мягкій звукъ, если *принужденъ* будетъ выговорить *чище* и удержать его въ началѣ слова, что особенно для него трудно; при особенномъ стараніи онъ скажетъ: «*бб*ылъ, *гг*ора, *дд*ай, *жж*илъ, *зз*емля». Поэтому понятно, что славянскія буквы Чувашинъ, по устройству его орудія слова, долженъ выговаривать такъ: «пукки (или: пуги), клаголь, топро, шиветти (шиведи), семля, какко (каго), мыслетти (мыследи), поккой (погой), хвертъ, шпа», а русскія: б, г, д, ж, з, ф — произносить «пе, ке, те, ше, се, эхвъ»... Подобно этому и черемисскія дѣти выговариваютъ: «вуки, витэ, клагой, товро» и пр. — *Звуковой* способъ обученія чтенію русскихъ дѣтей состоитъ, какъ извѣстно, въ томъ, что, ознакомившись съ гласными звуками посредствомъ подвижной азбуки, дитя приступаетъ къ безгласнымъ звукамъ: составляется изъ карточекъ, напримѣръ, слово *оба*, выговаривается, отбрасывается отъ него карточка *а*, выговаривается *об*; дитя беретъ карточку *б* правой рукой, прикладываетъ ее къ каждой гласной справа, произноситъ *аб*, *уб*, *юб*, потомъ отъ слова *оба* откидывается *о*, выговаривается *бо*, дитя беретъ *б* лѣвой рукой, прикладываетъ къ каждой гласной слѣва, произнося *бы*, *бу*, *ба*; затѣмъ составляетъ слова *баба*, *бобы*, *бой*, и т. д. Но, на основаніи вышесказаннаго, у чувашскаго дитяти, и при такомъ способѣ, будетъ выходить: «пы, пу, по, паба, побы, пой», а у черемисскаго — «вава, вовы, вой». — Отсюда, во-1-хъ, очевидно наше безчеловѣчіе, съ какимъ мы насилуемъ природу инородческихъ дѣтей, начиная тиранить ихъ съ той минуты, какъ только усадимъ ихъ за русскій букварь или новѣйшую азбуку *), и, во-2-хъ, очевидна и необходимость изданія первоначальныхъ учеб-

*) Знаю, что, говоря такъ, даю новый поводъ обвинять меня въ томъ, что я «говорю во имя гуманности», но, воля ваша, я не могу насмѣхаться и наругаться надъ природой инородцевъ и величать ихъ «всѣхъ безъ изъятія глупыми дураками, негодяями, звѣрями, полудикими овцами» (см. Сар. Л. №№ 121 и 129, статьи г. Комарова и священника А. А.) и не хочу, подобно многимъ, говорить объ нихъ и объ ихъ потребностяхъ на обумъ и безъ уваженія къ ихъ человѣческой природѣ.

никовъ для инородцевъ на ихъ народныхъ нарѣчіяхъ съ полной приноровкой упрощенныхъ звуковыхъ способовъ къ законамъ этихъ нарѣчій. Такъ именно составлены учебники «Чуваш-кнеге» и черемисскій—Кедрова. При обученіи же русской грамотѣ, мы, на первыхъ порахъ, не заботимся о чистотѣ звуковъ, не преслѣдуемъ удвоеній и смягченій звуковъ: намъ дороги въ ученикѣ, прежде всего, не механика и процессъ чтенія, а сознательное усвоеніе читаемаго.

Скажутъ еще, можетъ быть, что однакоже эти чувашскіе и черемисскіе учебники не могутъ быть понятны *вполнѣ вездѣ каждому* Чувашину и Черемисину (Спр. Л. № 116): а пусть укажутъ намъ хоть на одинъ *русскій* учебникъ, *каждое* слово котораго было бы *вполнѣ* понятно *каждому* русскому крестьянину *въ какой угодно* мѣстности.

Скажутъ еще... Да, впрочемъ, мы знаемъ, что по инородческому вопросу намъ придется выслушать еще много и возраженій, и нареканій, и несогласныхъ съ нашими воззрѣніями мнѣній. Но, при новости дѣла и при обсужденіи его безъ нужной для того подготовки, очень естественно, что люди, опасающіеся новизны, желающіе вести дѣло по своему старому или по примѣру другихъ, будутъ несогласны съ нами: благо имъ, что уже Ученый Комитетъ Министерства противъ нашей системы и что редакція офиціальнаго органа потрудилась «преувеличить опасности» принятія этой системы и выставить ужасающіе призраки сепаратизма и т. п. При всемъ этомъ мы твердо увѣрены, что «правда возьметъ свое». Мы знаемъ, что дѣло наше немаловажно и что подобныя дѣла всегда подвергаются нареканіямъ современниковъ или, по крайней мѣрѣ, не вполнѣ радушно ими принимаются. Не ради уподобленія, но для бо́льшаго одушевленія себя, припомнимъ непріятности, какія претерпѣли св. Кириллъ и Меѳодій. Они дали Славянамъ книги на ихъ языкѣ и только за это подвергались преслѣдованію отъ утверждавшихъ, что Священное Писаніе слѣдуетъ читать только на трехъ языкахъ: еврейскомъ, греческомъ и римскомъ. Они дали Славянамъ даже особый алфавитъ, но ни алфавитъ, ни книжный языкъ не объединили Славянъ ни политически, ни по письменности, а только споспѣшествовали просвѣщенію ихъ. Угро-словакъ въ своемъ воспоминаніи о городѣ Нитрѣ, воспѣваетъ не народную грамоту, а слово Божіе, проповѣданное Меѳодіемъ:

«Nitra, mila Nitra, ty Slowenska mati,
Co pozzem na teba musim zaplakati...
Ty si bola swěto město Metodowo,
Ked tu našim otcom kazal bože slowo»....

равно какъ и Хорутанинъ, вспоминая переводчиковъ Библіи, не увлекается народностью данной ими грамоты, а лишь дивится знанію ими роднаго его языка:

«Nam biblió dala
Ciril i Metod,
Slovénszinó snala
Ne vemò odkod».

Св. Стефанъ далъ Пермякамъ и книги на ихъ языкѣ, и даже азбуку, но ни тѣ, ни другая не послужили къ обособленію Пермяковъ, не смотря на тогдашнее ихъ нерасположеніе къ Москвѣ. Кудесникъ ихъ Памъ всенародно говорилъ тогда: «отъ Москвы можетъ ли что̀ добро быти намъ? Не оттуду ли намъ тя«жести быша, и дани тяжкія и насильства, и тивуні и довотщици и приставни«ці»? (*Пам. стар. рус. литер.*, вып. 4, стр. 138.) Объ нынѣшнихъ же Пермякахъ извѣстно, что «вѣру всѣ они исповѣдуютъ православную русскую и очень ис«полнительны въ христіанскихъ обязанностяхъ; раскольниковъ между ними «нѣтъ совсѣмъ.... Во многихъ уже коренныхъ пермяцкихъ домахъ совсѣмъ не «говорятъ по-пермяцки, а всегда по-русски, и рѣдко уже можно найдти такихъ «Пермяковъ, которые не умѣли бы говорить по-русски, исключая только немно«гихъ женщинъ или дѣтей, живущихъ въ отдаленныхъ деревняхъ» (*Перм. Губ. Вѣд.* 1854 г. № 44). А между тѣмъ,—по свидѣтельству преподобнаго Епифанія (ученика св. Сергія), лично знавшаго св. Стефана и цѣнившаго заслугу его по переводу богослужебныхъ книгъ на пермяцкій языкъ наравнѣ съ подвигомъ славянскихъ апостоловъ, — въ то время какъ многіе «паче же на Москвѣ ди«вляхуся, глаголюще: како сей умѣетъ книги Пермския доспѣти», «нѣціи, скуд«ни суще умомъ, рѣша: почто ли сътворени суть кніги Пермския; или что ради «составлена бысть азбука Пермския грамоты? И прежде бо сего издавна въ «Перми не было грамоты, пошлина сущи такова, не имущимъ имъ издавна у се«бѣ грамоты, и тако изживщимъ имъ вѣкъ свой безъ нея; нынѣ же въ кончанія «лѣтъ, въ послѣдняя дни на исходъ числа седмыя тысящи, паче же мала ради «времени, точію за 120 лѣтъ до скончанія вѣку, грамота замышляти! Аще ли и «се требѣ есть, достояше паче Русскаа, готова сущи, грамота, юже предати имъ «и научити я; суть бо писмена кніжная, ихже издавна по пошлинѣ имуще языци «у себѣ, якоже се Жидовски, Еллински, Римски» (*Пам. ст. русск. литер.*, вып. 4, стр. 151 и 152.)

Н. Золотницкій.

Записка о причинахъ равнодушія крестьянъ буинскаго уѣзда къ дѣлу грамотности и о способахъ къ устраненію тѣхъ причинъ.

(Изъ 125, 126 и 127 №№ *Справочнаго Листка города Казани.*)

Предлагая вниманію читателей записку о способахъ къ устраненію причинъ, замедляющихъ ходъ народнаго образованія въ Буинскомъ уѣздѣ, составленную членомъ Буинской уѣздной земской управы и тамошняго уѣзднаго училищнаго совѣта крестьяниномъ изъ природныхъ *Чувашъ* Степаномъ Ивановымъ, представляющую своеобразный взглядъ на устройство школьнаго дѣла и обнаруживающую въ составителѣ ея и наблюдательность, и начитанность, и полное усвоеніе русскаго языка путемъ самообразованія,—считаю небезполезнымъ сообщить собранныя мною краткія свѣдѣнія о составителѣ этой записки.

Степанъ Иванычъ родился Буинскаго уѣзда въ селѣ Новомъ Ильмовомъ Кустѣ. Грамотѣ учиться онъ началъ въ отстоящемъ отъ Ильмова въ 16 верстахъ Убѣевскомъ сельскомъ училищѣ, гдѣ, впрочемъ, пробылъ только около полугода и выучилъ только одну азбуку. Тѣмъ и кончилось собственно школьное образованіе его. «Чуваши желаютъ только, чтобы дѣти ихъ умѣли писать, а все остальное, какъ не интересующее ихъ вслѣдствіе непониманія русскаго языка или печатнаго слога, находятъ почти лишнимъ»—говоритъ Степанъ Иванычъ въ письмѣ ко мнѣ отъ 11 іюля сего года (напеч. въ 116 № *Справ. Лист. г. Казани*), а въ запискѣ онъ объясняетъ, что «крестьяне видятъ пользу отъ грамотности только въ тѣхъ дѣтяхъ, кои могутъ прочесть имъ рукопись—что всего важнѣе, или книжку и записать счетъ по хозяйству или приложить руку». Смотря, безъ сомнѣнія, съ такой именно точки зрѣнія на грамотность, родители Степана Иваныча, занимавшіеся торговлею, взяли его изъ училища тотчасъ по усвоеніи имъ азбуки и отдали для обученія письму въ удѣльный приказъ, но и оттуда часто отрывали его отъ ученья по занятію торговлей. «Съ начала мнѣ очень не хотѣлось учиться—говорилъ мнѣ самъ Степанъ Иванычъ—и учился я вообще кое-какъ, потомъ уже сталъ понимать пользу ученья, а теперь хотя и благодаренъ, что выученъ грамотѣ, но, по справедливости сказать, я былъ бы еще больше доволенъ, если бы отецъ отдалъ меня тогда въ какое либо высшее учебное заведеніе, а безъ этого мнѣ пришлось достигать до всего добраго большими усиліями». Ознакомившись съ грамотою, Степанъ Иванычъ поступилъ въ писцы сперва въ удѣльный приказъ, а потомъ въ симбирскую удѣльную контору.

Въ запискѣ своей Степанъ Иванычъ высказываетъ необходимость «воспитывать мальчика на первыхъ порахъ *примѣнительно* къ трудовой жизни,

такъ чтобы по выходѣ изъ школы онъ былъ опытнымъ пахаремъ и добрымъ хозяиномъ; а это возможно только тогда, когда грамота пойдетъ рука объ руку съ навыкомъ въ необходимомъ для крестьянина ремеслѣ». Выше сказано, что домашніе Степана Иваныча занимались торговлей, а между тѣмъ онъ избралъ себѣ другое поприще: это, очевидно, было слѣдствіемъ именно того, что онъ образовался вовсе не примѣнительно къ быту родителей и, во время обученія въ приказѣ, получилъ наклонность къ письмоводству. По соображеніи воззрѣній Степана Иваныча на школьное дѣло со степенью настоящаго его развитія, мнѣ представляется, что минованіе школьнаго ученья было особенно благодѣтельно для дальнѣйшаго его самообразованія, такъ какъ сельская школа, въ прежнемъ и настоящемъ ея видѣ, поселяла и поселяетъ въ инородцахъ одно лишь отвращеніе отъ книги и отъ науки вообще.

Изъ удѣльной конторы онъ, въ концѣ 1854 года, посланъ былъ въ помощники писаря въ одинъ изъ удѣльныхъ приказовъ; потомъ, въ началѣ 1855 года, опредѣленъ писаремъ. Въ этой должности онъ былъ 7 лѣтъ и въ эти 7 лѣтъ переслужилъ въ 7-ми приказахъ: въ каждый изъ нихъ начальство перемѣщало его для приведенія въ порядокъ запущенныхъ дѣлъ и счетоводства. «Во время всей службы на него не только не было жалобъ,— такъ отзывался мнѣ одинъ изъ бывшихъ сослуживцевъ Степана Иваныча,—а напротивъ вездѣ всѣ крестьяне очень любили его и жалѣли, когда начальство переводило его въ другой приказъ». Въ началѣ 1863 года, онъ, за усердную и полезную службу, Высочайше пожалованъ золотыми часами, а въ вознагражденіе издержекъ на переѣзды выдано ему, съ разрѣшенія департамента удѣловъ, единовременно изъ удѣльныхъ доходовъ 60 рублей. Послѣ того онъ, по приглашенію г. управляющаго Симбирскою удѣльною конторою А. Ф. Бѣлокрысенко, поступилъ въ помощники столоначальника въ удѣльную контору. Въ этой должности былъ онъ около 3-хъ лѣтъ и наконецъ выбранъ въ члены буинской земской управы.—Степану Иванычу теперь около 30 лѣтъ, женатъ онъ на Русской и сильно занятъ воспитаніемъ своихъ дѣтей.

Много хорошаго о Степанѣ Ивановичѣ наслышался я отъ бывшаго въ Буинскѣ по своимъ дѣламъ знакомаго мнѣ казанскаго купца С. А. Арефьева, а потому по пріѣздѣ, нынѣшнимъ лѣтомъ, въ Буинскъ, я спѣшилъ познакомиться со Степаномъ Иванычемъ. Были мы у него въ квартирѣ, вмѣстѣ съ тамошнимъ штатнымъ смотрителемъ В. Н. Елисовымъ, вечеромъ 18 іюня. Цѣль знакомства у меня состояла, по обыкновенію, въ томъ, чтобы провѣрить мои воззрѣнія на дѣло образованія инородцевъ, и мнѣ, признаться, представлялось, что обрусѣвшій инородецъ, когда дѣло дойдетъ до инородческаго вопроса, выслушавъ мое мнѣніе о необходимости первоначальнаго обученія инородцевъ на ихъ народномъ нарѣчіи, не согласится со мною и укажетъ прямо на себя, какъ на

одинъ изъ образчиковъ обрусѣнія посредствомъ русской грамоты, даже и безъ пособія народнаго нарѣчія. Но, прежде чѣмъ разговоръ коснулся собственно инородческаго дѣла, Степанъ Иванычъ сказалъ, что онъ уже знакомъ со мною по статьѣ, вычитанной имъ въ «Сынѣ Отечества» (компилированной изъ извѣстной статьи *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* «Къ вопросу объ устройствѣ училищъ для инородческихъ дѣтей Казанскаго учебнаго округа»—апрѣль, 1867 г.) и что онъ совершенно согласенъ съ моимъ убѣжденіемъ и вполнѣ доволенъ предложенною мною программою для первоначальнаго образованія и обрусѣнія Чувашъ. На другой день—19 іюня—Степанъ Иванычъ навѣстилъ меня въ моей квартирѣ, принесъ съ собою и № «Сына Отечества», гдѣ напечатана помянутая компиляція, и, на вопросъ мой: почему же именно онъ не сочувствуетъ программѣ, предлагаемой взамѣнъ моей программы?—онъ отвѣчалъ, что моя программа составлена примѣнительнѣе къ мѣстнымъ потребностямъ и сообразнѣе съ цѣлію религіознаго просвѣщенія и обрусѣнія Чувашъ, а что другая программа *сочинена* въ Петербургѣ, откуда на чувашскихъ дѣтей смотрятъ какъ на барскихъ дѣтей, и гдѣ о Чувашахъ судятъ заочно по какимъ-то сомнительнымъ свѣдѣніямъ. Таковой приговоръ онъ, при дальнѣйшемъ разговорѣ, подтвердилъ очень основательными доводами. Сужденія Степана Иваныча интересовали меня, можно сказать, до удивленія, въ особенности по солидарности ихъ съ моими воззрѣніями, тогда какъ онъ не зналъ даже и о существованіи моей брошюры «По вопросу о способахъ образованіи Чувашъ», которую я далъ ему при этомъ свиданіи вмѣстѣ съ «Сӧлдалык кнеге». (Отзывъ его объ этихъ брошюрахъ извѣстенъ читателямъ изъ 116 № *Справ. Листка.*) Свиданіе наше, къ сожалѣнію, было очень кратковременно: Степану Иванычу нужно было тотчасъ же ѣхать въ с. Бурундуки къ А. И. Баратынскому, для поѣздки вмѣстѣ съ нимъ по ревизіи училищъ. При этомъ же свиданіи онъ передалъ въ полное мое распоряженіе собственноручную записку. Въ октябрѣ онъ доставилъ мнѣ другой экземпляръ ея, ниже помѣщаемый, въ которомъ имъ сдѣлано дополненіе, касающееся инородческаго вопроса, и въ это дополненіе введено все то, что въ прежней запискѣ относительно инородцевъ было разбросано по разнымъ мѣстамъ.

Н. Золотницкій.

Вотъ теперь самая его записка:

Въ селеніяхъ бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ Буинскаго уѣзда школы существуютъ съ 1840 года числомъ около 20-ти, въ каждой обучается до 40

мальчиковъ; курсъ ученія продолжается въ тѣхъ училищахъ, гдѣ обучаются дѣти инородцевъ, 4 года, а въ другихъ 3. Если предположить, что изъ каждой школы выпускалось съ 1844 года, по экзамену, за окончаніемъ курса ученія, покрайней мѣрѣ по 10 человѣкъ, а изъ всѣхъ 200 мальчиковъ въ годъ, то въ теченіи 22-хъ лѣтъ должно быть грамотныхъ около 4,400 человѣкъ. Въ Буинскомъ уѣздѣ 200 селеній бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ. Стало быть на каждое селеніе приходится до 22-хъ человѣкъ грамотныхъ, но въ натурѣ съ трудомъ можно найти въ какой угодно деревнѣ отъ 1-го до 3-хъ только крестьянъ, могущихъ читать и подписать свое имя, всѣ же прочіе наличные воспитанники, не смотря на то, что учились достаточное время, все перезабыли, а между тѣмъ расходы, употребленные на содержаніе всѣхъ школъ съ означеннаго 1840 года, простираются до 187 тыс. руб. серебромъ. Цифра ощутительная для крестьянъ.

Такой застой въ грамотности происходилъ и происходитъ доселѣ между прочимъ отъ того болѣе, что ученики, по выходѣ изъ школы, должны бы заниматься въ свободное время въ своихъ домахъ для большаго навыка, недополученнаго въ школѣ, между прочихъ дѣлъ по хозяйству, чтеніемъ и въ особенности письмомъ, какъ требующимъ большаго навыка, а равно ариѳметикою, съ употребленіемъ щетовъ, но исполнить этого они не могутъ по неимѣнію для перваго не только такихъ книгъ, кои, по своей полезности, или занимательности, располагали бы невольнымъ образомъ дѣтей къ чтенію, а самихъ отцовъ къ слушанію, но и никакихъ; для послѣдняго же, т. е. для упражненія письмомъ, мальчики не имѣютъ нужныхъ принадлежностей, какъ то: перочиннаго ножичка, чернилицы, прописи, бумаги, карандаша и маленькихъ щетовъ; а достать всего этого, при скудномъ расположеніи отцовъ къ грамотѣ, самимъ дѣтямъ не возможно.

Изъ этого очевидно, что, при такомъ положеніи грамотности въ крестьянскомъ бытѣ, совершенно необходимо заботиться о томъ, чтобы мальчики занимались по выходѣ изъ школы, для большаго навыка, при досугѣ, въ своихъ домахъ, чтеніемъ и письмомъ, для чего и нужно снабжать ихъ необходимыми принадлежностями. Иначе, если не заботиться о снабженіи ихъ оными, значитъ одно и тоже, что не учить и тратить безъ пользы капиталъ. Въ самомъ дѣлѣ: какой отецъ согласится пустить своего 12-ти лѣтняго сына, выученнаго одной только грамотѣ, на произволъ судьбы, сказавши: «иди куда хочешь и живи какъ можешь»? Положимъ, что такъ можетъ сказать отецъ только своему пасынку, а все таки, по настоянію или просьбѣ его матери, онъ долженъ будетъ справляться о его положеніи, въ особенности о томъ, занимается ли онъ тѣмъ предметомъ, отъ котораго можетъ быть польза, и если не занимается, то долженъ бы настоять къ тому благоразумными наставленіями. Но такъ какъ такой заботы бываетъ очень рѣдко, то конечно счастливая или несчастливая

участь такого мальчика вполнѣ будетъ зависѣть уже отъ будущаго его хозяина, или, такъ сказать, воспитателя. Дѣло народнаго образованія находится въ настоящее время въ Буинскомъ уѣздѣ точь въ точь въ этомъ видѣ. Покуда мальчикъ учится въ школѣ, каждый изъ должностныхъ лицъ, а наипаче учитель, старается о томъ, чтобы выучить грамотѣ, но какъ только вышелъ ученикъ изъ школы, по экзамену, за окончаніемъ курса ученія, такъ никому до него будто и дѣла нѣтъ, никто не спроситъ его, есть ли у него книги и письменныя принадлежности для упражненія при досугѣ, или нѣтъ, и если нѣтъ, то не начинаетъ ли онъ уже забывать усвоенное въ училищѣ.

При такомъ положеніи мальчиковъ по выходѣ изъ школы, обыкновенно, грамота будетъ въ памяти въ нѣкоторой степени только у тѣхъ мальчиковъ, отцы коихъ будутъ понуждать ихъ по временамъ упражняться при досугѣ письмомъ, снабдивъ для того принадлежностями, и читать книги, либо выданныя имъ при выпускѣ изъ школы въ награду, или пріобрѣтенныя послѣ самими отцами, а такихъ отцовъ очень мало, такъ что безошибочно можно сказать, едвали ихъ будетъ изъ 10-ти 2, потому что въ знаніи грамоты нуждаются въ настоящее время болѣе прочихъ только достаточные и притомъ люди, занимающіеся какою либо торговлею; дѣти же тѣхъ крестьянъ,—кои вовсе не имѣютъ расположенія къ грамотѣ, по неимѣнію яснаго сознанія пользы оной, и дѣти тѣхъ крестьянъ, кои видятъ хотя пользу въ грамотѣ, но, по неимѣнію состоянія, или за недостаткомъ пониманія о потребностяхъ дѣтей (учениковъ), не дадутъ имъ средствъ къ упражненію чтеніемъ и письмомъ,—естественно забудутъ письмо и чтеніе, если не окончательно то весьма близко къ тому, а общія послѣдствія этого конечно не возбуждаютъ ни въ комъ и никакой предпріимчивости, могущей служить къ улучшенію крестьянскаго быта.

Назадъ тому лѣтъ 16-ть, даже болѣе, удѣльное начальство хотя требовало, чтобы выпущенные изъ училищъ мальчики за окончаніемъ курса ученія посѣщали училища для повторенія пройденныхъ ими предметовъ ежемѣсячно два раза по воскреснымъ днямъ, но этотъ порядокъ, при всей даже строгости, продолжался не долго, потому что исполненіе его было для крестьянъ, отстоящихъ отъ училища верстахъ въ 5-ти и даже въ 10-ти, обременительно, а существенной пользы не приносило, да и принести не могло, за тѣмъ, что однодневное упражненіе въ каждый пріѣздъ чтеніемъ и письмомъ нисколько не способствовало мальчикамъ къ полученію нужнаго навыка къ чтенію и письму, отчего крестьяне и уклонялись всѣми мѣрами отъ исполненія помянутаго требованія начальства. Между тѣмъ, какъ тогда, такъ и въ настоящее время, крестьяне, если видятъ пользу отъ грамотности, то видятъ оную единственно въ тѣхъ дѣтяхъ, кои могутъ прочесть имъ какую угодно рукопись,—что всего важнѣе,—

или книжку и записать для памяти счеты по собственному хозяйству, или наконецъ приложить руку къ какому либо акту.

Главная причина неимѣнія до сихъ поръ особеннаго расположенія къ грамотѣ не только со стороны тѣхъ крестьянъ, кои не имѣютъ понятія о грамотѣ, но и со стороны тѣхъ, кои сами были въ школѣ, заключается — исключая тѣхъ вышесказанныхъ причинъ, по коимъ забываютъ они грамоту,—въ томъ, что крестьяне, отдавая своихъ дѣтей въ школу, видятъ потерю въ хозяйствѣ, ибо въ рабочее время, какъ-то въ пору пашни, сѣянія, жатвы и сноповозки, дѣти ихъ могли бы быть имъ хорошими помощниками, а между тѣмъ они сидятъ въ школѣ за книгами, такъ какъ время ученія по прежде установленному порядку продолжалось, до настоящаго 1867 года, въ школахъ, существующихъ въ селеніяхъ бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ, съ 1 сентября одного года почти до 1 іюля другаго *), отчего несостоятельные отцы обучающихся въ школахъ мальчиковъ встрѣчаютъ въ своихъ хозяйствахъ немаловажныя упущенія, или несутъ чувствительные труды, а мальчики теряютъ самое драгоцѣнное время для приспособленія себя къ тяжелымъ крестьянскимъ работамъ, и чрезъ то оказываются, по выходѣ изъ школъ, уже менѣе способными къ работамъ, свойственнымъ ихъ возрасту и сословію, такъ и къ трудолюбію, чѣмъ ихъ сверстники не бывшіе въ школѣ, отчего, по достиженіи совершеннолѣтія бываютъ эти воспитанники отчасти недовольны своимъ положеніемъ; а тѣмъ болѣе когда трудно усвоиваемая ими грамота на чуждомъ языкѣ ими забыта, и когда они представляютъ собою какихъ-то недоученыхъ лицъ въ грамотѣ, и отсталыхъ въ хозяйствѣ и за то получаютъ безвинно укоръ или насмѣшку отъ другихъ не бывшихъ въ школѣ, что̀ конечно до невыразимости ихъ стыдитъ. Кромѣ того, эти воспитанники имѣютъ въ нѣкоторой степени расположеніе къ лѣни, а это конечно не радость для отца, а явный почти ущербъ для его хозяйства, такъ какъ лѣнь—мать пороковъ.

Изъ сказаннаго не трудно видѣть каждому, что въ крестьянствѣ есть и должно быть своего рода школьное воспитаніе, ничуть не препятствующее дѣтямъ съ малолѣтства къ пріученію себя къ главному ремеслу ихъ отцовъ — хлѣбопашеству, а слѣдовательно къ уплатѣ долга родителямъ за ихъ попеченіе, иначе нѣтъ ни для кого изъ нихъ прочнаго обезпеченія для будущности. По этому задержаніе крестьянскаго мальчика почти круглый годъ въ школѣ, разлучающее его съ малолѣтства съ тѣми занятіями по хлѣбопашеству, которыя ему необходимы для того, чтобы быть усерднымъ и опытнымъ сельскимъ хозяиномъ, болѣе чѣмъ безполезно не только для отца, но и для самаго мальчика, особенно если взять во вниманіе, что этому мальчику нужно получить въ

*) Съ 1867 года срокъ ученія сокращенъ, какъ сказано о томъ ниже.

училищѣ только знаніе, свойственное его возрасту, о законѣ Божіемъ *) и имѣть хорошій навыкъ къ чтенію и письму, какъ средствамъ къ самообразованію и развитію ума, а все остальное, какъ могущее быть преподано на словахъ **), можетъ быть усвоено имъ, или повторено въ памяти и по достиженіи совершеннолѣтія при чтеніи книгъ. Если же мальчикъ забудетъ до совершеннолѣтія письмо ***) и чтеніе, то еще болѣе нѣтъ никакого обезпеченія въ томъ, чтобы онъ сохранилъ въ памяти все преподанное въ училищѣ, въ особенности, по закону Божію, до старости лѣтъ, а напротивъ послѣдуетъ, пожалуй, и превратное толкованіе какого-либо предмета; при знаніи же грамоты это будетъ ограждено, въ особенности при строгомъ наблюденіи законоучителей.

Неоспоримая истина — говоритъ одинъ достопочтенный священникъ Чернявскій въ статьѣ своей о застоѣ грамотности ****), — что дѣтство есть лучшій возрастъ для воспринятія и усвоенія всего добраго (въ особенности постепенно, безъ усиленія мышленія), ибо въ дѣтствѣ мальчикъ незамѣтно, а съ тѣмъ вмѣстѣ охотно, свыкается съ тѣмъ образомъ жизни, какой ему указываютъ. Земледѣліе, какъ источникъ перваго и надежнаго богатства народа въ здѣшней мѣстности, въ настоящее время у крестьянина есть единственное средство къ жизни, слѣдовательно, при ученіи его грамотѣ на столько, на сколько это нужно, на первыхъ порахъ, по усмотрѣнію правительства и желанію отцовъ, оно должно быть, послѣ обязанностей христіанскихъ, первымъ предметомъ его знаній и занятій; знаніе же грамоты, т. е. письмо и чтеніе, должно быть усвоено имъ между занятій по хозяйству. Такой порядокъ ученія конечно долженъ быть только до тѣхъ поръ, пока не будетъ искренняго желанія крестьянъ обучать дѣтей, а далѣе, обыкновенно, должно быть и будетъ само собою на оборотъ. Трудно выучить мальчика азы со складами, а тамъ будетъ читать и со временемъ понимать, какъ надо жить, чтобъ бѣду избыть и добра нажить.

По моему убѣжденію — все богатство, или такъ сказать благосостояніе, какъ каждаго въ отдѣльности человѣка, такъ и всѣхъ, заключается единственно въ разумномъ воспитаніи съ малолѣтства, а разумное воспитаніе должно быть дано каждому *непремѣнно* въ духѣ истинно-христіанскомъ, въ характе-

*) Порядокъ преподаванія въ училищѣ закона Божія подробно изложенъ въ программѣ предсѣдателя бунискаго уѣзднаго училищнаго совѣта, священника Алексѣя Баратынскаго, прочитанной въ сентябрѣ 1866 года въ бунискомъ уѣздномъ земскомъ собраніи (смотри въ журналахъ 2 созыва).

**) Такъ признано удобнымъ и предсѣдателемъ бунискаго уѣзднаго училищнаго совѣта священ. Алекс. Баратынскимъ.

***) Здѣсь ставлю впереди письмо потому, что одно знаніе только читать книги не будетъ вызывать ни у кого пламеннаго желанія учиться грамотѣ, такъ какъ человѣкъ съ такимъ знаніемъ будетъ представлять собою, въ особенности не грамотнымъ крестьянамъ, тоже какъ недоученное лице.

****) См. въ журн. Странникъ, за іюль 1864 г.

рѣ трудолюбивомъ, и способствующемъ къ добыванію нужныхъ средствъ къ жизни исключительно посредствомъ тѣхъ способностей, кои даны ему для того самимъ Богомъ; иначе нѣтъ и не будетъ никогда надежнаго обезпеченія въ будущности не только для воспитателя, но и для самаго воспитывающагося.

Почему нуженъ истинно христіанскій духъ при воспитаніи —о томъ извѣстно каждому, и потому распространяться здѣсь нѣтъ надобности, да и неумѣстно, такъ какъ это будетъ служить уклоненіемъ нѣсколько отъ прямаго вопроса, а скажу только вкратцѣ: онъ необходимъ, по моему собственному убѣжденію, для того, что кто въ душѣ христіанинъ, тотъ всегда хорошій хозяинъ, и слѣдовательно угоденъ и Богу и полезенъ своему семейству и съ тѣмъ вмѣстѣ обществу.

Необходимость же трудолюбія очевидна. Если мальчикъ привыкъ съ малолѣтства къ легкой жизни, то его уже тянетъ къ тому; если же мальчикъ приспособилъ себя съ раннихъ лѣтъ къ трудовой жизни, то для него не тягостно это положеніе и при совершеннолѣтіи, ибо всѣмъ извѣстно, что перешагнуть изъ трудной жизни къ легкой ничего не стóитъ, но съ легкой жизни стать на трудный путь—не возможно безъ особенныхъ усилій воли, а слѣдовательно, при неразумномъ воспитаніи, естественно, никто и не можетъ быть доволенъ въ будущности своимъ положеніемъ.

Поэтому и нужно воспитывать крестьянскаго мальчика, на первыхъ порахъ, для его же благоденствія и обезпеченія себя и престарѣлыхъ отцовъ, болѣе примѣнительно къ трудовой жизни, такъ чтобы онъ былъ, по выходѣ изъ школы, опытнымъ пахаремъ и добрымъ хозяиномъ для своего семейства. А это возможно только тогда, когда грамота пойдетъ рука объ руку съ навыкомъ въ необходимомъ для крестьянина ремеслѣ.

Для достиженія сей цѣли нужно бы дать воспитаніе, по закону справедливости, для успѣховъ хозяйства и для благоденствія самаго воспитывающагося непремѣнно такое, чтобы оно по возможности не отвлекало его и не отучало отъ обыкновенныхъ крестьянскихъ работъ вообще, *и было сообразно съ его наклонностями*, или, такъ сказать, способностями, дарованными природою, какъ сказано и выше, къ тому или другому ремеслу въ частности. Но такъ какъ для замѣчаній въ каждомъ этихъ способностей нуженъ опытный и зоркій глазъ почти по особой наукѣ, а такихъ отцовъ и учителей въ крестьянствѣ еще нѣтъ, да и самое осуществленіе такого воспитанія пока еще невозможно и по другимъ причинамъ; то по крайней мѣрѣ нужно смотрѣть, на этотъ разъ, на главный промыселъ мѣстныхъ жителей. Главный и надежный промыселъ у крестьянъ Буинскаго уѣзда составляетъ въ настоящее время, какъ сказано и выше, хлѣбопашество; поэтому, при воспитаніи дѣтей, должно быть обращено все ихъ вниманіе преимущественно на эту промышленность, такъ чтобы каждый изъ

нихъ получилъ къ этому хозяйству сильнѣйшее расположеніе при навыкѣ къ тому съ малолѣтства, и старался впослѣдствіи, когда выучится грамотѣ, улучшить это хозяйство на основаніи полученныхъ отъ учителей, или изъ книгъ, свѣдѣній своимъ стараніемъ и предпріимчивостію въ семъ занятіи, и тѣмъ показать своимъ сожителямъ, что грамота не только не препятствуетъ хозяйству, но напротивъ полезна для него. Къ улучшенію этого хозяйства могло бы служить умноженіе у крестьянъ скотоводства, заведеніе артелями кожевенныхъ заводовъ и учрежденіе сапожнаго и башмачнаго мастерства, что́ совершенно возможно для нѣкоторыхъ изъ крестьянъ, но, къ сожалѣнію, не можетъ осуществиться это дѣло по неимѣнію предпріимчивыхъ людей отъ неразвитости и слѣдовательно неумѣнья какъ взяться за дѣло. Для того же, чтобы ученики могли получать въ школѣ необходимыя свѣдѣнія, могущія служить къ улучшенію хлѣбопашества и полученію чрезъ то хорошихъ урожаевъ, — такъ какъ стремиться къ тому совершенно необходимо, по случаю умноженія денежныхъ налоговъ,—нужны въ нашихъ школахъ такіе учители, которые занимались бы сами хлѣбопашествомъ, или по крайней мѣрѣ имѣли бы о немъ основательныя понятія.

Такимъ учителямъ можно бы дать при 2-хъ училищахъ земли на счетъ собираемой суммы на учебную часть до 12 десятинъ при каждомъ. Изъ нихъ можно бы засѣять 6 десятинъ для образцоваго хозяйства, а 6 десятинъ употребить для произведенія разныхъ опытовъ на здѣшней почвѣ земли, какъ по посѣву разныхъ сортовъ хлѣба, такъ и удобреній самой земли. На расходы по этому хозяйству можно опредѣлить 80 р. на училище, а на 2 — 160 руб. изъ указанной же суммы. Нашъ простой народъ любитъ болѣе практику, чѣмъ теорію: какъ вы ему ни толкуйте, хоть бы о пользѣ искусственнаго удобренія— онъ не повѣритъ. Въ слѣдствіе этого у насъ и самыя начала возможнаго улучшенія хлѣбопашества большею частію не распространены еще въ крестьянствѣ, въ особенности въ здѣшней мѣстности. Огромное число удачно произведенныхъ опытовъ образованными хозяевами въ крестьянствѣ до сихъ поръ не прививается, или, такъ сказать, не примѣняется къ дѣлу. Причина этого та, что распространить ихъ между ними и убѣждать въ пользѣ большею частію не кому, а частію слушающіе не имѣютъ вѣры къ убѣждающимъ, потому что развитые грамотные люди отдѣляются отъ народа главное тѣмъ, что такіе люди большею частію не занимаются сами хозяйствомъ, а бываютъ или писарями волостными, или же гдѣ-нибудь по письмоводству. Но какъ бы то ни было, а потребность улучшенія хлѣбопашества, мнѣ кажется, теперь болѣе необходима, чѣмъ когда либо, такъ какъ при нынѣшнихъ налогахъ, по причинѣ разныхъ, общественныхъ нуждъ неизбѣжныхъ, обиліе хлѣба служитъ единственнымъ почти источникомъ для исправнаго отбыванія повинностей и улучшенія земскаго хозяйства,

поэтому совершенно не безполезно было бы ввести начало этого нынѣ же для примѣра и опыта при 2-хъ сельскихъ училищахъ, въ коихъ особенно состоятъ учителями крестьяне, окончившіе курсъ ученія для этихъ должностей въ уѣздномъ училищѣ. Безъ принятія же мѣръ къ умноженію средствъ недостижимы никакія улучшенія, могущія принести населенію видимую пользу. Но такъ какъ это предпріятіе можетъ принести пользу неиначе, какъ при содѣйствіи нѣсколькихъ лицъ, въ числѣ коихъ должны быть непремѣнно развитые люди, то съѣздъ ихъ, который долженъ быть въ году раза два въ эти училища для обсужденія предметовъ, входящихъ въ кругъ занятій по хлѣбопашеству, долженъ носить названіе общества распространенія между крестьянами полезныхъ знаній и улучшеній по хлѣбопашеству. Въ это общество, во время съѣзда членовъ, долженъ быть приглашаемъ всегда для присутствованія и бесѣды съ бывшими учениками сельскихъ школъ о правилахъ вѣры и благочестія одинъ изъ священниковъ по усмотрѣнію общества и съ согласія благочиннаго. Общество это должно дѣйствовать сообразно примѣру другихъ обществъ сельскаго хозяйства.

Въ запискѣ, напечатанной по распоряженію Министерства Народнаго Просвѣщенія, по поводу сужденія въ московскомъ губернскомъ собраніи 5-го марта 1866 года о начальныхъ училищахъ и гимназіяхъ, сказано между прочимъ, что «общество наше начинаетъ принимать горячо къ сердцу народное образованіе «и изъявлять готовность содѣйствовать правительству въ этомъ важномъ дѣлѣ, «успѣхи котораго между прочимъ значительно замедлились до сихъ поръ отъ «равнодушія къ нему самаго общества».

Слова эти какъ нельзя болѣе справедливы, потому что, при неимѣніи у крестьянъ искренняго желанія обучать дѣтей грамотѣ, невозможно, даже при пламенномъ усердіи правительства, достичь желаемыхъ результатовъ. Но если участіе общества въ дѣлѣ народнаго образованія полезно и необходимо, то еще менѣе можно отвергать съ другой стороны и то, что всѣ усилія общества безъ содѣйствія правительства не приведутъ къ желаемой цѣли, не принесутъ надлежащей пользы народному образованію. Цѣль эта можетъ быть достигнута единственно только при дружной согласной дѣятельности правительства и общества, при отсутствіи всякихъ между ними недоразумѣній, при правильной и ясной постановкѣ каждаго вопроса, относящагося къ училищному дѣлу.

Итакъ, чтобъ помочь дѣлу народнаго образованія, и тѣмъ проложить будущему поколѣнію путь къ лучшему, *необходимо первоначально пріохотить* крестьянъ къ отдачѣ своихъ дѣтей въ школы, оставивъ учрежденіе и содержаніе послѣднихъ, гдѣ это окажется нужнымъ, кромѣ уже существующихъ, для нихъ обязательнымъ по мѣрѣ средствъ.

Для этого нужно принять, въ видѣ опыта, на 5 лѣтъ двѣ мѣры.

1) Сократить срокъ ученія на первый разъ, а именно: начать ученіе съ 1-го

октября каждаго года т. е. послѣ окончанія споповозки и продолжать оное до весны слѣдующаго года, т. е. такъ чтобы мальчики вообще находились въ школѣ какъ желательно и самимъ крестьянамъ, исключительно въ свободное отъ полевыхъ работъ время *). По введеніи такимъ образомъ въ школахъ сокращеннаго срока ученія мальчики не будутъ отвлекаемы отъ свойственныхъ имъ работъ въ лѣтнее время, а вслѣдствіе этого и отцы не будутъ откупать ихъ отъ школы, а напротивъ будутъ посылать время отъ времени охотнѣе и не будутъ считать тогда такое ученіе за какую-нибудь повинность**). При чемъ дозволять крестьянамъ брать дѣтей изъ школы въ свои дома и во время ученія, если того будутъ требовать семейныя обстоятельства. Вообще слѣдовало бы стараться, по возможности, не стѣснять крестьянъ родителей на первый разъ въ распоряженіи своими дѣтьми по ихъ усмотрѣнію, оставивъ впрочемъ обученіе послѣднихъ грамотѣ въ духѣ истинно христіанскомъ, въ характерѣ для нихъ совершенно обязательномъ. Эта обязательность должна быть въ особенности для тѣхъ крестьянъ, кои имѣютъ по два сына и болѣе.

Примѣчаніе. Такъ какъ при такой свободѣ нѣкоторые мальчики часто будутъ упускать классы, то, чтобъ учителю не впасть при экзаменахъ подъ отвѣтственность за слабые успѣхи этихъ мальчиковъ, необходимо завести для каждаго училища тетради на записку отпущенныхъ по просьбамъ родителей, или самовольно отлучившихся мальчиковъ, съ отмѣтками предметовъ занятій другихъ учениковъ въ отсутствіи первыхъ. Эта свобода, конечно, будетъ безполезна для самихъ мальчиковъ, но она будетъ для меньшинства, а съ другой стороны будетъ служить вѣрнымъ средствомъ отчасти къ отстраненію нерасположенія крестьянъ къ грамотѣ и школѣ.

2) Курсъ обученія мальчиковъ въ училищѣ назначить достаточный къ тому, чтобы выучивать ихъ между преподаванія закона Божія, въ угоду пламеннаго желанія отцовъ, твердому и свободному письму и чтенію***), такъ какъ на пер-

---

*) По программѣ, составленной предсѣдателемъ буинскаго уѣзднаго училищнаго совѣта священникомъ Алексѣемъ Баратынскимъ, которая вводится въ настоящее время въ видѣ опыта въ дѣйствіе, назначено начать ученіе съ 1-го октября и продолжать до 17 апрѣля, потомъ съ 15 мая по 15 іюня; самое же назначеніе мальчиковъ въ школу должно производиться по сей же программѣ посредствомъ сельскихъ сходовъ, въ присутствіи, для отстраненія злоупотребленій, волостнаго старшины и законоучителя.

**) Кто усомнится въ пользѣ введенія сокращеннаго срока ученья на первое время, тотъ пусть справится въ имѣніи его превосходительства А. Е. Головинскаго, состоящемъ въ деревнѣ Ивашевкѣ Буинскаго уѣзда, гдѣ открыта имъ, на свой счетъ, изъ любви къ просвѣщенію, школа, въ которой учится до 30 мальчиковъ безъ всякаго понужденія, а по искреннему желанію родителей ихъ. Здѣсь честь и хвала г. Головинскому, а равно и самимъ крестьянамъ, понявшимъ благую мысль.

***) По Буинскому уѣзду для инородческихъ училищъ назначенъ курсъ ученія согласно программѣ предсѣдателя буинскаго уѣзднаго училищнаго совѣта Алексѣя Баратынскаго 4-хъ лѣтній; для прочихъ же школъ совершенно достаточно было бы принять повсемѣстно программу, принятую новосильскимъ уѣзднымъ училищнымъ совѣтомъ (см. Сѣверной Почты 1867 г. № 11).

вый разъ для крестьянъ вся выгода грамоты заключается для нихъ, кромѣ познанія главнымъ образомъ христіанскихъ обязанностей, еще въ письмѣ. Сіе послѣднее въ особенности они уважаютъ потому, что въ ихъ быту часто случается дѣлать, какъ сказано и выше, къ какому-либо акту рукоприкладство, и разбирать, или прочитывать свободно, разныя письменныя рукописи и вести по своему хозяйству счеты.

А чтобъ мальчики по выходѣ изъ школы имѣли возможность пріобрѣтать, до надлежащаго усовершенствованія себя, между занятій по домашнему хозяйству, навыкъ къ чтенію, какъ необходимому средству для самообразованія и развитія ума, и навыкъ къ письму, необходимому для исправнаго веденія счета по своему хозяйству, необходимо нужно бы снабжать ихъ для чтенія при самомъ выпускѣ изъ школы, по экзамену, за окончаніемъ курса ученія, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока нѣтъ еще у крестьянъ особеннаго расположенія къ грамотѣ, такими полезными книгами, которыя бы невольно располагали дѣтей, по своей для нихъ занимательности, къ частому въ свободное время чтенію, а самихъ отцовъ къ слушанію. Но такъ какъ для этого потребуется значительный расходъ денегъ, то, въ отстраненіе этого, можно ограничиться выдачею каждому мальчику на руки одного Евангелія малаго формата, а прочими книгами снабжать каждое отдѣльно селеніе, отводя въ нихъ особыя для того избы по нижесказанному порядку.

Примѣчаніе: 1) Для сказанной цѣли, по личному моему убѣжденію, были бы весьма полезны такія книги, какъ «Крестьянская школа» сочиненіе М. Ѳ. Ростовской (эта книга руководственна даже для учителей), «Первое чтеніе для крестьянскихъ дѣтей» составленное теткой Настасьей; букварь гражданскій и церковный 2-е изданіе Общества распространенія полезныхъ книгъ; въ особенности, если бы въ книгѣ тетки Настасьи и во второй половинѣ букваря были: въ первой—небольшіе снимки съ объясненныхъ въ книгѣ событій, а во второй—снимки со звѣрей, рыбъ, мельницъ, пароходовъ и другихъ машинъ, для нагляднаго знакомства и *возбужденія* охоты къ механикѣ, вмѣстѣ съ передачею понятія о существующихъ машинахъ.

Кромѣ этого, для взрослыхъ необходимы переводы съ славянскаго на чисто русскій языкъ и выписки о тѣхъ мѣрахъ, какія принимались въ иностранныхъ державахъ къ распространенію въ народѣ грамотности, ремеслъ, наукъ и вообще полезныхъ знаній.

Примѣчаніе 2. Кромѣ книгъ снабжать мальчиковъ принадлежностями для упражненія въ письмѣ, какъ то: перочиннымъ ножичкомъ, чернильницею, прописью, щетами, чернилами и бумагою на счетъ тѣхъ источниковъ, кои собираются на учебную часть съ самихъ же крестьянъ. Закупку первыхъ 4-хъ вещей, а равно книгъ, можно предоставить, съ согласія крестьянъ, для соблюде-

нія собственнаго ихъ интереса, училищному совѣту, такъ какъ гуртомъ можно купить дешевле, чѣмъ въ незначительномъ числѣ, а выдачу бумаги съ чернилами можно поручить производить волостному правленію, завѣдывающему суммою, собираемою съ крестьянъ на содержаніе училищъ. Каждому мальчику можно выдать одну тетрадь бумаги, которая должна быть прошнурована или скрѣплена, на одинъ мѣсяцъ.

Въ тетради бумаги, сложенной въ $^1/_4$ часть листа, 24 страницы; слѣдовательно мальчику причтется исписать почти одну страницу въ день.

На пріобрѣтеніе сказанныхъ Евангелій и письменныхъ принадлежностей потребуется не болѣе $^1/_{50}$ части той суммы, которая употребляется теперь въ Буинскомъ уѣздѣ на содержаніе школъ, а именно: содержаніе одной школы въ селеніяхъ бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ стоитъ около 300 р. въ годъ. Если предположить, что изъ школы будетъ выпущено въ годъ за успѣхи 10 мальчиковъ, то требующіяся для нихъ книги и письменныя принадлежности будутъ стоить: Евангеліе 7 коп., ножичекъ 17 коп., черпилица 3 коп., счеты $4^1/_2$ коп., пропись 6 коп., итого $37^1/_2$ коп. на мальчика, а на всѣхъ 3 руб. 75 коп.; бумаги, полагая по одной тетрадкѣ въ мѣсяцъ каждому, а въ годъ всѣмъ 10-ти мальчикамъ 120 тетрадокъ, или $1^1/_2$ стопы по 1 руб. 30 коп. за стопу—1 руб. 25 коп., да чернилъ на 1 руб., а всего 6 руб. 70 коп.: расходъ этотъ ничтожный въ сравненіи съ 300 р., употребляемыми на содержаніе школы, а между тѣмъ ожидаемая польза отъ этой мѣры несомнѣнна.

Теперь обратимся къ отводу избъ. Такъ какъ нѣкоторые мальчики, быть можетъ, не будутъ имѣть возможности заниматься въ домахъ отцовъ или воспитателей, по тѣснотѣ или другимъ причинамъ, чтеніемъ и въ особенности письмомъ, какъ требующимъ болѣе простора, чѣмъ чтеніе книгъ; то, въ отстраненіе этого неудобства, необходимо отвести въ каждой деревнѣ, по мірскому приговору крестьянъ, особую просторную, свѣтлую, сухую и теплую въ зимнее время избу, въ которую и должны мальчики сходиться въ зимнее время еженедѣльно,—что для нихъ должно быть обязательно, по крайней мѣрѣ въ первые два года послѣ выпуска изъ школъ по приговору общества, или узаконенію самого правительства,—заниматься тамъ съ утра до обѣда письмомъ, а послѣ обѣда до 4-хъ часовъ чтеніемъ *). А чтобъ обезпечить предполагаемую мѣру отъ неточнаго выполненія мальчиками своевольно, или по нежеланію на первыхъ порахъ отцовъ ихъ или наконецъ по нежеланію другихъ членовъ семейства, необходимо назначить по выбору мѣстнаго приходскаго священника, или, гдѣ это возможно, одного изъ грамотныхъ крестьянъ по желанію, а гдѣ таковыхъ

*) Желающіе могутъ сходиться и заниматься въ этихъ избахъ даже ежедневно въ зимнее и вообще свободное время.

не окажется, по приговору общества, для наблюденія за точнымъ выполненіемъ со стороны мальчиковъ вышеозначенной мѣры. Въ обоихъ случаяхъ допускать избранныхъ лицъ къ надзору за мальчиками съ утвержденія мѣстнаго благочиннаго; въ случаѣ невыполненія кѣмъ либо изъ мальчиковъ означеннаго порядка надзиратель долженъ требовать содѣйствія сельскаго старосты, или волостнаго старшины. Надзиратель этотъ долженъ быть освобожденъ за свою службу отъ натуральной повинности.

Отведенныя такимъ образомъ избы, нѣтъ никакого сомнѣнія, рано или поздно обратятся, при содѣйствіи вліятельныхъ людей и бывшихъ учениковъ нынѣшнихъ училищъ въ настоящія школы грамотности и тогда съ одной стороны исполнится одна изъ самыхъ трудныхъ задачъ 2-го пунк. 24 ст. положенія 14-го іюля 1864 года о начальныхъ училищахъ, а съ другой будетъ возможно ввести въ нынѣшнія училища другіе полезные классы; *) до того же времени будутъ служить эти избы для малолѣтнихъ мѣстомъ ознакомленія съ азбукою, что совершенно не безполезно будетъ для нынѣшнихъ училищъ, когда дѣти будутъ поступать туда нѣсколько подготовленные, а для мѣстнаго приходскаго священника весьма удобно имѣть въ этихъ избахъ, въ каждый пріѣздъ, въ дни занятій бывшихъ учениковъ нынѣшнихъ училищъ, бесѣду съ ними о вѣрѣ и благочестіи, такъ какъ такое занятіе съ ними для священниковъ совершенно необходимо; изыскать же къ тому другія, болѣе удобоисполнимыя и совершенно полезныя мѣры, едва ли возможно. Кромѣ этого въ эти избы должны собираться въ недѣлю одинъ разъ, во время вакацій, ученики нынѣшнихъ училищъ для повторенія уроковъ.

Примѣчаніе. Въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ не будетъ ни одного грамотнаго крестьянина поручить наблюденіе за исполненіемъ вышесказаннаго порядка сельскому писарю, нанимаемому въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Буинскаго уѣзда по обоюдному согласію крестьянъ двухъ, трехъ и даже 5-ти деревень изъ среды же крестьянъ, такъ чтобы этотъ писарь — если онъ благонадеженъ — еженедѣльно объѣзжалъ эти селенія одинъ разъ, а гдѣ таковаго писаря не будетъ, между тѣмъ въ селеніи будетъ много грамотныхъ мальчиковъ, то наблюденіе за посѣщеніемъ школы каждымъ изъ нихъ можно возложить на одного изъ этихъ же мальчиковъ подъ высшимъ надзоромъ сельскаго старосты. По истеченіи каждаго мѣсяца волостной старшина или его помощникъ непремѣнно

*) Подобныя симъ школамъ заведены въ 17 селеніяхъ 2-го мироваго участка Буинскаго уѣзда, и именно: во всѣхъ сихъ селеніяхъ дѣти учатся большею частію въ крестьянскихъ избахъ, нанимаемыхъ или отводимыхъ натурою самими обществами, и частію въ церковныхъ караулкахъ. Учителя нанимаются въ сіи школы самими крестьянами по добровольному соглашенію. Объ этихъ школахъ теперь нельзя хотя сказать многаго, но дорого начало примѣрнаго добраго дѣла. Въ этомъ дѣлѣ вся честь принадлежитъ посреднику сказаннаго участка В. И. Винтеру, который неусыпно старался и старается теперь примѣрно объ улучшеніи сихъ школъ.

должны объѣхать подвѣдомыя селенія для повѣрки занятій мальчиковъ. Буде же старшина неграмотный, то долженъ дѣлать объѣздъ съ писаремъ.

Независимо сего, законоучитель имѣетъ право и долженъ посѣщать этихъ мальчиковъ во всякое время и сколько возможно чаще для бесѣды съ ними по закону Божію. Члены училищнаго совѣта при объѣздахъ также должны справляться о занятіяхъ мальчиковъ.

При такомъ образѣ веденія училищнаго дѣла, нѣтъ сомнѣнія, умножится въ средѣ крестьянскаго населенія грамотныхъ людей скорѣе, чѣмъ можно достичь этого при другомъ порядкѣ. Эти грамотные люди не будутъ хотя понимать многаго, такъ что вслѣдствіе этого будутъ представлять собою только полуученыхъ, зная, отъ механическаго упражненія, только порядочно читать и разборчиво писать, но за то это начало умноженія грамотныхъ людей будетъ очень прочно, потому, что каждый изъ нихъ, когда будетъ самъ отцомъ, несомнѣнно и неоспоримо пожелаетъ, или даже постарается, обучать своихъ дѣтей лучше, чѣмъ самъ онъ учился, такъ какъ, при знаніи имъ самимъ, хотя механическаго, но за то твердаго, чтенія и письма, разовьется у него само собою при совершеннолѣтіи желаніе *знать обо всемъ подробнѣе* и слѣдовательно захочетъ учить для того и дѣтей потолковѣе. О дѣтяхъ же сихъ послѣднихъ нечего уже и говорить: дѣло пойдетъ хотя съ трудомъ, но за то своимъ чередомъ. Тогда можно, или даже будетъ необходимо, продолжить и срокъ ученія, назначивъ вмѣсто 6-ти 8 мѣсяцевъ въ году, но только для того, дабы тѣ и другіе изъ грамотныхъ были тогда довольны своимъ положеніемъ, такъ чтобы состояніе ихъ привлекало къ такой жизни другихъ; надобно приготовить къ тому времени надежныхъ проводниковъ — учителей, могущихъ преподать и указать своимъ примѣромъ лучшую жизнь. Иначе дѣло опять можетъ остановиться, потому что у каждаго изъ грамотныхъ возрождается желаніе жить лучше чѣмъ живетъ неграмотный мужичекъ, а извлекать для того достаточныхъ средствъ при нынѣшнемъ хозяйствѣ крестьянъ невозможно; равное же положеніе ихъ съ неграмотными не будетъ порождать въ другихъ желаніе обучать дѣтей грамотѣ, а напротивъ можетъ поставить крестьянъ въ такое же равнодушіе къ оной, какое они имѣютъ и теперь къ грамотѣ.

Въ настоящее время продолжается обсужденіе вопроса по предмету ученія инородческихъ дѣтей грамотѣ на природномъ ихъ языкѣ. Происходя изъ среды ихъ, я, съ своей стороны, по собственному убѣжденію, составившемуся по всестороннемъ разборѣ обстоятельствъ застоя въ грамотности между Чувашъ и тупаго усвоенія ими истинъ православной религіи, совершенно раздѣляю мнѣніе тѣхъ, кои признаютъ необходимымъ преподаваніе имъ грамоты на природномъ языкѣ. Такое ученіе я признаю одною изъ лучшихъ мѣръ къ болѣе успѣшному распространенію въ средѣ инородцевъ Чувашъ грамоты и утвержденію

чрезъ то въ особенности вѣры, потому, что при обученіи грамотѣ чувашскихъ дѣтей на природномъ ихъ языкѣ, нѣтъ сомнѣнія, суевѣріе, легкомысліе и нѣкоторые обычаи, отъ коихъ часто пахнетъ временами язычества, изчезнутъ какъ дымъ предъ лицемъ Бога. Теперь же этотъ добрый народъ, въ простотѣ своихъ чувствъ, вѣруетъ и покланяется истинно невѣдомому Богу. Но принимая во вниманіе неимѣніе въ настоящее время приготовленныхъ къ тому учителей, достаточно было бы ввести на первый разъ въ нынѣшнія школы букварь, Евангеліе, св. исторію и катихизисъ, переведенные на русскій и чувашскій языки, подобно тому, какъ составлено Евангеліе на славяно-русскомъ языкѣ, но съ тѣмъ, чтобы чтеніе по этимъ книгамъ происходило по тому и другому языкамъ въ равной степени удовлетворительно. Иначе, съ одной стороны при непонятномъ, а съ другой не твердомъ, и слѣдовательно малопонятномъ, чтеніи, признаю, по своему убѣжденію, невозможнымъ вложить въ дитя прочное *начало глубокой сердечной религіозности*, а въ отцѣ его возбуждать съ тою же цѣлію, безъ всякаго напоминанія съ чьей либо стороны, искреннее желаніе слушать читаемыя книги, подобно тому, какъ и нынѣ не слушаютъ ихъ потому, что слабо знакомы съ русскимъ языкомъ, а иные вовсе не знаютъ этого языка, отъ чего, понятно, чтеніе книгъ на русскомъ языкѣ нисколько не интересуетъ ихъ; при понятномъ же для нихъ чтеніи они сами заставляли бы дѣтей своихъ читать книги въ свободное время.

Здѣсь не могу пройти молчаніемъ также и касательно обученія грамотѣ крестьянскихъ дѣвочекъ. Онѣ въ настоящее время учатся почти столько же времени, сколько и мальчики, а именно по 3 и 4 года, но выучиваются въ продолженіи этого времени только читать однѣ безъ достаточнаго, а другія вовсе безъ всякаго сознанія: повседневныя молитвы, 10 заповѣдей и еще кое что изъ символа вѣры, тогда какъ все это могутъ усвоить такимъ образомъ по увѣренію многихъ—дѣвочки русскаго происхожденія въ двѣ зимы, а дѣвочки изъ Чувашъ, по случаю медленнаго усвоенія ими чтенія на русскомъ діалектѣ, въ три зимы. При такомъ сокращенномъ срокѣ ученія по крайней мѣрѣ большинство дѣвочекъ выучится читать книги, а меньшинство послѣдуетъ непремѣнно примѣру большинства и тогда не будетъ ропота со стороны родителей на долгосрочное ученіе ихъ дѣтей грамотѣ. Для сего нужно давать русскимъ дѣвочкамъ такія книги, кои были бы составлены на понятномъ для нихъ языкѣ, а чувашскимъ дѣвочкамъ необходимо преподать грамоту по русскому букварю, но переведенному на природный ихъ чувашскій языкъ. Такимъ образомъ если принять еще мѣры къ тому, чтобы дѣвочки занимались чтеніемъ и по выходѣ изъ школы, грамотность будетъ чрезъ нѣкоторое и близкое даже время на сторонѣ большинства, такъ какъ только незначительная часть дѣвочекъ будетъ миновать школы. Тогда, нѣтъ сомнѣнія, подвинется уже и развитіе ум

съ возможно удовлетворительнымъ успѣхомъ, такъ какъ грамотныя матери лучше будутъ стараться объ обученіи дѣтей грамотѣ нежели неграмотныя, какъ признано это многими образованными людьми.

Въ журналѣ *Грамотѣй* за іюнь 1867 года на 107 стр. сказано, между прочимъ, что «всѣ сознаютъ необходимость подвинуть грамотность впередъ. Но «какими средствами, какими путями? *Надо умѣть понять симпатіи народа*, «а иначе труды о его развитіи будутъ напрасны. Мы желаемъ, чтобы онъ на«учился тому именно, чего намъ хочется: онъ напротивъ желаетъ чего-то друга«го. Ему поэтому мы должны дать, на первый разъ, именно то, чего онъ самъ «желаетъ, чтобы, впослѣдствіи, онъ охотно принялъ и то, что мы ему дадимъ «отъ себя по нашему выбору».

Слова эти какъ нельзя болѣе справедливы, потому что никому вопреки его желанія невозможно преподать полезное. Здѣсь же кстати не могу не повторить слова редакціи *Гласнаго Суда*, что «трудно согласить одно мнѣніе съ дру«гимъ, потому что каждый настаиваетъ по своему убѣжденію или взгляду; это «доказывается тѣмъ, что ни въ одной европейской литературѣ не существуетъ «единогласія, ни одно общество не составляетъ одинаково мыслящей массы; «каждое направленіе видитъ въ другомъ, противуположномъ ему, безполезность «дѣла. Слѣдовательно добрая оцѣнка должна быть отъ того, кто безпристрастно «сочувствуетъ одному изъ направленій». Во всякомъ же случаѣ дѣло народнаго образованія можетъ успѣшно двинуться тѣми мѣрами, какія будутъ избраны и указаны самимъ правительствомъ.

Крестьянинъ села Новаго Ильмоваго Куста Буинскаго уѣзда *Степанъ Ивановъ*.

Рѣчь, произнесенная г. попечителемъ казанскаго учебнаго округа П. Д. Шестаковымъ, при открытіи братства святителя Гурія.

Православное братство!

312 лѣтъ тому назадъ, 7 февраля 1555 года, въ Москвѣ, въ большомъ Успенскомъ соборѣ былъ совершаемъ великолѣпный обрядъ рукоположенія митрополитомъ всероссійскимъ Макаріемъ съ 2-мя архіепископами и 7-ю епископами. Сослужившихъ имъ было 7 архимандритовъ, 5 игуменовъ и 10 протоіереевъ, а всѣхъ 76 священныхъ лицъ, кромѣ иподіаконовъ и причта. Обрядъ происходилъ въ присутствіи Государя Царя Іоанна Васильевича и

братьевъ его Юрія Васильевича и Владиміра Андреевича и царя Симеона Казанскаго. Да тутъ же были иноземные послы, старцы хилиндарскаго монастыря Аѳонскія горы и всѣ бояре и князья служивые и дворяне многіе *). Рукополагался въ архіепископа казанскаго селижаровскій игуменъ Гурій, первый архипастырь «многочеловѣчнаго» града Казани. Селижаровскій игуменъ Гурій уже давно былъ извѣстенъ своею добродѣтельною и святою жизнію, былъ любимъ самодержцемъ и уважаемъ властями духовными. Когда на него палъ жребій избранія въ архіепископы казанскіе, митрополитъ, весь освященный соборъ, и всѣ люди, единодушно сознавая, что «въ пастыри граду Казани Господь Богъ «избралъ мужа праведна и свята», съ особеннымъ благоговѣніемъ и радостію воздали славу Богу благодарственнымъ молебствіемъ **).

Съ великолѣпіемъ исполненъ былъ обрядъ рукоположенія, съ большимъ торжествомъ совершенъ и духовный походъ Гурія въ «запустѣнную прелесть казанскую».—Отправленіе архіепископа Гурія въ его епархію было «необычное, «первое въ русской исторіи: архіепископъ ѣхалъ въ завоеванное, невѣрное царство распространять тамъ христіанство, утверждать нравственный нарядъ, везъ «съ собою духовенство, нужныя для церкви вещи, иконы и пр.» ***). Въ седьмое воскресенье послѣ свѣтлаго воскресенія въ Успенскомъ соборѣ былъ молебенъ: служилъ митрополитъ Макарій, новый архіепископъ Гурій, крутицкій владыка Нифонтъ съ архимандритами и игуменами, святили воду надъ мощами; послѣ молебна духовенство съ крестомъ, евангеліемъ и иконами пошло на Фроловскій мостъ, за нимъ шолъ царь съ братьями, князьями, боярами и множествомъ народа; передъ Кремлемъ другой молебенъ, послѣ котораго царь и митрополитъ простились и облобызались съ Гуріемъ. По всей дорогѣ по Москвѣ рѣкѣ, Окѣ и Волгѣ архіепископъ Гурій былъ торжественно встрѣчаемъ съ крестнымъ ходомъ и совершалъ молебствія, окропляя святою водою народъ и храмы. Торжественное рукоположеніе и торжественное плаваніе Гурія въ Казань какъ бы провозвѣщали славу будущаго просвѣтителя Казани. Наказъ, данный новопоставленному архіепископу, весьма замѣчателенъ и можетъ служить образцемъ и для современныхъ миссіонеровъ, а во многомъ и для всѣхъ насъ. Ему поставлено было въ обязанность: поучать все свое духовенство, архимандритовъ, игумновъ, и, какіе будутъ, протопоповъ, поповъ, діаконовъ и проч., чтобы они всегда жили отнюдь неиначе, какъ по божественнымъ правиламъ, — поучать всѣхъ, принадлежащихъ къ его паствѣ мірянъ, дабы тоже всѣ, всегда и вездѣ жили такъ, какъ требуетъ православная вѣра, т. е. по заповѣдямъ Божіимъ и правиламъ св. апостолъ и св. отецъ. Архіепископъ обязанъ былъ поучать народъ

*) Краткая церковная россійская исторія митрополита Платона т. II, стр. 28 и 29.

**) Житіе св. святителей и чудотворцевъ Гурія и Варсонофія. Спб. 1853.

***) Исторія Россіи Соловьева. Т. VII. стр. 182.

каждое воскресенье; новокрещенныхъ всегда поучать страху Божію, къ себѣ пріучать, кормить, поить, жаловать и беречь во всемъ, дабы и прочіе невѣрные, видя такое береженіе и жалованіе, поревновали христіанскому праведному закону и просвѣтились святымъ крещеніемъ. Всѣми способами, какъ только можно, архіепископу, сказано въ наказѣ, Татаръ къ себѣ пріучать и приводить любовію на крещеніе, а страхомъ ко крещенію никакъ не приводить, избѣгать всякой принудительности, грубой настойчивости и угрозы. Къ крещенію допускать только такихъ изъ нихъ, которые довольно ясно покажутъ въ себѣ убѣжденіе въ истинѣ православія и изъявятъ добровольное сердечное расположеніе къ крещенію. Наказъ относительно обращенія магометанъ и язычниковъ въ христіанство былъ выполненъ какъ нельзя лучше Гуріемъ и двумя помощниками его архимандритами Германомъ и Варсонофіемъ; нѣсколько тысячъ магометанъ и язычниковъ обращены были въ христіанство. Святитель Гурій, согласно данному наказу, давалъ поученіе своей паствѣ всякій воскресный и праздничный день. «Къ вѣрнымъ слово здраво и немятежно, и учительно имѣя», говоритъ о немъ блаженный Гермогенъ. Съ такимъ же истинно-пастырскимъ духомъ училъ св. Гурій въ своей паствѣ и тѣхъ, которые оставались невѣрными. «Яко нѣкое древо доброродное кишитъ плодами красными и приноситъ «для всѣхъ богатое овощіе: тако и божественный мужъ, архіепископъ Гурій, «ученіемъ своимъ множество душъ присвоеяетъ Христу». Впрочемъ обращеніе къ Богу магометанъ и язычниковъ зрѣлаго и старческаго возраста св. Гурій естественно находилъ весьма неудобнымъ; ибо это дѣло очень часто столь же трудно, какъ трудно выпрямить дерево, скривившееся въ молодости и пришедшее въ силу. И потому особенное вниманіе онъ обратилъ на просвѣщеніе и образованіе *дѣтей* инородцевъ, поручивъ монашествующимъ обучать ихъ читать, писать и правильно понимать читаемыя священныя книги. Обученіе дѣтей шло весьма успѣшно, такъ что казанскіе жители и послѣ никогда не начинали учить дѣтей своихъ грамотѣ, не испросивъ благословенія на то отъ св. Гурія усердною молитвою при св. мощахъ его. Къ сожалѣнію этотъ благочестивый обычай въ настоящее время, кажется, утрачивается.—Въ просвѣщеніи и обращеніи въ христіанство Татаръ-магометанъ самымъ дѣятельнымъ и полезнымъ сотрудникомъ архіепископу Гурію былъ сердечно любимый имъ, пріѣхавшій вмѣстѣ съ нимъ въ Казань архимандритъ только что устрояемаго тогда Спасопреображенскаго казанскаго монастыря св. Варсонофій. Проведя долгіе и лучшіе годы своей жизни въ плѣну у крымскихъ Татаръ, Варсонофій «извыкъ до конца (т. е. изу- «чилъ въ совершенствѣ) бесерменскій языкъ и грамоту срацынскую». Святая жизнь Варсонофія и основательное знаніе татарскаго языка, магометанскаго вѣроученія и татарскаго образа жизни сильно способствовали ему къ обращенію Татаръ въ христіанство. Знаніе разговорнаго татарскаго языка и искусство

врачеванія дали ему возможность свести знакомство съ казанскими Татарами, а основательное знаніе магометова ученія, при природномъ его глубокомъ умѣ и просвѣщеніи свыше, дали ему силу основательно, съ кротостію и добродушіемъ, показывать лживость ихъ вѣры, убѣждать въ сей лживости и удостовѣрять ихъ въ божественности вѣры христіанской. Татары, слушая его бесѣды, входили въ самихъ себя, сознавали лживость своей вѣры, убѣждались въ божественности вѣры Христовой и, по надлежащемъ наставленіи отъ святаго мужа, принимали крещеніе. «Бѣ Варсонофій во всемъ повинуяся преподобному святителю Гурію». И вотъ бывшій плѣнникъ и рабъ Татаръ плѣняетъ ихъ теперь, съ Божіею помощію и съ благословенія св. Гурія, силою своей проповѣди и дѣлаетъ ихъ рабами Христа.

Ослабленный окончательно неустанными трудами своего апостольскаго служенія, святитель Гурій преставился 4 декабря 1563 г. При воспоминаніи объ этомъ великомъ подвижникѣ, невольно вырываются слова Царя Іоанна Васильевича изъ письма его къ архіепископу Гурію: «о Боже! какъ бы счастлива русская земля была, коли бы владыцы тацы были, яко же ты и толико о семъ пеклися».

Не долго питались новокрещенные тою духовною пищею, которою съ истинно-апостольскими любовію, терпѣніемъ и самоотверженіемъ питалъ ихъ великій архіепископъ Казанскій. Съ кончиною святителя и его сотрудниковъ, въ скоромъ времени, грустно измѣнилось положеніе новокрещенныхъ. Съ увѣренностію можно сказать, что если бы о новокрещенныхъ постоянно заботились такъ, какъ заботились о нихъ Св. Гурій и Варсонофій, если бы ихъ съ любовію привѣчали и поддерживали, если бы проповѣдывали имъ слово Божіе и устроили для нихъ богослуженіе на ихъ родномъ языкѣ, если бы въ школахъ учили ихъ также при посредствѣ роднаго языка, если бы окружали ихъ лучшими русскими людьми, которые были бы много выше ихъ по нравственности и развитію,—то результаты были бы иные и лучшіе. Триста лѣтъ не потратились бы даромъ, и значительное большинство инородческаго населенія до настоящаго времени и по вѣрѣ, и по языку уже слилось бы съ русскимъ народомъ. Такое апостольское дѣло могло быть прочно при одномъ условіи, чтобъ оно велось постоянно въ одномъ и томъ же духѣ и направленіи. Но, къ сожалѣнію, дѣло Св. Гурія и Варсонофія стоитъ почти одиночнымъ; и если сообразить, что Св. Гурій святительствовалъ не болѣе 8-ми лѣтъ (изъ которыхъ три послѣдніе года былъ тяжко и изнурительно боленъ), что при всей любви къ своему дѣлу и инородцамъ, онъ не могъ питать христіанъ—младенцевъ твердою духовною пищею, не могъ совершенно укрѣпить ихъ въ вѣрѣ, что онъ могъ дать имъ только сѣмена христіанства, которыя могли вырости и принести добрый плодъ при хорошемъ дальнѣйшемъ уходѣ,—а о дальнѣйшемъ-то уходѣ намъ ничего неизвѣстно, его вѣроятно и не было,—то нечего удивляться, что черезъ 30 лѣтъ послѣ кончины святителя Гурія, въ 1593 году, тотъ же, уже казанскій владыка, Гермогенъ, который съ такимъ

восторгомъ отзывался о плодотворной миссіонерской дѣятельности архіепископа Гурія, въ посланіи своемъ къ царю представляетъ положеніе крещеныхъ инородцевъ въ такомъ печальномъ видѣ, сильно напоминающемъ, къ прискорбію должно сказать, современное ихъ состояніе: «Въ Казани, пишетъ Гермогенъ, и въ уѣздахъ Казанскомъ и Свіяжскомъ, живутъ новокрещены вмѣстѣ съ Татарами, Чувашами и Вотяками, ѣдятъ и пьютъ съ ними, къ церквамъ божіимъ не приходятъ, крестовъ на себѣ не носятъ, въ домахъ образовъ и крестовъ не держатъ, поповъ не призываютъ и отцовъ духовныхъ не имѣютъ. Онъ, владыка, призывалъ ихъ и поучалъ, но они ученья не принимаютъ и отъ татарскихъ обычаевъ не отстаютъ и совершенно отъ христіанской вѣры отстали и въ православной вѣрѣ не утвердились, потому что живутъ съ невѣрными вмѣстѣ *отъ церквей далеко;* и видя такое невѣрье въ новокрещенныхъ, иные Татары не только не крестятся въ православную вѣру, но ругаются ей *)». Начались репрессивныя мѣры, но, не смотря на эти мѣры, не смотря на нѣкоторыя миссіонерскія попытки, являвшіяся большею частью одиночно, безъ системы, не смотря даже на различныя льготы, даваемыя тѣмъ, которые крестились, религіозное просвѣщеніе инородцевъ шло крайне неудовлетворительно. Причина этого заключалась и въ духовенствѣ, и въ мірянахъ: на священническія мѣста, по чрезвычайной необезпеченности матеріальнаго быта священниковъ, трудно было найти людей вполнѣ достойныхъ, людей *по призванію,* а не изъ черстваго куска хлѣба посвящающихъ себя на служеніе церкви, отчего рѣдки были поученія церковныя, отчего и богослуженіе не всегда было такъ исполнено истиннаго религіознаго чувства, всегда сильно дѣйствующаго на сердца мірянъ, не всегда было такъ благочинно и стройно, какъ бы слѣдовало. Русскіе міряне не отличались качествами, которыя бы привлекали къ нимъ инородцевъ и дѣйствовали бы на нихъ назидательно; напротивъ, міряне зачастую оказывали непослушаніе духовнымъ властямъ, неуваженіе къ служителямъ церкви и священнымъ предметамъ и равнодушіе къ церкви. Кромѣ того и духовенство, и міряне смотрѣли на магометанъ и язычниковъ слишкомъ сурово, *не пріучали* ихъ къ себѣ, а отталкивали своимъ явнымъ къ нимъ пренебреженіемъ и враждебнымъ настроеніемъ **). Не только на магометанъ и язычниковъ, но и на крещеныхъ Татаръ и другихъ инородцевъ нашъ простой народъ смотрѣлъ съ пренебреженіемъ и величалъ ихъ нехристью. Школы и церкви были для крещеныхъ инородцевъ какъ бы заперты, ибо ни въ школу, ни въ церковь инородческіе языки не допускались. Чтоже оставалось дѣлать крещенымъ инородцамъ, какъ не приставать къ своимъ некрещенымъ соплеменникамъ? Не сами-ли мы виноваты въ томъ, что они, крещеные, оставались какъ бы некрещеными? Время, время всѣмъ намъ, людямъ духовнаго и свѣтскаго чина, соеди-

*) Положеніе инородцевъ Фирсова.

**) См. исторію церкви митрополита Платона т. II. стр. 275.

ниться, и въ духѣ христіанскаго единомыслія и братолюбія, подъ сѣнію хоругви святаго просвѣтителя казанской страны, съ благословенія нашего просвѣщеннаго архипастыря, пойдти по пути, предначертанному святителемъ Гуріемъ, и на первыхъ порахъ ограничиться заботами о братьяхъ нашихъ, крещеныхъ инородцахъ. Относительно же некрещеныхъ достаточны пока мѣры огражденія отъ иновѣрной пропаганды, согласно словамъ завѣщанія патріарха Іоакима, хотя относящимся не къ магометанамъ и язычникамъ: «отнюдь же бы иновѣрцы, пришедъ здѣсь въ царство благочестивое, вѣръ своихъ не проповѣдывали, и въ укоризну о вѣрѣ не разговаривали ни съ кѣмъ, и обычаевъ своихъ иностранныхъ и по своихъ ересяхъ ихъ на прелесть христіаномъ не вносили бы, и сіе бы имъ запретить подъ казнію накрѣпко». Для успѣха же въ дѣлѣ духовнаго просвѣщенія крещеныхъ инородцевъ слѣдуетъ намъ прежде всего *испытать* самихъ себя..... Не всѣ-ли мы немощны, не всѣ-ли страдаемъ тѣми же недостатками, отъ которыхъ заглохли добрыя сѣмена, посѣянныя здѣсь Св. Гуріемъ?

«Возлюбленные, говоритъ апостолъ Петръ (1-е посл. гл. 2. 12.), прошу васъ провождать добродѣтельную жизнь между язычниками, дабы они за то, за что злословятъ васъ, какъ злодѣевъ, увидя добрыя дѣла ваши, прославили Бога въ день посѣщенія». Это апостольское воззваніе всѣмъ намъ, живущимъ среди иновѣрцевъ, должно памятовать и поступать по немъ. Если христіанская община среди инородцевъ, наставляемая простою, понятною для всякаго, исходящею изъ сердца евангельскою проповѣдію своихъ духовныхъ пастырей и учителей, утвердится въ вѣрѣ православной, будетъ съ благоговѣйною любовію посѣщать храмы Божіи, съ уваженіемъ относиться къ духовенству, будетъ жить по заповѣдямъ Господнимъ; то эти явленія духа и силы подѣйствуютъ на инородцевъ могущественнѣе всякихъ убѣдительныхъ словъ человѣческой мудрости. «Станемъ, по слову апостола Іоанна, любить не словомъ, или языкомъ, но дѣломъ и истиною». (1-е послан. Іоанна глав. 3, 18.) Поэтому слѣдуетъ озаботиться о томъ, чтобы внести духъ любви, мира и согласія въ отношенія между православнымъ русскимъ населеніемъ и крещеными инородцами, внушить нашему простому народу, что крещеные Татары, Чуваши, Черемисы и пр. «уже не чужіе и пришельцы, но сограждане святымъ и свои Богу», (посл. Павла къ Ефес. гл. 2, 19) и потому Русскіе должны смотрѣть на нихъ, какъ на братьевъ, во всемъ помогать имъ и слабѣющихъ поддерживать духомъ любви и кротости. «Кто говоритъ, что онъ въ свѣтѣ, а ненавидитъ брата своего, тотъ еще во тьмѣ». (1 посл. Іоан. гл 2, 9). Первоначальное образованіе и духовное просвѣщеніе инородцевъ должно идти на ихъ родномъ языкѣ до тѣхъ поръ, пока они не усвоятъ русскаго языка на столько, чтобы съ успѣхомъ учиться въ русскихъ школахъ, чтобы хорошо понимать наши молитвы и наше богослуженіе; но и изученіе ими русскаго языка можетъ идти успѣшно все же только при помощи роднаго ихъ языка. «Когда я

молюсь на незнакомомъ языкѣ. то хотя духъ мой и молится, но умъ мой остается безъ плода», говоритъ апостолъ Павелъ (1 посл. къ Коринѳ—гл. 14, 14). Что духовное просвѣщеніе должно совершаться на языкѣ просвѣщаемыхъ, это указалъ намъ ясно и нашъ Божественный Учитель. Онъ, заповѣдавъ апостоламъ идти учить всѣ народы, крестя ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, далъ имъ вмѣстѣ и средство учить разноязычныя племена, ниспославъ имъ Духа Святаго въ видѣ раздѣляющихся языковъ, какъ бы огненныхъ, которые почили по одному на каждомъ изъ Апостоловъ. «И исполнились апостолы Духа Святаго и начали говорить на другихъ языкахъ, какъ Духъ давалъ имъ провѣщевать. И всѣ изумлялись и дивились, говоря между собою: сіи говорящіе не всѣ-ли Галилеяне? Какъ же мы слышимъ ихъ нашими языками говорящихъ о великихъ дѣлахъ Божіихъ». *). Въ этомъ великомъ актѣ Божественнаго всемогущества мы видимъ ясное указаніе на то, что миссіонеры, проповѣдники евангельскаго слова между иноязычными племенами, должны совершать евангельскую проповѣдь на языкѣ этихъ племенъ. Только тогда эта проповѣдь будетъ идти успѣшно, какъ показалъ намъ на дѣлѣ Св. Варсонофій. При посредствѣ же языка инородцевъ, должно идти и первоначальное ихъ образованіе. Устройство школъ для дѣтей инородцевъ необходимо, какъ это сознавалъ и Св. Гурій. Но при настоящихъ нашихъ средствахъ, еще очень скудныхъ, мы едва ли въ силахъ устраивать новыя школы; достаточно, если мы поддержимъ небольшое число существующихъ, въ которыхъ дѣло просвѣщенія инородцевъ ведется раціонально: лучше идти впередъ медленно, но твердымъ шагомъ. Потому я и почитаю долгомъ поручить особенному вниманію нашего братства школу для дѣтей крещеныхъ Татаръ устроенную въ Казани Н. И. Ильминскимъ, и отпрыски этой школы, училища въ татарскихъ селеніяхъ, устроенныя его ближайшимъ помощникомъ и учителемъ казанской школы, крещенымъ Татариномъ Василіемъ Тимоѳеевымъ. Во всѣхъ этихъ школахъ обученіе производится на родномъ языкѣ инородцевъ и съ помощію роднаго языка учащіеся освоиваются съ языкомъ русскимъ. Молитвы и церковныя пѣснопѣнія читаются и поются учащимися на русскомъ и татарскомъ языкахъ. О казанской школѣ, въ которой ученики получаютъ христіанское воспитаніе въ православномъ и русскомъ духѣ, я, послѣ личнаго знакомства со школою, не могу не отозваться съ величайшею похвалою. Каковы школы—отпрыски, мы можемъ сдѣлать заключеніе изъ отзыва объ одной изъ нихъ нашего высокоуважаемаго архипастыря, преосвященнаго Антонія. Его Высокопреосвященство, при обозрѣніи епархіи, удостоилъ своимъ посѣщеніемъ и внимательнымъ осмотромъ одну изъ этихъ школъ въ селѣ Никифоровкѣ, гдѣ учитъ племянница Тимоѳеева, дѣвица Ѳеодора Гаврилова и выразился объ этой школѣ такъ:

*) Дѣянія Апостл. гл. 2.

«школа въ прямомъ смыслѣ образцовая. *)» Поддержаніе-то этихъ и подобныхъ имъ школъ, пособіе къ изданію переводовъ Свящ. Писанія и богослужебныхъ книгъ на инородческіе языки (неиначе, какъ русскимъ алфавитомъ), подготовленіе всего потребнаго для совершенія благочиннаго, стройнаго богослуженія на татарскомъ языкѣ, на первый разъ хотя въ одной Казани, и оказываніе помощи и поддержки нуждающимся членамъ православной церкви изъ инородцевъ, по примѣру первой христіанской общины временъ апостольскихъ, и должно быть, по моему убѣжденію, первою нашею заботою.

Но для осуществленія этихъ цѣлей потребуются матеріальныя средства. Спрашивается, гдѣ братство возьметъ эти средства и есть ли у него теперь хоть что нибудь, что бы давало надежду на его будущее? Дѣло братства Св. Гурія—столь святое дѣло, что въ участіи къ нему со стороны православныхъ и сомнѣваться грѣшно. И дѣйствительно, первые шаги братства уже доказываютъ, что оно начинаетъ возбуждать сердечное сочувствіе во всѣхъ слояхъ общества. Доказательства этого сочувствія предъ нами: въ настоящее время (до 4-го октября включительно) братчиковъ съ учредителями 251; сестеръ 78. Отъ 206 братчиковъ и 51 сестры объявлено ежегоднаго взноса 1,231 руб., отъ покровителей братства: Преосвященнѣйшаго Антонія 50 руб. въ годъ и отъ г. губернатора Н. Я. Скарятина тоже 50 руб. ежегодно. Самый же значительный ежегодный взносъ отъ архіерейскаго дома 150 руб.; слѣдовательно ежегоднаго взноса всего объявлено 1,481 р. Отъ 45 братчиковъ и 27 сестеръ ежегоднаго взноса еще не объявлено. Единовременныхъ пожертвованій сверхъ ежегоднаго взноса 3,903 руб. 25 коп. Изъ этихъ пожертвованій особенно значительныя: купца Сергѣя Евсеевича Александрова, который принесъ въ даръ братству векселей на 3,000 руб., преосвященнаго Антонія—книгъ на 500 руб.; за тѣмъ отъ архіерейскаго дома 100 руб., отъ купца Вас. Ник. Унженина 100 руб. въ билетѣ 2 займа съ выигрышами, отъ Екат. Ник. Унжениной билетъ въ 100 руб. **).—Нельзя не упомянуть также о пожертвованіяхъ крестьянъ и крестьянокъ различныхъ мѣстностей въ 50 и 25 коп. Эти приношенія дороги по тому сочувствію, которое возбуждено къ братству и въ бѣдномъ классѣ.

Мы видимъ не мало на первый разъ ревнителей дѣлу братства: и духовенство, и мірскіе люди, и богатые, и бѣдные охотно несутъ вклады въ братскую кассу, каждый по мѣрѣ средствъ своихъ. Почтенны и многополезны для цѣлей братства, а потому достойны великой хвалы богатые вклады, но не менѣе достойна уваженія и благодарности и малая лепта бѣдняка, приносимая съ усердіемъ и

---

*) Извѣстія по Казан. Епархіи 1867 г. № 15 стр. 392 и № 16 стр. 430.

**) Вещами пожертвовано: отъ неизвѣстныхъ двѣ серебряныя, вызолоченныя лампадки; отъ П. А. Костливцева—матерія на братскую хоругвь; отъ игуменьи здѣшняго женскаго монастыря Калисты золотошвейная работа хоругви и имѣвшійся въ наличности приклатъ.

сочувствіемъ святому дѣлу. Да будетъ же всѣмъ вкладчикамъ похвала не отъ людей, но отъ Бога, да пріимется всякій вкладъ въ сокровищницу братства, какъ благовонное куреніе, жертва пріятная, благоугодная Богу!

И такъ средства есть, и, Богъ дастъ, найдутся въ изобиліи. Но и со средствами желанный успѣхъ возможенъ только тогда, когда всѣ члены братства, движимые сердечною любовію къ дѣлу, будутъ содѣйствовать достиженію святыхъ цѣлей братства не одними матеріальными пособіями, но и посильною ревностною дѣятельностію. Силу къ этой благотворной, очищающей душу дѣятельности мы можемъ почерпать изъ единственнаго свѣтлаго источника нравственной силы и благодати. «Просите и дастся вамъ» (Еванг. Лук. гл. 11, 9).

Святитель Гурій! Осѣни своимъ святымъ благословеніемъ продолжателей твоего дѣла и твоимъ теплымъ предстательствомъ у Господа силъ испроси намъ, немощнымъ, Духа любви, разума, силы и вседѣйствующей благодати Божіей, да вразумитъ, укрѣпитъ и оплодотворитъ Онъ дѣятельность братства во славу святаго Твоего имени и къ утвержденію и распространенію въ сей странѣ святой нашей вѣры православной!

Представленіе попечителя Казанскаго учебнаго округа Г. Министру Народнаго Просвѣщенія, отъ 31 октября 1868 года.

Въ засѣданіи состоящаго при мнѣ совѣта, происходившемъ 28-го сего октября, слушали предложенія Г. Министра Народнаго Просвѣщенія: 1) отъ 1-го апрѣля 1867 г. за № 2458, которымъ поручено попечительскому совѣту, съ участіемъ въ немъ гг. Золотницкаго и Ильминскаго, разсмотрѣніе протоколовъ училищныхъ совѣтовъ по вопросу объ образованіи инородцевъ; 2) отъ 13-го мая 1867 г. за № 3505, съ препровожденіемъ отношенія Симбирскаго губернатора за №109, относительно примѣненія нѣкоторыхъ статей положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ къ татарскимъ училищамъ и мулламъ и 3) отношенія Департамента Народнаго Просвѣщенія: а, отъ 18-го января 1868 г. за № 334, съ препровожденіемъ отношенія архіепископа Казанскаго за № 301 объ установленіи контроля надъ содержимыми муллами въ татарскихъ селеніяхъ магометанскими школами *) и b, отъ 27-го сентября 1868 г. за № 7611, при которомъ приложена выписка изъ журнала Ученаго Комитета (9-го сентября 1868 г. № 215) по вопросу объ образованіи ино-

*) См. эти документы ниже.

родцевъ. По выслушаніи свода мнѣній Ученаго Комитета, училищныхъ совѣтовъ и отдѣльныхъ лицъ по вопросу объ образованіи инородцевъ, члены попечительскаго совѣта, для болѣе правильнаго разрѣшенія вопроса, предположили раздѣлить его на слѣдующіе отдѣлы: А. по вопросу о религіозно-нравственномъ образованіи инородцевъ вообще и обрусѣніи ихъ: а, должно ли преподаваніе быть ведено съ самаго начала по-русски, или же языкомъ преподаванія должно быть первоначально инородческое нарѣчіе? b, долженъ ли быть заранѣе установленъ порядокъ относительно времени ученія, или это дѣло можетъ быть предоставлено усмотрѣнію училищныхъ совѣтовъ и мѣстныхъ педагоговъ; и с, должны ли священнослужители быть распорядителями училища, а свѣтскіе учителя только ихъ помощниками, или же распорядителями, учителями и даже законоучителями должны быть тѣ, которые имѣютъ болѣе способовъ къ дѣйствію на инородческихъ дѣтей независимо отъ ихъ званія? и В. О мѣрахъ къ обрусѣнію Татаръ-магометанъ.

А. Какъ видно изъ мнѣній училищныхъ совѣтовъ, большая часть совѣтовъ по первому вопросу согласна съ мнѣніями Ученаго Комитета: 1) хотя и признаетъ инородческіе языки необходимымъ орудіемъ при первоначальномъ обученіи, но преимущественно русскій языкъ желаетъ видѣть языкомъ школы и церкви; 2) допуская переводы на инородческіе языки священнаго писанія кромѣ мордовскаго племени, для котораго немногіе училищные совѣты признаютъ необходимость такихъ переводовъ, желаетъ ограниченія такихъ переводовъ, опасаясь, чтобы развитіе инородческой литературы не повело инородцевъ къ обособленію. Съ большею обстоятельностію вопросъ этотъ разсмотрѣнъ и изложенъ въ мнѣніяхъ предсѣдателя Вятскаго уѣзднаго училищнаго совѣта О. Фармаковскаго, съ которымъ согласенъ и губернскій училищный совѣтъ, и особенно въ мнѣніи предсѣдателя Казанскаго уѣзднаго училищнаго совѣта священника Зефирова и Казанскаго губернскаго училищнаго совѣта. — Эти совѣты стоятъ за систему, которою съ успѣхомъ руководились древніе просвѣтители русскихъ инородцевъ и которой держатся нынѣ гг. Ильминскій и Золотницкій.

I. Принимая во вниманіе какъ основательныя мнѣнія этихъ училищныхъ совѣтовъ, такъ и выписку изъ журнала Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія отъ 9-го сентября 1868 г., основываясь вмѣстѣ съ тѣмъ на собственныхъ наблюденіяхъ, члены попечительскаго совѣта пришли къ такому заключенію: 1) инородческіе языки въ первоначальной школѣ для инородческихъ дѣтей должно поставить въ основное орудіе образованія; они необходимы не только въ видѣ устнаго объясненія уроковъ, но и въ видѣ учебныхъ руководствъ первоначальной школы. 2) Признается необходимость изданія на инородческихъ языкахъ не только элементарныхъ учебни-

ковъ, но и Евангелія и священной исторіи и нѣкоторыхъ другихъ вѣроучительныхъ книгъ. Оба эти пункта не относятся къ большей части мордовскаго племени, которое, какъ видно изъ отзыва училищныхъ совѣтовъ, уже достаточно обрусѣло. Нельзя впрочемъ не замѣтить здѣсь заявленій Городищенскаго и другихъ (Краснослободскаго, Чембарскаго, Наровчатскаго, Керенскаго) училищныхъ совѣтовъ Пензенской губерніи, изъ которыхъ первый признаетъ необходимымъ переводъ Евангелія, молитвъ и пр., на мордовскій языкъ, а другіе высказываютъ необходимость имѣть для мордовскихъ школъ учителей, знающихъ мордовскій языкъ. 3) Въ виду распространенія мусульманской письменности и пропаганды, для противодѣйствія ей признается необходимымъ возможно большее распространеніе переводовъ священнаго писанія и вѣроучительныхъ книгъ на татарскомъ языкѣ (и полное богослуженіе на немъ, могущее дѣйствовать сильно не только на крещеныхъ Татаръ, но и на Татаръ-магометанъ.)

II. По второму вопросу большая часть училищныхъ совѣтовъ также раздѣляетъ мнѣніе Ученаго Комитета. Попечительскій совѣтъ имѣя въ виду: 1) необходимость привлеченія на первое время въ школы инородческихъ дѣтей и 2) многочисленные факты охотливости инородцевъ къ поступленію въ школы, гдѣ ихъ учатъ разумно и сперва на родномъ языкѣ, почитаетъ строгую регламентацію для инородческой школы преждевременною. Достаточно опредѣлить эту школу въ главныхъ чертахъ: въ инородческой школѣ дѣти первоначально учатся, развиваютъ свои понятія и усвоиваютъ религіозныя истины на родномъ своемъ языкѣ при помощи учебниковъ и книгъ на инородческихъ языкахъ, написанныхъ русскимъ алфавитомъ. Отъ этихъ книгъ инородческія дѣти переходятъ къ русской грамотѣ—чтеніе по книгамъ гражданской печати и письмо. Русскій языкъ изучаютъ они постепенно при помощи роднаго языка и нагляднаго обученія (гдѣ къ этому найдутся средства). Въ число предметовъ преподаванія входятъ также первыя четыре дѣйствія ариѳметики и церковное пѣніе на инородческомъ и русскомъ языкахъ. Учебниками для этихъ школъ могутъ быть книги, одобренныя совѣтомъ братства св. Гурія,

III. По третьему вопросу попечительскій совѣтъ раздѣляетъ мнѣніе, какъ бывшаго Казанскаго, такъ и Ученаго Комитета, и вмѣстѣ съ послѣднимъ полагаетъ: «что кругъ дѣятельности и вліянія, а равно и вознагражденіе за тру-«ды должны быть, по возможности, равномѣрнѣе распредѣлены между духов-«ными и свѣтскими дѣятелями въ инородческихъ школахъ, но что при незна-«ніи законоучителемъ мѣстнаго инородческаго нарѣчія, завѣдываніе школою, «поученія въ христіанствѣ, а равно упражненіе въ чтеніи и объясненіи Еванге-«лія на мѣстномъ нарѣчіи должны быть возлагаемы на свѣтскаго учителя, зна-«ющаго инородческое нарѣчіе». При этомъ совѣтъ не можетъ не пожелать для

инородческихъ школъ учителей изъ инородцевъ, которымъ, какъ показалъ опытъ, больше сочувствуютъ и къ которымъ съ бо́льшимъ довѣріемъ относятся ихъ соплеменники.

В. Въ вопросѣ о мѣрахъ къ обрусѣнію Татаръ-магометанъ почти всѣ училищные совѣты сходятся въ одномъ — въ желаніи, чтобы въ магометанскихъ школахъ обучали и русскому языку и чтобы магометане привлекались въ русскія училища. Попечительскій совѣтъ, не отвергая полезности мѣры, предлагаемой профессоромъ Григорьевымъ, хотя вполнѣ сознавая, что совершенное осуществленіе ея можетъ быть только въ далекомъ будущемъ, признаетъ полезными, для привлеченія магометанъ въ русскія учебныя заведенія, слѣдующія мѣры: 1) освобожденіе ихъ отъ чтенія по церковнымъ книгамъ въ приходскихъ училищахъ; 2) освобожденіе отъ изученія церковно-славянскаго языка въ уѣздныхъ училищахъ; 3) освобожденіе отъ изученія церковно-славянскаго, греческаго и одного изъ новыхъ языковъ въ гимназіяхъ, и само собою разумѣется освобожденіе отъ слушанія Закона Божія во всѣхъ этихъ учебныхъ заведеніяхъ. 4) Допущеніе въ гимназіи магометанскаго вѣроученія, но съ непремѣннымъ условіемъ, чтобъ желаніе преподаванія магометанскаго закона и вознагражденіе за эти уроки шло отъ магометанскаго общества. Распространеніе христіанскихъ книгъ на татарскомъ народномъ языкѣ и попечительскій совѣтъ считаетъ однимъ изъ могущественныхъ средствъ къ потрясенію изолированности Татаръ-магометанъ и къ постепенному приведенію ихъ къ сознанію необходимости русскаго образованія. — Однимъ же изъ такихъ могучихъ средствъ признаетъ попечительскій совѣтъ и распространеніе раціональныхъ элементарныхъ школъ русскихъ и укрѣпленіе нашего народа въ истинахъ православія, къ чему вѣрнѣе всего поведетъ распространеніе вѣроучительныхъ книгъ на русскомъ языкѣ и, конечно, не мало могло бы способствовать вполнѣ понятное для народа богослуженіе на русскомъ же языкѣ.

1) Примѣнять ли § 17-й положенія о народныхъ училищахъ къ мулламъ и магометанскимъ школамъ, т. е., обязаны ли мѣстные муллы имѣть наблюденіе за магометанскою школою, находящеюся въ селеніи? 2) Подлежатъ ли магометанскія школы, содержимыя муллами, вѣдѣнію уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ? 3) Какимъ образомъ производить испытаніе тѣмъ лицамъ изъ магометанъ, которые пожелаютъ пріобрѣсти званіе учителя въ начальныхъ народныхъ училищахъ для дѣтей Татаръ-магометанъ?

По мнѣнію членовъ попечительскаго совѣта отъ такого учителя должно требовать знаніе русскаго языка, а потому и экзаменъ требуется производить на общихъ основаніяхъ для сельскихъ приходскихъ учителей. Преподаваніе такой учитель долженъ вести такъ, чтобы постоянно пріучать учениковъ къ разговорному русскому языку, читать татарскія книги непремѣнно съ перево-

домъ на русскій языкъ и обратно. Такія школы легко могутъ быть въ вѣдѣніи училищнаго совѣта. Что же касается до мектебъ и медрессъ, то контроль за ними со стороны училищныхъ совѣтовъ едва ли поведетъ къ чему либо, (да и училищные совѣты сами сознаются въ невозможности контролировать эти школы по незнанію татарскаго языка) и вообще контроль за этими школами по отсутствію всякой опредѣленности во внутренней жизни этихъ школъ недоступенъ. Подчинить магометанскія школы относительно вѣроученія наблюденію муллъ нѣтъ надобности, потому что и безъ того муллы безъ сомнѣнія наблюдаютъ за чистотою своего вѣроученія.

Опредѣлено: «Означенное мнѣніе попечительскаго совѣта, съ приложеніемъ «подлинныхъ протоколовъ училищныхъ совѣтовъ и отдѣльныхъ лицъ, свода «всѣхъ мнѣній по этому вопросу, съ возвращеніемъ отношеній Симбирскаго «губернатора и преосвященныхъ Казанскаго и Вятскаго, представить чрезъ «г. попечителя округа на благоусмотрѣніе Господина Министра Народнаго «Просвѣщенія».

Представляя Вашему Сіятельству мнѣніе состоящаго при мнѣ совѣта, имѣю честь присовокупить, что я раздѣляю изложенное мнѣніе и не считаю себя въ правѣ входить въ болѣе подробныя изложенія, такъ какъ мнѣніе мое по этому вопросу уже достаточно мною высказано прежде. Если при рѣшеніи этого вопроса представится необходимость въ болѣе подробныхъ объясненіяхъ, я полагалъ бы болѣе полезнымъ, если бы я получилъ вызовъ въ С.-Петербургъ, лично участвовать, при рѣшеніи этого важнаго для ввѣреннаго мнѣ учебнаго округа вопроса, въ засѣданіяхъ совѣта Министра.

Отношеніе къ Г. Министру Народнаго Просвѣщенія Симбирскаго губернатора.

Ардатовскій уѣздный училищный совѣтъ, отношеніемъ отъ 13-го марта сего 1867 года за №8, ходатайствуетъ о разрѣшеніи возникшаго въ засѣданіи его 28-го минувшаго февраля вопроса: *слѣдуетъ ли смыслъ ст. 17 Полож. о начальныхъ народныхъ училищахъ примѣнять къ мулламъ для опредѣленія отношенія ихъ къ училищамъ для дѣтей Татаръ-магометанъ*, а также и о разрѣшеніи вопроса, возбужденнаго въ засѣданіи училищнаго совѣта 7-го декабря 1866 года, какимъ образомъ производить испытанія тѣмъ лицамъ изъ магометанъ, которыя пожелаютъ пріобрѣсти званіе учителя въ начальныхъ народныхъ училищахъ для дѣтей Татаръ-магометанъ?

Отношеніе къ Г. Министру Народнаго Просвѣщенія его преосвященства архіепископа казанскаго Антонія.

Лаишевскій уѣздный училищный совѣтъ въ маѣ мѣсяцѣ сего 1867 года вошелъ въ казанскій губернскій училищный совѣтъ съ представленіемъ, въ которомъ изъяснилъ, что въ засѣданіи того совѣта, происходившемъ 24-го апрѣля, возбужденъ былъ вопросъ: слѣдуетъ ли согласно ст. 2 § 1 Положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ, *отнести къ народнымъ училищамъ и мусульманскія школы, содержимыя муллами въ татарскихъ селеніяхъ, и въ какой мѣрѣ онѣ должны быть подчинены уѣздному училищному совѣту?* Члены совѣта, основываясь на ст. 2-й означеннаго Положенія, постановили, что магометанскія школы, состоящія въ Лаишевскомъ уѣздѣ, должны находиться въ вѣдѣніи училищнаго совѣта наравнѣ съ училищами, содержимыми частными лицами.

Губернскій училищный совѣтъ, по разсмотрѣніи этого представленія въ 13-й день прошлаго октября опредѣлилъ: такъ какъ по духу Высочайше утвержденнаго Положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ какъ на губернскіе, такъ и на уѣздные училищные совѣты возлагается главное попеченіе о распространеніи и утвержденіи собственно православнаго христіанскаго первоначальнаго образованія, а не магометанскаго, въ противномъ случаѣ надлежало бы допустить ни съ чѣмъ несообразную мысль, что христіанскіе члены, въ особенности же епархіальные преосвященные, въ качествѣ предсѣдателей губернскихъ училищныхъ совѣтовъ, обязаны заботиться о процвѣтаніи магометанскихъ школъ и слѣдовательно магометанскаго образованія, совершенно враждебнаго христіанству: то извѣстить Лаишевскій уѣздный училищный совѣтъ въ разрѣшеніе его прописаннаго представленія, что мнѣніе его о томъ, что будто бы магометанскія школы, находящіяся въ Лаишевскомъ уѣздѣ, должны состоять въ вѣдѣніи Лаишевскаго уѣзднаго училищнаго совѣта, противно общему смыслу и духу Высочайше утвержденнаго Положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ. По вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣя въ виду, что мусульманскія школы въ здѣшнемъ краѣ, оставаясь безъ надлежащаго надъ ними надзора, могутъ быть весьма вредны, развивая въ воспитанникахъ духъ фанатизма и ненависти къ христіанству и исповѣдующему оное русскому народу, и тенденціи къ пропагандѣ, особенно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ мусульмане живутъ совмѣстно съ крещеными инородцами, не довольно вообще утвержденными въ христіанствѣ, губернскій училищный совѣтъ признаетъ извѣстнаго рода контроль надъ означенными школами со стороны правительства необходимымъ, о чемъ и считаетъ нужнымъ представить на благоусмотрѣніе Вашего Сіятельства.

Записка объ образованіи мусульманъ Оренбургскаго края.

Значительное число инородцевъ, населяющихъ Оренбургскій край, заставляетъ принять энергическія мѣры къ распространенію между ними знанія русскаго языка. Неудивительно-ли въ самомъ дѣлѣ, что инородцы этого края, въ особенности же мусульмане, триста лѣтъ тому назадъ вошедшіе въ составъ Россійской Имперіи, до сего времени вполнѣ сохранили свою религію, языкъ, нравы и обычаи, и еще удивительнѣе, что крещеные мусульмане, которыхъ не мало въ Уфимской губерніи, въ теченіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ остаются христіанами только по имени, отличаясь отъ мусульманъ только тѣмъ, что не брѣютъ головъ. Населяя окрайну Россіи, соприкосающуюся къ мусульманскому міру Азіи, они тяготѣютъ къ нему; а исповѣдуя столь чувственную религію, при низкой степени образованія, они съ трудомъ принимаютъ европейскую цивилизацію; а между тѣмъ они оказываютъ весьма сильное вліяніе на живущихъ въ средѣ ихъ язычниковъ, которыхъ въ Уфимской губерніи не менѣе 50,000, что видно уже изъ того, что язычники охотнѣе принимаютъ мусульманство. Подобное явленіе не могло не вызвать мѣръ къ распространенію знаній русскаго языка между инородцами Оренбургскаго края, въ особенности же между мусульманами. Но чтобы расчитывать на успѣхъ, необходимо узнать существуетъ ли въ мусульманахъ наклонность къ знанію русскаго языка, а потомъ, сообразно съ этимъ, принимать необходимыя мѣры.

Какъ ничтожно стремленіе мусульманъ Оренбургскаго края къ изученію русскаго языка видно изъ того, что, не смотря на значительное число русскаго населенія, весьма не многіе изъ мусульманъ знаютъ русскій языкъ: мало того, въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ живутъ вмѣстѣ Русскіе и Татары, всѣ Русскіе говорятъ по-татарски и весьма не многіе Татары по-русски. Можетъ быть скажутъ, что причиною этого явленія преобладаніе въ здѣшнемъ краѣ мусульманскаго населенія *). Это было бы справедливо, еслибы сказанное явленіе было замѣчено только въ здѣшней мѣстности; но оно замѣчается вездѣ, гдѣ живутъ мусульмане и Русскіе; а потому и показываетъ, что въ мусульманахъ не оказывается особенно сильнаго желанія къ изученію русскаго языка. Желаніе это обнаруживается только между болѣе или менѣе образованными мусульманами, — между служащими и помѣщиками, да еще между тѣми, которымъ приходится имѣть частыя сношенія съ Русскими, преимущественно по дѣламъ торговли. Слѣдуетъ-ли изъ этого вывести заключеніе, что въ мусульманахъ су-

*) Въ Уфимской губерніи мусульманъ обоего пола 707,537 душъ, другихъ населеній 536,800 душъ.

ществуетъ пренебреженіе къ русскому языку, отчего оно происходитъ и въ комъ особенно развито? Особенной вражды въ мусульманахъ къ русскому народу не существуетъ, когда дѣло не касается религіи, точно также какъ нѣтъ и особенной обоюдной пріязни между ними: слово «собака» слышится на каждомъ шагу въ простомъ народѣ, какъ съ той, такъ и съ другой стороны, и часто названіе это произносится безъ особенной враждебности. Немного образованный мусульманинъ не только не гнушается русскимъ языкомъ, но считаетъ знаніе его необходимымъ. Простой народъ не видитъ въ томъ особенной надобности, будучи увѣренъ, что соприкасающееся къ нему русское населеніе легко выучивается по-татарски; можетъ быть онъ даже безъ принужденія сталъ бы учиться русскому языку, если бы въ мѣрахъ, принимаемыхъ для этого правительствомъ, не подозрѣвалъ намѣренія сдѣлать всѣхъ мусульманъ христіанами. Вотъ эта-то мысль, въ соединеніи съ религіозною враждою, развиваемая и постоянно поддерживаемая фанатиками-муллами изъ опасенія выпустить народъ изъ своихъ рукъ, прочно засѣла въ головы мусульманъ. По этому главное препятствіе къ распространенію русскаго языка между мусульманскимъ населеніемъ заключается въ фанатизмѣ муллъ: большинство изъ нихъ оказываетъ къ русскому языку полное пренебреженіе. На нихъ-то и надобно прежде всего обратить вниманіе. Я полагаю, что при назначеніи муллъ необходимо требовать отъ нихъ достаточнаго знанія русскаго языка; только при этомъ условіи можно расчитывать на успѣхъ.

Какія же мѣры принимались къ распространенію русскаго языка и грамотности между мусульманами? Извѣстно, что при кантонныхъ управленіяхъ Башкиръ *) были учреждены школы, въ которыхъ обучались башкирскіе мальчики (конечно не по своему желанію); но со введеніемъ въ дѣйствіе Высочайше утвержденнаго въ 1863 году Положенія, подчинившаго Башкиръ гражданскому вѣдомству, школы опустѣли, и, по выраженію одного изъ вліятельныхъ мусульманъ — помѣщиковъ Уфимской губерніи, только печальные остатки зданій свидѣтельствуютъ о когда-то бывшемъ въ нихъ невольномъ обученіи. Независимо отъ этихъ школъ, въ настоящее время уже не существующихъ, изъ суммъ извѣстныхъ подъ именемъ башкирскихъ, состоящихъ въ распоряженіи генералъ-губернатора Оренбургскаго края, отпускается въ распоряженіе Уфимскаго гражданскаго губернатора на образованіе Башкиръ Уфимской губерніи не менѣе 12,000 рублей. Цифра почтенная! На эту сумму обучалось въ 1866 году въ 3 уѣздныхъ училищахъ (въ Уфимскомъ, Бирскомъ и Мензелинскомъ), въ 7 приходскихъ (1-мъ и 2-мъ Уфимскомъ, 1-мъ и 2-мъ Бирскомъ, Мензелинскомъ, Белебеевскомъ и Стерлитамакскомъ) и горскомъ Златоустовскомъ 180 маль-

*) Сюда относятся собственно Башкиры, Тептери, Мещеряки и друг; послѣдніе преимущественно исповѣдуютъ языческую религію.

чиковъ, изъ нихъ 42 язычника и 138 мусульманъ, и въ Бирскѣ до 30 дѣвочекъ, *) изъ которыхъ немногія посѣщаютъ существующее тамъ училище 2-го разряда, большинство же обучается особымъ учителемъ изъ мусульманъ. Всѣ эти мальчики и дѣвочки содержатся и обучаются на счетъ означенныхъ суммъ, и собственно содержаніе ихъ обходится не менѣе 9,000 рублей. Излишне и говорить, что большинство ихъ поступаетъ въ училище не по собственному желанію, а единственно потому, что пользуется даровымъ содержаніемъ. Всѣхъ же учащихся мусульманъ въ 1866 году въ учебныхъ заведеніяхъ Уфимской губерніи было не болѣе 150; слѣдовательно на свой счетъ обучалось 12 **), число крайне незначительное.

По собраннымъ мною свѣдѣніямъ за послѣднія 10 лѣтъ, съ 1858 года по 1867 годъ включительно, видно, что во всѣ 7 приходскихъ училищъ поступило 441, слѣдовательно ежегодно 44, а въ каждое училище среднимъ числомъ по 6 мальчиковъ въ годъ. Въ тѣ же 10 лѣтъ выбыло: не окончивъ курса (т. е. ничему не научившись) 164, по окончаніи курса 162, по 16 ежегодно, а изъ каждаго училища ежегодно менѣе двухъ. Въ 3 уѣздныя училища въ теченіе 10 лѣтъ поступило 260, выбыло до окончанія курса 64, по окончаніи курса 73, слѣд. ежегодно 7 человѣкъ, а изъ каждаго училища среднимъ числомъ немного болѣе трехъ. Если же изъ числа 260, поступившихъ въ уѣздныя училища, исключить 162, перешедшихъ туда изъ приходскихъ училищъ по окончаніи курса, то окажется, что изъ 362 т. мусульманъ мужескаго пола Уфимской губерніи въ теченіи 10 лѣтъ во всѣ 10 училищъ поступило не болѣе 540, или ежегодно 54, а въ каждое училище среднимъ числомъ немного болѣе 5 мальчиковъ, и притомъ самое значительное большинство на счетъ башкирскихъ суммъ. При назначеніи такой значительной суммы на образованіе мусульманъ, какъ кажется, имѣлось въ виду, что вышедшіе изъ учебныхъ заведеній мусульмане сдѣлаются проводниками русскаго языка въ массѣ народа, но едва-ли это достигается, по крайней мѣрѣ я не знаю ни одного изъ окончившихъ курсъ Башкирца, обучающаго своихъ единовѣрцевъ русскому языку, а между тѣмъ знаю случай, когда мулла выгналъ изъ дому Башкирца, окончившаго курсъ въ Бирскомъ уѣздномъ училищѣ и предлагавшаго муллѣ обучать въ его медрессе мальчиковъ русскому языку. Окончивъ курсъ въ уѣздномъ училищѣ, мусульмане стараются поступить на службу по части письмоводства; если же не успѣваютъ въ этомъ, то скоро забываютъ въ средѣ своей русскій языкъ. И такъ если эта мѣра не можетъ служить къ распространенію знаній русскаго языка въ массѣ мусульман-

*) Изъ нихъ 5 въ настоящее время помѣщены въ женской гимназіи съ отпускомъ на содержаніе ихъ 1,500 рублей.

**) Сверхъ того въ Уфимской гимназіи двое: одинъ родственникъ муфтія, другой сынъ чиновника.

ства, то стóитъ-ли употреблять такія суммы на приготовленіе нѣсколькихъ писарей, когда ихъ много отыщется между Русскими? И нельзя-ли употребить ихъ производительнѣе?

Незначительное число обучающихся въ русскихъ училищахъ на свой счетъ мусульманъ наводитъ на весьма важный вопросъ: существуетъ-ли въ массѣ мусульманскаго населенія потребность образованія? Для разрѣшенія его прежде всего разсмотримъ, какъ и чему они обучаются въ училищахъ.

Мусульмане, какъ было сказано, обучаются преимущественно въ приходскихъ и уѣздныхъ училищахъ, и весьма немногіе въ гимназіяхъ, и притомъ большинство на счетъ башкирскихъ суммъ за исключеніемъ дѣтей нѣкоторыхъ мусульманъ служащихъ, особенно въ военной службѣ, изъ которыхъ многіе воспитываются въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Въ приходскія и уѣздныя училища поступаютъ, или вѣрнѣе помѣщаются мальчики изъ низшаго, рабочаго класса. Дикіе, прямо изъ степей или отъ сохи, они поступаютъ въ училище, не зная бóльшею частію ни одного русскаго слова и совершенно не понимаютъ учителя, обыкновенно не знающаго татарскаго языка. Какихъ тяжкихъ трудовъ стóитъ мальчику русская грамата! Часто проходитъ три, четыре года пока мальчикъ не добьется только до механическаго чтенія. Да иначе и быть не можетъ: какъ объяснитъ ему учитель первое же прочитанное имъ слово? Конечно не иначе, какъ представивъ этотъ предметъ на лицо; а какъ поступить съ тѣми предметами, которыхъ на лицо не имѣется. Вотъ тутъ-то для учителя трудъ тяжелый! А въ училищѣ на 10 мусульманъ 50 и болѣе Русскихъ, которыхъ оставить не возможно. Наконецъ послѣ многолѣтнихъ усилій мальчики, конечно не болѣе какъ на половину, начинаютъ кое что понимать и съ этого только времени собственно начинается ихъ ученье, т. е. объяснительное чтеніе и за тѣмъ счисленіе. Но вотъ продолжительный трудъ, тяжелый и для учащихъ и для учащихся увѣнчивается успѣхомъ, то есть мальчикъ начинаетъ довольно бойко читать, выучивается счисленію и его переводятъ въ уѣздное училище, гдѣ нѣкоторые по достиженіи двадцатилѣтняго, а иногда и болѣе, возраста оканчиваютъ курсъ, изучивъ и исторію, и географію, не зная никакого мастерства и совершенно отвыкая отъ крестьянскихъ работъ. Можно усомниться, что такое ученье привлечетъ мусульманъ въ училища. Но есть и другая причина, можетъ быть болѣе важная, препятствующая имъ отдавать своихъ дѣтей въ училища, какъ приходскія такъ и уѣздныя. Поступивъ въ училища, дѣти мусульманъ обучаются по учебникамъ, составленнымъ собственно для русскихъ мальчиковъ: въ приходскихъ училищахъ они обучаются по руководству «Родное Слово» Ушинскаго, въ уѣздныхъ выслушиваютъ всеобщую и русскую исторію; въ первомъ они прочтутъ и молитвы, въ послѣднихъ услышатъ о распространеніи христіанства, о заблужденіяхъ мусульманъ, о несправедливыхъ и же-

стокихъ преслѣдованіяхъ ими христіанъ. Послѣ этого не мудрено, что мусульмане опасаются обращенія ихъ дѣтей въ христіанство, особенно при подстрекательствѣ муллъ; а потому если бы они и желали дать дѣтямъ своимъ соотвѣтственное образованіе, то изъ опасенія перехода ихъ въ христіанство, не рѣшатся на это. Если къ этому прибавить, что въ учебныхъ заведеніяхъ не существуетъ вѣроученія мусульманскаго, то, не смотря на незначительное число учащихся мусульманъ, не будемъ спѣшить заключеніемъ, что въ массѣ ихъ нисколько не развита потребность образованія. Чтобы рѣшить этотъ вопросъ болѣе положительнымъ образомъ, обратимся къ свѣдѣніямъ о числѣ учащихся мусульманъ въ ихъ собственныхъ школахъ, устроенныхъ при мечетяхъ.

Для полученія этихъ свѣдѣній я относился и частно, и оффиціально къ муфтію и въ магометанское собраніе, но получить отъ нихъ не могъ почти никакихъ свѣдѣній. По видимому они и не имѣютъ по этому предмету точныхъ свѣдѣній и въ самое дѣло обученія, судя по отзывамъ нѣкоторыхъ муллъ, едва-ли вмѣшиваются. Всѣ свѣдѣнія, которыя я могъ получить отъ нихъ, правда очень скудныя и ошибочныя, собраны были, по сношенію муфтія съ начальникомъ Уфимской губерніи, полицейскими управленіями и относятся только къ Уфимской губерніи.

Въ Уфимской губерніи на 1,244,337 жителей считается 707,537 мусульманъ обоего пола, то есть почти въ 1½ раза болѣе, нежели всѣхъ другихъ исповѣданій, 1,017 мечетей и при нихъ 354 школы *) съ 15,693 учащимися. Число это по видимому значительное, особенно если сравнить его съ числомъ учащихся въ русскихъ школахъ, далеко ниже дѣйствительнаго. Чтобы показать это, разсмотримъ число учащихся по уѣздамъ:

	Число жителей.	Число школъ.	Число учащихся.
Мензелинскій	144,024	155	9,144
Белебеевскій	177,815	85	3,938
Бирскій	164,743	54	979
Стерлитамакскій	99,946	32	1,250
Уфимскій	84,153	23	306
Златоустовскій	36,856	5	76
Всего . . .	707,537	354	15,693

*) Въ вѣрности этого числа можно сомнѣваться судя по словамъ мусульманъ, утверждающихъ, что при каждой мечети должна быть школа.

Принимая означенныя числа точными находимъ, что

на	695 человѣкъ	1	мечеть,
»	2,000 »	1	школа,
почти на	3 мечети	1	»
на	45 человѣкъ	1	учащійся.

Разсматривая отношеніе учащихся къ народонаселенію по уѣздамъ, находимъ:

По Мензелинскому уѣзду	1	учащ.	на	15,7
» Болебеевскому	» 1	»	»	45
» Бирскому	» 1	»	»	169
» Стерлитамакскому	» 1	»	»	80
» Уфимскому	» 1	»	»	275
» Златоустовскому	» 1	»	»	485

При сравненіи Златоустовскаго или Уфимскаго уѣзда съ Мензелинскимъ невольно поражаемся огромною разностью отношеній числа учащихся къ народонаселенію. Это различіе можетъ быть объяснено изъ разсмотрѣнія свѣдѣній, представленныхъ полицейскими управленіями. Въ свѣдѣніяхъ по Мензелинскому уѣзду при означеніи числа учащихся по каждому училищу не показано, что числа эти относятся къ лѣтнему времени и нигдѣ не упоминается, чтобы число учащихся было въ другое время болѣе означеннаго, тогда какъ по всѣмъ другимъ уѣздамъ прямо говорится, что означенныя числа относятся ко времени собиранія свѣдѣній, которое производилось въ маѣ мѣсяцѣ. то есть тогда, когда въ русскихъ сельскихъ школахъ нѣтъ ни одного учащагося, и только въ весьма рѣдкихъ училищахъ показано и число учащихся въ зимнее время. По этому я не безъ основанія думаю, что показанное по Мензелинскому уѣзду число учащихся относится къ зимнему времени. За тѣмъ въ свѣдѣніяхъ по Белебеевскому уѣзду значится, что кромѣ 85 школъ, вѣроятно медрессе, есть еще много малыхъ, о числѣ учащихся въ которыхъ не говорится ни слова. Наконецъ по Бирскому уѣзду изъ числа 54 школъ совсѣмъ не показано число учащихся въ 28 школахъ, по Стерлитамакскому въ 2 школахъ, по Уфимскому въ 9 школахъ, по Златоустовскому въ 3 школахъ, всего въ 49 школахъ, кромѣ многихъ малыхъ школъ Белебеевскаго, а можетъ быть, и другихъ уѣздовъ. Послѣ этого можно положительно сказать, что число учащихся во всѣхъ уѣздахъ, кромѣ Мензелинскаго, показано далеко ниже настоящаго. Чтобы по возможности приблизиться къ истинѣ, возмемъ отношеніе учащихся въ Мензелинскомъ уѣздѣ 1:15,7, за нормальное, тогда во всей губерніи учащихся должно быть 450,066. Это число нисколько не должно удивлять насъ. По закону каждый мусульманинъ обязанъ строго

исполнять всѣ обряды, а для этого онъ долженъ знать извѣстныя молитвы. Вотъ главная причина стремленія мусульманина къ ученію; по этому въ школахъ мусульманскихъ съ семилѣтними дѣтьми можно встрѣтить двадцатилѣтнихъ. Но допустимъ, что какія либо мѣстныя причины развили въ мусульманахъ Мензелинскаго уѣзда охоту къ ученію, то возмемъ другое отношеніе. Въ Мензелинскомъ уѣздѣ на каждую школу приходится 60 мальчиковъ, слѣдовательно на 354 школы 21,240 учащихся. Но имѣя въ виду, что многія малыя школы въ свѣдѣніяхъ не показаны, смѣло можемъ принять, что число учащихся мусульманъ въ Уфимской губерніи никакъ не менѣе 30,000. Слѣдовательно приходится 1 учащійся почти на 23 человѣка и на каждую мечеть 29,5 учащихся. Сравненіе числа учащихся мусульманъ съ числомъ учащихся Русскихъ въ сельскихъ школахъ крайне не выгодно для послѣднихъ. Всѣхъ сельскихъ школъ по Уфимской губерніи 141 (изъ нихъ 21 при церквахъ, изъ которыхъ многія значатся только на бумагѣ) съ 3,316 учащихся.

Мусульманскія школы помѣщаются или въ особо устроенныхъ для того домахъ жертвователями или же самими учителями (муллами), или въ домахъ муллъ и содержатся на счетъ учащихся. При нихъ нѣтъ никакихъ имуществъ, подобныхъ тѣмъ, какія имѣются при крымскихъ школахъ. Мулла обязанъ обучать и онъ строго исполняетъ свою обязанность безъ всякаго возмездія. При этомъ надобно замѣтить, что мулла не занимается со всѣми своими учениками; начинающіе учиться обыкновенно поручаются его ученикамъ, достигшимъ уже извѣстной степени познаній; по этому иногда одна медресса состоитъ изъ многихъ школъ, помѣщающихся въ разныхъ зданіяхъ, какова напримѣръ медрессе въ деревнѣ Стерлибашъ, Стерлитамакскаго уѣзда, вмѣщающая въ себѣ въ зимнее время, какъ говорятъ, болѣе 500 учащихся. Эти отдѣленія состоятъ въ вѣдѣніи учениковъ муллы, получающихъ за свои труды отъ учащихся вознагражденіе, которое конечно состоитъ не изъ денегъ, а изъ разнаго рода продуктовъ и притомъ въ самомъ ограниченномъ количествѣ.

Предметъ обученія — исключительно Коранъ; способъ — чтеніе безъ всякаго пониманія прочитаннаго, исключая весьма немногихъ школъ, имѣющихъ знающихъ учителей. Извѣстно, что весьма немногіе изъ муллъ знаютъ арабскій языкъ а слѣдовательно весьма немногіе понимаютъ Коранъ; а потому очень понятно, что учащіеся, пробывши въ ученіи нѣсколько лѣтъ, выносятъ только или знаніе извѣстныхъ мѣстъ Корана, безъ достаточнаго пониманія, или умѣнье читать. Ученіе обыкновенно начинается механическимъ чтеніемъ, на что употребляются цѣлые годы, за тѣмъ уже слѣдуетъ объяснительное чтеніе, но можно себѣ представить, каковы объясненія учителя, почти никогда не понимающаго Корана. Обученіе мусульманъ, какъ видно, имѣетъ во многомъ сходство съ обученіемъ нашихъ раскольниковъ: и тѣ и другіе предметомъ изученія имѣютъ книги ре-

лигіознаго содержанія, и тѣ и другіе конечною цѣлью ученія имѣютъ исполненіе обрядовъ и наконецъ какъ у тѣхъ, такъ у другихъ и учащіе, и учащіеся мало понимаютъ читаемое.

Итакъ численность учащихся не можетъ служить мѣрою призванія мусульманъ къ образованію. Главное препятствіе этому поставляетъ религіозный фанатизмъ, возбуждаемый въ народѣ муллами. Впрочемъ относительно Оренбургскаго края слѣдуетъ замѣтить, что фанатизмъ въ этомъ краѣ далеко не такъ развитъ, какъ въ другихъ мѣстностяхъ; а потому въ немъ скорѣе можно надѣяться, если не на распространеніе образованія, потому что народъ (Башкиры) еще слишкомъ грубъ и дикъ, то по крайней мѣрѣ, на изученіе русскаго языка. Сколько нибудь образованные мусульмане не только не противятся обученію дѣтей, но изъявляютъ полную готовность къ тому, и въ изученіи русскаго языка не ищутъ никакихъ заднихъ мыслей; но въ тоже время они желали бы имѣть отдѣльныя училища собственно для мусульманъ. Желаніе это, съ ихъ точки зрѣнія, весьма естественно: исповѣдуя религію, предписывающую преслѣдовать все не мусульманское, могутъ ли они не опасаться сближенія ихъ дѣтей съ христіанами, а стоя на столь низкой степени образованія, могутъ ли они вполнѣ отрѣшиться отъ распространеннаго между ними повѣрія, что съ изученіемъ русскаго языка они сдѣлаются христіанами? Поэтому дѣйствуя настойчиво и требуя, чтобы они изучали русскій языкъ и непремѣнно въ существующихъ для русскихъ мальчиковъ училищахъ, мы тѣмъ самымъ возбуждаемъ въ нихъ недовѣріе и еще болѣе утверждаемъ въ нихъ опасенія, внушаемыя имъ услужливыми муллами. Нельзя не удивляться послѣ этого, почему до сего времени не дозволяется мусульманамъ открыть въ Уфѣ училище на ихъ собственный счетъ тѣмъ болѣе, что все преподаваніе въ немъ, исключая вѣроученія, предполагается на русскомъ языкѣ? Какого рода опасенія могутъ представляться при этомъ? Не будетъ ли оно подъ всегдашнимъ контролемъ, тогда какъ безконтрольно существуютъ сотни училищъ? А между тѣмъ этого желаютъ многіе благомыслящіе мусульмане. Въ разрѣшеніи такого училища мусульмане увидятъ заботливость объ нихъ правительства, особенно если дано будетъ хотя ничтожное пособіе, и недовѣріе ихъ сильно поколеблется. Самые муллы послѣ этого будутъ смотрѣть иначе на дѣло образованія мусульманъ, тѣмъ болѣе, что, какъ извѣстно мнѣ, есть въ Уфимской губерніи муллы, которые и въ настоящее время готовы допустить въ своихъ школахъ преподаваніе русскаго языка.

Итакъ главнымъ препятствіемъ къ образованію мусульманъ служатъ недовѣріе и религіозный фанатизмъ. Вести борьбу съ ними, въ особенности же съ послѣднимъ, дѣло трудное. Но если невозможно разсчитывать на скорое развитіе въ мусульманахъ потребности къ образованію, то не слѣдуетъ отчаяваться

въ возможности распространенія между ними знанія русскаго языка, особенно если взяться за это дѣло съ осторожностію.

Но какъ и съ чего начать? Открыть ли особыя училища или ввести преподаваніе русскаго языка въ существующихъ при мечетяхъ школахъ? Прежде всего слѣдуетъ начать съ муллъ, именно требовать отъ вновь назначаемыхъ муллъ знанія русскаго языка и дозволить открыть мусульманамъ въ Уфѣ училище на ихъ собственный счетъ, хотя съ небольшимъ пособіемъ отъ казны; а затѣмъ вводить постепенно преподаваніе русскаго языка въ училищахъ мусульманскихъ. Открывать для этого особыя училища и невозможно и не слѣдуетъ: невозможно потому, что на поддержку школъ самими мусульманами разсчитывать нельзя, по ихъ недостаточности, а содержаніе ихъ отъ казны обошлось бы слишкомъ дорого; не слѣдуетъ потому, что мусульмане не будутъ имѣть къ нимъ столько довѣрія, сколько они оказываютъ довѣрія школамъ, давно уже существующимъ *) и состоящимъ въ завѣдываніи ихъ муллъ.

Вводить преподаваніе русскаго языка слѣдуетъ только въ тѣхъ медрессе, муллы которыхъ охотно согласятся на это, не пренебрегая въ то же время и заявленіемъ мѣстныхъ жителей, потому что на слова муллъ не всегда можно полагаться и готовность ихъ можетъ разрѣшиться тѣмъ, что школа опустѣетъ. При этомъ нужно обращать вниманіе на вліяніе, которымъ пользуется мулла въ массѣ мусульманства. Есть муллы, сочувствующіе образованію, но, можетъ быть, за то и не пользующіеся ни особеннымъ уваженіемъ, ни особеннымъ довѣріемъ народа. Если справедливо, что мулла деревни Стерлибашъ, Стерлитамакскаго уѣзда, съ готовностію принимаетъ учителя русскаго языка въ свою школу, было бы весьма возможно немедленно ввести преподаваніе русскаго языка въ его медрессе, потому что онъ имѣетъ огромное вліяніе на мусульманъ и его школа извѣстна не только всему Оренбургскому краю, но отдаленнымъ мѣстностямъ Россіи, заселеннымъ мусульманами, тѣмъ болѣе, что самъ мулла почитается святымъ. Ни подъ какимъ видомъ не дѣлать обученіе русскому языку обязательнымъ **), чтобы не подать повода мусульманамъ подозрѣвать въ этомъ затаенную мысль правительства сдѣлать ихъ христіанами. При этомъ необходимо внушать муллѣ и учителю русскаго языка, чтобы они заботились объ увеличеніи числа учащихся; а потому, въ видахъ поощренія, не худо назначать на-

*) Есть школы, существующія съ прошлаго столѣтія.

**) Въ истекшемъ октябрѣ мѣсяцѣ г. начальникъ Уфимской губерніи отправилъ своего чиновника-мусульманина, бывшаго въ казанскомъ университетѣ, но не окончившаго курса, въ мусульманскую школу, въ Стерлитамакъ, для обученія русскому языку. При этомъ предполагается обученіе русскому языку сдѣлать обязательнымъ, потому что мулла будто-бы принимаетъ учителя. Но могъ ли онъ отказаться принять учителя, назначеннаго начальникомъ губерніи? А мулла, какъ говорятъ, ярый фанатикъ, человѣкъ вліятельный и упорный. Легко можетъ случиться, что подобное начало повредитъ дѣлу. Впрочемъ, по слухамъ, мулла принялъ хорошо учителя и самъ заботился о увеличеніи числа учащихся.

грады тѣмъ мулламъ и учителямъ, у которыхъ число учащихся будетъ значительнѣе и успѣхи по русскому языку лучше.

Учителями русскаго языка назначать на первое время непремѣнно мусульманъ, потому что учителя-мусульмане будутъ пользоваться бо́льшимъ довѣріемъ учащихся и при этомъ можно разсчитывать на лучшіе успѣхи. Въ послѣдствіи, когда разовьется въ мусульманахъ потребность знанія русскаго языка, можно будетъ замѣнять ихъ и Русскими.

Обученіе башкирскихъ мальчиковъ а равно и дѣвочекъ *) на счетъ башкирскихъ суммъ въ приходскихъ и уѣздныхъ училищахъ прекратить и отпускаемыя на этотъ предметъ деньги обратить на вознагражденіе учителей русскаго языка, назначивъ имъ жалованье отъ 150 до 250 рублей, смотря по степени ихъ познаній и образованію. Отъ этихъ суммъ необходимо отдѣлять ежегодно до 2,000 рублей на награды муллamъ и учителямъ и на приготовленіе изъ мусульманъ учителей русскаго языка.

Не малое затрудненіе при введеніи изученія русскаго языка въ мусульманскихъ школахъ можетъ представить выборъ учебниковъ, потому что всѣ существующіе учебники предназначены для Русскихъ. Поэтому необходимо составить учебники для мусульманъ, поручивъ это дѣло людямъ, хорошо знакомымъ съ духомъ мусульманства.

Надзоръ за училищами, въ которыхъ будетъ введено преподаваніе русскаго языка, по учебной части долженъ быть порученъ или особому лицу, на правахъ окружнаго инспектора, знающему татарскій языкъ, или, въ случаѣ невозможности, директору училищъ. Подобный контроль не возбудитъ въ мусульманахъ никакого подозрѣнія, если только не будетъ касаться ихъ вѣроученія.

При введеніи русскаго языка въ мусульманскихъ школахъ никакъ не слѣдуетъ давать какія-либо инструкціи, правила, программы и тому подобное, внушивъ учителямъ, чтобы они старались привлекать въ школы возможно большее число учащихся и развивать въ нихъ любознательность и охоту къ ученью. Послѣдствія покажутъ, что́ нужно будетъ для народа.

Въ заключеніе всего нельзя не пожелать, чтобы при каждой школѣ введено было какое-нибудь мастерство, предоставивъ выборъ его обществу. Для мусульманъ это особенно важно, потому что у нихъ нѣтъ никакихъ мастеровыхъ.

Директоръ училищъ Оренбургской губерніи *Поповъ*.

---

*) Обученіе дѣвочекъ въ существующихъ женскихъ училищахъ, а тѣмъ болѣе въ гимназіяхъ, положительно не достигаетъ цѣли. Оторванныя въ дѣтствѣ отъ семьи, отвыкшія отъ деревенской жизни, въ особенности во время обученія ихъ въ гимназіи, гдѣ онѣ помѣщаются въ пансіонѣ и привыкаютъ къ жизни, до того времени для нихъ незнакомой, куда онѣ обратятся по выходѣ изъ гимназіи и что онѣ будутъ дѣлать? Муфтій сильно возстаетъ противъ помѣщенія ихъ въ гимназію. Можетъ быть онъ и правъ.

Записка начальника Алтайской духовной Миссіи.

По прибытіи моемъ въ Алтайскую Миссію я нашелъ, что дѣти крещенныхъ Алтайскихъ Калмыковъ въ миссіонерскихъ школахъ обучаются грамотѣ по русскимъ букварямъ. Предшествующій опытъ и собственное мое наблюденіе показали, что такое обученіе, даже при легчайшихъ методахъ, соединяется съ большими неудобствами и не оказываетъ вполнѣ желаемой пользы. Инородческимъ дѣтямъ, не понимающимъ по-русски, на первыхъ же страницахъ букваря, приходится заучивать звуки, въ ихъ языкѣ не существующіе, и твердить слова, которыхъ они не только понять, но и правильно произнести не могутъ: отъ того менѣе способные и усердные изъ нихъ въ самомъ началѣ теряютъ охоту къ ученію, а способнѣйшіе и усерднѣйшіе, при всѣхъ ихъ трудахъ, въ обученіи грамотѣ успѣваютъ слишкомъ медленно, и за тѣмъ, нѣсколько ознакомившись съ процессомъ чтенія, въ изучаемыхъ ими азбукахъ не имѣютъ для чтенія своего матеріала вразумительнаго. Съ другой стороны, на одномъ мѣстномъ языкѣ изложенный букварь былъ бы пособіемъ одностороннимъ; ибо въ настоящее время хотя имѣется у насъ на алтайскомъ языкѣ нѣсколько книгъ религіозно-нравственнаго содержанія, но этими изданіями новокрещенному грамотнику нельзя ограничиться. Для дальнѣйшаго собственнаго назиданія и духовнаго развитія и возможности быть полезнымъ для неграмотныхъ соплеменниковъ, для разумѣнія церковной службы въ случаяхъ совершенія оной не на мѣстномъ нарѣчіи и вообще въ видахъ полнаго обрусѣнія, ему необходимо чтеніе русскихъ книгъ и вообще ознакомленіе съ русскимъ языкомъ.

Все это привело меня къ убѣжденію въ необходимости такого букваря, по которому инородческія дѣти начинали бы изученіе грамоты на своемъ родномъ языкѣ и по этому съ перваго же раза брались за дѣло съ бо̀льшими удобствами, охотно и разумно, слѣдовательно съ бо̀льшимъ успѣхомъ и пользою; за тѣмъ, по мѣрѣ дальнѣйшаго обученія чтенію, могли бы больше и больше знакомиться съ языками русскимъ и церковнославянскимъ. Вслѣдствіе сего мною поручено было миссіонеру іеромонаху Макарію составить букварь, по возможности удовлетворяющій означеннымъ задачамъ. Букварь этотъ, при моемъ пособіи—касательно подбора и расположенія матеріаловъ, и при пособіи толмача Михаила Васильева Чевалкова — по переводу текста на алтайскій языкъ, въ настоящее время составленъ и при семъ представляется.

По указаннымъ выше причинамъ, въ этомъ букварѣ къ тексту алтайскому присовокуплены тексты славянскій и русскій въ такомъ порядкѣ, что, послѣ немногихъ образцевъ текста исключительно алтайскаго, идутъ совмѣстно тексты алтайскій и славянскій, или алтайскій и русскій. Букварь состоитъ изъ двухъ отдѣловъ, собственно изъ азбуки и книги для чтенія. а) Въ азбукѣ на

первыхъ ея страницахъ предложены для изученія только такія буквы, которыя имѣютъ соотвѣтствующіе имъ звуки собственно въ алтайскомъ языкѣ и къ нимъ—подборъ словъ и фразъ на этомъ языкѣ, за тѣмъ буквы для звуковъ, встрѣчающихся въ русскомъ языкѣ и къ нимъ слова русскія съ переводомъ на алтайскій языкъ; послѣ того, — начертаніе церковныхъ буквъ славянскихъ съ словами славянскими—сперва цѣльными, потомъ сокращенными (подъ титлами) также съ переводомъ на алтайскій языкъ; наконецъ, — два небольшихъ, назидательныхъ для дѣтей, примѣра для чтенія шрифтами церковнымъ и гражданскимъ, на языкахъ алтайскомъ съ славянскимъ и алтайскомъ съ русскимъ, и—начертаніе цифръ съ наименованіемъ ихъ на двухъ языкахъ. Но такъ какъ самое начальное обученіе дѣтей обыкновенно идетъ болѣе или менѣе медленно, а дѣти обыкновенно очень скоро треплютъ свои книжки, наконецъ обученіе по отдѣльнымъ таблицамъ и подвижнымъ буквамъ всегда идетъ успѣшнѣе: то, въ видахъ сбереженія экземпляровъ букваря для дальнѣйшаго употребленія и для удобства при первоначальномъ обученіи, желается, чтобы этотъ первый отдѣлъ былъ напечатанъ въ двухъ видахъ, — обыкновеннымъ шрифтомъ при самомъ букварѣ (для повтореній учащимся и для руководства обучающимъ) и крупнымъ шрифтомъ — на отдѣльныхъ таблицахъ; въ такомъ случаѣ обученіе чтенію можетъ быть ведено по любому способу. б) Второй отдѣлъ букваря состоитъ изъ книги для чтенія, приспособительно къ религіозно-нравственнымъ потребностямъ новокрещенныхъ инородцевъ. По этому въ книгу для чтенія внесены: 1) молитвы по важнѣйшимъ, ежедневнымъ, обстоятельствамъ христіанской жизни (утреннія, вечернія, предъ началомъ и по окончаніи дѣла, молитвы за Царя, церковь, родныхъ живыхъ и усопшихъ и проч., молитвы предъ принятіемъ и по принятіи пищи); 2) избранныя изреченія священнаго писанія: здѣсь сперва идутъ мѣста писанія, въ которыхъ обличаются ложныя языческія понятія о Богѣ, и излагаются истинныя понятія о свойствахъ Божіихъ, потомъ изреченія, дающія понятія объ обязанностяхъ къ Богу, себѣ самому и ближнимъ; тутъ — по преимуществу избраны такія мѣста, которыя говорятъ противъ мѣстныхъ нравственныхъ недостатковъ (лѣности, невоздержанія, грубости нравовъ, ненормальныхъ отношеній семейныхъ и проч.) и внушаютъ противоположныя добрыя качества: трудолюбіе, честность, воздержность, терпѣливость, дѣятельную любовь къ ближнимъ и т. п., въ заключеніе—нѣсколько текстовъ, относящихся къ ученію о будущей жизни. Въ такомъ видѣ отдѣлъ этотъ, при постоянномъ чтеніи, подъ руководствомъ учителя, послужитъ средствомъ къ вкорененію въ умѣ и сердцѣ учащихся здравыхъ религіозно-нравственныхъ понятій; кромѣ того въ рукахъ миссіонеровъ онъ можетъ быть полезнымъ, будучи предлагаемъ новокрещеннымъ въ видѣ отдѣльныхъ поученій въ церкви и читаемъ въ воскресныхъ собраніяхъ; отдѣломъ этимъ миссіонеръ

можетъ пользоваться при встрѣчахъ своихъ съ самими некрещеными. Наконецъ, не говоря уже о томъ, что этотъ отдѣлъ можетъ быть полезною книгою для чтенія въ рукахъ всякаго новокрещенаго, умѣющаго грамотѣ, даже мальчикъ, еще учащійся или даже выучившійся въ школѣ, можетъ читать изъ этого отдѣла отрывки въ средѣ своей неграмотной семьи и другимъ новокрещенымъ, и однимъ изъ нихъ (взрослымъ) сообщать назидательныя истины, а въ другихъ (малограмотныхъ) возбуждать охоту къ ученію, какъ это видимъ на опытѣ въ исторіи Казанской школы.

Переводный текстъ букваря разсмотрѣнъ мною вмѣстѣ съ протоіереемъ Ландышевымъ, іеромонахомъ Макаріемъ и переводчикомъ миссіи Михаиломъ Чевалковымъ, сличенъ съ подлинными текстами, церковнославянскимъ и русскимъ и, въ чемъ оказалось нужнымъ, исправленъ.

Начальникъ алтайской духовной миссіи, архимандритъ *Владиміръ*.

Выписка изъ дѣлъ Таврическаго губернскаго училищнаго совѣта.

(По вопросу о подчиненіи всѣхъ вообще начальныхъ училищъ, безъ различія вѣроисповѣданія, вѣдѣнію мѣстныхъ училищныхъ совѣтовъ.)

Представленіе Таврическому училищному совѣту директора училищъ Таврической губерніи. По званію члена Таврическаго училищнаго губернскаго совѣта, я имѣю честь представить на благоусмотрѣніе совѣта слѣдующія свои соображенія:

Въ Положеніи о начальныхъ народныхъ училищахъ, Высочайше утвержденномъ 14 іюля 1864 года, въ ст. 2 къ начальнымъ народнымъ училищамъ отнесены:

1) Вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія: a) приходскія училища въ городахъ, посадахъ и селахъ, содержимыя на счетъ мѣстныхъ обществъ и частію на счетъ казны и пожертвованій частныхъ лицъ; b) народныя училища, учреждаемыя частными лицами разнаго званія;

2) Вѣдомствъ Министерства Государственныхъ Имуществъ, Внутреннихъ Дѣлъ, удѣльнаго и горнаго — сельскія училища разнаго наименованія, содержимыя на счетъ общественныхъ суммъ;

3) Вѣдомства духовнаго — церковно-приходскія училища, открываемыя пра-

вославнымъ духовенствомъ въ городахъ, посадахъ и селахъ, съ пособіемъ и безъ пособія казны, мѣстныхъ обществъ и частныхъ лицъ;

4) Всѣ вообще воскресныя школы, учреждаемыя какъ правительствомъ, такъ и обществами городскими и сельскими, и частными лицами для образованія ремесленнаго и рабочаго сословій обоего пола, не имѣющихъ возможности пользоваться ученіемъ ежедневно.

Въ это исчисленіе, повидимому, не включены начальныя народныя училища, открываемыя обществами и частными лицами не-православнаго исповѣданія или не-русскаго племени, какъ-то: еврейскаго, караимскаго, татарскаго, нѣмецкаго, греческаго, армянскаго, болгарскаго и проч., а также и начальныя народныя училища, открываемыя правительствомъ для упомянутыхъ иновѣрцевъ и иноплеменниковъ, напримѣръ: казенныя еврейскія училища 1-го разряда.

Хотя подъ именемъ народныхъ училищъ, учреждаемыхъ и содержимыхъ частными лицами разнаго званія (ст. 2. 1. б.), можно бы было разумѣть и хедеры еврейскихъ меламдовъ, состоящіе въ вѣдомствѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, но ст. 4, гдѣ говорится, что въ начальныхъ народныхъ училищахъ преподаваніе происходитъ на русскомъ языкѣ, и ст. 15 и 17, которыя предоставляютъ преподаваніе Закона Божія и наблюденіе за нравственно-религіознымъ направленіемъ только православнымъ священникамъ, ясно убѣждаютъ въ томъ, что Положеніе о начальныхъ народныхъ школахъ 1864 года подъ именемъ начальныхъ народныхъ училищъ разумѣетъ одни православныя русскія училища.

Между тѣмъ ограниченіе сферы вѣдѣнія училищныхъ совѣтовъ только православно-русскими училищами, может быть, нечувствительное въ центральныхъ губерніяхъ Россіи, въ Таврической губерніи соединено съ крайними неудобствами; оно сводится къ тому, что первоначальное народное образованіе губерніи наполовину находится въ рукахъ училищныхъ совѣтовъ, наполовину въ другихъ рукахъ. И замѣчательно, что въ другихъ, не русскихъ, рукахъ находятся тѣ именно школы, за которыми во многихъ отношеніяхъ необходимо слѣдить русскимъ органамъ власти. Школы нѣмецкихъ колонистовъ безспорно выше нашихъ по педагогическому устройству, но зато эти школы большею частію исключительно нѣмецкія, ни чѣмъ не отличающіяся отъ баварскихъ или саксонскихъ: ихъ ученики не выносятъ изъ школы ни малѣйшаго знакомства съ русскимъ языкомъ и этнографіею. Еврейскія и караимскія школы, при томъ же недостаткѣ, страдаютъ еще полнымъ отсутствіемъ самыхъ насущныхъ педагогическихъ и гигіеническихъ условій.

Татарскія школы едва ли могутъ носить это имя по нелѣпости своего устройства; въ нихъ не только не подготовляются граждане Россіи, но можетъ безпрепятственно воспитываться даже систематическая враждебность къ Россіи, какъ христіанской державѣ. Чему учатъ въ этихъ школахъ — никто не знаетъ.

никто не имѣетъ права и обязанности знать, исключая, разумѣется, магометанскаго духовенства. Есть слухи, что въ одной изъ Евпаторійскихъ татарскихъ школъ виситъ портретъ султана, а учителями Турки. Можетъ быть эти слухи пустые, но неудивительно, если бы они оказались справедливыми.

Въ видахъ педагогическихъ и политическихъ, я бы считалъ нужнымъ сосредоточить въ рукахъ училищныхъ совѣтовъ завѣдываніе всѣми начальными училищами въ губерніи, безъ исключенія, какого бы племени и вѣроисповѣданія ни были ученики этихъ училищъ. Сосредоточеніе въ одномъ распорядительномъ органѣ завѣдыванія всѣмъ первоначальнымъ образованіемъ губерніи справедливо еще и въ томъ отношеніи, что земство, состоящее изъ представителей всѣхъ племенъ и религій губерніи, будетъ тогда равномѣрнѣе распредѣлять свои средства на потребности народнаго образованія, между тѣмъ какъ въ настоящее время оно расходуетъ общія земскія суммы исключительно на образованіе однихъ русскихъ и православныхъ дѣтей, къ явному неудовольствію Нѣмцевъ, Татаръ и проч. Съ другой стороны такое явленіе, какъ участіе въ нѣкоторыхъ училищныхъ совѣтахъ лицъ не-русскаго происхожденія и не-православной религіи, явленіе, столь естественное и необходимое при разноплеменности населенія Таврической губерніи, перестало бы быть противорѣчіемъ всему смыслу Положенія 1864 г. По ст. 19 Положенія 1864 г., членами училищныхъ совѣтовъ должны быть, кромѣ другихъ, представители городскаго общества, если на городскія суммы содержатся начальныя народныя училища. Точно такимъ же образомъ, и при тѣхъ же обстоятельствахъ, общества еврейскія, караимскія, татарскія, нѣмецкихъ колонистовъ и проч. могли бы, кажется, имѣть въ училищныхъ совѣтахъ своихъ членовъ: этого было бы достаточно для обезпеченія интересовъ племеннаго языка и религіи.

На этомъ основаніи я бы считалъ обязанностію Таврическаго училищнаго совѣта войдти къ кому слѣдуетъ съ ходатайствомъ о слѣдующихъ предметахъ:

1) Подчинить вѣдѣнію мѣстныхъ училищныхъ совѣтовъ всѣ вообще начальныя народныя училища данной губерніи, безъ различія вѣроисповѣданія и племеннаго происхожденія обучающихся въ нихъ учениковъ и открывающихъ училища обществъ и частныхъ лицъ.

2) Предоставить иновѣрческимъ или иноплеменнымъ обществамъ, содержащимъ училища, право избирать въ уѣздные училищные совѣты своихъ особыхъ членовъ, по примѣру городскихъ обществъ, точно разграничивъ кругъ ихъ дѣйствій отъ круга дѣйствій православнаго духовенства.

3) Въ случаѣ несогласія начальства на эту мѣру, просить дополнить Положеніе 1864 г. категорическою статьею о неподвѣдомственности иновѣрческихъ и иноплеменныхъ начальныхъ народныхъ училищъ училищнымъ совѣтамъ, такъ какъ въ настоящее время, при умолчаніи объ этомъ предметѣ Положенія 1864

года, нѣкоторые училищные совѣты Таврической губерніи, какъ мнѣ извѣстно, не совсѣмъ точно понимаютъ предѣлы своего вѣдомства и считаютъ себя вправѣ вмѣшиваться въ устройство училищъ, ихъ власти не подлежащихъ.

Въ ожиданіи же разрѣшенія означенныхъ вопросовъ, я считалъ бы неотлагательно нужнымъ со стороны губернскаго училищнаго совѣта разъяснить уѣзднымъ училищнымъ совѣтамъ Таврической губерніи точныя границы круга дѣйствій ихъ, на основаніи Высочайше утвержденнаго 14 іюля 1864 года Положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ.

Директоръ училищъ *Е. Марковъ.*

Выписка изъ постановленія Таврическаго губернскаго училищнаго совѣта 10 декабря 1867 года. Слушали: отношеніе директора училищъ отъ 27 октября № 1,951, о томъ, что, по смыслу 4, 15 и 17 ст. Высочайше утвержденнаго Положенія 14 іюля 1864 года о начальныхъ народныхъ училищахъ, училищнымъ совѣтамъ подчинены одни православныя русскія училища; между тѣмъ ограниченіе сферы вѣдѣнія училищныхъ совѣтовъ только этими училищами, можетъ быть, нечувствительное въ центральныхъ губерніяхъ Россіи, въ Таврической губерніи соединено съ крайними неудобствами, вслѣдствіе разноплеменности ея населенія, которое состоитъ изъ Русскихъ, Нѣмцевъ, Евреевъ, Караимовъ и Татаръ, имѣющихъ свои особыя школы, въ которыхъ не преподается русскій языкъ, а относительно татарскихъ школъ даже неизвѣстно чему учатъ въ нихъ. Поэтому г. директоръ училищъ полагаетъ, что губернскому училищному совѣту необходимо войти къ кому слѣдуетъ съ ходатайствомъ о слѣдующихъ предметахъ: 1-е, подчинить вѣдѣнію мѣстныхъ училищныхъ совѣтовъ всѣ вообще начальныя народныя училища, безъ различія вѣроисповѣданія и племеннаго происхожденія какъ обучающихся въ нихъ учениковъ, такъ лицъ и обществъ, открывающихъ школы; 2-е, предоставить иновѣрческимъ обществамъ, содержащимъ училища, право избирать въ уѣздные училищные совѣты своихъ особыхъ членовъ, по примѣру городскихъ обществъ, точно разграничивъ кругъ ихъ дѣйствій отъ круга дѣйствій православнаго духовенства; 3-е, въ случаѣ несогласія начальства на эту мѣру, просить дополнить Положеніе 1864 года категорическою статьею о неподвѣдомственности иновѣрческихъ и иноплеменныхъ начальныхъ народныхъ училищъ училищнымъ совѣтамъ, такъ какъ въ настоящее время, при умолчаніи объ этомъ предметѣ въ Положеніи 1864 года, нѣкоторые училищные совѣты Таврической губерніи не совсѣмъ точно понимаютъ предѣлы своего вѣдомства и считаютъ себя вправѣ вмѣшиваться въ устройство училищъ, ихъ власти не подлежащихъ. Въ ожиданіи же разрѣшенія означенныхъ вопросовъ, г. директоръ считаетъ неотлагательно нужнымъ со стороны губернскаго училищнаго совѣта разъяснить уѣзднымъ училищнымъ совѣтамъ

Таврической губерніи точныя границы круга дѣйствій ихъ на основаніи Положенія 14 іюля 1864 г. *Постановлено*: согласно съ мнѣніемъ директора училищъ, войдти съ представленіемъ по вышеобъясненному предмету къ Г. Министру Народнаго Просвѣщенія, объяснивъ подробно представленные г. директоромъ поводы, служащіе основаніемъ такого ходатайства. Выписку изъ настоящаго постановленія и копію отношенія директора училищъ передать начальнику Таврической губерніи. Уѣзднымъ училищнымъ совѣтамъ разъяснить, что впредь до разрѣшенія представленія губернскаго совѣта объ иноплеменныхъ и иновѣрческихъ начальныхъ народныхъ училищахъ, по смыслу Положенія 14 іюля 1864 года, вѣдѣнію ихъ подлежатъ только православныя русскія начальныя училища.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Очеркъ народнаго образованія въ Британской Индіи *).

Въ то время какъ возникаютъ у насъ заботы о первоначальномъ образованіи для инородцевъ, политика, которой держалась относительно этого вопроса Англія, является достойнымъ предметомъ для изученія съ нашей стороны. Конечно, не во всемъ можетъ она служить для насъ примѣромъ, ибо русскому правительству приходится дѣйствовать среди совершенно иныхъ условій. Возьмемъ хоть Остъ-Индію, о которой мы намѣреваемся теперь побесѣдовать подробнѣе съ нашими читателями. Въ трехъ президентствахъ этой страны — Бенгальскомъ, Бомбейскомъ и Мадрасскомъ, —занимающихъ (за исключеніемъ вассальныхъ государствъ) до 40,000 квадр. миль, народонаселеніе простирается до 132 милліоновъ и состоитъ изъ множества племенъ, не имѣющихъ между собою ничего общаго по происхожденію, языку, вѣрѣ, обычаямъ и умственному развитію; въ однѣхъ лишь сѣверныхъ областяхъ полуострова насчитываютъ до 80 различныхъ нарѣчій. Съ этою-то разнородною массою надлежитъ имѣть дѣло Англичанамъ, число коихъ, вмѣстѣ съ другими Европейцами, не превышаетъ тамъ въ настоящее время 100,000. Нечего и говорить, что имъ не могла придти нелѣпая мысль распространить между туземцами свой языкъ, привить къ нимъ свои учрежденія и вообще уподобить колонію метрополіи. «Положеніе, занимаемое нашимъ правительствомъ, говорилъ одинъ изъ «остъ-индскихъ губернаторовъ, лордъ Дальгоузи, это — положеніе пришель-«цевъ на чуждой почвѣ и среди народа, съ которымъ не существуетъ непо-«средственной связи. Въ каждомъ округѣ разбитъ, такъ сказать, лагерь граж-«данскихъ чиновниковъ, управляющихъ дѣлами этого округа, но до такой сте-«пени поглощенныхъ многочисленными своими обязанностями, что они не имѣютъ

*) Изъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, январь 1869 года.

«времени вступать въ близкія сношенія съ мѣстными жителями. Мы находимся «посреди народа, но не связаны съ нимъ внутреннею связью. Мы управляемъ «этимъ народомъ, ведемъ съ нимъ торговыя дѣла, но онъ не понимаетъ нашего «характера, а намъ остаются чужды его вѣрованія и обычаи». Если Англичане начали заботиться, особенно въ нынѣшнемъ столѣтіи, о просвѣщеніи подвластныхъ имъ племенъ Британской Индіи, и если значительные результаты достигнуты уже ими на этомъ пути, то они сами выразили весьма ясно, какая цѣль руководила ихъ дѣйствіями. Она изложена по пунктамъ въ одномъ изъ документовъ, вышедшихъ отъ высшаго училищнаго комитета, засѣдающаго въ Калькуттѣ: предотвратить нелѣпые толки, распространяющіеся между туземцами и способные потревожить общее спокойствіе, какъ случилось это въ 1857—1858 годахъ, содѣйствовать санитарной реформѣ, возвысить матеріальное благосостояніе страны, оградить жителей отъ произвола должностныхъ лицъ изъ ихъ собственной среды: вотъ что́ мы читаемъ въ этой программѣ. Несомнѣнно, что въ другой странѣ, гдѣ инородцы составляютъ лишь меньшинство, къ исчисленнымъ здѣсь требованіямъ были бы присоединены другія, имѣющія высокую важность съ государственной точки зрѣнія. Но во всякомъ случаѣ опытъ Англичанъ долженъ быть въ высшей степени поучителенъ для насъ, если вспомнимъ, что они приступили къ выполненію своей задачи въ обширныхъ размѣрахъ, что значительная часть народонаселенія Британской Индіи исповѣдываетъ мусульманскую религію, и что много уже путей испробовано было англійскимъ правительствомъ для распространенія европейской цивилизаціи между этими племенами.

Скажемъ прежде всего, что дѣло, о которомъ хотимъ мы говорить, представляется довольно новымъ. Компанія, въ рукахъ которой находилось въ прежнее время управленіе Остъ-Индіею, не сдѣлала почти ровно ничего, чтобы просвѣтить народъ, закоснѣвшій въ грубомъ суевѣріи и невѣжествѣ. Занятая исключительно своими торговыми оборотами, она не только сама пренебрегала этою обязанностью, но относилась даже крайне подозрительно къ частнымъ усиліямъ протестантскихъ и католическихъ миссіонеровъ. Изъ страха нарушить въ чемъ нибудь предразсудки туземцевъ и вызвать волненіе съ ихъ стороны, многочисленныя преграды были поставлены ею дѣятельности библейскихъ обществъ и христіанскихъ проповѣдниковъ. «Съ теченіемъ времени, говоритъ «одинъ писатель, компанія изъ осторожной сдѣлалась боязливою и настойчиво «противилась распространенію между туземцами европейскаго образованія, «европейскихъ наукъ, заведенію училищъ. Эти мнимыя безпристрастіе и вѣро-«терпимость обратились даже въ явное покровительство всякому суевѣрію и «грубому идолопоклонству. Довольно сказать, что въ дни религіозныхъ праздн«нествъ, отряды англійскихъ солдатъ сопровождали процессіи браминовъ, воз-

«давали военныя почести безобразнымъ индійскимъ идоламъ, палили изъ пу-«шекъ въ честь индійскихъ боговъ, что въ заголовкѣ офиціальныхъ бумагъ по-«мѣщались имена индійскихъ божествъ и воззванія къ нимъ». Подобная политика, недостойная христіанской и образованной націи, вызвала наконецъ негодованіе общественнаго мнѣнія Англіи; но тѣмъ не менѣе она господствовала до 1813 года, когда парламентъ, возобновляя привиллегію компаніи, уничтожилъ въ новой хартіи всѣ тѣ запретительныя мѣры, которыя останавливали дѣло европейской цивилизаціи въ Индіи. Не смотря на то, компанія все еще упорствовала въ своей системѣ, и первыя попытки воспитанія туземцевъ вышли не отъ нея, а были сдѣланы, какъ обыкновенно это бываетъ въ Англіи. частными лицами. Въ 1816 году составилось въ Калькуттѣ общество, которое сложило значительную сумму и основало первое училище, въ родѣ коллегіума, для преподаванія воспитанникамъ изъ мѣстныхъ жителей англійскаго языка и другихъ наукъ. Попытка увѣнчалась успѣхомъ; мало-по-малу стали возникать другія школы въ весьма, впрочемъ, ограниченномъ количествѣ, и первый рѣшительный шагъ по этому пути сдѣланъ былъ не ранѣе какъ во время губернаторства знаменитаго Уильяма Бентинка. Пользуясь совѣтами Маколея, который въ 1834 году занялъ должность члена верховнаго совѣта въ Калькуттѣ, онъ увеличилъ бюджетъ народнаго образованія, произвелъ много благодѣтельныхъ реформъ въ системѣ училищъ и способствовалъ основанію новыхъ школъ. Нужно замѣтить, что относительно вопроса объ образованіи въ Остъ-Индіи шелъ въ то время горячій споръ между англицистами и оріенталистами. Маколей сталъ рѣшительно на сторонѣ первыхъ: онъ высоко цѣнилъ распоряженіе компанейской хартіи 1833 года, которое открывало всѣмъ туземцамъ, безъ различія ихъ происхожденія и религіи, доступъ къ занятію гражданскихъ должностей; по его мнѣнію необходимо было учредить училища, въ которыхъ эти туземцы, въ виду именно означенной цѣли, могли бы получать надлежащее образованіе; онъ доказывалъ при этомъ, что британское правительство должно просвѣщать разноплеменныя индійскія населенія исключительно по-англійски, и что обращать какое-нибудь вниманіе на древнее образованіе, санскритское и арабское, есть положительная ошибка и государственный вредъ. Вотъ почему возникло въ Остъ-Индіи много школъ, устроенныхъ по образцу англійскихъ коллегіумовъ; но школы эти были доступны только богатымъ людямъ. а громадныя массы народонаселенія коснѣли попрежнему въ грубомъ невѣжествѣ и лишены были всѣхъ средствъ къ образованію. Система, о которой говоримъ мы, встрѣчала сильное противодѣйствіе со стороны такъ-называемыхъ оріенталистовъ: они были твердо убѣждены, что для просвѣщенія различныхъ племенъ Британской Индіи слѣдуетъ воспользоваться остатками древняго образованія въ этой странѣ, и что европейскія науки должны быть преподаваемы имъ не

иначе какъ на мѣстныхъ языкахъ. Когда имъ возражали, что этотъ путь можетъ привести современемъ къ отпаденію колоніи отъ метрополіи, то они не задумывались отвѣчать слѣдующимъ образомъ: «Великая промышленная и тор-«говая нація, подобно нашей, не въ состояніи оставаться равнодушною къ тому, «чтобы многочисленныя племена расширяли свой умственный горизонтъ, стано-«вились чувствительны къ матеріальнымъ удобствамъ жизни и пріобрѣтали «средства пользоваться этими удобствами. Для Англіи оказалось бы несравнен-«но выгоднѣе, если бы индійское народонаселеніе пользовалось хорошимъ управ-«леніемъ и было независимо отъ нея, чѣмъ если бы оно оставалось подъ ея «властью и погрязало въ нищетѣ. Въ настоящее время оно такъ невѣжествен-«но, что неспособно оцѣнить достоинства мануфактурныхъ издѣлій Англіи и «не имѣетъ возможности покупать ихъ: не лучше ли же, слѣдовательно, чтобъ «оно подпало снова подъ власть туземныхъ своихъ королей, но носило вмѣстѣ «съ тѣмъ наше сукно и работало нашими желѣзными орудіями»?

Самымъ талантливымъ и дѣятельнымъ между противниками англицистовъ въ то время нужно назвать, конечно, миссіонера г. Адама, издателя калькутской *Indian gazette*. Въ 1835 году предложилъ онъ лорду Бентинку заняться подробнымъ изслѣдованіемъ всѣхъ вопросовъ, относящихся до народнаго образованія въ Британской Индіи: три года посвящены были имъ этому труду, и плодомъ его явился рапортъ въ 400 страницъ мелкой печати, который и по настоящее время остается драгоцѣннымъ и обильнымъ матеріаломъ для изученія *(Report on the state of education in Bengal)*. Вниманіе г. Адама поражено было тѣмъ обстоятельствомъ, что въ странѣ существовало множество школъ (приблизительно до 100,000), хотя всѣ онѣ находились въ самомъ бѣдственномъ упадкѣ. Онѣ не имѣли ни книгъ, ни денежныхъ средствъ, а учителями являлись обыкновенно люди самыхъ низшихъ кастъ, болѣе походившіе на нищихъ, нежели на воспитателей; обращеніе съ учениками было самое жестокое, и въ донесеніи г. Адама приводится цѣлый перечень истязаній, которымъ подвергались эти несчастные. Съ перваго взгляда невольно приходила, кажется, мысль, что отъ этихъ школъ нельзя ожидать ничего полезнаго, что слѣдуетъ отнестись къ нимъ съ полнымъ презрѣніемъ и завести дѣло на совершенно новыхъ основаніяхъ; но знаменитый миссіонеръ думалъ иначе. Онъ пришелъ къ тому убѣжденію, что именно эти нищенскія, варварскія школы и должны послужить разсадниками для распространенія первоначальнаго образованія въ Британской Индіи, если бы только правительство рѣшилось измѣнить ихъ видъ и дать имъ иное направленіе. «Изучая внимательно вопросъ, говоритъ онъ, я «убѣдился, что народъ въ здѣшнихъ провинціяхъ несравненно болѣе образо-«ванъ, чѣмъ думаютъ обыкновенно, и что въ средѣ его существуетъ множество «училищъ для распространенія или сохраненія тѣхъ знаній, которыя пріобрѣлъ

«онъ съ отдаленнаго времени. Конечно, школы эти отличаются самою плачевною «организацiей и лишены всякихъ задатковъ внутренняго развитiя и улучшенiя; «но о нѣкоторой пользѣ, приносимой ими, свидѣтельствуетъ значительное ко«личество людей, умѣющихъ читать и писать. Мнѣ не приходитъ въ голову «утверждать, что существованiе этихъ школъ оставалось до сихъ поръ неиз«вѣстнымъ; но я думаю только, что правительство не обращало достаточнаго «вниманiя на ихъ численность, на ихъ средства и на возможность воспользо«ваться ими какъ орудiемъ для просвѣщенiя народа. Мы можемъ улучшить, «распространить, преобразовать ихъ, и, во всякомъ случаѣ, по твердому моему «убѣжденiю, единственно онѣ въ состоянiи служить прочнымъ и надежнымъ «фундаментомъ для воздвигаемаго нами зданiя. Несомнѣнно, что втеченiе дол«гаго перiода времени они прiурочились мало-по-малу къ правамъ, обычаямъ и «вообще къ характеру народа, и что всякiя другiя подобныя же учрежденiя, «задуманныя нами, едва ли бы замѣнили ихъ съ успѣхомъ. Всякiе планы для «распространенiя цивилизацiи въ такомъ громадномъ народонаселенiи окажутся «дѣйствительными въ томъ лишь случаѣ, если будутъ опираться на существу«ющiя учрежденiя страны,—учрежденiя, завѣщанныя народу съ незапамятныхъ «временъ и къ которымъ привыкъ онъ относиться съ инстинктивнымъ чув«ствомъ уваженiя. Чтобы трудиться на пользу народа, мы должны трудиться «вмѣстѣ съ нимъ; а чтобы трудиться успѣшно съ нимъ, мы обязаны внушить «ему желанiе совершенно добровольно трудиться съ нами».

Если бы правительство, разсуждаетъ далѣе г. Адамъ, отвергло вышеизложенную мысль, то посмотримъ, къ какому другому плану могло бы обратиться оно для достиженiя своей цѣли? Многiе предлагаютъ сдѣлать первоначальное образованiе обязательнымъ, настоять, чтобы по крайней мѣрѣ въ самыхъ многолюдныхъ селахъ заведены были школы по установленному образцу; но не значило ли бы это потребовать отъ народа именно того, чего онъ не въ состоянiи выполнить по своему невѣжеству и бѣдности? Не значило ли бы это съ самаго начала возбудить въ немъ отвращенiе къ образованiю,—отвращенiе неизбѣжное съ его стороны, ибо всякому извѣстно, какою подозрительностью отличаются Индусы и мусульмане, населяющiе Британскую Индiю? Если можно склонить ихъ къ намѣренiямъ правительства, то не иначе какъ подступая къ нимъ осторожными и почти незамѣтными шагами. Другiе предлагаютъ учредить во всѣхъ округахъ, на иждивенiи и подъ непосредственнымъ надзоромъ правительства, училища, въ которыхъ господствовали бы улучшенные способы обученiя и которыя могли бы служить образцами для туземныхъ школъ. И этотъ планъ долженствовалъ, по мнѣнiю г. Адама, встрѣтить на пути своемъ непреодолимыя препятствiя. «Главнѣйшее изъ нихъ, говоритъ онъ, состоитъ въ «томъ, что правительство сдѣлало бы непримиримыми своими врагами тузем-

«ныхъ учителей, то-есть, именно тотъ классъ, на содѣйствіе коего оно должно «разсчитывать, чтобы методъ, употребляемый имъ въ своихъ школахъ, встрѣ-«тилъ подражаніе. Во всякой мѣстности, гдѣ возникла бы подобная школа, нѣ-«сколько изъ прежнихъ наставниковъ лишились бы доходныхъ для нихъ заня-«тій; другіе прониклись бы опасеніемъ, что и ихъ постигнетъ такая же участь, «и весь этотъ людъ употребилъ бы все свое вліяніе на мѣстныхъ жителей, что-«бы распространить между ними недовѣріе къ правительству». Кромѣ того, г. Адамъ находилъ, что планъ, о которомъ идетъ рѣчь, потребовалъ бы громадныхъ издержекъ: если бы образцовыхъ школъ оказалось мало, то онѣ не принесли бы никакой пользы для народонаселенія, считающагося десятками милліоновъ, а если бы правительство захотѣло учредить ихъ въ обширныхъ размѣрахъ, то у него не хватило бы ни денежныхъ средствъ, ни вполнѣ годныхъ для этого дѣла воспитателей. Словомъ, разсматривая вопросъ со всѣхъ сторонъ, авторъ проекта убѣждался все болѣе, что только посредствомъ туземныхъ школъ можно съ успѣхомъ утвердить первоначальное образованіе въ народѣ. Нечего и говорить, что, по мысли его, обученіе долженствовало происходить исключительно на мѣстныхъ нарѣчіяхъ: г. Адамъ былъ ревностнымъ противникомъ господствовавшей до тѣхъ поръ системы, которая, избравъ языкомъ школы англійскій языкъ, распространяла просвѣщеніе лишь въ высшихъ, богатыхъ слояхъ общества, откуда, какъ достаточно обнаружилъ опытъ, оно отнюдь не проникало въ массы.

Посмотримъ же, въ чемъ состоялъ планъ, придуманный имъ самимъ. Г. Адамъ предлагалъ испробовать достоинства его одновременно въ нѣсколькихъ округахъ (districts). Съ этою цѣлію въ каждомъ изъ этихъ округовъ долженствовали быть прежде всего учреждены особыя коммиссіи, на обязанность коихъ возлагалось собирать подробныя и точныя свѣдѣнія о мѣстныхъ школахъ, о способностяхъ, прилежаніи и матеріальныхъ средствахъ учителей, о томъ, сколько находится у нихъ учениковъ и какого рода познанія пріобрѣтаются этими учениками. Какъ только всѣ упомянутыя данныя были бы приведены въ извѣстность, коммисіямъ надлежало приступить къ выполненію своей задачи слѣдующимъ образомъ: имъ надлежало, разумѣется на иждивеніе правительства, позаботиться о напечатаніи учебниковъ (school books) на тѣхъ нарѣчіяхъ, которыя употребляются во ввѣренныхъ имъ округахъ. То былъ, конечно, предметъ значительной важности, и г. Адамъ посвятилъ ему особенное вниманіе. Учебники предназначались не для дѣтей только, но главнымъ образомъ для учителей, которые изъ нихъ должны были почерпнуть свѣдѣнія, что и какимъ образомъ надлежало имъ преподавать своимъ воспитанникамъ. Г. Адамъ предлагалъ поэтому совмѣстить въ одной книгѣ самое разнообразное содержаніе: сюда должны были входить свѣдѣнія объ ариѳметикѣ, исторіи, географіи, а

также всенепремѣнно болѣе или менѣе подробныя разсужденія о нравственныхъ обязанностяхъ человѣка и объ отношеніяхъ воспитателя къ его воспитанникамъ. Подобные учебники не могли быть переводомъ съ популярныхъ книжекъ, существующихъ въ Англіи для первоначальныхъ школъ: ихъ слѣдовало составить на мѣстѣ, и поручить эту задачу людямъ, хорошо знакомымъ съ вѣрованіями, предразсудками, понятіями тѣхъ туземцевъ каждаго округа, для которыхъ они назначались. Если бы встрѣтилось въ нихъ что нибудь, могущее оскорбить религіозныя ученія этихъ туземцевъ, то дѣло было бы компрометировано съ самаго начала; но тщательно избѣгая этого, все-таки можно было бы, съ извѣстною ловкостью, вмѣщать въ означенныя книги нравственныя разсужденія и правила, не идущія рѣзко и грубо наперекоръ установившимся воззрѣніямъ, и которыя, запечатлѣваясь въ молодыхъ умахъ, способствовали бы къ смягченію нравовъ и понятій. Возставать открыто противъ идоловъ и божествъ—значило бы вызвать опасное раздраженіе въ народѣ, но можно было говорить о милосердіи и любви къ ближнимъ, о нравственномъ достоинствѣ человѣка, объ обязанностяхъ его относительно общества и т. п. «Учебники на «мѣстныхъ нарѣчіяхъ, изданные подъ надзоромъ правительства,—читаемъ мы «въ донесеніи г. Адама,—могли бы до нѣкоторой степени внушать религіозное «образованіе, не касаясь прямо никакой религіи и не затрогивая религіозныхъ «предразсудковъ. Самымъ лучшимъ для того средствомъ было бы, чтобы *духъ* «истинной вѣры, съ его филантропическими правилами и возвышенными чувства-«ми, проникалъ содержаніе книги даже тамъ, гдѣ рѣчь не шла бы прямо о ре-«лигіи». Всѣ учебники долженствовали быть раздѣлены на четыре серіи: въ послѣдней изъ нихъ находились бы свѣдѣнія о британскомъ правительствѣ въ Индіи и о заслугахъ, оказанныхъ имъ странѣ втеченіе всего предшествовавшаго времени; предпослѣдняя же серія была бы главнымъ образомъ посвящена развитію экономическихъ понятій народа, имѣвшему цѣлію пріучить его къ трудолюбію, бережливости и матеріальнымъ удобствамъ жизни.

По изготовленіи книгъ, члены коммиссіи въ каждомъ округѣ отправляются по главнѣйшимъ, то-есть, самымъ многолюднымъ селамъ. Они созываютъ къ себѣ всѣхъ школьныхъ учителей, находящихся тамъ и по близости, «и объясня-«ютъ имъ подробно, что, по порученію правительства, привезли съ собою нѣ-«сколько книгъ и готовы раздать по одному ихъ экземпляру каждому учителю, «а также и другимъ лицамъ, намѣревающимся принять на себя учительскую «должность, съ тѣмъ лишь непремѣннымъ условіемъ, чтобы всѣ эти лица «обязались явиться въ заранѣе назначенное мѣсто по истеченіи шестимѣсячнаго «срока». Дѣло не ограничивается, впрочемъ, раздачею учебниковъ, но при этомъ дѣлается также поясненіе тѣхъ мѣстъ, которыя показались бы присутствовавшимъ непонятными или неясными. Чрезъ шесть мѣсяцевъ школьные

учителя являются въ сборное мѣсто, и здѣсь дѣлается имъ экзаменъ, въ какой степени усвоили они и сохранили въ памяти прочитанное ими. Но, спросятъ, быть можетъ, какія побужденія могли бы заставить ихъ возложить на себя подобный трудъ? Побужденіемъ служили бы денежныя преміи, которыми правительство обязано было награждать тѣхъ, кто удовлетворилъ бы надлежащимъ образомъ его требованіямъ. Незначительная сумма отъ трехъ до шести рупій въ годъ являлась въ высшей степени обольстительною приманкой въ глазахъ почти каждаго изъ туземныхъ наставниковъ. Но на ряду съ матеріальною прибылью необходимо было затронуть также и тщеславіе. «Имена учителей, окончившихъ успѣшно экзаменъ, говоритъ г. Адамъ, могли бы быть об-«народованы, по распоряженію высшаго училищнаго комитета, въ офиціальной «газетѣ, а мѣстные чиновники провозглашали бы эти имена въ праздничные дни «во всемъ округѣ». Замѣтимъ при этомъ, что авторъ проекта считалъ необходимымъ раздавать не всѣ учебники разомъ, а сначала тѣ, которые принадлежали къ первой серіи, потомъ ко второй и т. д., чтобы соблюсти въ дѣлѣ надлежащую постепенность. «Я предполагаю теперь, говоритъ онъ, что по ми-«нованіи полугода экзаменаторъ явился бы снова въ установленное мѣсто, за «мѣсяцъ извѣстивъ формально учителей, получившихъ книги, о своемъ прибы-«тіи. Лѣнь, недовѣріе, болѣзнь, смерть помѣшали бы, быть можетъ, многимъ изъ «нихъ отвѣчать на этотъ зовъ. Тѣ, которые откликнутся на него, окажутся при-«готовленными только-что порядочно, а значительная ихъ часть даже плохо. Но, «во всякомъ случаѣ, если планъ не будетъ покинутъ, если правительство рѣ-«шится настойчиво приводить его въ исполненіе, я ни минуты не сомнѣваюсь, «что онъ увѣнчается полнымъ успѣхомъ. Подобные съѣзды принесутъ обильную «пользу самимъ экзаменаторамъ, обогощая ихъ множествомъ практическихъ на-«блюденій: то убѣдятся они, что учебники слишкомъ многосложны или не со-«всѣмъ доступны для пониманія; то сочтутъ необходимымъ расширить срокъ, «назначенный для приготовленія по этимъ учебникамъ; то увидятъ необходи-«мость возвысить или сократить награды и т. п.». Но если даже достаточное количество учителей оказались бы совершенно способными для предназначенной имъ роли, то все-таки этимъ была бы разрѣшена лишь маловажная часть задачи: нельзя ограничиться тѣмъ, что сами наставники пріобрѣли надлежащія свѣдѣнія; необходимо, чтобъ они умѣли примѣнить эти свѣдѣнія къ дѣлу, чтобъ они измѣнили прежніе невѣжественные способы преподаванія, чтобы преобразилось совершенно внутреннее устройство школы. Но какъ достигнуть этой важной цѣли? Г. Адамъ предлагалъ для этого слѣдующія средства: во-первыхъ, какъ мы уже замѣтили выше, въ книгахъ долженствовали находиться подробныя и толковыя наставленія учителямъ; во-вторыхъ, на періодическихъ съѣздахъ, о которыхъ говорено было сейчасъ, можно было бы объяснить практиче-

скими примѣрами, какъ слѣдуетъ имъ вести свое дѣло; въ третьихъ, въ каждомъ изъ округовъ не представлялось бы большаго труда завести по одной нормальной школѣ, поставивъ въ обязанность учителямъ посѣтить ее непремѣнно хотя на нѣсколько дней, чтобъ ознакомиться съ раціональнымъ методомъ преподаванія; конечно, къ этому посѣщенію долженствовали бы быть привлечены только тѣ изъ нихъ, которые предварительно съ успѣхомъ сдали свой экзаменъ, при чемъ правительство оплачивало бы издержки на ихъ проѣздъ, которыя, во всякомъ случаѣ, не были бы значительны. Мы не упоминаемъ здѣсь подробно о другихъ средствахъ, которыми авторъ проекта думалъ возбудить соревнованіе школьныхъ наставниковъ, ибо средства эти носятъ мѣстный характеръ: такъ, напримѣръ, была у него мысль надѣлять упомянутыхъ лицъ мелкими участками земли, которые въ иныхъ селахъ казна имѣла въ своемъ распоряженіи, или употребить для подобной же цѣли вліяніе правительства на богатыхъ землевладѣльцевъ.

Наконецъ—и это самое главное—учреждается строгая ревизія надъ всѣми школами. Члены коммиссіи осматриваютъ ихъ ежегодно, дѣлаютъ экзамены, и за каждаго воспитанника, совершенно удовлетворительно окончившаго ученіе, выдаютъ воспитателю незначительное вознагражденіе (по одной мелкой монетѣ—*annah*). Конечно, все это потребовало бы расходовъ со стороны правительства, но расходовъ вовсе не столь громадныхъ, какъ если бы само оно вознамѣрилось учреждать школы. Не эти расходы устрашали г. Адама, а выборъ лицъ, которымъ долженствовалъ быть порученъ надзоръ за всѣмъ ходомъ дѣла. «Опасности, угрожающія изложенному плану, говорилъ онъ, могутъ возникнуть «главнымъ образомъ отъ недостатка бдительнаго, зоркаго и вполнѣ надежнаго «контроля надъ самими экзаменаторами. Чтобы сколько нибудь отвратить эти «опасности, я предложилъ бы назначить главнаго инспектора для всѣхъ округовъ каждой области. Обязанности его будутъ состоять въ томъ, чтобы слѣдить за общимъ примѣненіемъ системы, поддерживать рвеніе экзаменаторовъ, «служить имъ своими совѣтами и сообщать высшему училищному комитету ихъ «донесенія съ своими собственными замѣтками».

Таковъ былъ, въ главнѣйшихъ чертахъ, проектъ г. Адама. Мы изложили его подробно потому, что мысли, высказанныя въ немъ, нашли значительное примѣненіе впослѣдствіи. Но въ 1835 году, когда былъ онъ представленъ генералъ-губернатору Остъ-Индіи, ему далеко не посчастливилось. Послѣ долгихъ преній училищный комитетъ въ Калькуттѣ постановилъ по его поводу слѣдующее рѣшеніе: «Члены комитета находятъ, что планъ, предложенный г. Адамомъ, оказался бы почти неосуществимымъ (almost impraticable) и что, во всякомъ случаѣ, онъ потребовалъ бы несравненно болѣе значительныхъ издержекъ, чѣмъ думаетъ авторъ. Означенные члены все болѣе убѣждаются въ спра-

ведливости уже прежде высказаннаго ими мнѣнія, что заботы британскаго правительства должны быть преимущественно сосредоточены на главныхъ городахъ, на высшихъ и среднихъ классахъ туземнаго общества, въ надеждѣ, что чрезъ посредство этихъ классовъ просвѣщеніе быстро проникнетъ въ низшіе слои». Г. Адамъ, огорченный неудачею, совершенно отстранился съ этихъ поръ отъ дѣла, которому посвящалъ себя втеченіе всего предшествовавшаго своего пребыванія въ Остъ-Индіи.

Но мысль его, повторяемъ, не пропала даромъ. Если центральное правительство не хотѣло поставить ее въ основу общей системы народнаго образованія для страны, то въ началѣ сороковыхъ годовъ она встрѣтила ревностнаго приверженца въ лицѣ г. Томасона, губернатора сѣверо-западныхъ провинцій (Дельи, Мирата, Рогилькапда, Агры, Аллагабада и Бенареса), въ которыхъ считается болѣе 33 милліоновъ народонаселенія. Тотчасъ по вступленіи своемъ въ должность, онъ издалъ циркуляръ, въ которомъ было высказано прямо, что для распространенія образованія въ народѣ слѣдуетъ прибѣгнуть къ туземнымъ школамъ и къ преподаванію наукъ на мѣстныхъ нарѣчіяхъ. Низшія англійскія училища были уничтожены, и господство англійскаго языка ограничено только коллегіумами. Г. Томасонъ горячо взялся за дѣло и началъ приводить его въ исполненіе совершенно согласно той программѣ, которая была начертана г. Адамомъ. Весьма удовлетворительный успѣхъ сопровождалъ его попытку. Когда онъ умеръ въ 1853 году, то генералъ-губернаторъ, лордъ Дальгоузи, счелъ долгомъ воздать пышную похвалу заслугамъ, оказаннымъ имъ въ этомъ отношеніи. Тѣмъ не менѣе, поборники новой системы отнюдь не могли быть довольны общимъ ходомъ дѣла: такъ называемое vernacular education, то-есть, обученіе на туземныхъ мѣстныхъ нарѣчіяхъ, существовало только въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ; повсюду же, въ другихъ областяхъ, правительство заботилось лишь объ учрежденіи и поддержаніи высшихъ и среднихъ училищъ, гдѣ почти всѣ науки преподавались на англійскомъ языкѣ и куда поступали дѣти только зажиточныхъ родителей, между тѣмъ какъ масса народа попрежнему погрязала въ грубомъ невѣжествѣ.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда совѣтъ директоровъ Остъ-Индской компаніи издалъ, въ 1854 году, знаменитый свой циркуляръ по вопросу о народномъ образованіи. Имъ впервые создавалась строго обдуманная во всѣхъ своихъ подробностяхъ система, надъ выполненіемъ которой и понынѣ трудится британское правительство.

Во введеніи къ упомянутому циркуляру изложены общія воззрѣнія, съ которыми компанія приступала къ своей задачѣ. «Объявляемъ прежде всего, говорилось тамъ, что цѣлію образованія, которое намѣреваемся мы утвердить въ Индіи, должно быть распостраненіе усовершенствованныхъ знаній, искусствъ,

философіи и литературы Европы,—словомъ европейской науки. Научныя и философскія системы, служащія предметомъ изученія на Востокѣ, исполнены грубыхъ заблужденій, и вообще восточная литература обнаруживаетъ полнѣйшее невѣдѣніе новѣйшихъ открытій и изобрѣтеній; азіатская ученость, слѣдовательно, хотя и получившая значительное развитіе, не могла бы соотвѣтствовать нашимъ видамъ. Мы не хотимъ посягать на средства, которыя существуютъ нынѣ, въ спеціальныхъ учрежденіяхъ, для изученія литературъ санскритской, арабской и персидской или для разработки этихъ языковъ, долженствующихъ считаться классическими языками Индіи. Знакомство съ произведеніями, писанными на нихъ, драгоцѣнно въ области исторіи и древностей, и кромѣ того изученіе упомянутыхъ языковъ важно еще потому, что даетъ ключъ къ уразумѣнію законодательствъ индусскаго и магометанскаго, и облегчаетъ намъ пониманіе нынѣшнихъ мѣстныхъ нарѣчій Индіи..... Съ великимъ удовольствіемъ убѣдились мы, что англійская литература и европейская наука съ большимъ успѣхомъ усвоиваются въ послѣдніе годы нѣкоторыми индійскими уроженцами; но счастливые эти результаты проявляются лишь въ ограниченной сферѣ, а мы именно желаемъ какъ можно болѣе распространить средства для пріобрѣтенія европейскихъ знаній; если и понизится уровень требованій, господствовавшихъ до сихъ поръ на этотъ счетъ, то пусть, съ другой стороны, не меньшинству только, но массѣ народа становятся доступны свѣдѣнія, которыя могутъ принести ему практическую пользу въ различныхъ обстоятельствахъ его жизни. Обсуждая средства, ведущія къ достиженію этой цѣли, мы остановились прежде всего на вопросѣ о томъ: какой языкъ долженъ быть избранъ орудіемъ для распространенія образованія въ Остъ-Индіи? До сихъ поръ вслѣдствіе того, что не существовало почти вовсе переводовъ европейскихъ сочиненій на мѣстныя индійскія нарѣчія, туземцы, желавшіе ознакомиться съ литературою и наукою Европы, начинали съ изученія англійскаго языка. И теперь языкъ этотъ безусловно необходимъ тѣмъ изъ нихъ, которые намѣреваются пріобрѣсти высшее образованіе. Но мы убѣждаемся, вмѣстѣ съ тѣмъ, что направленіе, столь долго господствовавшее въ этомъ смыслѣ, повлекло за собою весьма невыгодное пренебреженіе къ туземнымъ нарѣчіямъ страны. Намъ кажется, что науки должны быть преподаваемы на англійскомъ языкѣ тѣмъ лишь лицамъ, которыя уже достаточно овладѣли имъ и намѣреваются достигнуть высшаго уровня знаній; что же касается до массы народа, которая не понимаетъ по-англійски и оставалась доселѣ въ полномъ невѣжествѣ, то средствомъ для просвѣщенія ея слѣдуетъ избрать мѣстныя нарѣчія. Выполнить этотъ планъ можно не иначе какъ при содѣйствіи преподавателей, которые, сами изучивъ англійскій языкъ и получивъ такимъ образомъ возможность пріобрѣтать непосредственно необходимыя для нихъ знанія, поставили бы себѣ задачею распространять эти знанія въ

народѣ на родномъ языкѣ каждаго племени. Въ то же самое время туземныя литературы Индіи обогатились бы мало по малу переводами на нихъ европейскихъ книгъ или же оригинальными сочиненіями различныхъ лицъ, предварительно ознакомившихся съ европейскою наукою, и такимъ образомъ эта наука проникала бы во всѣ слои общества. Изъ вышесказаннаго ясно, что, по твердому нашему убѣжденію, и англійскій языкъ и мѣстныя нарѣчія Индіи должны одинаково служить орудіемъ для образованія туземцевъ, смотря по тому, о какомъ образованіи идетъ рѣчь».

Изложивъ въ приведенныхъ нами словахъ общій взглядъ свой на предметъ, совѣтъ директоровъ приступаетъ къ подробностямъ задуманнаго имъ плана. По замѣчанію, сдѣланному имъ самимъ, онъ вовсе не имѣлъ въ виду начертать однообразную систему, которая была бы примѣнена, безъ малѣйшихъ измѣненій, ко всѣмъ областямъ страны, столь различнымъ между собою по характеру жителей и мѣстнымъ условіямъ; опытъ обнаружилъ бы, конечно, что многія предписанія, увѣнчавшіяся полнымъ успѣхомъ въ одномъ мѣстѣ, оказались бы мало примѣнимыми въ другомъ. Но въ общихъ своихъ чертахъ програма, о которой хотимъ мы говорить, долженствовала служить непремѣннымъ руководствомъ для правленія компаніи въ Остъ-Индіи.

Согласно этой программѣ, всѣ учебныя заведенія, отъ высшихъ до низшихъ, долженствовали находиться въ связи между собою. Уже за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ училищный совѣтъ предлагалъ учредить университетъ въ Калькуттѣ. Мысль эта была тогда отвергнута. «Но теперь, говорится въ циркулярѣ, быстрое распространеніе европейскихъ знаній въ зажиточныхъ слояхъ туземнаго народонаселенія, блестящее состояніе многихъ коллегіумовъ, преимущественно медицинскихъ, и потребности постоянно возрастающаго числа Европейцевъ убѣждаютъ насъ, что наступила минута озаботиться устройствомъ въ Индіи университетовъ, которые сообщали бы молодымъ людямъ высшее образованіе и раздавали бы имъ ученыя степени, могущія служить мѣриломъ ихъ успѣховъ въ различныхъ отрасляхъ научныхъ знаній. Члены совѣта выражали мысль, что университетъ Лондонскій долженъ служить образцомъ для подобныхъ заведеній; вполнѣ соглашаемся съ ними, что устройство, управленіе и цѣли, преслѣдуемыя означеннымъ учрежденіемъ, могли бы быть примѣнены съ особенною пользою къ потребностямъ остъ-индскаго общества. хотя, разумѣется, съ нѣкоторыми, болѣе или менѣе важными, видоизмѣненіями». Университеты будутъ наполняться молодыми людьми, оканчивающими курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; этихъ послѣднихъ существовало въ странѣ весьма достаточное число, благодаря особенной поддержкѣ, которую оказывало имъ правительство, а также пожертвованіямъ частныхъ лицъ и миссіонерскихъ обществъ; совѣтъ директоровъ питалъ даже надежду, что на будущее время они не потребуютъ пособій съ его стороны,

ибо «высшіе классы обнаруживаютъ наклонность и желаніе содержать ихъ на «свой счетъ въ виду несомнѣнной пользы, приносимой ими». Затѣмъ являлся вопросъ о школахъ для первоначальнаго обученія: эти школы долженствовали находиться непремѣнно въ каждомъ округѣ; г. Адамъ былъ нѣкогда убѣжденъ, что можно, съ этою цѣлію, извлечь огромныя выгоды изъ училищъ, основанныхъ съ давнихъ временъ самими туземцами, и, конечно, если бы оказались между ними такія, которыя соотвѣтствовали бы намѣреніямъ правительства, то благоразуміе требовало бы непремѣнно поддержать ихъ; опытъ, сдѣланный губернаторомъ г. Томасономъ, показалъ, что это отнюдь не несбыточный планъ; если же подобныхъ школъ не нашлось бы въ достаточномъ количествѣ, то слѣдовало бы завести ихъ вновь. Упомянутыя школы должны были раздѣляться на два разряда: однѣ — въ которыхъ преподаваніе происходило бы исключительно на мѣстныхъ нарѣчіяхъ, другія — гдѣ было бы оно смѣшаннымъ (Anglovernacular schools). Но повсюду отъ наставниковъ надлежало, *по возможности*, требовать знанія англійскаго языка, ибо иначе они принесли бы весьма малую пользу дѣтямъ. Тѣ изъ воспитанниковъ, которые съ успѣхомъ обучались въ школахъ, гдѣ господствуютъ мѣстныя нарѣчія, могли бы переходить въ смѣшанныя (anglo-vernacular) школы, курсъ которыхъ отличался бы бо́льшимъ развитіемъ, а отсюда была бы открыта имъ дорога въ среднія учебныя заведенія, въ свою очередь находящіяся въ непосредственной связи съ университетами. Правительство сочло бы даже долгомъ назначить стипендіи для способныхъ и прилежныхъ воспитанниковъ. При обсужденіи подобнаго плана, вниманіе останавливалось главнымъ образомъ на издержкахъ для него: «Когда мы принимаемъ въ разсчетъ громадность народонаселенія Британской Индіи, говорится въ циркулярѣ, и суммы, которыя уже расходуются нынѣ на народное образованіе, то естественно является мысль, что заботы наши распространить это образованіе въ массѣ народа никогда не увѣнчались бы успѣхомъ, если бы пришлось осуществлять ихъ на иждивеніе правительства. Но есть, кажется, полная возможность отстранить это препятствіе. Съ удовольствіемъ замѣчаемъ мы, что въ огромномъ большинствѣ туземнаго народонаселенія, не только по сосѣдству съ главными центрами европейской цивилизаціи, но и въ самыхъ отдаленныхъ областяхъ, обнаруживается стремленіе освободиться отъ невѣжества, такъ долго тяготѣвшаго надъ страною. Во всѣ времена ученые Индусы и магометане посвящали себя, почти безвозмездно, обученію своихъ соотечественниковъ, а богатые люди между ними свидѣтельствовали о своемъ сочувствіи этому дѣлу щедрыми дарами, слѣды коихъ сохранились донынѣ... Принимая въ соображеніе все это, мы убѣждаемся, что самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для выполненія нашей задачи было бы воспользоваться вліяніемъ правительства, чтобы вызывать благотворительность и пожертвованія богатыхъ и просвѣщенныхъ туземцевъ Бри-

танской Индіи, а также другихъ лицъ, соревнующихъ общему благу». По словамъ циркуляра, во всѣхъ округахъ могли бы возникнуть ассоціаціи, имѣющія цѣлію учрежденіе школъ для первоначальнаго обученія. Что касается правительства, то на обязанности его лежало бы явиться на помощь этимъ училищамъ посредствомъ денежныхъ пособій (grants in aid), которыя въ Англіи принесли столь несомнѣнную пользу дѣлу народнаго образованія. «Система означенныхъ пособій, говоритъ совѣтъ директоровъ, должна быть основана на совершенномъ невмѣшательствѣ въ религіозныя вѣрованія тѣхъ или другихъ туземцевъ. Денежныя пособія будутъ выдаваемы всѣмъ школамъ, въ которыхъ дѣти получаютъ хорошее свѣтское образованіе (a good secular education), подъ тѣмъ лишь условіемъ, чтобъ упомянутыя школы были подчинены надежному мѣстному надзору (подъ «мѣстнымъ надзоромъ» подразумѣвается здѣсь надзоръ нѣсколькихъ лицъ—добровольныхъ жертвователей, складчиковъ или представителей благотворительныхъ учрежденій, которые обязались бы принять на себя отвѣтственность за каждое училище), и чтобы школы эти согласились также подвергнуться постоянной ревизіи со стороны правительства». «Пособія (grants in aid)—читаемъ мы далѣе въ циркулярѣ—будутъ выдаваемы тѣмъ лишь школамъ, обученіе въ коихъ не даровое, а за плату, ибо опытъ доказалъ, что только тамъ, гдѣ установлена подобная плата, хотя бы даже и въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ, дѣти оказываютъ серіозные успѣхи. Ежегодно—и даже по нѣскольку разъ въ годъ— дѣлается подробное обозрѣніе этихъ школъ, но инспекторы не должны при этомъ обращать никакого вниманія на религіозное преподаваніе въ нихъ, какъ на дѣло совершенно постороннее правительству.

«Когда въ Англіи сдѣланы были систематическія попытки, говоритъ циркуляръ, чтобы двинуть впередъ образованіе народа, то главнѣйшее препятствіе къ тому оказалось въ недостаткѣ хорошо подготовленныхъ учителей и въ устарѣлыхъ методахъ преподаванія. Несомнѣнно, что недостатки эти обнаружатся еще сильнѣе въ Индіи; вотъ почему желаемъ мы, чтобы безъ всякаго отлагательства учреждены были въ каждомъ изъ президентствъ нормальныя школы; быть можетъ, даже окажется удобнымъ приспособить для того нѣкоторыя изъ школъ, уже существующихъ въ настоящее время. Во всякомъ случаѣ считаемъ полезнымъ указать здѣсь на планъ, принятый съ упомянутою цѣлію въ Англіи и который, какъ кажется намъ, могъ бы безъ большихъ затрудненій быть выполненъ и въ Британской Индіи. Состоитъ онъ въ томъ, что въ школахъ для первоначальнаго обученія находятся стипендіаты, за особыя занятія съ которыми, внѣ классныхъ уроковъ, наставники получаютъ возвышенную плату; стипендіаты эти поступаютъ впослѣдствіи, если окажутся достойными того, въ нормальныя школы, и, окончивъ здѣсь курсъ, пріобрѣтаютъ право на достаточное обезпеченіе, если, въ свою очередь, сдѣлаются преподавателями.... Конечно, все

это потребуетъ не мало времени, а между тѣмъ желательно было бы, чтобы даровитѣйшіе наставники существующихъ нынѣ туземныхъ школъ привлечены были къ посѣщенію школъ нормальныхъ: надлежитъ сдѣлать это главнымъ образомъ съ тою цѣлію, чтобы не возбуждать непріязни этого класса людей, пользующихся значительнымъ вліяніемъ на народъ; вообще не слѣдуетъ безъ особенной нужды лишать ихъ занимаемыхъ ими нынѣ мѣстъ». Что касается книгъ на мѣстныхъ нарѣчіяхъ для употребленія учителей и учениковъ, то циркуляръ совершенно соглашался съ мыслью, выраженною нѣкогда г. Адамомъ въ слѣдующихъ словахъ: «Не переводить цѣликомъ европейскихъ сочиненій на различные языки Индіи, а стараться совмѣстить европейскую науку и формы, въ «которыхъ туземное народонаселеніе привыкло выражать свои мысли и чувства, «такимъ образомъ, чтобы сдѣлать книгу полезною и пріятною».

Затѣмъ послѣднее распоряженіе, находившееся въ циркулярѣ, касалось устройства бдительнаго правительственнаго надзора надъ всѣми учебными заведеніями, какъ высшими, такъ и низшими. Съ этою цѣлію при генералъ-губернаторахъ Бенгаліи, Мадраса, Бомбея, Пенджаба и сѣверо-западныхъ провинцій должно было находиться по одному чиновнику, носящему званіе директора народнаго просвѣщенія, а каждый изъ этихъ чиновниковъ имѣлъ бы подъ своимъ начальствомъ достаточное число инспекторовъ и ихъ помощниковъ: обязанность ихъ состояла бы въ томъ, чтобы постоянно ревизовать школы, производить въ нихъ экзамены и вообще неусыпно наблюдать за ихъ развитіемъ. Издержки на содержаніе этой администраціи исчислены были приблизительно въ 538,896 рупій (около 320,000 руб.) въ годъ. «Таковы воззрѣнія наши,— говорилось въ заключеніи разбираемаго нами документа,—на дѣло народнаго просвѣщенія въ Британской Индіи. Мы замѣтили въ самомъ началѣ, что цѣль наша клонится къ тому, чтобы распространить европейскую цивилизацію во всѣхъ классахъ общества; мы указали, что она можетъ быть достигнута при пособіи англійскаго языка для высшихъ учебныхъ заведеній и съ помощью мѣстныхъ нарѣчій для массы народонаселенія; мы представили также очеркъ системы дѣятельнаго и строгаго надзора, которая, если бы только удалось выполнить ее, должна породить благотворные результаты. Надѣемся твердо, что денежныя пособія, выдаваемыя правительствомъ, вызовутъ частную инниціативу и многочисленныя частныя пожертвованія. Отнынѣ высшіе классы общества въ Индіи должны привыкать къ мысли, что имъ слѣдуетъ полагаться, для образованія своихъ дѣтей, на собственныя свои средства; правительство же обязано сосредоточить особенное свое вниманіе на среднихъ классахъ и низшемъ народонаселеніи, учреждая съ этою цѣлію вполнѣ пригодныя школы, а также оказывая поддержку туземнымъ школамъ, которыя уже существуютъ и существовали почти въ каждой деревнѣ съ незапамятныхъ временъ, хотя въ тепе-

решнемъ своемъ видѣ ни одна изъ нихъ не удовлетворяетъ, вѣроятно, разумнымъ требованіямъ.... Обязанность наша, какъ правительства, состоитъ лишь въ томъ, чтобы давать надлежащее направленіе усиліямъ самого общества и являться имъ на помощь всякій разъ, какъ оказывается въ томъ нужда: болѣе этого ничего нельзя требовать отъ насъ»....

Изъ изложенія циркуляра совѣта директоровъ компаніи можно видѣть — повторимъ еще разъ, — что въ немъ содержались лишь общія основы многосложнаго плана, о развитіи и примѣненіи котораго на практикѣ должно было заботиться мѣстное правительство. Къ сожалѣнію, время для этого было выбрано крайне неудобное. Лѣтомъ 1857 года пришло въ Европу извѣстіе о возстаніи сипаевъ. Индія представила страшное и единственное въ своемъ родѣ зрѣлище: на пространствѣ трехъ сотъ миль исчезли, какъ бы смятенные ураганомъ, всѣ слѣды англійскаго владычества, всѣ власти, всѣ административныя учрежденія. Рушился мгновенно порядокъ вещей, созданный цѣлымъ столѣтіемъ, почва внутреннихъ областей страны ушла изъ-подъ ногъ правительства, и оно было вынуждено сосредоточиться въ прибрежныхъ пунктахъ. Когда успокоилось это грозное смятеніе, возникли, разумѣется, жаркія пренія о томъ, какими причинами было вызвано оно. При этомъ случаѣ многіе утверждали, между прочимъ, что одна изъ главныхъ причинъ заключалась въ крайнемъ невѣжествѣ народа, который именно вслѣдствіе этого склонялъ свой слухъ къ самымъ нелѣпымъ толкамъ и не въ состояніи былъ оцѣнить все, что́ было предпринято и совершено для его благоденствія британскими властями; другіе съ неменьшею настойчивостью старались увѣрить, что неудовольствіе народа было вызвано попытками правительства просвѣтить его на европейскій ладъ и распространить въ Индіи чуждую ей цивилизацію. Хотя послѣднее изъ приведенныхъ мнѣній встрѣчало упорныхъ защитниковъ въ Англіи, оно не имѣло почти ни малѣйшаго оправданія себѣ въ фактахъ: дѣло въ томъ, что попытки, о которыхъ идетъ рѣчь, являлись именно лишь попытками, не имѣвшими еще времени выразиться, со всѣми своими послѣдствіями, на дѣлѣ и раздражить народъ. Правительство думало именно такимъ образомъ, ибо тотчасъ, послѣ того какъ парламентъ отмѣнилъ привиллегію компаніи (2-го августа 1858 года), оно рѣшилось идти неуклонно по пути, уже начертанному въ прежнее время.

Намѣреніе это выразилось весьма ясно и опредѣленно въ замѣчательной депешѣ государственнаго секретаря по остъ-индскому управленію, лорда Стенли, отъ 18-го апрѣля 1859 года. Въ документѣ этомъ говорится, что мѣры для народнаго просвѣщенія въ Британской Индіи, задуманныя до возстанія, должны быть выполнены во всей точности. Отчасти уже было приступлено къ этому, а именно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ возникли нормальныя школы—и съ значитель-

нымъ успѣхомъ; затѣмъ обращено было вниманіе на училища для первоначальнаго обученія, принадлежавшія самимъ туземцамъ. «Училища эти раздѣлены на «небольшіе округи; особый преподаватель, получающій содержаніе отъ прави-«тельства, приставленъ къ каждому изъ этихъ округовъ и постоянно посѣщаетъ «находящіяся въ немъ школы (число ихъ ни въ какомъ случаѣ не превышаетъ «десяти) съ цѣлію поучать школьныхъ наставниковъ ихъ обязанностямъ, а также «заниматься съ наиболѣе успѣвающими и развитыми воспитанниками». Кромѣ того, въ различныхъ селахъ учреждены были вновь училища на средства, пожертвованныя мѣстными жителями; но тутъ-то, хотя новая система и введена была весьма недавно, успѣли уже обнаружиться поразительныя ея неудобства. Дѣло въ томъ, что англійское правительство, какъ мы могли уже убѣдиться выше, далеко не раздѣляло мысли, выраженной нѣкогда г. Адамомъ, что народное образованіе въ Индіи можетъ быть двинуто впередъ исключительно съ помощью старыхъ школъ, основанныхъ туземцами на собственныя ихъ средства; оно считало положительно необходимымъ учреждать новыя училища; оно возлагало при этомъ большія надежды на частную инціативу, и думало, что инціатива эта встрѣтитъ сильное поощреніе въ системѣ болѣе или менѣе щедрыхъ денежныхъ пособій (grants in aid). Случилось, однако, иначе. Со всѣхъ сторонъ приходили къ нему донесенія, что мѣстное общество отзывается крайне туго на призывы къ нему о благотворительности и пожертвованіяхъ. Да и кто же могъ бы жертвовать? Высшіе, зажиточные классы общества? Но люди, принадлежавшіе къ этимъ классамъ, не даромъ, втеченіе долгаго времени, посылали дѣтей своихъ въ коллегіумы, гдѣ имъ преподавалась европейская наука. И теперь выражали они ревностное намѣреніе поддерживать училища, но только высшія и среднія, въ которыхъ языкомъ преподаванія служилъ англійскій языкъ. Къ народнымъ же школамъ относились они вполнѣ равнодушно, а отъ самого народа нельзя было, конечно, и ожидать, чтобъ онъ учреждалъ ихъ на собственныя средства. Онъ былъ слишкомъ бѣденъ для этого, и, по невѣжеству своему, не въ состояніи былъ сознать потребностей разумнаго обученія. Вотъ почему всѣ инспекторы находили роль свою крайне тягостною и даже унизительною Имъ приходилось убѣждать, упрашивать землевладѣльцевъ, чтобы тѣ содѣйствовали учрежденію школъ; по большей части получали они отказъ, а если даже и удавалось имъ вынудить согласіе, то это опять-таки не вело ровно ни къ чему, ибо въ установленный срокъ никто не помышлялъ о взносѣ денегъ. «Въ виду «столь прискорбнаго факта, писалъ г. Праттъ, одинъ изъ инспекторовъ въ юж-«ной Бенгаліи, нельзя не убѣдиться, что система пособій (grants in aid) совер-«шенно непримѣнима къ этой странѣ, гдѣ низшее народонаселеніе не нуждается «въ хорошихъ школахъ и не хочетъ принять на себя добровольно никакихъ «издержекъ для нихъ».

Что же было предпринять при такомъ положеніи дѣлъ? Многіе выражали мысль о необходимости установить, для потребностей народнаго просвѣщенія, дополнительный налогъ, взыскиваемый со всего народонаселенія. Лордъ Стенли видимо склонялся въ пользу этого плана. Не рѣшаясь прямо одобрить его, онъ требовалъ, чтобы сообщены были ему по этому поводу мнѣнія мѣстныхъ властей, и не былъ также противъ того, чтобы упомянутый планъ былъ испробованъ предварительно въ нѣкоторыхъ областяхъ. Но въ 1864 году преемникъ лорда Стенли по управленію Британскою Индіею, сэръ Чарльсъ Вудъ, высказался уже открыто, какъ видимъ изъ обнародованнаго имъ циркуляра, въ пользу установленія налога. Позднѣе чѣмъ во всѣхъ другихъ провинціяхъ, упомянутая мѣра была приведена въ исполненіе въ Бенгаліи, — и вотъ мотивы, которые, по словамъ офиціальнаго документа (28-го апрѣля 1868 года), побудили къ тому правительство. «Никакая провинція Британской Индіи не можетъ выдержать «сравненія съ Бенгаліей относительно успѣховъ высшаго образованія, доступ«наго лишь богатымъ классамъ общества, а между тѣмъ генералъ-губернаторъ «давно уже съ сожалѣніемъ замѣчалъ, что земледѣльческіе классы, составляющіе «огромное большинство, лишены всякихъ средствъ для первоначальнаго обученія. «И дѣйствительно, поразительный контрастъ представляется нашимъ взорамъ: «въ Бенгаліи, народонаселеніе коей превышаетъ 40 милліоновъ, число учени«ковъ, посѣщавшихъ, въ 1866 — 67 годахъ, низшія школы, было не болѣе «39,104; въ сѣверо-западныхъ же провинціяхъ, имѣющихъ 33 милліона жите«лей, учениковъ считалось 125,394; въ Пенджабѣ, при 15 милліонахъ народо«населенія, 62,355, а въ центральныхъ провинціяхъ, гдѣ только 8.500,000 «жителей, ихъ было 22,600. Генералъ-губернаторъ сознаетъ, что было бы не«благовидно уклоняться долѣе отъ возложенной на правительство обязанности — «доставить народу возможность пріобрѣсти хотя первоначальное образованіе; «правительство не только выполнитъ этимъ долгъ свой предъ страною, но из«влечетъ огромную пользу для самого себя, ибо источникъ всѣхъ его затрудне«ній, а также опасностей, могущихъ угрожать ему, заключается главнымъ обра«зомъ въ грубомъ невѣжествѣ народа. Но вмѣстѣ съ тѣмъ не можетъ быть и «рѣчи о томъ, чтобъ оно приняло исключительно на себя издержки по упомяну«тому предмету: въ настоящее время оно уже расходуетъ для различныхъ школъ «провинціи — высшихъ, среднихъ и низшихъ — болѣе 150,000 фун. стерл. въ «годъ, и очевидно, что увеличеніе этой суммы повлекло бы за собою значитель«ное разстройство въ финансахъ. Остается, слѣдовательно, учредить особый, до«полнительный налогъ для потребностей народнаго образованія. Мѣра эта была «уже рекомендована въ циркулярахъ главнаго управленія отъ 1859 и 1864 «годовъ; мы видѣли осуществленіе ея въ Бомбеѣ, сѣверо-западныхъ провинці«яхъ, Аудѣ, въ центральныхъ провинціяхъ и Пенджабѣ, — и нѣтъ никакой при-

«чины замедлять примѣненіемъ означенной мѣры къ Бенгаліи, ибо генералъ-гу-
«бернаторъ убѣжденъ, что ни въ одной изъ остальныхъ провинцій землевла-
«дѣльцы не могутъ быть, съ большею справедливостью, подвергнуты налогу, о
«которомъ идетъ рѣчь». Мы не приводимъ здѣсь подробностей о размѣрахъ и
способѣ взиманія налога, ибо разнообразныя начала, на которыхъ основанъ онъ,
имѣютъ значеніе только для Британской Индіи.

Уже замѣчено было нами, что въ знаменитомъ циркулярѣ 1854 года выра-
жено твердое намѣреніе правительства нисколько не касаться религіознаго пре-
подаванія въ училищахъ. Конечно, говорилось тамъ, Библія и Евангеліе могутъ
находиться въ библіотекахъ коллегіумовъ и первоначальныхъ школъ; если бы
нѣкоторые воспитанники пожелали совершенно добровольно, безъ всякаго по-
сторонняго внушенія, ознакомиться съ этими священными книгами, никто не
долженъ препятствовать имъ въ томъ; если бы потребовали они объясненій про-
читаннаго ими, не слѣдуетъ отвѣчать имъ отказомъ, но требуется только, чтобы
объясненія эти происходили внѣ классныхъ занятій; словомъ, религіозная про-
паганда въ христіанскомъ духѣ долженствовала быть тщательно устранена изъ
училищъ, и инспекторамъ поставлялось въ обязанность отнюдь не затрогивать,
во время ревизіи, вопроса о преподаваніи закона той или другой вѣры (that
no notice shall be taken of it by the inspectors in their periodical visits).
Ту же самую мысль развивалъ еще съ большею подробностью лордъ Стенли въ
депешѣ своей къ Остъ-индскому вице-королю отъ 18-го апрѣля 1859 года:
«Вамъ извѣстно, говорилъ онъ, что въ циркулярѣ 1854 года выставленъ былъ,
«совершенно опредѣленно и ясно, принципъ полнѣйшей терпимости въ дѣлахъ
«вѣры. Если на основаніи принятой системы выдаваемы были денежныя пособія
«училищамъ, учрежденнымъ миссіонерскими обществами, то не было также отказа
«въ этихъ пособіяхъ и школамъ, возникшимъ на средства самихъ туземцевъ;
«можно даже утверждать безъ малѣйшаго преувеличенія, что казна расходовала
«для этихъ послѣднихъ несравненно болѣе значительныя суммы. Точно такимъ
«же образомъ намѣреваемся мы дѣйствовать и на будущее время. Съ самаго ран-
«няго періода, когда британское правительство обратило вниманіе свое на на-
«родное образованіе, оно постановило себѣ задачею держаться строгаго безпри-
«страстія во всемъ, что касается религіи,—другими словами: не вмѣшиваться въ
«вѣрованія и обряды мѣстныхъ жителей, и не только въ частныхъ школахъ, но даже
«въ школахъ, имъ самимъ учрежденныхъ для туземцевъ, не вводить преподаванія
«Закона Божія. Вслѣдствіе того изученіе Священнаго Писанія исключено было изъ
«учебнаго курса, но Библія находилась въ училищныхъ библіотекахъ, и воспитан-
«ники, если они сами пожелали бы того, могутъ знакомиться съ нею и требовать
«объясненій у своихъ наставниковъ, но не иначе какъ внѣ классныхъ занятій. Рас-
«поряженіе это возбуждаетъ неудовольствіе многихъ лицъ, посвятившихъ себя

«дѣлу народнаго образованія въ Индіи; миссіонерскія общества особенно негодуютъ на него и не перестаютъ требовать, чтобы преподаваніе Закона Божія «было дозволено, по крайней мѣрѣ, въ школахъ, учрежденныхъ самимъ прави«тельствомъ. Но, съ другой стороны, значительное число лицъ, не менѣе ревностно «интересующихся успѣхами народнаго образованія и вполнѣ сочувствующихъ «дѣятельности миссіонерскихъ обществъ, высказались, въ парламентскомъ коми«тетѣ 1853 года, противъ всякаго измѣненія политики, которой слѣдовало доселѣ «правительство. Аргументы этихъ лицъ основывались преимущественно на томъ, «что введеніе преподаванія Закона Божія въ казенныхъ школахъ возбудило бы «сильную подозрительность и волненіе въ народныхъ массахъ даже въ томъ случаѣ, «если бы посѣщеніе этихъ уроковъ признано было необязательнымъ, а зависѣло «отъ доброй воли самихъ воспитанниковъ; къ тому же было бы весьма неблаго«видно (it would not be honest) вынуждать у этихъ воспитанниковъ согласіе ихъ «учиться Закону Божію, а родители, конечно, отказали бы имъ въ своемъ дозво«леніи; сверхъ того, учителя въ огромномъ большинствѣ казенныхъ школъ со«стоятъ изъ туземцевъ: можно ли же требовать отъ язычниковъ, чтобъ они взяли «на себя трудъ проповѣдывать и излагать истины Священнаго Писанія? Все это «убѣждаетъ меня, что обученіе Закону Божію, если бы даже не дѣлать его обя«зательнымъ, явилось бы во всякомъ случаѣ мѣрою весьма рискованною (of con«siderable hazard) и едва ли могущею принести пользу; при настоящихъ же «обстоятельствахъ (не забудемъ, что депеша лорда Стенли была обнародована «вскорѣ послѣ усмиренія возстанія) она рѣшительно неисполнима. Ея величество, «принимая въ свои руки управленіе Остъ-Индіею, возвѣстила въ своемъ мани«фестѣ, что правительство не намѣрено вмѣшиваться въ религіозныя вѣрованія «народа, его обряды и обычаи. Хотя у насъ (то-есть, въ Англіи) многіе готовы «думать, что существуетъ лишь незначительное различіе между преподаваніемъ «Закона Божія въ классахъ и возможностью, предоставленною ученикамъ требо«вать истолкованія Библіи внѣ классныхъ занятій, нѣтъ никакого сомнѣнія, что «всякая перемѣна въ этомъ порядкѣ вещей показалась бы весьма важною и су«щественною въ глазахъ туземцевъ Индіи. Она ослабила бы ихъ вѣру въ заяв«леніе, которое сдѣлало правительство ея величества о твердомъ намѣреніи своемъ «руководиться принципомъ безусловной вѣротерпимости. Обильный приливъ въ «казенныя школы дѣтей всѣхъ классовъ общества даже въ то время, когда не«обычайное броженіе господствовало въ умахъ туземцевъ, служитъ убѣдительнымъ «доказательствомъ, что они нисколько не сомнѣвались въ обѣщаніи нашемъ воз«держаться отъ религіозной пропаганды, и правительство ея величества нисколько «не желаетъ, измѣнивъ систему и подавъ поводъ къ ложнымъ толкамъ, ослабить «это повсемѣстное къ нему довѣріе. Вотъ почему не соглашается оно отступить «отъ установленнаго съ давнихъ поръ порядка вещей: пусть въ училищныхъ

«библіотекахъ находится попрежнему Священное Писаніе, пусть воспитанники, «если по собственному внушенію пожелаютъ они того, обращаются за совѣтами «и объясненіями къ своимъ наставникамъ; но учебный курсъ долженъ быть во «всѣхъ школахъ—высшихъ, среднихъ и низшихъ—ограниченъ исключительно «свѣтскими науками».

Мы полагаемъ, что на основаніи сказаннаго нами можно составить вѣрное понятіе о началахъ, усвоенныхъ англійскимъ правительствомъ относительно распространенія образованія между туземными племенами Британской Индіи. Начала эти опредѣляются слѣдующимъ образомъ:

1) Англійскій языкъ принятъ языкомъ преподаванія въ высшихъ и *почти* во всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; что касается низшихъ школъ, то въ меньшей части ихъ, которыя мы не умѣли назвать иначе какъ смѣшанными (anglo-vernacular schools), господствуетъ также англійскій языкъ; во всѣхъ же остальныхъ, то-есть, въ огромномъ большинствѣ, обученіе происходитъ на мѣстныхъ нарѣчіяхъ. Предметами его служатъ: грамота, ариѳметика, краткія понятія объ исторіи, географіи, геометріи и сельскомъ хозяйствѣ.

2) Правительство воздерживается отъ всякаго вмѣшательства въ религіозное воспитаніе племенъ, не принявшихъ христіанства.

3) Въ главнѣйшихъ, то-есть, наиболѣе населенныхъ, округахъ каждой области учреждено, по крайней мѣрѣ, по одной нормальной школѣ для приготовленія учителей.

4) Денежное вспомоществованіе (grants in aid) выдается частнымъ школамъ для первоначальнаго обученія, которыя ходатайствуютъ о томъ, но съ подчиненіемъ ихъ за это инспекціи англійскихъ властей.

5) Такъ какъ система денежныхъ пособій (grants in aid) оказалась на практикѣ далеко неудовлетворительною, то въ послѣднее время учрежденъ особый, дополнительный налогъ, который народонаселеніе должно взносить обязательно, не сообразуясь съ тѣмъ, хочетъ оно посылать дѣтей своихъ въ школы или нѣтъ.

6) Правительство установило частый, по возможности, осмотръ всѣхъ учебныхъ заведеній.

Такова, въ главнѣйшихъ своихъ основаніяхъ, система, уже успѣвшая принести весьма обильные плоды. Мы имѣемъ предъ собою отчетъ о состояніи народнаго образованія въ Британской Индіи за 1865 и 1866 годы, представленный парламенту бывшимъ статсъ-секретаремъ Остъ-Индскаго департамента сэромъ Чарльсомъ Вудомъ (*Note on the state of education in India*). По словамъ его, система, о которой идетъ рѣчь, была приведена въ исполненіе въ президентствахъ Бенгальскомъ, Бомбейскомъ, Мадрасскомъ и затѣмъ въ провинціяхъ сѣверо-западныхъ, центральныхъ, Пенджабѣ, Аудѣ и Мисорѣ. Изъ

нихъ Бенгальское президентство стоитъ на первомъ планѣ относительно успѣховъ высшаго образованія; здѣсь существовало именно въ упомянутые годы 53 школы, учебный курсъ коихъ весьма разнообразенъ, но которыя одинаково сообщали воспитанникамъ многостороннее и болѣе или менѣе основательное знакомство съ европейскими знаніями. Зато отчетъ сознается, что заботы правительства о распространеніи образованности «едва коснулись (scarcely touched) огромной массы народонаселенія». Дѣйствительно, въ области, имѣющей въ себѣ нѣсколько десятковъ милліоновъ жителей, находится лишь около 1,300 школъ, гдѣ господствуетъ преподаваніе на мѣстныхъ языкахъ, и 950, въ которыхъ обучаютъ дѣтей и по-англійски, и на природныхъ ихъ нарѣчіяхъ. Справедливо, впрочемъ, замѣтить, что рѣчь идетъ тутъ о школахъ, которыя подчинены надзору правительства; помимо нихъ есть весьма значительное количество другихъ остающихся внѣ этого надзора, но зато нельзя же и относиться къ нимъ серіозно. Сѣверо-западныя провинціи представляютъ въ этомъ случаѣ поразительный контрастъ съ Бенгальскимъ президентствомъ: благодаря тому, что уже съ сороковыхъ годовъ, вслѣдствіе энергической инниціативы губернатора Томасона, начали заботиться тамъ о распространеніи образованія въ народѣ, весьма благотворные результаты достигнуты на этомъ пути. Высшихъ и среднихъ школъ въ названныхъ нами провинціяхъ весьма недостаточно, а именно немного болѣе 20, но школъ для первоначальнаго обученія считалось въ 1866 году (съ преподаваніемъ на туземныхъ нарѣчіяхъ) около 9,000, и съ преподаваніемъ, въ которое допущенъ англійскій языкъ,—1,400.

Во всякомъ случаѣ, не слѣдуетъ забывать, что дѣло идетъ о планѣ, который задуманъ лишь десять лѣтъ тому назадъ и осуществленіе коего было пріостановлено страшнымъ мятежемъ въ различныхъ провинціяхъ. Мѣстная администрація отнюдь не сомнѣвается въ его успѣхѣ, и увѣренность эта опирается на весьма солидныя основанія: такъ, между прочимъ, можно было бы указать на широкое развитіе, которое получаютъ въ послѣднее время нормальныя школы для приготовленія учителей. «Такъ много просьбъ поступаетъ ежегодно о «допущеніи въ нормальныя школы», говоритъ въ своемъ отчетѣ сэръ Чарльсъ Вудъ, «что даже въ тѣхъ изъ нихъ, которыя учреждены весьма недавно, при«ходится принимать «свободныхъ воспитанниковъ» (free students), то-есть, та«кихъ, которые превышаютъ обычный комплектъ (75 человѣкъ для каждой «школы), не имѣютъ права на стипендію и, не смотря на то, даютъ обязатель«ство занять, по окончаніи курса, учительскія должности въ народныхъ шко«лахъ». Сэръ Чарльсъ Вудъ замѣчаетъ, что движеніе это обнаруживается особенно сильно въ тѣхъ округахъ, гдѣ преобладаетъ магометанское народонаселеніе: жители не только относятся сочувственно къ нормальнымъ школамъ, но нерѣдко заявляютъ готовность учреждать ихъ на собственныя средства.

Недавно въ Лагорѣ, губернаторъ, сэръ Дональдъ Макъ-Леодъ, принимая адресъ отъ высшаго сословія между мѣстными мусульманами, сказалъ по этому поводу длинную рѣчь, въ которой выразилъ основной взглядъ правительства на дѣло народнаго образованія. Мы считаемъ не лишнимъ привести здѣсь изъ нея самыя любопытныя мѣста. «Многимъ изъ васъ, безъ сомнѣнія, извѣстно, «говорилъ ораторъ, что въ 1835 году, когда управленіе страною находилось «въ рукахъ лорда Уильяма Бентинка, были установлены новые правила и прин-«ципы, которымъ правительство намѣревалось слѣдовать въ дѣлѣ народнаго «образованія. Въ числѣ лицъ, явившихся главными двигателями и поборниками «этой мѣры, находимъ мы имена Маколея, Тревельяна, Доффа и другихъ, кото-«рые по справедливости могли считаться искренними и просвѣщенными друзья-«ми туземнаго народонаселенія Индустана. Они имѣли полное право выражать «неудовольствіе свое по поводу жалкихъ результатовъ, ознаменовавшихъ господ-«ствовавшія до тѣхъ поръ старанія просвѣщать туземцевъ на мѣстныхъ нарѣ-«чіяхъ страны; вотъ почему было постановлено, что на будущее время англій-«скій языкъ долженъ быть избранъ орудіемъ для сообщенія здѣшнимъ жителямъ «европейскихъ знаній. Повторяю, все это представлялось весьма естественнымъ, «ибо до тѣхъ поръ не приходило на мысль воспользоваться туземными нарѣчіями «чтобы съ помощью ихъ распространять знанія, которыя столь дороги цивили-«зованнымъ націямъ. Но уже и въ то время находились люди, твердо убѣжденные, «что планъ, задуманный лордомъ Уильямомъ Бентинкомъ, отличался слишкомъ «исключительнымъ характеромъ. И хотя значительные результаты достигнуты «были на пути, о которомъ идетъ рѣчь; хотя изъ среды вашей вышло нѣсколько «лицъ, вполнѣ уважаемыхъ за свои познанія; хотя потребность просвѣщенія по-«стоянно возрастала въ высшихъ слояхъ общества: многіе думаютъ нынѣ,—и я «самъ принадлежу къ ихъ числу,—что, за весьма рѣдкими блестящими исклю-«ченіями, огромное большинство учениковъ изъ туземныхъ жителей достигаютъ «лишь весьма поверхностнаго знакомства какъ съ англійскимъ языкомъ, такъ и «съ тѣми предметами, которые они изучаютъ на этомъ языкѣ, а вслѣдствіе того «умственное развитіе ихъ весьма неудовлетворительно и не можетъ ихъ пріучить «къ самостоятельному и основательному мышленію. Для меня вполнѣ очевидно, «что обученіе на чуждомъ языкѣ сопряжено съ огромными трудностями. У насъ, «въ Англіи, гдѣ знаніе латинскаго и греческаго языковъ считается основою со-«лиднаго образованія, все-таки науки преподаются не на греческомъ и не на ла-«тинскомъ, а на родномъ англійскомъ языкѣ, и трудно понять причины, по кото-«рымъ здѣсь слѣдовало бы держаться иной системы. Знаменитые люди, окру-«жавшіе лорда Бентинка, предполагали вѣроятно, что молодежь, воспитанная въ «коллегіумахъ, усвоивши вкусъ къ европейской наукѣ, литературѣ и искусству, «посвятить силы ознакомленію своихъ соотечественниковъ съ этими знаніями;

«что туземная литература Индіи оживится такимъ образомъ новыми воззрѣніями «и понятіями. Но ожиданія эти не сбылись. Въ настоящее время индійская литература находится въ такомъ же упадкѣ, какъ и прежде, такъ что для огромнаго большинства народа не существуетъ ровно никакихъ средствъ усвоить себѣ «изобрѣтенія и открытія, которыми гордится Европа. Думаю, что это продолжалось бы всегда, если бы не подвергнулась измѣненію система, господствовавшая послѣ 1835 года. На основаніи ея учебный курсъ состоялъ изъ различныхъ предметовъ, занимаясь которыми молодые люди не успѣвали вполнѣ «основательно овладѣть англійскимъ языкомъ, на которомъ преподавались эти «предметы. Многіе родители жаловались на это печальное положеніе дѣлъ, и «нельзя отрицать, что между дѣтьми ихъ трудно было найдти такихъ, которыя «отличались бы удовлетворительными успѣхами: усвоить себѣ разговорный англійскій языкъ и усвоить его настолько, чтобъ имѣть право поступить на службу,— вотъ единственная цѣль всѣхъ ихъ стремленій. Не говорю о другихъ провинціяхъ, «но такъ происходило, по крайней мѣрѣ здѣсь, въ Пенджабѣ. А между тѣмъ «система, настойчиво примѣняемая до пятидесятыхъ годовъ, отдаляла отъ насъ «лучшихъ людей вашего племени; мы не понимали ихъ, они не въ состояніи были «оцѣнить насъ, и въ этомъ заключался, быть можетъ, самый существенный вредъ «прежняго порядка вещей».

Рѣчь, приведенная нами, выражаетъ мысли, которымъ англійское правительство оставалось постоянно вѣрнымъ въ колоніальной своей политикѣ. Оно имѣетъ подъ своею властью страну, простирающуюся на нѣсколько десятковъ тысячъ квадратныхъ миль и отдѣленную отъ метрополіи громаднымъ разстояніемъ; страну, народонаселеніе коей считается болѣе чѣмъ въ 150 милліоновъ; страну, имѣвшую нѣкогда самостоятельную цивилизацію, о которой и донынѣ свидѣтельствуютъ богатые литературные памятники; страну, многочисленныя племена которой представляютъ совершенно разнородную смѣсь: очевидно, что стремиться упрочить за англійскимъ языкомъ господство въ подобной странѣ было бы чистымъ безуміемъ. Единственная цѣль, къ которой могутъ быть направлены усилія англійскаго правительства, это—цивилизовать Индію какими бы то ни было путями. Пусть туземное народонаселеніе сохранитъ свои учрежденія, вѣрованія, обычаи; но пусть экономическій бытъ его получитъ всестороннее развитіе, пусть научится оно дорожить благами промышленности и торговли, пусть желѣзныя дороги пересѣкутъ страну во всѣхъ направленіяхъ, пусть естественныя ея богатства не пропадаютъ даромъ, а народъ лѣнивый, погрязающій въ мрачныхъ предразсудкахъ, вовлекается въ плодотворную дѣятельность:—и Англичане имѣли бы полное право не считать своего дѣла проиграннымъ даже въ томъ случаѣ, если бы судьба лишила ихъ когда нибудь владычества надъ Индустаномъ. И послѣ этого сохранился бы тамъ громад-

ный рынокъ для ихъ коммерческихъ операцій. «Я предвижу вмѣстѣ со многи-«ми, говорилъ лордъ Джонъ Россель, при обсужденіи билля, отмѣнявшаго при-«виллегіи Остъ-Индской компаніи, что нѣкоторыя изъ нашихъ колоній достиг-«нутъ такого развитія благосостоянія, что рано или поздно обратятся къ намъ «со словами: у насъ довольно силы, чтобы жить въ независимости отъ Англіи. «Узы, которыя связываютъ насъ съ нею, стали тягостны для насъ, и пришло «время намъ объявить, что мы, сохраняя дружбу съ метрополіею, желаемъ само-«стоятельности. Думаю, продолжалъ ораторъ, что время это еще не такъ близ-«ко, но не станемъ страшиться его: употребимъ всѣ усилія, чтобъ упрочить «благоденствіе подвластныхъ намъ народовъ, и если достигнемъ этой цѣли, то «никогда не откажутся они, что ни случилось бы въ будущемъ, отъ тѣснаго со-«юза съ нами».

Записка о народномъ образованіи въ Алжиріи.

Народное образованіе туземцевъ въ Алжиріи заключаетъ въ себѣ двѣ отрасли:

1. Преподаваніе мусульманское (enseignement musulman).
2. Преподаваніе смѣшанное (enseignement mixte).

§ I. Мусульманское преподаваніе.

Оно обнимаетъ школы начальныя, среднія и высшія.

Начальныя школы для племенъ, обитающихъ въ палаткахъ, а также для тѣхъ, которыя живутъ въ селахъ, находятся подъ управленіемъ наставниковъ, которыхъ туземцы называютъ *Деггег*. Наставники эти преподаютъ дѣтямъ, отъ шести до десятилѣтняго возраста, первыя правила религіи, чтеніе, письмо и заставляютъ ихъ учить наизусть нѣкоторыя главы Корана. Они получаютъ вознагражденіе натурою или деньгами отъ родителей, и не могутъ открывать школъ безъ особаго разрѣшенія отъ начальника провинціи, которое выдается имъ не иначе какъ на основаніи удостовѣренія въ ихъ качествахъ со стороны совѣта мусульманскихъ старѣйшинъ. Эта мѣра, существующая лишь съ 1857 года, была вызвана необходимостью отстранить отъ преподаванія множество марокапскихъ и тунисскихъ наставниковъ, которые, въ провинціяхъ Константинѣ и Оранѣ, распространяли ученія, слишкомъ проникнутыя фанатизмомъ.

Въ прежнее время издержки на содержаніе школъ покрывались изъ доходовъ религіозныхъ учрежденій; но теперь, когда упомянутые доходы перешли

въ казну, справедливость требовала бы, чтобы государство приняло на себя заботы о распространеніи первоначальнаго образованія, какъ оно дѣлаетъ это для образованія высшаго и средняго. До сихъ поръ это признается, однако, невозможнымъ. Общинное устройство, уже введенное во всѣхъ дуарахъ, къ которымъ примѣняется постановленіе (senatus-consulte) о поземельной собственности, даетъ средство помочь упомянутому недостатку. Школьные учителя будутъ получать жалованье изъ доходовъ этихъ дуаровъ.

Среднія учебныя заведенія. Преподаваніе, существующее въ нихъ, заключаетъ: чтеніе и объясненіе Корана, элементарныя свѣдѣнія въ грамматикѣ и нѣкоторыя основныя понятія о правѣ. Въ среднія школы поступаютъ лишь дѣти зажиточныхъ родителей, въ возрастѣ отъ 10 до 15 лѣтъ. Нѣкоторыя изъ этихъ школъ принадлежатъ частнымъ лицамъ, другія получаютъ вспомоществованіе отъ правительства. Послѣднія изъ нихъ находятся подъ упрвленіемъ марабутовъ, къ которымъ французскія власти питаютъ довѣріе, потому что они никогда не враждовали съ ними и отличаются отсутствіемъ фанатизма въ своихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ. Марабуты установили безмездное обученіе дѣтей и кромѣ того собираютъ для училищъ добровольныя приношенія съ своихъ прихожанъ. Школы, пользующіяся пособіемъ отъ правительства, имѣютъ учителей, причисленныхъ къ мечетямъ перваго разряда и получающихъ ежемѣсячно по 60 фр. жалованья. Зданіе, освѣщеніе, мебель отнесены на счетъ правительства, которое выдаетъ, кромѣ того, четыремъ лучшимъ ученикамъ каждой школы по 10 фр. въ мѣсяцъ.

Высшія школы или медрессы. Такихъ школъ существуетъ по одной въ каждой провинціи. Цѣль ихъ—приготовлять молодыхъ людей, способныхъ занимать современемъ мѣста въ мусульманской духовной іерархіи, въ туземныхъ администраціи и судахъ. Сообщая офиціальный характеръ медрессамъ, французское правительство имѣло въ виду привлечь туда молодежь перспективою доходныхъ и видныхъ должностей; отучить ее отъ нищенской и бродячей жизни, оградить ее отъ вліянія наставниковъ, которые, избѣгая всякаго контроля, проповѣдывали идеи, враждебныя французскому владычеству; сообщать этой молодежи, посредствомъ избранныхъ наставниковъ, такое обученіе, которое, нисколько не затрогивая религіозныхъ вѣрованій, знакомило бы ее въ извѣстной мѣрѣ съ европейскою наукою и понятіями о нравственности: словомъ, создать мало-помалу разсадникъ должностныхъ лицъ, чиновниковъ и агентовъ, способныхъ служить ревностными и просвѣщенными посредниками между цивилизаціями христіанскою и мусульманскою.

Въ послѣднее время медрессы подвергались многимъ преобразованіямъ, и положеніе ихъ представляется нынѣ въ слѣдующемъ видѣ:

Медресса подчинена надзору главнаго начальника провинціи. Директоръ

арабскихъ дѣлъ (directeur des affaires arabes) обязанъ спеціально заботиться о всемъ, что касается внутренняго устройства медрессы и преподаванія въ ней наукъ. Чрезъ каждые три мѣсяца представляетъ онъ начальнику провинціи подробный отчетъ, который препровождается затѣмъ къ генералъ-губернатору. Одинъ изъ учителей медрессы исправляетъ должность ея директора. Директоръ строго слѣдитъ за преподаваніемъ и долженъ въ точности соблюдать всѣ постановленія относительно внутренняго порядка въ школѣ и поведенія воспитанниковъ. Онъ отвѣчаетъ предъ директоромъ арабскихъ дѣлъ за нарушеніе дисциплины и установленныхъ правилъ. Еженедѣльно, въ извѣстный срокъ, выдается ему, по запискѣ директора арабскихъ дѣлъ, назначенная сумма для содержанія учениковъ, которую тотчасъ же распредѣляетъ онъ между ними. Десять лучшихъ учениковъ исполняютъ обязанности репетиторовъ. Поочередно, втеченіе цѣлой недѣли, каждый изъ нихъ наблюдаетъ за порядкомъ въ часы, свободные отъ уроковъ. О всемъ случившемся сообщается немедленно директору. Репетиторъ дѣлаетъ также перекличку учениковъ передъ началомъ классовъ и доноситъ начальству объ отсутствующихъ.

Преподаваніе въ медрессахъ возложено на директора, который исполняетъ вмѣстѣ съ тѣмъ учительскую обязанность и получаетъ ежегодно жалованья 2,100 фр. (въ настоящее время идетъ рѣчь о томъ, чтобы увеличить эту сумму до 3,000) и на четырехъ учителей, изъ которыхъ одинъ обучаетъ французскому языку, ариѳметикѣ и исторіи. Такъ какъ этотъ послѣдній выбирается обыкновенно изъ переводчиковъ при арміи и уже пользуется опредѣленнымъ жалованьемъ, то ему назначено лишь добавочное содержаніе въ 1,500 фр., трое остальные получаютъ также каждый по 1,500 и будутъ скоро получать по 2,400.

При школѣ находится укафъ (oukaf), прислужникъ для черной работы, съ 600 фр. ежегодно жалованья, которое возвышается до 900 фр., если онъ живетъ на своей собственной квартирѣ.

Что касается учебнаго курса въ медрессахъ, то вообще французское правительство заботится, чтобы преподаваніе, господствующее въ этихъ высшихъ школахъ, отнюдь не уступало тому, которое привлекало доселѣ Арабовъ, жаждущихъ знанія, въ Фецъ, Каиръ, Дамаскъ и Мекку. Преподаваніе это обнимаетъ три курса:

1. Курсъ словесныхъ наукъ (*adeb*), т. е., наукъ, извѣстныхъ у Арабовъ подъ общимъ названіемъ *El ölum el arabia* (этимологія, синтаксисъ, риторика, логика, метрика).

2. Курсъ наукъ періодическихъ (*Fakh*).

На основаніи декрета 13 февраля 1866 года, никто не можетъ, начиная съ 1 января 1870 года, быть назначаемъ на мусульманскія судебныя должности, если не имѣетъ ученаго диплома, выданнаго ему особою коммиссіею. По

чтобы выполнить это распоряженіе правительства, необходимо было установить опредѣленную программу для экзаменовъ и, слѣдовательно, программу учебнаго курса для медрессъ, ибо именно медрессы должны приготовлять молодыхъ людей къ упомянутому выше испытанію. Спеціальной коммиссіи поручено было заняться этимъ трудомъ: она исключила изъ программы все, относящееся къ религіи, ибо изученіе закона мусульманской вѣры должно служить предметомъ особаго преподаванія; исключила также: все, что относится къ рабству, нынѣ уничтоженному въ Алжиріи Французами; къ уголовному праву, ибо процессы о преступленіяхъ и проступкахъ не подлежатъ уже суду кадіевъ, а также къ теоріи налоговъ. Курсъ юридическихъ наукъ ограниченъ, слѣдовательно, только гражданскимъ правомъ. Хотя съ этой стороны высшія мусульманскія училища значительно уступаютъ знаменитымъ мечетямъ Востока и Марокко, онѣ должны, по мнѣнію французскаго правительства, пріобрѣсти явный перевѣсъ надъ ними въ третьей, и послѣдней, категоріи знаній, которыя Арабы называютъ El-ôlum-el-hakikia (истинныя, дѣйствительныя знанія); они опредѣляютъ ихъ еще такимъ образомъ: «знанія, которыя по самому свойству своему независимы отъ различія религіозныхъ вѣрованій и нарѣчій».

Этимъ-то наукамъ посвящается собственно 3 курсъ, который въ настоящее время обнимаетъ пока лишь ариѳметику, исторію и географію. Но по мѣрѣ того какъ французскія арабскія школы (о которыхъ рѣчь впереди) будутъ доставлять учениковъ, усвоившихъ себѣ надлежащимъ образомъ первоначальныя свѣдѣнія, окажется возможнымъ расширить программу 3-го курса, вводя въ нее различныя европейскія науки. Воспитанники алжирскихъ медрессъ далеко оставятъ тогда за собою воспитанниковъ восточныхъ университетовъ, которые употребляютъ много времени на изученіе схоластики, алхиміи, астрологіи, черной магіи и др., завѣщанныхъ имъ средними вѣками и свято хранимыхъ ими до сихъ поръ.

Учебный курсъ въ медрессахъ, какъ уже сказано выше, продолжается три года. Воспитанники, которые, по истеченіи одного изъ нихъ, не въ состояніи были отвѣчать удовлетворительно на вопросы предложенные программою, но обнаруживали вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтное прилежаніе, получаютъ право остаться въ томъ же классѣ на слѣдующій годъ. Разрѣшеніе это можетъ быть даровано два раза ученикамъ перваго, и только по одному разу ученикамъ втораго и третьяго классовъ.

Ученіе продолжается весь годъ, за исключеніемъ времени, назначеннаго для вакацій: цѣлый мѣсяцъ Рамадана, двѣ недѣли праздника Ахуры и двѣ же недѣли праздника Мулудъ (рожденіе пророка).

Посмотримъ теперь на условія для пріема въ медрессы. Никто не можетъ поступить туда, не обладая достаточными свѣдѣніями, чтобы успѣшно слѣдить

за преподаваніемъ. Каждый годъ, отъ сентября до исхода декабря, коммиссія, состоящая изъ преподавателей каждой медрессы, приступаетъ къ вступительнымъ экзаменамъ. На основаніи результата этихъ экзаменовъ, а также удостовѣренія въ нравственности поступающихъ учениковъ со стороны начальниковъ округовъ и префектовъ, составляются подробные имъ списки, по которымъ начальникъ провинціи назначаетъ долженствующихъ быть принятыми. Ученики (*тольба*) женатые не имѣютъ права на жительство въ школѣ, но подчинены тѣмъ же самымъ правиламъ дисциплины, какъ и пансіонеры медрессъ.

При поступленіи въ школу каждый воспитанникъ получаетъ по 80 сантимовъ въ сутки и долженъ уже самъ заботиться о своемъ содержаніи и пищѣ. Въ случаѣ отсутствія по семейнымъ обстоятельствамъ или на вакаціи, онъ не пользуется означенными деньгами, которыя распредѣляются между учениками остающимися на вакаціонное время въ медрессѣ. Сумма въ 1,000 франковъ, выдаваемая ежегодно отъ казны десяти лучшимъ воспитанникамъ, по 100 фр. каждому, идетъ тѣмъ изъ нихъ, которые могутъ занимать мѣста репетиторовъ въ школѣ.

Независимо отъ сочиненій, которыя ежемѣсячно представляются наставникамъ и затѣмъ хранятся въ архивахъ медрессы, учреждены, по окончаніи каждаго триместра, подробные экзамены, на основаніи коихъ производится пересадка учениковъ. О результатахъ этой пересадки доводится до свѣдѣнія начальника провинціи, который избираетъ репетиторовъ изъ числа отличившихся и распредѣляетъ между ними упомянутые выше 1,000 фр. Онъ же принимаетъ мѣры относительно тѣхъ, которые обнаруживаютъ слабые успѣхи и замѣчены въ дурномъ поведеніи. .

По окончаніи учебнаго года назначаются выходные экзамены по всѣмъ предметамъ, составляющимъ курсъ. Экзамены эти производятся коммиссіею изъ лицъ, совершенно постороннихъ медрессѣ, а именно изъ французскаго судьи (въ качествѣ президента коммиссіи), преподавателя арабскаго языка, главнаго переводчика и двухъ туземныхъ членовъ мусульманскихъ гражданскихъ судовъ.

Коммиссія судитъ объ успѣхахъ воспитанниковъ преимущественно по сочиненіямъ, которыми занимались они втеченіе года. Всѣ ученики раздѣляются на два разряда: 1) тѣ, которымъ можно выдать свидѣтельства для занятія должностей учительскихъ или судебныхъ; 2) тѣ, которые, по слабымъ своимъ познаніямъ, не имѣютъ права на подобныя свидѣтельства. Въ документахъ этихъ, подписанныхъ начальникомъ провинціи, обозначено сколько времени провелъ воспитанникъ въ школѣ, со сколькими товарищами находился онъ въ состязаніи и которымъ по числу вышелъ изъ медрессы. Одновременно съ тѣмъ препровождается подробный списокъ всѣхъ окончившихъ ученіе къ начальникамъ окру-

говъ, которые могутъ такимъ образомъ избирать пригодныхъ лицъ для замѣщенія различныхъ должностей.

Что касается до внутренняго порядка, соблюдаемаго въ школѣ, то заключается онъ въ слѣдующемъ: воспитанники (за исключеніемъ женатыхъ) обязаны жить въ медрессѣ; имъ воспрещается ночевать не дома, безъ особеннаго на то разрѣшенія начальства. Въ случаѣ отпуска возвращаются они въ школу къ 9 часамъ вечера; они обязаны содержать свои комнаты въ чистотѣ. *Укафъ* (прислужникъ) отвѣчаетъ предъ начальствомъ за чистоту въ училищѣ, за исключеніемъ комнатъ воспитанниковъ, — онъ исполняетъ должность дворника, запираетъ въ указанное время ворота, доноситъ объ ученикахъ, которые не возвратились въ срочный часъ изъ отпуска, и т. д.

Начальникъ провинціи опредѣляетъ наказанія для провинившихся. Наказанія эти слѣдующаго рода: предостереженіе, выговоръ, лишеніе отпуска на нѣсколько дней или на всѣ вакаціи, исключеніе изъ школы.

Смѣшанное преподаваніе (enseignement mixte).

Сюда относятся: 1) Французско-арабскія школы (écoles arabes françaises); 2) Императорскіе французско-арабскіе коллегіумы (collèges); 3) Начальное нормальное училище; 4) Школа медицинская и 5) Школа искусствъ и ремеслъ.

1) Французско-арабскія школы.

Онѣ существуютъ въ городахъ и значительнѣйшихъ селахъ съ мусульманскимъ народонаселеніемъ. Французы возлагаютъ большія на нихъ надежды, ибо посредствомъ ихъ стараются они сблизиться съ Арабами и сгладить антипатіи, порождаемыя различіемъ происхожденія и религіи.

Преподаваніе въ упомянутыхъ школахъ — даровое; оно заключаетъ въ себѣ: чтеніе и письмо по-французски и арабски, первыя правила ариѳметики, мѣры и вѣсъ. Занимаются имъ въ каждой школѣ — директоръ (всегда изъ Французовъ) и помощникъ его — учитель изъ мусульманъ. Директоры назначаются генералъ-губернаторомъ, а учителя — военными начальниками провинцій; никто не можетъ занять мѣсто директора, не представивъ диплома на званіе школьнаго учителя по программѣ, установленной для того во Франціи; впрочемъ, дѣлаютъ значительныя льготы для тѣхъ, кто свободно владѣетъ арабскимъ языкомъ. Директоры и учителя раздѣляются на три разряда и сообразно съ этимъ получаютъ слѣдующее жалованье: директоры перваго разряда — 2,100 фр., втораго — 1,800, третьяго — 1,500, а учителя 1,400, 1,200 и 1,000 фр.; на обзаведеніе каждой школы, при учрежденіи ея, выдается 500 фр.

и, кромѣ того, на мебель для квартиры директора — 600 фр. Затѣмъ уже нѣтъ рѣчи ни о какихъ другихъ денежныхъ пособіяхъ.

Французско-арабскія школы посѣщаются одинаково Европейцами и туземцами.

2) Императорскіе французско-арабскіе коллегіумы.

Доселѣ существуетъ два подобныхъ заведенія: — въ Алжирѣ и Константинѣ (вмѣстѣ для Европейцевъ и туземцевъ). Декретомъ 26-го мая 1865 года, учреждено третье — въ Оранѣ, но оно еще не открыто. Они находятся подъ надзоромъ ректора, который пользуется такою же властью надъ ними, какъ надъ коллегіумами университета.

Въ упомянутыхъ школахъ многіе изъ воспитанниковъ-туземцевъ содержатся на счетъ казны; есть также и приходящіе.

Учебный курсъ состоитъ изъ слѣдующихъ предметовъ: элементарныя и синтаксическія правила языковъ французскаго и арабскаго, географія и исторія, ариѳметика, физика, естественная исторія, черченіе. Воспитанники должны, кромѣ того, обучаться гимнастикѣ, плаванію и верховой ѣздѣ.

Европейскіе ученики слушаютъ уроки религіи у священника, а для туземцевъ приглашенъ особый имамъ, который совершаетъ въ школѣ и богослуженіе.

Ежегодно молодые люди изъ этихъ училищъ поступаютъ на службу въ мѣстныя префектуры; нѣкоторые изъ нихъ переходятъ во Францію — въ кавалерійскую школу въ Сомюрѣ, или въ школу земледѣльческую — въ Гриньонѣ.

3) Нормальная начальная школа.

По настоящее время находится лишь одна — въ Алжирѣ. Цѣль ея — приготовлять учителей, которые, занявъ впослѣдствіи мѣсто во французско-арабскихъ школахъ, владѣя разговорнымъ арабскимъ языкомъ, и изучивъ хорошо нравы и обычаи туземцевъ, способствовали бы распространенію французскаго языка и идей. Преподаваніе въ нормальной школѣ возложено на директора и трехъ его помощниковъ.

4) Медицинская школа.

Основана въ 1857 году по образцу высшей аптекарской школы въ Монпеллье. При ней находится приготовительное училище, въ которое поступаютъ воспитанники французско-арабскихъ школъ, съ успѣхомъ выдержавшіе экзаменъ.

5) Школа искусствъ и ремеслъ.

До сихъ поръ существуетъ лишь одна въ Форъ-Наполеонѣ, въ Кабиліи, и имѣетъ цѣлію сообщеніе всѣхъ необходимыхъ свѣдѣній для рабочаго класса; но такъ какъ возникла она еще весьма недавно, то трудно сказать о ней что либо опредѣленное.

Съ 1863 года всѣ учебныя заведенія, предназначенныя для туземцевъ подвергнуты періодическому осмотру особаго инспектора. Посѣщая ихъ, онъ обращаетъ вниманіе на внѣшній порядокъ и содержаніе школъ, нравственность воспитанниковъ, успѣхи ихъ въ наукахъ и т. д.

Арабо-французскія школы въ Алжиріи.

(Записка А. Кочетова.)

Въ Алжиріи существуетъ три разряда учебныхъ заведеній: французскія, арабскія и арабо-французскія. Хотя цѣлію моего нынѣшняго путешествія были только послѣднія изъ нихъ, тѣмъ не менѣе, я считаю не лишнимъ сказать, хотя вкратцѣ, и о двухъ первыхъ видахъ. Къ сожалѣнію, въ большей части случаевъ, я могу представить цифры лишь за 1866 годъ, такъ какъ офиціальныхъ отчетовъ объ Алжиріи за послѣдніе годы до сихъ поръ еще не издано, а собираніе частныхъ справокъ не всегда было возможно.

1) Французскія учебныя заведенія.

Заведенія эти, основанныя для Французовъ и другихъ европейскихъ поселенцевъ, устроены совершенно на тѣхъ же началахъ, какъ и во Франціи, и подчинены министерству народнаго просвѣщенія. (Съ 1830 до 1848 г. они были подчинены военному министерству; съ 1848 до 1858 г. переданы въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія; съ 1858 по 1860 г. ими завѣдывало особое алжирское министерство, и, наконецъ, съ 10-го декабря 1860 года, они управляются снова министерствомъ народнаго просвѣщенія.) Всѣ французскія учебныя заведенія въ Алжиріи составляютъ особый учебный округъ (académie) и подчинены ректору академіи (recteur d'académie d'Alger, попечитель учебнаго округа), въ распоряженіи котораго состоятъ три инспектора, по одному въ каждой провинціи *).

*) Вся Алжирія раздѣлена на 3 провинціи: Алжирская, Оранская и Константинская.

Къ концу 1866 г. число французскихъ учебныхъ заведеній и учащихся въ нихъ было слѣдующее:

	Число.	Число учащихся.
Элементарныхъ общественныхъ школъ.	318	26,162
— частныхъ —	108	4,634
Дѣтскихъ пріютовъ общественныхъ	89	10,126
— — частныхъ.	9	483
Курсовъ для взрослыхъ, общественныхъ.	149	3,949
— — — частныхъ	2	21
Лицей	1	537
Гимназій.	4	588
Секундарная школа въ Тлемсенѣ	1	55
Частная школа въ Оранѣ	1	213
Всего. . .		46,768

Цифра эта довольно крупная, если принять во вниманіе, что все европейское населеніе въ Алжиріи составляетъ, считая мужчинъ, женщинъ, дѣтей и войско, около 300 тысячъ душъ (изъ нихъ военныхъ около 70 тысячъ); дѣтей ниже семилѣтняго возраста считалось въ 1866 г. 39,750; отъ 7-ми до 14-ти лѣтъ — 28,240, и, наконецъ, молодыхъ людей отъ 14-ти до 21-го года — 23,410. Правда, что во французскихъ заведеніяхъ есть и мусульмане, но ихъ очень немного, и въ общемъ итогѣ учащихся имъ принадлежитъ весьма малая цифра.

2) Арабскія школы.

Французское правительство оставило мусульманамъ ихъ суды по гражданскимъ и духовнымъ дѣламъ, и обезпечило неприкосновенность религіи. Оно должно было поэтому оставить и тѣ учрежденія, которыя связаны съ мусульманскою религіею и мусульманскимъ судопроизводствомъ, т. е., арабскія школы. Ихъ три вида: элементарныя, секундарныя (зауіа) и высшія (медресса).

Элементарныхъ арабскихъ школъ во всей Алжиріи около 2,000; учащихся въ нихъ—до 30 тысячъ *). Все ученіе въ этихъ школахъ состоитъ въ чтеніи, письмѣ и ученіи наизусть большаго или меньшаго числа стиховъ Корана. У каждаго ученика четырехугольная доска съ ручкой, намазанная слегка чѣмъ-то бѣлымъ, и перо, сдѣланное изъ тростника; учитель царапаетъ на этой доскѣ

*) Всѣхъ мусульманъ было въ Алжиріи въ 1866 г. (считая женщинъ и дѣтей) 2.652,072; дѣтей (обоего пола) моложе 7-ми лѣтъ—45,312; отъ 7-ми до 14-ти лѣтъ—35,676.

стихъ Корана, а ученикъ обводитъ нацарапанное чернилами; потомъ учитель показываетъ какъ прочитать то, что написано, и затѣмъ ученикъ, сидя на полу и держа доску въ рукахъ, выкрикиваетъ написанный стихъ и повторяетъ его до тѣхъ поръ, пока не выучитъ наизусть; въ многолюдныхъ школахъ это производитъ страшный гвалтъ. Отъ учителя (талеба) требуется только умѣніе читать и писать по-арабски и знаніе Корана; съ 1857 г. онъ долженъ, кромѣ того, имѣть разрѣшеніе окружнаго военнаго начальника, но это сдѣлано лишь изъ политическихъ цѣлей, и разрѣшеніе дается каждому, кого нельзя подозрѣвать въ политической неблагонадежности. Результаты, достигаемые такими школами, конечно, совершенно ничтожны: дѣти могутъ, большею частію, прочитать и написать только то, что̀ они выучили наизусть. А и учатъ-то они часто не понимая того, что̀ учатъ, потому что языкъ Корана не совсѣмъ сходенъ съ разговорною арабскою рѣчью. Въ Кабиліи дѣло идетъ еще неуспѣшнѣе, такъ какъ языкъ Кабиловъ совершенно не похожъ на арабскій и вовсе не имѣетъ письменности. А между тѣмъ, малѣйшее вмѣшательство французской власти въ дѣла школы встрѣчаетъ сильную оппозицію мѣстнаго населенія, и всѣ попытки регулированія и расширенія курса оказались рѣшительно безуспѣшными. Школа, въ глазахъ мусульманъ, есть учрежденіе священное, какъ мѣсто, гдѣ дѣти ихъ получаютъ первое и, большею частію, единственное понятіе о Коранѣ, и всякое вмѣшательство «невѣрнаго» въ ходъ ученія считается поэтому посягательствомъ на религію.

Продолженіемъ этихъ элементарныхъ школъ служатъ *секундарныя школы зауіа.* Въ нихъ проходятъ весь Коранъ съ нѣкоторыми комментаріями и дается поверхностное понятіе о мусульманскомъ законодательствѣ (главнымъ основаніемъ котораго служитъ Коранъ). Эти школы были нѣкоторое время единственнымъ мѣстомъ, гдѣ получали свое образованіе кади, муфти и вообще лица, занимающія духовныя и юридическія должности. Теперь отъ этихъ лицъ требуются бо̀льшія знанія, и съ этою цѣлію устроены —

Высшія школы или *медрессы.* Школы эти не суть, впрочемъ, что-либо новое. До прибытія Французовъ существовало уже нѣсколько подобныхъ школъ при главныхъ мечетяхъ, и нѣкоторыя изъ нихъ, какъ, напримѣръ, медресса въ Тлемсенѣ (въ нынѣшней Оранской провинціи), пользовались весьма хорошей славой. Но военныя дѣйствія отвлекли молодыхъ людей отъ занятій, и школы распались. Декретомъ 30 сентября 1850 года снова открыты высшія школы въ Алжирѣ, Константинѣ и Тлемсенѣ, и вѣроятно въ скоромъ времени будутъ открыты и еще въ другихъ мѣстахъ, такъ какъ число желающихъ посѣщать курсы значительно превосходитъ число свободныхъ мѣстъ. Для поступленія въ высшую школу требуется знаніе всего Корана и нѣкоторое понятіе о мусульманскомъ законодательствѣ, слѣдовательно то, что̀ проходится въ секундарныхъ школахъ. Огром-

ное число молодыхъ людей, являющихся обыкновенно на прiемный экзаменъ, даетъ возможность избирать въ число учениковъ высшихъ школъ лишь лицъ, наиболѣе способныхъ. Курсъ трехлѣтнiй. Главные предметы преподаванiя: мусульманское законовѣдѣнiе и подробное объясненiе Корана; кромѣ того, проходится арабская грамматика и литература, ариѳметика, исторiя, географiя и французскiй языкъ. Успѣхи, дѣлаемые учениками во французскомъ языкѣ, незначительны. Главная причина этому та, что при поступленiи отъ нихъ не требуется знанiя французскаго языка; а такъ какъ поступаютъ въ школу люди взрослые, которымъ знакомство съ иностраннымъ языкомъ дается не такъ легко, какъ дѣтямъ, то естественно, что, занимаясь только одинъ часъ въ день французскимъ языкомъ, воспитанники успѣваютъ въ три года весьма мало. Молодые люди пользуются казеннымъ помѣщенiемъ и, сверхъ того, получаютъ на столъ около 20 коп. въ день. Число учащихся въ настоящее время въ Алжирѣ 50, въ Константинѣ — 40 и въ Тлемсенѣ 70 *).

3) Арабо-французскiя школы.

Поддерживая арабскiя школы, французское правительство должно было, однако, подумать и о созданiи такихъ школъ, которыя давали бы народу большiя свѣдѣнiя, облегчали сношенiя его съ Французами и содѣйствовали слiянiю обѣихъ нацiй. Сдѣлано въ этомъ отношенiи еще очень немного, но надо надѣяться, что Францiя не остановится на первомъ шагѣ и съ должнымъ вниманiемъ и энергiею отнесется къ своей задачѣ. Алжирiя стóитъ того, чтобы объ ней серьезно подумать, а Арабы — народъ весьма способный, и скоро поймутъ всю выгоду образованiя. Болѣе развитые между ними уже и теперь открыто заявляютъ о необходимости благоустроенныхъ школъ. Въ 1864 году одинъ каидъ такъ говорилъ въ засѣданiи алжирскаго генеральнаго совѣта: «Если вы хотите, чтобы Алжирiя шла современемъ рука объ руку съ метрополiей; чтобы она «имѣла, какъ и Францiя, своихъ докторовъ, своихъ инженеровъ и своихъ за«щитниковъ; чтобы увеличенiе ея доходовъ приносило обезпеченное благосо«стоянiе народонаселенiю:—начните съ распространенiя въ средѣ алжирскаго «народа сѣмянъ просвѣщенiя, распространяйте европейское образованiе, заставляя «его проникнуть даже въ маленькiе центры населенiя и въ деревни. Идя этимъ «путемъ, при вашихъ могущественныхъ средствахъ, вы заставите возрастающее «поколѣнiе современемъ благословлять васъ. Достигнувъ уровня французской «цивилизацiи, наши сыновья скажутъ другъ другу: Французы дали намъ все; мы «родились, чтобы жить въ невѣдѣнiи прогресса, а они принесли намъ науку... И

*) А на прiемные экзамены въ 1866 г. явилось 172 человѣка.

Франція будетъ тогда ихъ истиннымъ отечествомъ». Если офиціальное лицо, какъ каидъ, можетъ говорить публично подобныя рѣчи, то естественно предположить, что такъ думаютъ и многіе изъ его единоплеменниковъ, и что ненависть кореннаго населенія къ Французамъ и французскому владычеству уступаетъ мало-по-малу мѣсто примиренію съ совершившимся фактомъ и пониманію превосходства европейской цивилизаціи.

Арабо-французскихъ учебныхъ заведеній два рода: арабо-французскія школы и императорскія арабо-французскія гимназіи (collèges impériaux arabes-français).

Арабо-французскія школы имѣютъ главною цѣлію научить арабскихъ дѣтей французскому языку. Такія школы существовали, хотя въ весьма несовершенномъ видѣ, уже въ первые годы французскаго завладѣнія. Во французской арміи нашлись солдаты, которые, или изъ любви къ дѣлу, или отъ скуки, начали собирать Арабчатъ и учить ихъ говорить по-французски; нѣкоторые изъ такихъ учителей-диллетантовъ достигали, какъ говорятъ, довольно удовлетворительныхъ результатовъ. Эти импровизованныя школы не могли, конечно, не обратить на себя вниманія правительства, а успѣхъ нѣкоторыхъ изъ нихъ доказывалъ полезность и цѣлесообразность подобныхъ школъ. Декретомъ 14 іюля 1850 г. учреждено пять правительственныхъ арабо-французскихъ школъ въ важнѣйшихъ городахъ. Въ 1864 г. ихъ было 18, въ 1865 году — 27, въ 1866 г. — 31, а въ настоящее время ихъ считается 40. Каждая школа имѣетъ обыкновенно 2-хъ учителей, изъ которыхъ первый (directeur) долженъ быть Французъ, второй (maitre adjoint) — мусульманинъ; на этого послѣдняго возлагается первоначальное обученіе дѣтей французскому (механическому) чтенію, арабскій языкъ и преподаваніе религіи. Есть, впрочемъ, школы, въ которыхъ арабскій языкъ и религія преподаются особымъ лицомъ внѣ школы. Курсъ арабо-французскихъ школъ трехлѣтній; кромѣ французскаго и арабскаго языковъ и религіи, проходится ариѳметика (4 дѣйствія) и краткія свѣдѣнія изъ исторіи и географіи. Отсутствіе спеціально для Алжиріи составленныхъ учебниковъ составляетъ важное неудобство для арабо-французскихъ школъ. Въ книгахъ, составленныхъ для французскихъ дѣтей, мальчикъ Арабъ натыкается постоянно на такія слова и мысли, которыя совершенно чужды его понятіямъ. Я не говорю уже о религіозно-нравственныхъ сентенціяхъ, которыми часто бываютъ пересыпаны французскія книжки и которыя иногда вовсе несогласны съ требованіями мусульманской вѣры. Есть пока одна только книга, написанная спеціально для арабо-французскихъ школъ, это — «Первая книга для чтенія», Ларюэля (Premier livre de lecture à l'usage des jeunes indigènes de l'Algérie, par A. Laruelle. Alger. 1868. 2 édition). Книжка эта, составленная по той же методѣ, какъ и большинство французскихъ азбукъ, имѣетъ то важ-

ное достоинство, что слова и предложенія, въ ней находящіяся, не выходятъ изъ кругозора арабскихъ понятій: *arabe*, *Amina*, *mozabite*—вотъ первыя слова, которыя дѣти въ ней читаютъ, и вообще каждая строчка книги говоритъ о такихъ предметахъ, которые легко могутъ быть дѣтямъ показаны или объяснены. Однако, не смотря на то, книга эта употребляется для перваго обученія чтенію лишь въ малолюдныхъ школахъ, а въ большинствѣ случаевъ служитъ лишь, такъ сказать, второстепенною книгою. Дѣло въ томъ, что въ алжирскихъ, какъ и во всѣхъ французскихъ, школахъ при первоначальномъ обученіи чтенію существуетъ еще система мониторовъ, система «взаимнаго обученія», для которой необходимы стѣнныя таблицы. Таблицъ этихъ Ларюэлемъ не издано, и поэтому учителя пробавляются разными таблицами парижскаго изданія, которыя составлены, во всякомъ случаѣ, менѣе цѣлесообразно, чѣмъ книжка Ларюэля.

Обученіе французскому чтенію начинается съ первыхъ же дней школы: дѣти учатъ буквы, склады и т. д. по стѣннымъ таблицамъ. Рядомъ съ этимъ идетъ обученіе письму, нумерація и разговорный французскій языкъ. Ариѳметика начинается со втораго года; исторія и географія проходятся на третьемъ году; религія и арабскій языкъ преподаются ежедневно.

Самая интересная сторона арабо-французскихъ школъ—это, безъ сомнѣнія, знакомство дѣтей съ французскою рѣчью. Относительно того, какъ вести эти упражненія, существуютъ въ Алжиріи два совершенно противоположныя мнѣнія. Одни говорятъ: учителю нѣтъ необходимости знать арабскій языкъ; французскій языкъ долженъ быть языкомъ школы, начиная съ перваго дня. Другіе, напротивъ, требуютъ отъ учителя знанія арабскаго языка и употребленія его въ школѣ, по крайней мѣрѣ, въ первое время. Первое мнѣніе—мнѣніе большинства, поддерживаемое, между прочимъ, всею завѣдующею арабо-французскими школами военною администраціею. «Если учитель, говорятъ они, хорошо знакомъ съ арабскимъ языкомъ, онъ будетъ въ разговорѣ съ дѣтьми употреблять «его постоянно, и дѣти навѣрно будутъ слышать отъ него болѣе арабскихъ словъ, «чѣмъ французскихъ; тогда какъ учитель, поставленный въ невозможность говорить по-арабски, поневолѣ будетъ говорить съ дѣтьми цѣлый день по-французски, и принесетъ имъ несомнѣнно болѣе пользы, чѣмъ первый». Опасеніе это имѣетъ, можетъ быть, нѣкоторую долю основанія, и увлеченіе знаніемъ арабскаго языка, можетъ быть, дѣйствительно возможно (хотя ничего подобнаго я не встрѣчалъ); но нельзя же, однако, не принять во вниманіе тѣхъ неудобствъ, которыя долженъ испытывать на каждомъ шагу учитель, при совершенномъ незнаніи арабскаго языка. Не говоря уже о томъ, что въ такомъ случаѣ всякія непосредственныя сношенія съ родителями учениковъ дѣлаются положительно невозможными, ему придется и въ школѣ оставлять многое необъясненнымъ. Защитники абсолютно-французской системы говорятъ такъ: «показывая дѣтямъ

«различные предметы и называя ихъ, а также ихъ форму, цвѣтъ и другія качества; показывая наглядно разныя дѣйствія или состоянія; составляя изъ знакомыхъ словъ легкія предложенія: —учитель скоро ознакомитъ дѣтей со столькими французскими словами, что разговоръ съ ними будетъ не особенно труденъ». Все это прекрасно, но только до тѣхъ поръ, пока рѣчь идетъ о предметахъ, качествахъ и дѣйствіяхъ, которыя могутъ быть наглядно показаны; но что дѣлать незнакомому съ арабскимъ языкомъ учителю, когда ему приходится объяснить дѣтямъ какое-нибудь отвлеченное понятіе? И притомъ, какимъ образомъ можетъ онъ убѣдиться въ томъ, что дѣти дѣйствительно вѣрно поняли его? Не будетъ ли иногда теряться много времени на объясненіе тамъ, гдѣ было бы достаточно одного арабскаго слова? На всѣ эти вопросы партія абсолютно-французскаго языка отвѣчаетъ обыкновенно уклончиво. Вообще, сколько я могъ понять изъ разговора съ этими лицами, принципъ, ими защищаемый, не педагогическаго, а чисто административнаго происхожденія, и поддерживается онъ не ради педагогической своей стороны, а только по административной невозможности примѣнить въ настоящую минуту къ дѣлу противоположный принципъ. Дѣло въ томъ, что изъ Французовъ, хорошо знакомыхъ съ арабскимъ языкомъ, весьма немногіе согласятся теперь пойдти въ учителя: они могутъ сдѣлать себѣ гораздо лучшую карьеру, занимаясь по торговой части, или поступивъ въ переводчики при какомъ-либо административномъ учрежденіи. Существуетъ, правда, съ 1867 г., близь Алжира, учительская семинарія на 30 человѣкъ, въ которой преподается и арабскій языкъ; но можетъ ли быть достаточна такая маленькая семинарія для всѣхъ школъ Алжиріи (а она приготовляетъ учителей не исключительно для арабо-французскихъ школъ)? Правительство надѣялось при этомъ привлечь къ учительской дѣятельности Арабовъ, хорошо знающихъ французскій языкъ, и съ этою цѣлію постановило, что изъ 30 учениковъ семинаріи 10 должны быть мусульмане; но, какъ видно, и Арабы, хорошо владѣющіе двумя языками, не находятъ выгоднымъ идти въ учителя, такъ какъ въ семинаріи въ настоящее время вмѣсто 10-ти всего только 3 Араба. Семинарія эта не можетъ дать арабо-французскимъ школамъ хорошихъ, на практикѣ знакомыхъ съ дѣломъ учителей еще и потому, что устроена она въ такой мѣстности, гдѣ вовсе нѣтъ арабскаго населенія, такъ что въ элементарной школѣ, находящейся при ней и состоящей изъ 120 мальчиковъ, нѣтъ ни одного Араба. Всѣ эти обстоятельства заставляютъ выписывать для арабо-французскихъ школъ учителей изъ Франціи и не требовать знанія арабскаго языка. Мнѣ, къ сожалѣнію, неудалось, во время моего путешествія, встрѣтить ни одного совсѣмъ новаго учителя; но, судя по тѣмъ, которыхъ я видѣлъ, принципъ употребленія въ школѣ исключительно французскаго языка не слишкомъ строго примѣняется, и учителя прибѣгаютъ болѣе или менѣе часто къ помощи

мѣстнаго языка. Пока учитель самъ не научится еще достаточно хорошо говорить по-арабски, онъ или употребляетъ переводчиками тѣхъ мальчиковъ, которые лучше другихъ понимаютъ по-французски, или приготовляется къ уроку по лексикону *). Увлеченій арабскимъ языкомъ, какъ я сказалъ выше, я не замѣтилъ ни въ одной изъ видѣнныхъ мною арабо-французскихъ школъ; напротивъ, всѣ, безъ исключенія, учителя строго держатся правила: обходиться *по возможности* безъ пособія арабскаго языка.

Самый процессъ обученія французскому языку состоитъ въ слѣдующемъ: учитель показываетъ дѣтямъ, или въ дѣйствительности, или на картинкѣ, разные предметы: части тѣла, мебель, учебныя пособія и т. д., называетъ ихъ и заставляетъ дѣтей повторять французскія названія; разсматривается при этомъ форма, цвѣтъ и другія качества предмета; дѣти знакомятся также съ названіями различныхъ дѣйствій; учатъ названія дней, мѣсяцевъ и пр.; а для пріученія къ правильному произношенію, имъ даютъ иногда учить наизусть легкіе стихи или разговоры. Вообще, никакой строго-опредѣленной системы въ этомъ нѣтъ: каждый учитель ведетъ дѣло такъ, какъ ему кажется лучше, и пользуется всякимъ удобнымъ средствомъ сообщить дѣтямъ нѣсколько новыхъ французскихъ словъ. Результаты, достигаемые арабо-французскими школами, вполнѣ удовлетворительны; на третій годъ дѣти уже порядочно говорятъ, читаютъ и пишутъ по-французски, и въ объясненіяхъ на мѣстномъ языкѣ уже почти не встрѣчается надобности.

Желая болѣе сблизить арабскихъ дѣтей съ французскими и тѣмъ облегчить имъ усвоеніе французскаго языка, правительство разрѣшило допущеніе въ арабо-французскія школы и дѣтей Европейцевъ. Мѣра эта, однако, до сихъ поръ приноситъ еще очень мало пользы. Между Французомъ и Арабомъ еще слишкомъ много разницы, и дѣти этихъ двухъ націй рѣшительно не сходятся между собою; они не только не говорятъ, но даже не играютъ вмѣстѣ. Стоитъ только подойдти къ арабо-французской школѣ во время рекреаціи, чтобы въ этомъ убѣдиться: французскія дѣти затѣяли игру, бѣгаютъ, шумятъ, дерутся, а Арабчата остановились отдѣльной, болѣе спокойной группой, или усѣлись рядышкомъ на землѣ, вдоль стѣнки, и, согнувши колѣна, смотрятъ на играющихъ. Я замѣчалъ это явленіе не только въ школахъ, но и въ арабо-французскихъ гимназіяхъ. Главная причина этому лежитъ, конечно, въ различіи темпераментовъ: флегматическому Арабу трудно сойдтись съ бойкимъ Французомъ, такъ что присутствіе дѣтей Французовъ въ арабо-французскихъ школахъ не достигаетъ своей цѣли, и имъ было бы гораздо полезнѣе быть въ чисто-французской школѣ.

*) Правительствомъ изданы французо-арабскіе лексиконы и разговоры, гдѣ арабскія слова напечатаны французскими буквами.

(Я не говорю о тѣхъ дѣтяхъ испанскихъ или италіянскихъ поселенцевъ, которыя, кромѣ своего природнаго языка, никакого другаго не знаютъ.) Сидя на одной скамьѣ съ Арабами, французскія дѣти должны, конечно, подвигаться впередъ тѣмъ же медленнымъ шагомъ, какимъ подвигаются ихъ товарищи—Арабы. Успѣшно идутъ они только въ тѣхъ школахъ, гдѣ мусульмане уходятъ къ талебу на уроки религіи и арабскаго языка, и гдѣ учитель имѣетъ поэтому время заняться нѣсколько часовъ въ день одними Европейцами. Европейскія дѣти встрѣчаются, впрочемъ, не во всѣхъ арабо-французскихъ школахъ: есть нѣсколько школъ, въ которыхъ ихъ вовсе нѣтъ, въ другихъ ихъ весьма немного, и только въ четырехъ или пяти школахъ число Европейцевъ превышаетъ число туземцевъ. Къ концу 1866 г. общее число всѣхъ учениковъ въ арабо-французскихъ школахъ было слѣдующее: Европейцевъ 181, мусульманъ 923, Евреевъ 66, всего 1,170 дѣтей. Есть школы довольно многолюдныя (въ Тизи-Узу, напримѣръ, число учениковъ доходило въ 1867-мъ году до 108); другія, напротивъ, имѣютъ 10 и 12 учениковъ. Посѣщеніе учениками школы бываетъ часто весьма не аккуратно. Большинство арабскаго населенія еще недовѣрчиво смотритъ на эти школы. Арабы убѣждены были даже нѣкоторое время, что учащихся въ арабо-французскихъ школахъ правительство завербуетъ потомъ въ солдаты; теперь такое мнѣніе, кажется, разсѣялось. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ школы эти поддерживаются только при помощи авторитета военной власти: мѣстный военный начальникъ (онъ же и ближайшій начальникъ школы) долженъ бываетъ настойчиво убѣждать родителей посылать дѣтей въ школу. Многіе Арабы смотрятъ поэтому на отдачу дѣтей въ школу какъ на услугу, которую они оказываютъ французскому правительству. «Я отдалъ тебѣ моего «сына, говорятъ нѣкоторые изъ нихъ окружному начальнику, что же ты не «представляешь меня ко кресту»? Менѣе требовательные просятъ медалей. Это факты, которые разсказывалъ мнѣ одинъ изъ окружныхъ начальниковъ, и говорилъ, что такія притязанія бываютъ часто: одинъ требуетъ земли, другой креста, третій медали, и все это только за то, что онъ согласился отдать дѣтей своихъ въ школу. Когда дѣти окончатъ ученіе въ школѣ, Арабы являются съ новыми требованіями: «мой сынъ знаетъ теперь по-французски, дай ему мѣсто».

Арабо-французскія школы подчинены непосредственно военному начальству, а министерство народнаго просвѣщенія никакого отношенія къ нимъ не имѣетъ. Такое ненормальное положеніе не приноситъ однако школамъ никакого ущерба. Надо отдать справедливость алжирскимъ военнымъ властямъ: они не считаютъ школьное дѣло дѣломъ неважнымъ, а, напротивъ, принимаютъ въ немъ самое живое участіе. Подчиненіе арабо-французскихъ школъ военнымъ людямъ имѣетъ притомъ одну весьма важную выгоду. Арабы, какъ и вообще восточные народы, высоко цѣнятъ военную доблесть. Человѣкъ, готовый во всякую минү-

ту, съ саблей въ рукахъ, идти на битву, стоитъ въ ихъ глазахъ гораздо выше нашего брата, штатскаго. Это не боязнь, но уваженіе. Военный, особенно кавалеристъ,—это человѣкъ какъ слѣдуетъ, а штатскій, по мнѣнію Арабовъ, — чиновникъ, писарь, и больше ничего. На убѣжденія военнаго лица Арабъ согласится, изъ личнаго къ нему уваженія; гражданскому чину—это будетъ гораздо труднѣе. Передайте школы въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія, и онѣ пойдутъ хуже, или совсѣмъ закроются. Завѣдываніе арабо-французскими школами должно поэтому, для пользы дѣла, оставаться пока въ рукахъ военнаго вѣдомства. Для педагогической инспекціи этихъ школъ учреждена въ Алжиріи, съ 1863 года, должность «инспектора мусульманскихъ (т. е., арабскихъ и арабо-французскихъ) школъ», съ жалованьемъ въ 12 т. франковъ въ годъ. Къ сожалѣнію, должность эту занимаетъ теперь человѣкъ 72-хъ лѣтъ, которому путешествовать по Алжиріи, при отсутствіи желѣзныхъ дорогъ, весьма затруднительно. И, во всякомъ случаѣ, одинъ инспекторъ на всѣ школы—это слишкомъ мало. Всѣ свѣдѣнія объ арабо-французскихъ школахъ основываются поэтому только на отчетахъ окружныхъ начальниковъ. Отчеты эти составляются по особой формѣ каждые 4 мѣсяца, и посылаются чрезъ начальника провинціи (дивизіоннаго генерала) генералъ-губернатору. Для образца приведу отчетъ за послѣднюю треть 1868 г. о школѣ въ Тизи-Узу (въ Кабиліи).

1) *Чистота.—Дисциплина.* Классы содержатся всегда очень чисто; ученики по очереди метутъ и чистятъ классныя комнаты. Осмотръ чистоты (inspection de proprеté) производится ученикамъ каждое утро, и тѣхъ, которые приходятъ съ грязнымъ лицомъ или грязными руками, заставляютъ умыться; обращаютъ также вниманіе на то, чтобы платье было по возможности чисто. Награды, даваемыя ученикамъ, состоятъ всегда изъ предметовъ одежды. Строгая дисциплина постоянно поддерживается въ классахъ; дѣти кротки и послушны; къ строгимъ наказаніямъ приходится прибѣгать весьма рѣдко.

2) *Классификація учениковъ. Способности и усердіе директора.—Достигнутые результаты.*

1-й классъ	1-е отдѣленіе	27
	2-е »	12
2-й »	1-е »	9
	2-е »	9
3-й »	1-е »	8
	2-е »	6
	Всего. . .	71

Съ тѣхъ поръ, какъ родители, которые посылаютъ дѣтей въ школу, не могутъ болѣе ожидать никакой льготы, наборъ (recrutement) учениковъ дѣлается

очень затруднителенъ *). Мѣстные жители не очень чувствительны къ тѣмъ выгодамъ, которыя дѣти ихъ могутъ получить отъ образованія въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ; они желали бы чего нибудь болѣе непосредственнаго, болѣе немедленнаго (immédiat). Однако, не смотря на неблагопріятныя условія, въ которыхъ мы находимся сравнительно съ прошедшимъ, наличное число учениковъ еще достаточно велико, и школа держится въ очень хорошей обстановкѣ во всѣхъ отношеніяхъ. Директоръ и его помощники (два) усердны и ведутъ хорошо свое дѣло.—Результаты, которыхъ достигаетъ школа, весьма удовлетворительны.

3) *Нравственность и поведеніе директора.—Его отношенія къ властямъ, обществу и дѣтямъ.—Уваженіе, которымъ онъ пользуется.* Нравственность директора безупречна; онъ живетъ съ своимъ семействомъ уединенно въ самой деревнѣ, и съумѣлъ заслужить уваженіе и мусульманъ, и Европейцевъ. Отношенія его къ начальству очень хороши: онъ показываетъ себя всегда кроткимъ и почтительнымъ. Съ дѣтьми онъ ласковъ, терпѣливъ и дѣйствуетъ болѣе убѣжденіемъ, чѣмъ строгостью. Его сыновья много помогаютъ ему въ преподаваніи, исполняя обязанности мониторовъ. Его дочери устроили рукодѣльню, гдѣ учатъ шитью и вязанью до двадцати маленькихъ Кабилокъ; онѣ достигли уже весьма удовлетворительныхъ результатовъ и заслуживаютъ поощренія.

4) *Матеріальное состояніе школы.—Что предстоитъ исправить, или сдѣлать вновь.—Библіотека.—Садъ.* Матеріальное состояніе школы удовлетворительно. Предположено пристроить комнату для рукодѣльни. Земля, принадлежащая школѣ, была обработана немедленно послѣ первыхъ дождей; насажены фруктовыя деревья; директоръ знакомитъ, кромѣ того, дѣтей съ культурою тѣхъ овощей, которые полезно было бы ввести у мѣстныхъ жителей.

Мнѣ остается теперь сказать о стоимости каждой школы и объ источникахъ покрытія расхода. Содержаніе каждой арабо-французской школы обходится правительству (по смѣтѣ) среднимъ числомъ около 3,000 франковъ (750 р.). Директоръ получаетъ первое время 1,500, затѣмъ 1,800 и, наконецъ, 2,000 франковъ, помощникъ—1,000 франковъ, учебныя пособія —по 8 франк. на ученика, ремонтъ мебели—50 франк., отопленіе—100 франковъ; такъ что, считая жалованье директора въ 1,800 фран., а число учениковъ 30, получится итогъ расхода 3,200 франковъ. Съ дѣтей платы не взимается. Расходы по содержанію арабо-французскихъ школъ покрываются изъ особаго сбора, извѣстнаго подъ именемъ «*дополнительныхъ сантимовъ» (centimes additionels)*».

---

*) Прежде въ распоряженіи окружнаго начальника было нѣкоторое количество свободной земли, которую онъ раздавалъ Арабамъ, между прочимъ, и за отдачу дѣтей въ школу. Теперь такой земли больше нѣтъ.

Арабы платятъ правительству подати еще по турецкой системѣ: съ головы скота, съ плуга и съ фруктоваго дерева. На каждый франкъ такого налога они должны прибавлять еще 18 сантимовъ (т. е. 18 коп. на рубль) на дѣла общественной пользы. Изъ этихъ дополнительныхъ сантимовъ составляется весьма значительная сумма, изъ которой содержатся, между прочимъ, и арабо-французскія школы.

Арабо-французскія гимназіи (colléges impériaux arabes-français). Ихъ пока двѣ: одна въ Алжирѣ (основана въ 1858 г.), другая въ Константинѣ (основана въ 1867 г.); въ непродолжительномъ времени предполагается открыть еще третью — въ Оранѣ. Названіе «гимназіи» не совсѣмъ подходитъ къ этимъ заведеніямъ, такъ какъ полнаго гимназическаго курса въ нихъ не проходится. Курсъ арабо-французскихъ гимназій продолжается 8 лѣтъ; первые три класса называются *элементарными*, 4-ый—*приготовительнымъ* (переходнымъ) и, наконецъ, остальные четыре—*спеціальными*. Отъ поступающаго не требуется, по положенію, никакихъ познаній, такъ что, по утвержденной программѣ, воспитанники перваго класса учатся читать и писать по-французски. Однако, на дѣлѣ оказывается, что большинство дѣтей поступаетъ въ гимназіи по окончаніи курса въ арабо-французскихъ школахъ, такъ что учителямъ представляется возможность пройдти съ дѣтьми болѣе положеннаго программою курса. Вотъ эта программа.

1-й годъ.

Французскій языкъ. Упражненія въ разговорномъ языкѣ при помощи картинокъ. Буквы, склады и чтеніе по таблицамъ. Чтеніе словъ и цифръ, написанныхъ на классной доскѣ.

Письмо. Дѣти должны какъ можно скорѣе начать мелкое письмо, чтобы имѣть возможность списывать слова и фразы, которыя они учатъ.

Гимнастика. Элементарныя движенія.

NB. Учитель называетъ по-французски такіе предметы, которые можно показать, или въ дѣйствительности, или на картинкѣ. Слова эти повторяются всѣми учениками вмѣстѣ, а потомъ каждымъ отдѣльно. Когда дѣти будутъ знать довольно большое число словъ, ихъ упражняютъ въ составленіи простыхъ фразъ. Слѣдуетъ какъ можно ранѣе дать дѣтямъ учить глаголы *être* и *avoir* и нѣсколько глаголовъ 1-го спряженія.

2-й годъ.

Французскій языкъ. Чтеніе съ объясненіями. Диктовка, составленная изъ тѣхъ словъ и фразъ, которыя уже встрѣчались въ прочитанныхъ статьяхъ. Исправ-

ленiе продиктованнаго на классной доскѣ. Различныя упражненiя въ разговорѣ. Разсказъ объясненной статьи. Переписка начисто исправленной диктовки. Спряженiе (изустное и письменное) глаголовъ всѣхъ 4-хъ спряженiй.

Ариөметика. Таблица умноженiя. Упражненiя въ сложенiи, вычитанiи и умноженiи (изустно). Чтенiе чиселъ. Письмо чиселъ подъ диктовку на классной доскѣ.

Чистописанiе. Списыванiе обыденныхъ фразъ.

Пѣнiе. Гимнастика.

NB. Къ концу года ученики будутъ достаточно понимать французскiй языкъ и довольно хорошо писать, такъ что могутъ съ успѣхомъ приступить къ курсу слѣдующаго класса.

3-й годъ.

Французскiй языкъ. Диктовка и чтенiе, съ простыми объясненiями. Упражненiе въ разговорѣ.

Географiя. Черченiе карты Алжирской провинцiи. Краткiй очеркъ Алжирiи.

Ариөметика. Упражненiе въ счетѣ. Метрическая система.

Чистописанiе. Списыванiе писемъ, басень, простыхъ разсказовъ и т. п.

Пѣнiе. Гимнастика.

NB. Учитель не долженъ упускать изъ виду, что ученики его только что начинаютъ освоиваться съ французскимъ языкомъ. Онъ долженъ часто разговаривать съ ними и постоянно спрашивать, дабы убѣдиться, что они поняли объясненiя, которыя онъ имъ дѣлаетъ. Онъ долженъ вести свои уроки въ самыхъ простыхъ выраженiяхъ. Послѣ урока чтенiя, учитель долженъ объяснить словесно и на доскѣ, что называется именемъ существительнымъ, мѣстоименiемъ, нарѣчiемъ, и что разумѣютъ подъ десятью частями рѣчи; такимъ же образомъ учитель объясняетъ понятiе о родѣ, числѣ, времени и т. д... и онъ передастъ, въ такомъ случаѣ, своимъ ученикамъ все, что̀ имъ необходимо знать.

4-й годъ (приготовительный).

Французскiй языкъ. Диктовка и чтенiе, съ объясненiемъ прочитаннаго или продиктованнаго. Исправленiе продиктованнаго на классной доскѣ.

Арабскiй языкъ. Чтенiе, письмо, спряженiя, мѣстоименiя, первыя основанiя предложенiя (разговорный языкъ).

Исторiя Францiи, въ простыхъ разсказахъ.

Географiя. Черченiе карты и подробное изученiе Алжирiи.

Математика. Упражненіе въ счетѣ. Задачи, относящіяся къ метрической системѣ. Основанія планиметріи.

Естественная Исторія. Ученики пріучаются правильно смотрѣть на явленія природы; во время прогулокъ они собираютъ насѣкомыхъ, растенія и раковины. Нѣсколько уроковъ посвящается разсмотрѣнію и сортировкѣ этихъ маленькихъ коллекцій. Бесѣды о такихъ животныхъ, которыхъ ученики могутъ видѣть (лошадь, корова и т. п.); сравнительное изученіе двухъ или нѣсколькихъ животныхъ. Разсмотрѣніе растеній съ крупными цвѣтами, дико-растущихъ и общеупотребительныхъ; деревья. Наносы, пласты, окаменѣлости, происхожденіе источниковъ и рѣкъ, ледники, горячіе ключи, волканы, металлическія руды.

Чистописаніе. Пѣніе. Гимнастика.

NB. При поступленіи въ этотъ классъ, ученики довольно основательно знакомы съ французскимъ языкомъ. Они уже понимаютъ слова, попадающіяся въ чтеніи; объясненія касаются, главнымъ образомъ, оборотовъ рѣчи и идіотизмовъ. Учитель постарается вывести правила построенія фразы.

5-й годъ.

Французскій языкъ. Диктовка избранныхъ отрывковъ, историческихъ, нравственныхъ, миѳологическихъ, естество-историческихъ и пр. Объясненіе диктовокъ съ точки зрѣнія смысла и словъ; взаимная поправка диктовокъ учениками, пересмотръ этихъ поправокъ учителемъ. Чтеніе со смысломъ и ясностію. Изустное повтореніе объясненныхъ статей. Разборъ грамматическій и логическій.

Арабскій языкъ. Объясненіе главнѣйшихъ правилъ. Переводъ и анализъ небольшихъ статей. Списываніе и разсказъ этихъ статей.

Исторія. Разсказъ о важнѣйшихъ эпохахъ исторіи древней, греческой, римской и средней. Ознакомленіе съ извѣстными, выдающимися именами и событіями. Письменное изложеніе наиболѣе интересныхъ мѣстъ.

Географія. Пять частей свѣта. Подробное изученіе карты Европы. Упражненіе въ черченіи на классной доскѣ карты Европы, затѣмъ и остальныхъ частей свѣта, съ обозначеніемъ горъ, рѣкъ и главнѣйшихъ городовъ.

Математика. Все еще элементарное, но уже осмысленное изложеніе 4-хъ дѣйствій надъ числами цѣлыми и десятичными. Дроби. Метрическая система. Тройное правило и пр., пропорціи. Общеупотребительныя задачи. Планиметрія съ объясненіями (фигуры, о которыхъ упоминается въ этомъ курсѣ, приспособленномъ къ искусствамъ и промышленности, воспроизводятся при помощи линейки и циркуля въ классѣ линейнаго черченія).

Физика. Предварительныя физическія свѣдѣнія. Главнѣйшія свойства тѣлъ. Законъ Архимеда. Барометръ, воздушный насосъ, термометръ. Явленія статическаго электричества.

Естественная исторія. Позвоночныя. Важнѣйшія млекопитающія. Органы растеній: корень, стволъ и листья; цвѣтокъ, плодъ, сѣмя. Изученіе мѣстныхъ формацій и окаменѣлостей.

Счетоводство. Приготовительный курсъ бухгалтеріи. Практическія упражненія. Опредѣленіе понятій: торговля, мѣна, кредитъ, должникъ, кредиторъ, активъ, пассивъ и пр. Главныя торговыя операціи.

Чистописаніе. Списываніе правоученій (sentences), писемъ и фактуръ.

Рисованіе. Линейное черченіе и срисовка съ оригиналовъ.

Пѣніе. Гимнастика.

6-й годъ.

Французскій языкъ. Первоначальныя правила стилистики. Чтеніе, съ указаніемъ о приложеніи этихъ правилъ. Разсказы и письменныя изложенія суть главнѣйшія занятія въ этомъ году.

Арабскій языкъ. Правила письменной рѣчи. Спряженія. Объясненіе и разборъ отрывковъ изъ «Тысячи и одной ночи». Разсказъ прочитаннаго.

Исторія. Исторія Франціи и важнѣйшія событія новой исторіи до 1789 г. Краткіе конспекты служатъ вспомогательнымъ средствомъ и выучиваются наизусть.

Географія. Географія Франціи, земледѣльческая, промышленная, торговая и административная. Таблица ввоза и вывоза. Населеніе. Французскія колоніи и ихъ отношеніе къ метрополіи.

Математика. Торговая ариѳметика. Показать, что съ помощью буквъ и знаковъ можно упрощать счисленіе и обобщать дѣйствія: введеніе въ алгебру. Изображеніе плоскостей и линій съ помощью пробковыхъ планокъ и остроконечныхъ палочекъ; о плоскости; о цилиндрическихъ поверхностяхъ; о призмѣ; измѣренія. (Необходима коллекція деревянныхъ, картонныхъ и стеклянныхъ тѣлъ.) Рисованіе на доскѣ построенныхъ фигуръ.

Физика. Общія свойства вѣсомыхъ жидкостей. Теплота. Динамическое электричество. (При помощи опытовъ, безъ алгебраическихъ формулъ.)

Химія. Предварительныя понятія. Опыты (безъ вывода формулъ) надъ тѣлами однородными и составными, кислотами, щелочами, солями, надъ обращеніемъ въ жидкое и въ газообразное состояніе и надъ разложеніемъ тѣлъ.

Естественная Исторія. Птицы, пресмыкающіяся, рыбы, насѣкомыя, молюски, зоофиты и инфузоріи. Исторія жизни растеній, отношеніе растеній къ воздуху, почвѣ и водѣ. Изученіе полной системы земныхъ пластовъ; формаціи: сланцовая, каменноугольная и третичная.

Рисованіе (линейное и съ оригиналовъ).

Пѣніе. Гимнастика.

Годъ 7-й.

Ученіе о нравственности. Ученіе это имѣетъ цѣлію познакомить учениковъ съ тѣми обязанностями, которыя всѣ мы должны исполнять. Развитіе въ душѣ ихъ нравственнаго чувства и любви къ добру. Нравственныя обязанности относительно самого себя, общества и Бога; почтеніе къ родителямъ, любовь къ родинѣ и повиновеніе законамъ. (Одинъ часъ въ недѣлю).

Французскій языкъ. Повтореніе вкратцѣ правилъ стилистики. Упражненіе въ описаніи и разказѣ. Разностороннее изученіе какого-либо факта, при чемъ требуется прослѣдить послѣдовательность, обнять цѣлое и расположить ясно, правдиво и интересно всѣ подробности. Составленіе писемъ. Чтеніе отрывковъ изъ лучшихъ авторовъ и ученье ихъ наизусть.

Арабскій языкъ. Синтаксисъ. Переводъ и разборъ печатныхъ статей и рукописей. Диктовка писемъ.

Исторія Франціи съ 1789 г. Видоизмѣненіе прежняго общества и образованіе новой Франціи. Прогрессъ, осуществленный въ новѣйшія времена.

Торговая географія. Франція по отношенію къ другимъ странамъ. Въ этомъ курсѣ Франція остается всегда точкою отправленія и центромъ всемірной торговли. Объясненіе видовъ мѣны. Описаніе сырыхъ матеріаловъ и продуктовъ, наиболѣе извѣстныхъ. (Одинъ урокъ въ недѣлю).

Математика. Правила процентовъ, учета, товарищества и пр. Замѣна въ выводахъ цифръ буквами. Объясненіе словъ: формула, членъ, одночленныя и многочленныя величины, экспонентъ, коэффиціентъ. Построеніе фигуръ съ помощью планокъ съ шарнирами и заостренныхъ палочекъ. Воспроизведеніе тѣлъ въ пространствѣ. Первоначальныя свѣдѣнія о чертежахъ для плотничныхъ работъ. Разрѣзка камней. Опредѣленіе тѣней. Черченіе проэкцій куба, призмы и пирамиды. Изображеніе плоскости.

Химія. Металлоиды и щелочные металлы. Объясненіе состава тѣлъ съ помощью реакцій. Примѣненіе металлоидовъ къ промышленности. О металлахъ вообще. Соединенія наиболѣе употребительныя. О соляхъ. Щелочные металлы.

Рисованіе. Снимки съ моделей и гипсовыхъ фигуръ. Рисованіе геометрическихъ фигуръ и орнаментовъ.

Пѣніе. Гимнастика.

8-й годъ.

Французскій языкъ. Письма, донесенія. Простое и краткое изложеніе нравственныхъ истинъ о нѣкоторыхъ важныхъ историческихъ событіяхъ. Чтеніе классическихъ отрывковъ.

Исторія литературы. Каждый урокъ начинается біографіей какого-нибудь пи-

сателя. Оцѣнка главнѣйшихъ его произведенiй и чтенiе нѣкоторыхъ отрывковъ. Критическiй анализъ одного изъ читанныхъ отрывковъ.

Арабскiй языкъ. Повторенiе синтаксиса. Чтенiе рукописей, касающихся администрацiи или юрисдикцiи. Переводъ на арабскiй языкъ писемъ, циркуляровъ, актовъ, и пр.

Исторiя всеобщая съ 1789 г.

Географiя. Обозрѣнiе пяти частей свѣта и обстоятельное знакомство съ Францiею и Алжирiею.

Понятiе о гражданскихъ законахъ. Составленiе и обнародованiе законовъ. Уваженiе къ законамъ. Краткое понятiе объ административномъ и юридическомъ устройствѣ имперiи. Гражданство. Имущество. Гражданское судопроизводство. Учрежденiе присяжныхъ.

Математика. Продолженiе алгебры до уравненiй 2-й степени съ одной неизвѣстной включительно. Прямыя линiи и плоскости перпендикулярныя. Методъ совмѣщенiя плоскостей. Уголъ, образуемый двумя плоскостями. Вращательное движенiе вокругъ вертикальной оси. Пересѣченiе шара съ плоскостью и проч.

Механика. Предварительныя понятiя о движенiи и силахъ. О центрахъ тяжести и условiяхъ равновѣсiя тяжелыхъ тѣлъ. Различные роды движенiя. Измѣренiе механической работы. Спецiальное изученiе паровой машины, какъ примѣненiе механическихъ законовъ, уже объясненныхъ.

Космографiя. Исходной точкой служитъ восходъ и заходъ солнца, восходъ и заходъ луны и вообще суточное движенiе неба, что ведетъ къ познанiю круглоты земли и движенiя ея около своей оси. Законы, управляющiе движенiемъ свѣтилъ. Времена года. Фазы луны. Появленiе перiодическихъ кометъ. Затмѣнiя.

Физика. Акустика. Происхожденiе, распространенiе и числовое отношенiе звуковъ (безъ формулъ). Свѣтовой спектръ; фосфорическiй свѣтъ; зеркало; глазъ; зрѣнiе; телескопъ и очки.

Химiя. Металлы. Смѣшенiя. Фотографiя. Органическая химiя. Характеръ органическихъ кислотъ, наиболѣе часто употребляемыхъ. Сохраненiе дерева. Броженiе. Окрашиванiе пряжи. Сохраненiе животныхъ веществъ.

Естественная исторiя. Главныя физiологическiя явленiя. Органы дыханiя. Кровь, сердце. Пищеваренiе. Органы движенiя. Чувствительность. Классификацiя растенiй. Методъ естественный. Система Линнея. Изученiе общеупотребительныхъ растенiй. Ознакомленiе съ дѣйствующими волканами; горячiе ключи; артезiанскiе колодцы. Продукты волкановъ. Порфирныя массы. Кристаловидныя скалы. Указанiя на главнѣйшiя мѣсторожденiя металловъ.

Рисованiе. Животныя и цвѣты по гипсовымъ моделямъ. Упражненiя въ дѣланiи отъ руки эскизовъ.

Пѣнiе. Гимнастика.

Кромѣ мусульманъ, въ арабо-французскія гимназіи принимаются и Европейцы. Воспитанники-мусульмане всѣ живутъ въ заведеніи и отпускаются домой только на каникулы; имѣютъ однообразную національную форму. Европейцамъ дозволяется только посѣщеніе классовъ, но жить въ гимназіи они не могутъ; въ Константинской гимназіи, въ виду отдаленности ея отъ города, имъ дозволено также (съ платою 20 франковъ въ мѣсяцъ) пользоваться казеннымъ обѣдомъ. Гимназія въ Алжирѣ имѣетъ въ настоящее время 105 мусульманъ (болѣе не позволяетъ помѣщеніе) и 65 Европейцевъ-экстерновъ; въ Константинѣ—112 мусульманъ и 56 Европейцевъ (изъ нихъ 40 полупансіонеровъ). Постройка Константинской гимназіи еще не окончена, отдѣлана пока только одна половина; когда все будетъ готово, гимназія будетъ вмѣщать въ себѣ 300 мусульманъ (въ интернатѣ) и до 200 экстерновъ. Это будетъ обширное зданіе съ четырьмя куполами по угламъ и съ огромнымъ куполомъ въ срединѣ, подъ которымъ будетъ помѣщаться мечеть; три большихъ двора внутри, два такихъ же по сторонамъ (для гимнастики). Къ гимназіи принадлежитъ пустопорожнее мѣсто въ 12 гектаровъ, на которомъ разводится цѣлый паркъ. Самое мѣстоположеніе гимназіи, на горѣ, на краю крутаго, каменистаго обрыва,— восхитительно. Вообще, это будетъ одно изъ великолѣпнѣйшихъ зданій въ Алжиріи. Постройка его обойдется, какъ разсчитываютъ, въ 2 милліона франковъ; пока истрачено уже 1.400,000 франковъ.

Ежегодный расходъ на каждую гимназію слѣдующій: жалованье директору первое время 6,000 фр., потомъ 7,000 фр. и, наконецъ, 8,000 фр.; инспектору 2,000, 2,200 и 2,400 фр.; эконому и учителямъ наукъ 2,500, 3,000 и 3,500 фр.; репетиторамъ 1,200, 1,400 и 1,600 фр.; учителю рисованія 1,800 фр.; учителю чистописанія 1,600 фр.; имаму 1,000 фр.; доктору 600 фр.; учителю гимнастики 700 фр.; помощнику эконома (commis) 1,000, 1,200 и 1,500 фр. Содержаніе каждаго воспитанника обходится въ 800 франковъ въ годъ. Изъ воспитанниковъ бо́льшая часть содержится на казенный счетъ, другіе платятъ половину или четвертую часть вышеозначенной суммы, и только немногіе вносятъ всѣ 800 франковъ. Въ Алжирской гимназіи почти всѣ воспитанники принадлежатъ къ первой категоріи, но въ Константинѣ довольно много платящихъ учениковъ, такъ что общая сумма ихъ взносовъ равняется почти 15 т. фр. Всѣ расходы по Алжирской гимназіи составляютъ 115,000 франк. въ годъ.

По окончаніи курса нѣкоторые молодые люди отправляются во французскія военныя училища (St. Cyr, Saumur); иные поступаютъ въ Алжирскую медицинскую школу, другіе, наконецъ, опредѣляются на службу (бо́льшею частію переводчиками) въ какое либо административное учрежденіе. Французскимъ языкомъ владѣютъ они тогда почти въ совершенствѣ, такъ какъ въ гимназіи всѣ учителя и служители говорятъ только по-французски (съ арабскимъ язы-

комъ долженъ быть знакомъ только директоръ, для переговоровъ съ родителями).

Арабо-французскія гимназіи подчинены, какъ и школы, военному вѣдомству и содержатся на счетъ «дополнительныхъ сантимовъ».

Въ этомъ очеркѣ я представилъ возможно-полную картину того, что сдѣлано французскимъ правительствомъ для образованія мусульманъ. Въ виду возбужденнаго у насъ вопроса объ инородческихъ школахъ, знакомство съ подобными школами въ другихъ государствахъ представляется небезполезнымъ. Не безполезенъ будетъ, думаю, мой очеркъ и для нашей русской Алжиріи—Кавказа.

2007056062